

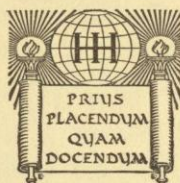
История мира от историков в двадцати пяти томах,
том 09. Италия

Генри Смит Уильямс

THE HISTORIANS'
HISTORY
OF THE WORLD

A comprehensive narrative of the rise and development of nations
as recorded by over two thousand of the great writers of
all ages: edited, with the assistance of a distinguished
board of advisers and contributors,
by

HENRY SMITH WILLIAMS, LL.D.

IN TWENTY-FIVE VOLUMES

VOLUME IX—ITALY

The Outlook Company
New York

The History Association
London

1905

Содержание

[ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ](#)

[Авторы и редакторы.](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ВВЕДЕНИЕ ОБЪЕМ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА](#)

[ТЕМНЫЕ ВЕКА](#)

[XI и XII ВЕКА](#)

[XIII ВЕК](#)

[XIV ВЕК](#)

[XV век](#)

[ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК](#)

[СЕДЕМНАДЦАТЫЙ И ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕКА](#)

[ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА I. ИТАЛИЯ В ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА](#)

[ВАРВАРСКИЕ ЗАХВАТЧИКИ](#)

[КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ](#)

[ИМПЕРИЯ И ПАПСТВО](#)

[РАЗЪЕДИНЕННЫЕ МУНИЦИПАЛИТЕТЫ](#)

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕНЕЦИИ](#)

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОЖЕСТВА](#)

[ВЕНЕЦИЯ В X ВЕКЕ](#)

[ПРОЦВЕТАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ](#)

[ДРУГИЕ МОРСКИЕ ГОРОДА](#)

[ЛОМБАРДСКИЕ ГОРОДА И ИХ СОЮЗНИКИ](#)

[ФЛОРЕНЦИЯ](#)

[Социальные условия](#)

[Муниципальные войны](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА II. ИМПЕРСКИЕ АГРЕССИИ XII ВЕКА](#)

[ФРЕДЕРИК БАРБАРОССА В ИТАЛИИ](#)

[Осада Кремы](#)

[СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ПАПЫ](#)

[ИМПЕРСКИЕ ПОХОДЫ И НЕВЗГОДЫ](#)

[ФРЕДЕРИК СНОВА АГРЕССИВЕН](#)

[БИТВА ПРИ ЛЕГНАНО; КОНСТАНЦИЙСКИЙ МИР](#)

[СМЕРТЬ ФРЕДЕРИКА; ЕГО ПРЕЕМНИК](#)

[РАСТУЩАЯ ВЛАСТЬ ДВОРСТВА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА III. НОРМАННЫ В СИЦИЛИИ](#)

[НОРМАННЫ ВО ФРАНЦИИ](#)

[НОРМАННЫ ПРИБЫВАЮТ В ИТАЛИЮ](#)

[ЗАХВАТ ПАПЫ; РОБЕРТ ГИСКАРД \(1053 г. н. э.\)](#)

[ЗАВОЕВАНИЕ СИЦИЛИИ; ВОСТОЧНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ \(1060-1090 гг. н. э.\)](#)

[РОЖЕР, ВЕЛИКИЙ ГРАФ СИЦИЛИИ \(1101-1138 гг. н. э.\)](#)

[РОЖЕР II \(1138-1154 гг.\)](#)

[УИЛЬЯМ ПЛОХОЙ \(IL MALO\) \(1154-1166 г. н. э.\)](#)

[ВИЛЬГЕЛЬМ ДОБРЫЙ \(1166-1189 гг. н. э.\)](#)

[НОРМАННСКОЕ ВЛИЯНИЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IV. ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК](#)

[ФРАКЦИИ В ФЛОРЕНЦИИ](#)

[ФРЕДЕРИК II КОРОНОВАН ИМПЕРАТОРОМ](#)

[ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЛОМБАРДСКОЙ ЛИГИ](#)

[ФРЕДЕРИК II И ЛОМБАРДСКАЯ ЛИГА](#)

[БИТВА ПРИ КОРТЕНУОВЕ](#)

[ПАПА ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА](#)

[ГВЕЛФЫ ИЗГНАНЫ ИЗ ФЛОРЕНЦИИ; БИТВА ПРИ ФОССАЛТЕ](#)

[СМЕРТЬ ФРЕДЕРИКА II: НАСЛЕДОВАНИЕ](#)

[ПАПА И ГОРОДА](#)

[ФЛОРЕНТИНСКИЕ ДЕЛА; ВОЗВРАЩЕНИЕ ГВЕЛФОВ](#)

[ФЛОРЕНЦИЯ И СИЕНА ВО ВОЙНЕ; БИТВА ПРИ МОНТАПЕРТИ](#)

[ТИРАН ЭЗЗЕЛИНО](#)

[НАЧАЛО ФЕОДАЛЬНОЙ ТИРАНИИ В ЛОМБАРДИИ](#)

[ПЕРЕННИАЛЬНЫЕ СТРАНИ ГВЕЛФОВ И ГИБЕЛИНОВ](#)

[ЧАРЛЬЗ Д'АНЖУ ЗАВОЕВЫВАЕТ СИЦИЛИЮ](#)

[ПАДЕНИЕ КОНРАДИНА; ГРИГОРИЙ X; ОТТО ВИСКОНТИ](#)

[УСПЕХИ ГИБЕЛИНОВ; СИЦИЛИЙСКАЯ ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА](#)

[СНИЖЕНИЕ ВЛИЯНИЯ КОРОЛЯ, ИМПЕРАТОРА И ПАПЫ](#)

[РЕСПУБЛИКА ПИЗА](#)

[Пиза, побежденная Генуей у Мелории](#)

Вероломство и падение Уголино

ФЛОРЕНЦИЯ; ВРАЖДА МЕЖДУ БЬЯНКИ И НЕРИ

Папа посылает Карла де Валуа в качестве посредника (1301 г. н. э.)

СНОСКИ

ГЛАВА V. СВОБОДНЫЕ ГОРОДА И ИМПЕРИЯ

ИМПЕРАТОР СНОВА В ИТАЛИИ

МИЛАНСКИЕ ВОСТОЖКИ; ГЕНУЯ И ВЕНЕЦИЯ ВО ВОЙНЕ

КОРОНАЦИЯ ГЕНРИХА И ЕГО ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ

СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ИМПЕРАТОРЫ; ЦЕРКОВНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

КАСТРУЧЧО КАСТРАКАНИ

ФЛОРЕНЦИЯ ПОД УГРОЗОЙ

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ АРМИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ РАЙМОНДА КАРДОНЫ

РАЙМОНД ВЫЖИДАЕТ

БРИЛЛИАНТНАЯ СТЫЧКА

БИТВА ПРИ АЛЬТОПАСЧО

КАСТРУЧЧО ДОБАВЛЯЕТ ИНСУЛЬТ К ТРАВМЕ

ФЛОРЕНЦИЯ В ОТЧАЯНИИ ВОЗЗЫВАЕТ К ГЕРЦОГУ КАЛАБРИИ

ЧАРЛЬЗ И ЕГО АРМИЯ

ГИБЕЛИНЫ ПРИЗЫВАЮТ ЛЮДВИГА БАВАРСКОГО

УСПЕХИ ГРАФА НОВЕЛЛО

ЛЮДВИГ ПРИБЫВАЕТ В ИТАЛИЮ

КАСТРУЧЧО ОТПРАВЛЯЕТСЯ В РИМ

НОВОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КАСТРУЧЧО; ЕГО ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ

ОЦЕНКИ КАСТРУЧЧО

ГЕРЦОГ КАЛАБРИИ УМИРАЕТ: ЛЮДОВИК УХОДИТ НА ПЕНСИЮ

КАН ГРАНДЕ ДЕЛЛА СКАЛА

ИОАНН БОГЕМСКИЙ ПРИБЫВАЕТ В ИТАЛИЮ

ЛУККА – ЯБЛОКО РАЗДРАЖЕНИЯ

ГЕРЦОГ АФИНСКИЙ СТАЛ ЗАЩИТНИКОМ ФЛОРЕНЦИИ

РАСТУЩАЯ НЕПОПУЛЯРНОСТЬ ГЕРЦОГА АФИНСКОГО

ГЕРЦОГ ИЗГНАН ИЗ ГОРОДА

ПОПЫТКИ РЕФОРМ

ВОЙНА ФРАКЦИЙ В ФЛОРЕНЦИИ

ВЕЛИКАЯ ЧУМА

РАССКАЗ БОККАЧЧО О ЧУМЕ В ФЛОРЕНЦИИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НЭПИЕРА О ЧУМЕ

СНОСКИ

ГЛАВА VI. АВАНГАРД РЕНЕССАНСА

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕЛОМ

УНИВЕРСИТЕТЫ И ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ НАУКА

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И НАРОДНЫЙ ЯЗЫК

МАСТЕР ПОЭЗИИ И ЕГО ТЕМА

Данте как человек

МЕНЬШЕИЗВЕСТНЫЕ СОВРЕМЕННОКИ ДАНТЕ

ПЕТРАРКА

РАННЯЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА

БОККАЧЧО

МЕНЬШЕИЗВЕСТНЫЕ СОВРЕМЕННОКИ ПЕТРАРКИ И БОККАЧЧО

ИСКУССТВО В XIII И XIV ВЕКАХ

Тосканская школа живописцев

Оценка Раскина башни Джотто

СНОСКИ

ГЛАВА VII. РИМ ПОД ВЛАСТЬЮ РИЕНЦИ

ВОЗНЕСЕНИЕ РИЕНЦИ

ЛОРД ЛИТТОН О РЕЧИ РИЕНЦИ

ОППОНЕНТЫ РИЕНЦИ; ЕГО ДРУЗЬЯ; ЕГО ПРОКЛАМАЦИИ

КАТАСТРОФА СЛЕДУЕТ ЗА ПОБЕДОЙ

АНАРХИЯ И ЮБИЛЕЙ В РИМЕ

РИЕНЦИ В ИЗГНАНИИ; ЕГО НОВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ; ЕГО СМЕРТЬ

СНОСКИ

ГЛАВА VIII. ДЕСПОТЫ И ТИРАНЫ XIV И XV ВЕКОВ

КОРОЛЕВСТВО НЕАПОЛЬ

Иоанна II

Альфонсо Великодушный

Фердинанд

ТИРАНЫ ЛОМБАРДИИ

Компании приключений

Флоренция под угрозой Висконти

Карл IV в Италии

«Война за освобождение»

Папский раскол

Джан Галеаццо Висконти

[Филиппо Мария Висконти](#)

[Дом Сфорца](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IX. МОРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ В XIV И XV ВЕКАХ](#)

[ДЕЛА ПИЗЫ И ГЕНУИ](#)

[Морские подвиги](#)

[ДЕЛА ВЕНЕЦИИ \[18\]](#)

[Заговор Тьеполо и Совет Десяти](#)

[История Марино Фалиери](#)

[Венецианские войны и завоевания](#)

[Победы Карманьолы](#)

[Смерть Фрескобальди; война закончилась и возобновилась](#)

[Великая морская битва на По](#)

[Восстание в Пизе; жестокая уловка Балдаччо](#)

[Падение Карманьолы](#)

[Венеция и турки](#)

[Правительство Венеции.](#)

[Два Фоскари](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА X. ТОРГОВЛЯ ВЕНЕЦИИ](#)

[ВЕНЕЦИЯ В ЛЕВАНТЕ](#)

[КОММЕРЧЕСКИЕ ПРЕДКИ ВЕНЕЦИАНЦЕВ](#)

[ВЕНЕЦИАНСКОЕ СТЕКЛО](#)

[ДРУГИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ](#)

[РАБОВОДСТВО](#)

[УПАДОК ВЕНЕЦИАНСКОЙ ТОРГОВЛИ](#)

[БАНК ВЕНЕЦИИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XI. ГИЛЬДИИ И СЕНИОРАТ В ФЛОРЕНЦИИ](#)

[СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В СЕРЕДИНЕ XIV ВЕКА](#)

[МАККИАВЕЛЬИ О ВОССТАНИИ ЧИОМПИ](#)

[Восемь «святых войны»](#)

[Насилие толпы](#)

[Микеле ди Ландо](#)

[Временный мир; возобновление восстаний](#)

[ГЛАВА XII. ФЛОРЕНЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МЕДИЧИ](#)

ВОЗНЕСЕНИЕ, ПАДЕНИЕ И ВЛАСТЬ КОСМО ДЕ МЕДИЧИ

Космо и возрождение науки

Последние годы Космо

Оценка Космо Роско

ПРЕЕМНИК КОСМО

СЫНОВЬЯ ПЬЕРО И ЗАГОВОРЫ

Заговор Пацци

ЛОРЕНЦО ВЕЛИЧАЙШИЙ У ВЛАСТИ

Флорентийцы разгромлены при Поджбонзи

Посольство Лоренцо в Неаполе

Мир с честью

Дальнейшие папские войны

ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ЖИЗНИ ЛОРЕНЦО

ОЦЕНКА ЛОРЕНЦО ВОН РЕУМОНТОМ

ГЛАВА XIII. АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО РЕНЕССАНСА

ИСКУССТВО XV ВЕКА

Оценка Вазари искусства XV века

Леонардо да Винчи

КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЭПОХА МИХАЛАНДЖЕЛО

Микеланджело как скульптор

РАФАЭЛЛО

Ариосто

Макиавелли

СНОСКИ

ГЛАВА XIV. «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ИТАЛИИ»

ЧАРЛЬЗ VIII; ЕГО АРМИЯ (1494 г. н. э.)

Карл VIII в Риме: современное описание

Карл отправляется в Неаполь

ФЛОРЕНТИНСКИЕ ДЕЛА; САВОНАРОЛА

ФРАНЦУЗЫ В МИЛАНЕ

ФРАНЦУЗЫ И ИСПАНЦЫ В НЕАПОЛЕ

СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ

ЛИГА КАМБРЕ

БИТВА ПРИ РАВЕННЕ

ЭПОХА ЛЕО X

[Битва при Мариньяно; Последние годы Лео](#)

[ПРЕЕМНИКИ ЛЕО; ФРАНЦИСК I И КАРЛ V](#)

[ЗАХВАТ И РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА](#)

[ПАДЕНИЕ ФЛОРЕНЦИИ](#)

[ГЛАВА XV. НАЧАЛО ЭПОХИ РАБСТВА](#)

[ОСАДА И ПАДЕНИЕ СИЕНЫ](#)

[ИТАЛЬЯНСКАЯ ОЦЕНКА ОТРЕЧЕНИЯ КАРЛА V](#)

[ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ; ДОГОВОР В КАТО-КАМБРЕЗИС](#)

[ИСПАНСКИЙ ОТЧЕТ О БИТВЕ ПРИ ЛЕПАНТО](#)

[ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ИТАЛИИ](#)

[ПАПА СИКСТ V; ФЕРДИНАНД, ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ ТОСКАНЫ](#)

[ПАПА КЛЕМЕНТ VIII \(1590-1605 гг. н. э.\)](#)

[ГЛАВА XVI. СТОЛЕТИЕ МРАКА](#)

[ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ](#)

[ГАЛИЛЕЙ И ЦЕРКОВЬ](#)

[ПРЕЕМНИКИ УРБАНА VIII](#)

[МЕНЬШИЕ КНЯЖЕСТВА](#)

[ТОСКАНА](#)

[ПЬЕДМОНТ И САВОЯ](#)

[ВЕНЕЦИЯ](#)

[Венецианские войны с турками](#)

[ГЛАВА XVII. ИТАЛИЯ В XVIII ВЕКЕ](#)

[ИТАЛИЯ В ИСПАНСКОЙ СЛЕДУЮЩЕЙ ВОЙНЕ](#)

[ВОЙНА ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА](#)

[ВОЙНА ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДИЕ](#)

[ВОЙНА ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ](#)

[СОРОК ЛЕТ «ВЯЛОГО МИРА» ДЛЯ РАЗДЕЛЕННОЙ ИТАЛИИ](#)

[КОРОЛЕВСТВО НЕАПОЛА И СИЦИЛИИ](#)

[ГОСУДАРСТВА ЦЕРКВИ](#)

[САРДИНСКОЕ ЦАРСТВО](#)

[ЧЕТЫРЕ РЕСПУБЛИКИ](#)

[МИЛАН И ТОСКАНА](#)

[Тосканская оценка Леопольда](#)

[ИТАЛИЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ](#)

[Время Французской Республики под властью Национального Конвента](#)

[Поход 1796 года и его последствия](#)

[Изгнание французов из Италии \(1798-1799 гг. н. э.\)](#)

[Бонапарт вновь завоевывает Италию](#)

[РАСТУЩЕЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XVIII. НАПОЛЕОНОВСКИЙ РЕЖИМ](#)

[КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ](#)

[НАПОЛЕОН ПРЕВРАЩАЕТ ИТАЛИЮ В КОРОЛЕВСТВО](#)

[КОРОЛЕВСТВО НЕАПОЛЬ И ПАПСТВО](#)

[ОСТРОВА СИЦИЛИЯ И САРДИНИЯ](#)

[ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА](#)

[ПАДЕНИЕ НАПОЛЕОНА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XIX. БЕСПОЛЕЗНЫЕ БОРЬБЫ](#)

[МАРРИОТТ О РЕСТАВРАЦИИ](#)

[ОШИБКИ МОНАРХИИ](#)

[ВОСТАНИЯ 1820-1821 ГОДОВ](#)

[РЕВОЛЮЦИИ 1831 ГОДА](#)

[САССОНЕ О МАЦЦИНИ И «МОЛОДОЙ ИТАЛИИ»](#)

[ОЦЕНКА МАЦЦИНИ ФИФФОМ](#)

[СИМОНДС О ПРОБЛЕМАХ И ЛИДЕРАХ](#)

[ПАПА ПИЙ IX И ЕГО ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XX. ОСВОБОЖДЕНИЕ ИТАЛИИ](#)

[ВОЙНА МЕЖДУ НЕАПОЛЕМ И СИЦИЛИЕЙ](#)

[ВОСТАНИЕ ПРОТИВ ПАПЫ; РИМ – РЕСПУБЛИКА](#)

[ФРАНЦУЗЫ ВОЗОБНОВЛЯЮТ ПАПСТВО](#)

[РЕВОЛЮЦИИ В ТОСКАНЕ И ДРУГГДЕ](#)

[ВОЙНА КАРЛА АЛЬБЕРТА С АВСТРИЕЙ](#)

[ЧАРЛЬЗ АЛЬБЕРТ ОТРЕКАЕТСЯ ОТ ПРЕСТОЛА: ВИКТОР ЭММАНУИЛ II СЛЕДУЕТ ЗА НИМ](#)

[ВЕНЕЦИЯ НЕ УДАЕТСЯ ПОЛУЧИТЬ СВОБОДУ](#)

[ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЛУИ НАПОЛЕОНА](#)

[АВСТРИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ: МАДЖЕНТА И СОЛФЕРИНО](#)

[ПАПСТВО ПРОТИВ ЕДИНСТВА](#)

[ГАРИБАЛЬДИ ИЗГНАЕТ БУРБОНОВ ИЗ СИЦИЛИИ](#)

[СМЕРТЬ КАВУРА И ВОССТАНИЕ ГАРИБАЛЬДИ](#)

[ФЛОРЕНЦИЯ СТАВИТСЯ СТОЛИЦЕЙ](#)

[ВОЙНА 1866 ГОДА И АННЕКСИЯ ВЕНЕЦИИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXI. ЗАВЕРШЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ](#)

[ВОСТАНИЕ ГАРИБАЛЬДИ](#)

[ФРАНЦУЗЫ СНОВА ВМЕШИВАЮТСЯ: МЕНТАНА, 31 ОКТЯБРЯ](#)

[ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РИМСКОГО ВОПРОСА](#)

[ПРОвозглашение непогрешимости папы \(1869 г. н. э.\)](#)

[РИМ ОТНЯТ У ПАПЫ \(1870 Г.\)](#)

[ПЛЕБИСЦИТ](#)

[РИМ СНОВА СТАЛ СТОЛИЦЕЙ ИТАЛИИ \(1871 Г.\)](#)

[МИНИСТЕРСТВО МИНГЕТТИ \(1873-1876 г. н. э.\)](#)

[СМЕРТЬ ВИКТОРА ЭММАНУИЛА И ПИЯ IX](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXII. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ](#)

[ИРРЕДЕНТИЗМ, ТРОЙСТВО И «ТРАСФОРМИЗМ»](#)

[ВЛАСТЬ КРИСПИ](#)

[СМЕРТЬ КОРОЛЯ ГУМБЕРТА, КРИСПИ И ЛЕО XIII](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Тёмные века](#)

[Глава II. Имперские агрессии XII века](#)

[Глава III. Норманны в Сицилии](#)

[Глава IV. XIII век](#)

[Глава V. Свободные города и империя \(первая половина XIV века\)](#)

[Глава VI. Авангард Ренессанса](#)

[Глава VII. Рим под властью Ренци](#)

[Глава VIII. Деспоты и тираны XIV и XV веков](#)

[Глава IX. Морские республики XIV и XV веков](#)

[Глава X. Торговля Венеции](#)

[Глава XI. Гильдии и сеньория во Флоренции](#)

[Глава XII. Флоренция под властью Медичи](#)

[Глава XIII. Аспекты культуры Возрождения](#)

[Глава XIV. «Последний день Италии»](#)

[Глава XV. Начало эпохи рабства](#)

[Глава XVI. Век мрака](#)

[Глава XVII. Восемнадцатый век](#)

[Глава XVIII. Наполеоновский режим \(1800-1815 гг. н. э.\)](#)

[Глава XIX. Бесплодные борьбы \(1815-1847 гг. н. э.\)](#)

[Глава XX. Освобождение Италии \(1848-1866 гг. н. э.\)](#)

[Глава XXI. Завершение объединения Италии \(1867-1878 гг. н. э.\)](#)

[Глава XXII. 1878-1903](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ](#)

[ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ИТАЛИИ](#)

[СЕВЕРНЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА И РЕСПУБЛИКИ](#)

[ОТ ПАДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ ДО XI ВЕКА \(476-1000 гг. н. э.\)](#)

[XI ВЕК](#)

[Двенадцатый век](#)

[ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК](#)

[XIV век](#)

[ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК](#)

[ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК](#)

[СЕДЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК](#)

[XVIII век](#)

[ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК](#)

[КОРОЛЕВСТВО ДВУХ СИЦИЛИЙ](#)

[Гогенштауфены \(1198-1266 гг. н. э.\)](#)

[Дом Анжу \(1266-1282 гг. н. э.\)](#)

[ПЕРВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА](#)

[ВТОРОЙ СОЮЗ \(1435-1458 гг. н. э.\)](#)

[ВТОРОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ](#)

[ТРЕТЬЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ](#)

[ТРЕТЬЕ РАЗДЕЛЕНИЕ \(1713-1720 гг. н. э.\)](#)

[ЧЕТВЕРТОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ \(1720-1806 гг. н. э.\)](#)

[ЧЕТВЕРТОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ](#)

[ПЯТОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Проекта Гутенберга «История мира в двадцати пяти томах», том 09

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История мира в двадцати пяти томах, том 09

Италия

Редактор: Генри Смит Уильямс

Дата выпуска: 16 июля 2023 г. [Электронная книга № 71209]

Язык: английский

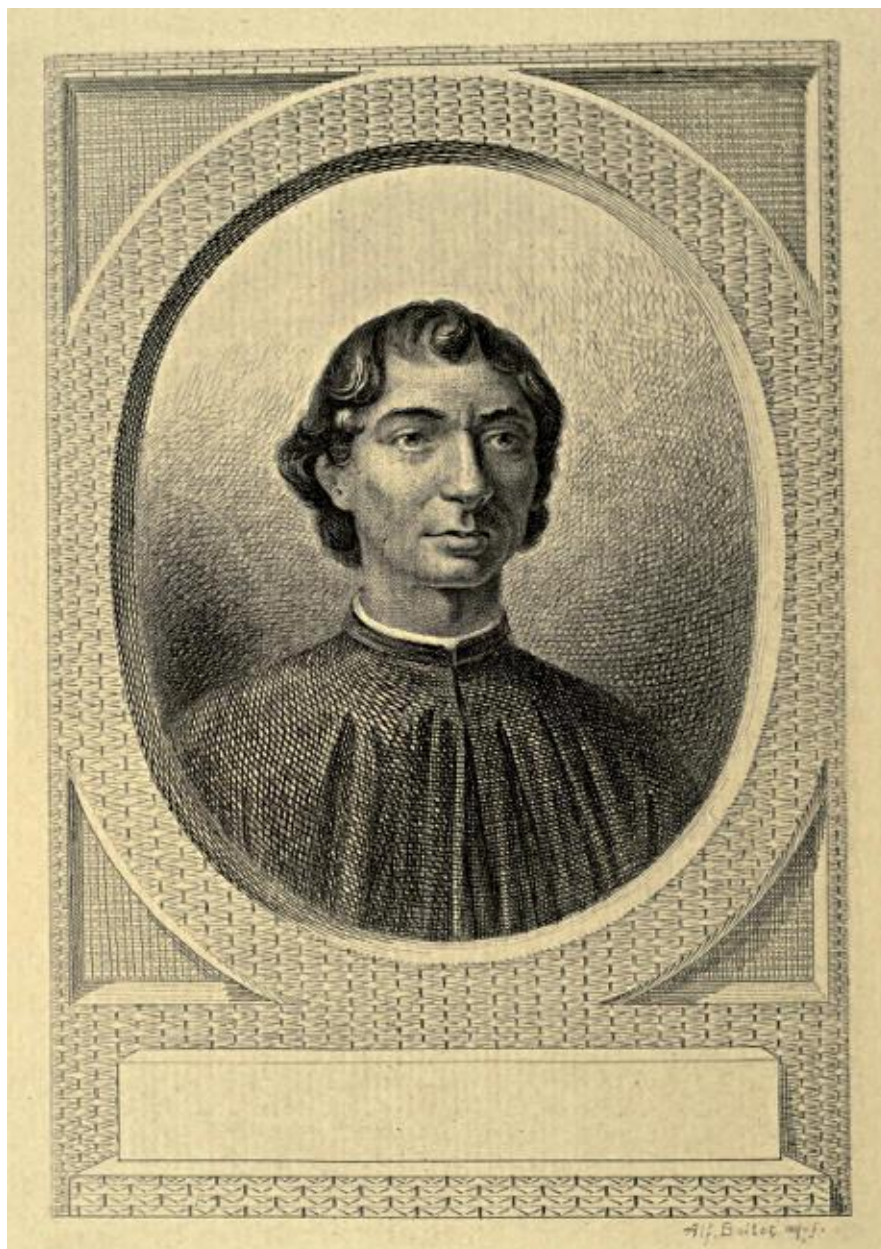
Оригинальное издание: США: The Outlook Company, 1905

Благодарности: Дэвид Эдвардс и команда онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МИРА В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ, ТОМ 09» ***

Примечание транскрибатора: в результате редакционных недочетов в оригинале некоторые ссылки в тексте не имеют соответствующих записей в списках ссылок и наоборот.

ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ

МАККИАВЕЛЛИ

ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ

Всеобъемлющее повествование о возникновении и развитии наций, записанное более чем двумя тысячами великих писателей всех веков: под редакцией, при содействии выдающегося совета консультантов и авторов, ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМСОМ, доктором юридических наук.

В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ IX — ИТАЛИЯ

The Outlook Company
Нью-Йорк

The Историческая ассоциация
Лондон
1905

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904,
АВТОР: ХЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

Издательство J. J. Little & Co.
Нью-Йорк, США

Авторы и редакторы.

Проф. Адольф Эрман, Берлинский университет.

Проф. Жозеф Алеви, Коллеж де Франс.

Проф. Томас К. Чейн, Оксфордский университет.

Проф. Эндрю К. МакЛафлин, Мичиганский университет.

Проф. Дэвид Х. Мюллер, Венский университет.

Проф. Альфред Рамбо, Парижский университет.

Капитан Ф. Бринкли, Токио.

Проф. Эдуард Мейер, Берлинский университет.

Д-р Джеймс Т. Шотвелл, Колумбийский университет.

Проф. Теодор Нёльдеке, Страсбургский университет.

Проф. Альберт Б. Харт, Гарвардский университет.

Д-р Пол Броннле, Королевское азиатское общество.

Д-р Джеймс Гэйрднер, С.В., Лондон.

Проф. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, Берлинский университет.

Проф. Х. Марцали, Будапештский университет.

Д-р Г. В. Ботсфорд, Колумбийский университет.

Проф. Юлиус Веллхаузен, Гёттингенский университет.

Проф. Франц Р. фон Кронес, Университет Граца.

Проф. Вильгельм Солтау, Университет Заберна.

Проф. Р. В. Роджерс, Теологическая семинария Дрю.

Проф. А. Вамбери, Будапештский университет.

Проф. Отто Хиршфельд, Берлинский университет.

Д-р Фредерик Робертсон Джонс, Колледж Брин Моур.

Барон Барнардо ди Сан Северино Кваранта, Лондон.

Д-р Джон П. Питерс, Нью-Йорк.

Проф. Адольф Харнак, Берлинский университет.

Д-р С. Раппопорт, Школа восточных языков, Париж.

Проф. Герман Дильс, Берлинский университет.

Проф. К. В. К. Оман, Оксфордский университет.

Проф. И. Гольдзихер, Венский университет.

Проф. В. Л. Флеминг, Университет Западной Вирджинии.

Проф. Р. Козер, Берлинский университет.

ЧАСТЬ XIV

ИСТОРИЯ ИТАЛИИ

Основана главным образом на следующих источниках

ФРАНЧЕСКО БЕРТОЛИНИ, ДЖ. БУРКХАРДТ, ПЬЕР АНТУАН ДАРУ, С. АСТЛИ ДАНХЭМ, Ф. ГУИЧЧАРДИНИ, В. К. ХАЗЛИТТ, ГЕЙНРИХ ЛЕО, МАКИАВЕЛЛИ, Ф. А. МИГНЕТ, Х. Э. НЭПИР, ЛОРЕНЦО ПИГНОТТИ, А. ВОН РЕУМОНТ, УИЛЬЯМ РОСКО, Ж. К. Л. С. ДЕ СИЗМОНДИ, Ж. А. СИМОНДС

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

АДЕМАР, АММИРАТО, АНАФЕСТО, ГУГЛИЕЛЬМУС АПУЛИЕНСИС, АНЖЕЛО МАРИЯ БАНДИНИ, КАРЛО БОТТА, ФЛАВИЙ БЛОНДУС, БОККАЧЧО, ПОГГИО БРАЧЧОЛИНИ, Х. Б. БРИГГС, ЛИТТОН Э. Г. БУЛВЕР, Бурхард (или Бурхардус), Исаак Батт, Каффаро, Каппони, Джованни де Кастро, Бенвенуто Челлини, КАРЛО ЧИПОЛЛА, АННА КОМНЕНА, РОБЕРТ КОМИН, АНТОНИО КОСЧИ, АНДРЕА ДАНДОЛО, ДАНТЕ, КАРЛО ДЕНИНА, Г. Б. ДЕППИНГ, ДАФФИ, ХУГО ФАЛКАНДУС, ФИЧИНО, ФЛОДОАРДУС, УБЕРТУС ФОЛИЕТА, Э. А. ФРИМАН, ГАЛИЛЕО, ГЕБХАРДТ, Э. ГИББОН, П. Л. ГИНГУЭН, ДЖОВАННИ ДИАКОНО, ГЕНРИ ХАЛЛАМ, В. ХЕЙД, КАРЛ ХИЛЛЕБРАНД, УИЛЬЯМ ХАНТ, Ж. ЛАБАРТ, М. ЛАФУЭНТЕ, РИКОРДАНО МАЛСПИНА, ГОФРЕД МАЛАТЕРРА, МЕМУАРЫ БАЙАРДА, ДЖУЗЕППЕ МОНТАНЕЛЛИ, Э. МЮНЦ, МУРАТОРИ, Ф. Т. ПЕРРЕНС, ПЕТРАРКА, ДЖОВАННИ ПОНТАНО, В. Х. ПРЕСКОТТ, Э. ПРОКТОР, Э. КВИНЕТ, Ж. РЕНАШ, В. РОБЕРТСОН, Т. ДЕ РОССИ, ДЖОН РАСКИН, УИЛЬЯМ СПАЛДИНГ, ОТТОБОН СКРИБА, СКРИБА, МАРЧИРИУС И БАРТОЛОМЕУС, СВ. МАРК, Г. СТЕЛЛА, ТЕГРИНИ, Г. Б. ТЕСТА, ТРАВЕРСАРИ, ДЖОРДЖО ВАСАРИ, Г. ВИЛЛАНИ, М. ВИЛЛАНИ, П. ВИЛЛАРИ, Ф. М. А. ВОЛТЕР, УИЛЬЯМ ВХУЭЛЛ, ЖЮЛЬ ЗЕЛЛЕР

COPYRIGHT, 1904,

АВТОР: ХЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ IX

ИТАЛИЯ

СТРАНИЦА

ВВЕДЕНИЕ. ОБЪЕМ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИИ: ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	1
---	-------------------

ГЛАВА I

ИТАЛИЯ В ТЕМНЫЕ ВЕКА (476 г. н. э. — 1100 г. н. э.)	15
---	--------------------

Вторжение варваров, [17](#). Карл Великий и его преемники, [18](#). Империя и папство, [21](#). Разрозненные муниципалитеты, [22](#). Происхождение Венеции, [24](#). (Возникновение дожества,) [27](#). Венеция в X веке, [28](#). Процветание и политические реформы, [32](#). Другие морские города, [35](#). Ломбардские города и их союзники, [36](#). Флоренция, [39](#). Социальные условия, [40](#). Муниципальные войны, [41](#).

ГЛАВА II

ИМПЕРСКИЕ АГРЕССИИ XII ВЕКА (1152-1200 гг. н. э.)	45
---	--------------------

Фридрих Барбаросса в Италии, [45](#). (Осада Кремы,) [50](#). Соперничающие папы, [53](#). Имперские кампании и поражения, [54](#). Фридрих снова агрессивен, [57](#). Битва при Легнано; мир в Констанце, [58](#). Смерть Фридриха; его преемник, [60](#). Растущая мощь дворянства, [61](#).

ГЛАВА III

НОРМАННЫ НА СИЦИЛИИ (787-1204 гг. н. э.)	63
--	--------------------

Норманны во Франции, [65](#). Норманны приходят в Италию, [68](#). Пленение папы; Роберт Гвискар, [69](#). Завоевание Сицилии; Восточные вторжения, [72](#). (Роджер, великий граф Сицилии,) [76](#). (Роджер II,) [77](#). (Вильгельм Злой) *il Malo* (,) [81](#). (Вильгельм Добрый,) [81](#). (Норманнское влияние,) [83](#). (

ГЛАВА IV

XIII ВЕК	85
--------------------------	--------------------

Фракции во Флоренции, [87](#). Фридрих II коронован императором, [90](#). Возобновление Ломбардской лиги, [91](#). Фридрих II и Ломбардская лига, [92](#). Битва при Кортенуове, [93](#). Папа против императора,

[94](#). Гвельфыизгнан из Флоренции; битва(при Фоссальте,) [97](#) [\(](#) [Смерть Фридриха II: преемственность,](#) [98](#) [\(](#) [Папа и города,](#) [99](#) [\(](#) [Флорентийские дела; возвращение гвельфов,](#) [101](#) [\(](#) [Флоренция и Сиена в состоянии войны; битва при Монтаперти,](#) [102](#) [\(](#) [Тиран Эззелино,](#) [104](#) [\(](#) [Начало феодальной тирании в Ломбардии,](#) [106](#) [\(](#) [Вечная борьба гвельфов и гибеллинов,](#) [108](#) [\(](#) [Карл Анжуйский завоевывает Сицилию,](#) [109](#) [\(](#) [Падение Конрадина; Григорий X; Отто Висконти,](#) [110](#) [\(](#) [Успехи гибеллинов; Сицилийская вечерня,](#) [112](#) [\(](#) [Угасающее влияние короля, императора и папы,](#) [114](#) [\(](#) [Республика Пиза,](#) [115](#) [\(](#) [Пиза, разгромленная Генуей у Мелори,](#) [116](#) [\(](#) [Вероломство и падение Уголино,](#) [117](#) [\(](#) [Флоренция; вражда между Бьянки и Нери,](#) [118](#) [\(](#) [Папа посылает Карла Валуа в качестве посредника,](#) [121](#) [\(](#) [\)](#)

ГЛАВА V

[СВОБОДНЫЕ ГОРОДА И ИМПЕРИЯ \(1300-1350 гг. н. э.\)](#) [124](#)

Император снова в Италии, [126](#). Миланские мятежи; война между Генуей и Венецией, [128](#). Коронация Генриха и его внезапная смерть, [130](#). Соперничающие императоры; церковные разногласия, [131](#). Каструччо Кастракани, [133](#). Угроза Флоренции, [135](#) [\(](#) [Флорентийская армия под командованием Раймонда де Кардона,](#) [137](#) [\(](#) [Раймонд выжидает,](#) [139](#) [\(](#) [Блестящая стычка,](#) [140](#) [\(](#) [Битва при Альтпашио,](#) [141](#) [\(](#) [Каструччо добавляет оскорбление к травме,](#) [143](#) [\(](#) [Флоренция в отчаянии призывает герцога Калабрии,](#) [144](#) [\(](#) [Карл и его армия,](#) [145](#) [\(](#) [Гибеллины призывают Людвига Баварского,](#) [147](#) [\(](#) [Успехи графа Ново,](#) [148](#) [\(](#) [Людвиг прибывает в Италию,](#) [149](#) [\(](#) [Каструччо отправляется в Рим,](#) [150](#) [\(](#) [Новое завоевание Каструччо; его внезапная смерть,](#) [152](#) [\(](#) [Оценки Каструччо,](#) [153](#) [\(](#) [Умирает герцог Калабрии; Людвиг уходит в отставку,](#) [155](#) [\(](#) [Кан Гранде Делла Скала,](#) [155](#) [\(](#) [Иоанн Богемский приезжает в Италию,](#) [156](#) [\(](#) [Лукка — яблоко раздора,](#) [158](#) [\(](#) [Герцог Афинский становится защитником Флоренции,](#) [162](#) [\(](#) [Растущая непопулярность герцога Афинского,](#) [164](#) [\(](#) [Герцог изгнан из города,](#) [165](#) [\(](#) [Попытки реформ,](#) [167](#) [\(](#) [Война фракций во Флоренции,](#) [169](#) [\(](#) [Великая чума,](#) [171](#) [\(](#) [Рассказ Боккаччо о чуме во Флоренции,](#) [173](#) [\(](#) [Размышления Нейпера о чуме,](#) [176](#) [\(](#) [\)](#)

ГЛАВА VI

[АВАНГАРД РЕНЕССАНСА \(около 1250-1400 гг. н. э.\)](#) [178](#)

Европейская культура в целом, [181](#). Университеты и зарождающаяся наука, [183](#). Латынь и народный язык, [184](#). Великий поэт и его тема, [186](#). Данте как человек, [187](#). Менее известные современники Данте, [190](#). Петрарка, [191](#) [\(](#) [Ранняя итальянская проза,](#) [194](#) [\(](#) [Боккаччо,](#) [198](#) [\(](#) [Менее известные современники Петрарки и Боккаччо,](#) [202](#) [\(](#) [Искусство в XIII и XIV веках,](#) [203](#) [\(](#) [Тосканская школа живописцев,](#) [207](#) [\(](#) [Оценка Раскина башни Джотто,](#) [209](#) [\(](#) [\)](#)

ГЛАВА VII

[РИМ ПОД ВЛАСТЬЮ РЕНЦИ \(1347-1354 гг. н. э.\)](#) [211](#)

Возвышение Рьенци, [213](#). Лорд Литтон о речи Рьенци, [216](#). Противники Рьенци; его друзья; его прокламации, [218](#). За победой следует катастрофа, [220](#) [\(](#) [Анархия и ликование в Риме,](#) [223](#) [\(](#) [Рьенци в изгнании; его новая возможность; его смерть,](#) [224](#) [\(](#) [\)](#)

ГЛАВА VIII

[ДЕСПОТЫ И ТИРАНЫ XIV И XV ВЕКОВ \(около 1309–1496 гг. н. э.\)](#) [230](#)

Королевство Неаполь, [231](#). Джоанна II, [234](#). Альфонсо Великодушный, [237](#). Фердинанд, [238](#). Тираны Ломбардии, [240](#). Компании авантюристов, [241](#). Флоренция под угрозой Висконти, [243](#). Карл IV в Италии, [244](#) [\(](#) [«Война за освобождение»,](#) [248](#) [\(](#) [Папский раскол,](#) [249](#) [\(](#) [Джан Галеаццо Висконти,](#) [251](#) [\(](#) [Филиппо Мария Висконти,](#) [257](#) [\(](#) [Дом Сфорца,](#) [258](#) [\(](#) [\)](#)

ГЛАВА IX

[МОРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ В XIV И XV ВЕКАХ](#) [261](#)

Дела Пизы и Генуи, [261](#). Морские подвиги, [266](#). Дела Венеции, [269](#). Заговор Тьеполо и Совет Десяти, [272](#). История Марино Фалиери, [273](#). Венецианские войны и завоевания, [275](#). Победы Карманьёлы, [279](#). Смерть Фрескобальди; война закончилась и возобновилась, [284](#). Великая морская битва на По, [286](#). Восстание Пизы; жестокая уловка Балдаччо, [288](#)(. Падение Карманьёлы,) [289](#). Венеция и турки, [293](#). Правительство Венеции, [297](#). Два Фоскари, [301](#).

ГЛАВА X

[Торговля Венеции](#) [303](#)

(Венеция в Леванте,) [308](#). Коммерческие предки венецианцев, [310](#). Венецианское стекло, [315](#). Другие виды производства, [318](#). Рабский торговля, [319](#). Упадок венецианской торговли, [323](#). Банк Венеции, [324](#).

ГЛАВА XI

[Гильдии и сеньория во Флоренции \(1350-1400 гг. н. э.\)](#) [326](#)

Социальные потрясения середины XIV века, [327](#). Рассказ Макиавелли о восстании Чомпи, [331](#)(. Восемь «святых войны».) [333](#). Насилие толпы, [336](#). Микеле ди Ландо, [340](#). Временный мир; возобновление восстаний, [343](#).

ГЛАВА XII

[Флоренция под властью Медичи \(1434-1492 гг. н. э.\)](#) [349](#)

Возвышение, неудачи и власть Космо де Медичи, [350](#). Космо и возрождение науки, [353](#). Последние годы Космо, [356](#). Оценка Космо Роско, [359](#). Преемник Космо, [361](#). Сыновья Пьеро и заговоры, [363](#). Заговор Пацци, [365](#). Лоренцо Великолепный у власти, [370](#)(. Флорентийцы разгромлены при Поджбонзи,) [373](#). Посольство Лоренцо в Неаполе, [375](#). Мир с честью, [376](#). Дальнейшие папские войны, [379](#). Последние годы Лоренцо, [386](#). Оценка Лоренцо фон Роймонтом, [388](#).

ГЛАВА XIII

[Аспекты культуры позднего Возрождения](#) [391](#)

Искусство XV века, [392](#). Оценка Вазари искусства XV века, [393](#). Леонардо да Винчи, [395](#)(. Конец средневековой эпохи,) [398](#). Эпоха Микеланджело, [399](#). Микеланджело как скульптор, [402](#). Рафаэль, [403](#). Ариосто, [405](#). Макиавелли, [406](#).

ГЛАВА XIV

[«Последний день Италии» \(1494–1530 гг. н. э.\)](#) [408](#)

Карл VIII; его армия, [412](#). Карл VIII в Риме; современное описание, [414](#). Карл отправляется в Неаполь, [420](#). Флорентийские дела; Савонарола, [421](#). Французы в Милане, [424](#). Французы и испанцы в Неаполе, [428](#). Северная Италия, [429](#). Лига Камбре, [432](#). Битва при Равенне, [435](#). Эпоха Льва X, [439](#). Битва при Мариньяно; последние годы Льва, [441](#). Преемники Льва; Франциск I и Карл V, [447](#). Захват и разграбление Рима, [452](#). Падение Флоренции, [458](#).

ГЛАВА XV

[Начало эпохи рабства \(1530-1600 гг. н. э.\)](#)

463

Осада и падение Сиены, [464](#). Итальянская оценка отречения Карла V, [467](#). Возобновление военных действий; Като-Камбрезийский договор, [468](#). Испанский отчет о битве при Лепанто, [473](#).
Общее положение в Италии, [477](#). Папа Сикст V; Фердинанд, великий герцог Тосканский, [478](#). Папа Климент VIII, [481](#).

ГЛАВА XVI

[Век мрака \(1601-1700 гг. н. э.\)](#)

484

Общие условия, [485](#). Галилео и церковь, [493](#). Преемники Урбана VIII, [495](#). Меньшие княжества, [498](#). Тоскана, [501](#). Пьемонт и Савойя, [502](#). Венеция, [511](#). Венецианские войны с турками, [518](#).

ГЛАВА XVII

[Италия в XVIII веке \(1701-1800 гг. н. э.\)](#)

524

Италия в войне за испанское наследство, [528](#). Война Четырехстороннего союза, [530](#). Война за польское наследство, [532](#). Война за австрийское наследство, [534](#). Сорок лет «вялого мира» для разделенной Италии, [536](#). Королевство Неаполь и Сицилия, [537](#). Государства церкви, [538](#). Королевство Сардиния, [540](#). Четыре республики, [541](#). Милан и Тоскана, [542](#). Тосканская оценка Леопольда, [546](#). Италия в эпоху революции, [547](#). Время Французской Республики под властью Национального конвента, [548](#). (Поход 1796 года и его последствия,) [551](#). Изгнание французов из Италии, [557](#). Бонапарт вновь завоевывает Италию, [564](#). Растущее стремление к свободе, [565](#).

ГЛАВА XVIII

[Наполеоновский режим \(1801-1815 гг. н. э.\)](#)

566

(Конституция республики,) [567](#). Наполеон превращает Италию в королевство, [568](#). Королевство Неаполь и папство, [570](#). Острова Сицилия и Сардиния, [574](#). Возникновение национального духа, [574](#). Падение Наполеона, [576](#).

ГЛАВА XIX

[Бесплодные борьбы \(1815-1848 гг. н. э.\)](#)

578

Мэрриотт о Реставрации, [580](#). Ошибки монархии, [581](#). Восстания 1820-1821 годов, [583](#). (Революции 1831 года,) [585](#). Сассоне о Маццини и «молодой Италии», [587](#). Оценка Маццини Фиффом, [588](#). Симондс о проблемах и лидерах, [589](#). Папа Пий IX и его либеральная политика, [591](#).

ГЛАВА XX

[Освобождение Италии \(1848-1866 гг. н. э.\)](#)

593

Война между Неаполем и Сицилией, [594](#). Восстание против папы; Рим становится республикой, [595](#). Французы восстанавливают папу, [597](#). Революции в Тоскане и других местах, [598](#). Война Карла Альберта с Австрией, [598](#). Карл Альберт отрекается от престола: Виктор Эммануил II становится преемником, [600](#). Венеция не обретает свободу, [601](#). Вмешательство Луи Наполеона, [603](#). Австрия объявляет войну: Маджента и Сольферино, [603](#). (Папство) *против* единства, [606](#). Гарибальди изгоняет Бурбонов из Сицилии, [607](#). Смерть Кавура и восстание Гарибальди, [611](#). Флоренция становится столицей, [613](#). Война 1866 года и аннексия Венеции, [614](#).

[ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ \(1867-1878 гг. н. э.\)](#)

616

Восстание Гарибальди, [617](#). Франция снова вмешивается: Ментана, 31 октября, [618](#). Возрождение римского вопроса, [620](#). Провозглашение папской непогрешимости, [621](#). Отнятие Рима у папы, [621](#) (Плебисцит), [622](#). Рим снова становится столицей Италии, [624](#). Министерство Мингетти, [625](#). Смерть Виктора Эммануила и Пия IX, [626](#).

[НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ \(1878-1903 гг. н. э.\)](#)

628

Ирредентизм, Тройной союз и «трансформизм», [630](#). Власть Криспи, [632](#). Смерть короля Умберто, Криспи и Льва XIII, [633](#).

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

635

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ](#)

639

[ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ИТАЛИИ](#)

646

ВВЕДЕНИЕ

ОБЪЕМ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ТЕМНЫЕ ВЕКА

Неоднократно отмечалось, что история представляет собой непрерывный поток, и все попытки разделить ее на эпохи являются более или менее произвольными. Тем не менее, невозможно избежать склонности к классификации, и такая произвольная детализация значительно облегчает запоминание. Наиболее распространенным и, пожалуй, наиболее единодушно принятым способом произвольного деления истории является классификация на древнюю, средневековую и современную. Всем известно, что историки обычно считают древнюю историю закончившейся либо в последних десятилетиях IV века, когда северные варвары начали свои вторжения, либо, что более распространено, в 476 году, когда был свергнут последний император древнего Рима. Последующая эпоха, охватывающая период около тысячи лет, известна как средневековье; эта эпоха обычно считается завершенной с открытием Нового Света в 1492 году. Первые века этой эпохи обычно называют темными веками.

Такое деление является произвольным, но не совсем нелогичным. Утверждается, что сам Рим не знал, что он пал в 476 году, и что Римская империя — даже Римская республика, как ее называли в то время — продолжала существовать, как считали современники, непрерывно в течение многих веков после даты, которую мы, жившие позднее, считаем концом римской имперской жизни. Но мало что является более очевидным, чем тот факт, что ясное представление об истории требует определенной возможности наблюдать за событиями в перспективе. Другими словами, современное суждение редко, если вообще когда-либо, является лучшим суждением в отношении любой эпохи. В многообразии

деталей, которые неизбежно привлекают внимание современного наблюдателя, теряются общие пропорции, и спутанная масса мелочей делает картину такой же непонятной, как большое полотно художника, если смотреть на него с слишком близкого расстояния. Как и в случае с картиной, для исторического взгляда необходимо отойти на определенное расстояние, прежде чем можно будет получить достаточно верное представление. Итак, оглядываясь назад через призму веков, можно очень ясно увидеть, что время предполагаемого падения Западной Римской империи было временем реального кризиса в ходе исторических событий. Установление одной даты, безусловно, является совершенно неоправданным -образным обозначением границ, если только не рассматривать ее так же, как параллели широты и долготы на глобусе. Это удобный ориентир, не более того. Но эпоха, которую она обозначает, если не ограничиваться рамками одного года, тем не менее является настоящей эпохой; в этом не может сомневаться никто, кто рассмотрит историю Рима в целом в первом, втором и третьем веках нашей эры, а затем рассмотрит историю того же города в пятом, шестом и седьмом веках. Очевидно, что в это время произошли огромные изменения в духе цивилизации; поздние века, в отличие от ранних, вполне можно считать темным периодом.

Мы уже показали, что в этот период восточная часть поздней Римской империи была центром культуры, которая нашла свое выражение в создании сложной литературы. Но Запад в этот период находился под совершенно другим влиянием. Рим перестал быть важным центром цивилизации; его главные граждане переселились в Константинополь. Здесь, на Западе, полудивилизированные герулы и остготы почти беспрекословно властвовали с 476 года до середины VI века. Затем в течение столетия Восточная империя восстановила контроль над Римом, и легионы Нарсеса и Лонгина поддерживали власть византийских императоров. Но в 568 году лангобарды под предводительством Альбоина вторглись в Италию, и их господство практически не оспаривалось, пока Карлинги не вмешались в итальянские дела, в результате чего в 774 году Карл Великий, захватив Дезидерия в Павии, принял титул короля лангобардов и фактически положил конец лангобардскому королевству.

В 781 году Карл Великий короновал своего сына Пепина королем Италии, а в памятном 800 году сам Карл Великий был коронован императором Запада, возродив титул и видимость славы старого Империи. Преемники Карла Великого сохранили номинальный контроль над империей и спорили с папами за реальный контроль над Италией. Эта война между папским монархом и императорами была характерной чертой поздних веков этой эпохи. Власть церкви росла медленно и незаметно, пока в IX и X веках епископ Рима не стал стремиться к реальному царствованию над Италией и даже над всей империей.

Пятьсот лет итальянской истории, описанные в этом периоде, странно контрастируют (как уже было сказано) по своему мировому историческому значению с предшествующим им полутысячелетием империи или с другим полутысячелетием, в которое входили события Римской республики. Эти более ранние периоды, если оглянуться на них в перспективе, изобилуют великими событиями, тогда как более поздний период представляет собой пустую равнину посредственности, если не упадка. Однако мы не должны думать, что эти более поздние века представляют собой время возврата к фактическому варварству. Это была скорее эпоха, когда декадентская цивилизация с одной стороны боролась против полного краха, а с другой — новая цивилизация стремилась заявить о себе, пока еще безуспешно в отношении высшей культуры, но тем не менее подготавливая почву для будущего зарождения новой жизни в старой империи.

Для историка нет ничего более увлекательного, чем оглянуться назад сквозь туман веков и попытаться проникнуть в мрак этой темной эпохи и представить себе ее социальные

условия. В лучшем случае такая попытка реконструкции далекого прошлого может быть лишь частично успешной. Если верно, что «каждый из нас видит мир своими глазами и создает изнутри себя то, что видит», как говорит нам Теккерей о нашем современном окружении, то насколько же более искаженным должно быть наше представление о любых событиях прошлого. Там, где памятники, художественные сокровища и литература великой цивилизации сохранились для нас, как в случае с Египтом, Месопотамией, Грецией и Римом, у нас есть средства и вспомогательные материалы для воссоздания картины, которые позволяют нам с определенной уверенностью смотреть на нашу реабилитацию. Но там, где эти памятники прошлого утрачены или вовсе отсутствуют, картина, безусловно, будет расплывчатой и неопределенной — туманным узором импрессиониста в противовес четким контурам Микеланджело.

И таковы недостатки, которые мешают воссоздать образ Италии или любой другой части Европы в так называемый темный век. Это было время, когда богатство поздней империи перешло на Восток. Западная Европа была поражена нищетой, и этот практический факт, пожалуй, больше, чем любая другая причина, помешал созданию таких памятников архитектуры и искусства, как в предыдущие века. Мы снова и снова видели, что центром величайшей цивилизации почти наверняка является торговый и финансовый центр мира; и мы увидим то же самое, но с новой силой, в более поздний период в Италии, когда золото флорентийских купцов Медичи стимулирует развитие искусства позднего Ренессанса. Но в эти постимперские времена Италия не имеет богатства в торговле, как по сравнению с новым центром империи в Константинополе. Те римляне, которые остались в Италии, слишком бедны, чтобы строить дворцы и амфитеатры, сравнимые с постройками их предшественников. Им и так хватает дел, чтобы защищаться от захватчиков с севера. В лучшем случае они едва ли могут отремонтировать сооружения, оставленные им более ранней цивилизацией. Мы читаем, что в Венеции в одно время было признано уголовно наказуемым деянием, караемым штрафом в тысячу флоринов, предлагать какие-либо расходы из государственной казны на ремонт государственных зданий. Согласно известной традиции, дож, который в конце концов осмелился нарушить это ограничение, предстал перед советом с тысячей флоринов в руке, когда выдвинул свое предложение. Эта история иллюстрирует финансовые трудности, с которыми сталкивались итальянские города даже в относительно поздний период средневековья.

Но было бы большой ошибкой полагать, что упадок материальной цивилизации, который, несомненно, имел место в поздний период имперского Рима, совпал с полным изменением социальных условий жизни народа. Ни одна черта человеческой натуры не является более устойчивой и настойчивой, чем склонность придерживаться традиций наших предков. Консерватизм является доминирующим мотивом для большинства людей. То, что думали и во что верили наши отцы, мы в большинстве своем думаем и верим. Средний человек наследует свою религию и политические взгляды так же, как он наследует цвет своих глаз, и вероятность изменения одного или другого у него практически одинакова. Конечно, с течением веков идеи и обычаи меняются, но эти изменения, в той мере, в какой они касаются давних принципов или обычаев, всегда медленны и постепенны.

Геологи XIX века после долгих исследований и многочисленных споров доказали, что в геологической и биологической эпохах не было никаких катаклизмов. Урок, извлеченный из этого в отношении природы в целом, социолог мог бы с пользой применить к своей собственной науке. В частности, на этот урок следует обратить внимание историков, которые хотят нас убедить, что в V веке н. э. в менталитете итальянского народа произошли внезапные и катастрофические изменения. Никто, кто ценит истинный характер человеческого прогресса, не будет склонен верить, в отсутствие подтверждающих доказательств, что итальянец VI века сильно отличался в своих желаниях и стремлениях от

своего деда, который жил в то время, когда Рим еще номинально управлялся итальянским императором. Сменявшие друг друга орды варваров, нахлынувшие с севера, грабили все, что могли найти, и опустошали страну, но в большинстве своем они не были проникнуты духом бессмысленного разрушения. Вполне вероятно, что они с благоговейным восхищением, граничащим с почтением, смотрели на чудесные памятники цивилизации, столь отличавшейся от всего, что они видели до того. Мы знаем, что относительно цивилизованные народы севера разграбили Рим в шестнадцатом веке более катастрофически, чем его разграбили их предполагаемые варварские предшественники в предыдущем тысячелетии. Кроме того, эти завоеватели с севера не были вездесущими. Они приходили и уходили с относительно большими промежутками, и были территории, которые они не подвергали серьезным разрушениям. А история завоеваний повсюду показывает, что после момента первоначального завоевания варварский завоеватель становится, в вопросах обычаев и мышления, скорее последователем, чем лидером завоеванных.

В данном случае нет никаких сомнений в том, что это правило сработало. Народы севера были наделены потенциалом, который быстро развивался благодаря подражанию южной цивилизации. Задолго до окончания так называемого «темного века» на севере начали появляться центры цивилизации, и то тут, то там появлялись настоящие гении — такие как Роджер Бэкон или Абельяр — что свидетельствовало о стремительном прогрессе культурного движения, поскольку величайшие гении никогда не возвышаются над культурным уровнем своей эпохи. Но этого не могло бы произойти, если бы завоеватели с севера вторглись в Италию как всепоглощающие уничтожители прежних цивилизаций. Они пришли, чтобы завоевать, но остались, чтобы изучить искусства цивилизации.

Одним словом, мы получим более правдивую картину состояния Италии в так называемый темный век, если будем думать о ней как о стране, не столь сильно отличающейся в идеалах своей материальной цивилизации от Италии времен Римской империи. Здесь нет великой архитектуры, великого искусства, великой литературы, но мы не можем поверить, что не было абсолютно никаких стремлений к этим античным идеалам. Когда мы вспоминаем, как много из того, что было создано в более ранние времена, было полностью утрачено, мы не должны сомневаться, что даже в области литературы были некоторые произведения, о которых мы сейчас не знаем, но которые мы с радостью вернули бы из забвения. *Cacoethes scribendi* — слишком сильный импульс, чтобы быть полностью отсутствующим в каком-либо поколении; конечно, человеческая природа не изменилась настолько в темные века, чтобы изгнать этот импульс из человеческого разума. По-видимому, в основном произошло то, что литературный импульс был направлен в неудачное русло — русло ересьи. Это привело его к водовороту, из которого потенциальный создатель литературы не мог выбраться на протяжении многих поколений. Поразительным доказательством этого является тот факт, что, как указывает Робинсон^[1], с Бозция (умер в 524 или 525 г. н. э.) до Данте (1265-1321 г. н. э.) не было ни одного известного литератора-мирянина.

Давайте же подумаем о темных веках как о времени, когда Италия была обеднена; времени, когда ее материальная цивилизация регрессировала; время, когда давление новых условий отодвинуло на второй план некоторые старые идеалы; но также и время, когда происходило смешение рас, которое придало новую силу и энергию стареющему народу и сделало возможным возрождение старых идеалов, восстановление старой материальной цивилизации, регенерацию расы.

XI И XII ВЕКА

Однако возрождение не произошло в течение некоторого времени. В XI и XII веках в лучшем случае можно было наблюдать только рассвет нового дня.

Творческая культура в Италии все еще находится в состоянии застоя; по-прежнему нет значительных писателей; искусство практически отсутствует, за исключением иллюминации рукописей и зачатков архитектуры. Тем не менее, существует зародыш культуры. То здесь, то там рыцарь привозит книгу с Востока — ведь это век крестовых походов. То здесь, то там монах изучает классическую рукопись. Как мы знаем из неопровержимых свидетельств сохранившихся рукописей, Вергилий читался и копировался на протяжении всего темного века. Не сохранилось ни одной рукописи Горация, написанной унциальным шрифтом ранних веков, но он, должно быть, тоже читался на Западе, наряду со всеми другими латинскими классиками, дошедшими до нас, иначе эти произведения вряд ли были бы сохранены, поскольку на Востоке пользовались популярностью только греческие авторы. Тем не менее, следует опасаться, что главный интерес многих монахов к древним рукописям был направлен скорее на материал, на котором они были написаны, чем на сам текст. Агиология часто заменяла историю, и многие древние рукописи частично сохранились в виде палимпсестов только потому, что монах, желавший написать житие святого, был слишком небрежен, чтобы полностью стереть предыдущий текст.

Размышляя о монашеской жизни, благодаря которой, как часто утверждают, в этот мрачный век в западном мире были сохранены зародыши знаний, создается впечатление расового застоя, что на самом деле не соответствует действительности. Если монахи и были хранителями слабого пламени знаний, то именно странствующие и воюющие полчища внешнего мира готовили свое поколение к тому, чтобы принять новый свет, когда он вновь вспыхнет. Скандинавские и германские полчища с севера время от времени *массово* вторгались в Италию, как мы уже видели, а последующие отряды крестоносцев делали Италию своим путем при путешествиях на Восток и обратно. Многие из этих захватчиков нашли южный климат подходящим и поселились там навсегда. Так норманны основали королевство в Италии, и если другие полчища поселились скорее как отдельные лица, чем как нации, их влияние, тем не менее, было не менее сильным в создании той смеси расовых элементов, которая способствует расовому прогрессу.

Не менее важным, должно быть, было влияние коммерческого духа. Завоевание норманнов лишило греческие города южной Италии — Амальфи, Неаполь и Гаэту — торгового превосходства, которым они ранее пользовались. Теперь их сменили Пиза, Генуя и Венеция. Эти города содержали флоты на море, поддерживая постоянный контакт с Востоком. Как и следовало ожидать, они опередили другие итальянские города по могуществу и влиянию и первыми продемонстрировали признаки оживления жизни, предвещавшие новое рождение.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК

Первая половина XIII века добавляет новые главы в старую историю борьбы между императором и папой. Фридрих II, нынешний император, является одной из самых ярких личностей Средневековья. Он был человеком необычайной многогранности: владел многими языками, включая греческий и арабский, был покровителем искусств, сам был поэтом и, что, пожалуй, наиболее примечательно, учитывая его научные наклонности, был сторонником использования народного языка, из которого развивался новый итальянский язык. Фридрих был слишком широким и многогранным человеком, чтобы ограничиваться узкими рамками церкви, поэтому его жизнь состояла из серии споров с папами. Тем не

менее, он защищает религиозные свободы своих подданных в Сицилии, проводит успешный крестовый поход и восстанавливает влияние западного мира в Иерусалиме. Когда он предпринимает этот крестовый поход, он находится под запретом отлучения от церкви, и теперь его снова осуждают за то, что он его предпринял. Он восстает против папского противодействия и заявляет, что будет носить свою корону и поддерживать свою власть, несмотря на вмешательство церкви. Мы уже видели подобные угрозы и видели, как император Генрих IV не смог воплотить свои угрозы в жизнь. Но Фридрих принимает новый план, который на время оказывается целесообразным: он колонизирует Лучерию населением сарацин, которое может предоставить ему отряд из тридцати тысяч неверных воинов, для которых папская власть ничего не значит. Однако, несмотря на эту помощь, в долгосрочной перспективе он едва ли способен противостоять папе и умирает в середине века, измученный бесконечными войнами.

В течение следующего полувека Италия практически не беспокоится императорами; папская власть находится на пике своего могущества, но разобщенная Италия тратит свои силы на внутренние распри. Развивающаяся цивилизация постепенно все больше и больше сосредотачивается на севере, и теперь ее центром становится Тоскана — то же географическое положение, которое дало начало доримской цивилизации этрусков. Флоренция становится главным городом Тосканы; она также является главным центром одной из самых упорных и разрушительных распри, потрясающих Италию, — войны между гвельфами и гибеллинами. Эта расправа, конечно, ни в коем случае не ограничивается Флоренцией; она охватывает всю Италию и даже выходит за пределы национальных границ. Фракции ведут войну с переменным успехом. В 1260 году гвельфы во Флоренции потерпели сокрушительное поражение в битве при Монтеаперто. Но восемь лет спустя в Телиакоцце гибеллины под командованием Конрадина, последнего из Гогенштауфенов, потерпели самое катастрофическое поражение.

Важной чертой этой эпохи является устойчивое развитие полудюжины городов, в частности соперничество между тремя главными морскими городами: Венецией, Пизой и Генуей. Пиза до сих пор более чем удерживала свои позиции, но в 1284 году она потерпела поражение в сражении с Генуей у острова Мелория; отныне она должна уступить верховенство своему завоевателю и Венеции.

Но, как уже было сказано, морские города больше не обладают бесспорным превосходством. Флоренция, «Цветок Тосканы», несмотря на отсутствие преимуществ географического положения, тем не менее способна занять место среди торговых центров; благодаря своему расположению на шоссе между Германией и южной Италией, она, возможно, извлекает больше выгоды из того самого важного смещения рас, о котором упоминалось выше, чем любой из ее городов-побратимов. В конце века война между гвельфами и гибеллинами получает новое развитие во Флоренции в результате конфликта между фракциями, которые стали известны как «белые» и «черные»; спор, начавшийся как личная вражда, распространяет свое пагубное влияние на все сообщество.

Однако, несмотря на все эти разногласия, в этом столетии наблюдается заметный прогресс в области цивилизации. Итальянские города могут похвастаться тем, что их улицы вымощены, в то время как улицы Парижа, главного города севера, представляют собой просто грязевые русла. Растущее стремление к образованию нашло свое отражение в создании школ и университетов в Италии. В конце века были построены знаменитый Палаццо Веккьо и еще более известная церковь Санта-Кроче. В области изобразительного искусства также были заметны признаки нового уровня культуры, которого достигла Италия, а в науке достойным представителем стал знаменитый Фома Аквинский.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЕК

Около полувека Италия была свободна от вторжений императоров, но в начале XIV века Генрих VII пересекает Альпы. В отличие от некоторых своих предшественников, он встречает довольно радушный прием со стороны нескольких городов и папы. Флорентийцы, с другой стороны, не приветствуют его, и его приход приводит к обычным беспорядкам. Его внезапная смерть — возможно, от яда — рассеивает все надежды, основанные на имперском присутствии. Его преемник, Людовик Баварский, также приезжает в Италию и в союзе с великим полководцем Каструччо ведет войну против флорентийцев, которые были вынуждены против своей воли подчиниться руководству герцога Неаполя. Флорентийцы довольно хорошо держатся против внешних захватчиков, но не могут терпеть тиранию внутри своих стен и в конце концов изгоняют тирана.

Яркой чертой этого столетия является уход пап из Рима, которые на более чем семьдесят лет, с 1305 по 1377 год, уходят в Авиньон, период, известный с тех пор как вавилонский плен. Во время отсутствия пап римляне жили плохо. Лишенные папской власти, которая делала их город центром мирового влияния, они погрязли в мелких распрях. Знаменитый Рьенци — «последний из трибунов» — в середине века предпринял героическую попытку восстановить порядок и на время взял ситуацию под свой контроль, но после короткого периода власти был бесславно свергнут.

На севере Висконти установили свое господство в Милане и постоянно вмешивались в общую политику, стремясь подчинить всю Италию своему влиянию. Флоренция вступала в повторяющиеся конфликты с последующими правителями этой семьи, и именно в этих борьбах на первый план вышел великий английский полководец сэр Джон Хоуквуд. Лидер отряда наемников, солдат удачи в самом буквальном смысле этого слова, этот знаменитый воин сначала сражался против флорентийцев, а затем на их службе. Несмотря на некоторые неудачи, он завоевал репутацию, которая побудила Халлама считать его первым великим командиром-коттудиора () со времен Римской империи. Эта оценка, возможно, более чем справедлива по отношению к Хоуквуду; она упускает из виду великого Каструччо, не говоря уже о других. Но, несомненно, Хоуквуд был грозным полководцем и одним из первых в ряду кондотьеров, которые прославили итальянские армии в последующем столетии.

Генуя и Венеция втянуты в катастрофическую войну; фактически, различные доминирующие города Италии почти постоянно ссорятся. Даже великая чума, охватившая Италию в 1348 году, несмотря на свои разрушения, так живо описанные Боккаччо, привела лишь к временному затишью в раздорах. Восстание Чомпи, Великий раскол и начало войны в Кьоддже — это раздоры, которые ознаменовали последние десятилетия века.

Но все эти политические разногласия теряют всякое значение по сравнению с огромным интеллектуальным развитием того времени. Как мы видели, западный мир веками готовился к развитию собственной культуры. Теперь это обещание сбылось. Потребовался лишь легкий ветерок с Востока, чтобы раздуть тлеющие угли в пламя. Это оживление произошло отчасти благодаря эмиграции большого числа ученых из Константинополя, вызванной главным образом страхом перед турками. Эти ученые принесли с собой любовь к греческим классикам и вдохновили зарождающуюся науку Италии на подобный энтузиазм. Вскоре началась и развилась мода на поиски классических рукописей, и многие полузабытые авторы были возвращены к жизни. Стало модно копировать эти рукописи, так же как в доме каждого джентльмена теперь должна была быть библиотека. Возрождение интереса произошло как раз вовремя, чтобы спасти от забвения более одного классического автора, чьи произведения, вероятно, были бы полностью утрачены, если бы они подверглись еще одному столетию забвения. Такой автор, как Веллей Патеркул, например,

известен исключительно по единственной рукописи, которая, очевидно, избежала уничтожения лишь по чистой случайности; и всем известно, как велика доля классических писателей, которым не посчастливилось даже в такой мере. Несомненно, многие авторы были непреднамеренно обречены на гибель даже после этого возрождения интереса, но их число, должно быть, было очень невелико по сравнению с теми, кто уже был утрачен.

Но возрождение интереса к произведениям античности было отнюдь не самой важной литературной особенностью того времени. Вместе с ним пришел творческий импульс, который дал миру произведения Данте, Петрарки и Боккаччо, не говоря уже о менее известных летописцах. Их работы свидетельствовали о спонтанном всплеске творческого импульса, к которому готовил классицизм Востока. Насколько он был спонтанным, насколько малопонятным даже для его создателей, иллюстрирует тот факт, что и Данте, создатель итальянской поэзии, и Боккаччо, создатель итальянской прозы, считали свои работы на народном языке относительно неважными, основывая свои надежды на бессмертие на своих архаичных латинских трактатах, которые мир быстро забыл. Нигде нельзя найти лучшей иллюстрации той спонтанности подлинно творческого искусства, о которой мы не раз упоминали.

Творческим было это время не только в литературе. Изобразительное искусство также пережило в эту эпоху свое новое начало. Чимабуэ, действительно, предпринял попытку порвать с грубыми традициями восточной школы искусства во второй половине XIII века; его великий ученик Джотто развил его идею в первые десятилетия XIV века, и собравшаяся вокруг него школа художников во Флоренции попыталась, следуя своему учителю, обратиться к природе и воспроизвести то, что они видели. Их усилия были грубыми и неуверенными, если судить по канонам более позднего развития, но это было началом великих дел. В архитектуре усилия того времени не были обречены на то, чтобы довольствоваться лишь началом: «башня Джотто», знаменитый Кампаниле, до сих пор стоит как свидетельство относительного совершенства, которого достигло это направление искусства. В целом, четырнадцатый век был временем чудесного развития в Италии; яркий голос Данте был назван голосом десяти молчаливых веков; он возвестил о новой фазе Ренессанса.

XV ВЕК

В течение XV века Италия переживала период относительной защищенности от внешнего вмешательства. Конечно, в начале века в Риме был коронован император, и были различные попытки вмешательства со стороны других держав, в том числе приход Карла VIII в 1494 году. Но в целом итальянцы соперничали друг с другом, а не с внешними державами, которые враждовали с Италией в целом. Как и прежде, великими силами в Италии были несколько важных городов. Они постоянно враждовали друг с другом. Пиза стала подчиняться Флоренции, и последний город неуклонно рос в величии. В Милане правление Висконти продолжалось до середины века, когда, после исчезновения последнего члена этой важной семьи, на первый план вышел дом Сфорца, который взял на себя роль диктатуры. В Неаполе король Ладислав, а позже королева Джоанна II, сохранили королевское влияние и сделали свое княжество мировой державой. Таким образом, в середине века четырьмя великими державами были Неаполь, Милан, Венеция и Флоренция.

В этих войнах заметную роль играли наемные военачальники. Для этих людей война была просто бизнесом, средством заработка. В их войнах не было места патриотизму; они служили тому государству, которое предлагало наиболее щедрую плату золотом или его эквивалентом. В XV веке особое отличие заслужили шестеро из этих людей. Это были Браччо, Фортебраччо, Сфорца Аттендола и его сын Франческо Сфорца, Карманьола,

Никколо Пиччинино и Коллено Колеони. Эти люди по-разному сражались друг против друга в важных войнах.

Браччо и Сфорца Аттендола прославились в папских войнах, связанных с Великим расколом и начавшихся в конце первого десятилетия XV века. Браччо сражался за Флоренцию, а Сфорца сначала за папу Иоанна XXIII, а затем за короля Ладислава Неаполитанского, который в то время был самым сильным правителем Италии. В этой войне участвовали большинство держав Италии, а также Анжу и Франция. Смерть Ладислава помогла положить конец конфликту, но в то же время вызвала новую войну, подняв вопрос о престолонаследии в Неаполе.

В этой войне за наследие Неаполя Филиппо Мария, герцог Милана, поддерживал дело дома Анжу, а Флоренция встала на сторону Альфонсо. Главная арена войны находилась на севере, где силы Милана и Неаполя соперничали с силами Флоренции и Венеции. Именно здесь Карманьола (урожденный Франческо Дуссоне) получил возможность проявить свой гений как полководец. Сначала он служил под началом Филиппо, но впоследствии перешел на службу к Венеции и завоевал новые почести как противник своего прежнего работодателя. В более поздних кампаниях его главным противником был Франческо Сфорца. Трагическая гибель Карманьёлы запомнится каждому читателю.

После урегулирования этой войны за наследие Неаполя Филиппо Мария вскоре снова оказался втянутым в конфликт, на этот раз с папой Евгением. Папа укрылся во Флоренции, и тосканцы, снова при поддержке Венеции, поддержали его. Франческо Сфорца теперь сражался за флорентийцев, а его противником, лидером армии Висконти, был Никколо Пиччино. Но до окончания войны Висконти снова вернул Сфорцу на свою сторону. После смерти Филиппо миланцы провозгласили республику, поклявшись, что никогда больше не подчинятся тирану. Однако необходимость вскоре заставила их обратиться к Франческо Сфорце с просьбой о помощи в войне против Венеции, и их успешный полководец вскоре узурпировал власть и основал новую династию тиранов (). В более поздних войнах между Миланом и Венецией появился Коллено Колеони, который, сначала продавая свои услуги одной стороне, а затем другой, в 1454 году окончательно утвердился в качестве генералиссимуса сухопутных войск Венеции.

Одной из самых поразительных черт этой войны было то, что она ни к чему не привела. В ней было задействовано столько противоборствующих интересов, перемены различных лидеров были настолько калейдоскопическими, а какая-либо важная центральная причина спора настолько отсутствовала, что порой почти невозможно сказать, где заканчивается одна война и начинается другая. Каждое мелкое государство думает о своих собственных интересах. И единственное, что приближается к общему принципу действий, — это страх со стороны каждого государства, что какое-либо другое государство может получить слишком большое влияние над Италией в целом. Другими словами, мысль о поддержании баланса сил присутствует в умах всех лидеров, которые не имеют надежды стать верховными правителями. Поскольку Флоренция ни в коем случае не может надеяться на политическое доминирование, ее усилия всегда направлены на поддержание баланса сил, и там, где личности не имеют значения, она, как правило, склонна отстаивать интересы более слабой стороны.

Но несмотря на интерес, который неизбежно вызывают все эти политические потрясения, действительно мировое историческое значение истории Флоренции в этот период связано не с войнами, а с удивительным развитием внутренней культуры. Уже в авангарде движения Ренессанса Флоренция прочно удерживает свое гордое положение на протяжении всего XV века и является бесспорным культурным центром мира.

Это был век Медичи. Именно тогда Космо Великий и Лоренцо Великолепный проявили свое влияние и пользовались фактической диктатурой, хотя форма правления оставалась демократической. Реальный источник влияния Флоренции основывался на старой знакомой основе — процветании торговли. Мы видели, как Флоренция в предыдущем веке произвела на свет таких людей, как Данте, Петрарка, Боккаччо и Джотто. Интеллектуальное превосходство, проявленное таким образом, сохранилось и в следующем веке, но в начале этого века не было имен, сопоставимых с этими в художественном величии. Отпечаток времени, по крайней мере первой половины XV века, скорее промышленный, чем художественный. Это время, когда постепенно растущее коммерческое и промышленное значение Италии достигло несомненного мирового превосходства. Венеция и Флоренция теперь являются коммерческими центрами мира. Во Флоренции различные виды ремесел достигли такой степени важности, что стали известны на все времена. Гильдии шерстяных ткачей, торговцев тканями, шелковых ткачей и менял стали учреждениями, имеющими мировое влияние. Флорентийские ростовщики занимаются своим ремеслом в каждой столице Европы. Несмотря на их вымогательства, они повсеместно считаются необходимым злом, а флорентийское золото в этом веке оказывает влияние, почти столь же широкое, как когда-то влияние римского оружия. Флорентийский меняла занимает почти бесспорную позицию, которую позднее заняли евреи. Как ни странно, следует отметить, что самим евреям было запрещено заниматься ростовщичеством во Флоренции примерно до конца первой трети XV века, когда, как ни парадоксально это может показаться, им была предоставлена законная привилегия защищать заемщиков от вымогательств местных ростовщиков.

Быстрое развитие торговли и промышленности, что вполне естественно, принесло с собой большие изменения в привычках флорентийцев. В начале века дома во Флоренции были еще простыми и относительно скромными в своем оснащении. Окна закрывались ставнями, стекло еще не было в широком употреблении; лестницы были узкими, а входы — непритязательными. Но к концу века все это изменилось. Власть богатства дает о себе знать в домах, обстановке и костюмах людей, в их роскошных привычках, великолепных банкетах и демонстрациях, во всем, что составляет жизнь, полную чувственных удовольствий.

Однако наиболее значимым является влияние, которое богатство позволило одной семье обрести, поскольку власть Медичи, по сути, является властью золота. Это власть, умело используемая в руках выдающихся представителей семьи; власть, которая, кажется, приносит пользу городу. При Лоренцо Великолепном все виды искусства покровительствуют и культивируются, и Флоренция легко сохраняет свое превосходство как культурный центр Италии. Такие скульпторы, как Донателло, Беррокио и их товарищи; такие художники, как Филиппо Липпи, Боттичелли и Гирландайо, не говоря уже о разнообразной компании почти равных им по достижениям; а также компания выдающихся мастеров во всех областях меньших искусств, оказывают свое влияние на украшение города под покровительством Лоренцо. Основанная таким образом школа искусств дала миру такие имена, как Микеланджело и Рафаэль в последующих поколениях. Любопытно, что по какой-то необъяснимой оплошности величайший художник века, Леонардо да Винчи, был вынужден приложить все свои усилия в Милане, а не во Флоренции, при жизни Лоренцо, хотя он вернулся в последний город вскоре после смерти великого покровителя искусств.

Как покровитель литературы Лоренцо был не менее активен. Он основал и развил замечательную библиотеку, в которой собирались сокровища древности, в оригиналах или копиях, без учета затрат, со всех концов Европы. Искусство книгопечатания достигло в этот период своего наивысшего развития. Рукописи того времени являются чудесами красоты. Орнаменты прекрасны, а сами буквы напечатаны с такой регулярностью, что почти не уступают однородности печатной страницы. А затем, вскоре после середины века, как раз

когда это искусство переписчика достигло своего расцвета, из Германии была завезена печатная машина, и появилось простое механическое средство, с помощью которого можно было достичь самой совершенной техники. Правда, ценители сначала не признавали печатную книгу возможным конкурентом старой ручной работы. Долгое время коллекционеры продолжали нанимать мастеров, а дилетанты смотрели на печатную книгу с таким же презрением, с каким современные коллекционеры картин смотрят на хромофотографии или литографии. Согласно фон Реумунту, первая печатная машина была установлена в Субиако в бенедиктинском монастыре в 1465 году. Примерно пятнадцать лет спустя Веспасиано да Бистиччи, писавший о библиотеке герцога Урбино, мог с гордостью заявить, что «все тома отличаются безупречной красотой, написаны от руки, с элегантными миниатюрами, и все на пергамене. Среди них нет ни одной печатной книги; герцог стыдился бы их иметь».^[2]

Однако, несмотря на презрительное отношение знатока, искусство печати книг быстро продвигалось вперед. До этого времени стоимость производства делала даже самую обычную книгу роскошью, доступной только относительно богатым людям. Естественно, что группа энтузиастов-книголюбов приветствовала появление нового метода, несмотря на его предполагаемые художественные недостатки; и до конца века во всех важных центрах Италии появились типографские станки, а бесчисленные классические произведения, начиная с Вергилия, получили гораздо более широкое распространение, чем это было возможно ранее. Здесь нет необходимости останавливаться на более отдаленных последствиях этого быстрого распространения классических сокровищ, но нигде их влияние не было столь значительным, как в Италии.

Обобщая в нескольких словах влияние XV века на Италию, можно повторить, что в целом это была эпоха промышленного и коммерческого прогресса, а не величайшего искусства. Кульминационные достижения века, изобретение печатного станка и открытие Америки, не были итальянскими триумфами; хотя, как родина Колумба и дом Америго Веспуччи, Италии нельзя отрицать долю в открытии Нового Света. Действительно, связь Италии с этим великим достижением, возможно, ближе, чем может показаться на первый взгляд. С одной стороны, считается, что географические работы Тосканелли непосредственно способствовали тому, что Колумб задумал открыть западный путь в Индию; с другой стороны, влияние духа исследований и открытий, поощряемого торговыми отношениями Италии, которое сделало возможным подвиг Колумба, должно быть неопределимым. Как бы то ни было, открытие Нового Света, произошедшее в последнее десятилетие века и, как оказалось, в том же году, когда умер Лоренцо де Медичи, можно считать не только кульминационным достижением века, но и символом того коммерческого и промышленного духа, которым этот век в основном и отличается.

Мы подошли к дате, которая обычно считается концом средневековой эпохи, но следует помнить о том, что было сказано о произвольном характере этой классификации. Открытие Америки в 1492 году действительно ознаменовало начало новой эры в одном смысле, поскольку открыло новый полушарий для наблюдения и проживания цивилизованного человека. Это открытие также подготовило почву для доказательства того, что Земля круглая, и поэтому стало важным краеугольным камнем в построении новой структуры человеческого представления о космологии, главными архитекторами которой были Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон. Но построение этой новой структуры — революция в представлениях человека о космосе — не произошло за год или столетие; суеверия, основанные на старом представлении о космологии, не утратили своего влияния на человечество даже в наши дни. Было даже высказано предположение, что 1859 год, когда были обнародованы идеи, нанешие смертельный удар старым представлениям о космогонии и, можно сказать, впервые сделавшие старые суеверия действительно

устаревшими, — что этот год, а не 1492 год, вполне можно назвать границей средневековой эпохи. Возможно, так будет и для более отдаленных поколений будущего, но для наблюдателя двадцатого века более ранняя дата, несомненно, покажется более подходящей. Но, в конце концов, этот вопрос не имеет значения. Учитывая признанную произвольность всех подобных делений, точное определение границ средневековой эпохи не имеет ни малейшего значения.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Шестнадцатый век — время особых контрастов в Италии. Вторжения, начавшиеся с приходом Карла VIII в 1494 году, продолжают и становятся все более изнурительными. Италия начинает рассматриваться как законная добыча французских и испанских правителей. Итальянские княжества, как и прежде, воюющие друг с другом, принимают или отталкивают захватчиков в соответствии со своими собственными корыстными интересами. Все это время в Италии не было единого правительства. Номинально империя включала в себя все, но это была лишь теория, которая в большинстве случаев не выдерживала проверки. Венеция все время заявляла о своей верности Восточной империи, которая с середины XV века перестала существовать. Флоренция не была верна никакой внешней власти; она была строго автономна. Несмотря на узурпацию власти Медичи, демократические настроения там по-прежнему сильны. Венеция и Флоренция вместе с Сиеной и Луккой — единственные республики, сохранившиеся в начале XVI века. Из множества городов, которые ранее были республиками, все остальные попали под влияние тиранов или были вынуждены подчиниться соседним городам. И теперь многих из них ждет еще большее унижение со стороны заальпийских завоевателей.

Венеция, оправляясь от смертельной дуэли с Генуей — войны в Кьоддже, — продолжает твердо держаться своих старых традиций. Ее торговое процветание продолжается в течение некоторого времени, но постепенно ослабевает из-за потери восточных территорий и из-за конкуренции, вызванной открытием Америки и морского пути в Индию. Флоренция, сбросившая в 1494 году иго Медичи, предпринимает отчаянные попытки вернуться к старой чисто демократической системе, но в конце концов терпит неудачу. В 1569 году Космо де Медичи становится великим герцогом Тосканы, и его преемники будут занимать эту должность в течение семи поколений (до 1737 года). Одним словом, дух демократии в Италии практически умер, и пока не появился ни один местный тиран, обладающий гением, способным объединить мелкие княжества в единое королевство.

Но если политическая Италия в этом столетии хаотична и непродуктивна, то совсем другое дело, если мы рассмотрим цивилизацию того времени. Оживляющее влияние предыдущего столетия привело к развитию, особенно в области искусства, которое теперь демонстрирует великолепные результаты. Первые десятилетия XVI века представляют собой эпоху величайшего развития искусства в Италии. Это век Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Тициана и множества учеников этих мастеров. Под покровительством сменяющих друг друга пап мастера-живописцы стимулируются к максимальным усилиям, и начинается создание тех чудесных украшений Ватикана, которые были предметом восхищения всех последующих поколений.

Литературное развитие, хотя и не совсем идет в ногу с живописью, тем не менее достигает высот, которых оно достигало только однажды с классических времен. Все это культурное развитие в период смуты и политических бедствий кажется аномальным и, как только что было сказано, может быть объяснено только как плод развития, которое началось в более раннюю эпоху. Обоснованность этого объяснения иллюстрируется быстрым упадком,

который произошел в Италии после середины XVI века — интеллектуальным упадком, который практически не прерывался до XIX века.

СЕДЕМНАДЦАТЫЙ И ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕКА

После замечательного развития XVI века удивительно наблюдать за этим периодом упадка. Эпоха великих людей еще не совсем прошла — свидетельством тому является Галилео — но уже нет таких великих поэтов, историков и художников, как в прошлых поколениях. Даже события в политическом мире имеют небольшое значение для мировой истории. Италия — поле битвы народов; это географическая территория, но едва ли государство. У нее нет единства, нет индивидуальности; у нее нет важных автономных государств, которые в целом привлекали бы внимание историков. Интеллектуальный скипетр, которым Италия так долго владела, перешел к народам севера. Церковный дух доминирует повсюду.

Сожжение Джордано Бруно в последнем году XVI века и преследование Галилео за то, что он осмелился отстаивать новую коперниканскую концепцию космогонии, являются типичными чертами этой эпохи. Хронологически средневековье прошло, но дух средневековья все еще присутствует в Италии; скорее, скажем, что эта несчастная страна вернулась к архаичному образу мышления после того, как на протяжении нескольких поколений лидировала в мире.

Историк должен отметить игру и противодействие внешних наций, которые используют территорию Италии как шахматную доску, но что касается самих итальянцев, то историк-мировой историк может практически игнорировать их существование на протяжении многих поколений. Только к концу XVIII века, когда Италия попала под власть Наполеона, произошла реакция на деспотическую политику этого нового тирана; тогда в Италии начало проявляться стремление к свободе и готовится почва для борьбы, которая через полвека должна была объединить разрозненные княжества в единое и автономное королевство. Но предзнаменования этого позднейшего развития едва ли могли быть оценены современным наблюдателем, который видел Италию, находящуюся под пятой Наполеона, без каких-либо видимых шансов когда-либо вырваться из этого унижительного положения.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

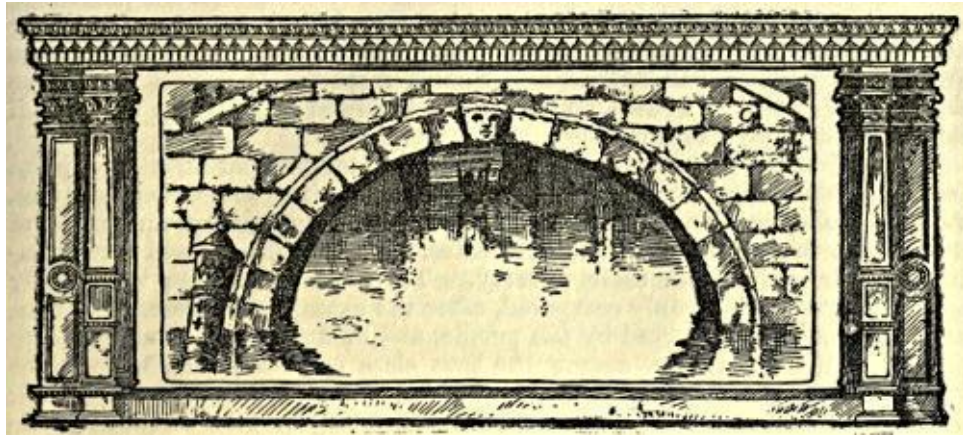
Свержение Наполеона принесло лишь незначительное улучшение в непосредственном положении Италии. Силы, свергшие французского узурпатора, предприняли попытку восстановить итальянские княжества в чем-то похожем на их дореволюционный статус. Но, как только что было отмечено, дух свободы овладел страной, и ее долгое время поработенный народ начал мечтать о лучшей жизни, чем та, которую он знал на протяжении веков. Однако их усилия по обеспечению свободы, от которой они так долго отказывались, поначалу были лишь попытками; одно мелкое восстание за другим, казалось, ни к чему не приводило. Но, наконец, под руководством таких лидеров, как Маццини, Кавур, Гарибальди и Виктор Эммануил, казавшееся невозможным было достигнуто: внешние влияния были подчинены; папская власть над светскими делами была ограничена и в конце концов практически свергнута; и впервые за четырнадцать веков географическая территория Италии оказалась под политическим влиянием единого правителя, не присягнувшего на верность чужим землям: мечта провидцев осуществилась: итальянское королевство, управляемое итальянским королем, заняло место поработенных, разобщенных княжеств предыдущих веков.

Правда, это достижение не было кульминацией, о которой мечтали некоторые из самых ярких патриотов во главе с Маццини. Целью этого лидера, как и многих других, было достижение не монархического, а республиканского единства. По их восторженной оценке, монархическая форма правления устарела. Их энтузиазм восходил к временам, когда Венеция и Флоренция с таким успехом осуществляли принципы демократии. Их воображение также возбуждал пример новой республики на Западе, чьи свободные институты вызывали столько подражания и столько ненависти в умах разных классов людей в старых правительствах Европы. Но если мечты этих энтузиастов и не были реализованы, то более консервативным реформаторам было достаточно того, что конституционная монархия, воплощающая многие принципы и идеи демократии, наконец-то объединила Италию под властью единого скипетра.

СНОСКИ

[\[1\]](#) *[Введение в историю Западной Европы].*

[\[2\]](#) Цитата из книги фон Роймунта «*Лоренцо де Медичи Великий*».

ГЛАВА I. ИТАЛИЯ В ТЕМНЫЕ ВЕКА

[476-около 1100 гг. н. э.]

Приступая к истории Италии, для удобства мы вернемся к 476 году, когда был свергнут последний законный император древнего Рима на Западе, и кратко перескажем события периода вторжения, который последовал сразу за этим. Напомним, что мы уже подробно рассмотрели период с 476 по 1024 год в нашем исследовании Западной империи в томе VII. Поэтому нет необходимости рассматривать эту эпоху здесь более чем в самых общих чертах, и даже это будет сопровождаться неизбежными повторениями. Поскольку позднейшие императоры Священной Римской империи в течение нескольких столетий продолжали периодически вторгаться в Италию и претендовать на контроль над ее делами, здесь также будет почти невозможно избежать повторений; но поскольку такие монархи, как Конрад II, Генрих IV и Фридрих II, обязательно подробно рассматриваются в томах, посвященных Германии, мы в данном случае будем довольно кратко рассматривать их вторжения в Италию. Аналогичное дублирование материала неизбежно будет иметь место при рассмотрении средневековых пап, история которых уже была описана в предыдущем томе.

История мирских дел в Италии не имеет единства с начала рассматриваемого периода до конца XIX века. По большей части, за исключением относительно коротких периодов, когда сильный император претендовал на власть над всей Италией, территория Итальянского полуострова была разделена на многочисленные мелкие королевства, ни одно из которых не достигло превосходства над другими. Сначала одно, а затем другое становилось ведущим, но часто одновременные события местного значения, имеющие лишь незначительную мировую историческую важность, запутывают картину и чрезвычайно затрудняют изложение истории Италии. Мы вынуждены игнорировать большое количество таких мелких деталей, стараясь выбрать события, имеющие реальное значение, и объединить их в непрерывное повествование. Но даже в лучшем случае истории Италии не хватает драматического единства; сцена слишком часто перемещается из одного княжества в другое, чтобы сделать возможным действительно гармоничное изложение. На самом деле мы имеем дело скорее с союзом городов, чем с нацией. Это старая история Греции, только здесь больше городов, соперничающих за господство, и ни один из них в какой-либо момент не был так близок к успеху, как Афины и Спарта в последовательные периоды. Тем не менее, Милан, Венеция и Флоренция порой приближались к цели, если не достигали ее полностью.

Большинство этих городов были очень старыми; большинство из них процветали не менее великолепно во времена Римской империи; некоторые, такие как Милан, Верона, Болонья, Капуа, были настолько значительными, что представляли собой образ Рима с их цирком, амфитеатром, шумным и праздным населением, богатством и бедностью. Их управление было почти республиканским, чаще всего состоящим, по примеру Рима, из курии, или муниципального сената, избираемого народом, и дуумвиров, или ежегодных консулов. Во всех этих городах среди первоклассных жителей были владельцы соседних земель, проживавшие в дворцах со своими рабами и вольноотпущенниками; во-вторых, ремесленники и лавочники, которые обосновались вокруг них из-за своих нужд; и, наконец, толпа праздных людей, которые сохранили ровно столько земли, чтобы при строжайшей экономии обеспечить себе средства к существованию. Не похоже, что в Италии были какие-либо процветающие мануфактуры. Вся ручная работа, как в городах, так и в сельской местности, выполнялась рабами. Предметы роскоши в основном поступали из Азии. Долгое время война была единственным занятием итальянцев; в течение долгого времени легионы набирались частично из римлян, частично из их союзников в Италии; но при императорах

недоверие господствующего класса усугубляло роскошную изнеженность подданных, и итальянцы в конце концов отказались даже от войны, и легионы набирались только в Паннонии, Галлии и других провинциях, граничащих с Рейном и Дунаем.

Позднее варвары, угрожавшие Риму, были соблазнены щедрым жалованием и привлечены к его защите; и в римских армиях враги Рима почти полностью заменили римлян. Страна не могла, как в современных государствах, заменить города в наборе армий классом людей, привыкших к суровым погодным условиям и закаленных трудом. Единственными рабочими были угнетаемые иностранцы, которые не интересовались общественными делами. Римляне возделывали свою землю либо с помощью рабов, купленных у варваров и принуждаемых к труду телесными наказаниями, либо с помощью *coloni partiarii*, которым в качестве платы давали небольшую долю урожая; но чтобы заставить последних довольствоваться минимальной долей, их привязывали к земле и угнетали почти так же, как и самих рабов. Владельцы земли варьировались между этими двумя системами в зависимости от того, как менялась цена на рабов или как менялось количество *колонов* (крестьян, рабочих); ни один земледельцы не имел права собственности на землю.

Большая часть земли была объединена в огромные поместья, иногда охватывающие целые провинции, управление которыми было поручено вольноотпущенникам, единственной заботой которых было то, как возделывать землю с наименьшими затратами и как извлечь из своих рабочих максимальную производительность при минимальном количестве пищи. Сельскохозяйственные рабочие, как так называемые вольноотпущенники, так и рабы, были почти все по происхождению варварами, не имевшими никакого интереса к социальному порядку, который только угнетал их, не имевшими мужества для его защиты и не имевшими никаких денежных средств для себя; их число также сокращалось с угрожающей быстротой, отчасти из-за дезертирства, отчасти из-за новых вторжений варваров, которые увозили их, чтобы продать в рабство в других римских провинциях, и, наконец, из-за смертности, которая была неизбежным следствием бедности и голода.

Тем не менее, Италия, как полагали, пользовалась постоянным процветанием. На протяжении всего периода правления Траяна и Антонинов друг за другом сменялись добродетельные и философские императоры; в мире царил мир; законы были мудрыми и хорошо исполнялись; богатство, казалось, увеличивалось; каждое следующее поколение строило более великолепные дворцы, более роскошные памятники и общественные здания, чем предыдущее; сенаторские семьи видели, как растут их доходы; казна собирала все большие налоги. Но процветание государств зависит не от объема богатства, а от его распределения; на глазах продолжало расти богатство, но люди становились все более несчастными; сельское население, ранее активное, крепкое и энергичное, было вытеснено иностранцами, а жители городов погрязли в пороке и праздности или погибли от нужды среди богатств, которые они сами создали.

ВАРВАРСКИЕ ЗАХВАТЧИКИ

[476-814 гг. н. э.]

Именно в такую Италию, каковой она стала под гнетом деспотизма, вторглись варвары. Жаждающие добычи, которую она содержала и не могла защитить, они неоднократно опустошали ее в течение последних двух веков существования Западной империи. Наемные войска, которые Рим набирал среди них для своей защиты, предпочитая грабеж жалованью,

часто обращали оружие против тех, кого они должны были защищать. Они соперничали с римлянами в создании и свержении императоров и, как правило, выбирали их из своих рядов, чтобы обеспечить солдатам большую долю имущества граждан. Добыча уменьшалась по мере того, как увеличивалась алчность этих иностранцев (). Роскошь Западной империи вскоре стала казаться такой армии бесполезной тратой. Одоакр, представитель народа герулов, вождь наемников, служивших тогда в Италии, покончил с ней, свергнув в 476 году последнего императора. Он взял на себя титул короля и распределил между своими солдатами одну треть земель в самых плодородных провинциях; он управлял в течение семнадцати лет этой все еще славной страной, как богатой фермой, которую варвары имели право возделывать для своего исключительного пользования.

Наемники, объединенные под скипетром Одоакра, не были достаточно сильны, чтобы защитить Италию от нового вторжения варваров. Остготы, воодушевленные греческим правителем Нового Рима, императором Востока, прибыли в 489 году под командованием Теодориха из стран к северу от Эвксинского моря к границам Италии; они завершили ее завоевание за четыре года и удерживали полуостров в течение шестидесяти четырех лет под властью восьми последовательных королей. Эти новые варвары, в свою очередь, потребовали и получили часть земли и рабов; они, правда, размножились, но быстро ослабели в прекрасном климате, где они внезапно перешли от самых суровых лишений к наслаждению всякой роскошью. В конце концов, в 553 году они были завоеваны и покорены римлянами из Константинополя, которых они презирали как выродившихся преемников той же нации, которую победили их предки.

Вторжение лангобардов в 568 году последовало вскоре за разрушением монархии остготов. Среди различных орд, выдвинувшихся с севера Германии на южные регионы, лангобарды считались самыми смелыми, самыми жестокими и самыми гордыми своей независимостью; но их число было незначительным, и они едва ли признавали какие-либо социальные узы, достаточные для того, чтобы держать их в единстве: соответственно, они так и не завершили завоевание Италии. С 568 по 774 год в течение 206 лет друг за другом сменилось двадцать один лангобардский король, не сумев установить свое господство ни в лагунах на краю Адриатического залива, где укрылись и основали Венецианскую республику наиболее уязвимые жители верхней Италии, или на побережье Адриатики, ныне называемом Романья, управляемом наместником императора Константинополя под титулом экзарха пяти городов Пентаполиса; или в Риме, защищаемом только духовным оружием патриарха Западной церкви; или на южном побережье, где греческие муниципалитеты Неаполя, Гаэты и Амальфи управляли собой почти как независимые республики. Тем не менее, лангобарды основали королевство в северной Италии со столицей в Павии, а в южной Италии — герцогство Беневенто, которое сохранило свою независимость еще два века после порабощения королевства.

С середины VIII века лангобарды, владевшие страной, где большие города по-прежнему обладали большим богатством, где земля не утратила своей плодородности, где пример побежденных научил победителей преимуществам возрождения сельского хозяйства, вызывали зависть своих соседей франков, которые покорили и угнетали галлов, презирали всякую деятельность, кроме войны, и не желали никакого богатства, кроме того, которое давал меч. Они неоднократно вторжениями опустошали Италию и, наконец, в 774 году завершили разрушение лангобардской монархии.

Более двадцати лет папы или епископы Рима имели обыкновение противопоставлять королей Франции монархам Ломбардии, которые были им ненавистны сначала как язычники, а затем как еретики. Будучи главой духовенства древней столицы, где власть императоров Константинополя была номинально установлена, но никогда не ощущалась,

они смешали свои притязания с притязаниями империи; а поскольку лангобарды недавно завоевали экзархат Равенны и Пентаполис, они потребовали, чтобы эти провинции были возвращены Риму. Франкские короли сделали себя защитниками этого спора, что дало им возможность завоевать лангобардскую монархию; но Карл, король, который осуществил это завоевание и который был величайшим человеком, которого когда-либо производило варварство, в своих отношениях с Римом, в подчинении Италии, понял всю красоту цивилизации, которую его предшественники видели только для того, чтобы разрушить; он зародил возвышенную идею воспользоваться имевшейся в его распоряжении варварской силой, чтобы поставить себя во главе цивилизации, которую он стремился восстановить. Вместо того чтобы считать себя королем завоевателей, занятым только обогащением варварской армии добычей побежденных, он сделал своим долгом и славой управление страной в ее лучших интересах и для общего блага. Он сделал больше: совместно с папой Львом III он восстановил монархию завоеванных как Западную Римскую империю, которую он считал представителем права в противовес варварской силе; в Рождество 800 года он получил от того же папы и от римского народа титул римского императора и имя Карл Великий, которое до него никто еще не заслуживал так хорошо.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

[814-1039 гг. н. э.]

Как король, а затем как император, он правил Италией, а также другими своими обширными государствами, в течение сорока лет; он неуклонно и с растущей способностью преследовал цель, которую он себе поставил, а именно: установление господства законов « » и процветающей цивилизации; но варварство было слишком сильным для него, и когда он умер в 814 году, оно было восстановлено по всей империи.

Италия имела восемь королей из рода Карла Великого, включая его сына и внука, которые правили под его властью и были, по сути, его наместниками. Карл Толстый, правнук Карла Великого, был свергнут в 888 году; после чего десять правителей, итальянских или бургундских, но связанных с родом франков, в течение еще семидесяти лет боролись за корону Италии и империи. В 951 году Отто I Саксонский, король Германии, заставил правившего в то время Беренгера II признать себя своим вассалом; в 961 году Отто во второй раз вторгся в Италию со своими германцами, был коронован в Риме с титулом императора и отправил Беренгера II доживать свои дни в крепости в Германии.

Почти пять веков прошло с момента падения древней Римской империи до перехода обновленной империи к германцам. В течение долгого времени Италия подвергалась грабегам и угнетению со стороны варваров всех мастей, которые безжалостно захватывали страну только для того, чтобы грабить, и считали себя храбрыми, потому что, несмотря на небольшую численность, сеяли ужас на обширных территориях и воображали, что кровопролитие придает достоинство их грабегам. Страна, подвергавшаяся стольким надругательствам, не осталась такой, какой ее оставили римляне. Готские, лангобардские, франкские и германские воины, которые последовательно вторгались в Италию, привнесли в нее некоторые взгляды и чувства варварских народов, в частности, привычку к независимости и сопротивлению власти. Они делили со своими королями страну, завоеванную их доблестью. Они добились уступки им обширных районов, жителей которых они считали своей собственностью наравне с землей. Ломбардская монархия включала в себя тридцать герцогств или маркизатов; их число уменьшилось при Карле Великом и его преемниках, но в то же время под их властью возник многочисленный класс графов и *вавазеров*, между которыми каждый герцог делил предоставленную ему провинцию на

условиях, что они должны были присягать ему на верность и почитать его, а также следовать за ним на войны. Графы, в свою очередь, делили между воинами, привязанными к их знаменам, землю, выделенную им. Так была установлена феодальная система, которая сделала владение землей вознаграждением воина и создала наследственное подчинение, основанное на интересах и подтвержденное клятвой от короля до самого низшего солдата, установленное в то же время по всей Европе. Ломбарды принесли в Италию первые зародыши этой системы, которая была развита франками и укреплена гражданскими войнами Карла Великого и его преемников; эти войны сделали необходимым, чтобы каждый феодал укреплял свое жилище, чтобы сохранить верность своему господину; и страна, которая до тех пор была открытой и незащищенной, покрылась замками, в которых эти феодалы установили свою резиденцию.

Примерно в то же время, то есть в IX веке, города начали восстанавливать свои древние стены, поскольку варварские короли, которые повсюду сносили эти стены до основания, больше не противодействовали их восстановлению, а опасность вторжения соперничающих князей, оспаривавших трон, делала их необходимыми; кроме того, в эту эпоху новые полчища варваров со всех сторон наводнили Европу; жители Скандинавии под именем датчан и норманнов опустошали Англию и Францию; венгры разорили Германию и верхнюю Италию; сарацины, властелины Африки, наводнили южные побережья Италии и острова: ни один из этих захватчиков не преследовал цели завоевания; их единственной целью были грабежи и массовые убийства. Разрешение защищаться от постоянных надругательств не могло быть отказано жителям городов (). Несколько тысяч горожан часто были вынуждены платить выкуп чуть более чем сотне разбойников; но с тех пор, как императоры разрешили им восстановить городские стены, покупать или изготавливать оружие, они почувствовали, что могут заставить себя уважать. Их долгие страдания закалили их, приучили к лишениям и опасностям и научили, что лучше защищать свою жизнь, чем сдаваться каждому презренному агрессору; в то же время население городов, больше не живущее в праздности за счет провинций империи, прирастило к труду для собственной выгоды: соответственно, у них было некоторое богатство, которое нужно было защищать. Древние курии и муниципалитеты были сохранены во всех городах Италии их варварскими хозяевами, чтобы более равномерно распределять бремя, наложенное завоевателями, и более надежно добираться до отдельных лиц. Магистраты были вождями народа, который требовал только хлеба, оружия и стен.

Между тем герцоги, маркизы, графы и прелаты, которые считали эти города своей собственностью, а жителей — людьми, принадлежащими им и работающими только для их пользы, вскоре поняли, что эти граждане не склонны подчиняться и не позволят себя грабить, поскольку у них есть оружие и они могут защищаться под защитой своих стен: проживание в городах стало неприятным для дворян, и они покинули их, чтобы поселиться в своих замках. Они поняли, что для защиты этих замков им нужны преданные им люди; что, несмотря на преимущество, которое давали им тяжелые доспехи при сражении верхом, они были в меньшинстве; и они поспешили освободить сельское население, поощрять его рост, давать ему оружие и стараться завоевать его привязанность. Эффект от этого изменения правил был быстрым: в X и XI веках сельское население увеличилось, удвоилось, учетверилось в точном соотношении с землей, которую им приходилось возделывать.

Отто I, его сын Отто II и его внук Отто III были последовательно признаны императорами и королями Италии с 961 по 1002 год. Когда эта ветвь дома Саксонии прервалась, Генрих II Баварский и Конрад Салианский из Франконии заняли трон с 1004 по 1039 год. В течение этого периода, длившегося почти восемьдесят лет, германские императоры двенадцать раз вступали в Италию во главе своих армий, которые они всегда выстраивали на равнинах Ронкалья недалеко от Пьяченцы: там они удерживали государства Ломбардии, принимали

дань верности от своих итальянских феодалов, взыскивали причитающиеся ренты и издавали законы для управления Италией. Однако иностранный правитель, почти всегда отсутствующий, известный только своими набегами во главе варварской армии (), не мог эффективно управлять страной, которую он едва знал и где его иго было ненавистно. В течение этих пяти правлений социальная власть в Италии становилась все более и более слабой. Императоры были слишком счастливы признавать местные власти, какими бы они ни были, когда могли получить от них денежные поступления: иногда это были герцоги или маркизы, чьи титулы пережили бедствия различных вторжений и гражданских войн; иногда это были архиепископы и епископы крупных городов, которых Карл Великий и его преемники часто наделяли герцогскими и графскими титулами, перешедшими к короне, полагая, что пожизненно избираемые лорды будут более зависимыми, чем наследственные лорды; иногда, наконец, это были сами магистраты, которые, хотя и избирались народом, получали от монарха титул имперских викариев и участвовали вместе с дворянами и прелатами в *плейдах* (*placita*) или сеймах Ронкальи.

Во времена Конрада Салианского прелаты почти по всей Ломбардии присоединились к городам против дворян; и с 1035 по 1039 год между этими двумя сословиями общества шла общая война. Конрад положил ей конец, приняв конституцию, которая считается основой феодального права. Благодаря ей наследование феодалов было защищено от прихотей лордов и короны, самые угнетающие условия феодальной зависимости были отменены или смягчены, а немногие оставшиеся рабы были освобождены.

ИМПЕРИЯ И ПАПСТВО

Корона Конрада Салианского перешла по прямой линии к его сыну, внуку и правнуку. Первый, Генрих III, правил с 1039 по 1056 год; второй, Генрих IV, с 1056 по 1106 год; третий, Генрих V, с 1106 по 1125 год. Последние два правления были омрачены кровопролитной враждой между империей и римским двором, известной как война за инвеституру. Рим никогда не входил в состав монархии лангобардов. Эта древняя столица мира с прилегающей к ней территорией с момента завоевания Альбоином образовала герцогство, управляемое патрицием или греческим герцогом, посланным из Константинополя. Однако епископ Рима, который, согласно древним каноническим формам, избирался духовенством, сенатом и народом своей епархии, имел гораздо большую власть над своей паствой, чем этот иностранный магистрат.

[717-1125 гг. н. э.]

Однако понтифик, который теперь начал носить исключительно имя папы, не раз успешно защищал Рим своими духовными оружиями, когда мирские оружия терпели неудачу. Когда в 717 году иконоборец, или враг изображений, занял престол Константинополя, папы под предлогом ереси полностью отвергли его власть; муниципалитет, во главе которого стояли сенат и консулы, тогда управлял Римом почти как независимым государством; греки, занятые своими собственными разногласиями, казалось, забыли об этом; и Рим обязан этой забывчивости пятьюдесятью годами своего рода свободы. Римляне вновь обрели бледное подобие своей былой славы; иногда даже возрождался титул Римской Республики. Тем не менее, они одобрили решение папы Стефана II присвоить князьям франков достоинство патрициев, чтобы передать им власть, которую греческий магистрат осуществлял в их городе от имени императора Константинополя; и народ с радостью согласился, когда в 800 году Лев III короновал Карла Великого как августа и восстановителя Западной империи. С этого периода Рим вновь стал

столицей империи. В Риме главы империи отныне получали золотую корону « » из рук папы, после того как получали серебряную корону королевства Германии в Аахене и железную корону Ломбардии в Милане.

Благодаря благодарности императоров, римская кафедра обладала огромным богатством и феодальной властью. Папство стало высшей целью стремлений всего священнического сословия, и в эпоху насилия и анархии на папский престол нередко восходили бароны, известные своими грабежами, и молодые распутники, рекомендованные лишь благосклонностью некоторых римских дам. Другие епископы, выбранные на эту должность, зачастую были не лучше. Немецкие императоры, прибывая в Рим, иногда были вынуждены положить конец такому скандалу и выбирать между соперниками или смещать папу, который заставлял покраснеть все христианство. Генрих III заставил народ отказаться от права, которым он до сих пор пользовался и которым так злоупотреблял, участвовать в выборах пап. Он сам последовательно назначил четырех пап (), которых выбрал из числа самых ученых и набожных священнослужителей Италии и Германии, и тем самым мощно поддержал дух реформ, который начал одушевлять церковь с XI века.

РАЗЪЕДИНЕННЫЕ МУНИЦИПАЛИТЕТЫ

[1046-1122 гг. н.э.]

Война за инвеституру, длившаяся более шестидесяти лет, привела к распаду всех связей между различными членами королевства Италия. Гражданские войны имеют, по крайней мере, одно преимущество — они заставляют правителей народа учитывать желания своих подданных, обязывают их завоевывать любовь, которая составляет их силу, и компенсировать предоставлением новых привилегий услуги, которые они требуют. Прелаты, дворяне и города Италии подчинялись, одни императору, другие папе, но не из слепого страха, а по собственному выбору, из привязанности, из совести, в зависимости от того, какие политические или религиозные чувства преобладали в каждом из них. Война была общей, но велась повсюду с помощью национальных сил. Каждый город вооружал свою милицию, которая под руководством магистратов нападала на соседних дворян или города противоположной партии. Хотя каждый город воображал, что сражается либо за папу, либо за императора, он обычно руководствовался исключительно своими собственными чувствами: каждый город считал себя целым, независимым государством, имеющим своих союзников и врагов; каждый гражданин испытывал горячий патриотизм не к королевству Италии или империи, а к своему городу.

В период, когда короли или императоры предоставили городам право возводить укрепления, им было также предоставлено право собирать граждан по звуку большого колокола, чтобы согласовать средства их общей обороны. Это собрание всех мужчин государства, способных носить оружие, называлось парламентом. Оно собиралось на большой площади и ежегодно избирало двух консулов, ответственных за отправление правосудия внутри страны и командование армией за ее пределами. Ополчение каждого города делилось на отдельные подразделения в соответствии с местным делением, каждое из которых возглавлял *гонфалоньер*, или знаменосец. Они сражались пешком и собирались вокруг *кароккио*, тяжелой повозки, запряженной волами и покрытой флагами и гербами города. Посередине этой повозки возвышался высокий шест с флагами и изображением Христа, который, казалось, благословлял армию, раскинув обе руки. Священник ежедневно отправлял мессу у алтаря, установленного в передней части повозки. Трубаچی общины, сидящие в задней части, сигнализировали о наступлении и отступлении. Именно Гериберт, архиепископ Милана, ^[3] современник Конрада Салианского, изобрел эту повозку по образцу

ковчега завета и добился ее принятия в Милане. Все свободные города Италии последовали этому примеру: эта священная колесница, вверенная охране милиции, придавала им вес и уверенность. Вельможи, которые участвовали в гражданских войнах, и были вынуждены прибегать к защите городов, где они были приняты в первый сорт граждан, составляли единственную кавалерию.

Парламент, который назначал консулов, также назначал тайный совет, называемый *consilio di credenza*, для помощи правительству, состоящий из нескольких членов, взятых из каждого подразделения; кроме того, существовал великий совет народа, который готовил решения, подлежащие представлению парламенту. *Consilio di credenza* одновременно отвечал за управление финансами, состоявшими в основном из пошлин, взимаемых на въезде в город, и добровольных взносов, которые просили у граждан в моменты опасности. Поскольку промышленность быстро развивалась и опережала рост роскоши, а домашняя жизнь была скромной, а продукция труда значительной, богатство значительно увеличилось. Граждане не позволяли себе использовать свое богатство ни для чего другого, кроме защиты или украшения своей страны. Именно в период с 900 по 1200 год городами Италии были предприняты и осуществлены самые грандиозные работы. Они начали с того, что окружили себя толстыми стенами, рвами, башнями и контрфорсами у ворот; это были огромные работы, которые мог осуществить только патриотизм, готовый на любые жертвы. В то же время приморские города строили свои порты, пристани, каналы и таможни, которые также служили огромными складами для торговли. Каждый город строил общественные дворцы для *синьории*, или муниципальных магистратов, и тюрьмы, а также храмы, которые и по сей день вызывают у нас восхищение своим величием и великолепием. Эти три века возрождения дали импульс архитектуре, который вскоре пробудил и другие виды изобразительного искусства.

[568-1200 гг. н.э.]

Республиканский дух, который теперь бурлил в каждом городе и дал каждому из них такие мудрые конституции, таких ревностных магистратов и таких патриотичных и способных на великие достижения граждан, нашел в самой Италии образцы, которые способствовали его формированию. Война за инвестиру придала крылья этому всеобщему духу свободы и патриотизма во всех муниципалитетах Ломбардии, Пьемонта, Венеции, Романьи и Тосканы. Но в Италии уже существовали другие свободные города, опыт которых был достаточно долгим, чтобы доказать, что мелкий народ, объединившись и посвятив себя общему делу, обретает силу, которой часто не хватает великим государствам. Свободные города, процветавшие в XI веке, возродились из руин Западной империи, так же как те итальянские города, которые предшествовали им на пути к свободе, возродились из руин Восточной империи.

Когда греки уступили лангобардам Италию, которую несколько лет назад они завоевали у остготов, они все еще сохраняли несколько изолированных портов и укрепленных мест вдоль побережья. Венеция на краю Адриатического моря, Равенна к югу от устья По, Генуя у подножия Лигурийских гор, Пиза у устья Арно, Рим, Гаэта, Неаполь, Амальфи, Бари либо никогда не были завоеваны лангобардами, либо находились в подчинении слишком короткое время, чтобы потерять свои древние стены и привычку их охранять. Эти города служили убежищем для римской цивилизации. Все, кто сохранил какое-либо состояние, независимость ума или ненависть к угнетению, собирались в них, чтобы согласовать способы сопротивления наглости своих варварских хозяев. Греческая империя сохраняла в Константинополе всю свою древнюю гордость, но с восточной апатией рассматривала эти остатки как по-прежнему представляющие ее провинцию Италию, не предпринимая при

этом ничего для их защиты. Время от времени туда посылали герцога, экзарха, патриция, катапана или другого магистрата с титулом, объявляющим о самых высоких притязаниях, но без какой-либо реальной силы. Граждане этих городов требовали денег и солдат для ремонта и защиты своих укреплений, в то время как императоры, напротив, требовали, чтобы деньги и солдаты Италии были отправлены в Константинополь. После некоторых споров греческое правительство сочло разумным отказаться от этого вопроса и закрыть глаза на установление свободы, которую оно презирало, но которая, возможно, могла бы быть полезна для защиты этих отдаленных владений; в конце концов, магистраты, которых назначали сами эти города, стали признанными хранителями императорской власти. Им было разрешено распоряжаться собственными деньгами и солдатами при условии, что они не будут предъявлять никаких требований к императорам, которые были довольны тем, что их имена фигурировали в начале каждого акта, а их изображение было на монетах, и не требовали других актов подчинения. Однако эта политика не была точно соблюдена в отношении Равенны, а затем и Бари. В этих городах представитель императора обосновался со своим греческим гарнизоном. Равенна, а также принадлежавшие ей города, называемые Пентаполис, были завоеваны лангобардами между 720 и 730 годами. Бари стал тогда столицей *темы* Ломбардии, которая простиралась на большую часть Апулии. Мы уже показали, как Рим перешел от Греческой к Западной империи: мы скорее подозреваем, чем знаем, что Генуя и Пиза, после того как были оккупированы лангобардами, сохранили свои отношения с Константинополем. *Паллиум*, или шелковое знамя, которое в течение некоторого времени дарили императорам, рассматривалось ими как своего рода дань; но Венеция на верхнем море, Гаэта, Неаполь и Амальфи на нижнем море более открыто продвигались к независимости.

Венеция

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕНЕЦИИ

[452-730 гг. н. э.]

С момента вторжения Аттилы в 452 году болота под названием Лагуна, образовавшиеся на краю Адриатического моря в результате отложения ила семью или восемью большими реками, среди которых возникали бесчисленные острова, стали убежищем для всех богатых жителей Падуи, Виченцы, Вероны, Тревизо и других великих городов Венеции, бежавших от сабель гуннов. Западная Римская империя пережила это великое бедствие двадцать четыре года, но это был лишь период агонии, в течение которого новые бедствия постоянно заставляли новых беженцев селиться в Лагуне. В конце концов там сформировалось многочисленное население, которое жило за счет рыболовства, производства соли, некоторых других промыслов и торговли, осуществлявшейся с помощью этих многочисленных рек. Находясь вне досягаемости варваров, у которых не было судов,

забытые римлянами и их преемниками остготами, они сохраняли свою независимость под управлением трибунов, назначаемых народным собранием на каждом из отдельных островов.⁴

Подлинные записи о морской Венеции начинаются с прибытия лангобардов в Италию. Записи, относящиеся к более раннему периоду, являются произведениями более поздних летописцев, написанными в духе восхваления республиканской власти.

Как справедливо заметил Баббо в отношении хваленой древности происхождения и свободы Венеции, республикам было льстиво приписывать себе столь древнюю и суверенную власть, «но правда заключается в том, что свобода и власть не возникают сразу в полной мере, а постепенно завоевывают позиции в неизвестности и трудностях». Однако критика уже давно обращает внимание на эти вымыслы и, наконец, заставила замолчать венецианские традиции с их мнимыми основаниями.

Однако из этого не следует делать вывод, что венецианские острова были необитаемы до вторжения лангобардов, поскольку существуют документы, доказывающие обратное. Но, как любой может видеть, есть большая разница между тем, что на островах были жители, и тем, что они были резиденцией организованного и свободного государства, как нас просят поверить.

В настоящее время общепризнанно, что во время римского господства и в период временных вторжений постоянное население островов оставалось подчиненным континентальной Венеции, и в частности материнскому городу, от которого оно получало своих магистратов. Но когда иностранные вторжения стали более длительными, узлы независимости от материнской страны неизбежно ослабли, если не были полностью разорваны.

[538-600 гг. н. э.]

Первым документом, свидетельствующим об эмансипации островов от континентальной Венеции, является письмо, написанное Кассиодором трибуну морских мест в 538 году, в котором он просит его обеспечить транспортировку в Равенну вин и масел, принадлежащих истрийцам. Но если это письмо и свидетельствует о том, что жители островов во времена готского правления начали избирать своих собственных магистратов, а не принимать их из метрополии, оно не доказывает, что с тех пор острова обладали полной политической властью, как хотели бы нас убедить Грасвинкель в древности и Кривелло в наше время. Ведь в этом случае письмо не было бы написано от имени префекта этого места, а также от имени короля, как это было принято в отношении иностранцев; Кассиодор также не осмелился бы использовать в отношении венецианского трибуна тот же язык, что и в своих письмах к *provinciali* Истрии, *consulare* Лигурии и *possessori* Сиракуз, которые никогда не считались независимыми магистратами. Кроме того, Бальбо отмечает, что близость лагун к Равенне, столице и резиденции готских королей Италии, делает любое другое предположение абсурдным.

Таким образом, Романино показывает, что эта зависимость островов от готского господства была скорее номинальной, чем реальной. Несомненно, что она превратилась в своего рода протекторат, прежде чем стала настоящей республикой, поскольку правление восточных готов было слишком коротким, чтобы позволить им укрепить свою власть, и, кроме того, номинальная амнистия островов королевству в достаточной мере

удовлетворяла амбиции готских королей и избавляла их от необходимости предпринимать попытки завоевания. Когда Италия перешла в руки греков благодаря победам Велизария, венецианские острова последовали за судьбой матери-страны и впоследствии вновь перешли под власть греков после кратковременного восстановления готского правления. Кроме того, греческое господство над островами, по-видимому, превратилось в простую военную оккупацию; по крайней мере, так было во второй половине VI века, когда миграции стали окончательными, чтобы утвердить власть лангобардов в Италии.

Чтобы показать, насколько острова были в то время далеки от зависимости от Константинополя, мы цитируем авторитетного летописца Джованни Диакон⁴, который датирует возникновение трибунального правительства и формирование ранга метрополий островов с момента прибытия лангобардов. Этот факт, с одной стороны, показывает автономное положение островов по отношению к Византийской империи, а с другой — доказывает, что зависимость островов от материнской страны к этому времени практически прекратилась. Поэтому во второй половине VI века трибуны принимают торжественный титул трибунов островов морских лагун, предложенный корпорациями этих островов, чтобы показать, что их избрание было произведено с полной поддержкой островов, без учета мнений материнских городов. О форме политических отношений островов с Константинополем можно судить по рассказу летописца Альтинате о посещении Лонгином островов в 584 году перед возвращением в свою страну.

Альтинат рассказывает, что когда Лонгин попросил островитян принять его в лагунах и оттуда перевезти на своих кораблях в Константинополь, он пытался убедить их, говоря, что не требует от них клятвы верности, но если они хотят показать себя хорошими слугами империи и готовыми сражаться с врагами, он сообщит или пошлет за тем, что они хотят в Константинополе; он попросит императора о том, что они хотят, посредством письма, которое он сам передаст императору, что увеличит уступки островам, чтобы они имели открытый и свободный доступ ко всем портам империи для торговли. Венецианцы, удовлетворенные такими обещаниями, после того как сообщили экзарху о своем положении, о том, как они создали это убежище в лагунах, чтобы не бояться подчинения какому-либо императору, королю или любому другому князю в мире, приняли его с большой честью и отправили с ним в Константинополь делегацию, чтобы просить императора о том, что обещал экзарх. И император дал венецианцам грамоту, согласно которой они должны были пользоваться почетом со стороны всех властей столицы и государства, а также получать защиту императорских войск во всех морских районах и полную безопасность для своей торговли в королевстве; и таким образом венецианцы подчинились его владычеству и гордились этой честью. Из этого рассказа летописца Альтинате, который был подтвержден последующими летописцами, мы видим, что основные политические отношения венецианцев с империей, как и с готскими королями Италии, были скорее отношениями защиты, чем подчинения.

«Они признавали, — говорит Романи, — императора своим господином, они склонялись перед рабскими формулами, предписанными гордым тщеславием восточного двора, они принимали общепринятый обычай оглаwiać свои акты именем и годом правления царствующего цезаря; но они продолжали управлять собой по своим собственным законам и с помощью своих собственных магистратов. Они вели войны и заключали договоры, чего они не могли бы делать в состоянии подчинения».

И, опираясь на авторитет византийских записей, императора Константина Порфирогенета в Калкондиде, это состояние политической автономии, которым венецианцы пользовались во второй половине VI века (по словам автора *Storia documentata di Venezia*), воссоздавало разнообразные условия жизни, в которых морская Венеция прошла от своего первого

появления на арене истории до завоевания Италии лангобардами. Из фактов, содержащихся в этих накопленных материалах, он должен был сделать вывод, что острова сначала зависели от венецианской территории, к которой они были присоединены, что в условиях хаоса, вызванного варварскими вторжениями, в результате которых они оказались отрезанными от матери-страны, они должны были сами обеспечивать себя и назначать своих собственных магистратов, что они признавали готское господство, которое не доставляло им неудобств, и им было позволено сохранить свое собственное муниципальное управление; и что, наконец, во времена лангобардов их конституция приобрела стабильную форму, а их первые отношения с королями Италии и с императорами Римско-Германской империи () скорее соответствовали отношениям протектората, чем реальной зависимости. Беспристрастное изучение последующих событий подтверждает этот факт, поскольку очевидна полная свобода в реформировании собственного правительства и законов без вмешательства какой-либо иностранной державы; войны велись спонтанно, а договоры заключались независимо. Таким образом, все происходило естественно и постепенно, как видно из имеющихся у нас записей и как мы узнаем из национальной истории и хроники событий.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОЖЕСТВА

[600-713 гг. н. э.]

Существует лишь несколько записей о периоде между заключением компромисса с императором Маврикием и основанием венецианского герцогства, но их достаточно, чтобы подтвердить автономную политику, которой в то время пользовались венецианские острова. Большинство этих записей касается войн, которые венецианцы вели с лангобардами. Благодаря этим войнам они стали хозяевами Падуи. Во времена короля Агилульфа они обратили свое оружие против островов, чтобы подчинить их своей власти. Растущее процветание островов и мысль о том, что накопленное там богатство было в основном привезено с континента, чтобы защитить его от узурпации завоевателей, разжигали сильное желание завершить их завоевание. Внешние опасности островов сопровождались внутренними спорами, вызванными амбициями и ревностью трибунов.

Когда большая часть страны, осознавшая серьезность угрожающей ей опасности, созвала общий совет в Геракле под председательством главного патриарха Аристофоро, возникли опасения по поводу неминуемого вторжения лангобардов. И здесь было единодушно решено ввести более строгую форму правления, предотвратив соперничество магистратов, которые были главными разжигателями внутренних распри. Следуя примеру таких великих городов, как Рим, Генуя и Неаполь, которые были спасены герцогами, они согласились назначить главного магистрата с юрисдикцией над всеми островами с титулом «герцог» (*дож*). Затем, приступив к выборам лица, которому должно было быть присвоено это достоинство, их выбор пал на Паоло Лучо, или Паолуччо Анафесто. Таково было происхождение венецианского герцогства, как оно записано летописцами. Но если между ними и существует единодушие в отношении причин, которые привели к возникновению герцогской власти в морской Венеции, то в отношении времени, когда она была учреждена, его нет. Одни относят его к 697 году, другие — к первым годам следующего века. Среди них есть Джованни Диакон (Giovanni Diacono), [автор «Истории Венеции»](#) (), который относит избрание Паолуччо ко времени правления императора Анастасия II и короля лангобардов Лютпранда. А поскольку, согласно самому древнему венецианскому летописцу, Лютпранд вступил на престол в 712 году, а Анастасий — в 713 году, избрание Паолуччо не могло произойти раньше последнего года.

Таким образом, между двумя крайними датами, указанными летописцами, есть разница в шестнадцать лет, что является достаточным временем для критики. Но различные точки зрения защищались и оспаривались безрезультатно. Муратири Лео защищал дату 697 года, которая указана Дандоло и его последователями; Романи колебался между двумя датами; Филиази и Бальбо склонялись к среднему варианту и относили избрание Паолуччо к 706 или 707 году. Но поскольку ни один из них не приводит более достоверных доказательств в поддержку более точной даты, мы останемся при своем мнении и предпочтем дату 713 года, которая соответствует мнению наиболее авторитетного автора по венецианским вопросам. К этому предпочтению нас подталкивает причина, которую летописцы обычно приписывают основанию венецианского герцогства. Ведь если верно, что приближение лангобардов побудило жителей островов учредить высшую магистратуру, то это не могло относиться к времени, предшествовавшему Лютпранду, когда лангобарды, либо из-за слабости целей, либо из-за внутренних споров, были неспособны думать о новых завоеваниях или вызывать страхи и опасения у своих соседей. Хроникер Джованни ничего не говорит о полномочиях нового магистрата, и его молчание по столь важному вопросу тем более прискорбно, что в расчетах, сделанных более поздними хронистами по поводу герцогской власти, мы находим имена, используемые в отношении вопросов, более современных им, чем времени, о котором они говорят.

Андреа Дандоло,^a самый достоверный из них, описывает следующими словами атрибуты первых венецианских герцогов: «Они имели, — говорит дож-летописец, — власть и право созывать общее собрание для решения государственных дел, назначать трибунов и судей для управления всеми частными, светскими и церковными делами, за исключением чисто духовных; они обладали властью во всем, что соответствовало титулу дожа; по их приказу там собирались советы духовенства, и выборы в прелатуру проводились духовенством и народом, выборы и инвеститура осуществлялись их руками, поскольку они обладали правом назначения». Очень сомнительно, что герцогские атрибуты изначально были так подробно определены. В любом случае, из появления военного магистрата с титулом магистра милиции рядом с первым герцогом можно сделать вывод, что юрисдикция герцога ограничивалась гражданскими делами. Хронист Джованни,^b говоря о Паолуччо Анафесто, говорит, что он судил своих подданных с умеренной справедливостью. И здесь глагол «судить» используется в более определенном и правильном смысле, чем в ломбардских историях и документах, касающихся их герцогов. Он выражает исключительно гражданскую юрисдикцию, в то время как юрисдикция ломбардских герцогов включала как военную, так и гражданскую юрисдикцию.

У нас есть важный документ о герцогстве Анафесто,^c который показывает, насколько выгодным для венецианцев было учреждение герцогской власти. Этот документ представляет собой соглашение дожа с Лютпрандом, по которому лангобардский король уступал венецианцам право торговли на территории самого королевства и, определяя границы между двумя государствами, объявлял венецианскими территории между реками Пьяве-Маджоре и Пьявечелли со стороны Гераклеи. Таков, по словам летописца Джованни, был смысл мирного договора, заключенного между Лютпрандом и первым дожем Венеции. И мы имеем достоверное подтверждение его правдивости в проверке, проведенной Барбароссой в 1177 году, того, что касалось обозначения венецианских границ со стороны Италии.^c

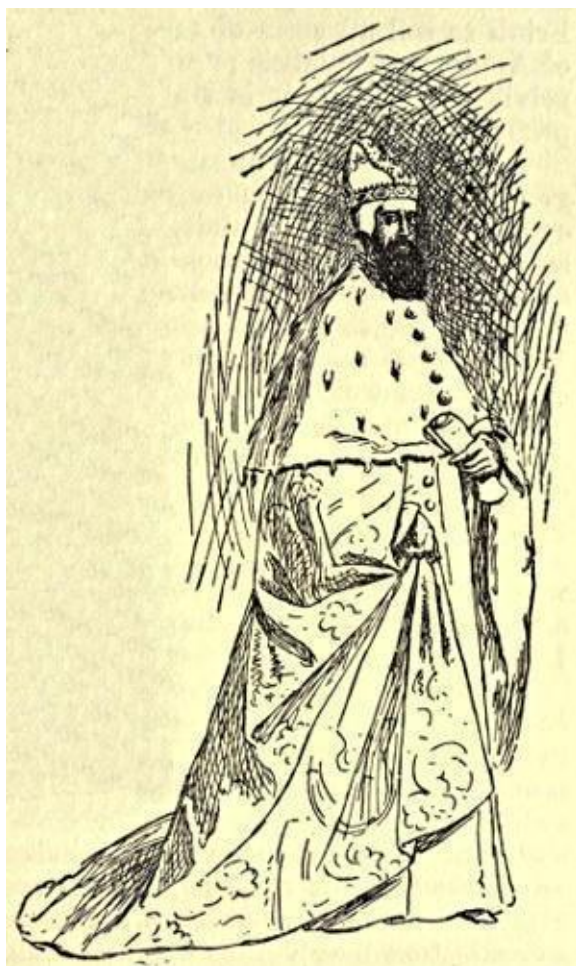
В 809 [или 810] году, во время войны против Пепина, сына Карла Великого, венецианцы выбрали остров Риальто, возле которого они собрали свой флот с богатствами и построили город Венецию, столицу своей республики. Двадцать лет спустя они перевезли туда из

Александрии тело святого Марка, евангелиста, своего избранного покровителя. Его лев фигурировал в их гербе, а его имя — в их языке, когда они с особой любовью называли свою страну или правительство.

ВЕНЕЦИЯ В X ВЕКЕ

В то время как венецианцы спорили с лангобардами, франкскими и германскими императорами за небольшой участок земли, на котором стояли их дома, им приходилось также спорить за море, омывающее их берега, со славянами, которые основали себя с целью пиратства на восточной стороне Адриатики.^{[b](#)} Прошло всего пятьсот лет с тех пор, как беженцы из Падуи и Аквилеи нашли убежище в лагунах. Довольные тем, что обрели там безопасность и свободу для расширения своего города и развития торговли, они до сих пор вели только справедливые войны, беря в руки оружие только для того, чтобы отразить пиратов, помочь угнетенным соседям или защитить свою свободу от Пепина и венгров.

Хотя многочисленные победы дали им справедливую оценку своей силы, они не могли упрекнуть себя в агрессии, разве что за исключением войны против сарацин, но эта война была начата по просьбе итальянского народа и по просьбе восточного императора. Кроме того, согласно общепринятым представлениям той эпохи, сарацины, как неверные, не подпадали под действие общих прав. Республика никогда не совершала вторжений на континент, поскольку было бы несправедливо приписывать ей короткие экспедиции двух дождей, которые преследовали исключительно свои собственные интересы.

Дож Венеции

Это союз изгнанников и рыбаков превратился в богатую, могущественную, воинственную, но в то же время мирную нацию. Плодом этой умеренности было, если не существование, свободное от бедствий, то, по крайней мере, средство для создания независимого государства, постепенно освобождавшегося от влияния двух империй, между которыми оно

находилось, — государства, которое, кроме того, вело переговоры со своими соседями, насчитывало много знатных семей, чьи князья женились на дочерях королей, но в целом не выходило за пределы лагун и нескольких точек соседнего побережья. Начиналась новая эпоха.

Торговля, профессия, в которой постоянно испытываются удачи, не является школой умеренности. Успехи вдохновляют жадность и зависть, а последние — дух господства. Морская торговля нуждалась в портах, где могли бы собираться ее корабли, в власти, где она покупала, в привилегиях, где она продавала, в безопасности для судоходства и, прежде всего, в отсутствии конкурентов. Этот амбициозный дух на самом деле такой же, как дух завоевания. Венеция покажет нам пример этого.

Ни один выбор венецианцев не был более оправдан своими великими и долгосрочными результатами, чем выбор дожа Пьетро Орсеоло II в 991 году. Он был сыном того, кто отрекся от дожа в пятнадцать лет назад. Как и в жизни всех великих людей, в его жизни было что-то удивительное: за границей ходили слухи, что его отец объявил, что его сын станет славой своей страны, а святость Орсеоло I придала этим отцовским надеждам весь авторитет пророчества.

Едва новый дождь вступил на престол, как фракции, раздиравшие Венецию во время правления его слабого предшественника, успокоились или, по крайней мере, затихли. Обсуждения часто были бурными, дворец не раз был окрашен кровью. Орсеоло издал закон, согласно которому все акты насилия на публичных собраниях должны были наказываться штрафом в двадцать золотых ливров или смертной казнью для тех, кто не имел средств для оплаты. Будучи государственным деятелем и умным военачальником, он занимался продвижением коммерческого процветания. Он вел переговоры со всеми итальянскими государствами о поставках товаров. Он добился от императора Востока, чтобы все подданные республики были освобождены от пошлин на всей территории империи, не только в портах, но и в глубине страны, или, по крайней мере, чтобы пошлины были снижены в пропорции тридцать золотых солов к двум. Наконец, он обеспечил себе, с помощью посольства и подарков, благосклонность египетских и сирийских султанов. Внутренняя торговля на Адриатике сама по себе была богатым источником богатства для венецианцев. Благодаря концессиям патриарха Аквилеи и итальянских королей, их корабли курсировали по всей Ломбардии и Фриули, продавая всевозможные иностранные товары. Их с радостью принимали в портах Апулии и Калабрии; на восточном побережье залива они пользовались некоторыми привилегиями, купленными, правда, за дань, но тем не менее прибыльными.

Из Далмации они получали дрова, вина, масла, коноплю, лен, все виды зерна и скот. Восточное побережье предлагало свинец, ртуть и металлы всех видов, древесину для строительства, шерсть, ткани, домашнее белье, веревки, сухофрукты и даже рабов и евнухов. Повсюду они обладали исключительным правом на торговлю солью и соленой рыбой и доставляли в каждую страну товары Востока. Именно благодаря столь обширной торговле Венеция, до тех пор не имевшая территории, вооружила флот и, находясь между двумя империями, сумела противостоять одной и сделать себя необходимой для другой. Эти преимущества были значительными, но чтобы спокойно ими пользоваться, необходимо было избавиться от нарентских пиратов, которые в течение ста пятидесяти лет мешали венецианской торговле своими постоянными набегами. Они не давали непосредственного повода для нападения, а лишь требовали ежегодную дань, которую республика им обещала, на что дож ответил, что скоро сам ее принесет. Их нападения в то время были направлены против народов, проживавших вдоль побережья Адриатики: истрийцев, либурнов и далматинцев.

[996-997 гг. н. э.]

Различные народы один за другим поселились на этих побережьях; сначала они полагались на защиту своих вождей, затем жители Далмации попали под власть восточного императора, а те, кто жил дальше на север, обращались к правителю Запада. Эти две империи ослабели; на побережье моря возникли различные торговые города, которые постепенно стали считать себя независимыми и которые нашли бы надежный источник процветания в морских делах, если бы не вмешательство соседних нарентинцев. Не будет необоснованным предположить, что Венеция испытывала некоторую тревогу, даже ревность, по отношению к этим людям, поселившимся на восточном побережье Адриатики, поскольку они были независимыми, трудолюбивыми и хорошими моряками.

Венецианские историки рассказывают, что все эти люди, как будто движимые единодушным желанием, послали в Венецию депутатов, чтобы просить помощи против пиратов, предлагая подчиниться республике, если она их спасет. Очень немногие люди готовы подчиниться, и нет магистратов, имеющих право подчинять людей. Эта делегация, если она действительно существовала, принесла больше чести политикам, которые ее приняли, чем мудрости тех, кто ее послал. Как бы то ни было, венецианцы поспешили собрать значительное вооружение, чтобы пойти на помощь или свергнуть своих соседей, и дож, получив из рук епископа знамя республики, вышел в море весной 997 года.^d

[997-998 гг. н. э.]

18 мая 997 года флот покинул причалы и направился к Градо, где его встретил патриарх Витали Сандудо в сопровождении торжественной процессии духовенства и народа. Из Градо весь флот последовательно отплыл в Пирано, Омаго, Эмонию, Паренцо, Ровиньо, Полу, Зару, Спалатро, Трау, Оссеро, Арбо, Веглия, Себениго, Белград, Ленинград и Курзолу. Все эти места, казалось, приветствовали венецианцев как своих освободителей, и каждое из них с готовностью принесло присягу на верность своему сюзерену. В Заре, где венецианские купцы основали свои первые поселения и где народ проявил особую горячность, Орсеоло пробыл шесть дней; в этот период прибыла делегация от Дирцислава, короля Хорватии, которого тревога по поводу успешного продвижения экспедиции побудила к примирению с республикой. Послы Дирцислава были отправлены без аудиенции. В Трау он встретил брата короля по имени Крешимир, который умолял его Высочество помочь ему в установлении совместного права на трон его отца, с которого, как он утверждал, он был недавно изгнан вероломством Дирцислава. Орсеоло отнесся к этому делу благосклонно и вскоре (в 998 году) в знак дружбы и уважения, а также из соображений торговой политики, дал согласие на брак своей дочери Хицелы с сыном хорватского князя.

Но кампания была далека от завершения. Еще предстояло преодолеть большое препятствие. Лесина, главный член Иллирийской группы и главный приют пиратов, все еще оставалась не взятой; и дож, отправив десять галер из Трау, чтобы разорить побережье Наренты, поспешил с главным флотом, чтобы достичь этой цели. Орсеоло без колебаний вошел в гавань, и, поскольку обычные призывы к сдаче не возымели никакого эффекта, был отдан приказ начать штурм. Лесинецы в ужасе съежились под градом камней и стрел, которые без перерыва сыпались на их стены; эскарп был взят штурмом, башня была осаждена и взята, венецианцы вошли в город, и после короткого периода беспорядка и хаоса прибытие дожа восстановило порядок. Мудрая милосердность Орсеоло снискала уважение побежденных; и настолько сильное впечатление произвело на соседей взятие места, которое обычно считалось неприступным, что, как только она услышала о падении Лесины,

маленькая республика Рагуза отправила посольство, чтобы предложить свою верность завоевателю. В то же время десять галер, которые были отправлены для разорения побережья Наренты, присоединились к главному флоту с сорока хорватскими трофеями; и этот побочный успех, который мог частично способствовать унижению короля Дирцислава, доставил Орсеоло немалое удовлетворение. Таким образом, за несколько месяцев достигнув цели своей экспедиции, дож завершил кампанию, диктуя условия морским разбойникам Наренты; а Орсеоло, вернувшись в столицу и сообщив национальному Арренго о замечательном успехе, сопутствовавшем оружию республики, был провозглашен дожем Венеции и Далмации (998 г.). Принятие этого высокого титула, по-видимому, полностью соответствовало представлениям о суверенитете, широко распространенным в ту эпоху. Неполное завоевание и неустойчивое владение несколькими сотнями миль далматинского побережья было достаточно, по мнению венецианцев, чтобы сделать саму Далмацию неотъемлемой частью их владений; и характерной чертой той эпохи является то, что, присваивая короне новые почести, не было сделано никакой попытки провести различие между огромной территорией, в которой республика имела мало или вообще не имела территориальных интересов и лишь на небольшой части которой она осуществляла самые минимальные феодальные права, и островами, на которые она имела полное право собственности и владения.^{[41]k}

[998-1198 гг. н. э.]

В периоды мира Орсеоло благородно использовал свое состояние для возведения общественных памятников. Его отец основал больницу и за свой счет перестроил дворец и церковь Святого Марка. Сын перестроил собор в Градо, другие говорят, что весь город, и многие здания в Геракле. Эта великолепие может дать представление о том, до какой степени великолепия достигли великие семьи. Эта конкретная семья была возведена в герцогское достоинство всего одно поколение назад.^d

Было бы неразумно ожидать от прославленных граждан Венеции большего, чем можно ожидать от человеческого рода, просить их забыть о славе и великолепии своего дома, подняться над домашними интересами, работать только для величия государства и сделать это поколение равным всем гражданам. Тенденция к аристократизму долгое время была лишь результатом влияния, которое оказывали богатство, должность, память о оказанных услугах и уважение, которое естественным образом присуще прославленному имени. Такой вид аристократизма существовал задолго до появления законного. В политическом порядке не было различия между дворянами и плебеями, и когда иностранец или даже принц принимался в число венецианцев, ему говорили: «*Civem nostrum creamus*» — «Мы делаем вас нашим согражданином».

Но венецианская знать часто общалась с высокопоставленными французскими баронами и, естественно, переняла некоторые из их взглядов. С другой стороны, народ и средний класс, как и знать, также были заинтересованы в этом. Если вполне законная гордость аристократов заставляла их стремиться к власти, то здравый смысл другой стороны советовал им требовать свою долю. Именно из борьбы между этими интересами возникла новая форма правления. Один историк настолько увлекся, что заявил, что эта революция вернула «естественный порядок, при котором низшие сословия подчинялись высшим». Эти слова не имеют ни смысла, ни достоинства.^c

ПРОЦВЕТАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

[1198-1202 гг. н. э.]

Утверждение венецианской конституции подготовило республику к ее блестящей карьере в области торговли и политики; тем временем в ее алчности и амбициях раскрылся новый источник богатства и власти. Ничто так не способствовало ее последующему процветанию, как религиозные войны европейцев за освобождение Святой Земли от мусульманских неверных.

С момента заключения Констанцкого мира до конца XII века в истории Венеции не произошло ни одного события, заслуживающего упоминания. Но первые годы XIII века являются самыми блестящими и славными в долгой истории республики. Они наполнены подробностями романтического и памятного предприятия — оснащением огромного военно-морского флота, бесстрашным стремлением к далекому и гигантскому приключению, завоеванием древней империи, разделом добычи и достижением коммерческого величия.

В 1198 году папа Иннокентий III, под влиянием проповедей французского священника Фулька Нейи, поднял величайших дворян этого королевства на крестовый поход за освобождение Гроба Господня. Бодуэн, граф Фландрии (), присоединился к этому делу, а Бонифаций, маркиз Монферратский, принял на себя командование союзниками. Опыт предыдущих крестовых походов научил их, что не следует пытаться переправиться в Азию по суше, и морские государства Италии были единственными державами, которые могли предоставить корабли для перевозки многочисленной армии. Поэтому бароны отправили делегацию в Венецию, чтобы просить о союзе и договориться о помощи республики (1201 г. н. э.).

Генри Дандоло, который в необыкновенном возрасте девяноста трех лет и почти полной слепоте все еще сохранял энергию и героизм молодости, был дожем Венеции в течение девяти лет. Он с почестями принял знаменитых послов и, после того как цель их миссии была должным образом представлена на рассмотрение государственного совета, объявил им от имени республики условия, на которых будет заключен договор. Поскольку аристократия еще не до конца исключила народ из участия в государственных делах, важность дела требовала торжественного согласия граждан, и на площади Святого Марка было созвано общее собрание. Там, перед толпой из более чем десяти тысяч человек, гордые французские дворяне пали на колени, чтобы умолять республиканцев-торговцев о помощи в освобождении Гроба Господня. Их слезы и красноречие возобладали. Условия союза были оставлены на усмотрение дожа и его советников; и за 85 000 марок серебра, менее 200 000 фунтов стерлингов (1 000 000 долларов), что было вполне разумным требованием, республика обязалась перевезти 4500 рыцарей с лошадьми и оружием, 9000 оруженосцев и 20 000 пехотинцев в любую часть восточного побережья, где это могло потребоваться для служения Богу, снабдить их провизией на девять месяцев и сопровождать и помогать им флотом из пятидесяти галер; но с дополнительными условиями, что деньги должны быть выплачены до отправления, и что любые завоевания должны быть поровну разделены между баронами и республикой.

Венецианцы потребовали год на подготовку; и до истечения этого срока их верность обязательствам и объем их ресурсов были явно продемонстрированы. Но не все крестоносцы были одинаково верны своей вере; многие, чья горячность охладела, постыдно отказались от своих обетов; другие сели на корабли, отправлявшиеся в Палестину, во Фландрии, Марселе и других средиземноморских портах; и когда армия собралась в Венеции, ее численность оказалась гораздо меньше ожидаемой, и она оказалась совершенно неспособной покрыть оговоренные расходы на предприятие. Хотя их благородные лидеры щедро жертвовали своими ценностями, для полной оплаты все еще не хватало более 30 000 марок; и республика, проявив истинную торговую осторожность, отказалась разрешить

отплытие флота до тех пор, пока недостающая сумма не будет внесена в казну. Робкие и нерешительные уже радовались, что крестовый поход придется отменить, когда Дандоло предложил эквивалентную замену оставшейся части долга, поставив условие, что оплата будет отложена, если бароны помогут республике в покорении города Зара, который вновь поднял восстание, прежде чем они приступят к достижению конечных целей своего путешествия.

Граждане Зары подчинились владычеству короля Венгрии, и папа запретил крестоносцам нападать на христианских подданных монарха, который сам взял на себя крест. Но желание с честью выполнить свои обязательства превозмогло у французских баронов страх перед недовольством папы, и, после некоторых колебаний, армия отплыла в Зару (1202 г. н. э.). Пожилой дож получил от республики разрешение взять крест и возглавить флот, и многие граждане последовали его примеру, присоединившись к священному знамени, и ветеран-герой отплыл с экспедицией из почти пятисот кораблей, возможно, самого великолепного флота, который когда-либо покрывал грудь Адриатики. Хотя Зара в то время считалась одним из самых крепких городов в мире, ее жители были напуганы или вынуждены сдаться после всего пяти дней осады: их жизни были пощажены, но их дома были разграблены, а укрепления разрушены до основания.

[Нет необходимости дальше следить за замечательными судьбами венецианцев и крестоносцев. История захвата Константинополя уже рассказана в истории Восточной империи и крестовых походов].

[1032-1204 гг. н. э.]

Таланты и героизм почтенного Дандоло принесли дожам Венеции великолепный и точный титул герцогов трех восьмых Римской империи; он умер в Константинополе почти сразу после латинского завоевания, прожив долгую и славную жизнь, и завещал республике трудную задачу управления владениями, которые были больше, чем когда-либо принадлежали жителям одного города. Все острова Ионического моря и большинство островов Эгейского моря, большая часть побережья континентальной Греции, многие порты в Пропонтиде, или Мраморном море, город Адрианополь и четверть самой восточной столицы были включены в ее долю, а большой и ценный остров Кандия был добавлен к ее владениям путем покупки у маркиза Монферрата, которому он был присвоен. Но благоразумие сената пробудило в Венеции справедливое осознание собственной неспособности сохранить эти огромные владения, и было мудро решено оставить под государственным управлением только колонию в Константинополе, остров Кандия и острова в Ионическом море. Подданные республики не были обязаны подражать терпеливости сената, и многие великие венецианские семьи были поощрены или, по крайней мере, получили разрешение основать княжества на руинах Восточной империи, сохранив феодальную верность своей стране. Таким образом, большинство островов Эгейского архипелага были переданы в феодал десяти веронским дворянским родам и в течение нескольких столетий оставались под властью своих островных князей.⁴

Благодаря медленным и искусно замаскированным посягательствам венецианская знать сумела заменить гражданскую власть и облечь себя суверенитетом республики. В более ранний период дож был выборным князем, пределы власти которого определялись народными собраниями. Только в 1032 году он был обязан консультироваться только с советом, сформированным из числа самых выдающихся граждан, которых он сам назначал.⁴⁵ Отсюда и произошло их название *pregadi* (приглашенные). Великий совет () был сформирован только в 1172 году, 140 лет спустя, и с того времени стал реальным сувереном республики. Он состоял из 480 членов, назначаемых ежегодно в последний день сентября

двенадцатью трибунами, или великими выборщиками, из которых по два выбирались каждой из шести секций республики. От одной семьи могло быть назначено не более четырех членов. Одни и те же советники могли переизбираться каждый год. Поскольку в духе корпорации всегда стремиться к аристократизму, одни и те же лица обычно переизбирались, а когда они умирали, их место занимали их дети. Великий совет, не присваивая себе и не передавая дожу судебную власть, дал первый пример создания многочисленного, независимого и неотстраняемого органа судей, почти такого же, как впоследствии стал парламент Парижа. В 1179 году он создал уголовную *квартантиу*, также называемую *vecchia quarantia*, чтобы отличить ее от двух других органов из сорока судей, созданных в 1229 году.⁴

ДРУГИЕ МОРСКИЕ ГОРОДА

[589-1229 гг. н. э.]

Первый магистрат республик Неаполя, Гаэты и Амальфи также носил титул дожа. Эти три города, забытые греческими императорами и не получавшие от них никакой помощи, по-прежнему поддерживали торговые связи с Грецией. Жители с энтузиазмом посвятили себя мореплаванию; они торговали в Леванте и снабжали южную Италию богатыми товарами. Страна, расположенная за Тибром, подвергалась меньшему количеству вторжений, чем верхняя Италия. Однако она не избежала их полностью. В 589 году в нее вторгся лангобардский вождь и основал великое герцогство Беневенто, которое охватывало почти всю южную часть полуострова. Это герцогство сохраняло свою независимость от королевства лангобардов в Павии и не было вовлечено в его падение. Оно доблестно защищалось от Карла Великого и его преемников, которые пытались его завоевать, но в 839 году, по окончании гражданской войны, оно было разделено на три княжества: Беневенто, Салерно и Капуа. В 828 году сарацины основали колонии на Сицилии, которая до того времени подчинялась Греческой империи; через несколько лет эти сарацины проникли в южную Италию. Три республики — Неаполь, Гаэта и Амальфи — сохранили свою независимость, разжигая вражду между лангобардами и сарацинами, которые в равной степени угрожали им; но эти варвары вскоре погрузились в апатию, вызванную очарованием южного климата. Казалось, что у них больше не было мужества рисковать жизнью, к которой было привязано столько удовольствий. Когда они сражались, то делали это с изнеженностью и спешили покончить с каждой войной, чтобы снова погрузиться в сладострастную бездеятельность, из которой она их вырвала. Граждане республик имели над ними преимущество в виде стен и ущелий и, не будучи храбрее лангобардов, сохраняли свою независимость от них на протяжении шести веков.

[936-1195 гг. н. э.]

Республика Пиза, которая тщетно пыталась спасти от гибели эти первые итальянские республики средневековья, была городом, обогащенным судоходством и торговлей. Генуя, которая вскоре стала ее соперницей, избежала грабежей этих северных завоевателей и сохранила постоянные связи с Константинополем и Сирией, откуда граждане привозили богатые товары, которые они затем распродавали по всей Ломбардии. Пизанцы и генуэзцы, укрепленные морской жизнью, были привычны защищать мечом товары, которые они перевозили из одного конца Средиземного моря в другой. Они часто вступали в конфликт с сарацинами, которые, как и они, были пристрастны к морской торговле, к которой эти часто добавляли пиратство. Сарацины разграбили Геную в 936 году. В 1004 году они вторглись в пригород Пизы и вновь осадили этот город в 1011 году. Их колонии на Сардинии, Корсике и

Балеарских островах постоянно угрожали Италии. Пизанцы, поддержанные генуэзцами, в свою очередь напали на Сардинию в 1015 году, но завершили завоевание только в 1050 году. Они основали там колонии и разделили ее на феодалы между самыми знатными семьями Пизы и Генуи. Они также завоевали Балеарские острова у сарацин в период между 1114 и 1116 годами.^е Пизанский флот из трехсот кораблей под командованием архиепископа Пьетро Морикони атаковал Балеарские острова, где, по некоторым данным, мусульмане удерживали в плену до двадцати тысяч христиан, и вернулся с огромной добычей и множеством христианских и мусульманских пленников. Первые были освобождены или выкуплены, а среди вторых был последний потомок правящей династии. Главный евнух, правивший Майоркой, погиб во время осады. Сразу после этого началась четырнадцатилетняя война с Генуей. Обе республики боролись за господство на море и обе претендовали на верховную власть над островами Корсика и Сардиния. Папский эдикт, присуждавший верховенство над Корсикой пизанской церкви, стал достаточным поводом для войны, которая продолжалась с 1118 по 1132 год. Затем Иннокентий II передал верховенство над частью Корсики генуэзской церкви и компенсировал Пизе предоставлением земель на Сардинии и в других местах. Соответственно, чтобы угодить папе и императору Лотарю II, пизанцы вторглись на территорию Неаполя, чтобы сражаться с норманнами. Они помогли в энергичной обороне города Неаполя и дважды, в 1135 и 1137 годах, атаковали и разграбили Амальфи, в результате чего город так и не смог восстановить свое процветание. Говорят, что копия *Пандект*, взятая пизанцами из Амальфи, была первой, о которой они узнали, но на самом деле они уже были знакомы с этими законами. Война с Генуей так и не закончилась. Даже после возвращения Иерусалима мусульманам (1187 г.) пизанцы и генуэзцы снова столкнулись в конфликте на Востоке и совершили много доблестных поступков. Они всегда были готовы к сражению и еще более явно продемонстрировали свою вражду во время Сицилийской войны на стороне императора Генриха VI. Между этими соперничающими державами не могло быть прочного мира, пока одна из них не была бы разгромлена.^д

Когда в конце XI века западный мир вступил в спор с сарацинами за гробницу Иисуса Христа, Венеция, Пиза и Генуя уже достигли высокого уровня торговой мощи; эти три города имели больше судов в Средиземном море, чем все остальное христианский мир. Они с энтузиазмом поддерживали крестоносцев. Они снабжали их провизией, когда те прибывали к побережью Сирии, и поддерживали их связь с Западом. Венецианцы утверждают, что в 1099 году они отправили флот из двухсот кораблей для поддержки Первого крестового похода. Пизанцы утверждают, что их архиепископ Даймберт, который впоследствии стал патриархом Иерусалима, отправился на Восток со ста двадцатью кораблями. Генуэзцы заявляют, что они отправили только двадцать восемь галер и шесть кораблей, но все они с одинаковым рвением участвовали в завоевании Святой Земли, и три морские республики получили важные привилегии, которые они сохраняли до тех пор, пока существовало Иерусалимское королевство.^е

ЛОМБАРДСКИЕ ГОРОДА И ИХ СОЮЗНИКИ

[1010-1125 гг. н. э.]

В первые дни итальянские города были лишь большими группами жилых домов, не имевших политического значения, которое приобретает любое место благодаря более обильным и оживленным коммуникациям и тому, что оно становится резиденцией какой-либо правительственной администрации; короче говоря, когда оно становится центром определенного района. Как правило, существовало три основных класса жителей: (1)

свободные лангобарды; (2) римляне, платившие дань; (3) крепостные и батраки. В отдельных городах еще не было достаточно дворян, чтобы сформировать отдельный класс.

Среди франков это состояние, по-видимому, сохранялось в течение некоторого времени, но основы, на которых оно покоилось, были подорваны. Подданные римляне постепенно становились либо полностью свободными, либо фактически крепостными; многие из свободных лангобардов поступали на рыцарскую службу к королям франков или их графам, а еще больше — к епископам и аббатам. Таким образом, возникли новые классовые различия, и население вновь, казалось, разделилось на три отчетливых класса: (1) дворяне; (2) свободные люди; (3) крепостные, вилланы и остальные данники, которые все больше и больше стремились быть поглощенными другими классами. Однако одновременно возник другой вид различия. Постепенно, когда королевская прерогатива претерпела много изменений и в лучшем случае могла рассматриваться лишь как неопределенная защита, епископы стали иметь гораздо больше дворян-слуг и крепостных, чем короли; а поскольку епископы одновременно осуществляли феодальную власть над своими вассалами и крепостными, между дворянами, свободными людьми и данниками, подчинявшимися официальным магистратам короля (графам и гастальдам), и дворянами, крепостными и данниками, подчинявшимися магистратам епископа (*фогтам*), возникло чувство вражды. То, что было установлено при франках, затем получило более полное развитие при германцах. Епископы также приобрели власть над свободными людьми, осуществляя ту же власть, что и графы, и начали собирать в одном городке людей, обладающих совершенно разными правами, но имеющих одинаковые претензии на отличие, т. е. знатных вассалов и свободных людей рыцарского происхождения. Крепостные и вилланы, составлявшие третий класс, еще долгое время оставались политически несовершеннолетними.

Большие трения между дворянами и свободными людьми рыцарского происхождения были вызваны тем, что им приходилось держать свои земли в феодальном владении, вступать в феодальную службу епископов или отказываться от рыцарских почестей. Происходили кровопролитные сражения, в которых ни одна из сторон не одерживала решающей победы; между различными классами граждан заключались соглашения, и это стало началом общей муниципальной конституции. С того времени значение олдерменов как представителей всех классов быстро росло, в то время как значение епископских магистратов заметно уменьшалось. Эта представительная администрация едва была основана, как была вновь нарушена разрывом между духовной и светской властью; борьба велась уже не между графами и епископами или между свободными людьми и вассалами церкви, а между королем и папой. Духовная власть раскололась: многие епископы встали на сторону короля, а другие — на сторону папы. То же самое произошло и со светской властью, поскольку против короля сражалось столько же князей и лордов, сколько и за него.

Представительная администрация городов не подвергалась нападкам, но ей было трудно решить, какой стороной ей следует руководствоваться, поскольку каждая сторона, как короля, так и папы, в настоящее время имела своих епископов в каждом городе и своих сторонников как среди дворян, так и среди свободных людей. Епископы были единственными проигравшими в этой борьбе, поскольку в каждой фракции они стремились превзойти друг друга в вопросах щедрости и уступки своих прав, чтобы завоевать и удержать больше сторонников. Однако победившая сторона, когда борьба закончилась, сохранила установленную представительную администрацию, обогащенную многими свободами и правами, уступленными епископами. Сфера деятельности олдерменов значительно расширилась и обогатилась, так что отныне они заняли положение во главе муниципалитета в качестве советников и магистратов. Это правительство развивалось по схожим принципам во всех городах, хотя победа иногда оставалась за папской, а иногда за королевской партией; поэтому борьба была изгнана из городов, но в конце концов

вспыхнула в сельской местности, которая разделилась на две фракции, во главе которых стояли соперничающие города Павия и Милан.

Сначала Павия принадлежала папской фракции, а Милан — королевской; но когда первая поняла, что ей нужна более значительная материальная помощь, чем может предоставить папа, а второй город обнаружил, что защита короля влечет за собой вмешательство во внутренние дела, которое в городе с такой мощью и богатством, как Милан, вскоре стало восприниматься как угнетение, обе стороны сменили знамена, и Павия последовала за королевской фракцией, а Милан стал выставлять напоказ папские цвета.¹

[1125-1155 гг. н. э.]

Эта смена сторон произошла во время правления Лотаря II и Конрада III, которые с 1125 по 1152 год противопоставили друг другу два дома Гвельфов и Гибеллинов в Германии. Милан, в первой половине XII века столкнувшись с сопротивлением со стороны городов Лоди и Комо, разрушил первый из них, рассеяв его жителей по открытым деревням, а второй заставил разрушить свои укрепления. Кремона и Новара присоединились к партии Павии, а Тортон, Крема, Бергамо, Брешия, Пьяченца и Парма — к партии Милана. Среди городов Пьемонта лидировал Турин, оспаривавший власть графов Савойи, которые называли себя имперскими наместниками в этой стране. Монферрат продолжал иметь своих маркизов. Они были одними из немногих великих феодалов, переживших гражданские войны, но города и провинции не подчинялись им, а Асти был более могущественным, чем они.

Напротив, семья веронских маркизов, которая со времен лангобардских королей должна была защищать границу от германцев, вымерла, и великие города Верона, Падуя, Виченца, Треviso и Мантуя, почти равные по силе, сохранили свою независимость. Болонья занимала первое место среди городов к югу от По и стала столь же грозной с одной стороны для Модены и Реджо, с другой — для Феррары, Равенны, Имола, Фаэнцы, Форли и Римини. Тоскана, которая также имела своих могущественных маркизов, видела, как их семья вымерла вместе с графиней Матильдой, современницей и подругой Григория VII. С тех пор Флоренция усилила свою власть, уничтожила Фьезоле и, не осуществляя господства над соседними городами Пистойя, Ареццо, Сан-Миниато и Вольтерра, а также более отдаленными городами Лукка, Кортон, Перуджа и Сиена, считалась главой Тосканской лиги; тем более что Пиза в этот период думала только о своих морских экспедициях. Семья герцогов Сполето также вымерла, и города Умбрии вновь обрели свободу, но их расположение в горах не позволяло им приобрести значимость. В конце концов, и сам Рим поддался тому же духу независимости. В 1139 году красноречивый монах, ученик Абеяра, прославившийся на всю Европу, проповедовал двойную реформу в религиозном и политическом укладе; его звали Арнольд Брешианский. Он говорил людям о древней свободе, которая была их правом, о злоупотреблениях, которые уродовали церковь. Изгнанный из Италии папой Иннокентием II и Латеранским собором, он укрылся в Швейцарии и научил город Цюрих составить свободную конституцию; но в 1143 году он был вновь вызван в Рим, и этот город снова услышал слова «Римская республика», «Римский сенат», «народное собрание». Папа заклеил его взгляды как «ересь политиков», и Арнольд Брешианский, выданный ему императором, был сожжен заживо перед воротами замка Святого Ангела в 1155 году. Но его учение выжило, и любовь к свободе в Риме не погибла вместе с ним. В южной Италии завоевания норманнов окончательно подавили дух свободы, и только город Аквилея в Аbruццо сохранил республиканские привилегии.²

ФЛОРЕНЦИЯ

Похоже, что из всех итальянских республик средневековья та, которая должна была сыграть главную роль в истории цивилизации, появилась на мировой арене последней. Флоренция была еще никому не известной прихожей, когда ее соседка Пиза уже покрывала Средиземное море своими кораблями; и пока Милан и города Ломбардии были вовлечены в смертельную борьбу с империей, тосканский город оставался в стороне от борьбы двух сторон, которые делили не только Италию, но и всю Европу, и от Альп до Сицилийского пролива покрывали полуостров руинами и заливали его кровью.

Флоренция долгое время молчаливо следовала своему пути, обогащаясь за счет торговли, увеличиваясь в размерах за счет сокращения своих соседей, становясь могущественной за счет подчинения великих, и она была ни больше, ни меньше могущественной, чем все те небольшие политические центры, которые в значительной степени способствовали проявлению неиссякаемой плодородности Италии в плане великих людей. Фактически, именно благодаря этому большому количеству маленьких государств, этому множеству разнообразных интересов, так много людей смогли проявить себя и найти поле для своей деятельности, а любопытная смесь, составляющая итальянский характер, смогла свободно развиваться и принести свои лучшие плоды. В этом отношении все небольшие города Италии представляют большой интерес: для историка как источники ценных исследований, для философа как объекты наблюдения за человеческой природой. Однако вполне естественно, что государство, которое оказывало свое влияние в течение самого длительного периода, самым мощным образом и на самой обширной территории, также привлекает наибольшее внимание потомков. Всегда проявляется большой интерес к детству известного человека, даже если оно не содержит столько любопытных подробностей, как детство многих людей, оставшихся неизвестными; нам нравится наблюдать за его первыми шагами, и в чертах некоторых детских причуд мы воображаем, что можем увидеть замысел великих деяний, которые прославили его зрелый возраст.

Точно так же первые признаки политической жизни в Афинах или Риме всегда привлекали внимание, в то время как некоторые города Эллады или Лация, хотя, вероятно, и были гораздо более развиты в те смутные времена, интересуют нас только в той мере, в какой они позволяют нам найти следы пути, по которому шли эти великие центры цивилизации, когда они только зарождались. Таким образом, в условиях нехватки достоверных документов о происхождении и первых веках Флоренции, чтобы получить справедливое и полное представление о том, чем она была до начала XIII века, мы часто вынуждены освещать факты, дошедшие до нас, с помощью знаний, которые мы имеем о Лукке, Пизе, Фьезоле, Сиене, Ареццо и других городах Тосканы.

Хроникеры, окружив происхождение Флоренции многочисленными баснями, необычайно скрыли реальные факты. Однако вполне вероятно, что они были правы, приписывая ей римское происхождение, и очевидно, что в этот первый период и позже Флоренция, как и другие государства, прошла через последовательные фазы, которые пережила вся полуостров. Растущая Флоренция () под защитой имперского орла и подчиняясь власти епископа, как и ее соседние государства, также, как и они, сумела освободиться от епископского господства и противостоять империи. Хотя и несколько поздно, она последовала примеру всех великих городов Италии, подчинив себе небольшие окружающие города и сельскую знать, чтобы увеличить свою территорию; она извлекла выгоду, но в меньшей степени, чем Венеция, Генуя и Пиза, из торговых преимуществ крестовых походов. Подвергшись влиянию немецкого вторжения, она больше, чем любое другое государство, поддержала реакцию коммунальной тенденции против германской тенденции, которая повсеместно ощущалась в XII веке. Когда позднее тирания (в греческом смысле этого слова)

конфисковала демократическую свободу в каждом городе в пользу могущественной семьи или влиятельного человека, Флоренция породила самый совершенный тип итальянского тирана.

Однако, возвращаясь к самым ранним историческим фактам, подтвержденным бесспорными свидетелями, мы видим по самому значению, которое летописцы придают традициям Карла Великого, второго основателя их города, насколько значимой для всей Италии, и особенно для Флоренции, была коронация этого императора в Риме. Они приписывают ему также строительство новой стены вокруг города, а также установление консульского правления; и их инстинкт был правильным, потому что, если эти действия и не были прямым делом Карла Великого, то они, безусловно, были следствием его деятельности. Восстановление Римской империи неизбежно сопровождалось восстановлением древних муниципалитетов и, в целом, всего римского законодательства, везде, где оно было уничтожено в результате вторжения. Отныне городом управлял маркиз Тосканы, как наместник империи, которая была вновь восстановлена Оттоном Великим, который, по-видимому, особенно благоволил городу Флоренции.

В этот период торжественная власть императорского имени была настолько велика, что город, власть которого уже распространялась на большую часть окружающей местности, и особенно на важный город Фьезоле, никогда бы не осмелился противостоять императору, если бы споры, возникшие в конце XI века между империей и Святым Престолом, не предоставили ему долгожданную возможность вырваться из-под власти маркиза Тосканы. Большинство флорентийцев, поскольку в городе уже существовали две партии, с энтузиазмом поддерживали дело папы и графини Матильды против императора Генриха IV. Даже длительная осада не смогла поколебать их верность. Вероятно, именно с этого периода датируется установление консульского правления во Флоренции, которое старые летописцы приписывали Карлу Великому, а другие города Италии уже давно переняли от Рима. Эта ранняя конституция, которая объединяла правосудие и правительство в руках двух, позже четырех, а еще позже шести консулов, которым помогал совет из ста сенаторов, сохранялась практически в неизменном виде до 1207 года, когда был последован пример других республик и юрисдикция была передана подэсте. Хотя все свободные жители участвовали в выборах магистратов, последние избирались только из числа городской знати, состоявшей из древних семей среднего класса, которые давно были богатыми, и потомков германских иммигрантов.

Социальные условия

Население Флоренции, как и большинства итальянских городов, состояло из двух очень разных классов — патрициев и народа; к первым относились потомки знатных семей и буржуа (), освобожденные после завоевания; ко вторым относились все остальные жители города, древние данники епископа или клиенты знати, которых они освободили. Потомки этих освобожденных людей, а также иммигрантов из других городов, родились свободными, заработали много благодаря роскоши высших классов и вскоре стали такими же богатыми, как и патриции. Поэтому позже они захотели и смогли добиться для своих специальных чиновников доступа к должностям в республике, и так в XIII веке произошли народные революции. До этого времени народ был доволен тем, что помогал в выборах магистратов, не мечтая о том, чтобы претендовать на эту честь для себя. Что касается дворян из окрестных земель, которые отказывались подчиняться правительству, то их преследовали, их земли опустошали и сжигали, даже их крепости разрушали, так что вскоре Флоренция стала единолично править соседними землями. Весь век, в течение которого действовала эта конституция, наполнен звуками борьбы с дворянами. В одно время молодая республика

подчинила себе скалу Фьезоле, настоящее убежище разбойников, а затем и могущественную семью Буондельмонти из Монте-Буоно. Эта семья, столь известная и столь роковая для счастья флорентийцев, владела небольшим замком примерно в пяти милях от города, который, контролируя дорогу на Сиену, позволял им взимать пошлину со всех проходящих товаров. Флоренция жаловалась на это обложение, и, получив отказ в удовлетворении своих требований, разрушила их замок, вынудив их без дальнейших грабежей стать флорентийскими гражданами; другие последовали их примеру; и так они продолжали понемногу приумножать свои владения с помощью денег, завоеваний или убеждения, но при этом сохраняя тесный союз с Пизой, которая в этот период, хотя и была самой торговой и военной нацией Тосканы, соперничала с Флоренцией в амбициях и воинственных наклонностях, если не в силе и славе.

Муниципальные войны

[1144-1146 гг. н. э.]

В 1144 году вся Тоскана была вооружена, отчасти из-за этих республик, но в большей степени из-за тех разногласий, которые возникают из взаимной ревности в поднимающихся государствах, начинающих гонку амбиций и крови, которые объединяются для войны как для развлечения и считают убийство своих собратьев законным развлечением. Лукка и Пиза находились в постоянном конфликте, а дружба первой с Сиеной, а второй с Флоренцией привела к четырехсторонней войне между этими государствами, каждое из которых завидовало господству другого; необходимость торговли, пока не затронутая их соперничеством, поддерживала мир между Пизой и Флоренцией, а расстояние между двумя другими государствами уменьшало точки их соприкосновения и, следовательно, вероятность конфликта.

Ульрик, маркиз или вице-маркиз Тосканы и имперский викарий, командовал флорентийской армией, с которой он продвинулся к воротам Сиены и сжег пригород; сиенцы обратились за помощью к Лукке, которая ответила объявлением войны Флоренции не только для того, чтобы отвлечь врага от своего союзника, но и для помощи графу Гвидо Герре из Модильяны, гибеллину и союзнику Сиены, который уже пострадал от флорентийской агрессии. Пиза, с другой стороны, вышла на поле боя по просьбе флорентийцев, и владения графа Гвидо были опустошены этими объединенными силами, в то время как сиенцы, тайно наступавшие на Флоренцию, попали в засаду и почти все были взяты в плен. Еще более ожесточенной была борьба между Пизой и Луккой, где не происходил обмен пленными, не принимался выкуп и где сильное личное чувство ненависти пронизывало все классы; для них поражение означало пожизненное заключение, и епископ Фрезингена рассказывает, что несколько лет спустя он видел « , офицеров из Лукки, истощенных, убогих и несчастных, в подземельях Пизы, вызывающих слезы сострадания у каждого проходящего мимо незнакомца».

Однако в этот период не только Тоскана, но и вся северная Италия, по-видимому, находилась в подобном замешательстве по схожим причинам: из-за ревности, фракций и того вечно бурного перехода от относительного рабства к полной независимости, поскольку Конрад, полностью занятый в Германии, был вынужден оставить Италию без контроля, жертвой гневных страстей, нестабильных институтов и политической анархии. Конкретные причины раздора между тосканскими городами сейчас трудно проследить; близость, умножая точки соприкосновения, увеличивала вероятность конфликтов и всегда была источником разногласий; но особая вражда между Сиеной и Флоренцией, по мнению сиенских историков, возникла из-за помощи, оказанной Генриху IV во время осады 1081 года; это было оскорбление, которое само по себе было трудно простить, но которое, подпитываемое национальным соперничеством, продолжалось еще долго после гибели обеих республик.

[1146-1204 гг. н. э.]

Воодушевленная успехом и завидуя графам Гуиди, чьи владения почти окружали ее, Флоренция собрала армию в феврале 1146 года и осадила Монте-Кроче, замок, расположенный примерно в девяти милях от нее, который принадлежал этой семье; но уверенность в превосходстве сил привела к небрежности в поведении, и граф Гуидо, при поддержке жителей Ареццо, нанес им крупное поражение. На некоторое время они успокоились после этого сурового военного урока, а в следующем году крестовый поход под руководством императора Конрада III унес в Палестину некоторых из их наиболее

предприимчивых и набожных духом, среди которых был предок Данте Каччагуида, который, после того как был посвящен в рыцари Конрадом, пал в сражении с неверными.²

Итак, в то время как города Ломбардии смело объединялись, чтобы защитить самые заветные интересы независимости, маленькая тосканская республика была занята только расширением своей территории и увеличением за счет соседей, она уже была хитрым Флоренцией XV века, для которой эгоизм является основным принципом политики. Однако не следует быть несправедливым: сражаясь и подчиняя соседних дворян, она наносила удар и умирающему германству; это был триумф муниципалитета над членами феодального сословия, как в Легнано он торжествовал над их вождем. Император Фридрих Барбаросса хорошо это понимал; и когда он прибыл во Флоренцию в 1184 году, после Констанцкого мира, он с интересом выслушал жалобы дворян и с удовольствием лишил город суверенитета, который он насильно установил над окружающими землями, вопреки письменному закону. Флорентийцы безропотно подчинились этому суровому приговору; они знали, что им оставалось только ждать и дать буре пройти. И действительно, четыре года спустя все окружающие районы вновь подчинились горожанам.

Десять лет спустя они получили еще большее преимущество благодаря межцарствию, которое оставило Германию жертвой борьбы Оттона IV и Филиппа Швабского и сделало Италию «вдовой своего короля». Именно тогда они образовали гвельфскую лигу по образцу Ломбардской лиги и сумели подчинить ту часть сельской знати, которая до тех пор оставалась независимой. Знать была вынуждена принести присягу на верность республике и пообещать жить мирно и спокойно в городе.

На фоне этих политических потрясений торговля и богатство города постоянно росли. До этого он зависел от Пизы, гораздо более богатого и процветающего города, для которого он, так сказать, выполнял роль банка; после уничтожения Фьезоле, который полностью доминировал над ним благодаря своему положению и мешал его торговле, в XII веке он сделал быстрый шаг вперед и стал сначала соперником Сиены, а позже и самой Пизы.

[1138-1239 гг. н.э.]

Этот период флорентийцы следующего века привыкли восхвалять как золотой век республики. Люди по-прежнему были рыцарственными и трудолюбивыми; их манеры были простыми; одежда шилась из грубой ткани, женщины были честными и скромными; девушки не выходили замуж до двадцати лет, а мужчины искали не «самое большое приданое, а лучшую репутацию».

Однако было бы большой ошибкой думать, что этот период добродетельных патриархальных обычаев, трезвости и простой жизни был лишен беспорядков. Флорентийцы были страстным народом, который еще не прошел через два столетия революций, не испытал отцовского и изнурительного деспотизма Медичи и не видел армий Карла V. Положение в городе было далеко не спокойным, и то ли из-за того, что судебные дела слишком разрослись, то ли из-за того, что консулы не обладали необходимой властью, вскоре для поддержания порядка и справедливости в городе стало необходимым последовать примеру других республик и пригласить иностранного подесту.

«Пороки в городе умножались, — пишет Маласпина, — ³ — а случаи вражды и споров между гражданами становились все более частыми, было решено в интересах республики, чтобы облегчить наказание преступлений и предотвратить любые перехваты, подкуп или запугивание правосудия, назначить иностранца благородного происхождения на должность подэсты на один год, чтобы он вместе со своими судьями решал все судебные дела, вершил

правосудие, выносил приговоры о конфискации имущества и телесных наказаниях и исполнял законы республики Флоренция. Тем не менее, правительство консулов не прекратило свою деятельность, поскольку оно продолжало руководить всеми другими делами, и таким образом город управлялся до периода, когда была образована первая нация Флоренции».^{[m](#)}

Поскольку два известных имени — гвельфы и гибеллины — произошли от двух соперничающих родов Баварии и Франконии и своим пагубным влиянием разрушили процветание и счастье Италии, краткое описание их не будет здесь неуместным, тем более что они были главной, хотя и отдаленной причиной той закоренелой разобщенности, которая сделала полуостров постоянной добычей трансальпийских амбиций. На протяжении многих веков эти фракции бродили по Италии, как львы, ища, кого пожрать; они разделили города, дома, семьи; они разорвали все семейные узы, подорвали самые дорогие чувства и развеяли по ветру долг, обязательства и человечность. Но эти роковые названия изначально были не чем иным, как отличительными именами двух княжеских немецких семей, главы которых были соперниками в личных амбициях и феодальной власти. Вражда одной из них к папам была достаточной причиной для решительной приверженности другой Святому Престолу; и хотя они были всего лишь лидерами мелкой вражды, их имена стали в силу обстоятельств лозунгом двух великих течений, которые, проникая с привычной тонкостью религиозной и политической вражды в мельчайшие ветви национальной жизни, глубоко затронули Италию и Германию.

Когда Конрад III был коронован королем Италии, последние четыре императора были выбраны из дома Франконии, семьи, получившей свое имя от замка Вайблинген, или Гейбелинга, расположенного среди гор Хертфельд в епархии Аугсбурга и называвшегося без различия «Салическим» или «Гейбелингом». Соперничающий дом, происходивший из Альтдорфа, в этот период правил Баварией, и вследствие того, что несколько его князей носили имя «Гвельфо» или «Вельф», как семья, так и ее сторонники получили это название. Два последних Генриха из гибеллинского дома Франконии долгое время вели борьбу с церковью, как уже упоминалось, в то время как баварские гвельфы, напротив, всегда заявляли о себе как о ее защитниках со времен Гвельфа IV, сына Альберта Аццо, лорда Эсте, в 1076 году. От этой ветви в прямой линии происходит королевская семья Англии, а от его брата Фолько — древние маркизы Эсте, герцоги Феррары, Модены и Реджо.

Эти события, вызванные соперничеством и разочарованием, обострили наследственные вражды, в то время как поддержка папой Лотера усилила вражду гибеллинов к святой церкви; однако эти имена не были окончательно привязаны к двум фракциям до 1210 года, когда Иннокентий III изгнал четвертого Оттона с императорского престола и взял под свою опеку молодого Фридриха Сицилийского. Тогда папу поддерживали гибеллины, но когда тот же Фридрих обратился к разрыву с церковью, над ней вновь замаяорило знамя гвельфов, и так продолжалось до окончательного распада этих враждующих фракций, уже давно после того, как первоначальная причина их споров полностью исчезла.^{[e](#)}

[476-1250 гг. н.э.]

Таковы были изменения, которые произошли в Италии за семь веков после падения Римской империи. К концу V века социальные узы, которые делали империю единым целым, распались, и на смену им не пришло ничего другого. Гражданин не испытывал ничего к своим согражданам; он не ждал от них поддержки и не предлагал им никакой помощи. Он не мог нигде найти защиты; повсюду он видел только насилие и угнетение. К началу XII века жители итальянских городов не могли рассчитывать на помощь извне. Император германцев, называвший себя их правителем, со своей варварской армией был

лишь еще одним врагом. Но везде, где круг одной стены объединял общие интересы, развивался дух объединения. Граждане обещали друг другу взаимную помощь. Свобода рождала мужество, и итальянцы, больше не подвергаясь угнетению, наконец обрели в себе силы для собственной защиты.

Когда жители городов Италии объединились для общей защиты, их первой необходимостью было защищаться от грабежей варварских армий, которые вторгались в их страну и обращались с ними как с врагами; второй — защищаться от грабежей других варваров, называвших себя их господами. Их совместные усилия вскоре обеспечили им безопасность; через несколько лет они стали богатыми и могущественными; и эти же люди, которых императоры, прелаты и дворяне считали лишь освобожденными крепостными, поняли, что они составляют почти единственную общественную силу в Италии. Их уверенность в себе росла вместе с их могуществом, и желание господства сменило желание независимости. Те города, которые накопили наибольшее богатство и чьи стены окружали наибольшее население, с первой половины XII века пытались силой оружия обеспечить послушание соседних городов, которые не казались достаточно сильными, чтобы сопротивляться им. Эти крупные города не имели намерения лишать более мелкие города их свободы; их единственной целью было заставить их вступить в постоянный союз, чтобы делить с ними удачи и неудачи и всегда ставить свои вооруженные силы под знамя доминирующего города.^b

СНОСКИ

[3] [«Архиепископ Милана был самым могущественным князем, когда на севере полуострова не было итальянского императора или короля Италии. Милан почти всю свою славу обязан своим архиепископам». — Милман, *«История латинского христианства»*.]

[4] [Знаменитая и великолепная церемония обручения дожа с Адриатикой была учреждена, чтобы символизировать это завоевание.]

[5] Ниже приводится список дождей Венеции с начала VIII до конца XIII века:

713, Паолуччо Анафесто; 717, Марчелло Тельяно; 726, Орлео Орсо; 737, Орсо убит — республикой правит ежегодно избираемый *маэстро дела милиция*; 742, Диодато Орсо; 755, Галла Катанио; 756, Доменико Монегаро; 764, Маурицио Гальбайо; 787, Джованни Гальбайо; 796, Маурицио Гальбайо II (союзник); 804, изгнание Гальбайо — Обелерио ди Антенори, Беато и Валентино ди Антенори (союзники); 809, Анджело Бадоев; 827, Джустиниано Бадоев; 829, Джованни Бадоев; 836, Пьетро Традениго; 864, Орсо Бадоев; 881, Джованни Бадоев II; 887, Пьетро Санудо; 888, Джованни Бадоев II; Пьетро Трибуно; 912, Орсо Бадоев II; 932, Пьетро Санудо II; 939, Пьетро Бадоев; 942, Пьетро Санудо III; 959, Пьетро Санудо IV; 976, Пьетро Орсеоло I; 978, Витале Санудо; 979, Трибуно Мемо; 991, Пьетро Орсеоло II; 1008, Оттоне Орсеоло; 1026, Пьетро Барболоно; 1033, Доменико Флабениго; 1043, Доменико Контарини; 1071, Доменико Сельво; 1084, Витале Фалиери; 1096, Витале Микели; 1102, Орландо Фалиери; 1117, Доменико Микели; 1130, Пьетро Полани; 1148, Доменико Морозини; 1156, Витале Микели II; 1173, Себастьяно Зиани; 1179, Орлио Малипьеро; 1192, Генри Дандоло; 1205, Пьетро Зиани; 1229, Якопо Тьеполо; 1249, Марино Морозини; 1252, Реньеро Зено; 1268, Лоренцо Тьеполо; 1275, Якопо Контарини; 1280, Джованни Дандоло.

ГЛАВА II. ИМПЕРСКИЕ АГРЕССИИ XII ВЕКА

ФРЕДЕРИК БАРБАРОССА В ИТАЛИИ

Длительная война за инвеституру между франконскими императорами и папами дала первый импульс стремлению ломбардских городов к союзу; поскольку речь шла об общих интересах, о дальних операциях и общей опасности, города почувствовали необходимость в союзах и активной переписке, которая вскоре распространилась от одного края Италии до другого. Небольшие города вскоре обнаружили, что эта общая политика превышает их возможности, и что крупные города, в которых торговля и богатство накопили знания и которые единственные получали сообщения от папы или императора, естественно поставили себя во главе лиги, сформированной в их провинциях, либо для империи, либо для церкви. Эти два союза еще не были известны в Италии под названиями гвельфы и гибеллины, которые в Германии были боевым кличем двух партий в битве при Винсберге, состоявшейся 21 декабря 1140 года, и которые ранее отличали первых — герцогов Саксонии и Баварии, преданных папе, а вторых — императоров из дома Франконии. Но хотя эти два названия, которые с тех пор, по-видимому, стали исключительно итальянскими, еще не были приняты в Италии, наследственная привязанность к двум партиям уже более века разделяла умы людей, и фракция стала для каждого второй родиной, которой они часто служили с не меньшим героизмом и преданностью, чем своему родному городу.^b

[1152-1155 гг. н. э.]

Таково было положение дел в Италии, когда германский сейм, собравшийся во Франкфурте в 1152 году, возложил корону на Фридриха Барбароссу, герцога Швабского и представителя династии Гогенштауфенов. Этот принц был племянником Конрада III, которого он сменил на престоле; он был союзником двух родов, гвельфов и гибеллинов, которые боролись друг с другом за империю, и по праву считался немцами своим самым выдающимся вождем. Фридрих Барбаросса был не только храбрым, но и разбирался в военном деле, по крайней мере настолько, насколько это было возможно в столь варварскую эпоху. Он сделал себя любимым солдатами, в то же время подчинив их дисциплине, о введении которой другие еще не думали. Он свято держал свое слово; он ненавидел беспричинную жестокость, хотя пролитие человеческой крови в целом не вызывало отвращения у средневекового князя; но прерогативы своей короны он считал священными правами, которые из гордости и даже из совести был склонен сохранять и расширять. Он считал итальянцев находящимися в состоянии восстания против императорского престола и германской нации и полагал, что его первоочередной обязанностью является подчинить их своей власти.

Венецианский солдат, XII век

(По мотивам Вичеллио)

Соответственно, в октябре 1154 года Фридрих Барбаросса вступил в Италию с мощной немецкой армией через долину Тренто. Он поставил перед собой цель не только получить короны Италии и империи и подчинить себе подданных, которые, по его мнению, забыли о своих обязанностях перед сувереном, но и наказать, в частности, миланцев за их высокомерие, удовлетворить жалобы, которые граждане Павии и Кремоны предъявили им, и заставить Милан вернуть городам Лоди и Комо, которые он разорил, все привилегии, которыми сам Милан пользовался. Прибыв в Ронкалью, где проходили сеймы королевства Италия, он был завален жалобами епископа и дворян на города, а также жалобами на миланцев от консулов Павии, Кремоны, Комо и Лоди; в то время как консулы Кремы, Брешии, Пьяченцы, Асти и Тортонны защищали их. Прежде чем вынести решение по представленным ему разногласиям, Фридрих объявил о своем намерении лично оценить состояние страны, посетив Пьемонт и Монферрат. Поскольку по пути в Новару ему приходилось проходить через миланскую территорию, он приказал консулам Милана снабдить его провизией в дорогу. Города признавали, что они обязаны императорам во время их путешествий платить пошлины, обозначенные феодальными словами «*foderum, parata, mansionaticum*» (корм, продовольствие и жилье); но немцы, задержанные в своем марше из-за сильного и продолжительного дождя, потратили два дня, чтобы достичь этапа, который миланцы предполагали, что они достигнут за один; провизия, конечно, закончилась; и немцы отомстили несчастным жителям, грабя и сжигая деревни, где не находили достаточных запасов продовольствия.

Фридрих обошелся с добротой с городами Новара и Турин, но города Кьери и Асти были ему донесены как разделяющие те же чувства, что и Милан; жители бежали при его приближении, и он разграбил и сжег их покинутые дома. Прибыв затем к Тортоне, он приказал жителям отказаться от союза с миланцами, но те, полагаясь на силу верхней части города, в которую они отступили, пока Фридрих занимал нижнюю часть, имели мужество отказаться. Немцы начали осаду Тортонны 13 февраля 1155 года. Они не смогли помешать входу двухсот миланцев, пришедших на помощь в ее обороне. В течение шестидесяти двух дней этот храбрый народ сопротивлялся нападениям грозной армии Фридриха, численность которой была увеличена за счет вооруженных сил Павии и других гибеллиновских городов. Нехватка воды в конце концов заставила их сдаться, и император разрешил им уйти в Милан, взяв с собой только то немного, что каждый мог унести. Все

остальное было отдано на разграбление солдатам, а дома стали добычей пламени. Миланцы с уважением приняли этих мучеников за свободу, и каждый богатый дом предоставил приют и гостеприимство некоторым из несчастных жителей Тортоны. Тем временем Фридрих в храме Павии возложил на свою голову железную корону королей Ломбардии и начал свой поход на Рим, чтобы получить там золотую корону империи.

ИТАЛЬЯНСКИЙ СОЛДАТ XII ВЕКА

Но немцы, сопровождавшие императора, несмотря на энтузиазм, с которым они отправились в это далекое путешествие, начали уставать от столь долгого отсутствия дома. Свобода, предоставленная им для грабежей и разврата, больше не казалась им достаточной компенсацией за утомительные марши и опасности войны. Они настаивали на том, чтобы император продвигался к Риму и избегал всяких конфликтов с крупными городами, мимо которых они проходили, хотя почти все они отказывались впускать их в свои стены, предоставляя им пропитание и жилье только в пригородах. Невозможность поддерживать дисциплину в хищной армии, которая впервые увидела неизвестные богатства торговли и искусств, а также трудность избежать конфликтов между двумя народами, ни один из которых не понимал языка другого, возможно, оправдывали эту меру предосторожности. Фридрих прошел мимо Пьяченцы, Пармы, Болоньи и Флоренции. Его не приняли даже в Риме; его войска заняли так называемый Леонинский город, или пригород, построенный вокруг Ватикана; там он был коронован папой Адрианом IV, в то время как его армия была вынуждена отбивать римлян, которые продвигались по мосту Сант-Анджело и Борго-^[6] в Трастевере, чтобы помешать церемонии. На следующий день Фридрих покинул Рим, уводя свою армию в горы, чтобы избежать летней жары. Жители Сполето не успели вовремя поставить ему требуемые провиант и фураж, и он напал на их город, взял его и сжег; однако болезни начали истощать ряды его солдат; многие также дезертировали, чтобы сесть на корабли в Анконе. Фридрих с ослабленной армией направил свой поход на Германию через долины Тироля. Жители Вероны, не желая впускать немцев в свои стены, построили для

него мост из лодок на реке Адидже, по которому он поспешно переправился, но едва достиг противоположного берега, как огромные куски дерева, уносимые стремительным течением, ударили по мосту и разрушили его. Фридрих не сомневался, что эту ловушку для него устроили лангобарды, которые льстили себе, что мост сломается, когда он будет переходить его, но он уже не был достаточно силен, чтобы отомстить.

[1155-1158 гг. н. э.]

Император наконец вернулся в Германию со своими варварскими солдатами. Повсюду на своем пути он сеял хаос и опустошение; линия, по которой он прошел через миланскую территорию, была отмечена огнем; деревни Розате, Трекале и Галиата, города Къери, Асти, Тортона и Сполето были сожжены. Но, демонстрируя свою жестокость, он также продемонстрировал свою слабость. Он не осмелился атаковать более сильные и густонаселенные города, которые поздравили себя с тем, что закрыли свои ворота и отказались подчиниться ему. Таким образом, одного года кампании хватило, чтобы уничтожить одну из самых грозных армий, которые Германия когда-либо направляла в Италию; и пример древних времен укрепил веру в то, что пройдет много времени, прежде чем император сможет снова поднять германцев на войну. Миланцы поздравили себя с тем, что сохранили свою свободу благодаря своему мужеству и патриотизму. Их казна была действительно пуста, но рвение их богатых граждан, которые не знали другой роскоши, кроме как служить своей стране, вскоре пополнило ее. Эти люди, вложившие свое богатство в казну республики, довольствовались черным хлебом и плащами из грубой ткани. По приказу своих консулов они покинули Милан, чтобы присоединиться к своим согражданам и своими руками восстановить стены и дома Тортоны, Розате, Трекале, Галиаты и других городов, пострадавших в борьбе за общее дело. Затем они напали на города Павия, Кремона и Новара, которые поддерживали императора, и подчинили их унижительным условиям, в то время как они укрепили свои союзнические узы с городами Брешия и Пьяченца, которые провозгласили свободу.

Но Фридрих имел больше власти над Германией, чем любой из его предшественников; там его считали восстановителем прав империи и немецкой нации. Он заслужил признание за то, что привел Италию из состояния, которое называли анархией и восстанием, к порядку и послушанию. Соответственно, его вассалы с энтузиазмом стекались под его знамя, когда он созвал их на праздник Пятидесятницы 1158 года, чтобы заставить Италию подчиниться. Немецкие батальоны одновременно вошли в Ломбардию через все альпийские перевалы. Их приближение к Брешии настолько напугало жителей, что они немедленно отказались от союза с Миланом и заплатили большую сумму денег в качестве выкупа. Миланцы, напротив, приготовились к сопротивлению. Они либо разрушили, либо укрепили все мосты через Адду, льстя себе, что этой реки будет достаточно, чтобы остановить продвижение императора; но отряд немецкой кавалерии смело бросился в поток и, переплыв реку, благополучно достиг противоположного берега. Затем они овладели мостом Кассано, и вся армия вошла на территорию Милана. Фридрих, следуя течению Адды, выбрал место примерно в четырех милях от руин бывшего Лоди.^[7] Здесь он приказал жителям Лоди восстановить свой город, что в будущем обеспечило бы ему проход через Адду. Он также созвал туда ополченцев Павии и Кремоны, а также других городов Ломбардии, которые из-за своей ревности к Милану примкнули к партии гибеллинов; и только после того, как они присоединились к нему, он разбил лагерь 8 августа 1158 года перед Миланом.

Однако его военные машины были недостаточны, чтобы разрушить стены такого сильного и большого города, и он решил подчинить миланцев голодом. Он захватил их зернохранилища, сжег их стога с зерном, скосил осенний урожай и объявил о своем решении

не снимать осаду, пока миланцы не вернутся к своим обязанностям. Однако несколько дворян, сохранивших свою независимость в Ломбардии, отправились в лагерь императора. Один из них, граф Бландрат, который ранее доказал свою приверженность городу Милану, предложил свои услуги в качестве посредника, был принят и добился условий, не неблагоприятных для миланцев. Они обязались выплачивать Фридриху дань в размере девяти тысяч серебряных марок, восстановить его королевские права, а городам Лоди и Комо — их независимость. Со своей стороны, они были освобождены от обязанности открывать ворота императору. Они сохранили право избирать своих консулов и включили в мирный договор своих союзников из Тортоны и Кремы. Этот договор был подписан 7 сентября 1158 года.

Итальянский дворянин, XIII век

Фридрих, предоставив почетную капитуляцию восставшим подданным, которых он вернул к послушанию, не имел намерения отказываться от прав своей империи. Он считал, что сохранил нетронутой законодательную власть сейма своего королевства Италии. Миланцы, напротив, считали свой договор окончательным и были удивлены и возмущены, когда Фридрих, собрав 11 ноября того же года *плациту*, или сейм королевства, в Ронкалье, провозгласил на этом сейме конституцию, которая отменяла их самые ценные права. Она забирала правосудие из рук консулов городов и передавала его в руки единственного судьи, иностранца, выбранного императором, носившего имя *подоста*; она установила пределы королевских прав, придав им гораздо большее значение, чем предполагали миланцы, когда согласились их признать; она лишила города, как и других членов империи, права вести частную войну; она изменила границы территорий, принадлежащих городам, и, в частности, отобрала у Милана маленький город Монца и графства Сеприо и Мартесана, которые жители всегда считали своей собственностью.

Справедливые мотивы заставили императора и сейм считать эти нововведения необходимыми для общественного мира и процветания, но миланцы рассматривали их только как вероломное нарушение договора. Когда подеста императора прибыл в Милан, чтобы вступить во владение трибуналом, его с презрением прогнали. Миланцы взялись за оружие и, приложив все усилия, чтобы вернуть себе различные перевалы Адды, приготовились защищаться за этой преградой. Фридрих, со своей стороны, весной 1159 года созвал в Болонье новый сейм королевства Италия и подверг Милан имперскому анафеме.

Император пока не пытался подчинить миланцев с помощью регулярной осады. Его армия была недостаточно многочисленна, чтобы осадить такой большой город, а его военные машины не обладали достаточной мощностью, чтобы пробить брешь в таких крепких стенах; но он провозгласил свое намерение использовать всю свою власть как монарх Германии и Италии, чтобы разрушить этот мятежный город. Вскоре миланцы увидели, как их урожай был скошен, осенние посевы уничтожены, виноградные лозы вырублены, деревья, покрывавшие их землю, срублены или обкорочены, а ирригационные каналы разрушены; но великодушные граждане этой новой республики не позволили себе унывать из-за превосходства сил врага или неизбежного исхода такой борьбы. Они ясно понимали, что должны погибнуть, но это будет ради чести и свободы Италии; они были полны решимости оставить великий пример своим соотечественникам и будущим поколениям.

Осада Кремы

Жители Кремы оставались верными миланцам и в хорошие, и в плохие времена, но осада этого города представляла для императора меньше трудностей, чем осада Милана. Крема была небольшим городом и могла быть окружена со всех сторон; она также была более доступна для военных машин, хотя и была окружена двойной стеной и рвом, наполненным водой. Кремонцы начали осаду 4 июля 1159 года, а 10 июля прибыл Фридрих, чтобы лично руководить ею.^с

Император считал жителей города мятежными подданными и, вероятно, ожидал, что их свержение не вызовет больших трудностей. Однако, вопреки его ожиданиям, креманцы проявили не только храбрость, но и упорство, и, несмотря на все его усилия, они продержались около шести месяцев. Осада дала повод для многих живописных инцидентов и стала типичной иллюстрацией методов ведения войны того времени. Еще до первой атаки Фридрих попытался запугать кремасцев, чтобы заставить их подчиниться, варварски казнив нескольких их граждан, которые ранее были отправлены к нему в качестве заложников. Не устранившись, жители осажденного города ответили тем же; более того, они доказали свою отвагу, выйдя из города и попытавшись разгромить часть осаждающей армии в открытом бою. Их малочисленность сделала этот поступок смелым, но он продемонстрировал дух, с которым они были готовы отразить нападение.

Фридрих, со своей стороны, приступил к строительству обычных машин, используемых против укрепленных городов. Главная из них состояла из больших башен, называемых «котами», которые представляли собой башенные сооружения, снабженные таранами и крюками для разрушения стен. Когда они были готовы, для них было проложено дорожное полотно, засыпав внешний ров примерно двумя сотнями бочек и двумя сотнями вагонов гравия. По этой импровизированной дороге медленно катили самую большую «кошку», готовясь к штурму.

Кремасцы выстроились на стенах напротив этого места атаки и обрушились на кота большими камнями, брошенными катапультами, и градом горящих стрел, которые были обмакнуты в смесь масла, смолы « », сала и серы. Эти горящие стрелы срубали с катапульты

косами, но тушить пламя было очень трудно, а снаряды противника угрожали полным уничтожением боевой машины, прежде чем она могла приблизиться к стенам.

Еще более разъяренный героическим сопротивлением, Фридрих прибег к одной из тех жестоких мер, которые кажутся почти невероятными, когда о них рассказывают современным людям. Он привел кремасских пленников, которых ранее пощадил, сковали их цепями и подвесили за руки на веревках к передней части корабля. Кремасцы с ужасом смотрели, как их друзья и родственники использовались в качестве щита для врага, но в конце концов консул Джованни де Медичи счел, что потребности большинства перевешивают интересы несчастных немногих, и снаряды обороны снова были направлены на кота. Девять несчастных кремасцев, висевших на коте, были убиты, а другие получили страшные ранения; но и обитатели сооружения пострадали настолько, что вскоре были рады отступить и на время признать свое поражение.

Немецкий офицер, XII век

Там, где захватчики потерпели неудачу в открытом бою, они в конце концов добились успеха благодаря предательству одного из кремасцев, некоего Маркизио, механика с большим талантом, чьи навыки в значительной степени помогли осажденному гарнизону отразить атаку врага. Фридрих нашел способ приблизиться к этому человеку и с помощью подкупа переманить его на свою сторону. Важность, придаваемая этому событию летописцами осады, иллюстрирует значение, которое придавалось индивидуальным усилиям в войнах того времени. Читатель римской истории вспомнит, как Архимед долгое время спасал Сиракузы от разрушения благодаря своему изобретательству, с помощью которого он придумал средства для отражения атак римлян. За промежуток времени в четырнадцать столетий военное дело практически не изменилось — оно практически не изменилось со времен древних египтян и вавилонян — и наличие одного изобретательного ума, казалось бы, могло переломить ход сражения в пользу осажденного города или против него. Так и теперь, согласно рассказу, Маркизио смог сразу же указать Фридриху на несостоятельность его метода атаки. Он заставил императора отказаться от своих кошек и

построить вместо них гигантские башни, самая большая из которых, как говорят, была высотой около ста локтей, а к одному из ее верхних этажей был прикреплен мост длиной не менее сорока шести локтей, что позволяло ее обитателям достигать городской стены, когда их машина еще находилась на значительном расстоянии. Сама башня была дополнительно защищена от снарядов медными и железными пластинами.

Со временем, когда эти новые машины были готовы, началось новое наступление. Самая большая башня приблизилась к стенам на расстояние, позволяющее сцепиться с ними; захватчики хлынули по мосту, несмотря на град снарядов (), обрушившийся на них, и совершили героические подвиги на стенах, где они сцепились с кремасканами. Традиция обычно сохраняет имена одного или двух из отважных воинов, фигурирующих в такой сцене. В данном случае летописцы с удовольствием записали подвиги некоего Бертольда фон Араха, представленного как гигант по силе, который, как говорят, прыгнул с крепостной стены с небольшой группой последователей и безрассудно вторгся в сам город. Совершив обычные подвиги доблести, он в конце концов пал под натиском превосходящих сил, и победитель с гордостью прикрепил его скальп с развевающимися волосами в качестве трофея к своему шлему.

Еще одним воином, который, как говорят, отличился в тот день, был Отто, пфальцграф Баварии. Именно его усилия, как считается, переломили ход сражения против кремасцев на стене и решили исход дня, хотя его брат Конрад, который вместе с ним возглавлял штурм, совершил не менее смелые подвиги и едва спас свою жизнь.

В конце концов кремасцы были вынуждены покинуть свою внешнюю стену. На следующий день, отчаявшись продолжать оборону, они предложили капитулировать, предаваясь на милость Фридриха. «Печальна судьба побежденных», — воскликнул отчаявшийся консул, подойдя к императору. «О, сир, рука Всемогущего тяжело легла на нас. Мы сдаемся и вверяемся вашему милосердию. Но если наши молитвы могут тронуть ваше сердце, не отдавайте нас в руки кремонцев, чьи многочисленные ложные обвинения привели нас к гибели». Император принял капитуляцию и предложил более милосердные условия, чем можно было ожидать, учитывая его нападение в начале осады. Он разрешил кремонцам с женами и детьми уйти, а также ополченцам из Брешии и Милана; кремонци взяли с собой все, что могли унести, а их союзники ушли с пустыми руками.

«Капитуляция Кремы», — говорит Теста,⁴ «состоялась 27 января 1160 года. Когда эта несчастная толпа, насчитывавшая более двадцати тысяч человек, вышла, некоторые с небольшим количеством домашнего имущества, некоторые с маленькими детьми на руках, некоторые неся или поддерживая женщин, немощных и раненых, говорят, что, чтобы избежать кварталов кремонцев, они прошли рядом с павильоном императора; и что он, увидев столько горя и страданий, стал задумчивым и печальным; пока, наконец, увидев в толпе старого и немощного кремонца, который, подойдя к труднопроходимому месту, с трудом мог идти дальше, он, движимый непреодолимым состраданием, подошел к нему, протянул ему руку и помог ему идти дальше вместе с остальными. Так сильно могут поочередно преобладать в одном и том же сердце самые противоположные чувства!

[1161-1163 гг. н.э.]

Осада Кремы истощала терпение немецкой армии. В тот период солдаты не были привычны к таким длительным походам. Выполнив свою феодальную службу, они считали, что имеют право вернуться домой. Большинство, соответственно, ушло, но Фридрих с непоколебимой стойкостью заявил, что останется с итальянцами только из гибеллиновских городов, чтобы вести войну против миланцев, и, поставив себя во главе ополчений Павии, Кремоны и Новары, вел войну целый год, в течение которого его единственной целью было

уничтожить урожай и не допустить поступления каких-либо продовольственных запасов в Милан. В июне 1161 года на помощь ему прибыла новая армия из Германии. Его подданные начали стыдиться того, что бросили своего монарха в чужой стране, среди народа, которого они обвиняли в вероломстве и мятеже. Они вернулись с удвоенной враждой, которая вскоре проявилась в жестоких деяниях: они пытали и казнили каждого крестьянина, которого заставляли с продовольствием любого рода, ввозимым в Милан.

Богатые граждане республики помогали правительству создавать большие склады, которые уже были частично истощены; случайный пожар уничтожил остатки, и голод победил мужество и любовь к свободе. В течение трех лет миланцы, с тех пор как они были подвергнуты имперскому запрету, поддерживали эту неравную борьбу, пока в начале марта 1162 года они не были вынуждены сдаться на милость врага. В глубоком отчаянии они сдали оружие и знамена и стали ждать приказа императора. Фридрих, суровый и высокомерный, не был жестоким; он никогда не казнил палачом мятежников или врагов, которых он победил. Он прождал почти месяц, прежде чем объявил о своем окончательном решении; возможно, чтобы усилить беспокойство покоренных, а может быть, и чтобы успокоить свой собственный гнев, который он в конце концов выместил на стенах и неодушевленных предметах, простив людей. Он приказал полностью эвакуировать город, чтобы в нем не осталось ни одного живого существа. 25 марта он созвал ополченцев соперничающих и гибеллиновских городов и приказал им сровнять с землей дома и стены города, чтобы не оставить камня на камне.

Те жители Милана, которых бедность, труд и занятость привязывали к земле, были разделены на четыре открытых поселения, построенных на расстоянии не менее двух миль от стен их бывшего города. Другие искали приюта в соседних городах Италии, даже в тех, которые проявляли наибольшую приверженность императору. Их страдания, масштаб их жертв, воспоминания об их доблести и пример их благородных чувств привлекали к делу свободы прозелитов в каждом городе, где их принимали. Делегаты императора (поскольку он сам вернулся в свои германские владения), подеста, которых он установил в каждом городе, вскоре заставили тех лангобардов, которые сражались вместе с ним, испытывать только стыд и сожаление о том, что они помогли закрепить его иго на своих шеях. Все привилегии нации были нарушены; справедливость была принесена в жертву партийным интересам. Налоги, постоянно увеличивавшиеся, выросли в шесть раз, и земледельцам оставалось едва ли треть урожая. Итальянцы повсеместно находились в состоянии страдания и унижения; тирания в конце концов достигла даже их совести.

СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ПАПЫ

После смерти папы Адриана IV в сентябре 1159 года кардиналы, участвовавшие в выборах, разделились поровну между двумя кандидатами: одним из них был сиенский кардинал, другим — римский. Оба были объявлены должным образом избранными своими отдельными партиями: первый — под именем Александра III, второй — под именем Виктора III. Фридрих высказался в пользу последнего, который продемонстрировал готовность пожертвовать ради него свободами и независимостью церкви. Первый был вынужден укрыться во Франции, хотя почти все христианский мир не долго колебался, прежде чем объявить о своей поддержке. В то время как один собор, созванный Фридрихом в Павии, отверг его, другой, созванный в Бове, не только отверг, но и анафематствовал Виктора. В конце концов отлучение от церкви коснулось даже императора, и Александр, чтобы укрепить свои позиции против Фридриха, попытался завоевать любовь народа, став одним из защитников свобод Италии.

Фридрих вновь вступил в Италию в 1163 году, сопровождаемый не армией, а блестящей свитой немецких дворян. Он не предполагал, что в стране, которую он теперь считал покоренной, ему понадобится более внушительная сила; кроме того, он верил, что в любой момент сможет распоряжаться ополчением гибеллиновских городов; и действительно, в этом году он заставил их сровнять с землей стены Тортон. Затем он направился в Рим, чтобы своим присутствием поддержать своего раскольнического понтифика; но тем временем Верона, Виченца, Падуа и Тревизо, самые могущественные города Веронской марки, собрали своих консулов на конгресс, чтобы обсудить способы положить конец тирании, которая их угнетала. Консулы этих четырех городов поклялись от имени своих городов оказывать друг другу взаимную поддержку в отстаивании своих прежних прав и в решении сократить имперские prerogatives до уровня, установленного при правлении Генриха IV. Фридрих, узнав об этом союзе, поспешно вернулся в северную Италию, чтобы подавить его. Он собрал ополчения Павии, Кремоны, Новары, Лоди и Комо с намерением вести их против веронских марк; но вскоре он понял, что дух свободы проник как в гибеллиновские города, так и в города гвельфов; что ополченцы под его командованием жаловались на притеснения со стороны его подеста так же, как и те, против кого он их вел; и что они не были готовы идти на смерть только для того, чтобы укрепить цепи своей страны. Вынужденный склониться перед народом, которого он считал лишь мятежными подданными, он вскоре отказался от столь унижительной борьбы и вернулся в Германию, чтобы набрать более покорную ему армию.

Другие, более насущные интересы отвлекли его внимание от этой цели до осени 1166 года. За это время его антипапа Виктор III умер, а назначенный им преемник был еще более решительно отвергнут церковью. С другой стороны, Александр III вернулся из Франции в Рим, заключил союз с Вильгельмом, норманнским королем Обеих Сицилий, и вооружил всю южную Италию против императора.

ИМПЕРСКИЕ ПОХОДЫ И НЕВЗГОДЫ

Когда в октябре 1166 года Фридрих спустился с гор Граубюндена, чтобы войти в Италию через территорию Брешии, он повел свою армию прямо в Лоди, не допуская никаких враждебных действий по пути. В Лоди в конце ноября он созвал сейм королевства Италия, на котором пообещал лангобардам исправить несправедливости, вызванные злоупотреблениями власти его подестами, и уважать их справедливые свободы; он стремился отделить их дело от дела папы и короля Сицилии; и чтобы придать больше веса своим переговорам, он направил свою армию в центральную Италию. Города Романьи и Тосканы до сих пор не высказывали особых жалоб и не проявляли большого рвения в защите своих привилегий. Фридрих надеялся, что, установив свою власть среди них, он возродит их лояльность и побудит их пополнить армию, которую он вел против Рима. Но вскоре он понял, что дух свободы, одушевлявший другие страны Италии, действовал и в этих; поэтому он довольствовался тем, что взял тридцать заложников из Болоньи, и, тщетно осадив Анкону, в июле 1167 года направил свою армию на Рим.

Города Веронской марки, видя, что император и его армия проходят мимо, не осмеливаясь напасть на них, стали смелее: в начале апреля они созвали новый сейм в монастыре Понтида, между Миланом и Бергамо. Там собрались консулы Кремоны, Бергамо, Брешии, Мантуи и Феррары и присоединились к консулам марок. Союз гвельфов и гибеллинов () за общую свободу был встречен всеобщей радостью. Депутаты из Кремоны, которые помогли разрушить Милан, поддержали депутатов из миланских деревень, умоляя союзные города о

помощи в восстановлении города Милана. Этот союз был назван Ломбардской лигой. Консулы принесли присягу, а их избиратели повторили ее, что все ломбарды должны объединиться для восстановления общей свободы; что лига для этой цели должна просуществовать двадцать лет; и, наконец, что они должны помогать друг другу в совместном устранении любого ущерба, понесенного в этом священном деле любым членом конфедерации; распространяя этот договор о взаимной безопасности даже на прошлое, лига решила восстановить Милан.

Итальянский офицер, XII век

27 апреля 1167 года на территории, покрытой руинами этого великого города, прибыли ополченцы из Бергамо, Брешии, Кремоны, Мантуи, Вероны и Тревизо. Они распределили между собой работу по восстановлению оборонительных стен; все миланцы из четырех деревень, а также те, кто укрылся в более отдаленных городах, пришли толпами, чтобы принять участие в этом благочестивом деле; и через несколько недель новый город был готов отразить нападения своих врагов. Вскоре после этого Лоди был вынужден силой оружия принести присягу лиге, а города Венеция, Пьяченца, Парма, Модена и Болонья добровольно и с радостью присоединились к объединению.

Тем временем Фридрих прибыл в пределы видимости Рима. Римляне осмелились ждать его на открытом поле; он разгромил их с большими потерями и стал хозяином Леонинового города. Жители, все еще защищавшиеся в Ватикане, были изгнаны им путем поджога соседней церкви Санта-Мария; Александр в испуге бежал через Тибр. После его отступления римляне принесли клятву верности императору, однако не впустили его армию в свои стены; но лихорадка и удушающая жара Кампаньи вскоре начали мстить итальянцам своими опустошениями; с первых дней августа в лагере императора началась тревожная смертность.

[1167-1174 гг. н.э.]

Князя, к которому он был наиболее привязан, капитаны, которым он доверял больше всего, две тысячи рыцарей и соразмерное количество простых солдат были унесены

смертью за несколько недель. Он пытался бежать от разрушительного бедствия; в своем отступлении он пересек Тоскану и Луниджану, но его путь был отмечен могилами, в которых каждый день, каждый час он хоронил тела своих солдат. Он уже не был достаточно силен, чтобы победить даже сопротивление маленького городка Понтremoли, который отказал ему в проходе; и по почти непроходимым дорогам он наконец пересек Апеннины. Он прибыл в Павию примерно в середине сентября и попытался созвать сейм; но только депутаты из Павии, Новары, Верчелли и Комо подчинились его призыву. Он выступил перед собранием с яростной речью и, бросив перчатку, вызвал мятежные города на сражение. Он провел зиму, сражаясь со своим небольшим оставшимся войском против лиги Ломбардии, но в марте 1168 года он сбежал от итальянцев и вновь перешел Мон-Сенис, чтобы вернуться и вновь вооружить немцев против Италии.

После его отъезда Новара, Верчелли, Комо, Асти и Тортонa также вступили в конфедерацию, которая решила основать в качестве памятника своей мощи и барьера против гибеллинов Павии и Монферрата новый город на слиянии рек Танаро и Бормида. Ломбарды называли его Александрия (Alessandria) в честь главы церкви и своего союза. Они собрали в нем всех жителей различных деревень этой богатой равнины, простирающейся от По до Лигурийских Альп, и обеспечили им всю свободу и привилегии, за которые они сами боролись.

Фридрих пожертвовал больше времени, сокровищ и крови, чтобы укрепить свое господство над Италией, чем любой из его предшественников; ему надолго удалось привлечь немецкий народ на свою сторону. Он убедил немцев, что подчинение итальянцев отвечает их интересам и чести. Однако они начали уставать от долгой борьбы, которая не приносила им никакой выгоды; другие, более насущные дела требовали присутствия императора на родине, и Фридрих был вынужден на пять лет приостановить свои попытки подчинить Италию. В этот период города Ломбардии, находясь на пике своей мощи и свободы, исправили свои законы, пополнили свои финансы, укрепили свои укрепления и, наконец, улучшили боевую готовность своих вооруженных сил. Их консулы также часто собирались на сеймы, где они давали новые клятвы о совместной обороне и принимали новых членов в конфедерацию, которая в конце концов достигла пределов Романьи.

Однако Фридрих не полностью отказался от Италии. Он послал туда Кристиана, избранного архиепископа Майнца и архиканцлера империи, в качестве своего представителя. Этот воинственный прелат вскоре понял, что в Ломбардии ничего не поделаешь, и отправился в Тоскану, где по-прежнему доминировала гибеллинистская партия. Его первым стремлением было установить мир между двумя морскими республиками Генуей и Пизой, которые с оружием в руках оспаривали право на торговлю с Востоком. Обнаружив у пизанцев большую гордость и независимость, он приказал бросить в темницу их консулов, которые явились на созданный им в июле 1173 года сейм тосканских городов в Сан-Джинацио; одновременно он арестовал консулов флорентийцев, их союзников, в то время как он старательно льстил консулам Лукки, Сиены, Пистойи и дворянам Тосканы, Романьи и Умбрии, обещая отомстить за них их врагам: но, по его словам, «чтобы сделать это более эффективно, вы должны сначала сотрудничать со мной в сокрушении врагов императора». Таким образом, ему удалось убедить их поддержать его в нападении, которое он планировал на следующую весну на Анкону.

Этот город, самый южный из всех, входивших в Ломбардскую лигу, насчитывал около двенадцати тысяч жителей, обогатившихся благодаря морской торговле и уверенных в силе своего почти неприступного положения. Их город, красиво расположенный на краю мыса, окружавшего великолепный порт, с открытой стороны к материку представлял собой только отвесные скалы, за исключением единственной дамбы. Граждане соответственно на

протяжении веков отбивали все нападения варваров и все притязания императоров. Архиепископ Кристиан прибыл к Анконе в начале апреля 1174 года и осадил город с армией, набранной из гибеллинов Тосканы и Умбрии. Жители Анконы отразили их нападение с привычной храбростью. Но голод, более страшный, чем меч, вскоре стал угрожать им. Предыдущие урожаи были неудачными, их зернохранилища были пусты, а вражеский флот закрыл их порт. Они видели, как созревает урожай, но не имели возможности получить ни одного мешка зерна. Вскоре все запасы продовольствия были исчерпаны, но, не теряя мужества, они пытались прокормиться травами и моллюсками, которые собирали на скалах, или кожей, накопленной в их складах в результате торговли. Именно такой пищей долгое время питалась молодая и красивая женщина. Однажды, увидев солдата, призванного на битву, но неспособного идти из-за голода, она отказалась кормить грудью своего ребенка, предложила ее воину и отправила его, таким образом подкрепившегося, проливать кровь за свою страну.

Но каким бы бедственным ни было положение жителей Анконы, они отвергали все предложения о капитуляции. Наконец, приблизилась помощь, запрошенная у гвельфов из Феррары и Романьи; Кристиан увидел костры, которые они зажгли на горе Фалькогнара, примерно в четырех милях от Анконы, и, не имея возможности дать им сражение с армией, измученной долгой осадой, поспешно отступил.

ФРЕДЕРИК СНОВА АГРЕССИВЕН

[1174-1175 гг. н.э.]

В начале октября 1174 года Фридрих во главе грозной армии вновь вторгся в Италию. Он прошел из графства Бургундия в Савойю и спустился по Мон-Сени. Суза, первый город, в который он вошел, был взят и сожжен; Асти, встревоженная, открыла свои ворота и купила свою безопасность от грабежа, заплатив огромную сумму; но Александрия остановила продвижение императора. Этот город, недавно основанный лигой Ломбардии, не колеблясь вступил в борьбу с имперской властью ради своих союзников, хотя его глиняные стены были предметом насмешек немцев, которые первыми дали этому городу прозвище *Алессандрия делла палья*, или «соломенная Александрия». Тем не менее эти стены из грязи и соломы, защищаемые щедрыми и преданными гражданами, выдержали все усилия самой доблестной армии и самого воинственного монарха Германии. Фридрих тщетно потратил четыре месяца на осаду, которая затянулась на всю зиму. Наводнения рек не раз угрожали ему гибелью даже в его лагере; болезни также уничтожили большую часть его солдат. Наконец, объединенная армия Ломбардской лиги продвинулась из Пьяченцы к Тортоне, и в пасхальное воскресенье 1175 года Фридрих был вынужден снять осаду и отправиться в Павию, чтобы дать отдых своей армии.

Это последнее поражение в конце концов заставило императора признать силу народа, которым он привык пренебрегать. Вожди ломбардской армии показали себя хорошо подготовленными к сражению, но, по-прежнему уважая права своего монарха, отказались нападать на него. Он вступил с ними в переговоры; все заявили о своем горячем желании примирить прерогативы императора и права римской церкви с правами свободы. Было назначено шесть комиссаров для выработки основ договора, который должен был примирить различные претензии. Они начали с требования расформирования армий обеих сторон. Фридрих не колебался выполнить это требование; он распустил своих немцев и остался в Павии, полагаясь исключительно на верность своих итальянских гибеллинов. К комиссарам присоединились также легаты от папы, и начались переговоры. Но требования Фридриха были настолько высоки, что достижение соглашения было практически

невозможно. Он заявил, что желает только своих справедливых прав, «но это должны быть те права, — сказал он, — которые осуществляли мои предшественники, Карл Великий, Отто, а также императоры Генрих III и Генрих IV». Депутаты городов противопоставили этому уступки Генриха V и Лотаря, но даже они уже не могли их удовлетворить. Для итальянцев свобода развивалась вместе с цивилизацией, и теперь они не могли подчиниться древним привилегиям своих господ, не вернувшись к своему древнему варварству.

БИТВА ПРИ ЛЕГНАНО; МИР В КОНСТАНЦЕ

[1175-1177 гг. н. э.]

Переговоры были прерваны, и Фридрих отправился в Германию за другой армией, которая весной 1176 года вошла на территорию Комо через Гризон. Император присоединился к ней в конце мая, пройдя незамеченным через территорию Милана. Именно к этому великому городу он питал глубочайшую неприязнь и замышлял новое нападение. Он льстил себе, что найдет горожан все еще дрожащими от наказания, которое он ранее наложил на их город. 29 мая он встретил миланскую армию между Легнано и Барано, примерно в пятнадцати милях от Милана. К ним присоединились лишь несколько вспомогательных отрядов из Пьяченцы, Вероны, Брешии, Новары и Верчелли. Бурная атака немецкой кавалерии заставила лонбардов отступить. Враг настолько приблизился к *карокцио*, что возникла большая опасность, что эта священная колесница попадет в их руки. Но в миланской армии была рота из девятисот молодых людей, которые посвятили себя ее защите и были известны под названием «рота смерти». Эти храбрые юноши, видя, что немцы наступают, преклонили колени и, призвав на помощь Бога и святого Амвросия, вновь поклялись погибнуть за свою страну; затем они поднялись и с такой стремительностью пошли вперед, что немцы растерялись, разделились и отступили. Вся армия, воодушевленная этим примером, поспешила вперед. Немцы были обращены в бегство, их лагерь был разграблен, Фридрих был отделен от своих соратников и вынужден скрываться, и только через несколько дней, преодолев множество опасностей, ему удалось добраться до Павии, где императрица уже оплакивала его смерть.

Поражение при Легнано наконец заставило Фридриха серьезно задуматься о мире и отказаться от притязаний, которым лангобарды сопротивлялись с такой энергией. Были начаты новые переговоры с папой, и по согласованию с ним в качестве места проведения конгресса была выбрана Венеция. Этот город вышел из Ломбардского союза, был признан чуждым Западной империи и мог считаться нейтральным и беспристрастным в споре между императором и свободными городами. Папа Александр III прибыл в Венецию 24 марта 1177 года. Император, чьего присутствия боялись венецианцы, сначала поселился в одном из своих дворцов, недалеко от Равенны, затем приблизился к Кьоддже и, наконец, прибыл даже в Венецию. Переговоры касались трех различных вопросов: примирить императора с церковью, положив конец расколу; восстановить мир между Западной и Восточной империями и королем Обеих Сицилий Фридрихом II и, наконец, определить конституционные права императора и городов Ломбардии.¹⁸¹ Фридрих был вынужден склониться перед гневным лицом гордого священника и предложить свою голову в качестве подножки римскому епископу!

«Я буду топтать аспида и василиска», — сказал понтифик, положив ногу на шею императора, — «и льва и дракона я буду топтать ногами». «*Non tibi sed Petro*», — ответил принц. «*Et mihi et Petro*», — высокомерно ответил священник (¹⁸¹), еще сильнее надавливая на покорного монарха.¹⁸² По крайней мере, так гласит легенда. Но, к сожалению, это рассказ, который нельзя принять без значительных оговорок. Современные источники не содержат таких живописных подробностей, и мы вынуждены сделать вывод, что история унижения Фридриха была впоследствии приукрашена событиями, совершенно не имеющими отношения к реальности. Однако, даже без всех этих апокрифических событий, уступки Фридриха папе явно означали унижение императорской власти. Если Александр и не наступил буквально на шею императору, то он, безусловно, имел право чувствовать, что он в переносном смысле давит под своей духовной пятой светских «аспида и василиска», королевского «льва и дракона».¹⁸³

У Фридриха было мало предметов спора с греческим императором или норманнским королем Сицилии; эти части договора не представляли трудностей для заключения. Но та часть, которая касалась Ломбардского союза, должна была основываться на новом порядке идей; это был первый пакт, который Европа видела между монархом и его подданными; первая граница, проведенная между властью и свободой. После долгих и тщетных попыток переговорщики разошлись, довольствуясь лишь тем, что обязали императора и лангобардов заключить перемирие на шесть лет, начиная с 1 августа 1177 года. В течение его действия права обеих сторон должны были оставаться приостановленными, а свобода торговли была восстановлена между городами, которые остались верными императору, и теми, которые еще более укрепили свои узы союза, возобновив Ломбардский союз.

Однако шесть лет покоя, гарантированные этим перемирием, приучили императора подчиняться ограничениям своей власти. Прошло тридцать лет с начала борьбы между ним и итальянским народом; возраст смягчил его активность и успокоил его гордость. В Германии произошли новые события, которые привлекли его внимание. Его сын Генрих VI потребовал присоединиться к суверенитету его двух королевств — Германии и Италии. Только окончательный мир мог восстановить права и доходы Фридриха в Ломбардии, которые его подданные там не оспаривали, но которые были приостановлены перемирием. Противоположные претензии были честно взвешены на сейме в Констанце; взаимные уступки были сделаны как монархом, так и его подданными, и 25 июня 1183 года был наконец подписан Констанцкий мир, ставший основой новых публичных прав для Италии.

Этим миром император отказался от всех королевских привилегий, которые он до сих пор претендовал внутри городов. Он признал право союзных городов набирать армии, окружать себя укреплениями и осуществлять через своих уполномоченных внутри своих стен как гражданскую, так и уголовную юрисдикцию. Консулы городов приобрели простым назначением народа все прерогативы имперских наместников. Города Ломбардии были также уполномочены укреплять свою конфедерацию для защиты своих законных прав, признанных Констанцким миром. Но, с другой стороны, они обязались поддерживать справедливые права императора, которые были определены в то же время; и чтобы избежать всех споров, было решено, что эти права всегда могут быть выкуплены ежегодной суммой в две тысячи марок серебра. Так закончилась, с установлением законной свободы, первая и самая благородная борьба, которую народы современной Европы когда-либо вели против деспотизма.

Итальянский офицер, XII век

Щедрое сопротивление лангобардов в течение тридцатилетней войны завоевало у императоров политическую свободу для всех городов королевства Италия. Право подчиняться только своим собственным законам, управляться своими собственными магистратами, заключать союзы, вести войну или заключать мир и, наконец, управлять своими собственными финансами, за исключением только определенного дохода, уплачиваемого в имперскую казну, было более конкретно закреплено Констанцким миром для городов-членов Ломбардской лиги.

Но немцы легко поняли невозможность отказать своим союзникам в привилегиях, которые их враги завоевали путем завоевания; поэтому свободы, оговоренные Констанцким миром, были предоставлены всем городам Италии, и те, которые наиболее отличались своей приверженностью гибеллинам, часто оказывались самыми ревностными в установлении и сохранении всех прав народа. Однако города не считали себя независимыми. Они гордились титулом членов империи; они знали, что должны участвовать в ее защите, а также в поддержании внутреннего мира, оставляя за собой право

делать это по своему свободному выбору и после обдуманного решения. Они были в некотором роде союзниками императора, который действовал на них скорее убеждением, чем приказами, скорее как партийный лидер, чем как монарх; и поскольку он привык к такому компромиссу с общественным мнением в своих отношениях с князьями империи, он с меньшим отвращением уступал своим итальянским подданным. Очень почетным обстоятельством для князей дома Гогенштауфенов, которые продолжали править шестьдесят семь лет после Констанцкого мира, является то, что в течение этого долгого периода они не предпринимали никаких попыток нарушить условия договора. Они добросовестно признавали все последствия сделанных уступок; они прощали свободу, которую обычные короли всегда считали узурпацией прав короны со стороны подданных.

СМЕРТЬ ФРЕДЕРИКА; ЕГО ПРЕЕМНИК

[1183-1198 гг. н. э.]

Однако вскоре борьба между императором и большинством городов возобновилась. Она велась с не меньшей преданностью и не меньшими жертвами; она принесла не меньше бедствий, пока длилась; и в конце она увенчалась не менее счастливыми результатами. Но города, в отличие от предыдущей борьбы, не участвовали в ней ради своих непосредственных интересов; они скорее поддерживали политику Святого Престола, который стремился к независимости церкви и Италии и не прекращал борьбу за достижение этой цели до исчезновения дома Гогенштауфенов.

Фридрих I пережил Констанцкий мир на семь лет. В этот период он посетил Италию со своим сыном Генрихом VI; он некоторое время оставался в Милане, где его приняли с уважением и где он завоевал любовь всех жителей, к которым он проявлял предельное доверие, уверенность и доброту. Вместо того чтобы пытаться запугать Ломбардию и интригами вернуть свою прежнюю власть, он был занят только браком своего сына Генриха, которого он ранее короновал королем Германии, с Констанцей, единственной наследницей норманнских королей, завоевавших Обе Сицилии. Союз этой короны с короной Германии и Ломбардии свел бы папу к роли первого епископа своих государств; он лишил бы силы две вспомогательные державы, которые поддерживали лигу Ломбардии против императора; и это встревожило церковь в той же мере, в какой льстило его амбициям. Попытки предотвратить или расторгнуть этот союз привели к серии войн, продолжавшихся в течение длительного периода. Фридрих Барбаросса не дожил до их начала. Когда 2 октября 1187 года весть о взятии Иерусалима Саладином 1187 года, повергла всю Европу в смятение, Фридрих, следуя только своему религиозному и рыцарскому энтузиазму, встал во главе Третьего крестового похода, который он повел на Восток по суше, и умер 10 июня 1190 года от апоплексического удара, вызванного холодной водой реки Каликадн [Салеф] в Малой Азии.

Генрих VI носил в течение пяти лет немецкую и итальянскую короны, когда он получил в Германии, где он тогда находился со своей женой, известие о смерти Вильгельма II, короля Обеих Сицилий, преемником которого была Констанца; а через несколько месяцев — о смерти своего отца Фридриха I. Он немедленно начал свое путешествие в южную Италию. Танкред, бастард из рода норманнских королей, выдвинутый против него сицилийцами, некоторое время успешно защищал независимость этих провинций, но умер в 1194 году; а Генрих, который вступил в королевство как завоеватель и сделал себя ненавистным своей жестокостью, также умер там внезапно, 28 сентября 1197 года. От брака с Констанцей у него остался только один сын, Фридрих II, которому было едва четыре года и который в следующем году потерял мать; под покровительством папы он был признан, несмотря на

свой юный возраст, королем Обеих Сицилий, но императорская и ломбардская короны были удержаны от него в течение нескольких лет.

РАСТУЩАЯ ВЛАСТЬ ДВОРЖДАНСТВА

С момента заключения Констанцкого мира до смерти Генриха VI свободные города Италии в течение пятнадцати лет не имели никаких противоречий с императорами, но их покой и свобода в этот период постоянно подвергались опасности из-за притязаний дворянства. Растущее величие городов и упадок имперской власти поставили итальянское дворянство в очень неоднозначное положение.

В некотором смысле у них больше не было страны; их единственной опорой была собственная сила, поскольку император, отказавшись от власти над городами, не подумал о том, чтобы создать организацию для дворян, рассеянных по замкам. Все семьи итальянских герцогов и почти все семьи маркизов и графов вымерли; те, кто остался, утратили всякую юрисдикцию над своими подданными; феодальные права не уважались; ни один вассал не являлся в баронский суд, чтобы сформировать трибунал своего господина. Границы королевства Ломбардия назывались *марками*, по немецкому слову, заимствованному почти всеми европейскими языками, а командующий этими границами назывался маркизом; но семьи могущественных тосканских маркизов вымерли, как и семьи маркизов Анконы, Фермо, Камерино, Ивреи, а также маркизов Вероны и Тревизо. Однако на этих границах остались некоторые семьи, которые носили тот же титул и сохранили некоторые остатки этих древних и могущественных маркизатов.

Дворяне были объединены не иерархической связью феодальной системы, а симпатиями или антипатиями гвельфов или гибеллинов. В целом, самые могущественные семьи среди дворян, те, кто имел достаточно крепкие замки, достаточно обширные земли и достаточно многочисленных вассалов, чтобы защитить себя, прислушиваясь только к амбициям двора, примыкали к партии гибеллинов. Напротив, те семьи, которые владели замками, способными оказать лишь небольшое сопротивление, расположенными на доступных возвышенностях или на равнинах; те, чьи замки находились рядом с большими городами и были слишком слабы, чтобы противостоять им, требовали, чтобы их сделали гражданами городов; они служили им в войнах Ломбардского союза; с тех пор они играли главную роль в правительстве и таким образом оказались привязанными общими интересами к партии гвельфов. Независимых дворян больше не было во всех равнинах Ломбардии; не было ни одного, кто не стал бы гражданином какой-либо республики; но каждая горная цепь была густо заселена замками, где дворяне, предпочитая повиноваться императору, а не гражданам, сохраняли свою независимость; и они тоже, иногда привлекаемые богатством и удовольствиями городов, а иногда желая получить влияние в советах могущественных республик, чтобы вернуть их императору, требовали, чтобы их сделали гражданами, когда считали, что это откроет им путь к участию в правительстве; и поскольку война была их единственным занятием, их часто с радостью принимали республики, которые нуждались в хороших полководцах.

Так, гибеллиновский род Висконти, чьи феоды простирались от Альп до озера Маджоре, стал связан с республикой Милан. Дом Эсте, союзник гвельфов Саксонии и Баварии и преданный папе, владелец нескольких замков, построенных на плодородной цепи Эуганских холмов, присоединился к республике Феррара; параллельная цепь, служащая основой Тиролевских Альп, была увенчана замками Эззеля, Эззелино или Эккелино, Романо, семьи, обогатившейся благодаря императорам, полностью преданной гибеллинам и со временем примкнувшей к республикам Верона и Виченца. Точно так же на северной стороне Апеннин располагались крепости гвельфских дворян, которые возбуждали революции в республиках

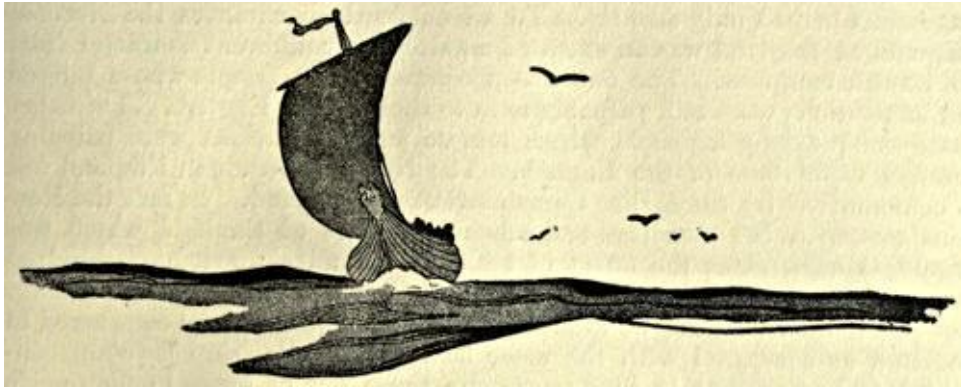
Пьяченца, Парма, Реджо и Модена; на южной стороне находились замки других гвельфов, поочередно являвшихся гражданами и врагами республик Ареццо, Флоренция, Пистойя и Лукка; ниже, в долинах По или в верхней долине Арно, находились замки гвельфов, которые стали явными гражданами тех же республик.^{[c](#)}

СНОСКИ

^{[\[6\]](#)} Борго — это связующее звено между Трастевере и Ватиканом.

^{[\[7\]](#)} [В 1111 году миланцы полностью разрушили город Лоди и запретили его восстановление. Тем не менее, процветающая коммуна снова возникла, и в 1158 году миланцы вернулись, повторив свою работу по разрушению более тщательным образом].

^{[\[8\]](#)} [«Не перед тобой, а перед святым Петром (я преклоняю колени)», — сказал принц. «И перед мной, и перед Петром», — ответил священник.]

ГЛАВА III. НОРМАННЫ В СИЦИЛИИ

Народ этот, поистине, очень проницательный, мстительный за обиды; в надежде на прибыль в других местах он презирает свои отцовские земли, во всем подражателен, занимая среднее положение между расточительностью и скупостью. Их вожди, действительно, очень расточительны из-за своей любви к славе. Это народ, склонный к лести, настолько усердный в изучении красноречия, что даже мальчики, как вы увидите, являются ораторами. Если их не держать под гнетом закона, этот народ чрезвычайно необуздан (*effrenatissima*), но при этом долготерпелив в труде, в голоде, в холоде, когда того требует судьба; он трудолюбив в соколиной охоте. Он радуется лошадям и другим делам войны, а также роскошной одежде. От их имени происходит название их земли. North в английском языке означает «северный ветер» (*aquilo*), и поскольку они сами пришли оттуда, они называют свою землю Normannia [Нормандия].—МАЛАТЕРРА.⁴

[787-1204 гг. н. э.]

Норманны — это смягченная форма слова «северянин», которое сначала применялось к жителям Скандинавии в целом, а затем — специально к жителям Норвегии. В форме «норманн» (*Northmannus*, *Normannus*, *Normand*) это название тех колонистов из Скандинавии, которые поселились в Галлии, основали Нормандское герцогство, приняли французский язык и французские нравы и из своего нового дома отправились на новые завоевания, главным образом на Британские острова, в южную Италию и на Сицилию. С одной точки зрения, экспедиции норманнов можно рассматривать как продолжение экспедиций северян. Поскольку этимологически название одинаково, то и народ по происхождению одинаков, и он по-прежнему ведомый старым духом войны и приключений.

[787-1090 гг. н. э.]

Однако с точки зрения общей истории норманнов и норвежцев следует тщательно различать. Изменение названия является признаком коренного изменения, если не в самом народе, то в его историческом положении. Их национальный характер остался в основном прежним, но они приняли новую религию, новый язык, новую систему права и общества, новые мысли и чувства по всем вопросам. Подобно тому, как норманны по-прежнему относятся к норвежцам, последствия поселения норманнов совершенно отличаются от последствий поселения норвежцев. Несомненно, что установлению норманнской власти в Англии, как и установлению датской власти, в значительной степени способствовало родство норманнов, датчан и англичан. Но это было только молчаливое содействие. По всем внешним признакам норманнское завоевание Англии было событием совершенно иного характера, чем датское завоевание. Одно было завоеванием народом, язык и институты которого по-прежнему были явно схожи с английскими. Другое было завоеванием народа, язык и институты которого были явно отличались от английских. Норманские поселенцы в Англии не чувствовали никакой общности с более ранними датскими поселенцами в Англии. Фактически норманны встретили самое упорное сопротивление в той части Англии, которая была в основном датской. Но эффект реального, хотя и непризнанного, родства тем не менее имел важное практическое значение. Несомненно, что это скрытое родство между завоевателями и завоеванными в Англии, по сравнению с полным отсутствием какого-либо братства между завоевателями и завоеванными в Сицилии, было одной из нескольких причин, которые привели к столь значительной разнице между норманнским завоеванием Англии и норманнским завоеванием Сицилии.

Эти два завоевания, осуществленные на большом острове в океане и на большом острове в Средиземном море, были главными достижениями норманнов после того, как они полностью приобрели характер христианского и франкоязычного народа, иными словами,

после того, как они превратились из северян в норманнов. Английские и сицилийские поселения составляют основную норманнскую историю XI века. X век — это время поселения норманнов в Галлии и изменения религии и языка, внешним признаком которого является смягчение названия. К концу века любые следы языческой веры и даже скандинавского языка, должно быть, были лишь пережитками прошлого. Новое вероучение, новый язык, новая социальная система укоренились настолько глубоко, что потомки скандинавских поселенцев были более приспособлены к роли вооруженных миссионеров всего этого, чем соседи, у которых они позаимствовали свои новые владения. С рвением новообращенных они приступили к выполнению своей новой миссии в духе своих языческих предков. Если Британия и Сицилия были крупнейшими полями их деятельности, то они были далеко не единственными. Тот же дух предприимчивости, который привел северян в Галлию, кажется, вынес норманнов из Галлии во все уголки мира.^с

На данный момент мы можем оставить этнологию и раннюю историю норманнов для более поздней истории Скандинавии, а более подробные сведения об их вторжениях во Францию и Англию — для истории этих стран, приведя здесь только краткое резюме их странствий и более полное описание их карьеры в могущественном маленьком королевстве на Сицилии, где они активно вмешивались в дела всей Европы и большей части Азии и Африки. Как говорит Фриман^с, это было «самое блестящее время для Сицилии как мировой державы». Даже при греках она не была столь заметной. Но прежде чем перейти к этому периоду, необходимо упомянуть о их первых появлениях в истории континентальной Европы.^а

Еще более ужасными, чем политические злоупотребления, были бедствия, выпавшие на долю народов, подчиненных Карлу Великому. Конечно, с нашей точки зрения они могут показаться нам немногим лучше жестоких варваров, но они подвергались нападениям племен, по сравнению с которыми их следовало считать гуманными и цивилизованными. Каждая граница империи должна была опасаться нападения врага. Сарацины из Африки захватили Сицилию и Сардинию и стали хозяевами Средиземного моря.

[787-870 гг. н. э.]

Гораздо более грозными были враги, напавшие на Германию. Славяне, широко распространенный народ, язык которого до сих пор используется на половине территории Европы, заняли страны Богемии, Пеннинской Галиции (), Польши и Паннонии на восточных границах империи и со времен Карла Великого признавали ее превосходство. Но в конце IX века татарское племя венгров, распространившееся по стране, которая с тех пор носит их имя, и продвигаясь вперед как огромная волна, нанесло Германии страшный удар. Вся Италия, вся Германия и юг Франции почувствовали на себе это бедствие, пока Генрих Птицелов и Оттон Великий не оттеснили их обратно на их территории благодаря череде побед, где в короткие сроки они научились мирным искусствам, приняли религию и последовали политике христианского мира.

Славянин X века

Если и были враги, более разрушительные, чем эти венгры, то это были пираты севера, известные под общим названием норманны. Любовь к грабительской жизни, по-видимому, привлекала авантюристов разных народов к скандинавским морям, откуда они опустошали не только морским пиратством, но и постоянными вторжениями северные побережья Франции и Германии. Причины их внезапного появления необъяснимы или, по крайней мере, их можно искать только в древних традициях Скандинавии. Ведь, несомненно, побережья Франции и Англии были так же мало защищены от грабежей при королях из династии Меровингов и при семи королях, как и в последующие времена. Однако зафиксирован только один случай нападения с этой стороны, и то до середины VI века, до эпохи Карла Великого. В 787 году даны, как мы называем этих северных грабителей, начали нападать на Англию, которая была наиболее уязвима для их вторжений. Вскоре после этого они опустошили побережья Франции. Карл Великий отразил их с помощью своего флота, но они все же разграбили несколько мест во время его правления. Говорят, что однажды, увидев из порта в Средиземном море несколько норманнских кораблей, проникших в это море, он прослезился, предвидя бедствия, которые ждали его империю. В IX веке норманнские пираты разоряли не только Балеарские острова и ближайшие побережья Средиземного моря, но даже Грецию.

НОРМАННЫ В ФРАНЦИИ

[870-923 гг. н.э.]

Во время правления Людовика их грабежи на побережье были более непрерывными, но они не проникали вглубь страны до правления Карла Лысого. Войны между этим принцем и его семьей, которые истощили Францию от ее благороднейшей крови, неповиновение провинциальных губернаторов и даже подстрекательство некоторых врагов Карла открыли

им путь для вторжений. Они приняли единый план ведения войны как во Франции, так и в Англии: плывя по судоходным рекам на своих небольших судах и укрепляя острова, которые они иногда находили, они делали эти укрепления в Эн-де-Форе () убежищем для своих женщин и детей, хранилищем для своей добычи и местом отступления от превосходящих сил. После разграбления города они отступали в эти крепости или на свои корабли, и только в 872 году они осмелились удержать Анже, который, однако, были вынуждены эвакуировать.

Шестнадцать лет спустя они осадили Париж и совершили самые разрушительные опустошения в соседних странах. Поскольку эти северяне не сдерживались религиозным страхом, богатые монастыри, которые остались невредимыми среди хаоса христианской войны, были захвачены в штурм. Возможно, они понесли некоторые невосполнимые потери древней науки, но их жалобы касаются испорченных памятников, рассеянных костей святых и королей, унесенных сокровищ. Сен-Дени выкупил своего аббата из плена за 685 фунтов золота. Все главные аббатства были ограблены примерно в то же время, либо врагом, либо для пополнения государственной казны. Королевство было настолько обеднено, что в 860 году Карл Лысый с большим трудом собрал 3000 фунтов серебра, чтобы субсидировать отряд северян против своих соотечественников. Короли Франции, слишком слабые, чтобы предотвратить или отразить этих захватчиков, прибегали к паллиативам, покупая у них мир, или, скорее, неустойчивые перемирия, которым вскоре положить конец возродившаяся жажда грабежей. Наконец, в 918 году Карл Простой уступил им большую провинцию (Нейстрию), которую они уже частично оккупировали, частично опустошили и которая получила от них название Нормандия. Как бы позорно это ни выглядело, это оказалось не недальновидным шагом. Ролло [Рольф или Хрольф, изгнанник из Норвегии], норманнский вождь, со всеми своими подданными стал христианином и французом.^d

Франция могла бы только поздравить себя с уступкой, которую она была вынуждена сделать норманам, если бы договор в Сен-Клере навсегда закрепил мир между королевством и этим народом пиратов. К сожалению, этого не произошло, и в течение значительного времени норманны продолжали добавлять свои разорения к бремени многочисленных жертв, которые принесла Франция, и ко всем бедствиям, которые она пережила.

Несколькими годами ранее группа язычников, не подчинявшихся Ролло, но о приключениях которых мало что известно, обосновалась в устье Луары. Ролло пришел и атаковал их в их убежище, но они отважно защищались, и завоеватель берегов Сены был вынужден вернуться в свои владения, оставив язычников в устье Луары. Спустя некоторое время обе группы объединились и сражались вместе; это произошло следующим образом. Во Франции царил большое возмущение из-за плачевного правления Карла Простодушного, последнего выродившегося потомка династии Карлингов. Рудольф или Ральф, герцог Бургундский, который считался единственным человеком, способным положить конец анархии в королевстве и разорению норманнами, был провозглашен королем.

Карл обратился за помощью к норманам из Сены и Луары. В соответствии с этим все они присоединились к войскам павшего короля, двинулись вместе с ними к Уазе, сопровождая свое продвижение обычными разрушениями. Впервые жители севера вмешались в гражданскую войну, которая их не касалась. Рудольф обратил свои войска против них и обратил их в бегство. Они отомстили, убив взятых в плен. Рено, вождь нормандцев из Луары, который продвинулся в своих набегах до Арраса, был вынужден отступить в свои крепости. Сразу после этого отступления бургундцы пересекли Эпту и подвергли Нормандию огню и мечу. Ролло, который, очевидно, не ожидал этого вторжения, заключил перемирие с Рудольфом и дал ему заложников в качестве гарантии своих мирных намерений, но, в свою

очередь, выдвинул требования, которые должны были быть удовлетворены. Король Карл, сказал он, чью дело он поддерживал, обещал ему больше земель. Чтобы не уступать свергнутому монарху, Рудольф, согласно Флодоарду (или Фродоарду),^е историку, подарил Ролло Бессин, а также Мэн. Норманны из Луары были обращены таким же образом, и, по-видимому, им была предоставлена сумма денег, а для ее выплаты во всех частях Франции должен был взиматься налог.

[923-930 гг. н. э.]

Королевство продолжало быть очень взволнованным политическими событиями. Хотя он дважды продавал мир Рудольфу и снова его нарушал, норманнский герцог поддержал дело графа Гериберта, который, отказавшись от Рудольфа после того, как умело его поддерживал, перешел на сторону свергнутого принца, своего пленника, и с согласия Ролло и Хью снова провозгласил несчастного Карла королем. Для Рудольфа все казалось потерянным. Но Карл был марионеткой своей партии; едва он вновь вззошел на престол, как Гериберт снова передумал, снова бросил призрачного принца в тюрьму и признал Рудольфа. Карл умер через некоторое время в замке своего тюремщика.

В то время как эти события происходили во внутренних районах Франции, бретонские генералы в окрестностях Нормандии, возможно, в отместку за набеги скандинавов, начали разорять территории своих соседей и вторглись в провинцию Байе, но Ролло появился со своими воинами, вступил в сражение с агрессорами и победил их. Один из бретонских графов, Беранжер, сдался норманнам; другой, Алан, главный зачинщик войны, укрылся в Англии. Вельможи, сражавшиеся под командованием этих двух военачальников, поселились во Франции, в Бургундии или Аквитании; некоторые из них последовали за Аланом в Англию. Все оставшиеся были вынуждены признать сюзеренитет герцога Нормандии. Соседние провинции, такие как Анжу и Пуату, отныне были избавлены от враждебных вторжений этих буйных вождей. Таким образом, Ролло в старости стал мирным владельцем Нормандии и смог поддерживать в ней порядок и мир.

Говорят, что Карл Простой, еще находясь на троне, тайно послал эмиссаров в Руан к своей дочери Гизеле, которая вышла замуж за Ролло; что эта тайная миссия вызвала недовольство норманнов, и что Ролло схватил и публично казнил посланников своего тестя. Гизела умерла через некоторое время, а Ролло продолжал жить с Попой, от которой у него было двое детей: сын по имени Вильгельм и дочь по имени Герлок, которая позже получила христианское имя Адела или Аделина.

Когда Вильгельм достиг зрелого возраста, нормандская знать попросила своего герцога назначить его преемником. Он назвал своего сына, и именно его имели в виду норманны, несмотря на его незаконнорожденность. Знать заранее поклялась ему в верности и послушании. Ролло прожил еще пять лет после этого важного события и умер от старости в Руане. Точная дата его смерти, а также его возраст неизвестны. Все указывает на то, что смерть первого и, вероятно, восьмидесятилетнего герцога Нормандии произошла около 930 года. Его храбрость, стойкость, энергичность правления неоспоримы, но можно усомниться в правдивости похвал, которые норманнские монахи в своих хрониках воздавали его преданности и уважению к духовенству. Возможно, он обогатил церкви и монастыри, участвовал в процессиях и ходил босиком перед мощами святого Оуэна, ранее перевезенными во Францию, которые он заставил своего тестя вернуть; но с другой стороны, в английской хронике мы читаем, что он продал или разрешил продать многие реликвии, принадлежавшие нормандским церквям, которые были приобретены его союзником, королем Англии Этельстаном.

Французский историк Адемар де Монфора (Adhémar, [↗](#)) даже заявляет, что, чувствуя приближение своей кончины, Ролло приказал принести в жертву северным идолам сто христианских пленников и подарил церкви Нормандии сто фунтов золота, чтобы умиловить одновременно языческих богов и христианского божества. По словам другого историка, именно в тот момент, когда он собирался принять христианскую веру, Ролло принес последнюю человеческую жертву божествам того культа, от которого он отказывался. Возможно, причиной этих странных рассказов стало массовое убийство христианских пленников, которое он приказал совершить, когда Рудольф изгнал его из северной Франции.

Ролло был похоронен в церкви, которую он построил в Руане; позже его останки были перенесены в часовню самого собора. Его могила, расположенная напротив могилы его сына, до сих пор находится там.[↗](#)

НОРМАННЫ ПРИБЫВАЮТ В ИТАЛИЮ

[930-1053 гг. н. э.]

Когда северяне, или норманны, приняли христианство, они превзошли все европейские народы в своей приверженности паломничеству в Святую Землю. Это вполне соответствовало привычкам самых предприимчивых, смелых и доблестных людей на земле. Два мотива, по-видимому, определили их маршрут в Неаполь: горы Кассино и Гаргано славились чудесами, а из Неаполя, Гаэты, Амальфи или Бари, которые поддерживали постоянные связи с Востоком, можно было легко добраться до Сирии.

В начале XI века, когда сорок из этих авантюристов находились в Салерно по пути из Святой Земли, у побережья бросил якорь сарацинский флот и потребовал тяжелые дани в качестве вознаграждения за пощаду города. Норманны немедленно обратились к Гиомару III, князю этого места, с просьбой о предоставлении оружия. К удивлению жителей, они сели на своих коней, заставили открыть ворота и бросились в самую гущу неверных, многих из которых они убили, а остальных заставили поспешно сесть на корабли.[↗](#) Гиомар, надеясь удержать их при своем дворе, предложил им в качестве условия богатства и почести; а когда он понял, что они решили вернуться в свои дома, он привел их, чтобы они объявили о его предложении своим родственникам и друзьям. Однако, по-видимому, у норманнов не было особых причин для недовольства своей страной; только один рыцарь по имени Дренгот, который из-за смертельной вражды с одним из знатных людей своей страны не был против зарубежных приключений, решил собрать своих родственников и подданных и отплыть в Италию.

Прибыв туда с около сотней последователей, он обнаружил, что иго греков не менее ненавистно, чем грабежи сарацин; что папа, император и феодал были одинаково готовы подчинить себе приморские города и горные крепости. Некоторое время их успеху мешали препятствия, которые не могли преодолеть даже самые отважные. Однажды они были разгромлены значительно превосходящими силами, а их вождь был убит; император Генрих II, к армии которого они присоединились, был вынужден из-за эпидемии покинуть север Италии. Но под руководством Райнульфа, брата Дренгота, они решили установить свою власть и с этой целью захватили Аверсу, крепость, принадлежавшую герцогству Неаполь, которую они укрепили вопреки желанию этой республики. Однако вскоре у них появилась возможность примириться с этим городом. Когда Пандульф IV, принц Капуи, неожиданно захватил Неаполь, где открытая сила не помогла бы, Сергей, военачальник и глава республики, бежал в Аверсу, умолял иностранцев о помощи и с их помощью изгнал гарнизон Капуи. Благодарный вождь возвел Аверсу в феодал, которым он наделил норманнского вождя

как графа Райнульфа. Но этому вождю не суждено было заложить основу норманнского господства.

Примерно в это же время, привлеченные той же надеждой на славу, прибыли три сына Танкреда Отавилевского, представителя знатного рода Нормандии. В последовавшей войне и греки, и сарацины потерпели поражение, в результате чего вся Апулия была отвоевана у первых, а новые завоевания были разделены между двенадцатью графами, каждому из которых достался город и территория. Во главе этих авантюристов стоял Гийом Бра-де-Фер, старший сын Танкреда. Но они не признавали никакого подчинения; они совершали над церквями и монастырями, христианами и неверными, друзьями и врагами такие злодеяния, которые не могли бы превзойти ни греки, ни сарацины, пока папа, справедливо считая их величайшим проклятием страны, не создал союз для их изгнания.

Во главе пестрой армии, состоящей из римлян, германцев, греков, кампанцев и апулийцев, выступил сам Лев IX. Гийом был мертв, но его место занял его брат Гумфри (или Гумберт); Гумфри помогали Роберт Гвискар [или Вискар], другой сын Танкреда, и граф Аверсы.⁴

ПОЛОНОМЕНИЕ ПАПЫ; РОБЕРТ ГИСКАРД (1053 г. н. э.)

Норманны Апулии могли собрать на поле боя не более трех тысяч всадников и горстку пехоты; измена местных жителей перекрыла им путь к провианту и отступлению, а их дух, не знавший страха, на мгновение охладел от суеверного трепета. Когда Лео подступил к ним, они без позора и сопротивления преклонили колени перед своим духовным отцом. Но папа был неумолим; его высокомерные немцы насмеялись над низким ростом своих противников, и норманнам было объявлено, что их единственным выбором является смерть или изгнание.

Они презирали бегство; и, поскольку многие из них три дня не пробовали пищи, они приняли уверенность в более легкой и почетной смерти. Они взобрались на холм Чивителла, спустились на равнину и тремя отрядами атаковали армию папы. Слева и в центре Ричард, граф Аверсы, и Роберт, знаменитый Гвискар, атаковали, разбили, рассеяли и преследовали итальянские войска, которые сражались без дисциплины и бежали без стыда. Более тяжелое испытание было уготовано доблести графа Хамфри, который возглавлял кавалерию правого фланга. Немцы считались неумелыми в обращении с лошадьми и копьями, но пешком они образовывали сильную и непробиваемую фалангу, и ни человек, ни конь, ни доспехи не могли противостоять весу их длинных двуручных мечей. После ожесточенного сражения они были окружены эскадронами, возвращавшимися с преследования, и погибли в своих рядах, заслужив уважение своих врагов и удовлетворение от мести.

Ворота Чивителлы были закрыты перед бегущим папой, и его догнали благочестивые завоеватели, которые поцеловали его ноги, чтобы умолить о его благословении и отпущении грехов за их греховную победу. Солдаты видели в своем враге и пленнике наместника Христа, и хотя мы можем предположить, что это была политика вождей, вероятно, что они были заражены народным суеверием. В спокойствии уединения благонамеренный папа сожалел о пролитии христианской крови, которое должно было быть приписано ему; он чувствовал, что был виновником греха и скандала; и поскольку его предприятие провалилось, непристойность его военного характера была всеобщее осуждена. С такими настроениями он выслушал предложения выгодного договора, отказался от союза, который он проповедовал как дело Божье, и ратифицировал прошлые и будущие

завоевания норманнов. Независимо от того, кем они были узурпированы, провинции Апулия и Калабрия были частью дара Константина и наследством святого Петра: предоставление и принятие подтвердили взаимные претензии понтифика и авантюристов. Они пообещали поддерживать друг друга духовным и мирским оружием; впоследствии была оговорена дань или рента в размере двенадцати пенсов с каждой пахотной земли; и после этой памятной сделки королевство Неаполь оставалось более семисот лет феодом Святого Престола.

НОРМАНСКАЯ ЖЕНЩИНА XI ВЕКА

[1015-1057 гг. н. э.]

Родословная Роберта Гвискара, родившегося около 1015 года, по-разному выводится от крестьян и герцогов Нормандии; от крестьян — из-за гордости и невежества греческой принцессы; от герцогов — из-за невежества и лести итальянских подданных. Его подлинное происхождение можно отнести ко второму или среднему классу частной знати. Он происходил из рода *вассалов*, или *знаменосцев*, епархии Кутанс в Нижней Нормандии; их почетным резиденцией был замок Отейвиль; его отец Танкред был заметной фигурой при дворе и в армии герцога; его военную службу обеспечивали десять солдат или рыцарей. Два брака, не уступавшие его собственному рангу, сделали его отцом двенадцати сыновей, которых воспитывала дома его вторая жена с беспристрастной нежностью. Но скудное наследство было недостаточно для его многочисленного и смелого потомства; они видели вокруг себя бедствия бедности и раздора и решили искать более славное наследство в зарубежных войнах. Только двое остались, чтобы продолжить род и ухаживать за отцом в старости; их десять братьев пересекли Альпы и присоединились к апулийскому лагерю норманнов. Старшие были движимы врожденным духом; их успех воодушевил младших братьев; и первые три по старшинству, Вильгельм, Дрого и Хамфри, заслужили стать вождями своего народа и основателями новой республики.

Роберт был старшим из семи сыновей от второго брака; и даже неохотная похвала его врагов наделяла его героическими качествами солдата и государственного деятеля. Его высокий рост превосходил самых высоких из его армии; его конечности были сложены в истинном соотношении силы и грации; и до самой старости он сохранял терпеливую энергию здоровья и внушительное достоинство своей фигуры. Роберт с одинаковой ловкостью мог владеть мечом в правой руке и копьем в левой; в битве при Чивителле он трижды падал с лошади, и в конце того памятного дня он был признан лучшим воином из всех воинов обеих армий. Его безграничная амбиция основывалась на осознании своей превосходной ценности; в стремлении к величию он никогда не останавливался из-за сомнений по поводу справедливости и редко поддавался чувствам человечности; хотя он и не был равнодушен к славе, выбор открытых или тайных средств определялся только его текущей выгодой.

Прозвище [Гвискар \[10\]](#) было дано этому мастеру политической мудрости, которую слишком часто путают с практикой лицемерия и обмана; а Роберт хвалится апулийским поэтом¹ за то, что он превосходит хитрость Одиссея и красноречие Цицерона. По словам греков, он покинул Нормандию с лишь пятью последователями на лошадях и тридцатью пешком; однако даже эта оценка кажется слишком щедрой: шестой сын Танкреда Отавильского пересек Альпы как паломник, а его первая воинская группа была набрана из авантюристов Италии. Его братья и соотечественники разделили между собой плодородные земли Апулии, но охраняли свои доли с ревливой алчностью; амбициозный юноша был привлечен горами Калабрии, и в его первых подвигах против греков и туземцев нелегко отличить героя от разбойника. Захватывать замки и монастыри, ограблять богатых горожан, грабить соседние деревни в поисках необходимой пищи — вот какие мрачные дела формировали и тренировали его ум и тело. Добровольцы из Нормандии присоединились к его знамени, и под его командованием крестьяне Калабрии приняли имя и характер норманнов.

[1057-1060 гг. н.э.]

По мере того как гений Роберта расширялся вместе с его состоянием, он пробудил ревность своего старшего брата, который в результате мимолетной ссоры угрожал его жизни и ограничил его свободу. После смерти Гемфри его сыновья из-за своего юного возраста были лишены права на власть; по амбициям их опекуна и дяди они были низведены до частных помещиков, а Гвискар был возвышен на щит, провозглашен графом Апулии и генералом республики. Увеличив свою власть и силу, он возобновил завоевание Калабрии и вскоре стал стремиться к званию, которое навсегда подняло бы его над своими равными. За некоторые акты грабежа или святотатства он был подвергнут папской экскомуникации, но Николай II легко убедился, что разногласия между друзьями могут привести только к взаимному ущербу, что норманны являются верными защитниками Святого Престола и что безопаснее довериться союзу с князем, чем капризам аристократии. В Мельфи был созван собор из ста епископов, и граф прервал важное предприятие, чтобы охранять личность римского понтифика и исполнять его указы. Его благодарность и политика принесли Роберту и его потомкам герцогский титул, а также инвеституру Апулии, Калабрии и всех земель в Италии и Сицилии, которые его меч мог спасти от раскольников-греков и неверных сарацин.

Это апостольское санкционирование могло оправдать его оружие, но повиновение свободного и победоносного народа не могло быть передано без его согласия, и Гвискар скрывал свое возвышение до тех пор, пока следующая кампания не была прославлена

завоеванием Козенцы и Реджо. В час триумфа он собрал свои войска и попросил норманнов подтвердить своим голосованием решение наместника Христа. Солдаты с радостными возгласами приветствовали своего доблестного герцога, а графы, его бывшие равные, произнесли клятву верности с фальшивыми улыбками и тайным возмущением.

ЗАВОЕВАНИЕ СИЦИЛИИ; ВОСТОЧНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ (1060-1090 гг. н. э.)

[1060-1081 гг.]

После этой инаугурации Роберт провозгласил себя «по милости Божьей и святого Петра герцогом Апулии, Калабрии и в дальнейшем Сицилии»; и потребовалось двадцать лет труда, чтобы заслужить и реализовать эти высокие титулы. Такой медленный прогресс в ограниченном пространстве может показаться недостойным способностей вождя и духа нации, но норманны были немногочисленны, их ресурсы были скудны, их служба была добровольной и ненадежной. Самые смелые замыслы герцога иногда встречали сопротивление со стороны его парламента баронов, двенадцать графов, избранных народом, сговорились против его власти, а сыновья Гумфри требовали справедливости и мести от своего вероломного дяди. Благодаря своей политике и энергии Гвискар раскрыл их заговоры, подавил их восстания и наказал виновных смертью или изгнанием; но в этих внутренних распрях его годы и сила нации были безрезультатно потрачены.

После поражения своих внешних врагов, греков, лангобардов и сарацин, их разбитые войска отступили в крепкие и густонаселенные города на побережье. Они превосходили норманнов в искусстве укрепления и обороны; норманны были привычны к службе на лошадях в поле, и их грубые попытки могли увенчаться успехом только благодаря упорному мужеству. Сопротивление Салерно продолжалось более восьми месяцев; осада или блокада Бари длилась почти четыре года. В этих сражениях норманнский герцог был первым в каждой опасности, последним и самым терпеливым в каждой усталости.

Роджер, двенадцатый и последний из сыновей Танкреда, долгое время был задержан в Нормандии из-за своего возраста и возраста своего отца. Он с радостью принял приглашение, поспешил в апулийский лагерь и сначала заслужил уважение, а затем и зависть своего старшего брата. Их доблесть и амбиции были равны, но молодость, красота и изящные манеры Роджера вызывали бескорыстную любовь солдат и народа. Его пособие для себя и сорока последователей было настолько скудным, что он перешел от завоеваний к грабежам, а от грабежей — к домашним кражам; а представления о процветании были настолько расплывчатыми, что его собственный историк Малатерра (b) по его особому приказу обвиняет его в краже лошадей из конюшни Мельфи. Его дух вышел из нищеты и позора; из этих низких практик он поднялся к заслугам и славе святой войны; и вторжение в Сицилию было поддержано рвением и политикой его брата Гвискара.

После отступления греков идолопоклонники, самые дерзкие противники католиков, вернули свои потери и владения; но освобождение острова, столь тщетно предпринятое силами Восточной империи, было достигнуто небольшой частной группой авантюристов. В первой попытке Роджер, в открытой лодке, бросил вызов реальным и сказочным опасностям Сциллы и Харибды, высадился с шестьюдесятью солдатами на враждебном берегу, прогнал сарацин к воротам Мессины и благополучно вернулся с добычей из соседних земель. В осаде Трани триста норманнов выдержали и отразили силы острова. В осаде Палермо норманнской кавалерии помогали галеры Пизы; и в час сражения зависть двух братьев преобразовалась в великодушное и непобедимое соперничество. После тридцатилетней войны Роджер, получивший титул Великого графа, обрел суверенитет над самым большим и плодородным островом Средиземного моря; его правление

свидетельствовало о либеральном и просвещенном уме, превосходившем его возраст и образование. Мусульмане сохранили свободу вероисповедания и право собственности.

Для Роберта Гвискара завоевание Сицилии было скорее славным, чем выгодным; владение Апулией и Калабрией не соответствовало его амбициям, и он решил воспользоваться или создать первый случай для вторжения, а возможно, и покорения Восточной Римской империи. От своей первой жены, соратницы в его скромных делах, он развелся под предлогом кровного родства; ее сын Боэмунд был предназначен скорее подражать своему прославленному отцу, чем наследовать его. Второй женой Гвискара была дочь принцессы Салерно; лангобарды согласились на прямую преемственность их сына Роджера; их пять дочерей были выданы замуж с честью, а одна из них в нежном возрасте была обручена с Константином, красивым юношей, сыном и наследником императора Михаила.

Но трон Константинополя был потрясен революцией: императорская семья Дукасов была заключена в дворец или монастырь; и Роберт сожалел и возмущался позором своей дочери и изгнанием своего союзника. Грек, называвший себя отцом Константина, вскоре появился в Салерно и рассказал о своих приключениях, падении и бегстве. Этот несчастный друг был признан герцогом и удостоен пышности и титулов императорского достоинства; во время своего триумфального шествия по Апулии и Калабрии Михаил был встречен слезами и оvationями народа, а папа Григорий VII призвал епископов проповедовать, а католиков сражаться в благочестивом деле его восстановления. После двух лет непрерывных приготовлений сухопутные и морские силы собрались в Отранто, и Роберт был сопровождаем своей женой, которая сражалась рядом с ним, своим сыном Боэмундом и представителем императора Михаила.

Перед общей посадкой на корабли норманнский герцог отправил Боэмунда с пятнадцатью галерами захватить или угрожать острову Корфу. Остров Эпир и приморские города были покорены оружием или именем Роберта, который повёл свой флот и армию из Корфу (мы используем современное название) к осаде Дураццо. В ходе осуществления своего предприятия мужество Гвискара подвергалось всевозможным опасностям и несчастьям. В самое благоприятное время года, когда его флот проплывал вдоль побережья, неожиданно поднялась буря с ветром и снегом; Адриатическое море вздымалось от яростного южного ветра, и новое кораблекрушение подтвердило старую дурную славу скал Акрокерауна. Паруса, мачты и весла были разбиты или сорваны; море и берег были покрыты обломками кораблей, оружием и трупами; большая часть провианта была либо потеряна, либо повреждена.

Норманны плакали во время бури; они были встревожены враждебным приближением венецианцев, которых убедили мольбы и обещания византийского двора. Суда из Апулии и Рагузы бежали к берегу; несколько из них были отрезаны от тросов и утащены завоевателем; а вылазка из города принесла смерть и ужас в палатки норманнского герцога. В Дураццо поступила своевременная помощь, и, как только осаждающие потеряли контроль над морем (), острова и приморские города прекратили поставлять в лагерь дань и провизию. Вскоре лагерь поразила эпидемия; пятьсот рыцарей погибли бесславной смертью, а список похороненных (если все смогли получить достойное погребение) насчитывал десять тысяч человек. В этих бедствиях только Гвискар оставался твердым и непоколебимым; и пока он собирал новые силы из Апулии и Сицилии, он бил, штурмовал и подрывал стены Дураццо.

В то время как Римская империя подвергалась нападениям со стороны турок на востоке и норманнов на западе, пожилой преемник Михаила передал скипетр в руки Алексея, прославленного полководца и основателя династии Комнинов. Принцесса Анна, ^кего дочь и историк, в своем вычурном стиле замечает, что даже Геракл был не в силах справиться с двойным боем, и, руководствуясь этим принципом, она одобряет поспешный мир с турками, который позволил ее отцу лично взяться за освобождение Дураццо.

НОРМАННСКАЯ МАТРОНА XII ВЕКА

Вопреки совету своих мудрейших полководцев Алексей решил рискнуть и вступить в общее сражение. Принцесса Анна, проливая слезу над этим печальным событием, вынуждена восхвалять силу и быстроту коня своего отца, а также его энергичную борьбу, когда он был почти сражен ударом копья, разбившего императорский шлем. Его отчаянная доблесть прорвала отряд франков, преграждавший ему путь, и, после двух дней и двух ночей блужданий по горам, он обрел некоторое успокоение для тела, хотя и не для души, в стенах Лихнида. Победоносный Роберт упрекнул своих людей за медленное и слабое преследование, которое позволило ускользнуть столь знаменитой добыче, но утешил свое разочарование трофеями и знаменами с поля битвы, богатством и роскошью византийского лагеря, а также славой победы над армией, в пять раз превосходившей его собственную по численности.

Венецианский дворянин продал город за богатый и почетный брак. Глухой ночью с стен были спущены несколько веревочных лестниц, легкие калабрийцы поднялись в тишине, и греки были разбужены именем и трубами завоевателя. Тем не менее, они три дня защищали улицы от врага, уже овладевшего валами, и прошло почти семь месяцев между первой осадой и окончательной сдачей города. Из Дураццо норманнский герцог продвинулся в сердце Эпира или Албании, пересек первые горы Фессалии, застал врасплох триста англичан в городе Кастория, приблизился к Фессалоникам и заставил дрожать Константинополь.

Более насущная обязанность приостановила осуществление его амбициозных планов. В результате кораблекрушения, эпидемии и меча его армия сократилась до трети от

первоначальной численности; и вместо того, чтобы пополнить ее из Италии, он получил жалобные письма, в которых сообщалось о бедствиях и опасностях, вызванных его отсутствием: восстании городов и баронов Апулии, бедственном положении папы и приближении или вторжении Генриха, короля Германии. Считая, что его личность достаточна для обеспечения общественной безопасности, он переправился через море на одном бригантине и оставил остатки армии под командованием своего сына и нормандских графов, призывая Боэмунда уважать свободу своих соратников, а графов — подчиняться власти своего вождя. Сын Гвискара пошел по стопам своего отца, и греки сравнивают этих двух разрушителей с гусеницей и саранчой, последняя из которых пожирает все, что ускользнуло от зубов первой.

После двух побед над императором он спустился на равнину Фессалии и осадил Ларису, легендарное царство Ахилла, где хранились сокровища и запасы византийского лагеря. Мужество Боэмунда всегда было заметным и часто приносило успех, но его лагерь был разграблен благодаря хитрости греков; город был неприступен, а продажные или недовольные графы покинули его знамя, предали свое доверие и поступили на службу к императору. Алексей вернулся в Константинополь с преимуществом, а не с честью победы. После эвакуации завоеваний, которые он больше не мог защищать, сын Гвискара отплыл в Италию, где его принял отец, который ценил его заслуги и сочувствовал его несчастью.

Из латинских князей, союзников Алексея и врагов Роберта, самым быстрым и могущественным был Генрих IV, король Германии и Италии, будущий император Запада. Генрих был суровым противником норманнов, союзников и вассалов Григория VII, своего непримиримого врага. Длительная ссора между престолом и митрой была недавно разжечена рвением и амбициями этого высокомерного священника; король и папа унизили друг друга, и каждый из них посадил соперника на светский или духовный престол своего противника. После поражения и смерти своего швабского мятежника Генрих спустился в Италию, чтобы принять императорскую корону и изгнать из Ватикана тирана церкви. Но римский народ примкнул к делу Григория; их решимость укрепились благодаря поставкам людей и денег из Апулии, и город трижды безуспешно осаждался королем Германии.

На четвертый год он, как говорят, подкупил византийским золотом римскую знать, чьи поместья и замки были разрушены войной. В его руки были переданы ворота, мосты и пятьдесят заложников; антипапа Климент III был рукоположен в Латеране; благодарный понтифик короновал своего покровителя в Ватикане; и император Генрих обосновался в столице как законный преемник Августа и Карла Великого. Руины Септизония все еще защищались племянником Григория; сам папа был заключен в замок Святого Ангела, и его последняя надежда была связана с мужеством и верностью его норманнского вассала. Их дружба была прервана взаимными обидами и жалобами, но в этой неотложной ситуации Гискар был подталкиваем к действию обязательством своей клятвы, своими интересами, более сильными, чем клятвы, любовью к славе и враждой к двум императорам. Расправив святое знамя, он решил спешить на помощь князю апостолов; его самая многочисленная армия, шесть тысяч всадников и тридцать тысяч пехотинцев, была немедленно собрана; и его поход из Салерно в Рим был оживлен общественными аплодисментами и обещанием божественной милости.

Генрих, непобедимый в шестидесяти шести сражениях, задрожал при его приближении; вспомнил о некоторых неотложных делах, требующих его присутствия в Ломбардии; призвал римлян сохранять верность и поспешно отступил за три дня до входа норманнов. Менее чем за три года сын Танкреда де Отавиль наслаждался славой освободителя папы и

заставил двух императоров, восточного и западного, бежать перед его победоносными войсками.

Но триумф Роберта был омрачен бедствиями Рима. С помощью друзей Григория стены были пробиты или взлезали по ним; но имперская фракция по-прежнему была сильна и активна; на третий день народ поднялся в яростном бунте; и поспешное слово завоевателя, в свою защиту или месть, стало сигналом к поджогам и грабежам. Сарацины Сицилии, подданные Роджера и союзники его брата, воспользовались этой благоприятной возможностью, чтобы разграбить и осквернить Святой город христиан; многие тысячи горожан на глазах у своего духовного отца и союзников подверглись насилию, пленению или смерти; а обширный квартал города, от Латерана до Колизея, был поглощен пламенем.

Освободитель и бич Рима мог бы позволить себе период отдыха, но в том же году, когда бежал германский император, неутомимый Роберт возобновил свои завоевания на востоке. Ревность или благодарность Григория обещала его доблести королевство Греции и Азии; его войска были собраны в полной боевой готовности, воодушевленные успехом и жаждущие действий. Благодаря союзу греков и венецианцев Адриатика была покрыта вражеским флотом. Господство на море оспаривалось в трех сражениях в поле зрения острова Корфу; в двух первых союзники превосходили противника по мастерству и численности, но в третьем норманны одержали окончательную и полную победу. Зимний сезон приостановил его продвижение; с возвращением весны он снова стремился к завоеванию Константинополя, но вместо того, чтобы пересекать холмы Эпира, он обратил свое оружие против Греции и островов, где добыча окупала бы труд, и где сухопутные и морские силы могли бы продолжать свои совместные операции с энергией и эффективностью.

Но на острове Кефалония его планы были фатально сорваны эпидемией; сам Роберт, в семидесятом году жизни, скончался в своей палатке (17 июля 1085 г.); и, по общему мнению, подозрение в отравлении было возложено на его жену или греческого императора. Эта преждевременная смерть дала простор для воображения о его будущих подвигах, и события достаточно ясно показывают, что величие норманов было основано на его жизни. Без появления врага победоносная армия рассеялась или отступила в беспорядке и смятении, а Алексей, который дрожал за свою империю, радовался своему избавлению. Роджер, его второй сын и преемник, сразу же опустился до скромного положения герцога Апулии; уважение или пристрастие его отца оставили доблестному Боэмунду наследство его меча. Его притязания нарушали национальное спокойствие, пока Первый крестовый поход против неверных Востока не открыл более великолепное поле для славы и завоеваний.

РОЖЕР, ВЕЛИКИЙ ГРАФ СИЦИЛИИ (1101-1138 гг. н. э.)

В человеческой жизни самые славные или самые скромные перспективы одинаковы и вскоре ограничиваются могилой. Мужская линия Роберта Гвискара прервалась как в Апулии, так и в Антиохии во втором поколении; но его младший брат стал родоначальником династии королей, а сын Великого графа унаследовал имя, завоевания и дух первого Роджера. Наследник этого нормандского авантюриста родился на Сицилии и в возрасте всего четырех лет унаследовал власть над островом.¹

Этот принц, унаследовавший столь обширные владения, был недоволен титулом герцога; чтобы получить более высокий титул, он оказал помощь антипапе Анаклету II, который короновал его королем Обеих Сицилий. Это новое достоинство заставило его с неприязнью, а может быть, и со страхом относиться к республиканским институтам Амальфи и Неаполя. Он захватил первый, отменил его привилегии и подчинил его феодальному правителю. Следующим его шагом было укрощение гордых баронов, некоторые из которых обладали слишком большой властью, чтобы всегда оставаться мирными. Это сопровождалось таким же успехом; один за другим все были покорены, но вождь, Роберт, принц Капуи и Аверсы, потомок Дренгота, был суждено доставить ему некоторые неприятности.

Неаполь, хотя и подчинялся номинально норманнским князьям, все же сохранял свое собственное правительство, законы и учреждения и был готов защищать их до последнего. Он открыл свои ворота Роберту и тем самым еще больше разжег месть Роджера. Республиканцы получили помощь флота из Пизы; Амальфи был вынужден оснастить другой флот, чтобы противостоять им; пизанцы разграбили Амальфи, главной добычей которых стала копия знаменитых *Пандект*, случай, который, как говорят, изменил юриспруденцию половины Европы; они были разгромлены и вынуждены вновь сесть на корабли королем, который осадил Неаполь еще более плотно, чем раньше. Осажденные обратились за помощью к императору и истинному папе Иннокентию II. Лотарь лично выступил им на помощь, а пизанский флот продвигался по морю. Осада была снята; Роберт Капуанский был восстановлен в своем княжестве, и вся страна вплоть до Бари отказалась от верности норманнам.

Но вскоре между папой, императором и пизанцами возникли разногласия; их объединенные силы отступили, и Роджер без особого труда вернул себе свои территории. Судьба Льва IV, произошедшая столетием ранее, не удержала Иннокентия II от выступления против отлученных от церкви норманнов; результат был тот же: Иннокентий потерпел поражение и был взят в плен, и он был рад добиться своего освобождения, подтвердив королевский титул Роджера. Он сделал еще больше: он предоставил королю инвеституру не

только Капуи, но и Неаполя, который до сих пор сохранял нечто вроде независимости и над которым он, безусловно, не имел никакого контроля. Республика, брошенная своими союзниками, была вынуждена подчиниться; герцогская корона была возложена на короля; королевство Обеих Сицилий было принято в великую семью наций.

РОДЖЕР II (1138-1154 гг. н. э.)

[1138-1154 гг. н. э.]

Правление Роджера II было периодом энергии, успехов и внутреннего спокойствия. Он подчинил себе мусульманских тиранов Триполи и Туниса, построил крепости, церкви и монастыри и вершил правосудие с беспрецедентной строгостью не только в отношении бедных, но и в отношении своих высокомерных баронов. Он усовершенствовал феодальную систему, которая уже давно была введена в Неаполе, и распространил ее на Сицилию, которая до этого следовала политике греков и сарацин. В результате этой революции свободные колонисты сразу превратились в вассалов; были введены новые законы, призванные укрепить господство дворян и прелатов; последовали новые налоговые поборы, более угнетающие, как нам рассказывают, чем любые из тех, что были придуманы предыдущими завоевателями. Но здесь, как и везде, эта же система принесла и свои преимущества.

В своих родных горах и лесах норманны, как и лангобарды, и, можно добавить, как и все другие народы скандинавского или германского происхождения, были привыкли собираться два раза в год не только для того, чтобы давать советы своему вождю, но и для того, чтобы сформировать своего рода сейм или парламент, где обсуждались и решались более важные дела. Сначала эти собрания состояли только из завоевателей, но со временем более влиятельным жителям было разрешено участвовать в них. Однако в течение долгого периода, вероятно, до правления Фридриха II, они состояли только из двух сословий: дворян и духовенства; широкие массы народа не имели никаких прав и, следовательно, не были представлены. Но по мере того как города приобретали независимость от феодальных судов и образовывали муниципальные корпорации, а число этих корпораций увеличивалось благодаря грамотам короны, новым общинам было разрешено посылать депутатов на свои общие собрания.

Короли, которые так часто страдали от власти высокомерной аристократии, были здесь, как и везде, достаточно склонны поощрять формирование и влияние этой третьей палаты, или ветви законодательной власти. Кроме того, горожане, как правило, были более способны удовлетворять потребности государства; они были привязаны к короне, которая призвала их к жизни; и среди них правосудие осуществлялось, по крайней мере в последней инстанции, королевскими судьями. Эта тройная власть законодательного органа была установлена одновременно как на острове, так и на континенте; но на острове, который имел меньше контактов с миром, она сохранялась в большей силе вплоть до наших дней.

Но если Роджер таким образом установил свою власть, то ему пришлось пережить горечь потери двух старших сыновей и видеть, как престол переходит к третьему, который был одновременно порочным и слабоумным. Вскоре после его смерти, произошедшей в 1154 году, в королевстве начались беспорядки.⁴

После смерти Роберта Гвискара норманны более шестидесяти лет отказывались от своих враждебных замыслов в отношении Восточной империи. Политика Роджера способствовала публичному и частному союзу с греческими князьями, чей союз придавал бы достоинство его реальному характеру; он просил руки дочери из семьи Комнинов, и первые шаги в заключении договора, казалось, сулили благоприятный исход. Но презрительное обращение

с его послами раздражило тщеславие нового монарха, и за высокомерие византийского двора, согласно законам народов, пришлось расплачиваться страданиями невинного народа. С флотом из семидесяти галер Георгий, адмирал Сицилии, появился перед Корфу; и остров, и город были сданы в его руки недовольными жителями, которые еще не знали, что осада еще более губительна, чем дань. В ходе этого вторжения, имевшего определенное значение в анналах торговли, норманны распространились по морю и по провинциям Греции, а почтенный век Афин, Фив и Коринфа был осквернен грабежами и жестокостью.

Шелкоткачи обоих полов, которых Георг перевез на Сицилию, составляли самую ценную часть добычи; и, сравнивая умелое ремесло механиков с леностью и трусостью солдат, он восклицал, что веретено и ткацкий станок — единственное оружие, которым греки умеют пользоваться. Прогресс этого военно-морского вооружения был отмечен двумя заметными событиями: спасением короля Франции и оскорблением византийской столицы. Возвращаясь по морю из неудачного крестового похода, Людовик VII был перехвачен греками, которые подло нарушили законы чести и религии. Счастливая встреча с нормандским флотом освободила королевского пленника, и после свободного и почетного приема при дворе Сицилии Людовик продолжил свое путешествие в Рим и Париж.

В отсутствие императора Константинополь и Геллеспонт остались без защиты и без подозрений об опасности. Духовенство и народ — ведь солдаты последовали за знаменем Мануила — были удивлены и встревожены враждебным появлением линии галер, которые смело бросили якорь перед имперским городом. Силы сицилийского адмирала были недостаточны для осады или штурма огромной и густонаселенной метрополии, но Георг наслаждался славой, унизив греческую гордыню и проложив путь завоевания для флотов Запада. Он высадил несколько солдат, чтобы они разграбили королевские сады, и направил серебряные, а скорее всего огненные стрелы, которые он выпустил по дворцу цезарей. Мануил сделал вид, что презирает это шутовское возмущение сицилийских пиратов, которые застали его врасплох, в то время как его воинственный дух и силы империи пробудились к мести. Архипелаг и Ионическое море были покрыты его эскадрами и эскадрами Венеции; в обратном плавании Георг потерял девятнадцать своих галер, которые были отделены и захвачены; после упорной обороны Корфу умоляла о милосердии своего законного суверена; ни одного корабля или солдата норманнского принца не было найдено в пределах Восточной империи, за исключением пленных. Процветание и здоровье Роджера уже были в упадке; пока он слушал в своем дворце в Палермо вестей о победах и поражениях, непобедимый Мануил, первый в каждом сражении, прославлялся греками и латинянами как Александр или Геракл своего времени.

НОРМАННСКИЙ МОНАХ XII ВЕКА

Князь с таким характером не мог удовлетвориться тем, что отразил наглость варвара. Восстановление древнего величия империи, возвращение провинций Италии и Сицилии и наказание этого самозванного короля, внука норманнского вассала, было правом и долгом Мануила, а возможно, и его интересом и славой. Жители Калабрии по-прежнему придерживались греческого языка и религии, которые были неумолимо запрещены латинским духовенством; после потери своих герцогов Апулия была прикована как раболепное придатка к короне Сицилии; основатель монархии правил мечом, и его смерть ослабила страх, но не излечила недовольство его подданных; феодальное правление всегда было полно семян мятежа, и племянник самого Роджера пригласил врагов своей семьи и нации.

[1155-1156 гг. н. э.]

Греческий монарх доверил своему лейтенанту, храброму и благородному Палеологу, флот и армию; осада Бари стала его первым подвигом, и в каждой операции инструментом победы было как золото, так и сталь. Салерно и некоторые места вдоль западного побережья сохранили верность норманнскому королю, но он потерял в двух кампаниях большую часть своих континентальных владений; а скромный император, презирая всякую лесть и ложь, довольствовался захватом трехсот городов или деревень Апулии и Калабрии, чьи названия и титулы были высечены на всех стенах дворца.

Но эти итальянские завоевания, это всеобщее царствование, вскоре выскользнули из рук греческого императора. Его первые требования были обойдены благоразумием Александра III, который приостановился перед этой глубокой и знаменательной революцией; папа также не поддался на соблазн личного спора, чтобы отказаться от вечного наследия латинского имени. После воссоединения с Фридрихом он заговорил более категоричным языком, подтвердил действия своих предшественников, отлучил сторонников Мануила и

объявил окончательное разделение церквей, или, по крайней мере, империй Константинополя и Рима. Свободные города Ломбардии больше не помнили своего иностранного благодетеля, и вскоре он навлек на себя вражду Венеции. За сто дней было спущено на воду и вооружено сто галер; они прочесали побережья Далмации и Греции, но после нескольких взаимных поражений война закончилась соглашением, бесславным для империи и недостаточным для республики. Лейтенант Мануила сообщил своему повелителю, что его силы недостаточны, чтобы противостоять надвигающемуся нападению короля Сицилии. Его предсказание вскоре сбылось; смерть Палеолога переложила командование на нескольких военачальников, одинаково выдающихся по званию, но одинаково не обладающих военными талантами; греки были угнетены на суше и на море, а плененные остатки отrekliсь от всякой вражды против личности или владений своего завоевателя.

Тем не менее король Сицилии ценил мужество и стойкость Мануила, который высадил вторую армию на итальянском побережье; он уважительно обратился к новому Юстиниану, попросил о мире или перемирии на тридцать лет, принял в дар королевский титул и признал себя военным вассалом Римской империи. Византийские цезари согласились с этой тенью господства, не ожидая, а может быть, и не желая, помощи норманнской армии; и перемирие на тридцать лет не было нарушено никакими враждебными действиями между Сицилией и Константинополем. Примерно в конце этого периода трон Мануила был узурпирован бесчеловечным тираном, заслужившим отвращение своей страны и всего человечества; меч Вильгельма II, внука Роджера, был обнажен беглецом из рода Комнинов; и подданные Андроника могли приветствовать чужаков как друзей, поскольку они ненавидели своего правителя как злейшего врага. Латинские историки подробно описывают быстрое продвижение четырех графов, которые вторглись в Румынию с флотом и армией и подчинили многие замки и города королю Сицилии. Греки обвиняют и преувеличивают бессмысленные и кощунственные жестокости, совершенные при разграблении Фессалоник, второго города империи. Первые сожалеют о судьбе этих непобедимых, но ничего не подозревающих воинов, которые были уничтожены хитростью побежденного врага. Вторые воспевают в песнях триумфа повторяющиеся победы своих соотечественников на море Мармара или Пропонсис, на берегах Стримона и под стенами Дураццо. Революция, наказавшая преступления Андроника, объединила против франков рвение и мужество успешных повстанцев; десять тысяч были убиты в битве, и Исаак Ангел, новый император, мог удовлетворить свое тщеславие или месть в обращении с четырьмя тысячами пленников. Таким было исход последней борьбы между греками и норманнами: не прошло и двадцати лет, как соперничающие народы были уничтожены или поработаны иностранцами, а преемники Константина не прожили долго, чтобы оскорбить падение сицилийской монархии.

ВИЛЬГЕЛЬМ ПЛОХОЙ (IL MALO) (1154-1166 гг. н. э.)

[1154-1166 гг. н. э.]

Скипетр Роджера перешел к его сыну и внуку; их можно было бы спутать под именем Вильгельм, но они четко различаются по эпитетам «плохой» и «хороший»; однако эти эпитеты, которые, казалось бы, описывают совершенство порока и добродетели, не могут быть строго применены ни к одному из нормандских принцев. Когда опасность и позор подняли его на оружие, первый Вильгельм не отступил от доблести своего рода; но он был ленив, распушен, упрям и злобен; и монарх несет ответственность не только за свои личные

пороки, но и за пороки Эдуарда Майо (Мајо), великого адмирала, который злоупотребил доверием и заговорщически покушался на жизнь своего благодетеля.

После арабского завоевания Сицилия прониклась глубоким влиянием восточных нравов: деспотизмом, пышностью и даже гаремом султана; христианское население подвергалось угнетению и оскорблениям со стороны евнухов, которые открыто исповедовали или тайно придерживались религии Мухаммеда. Красноречивый историк того времени, Фалькандус ([m](#))) описал несчастья своей страны: амбиции и падение неблагодарного Маджо; восстание и наказание его убийц; заключение в тюрьму и освобождение самого короля; частные распри, возникшие в результате общественной нестабильности; а также различные бедствия и раздоры, которые поразили Палермо, остров и континент во время правления Вильгельма Первого и несовершеннолетия его сына.

ВИЛЬГЕМ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ (1166-1189 гг. н. э.)

[1166-1194 гг. н. э.]

Молодость, невинность и красота Вильгельма II сделали его любимым для народа; враждующие фракции примирились; законы были восстановлены; и с момента достижения зрелости до преждевременной смерти этого любезного принца Сицилия наслаждалась коротким периодом мира, справедливости и счастья, ценность которого усиливала память о прошлом и страх перед будущим. Законное мужское потомство Танкреда де Отавилля прервалось со смертью второго Вильгельма, но его тетя, дочь Роджера, вышла замуж за самого могущественного принца того времени, и Генрих VI, сын Фридриха Барбароссы, спустился с Альп, чтобы претендовать на императорскую корону и наследство своей жены. Вопреки единодушному желанию свободного народа, это наследство можно было получить только с помощью оружия.

Историк Фалькандус пишет об этом моменте и месте с чувствами патриота и пророческим взглядом государственного деятеля. «Констанца, дочь Сицилии, с колыбели воспитанная в удовольствиях и изобилии, образованная в искусствах и нравах этого счастливого острова, давно уехала, чтобы обогатить варваров нашими сокровищами, и теперь возвращается со своими дикими союзниками, чтобы осквернить красоту своего почтенного родителя. Я уже вижу рои разъярённых варваров; наши богатые города, процветавшие в условиях длительного мира, сотрясаются от страха, опустошаются убийствами, уничтожаются грабежами и оскверняются распутством и похотью. Я вижу массовые убийства и пленение наших граждан, изнасилования наших девственниц и матрон. В этой крайней ситуации (он спрашивает друга) как должны поступить сицилийцы? Путем единогласного избрания короля, обладающего доблестью и опытом, Сицилия и Калабрия еще могут быть сохранены; ибо в легкомыслии апулийцев, всегда жаждущих новых революций, я не могу найти ни доверия, ни надежды. Если Калабрия будет потеряна, высокие башни, многочисленная молодежь и морская мощь Мессины могут защитить проход от иностранного захватчика. Если жестокие германцы () объединятся с пиратами Мессины; если они уничтожат огнем плодородную область, столь часто опустошаемую пожарами Этны, какие ресурсы останутся для внутренних частей острова, этих благородных городов, которые никогда не должны быть осквернены враждебными шагами варваров?

«Катания снова пострадала от землетрясения; древняя добродетель Сиракуз угасает в бедности и одиночестве; но Палермо по-прежнему увенчано диадемой, и его тройные стены окружают активные толпы христиан и сарацин. Если эти два народа под властью одного короля смогут объединиться для общей безопасности, они смогут броситься на варваров с непобедимым оружием. Но если сарадины, утомленные повторяющимися обидами, теперь

отступят и взбунтуются, если они займут замки в горах и на побережье, то несчастные христиане, подверженные двойной атаке и оказавшиеся, так сказать, между молотом и наковальней (), должны будут смириться с безнадежным и неизбежным рабством». Не следует забывать, что священник здесь предпочитает свою страну своей религии и что мусульмане, с которыми он стремится заключить союз, по-прежнему были многочисленны и могущественны в государстве Сицилия.[m](#)

НОРМАНСКИЙ ВОИН XII ВЕКА

Надежды или, по крайней мере, желания Фалькандуса сначала были удовлетворены свободным и единодушным избранием Танкреда, внука первого короля, который был рожден вне брака, но чьи гражданские и военные достоинства сияли без пятна. В течение четырех лет, срока его жизни и правления, он сражался на самом дальнем краю апулийской границы против сил Германии; и возвращение королевской пленницы, самой Констанцы, без вреда и выкупа, может показаться превосходящим самые либеральные меры политики или разума. После его смерти королевство его вдовы и малолетнего сына пало без борьбы, и Генрих продолжил свое победное шествие от Капуи до Палермо. Его успех разрушил политический баланс в Италии, и если бы папа и свободные города посоветовались со своими очевидными и реальными интересами, они объединили бы силы земли и неба, чтобы предотвратить опасное союз Германской империи с королевством Сицилия.

Но тонкая политика, за которую Ватикан так часто хвалили или осуждали, в этом случае была слепа и бездейственна; и если бы было правдой, что Целестин III сбросил императорскую корону с головы поверженного Генриха, то такой акт бессильной гордости мог бы только аннулировать обязательство и спровоцировать врага. Генуэзцы, которые пользовались выгодной торговлей и проживанием в Сицилии, прислушались к обещанию его безграничной благодарности и скорого отъезда; их флот контролировал Мессинский пролив и открыл гавань Палермо; и первым актом его правительства было отмена привилегий и конфискация имущества этих неосторожных союзников. Последняя надежда Фалькандуса была разрушена раздором между христианами и мусульманами; они сражались в столице; несколько тысяч последних были убиты; но их выжившие братья укрепились в горах и более тридцати лет нарушали мир на острове.

[1194-1266 гг. н.э.]

По политической воле Фридриха II шестьдесят тысяч сарацин были переселены в Ночеру в Апулии. В своих войнах против римской церкви император и его сын Манфред были укреплены и опозорены службой врагов Христа; и эта национальная колония сохраняла свою религию и нравы в сердце Италии, пока не была истреблена в конце XIII века рвением и местью дома Анжу.

Все бедствия, которые оплакивал пророческий оратор, были превзойдены жестокостью и алчностью немецкого завоевателя. Он осквернил королевские гробницы и исследовал тайные сокровища дворца, Палермо и всего королевства; жемчуг и драгоценности, какими бы ценными они ни были, можно было легко унести, но сто шестьдесят лошадей были загружены золотом и серебром Сицилии. Молодой король, его мать и сестры, а также дворяне обоих полов были по отдельности заключены в крепости Альп; при малейшем слухе о восстании пленники лишались жизни, глаз или надежды на потомство. Сама Констанца была тронута сочувствием к бедствиям своей страны; и наследница нормандской династии могла бороться, чтобы сдержать своего деспотичного мужа и спасти наследство своего новорожденного сына, императора, столь известного в следующем веке под именем Фридриха II.

Через десять лет после этой революции французские монархи присоединили к своей короне герцогство Нормандия; скипетр ее древних герцогов был передан внучкой Вильгельма Завоевателя дому Плантагенетов; а предприимчивые норманны, которые завоевали столько трофеев во Франции, Англии и Ирландии, в Апулии, Сицилии и на Востоке, погибли либо в победах, либо в рабстве среди побежденных народов.¹

На Сицилии обстоятельства завоевания привели к тому, что норманнские поселенцы остались гораздо более отличными от старых народов этой земли, чем в Англии, и в конце концов не растворились в этих старых народах, а в поселенцах других народов, которые сопровождали их и следовали за ними. Насколько вообще когда-либо существовала сицилийская нация, можно сказать, что она была создана императором-королем Фридрихом II. В его время латинский элемент в конце концов восторжествовал, но это был не норманнский франкоязычный элемент. Язык лангобардов в конце концов взял верх над греческим, арабским и французским; насколько его господство могло быть основано на каком-либо выживании более раннего латинского языка, который сосуществовал с греческим и арабским, здесь не место для рассуждений.

НОРМАНДСКОЕ ВЛИЯНИЕ

[1130-1194 гг. н.э.]

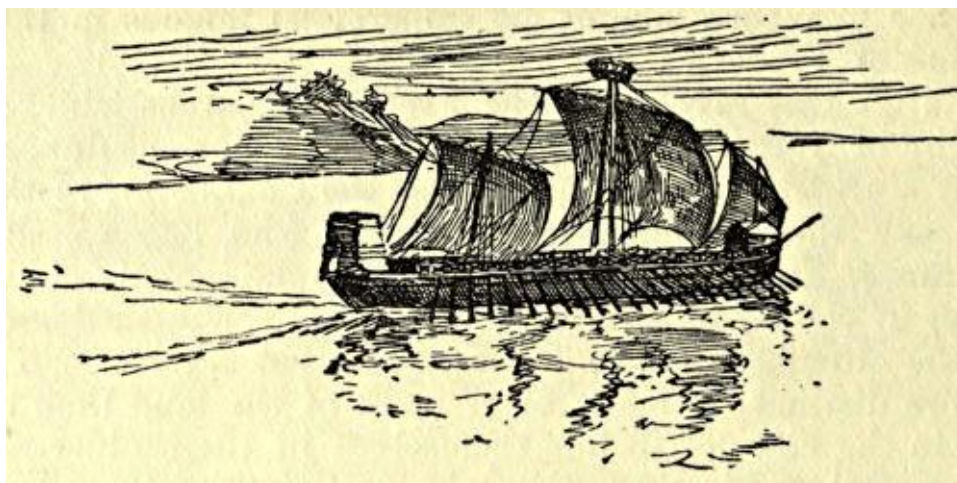
Из всех моментов, на которых следует настаивать, наиболее важным является способность норманнов адаптироваться к обстоятельствам, дар, который в конечном итоге привел к исчезновению этой расы как отдельной расы. Английская история будет совершенно неверной, если считать, что признанное различие между норманнами и англичанами сохранялось, возможно, до XIV века, а может быть, и до XVII века. Задолго до более ранней из этих дат норманны в Англии выполнили свою работу; они невольно сделали многое для сохранения и укрепления национальной жизни действительно родственного народа, и, выполнив эту работу, они растворились в большей массе этого родственного народа. В Сицилии их работа, гораздо более блестящая и гораздо более

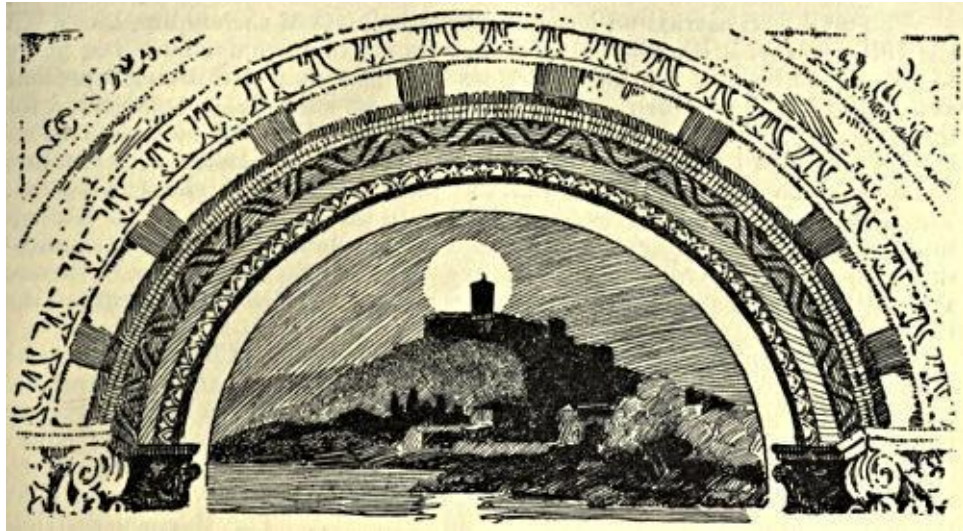
благотворная в то время, не могла быть столь долговечной. Норманнские князья сделали Сицилию королевством; они правили ею в течение некоторого времени лучше, чем правили любым другим королевством; но они не смогли сделать ее норманнским королевством, как и сами не смогли стать национальными сицилийскими королями. Королевство, которое они основали, теперь исчезло из числа королевств земли, потому что оно было только королевством, а не нацией. Во всех других отношениях норманны исчезли из Сицилии, как будто их никогда и не было. Даже его архитектурные сооружения едва ли являются свидетельством его присутствия, потому что без внешних доказательств мы никогда бы не приняли их за его. Короче говоря, в Сицилии он дал нескольким сосуществующим народам несколько поколений необычного мира и процветания, а затем, так сказать, ушел из страны, в которой у него была работа, но в которой он никогда не чувствовал себя по-настоящему как дома. В Англии он, хотя и более грубыми методами, сумел почувствовать себя по-настоящему как дома среди непризнанных сородичей. Когда с внешней стороны казалось, что он работает над разрушением нации, на самом деле он оказывал немалую помощь в ее втором создании.^c

СНОСКИ

^[9] [Некоторые исторические сомнения в отношении этого анекдота высказаны Св. Марком.^d]

^[10] Норманнские писатели и редакторы, наиболее знакомые со своим языком, интерпретируют Guiscard или Wiscard как *Callidus*, хитрый человек. Корень «wise» (мудрый) знаком нашему уху, и в старом слове «wiseacre» (мудрец) мы можем различить нечто похожее по смыслу и окончанию.

ГЛАВА IV. ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК

[1197-1218 гг. н.э.]

Смерть Генриха VI последовала за общей войной по всей империи, которая придала новый импульс страстям итальянской знати и усилила вражду между противоборствующими сторонами. Две фракции в Германии одновременно возвысили в империи двух главы домов Гуэльфов и Гибеллинов. Филипп I, герцог Швабский и брат Генриха VI, был провозглашен королем римлян гибеллинами, а Отто IV, сын Генриха Льва, герцог Баварский и Саксонский, — гвельфами. Их борьба продолжалась до 22 июня 1208 года, когда Филипп был убит частным врагом. Немцы, уставшие от одиннадцати лет гражданской войны, согласились объединиться под скипетром его соперника Оттона IV, которого они вновь короновали. В следующем году он отправился в Италию, чтобы получить от папы золотую корону империи.

Но хотя Отто был законным наследником гвельфов Баварии, долгое время возглавлявших оппозицию имперским прерогативам, теперь, надев корону, он желал обладать ею с этими спорными правами; ему было отказано во всем, и все его действия контролировались папой. Вскоре между императором и понтификом разразилась открытая вражда, и тот, не желая соглашаться на какое-либо соглашение или отказываться от своих притязаний, поднял против императора-гуэльфа наследника дома гибеллинов, молодого Фридриха II, внука Фридриха I, которому едва исполнилось восемнадцать лет и который до тех пор правил под опекой папы только над Двумя Сицилиями. Фридрих, воодушевленный и поддержанный папой, смело прошел через Ломбардию в 1212 году и прибыл в Аахен, где его ждали немецкие гибеллины и короновали его королем римлян и германцев. Тем временем Отто IV вернулся в Германию и был признан Саксонией.

Гражданская война, веденная между двумя главами империи, продолжалась до 19 мая 1218 года, когда Отто умер, и ни одна из сторон не предприняла попытки лишить своего соперника его наследственных владений. Именно эта гражданская война привела к тому, что названия «гуэльфы» и «гибеллины» стали исключительно заменять названия «партия церкви» и «партия империи». Фактически, каждая дворянская семья и каждый город, казалось, руководствовались только своей наследственной привязанностью, а не политическими принципами, выбирая, под каким знаменем выступить. Гвельфы выступили против папы, чтобы отразить его гибеллиновского кандидата; Милан, Пьяченца и Брешия даже рискнули отлучением от церкви, чтобы противостоять ему; в то время как гибеллины Павии, Кремоны и маркграфств вооружились рвением против императора гвельфской крови.

В этот период, когда несовершеннолетие Фридриха II давало городам Италии достаточно времени для укрепления своей независимости и образования настоящих республик, самым влиятельным и выдающимся историческим деятелем был папа Иннокентий III, правивший с 1197 по 1216 год. Он заставил почувствовать свою власть в самых отдаленных уголках христианского мира, но допустил, чтобы в Риме, под его собственным присмотром, была создана республика, свободу которой он уважал и над которой не брал на себя никакой власти. Тринадцать районов Рима ежегодно назначали по четыре представителя, или *капориони*; их собрание составляло сенат республики, который с согласия народа осуществлял суверенитет, за исключением судебной власти. Эта власть, как и в других республиках, принадлежала иностранному военачальнику, избираемому на один год и

помогаемому гражданскими судьями, зависимыми от него, но носящими название сенаторов, а не подоста. До нас дошла форма клятвы, принятой первым из этих сенаторов, названным в 1207 году. Ею он обязуется гарантировать безопасность и свободу папе, а также своим братьям кардиналам, но не обещает ему подчинения для себя.

В начале понтификата Иннокентия III два немецких генерала, которым Генрих VI даровал титулы герцога Сполето и маркиза Анконы, удерживали в зависимости и подчинении провинции, ближайšie к Риму. Иннокентий, чтобы возродить дух свободы, послал туда двух легатов; и благодаря их вмешательству города этих провинций, построенные в основном в горах и не имевшие никаких средств стать богатыми или густонаселенными, сбросили немецкое иго и заключили союз с теми городами, которые в предыдущий период вступили в лигу Ломбардии; таким образом, под покровительством папы были образованы две лиги гвельфов: одна в марках, включавшая города Анкона, Фермо, Озимо, Камерино, Фано, Джези, Синигалья и Пезаро; другая в герцогстве, включавшая города Сполето, Риети, Ассизи, Фолиньо, Ночера, Перуджа, Агуббио, Тоди и Читта-ди-Кастелло. Однако эти лиги, приучив города этих двух провинций считать папу своим защитником, впоследствии привели их к тому, что они без сопротивления подчинились верховенству церкви.

Примерно в то же время папа направил в Тоскану других легатов, которые созвали в Св. Джиназио, городке, расположенном у подножия горы Сан-Миниато, сейм городов этой страны. Эти провинциальные сеймы собирались довольно часто и до тех пор возглавлялись чиновником, принадлежавшим к императору, в память о котором замок, в котором он проживал, до сих пор называется Сан-Миниато-аль-Тедеско. Эти сеймы урегулировали разногласия, возникшие между городами, и сумели спасти Тоскану от гражданских войн между гвельфами и гибеллинами. Пиза, которая была обременена милостями правителей из дома Гогенштауфенов и получила от них власть () над шестьюдесятью четырьмя замками или укрепленными городами на побережье Тосканы, а также над островами Корсика, Эльба, Капрая и Пьяноза, провозгласила свое решение остаться верной партии гибеллинов, и ее консулы вышли из сейма, созванного в Св. Джиназио; но консулы городов Флоренции, Сиены, Ареццо, Пистойи и Лукки приняли защиту папы, предложенную его двумя легатами, и пообещали объединиться для защиты своей общей свободы.^b

ФЛОРЕНЦИЯ

ФРАКЦИИ В ФЛОРЕНЦИИ

[1177-1215 гг. н.э.]

Мы уже видели, что дух политических и религиозных партий начал подниматься еще в 1177 году и, за исключением нескольких коротких периодов беспокойного затишья, оставался в состоянии насилия до 1182 года. С этой эпохи до 1215 года нет сведений о

фактических войнах в городе Флоренции, но почти пять лет ожесточенных боев между двумя великими фракциями, сила которых не ослабевала, вряд ли могли закончиться мертвым затишьем, кроме как из-за истощения сил, или забвением обид в эпоху и стране, где месть была долгом, а не преступлением.

Великая власть и независимость вновь созданного подоста, наряду с внешними враждебными действиями, вероятно, способствовали поддержанию мира в городе, который гордился тем, что был основан под покровительством и влиянием Марса, и поэтому был обречен судьбой на вечные беды. Поэтому Данте заставляет Роккуццо де Моцци сказать:

«Я был из города, который в Батисте

Сменил первого господина, отчего он

Sempre con l'arte sua la farà trista».

Споры, которые так долго занимали внимание Италии, не обошли стороной и Флоренцию, где разногласия между церковью и империей не могли не вызвать двух противоположных мнений, но пока ограничивались словами; преобладающая политика, представлявшая гвельфов и папу, в то время как оппозиция, возглавляемая Уберти, была полностью имперской, была случайным обстоятельством; но в сочетании с местной политикой и как бы привившейся к ней, она провела четкую грань между противоборствующими фракциями и предвещала беду.

В 1215 году, согласно древней рукописи, опубликованной из библиотеки Буондельмонти, Мессер Маццинго Тегрини де Маццингхи пригласил многих высокопоставленных флорентийцев на обед в свою виллу недалеко от Кампи, примерно в шести милях от столицы; за столом семейный шутник выхватил тарелку с мясом у Мессера Уберто дельи Инфангати, который, раздраженный этой дерзостью, выразил свое недовольство () в столь оскорбительных выражениях, что Мессер Оддо Арриги де Фифанти резко и без церемоний отчитал его; на что Уберто обвинил его во лжи, а Оддо в ответ бросил ему в лицо тарелку с мясом.

Все сразу же пришло в замешательство; вскоре было обнажено оружие, и пока гости поднимались в беспорядке, молодой Буондельмонте де Буондельмонти, друг и спутник Уберто, тяжело ранил Оддо Арриги.

Затем компания распалась, и Оддо созвал собрание своих друзей, чтобы обсудить оскорбление; среди них были графы Гангаланди, Уберти, Амидеи и Ламберти, которые единодушно решили, что ссора должна быть тихо урегулирована браком между Буондельмонте и племянницей Оддо, дочерью мессера Ламбертуччо ди Капо ди Понте из семьи Амидеи. Это предложение, по-видимому, было без колебаний принято семьей обидчика, и сразу же был назначен день церемонии обручения с избранной невестой.

В это время мадонна Альдруда или Гуалдрада, жена Форезе де Донати, тайно прислала за молодым Буондельмонте и обратилась к нему со следующими словами: «Недостойный рыцарь! Что же! Ты принял жену из страха перед Фифанти и Уберти? Оставь ту, которую взял, выбери вместо нее эту девушку и будь отныне храбрым и уважаемым джентльменом». Сказав это, она распахнула дверь комнаты и показала ему свою дочь; неожиданное появление такой красоты, словно призывавшей его к любви, имело обычное следствие: здравый смысл Буондельмонте был побежден, но он нашел в себе силы ответить: «Увы! Теперь уже слишком поздно!» «Нет, — ответила Альдруда, — ты еще можешь иметь ее; осмелись сделать этот шаг, а последствия возьму на себя». «Я осмелюсь», — ответил очарованный юноша и, снова шагнув вперед, дал обещание, которое больше не принадлежало ему.

Рано утром 10 февраля, в тот самый день, который был назначен для его первоначальной свадьбы, Буондельмонте проехал мимо Порта Санта-Мария среди всех родственников своей первой невесты, которые собрались возле жилища Амидеев, чтобы присутствовать на ожидаемой свадьбе, но не без определенных опасений по поводу его неверности. С высокомерным видом он проехал мимо всех, неся обручальное кольцо избраннице и оставляя Амидеи с позором усугубленного оскорбления, выбрав один и тот же момент для нарушения одного договора и заключения второго; ведь в те дни, и в течение многих веков после, все еще существовал старый римский обычай дарить кольцо задолго до церемонии бракосочетания.

Такие оскорбления тогда переносились с нетерпением; Оддо Арриги собрал своих родственников в ныне несуществующей церкви Санта-Мария-сопра-Порта, чтобы решить, как отреагировать на это оскорбление, и мрачное настроение каждого из них отражало характер собрания и все мстительные чувства оскорбленной семьи; однако были и более умеренные, которые предлагали как наиболее разумное и эффективное возмездие личное наказание или, в крайнем случае, порезать Буондельмонте лицо. Собрание замолчало, но Моска де Ламберти внезапно вскочил и воскликнул: «Избивайте или раните его, как хотите, но сначала приготовьте себе могилы, ибо раны приносят такие же последствия, как и смерть». «Нет. Отдайте ему по заслугам и пусть он понесет наказание, но без промедления. Вставайте и действуйте».

Это перевесило чашу весов, и Буондельмонте был обречен, но в соответствии с обычаями того времени не на поле боя, что было бы опасно, а с помощью надежного, хотя и бесславного средства — убийства в полдень; поэтому в том самом месте, где было нанесено оскорбление, под зубцами Амидеи, даже под окном покинутой девушки, и на пути к счастливой невесте, ожидающей его (), эти свирепые бароны подготовили месть клятвopепpеступнику.

[1215-1239 гг. н. э.]

В пасхальное утро 1215 года убийцы скрылись во дворах и башнях Амидеев, мимо которых молодой и беспечный жених обязательно должен был пройти, и вскоре его увидели вдаль, беспечно едущего в одиночестве по Понте Веккьо на молочно-белом коне, одетого в жилет из тонкой шерстяной ткани, с белым плащом, накинутым на плечи, и свадебным венком на голове. Он пересек мост в беззаботной веселости, но едва он достиг изношенного временем изображения римского Марса, последней сохранившейся реликвии языческого поклонения, как булава Скьятто дельи Уберти сбила его с ног, и у подножия этого мрачного идола кинжалы Оддо и его разъяренных родственников завершили жестокое дело; они встретили его веселым и украшенным для алтаря, а оставили его с брачным венком, все еще свисающим с его лба, кровавой и зловещей жертвой. Весть об этом убийстве быстро распространилась и привела в смятение все сообщество Флоренции; люди становились все более и более возбужденными, потому что и закон, и обычай предусматривали надлежащее наказание для неверных мужчин, а смерть была неслыханным наказанием.

Тело Буондельмонте было положено на катафалк, а его голова покоилась на коленях его невесты, молодой и красивой Донати, которая, как лилия, склонилась над бледным лицом своего мужа; и так, соединенные, они были пронесены по улицам Флоренции. Это было мрачное начало бурного дня, потому что в тот кровавый момент был развязан демон флорентийской розни; имена гвельфы и гибеллины были тогда впервые приняты дворянами и простолюдинами как лозунг фракции; и долго после того, как первоначальная причина вражды исчезла, они продолжали окутывать всю Италию кровью.

Было показано, что в республике уже существовали две партии, но только после этого возмутительного события все сообщество разделилось на две части, одна из которых встала на сторону Буондельмонти, которые в большинстве своем были гвельфскими вождями и сторонниками церкви, а другая — на сторону Уберти, лидеров гибеллинов и сторонников империи. Из семидесяти двух влиятельных семей, упомянутых Малеспини, тридцать девять присоединились к знамени Буондельмонти, а тридцать три сражались под знаменами своих врагов; но в гражданской войне участвовало гораздо больше знатных родов; многие впоследствии перешли на другую сторону из-за ссор со своими вождями; многие из Буондельмонти, которые раньше были гибеллинами, теперь стали гвельфами; первые были заклеены прозвищем «Патерини», а вторые — «Традитори».

Тем не менее, в 1239 году была предпринята попытка примирения путем брака Нери Пикколино дельи Уберти с дочерью Риньери Зингани де Буондельмонти, дамой, прославившейся своей мудростью, красотой и талантами. Доверяя этой связи, Уберти и некоторые друзья с уверенностью отправились навестить Бертальди де Буондельмонти из Кампи, но были вероломно атакованы и отбиты с некоторым кровопролитием; это возобновило войну с еще большей жестокостью, и Нери отпустил свою жену к ее родственникам, заявив, что он презирает становиться распространителем предательского потомства от лживого рода. Несчастливая дама была затем вынуждена своим отцом выйти замуж за графа Паннокино де Паннокиески, на милость которого она и бросилась, умоляя разрешить ей уйти в монастырь; ведь, хотя она и была брошена мужем, она утверждала, что по-прежнему является его женой и поэтому никогда не сможет принадлежать другому. Ее мотивы были уважены, ее просьба великодушно удовлетворена, и она немедленно приняла постриг в монастыре Монтечелли.

[1215-1225 гг. н.э.]

Сразу после смерти Буондельмонте среди всего населения Флоренции прокатился гневный ропот, и повсюду начались инстинктивные приготовления к какой-то смутно предчувствуемой опасности; пока все было спокойно, но вокруг сгущались темные тучи, и эхо далекого грома предвещало приближение бури. Каждый дом был вооружен и укреплен, на башнях снова установили военные машины, возвели баррикады, все магазины закрылись, люди пребывали в мучительном сомнении, а старые горожане, помнившие беды других времен, смотрели на происходящее и трепетали. Их опасения не были напрасными: проклятие небес, казалось, обрушилось на этот преданный город, и в течение тридцати трех лет Флоренция, почти без перерыва, была залита кровью своих детей.⁴

Смерть Иннокентия III [1216] и, два года спустя, Оттона IV разорвала неестественный союз между папой и наследником гибеллинов. Миланцы, отлученные Иннокентием за то, что сражались против Фридриха II, не перестали вести войну против его сторонников, будучи убежденными, что новый папа, Гонорий III, вскоре поблагодарит их за это. Они отказали Фридриху в железной короне Ломбардии, хранившейся в Монце, и заключили союз с графом Томасом Савойским и городами Крема, Пьяченца, Лоди, Верчелли, Новара, Тортон, Комо и Алессандрия, чтобы изгнать гибеллинов из Ломбардии. Гибеллины разгромили их 6 июня 1218 года в великой битве против ополчений Кремоны, Пармы, Реджо и Модены под Гибелло. Этот поворот судьбы на время успокоил их военный пыл. Граждане всех городов обвиняли дворян в том, что те втянули их в войну из-за семейных вражды и интересов, не имеющих отношения к городу; в Милане, Пьяченце, Кремоне и Модене произошли столкновения между дворянами и народом. Были предложены законы, чтобы разделить

между ними государственные магистраты в надлежащих пропорциях; наконец, в 1221 году миланцы изгнали всех дворян из своего города.

ФРЕДЕРИК II КРОНОВАН ІМПЕРАТОРОМ

Молодой Фридрих вновь вступил в Италию и, после некоторых разногласий с Гонорием III, 22 ноября 1220 года получил от него корону империи. Затем он занялся установлением порядка в своем королевстве Обеих Сицилий, где во время его несовершеннолетия папы поощряли всеобщее неповиновение. Родившийся в марке Анкона, в Йези, в декабре 1194 года, он был итальянцем как по языку, так и по своим симпатиям и характеру. Итальянский язык, на котором говорили при его дворе, впервые поднялся над *диалектами*, широко распространенными по всей Италии и считавшимися лишь искажением латыни; он изящно выражал свои мысли на этом языке, который со времен его правления стал называться *lingua cortigiana*; он поощрял первых поэтов, которые использовали его при его дворе, и сам сочинял стихи; он любил литературу и поощрял ученость; он основал школы и университеты; он продвигал выдающихся людей; он с одинаковой легкостью говорил на латыни, итальянском, немецком, французском, греческом и арабском языках; он обладал интеллектуальной гибкостью и утонченностью, свойственными южным людям, искусством угодить, вкусом к философии и большой независимостью мнений, с склонностью к неверности; поэтому его обвиняют в том, что он написал книгу против трех откровений Моисея, Иисуса и Мухаммеда под названием *De Tribus Impostoribus*, которую никто никогда не видел и которая, возможно, никогда не существовала. Его неверие в священный характер римской церкви и святость пап менее сомнительно; он с подозрением относился к ним и использовал все свое искусство, чтобы защитить себя от их предприятий. Гонорий III, желая привлечь его к делу освобождения Святой Земли от сарацин, в 1225 году заставил его жениться на Иоланде де Люзиньян, наследнице королевства Иерусалимского; после чего Гонорий и его преемник Григорий IX настаивали на том, чтобы он отправился в Палестину. В 1227 году, когда он уже собирался отправиться в путь, его остановила болезнь; папа, чтобы наказать его за эту задержку, отлучил его от церкви. Он продолжал преследовать его анафемой, когда тот отправился в Святую Землю в следующем году, и высокомерно выразил свое возмущение тем, что Фридрих в 1229 году вернул Иерусалим из рук султана путем договора, а не истребил неверных мечом.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЛОМБАРДСКОЙ ЛИГИ

[1225-1233 гг.]

Тем временем партия гвельфов вновь подняла свое знамя в Ломбардии; республики Милан, Болонья, Пьяченца, Верона, Брешия, Фаэнца, Мантуя, Верчелли, Лоди, Бергамо, Турин, Александрия, Виченца, Падуя и Тревизо собрали своих консулов на совет в Сан-Зеноне на территории Мантуи 2 марта 1226 года. Они продлили древний союз Ломбардии на двадцать пять лет и обязались совместно защищать свою свободу и независимость от римского двора. Три года спустя они пришли на помощь Григорию IX, когда он был атакован Фридрихом II по возвращении из Святой Земли, и были включены в мирный договор между папой и императором в 1230 году.

Однако папа, хотя и защищенный оружием ломбардов, заставил их дорого заплатить за то, что он назвал их императору своими союзниками. Он согласился защищать их гражданскую свободу только при условии, что они пожертвуют ему своей свободой совести. Тот же дух реформации, который одухотворял альбигойцев, распространился по всей Европе; многие христиане, возмущенные коррупцией и пороками духовенства или восставшие против

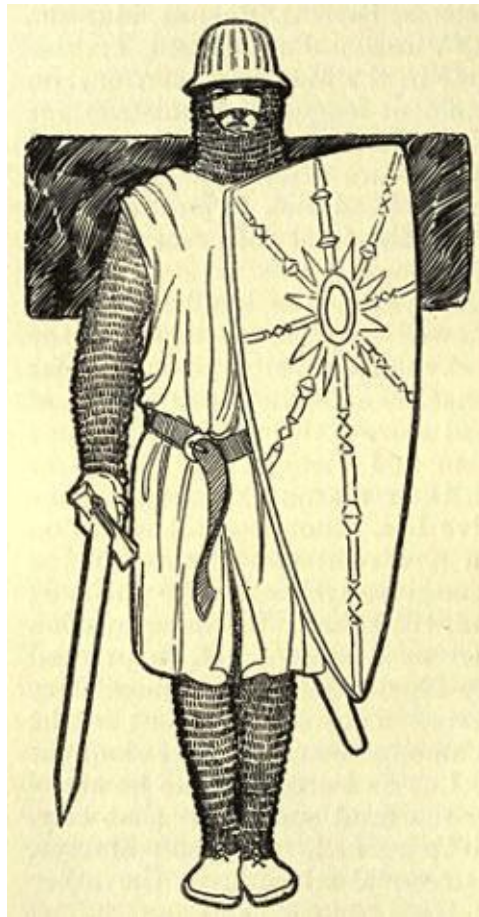
насилия, которое церковь оказывала на их разум, посвятили себя созерцательной жизни, отказались от всех амбиций и удовольствий мира и искали новый путь к спасению в союзе веры с разумом. Они называли себя *катарами*, или очищенными; *патеринами*, или смиренными. До тех пор свободные города отказывали () инквизиционным трибуналам, учрежденным Иннокентием III, в разрешении преследовать их в пределах своих стен; но Григорий IX объявил о невозможности признавать союзниками Святого Престола республиканцев, столь снисходительных к врагам веры; в то же время он послал к ним самых красноречивых доминиканцев, чтобы разжечь их фанатизм. Лео да Перего, которого он впоследствии сделал архиепископом Милана, имел слишком фатальный успех в этом городе, где он приказал сжечь большое количество *патерини*. Святой Петр Мученик и монах Роланд из Кремоны добились такого же триумфа в других городах Ломбардии.

Монах Иоанн из Виченцы получил в ведение провинцию, в которую входили города марки, где еретики были еще более многочисленны, чем в Ломбардии, и в их рядах были некоторые из самых влиятельных дворян страны, в том числе Эззелино II из Романо. Монах Иоанн провозгласил себя служителем мира, а не гонителем. Проповедуя поочередно в каждом городе, он собрал 28 августа 1233 года на равнине Пакуара почти все население городов марки; он призывал их к миру столь убедительно, что даже самые злейшие враги, отбросив свою вражду, простили друг друга и обнялись; и все, со слезами радости, прославляли горячую любовь этого человека Божьего. Однако этот человек Божий отпраздновал праздник примирения, осудив и приговорив к сожжению шестьдесят *катаров* в одном только городе Верона, чьи страдания он наблюдал на публичной площади; а затем получил от городов Виченца и Падуа полную власть действовать там таким же образом.

ФРЕДЕРИК II И ЛОМБАРДСКИЙ СОЮЗ

[1233-1236 гг. н.э.]

Спустя всего лишь короткий период после заключения мира в Пакуаре Фридрих II, полагая, что он в достаточной мере восстановил свою власть в южной Италии, начал обращать свое внимание на Ломбардию; он не имел намерения оспаривать права, гарантированные его дедом в Констанцском мире, но хотел, чтобы города оставались тем, чем они должны были быть по договору, — членами империи, а не врагами императора. Он собрал армию, над которой не боялся ни влияния монахов, ни влияния папы. Он перевез из гор Сицилии в город Лучерия в капитанате и в город Ночера в принцепсате две сильные колонии сарацин, которые могли предоставить ему тридцать тысяч мусульманских солдат, чуждых по своему языку и религии всем интригам римского двора. В Веронской марке жил человек, наделенный большими военными талантами, амбициозный, бесстрашный и полностью преданный императору — Эззелино III из Романо, уже обладавший большой властью благодаря своим обширным феодам в горах и числу своих солдат, которую Фридрих еще более укрепил, поставив его во главе гибеллинов во всех городах. Эззелино, родившийся 4 апреля 1194 года, был ровесником императора. Папа призвал его арестовать своего отца и передать его суду инквизиции как *патерини*, но, хотя Эззелино не знал ни добродетели, ни жалости, ни раскаяния, он не был достаточно развращен для такого преступления.

Рыцарь в доспехах XIII века

Когда Фридрих собирался напасть на гвельфов Ломбардии на юге вместе с сарацинами, а Эззелино продвигался на востоке, он узнал, что его сын Генрих, которого он в 1220 году короновал королем Германии, несмотря на свою крайнюю молодость, соблазненный гвельфами и агентами папы, восстал против него. В 1234 году миланцы послали к нему депутатов, чтобы предложить ему железную корону, которую они отказались дать его отцу. Последний поспешил в Германию и приказал своему сыну встретиться с ним в Вормсе, где тот бросился к ногам отца и умолял о прощении. Фридрих лишил его короны и отправил в Апулию, где тот умер через несколько лет. Император был вынужден потратить два года на восстановление порядка в Германии (); после этого он вернулся в Италию через долину Тренто и 16 августа 1236 года прибыл в Верону с тремя тысячами немецкой кавалерии. В то время республикой управлял сенат из восьмидесяти членов, состоявший из дворян и гибеллинов. Фридрих, благодаря своему умению управлять людьми, убедил их назначить Эззелино капитаном народа, что одновременно давало ему право командовать милицией и судебную власть, а в условиях возбуждения, когда партии были гораздо больше озабочены триумфом своей фракции, чем обеспечением своей свободы, давало ему почти суверенную власть. Фридрих, вынужденный вернуться в Германию, оставил под командованием Эззелино отряд немецких солдат и другой отряд сарацин, с помощью которых этот способный капитан в том же году овладел Виченцей, которую он варварски разграбил, а в следующем году — Падую. Последний был самым могущественным городом провинции, в котором форма правления была наиболее демократичной и в котором гвельфы всегда имели наибольшее влияние. Эззелино считал необходимым обеспечить послушание, взяв в заложники представителей самых богатых и влиятельных семей; он использовал своих шпионов, чтобы выявить недовольных, которых он казнил с помощью пыток, и удвоил свою жестокость пропорционально ненависти, которую он вызывал.

БИТВА ПРИ КОРТЕНУОВЕ

[1236-1237 гг. н.э.]

В том же 1237 году Фридрих приблизился к Мантуе и, таким образом, придав мужества гибеллинам, помог им одержать победу над гвельфами, которые до того времени доминировали в этом городе; к нему присоединились десять тысяч сарацин, которых он призвал из Апулии, а затем продвинулся на территорию Кремоны, чтобы атаковать союзную армию гвельфов, командование которой осуществляли консулы Милана, не знавшие другого военного искусства, кроме храбрости, проявляемой в бою. Фридрих был более способным полководцем; маневрируя между Брешией и Кремоной, он выманил миланцев за Ольо и, когда они, полагая, что кампания закончена, наконец, сумел встать между ними и их страной в Кортенуове, недалеко от Кремы. Гвельфы, хотя и лишенные возможности отступления, смело приняли бой 27 ноября 1237 года и долгое время боролись за победу. Их поражение было тем более кровавым, что стоило им десяти тысяч убитых или взятых в плен, а также потери *кароккио*. Беглецы ночью следовали по течению Ольо, чтобы войти в Бергамские горы; однако все они попали бы в руки гибеллинов, если бы Паган делла Торре, лорд Вальсассины и гвельфский дворянин, не поспешил им на помощь, открыв ущелья, прикрытые его крепостями, и таким образом безопасно доставив их в Милан. Жители этого города никогда не забыли столь важную услугу и заключили с домом делла Торре союз, который впоследствии оказался опасным для их свободы.

Поражение гвельфов при Кортенуове встревожило города Ломбардии, большинство из которых отделились от Милана. Фридрих, вступив в Пьемонт в следующем году, обеспечил превосходство гибеллинов в городах Турин, Асти, Новара, Александрия и нескольких других. Конституция не изменилась, когда власть в совете перешла от одной партии к другой, но император обычно считал своих сторонников среди знати, в то время как народ был предан церкви; соответственно, триумф аристократии обычно сопровождался триумфом партии гибеллинов. Только четыре города — Милан, Брешия, Пьяченца и Болонья — остались в конце года противниками императорской власти. Фридрих начал свое наступление на них осадой Брешии, но брешианцы осмелились противостоять штурму; в течение шестидесяти восьми дней они отражали неоднократные атаки императора, сведя все его усилия на нет, и в конце концов заставили его снять осаду с ослабленной и обескураженной армией.

ПАПА ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА

[1238-1243 гг. н.э.]

Тем временем Григорий IX удвоил свои усилия, чтобы спасти партию гвельфов от гибели. Он с тревогой наблюдал, как император, властелин Обеих Сицилий и Германии, был на грани победы над всем сопротивлением в верхней Италии. Он предвидел, что этот монарх, чьи мусульманские солдаты постоянно проходили через государства Рима, ускользнет от влияния церкви и вскоре не будет проявлять никакого уважения к религии, в которую его обвиняли в неверии. Григорий обратился к двум морским республикам, Венеции и Генуе, которые, в основном занятые своими завоеваниями и торговлей на Востоке, редко принимали участие в политике Италии. Он объяснил им, что они скоро лишатся свободы морей, если не предпримут каких-либо усилий, чтобы спасти защитников свободы и церкви в Ломбардии. В конце концов он добился их согласия заключить союз с четырьмя единственными уцелевшими городами Ломбардского союза; и, наконец, в начале 1239 года, он вынес еще один приговор об отлучении от церкви против Фридриха. Это имело большее влияние, чем Григорий осмеливался надеяться. Значительное число дворян гвельфского

происхождения, соблазненных придворными милостями, перешло на сторону императора. Они поняли, что после анафемы папы император им не доверяет. Маркиз д'Эсте и граф ди Сан-Бонифацио даже получили предупреждение, что их головам угрожает опасность, и они бежали из имперского лагеря; все остальные вельфские дворяне последовали их примеру, и вельфские города получили в свои ряды капитанов, привыкших к оружию и знакомых с высшими идеями политики.

Григорий начал думать, что ему следует придать еще большее значение анафемам, которые он наложил на императора, если они будут санкционированы собором. В 1241 году он созвал в Риме всех прелатов христианского мира. Фридрих, который с осени 1239 года обосновался в Пизе, приложил все усилия, чтобы предотвратить созыв собора, которого он так боялся. В то время как две другие морские республики выступили на стороне гвельфов, Пиза полностью поддерживала гибеллинов. Народ с энтузиазмом поддерживал императора, и среди дворян лишь немногие, владельцы феодов на Сардинии, во главе с Висконти из Галлуры, перешли на сторону гвельфов. Пизанцы, еще более возбужденные ревностью к генуэзцам, пообещали Фридриху, что они будут смело противостоять ему всем громом церкви, и заверили его, что они хорошо знают, как помешать созыву собора. Значительное число французских прелатов отплыло из Ниццы в Остию на борту генуэзских галер. Уголино Бузачерино де Сисмонди, адмирал пизанцев, поджидал их с мощным флотом у Мелории, атаковал их 3 мая 1241 года, потопил три корабля, захватил девятнадцать и взял в плен всех французских прелатов, которые должны были присоединиться к собору в Пизе. Республика наложила на них цепи, но это были цепи из серебра, и заключила их в капитул собора. Григорий, встревоженный этим поворотом судьбы, прожил всего несколько месяцев; он умер 21 августа 1241 года, и коллегия кардиналов, сократившаяся до очень небольшого числа, потратила почти два года, прежде чем смогла договориться о новом выборе. Наконец, 24 июня 1243 года на престол Святого Петра был избран Сенибальди де Фиески из Генуи, который принял имя Иннокентий IV. Его семья, влиятельная в Генуе и в Лигурийских горах, была также связана узами родства со многими дворянскими семьями, владевшими замками на северной стороне Апеннин; это положение давало ему большое влияние в соседних городах Пьяченца, Парма, Реджо и Модена. Возвышение Фиески на папский престол придало мужества партии гвельфов во всех этих городах.

[1243-1245 гг. н.э.]

Фридрих тщетно пытался примириться с церковью, обратившись к новому папе; Иннокентий IV был полон решимости видеть в нем только врага религии и папской власти, а также вождя варваров, который поочередно призывал своих немцев и сарацин для тиранического господства над Италией. Он укрепил свой союз с городами Ломбардской лиги и пообещал им добиться осуждения и низложения императора вселенским собором, как сделал бы его предшественник; но вместо того, чтобы созвать собор в Италии, он выбрал для этой цели город Лион, половина которого принадлежала империи, а другая половина — королевству Франции. Он решил присоединиться к прелатам, которых он созвал под покровительство святого Людовика, который тогда правил во Франции. Он отправился из Рима в Геную по морю, ускользнув от пизанского флота, который следил за ним, чтобы перехватить его; своими призывами он возбудил энтузиазм гвельфов Генуи и городов Ломбардии и Пьемонта, которые он посетил по пути; и, прибыв в Лион, 28 июня 1245 года в монастыре Св. Юста он открыл собор вселенской церкви. Он обнаружил, что епископы Франции, Англии и Германии с готовностью разделяют его страсти, так что на третьем заседании, 17 июля, он добился от них приговора об отлучении от церкви () Фридриха II. Собор объявил, что за его преступления и беззакония Бог отверг его и больше не позволит ему быть ни императором, ни королем. В результате папа и собор освободили его

подданных от клятвы верности, под угрозой отлучения от церкви запретили им подчиняться ему под каким бы то ни было предлогом и предложили выборщикам империи приступить к избранию другого императора, в то время как папа оставил за собой право назначить другого короля Обеих Сицилий.

Фридрих сначала со всей силой своей души противостоял приговору об отлучении от церкви, вынесенному ему собором. Приказав принести ему драгоценности и надев на голову золотую корону империи, он объявил перед многочисленным собранием, что будет носить ее и знает, как ее защитить; но, несмотря на энтузиазм гибеллинов, преданность его друзей и прогресс философских взглядов, которые он сам поощрял, человек, осужденный церковью, находился в постоянной опасности быть брошенным или преданным. Монахи-нищенки повсюду поднимали против него заговоры. Они пользовались страхом, внушаемым болезнью и старостью, чтобы заставить грешников, как они говорили, вернуться на путь спасения, и требовали от них искупить свои прошлые прегрешения, избавив церковь Божью от ее самого опасного врага. В одной или другой из двух Сицилий часто вспыхивали восстания; еще чаще император обнаруживал среди своих придворных заговоры с целью уничтожить его кинжалом или ядом; даже его личный секретарь, его близкий друг Пьетро делле Винье, которого он поднял из крайней нищеты и которому доверил свои самые важные дела, прислушался к совету монахов и пообещал отравить своего господина.

[1245-1248 гг. н. э.]

Фридрих, со своей стороны, стал подозрительным и жестоким; его недоверие пало на его самых верных друзей; и казни, которые он приказывал, иногда предшествовали доказательствам вины. Он доверил Германию своему сыну Конраду, а исключительное управление веронскими марками — Эззелино. Ненависть, которую этот жестокий человек вызывал своими преступлениями, обрушилась на императора. Эззелино заключал в самые отвратительные подземелья тех, кого считал своими врагами, и часто казнил их пытками или позволял им умирать от голода; он хорошо понимал, что родственники этих жертв также должны быть его врагами; их, в свою очередь, арестовывали; и чем больше он жертвовал своей жестокостью, тем больше его призывали наносить удары. Жители Милана, Мантуи, Бергамо и Брешии каждый день слышали о новых ужасных преступлениях, совершаемых правителем маркграфства; они испытывали все большее отвращение к гибеллинам и были все более решительно настроены отразить Фридриха. Он, напротив, не думал нападать на них; он обосновался во время Лионского собора в Турине и оттуда вступил в переговоры с Святым Людовиком, чтобы с его помощью добиться примирения с церковью, которой он в знак своей покорности предложил сопровождать Людовика в Святую Землю.

Уличный костюм итальянского дворянина, XIII век

Восстание в Парме 16 июня 1247 года вынудило Фридриха вновь взяться за оружие в тот момент, когда он был к этому наименее готов. Друзья и родственники папы Иннокентия IV, гвельфские дворяне из родов Корреджо, Лупи и Росси, вернувшись в Парму, откуда они были изгнаны, одержали победу над своими противниками и, в свою очередь, изгнали их из города. Фридрих был полон решимости любой ценой вернуть Парму. Он прислал многочисленное войско сарацин из Апулии под командованием одного из своих внебрачных сыновей по имени Фридрих, которому он дал титул короля Антиохии. Он собрал ломбардских гибеллинов под командованием другого своего внебрачного сына по имени Ханс или Хензиус, которого он назвал королем Сардинии и сделал имперским наместником в Ломбардии. Эззелино также прибыл в его лагерь из Веронской марки с ополчением Падуи, Виченцы и Вероны, а также с солдатами, которых он набрал в своих наследственных феодах.

С другой стороны, гвельфы Ломбардии поспешили послать помощь городу, который только что пожертвовал собой ради них. Миланцы показали пример; за ними последовали ополченцы Мантуи, Пьяченцы и Феррары; а гвельфы, изгнанные из Реджо, Модены и других гибеллинистских городов, полагая, что служат своей стране, сражаясь за свою фракцию, прибыли в большом количестве, чтобы запереться в Парме. Фридрих не смог повесить заложников, взятых до восстания, перед стенами города, потому что ополчение Павии заявило, что только мечом гибеллинов, а не палачом, они обеспечат трон императору. Осада продвигалась медленно; наступила зима, но Фридрих не отступал от своих намерений. Он провозгласил свою решимость сравнять Парму с землей и переселить тех жителей, которых он пощадит, в свой укрепленный лагерь, который он превратит в новый город под названием Виттория. Этот лагерь, который он покинул 8 февраля 1248 года, чтобы отправиться на соколиную охоту, в его отсутствие был захвачен и разграблен вылазкой гвельфской армии из Пармы; его солдаты были рассеяны, и император был вынужден с позором снять осаду.

ГВЕЛЬФЫ ИЗГНАНЫ ИЗ ФЛОРЕНЦИИ; БИТВА ПРИ ФОССАЛТА

[1248-1249 гг. н.э.]

До этого события он послал своего сына, короля Антиоха, в Тоскану с шестнадцатью сотнями немецкой кавалерии, чтобы обеспечить Флоренцию для своей партии; там, после смерти Буондельмонте, гвельфы и гибеллины, всегда находившиеся в оппозиции, не прекращали сражений. Редко когда проходило собрание, праздник или публичная церемония без какого-либо оскорбления со стороны одной из сторон. Обе стороны хватались за оружие; на улицах выбрасывали цепи; немедленно возводили баррикады в каждом квартале, вокруг каждой знатной семьи; соседи, у которых чаще всего возникали причины для ссор, сражались одновременно в десяти разных местах. Тем не менее считалось, что республика склоняется к партии гвельфов, а флорентийские гибеллины в своих отношениях с другими народами никогда не стремились отделиться от своих соотечественников или противостоять своим магистратам. Фридрих, опасаясь потерять Флоренцию, написал Уберти, главам гибеллиновской фракции, чтобы они тайно собрали в своем дворце всех членов своей партии, чтобы затем совместно и одновременно атаковать все посты гвельфов, в то время как его сын, король Антиохии, должен был явиться к воротам и таким образом изгнать их противников из города. Этот план был осуществлен в ночь на Сретение 1248 года; баррикады гвельфов были прорваны во всех кварталах, потому что они защищались небольшими отрядами против всей противоположной партии. Гибеллины, владевшие городом, приказали всем гвельфам покинуть его. Затем они разрушили тридцать шесть дворцов, принадлежавших стольким же наиболее знатным семьям этой партии, и, запугав другие города Тосканы, заставили их последовать их примеру и объявить о своей поддержке императора.

Фридрих II, после поражения, которое он потерпел в Парме, вернулся в свое королевство Неаполь и Сицилия и оставил своему сыну Хенсиусу, который обосновался в Модене, руководство войной в Ломбардии. Однако папа послал легата, кардинала Октавиана дельи Убальдини, в города гвельфов, чтобы убедить их продолжить победное наступление и наказать имперскую партию за то, что он назвал их восстанием против церкви. Могущественный город Болонья, уже прославившийся своим университетом и превосходивший соседние города своим богатством, численностью населения и рвением, которое вызывает демократическое правительство, взялся за то, чтобы партия гвельфов торжествовала во всей области Киспадане. Болонья сначала напала на Романью и заставила города Имола, Фаэнца, Форли и Червия изгнать гибеллинов и объявить о своей поддержке церкви. Затем болонцы обратили свое оружие против Модены. Моденская кавалерия, однажды неожиданно ворвавшись в Болонью, унесла из общественного фонтана ведро, которое с тех пор хранилось в башне Модены как славный трофей. Война, которая последовала за этим, дала Тассони тему для его пародийной героической поэмы *«Украденное ведро»*. Месть болонцев, однако, была отнюдь не бурлескной; после нескольких кровопролитных сражений две армии наконец встретились в Фоссальте 26 мая 1249 года (). Филипп Угони из Брешии, который в этом году был подеста Болоньи, командовал армией гвельфов, в которой были объединены отряды ополчения всех городов лиги Ломбардии. Гибеллины возглавлялись королем Хенсиусом; каждая армия насчитывала от пятнадцати до двадцати тысяч бойцов. Сражение было долгим и кровопролитным, но закончилось полным разгромом гибеллинов; сам король Хенсиус попал в руки победителей; его немедленно доставили в Болонью и заключили в дворец подеста. Сенат этого города отклонил все предложения о выкупе и все ходатайства в его пользу. Его принимали с великолепием, но держали в плену до конца его жизни, которая длилась двадцать два года.

СМЕРТЬ ФРЕДЕРИКА II: НАСЛЕДОВАНИЕ

[1249-1250 гг. н.э.]

Это последнее поражение сломило Фридриха. В течение тридцати лет он сражался с церковью и партией гвельфов; в этой долгой борьбе его физические и умственные силы были истощены. Его жизнь была омрачена предательством тех, кого он считал своими друзьями, бедствиями, постигшими его сторонников, и несчастьями, которые преследовали его даже в его собственной семье. Он видел, как его власть в Италии угасает, а корона Германии оспаривается его сыном Конрадом соперниками, пользующимися поддержкой церкви. В конце концов он сам, казалось, был встревожен отлучением от церкви, объявленным папой, и страхом перед адом, которым его так неустанно угрожали. Он вновь умолял о помощи и посредничестве Святого Людовика Французского, который в то время находился на острове Кипр. Он великолепно обеспечил нужды армии крестоносцев, которой командовал этот король, и просил разрешения присоединиться к ней. Он пообещал никогда не возвращаться из Святой Земли и подчиниться самым унижительным искуплениям, которые могла наложить церковь. Ему удалось пробудить в Святом Людовике интерес и благодарность. Фридрих, ожидая результатов добрых услуг святого Людовика, казался занятым исключительно делами своего королевства Обеих Сицилий, где он восстановил порядок и установил процветание, невиданное нигде в Европе. 13 декабря 1250 года он заболел дизентерией, от которой умер в возрасте 56 лет в своем замке Флорентино, в капитанате, где он обосновался.

Итальянские города, которые в большинстве своем датируют начало своей свободы конфликтами между правителями Италии и Германии или вторжением Оттона Великого в 951 году, к моменту смерти Фридриха II уже три века пользовались защитой и постепенным совершенствованием своих муниципальных конституций. Эти три века, по сравнению с остальной Европой, были совершенно варварскими. Их история везде неясна и плохо известна. В ней зафиксированы только некоторые великие революции или победы и бедствия князей; народ всегда остается в тени: писатель считал бы ниже своего достоинства заниматься судьбой плебеев; они не считались достойными истории. Города Италии, столь поразительно превосходившие все другие по богатству, интеллекту, энергии и независимости, были столь же равнодушны к сохранению каких-либо записей о прошлом. Некоторые серьезные летописцы сохранили память о важных кризисах, но в целом города прошли целые столетия, не оставив никаких письменных свидетельств, полагая, что, возможно, лучше не привлекать к себе внимания и оставаться в тени. Однако в прошлом веке они были вынуждены отойти от этой системы из-за двух конфликтов, в обоих из которых они остались победителями (). С 1150 по 1183 год они сражались за заключение Констанцкого мира, который они считали своей конституционной хартией. С 1183 по 1250 год они сохраняли полное осуществление привилегий, которые они так славно завоевали; но в то время как они постоянно процветали, а интеллект и искусства становились все более развитыми, они были ведомы двумя одинаково почетными страстями, которые заставляли их объединяться под двумя противоположными знаменами. Одна сторона, руководствуясь только своей верой, привязанностью и благодарностью к семье, которая дала им многих великих правителей, была готова рискнуть всем ради дела гибеллинов; другая, обеспокоенная независимостью церкви и свободой Италии из-за постоянно растущего величия дома Гогенштауфенов, была не менее решительна в своих усилиях отнять у него скипетр, который угрожал им. Города Ломбардской лиги достигли вершины своей мощи в период этого второго конфликта. Во время межцарствия, которое длилось со смерти Фридриха II до вступления Генриха VII в Италию в 1310 году, ломбардские республики, подверженные духу фракционности и более заинтересованные в триумфе партии гвельфов

или гибеллинов, чем в обеспечении своих собственных конституций , все подчинились военной власти некоторых дворян, которым они доверили командование своими ополчениями, и таким образом утратили всю свою свободу.

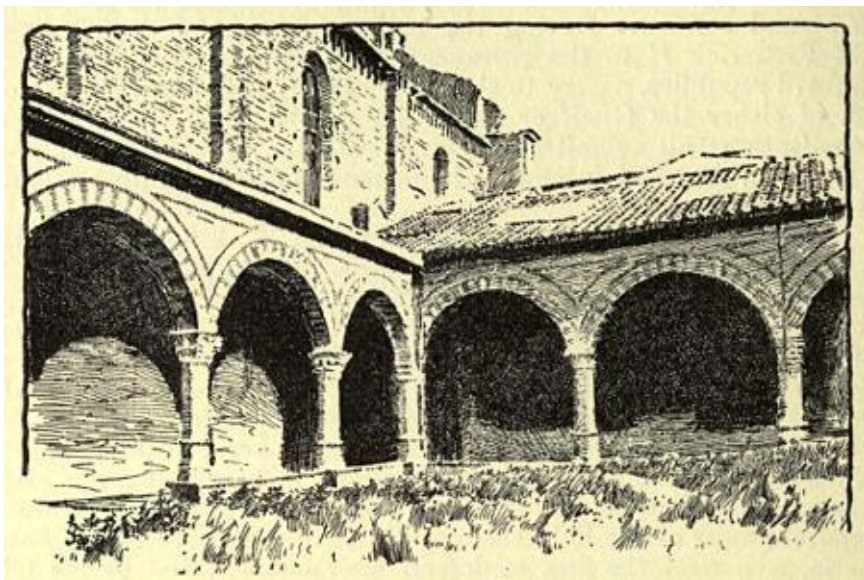
[1250-1257 гг. н.э.]

После смерти Фридриха II его сын Конрад IV, король Германии, не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы появиться в Италии и возложить на свою голову железную корону в Монце и золотую корону в Риме. Он хотел сначала обеспечить себе власть над Обеими Сицилиями и в октябре 1251 года в одном из портов Истрии сел на пизанское судно, направлявшееся в Неаполь. Остаток своей короткой жизни он провел в борьбе с неаполитанскими гвельфами и их победе. Он умер внезапно в Лавелло 21 мая 1254 года. Его родной брат Манфред, молодой герой, едва достигший двадцати лет, благодаря своей активности и мужеству сумел вернуть королевство, которое Иннокентий IV уже захватил с намерением подчинить его светской власти Святого Престола. Но Манфред, любимый сарацинами из Лучерии, которые первыми встали на его защиту, и восхищавший гибеллинов из Обеих Сицилий, долгое время был задержан там нападениями гвельфов, прежде чем смог в свою очередь преследовать их по всей остальной Италии. Конрад оставил в Германии сына, еще младенца, впоследствии известного под именем Конрадин; он был признан королем Германии под именем Конрад V лишь небольшой группой сторонников. Выборщики оставили империю без главы, и когда в 1257 году они приступили к выборам, их голоса разделились между двумя князьями, незнакомыми с Германией, где они никогда не бывали: одним из них был англичанин Ричард, граф Корнуоллский, другим — испанец Альфонсо X Кастильский.

ПАПА И ГОРОДА

[1251-1253 гг.]

Иннокентий IV все еще находился во Франции, когда узнал о смерти Фридриха II; он вернулся оттуда в начале весны 1251 года; написал всем городам, чтобы они праздновали освобождение церкви; дал безграничное выражение своей радости; и въехал в Милан и главные города Ломбардии со всей помпой триумфа. Он полагал, что республиканцы Италии сражались только за него и что отныне только ему одному они будут подчиняться; в этом он вскоре дал им слишком ясно понять. Он обращался с миланцами () высокомерно и угрожал отлучить их от церкви за то, что они не уважали некоторые церковные привилегии. Это был момент, когда республика, подобно воину, отдыхающему после битвы, начала ощущать свои раны. Она принесла огромные жертвы ради партии гвельфов; она опустошила казну, получила патриотические пожертвования от каждого гражданина, у которого было что-то лишнее; заложила свои доходы и обременена долгами в пределах своего кредита. Для погашения своих долгов граждане смирились с необходимостью предоставить своему поддесте, Бенно де Гоццадини из Болоньи, неограниченную власть вводить новые налоги и собирать деньги всеми возможными способами. Неблагодарность папы в момент всеобщего страдания глубоко обидела миланцев, и влияние гибеллинов в городе, где до тех пор к ним относились как к врагам, можно считать начавшимся с того периода.

КЛУАРЫ САНТА-МАРИЯ-НОВЕЛЛА, ФЛОРЕНЦИЯ

Иннокентий IV продолжил свое путешествие в Рим, но обнаружил, что столица христианского мира еще менее готова подчиниться ему, чем первый город Ломбардии. В 1253 году римляне призвали другого болонского аристократа по имени Бранкалеоне д'Андоло к управлению своей республикой и предоставили ему, вместе с титулом сенатора, почти неограниченную власть. Граждане, постоянно встревоженные ссорами и сражениями римских дворян, которые превратили Колизей, гробницы Адриана, Августа и Цецилии Метеллы, триумфальные арки и другие памятники древнего Рима в крепости, откуда выходили бандиты, которых они держали на содержании, чтобы грабить путешественников и мирных купцов, требовали от правительства прежде всего энергичности и строгости. Они забыли о гарантиях, положенных обвиняемым, уделяя внимание только тем, которые были необходимы для общественного мира. Сенатор Бранкалеоне, возглавлявший римскую милицию, последовательно атаковал эти памятники, ставшие убежищем грабителей и убийц; он сровнял с землей башни, возвышавшиеся над ними; он повесил авантюристов, которые их защищали, вместе с их командирами-аристократами на окнах дворца последних; и таким образом установил с помощью террора безопасность на улицах Рима. Он проявлял не больше уважения к папе Иннокентию, чем к римской аристократии. Папа, чтобы быть подальше от него, перенес свой двор в Ассизи. Бранкалеоне послал ему весть, что папе не пристало скитаться как бродяге из города в город и что, если он немедленно не вернется в столицу христианского мира, епископом которой он является, римляне во главе со своим сенатором пойдут на Ассизи и изгонят его из города, подожгив его.

Таким образом, хотя власть королей уступила место власти народа, свобода в целом была плохо понята и не была обеспечена. Страсти были бурными; насилие считалось делом чести; дворяне полагали, что грабежи и надругательства являются доказательством их независимости; а сторонники порядка считали, что они достигли высшей цели правительства, когда заставили таких дерзких нарушителей порядка дрожать от страха. Беспорядки и многочисленность преступных аристократов, поддержка, которую их преступления находили в ложном чувстве чести, служат оправданием для судебных институтов итальянских республик, которые были скорее рассчитаны на то, чтобы вселить страх в преступников, слишком смелых, чтобы скрываться, чем на то, чтобы защитить обвиняемых от несправедливых подозрений в тайных преступлениях. Порядок можно было поддерживать только железной рукой, но эта железная рука вскоре подавила свободу. Тем не менее, среди итальянских городов был один, который, казалось, больше всех других

думал о справедливости, чем о мире, и о безопасности граждан, чем о наказании виновных . Это был Флоренция; ее судебные учреждения, конечно, далеко не заслуживают того, чтобы их считали образцовыми, но они были первыми в Италии, которые предлагали гражданам какие-либо гарантии, потому что Флоренция была городом, где любовь к свободе была наиболее распространенной и постоянной во всех классах, где развитие разума было наиболее продвинутым и где просвещение ума наиболее быстро проявилось в совершенствовании законов.

ФЛОРЕНЦИЙСКИЕ ДЕЛА; ВОЗВРАЩЕНИЕ ГВЕЛФОВ

[1250-1260 гг. н.э.]

Гибеллины захватили власть во Флоренции с помощью короля Антиоха за два года до смерти его отца Фридриха II; но их власть вскоре стала невыносимой для свободных и гордых граждан этой республики, которые уже разбогатели благодаря торговле и среди которых были такие выдающиеся литераторы, как Брунетто Латини и Гвидо Кавальканти, не утратив при этом простоты нравов, трезвости привычек и физической силы.

Фридрих II еще был жив, когда 20 октября 1250 года они единодушно подняли восстание и освободили себя. Все граждане собрались в одно и то же время на площади Санта-Кроче; они разделились на пятьдесят групп, каждая из которых выбрала капитана и таким образом сформировала роты ополчения: совет этих офицеров был первым органом власти этой вновь возрожденной республики. Подеста своей суровостью и пристрастностью сделал себя всеобщим врагом: его сместили и заменили другим судьей под названием капитан народа, но вскоре после этого постановили, что подеста и капитан должны иметь каждый свой независимый трибунал, чтобы они могли осуществлять взаимный контроль друг над другом; в то же время они постановили, что оба должны подчиняться верховной магистратуре республики, которая была наделена административными полномочиями, но лишена судебной власти. Они постановили, что эта магистратура, которую они называли *синьорией*, должна всегда присутствовать, всегда собираться во дворце республики, всегда быть готовой контролировать подста и капитана, которым они были вынуждены делегировать столько власти. Город был разделен на шесть частей, каждая из которых, называвшаяся *сестье*, назначала двух *анзиани*. Эти двенадцать магистратов ели вместе, спали в общественном дворце и никогда не могли выходить из него по отдельности; их полномочия длились всего два месяца. Двенадцать других, избранных народом, сменяли их; и республика была настолько богата хорошими гражданами и людьми, достойными ее доверия, что эта быстрая смена *анзиани* не исчерпала их число. Флорентийская милиция одновременно атаковала и разрушила все башни, которые служили убежищем для дворян, чтобы отныне все были вынуждены подчиняться общему закону.

Новая синьория едва узнала о смерти Фридриха, как декретом от 7 января 1251 года отозвала всех изгнанных гвельфов во Флоренцию. Отныне они стремились обеспечить этой партии превосходство во всей Тоскане. Они объявили войну соседним городам Пистойя, Пиза, Сиена и Вольтерра; не для того, чтобы подчинить их или навязать им жесткие условия, а для того, чтобы заставить их присоединиться к партии, которую они считали партией церкви и свободы. 1254 год, когда флорентийцами командовал их подеста, миланец Гвискардо Пьетра Санта, в их истории известен как «Год побед». Они захватили два города, Пистойю и Вольтерру; заставили Пизу и Сиену подписать мирный договор, благоприятный для партии гвельфов; отказались воспользоваться предательством, которое дало им власть над цитаделью Ареццо, и вернули ее аретинам; наконец, они построили в Луниджане, за пределами территории Лукки, крепость, предназначенную для закрытия входа в Тоскану с

лигурийской стороны, которая в память о своем подесте () до сих пор носит название Пьетра Санта. Синьория также проявила себя достойным правителем города, известного торговлей, искусством и свободой. Вся денежная система Европы в этот период была предоставлена на произвол правителей, которые постоянно меняли номинал и вес монет — иногда для того, чтобы обмануть своих кредиторов, иногда для того, чтобы заставить своих должников платить больше, чем они получили, или налогоплательщиков — больше, чем они должны были. В течение более 150 лет короли Франции нарушали свою верность народу, ежегодно с крайней наглостью вносили важные изменения в монеты. Но республика Флоренция в 1252 году отчеканила свой золотой флорин из чистого золота 24 карата весом в одну драхму. Она поставила его стоимость под гарантию публичности и коммерческой добросовестности, и эта монета оставалась неизменным стандартом для всех других ценностей до тех пор, пока существовала сама республика.

ФЛОРЕНЦИЯ И СИЕНА ВО ВОЙНЕ; БИТВА ПРИ МОНТАПЕРТИ

Заговор гибеллинов с целью восстановления своей власти во Флоренции и ее концентрации в руках аристократической фракции вынудил республику в 1258 году изгнать самых выдающихся лидеров этой партии. Тогда ею руководил Фарината дельи Уберти, который считался самым красноречивым оратором и самым способным воином в Тоскане. Все флорентийские гибеллины были благосклонно приняты в Сиене, хотя обе республики в своем последнем договоре обязались не давать убежища мятежникам из другого города. Впоследствии Фарината присоединился к Манфреду, который прочно укрепился на троне Обеих Сицилий, и убедил его, что для защиты своего королевства от любых нападений он должен обеспечить себе поддержку Тосканы и предоставить верховенство гибеллинам. Он получил от Манфреда значительный отряд немецкой кавалерии, который привел в Сиену.

[1259-1260 гг. н.э.]

Военные действия между двумя республиками уже начались: флорентийцы с презрением тащили по улицам знамена Манфреда. Фарината решил воспользоваться раздражением немцев, чтобы подтолкнуть обе стороны к общей битве. Он знал, что некоторые невежественные ремесленники проникли в синьорию Флоренции, и попытался извлечь выгоду из их самонадеянности. Он льстил им, обещая открыть им одни из ворот Сиены, если они прикажут своей армии явиться под стены этого города. В то же время его посланцы взялись разжечь вражду плебеев против знати из партии гвельфов, которая, будучи более дальновидной, могла бы раскрыть его интриги. Несмотря на сопротивление дворян в совете, синьория решила провести армию гвельфов через территорию Сиены.^b

Говорят, что ¹¹¹ их было не менее тридцати тысяч, и вспомогательные войска прибыли из всех союзных городов или городов, подчиненных флорентийцам; но поскольку гибеллины были изгнаны из этих городов, последние объединились в Сиене, а гвельфы — во Флоренции, и две армии представляли собой печальное зрелище раскола и гражданской войны во всей Тоскане. Только из Ареццо, как утверждает, почти пять тысяч человек пришли на помощь флорентийцам под командованием Донателло Тарлати, в то время как другая группа изгоев, возглавляемая их епископом, присоединилась к ним в Сиене, и, если верить Раффаэлло Рончони, в Сиену также прибыл отборный отряд из трех тысяч пизанцев. Армия гвельфов превосходила по численности гибеллинов, которые доминировали в Тоскане, но, вероятно, не было той диспропорции, в которую некоторые историки хотят нас убедить. Армия гвельфов шла к верной победе, надеясь войти в Сиену без сражения ();

прибыв на холмы МонтAPERти, они остановились, чтобы получить совет от сиенцев о дальнейших действиях.

Ничто так не способно вывести из равновесия полководца и армию, как видеть, как смело наступает на них враг, которого они считали разбитым или бежавшим; поэтому флорентийские полководцы, которые шли на верную победу в Сиене, когда увидели смело наступающего врага, во главе которого шли немецкие войска, столь грозные для них, начали отчаиваться. Они вступили в бой, и обе стороны сражались с большой доблестью, но флорентийцы, не в силах противостоять нападению немцев, отступили. Предательство усугубило смятение. Многие гибеллины, скрывавшиеся во время сражения, перешли на сторону врага. Среди прочих, Бокка из Абати, прежде чем перейти на другую сторону, нанес вероломный удар Якопо Вакка из семьи Пацци, который нес знамя республики, и сбил его с ног, лишив руки.

Этот поступок посеял ужас среди флорентийцев, которые больше не могли отличить друзей от врагов; единственное сопротивление оказывалось вокруг триумфальной колесницы, на которой находились флаги, и вокруг лучшей части защитников, которые были скорее склонны приобрести себе славную смерть за доблесть, чем спастись бегством. Часть разбитой армии укрылась в замке МонтAPERти. Замок был взят силой, и беженцы были избиты насмерть. Нелегко установить число убитых в сражении, поскольку победители всегда преувеличивают его, а побежденные скрывают; последние, или флорентийские писатели, признают только две с половиной тысячи убитых и полторы тысячи пленных, но число должно было быть гораздо больше.

Эта битва считается одной из самых кровопролитных того времени и произошла 4 сентября 1260 года. Сиенцы торжественно отпраздновали победу, во время которой триумфальная колесница (*carroccio*) флорентийцев была протаскана по земле, а Сиена получила название «Город Девы Марии» в знак благодарности небесам за счастливый исход.

d

Флорентийские гвельфы оказались слишком ослабленными после поражения при МонтAPERти, чтобы удержаться во Флоренции. Окружность стен была слишком велика, а население слишком обескуражено огромными потерями, чтобы согласиться защищать город. В результате все, кто обладал какой-либо властью в республике, все, чьи имена были достаточно известны, чтобы определить их партийную принадлежность, покинули Флоренцию и вместе на лошадях отправились в Лукку. Гвельфы из Прато, Пистойи, Вольтерры и Сан-Джеминьяно не могли надеяться удержать свои позиции, когда потерпели поражение флорентийские гвельфы. Все они покинули свои дома и присоединились к флорентийцам в Лукке. Этот город предоставил знаменитым беженцам церковь и портик Сан-Фриано и прилегающий квартал, где они разбили свои палатки. Гибеллины вошли во Флоренцию 27 сентября, немедленно упразднили народное правительство и сформировали новую магистратуру, состоящую исключительно из дворян, которые принесли присягу на верность Манфреду, королю Обеих Сицилий.

На съезде гибеллиновских городов, собравшемся в Эмполи, послы Пизы и Сиены решительно заявили, что пока существует Флоренция, превосходство гибеллиновской партии в Тоскане никогда не будет обеспечено. Они утверждали, что население этого гордого и воинственного города было полностью преданно партии гвельфов, что не было никакой надежды смягчить их ненависть к дворянам и семье последнего императора, что демократические привычки стали для каждого из жителей чем-то вроде второй природы; в заключение они потребовали, чтобы стены Флоренции были снесены до основания, а население рассеяно по соседним городам. Все гибеллины Тосканы, все депутаты городов, завидующих Флоренции, одобрили это предложение. Оно было уже готово к принятию (),

когда Фаринато дельи Уберти поднялся и с возмущением отверг это злоупотребление только что одержанной победой. Он заявил, что любит свою страну гораздо больше, чем свою партию, и объявил, что вместе с теми же товарищами по оружию, чью храбрость они видели в битве при Арбии, он присоединится к гвельфам и будет сражаться за них, чем согласится на разрушение того, что было ему дороже всего на свете. Враги Флоренции не осмелились ответить ему, и сейм в Эмполи ограничился постановлением, что лига Тосканы должна нанять тысячу солдат Манфреда, чтобы поддержать в этой провинции превосходство партии гвельфов. Данте увековечил Фаринату как спасителя Флоренции, а Бокка дельи Абати — как предателя, который поставил ее на грань разрушения. Его поэма полна аллюзий на эту памятную эпоху.

ТИРАН ЭЗЗЕЛИНО

[1256-1260 гг.]

В то время как гибеллины таким образом приобрели превосходство в Тоскане, пал тиран, который во главе этой партии пролил столько крови в Тревизанском марше. Эззелино был наследственным лордом Бассано и Пьемонта: ему удалось добиться того, что республики Верона, Виченца, Падуя, Фельтре и Беллуно провозгласили его капитаном народа. Этот титул позволял ему объединить судебную и военную власть; он подчинялся только советам, которые мог созывать или не созывать по своему усмотрению. По-видимому, не существовало никакой постоянной магистратуры, подобной синьории Флоренции, которая могла бы сдерживать его злоупотребления властью. В результате он вскоре превратил власть, полученную от народа, в ужасную тиранию: подозревая всех, кто выделялся чем-либо, кто каким-либо образом привлекал внимание своих сограждан, он не ждал проявления недовольства или признаков сопротивления со стороны дворян, купцов, священников или юристов, которые только из-за своего высокого положения становились подозреваемыми, чтобы бросить их в тюрьму и там, с помощью самых мучительных пыток, вытянуть из них признания в преступлениях, которые могли бы оправдать его подозрения. Имена, которые срывались с их губ в агонии пыток, тщательно регистрировались, чтобы пополнить число жертв тирана. В одном только городе Падуя было восемь тюрем, которые всегда были переполнены, несмотря на неустанные усилия палача по их опустошению; в двух из них содержалось по триста заключенных. Брат Эззелино по имени Альберик управлял Тревизо с меньшей жестокостью, но с не менее абсолютной властью. Кремона была таким же образом подчинена гибеллинистскому вождю; Милан больше не проявлял никакого отвращения к этой партии. В этом городе, как и в Брешии, фракции дворян и плебеев боролись за власть.

Александр IV, чтобы уничтожить чудовище, которое держало в страхе марку Тревизо, призвал к крестовому походу в этой стране. Он обещал тем, кто сражался с жестоким Эззелино, все индульгенции, обычно предоставляемые освободителям Святой Земли. Маркиз д'Эсте, граф ди Сан-Бонифачо, вместе с городами Феррара, Мантуя и Болонья собрали свои войска под знаменем церкви; к ним присоединилась толпа невежественных фанатиков из низших слоев общества, жаждущих получить индульгенции, но не поддающихся дисциплине и неспособных к единому доблестному поступку. Однако их число настолько испугало лейтенанта Эззелино в Падуе, что он слабо защищал переправу через Баччиальоне и сам город. Легат Филипп, избранный архиепископом Равенны, вошел в Падую во главе крестоносцев 18 июня 1256 года, но он либо не хотел, либо не мог сдержать фанатичную и грабительскую толпу, которую он призвал на помощь своим солдатам: в течение семи дней город подвергался бесчеловечному разграблению теми, кого он принял как своих освободителей. Как только Эззелино узнал о потере, которую он понес, он

поспешил отделить и разоружить одиннадцать тысяч падуанцев, принадлежавших к его армии; он заключил их в тюрьмы, где все, за исключением двухсот, встретили насильственную или мучительную смерть.

Итальянский дворянин, XIII век

В течение следующих двух лет гвельфы испытывали одни только бедствия: легат, которого папа поставил во главе их войска, оказался неспособным командовать ими; а толпа крестоносцев, которых он призвал в свои ряды, только подвергала их опасности из-за отсутствия мужества и дисциплины. Гибеллины из Брешии даже сдали свою страну в руки Эззелино после того, как он разгромил армию легата в 1258 году. В следующем году этот тиран, не имевший себе равных в Италии по храбрости и военному таланту, всегда враждебный роскоши и не поддающийся соблазнам женщин, заставлявший дрожать самых смелых одним своим взглядом и сохранивший в своем маленьком теле в возрасте шестидесяти пяти лет всю энергию солдата, продвинулся в центр Ломбардии в надежде, что миланская знать, с которой он уже вступил в переписку, сдаст ему этот великий город. Он перешел Ольо, а затем Адду с самой блестящей армией, которой он когда-либо командовал, но маркиз Палавичино, Буозо да Доара, вождь кремонцев, и другие гибеллины, его давние соратники, возмущенные его преступлениями, тайно заключили союз с гвельфами, чтобы уничтожить его.

Увидев, что он так далеко ушел от своего дома, они набросились на него со всех сторон. 16 сентября 1259 года, когда он готовился к отступлению, его остановили на мосту Кассано. Брешианцы, больше не подчинявшиеся его командам, начали движение, чтобы бросить его; все пути отступления были перекрыты миланцами, кремонцами, феррарийцами и мантуанцами: отбитый, преследуемый до Вимеркато и, наконец, раненный в ногу, он был взят в плен и отправлен в Сончино: там он отказался говорить, отверг всякую медицинскую помощь, сорвал все повязки с ран и, наконец, скончался на одиннадцатый день своего плена. Его брат и вся его семья были убиты в следующем году.

НАЧАЛО ФЕОДАЛЬНОЙ ТИРАНИИ В ЛОМБАРДИИ

[1256-1264 гг. н.э.]

Поражение Эззелино и уничтожение семьи Романо можно считать последней большой попыткой ломбардов противостоять установлению тирании в своей стране. Примерно в это время города начали привыкать к абсолютной власти в руках одного человека. В каждой республике дворяне, всегда разделенные наследственными враждами, считали позором подчиняться законам, а не отстаивать свои права силой оружия: их ссоры, раздоры и разбойничество приносили беспорядки и хаос на каждую улицу и в каждое общественное место. Купцы постоянно были начеку, чтобы закрыть свои лавки при первом же крике тревоги, поскольку спутники дворян чаще всего были бандитами, которым они давали приют в своих дворцах и которые, пользуясь беспорядками, грабили лавки. В то же время, когда дворяне раздражали плебеев своей arrogantia, они высмеивали их неспособность и стремились исключить их из всех государственных должностей. Народ часто, в своем возмущении, брался за оружие; улицы были забаррикадированы, и дворяне, осажденные в своих городских домах, были вынуждены укрываться в своих замках; но если городская милиция впоследствии осмеливалась преследовать на равнинах Ломбардии дворян, которых она заставила эмигрировать, то вскоре обнаруживала, что находится в крайне невыгодном положении. В течение этого столетия дворяне приобрели привычку сражаться верхом на лошадях с копьем и в тяжелых доспехах. Только постоянные упражнения могли сделать их экспертами в маневрах кавалерии и приучить их к огромному весу курасы и шлема; с другой стороны, эти доспехи делали их почти неуязвимыми. Когда они атаковали с копьями и всей стремительностью своих боевых лошадей, они сражали и уничтожали плохо вооруженную пехоту, противостоявшую им, не получая при этом никаких повреждений. Города вскоре почувствовали необходимость противопоставить кавалерии кавалерию и нанять на свою службу либо тех дворян, которые объединились с народом, либо иностранцев и авантюристов, которые в это время начали обменивать свою доблесть на наемную плату.

Поскольку было принято передавать командование милицией первому должностному лицу правосудия, чтобы дать ему полномочия либо направлять государственные силы против мятежников или нарушителей порядка, либо дисциплинировать солдат страхом наказания, не удавалось найти командира, который взял бы на себя военную службу в городе, не обладая в то же время властью судебного меча — такой властью, которая была возложена на подоста или капитана народа. Поэтому возникла необходимость передать ему в ведение так называемую синьорию; и чем более значительным становился этот кавалерийский корпус, на определенное количество лет поставленный на службу республике, тем более опасной для свободы становилась эта синьория, которой была предоставлена власть выносить приговоры о жизни и смерти в судах.

Одним из первых феодалов, который принял дело народа и взял на себя службу городу, с отрядом кавалерии, набранным из своих вассалов или из бедных дворян, своих сторонников, был Паган делла Торре, господин Вальсассины. Он снискал любовь миланцев, спас их армию от преследования Фридриха II после битвы при Кортенуове. Он был привязан наследственной привязанностью к партии гвельфов; и хотя сам был знатного происхождения, он, казалось, разделял недовольство миланских плебеев против угнетавшего их дворянства. Когда он умер, его брат Мартино, после него Раймонд, затем Филипп и, наконец, Наполеон делла Торре сменили друг друга в качестве капитанов народа, командующих кавалерийским отрядом, который они создали и поставили на службу городу; они были признанными начальниками подесты и трибуналов. Эти пять лордов сменили

друг друга менее чем за двадцать лет; и даже краткость их жизни приучила народ рассматривать их избрание как подтверждение династии, ставшей наследственной. Другие гвельфские города Ломбардии были побуждены выбрать того же капитана и того же правителя, что и Милан, потому что считали его истинным гвельфом и настоящим любителем народа.

Эти города обнаружили преимущество в сближении своего союза с городом, который руководил их партией, в том, чтобы поставить себя под более мощную защиту и поддержать свои трибуналы более твердой рукой. Мартин делла Торре был избран подеста Милана в 1256 году; три года спустя он получил титул старейшины и лорда народа. В то же время Лоди также назвал его лордом. В 1263 году город Новара удостоил его той же чести. Филипп, сменивший его в 1264 году, был назван лордом Миланом, Комо, Верчелли и Бергамо. Так между ломбардскими республиками, не подозревая, что они лишают себя свободы, начало формироваться могущественное государство, которое полтора века спустя стало герцогством Милана. Но папа, завидуя роду делла Торре, назначил архиепископом Милана Отто Висконти, чья семья, обладавшая большим влиянием на границах озера Маджоре, тогда разделила изгнание дворян и гибеллинов. Этот прелат поставил себя во главе их фракции, и с тех пор соперничество между родами делла Торре и Висконти почти затмило соперничество между народом и дворянами.

МНОГОЛЕТНЯЯ БОРЬБА ГВЕЛФОВ И ГИБЕЛИНОВ

[1257-1261 гг. н.э.]

Горькая вражда между двумя партиями гвельфов и гибеллинов была роковой для дела свободы. Для первых вопросом была религия — независимость церкви и Италии, угрожаемая немцами и сарацинами, которым Манфред доверял не меньше, чем Фридрих II; для вторых — честь и добросовестность по отношению к знаменитому роду, а также поддержка аристократии и королевской власти; но обе стороны были больше озабочены местью за тысячу раз повторенные обиды и защитой от изгнания и конфискации имущества.

Эти партийные чувства глубоко трогали людей, которые гордились жертвами, которые они или их предки принесли той или иной партии, в то время как поддержку законов, беспристрастность судов или равное участие граждан в суверенитете они считали совершенно второстепенными. Каждый город Ломбардии забывал о себе, чтобы обеспечить триумф своей фракции, и искал успеха в придании власти большей единства и силы. Города Мантуя и Феррара, где гвельфы были гораздо более многочисленны, доверили свою защиту, один графу ди Сан-Бонифацио, другой маркизу д'Эсте, с такой постоянностью, что эти дворяне, под названием капитанов народа, стали почти суверенами. В республике Верона, напротив, преобладали гибеллины; и, опасаясь, что их фракция может пойти на спад после смерти Эззелино, они призвали к командованию своей милицией и председательству в своих трибуналах Мастино делла Скала, господина замка с таким же названием на территории Вероны, чья власть стала наследственной в его семье. Маркиз Пелавичино, самый известный гибеллинец во всей долине По, чьим самым крепким замком был Сан-Доннино, между Пармой и Пьяченцей, и который сформировал и дисциплинировал великолепный кавалерийский отряд, был назначен, поочередно со своим другом Буозо да Доара, лордом города Кремона. Павия и Пьяченца также почти всегда выбирали его своим капитаном; и эта честь была одновременно оказана ему Миланом, Брешией, Тортоной и Александрией. Гибеллины, после оскорбления, нанесенного Иннокентием IV гвельфам

Милана, получили превосходство в Ломбардии. Дом Делла Торре, казалось, даже склонялся к ней, и он был всемогущим в Тоскане. Город Лукка был последним, кто присоединился к этой партии в 1263 году, и тосканские гвельфы, вынужденные покинуть свою страну, сформировали отряд солдат, который перешел на службу к немногим городам Ломбардии, все еще верным гвельфской партии.

Римский двор с большим беспокойством наблюдал за ростом могущества гибеллинов, прочно укрепившихся в Обеих Сицилиях под скипетром Манфреда. Манфред, которого боялись даже в Риме и соседних провинциях, господствовавший в Тоскане и ежедневно продвигавшийся в Ломбардии, казался готовым превратить весь полуостров в единую монархию. Папа уже не мог рассчитывать на то, что итальянцы помогут ему покорить Манфреда. Немцы не оказывали никакой поддержки. Разделенные между Ричардом Корнуольским и Альфонсо Кастильским, они, казалось, стремились избавиться от имперской власти, разделив между иностранцами пустой титул, в то время как каждое государство стремилось установить отдельную независимость внутри страны и отказаться от верховной власти империи над Италией. Соответственно, было необходимо прибегнуть к помощи других варваров, чтобы предотвратить образование итальянской монархии, фатальной для власти папы. Александр IV умер 25 мая 1261 года; через три месяца его преемником был избран француз, принявший имя Урбан IV, который не колеблясь вооружил французов против Манфреда.

КАРЛ АНЖУЙСКИЙ ЗАВОЕВЫВАЕТ СИЦИЛИЮ

[1261-1266 гг. н.э.]

Его предшественник уже начал переговоры с целью передать корону Сицилии Эдмунду, сыну Генриха III, короля Англии. Урбан положил им конец, обратившись к более близкому, смелому и могущественному принцу. Он обратился к Карлу, графу Анжуйскому, брату Святого Людовика, правившему графством Прованс по праву своей жены. Карл уже прославился на войне; он, как и его брат, был верующим человеком, но еще более фанатичным и жестоким по отношению к врагам церкви, против которых он без ограничений проявлял свой суровый и безжалостный характер. Однако его религиозный фанатизм не мешал его политике; его интересы ограничивали его подчинение церкви; он умел управлять теми, кого хотел заполучить; и он мог, при необходимости, льстить общественным страстям, сдерживать свой гнев и сохранять в своих речах умеренность, которой не было в его сердце. Корыстолюбие казалось его главной страстью, но оно было лишь средством для удовлетворения его безграничной амбиции. Он принял предложение папы. Его жена Беатрис, стремившаяся к титулу королевы, который носили ее три сестры, заложила все свои драгоценности, чтобы помочь собрать армию из тридцати тысяч человек, которую она сама повела через Ломбардию. Он опередил ее. Отправившись по морю в Рим с тысячей рыцарей, он вошел в этот город 24 мая 1265 года. Новый папа, как и его предшественник, француз по происхождению, по имени Климент IV, сменил Урбана и был не менее благосклонен к Карлу Анжуйскому. Он добился его избрания сенатором Римской республики и наделил его королевством Сицилия, которое поручил ему завоевать, однако при условии, что корона никогда не будет объединена с короной империи или с суверенитетом Ломбардии и Тосканы. В качестве дани Святому Петру было назначено восемь тысяч унций золота и белый конь.

Французская армия во главе с Беатрис прошла через Италию только к концу лета 1265 года, а в феврале следующего года Карл во главе ее вступил в королевство Неаполь. 26

февраля он встретил Манфреда, который ждал его на равнине Гранделла, недалеко от Беневенто. Битва была кровопролитной. Немцы и сарацины проявили свою издавна известную доблесть, но апулийцы бежали как трусы, и храбрый сын Фридриха II, брошенный ими на поле битвы, погиб. Царство Обеих Сицилий было ценой этой победы. Соппротивление прекратилось, но не массовые убийства. Карл разрешил своим солдатам грабить Беневенто, и они жестоко убили всех жителей. Итальянцы, которые считали, что испытали от немцев и сарацин Фридриха и Манфреда все, чего можно было опасаться от самых жестоких врагов, теперь обнаружили, что существует степень жестокости, еще большая, чем та, к которой они привыкли от дома Гогенштауфенов. Французы казались всегда готовыми как дарить, так и принимать смерть. Две сильные колонии сарацин в Лучерии и Ночере были вскоре истреблены, и через несколько лет в Обеих Сицилиях не осталось ни одного представителя этой нации или религии, ни одного немца, который был на службе у Манфреда. Карл охотно согласился признать апулийцев и сицилийцев своими подданными, но, как их завоеватель, он угнетал их невыносимыми бременами. Распределив между своими последователями все крупные феодалы королевства, он так прочно укрепил свое ненавистное господство железной рукой, что два года спустя, когда Конрадин, сын Конрада и племянник Манфреда, прибыл из Германии, чтобы оспаривать корону, лишь немногие недовольные в Обеих Сицилиях имели смелость выступить в его поддержку.

[1266-1268 гг. н.э.]

Победа Карла Анжуйского над Манфредом восстановила господство партии гвельфов в Италии. Филиппо делла Торре, который некоторое время, казалось, колебался между двумя фракциями, в конце концов предоставил армии Беатриче проход через миланскую территорию. Буозо да Доара был обвинен в том, что он получил деньги, чтобы не противостоять ей на Ольо. Граф ди Сан-Бонифацио, маркиз д'Эсте, а затем и болонцы открыто присоединились к ее партии. После битвы при Гранделле флорентийцы поднялись на восстание и 11 ноября 1266 года изгнали немецкий гарнизон под командованием Гвидо Новелло, лейтенанта Манфреда. Вскоре после этого они получили от Карла около восьмисот французских всадников, которым они доверили на десять лет синьорию Флоренции, то есть предоставили ему права, предоставленные императорам Констанцким миром. В то же время они восстановили свою внутреннюю конституцию с полной свободой; они усилили власть своих многочисленных советов, из которых исключили дворян и гибеллинов; и они дали торговым корпорациям, на которые была разделена вся трудолюбивая часть населения, прямое участие в правительстве.

ПАДЕНИЕ КОНРАДИНА; ГРИГОРИЙ X; ОТТО ВИСКОНТИ

[1268-1278 гг. н.э.]

Примерно в конце 1267 года молодой Конрадин, которому было всего шестнадцать лет, прибыл в Верону с десятью тысячами всадников, чтобы потребовать наследство, которое папы лишили его семью. Все гибеллины и отважные военачальники, прославившиеся на службе у его деда и дяди, поспешили присоединиться к нему и помочь ему своим мечом и советом. Республики Пиза и Сиена, всегда преданные его семье, но чья ревность теперь удвоилась из-за зависти к флорентийцам, пошли на огромные жертвы ради него. Римляне, обиженные на папу за то, что он покинул их город и перебрался в Витербо, а также завидующие его притязаниям на республику, из правительства которой он исключил дворян, открыли свои ворота Конрадину и пообещали ему помощь. Но все эти усилия, весь

этот энтузиазм не хватило, чтобы защитить наследника дома Гогенштауфенов () от доблести французов. Конрадин вошел в королевство своих отцов через Абруццы и встретил Карла Анжуйского на равнине Тальякоццо 23 августа 1268 года. Завязалась отчаянная битва; победа долго оставалась неопределенной. Две дивизии армии Карла были уже уничтожены, и немцы, считавшие себя победителями, рассеялись в погоне за врагом, когда французский принц, до того момента не появлявшийся на поле боя, напал на них со своим резервом и полностью разгромил их. Конрадин, вынужденный бежать, был арестован в сорока пяти милях от Тальякоццо, когда он собирался отплыть на Сицилию. Его привели к Карлу, который, не жалея его молодости, не уважая его мужество и не считаясь с его законными правами, потребовал от несправедливых судей, перед которыми он подверг его насмешливому суду, приговорить его к смерти. Конрадин был обезглавлен на рыночной площади в Неаполе 26 октября 1268 года. Вместе с ним погибли несколько его самых прославленных соратников — немецкие князья, гибеллины и граждане Пизы; и после жертвы этих первых жертв непрерывная череда казней долгое время продолжала наполнять Две Сицилии ужасом.

Поражение и смерть Конрадина установили превосходство партии гвельфов на всей полуострове. Карл поставил себя во главе этой партии; папа назначил его имперским викарием в Италии во время безвластия в империи () и стремился придать этому титулу все права, которые ранее осуществляли императоры в свободных городах. Климент IV умер 29 ноября 1268 года — через месяц после казни Конрадина. Кардиналы в течение тридцати трех месяцев не могли прийти к соглашению по поводу выбора преемника. Во время этого межцарствия — самого длительного в истории папского престола — Карл оставался единственным главой партии гвельфов, правящей всей Италией, которая не имела ни папы, ни императора. В 1269 году он созвал сейм городов Ломбардии в Кремоне, на котором города Пьяченца, Кремона, Парма, Модена, Феррара и Реджо согласились предоставить ему синьорию; Милан, Комо, Верчелли, Новара, Алессандрия, Тортон, Турин, Павия, Бергамо и Болонья заявили, что считают за честь союз и дружбу с ним, но не могут принять его в качестве повелителя. Италия уже ощущала тяжесть французского ига, которое стало бы еще более гнетущим, если бы крестовый поход против Туниса, к которому Карла Анжуйского призвал его брат, святой Людовик, не отвлек его от амбициозных планов.

Конклав, собравшийся в Витербо, наконец возвел на вакантный престол Теобальдо Висконти из Пьяченцы, который в то время находился в Святой Земле. По возвращении в Италию в 1272 году он принял имя Григорий X. Этот мудрый и умеренный человек вскоре обнаружил, что римский двор переоценил свои силы: разгромив дом Гогенштауфенов, он обрел нового хозяина, не менее опасного, чем предыдущий. Григорий, вместо того чтобы, как его предшественники, стремиться уничтожить гибеллинов, занимался только тем, что пытался восстановить равновесие и мир между ними и гвельфами. Он убедил флорентийцев и сиенцев вернуть изгнанных гибеллинов с целью, как он объявил, объединить все христианство в защите Святой Земли; и выразил сильнейшее недовольство Карлом, который создавал препятствия на пути этого примирения. Он снял с Пизы интердикт, наложенный на нее Святым Престолом. Он проявил благосклонность к Венеции и Генуе, которые, оскорбленные высокомерием и несправедливостью Карла, объединились с его врагами. Он убедил выборщиков Германии воспользоваться смертью Ричарда Корнуолльского, произошедшей в 1271 году, и положить конец межцарствию, проведя новые выборы. В 1273 году выборщики возложили корону на Рудольфа Габсбургского, основателя династии Австрии. Смерть Григория X в начале января 1276 года лишила его возможности реализовать проекты, которые, судя по первым шагам, он намеревался осуществить; но Николай III, сменивший его в 1277 году после трех недолговечных пап, более открыто взялся за унижение Карла и поддержку гибеллинов. Он заставил короля

Сицилии отказаться от титула имперского наместника, на который Карл, не имел права, за исключением периода междуцарствия в империи; он еще больше заставил его отказаться от титула сенатора Рима и достоинства синьории, которые были ему присвоены городами Ломбардии и Тосканы, объяснив ему, что его власть над этими провинциями противоречит булле об инвеституре, которая предоставила ему власть над королевством Неаполь.

Рудольф Габсбургский, который никогда не бывал в Италии и не знал географии этой страны, был, в свою очередь, убежден папой подтвердить хартии Людовика Лебона, Оттона I и Генриха VI, копии которых были ему присланы. В этих хартиях, подлинных или поддельных, взятых из канцелярии в Риме, суверенитет над всей Эмилией или Романьей, Пентаполисом, маркой Анконы, наследием Святого Петра и Кампаньей Рима, от Радикофани до Чеперано, был передан церкви (). Императорская канцелярия без проверки подтвердила уступку, которая на самом деле никогда не была сделана. Оба Фридриха, как и их предшественники, всегда считали всю эту территорию принадлежащей империи и всегда осуществляли там императорские права. Канцлер Рудольфа прибыл в эти провинции, чтобы потребовать дань уважения и присягу на верность, которые были предоставлены без затруднений; но Николай обжаловал эту дань уважения и назвал ее кощунственной узурпацией. Рудольф был вынужден признать, что это противоречило его собственным дипломам, и отказался от своих притязаний. С этого периода, 1278 года, республики принадлежали Святому Престолу, а не императору.

[1277-1280 гг. н.э.]

Незадолго до этого в главных городах Ломбардии произошла революция, в результате которой превосходство получили дворяне и гибеллины. Последние, в течение значительного времени находившиеся в изгнании из Милана, переживали череду бедствий и, вместо страха, вызывали сочувствие. В то время как Наполеон делла Торре, глава Миланской республики, раздражал плебеев и гвельфов своей аггогансией и презрением к их свободе, ему сообщили, что Отто Висконти, которого он изгнал, хотя и был архиепископом Милана, собрал вокруг себя в Комо многих дворян и гибеллинов, с которыми он намеревался напасть на миланскую территорию. Наполеон выступил ему навстречу, но, презирая врагов, которых он так часто побеждал, он по неосторожности подвергся нападению гибеллинов в Дезио в ночь на 21 января 1277 года. Будучи взят в плен вместе с пятью своими родственниками, он и они были помещены в три железные клетки, в которых архиепископ держал их в заключении. Сам прелат был с энтузиазмом принят в Милане, Кремоне и Лоди. Он заново сформировал советы этих республик, допустив в них только гибеллинов и дворян, которые, разоренные долгим изгнанием и часто поддерживаемые щедростью архиепископа, стали скромными и покорными; их почтение переросло в покорность, и республика Милан, отныне управляемая Висконти, вскоре превратилась в не более чем княжество.

УСПЕХИ ГИБЕЛИНОВ; СИЦИЛИЙСКАЯ ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Николай III, представитель знатной римской семьи Орсини, испытывал наследственную привязанность к гибеллинам и повсюду оказывал им благосклонность. Соперничество между двумя знатными семьями Болоньи, Гиеремей и Ламбертацци, закончилось в 1274 году изгнанием последних (которые были гибеллинами) со всеми их сторонниками. С этого момента ссора между двумя семьями превратилась в кровопролитную войну по всей Романье. Гвидо де Монтефельтро, владелец гор в окрестностях Урбино, который никогда не присоединялся к какой-либо республике, принял гибеллинов в своей стране и, командуя ими, завоевал репутацию великого полководца. Николай III послал легата в Романью, чтобы

заставить Болонью и все гвельфские республики отозвать гибеллинов и установить мир во всей провинции. Он преуспел в этом в 1279 году. Другой легат с аналогичной миссией и с таким же успехом был послан во Флоренцию и Сиену. Казалось, что в Италии наконец-то установилось равновесие, когда 19 августа 1280 года умер Николай.

Карл, который без сопротивления и даже без проявления какого-либо недовольства подчинился упадку партии, на которой были основаны все его надежды, и примирению, которое уничтожило его влияние в республиках гвельфов, поспешил в Витербо, как только узнал о смерти папы, твердо решив не допустить, чтобы еще один из его врагов взошел на престол Святого Петра. Он приказал силой удалить из конклава трех кардиналов, родственников Николая, которых он считал своими противниками, и, наведя ужас на остальных, 22 января 1281 года добился избрания папы, полностью преданного ему. Это был каноник из Тура, который принял имя Мартина IV. Казалось, что у него не было более высокой миссии, чем поддерживать амбиции короля Обеих Сицилий и служить ему в его враждах. Далекий от мысли о создании какого-либо противовеса его власти, он стремился дать ему власть над всей Италией. Он присвоил ему титул сенатора Рима, передал управление всеми провинциями церкви своим французским офицерам, изгнал гибеллинов из всех городов и со всей своей мощью поощрял новый замысел Карла о захвате Восточной империи.

Константинополь был отбит у латинян 25 июля 1261 года, а сын последнего латинского императора был зятем Карла Анжуйского. Мартин IV отлучил от церкви Михаила Палеолога, греческого императора, который тщетно пытался примирить две церкви. Новое вооружение, которое Карл собирался вести в Грецию, готовилось одновременно во всех портах Обеих Сицилий. Агенты короля собирали налоги с удвоенной наглостью и взыскивали деньги с еще большей суровостью. Судьи пытались подавить сопротивление, сея ужас. Тем временем дворянин из Салерно по имени Джон да Прочида, друг, доверенное лицо и врач Фридриха II и Манфреда, посетил в переодетом виде Обе Сицилии, чтобы возродить рвение древних гибеллинов и разжечь их ненависть к французам и Карлу. Проехав через Грецию и Испанию, чтобы настроить против него новых врагов, он получил заверения, что Михаил Палеолог и Констанца, дочь Манфреда и жена дона Педро Арагонского, не допустят уничтожения сицилийцев, если те найдут в себе мужество восстать против своих угнетателей. Их помощь была, по сути, обещана — она даже была подготовлена; но Сицилия была обречена на освобождение в результате внезапного народного взрыва, который произошел в Палермо 30 марта 1282 года. Его спровоцировал французский солдат, который грубо обошелся с молодой невестой, когда она направлялась в церковь Монреале со своим женихом, чтобы получить брачное благословение. Возмущение ее родственников и друзей молниеносно распространилось на все население Палермо. В этот момент колокола церквей звонили на вечерню; люди ответили криком: «К оружию — смерть французам!».

Французы подверглись яростным нападениям со всех сторон. Те, кто пытался защищаться, были быстро побеждены; других, которые пытались выдать себя за итальянцев, узнавали по произношению двух слов, которые их заставляли *повторять* — «*cecì*» и «*cicerì*», и при неправильном произношении сразу же казнили. За несколько часов более четырех тысяч человек истекли кровью. Все города Сицилии последовали примеру Палермо. Таким образом, Сицилийская Вечерня свергла тиранию Карла Анжуйского и гвельфов, отделила королевство Сицилия от королевства Неаполь и передала корону первого Дон Педро Арагонскому, зятю Манфреда, который считался наследником дома Гогенштауфенов.

Карл Анжуйский, первый французский король Обеих Сицилий, пережил Сицилийскую вечерню всего на три года. Он умер 7 января 1285 года в возрасте шестидесяти пяти лет. В этот период его сын, Карл II, находился в плену у сицилийцев; он был освобожден в 1288 году в соответствии с договором, по которому он признал разделение и независимость двух королевств Неаполя и Сицилии (). Первая была отнесена к гвельфам и дому Анжу, вторая — к гибеллинам и дому Арагона; но Николай IV, под влиянием которого был заключен договор, нарушил его, освободил Карла от клятвы и разрешил ему вновь начать войну.

СНИЖЕНИЕ ВЛИЯНИЯ КОРОЛЯ, ИМПЕРАТОРА И ПАПЫ

[1288-1303 гг.

Эта война, длившаяся двадцать четыре года, заняла все время правления Карла II. Этот принц был мягче своего отца, но и слабее. Он не обладал ни суровым характером Карла Анжуйского, вызывавшим ненависть, ни его талантами, вызывавшими восхищение и уважение. Он всегда называл себя защитником партии гвельфов, но перестал быть ее поборником; и ни римский двор, ни гвельфские республики больше не требовали совета, руководства или поддержки от неаполитанского двора. Он умер 5 мая 1309 года, и его преемником стал его сын Роберт. Влияние императоров, как защитников партии гибеллинов, в этот период в Италии почти исчезло. Рудольф Габсбургский, который с 1273 по 1291 год славно правил в Германии, так и не пересек Альпы, чтобы быть признанным императором и королем лангобардов; после него Адольф Нассауский и его преемник Альберт Австрийский — один убитый в 1298 году, другой в 1308 году — оставались для Италии чужими. Гибеллинова партия, соответственно, больше не поддерживалась и не руководилась императорами, но сохраняла себя за счет собственных ресурсов, привязанности дворян к императорскому имени и, в еще большей степени, из корыстных интересов военачальников, которые, возвышенные до синьории либо по выбору народа, либо своей фракции, создали для себя, от имени империи, суверенитет, который итальянцы без колебаний называли тиранией.

Наконец, третья власть, власть папы, которая до того времени определяла политику Италии, примерно в это время перестала следовать обычной системе и, следовательно, давать мощный импульс фракционности. Мартин IV, чья жизнь закончилась через два месяца после смерти Карла I, всегда действовал как его создание, поддерживал его в его вражде, в его жажде мести сицилийцам и в его усилиях восстановить свое господство над Италией. Но Гонорий IV, правивший после него с 1285 по 1287 год, казалось, не имел другой цели, кроме как возвеличить знатный род Савелли в Риме, членом которого он сам был; после него Николай IV, правивший с 1288 по 1292 год, не менее ревностно стремился сделать то же самое для рода Колонна. Его предшественник, Николай III, несколько лет назад показал пример, применив всю свою власть как папы для возвышения Орсини. Это почти первые примеры nepотизма пап, которые едва начали чувствовать себя суверенами. Они подняли эти три великие римские семьи над всеми своими древними соперниками; почти все замки в владениях Святого Петра и в Кампанье Рима стали их собственностью. Дома Колонна, Орсини и Савелли, чтобы поддержать свою знатность, вскоре начали торговать своей доблестью, нанимаясь с отрядом кавалерии тем, кто мог бы использовать их в войне; в то время как крестьяне, их вассалы, соблазненные духом приключений и еще больше надеждой на грабеж, бросили сельское хозяйство, чтобы вступить в войска своего сеньора. Результатом их беспорядочной жизни стало то, что две провинции, ближайшие к Риму, вскоре стали самыми плохо возделанными и наименее заселенными во всей Италии, хотя сокровища Европы стекались в столицу верующих. После Николая IV бедный отшельник из , скромный, робкий и невежественный, был возведен в 1294 году на престол

Святого Петра под именем Целестина V. Его избрание было результатом внезапного всплеска религиозного энтузиазма, охватившего коллегия кардиналов, хотя этот святой сенат никогда раньше не проявлял большей готовности консультироваться с религией, чем с политикой. Целестин V продержался на троне всего несколько месяцев; вся его святость не могла служить оправданием его неспособности; и кардинал Бенедикт Каэтано, который убедил его отречься, был избран папой вместо него под именем Бонифаций VIII. Бонифаций, способный, опытный, интригующий и беспринципный, восстановил бы авторитет Святого Престола, который в последние годы понтификата постоянно снижался, если бы его жестокий характер, неуправляемая гордость и бурные страсти не мешали его политике. Сначала он пытался усилить власть гвельфов с помощью Франции; затем он вступил в ожесточенную ссору с семьей Колонна, которую он с удовольствием бы истребил; и, наконец, обидевшись на Филиппа Красивого, он обращался с ним с такой же высокомерностью, как с самым низким из своих вассалов. Оскорбленный и даже арестованный французским принцем в его дворце в Ананьи 7 сентября 1303 года, Бонифаций умер через несколько недель от ярости и унижения.

РЕСПУБЛИКА ПИЗА

[1282-1288 гг.]

Республика Пиза была одной из первых, кто показал миру богатство и могущество, которые небольшое государство может приобрести с помощью торговли и свободы. Пиза поразила берега Средиземного моря количеством кораблей и галер, плававших под ее флагом, помощью, которую она оказала крестоносцам, страхом, который она внушила Константинополю, и завоеванием Сардинии и Балеарских островов. Пиза была первой, кто привнес в Тоскану искусства, облагораживающие богатство; ее купол, баптистерий, наклонная башня и Кампо Санто, которые путешественник охватывает взглядом, но не устает созерцать, были построены в период с 1063 года до конца XII века. Эти шедевры вдохновили гений пизанцев; великие архитекторы XIII века были в большинстве своем учениками Николая Пизанского. Но настал момент, когда гибель этой славной республики была неизбежна; глубоко укоренившаяся ревность, берущая свое начало с завоевания Сардинии, в течение последних двух столетий часто вооружала друг против друга республики Генуя и Пиза; в 1282 году между ними разразилась новая война. Трудно понять, как два простых города могли выпустить в море такие огромные флоты, как флоты Пизы и Генуи. В 1282 году Джиникель Сисмонди командовал тридцатью пизанскими галерами, половину из которых он потерял в шторме 9 сентября; в следующем году Россо Сисмонди командовал шестьюдесятью четырьмя; в 1284 году Гуидо Джача командовал двадцатью четырьмя и был побежден.^b

Эти повторяющиеся потери вынудили пизанцев просить помощи у венецианцев, с которыми они в союзе часто побеждали генуэзцев в Леванте. Альберто Морозини, венецианец, мэр Пизы, пытался создать конфедерацию, но тщетно; венецианцы предпочли остаться нейтральными. Однако здравая политика должна была подсказать им, что следует поддержать силу, благодаря разрушению которой их заклятые враги, генуэзцы, значительно усилились; и впоследствии у них было достаточно причин, чтобы осознать свою ошибку. Последнее несчастье, вместо того чтобы обескуражить пизанцев, еще больше разжегло в них жажду мести; они предприняли одну из своих величайших попыток, вооружив 72 галеры (), командование которыми было передано графу Уголино, уже очень влиятельному в Пизе; их сопровождала элита знати и пизанских граждан, к которым присоединились другие, более мелкие суда. Но вместо того, чтобы атаковать генуэзский флот, состоявший всего из тридцати галер, которые находились на Сардинии под

командованием Джакарии и которые они могли бы легко одолеть, они потеряли драгоценное время, оскорбляя город Геную, показываясь перед портом, бросая в него несколько мортир и вызывая генуэзцев на бой; и после этих бесполезных бравад они вернулись домой.

Пиза потерпела поражение от Генуи у Мелории

БАПТИСТЕРИЙ, ФЛОРЕНЦИЯ

В войне нет ничего ценнее, чем время и возможность. Генуэзцы отозвали армию Джакарии со Сардинии и вскоре оснастили флот из восьмидесяти восьми галер и многих других небольших судов, командование которым было поручено Оберту Дориа. Выйдя в море и узнав, что пизанский флот находится недалеко от Мелории, они направились к этому порту. Дориа, опасаясь, что превосходство их кораблей может заставить пизанцев отказаться от сражения и уйти в гавань, продвинулся вперед только с пятьюдесятью восемью галерами, приказав отряду Джакарии остаться с остальными тридцатью. Пизанцы приняли сражение, которое состоялось 6 августа со всей яростью и враждой двух народов, стремящихся уничтожить друг друга. Подкрепление, которое прибыло к генуэзцам с Джакарией и которого пизанцы не ожидали, вероятно, решило судьбу того дня. Галера, на которой находился мэр Пизы Альберто Морозини, яростно сражалась с кораблем адмирала, которым командовал адмирал Дориа, к которому, однако, присоединились другие главные галеры под командованием адмирала Джакарии. Даже галера, на которой был великий пизанский флаг, была захвачена галерой под названием «Святой Матфей» (*San Matteo*), на которой находилось много членов семьи Дориа, а галера «Финале» разорвала и сломала великий флаг, и поражение было полным. Двадцать семь пизанских галер были захвачены, а семь потоплены; остальные, выведенные из строя, воспользовавшись ночью, спаслись в

соседнем пизанском порту, и на трех из них сбежал граф Уголино. Число убитых составило четыре тысячи, а также было взято в плен много людей, среди которых был сын графа Уголино.

Эти потери вместе с потерями в предыдущих сражениях составили около одиннадцати тысяч человек, и все они были самыми значительными личностями. Это событие уничтожило морскую мощь Пизы, которая больше никогда не смогла восстановить себя и занять место своих соперников. Многие прославленные республики, как показывает древняя и современная история, возникали после самых тяжелых потерь. Пиза, однако, больше не находилась в таком положении, и различные причины не позволили ей восстановить его; первой из них была потеря ее самых храбрых и мудрых граждан, взятых в плен, которых генуэзцы, руководствуясь жестокой и бесполезной политикой, отказались освободить; пробыв в тюрьме почти пятнадцать лет, или столько, сколько длилась война, большая часть из них закончила свою жизнь в нищете.⁴

Вероломство и падение Уголино

[1288-1293 гг. н. э.]

В то время как республика была изнурена этим большим ударом судьбы, она подверглась нападению союза тосканских гвельфов; и влиятельный гражданин, которому она доверилась, предал свою страну, чтобы поработить ее. Уголино был графом Герардеска, горной страны, расположенной вдоль побережья между Ливорно и Пьомбино; он был гибеллином по происхождению, но выдал свою сестру замуж за Джованни ди Галлура, главу гвельфов Пизы и Сардинии. С тех пор он искусно противопоставлял гвельфов гибеллинам; и хотя многие обвиняли его в том, что он решил исход битвы при Мелории, другие считали его самым способным, самым влиятельным благодаря своему союзу и самым подходящим для примирения Пизы с гвельфским союзом. Пизанцы, находясь в опасности для республики, почувствовали необходимость в диктаторе. Они назначили Уголино генерал-капитаном на десять лет, и новый командующий действительно добился мира с гвельфским союзом, но только после того, как заставил своих подданных открыть все крепости на территории Пизы для луккчан и флорентийцев — условие его договора с ними, которое он не осмелился публично признать. С того времени он стремился только укрепить свой деспотизм, лишив власти всех магистратов и запугав архиепископа Роджера дельи Убальдини, который вместе с ним занимал высший пост в городе. Племянник Убальдини, выступивший против него с некоторой надменностью, был убит им на месте собственноручно. Его жестокость и количество казней, которые он приказал провести, вскоре сделали его одинаково ненавистным для обеих партий; но он обладал искусством, часто переходя от одной к другой, заставляя противоположную партию верить, что он пользуется мощной поддержкой той, на чью сторону он в данный момент встал. Летом 1282 года гвельфы были изгнаны, но, обнаружив в главах гибеллинов, Гуаланди Сисмонди и Ланфранки, высокомерие, которое он считал подавленным, он поручил своему сыну вновь ввести гвельфов в город. Его замысел был раскрыт и предотвращен; гибеллины призвали народ со всех сторон к оружию и свободе. 1 июля 1288 года Уголино был осажден во дворце синьории; повстанцы, не в силах преодолеть упорное сопротивление, оказанное им самим Уголино, его сыновьями и сторонниками, подожгли дворец и, проникнув в него среди пламени, вытащили Уголино, двух его сыновей и двух внуков и бросили их в башню Сетте-Вие. Ключ был передан архиепископу, от которого ожидали бдительности врага, но милосердия священника. Однако это милосердие скоро иссякло; через несколько месяцев

ключ был брошен в реку, и несчастный граф Уголино () погиб в мучениях голода и отцовской и сыновней любви, которые прославили поэзия, скульптура и живопись.

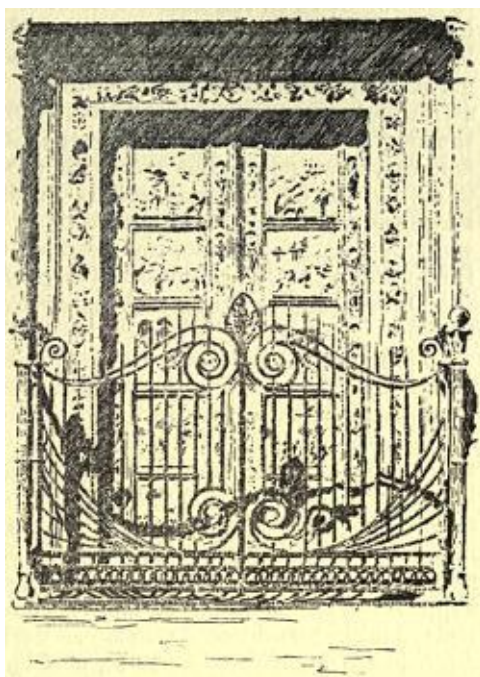
Победа над графом Уголино, одержанная самыми яркими гибеллинами, удвоила энтузиазм и смелость этой партии и вскоре побудила их возобновить войну с гвельфами Тосканы. Несмотря на опасность, в которую республику ввергла амбиция последнего генерал-капитана, она продолжала верить, что в условиях опасной войны для ее защиты необходима власть одного человека над армией, финансами и судами, и надеялась, что страшное наказание, только что нанесенное тирану, удержит других от того, чтобы последовать его примеру. Соответственно, капитаном был назначен Гвидо де Монтефельтро. Он приобрел высокую репутацию, защищая Форли от французских войск Карла Анжуйского, и республика не пожалела о своем выборе. Он силой оружия отвоевал все крепости, которые Уголино сдал луккчанам и флорентийцам. Пизанская милиция, которую Монтефельтро вооружил арбалетами и обучил точно стрелять из них, стала ужасом Тосканы. Гуэльфы Флоренции и Лукки с радостью заключили мир в 1293 году.

ФЛОРЕНЦИЯ; ФЕОД БЬЯНКИ И НЕРИ

[1292-1300 гг. н.э.]

В то время как жители Пизы привыкли доверять управление государством одному человеку, флорентийцы стали еще более приверженными самым демократическим формам свободы. В 1282 году они сместили *анзиани*, которых сначала поставили во главе своего правительства, чтобы освободить место для *приори делле арти*, чье название и должность сохранились не только до конца республики, но и до наших дней. Корпорации ремесел, которые они называли *arti*, различались по титулам *major* и *minor*. Сначала в правительство принимались только три, а затем шесть *major arti*. Коллегия, состоящая из шести *priori delle arti*, всегда собиралась и жила вместе в течение двух месяцев в общественном дворце, образуя синьорию, которая представляла республику. Десять лет спустя флорентийцы дополнили эту синьорию, поставив во главе ее гонфалоньера правосудия, также избираемого на два месяца из числа представителей искусств, мануфактур и торговли. Когда он выставлял гонфалон, или знамя государства, граждане были обязаны вставать и помогать в исполнении закона. Высокомерие дворян, их ссоры и нарушение общественного порядка из-за частых уличных драк в 1292 году вызвали раздражение всего населения. Джано делла Белла, сам дворянин, но сочувствующий страстям и обидам народа, предложил навести порядок с помощью суммарного правосудия и поручить его исполнение гонфалоньеру, которого он инициировал избрание. Гвельфы так долго стояли во главе республики, что их дворянские семьи, чье богатство значительно увеличилось, поставили себя выше всякого закона. Джано постановил, что само их дворянство должно быть основанием для исключения и началом наказания; строгий указ, носящий название «постановление о правосудии», сначала обозначил тридцать семь гвельфских семей Флоренции, которых он объявил знатными и великими, и по этой причине навсегда исключил из синьории, одновременно лишив их привилегии отказаться от дворянства, чтобы поставить себя наравне с другими гражданами. Когда эти семьи нарушали общественный порядок сражениями или убийствами, достаточно было краткой информации или даже обычного сообщения, чтобы побудить гонфалоньера напасть на них во главе милиции (), сровнять их дома с землей и передать их под власть подеста, чтобы они были наказаны в соответствии со своими преступлениями. Если другие семьи совершали те же беспорядки, если они нарушали спокойствие государства своими частными враждами и бесчинствами, синьория имела право возвысить их в дворянском сословии в качестве наказания за их преступления, чтобы подвергнуть их той же суммарной

справедливости. Аналогичная организация под другими названиями была создана в Сиене, Пистойе и Лукке. Во всех республиках Тосканы и в большинстве республик Ломбардии дворянство из-за своей буйности было исключено из всех магистратур; и в более чем одной, как во Флоренции, был открыт реестр дворян, в который в качестве наказания вносились имена тех, кто нарушал общественный порядок.

ДВЕРЬ БАПТИСТЕРИЯ, ФЛОРЕНЦИЯ

Какими бы строгими ни были эти меры предосторожности, они не могли удержать в подчинении закону сословие людей, которые считали себя рожденными для правления и презирали граждан, с которыми они были связаны. Эти самые дворяне, которым было отказано в участии в управлении республикой и почти в защите и равенстве перед законом, как только попадали в свои горные замки, становились суверенами и осуществляли деспотическую власть над своими вассалами. Самая возделанная и лесистая часть Апеннин принадлежала республике Пистойя. Это был значительный район, граничащий с территориями Лукки, Модены, Болоньи и Флоренции, который подчеркнуто называли «Гора». Она была покрыта замками, принадлежащими либо Канчеллиери, либо Панчатици, двум самым могущественным в оружии и богатстве семьям во всей Италии; первая была гвельфской, вторая гибеллиной; и поскольку партия первых тогда правила в Тоскане, они добились изгнания Панчатици из Пистойи. Канчеллиери воспользовались этим изгнанием, чтобы усилить свою власть путем покупки земель, завоеваний и союзов; только в их семье насчитывалось сто вооруженных людей.^b

Семьи Черки и Донати были, по богатству, знатности, количеству и влиянию своих последователей, пожалуй, двумя самыми выдающимися семьями Флоренции. Будучи соседями как в городе, так и за его пределами, между ними возникла небольшая неприязнь, которая, однако, не привела к открытой ссоре и, возможно, никогда бы не имела серьезных последствий, если бы злобные настроения не усилились из-за новых причин. Случилось так, что Лоре, сын Гульельмо, и Джери, сын Бертакки, оба из семьи Канчеллиери, играя вместе, поссорились, и Джери был слегка ранен Лоре. Это не понравилось Гульельмо, и, желая устранить все причины дальнейшей вражды подходящим извинением, он приказал своему сыну пойти в дом отца молодого человека, которого он ранил, и попросить прощения. Лоре послушался отца, но этот благородный поступок не смягчил жестокое сердце Бертакки, и,

приказав схватить Лоре, чтобы добавить еще больше унижения к своему жестокому поступку, он велел своим слугам отрубить юноше руку на блоке, используемом для разделки мяса, а затем сказал ему: «Иди к своему отцу и скажи ему, что раны от меча лечатся железом, а не словами».

[1300-1301 гг. н.э.]

Бесчувственная жестокость этого поступка так возмутила Гульельмо, что он приказал своим людям взять в руки оружие, чтобы отомстить. Бертакка приготовился к обороне, и не только эта семья, но и весь город Пистойя разделились. А поскольку Канчеллиери были потомками Канчеллиере, у которого было две жены, одна из которых звалась Бьянка (белая), одна сторона была названа по имени ее потомков — *Бьянка*, а другая, для большей различимости, была названа *Нера* (черная). Между ними происходили долгие и ожесточенные распри, сопровождавшиеся гибелью многих людей и уничтожением большого имущества; не сумев достичь согласия между собой, но устав от зла и желая либо положить ему конец, либо, вовлекая других в свою ссору, усилить ее, они пришли во Флоренцию, где Нери, благодаря своей близости с Донати, пользовались расположением Корсо, главы этого рода; и по этой причине Бьянки, чтобы иметь могущественного лидера, который защитил бы их от Донати, обратились к Вери де Черки, человеку, ни в чем не уступавшему Корсо.

Эта ссора и стороны, вовлеченные в нее, привезенные из Пистойи, усилили старую вражду между Черки и Донати, и она уже была настолько очевидна, что приоры и все доброжелательные люди с каждым часом опасались ее вспышки, которая могла привести к расколу всего города. Поэтому они обратились к понтифику с просьбой вмешаться своим авторитетом между этими враждующими сторонами и найти решение, которое они сами были не в состоянии найти. Папа послал за Вери и поручил ему заключить мир с Донати, на что Вери проявил большое удивление, сказав, что он не испытывает к ним вражды и что, поскольку умиротворение предполагает наличие войны, он не понимает, как можно заключать мир, если между ними нет войны. Вери вернулся из Рима, не добившись ничего, и ярость сторон усилилась до такой степени, что любой незначительный случай казался достаточным поводом для ее взрыва, что и произошло вскоре.

Это было в мае, когда во Флоренции по традиции проводятся праздники и публичные торжества по всему городу. Некоторые молодые люди из семьи Донати со своими друзьями, сидя на лошадях, стояли возле церкви Святой Троицы, чтобы посмотреть на группу танцующих дам; туда же пришли некоторые из Черки, как и Донати, в сопровождении многих представителей знати, и, не зная, что Донати были перед ними, подтолкнули своих лошадей и столкнулись с ними; тогда Донати, считая себя оскорбленными, вытащили мечи, и Черки не замедлили сделать то же самое, и только после обмена множеством ран они разошлись. Это беспорядки стали началом больших бедствий, ибо весь город разделился, как народ, так и знать, и партии приняли названия Бьянки и Нери. Черки возглавили фракцию Бьянки, к которой присоединились Адимари, Абати, часть Тозинги, Барди, Росси, Фрескобальди, Нерли и Манелли; все Моцци, Скали, Герардини, Кавальканти, Малеспини, Бостичи, Джандонати, Веккьетти и Арригуччи. К ним присоединились многие семьи из народа и все гибеллины, находившиеся в то время в Флоренции (), так что их большое число давало им почти полную власть над городом.

Донати, во главе с Корсо, присоединились к партии Нера, к которой также присоединились те члены вышеупомянутых семей, которые не участвовали в деятельности Бьянки; кроме них, все Пацци, Бисдомини, Маньери, Баньези, Торнакуинчи, Спини, Буондельмонти, Джанфильяцци и Брунеллески. Зло не ограничивалось одним городом,

поскольку вся страна была разделена по этому вопросу, так что капитаны шести частей и все, кто примыкал к партии гвельфов или заботился о благополучии республики, очень боялись, что это новое разделение приведет к разрушению города и даст новую жизнь гибеллинам. Поэтому они снова обратились к папе Бонифацию с просьбой, чтобы он, если не желает, чтобы город, который всегда был щитом церкви, был разрушен или стал гибеллинистским, подумал о каких-то средствах для его спасения. На что понтифик послал во Флоренцию в качестве своего легата кардинала Маттео д'Акваспарта, португальца, который, обнаружив, что Бьянки, будучи самыми могущественными, меньше всего боялись его и не были ему полностью подчинены, наложил на город интердикт и в гневе покинул его, так что теперь в городе царила еще большая неразбериха, чем до его прихода.

Умы людей были в сильном возбуждении, и на похоронах, на которых присутствовали многие из Донати и Черки, они сначала перешли к словесным перепалкам, а затем и к оружию, что, однако, в тот момент привело лишь к беспорядкам. Однако, вернувшись в свои дома, Черки решили напасть на Донати, но благодаря доблести Корсо они были отбиты, и многие из них были ранены. Город был в состоянии войны. Законы и сеньория были отброшены в сторону из-за ярости знати, а лучшие и мудрейшие граждане были полны опасений. Донати и их сторонники, будучи наименее влиятельными, испытывали наибольший страх, и, чтобы обеспечить свою безопасность, они созвали Корсо, капитанов Партов и других лидеров Нери и решили обратиться к папе с просьбой назначить какого-нибудь представителя королевской крови, чтобы он мог реформировать Флоренцию, полагая, что таким образом они смогут победить Бьянки. Об их встрече и решении стало известно приорах, и противная сторона представила это как заговор против свобод республики. Обе партии взялись за оружие, и сеньоры, одним из которых в то время был поэт Данте, набрались мужества и, следуя его совету и проявив благоразумие, подняли народ на защиту порядка. К ним присоединились многие из сельских жителей, и они заставили лидеров обеих партий сложить оружие и изгнали Корсо Донати вместе со многими из Нери. В доказательство беспристрастности своих мотивов они также изгнали многих из Bianchi, которые, однако, вскоре после этого под предлогом какой-то оправданной причины вернулись.

Папа посылает Карла Валуа в качестве посредника (1301 г. н. э.)

Корсо и его друзья, полагая, что папа благосклонен к их партии, отправились в Рим и изложили ему свои жалобы, предварительно направив их в письменном виде. Карл Валуа, брат короля Франции, находился в то время при папском дворе, будучи вызванным в Италию королем Неаполя для перехода в Сицилию. Поэтому папа, по настоятельной просьбе изгнанных флорентийцев, согласился отправить Карла во Флоренцию, пока не наступит подходящее время для его отправления в Сицилию. Он прибыл, и хотя правившие в то время Бьянки были очень насторожены, все же, как глава гвельфов, назначенный папой, они не осмелились противостать ему. Однако он согласился не стремиться к приобретению суверенной власти над городом и, как говорят, получил 17 000 флоринов, чтобы закрепить сделку.

[1301-1302 гг. н. э.]

Получив такое разрешение, Карл вооружил всех своих друзей и сторонников, что вызвало у народа такое сильное подозрение, что он намеревается лишить их свободы, что каждый взял в руки оружие и остался в своем доме, чтобы быть готовым, если Карл предпримет такую попытку. Черки и лидеры фракции Бьянки заслужили всеобщую ненависть, поскольку, находясь у власти в республике, вели себя с неподобающей гордостью; это

побудило Корсо и изгнанников из партии Нера вернуться во Флоренцию, хорошо зная, что Карл и капитаны Партов были к ним благосклонны. И пока граждане, опасаясь Карла, держались на чеку, Корсо со всеми изгнанниками и в сопровождении многих других без малейшего препятствия вошел во Флоренцию. И хотя Вери де Черки советовали противостоять ему, он отказался это сделать, сказав, что хочет, чтобы народ Флоренции, против которого он пришел, наказал его. Однако произошло обратное: его приняли, а не наказали, и Вери пришлось спасаться бегством.

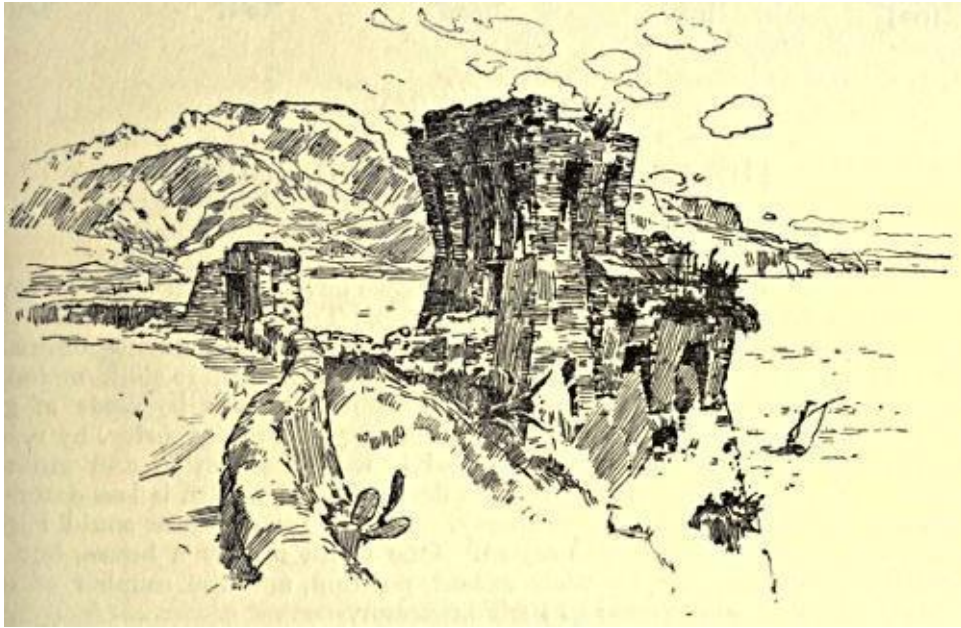
Корсо, прорвав ворота Пинти, собрал свою партию в Сан-Пьетро-Маджоре, недалеко от своего дома, где, собрав большое количество друзей и людей, желающих перемен, он освободил всех, кто был заключен в тюрьму за преступления, совершенные как против государства, так и против отдельных лиц. Он заставил существующих сеньоров уйти в свои дома, избрал новых из числа сторонников Нера и в течение пяти дней грабил лидеров Бьянки. Черки и другие главы их фракции, обнаружив, что Карл противостоит им, а большая часть народа является их врагами, покинули город и укрылись в своих крепостях. И хотя сначала они не хотели слушать советов папы, теперь они были вынуждены обратиться к нему за помощью, заявив, что вместо того, чтобы объединить город, Карл вызвал еще большую разобщенность, чем раньше. Папа снова послал своего легата Маттео д'Акваспарта, который заключил мир между Черки и Донати и укрепил его браками и новыми помолвками. Но, желая, чтобы Бьянки участвовали в работе правительства, на что Нери, которые тогда стояли во главе его, не соглашались, он уехал, не более удовлетворенный и не менее разгневанный, чем в предыдущий раз, и оставил город под запретом за неповиновение.

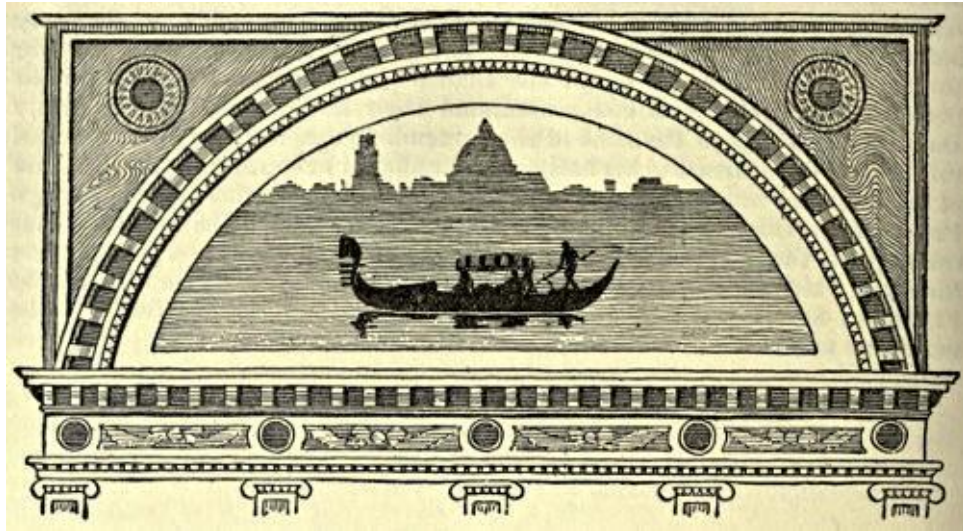
Обе партии остались во Флоренции и были одинаково недовольны: Нери — потому что видели своих врагов рядом и опасались потери власти, а Бьянки — потому что лишились чести и авторитета; к этим естественным причинам вражды добавились новые обиды. Никколо де Черки со многими своими друзьями отправился на свои поместья и, прибыв к мосту Аффрико, был атакован Симоне, сыном Корсо Донати. Сражение было упорным и для обеих сторон закончилось печально: Никколо был убит, а Симоне получил настолько тяжелые ранения, что скончался на следующую ночь.

Это событие вновь всколыхнуло весь город; и хотя наибольшая вина лежала на Нери, их защищали те, кто стоял во главе дел; и до вынесения приговора был раскрыт заговор Бьянки с Пьеро Ферранте, одним из баронов, сопровождавших Карла, с помощью которого они пытались вернуться к власти. Об этом стало известно из писем, адресованных ему Черки, хотя некоторые считали, что они были поддельными, а были написаны и подделаны, чтобы быть найденными Донати, с целью смягчить позор, который их партия приобрела после смерти Никколо. Однако все члены семьи Черки были изгнаны вместе со своими сторонниками из партии Бьянка, среди которых был поэт Данте, их имущество было конфисковано, а дома снесены,^[11] Данте находился в Сиене во время мнимого заговора. Было постановлено, что если он когда-либо вернется в свой родной город, его сожгут заживо. Еще одним из изгнанников был Сер Петракко ди Паренцо далл'Инчиса, чей сын Франческо Петрарка увидел свет в изгнании.^[12] Карл, достигнув цели своего прихода, покинул город и вернулся к папе, чтобы продолжить свое предприятие против Сицилии, в котором он не был ни мудрее, ни удачливее, чем во Флоренции; так что, потерпев поражение и потеряв многих своих сторонников, он удалился во Францию.^[13]

СНОСКИ

[11] [Приведенный здесь рассказ Пиньотти основан главным образом на сочинениях современного ему писателя Малепины.^[2]]

ГЛАВА V. СВОБОДНЫЕ ГОРОДА И ИМПЕРИЯ

[1300-1350 гг. н.э.]

С середины XII века мы видим, как почти все города северной Италии сбрасывают имперское иго. К концу XIII века император Рудольф, вместо того чтобы оспаривать их независимость, предложил им купить ее за деньги. В коммунах, обладающих привилегиями, больше не могло быть никаких претензий на порабощение сограждан, но можно было претендовать на управление ими. Богатство стало основанием для участия в власти, поскольку богатые были более заинтересованы в сохранении и порядке общества. Можно заметить, что право, вытекающее из богатства, менее распространено, чем право, вытекающее из землевладения. Но в городах вряд ли могло быть землевладение в полном смысле этого слова. Можно было занимать дом, но не иметь тех земель, которые по своей площади, положению и количеству людей, возделывающих их, давали власть их владельцу.

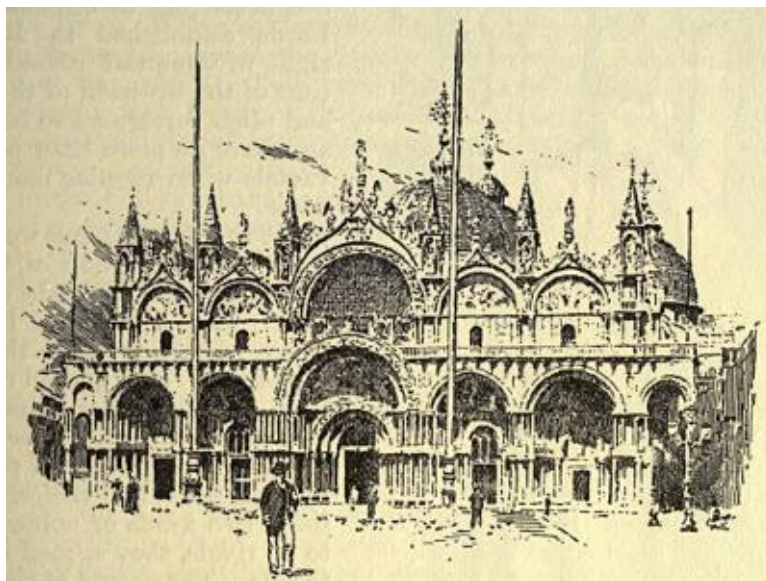
Кроме того, привилегированные классы в городах отличались от своих соотечественников в сельской местности умеренностью своих притязаний. Последние всегда появлялись верхом на лошадях, одетые в доспехи, с шлемами на головах и с оружием, которое они оставляли за собой. Они всегда напоминали о том, что их права основывались на их силе и доблести. В городах такая одежда не могла иметь никакого применения; богатство привлекало клиентов, а соблазнение — друзей. Постепенно осуществление власти, если оно было продолжительным, удачным и пользовалось благосклонностью, становилось правом на новые знаки доверия, которые считались долгом управляемых перед управляющими, а также предполагали у последних увеличение опыта, передачу знаний, хороших правил и справедливое стремление прославить свое имя.

[1300-1350 гг. н.э.]

Успех некоторых господ возбудил амбиции всех. Но в крупных городах масса населения оказала им сильное сопротивление. Милан заставил своих патрициев довольствоваться частью магистратуры. Вызвав всеобщее возмущение, заняв все должности, миланская знать была вынуждена подписать с плебеями договор, по которому последние получали равную долю во всех публичных должностях, от посла до публичного трубача. Самые гордые из них уединились в своих замках и мстили за свою ничтожность, опустошая страну. Но даже эти опустошения усилили мощь городов, то есть их население. Жители, разбросанные по стране, открытой для грабежей со стороны феодалов, бежали искать убежища для своих семей или имущества в укрепленных городах. Феодалная тирания заселила города, где против нее зрело столько недовольства и где рост промышленности и богатства в конце концов дал народу средства для сокрушения этих мелких тиранов.

Когда перенос Святого Престола в Авиньон оставил Рим без защиты, тревожный звон Капитолия заставил баронов покинуть свои укрепленные убежища и прийти, чтобы унизиться перед народным трибуном, и история показывает нам, как Савелли, Франджипани, Колонна и Орсини, стоящих с непокрытыми головами, в покорной позе, дрожаще подписавших клятву верности «закону доброго государства» в руках трактирщика. Их дворцы больше не были их убежищами, их излишества больше не пользовались привилегией безнаказанности. Попытка восстания заставила их выслушать свой приговор, как будто они были самыми низкими преступниками, и получить еще более унижительное помилование. В большей части республик, где война требовала лидера, но где злоупотребление властью сделало всех местных дворян ненавистными, соперничающие

фракции призвали иностранного магистрата управлять Римом, потребовали голову из Болоньи, а Венеция предоставила ее Падуе, Пизе и Милану.

Сан-Марко, Венеция

В тех государствах, где неплодородная почва побуждала лишь небольшую часть населения заниматься сельским хозяйством и не давала больших возможностей для власти территориальным лордам, последние видели, как их влияние уменьшалось пропорционально росту богатства других благодаря торговле. Однако им приходилось поддерживать себя, ресурсы военной службы и, прежде всего, фракцию. Таково было положение дворян Генуи, Пизы и Флоренции. Когда они пытались силой вернуть себе власть, их подавляли и наказывали. Их крепости были разрушены, а ненависть к ним дошла до несправедливости, лишив их прав, которые были общими для всех.

Именно в этих торговых городах граждане, быстро обогатившиеся благодаря удачным предприятиям, начали сравнивать себя с древними обладателями привилегий и требовать свою долю. Возникла знать, имевшая совершенно иное происхождение, чем первая, которая оспаривала ее власть, но была склонна, как и другая, сохранять и злоупотреблять ею. Видно, что влияние привилегированных классов менялось в зависимости от обстоятельств. Лорды, обосновавшиеся в Италии по праву завоевания, перестали быть правителями во время вторжения готов и других иностранцев и стали не более чем могущественными вассалами, когда возникли регулярные монархии.

Когда простолюдины освободились от господства императоров, феодалы сохранили свою власть там, где у них было достаточно земли, чтобы сохранить свое превосходство. Они делили ее или теряли по тем или иным причинам, в частности из-за торговли, которая принесла в жизнь другие средства власти, соперничавшие с их властью. Когда эти два вида дворян перестали быть соперниками, они договорились, чтобы править. Ненависть народа к дворянам подтолкнула города под иго некоторых из этих влиятельных людей, которые заставили поверить, что они искренне встали на сторону народа. Именно это стоило республике Милана ее гордой свободы. В Генуе некоторые амбициозные дворяне прибегли к тем же средствам, чтобы сохранить свое влияние. Дории и Спинолы заключили союз с народом и с притворным рвением помогали внедрять демократические формы правления. Другие республики впали в чрезмерное недоверие. Несправедливость питала ненависть и лишала государство его самых выдающихся граждан.^b

ИМПЕРАТОР СНОВА В ИТАЛИИ

25 ноября 1308 года сейм Германии назначил Генриха VII Люксембургского преемником Альберта Австрийского; и это избрание внезапно вернуло Италию к той же борьбе за независимость, которую она так героически вела против двух Фридрихов. С момента смерти второго Фридриха прошло пятьдесят восемь лет, и Италия не видела императора. Рудольф Габсбургский, Адольф Нассауский и Альберт Австрийский были слишком заняты в Германии, чтобы заниматься этой постоянно волнующейся страной, где они могли требовать повиновения только с оружием в руках. Генрих VII был храбрым, мудрым и справедливым принцем, но он не был ни богат, ни могущественен. Он обеспечил своему сыну через брак корону Богемии, что вызвало некоторую зависть среди немцев, и он считал целесообразным, чтобы избежать всех ссор в империи, покинуть ее на некоторое время. Чтобы потешить национальное самолюбие, он решил отправиться в поход в Италию.

Генрих, сам бельгиец, имел власть только в Бельгии и провинциях, граничащих с Францией. Из Люксембурга он прошел через графство Бургундия в Лозанну. Здесь летом 1310 года он принял послов итальянских государств, которые прибыли, чтобы выразить ему свою преданность. В конце сентября он вошел в Пьемонт через Мон-Сени, сопровождаемый лишь двумя тысячами всадников, большая часть которых были бельгийцами, франко-комтоис или савойцами. Эта сила была бы совершенно недостаточна для покорения Италии, но Генрих VII представился там как защитник справедливых прав, порядка и, в определенной степени, свободы.

Угол церкви Сан-Джованни, Венеция

[1295-1311 гг. н.э.]

Лорды всей Ломбардии и Пьемонта прибыли, чтобы предстать перед Генрихом; одни в Турине, другие в Асти. Он принял их с добротой, но заявил о своем намерении установить во всех городах империи правопорядок, закрепленный Констанцким миром, и назначить в каждом из них имперского наместника, который должен был бы управлять совместно с муниципальными магистратами. Филиппоне ди Лангуско в Павии, Симон да Колобьяно в Верчелли, Вильгельм Брусато в Новаре, Антонио Физирага в Лоди, подчинившись этому указанию, сложили с себя суверенную власть. В то же время Генрих повсеместно возвращал изгнанников, не делая различия между партиями: в Комо и Мантуе — гибеллинов, в Брешии и Пьяченце — гвельфов, однако исключив изгнанников из Вероны, могущественного города, который он не посетил и которым управлял Кан Гранде делла Скала, самый способный гибеллинский военачальник в Италии, лучший солдат, лучший политик и человек, чьи услуги и преданность император ценил больше всего. Богатый и густонаселенный город Милан также требовал осторожного и внимательного отношения. Архиепископ Отто Висконти сохранил за собой главную власть до глубокой старости. Но задолго до своей смерти, которая произошла в 1295 году, он передал своему племяннику Маттео Висконти титул капитана народа и приучил миланцев считать его своим заместителем и преемником. Маттео действительно правил после него, обладая почти деспотической властью, с 1295 по 1302 год. Он также был назван лордом нескольких других городов Ломбардии; в то же время он укрепил свою семью многими богатыми союзами. Но Висконти не умел примирить ни остатки национальной гордости, ни любовь к свободе, которая все еще сохранялась среди его подданных, ни ревность других князей Ломбардии. Альберто Скотто, лорд Пьяченцы, и Гиберто да Корреджо, лорд Пармы, образовали лигу, чтобы обеспечить превосходство партии гвельфов в этой провинции; в 1302 году они заставили Висконти покинуть Милан и установили на их месте Гуидо делла Торре и его семью, которые были в изгнании в течение двадцати пяти лет. Когда Генрих VII явился перед Миланом, он обнаружил, что городом правит Гуидо делла Торре и гвельфы. Маттео Висконти и гибеллины были изгнаны. Генрих потребовал их возвращения; он был

коронован в церкви Святого Амвросия 6 января 1311 года, а затем попросил у города вознаграждение для своей армии в размере ста тысяч флоринов. До этого итальянцы видели в монархе только справедливого и беспристрастного миротворца, но когда он потребовал денег, различные партии объединились против него.

ВОСТОРОЖКИ В МИЛАНЕ; ГЕНУЯ И ВЕНЕЦИЯ ВО ВОЙНЕ

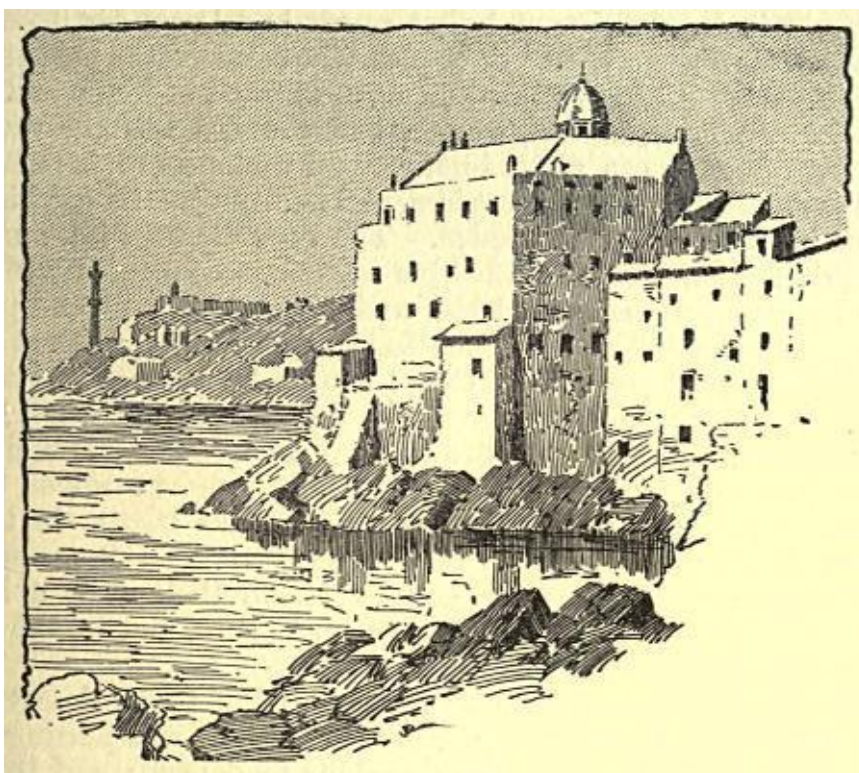
[1311-1312 гг. н.э.]

В Милане вспыхнули бурные беспорядки. Делла Торре и гвельфы были вынуждены покинуть город. Маттео Висконти и гибеллины были возвращены, и первый восстановил свою абсолютную власть. Гвельфы в остальной части Ломбардии также поднялись и взяли в руки оружие против императора. Крема, Кремона, Лоди, Брешия и Комо восстали одновременно. Генрих провел большую часть лета в осаде Брешии, которую в конце концов, в конце сентября 1311 года, он заставил капитулировать. Он предоставил этому городу справедливые условия, поскольку был нетерпелив войти в Тоскану; но, хотя Ломбардия казалась покорной его власти, он оставил в ней больше семян недовольства и раздора, чем нашел там около года назад.

Генрих VII прибыл со своей небольшой армией в Геную 21 октября 1311 года. Эта могущественная республика теперь поддерживала в Сен-Жан-д'Акре, в Пере напротив Константинополя и в Каффе на Черном море военные и торговые колонии, которые завоевали уважение своей доблестью и одновременно вели богатую торговлю в Средиземноморье. Несколько островов архипелага, в том числе Хиос, перешли под власть генуэзских семей. Дворцы Генуи, уже называвшиеся «великолепными», вызывали восхищение путешественников. Ее кровопролитное соперничество с Пизой закончилось тем, что первая обеспечила себе господство в Тирренском море. С тех пор у Генуи не было других соперников, кроме Венеции.

Случайная встреча флотов этих двух городов в море у Кипра в 1293 году разжегла между ними ужасную войну, которая в течение семи лет окрасила Средиземное море кровью и поглотила огромные богатства. В 1298 году генуэзский адмирал Ламба Дориа, встретив в Корзуоле или Коркире Черной, на краю Адриатического залива, венецианского командующего Андреа Дандоло, сжег шестьдесят шесть его галер и захватил восемнадцать, которые он привел в порт Генуи с семью тысячами пленных, позволив уйти только двенадцати кораблям. Униженные венецианцы в следующем году просили и получили мир. Генуэзцы, поочередно победившие пизанцев и венецианцев, считались самыми храбрыми, самыми предприимчивыми и самыми удачливыми моряками всей Италии. Правительство их города было полностью демократическим, но две цепи гор, простирающиеся от Генуи, одна в сторону Прованса, а другая в сторону Тосканы (называемые итальянцами Le Riviere di Genoa, потому что подножие этих гор образует берег моря), были покрыты замками лигурийской знати; крестьяне были полностью зависимы от них и всегда готовы были воевать за своих сюзеренов (). Четыре семьи выделялись своей властью и богатством: Дориа и Спинола, гибеллины; Гримальди и Фиески, гвельфы. Эти дворяне, разъяренные друг на друга наследственной враждой, нарушали порядок в государстве столькими бесчинствами, что народ принял в отношении них ту же политику, что и тосканские республики, и полностью исключил их из магистратуры. С другой стороны, они оказали республике такие выдающиеся и частые услуги, и, прежде всего, дали ей таких великих военно-морских полководцев, что народ, когда государство находилось в опасности, всегда прибегал к их помощи при выборе адмирала.

Соблазненный славой этих вождей, народ часто проливал свою кровь в их частных ссорах; но часто, утомленный постоянными беспорядками, которые возбуждали дворяне, он прибегал к помощи иностранцев, чтобы подчинить их общему закону. Народ был в состоянии раздражения против лигурийской знати, когда Генрих VII прибыл в Геную в 1311 году; и чтобы заставить их соблюдать мир, который они постоянно нарушали, генуэзцы предоставили этому монарху абсолютную власть над республикой на двадцать лет. Но когда император упразднил должность подоста, а затем и аббата, или защитника народа, и впоследствии потребовал от города дар в шестьдесят тысяч флоринов, генуэзцы поняли, что им нужно правительство не только для подавления гражданских распрей, но и для защиты прав, не менее ценных, чем мир; проявилось внутреннее брожение, представлявшее все большую опасность; и Генрих был счастлив покинуть Геную в безопасности 16 февраля 1312 года на борту пизанского флота, который перевез его с примерно полутора тысячами всадников в Тоскану.^[121]

Церковь Святого Томмазо, Генуя

КОРОНАЦИЯ ГЕНРИХА И ЕГО ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ

[1312-1313 гг. н.э.]

Когда Генрих VII вступил в Италию, он был беспристрастен по отношению к гвельфам и гибеллинам. Он обязан своим избранием влиянию пап и сопровождался кардиналами-легатами, которые должны были короновать его в Риме. Он не испытывал недоверия ни к Роберту, тогдашнему королю Неаполя, сыну Карла II, ни к гвельфским городам. Он не испытывал наследственной привязанности к гибеллинам, ревностным сторонникам давно вымершей семьи. Соответственно, он стремился поддерживать справедливый баланс между двумя партиями и примирять их, где это было возможно, но опыт уже научил его, что само название избранного императора оказывало магическое влияние на итальянцев, вызывая

либо преданную привязанность гибеллинов, либо ужас и ненависть гвельфов. Именно с последними в предыдущем году началось сопротивление ему в Ломбардии, и после его отъезда это восстание разразилось повсюду. Роберт, король Неаполя, который взял на себя роль защитника партии гвельфов, уже открыто выразил ему свое недоверие; а Флоренция, которая благодаря своей осторожности, способностям, богатству и мужеству была реальным руководителем этой партии, взяла в руки оружие, чтобы сопротивляться ему, отказала в аудиенции его послам, подняла против него всех гвельфов Италии и, наконец, заставила его объявить этот город вне закона империи. С другой стороны, республика Пиза, чья привязанность к партии гибеллинов была связана как с ее надеждами, так и с воспоминаниями, служила ему с преданностью, рвением и щедростью, которых он не встречал нигде больше. Пизанцы послали ему, когда он был в Лозанне, подарок в шестьдесят тысяч флоринов, чтобы помочь ему в путешествии в Италию. Они оплатили его долги в Генуе и подарили ему еще один подарок, когда он вошел в их город; наконец, они предоставили в его распоряжение тридцать галер и шестьсот арбалетчиков, которые сопровождали его в Рим, где он получил золотую корону империи из рук легата папы в церкви Святого Иоанна Латеранского 29 июня 1312 года. Римляне, которые взяли на него оружие и приняли в своих стенах неаполитанский гарнизон, держали ворота закрытыми во время церемонии и не позволяли ни одному из его солдат войти в город.

Коронация императора в Риме была окончанием службы немцев; после этого они не проявляли никакого интереса к тому, что происходило или могло произойти в этой стране. Они были нетерпеливы уехать, и Генрих оказался в Тиволи, где провел лето, почти полностью покинутый своими трансальпийскими солдатами. Если бы неаполитанский король Роберт был более смелым, Генрих оказался бы в большой опасности. Однако осенью гибеллины и бианки из центральной Италии собрались вокруг него и сформировали грозную армию, с которой он 19 сентября 1312 года выступил на Флоренцию. Флорентийцы, привыкшие доверять свою оборону наемникам, чья доблесть всегда была готова за плату, не придавали большого значения военному мужеству, которое они видели так часто среди людей, которыми они презирали; но ни один народ не проявлял большей гражданской храбрости и стойкости в несчастье. Их армия вскоре превосходила по численности армию Генриха; они с полным спокойствием продолжали свою торговлю и переговоры, как будто их враги уже ушли в Германию, но не хотели изгонять их со своей территории, вступая в сражение; они предпочитали терпеливо переносить их грабежи и ждать, пока их энтузиазм не иссякнет, их финансы не исчерпаются и они не уйдут сами, что и произошло 6 января 1313 года, когда они поняли, что не могут получить никакой выгоды.

Генрих, дав своей армии несколько месяцев отдыха, принял командование пизанской милицией и во главе ее повел войну против Лукки; в то же время он обратился к своему брату, архиепископу Трира, с просьбой о немецком подкреплении, которое он получил в следующем месяце, в июле. 5 августа 1313 года Генрих VII вышел из Пизы, командуя 2500 ультрамонтанскими и 1500 итальянскими всадниками, а также соразмерным количеством пехоты. Он начал свой поход на Рим, узнав, что Роберт, призванный флорентийцами на помощь, выдвигается со всеми силами партии гвельфов, чтобы противостоять ему. Ухудшающаяся военная репутация неаполитанцев не внушала немцам особого страха, а у Роберта было лишь небольшое количество французской кавалерии, чтобы придать мужества своей армии; но священники и монахи, воодушевленные рвением в защиту древней партии гвельфов и независимости церкви, поддерживали его своими молитвами, и вскоре распространился слух, что они поддерживали его и другим способом, по-своему. Император взял дорогу из Сан-Миниато в Кастель-Фьорентино, прибыл в Буон-Конвенто, в двенадцати милях от Сиены, и остановился там, чтобы отпраздновать день святого Варфоломея. 24 августа 1313 года он принял причастие из рук доминиканского монаха и

через несколько часов скончался. Говорили, что монах подмешал в освященный кубок сок апельсина. Говорили также, что Генрих уже был поражен болезнью, которую он скрывал. У него появился карбункул ниже колена, и холодная ванна, которую он принял, чтобы успокоить жгучее раздражение, возможно, стала причиной его внезапной и неожиданной смерти.

СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ИМПЕРАТОРЫ; ЦЕРКОВНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

[1313-1322 гг. н.э.]

Избиратели империи были созваны во Франкфурте для назначения преемника Генриха VII только через десять месяцев после его смерти. Вместо семи принцев явились десять; два претендента оспаривали избирательные права в каждом из домов Саксонии, Богемии и Бранденбурга. Избиратели, разделенные на два колледжа, 19 октября 1314 года одновременно назначили двух императоров: одного — Людвига IV Баварского, другого — Фридриха III Австрийского. Их права казались равными; их сторонники в Германии также были почти равны по силе; решать могло только оружие; и, соответственно, была объявлена война, которая продолжалась до 28 сентября 1322 года, когда Фридрих был побежден и взят в плен в Мюльдорфе.

Церковь воздержалась от вынесения решения между двумя претендентами на императорский трон, пока длилась гражданская война. Климент V не был свидетелем их двойного избрания; он умер 20 апреля 1314 года. Два года спустя пришлось прибегнуть к обману и насилию, чтобы запереть кардиналов в конклаве в Лионе с целью назначить его преемника. В конце концов они избрали епископа Авиньона. Он был уроженцем Каора, преданным слугой короля Роберта Неаполитанского и принял имя Иоанна XXII. Он был первым, кто сделал Авиньон, который был его епископским городом, резиденцией римского двора, изгнанного из Италии. Он был интриганом, известным развратником, скандально скупым человеком; однако он воображал себя философом и принимал участие в споре между реалистами и номиналистами; он нажил себе ярых врагов в школах, членам которых он иногда назначал наказание смертью. В то время как он применял такое насилие по отношению к своим противникам как к еретикам, он подрывал авторитет римского двора, будучи сам обвиненным в ереси. Его главной целью было возвыситься до высокой светской власти кардинала Бертрана де Пуае, которого он называл своим племянником, а который, как полагали, был его сыном. Для этой цели он воспользовался войной между двумя претендентами на имперский трон, « », которую он рассматривал как продолжение межцарствия, в ходе которого он утверждал, что все права императоров перешли к Святому Престолу. Он поручил кардиналу Бертрану осуществлять эти права в качестве легата в Ломбардии, подавлять гибеллинов, поддерживать гвельфов, но прежде всего подчинять обоих власти церкви и ее легату.

Кардинал Бертран де Пуаэт объявил отлучение от церкви и использовал солдат, которых его отец собрал для него в Провансе, в частности против Маттео Висконти, лорда Милана, одного из самых способных и могущественных вождей гибеллинов. Висконти снискал любовь миланцев, к которым он всегда относился с уважением. Не будучи добродетельным, он сохранил свою репутацию незапятнанной преступлениями. Его ум был просвещенным. К совершенному знанию человеческой природы он добавил прозорливость, быстроту в принятии решений и определенную военную славу, усугубленную славой его четырех сыновей, верных лейтенантов, которые все отличались храбростью. Итальянцы дали ему прозвище Великий в период, когда, правда, они щедро раздавали это прозвище. Маттео Висконти в своей войне с ломбардскими гвельфами захватил Павию, Тортону и

Алессандро. Вместе с генуэзскими гибеллинами он осадил короля Неаполя Роберта, который заперся в Генуе, желая сделать этот город крепостью гвельфов Ломбардии. Висконти вынудил отступить Филиппа Валуа, который, еще не будучи королем, в 1320 году вступил в Италию по просьбе папы.

В следующем году он победил Раймонда де Кардону, каталонца и одного из генералов папы; он убедил Фридриха Австрийского, который послал своего брата на помощь папе, отозвать своих немцев, дав ему понять, что ни одному из претендентов на имперский трон не выгодно ослаблять гибеллинов, которые защищали в Италии интересы того из них, кто останется победителем. Но, провед двадцать лет в войне против церковной партии, ни разу не заподозрив, что он предал свою веру, поскольку был религиозен, но не фанатичен, возраст пробудил в нем страхи суеверия; он начал бояться, что отлучение легата лишит его спасения; он отрекся от престола в пользу своего старшего сына Галеаццо и умер через несколько недель, 22 июня 1322 года. Раскаяние и угрызения совести Маттео Висконти принесли беспорядки и смуту в его собственную партию и придали смелости его противникам. В Милане наконец разразилось бурное волнение; Галеаццо был вынужден бежать, и республика была вновь провозглашена; но добродетель и патриотизм, без которых она не могла существовать, были уничтожены, и через несколько недель Галеаццо был возвращен и вновь наделен властью в Милане.

После смерти Генриха VII две партии, гвельфы и гибеллины, уже не были равны по добродетели, талантам и патриотизму. В начале их борьбы республик было почти столько же с одной стороны, сколько и с другой, и столь же чистые чувства и столь же щедрая преданность одухотворяли сторонников империи и церкви. Но в XIV веке фракция гибеллинов стала фракцией тирании, а фракция гвельфов — фракцией свободы. Первые проявили те великие военные и политические таланты, которые обычно развивает личная амбиция. Во вторых же можно было найти почти исключительно патриотизм и героизм, жертвующий ради него всеми личными интересами. Только республика Пиза в Италии соединила любовь к свободе с чувствами партии гибеллинов. Эта республика была потрясена смертью Генриха VII в момент, когда перед ним, казалось, открывалась карьера славы и процветания. Пиза, измученная огромными усилиями, которые она приложила, чтобы служить ему, осталась верна себе, когда все гвельфы Тосканы поднялись сразу же после смерти Генриха, чтобы отомстить ей за террор, который внушал этот монарх. Она передала командование своей милицией Угуччоне да Фаджиуола, дворянину из горной части Романьи, которая, наряду с Маркой, давала лучших солдат в Италии. Пизанцы под командованием Фаджиуола одержали две значительные победы над гвельфами. 14 июня 1314 года они взяли Лукку, пока луккские гвельфы и гибеллины сражались на улицах этого города, а 29 августа того же года они разгромили в Монтекатини флорентийцев, которыми командовали два принца из дома Неаполя и которых поддерживали все гвельфы Тосканы и Романьи. Но пизанцы вскоре поняли, что сражаются не за себя, а за выбранного ими капитана. Почти сразу после победы он начал осуществлять невыносимую тиранию над Пизой и Луккой. Боясь граждан этих республик гораздо больше, чем врагов государств, он при малейшем подозрении применял крайнюю суровость ко всем самым знатным семьям. В Лукке он бросил в темницу Каструччо Кастракани, самого выдающегося из гибеллинов, который недавно вернулся в этот город с блестящей репутацией, заработанной в войнах во Франции и Ломбардии. Одновременное восстание в Лукке и Пизе 10 апреля 1316 года освободило эти города от Угуччоне да Фаджиуола и его сына.^d

Пизанцы казнили сторонников Угуччоне и передали власть графу Гаддо делла Герардеска. Эта новость дошла до Лукки, когда жители города бурно требовали освобождения Каструччо. Угуччоне, не осмеливаясь противостоять общему желанию, вывел Каструччо из тюрьмы и представил его публике, скованным цепями. При виде этого

зрелища народ еще больше разъярился; Угуччоне был вынужден бежать, а Каструччо сняли цепи, и тот, по редкой удаче, был провозглашен правителем Лукки в тот самый день, который был предназначен для его смерти.^e

КАСТРУЧЧО КАСТРАКАНИ

Каструччо был потомком гибеллинов и преданным сторонником гибеллинов; в течение четырех лет подряд он был свободно избран главой Лукки с почти суверенной властью. Он знал людей и умел ими управлять; знал, какую вражду презирать или наказывать, а какую дружбу завоевывать и сохранять. Как смелый солдат и умелый полководец он был любим войсками, поскольку не был слеп к заслугам и знал, как их вознаграждать, но мало заботился о нравственности своих подчиненных, если они только выполняли свой долг и спокойно подчинялись жесткой дисциплине, которую он установил и обеспечивал. Никто не был более любим народом и более популярен среди всех классов граждан; они восхищались его талантами и гордились его славой. В 1320 году он был настолько уверен в своем положении в глазах общественности, что рискнул изгнать Авокати, которые вместе с примерно 180 великими семьями гвельфов теперь прощались со своей страной, а затем смело потребовал верховной власти; из 210 сенаторов только один голос был против него, и народ единодушно подтвердил этот выбор. Таким образом, он был законным правителем. Его экономичное управление государственными доходами было образцовым и продуктивным; он накопил огромное сокровище, а его система военных почестей и наград усилила и улучшила воинственный дух народа, пока он не приобрел более профессиональный характер. Все соседние хищные вожди были привлечены к его знамени надеждой на будущие завоевания, и, несмотря на их грубость и беспринципность, он заставил их всех подчиниться своей дисциплине.

Таким образом, будучи во всех отношениях готовым начать ту карьеру, к которой он чувствовал себя более чем достойным, предложение Маттео Висконти было тепло принято, а экспедиция Филиппа Валуа с готовностью оказавшей помощь лиги гвельфов была сочтена нарушением общего мира или, по крайней мере, достаточным поводом для ответных действий со стороны гибеллинов. Угуччоне Фаджиуола был мертв, что усилило беспокойство как Каструччо, так и флорентийцев, особенно последних, чье опасение перед этим опытным вождем, ослепляя их и не давая увидеть опасные амбиции его преемника, не прекращалось со времени катастрофы в Монтекатини.

[1320-1321 гг. н.э.]

Таково было положение дел в апреле 1320 года, когда Каструччо Кастракани с некоторыми пизанскими вспомогательными войсками внезапно занял Каппиано, Монтефальконе и мосты Гушано, вторгся на флорентийскую территорию, неся смерть и разрушение вплоть до Черрето-Гуиди, Винчи и Эмполи, а затем, захватив Санта-Мария-а-Монте с помощью вероломства, триумфально вернулся в Лукку. Затем, вторгшись в Луниджану и Гарфаньяну, он лишил Спинетто Малеспину нескольких мест, необходимых для его собственных военных операций, а затем с всеми своими силами отправился на помощь осажденному Генуе. Этот город по-прежнему вел ожесточенную и кровопролитную борьбу со своими изгнанниками и ломбардскими гибеллинами; война бушевала не только вокруг стен, но и по всей Ривьере, или прибрежному району; она распространилась на Сицилию и Неаполь и вовлекла в свои действия даже более отдаленные страны, так что, как утверждает Виллани^d, сама осада Трои едва ли могла сравниться с ней по героическим деяниям, чудесным подвигам и ожесточенным сражениям на суше и на воде, которые не прекращались ни летом, ни зимой.

Флорентийцы, решив предотвратить соединение, которое, вероятно, решило бы судьбу Генуи, предприняли мощную диверсию в государствах Лукки, что вынудило Каструччо вернуться, не успев присоединиться к осаждающим; избегая сражения, они отступили к границе в Фучеккьо, в то время как враг остановился перед Каппиано, и обе армии оставались практически бездействующими, пока приближение сезона не заставило их уйти в зимние квартиры. Чтобы загладить эту бесславную кампанию, были приняты более энергичные меры и заключен союз с маркизом Спинетто Малеспина, который, хотя и был гибеллином, был слишком сильно обижен Каструччо из-за своей дружбы с Угуччоне, чтобы не воспользоваться первой же возможностью отомстить. Флорентийские войска были отправлены ему на помощь, но Каструччо не опасался ничего в этом направлении и с помощью мощного отряда ломбардских гибеллинов готовился к более серьезной борьбе на стороне Флоренции и вскоре выступил, чтобы снять осаду Монте-Веттолини во главе шестнадцатисот вооруженных людей. Флорентийцы, имевшие в своем распоряжении лишь половину этого числа, немедленно отступили и позволили ему безнаказанно опустошать свою территорию в течение последних двадцати дней июня, после чего он отступил, чтобы наказать Малеспини в Луниджане.

В Флоренции царило недовольство, и уходящие с поста сеньоры подверглись резкой критике за свою слабую позицию; фракция Агуббио по-прежнему была сильна, и, вероятно, начали ощущаться неудобства, связанные с нестабильностью управления, поскольку внешняя политика, имевшая более сложный характер, охватывала все более широкий круг вопросов; чтобы исправить эту ситуацию, к новому сеньорату было добавлено двенадцать советников, по два от каждого сесто, под названием «Буонуomini», но с шестимесячным сроком полномочий вместо двух, и без чьего одобрения не могло быть предпринято ничего важного. Чтобы сдержать растущую близость и, как следствие, фаворитизм между гражданами и иностранными государственными чиновниками, который приводил к большим злоупотреблениям, было постановлено, что ни один иностранец, привезший с собой родственника, не может занимать должность в республике и что в течение десяти лет после ухода с должности он не может быть переизбран. Затем были снижены некоторые налоги, реформирована золотая и серебряная валюта и были сделаны приготовления к новой кампании. Аццо из Брешии был назначен генерал-капитаном; сто шестнадцать рыцарей и сто шестьдесят конных арбалетчиков были набраны и под командованием Якопо да Фонтана вскоре остановили набеги Каструччо, чтобы защитить линию Гушиана. Но экспедиция Филиппа Валуа в то же время потерпела неудачу, и в Ломбардии тосканцы были разгромлены при Бардо в Валь-ди-Таро, их капитан маркиз Кавалькабо был убит, Кремона была отвоевана, а Висконти повсюду одерживал победы.

[1321-1323 гг. н.э.]

Одной из первых публичных мер, принятых во Флоренции в 1321 году, было завершение строительства всей линии городских стен и их укрепление башнями высотой пятьдесят пять футов, расположенными через равные промежутки более ста восьмидесяти футов; эта работа, несомненно, была ускорена из-за опасений по поводу Каструччо, которые теперь приобрели более тревожный характер в связи с недавними событиями в Пистойе.

Этот вечно беспокойный город, измученный внешними войнами и внутренними беспорядками, в конце концов избрал своим правителем аббата да Паччана де Тедичи, марионетку Каструччо; он был слабым интриганом, который, поддавшись общественному мнению, внезапно оказался у власти благодаря бурной толпе, не имея достаточного балласта, чтобы удержаться. Каструччо хорошо им воспользовался, и против воли Флоренции было внезапно заключено перемирие с этим лидером, по которому, согласно

Виллани⁴ (хотя и незамеченному анонимным автором *Istorie Pistolese*),⁵ Пистойя должна была выплачивать ежегодную дань в размере трех тысяч флоринов. Страх перед Каструччо быстро и повсеместно распространялся.

ФЛОРЕНЦИЯ ПОД УГРОЗОЙ

Он укрепил Лукку и приготовился вторгнуться на флорентийскую территорию. Флорентийцы отправили сильный отряд войск в Ломбардию на условии, что следующим летом генуэзцы и другие гвельфские державы атакуют Лукку со всех сторон и уничтожат растущую мощь Каструччо. Едва была собрана армия для этой цели, как поступила весть, что их главный кондотьер, Якопо ди Фонтанабуона, перешел со всеми своими последователями на сторону врага; ему было поручено захватить Буджано и другие места с помощью вероломства, но он потерпел неудачу и вскоре присоединился к Каструччо с двумя сотнями вооруженных людей.

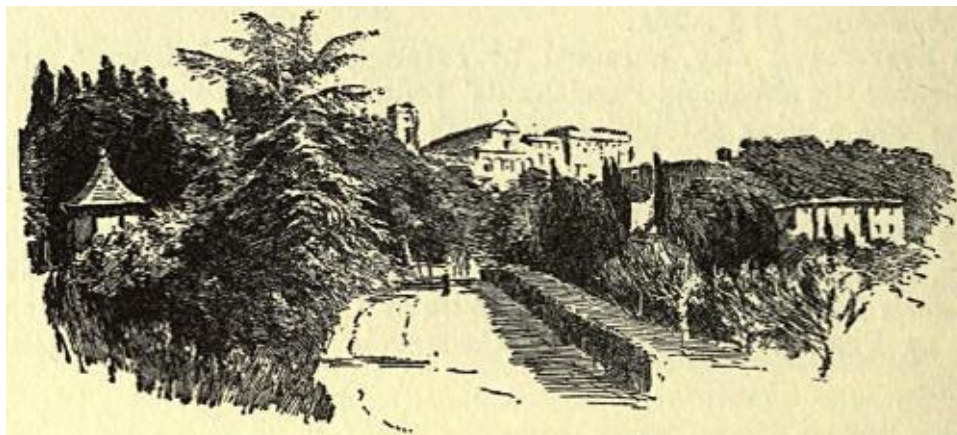
Каструччо с этим подкреплением и знанием секретов врага перешел Гушано 13 июня 1323 года, атаковал Фучеккьо и другие места, опустошил окрестности, затем перешел Арно, разорил территории Сан-Миниато и Монтепополи со всей долиной Эльса и спокойно вернулся в Лукку. 1 июля он внезапно появился перед Прато, всего в десяти милях от столицы, с шестьюстами вооруженными людьми и четырьмя тысячами пехотинцев; испуганные граждане послали просьбу о помощи во Флоренцию, но, парализованная предательством Фонтанабуоны, она была почти лишена регулярных войск. Однако граждане не совсем забыли, как пользоваться оружием, и их боевой дух был по-прежнему высок; магазины были немедленно закрыты, у ворот Прато была поставлена свеча, и каждый, кто был призывным, был призван в ряды, пока она не догорела, под угрозой потери конечности; было издано провозглашение, в котором объявлялось, что все изгнанники, которые немедленно присоединятся к армии, будут помилованы и возвращены в свою страну. Благодаря этим оперативным мерам 2 июля, всего через день после появления Каструччо, в окрестностях Прато собралось 2500 всадников и 20 000 пехотинцев, из которых 4000 были изгнанниками!

[1323-1324 гг. н. э.]

Поспешное наступление Каструччо с такими небольшими силами могло бы закончиться катастрофой, если бы флорентийцы были хорошо организованы, но он отступил ночью и без помех вернулся в Серравалле, спасённый раздором во флорентийском лагере, вызванным гражданскими разногласиями. Так закончилась эта необычная кампания, в которой армия почти не видела врага, но которая вернула государству опасность и революцию. Флорентийцы теперь добавили по три подчиненных (*pennoniere*) к каждой городской роте, так что все войско стало гораздо более гибким и делимым и лучше приспособленным к реальной службе.

Вскоре он возобновил свои успешные набеги, но в целом был слишком слаб, чтобы противостоять объединенной силе Флоренции; однако моральный авторитет его личности был очень велик в обоих государствах, и ничто не было слишком смелым ни для его оружия, ни для его совести. Его гибеллины-союзники, пизанцы, были глубоко вовлечены в войну с королем Арагона за защиту Сардинии, что давало ему благоприятную возможность, поскольку он думал стать их господином; однако заговор был раскрыт; заговорщик Бетто или Бенедетто Малепра де' Ланфранки вместе со многими другими лишился головы; Пиза отказалась от всякой дружбы или союза с Луккой и предложила 10 000 золотых флоринов за голову Каструччо. Примерно через два месяца, 19 декабря, он внезапно покинул свою столицу во главе небольшого отряда и благодаря предательству жителя Фучеккьо был

допущен ночью в город во время проливного дождя, который сначала скрыл его нападение; последовавшая борьба была ожесточенной и кровопролитной; большая часть города была захвачена, но сигнальные костры на башнях привлекли сильные подкрепления из соседних гарнизонов; Каструччо с отчаянной решимостью сражался против превосходящих сил солдат и горожан, пока, раненный, уставший и потерявший надежду на успех, он мрачно отступил, потеряв знамена и лошадей, но все же не подвергшись преследованиям; ведь славы от отражения его атаки было достаточно, а привычный страх перед его доблестью не оставлял желания вступать в повторную схватку.

Сан-Миниато, Флоренция

В следующем году между Каструччо и флорентийцами не произошло ничего важного, поскольку первый был занят интригами против Пизы и Пистойи, а вторые были заняты подавлением некоторых мелких вождей в Муджелло, но еще более серьезно на стороне Ареццо, где епископ быстро набирал силу против гвельфов. Пятьсот вооруженных людей были задействованы во Франции, и велись другие приготовления к дню битвы, который, как предвидели флорентийцы, должен был наступить, прежде чем Каструччо удастся остановить в его стремительном стремлении к власти; поэтому в марте была образована новая конфедерация между Флоренцией, Болоньей, Сиеной, Перуджей, Орвието и Агуббио, а также другими общинами и гвельфскими лордами для восстановления Читта-ди-Кастелло, что должно было быть осуществлено объединенной армией из трех тысяч вооруженных людей, набранных на три года, большая часть которой содержалась флорентийцами.

[1324-1325 гг. н. э.]

Тем временем Каструччо двинулся к горам Пистойи и отремонтировал замок Бранделли, откуда открывался вид как на Пистойю, так и на Флоренцию, назвал его Беллосгардо и с тоской смотрел на оба города. Один из них был только его в перспективе, другой был почти в его руках; а Филиппо Тедичи, который изгнал своего дядю из правительства Пистойи и вел переговоры с Каструччо и Флоренцией, притворяясь крайне встревоженным, потребовал помощи от последних, с помощью которых он надеялся улучшить свои условия. Под командованием подеста был немедленно отправлен отряд войск, но, обнаружив его цель, этот офицер вернулся в отвращении; после чего он заключил соглашение с Каструччо, и Пистойя на некоторое время осталась независимым государством. Флоренция пыталась захватить его вероломным путем, но потерпела неудачу, и Каструччо, уставший от интриг Филиппо, предложил ему 10 000 флоринов и руку своей дочери Диальты в обмен на немедленное владение городом. Это убедило Филиппо, который до рассвета 5 мая 1325 года открыл ворота генералу из Лукки; но тот, не доверяя своему союзнику, не вошел, пока не

снял их с петель, а затем захватил город в соответствии с обычаями того времени, прочесав улицы во главе своей кавалерии и растоптав все, что попадалось на его пути.

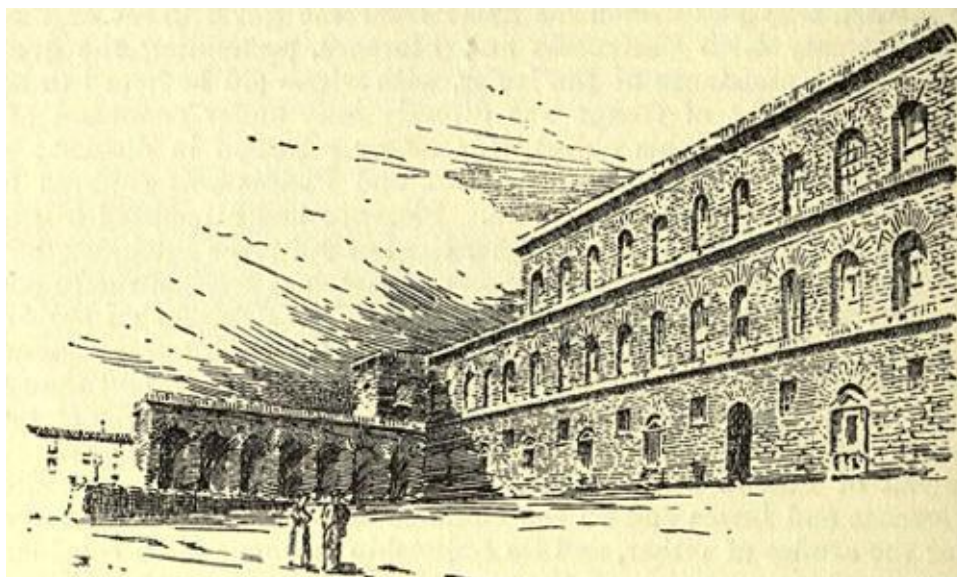
Падение Пистойи было событием огромной важности; находясь на равном расстоянии от Флоренции и Лукки и на границе обеих, она была местом сбора армий обеих сторон, и ее дружба или вражда имели значительное влияние на все военные операции; отсюда и стремление Флоренции всегда сохранять свою власть в этом городе, и отсюда и всеобщее смятение, когда в столицу пришла весть о его захвате.

ФЛОРЕНЦИЙСКАЯ АРМИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ РАЙМОНДА КАРДОНЫ

Она могла бы купить его за ту же цену или даже дешевле, чем Каструччо, потому что Филиппо чувствовал себя слишком неуверенно, чтобы не заработать друзей и деньги за счет жертвы своей страны; но, потерпев неудачу, либо из-за недостатка умения, либо, возможно, из-за нечестности своих агентов, она повторила попытки захватить город, тем самым вынудив его принять помощь Каструччо, и он отравил свою собственную жену, чтобы завершить союз. Слухи об этом событии дошли до Флоренции, когда магистраты были заняты публичными торжествами по случаю посвящения двух иностранных государственных чиновников в рыцари республикой, и банкет продолжался в церкви Сан-Пьеро-Скераджо, когда новость подтвердилась. В мгновение ока все собрание погрузилось в смятение, столы были опрокинуты, и каждый мужчина немедленно вооружился и сел в седло; полагая, что часть города все еще может сопротивляться, они быстро промаршировали до Прато, где, узнав всю правду, вернулись в Флоренцию подавленные и униженные. На следующий день некоторое утешение принесло прибытие Раймонда из Кардоны, который в ноябре предыдущего года был отправлен из Милана с миссией в Рим; он обещал вернуться, но был освобожден от обязательств папой () и немедленно отправлен во Флоренцию в качестве главнокомандующего республиканскими войсками. Его присутствие придало новый дух народу, который усилился после захвата Артимино 22 мая.

Одна из лучших армий, когда-либо собранных республикой, вскоре вышла на поле боя, что обходилось в огромную сумму в 3000 флоринов в день; городские колокола зазвонили, объявляя о начале войны; государственный флаг развевался над Сан-Пьеро-а-Монтичелли; *солдаты* или наемные войска сначала двинулись на Прато, а на следующее утро к ним присоединились *кавалеристы* со всей массой гражданской пехоты. Один из городских колоколов, захваченных в Монтале, разбился во время звона; за три недели до этого во Флоренции произошло сильное землетрясение, а на следующий вечер над городом взметнулся широкий поток огненного пара. Все эти обстоятельства вызывали тревожные и мрачные предчувствия у многих горожан, чьи умы были подвержены суеверному влиянию таланта и успехов Каструччо. Кавалерия состояла из 500 дворян высшего ранга Флоренции под названием *cavallate* или вооруженные всадники, все великолепно экипированные, и сотня из них была оседлана на *destrieri*, самых больших и лучших боевых лошадях того времени, которые немногие могли себе позволить купить; ни одна из них не стоила менее 150 золотых флоринов [около 200 фунтов стерлингов или 1000 долларов], однако в флорентийской армии было 300 таких лошадей, как местных, так и привезенных из-за границы. Помимо каваллате, на службе у Флоренции находилось 1500 иностранных всадников, из которых 800 были французскими и немецкими дворянами высшего ранга и отличия; главнокомандующий Раймонд из Кардоны, испанский кондотьер, и его лейтенант Борнео из Бургундии, за которыми следовал отряд из 230 каталонских и бургундских всадников, и, наконец, 450 гасконцев, французов, фламандцев, итальянцев и провансальцев, тщательно отобранных из ветеранских рот Маснадьери, все из которых были опытными солдатами. Пятнадцать тысяч хорошо вооруженных пехотинцев, состоящих из горожан и

сельских войск, дополняли личный состав этой прекрасной армии, а 800 холщовых павильонов и других больших палаток, а также 6000 *лошадей-ронзини* и вьючных лошадей сопровождали ее передвижения.

Дворец Питти, Флоренция

За исключением 200 сиенских всадников, союзников еще не было, но 17 июня начались военные действия, в ходе которых была разорена территория Пистойи вплоть до ворот столицы, захвачено много небольших населенных пунктов, оскорблен Каструччо Каструччо (), находившийся в этом городе, путем проведения Палио под его стенами и неоднократных вызовов на бой. Каструччо сухо ответил, что сейчас не подходящее время, и флорентийцы направились прямо к осаде Тиццано, крепкого города примерно в семи милях от Пистойи по дороге во Флоренцию; там, по-видимому, были сделаны все приготовления к регулярной осаде, в то время как Кардона 9 июля послал своего лейтенанта Борнео с 500 отборными людьми в сторону Фучеккьо; и чтобы привлечь внимание Каструччо, одновременно был направлен сильный отряд, чтобы напугать Пистойю и окрестные земли. К Борнео в Фучеккьо присоединились 150 изгнанников из Лукки и многочисленная пехота, а также некоторые подкрепления из гарнизонов в Валь д'Арно. Имея при себе понтонный мост, по-видимому, первый, отмеченный ранними историками этих кампаний, он тихо перебросил его через Гушиану в Розайуоло ночью, и вся дивизия пересекла эту реку, не будучи замеченной гарнизонами на мосту Каппиано или Монтефальконе, расположенных едва ли в миле выше и ниже места переправы.

РЭЙМОНД ВЫЖИДАЕТ

Услышав это, Раймонд внезапно покинул Тиццано, пересек высокий хребет Монте-Альбано и к ночи присоединился к своему отряду и осадил укрепленный мост и крепость Каппиано. Это был неожиданный удар для генерала из Лукки, который считал себя в безопасности в этом районе и, по-видимому, сомневался в возможности столь внезапного перехода Гушианы какими-либо солдатами; так что эта операция укрепила славу Кардоны, доверие лиги и боевой дух флорентийцев. Поскольку его пограничная линия была таким образом прорвана, Каструччо немедленно покинул Пистойю и, войдя в Валь-ди-Невеле, разместил свою армию на холмах над Вивинаей, которые он пытался укрепить, одновременно добиваясь сотрудничества всех своих друзей. Пиза проигнорировала этот призыв вследствие его недавнего предательства, но из Лукки, Ареццо, Ла Марка, Романьи и Мареммы он собрал тысячу триста вооруженных людей и многочисленную пехоту, с помощью которых укрепил все свои позиции от Вивинаи до Поркари, усилив последнюю

дополнительными сооружениями и войсками, чтобы обеспечить связь с Луккой; и, наконец, прорыл ров от холмов до болота Бьентина, который охранялся с крайней тщательностью.

13 июля Кардона захватил мост Каппиано; затем пал сам город; через два дня Монтефальконе был осажден и сдан через восемь дней, и таким образом вся линия Гушиана была очищена от врага. Этот быстрый успех привлек многочисленные подкрепления из Сиены, Перуджи, Болоньи, Агуббио, Гроссето, Монтепульчано, Кьюзи, Колле, Сан-Джиминьяно, Вольтерры, Сан-Миниато, Фаэнцы, Имолы, графа Баттифолле и изгнанников из Лукки и Пистойи; все они были полны желания помочь в победе над этим грозным вождем; так что армия уже насчитывала 3454 воина и соразмерное количество пехоты. С этой огромной силой Кардона продвинулся вперед и 3 августа осадил крепкую крепость Альтпашио, которая венчает холм, возвышающийся над болотами к северу от озера Бьентина; место, хотя и неприступное для штурма, было настолько повреждено боевыми машинами и настолько отравлено жарой, болезнями и ужасным зловонием грязных отходов, которые тогда обычно бросали в осажденные города, что, услышав о поражении отряда из Лукки, посланного из Пистойи для отвлечения внимания в сторону Флоренции, оно немедленно сдалось.

Захват этого места сопровождался сомнениями, дискуссиями и задержками; войска были измотаны жарой и малярией, и армия соответственно сократилась; недовольство и интриги были повсеместны, и Каструччо, быстро прибегавший к коррупции, воспользовался благоприятным моментом, чтобы подкупить двух французов высокого ранга, но был обнаружен и сражен. Сам Кардона, хотя и устоял перед искушениями Каструччо, был лживым и амбициозным; он видел, как Флоренция в периоды бедствий неоднократно сдавала свои свободы, и решил, поставив ее в затруднительное положение, попробовать, не сможет ли он тоже стать ее хозяином; падение Альтапацио воодушевило его, его карманы наполнились, а лагерь опустел благодаря взяткам богатых граждан, которые, устав от долгой кампании и встревоженные растущей болезнью, с радостью обменяли свои деньги на отпуск и удовольствия столицы. Кавалерия, в основном состоявшая из них, была сокращена вместе с остальной частью армии почти вдвое, и Кардона желал этого; его мысли были высоки, отсюда его задержки, дискуссии и неоднократные требования наделить его в городе той же властью, которую он уже осуществлял в армии, чтобы, как он говорил, обеспечить необходимое повиновение. Но, обнаружив, что правительство не прислушается к его просьбе, он бездействовал среди болот Бьентина, в то время как Каструччо, с глазами и ловкостью рыси, напряг все силы, чтобы поймать его в свои сети, и преуспел в этом; так что тот, кто сначала пренебрег средствами победы из-за недобросовестности, в конце концов из-за своей неспособности не смог спастись от гибели. В лагере и в городе возникли разногласия по поводу целесообразности отвода армии в более здоровый район или смелого продвижения на Лукку; наиболее осторожные советовали первое из-за подозрений в намерениях генерала и состоянии войск; но их противники преобладали как в лагере, так и в совете, а некоторые из них даже поддерживали самые смелые предположения Кардоны. Поэтому было решено продвигаться к Лукке; но вместо того, чтобы прорвать позиции врага, пока он был слаб, прямым движением, как это могло быть сделано, была занята плохая, нездоровая позиция на краю болота Сесто, которая уничтожила войска, еще больше увеличив добычу генерала.

БРИЛЛИАНТНАЯ СТЫЧКА

Каструччо не преминул воспользоваться этой задержкой, хотя его армия также уменьшилась из-за нехватки средств и болезней и поэтому не могла долго удерживать свои позиции без подкрепления, но он обнаружил в положении врага зародыши верной победы. С помощью разума, денег и обещаний он уже убедил Галеаццо Висконти отправить своего сына с восемьюстами всадниками в Тоскану; и с двумястами всадниками от Пассерино, лорда Мантуи и Модены, он надеялся вскоре восстановить свое превосходство; тем временем его положение было очень шатким, поскольку Кардона энергичными усилиями мог перерезать его линию связи; последний, теперь осознав свои ошибки и, вероятно, подталкиваемый всеобщим недовольством, фактически отделил сто вооруженных людей и отряд пионеров, чтобы проложить путь через гору. Аванпосты Каструччо вскоре остановили их продвижение, а за ними последовал более сильный отряд, спускавшийся с холма в боевом порядке; началась перестрелка, и добровольные подкрепления выдвинулись без приказа из флорентийского лагеря внизу. Это была полностью кавалерийская схватка; зеленые склоны холмов были покрыты вооруженными и украшенными перьями рыцарями, вся сцена больше напоминала турнир, чем настоящую битву, и эффект описывается как прекрасный. Каждая сторона четыре раза разбивалась и каждая, воссоединившись в плотном порядке, возвращалась непобежденной в атаку; многие копья были сломаны, многие рыцари сброшены с лошадей, а оружие, раненые и умирающие люди лежали разбросаны по склону горы. Флорентийцы, имея только половину численности, в течение трех часов сдерживали и отбивали атаки рыцарей Каструччо и, возможно, в конце концов одержали бы победу, если бы им оказали должную поддержку; но Кардона, находясь в полном боевом порядке, бездействовал, а его войска были заперты в узком углу равнины внизу, откуда они не могли двигаться, не подвергаясь опасности. Это не ускользнуло от внимания Каструччо, который поэтому смело продвигался вперед с растущими силами и, хотя был сбит с лошади немецким рыцарем, ранен, а некоторые из его самых храбрых последователей убиты, к наступлению ночи ему удалось оттеснить врага обратно в его окопы перед лицом гораздо превосходящей армии.

Сорок воинов были убиты или взяты в плен на стороне Флоренции, и многие ранены, но все на передовой; флорентийцы не повернули вспять, а сражались с гордостью и отступали с угрюмостью, больше злясь на своего собственного командира, чем на врага; они не брали пленных, но, должно быть, нанесли серьезный удар в ходе сражения, поскольку не менее ста лошадей их противников усаkali с поля битвы на равнину с пустыми седлами.

БИТВА ПРИ АЛЬТОПАШЧО

Трубы обеих армий отвечали друг другу вызывающе до наступления темноты, и ни одна из сторон не хотела признать поражение, поэтому обе оставались под ружьем еще долго после наступления ночи; но флорентийцы потеряли боевой дух после сражения того дня и больше не доверяли ни вере, ни талантам своего полководца. Каструччо, стремясь удержать испанца в его затруднительном положении, поручил правителям нескольких городов в Валь-ди-Невеле втянуть его в вымышленную интригу с целью заставить их сдаться, и Кардона, таким образом обманутый, несмотря на все предупреждения, решил продолжать свое бесполезное бездействие.

Узнав о прибытии Аццо Висконти в Лукку с восемьюстами вооруженными людьми, он испугался и поспешно отступил в Альтпашио, а Каструччо, опасаясь его побега, поспешил вернуться в столицу, чтобы ускорить марш ломбардов. Висконти был настолько не желал продолжать поход без отдыха и денег, что потребовалось все влияние жены Каструччо, подкрепленное лестью самых красивых женщин Лукки и выплатой 6000 флоринов, чтобы добиться от него обещания выступить на следующее утро; Каструччо затем уехал, оставив

женщинам заботу о том, чтобы молодой миланский вождь выполнил свое обязательство. Утром 23 ноября союзная армия торжественно прошла перед позициями Каструччо с развевающимися знаменами и звуками труб, как бы вызывая его на бой, а тот, боясь упустить такой момент, выслал часть войск, чтобы занять их перспективой победы, а сам остался с основными силами, ожидая соединения с Висконти. Это произошло в девять утра, когда Каструччо снова спустился с холмов с двумя тысячами тремястами вооруженными людьми, величественно направляясь к равнине, в то время как большая часть его пехоты осталась в горах и не принимала участия в событиях этого дня. Передовой отряд из 150 французских и итальянских дворян начал сражение смелой атакой прямо через линию Висконти, но вторая линия, или основные силы Федотори, состоявшие из семисот всадников под командованием Борнео Бургундского, который был подкуплен Аццо или Каструччо, развернулись в момент атаки и бежали с поля сражения. Вся армия, уверенность которой и без того была пошатнута, пришла в замешательство, и некоторые другие начали бежать; но если бы Раймонд незамедлительно двинулся вперед на поддержку своей первой линии, которая так эффективно атаковала, сражение могло бы еще продолжаться на равных условиях; вместо этого он остался неподвижен и усугубил всеобщее смятение.

ИТАЛЬЯНСКИЙ СОЛДАТ XIV ВЕКА

Вскоре основная часть кавалерии, едва успев обменяться несколькими ударами копьями, в общей суматохе поспешила уйти, оставив все пехоте, которая все еще удерживала свои позиции с неустрашимым мужеством; но ни их оружие, ни дисциплина не были рассчитаны на то, чтобы в одиночку противостоять таким массам людей и стали, которые последовательно наступали на них, и после упорного сопротивления они также были разгромлены. Сражение длилось недолго, в бою погибло немного людей, но многие были убиты во время преследования, поскольку Каструччо немедленно послал отряд в Каппиано, захватил уже покинутый мост и перекрыл все прямые пути отступления. Поэтому число убитых было значительным, но неопределенным; пленных, среди которых были Раймонд из Кардоны и его сын, было много; были захвачены кароккио, мартинелла со всеми государственными знаменами, флагами и багажом армии; Каппиано и Монтефальконе

вскоре капитулировали, а Альтопачо — через несколько дней. Так изменилась судьба и принесла Каструччо более гордые надежды и более высокие почести. 27 сентября вся его армия собралась в Пистойе и была усилена гарнизоном, в то время как Каструччо, уверенный в победе, разобрал мост и форты Каппиано и Монтефальконе и, уверенный в владении Пистойей, оставил остальную часть своей границы открытой для флорентийцев, чью территорию он без перерыва грабил в течение почти семи недель. Политика и необходимость диктовали такой курс, поскольку его средства были исчерпаны, Аццо Висконти по-прежнему был недоволен, а армия не получала жалованья; так что только грабеж флорентийских граждан мог удовлетворить его насущные потребности. Карминьяно было его первым завоеванием; затем он маршировал на Лекоре, Синью, Кампи, Броцци и Гуараччи; все они были захвачены или стали жертвой пламени и грабежа; Перетолла, расположенная в двух милях от Флоренции, на время стала его штабом, а от Арно до гор он опустошил всю равнину, равнину, покрытую тогда, как и сейчас, но более богато, великолепными виллами и прекрасными садами, радостью горожан и предметом восхищения всего мира. Все было разрушено. Богатства были разграблены, памятники возрождающегося искусства были увезены и сохранены для триумфа завоевателя. На том самом месте, которое флорентийцы отводили для своих публичных зрелищ, устраивались игры и проводились гонки. Спортивные состязания начались с скачек, за которыми последовали бега пеших. А затем, чтобы сделать оскорбление еще более отвратительным, группа простых проституток пробежала мимо в насмешку, издеваясь над бессилием флорентийцев, ни один из которых не имел мужества выйти и остановить эти оскорбительные зрелища. Тем не менее, город был полон войск, и тысячи людей сбежали с поля битвы, но звезда Каструччо оказала на них свое влияние; их дух был подавлен, их мужество иссякло, а недоверие к тем великим семьям, чьи родственники были пленниками Каструччо, из-за опасения, что они могут тайно договориться с ним, полностью лишило их здравого смысла. После очередной серии разрушений захватчики вновь собрались 26 октября и повторили свои оскорбления, чтобы угодить Аццо Висконти, который таким образом отомстил за аналогичные действия флорентийских вспомогательных войск, произошедшие незадолго до этого под стенами Милана.

Затем Каструччо занял Синью, поскольку это давало ему контроль над Арно в этой точке с свободным доступом в Валь-ди-Пеза и всю южную часть страны; поэтому он укрепил и усилил ее, чеканил там серебряные монеты с изображением императора в знак высокой суверенности и ввел их в обращение под названием «каструччини».

КАСТРУЧЧО ДОБАВЛЯЕТ КОЛЬЦУ КОЛЬЦУ

В это время Флоренция находилась в болезненном состоянии подозрений и смятения; все родственники пленников рассматривались с недоверием и лишались должностей как в городе, так и за его пределами; половина Контадо была пустыней, ее голодающие жители скучивались в столице, где естественным следствием этого стала широко распространенная смертность. Смерти были настолько часты, что глашатаю, чья обязанность заключалась в том, чтобы объявлять о смерти гражданина в соответствии с древним обычаем, было запрещено выполнять свои обязанности в течение всего периода эпидемии. Были приняты все меры предосторожности для защиты города: укреплены стены, укреплен Сан-Миниато-а-Монте и даже отремонтирована цитадель Фьезоле из-за опасений, что Каструччо может восстановить ее и осадить Флоренцию; и он, вероятно, сделал бы это, если бы епископ Ареццо и Убальдини из-за зарождающейся ревности не отказались оказать ему помощь. Опасаясь внутренней войны, все изгнанники, кроме регулярных *Эскеттати* 1311 года, были возвращены в свою страну после уплаты незначительного налога; была запрошена помощь у короля Роберта и союзников, но без особого успеха, поскольку из-за страха перед

Каструччо на призыв откликнулись только Колле и Сан-Миниато-Тедеско. Король Роберт впоследствии прислал незначительную помощь, но Флоренция не отчаялась и предприняла смелую попытку отрезать всю армию Каструччо в ущелье Валь-ди-Марина недалеко от Каленцано. Были введены новые налоги на сумму 180 000 флоринов в год сверх обычных доходов; были введены поборы в Мантуе и Германии; Монте-Буони и другие важные посты были укреплены для защиты района; однако, несмотря на всю эту опасность, двести всадников были великодушно отправлены в Болонью, которая находилась в тяжелом положении, и вскоре ее армия была разгромлена в Монтевельо Пассерино, лордом Мантуи, при содействии Аццо Висконти и его последователей, только что одержавших победу в Тоскане.

Но этот миланский вождь, прежде чем окончательно покинуть Тоскану, нанес Флоренции прощальный удар, устроив публичные игры на самом дне реки Арно. Затем он вернулся с 25 000 флоринов в качестве своей доли общей добычи, а Каструччо, груженный пленными и трофеями, решил войти в свою столицу триумфально, как римский завоеватель.

Слава об этом событии привлекла толпы зрителей со всех концов Италии, жаждущих увидеть возрождение древней церемонии, но еще более жаждущих увидеть героя, чья репутация уже стала известна всему миру. 10 ноября, в день святого Мартина, Каструччо торжественно въехал в Лукку; не в колеснице, а на великолепном скакуне, и на некотором расстоянии от ворот торжественная процессия духовенства, знати и почти всех женщин высокого ранга в городе встретила его как королевскую особу. Впереди процессии шли наименее известные пленники с непокрытыми головами и скрещенными на груди руками, склонившись, как бы смиренно умоляя о милости своего императора; за ними следовал флорентийский карокцио, тяжело катящийся по дороге, запряженный теми же волами и украшенный теми же украшениями, что и на поле боя, над которым висел перевернутый и теперь униженный флаг этой республики. Затем следовали другие флорентийские знамена, знамена партии гвельфов и королей Неаполя, с флагами и вымпелами меньшего значения, а также знамена различных общин, все они волочились по грязи и как бы подметали путь завоевателя. Сразу за этим унижительным зрелищем шли те же вожди, которые так часто несли эти знамена к победе. Здесь Раймонд из Кардоны также имел достаточно времени, чтобы поразмышлять о последствиях своей собственной нечестности; и доблестный Урлимбах, немецкий рыцарь, сбившего Каструччо с лошади, также мог размышлять о непостоянстве судьбы, поскольку, лишенный оружия и шпор, он пополнял шеренгу победителя. Множество благородных пленников следовало за этой унижительной процессией, которую замыкали Каструччо и его легионы во всей гордости и надменности победы. Но ничто не унижало пленников так сильно, как то, что их заставляли нести большие восковые факелы в качестве подношений святому Мартину, покровителю Лукки, дорогому ее войскам из-за бахканских разгулов, обычных на его празднике под предлогом дегустации различных сортов свежесделанных вин, а также потому, что сам святой когда-то был солдатом.

ФЛОРЕНЦИЯ В ОТЧАЯНИИ ВОЗЗЫВАЕТ К ГЕРЦОГУ КАЛАБРИИ

Таким образом, подвергнувшись нападению у самых ворот, оскорбленные, осмеянные, с опустошенной страной, Синьей, занятой врагом, Прато, находящимся в его власти, Монтемурло все еще без помощи и готовый к падению, болонская армия, их единственный оплот против Ломбардии, разгромлена, их лучшие военачальники в плену, их армия уменьшена, их расходы увеличены, их союзники уstraшены, смерть бушует внутри города, а разрушение снаружи, все против них, а удача благоволит их врагам — под таким давлением народ наконец сдался, и отчаяние вновь заставило их временно отказаться от своей

независимости. Поэтому Карлу, герцогу Калабрийскому, было предложено, что, возможно, и не было неожиданностью, правительство Флоренцией на десять лет на определенных условиях.

Было постановлено, что принц должен оставаться в течение тридцати месяцев подряд на территории Флорентийского государства или вести войну на территории врага, а также в течение трех последующих летних месяцев, если военные действия продолжатся. В военное время он должен был содержать тысячу трансальпийских всадников и получать от республики ежегодную стипендию в размере 200 000 золотых флоринов; в мирное время — половину этой суммы, с обязательством содержать только 450 вооруженных людей. Если в мирное время герцог желал отсутствовать, он был обязан назначить лейтенанта из королевской крови или из какой-либо другой великой и могущественной семьи, а также назначить викария для отправления правосудия, который не должен был изменять никакую часть правительства, а напротив, защищать и поддерживать приоров и гонфалоньеров, исполнителей судебных постановлений и шестнадцать глав рот. Этот указ, принятый 23 декабря 1325 года, был отправлен с торжественной посольской миссией в Неаполь () и завершил события того несчастного года, который начался так обнадеживающе для флорентийцев.

[1325-1326 гг. н. э.]

До прибытия диктатора Флоренция передала главное командование своей армией Пьеру де Нарси, французскому рыцарю высокого ранга, который был взят в плен в Альтпашио; он только что был выкуплен и, страдая от унижения триумфа Каструччо, искал мести и отличия, прежде чем был вынужден отказаться от своего кратковременного и рискованного достоинства. Не сумев спасти Монтемурло, которое после отважного сопротивления с честью капитулировало 8 января, Пьетро де Нарси () проявил себя менее доблестно, пытаясь поднять восстания в Синье и Карминьяно и даже покушаясь на жизнь Каструччо. Но его усилия не увенчались успехом.

ЧАРЛЬЗ И ЕГО АРМИЯ

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ГРАЖДАНИН XIV ВЕКА

Герцог Калабрии был задержан на несколько месяцев, но 30 июля он вошел во Флоренцию в сопровождении 1100 вооруженных людей, 100 из которых были рыцарями Золотой Шпоры. Он был размещен во дворце подеста, откуда специально, возможно, в насмешку, была удалена резиденция суда, и официально признан повелителем Флорентийской республики. Это было знаком несчастья, клеймом позора, но вызвало восхищение Италии, поскольку Италия видела флорентийский народ, владельцев лишь небольшой и не очень плодородной территории, после их многократных несчастий, после стольких поражений, таких неудач и стольких потерянных сокровищ — нет, в тот самый момент, когда они, казалось, балансировали на грани гибели, внезапно поднялись в своей силе и, как гигант, освеженный вином, силой своих собственных ресурсов, как бы, повелевали услугами столь великого принца и армией, какой никогда прежде не видела Флоренция!

Было собрано не менее двух тысяч вооруженных людей, большинство из которых принадлежали к высшим слоям общества, не считая двора кардинала-легата и его последователей, которые были далеко не незначительными; и это без учета флорентийского рыцарства или единственного рыцаря из конфедерации гвельфов. Столь огромное развитие национальных ресурсов было тем более примечательным, что именно в это время древний банк Скали и Амьери, который уже 120 лет пользовался неизменной репутацией, обанкротился, потеряв огромную сумму в 400 000 флоринов, которая в основном причиталась городу Флоренции, что потрясло республику до основания и, за исключением кровопролития, считалась столь же разрушительной, как и сама битва при Альтпашио.

Затем были созданы несколько отрядов гвельфской лиги, и эта прекрасная армия увеличилась до 3450 воинов, помимо флорентийской *кавалерии*, насчитывавшей не менее

пятисот человек, и отбора лучших и самых храбрых пехотинцев Тосканы (). Шестьдесят тысяч флоринов были немедленно собраны за счет частичного и чрезвычайного налога на самых богатых граждан, и флорентийцы приложили все усилия, чтобы обеспечить успех; однако эта великая армия оставалась полностью пассивной, и им пришлось с унижением наблюдать, как их время и сокровища бесполезно тратились тем, кому они отдали свои свободы в надежде на совсем другой результат. Видя, что от него ничего не стоит ждать, флорентийцы довольствовались укреплением Синьи и противоположного города Гангаланди, чтобы защитить сельскохозяйственных рабочих, а затем спокойно ждали действий обоих своих господ. Каструччо уже изгнал Спинетто Маласпину из его владений в Луниджане и заставил его укрыться у защитника всех несчастных изгнанников, Кане делла Скала; но герцог Калабрии снова соблазнил его испытать удачу, вторгшись в эту провинцию, пока он с флорентийской армией шел на Пистойю. Оба этих плана были осуществлены и с большей надеждой на успех, поскольку города Маммиано и Гавиньяна в горах Пистойи только что подняли восстание. Каструччо не был сильно встревожен и, хотя был очень болен, в середине суровой зимы захватил оба города, сразил флорентийскую армию, которая тщетно пыталась их освободить, и в конце концов заставил ее с позором вернуться в столицу; затем он внезапно обернулся против Спинетто и вновь изгнал его в изгнание.

Таким образом, провалилась первая оттягивающая попытка этой блестящей армии, и Флоренция стала более унылой, чем когда-либо; те, кто раньше дрожал при упоминании грозного имени Угуччоне, теперь признавали, что он был лишь внезапным и пугающим шумом, а Каструччо был самой молнией, которая поразила и уничтожила их страну. Граждане были теперь совершенно растеряны и не знали, куда обратиться, такова была путаница и таковы были потери людей, денег и кредита, вызванные его необыкновенными способностями и непрерывными успехами; ведь, как говорили, среди всех своих удач Каструччо никогда не совершал опрометчивых или рискованных поступков; каждое событие было рассчитано, ошибок было мало, и победа сопровождала его, как тень.

Чтобы предотвратить восстание жителей Луниджаны, он разрушил все их укрепленные города и пополнил свою армию гарнизонами; сооружения Монтале недалеко от Пистойи были разобраны, и Монтефальконе постигла та же участь; ведь он говорил, что лучшие крепости — это те, которые могут совершать длительные марши и держаться ближе или дальше, в зависимости от необходимости. Ужас, который его характер внушал гвельфским лордам Италии, привел к тому, что Роберта стали обвинять в том, что он противопоставил неопытность своего сына силе столь опытного полководца и подверг потомка рода прославленных князей позорной гибели, поражению или пленению простым дворянином из Лукки. Такова была «форма и давление времени»! В результате, как предполагалось, Карл получил инструкции сообщить флорентийцам, что, если они не согласятся взять на службу в конфедерацию восемьсот его иностранных всадников, он должен будет вернуться в Неаполь. Это неожиданное требование и нарушение всех договоренностей после всех их усилий поразило горожан, но ничего не поделать, и к 450 000 флоринов, которые они уже потратили на герцога Калабрийского, добавилось еще 30 000, потому что немногие из союзников согласились бы подчиниться вымогательству. Но это было еще не все, и, как бы насмехаясь над их слабостью, он по прихоти герцогини отменил некоторые из их законов о роскоши, торжественные декреты государства, которых граждане придерживались с крайней упорностью; и они испытывали унижение, видя своих жен и дочерей посреди нищеты страны, когда они должны были бы скорее быть одеты в траур за своих убитых сограждан, но, по словам Виллани, были настолько полны тщеславия, что украшали свои головы ^d «длинными косами из белого и желтого шелка вместо волос, которые они носили спереди»; это украшение, поскольку оно не нравилось флорентийцам как нескромное и

неестественное, они уже сняли с женщин и приняли законы против него и других непристойных украшений; но таким образом чрезмерная страсть женщин победила здравый смысл мужчин».

ГИБЕЛИНЫ ПРИЗЫВАЮТ ЛЮДВИГА БАВАРСКОГО

[1322-1327 гг. н.э.]

Ломбардские гибеллины, видя столь грозное проявление силы гвельфов в сочетании с более тесным союзом между церковью и Неаполем, несмотря на успех Каструччо, не могли не почувствовать, что их дело находится в опасности, и поэтому решили поддержать его имперской властью; Парма и Болонья уже подчинились Риму, епископ Ареццо был отлучен от церкви и смещен с должности; кроме Флоренции и Сиены, Сан-Миниато, Колле, Сан-Джиминьято и Прато провозгласили Карла своим господином, последний даже навечно. Это значительное расширение власти дало дому Анжу контроль над большей частью Италии, и поэтому не было потеряно времени на отправку посольства, чтобы умолять «баварца» (как Людвига называли те, кто не хотел быть отлученным от церкви) встретиться с итальянскими гибеллинами или их послами в Тренто с целью рассмотрения лучших способов возвышения имперского достоинства.

Флорентинец из высших слоев общества, XIV век

До 1322 года Людвиг Баварский был настолько занят борьбой за корону со своим соперником Фридрихом Австрийским, что у него не было времени вмешиваться в дела полуострова; но решающая битва при Мюльдорфе, в которой четыре тысячи воинов были убиты в ходе неоднократных атак на поле боя, а Фридрих Австрийский был взят в плен, дала ему возможность заняться внешней политикой и обратить свое внимание на Италию. Папа Иоанн XXII (), которому он сообщил о победе при Мюльдорфе, еще не определившись, кого из кандидатов он будет поддерживать, принял письмо Людвига как своего друга и пообещал помочь ему в достижении мира; но когда понтифик узнал о помощи, оказанной в

1323 году его злейшему врагу, отлученному от церкви Галеаццо Висконти, и о том, что баварцы заставили папского генерала Раймонда Кардону снять осаду Милана, его гнев превзошел все пределы. Он настаивал, что как папа он был единственным законным правителем империи во время вакансии, единственным судьей между двумя соперниками; и пока его решение не было известно, ни один король римлян не мог существовать; по его словам, было тяжким преступлением против Бога и явным презрением к церкви осуществлять королевские полномочия без ее санкции () и защищать ее врагов, особенно Галеаццо Висконти и его братьев, которые были объявлены еретиками окончательным приговором компетентного суда. Поэтому Людвиг был отлучен от церкви, и в марте 1324 года это было сделано еще более торжественно, когда он также был объявлен неспособным когда-либо взойти на императорский трон. Находясь в тюрьме, Фридрих получил визит Людвига, который проявил к нему столь необычную щедрость, что Фридрих признал его императором и был немедленно освобожден, оставаясь впоследствии его союзником и близким другом. Германия была умиротворена, интриги папы были сорваны, и император приготовился посетить Италию, чтобы подтвердить свое императорское достоинство публичной коронацией и отомстить понтифику.

В этом настроении приглашение от итальянских гибеллинов было особенно своевременным, тем более что Людвиг, ослабленный длительными войнами, остался без денег, а Италия всегда считалась неиссякаемой кладью сокровищ для трансальпийских народов. Поэтому он отправился в Тренто примерно в середине февраля, где его встретили Аццо и Марко Висконти из Милана, Кане делла Скала из Вероны, Пассерино Буонакосси из Мантуи, Ренальдо, маркиз Эсте, епископ Ареццо, а также послы Фридриха Сицилийского, Каструччо Кастракани, изгнанники из Генуи и все другие гибеллины. Здесь папа был объявлен еретиком значительной частью духовенства и торжественно отлучен от церкви, высмеян и осмеян; это обвинение не было новым, поскольку этот амбициозный и корыстный понтифик был ревностным сторонником своей собственной непогрешимости, желал абсолютно диктовать церковь и нажил себе врагов среди значительной части духовенства, в том числе среди францисканцев или меньших братьев, которые настаивали на бедности Христа и поэтому, следуя его примеру, осуждали всякую собственность церковников как нелепую и неподобающую. Эти монахи были достаточно смелы, чтобы объявить Иоанна еретиком и отлучить его от церкви, после чего он сжег некоторых из них, а других лишил того немногого, что они имели, в соответствии со своими собственными принципами; другие причины привели к появлению других врагов среди светского духовенства; так что Людвиг оказался в окружении ревностной поддержки со стороны влиятельной группы даже в церкви, и было единодушно объявлено, что, поскольку Христос не имел собственности, все священники, которые ее имели, были врагами его священной бедности.

УСПЕХИ ГРАФА НОВЕЛЛО

После того как заговор против жизни Каструччо не достиг своей цели, кардинал Орсини торжественно объявил об очередной отлучении Людвига и Каструччо со всеми их сторонниками в день великого праздника покровителя Флоренции; и сразу же после этого благородная армия из двух тысяч пятисот всадников и двенадцати тысяч пехотинцев под командованием графа Новелло разбила лагерь в Синье на три дня, чтобы запутать врага; но внезапно покинув это место, они двинулись на Фучеккьо и, переправившись через Гушиану по заранее подготовленному мосту из лодок, появились перед Санта-Мария-а-Монте.

Это была самая крепкая крепость в Тоскане, но в то время она была несколько ослаблена, потому что Каструччо отозвал часть ее гарнизона для укрепления Карминьяно,

предполагаемого объекта нападения (), и оставил для ее защиты лишь пятьсот ветеранов с помощью народа. Новелло штурмом взял эту крепость и подверг ее жителей безразборной резне. Затем он атаковал Артимино, которое Каструччо укрепил настолько, что не опасался никакой опасности в этом районе. Но, опьяненный своей недавней победой, Новелло сразу же начал штурм, который продолжался три дня подряд, а последняя битва за продолжалась без перерыва с полудня до наступления ночи; когда все частокола и одна из ворот были сожжены, гарнизон, видя перед глазами судьбу Санта-Марии, сдался 27 августа. Граф Новелло хотел продолжить и захватить Тиццано и Карминьяно таким же образом, но Людвиг был уже близко к Понтремоли, и ему и его войскам было приказано вернуться во Флоренцию.

Прошло уже около тринадцати месяцев с тех пор, как герцог Калабрии вступил в этот город с лучшей армией, которую когда-либо создавали его огромные ресурсы, и община потратила на него 500 000 флоринов; однако, за исключением захвата Санта-Марии и Артимино, ничего не было сделано; поэтому народ стал справедливо недоволен, хотя и был вынужден скрывать свое недовольство из-за ощущения настоящей опасности и угрожающего продвижения императора.

ЛЮДВИГ ПРИБЫВАЕТ В ИТАЛИЮ

Людвиг был коронован в Милане 31 мая отлученным от церкви прелатом из Ареты, поскольку миланский архиепископ отказался выполнить эту обязанность; но было ли это из-за задержки с обещанными поставками, сопровождавшейся дерзким посланием Галеаццо Висконти, как утверждает Виллани, или из-за жалоб Марко Лодризио и Аццо Висконти против тирании Галеаццо, или из-за подозрений в попытке отравления императора, как предполагали другие после внезапной смерти Стефано Висконти, который попробовал свой напиток, — известно, что 20 июля братья Галеаццо, Лукино и Джованни, а также его сын Аццо были арестованы вместе с самим принцем и заключены в тюрьму; крепкая крепость Монца была передана Людвигу в качестве платы за его безопасность. Эта революция была осуществлена на общественном совете Милана после того, как немецкие войска Висконти были соблазнены; императорский викарий и двадцать четыре гражданина были немедленно назначены для управления городом, который таким образом внезапно восстановил свою кажущуюся независимость, а императору было предоставлено 50 000 флоринов. Эта решительная мера порадовала миланцев и гвельфов и в то же время встревожила других ломбардов, поскольку именно Висконти пригласил Людвига в Италию и первым испытал на себе неблагодарность этого монарха.

Тосканский офицер

Затем в Брешии собрался сейм, на котором было назначено несколько новых епископов и собрано около 200 000 флоринов из гибеллиновских государств Ломбардии; затем Людвиг пересек По у Кремоны и с двумя тысячами вооруженных людей прошел через Парму, пересек горы без какого-либо сопротивления со стороны папских войск, дислоцированных в тех краях, и 1 сентября 1327 года остановился в Понтремоли. Здесь его принял Каструччо, но он отказался останавливаться в Лукке до тех пор, пока не будет покорена Пиза, которая решила закрыть перед ним свои ворота. Этот город был немедленно осажден. Осада длилась месяц, и город мог бы опровергнуть планы Людвига, но новые разногласия, проклятие этих разнузданных республик, привели к его капитуляции на условиях, что ни изгнанники из Пизы (), ни Каструччо, ни кто-либо из его людей не будут допущены в город; что их форма правления останется неизменной, и что в имперскую казну будет выплачено 60 000 флоринов. 11 октября Людвиг вошел в Пизу, и через три дня граждане по собственной воле, но в основном из-за страха перед народом, аннулировали капитуляцию и приняли как Каструччо, так и изгнанников, в то время как сами они и их страна были отданы на милость императора. Справедливость была восстановлена, но дорогой ценой — взносом в 160 000 флоринов, что было огромной суммой в любое время, но особенно в момент, когда Сардинская война и окончательная потеря этой провинции привели все сообщество на грань разорения, и когда всего за несколько дней до этого нельзя было потребовать 5000 флоринов без опасности революции; настолько плохо управляемым, или настолько недалеким и капризным был народ.

КАСТРУЧЧО ОТПРАВЛЯЕТСЯ В РИМ

После урегулирования ситуации в Пизе Людвиг и Каструччо отправились в Лукку, где более сильный дух последнего проявился в его немедленном превосходстве и влиянии над своим гостем, чье великолепное принятие Каструччо подкрепил подарком в 50 000

флоринов ; Затем оба вождя отправились в Пистойю, с высот которой Каструччо указал на равнину и башни Флоренции и показал, как легко владение одной из них дает ему доступ к территории другой.

Вернувшись в Лукку на праздник Святого Мартина, император воспользовался этой возможностью, чтобы публично возложить на голову Каструччо герцогский венец, наделяя его владениями Лукки, Пистойи, Вольтерры и епископства Луни, предоставив ему привилегию размещать королевский герб Баварии рядом со своим собственным, помимо беспринципного дарения пизанских городов Серреццано, Ротина, Монтекальволе и Пьетра Касса. Церемония получения герцогской короны из рук императора, огромная власть, таланты и влияние Каструччо, а также всеобщее ощущение, что этот титул не останется долго пустым и бессмысленным, а станет по сути, как и по названию, первым герцогством в Италии со времен древних лангобардов, придали этой сделке торжественный и внушительный характер, что усилило опасения всех итальянских гвельфов; не менее тревожной и недовольной была гибеллинистская Пиза, увидевшая, как четыре ее укрепленных города были тихо переданы Каструччо в качестве коронационного подарка — что, как казалось, было предзнаменованием ее собственной судьбы.

Герцог Калабрии, зная, что Каструччо был вынужден против своей воли последовать за Людвигом, который 15 декабря возобновил свой поход на Рим, также приготовился покинуть Флоренцию, оставив Филиппа Сангинето с тысячей вооруженных людей в качестве своего наместника. На публичном пиру он попрощался с флорентийцами, пообещав вернуться, когда королевство Неаполь будет в безопасности, и уехал 27 декабря, в тот же день, когда Каструччо по другой дороге выступил из Лукки, чтобы присоединиться к имперским войскам.

[1327-1328 гг. н.э.]

Карл правил деспотично, как и все правители той эпохи, поскольку свобода тогда заключалась в привилегии быть избранным для управления и выбирать правителей, а не в том, чтобы быть хорошо управляемым; и хотя, поступая так, он тиранически осудил высокопоставленного гражданина, который с такой же обоснованностью, как и дерзостью, выступал против предоставления субсидии королю Роберту, тем самым доказав, что свобода во Флоренции больше не существует, он все же завоевал популярность у граждан благодаря своей большой личной утонченности и стремлению примирить частные вражды, а также значительной щедрости и в целом беспристрастному отправлению правосудия. С другой стороны, он был непопулярен из-за своего пассивного, невоинственного характера и чрезмерных расходов на свое содержание; по словам Виллани, который занимался аудитом счетов, за девять месяцев они составили 900 000 флоринов; но поскольку большая часть этих денег обращалась внутри города, хотя высоко облагаемый налогами народ вынужден был работать в два раза больше за те же деньги, это все же сопровождалось большой активностью и некоторым внешним процветанием.

Мраморный подставкой для книг из Пистойи (1250 г. н. э.)

Прибытие императора в Витербо сразу же ощутилось в Риме, где ранее возникла борьба между Стефано Колонна, поддерживаемым Наполеоном Орсини, который примкнул к королю Роберту, и его собственным братом Скарра Колонна, Якобо Савелли и Тебальдо ди Санта Стацио, капитанами народа; первые два были изгнаны; ведь искусства Каструччо и гибеллиновские дукаты давно действовали в этом раздробленном городе, который отсутствие понтифика в Авиньоне оставило в состоянии постоянного волнения. В целом городом управляла олигархия во главе с министрами папы и короля Неаполя, Колонна, Савелли и Орсини, с периодическими вспышками яростной демократии; сенатор осуществлял правосудие; совет из пятидесяти двух членов номинально составлял правительство и возглавлялся префектом Рима, два или три капитана народа вместе с сенатором избирались народным голосованием. Главы гибеллинов тайно послали к Людвигу, желая, чтобы он не обращал внимания на римских послов, которые хотели установить условия, на которых он должен был быть принят, а чтобы он сразу же выступил на Рим; с этим намеком Каструччо, который был назначен отвечать на посольство, немедленно приказал трубачам трубить, вежливо сказав: «Это ответ императора». Эти посланцы были задержаны, и Людвиг, внезапно появившись перед городом, удивил недовольных, укрепил сомневающихся и придал духа своим сторонникам. Он был коронован 16 января 1328 года.

Во время этих событий Бенедетто да Орвието, судебный викарий герцога Калабрии, прибыл во Флоренцию, где горожане все еще находили средства для завершения строительства стен к югу от Арно и возведения нынешних Римских ворот, чтобы обезопасить эту часть города, которая была под угрозой из-за недавних вторжений Каструччо в Валь-ди-Греве. Лейтенант герцога Филипп Сангинето также не был склонен к бездействию; с помощью двух граждан Пистойи из рода Гуэльфики, друзей Симоне делла Тоза, хорошо знакомых со слабыми местами этого города, был разработан план его неожиданного захвата, который был успешно осуществлен. Имея точные измерения стен и рвов, Сангинето с шестьюстами вооруженными людьми, двумя пистойцами и Симоне делла

Тоса, но без других флорентийцев, ночью отправился в Прато; там к нему присоединились две тысячи пехотинцев с необходимыми осадными машинами, лестницами и мостами, и, продолжая свой марш, он прибыл к самому слабому месту столицы Пистойи еще до рассвета. Ров был достаточно сильно замерзшим, чтобы по нему мог пройти только один человек в доспехах, и таким образом сто вооруженных людей достигли валов, оставаясь незамеченными, пока офицер ночной стражи не посетил часовых со своим патрулем; затем произошло короткое столкновение, офицер и патруль были убиты, но была поднята тревога, гарнизон немедленно взялся за оружие, и весь город погрузился в смятение.

За это время через ров были переброшены мосты, и к стене были подведены осадные машины, которые с помощью некоторых друзей внутри были пробиты настолько, что через них мог пройти вооруженный человек со своим конем; нападавшие вскоре объединились, и до рассвета продолжался упорный конфликт с переменным успехом, пока флорентийцы не сумели преодолеть все сопротивление, а затем, изгнав врага из крепкой, но еще недостроенной цитадели, продолжили грабеж Пистойи в течение восьми дней подряд. Об этом событии в Риме узнали только через три дня, и оно вызвало гнев Каструччо на Людвига за то, что тот заставил его покинуть Тоскану. Он немедленно выступил с пятьюстами всадниками и тысячей арбалетчиков и, взяв курс на Маремму, стремительно продвигался вперед с двенадцатью спутниками; через несколько дней, путешествуя по очень опасной местности, Каструччо 9 февраля достиг Пизы, где вскоре благодаря интригам и своему влиянию сумел приобрести верховную власть — вполне приемлемую компенсацию за потерю Пистойи.

НОВОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КАСТРУЧЧО; ЕГО ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ

В то время как Каструччо укреплял свою власть в Пизе, Сангинето и флорентийцы вели ожесточенные споры о том, как обеспечить надлежащую оборону своих недавних завоеваний; первый настаивал, что он выполнил свою часть работы, захватив город, а граждане утверждали, что герцог обязан покрыть такие расходы из своей зарплаты. Спор продолжался, а Пистойя оставалась без продовольствия; но флорентийцы, получив несколько незначительных преимуществ, стали так же беспечны и самоуверенны, как будто удача никогда не покидала их, в то время как Каструччо спешил с подготовкой к отвоеванию заброшенного места. Тем не менее пизанцы и даже его бывшие сторонники, теперь недовольные его произвольным правлением, предложили свой город Людвигу; тот, опасаясь оттолкнуть Каструччо, направил их к императрице, которая приняла предложение и немедленно отправила своего наместника, чтобы тот взял бразды правления в свои руки. Каструччо не собирался так просто сдаваться; он уважительно принял офицера, но затем, в соответствии с обычаями того времени, прочесал город со своими всадниками в знак своей власти; затем он отпустил имперского наместника, нагрузив его подарками, и добился своего избрания и провозглашения абсолютным правителем Пизы на два года.

Таким образом, став хозяином новых и богатых ресурсов, он не терял времени, чтобы извлечь выгоду из споров во Флоренции, и немедленно осадил Пистойю с тысячей вооруженных людей и многочисленной пехотой; место было крепким, окруженным двойным рвом и защищаемым Симоне делла Тоза с достаточным гарнизоном, помимо многих граждан-гуэльфов. Всего в десяти милях от Прато, в пределах видимости его сигналов, находились защитные войска, так что, если бы город был хорошо снабжен провизией, он мог бы противостоять всем усилиям Каструччо, пока болезнь не заставила бы его отступить. Этот вождь, который остался в Пизе, чтобы завершить приготовления, присоединился к армии 30 мая, приведя с собой сильное подкрепление, и окружил город частоколом, рвом и линиями осады. Здесь он решил остаться; и все флорентийские уловки

не смогли отворать его от его намерения, даже когда они собрали грозную армию из двух тысяч шестисот воинов и в течение трех дней подряд вызывали его на бой, который он постоянно делал вид, что принимает (), а на самом деле только укреплял свой лагерь дополнительными рвами, свежими частоколами и широко разветвленными аббатами ().

Не видя возможности спровоцировать его, союзники изменили свою позицию и атаковали самую сильную точку его укреплений с таким же малым успехом, как и малым мастерством, вместо того, чтобы перерезать его снабжение через Серравалле, что он не смог бы предотвратить без сражения.

Сангинето заболел и, кроме того, поссорился с некоторыми из вождей конфедерации, поэтому он считал лучшим отступить и отвлечь внимание в другом месте, оставив в Прато сильный конвой, готовый прийти на помощь, когда представится подходящий случай. 28 июля, после того как Каструччо, проявив мудрость, не принял очередной официальный вызов, союзная армия отступила в сторону Прато и оттуда двинулась двумя отрядами: один через Синью и Гушиану, чтобы угрожать Лукке, другой по левому берегу Арно, который разрушил Понтадери и взял штурмом вал и Фоссо Арнонико. Это был большой канал и вал, вырытый и укрепленный башнями пизанцами в 1176 году как национальный бастион и как выход для избыточных вод Арно, который, по мнению некоторых, был одним из трех рукавов, упомянутых Страбоном. Таким образом, вся территория Пизы была открыта; Сан-Кашано и Сансавино вскоре пали, и Пиза увидела, как ее оскорбляют у самых ворот с полной безнаказанностью. Тем не менее Каструччо оставался непоколебимым; он рассчитывал на голод и моральный эффект от того, что превосходящая армия отступит, не достигнув ничего, и соответственно 3 августа Пистойя сдалась шестнадцатистам вооруженным людям и обычной пехоте перед лицом армии, численность которой почти вдвое превышала их.

Таким образом, одержав победу, он вернулся в Лукку в триумфе, став более могущественным, более страшным и более грозным, чем раньше; ни одно из его важных предприятий не потерпело неудачи, и Италия не видела такого полководца на протяжении веков. Властелин Пизы, Лукки, Луниджаны и большей части восточной Ривьеры Генуи, господин трехсот укрепленных городов, он был либо объектом поклонения, либо страха для всех итальянских князей, начиная с императора. Но Флоренция дрожала при одном только упоминании его имени; и Галеаццо Висконти, некогда могущественный владыка половины Ломбардии, который был освобожден императором в марте того же года по заступничеству Каструччо, теперь служил под его знаменем как частное лицо. Вскоре после этого Висконти скончался в Пешии от лихорадки, вызванной тяготами осады Пистойи, и это было роковым не только для него: приближался час и Каструччо, поскольку та же лихорадка, вызванная его личными переутомлениями, быстро уничтожила и его. Он боялся гнева императора за узурпацию Пизы и хотел заключить мир с Флоренцией, но к нему относились с большим недоверием, и поэтому его попытка провалилась. Болезнь усугублялась; он сообщил окружающим, что умирает и что его смерть станет сигналом к великим революциям; затем, приняв необходимые меры, чтобы обеспечить своим трем сыновьям спокойную преемственность в управлении тремя великими городами, и поручив им скрыть его смерть до тех пор, пока они не будут в безопасности, он скончался 3 сентября 1328 года в возрасте сорока семи лет и на двенадцатом году своего правления в Лукке.

ОЦЕНКИ КАСТРУЧЧО

Тегрими⁴ Его биограф говорит, что Каструччо был жестоким мстителем за свои обиды; но поскольку личная месть, никогда не оправданная, приобретает у принцев более острый и горький характер, трудно сказать, заслуживало ли его поведение по отношению к своим подданным названия суровости или жестокости. Он был всеобщим любимцем солдат, и в

разговорах с ними его красноречие, изящество манер и дикция удивительно соответствовали как его собственному достоинству, так и уму и чувствам его слушателей. Он часто успокаивал буйных солдат, просто называя их сыновьями, отцами и братьями, и ни одна армия под его командованием никогда не поднимала мятеж. Он был первым в любой опасности, первым, кто хватался за лестницу и взбирался на стену; первым, кто переплывал реку, когда она разбухала до уровня потока; первым в каждом отдельном проявлении мастерства и мужества, так как он был первым по таланту и авторитету; и он завоевал сердца солдат своей приятной фамильярностью с самыми низкими из них. Его великая репутация воина обеспечила ему превосходство на поле боя и в совете; и доверие его солдат было таково, что часто одно только его имя и появление восстанавливали удачу в сражении, беглецы были арестованы, а враг побежден. Одного только его прибытия часто было достаточно, чтобы вытеснить врага из укрепленных мест или обеспечить их немедленную капитуляцию. Какими бы ни были его личные чувства, он всегда советовался со своим советом, состоявшим из самых способных людей Лукки, и в особенности из тех, кто был наиболее сведущ в истории; но когда речь шла исключительно о войне, он обращался за советом к старым военным, хорошо знакомым с местом предполагаемых боевых действий. Сам не имея образования, он тем не менее любил общество и беседы литераторов; он улучшал и поддерживал дороги и мосты своего государства, имел многочисленных шпионов, в том числе и женщин, во всех частях света, и по праву считался человеком с крыльями орла.^f

«Этот Каструччо, — говорит Виллани, —^d — был высоким, ловким и красивым человеком; он был стройным, не коренастым, со светлой кожей, склонной к бледности; у него были светлые прямые волосы, и он производил очень благородное впечатление. Он был доблестным и великодушным тираном, мудрым и проницательным, с тревожным и трудолюбивым умом и обладающим большими военными талантами; был чрезвычайно осторожен в войне и успешен в своих начинаниях. Его очень боялись и почитали, и в свое время он совершил много великих и замечательных поступков. Он был бичом для своих сограждан, для пизанцев, пистойнцев, флорентийцев и всей Тосканы в течение пятнадцати (двенадцати?) лет, в течение которых он владел Луккой. Он был очень жестоким в казнях и пытках людей, неблагодарным за добрые услуги, оказанные ему в нужде, пристрастным к новым людям и тщеславным в отношении высокого положения, которого он достиг, так что считал себя господином Флоренции и королем Тосканы».

Хотя он был величайшим воином своего времени, говорит Пиньотти, сомнительно, был ли он великим в оружии больше, чем в совете; хотя он родился и жил в эпоху революций, он никогда не проливал кровь, если только это не было необходимо. Он был одним из тех великих людей, которые, хотя и не знали грамоты, понимали ее ценность и уважали ученых. Поощряя полезные искусства и ремесла, он щедро вознаграждал тех, кто вводил новые. Памятники многочисленных общественных работ, которые он предпринял, сохранились до наших дней, такие как мосты, дороги и крепости.

Он был, безусловно, выдающимся человеком, и если бы сфера его деятельности была более обширной, а средства более значительными, он бы не уступал никому из прославленных людей древности. Однако в той небольшой сфере, в которой он был вынужден действовать как частное лицо, он стал одним из самых могущественных князей Италии, поскольку к моменту своей смерти он владел Луккой, Пизой, Пистойю, Луниджану, большую часть побережья к востоку от Генуи и бесчисленные замки; и если бы он прожил дольше, в те времена революции и разделения Италии на множество маленьких суверенных государств, можно предположить, что его величие не остановилось бы на этом. Генрих, его старший сын, унаследовал отцовские владения, но не отцовские таланты. Власть Лукки закончилась с Каструччо, поскольку вскоре после этого мы видим, как этот город выставлен

на продажу, куплен частным гражданином, а города и замки, которые когда-то были заняты Каструччо, вновь захвачены флорентийцами. По прибытии императора суверенитет Пизы, а затем и Лукки был отнят у его сыновей.^{[e](#)}

УМИРАЕТ ГЕРЦОГ КАЛАБРИИ: ЛЮДВИГ УХОДИТ НА ПЕНСИЮ

[1328-1329 гг. н. э.]

Смерть грозного и амбициозного Каструччо спасла Флоренцию от величайшей опасности, которой она когда-либо подвергалась; и, чтобы завершить ее удачу, правитель, которого она выбрала для противостояния Каструччо, герцог Калабрии, умер примерно в то же время. Он прославился только своими пороками, отсутствием дара предвидения и грабежами. Людвиг Баварский также перестал быть грозным; он окончательно дискредитировал себя вероломством по отношению к тем, кто был ему наиболее предан. Сальвестро де Гатти, лорд Витербо, был первым гибеллином, открывшим ему крепость в государствах церкви; Людвиг арестовал его и подверг пыткам, чтобы заставить его раскрыть место, где он спрятал свое сокровище. Император сделал себя ненавистным и смешным в Риме своей детской поступками против Иоанна XXII и тщетными попытками создать раскол в церкви. Вернувшись в Тоскану, он лишил детей Каструччо суверенитета над Луккой 16 марта 1329 года и продал его одному из их родственников, который через месяц был изгнан отрядом немецких наемников, которые покинули императора, чтобы вести войну на свой счет, то есть жить за счет грабежей. Людвиг провел лето 1329 года в Ломбардии. К концу осени он вернулся в Германию, унося с собой презрение и ненависть итальянцев. Он предал всех, кто доверял ему, и полностью дезорганизовал гибеллиновскую партию, которая полагалась на его поддержку.

КАН ГРАНДЕ ДЕЛЛА СКАЛА

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ АРИСТОКРАТ XIV ВЕКА

[1314-1329 гг. н. э.]

Эта партия только что потеряла еще одного из своих самых выдающихся лидеров, Кан Гранде делла Скала. Он был внуком первого Мастино, которого республика Верона избрала своим правителем после смерти Эззелино в 1260 году. Кан Гранде правил в этом городе с 1312 по 1329 год с великолепием, которому не было равных среди других князей Италии.

Храбрый и удачливый на войне, мудрый в совете, он завоевал репутацию щедрого и даже честного человека, на которую могли претендовать лишь немногие полководцы. Среди ломбардских князей он был первым покровителем литературы и искусств. Лучшие поэты, художники и скульпторы Италии, Данте, которому он предложил убежище, а также Угуччоне да Фаджиуола и многие другие изгнанники, прославившиеся в войне или политике, собрались при его дворе. Он стремился подчинить себе марки Вероны и Тревизо, или то, что с тех пор называется Terra Firma Венеции. Он захватил Виченцу, а затем вел долгую войну против республики Падуи, самой могущественной в этом районе и наиболее приверженной партии гвельфов и свободе. Но Падуя поддалась всем излишествах демократии; народ проявлял такую ревность ко всем различиям, такую непостоянность в своих выборах, такую самонадеянность, что неосторожность как вождей, так и толпы привела к величайшим бедствиям для республики. Падуанцы, неоднократно терпевшие поражения от Кан Гранде делла Скала с 1314 по 1318 год, искали защиты, передавая власть в руки одного человека, и для этой цели остановили свой выбор на знатном роде Каррара, который долгое время давал лидеров партии гвельфов.

Власть, сосредоточенная в руках одного человека, вскоре уничтожила всю оставшуюся храбрость и добродетель, и 10 сентября 1328 года Падуя подчинилась Кан Гранде делла Скала. В следующем году он атаковал и взял Тревизо, которое сдалось 6 июля 1329 года. Вскоре после этого он овладел Фельтре и Чивидале. Вся провинция казалась покорной его власти, но и завоеватель был покорен. Заболевший смертельной болезнью в своем лагере, он при входе в Тревизо отдал приказ перенести его постель в большую церковь, где четыре дня спустя, 22 июля 1329 года, он скончался. Ему было не более сорока одного года; Каструччо было сорок семь лет, когда он умер. Галеаццо Висконти умер примерно в том же возрасте, менее чем за год до этого.

ИОАНН БОГЕМСКИЙ ПРИБЫВАЕТ В ИТАЛИЮ

[1329-1335 гг. н. э.]

Гибеллины, выдвинувшие таких великих полководцев, таким образом, увидели, как все они исчезли сразу же в разгаре своей карьеры. Пассерино де Бонакосси, тиран Мантуи, принадлежавший к той же партии, был убит 14 августа 1328 года Гонзагами, которые таким образом отомстили за оскорбление, нанесенное жене одного из них. Они захватили власть в Мантуе и удерживали ее в своей семье до XVIII века. Из всех князей, которые хорошо приняли Людвига Баварского в Италии, маркиз д'Эсте был единственным, кто сохранил свою власть. Он был господином Феррары, и даже этот князь, хотя и был гвельфом по рождению, был вынужден интригами легата папы присоединиться к гибеллинам.

Гибеллиническая партия, которая была столь грозна благодаря способностям своих военачальников, теперь была полностью дезорганизована. Ломбарды не доверяли тем, кто остался, они забыли о свободе и не смели больше к ней стремиться, но они жаждали князя, способного защитить их и который своей умеренностью и добросовестностью мог бы дать им надежду на мир. Они не видели такого в Италии, но Германия неожиданно предложила им такого. Иоанн, король Богемии, сын Генриха VII, прибыл в Тренто в конце 1330 года. Память о его отце стала еще дороже итальянцам, когда они сравнили его поведение с поведением его преемника; и Иоанн был призван усилить эту привязанность. Он не мог смириться с варварством Чехии () и предпочитал жить в графстве Люксембург или в Париже; приобретя дух героизма благодаря постоянному чтению или прослушиванию французских рыцарских романов, он стремился к славе () стать настоящим рыцарем. В нем соединялось все, что могло с первого взгляда соблазнить людей: красота, доблесть, ловкость

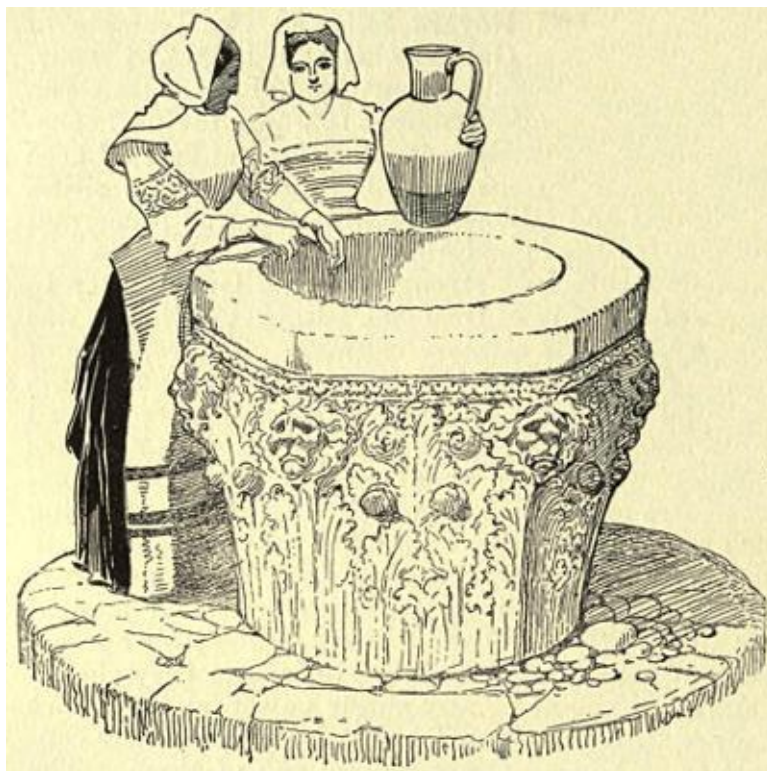
во всех телесных упражнениях, красноречие, привлекательные манеры. Его поведение во Франции и Германии, где он поочередно был воином и миротворцем, было благородным. Он никогда не искал ничего для себя; казалось, что им движет только любовь к общему благу или славе.

Итальянцы, справедливо возмущенные своими князьями, с готовностью предложили броситься в его объятия; город Брешия послал депутатов в Тренто, чтобы предложить Джованни суверенитет над своей республикой. Он прибыл туда, чтобы вступить во владение ею, 31 декабря 1330 года. Почти сразу же после этого Бергамо, Кремона, Павия, Верчелли и Новара последовали примеру Брешии. Сам Аццо Висконти, сын Галеаццо, который в 1328 году выкупил Милан у Людвига Баварского, не смог противостоять энтузиазму своих подданных; он номинально уступил власть Иоанну, взяв отныне только титул его наместника. Парма, Модена, Реджо и, наконец, Лукка также вскоре подчинились Иоанну Богемскому. Иоанн во всех этих городах без разбора вернул изгнанных гвельфов и гибеллинов, восстановил мир и наконец дал им возможность вкушать первые плоды хорошего правления.

Флорентийцы не нашли в партии гвельфов достаточной силы, чтобы противостоять угрожающему величию короля Богемии. Роберт Неаполитанский состарился; ему не хватало энергии, а его солдатам — мужества. Республика Болонья, некогда такая богатая и могущественная, утратила свою силу под правлением легата Бертрана де Пуае; республики Перуджа и Сиена располагали небольшими ресурсами, а их ревность по отношению к Флоренции мешала им использовать их свободно. В Ломбардии не осталось свободных городов, а все города в государствах церкви, которые в предыдущем столетии проявляли столько энергии, попали под гнет мелких тиранов, которые сразу же объявили о своей поддержке партии гибеллинов. Флорентийцы почувствовали необходимость замять свои наследственные вражды и давние неприязни и заключить союз с ломбардскими гибеллинами против Иоанна Богемского, с условием, что при разделе добычи все должны согласиться не допускать усиления какой-либо одной державы и сохранять между собой точное равновесие, чтобы Италия после их завоеваний не подвергалась опасности порабощения одной из них. Договор о союзе против короля Богемии и разделе государств, которые он только что приобрел в Италии, был подписан в сентябре 1332 года. Кремона должна была быть передана Висконти, Парма — Мастино делла Скала, племяннику и преемнику Кан Гранде, Реджо — Гонзага, Модена — маркизу д'Эсте, а Лукка — флорентийцам.

Джон не оказал этому союзу сопротивления, которого можно было ожидать от его мужества и талантов. Будучи непостоянным человеком, быстро утомляющимся от всего, всегда стремящимся к чему-то новому, думающим только о том, как блеснуть при дворах и на турнирах, он вскоре стал считать все эти маленькие итальянские княжества, некоторые из которых он уже потерял, слишком похожими на города и не подходящими для правителя: он продал каждый город, который сдался ему, любому дворянину, желавшему им править, и 15 октября 1333 года уехал в Париж, оставив Италию в еще большем хаосе, чем раньше. Ломбардские гибеллины, союзники флорентийцев, до конца лета 1335 года сумели захватить города, оставленные королем Богемии. Лукка, которая досталась Флоренции, защищалась отрядом немецких солдат, которые сделали ее центром своих грабежей и жестоко тиранили жителей Лукки. Мастино делла Скала предложил флорентийцам вести переговоры с капитанами, которые тогда командовали в Лукке, и ему удалось добиться сдачи города 20 декабря 1335 года. Как только он стал хозяином города, он начал льстить себе, что это даст ему возможность подчинить себе остальную часть Тосканы, и вместо того, чтобы передать город флорентийцам, как он обещал, он попытался возобновить против них гибеллинский союз совместно с пизанцами и всеми независимыми дворянами Апеннин.

ЛУККА — ЯБЛОКО РАЗДРАЖЕНИЯ

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ КОЛОДЕЦ, XIV ВЕК

[1334-1342 гг. н. э.]

Флорентийцы, вынужденные защищаться от своего союзника, который после того, как они способствовали его возвышению, предал их, искали союза с венецианцами, у которых также были причины жаловаться на Мастино. 21 июня 1336 года между двумя республиками был подписан договор. Война, в которую Флоренция вложила значительные денежные средства, велась только в Ломбардии и была успешной. 3 августа 1337 года Падуя была отвоевана у Мастино, и, поскольку этот город не проявлял горячего стремления к свободе, он был передан под власть дома Каррара из рода гвельфов. Венецианцы захватили Тревизо, Кастельфранко и Ченеду. Это было их первое завоевание за пределами лагуны, их первое поселение на суше, которое отныне должно было смешать их интересы с интересами остальной Италии. Но их амбиции в этот момент не простирались дальше. Удовлетворив себя и пожертвовав своими союзниками, они заключили мир с Мастино делла Скала 18 декабря 1338 года, не оговорив, что город Лукка, объект войны, должен быть передан флорентийцам, за что те взяли на себя долг в 450 000 флоринов. Флорентийцы, последовательно преданные всеми своими союзниками, видели, как опасность их положения увеличивается с каждым днем; гвельфы теряли одного за другим всех сторонников своей партии; энергия короля Неаполя, которому было уже семьдесят пять лет, иссякла. Папа Иоанн XXII скончался в Авиньоне 4 декабря 1334 года, а его преемник Бенедикт XII, как и он француз, не понимал и не принимал участия в делах Италии. Несколькими месяцами ранее, 17 марта 1334 года, кардинал Бертран де Пуаз был изгнан народом из Болоньи; и этот амбициозный легат, лишившийся поддержки своего отца, папы, исчез с политической арены.

Но болонцы не смогли долго сохранить завоеванную свободу. Один из их граждан, Таддео де Пеполи, самый богатый человек во всей Италии, подкупил немецкую стражу, которую

они держали на службе, и с ее помощью 28 августа 1337 года захватил власть в Болонье. Затем он заключил союз с гибеллинами. Число свободных городов, на помощь или, по крайней мере, на сочувствие которых Флоренция могла рассчитывать, постоянно уменьшалось. С начала века генуэзцы израсходовали свои силы на внутренние войны между великими семьями гвельфов и гибеллинов; однако, пока они были свободны, флорентийцы, не имея никакого союзнического договора, считали их дружественными; но затянувшиеся гражданские войны вызвали у народа отвращение к правительству; 23 сентября 1339 года они подняли восстание и свергли его, заменив синьорию единоличным правителем Бокканерой, которому они присвоили титул дожа. Можно было опасаться, что они просто обрели себе тирана, но первый дож Генуи был сторонником свободы, и генуэзцы, последовав примеру Венеции и дав своему первому государственному чиновнику этот титул, вскоре пошли еще дальше, стремясь совместить свободу с властью, сосредоточенной в руках одного человека. Тем временем Мастино делла Скала позволил пармскому дворянину отнять у него город Парму. Поскольку с того времени он не имел связи с Луккой, он предложил продать ее флорентийцам. Сделка была заключена в августе 1341 года, но для пизанцев она стала сигналом к их собственному порабощению, поскольку прервала всякую связь между ними и гибеллинами Ломбардии. Они немедленно направили свою милицию в государства Лукки, чтобы не дать флорентийцам завладеть городом, победили их в великой битве 2 октября 1341 года под стенами Лукки и 6 июля следующего года сами завладели этим городом.

Республика, подобная Флоренции, сила которой зависит от торговли, не должна участвовать в войнах, которые ее не затрагивают. Завоевания, которые она может совершить, всегда обходятся дороже, чем доходы, которые она может из них извлечь, и пробуждают ревность соседних государств, втягивая ее в новые конфликты с ними. По окончании войны, которая велась за захват Лукки, республика оказалась в огромных долгах, не сумев при этом завоевать город; а главный источник ее богатства, торговля, получил страшный удар в результате краха торговых фирм Перуцци и Барди. Эти торговые дома одолжили Эдуарду III, королю Англии, огромную сумму денег. Король был вовлечен в войну с Францией, но, хотя он в основном был победителем и часто вторгался во французские провинции, роскошь и величие его двора, неисчислимые расходы на войну, которые являются бременем даже для победителей, сделали его неспособным удовлетворить своих кредиторов, и он был вынужден не выполнить свои обязательства перед этими купцами на сумму 1 365 000 флоринов золотом. Если придать деньгам их стоимость в те времена, мы обнаружим, что она эквивалентна примерно 7 000 000 секвин [около 3 052 000 фунтов стерлингов или 15 260 000 долларов]; и, учитывая, что такой суммой потерял город Флоренция, мы можем легко представить, какой ущерб был нанесен его торговле. Ее можно было бы считать разрушенной; однако такие временные неудачи легко исправить, если основные источники богатства не исчерпаны и не перенаправлены в другое русло, а поскольку они остались нетронутыми во Флоренции, то очень скоро восполнили временный дефицит. Но это не могло произойти в более неудачный момент, чем тогда, когда государство, которое получает доходы от частных лиц, было так сильно задолжало. К этому бедствию добавился дефицит продовольствия и, что очень часто сопровождает его, эпидемия чумы, от которой, если старые писатели не преувеличивали, в том году в стенах Флоренции умерло не менее пятнадцати тысяч человек.

[1341-1342 гг. н.э.]

Чтобы хоть как-то утешить флорентийцев за эти бедствия, из Рима прибыла очень уважаемая посольская делегация. Этот город, в отсутствие понтифика, был взволнован политическими потрясениями, вызванными раздором между дворянами, поскольку ходили

слухи, что флорентийцы в значительной степени подавили свои внутренние разногласия, лишив дворянства всякого участия в правительстве. Римские послы прибыли, чтобы ознакомиться с флорентийской конституцией и со средствами, позволяющими предотвратить нарушение общественного спокойствия со стороны знати. Но в то время как римляне приезжали, чтобы научиться у флорентийцев способам мирной жизни, во Флоренции на пороге стояли новые внутренние распри. Андреа Барди и Бардо Фрескобальди были очень обижены Якопо Габриелли из Губбио, недавно назначенным капитаном гвардии и исполнителем деспотических приказов тех немногих, кто желал получить исключительную власть в свои руки, от которой были полностью отстранены как дворянство, так и простой народ, а также многие из их собственного сословия. К этим двум, страдающим от недавних обид, присоединились многие другие из числа великолепных, которые были лишены законом любой доли в правительстве, а также другие из народа, которые, из-за подавляющего превосходства, были удалены от него, и был запланирован заговор с целью смены правительства. Их иностранные друзья, Пацци, Тарлати, Гуиди, Убертини и др., должны были прибыть во Флоренцию, и 2 ноября весь город должен был подняться и свергнуть конституцию. Заговор был раскрыт за день до его осуществления Андреа Барди, который, либо из страха, либо из раскаяния, раскрыл переписку Якопо Альберти, одному из руководителей правительства. Последний, собрав совет и не теряя времени, приказал зазвонить в общественный тревожный колокол; и народ по всему городу взялся за оружие против предателей, чья помощь еще не прибыла; поэтому те, кто находился на правом берегу Арно, не двигались; на другом берегу тоже немедленно взялись за оружие и пытались защищаться на улице под названием Барди. Окруженные со всех сторон вооруженным народом, они уже собирались вступить в схватку, когда вмешался мэр Маттео из Понте, уроженец Брешии, почтенный человек; он представил Барди и Фрескобальди неминуемую опасность быть убитыми вместе со своими семьями и убедил их сложить оружие, пообещав, что заговорщики покинут Флоренцию, из которой он сам сопроводил их ночью.

Судьба, казалось, играла с флорентийцами, одновременно предлагая им город Лукка и отнимая его у них, всегда доставляя им неприятности, независимо от того, стремились ли они заполучить его с помощью оружия или денег. Мастино Скала, после потери Пармы, которая была отнята у него Аццо Корреджо, видя, что он больше не в состоянии удержать Лукку, предложил ее флорентийцам за 250 000 флоринов золотом; последние согласились; но прежде чем город перешел в их руки, им пришлось сразиться с пизанцами, которые считали, что не смогут больше сохранить свою свободу, если Лукка будет принадлежать флорентийцам. Они были бы более довольны, если бы Лукка осталась свободной, поскольку не могли победить флорентийцев деньгами; было проведено несколько советов, на которых в конце концов было решено взять в руки оружие и бороться с флорентийцами за владение Луккой, и после нескольких безрезультатных переговоров с Мастино они осадили город. Они собрали много войск как из тосканских гибеллинов, так и из лордов Ломбардии, в частности от Луккино Висконти, чью дружбу они купили предательством.

Один из первых миланских граждан, Франциск из Постьерлы, женился на близкой родственнице Луккино, красивой и добродетельной Маргарите Висконти, которая отвергла Луккино, когда он влюбился в нее. Его враждебность стала известна мужу, что побудило его организовать заговор; когда заговор был раскрыт, Франциск бежал в Авиньон, откуда Луккино самыми коварными уловками заманил его в Пизу. Несмотря на безопасный проход, который ему гарантировали правители Пизы, он был схвачен и передан Луккино, который, чтобы увенчать свою варварскую жестокость, приказал обезглавить его вместе с его любимой и несчастной супругой. За этот акт вероломства пизанцы получили мощную помощь от Луккино и смогли удержать свои позиции перед флорентийцами.

Вице-король Мастино одновременно вел переговоры с пизанцами и выставлял Лукку на аукцион. После различных споров о выплате денег флорентийцы были наконец введены в Лукку; но две крепости, принадлежавшие Луккеше, Черрульо и Монтекьяро, все еще оставались в руках пизанцев, за что было вычтено 70 000 флоринов золотом. Пизанцы, однако, не хотели уходить; и, оставаясь непоколебимыми на равнине Лукки, флорентийцы проявили бы здравый смысл, заняв оборонительную позицию и либо заняв важные посты, препятствующие транспортировке провианта пизанской армии, либо беспокоя их страну набегами; но они стыдились оставлять их в покое; и, приблизившись к врагу, они предложили им сражение возле Гиаи, от которого пизанцы не отказались; и они сражались с переменным успехом. Победа вначале склонялась в пользу флорентийцев, и Джованни Висконти, сын Луккино, был взят в плен; но, впад в беспорядок, преследуя врага, они были разгромлены и обращены в бегство отрядом, который оставался на страже лагеря. Большую роль в этой победе сыграли лучники, среди которых было много генуэзцев, прославившихся в этом виде ведения войны. Кавалерия флорентийцев, значительно превосходившая по численности кавалерию пизанцев, была в значительной степени выведена из строя стрелами. Потери флорентийцев в убитых и пленных составили не менее двух тысяч человек. Пизанцы, воодушевленные этим преимуществом, вновь окружили Лукку. Довольно странно было видеть, как в этот момент появились послы короля Роберта, требуя от флорентийцев передачи Лукки в его собственность, говоря, что Лукка была передана в его руки в 1313 году, когда она была отнята у них Угуччоне да Фаджиуола. Однако быстрое согласие флорентийцев, которые таким образом потеряли город, которого они так желали и который они приобрели ценой огромных сокровищ и крови, вызвало не меньшее удивление.

Те же послы, вступив во владение, отправились в Пизу и предложили этой республике снять осаду с города, принадлежавшего королю Неаполя; но пизанцы, не сдаваясь так легко, предложили вместо этого послать послов к королю. Можно предположить, что король, как давний друг флорентийцев, действовал с ними сообща, чтобы заставить пизанцев отступить, как те и подозревали. Малатеста был назначен генералом флорентийцев и выступил, чтобы снять осаду с Лукки; однако он был искусно сдержан капитаном пизанцев, который, не имея достаточного количества людей, чтобы справиться с флорентийцами, и зная, насколько сильно Лукка испытывала нехватку провианта, решил сражаться, выигрывая время. Герцог Афинский прибыл к флорентийской армии со ста французскими всадниками; с прибытием других подкреплений были проведены различные операции на Серкио, где пизанцы, хотя и уступая по численности, оказали отважное сопротивление; Малатеста, превосходивший их по силе, так и не смог вытеснить их или заставить вступить в бой; и после многих попыток освободить Лукку он был вынужден отступить. Таким образом, оставленные без поддержки луккчане были вынуждены пойти на очень умеренные условия с пизанцами, которые (дав время флорентийцам, находившимся в городе, на отступление) согласились оставить гарнизон на пятнадцать лет в замке Лукки, называемом Делл'Агоста в Понте Тетто, и в башне Монтуоло, за что, однако, должны были платить луккчане; во всех остальных отношениях они были свободны. Таким образом, после растраты стольких сокровищ и крови, Лукка, которая была так желанна, была удержана на мгновение и снова потеряна.

ГЕРЦОГ АФИНСКИЙ СТАЛ ЗАЩИТНИКОМ ФЛОРЕНЦИИ

Эти неудачные события, как обычно, вызвали ненависть к правителям Флорентийской республики. Последние, чтобы прикрыть себя и отвлечь внимание и ярость врагов в другое место, избрали правителем и защитником города и его государств Вальтера, герцога Афинского и графа Бриенна, французского происхождения, но воспитанного в Греции и

Апулии. Поскольку он выполнял обязанности герцога Калабрии во Флоренции, этот человек приобрел большую репутацию мудрости и справедливости; и после истечения срока правления Малатесты был избран генералом и защитником с самыми широкими полномочиями по отправлению правосудия во Флоренции и за ее пределами. Герцог был человеком с огромными амбициями и обладал достаточным талантом, чтобы извлечь выгоду из обстоятельств, в которых находился город, разделенный на три сословия: дворянство, богатый средний класс и простой народ. Правительство полностью находилось в руках второго сословия; поэтому два других сословия были неизбежно недовольны; и, добавив свои старые обиды к несчастьям, которые постигли республику из-за недальновидного управления тех, кто правил, их жалобы становились все чаще и смелее; но наиболее раздраженными, и, вероятно, с наибольшей причиной, были дворяне. Народ, не довольствуясь тем, что лишил его всякого участия в правительстве, не хотел даже отправлять правосудие в его отношении; он приводил в исполнение законы против него самым суровым образом, законы, которые в большинстве своем молчали в пользу правящего сословия; и таким образом, даже в последнем сословии не было недостатка в людях, которым правительство стало ненавистным, поскольку самые важные должности были сосредоточены в руках немногих.

Все эти недовольные люди объединились с герцогом, убедительно прося его стать абсолютным правителем города, и пообещали поддерживать его, предпочитая рабство в своей родной стране свободному, но аристократическому правительству, в котором они не имели никакого участия. Герцог поддержал и поощрил это благосклонное к нему отношение; и благодаря некоторым решительным действиям, которые выглядели как проявление самой скрупулезной справедливости, он заслужил аплодисменты недовольных и вселил страх в народ, привлек к ответственности и заставил некоторых из тех, кто делил между собой главные должности, почувствовать всю строгость законов, оставаясь безнаказанными и, следовательно, вызывая ненависть остальных. Джованни де Медичи, один из самых влиятельных, был капитаном Лукки. После ареста он под пытками признался, что позволил Энрике Тарлати () сбежать из лагеря (хотя, по слухам, он был виновен только в плохом охранении), и был обезглавлен. Такая же участь постигла Вильгельма Альтвити (William Altoviti), обвиненного в бартере. Росссо Риччи и Нальдо Ручеллай также были арестованы; первый присвоил себе жалованье солдат, второй получил деньги от пизанцев, чтобы поддержать их интересы. Герцог не решился наказать их смертью, опасаясь, что слишком много крови может вызвать отвращение у народа; поэтому они были сначала приговорены к уплате денежной суммы, Риччи — к пожизненному заключению, а Ручеллай был сослан на окраину Перуджи. Эти наказания, наложенные на четыре из главных семей, которые привыкли оставаться безнаказанными и были ненавистны народу и знати, вызвали бурные аплодисменты герцогу, который, считая свой план по установлению абсолютной власти уже зрелым и осознавая, что обладает необходимой для этого силой, тем не менее решил обратиться за поддержкой к гонфалоньеру и приорам, которые отказали ему в этом, высказав скромные, но твердые возражения.

Итальянский солдат XIV века

Но магистратура, зная о большой популярности герцога среди народа, чтобы не вызвать опасных беспорядков, поскольку на следующее утро народ собирался собраться, согласилась предоставить ему власть на год с теми ограничениями, которые ранее действовали в отношении короля Роберта и герцога Калабрийского. Накануне вечером магистратура вместе с другими уважаемыми гражданами отправилась к герцогу, который, чтобы заслужить большее уважение за свою набожность и умеренность, проживал в монастыре Санта-Кроче, и после долгих обсуждений они сделали вид, что согласились на это. Условия были подписаны нотариусами обеих сторон и утверждены клятвой герцога, который утром 8 сентября прибыл во дворец приоров в сопровождении большей части знати, бесчисленной толпы вооруженных людей и своих войск. Гонфалоньер огласил решения, принятые вечером, и когда стало известно, что сеньория Флоренции передается герцогу на год, многие из низших слоев народа закричали: «На всю жизнь!» (*a vita*). Двери дворца были открыты, и он был введен в него дворянами и провозглашен абсолютным правителем, а приоры и гонфалоньер, сохранившие только свои титулы, были отправлены в другое место, чтобы сыграть сцену фарса. В знак радости запустили фейерверки. Герб герцога висел на каждом углу; под звон всех колоколов его знамена были подняты на башню; епископ Аччаджуоли произнес проповедь, в которой громко восхвалял предполагаемые добродетели герцога. Все города республики также сдались ему; таким образом, он стал хозяином Флоренции, но не с ограниченной властью, которой королевская семья Неаполя не раз обладала, а с абсолютной властью, частично предоставленной ему, а частично узурпированной. Право жизни и смерти над людьми, распределение должностей, введение налогов или пошлин — все было по его воле; столько может сделать мгновенное заблуждение, когда оно порождено яростью партий!

РАСТУЩАЯ НЕПОПУЛЯРНОСТЬ ГЕРЦОГА АФИНСКОГО

Те, кто должен был больше всего выиграть от перемен, были так называемые великие, которые до сих пор были лишены должностей и вынуждены подчиняться правительству купцов, а теперь имели все основания надеяться, что герцог, к которому их ранг приближал их больше, чем других, окажет им свою милость и предоставит немалую долю в правительстве. Одним из первых действий герцога было заключение мира, а затем союза с пизанцами, поскольку он считал необходимым укрепить свое господство, что очень не понравилось флорентийцам. Легче завоевать государства, чем удержать их. Избранных, которым пошла на руку эта перемена, может быть немного, и они вызывают бесконечное недовольство среди тех, кто ожидал или считал, что им полагается такая же награда. Ум, который при осуществлении предприятия был усердно бдителен и активен, как только достиг своей цели, обычно привыкает расслабляться в тот момент, когда его бдительность должна быть усилена. Герцог думал, что сможет силой сохранить то, что приобрел благосклонностью, и нанял на службу много иностранных войск за счет республики, что было недостаточным средством против густонаселенного города, который мог быть настроен враждебно.

Вскоре он пренебрег дружбой великих и начал культивировать дружбу с простым народом, распространяя свои милости на самых низших, чтобы заслужить их мощную поддержку. Важные лица были казнены по незначительным поводам; другие были подвергнуты крупным денежным штрафам. К этому добавились наглость и разврат герцога и его приспешников по отношению к самым честным женщинам, среди которых они пытались внедрить распутные обычаи и нравы французского и неаполитанского дворов и заменить ими скромные и пристойные нравы республиканских флорентийцев. Не только обычный разврат унижал его придворных, но даже пороки, которые природа ненавидит. Семена недовольства были посеяны во всех слоях общества — в дворянстве, помимо приведенных нами мотивов, из-за того, что они не были допущены к управлению, как они ожидали; в народе — из-за того, что он его утратил; во всех слоях общества — из-за увеличения налогов, так что прошло всего три месяца, как правление герцога стало вызывать еще более сильную ненависть, чем раньше вызывало желание.

Герцогу нетрудно было заметить эту перемену и растущую ненависть народа к нему, но его поведение в этих обстоятельствах было не очень разумным. Естественным было предположить, что в новом княжестве против него может быть заговор, но он решил завоевать любовь народа, демонстрируя уверенность и необычайную безопасность, что дошло до того, что он не только презирал, но даже наказывал как клеветников всех, кто осмеливался давать ему полезные советы. Матфей из Мороццо, предупредивший его о том, что семья Медичи замышляет убить его, был, в результате жестокого, бесполезного и неосторожного поступка, заживо снят с кожи и повешен; однако этот страшный пример не отпугнул других, настолько велики были надежды и смелость доносчиков. Ламберт Абатти последовал за Матфеем, дав информацию и получив наказание; за то, что он сообщил герцогу, что некоторые флорентийские дворяне замышляют его смерть и что они провели совет с Джоном Риччо, капитаном Мастино из Мастино (), он получил награду, положенную доносчику. Эта жестокая суровость, не завоевав ему расположение флорентийцев, привела лишь к тому, что недовольные стали более открыто замышлять против него. Однако герцог, проявив беспрецедентную легкомысленность, по-видимому, больше заботился о словах, чем о делах, поскольку, когда ему доложили, что Беттоне из Чино, которого он уже повысил, плохо отзывался о его правлении, он приказал вырвать ему язык, насадить его на копье и везти несчастного Беттоне на телеге по городу. Затем он сослал его в Романью, где тот умер от последствий ранения.

Словами не выразить, насколько в красноречивом городе, стремящемся исследовать и судить о публичных делах, такое наказание сразу же обескуражило и озлобило граждан против него, которые таким образом увидели, что им отказано даже в свободе слова. Все сословия государства восстали против герцога; против него было организовано три заговора одновременно, и ни один из них не знал о существовании других. Во главе первого стоял епископ Флоренции (сам Аччаджуоли), который при его первом вступлении в должность осыпал герцога чрезмерными похвалами, а теперь стыдился этого. Поскольку три заговора не связывались друг с другом, планы по избавлению от герцога были различными, и ни один из них не мог быть осуществлен, потому что, по мере роста подозрений, он бдительно поставил себя на стражу, хотя заговорщики в течение значительного времени оставались незамеченными. Франческо Брунеллески, один из сторонников герцога, получил намек о заговоре Медичи от сиенца, который приехал туда, но смог назвать только Паоло Марзекку, флорентийского гражданина, и Симоне из Монтерапполи. Они были арестованы и под пытками раскрыли имена заговорщиков, главой которых был Антонио Адимари, человек, пользовавшийся большой репутацией как благодаря своим качествам, так и величию своей семьи. Когда его вызвали, он явился и был задержан, но герцог не осмелился казнить его.

ГЕРЦОГ ИЗГНАН ИЗ ГОРОДА

Испугавшись большого числа и респектабельности заговорщиков и не считая, что у него достаточно сил, чтобы действовать против них, он послал за помощью в разные части Тосканы и к господину Болоньи; когда часть помощи прибыла, он созвал триста главных граждан (), многие из которых были заговорщиками, под предлогом желания посоветоваться с ними, как он иногда делал. Он намеревался арестовать их, казнить часть и оставить остальных в тюрьме, а этой казнью запугать остальных жителей города, прочесать его вооруженными людьми и более прочно установить свое господство. Когда приглашение стало известно, и в списке оказалось столько имен, что он явно выглядел как список проскриптов, это число придало смелости каждому из них; вскоре три заговора объединились в один, и они решили, вместо того чтобы подвергнуть свои головы тирану, смело напасть на него. Наступило утро святой Анны, которое было назначено для предприятия, и между людьми были умышленно разжечены споры, которые перешли в драку, и вдруг народ появился с оружием; улицы были забаррикадированы; дворяне и народ, забыв о своих давних спорах, обнялись и объединились в поддержке общего дела. Иностранные солдаты герцога, узнав о восстании, поспешили ему на помощь; многие не смогли пробиться во дворец и были либо убиты, либо взяты в плен. Некоторые, однако, подошли и присоединились к страже, которая обычно оставалась там. К нему пришли несколько дворян, которые остались ему верны, и часть низших слоев населения, которых он пытался привлечь на свою сторону, но, увидев, что большая часть города открыто восстала против него, они покинули его. Приоры, которые в начале беспорядков неосторожно укрылись в дворце в поисках безопасности, были взяты герцогом в заложники. Солдаты, часть пеших, часть конных, которые находились на площади для его защиты, были очень скоро разбиты разъяренной толпой и, спешившись, укрылись в дворце. Все улицы, ведущие к дворцу, были заблокированы народом, и у герцога не осталось никакой надежды на помощь или другую защиту, кроме стен. Они были очень крепкими и достаточно укомплектованными защитниками, однако не хватало провианта. Он оставался там в осаде до 3 августа. Тем временем, собрав народ в Санта-Рапарате, он передал власть епископу, объединившемуся с четырнадцатью гражданами, для реформирования правительства. Все агенты герцога, попавшие в руки народа, были жестоко убиты и разорваны на куски. Такая же участь постигла нотариуса протектора (Симоне Норча), Арриго Фей, который был

обнаружен при попытке побега, переодетый монахом, вместе с другим неаполитанцем. Народ не удовлетворился простой смертью, но публично убил их самым жестоким образом.

Итальянский воин XIV века

Тем временем герцог оказался в дворце, страдая от голода, и, видя, что его положение ухудшается, стал искать компромисс. Послы Сиены присоединились к флорентийцам с своевременной помощью. Они вместе с епископом и графом Симоне вели переговоры с народом, который, однако, упорно отказывался от любых условий, если им сначала не будут выданы протектор Вильгельм из Ассизи с сыном и Череттери Висдомини. Герцог отказался, но французские солдаты, которые были заперты там, заявили, что не будут гибнуть от голода или меча из-за трех человек, которых они даже не спасли бы, и в тот же вечер выбросили сына консерватора за ворота. Он был молодым человеком с прекрасной внешностью, ему было восемнадцать лет, и он не был виновен ни в каком преступлении, кроме того, что был сыном ненавистного человека. Этого было достаточно, чтобы толпа принесла его в жертву; он был зарезан тысячей ударов ножом и даже разорван на куски зубами толпы. Такая же участь постигла и отца, который был свидетелем казни своего сына. Его громкими криками выгнали из дворца, разрезали на куски, пронесли по городу в знак триумфа, а его кровь и плоть с диким нетерпением пробовали на вкус. Странно видеть, как люди, объединившись, могут совершать такие жестокие действия, на которые ни один человек в отдельности не был бы способен; похоже, что страсти умножаются пропорционально увеличению числа толпы, и что, думая отомстить, возникает соперничество в жестокости, которое заставляет каждого соревноваться с другим в излишествах варварства. Эта жестокая занятость стала причиной спасения Висдомини, который, будучи забыт в тот момент, смог сбежать ночью. После стольких жестокостей народ начал заниматься договорами о примирении. Герцог дал полную власть заключать их посредством епископа Лечче четырнадцати избранникам и епископу Аччаджуоли. Этим договором он торжественно отказался 3 августа перед сиенскими послами и графом Симоне

от правления Флоренцией и другими городами республики; в знак отказа он сложил свою булаву перед свидетелями. Он уехал 6 августа в сопровождении графа, который приказал ему на границе подтвердить свою отречение. Сначала он отказался, но, под угрозой возвращения во Флоренцию, был вынужден ратифицировать ее. Он оставил после себя ужасную и позорную память; единственная похвала, которую заслуживает его правление, — это то, что он постарался объединить многих граждан, которые были отчуждены друг от друга из-за укоренившейся и наследственной ненависти.^е

ПОПЫТКИ РЕФОРМ

Эти события, происходившие в городе, побудили все зависимые от Флоренции государства сбросить иго, так что Ареццо, Кастильоне, Пистойя, Вольтерра, Колле и Сан-Джеминьяно подняли восстание. Таким образом, Флоренция в одно и то же время лишилась и своего тирана, и своих владений, и, восстановив свою свободу, научила своих подданных, как они могут стать свободными. После изгнания герцога и потери территорий четырнадцать граждан и епископ решили, что лучше будет поступить с подданными мирно, чем нажить себе врагов войной, и продемонстрировать желание, чтобы их подданные были такими же свободными, как и они сами. Поэтому они послали послов к жителям Ареццо, чтобы отказаться от всякого господства над этим городом и заключить с ними договор, с тем чтобы, не имея возможности удержать их в качестве подданных, использовать их в качестве друзей. Они также, насколько это было в их силах, договорились с другими городами, что те сохранят свою свободу и, будучи свободными, будут взаимно помогать друг другу в сохранении своих свобод. Эта благоразумная линия поведения принесла самые благоприятные результаты: через несколько лет Ареццо вернулся под власть Флоренции, а другие города в течение нескольких месяцев вернулись к прежнему повиновению. Таким образом, часто бывает, что мы быстрее достигаем своих целей, проявляя кажущееся безразличие к ним, чем упорным стремлением к ним.

Урегулировав внешние дела, они теперь обратились к рассмотрению внутренних дел города; и после некоторой перепалки между дворянством и народом было решено, что дворянство должно составлять одну треть сеньории и занимать половину других должностей. До сих пор город был разделен на шесть частей, и, следовательно, было шесть сеньоров, по одному на каждую шестую часть, за исключением случаев, когда по какой-то необычной причине их создавалось двенадцать или тринадцать, но когда это происходило, их число вновь сокращалось до шести (). Теперь казалось желательным внести изменения в этом отношении, как потому, что шестые части были разделены ненадлежащим образом, так и потому, что, желая дать свою долю великим, стало желательным увеличить их число. Поэтому они разделили город на четверти и для каждой создали по три сеньора. Они упразднили должность гонфалоньера правосудия, а также гонфалоньеров народных компаний; и вместо двенадцати буонуomini, или добрых людей, создали восемь советников, по четыре от каждой партии. После того как правительство было установлено в этом вопросе, город мог бы находиться в покое, если бы великие были довольны жить в той умеренности, которую требует гражданское общество. Но они добились противоположного результата, поскольку те, кто не занимал должности, не вели себя как граждане, а те, кто был у власти, хотели быть господами, так что каждый день приносил новые примеры их наглости и гордости. Все это было очень тягостно для народа, и он начал сожалеть о том, что вместо одного свергнутого тирана появилось тысяча новых. Высокомерие одной партии и гнев другой достигли такой степени, что главы народа пожаловались епископу на неподобающее поведение знати и на то, что она стала неподходящим союзником для народа, и просили его постараться убедить их довольствоваться своей долей управления в других должностях и полностью оставить магистратуру сеньории за собой.

Епископ был по натуре благонамеренным человеком, но его недостаток твердости делал его легко поддающимся влиянию. Поэтому по настоянию своих соратников он сначала благоволил герцогу Афинскому, а затем, по совету других граждан, вступил в заговор против него. При реформе правительства он благоволил дворянству, а теперь, по-видимому, склонялся в сторону народа, движимый причинами, которые тот выдвигал. Думая, что найдет в других ту же нестабильность намерений, он попытался достичь мирного соглашения. С этой целью он созвал четырнадцать человек, которые еще занимали свои должности, и в самых лучших выражениях, какие только мог придумать, посоветовал им передать сеньорию народу, чтобы обеспечить мир в городе, и заверил их, что если они откажутся, то, скорее всего, это приведет к гибели.

Эти слова вызвали ярость дворянства до предела, и Ридольфо де Барди без меры упрекнул его в малой вере, напомнив ему о его дружбе с герцогом, чтобы доказать двуличие его нынешнего поведения, и сказав, что, изгнав его, он поступил как предатель. В заключение он сказал ему, что честь, которую они завоевали, рискуя собственной жизнью, они будут защищать, рискуя собственной жизнью. Затем они покинули епископа и в великом гневе сообщили о случившемся своим соратникам в правительстве и всем семьям дворянства. Народ также высказывал друг другу свои мысли, и, пока дворяне готовились к защите своих сеньоров, он решил не ждать, пока они завершат свои приготовления, и, вооружившись, поспешил к дворцу, крича по дороге, что дворяне должны отказаться от своей доли в правительстве. Шум и волнение были поразительными. Сеньоры дворянства оказались брошенными, ибо их друзья, увидев весь народ в оружии, не осмелились встать на их защиту, а каждый остался в своем доме. Сеньоры из народа пытались успокоить возбуждение толпы, утверждая, что их соратники — добрые и умеренные люди, но, не добившись успеха в своей попытке, чтобы избежать большего зла, отправили их домой, куда их с трудом и довели. После того как дворяне покинули дворец, должность четырех советников была отобрана у их партии и передана двенадцати представителям народа. К восьми оставшимся сеньорам () был добавлен гонфалоньер правосудия и шестнадцать гонфалоньеров народных компаний; совет был реформирован таким образом, что власть полностью осталась в руках народной партии.

ВОЙНА ФРАКЦИЙ В ФЛОРЕНЦИИ

В то время, когда происходили эти события, в городе царил большой дефицит, и недовольство преобладало как среди высших, так и среди низших классов; в последних из-за нехватки продовольствия, а в первых из-за потери власти в государстве. Это обстоятельство побудило Андреа Строцци подумать о том, чтобы стать правителем города. Продавая свое зерно по более низкой цене, чем другие, он привлек к своему дому большое количество людей; ободренный этим зрелищем, он однажды утром сел на лошадь и, сопровождаемый значительным количеством людей, призвал народ к оружию и в короткие сроки собрал около четырех тысяч человек, с которыми он направился к сеньории и потребовал открыть ворота дворца. Но сеньоры угрозами и силой, которой они располагали во дворце, изгнали их из двора, а затем провозгласили указ, который настолько напугал их, что они постепенно рассеялись и вернулись в свои дома, а Андреа, оказавшись в одиночестве, с трудом избежал попадания в руки магистратов.

Это событие, хотя и было актом большой смелости и сопровождалось результатом, который обычно следует за такими попытками, вселило в умы знати надежду на победу над народом, видя, что даже самые низшие из плебеев были враждебно настроены по отношению к ним. И чтобы извлечь выгоду из этого обстоятельства, они решили вооружиться и с помощью оправданной силы вернуть те права, которых были

несправедливо лишены. Они были настолько уверены в успехе, что открыто запасались оружием, укрепляли свои дома и даже посылали за помощью к своим друзьям в Ломбардию. Народ и сеньория готовились к обороне и просили помощи у Перуджи и Сиены, так что город был заполнен вооруженными сторонниками обеих партий. Дворяне по эту сторону Арно разделились на три части: одна заняла дома Кавиччулли, расположенные рядом с церковью Святого Иоанна; другая — дома Пацци и Донати, расположенные рядом с большой церковью Святого Петра; третья — дома Кавальканти на Новом рынке. Те, кто находился за рекой, укрепили мосты и улицы, на которых стояли их дома; Нерли защищали мост Карраджа; Фрескобальди и Манелли — церковь Святой Троицы; а Росси и Барди — мост Рубаконте и Понте Веккьо. Народ собрался под знаменем справедливости и знаменами ремесленных гильдий.

Обе стороны, таким образом, выстроились в боевом порядке, и народ счел неразумным откладывать сражение, и атаку начали Медичи и Рондинелли, которые напали на Кавиччулли, чьи дома выходили на площадь Святого Иоанна. Здесь обе стороны сражались с большим упорством и наносили друг другу ранения: с башен камнями и другими снарядами, а снизу стрелами. Они сражались в течение трех часов, но силы народа продолжали расти, и Кавиччулли, оказавшись в меньшинстве и не надеясь на помощь, сдались народу, который спас их дома и имущество; разоружив их, он приказал им разойтись по домам своих родственников и друзей и оставаться без оружия. Победив в первом нападении, они легко одолели Пацци и Донати, число которых было меньше, чем тех, кого они подчинили; так что на этой стороне Арно остались только Кавальканти, которые были сильны как благодаря выбранному ими посту, так и благодаря своим последователям. Тем не менее, видя, что все гонфалоньеры против них, а остальные были побеждены тремя гонфалоньерами, они сдались, не оказав большого сопротивления. Три части города теперь были в руках народа, и только одна оставалась во владении знати; но эта часть была самой сильной, как благодаря тем, кто ее удерживал, так и благодаря ее положению, защищаемому рекой Арно; поэтому сначала необходимо было захватить мосты. Сначала был атакован Понте Веккьо, который оказал отважное сопротивление, поскольку башни были вооружены, улицы забаррикадированы, а баррикады защищались самыми решительными людьми, так что народ был отбит с большими потерями. Увидев, что их усилия в этом месте бесплодны, они попытались захватить мост Рубаконте, но, не добившись большего успеха, оставили четырех гонфалонеров охранять два моста, а с остальными атаковали мост Карраджа. Здесь, хотя Нерли и защищались как храбрые люди, они не смогли противостоять ярости народа, поскольку этот мост, не имея башен, был слабее других и был атакован Каппони и многими семьями, жившими в том районе. Будучи атакованными со всех сторон, они покинули баррикады и уступили место народу, который затем победил Росси и Фрескобальди, поскольку все, кто находился за Арно, присоединились к победителям.

[1343-1344 гг. н. э.]

Теперь сопротивление оказывали только Барди, которые оставались неустрашимыми, несмотря на поражение своих друзей, объединение народа против них и малую вероятность успеха, которая, казалось, у них была. Они решили умереть в бою и скорее увидеть свои дома сожженными и разграбленными, чем подчиниться власти своих врагов. Они защищались с таким упорством, что было предпринято много безуспешных попыток победить их, как на Понте Веккьо, так и на Рубаконте, но их враги всегда отступали с потерями.

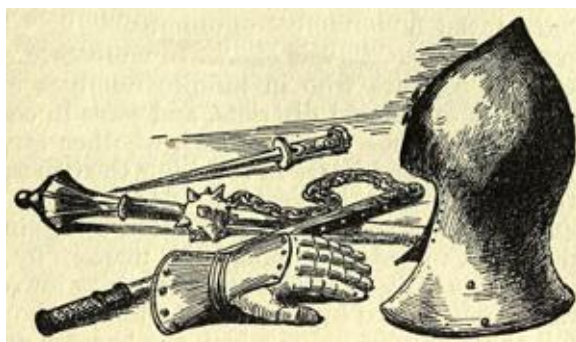
В прежние времена между домами Питти была улица, ведущая от римской дороги к стенам на горе Св. Георгия. По этой дороге народ послал шесть гонфалонеров с приказом атаковать их дома с тыла. Эта атака сломила решимость Барди и решила исход дня в пользу народа; ибо когда те, кто защищал баррикады на улице, узнали, что их дома грабят, они оставили основное сражение и поспешили на их защиту. Это привело к потере Понте Веккьо; Барди бежали во всех направлениях и были приняты в домах Кваратези, Панзанези и Моцци. Народ, особенно низшие классы, жадные до добычи, грабили и разрушали их дома, сносили и сжигали их башни и дворцы с такой яростью, что даже самый жестокий враг Флоренции постыдился бы участвовать в таком бессмысленном разрушении.

После того как знать была таким образом побеждена, народ реформировал правительство; и поскольку он делился на три сословия — высшее, среднее и низшее, — было постановлено, что первое должно назначить двух сеньоров, два последних — по три, а гонфалоньер должен выбираться поочередно из любой из сторон. Кроме того, были возобновлены все правила, ограничивающие права дворянства, а чтобы еще больше ослабить его, многие были понижены до положения простого народа. Гибель дворянства была настолько полной и угнетала их настолько, что впоследствии они больше не осмеливались братья за оружие для восстановления своей власти, а вскоре стали крайне смиренными и униженными. И таким образом [добавляет Макиавелли] Флоренция утратила свою щедрость и отличие в оружии.¹

ВЕЛИКАЯ ЧУМА

[1344-1346 гг. н. э.]

Более тридцати лет тяжелая цепь несчастий падала, звено за звеном, на преданный город Флоренцию; войны, болезни, бедность, голод, наводнения, пожары и кровавые революции последовательно испытывали дух ее сыновей; однако его эластичность была настолько велика, что они все же поднимались выше и продолжали следовать своему привычному курсу национального предпринимательства. Когда казалось, что несчастья наконец иссякли, они вновь были поражены, как и весь мир, самым смертоносным ударом — великой и опустошительной чумой 1348 года.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ОРУЖИЕ XIV ВЕКА

Это страшное бедствие, начавшееся на Дальнем Востоке и мрачно прокатившееся по западному миру, с необычайной силой обрушилось на Флоренцию, где люди были предрасположены к болезни из-за череды событий, которые повлияли на всю общину как морально, так и физически. Еще в 1345 году с конца июля до начала ноября шли необычные и постоянные дожди, сопровождавшиеся землетрясениями; урожай был почти полностью уничтожен; виноград почти не созрел; возделывание земли было прервано, а то небольшое вино, которое удалось произвести, оказалось некачественным.

Арно снова затопил половину Флоренции; реки, разбухшие до уровня потоков, переливались через берега и мосты и опустошали все районы; Рифреди и Борджетто были разрушены рекой Терзолла; Муньоне и Римаджо нанесли такой же ущерб, и в столице с каждым часом ожидалось разрушительное наводнение.

Урожай следующего года был потерян, а дожди продолжали лить в апреле, мае и июне 1346 года, сопровождаясь бурями и ураганами и частичным уничтожением мелких семян; несчастье, казалось, не давало покоя не только Флоренции; Франция и остальная часть Италии были охвачены такими же опасениями; снова не удался урожай зерна и винограда; домашняя птица погибла из-за нехватки корма; поголовье всех видов скота ужасающе сократилось; цена на масло стала огромной, а фрукты почти полностью исчезли. Земля давала максимум четверть, а в некоторых местах только шестую часть обычного урожая, и даже тот был некачественным; нужда наступила как вооруженный человек; крестьяне покидали свои фермы и грабили друг друга из чистой необходимости; или же просили хлеба во Флоренции, где скопление голодающих несчастных было ошеломляющим.

Никакую землю нельзя было возделывать, если владелец не предоставлял своим рабочим пропитание натурой в дополнение к необходимым семенам, а это было почти невозможно даже при огромных затратах; во время предыдущих засух кукуруза была чрезвычайно дорогой, но все же ее можно было достать; теперь его почти не было даже за самые высокие цены, пока правительство, приложив огромные усилия и просто за счет денег, не импортировало его из Мареммы, Романьи, Сицилии, Сардинии, Калабрии, Барбарии, Туниса и архипелага. Но даже получение этого было затруднительным, поскольку Пиза, находящаяся в таком же бедственном положении, задерживала все, что поступало в Порто-Пизано, до тех пор, пока не был снабжен ее собственный рынок. Таким образом, было потрачено тридцать тысяч флоринов, треть из которых, как предполагается, попала в казну нечестных и бездушных растратчиков. Правительство построило десять больших печей и укрепило их баррикадами (), где днем и ночью мужчины и женщины постоянно занимались выпечкой хлеба; его раздавали каждое утро под звуки большого колокола в церкви, монастыри, сельские приходы и голодным людям, но с большим трудом из-за сильного давления голодающей толпы. В апреле 1347 года по полученным хлебным талонам было установлено, что не менее девяноста четырех тысяч человек ежедневно получали по два

хлеба из этих печей. В это число не входили граждане и их семьи, которые уже были обеспечены и не участвовали в общественном распределении, а покупали более качественный хлеб по цене, более чем в два раза превышающей цену, в многочисленных частных печах. Также не учитывались религиозные нищие и другие систематические попрошайки, которые в бесконечном количестве стекались во Флоренцию из соседних городов и районов и постоянно вступали в перепалки с горожанами. Однако никому не отказывали, будь то чужак или подданный, и все классы объединились, чтобы облегчить всеобщее бедствие. Увеличение урожая пшеницы в 1347 году привело к снижению цены в конце июня, которая, однако, вскоре снова поднялась из-за стремления пекарей покупать, чтобы поддержать рынок, отказываясь производить более определенного количества. Это погрузило город в хаос; начались беспорядки, которые приоры успокоили, повесив пекаря, который начал эту систему, и зерно упало до своей естественной стоимости, которую постепенно снижала урожайность.

[1346-1350 гг. н.э.]

Смерть и болезни, конечно, сопровождали эти страдания, и чтобы облегчить общее бедствие, приоры еще в марте постановили, что никто не должен быть арестован за долги менее ста золотых флоринов до следующего августа; а также, с премией за импорт, установили максимальную цену на бушель пшеницы; это было бесполезно, потому что голод, подкрепленный деньгами, победил закон, и зерно продавалось за двойную цену по сравнению с государственной. Для дальнейшего облегчения положения все заключенные в государственных тюрьмах были освобождены по соглашению с их кредиторами и врагами, поскольку в этих местах уже началась смертность, достигавшая двух-трех человек в день; государственные должники, задолжавшие менее ста флоринов, также были освобождены после уплаты пятнадцати процентов от суммы штрафа; но очень немногие могли воспользоваться этой мерой, поскольку все страдали от бедности, голода и бедствий.

Теперь начали проявляться последствия: женщины и дети из беднейших слоев населения погибали под тяжелым гнетом; это продолжалось до ноября и унесло около четырех тысяч душ; но еще хуже было в Прато, Пистойе и Болонье, в Романье и по всей Франции. В Турции, Сирии, Татarii и Индии болезни бушевали с невиданной силой, порождая и распространяя тысячи удивительных рассказов, таких как огне, вырывающемся из земли и воздуха и пожирающем людей, скот, дома, деревья и даже превращающем саму землю и камни в пепел: те, кто избежал этого, умирали от чумы; а на берегах Танаиса, в Трапезунде и во всех соседних странах в живых остался только один человек из пяти; в других местах, как говорят, шел дождь из больших черных личинок с восемью ногами, некоторые из которых были живыми, а некоторые мертвыми, чье жало было смертельным, а разложение отравляло атмосферу; но это наименее невероятные из многочисленных басен, которые эта всеобщая беда породила в болезненном воображении и в которые все люди, охваченные ужасом, верили безоговорочно. Турция, Греция, Египет, Сирия, Крит, Родос и другие восточные острова пали перед чумой; оттуда она распространилась с торговыми путями на Сицилию, Сардинию, Эльбу, Корсику и по всему побережью Италии; четыре генуэзские галеры принесли ее в этот город из восьми, которые бежали из Эвксинского моря; Милан едва почувствовал ее, но, поскольку тогда еще не было лазаретов, она пронеслась через Альпы, проникла в каждую долину Савойи, опустошила Прованс и Дофине, заразила Бургундию и Каталонию; обошла стороной Брабант (), но, продолжая свой путь, несла смерть и страдания по всей остальной Европе до 1350 года, когда она проникла даже в северные регионы и почти опустошила Исландию, которая до сих пор не оправилась от ее удара.

«Эта болезнь, — говорит Джованни Виллани, —¹ была такова, что никто не выживал после ее нападения в течение трех дней; в паху и под мышками появлялись определенные опухоли; затем больной начинал кашлять кровью; и священник, который принимал у него исповедь, и сосед, который ухаживал за ним, часто заражались этой болезнью, так что все больные были брошены на произвол судьбы: без исповеди, без причастия, без лекарств, без ухода; однако папа даровал прощение каждому священнику, который причащал, принимал исповедь или навещал и ухаживал за умирающим».

Это было в 1347 году, и в течение трех дней проводились торжественные процессии и приносились жертвы, чтобы отвлечь чуму от Флоренции; в декабре цена на хлеб снова выросла, потому что Романья поглотила каждый бушель зерна из района Муджелло; Венеция была пуста и нуждалась; вторжение Людовика Венгерского в Апулию, а также чума на побережье помешали ей получать обычные поставки из Сицилии и южной Италии. Вокруг Флоренции были выставлены стражи, и снова было закуплено зерно, так что 1348 год наступил со страхом и надеждой, но с некоторым уменьшением бедствий. Все эти страдания болезненно подготовили почву для более тяжелых бедствий, которые обрушились с убийственной силой на больной, слабый и унылый народ.

Сомнительно, что великая чума 1348 года обрушилась на Флоренцию с более фатальными последствиями, чем на другие места; однако описательное перо Боккаччо² навело пелену бессмертия на эту сцену всеобщего опустошения и смерти.³

ОПИСАНИЕ ЧУМЫ В ФЛОРЕНЦИИ БОККАЧЧИО

[1348 г. н.э.]

Наступил 1348 год от Рождества Христова, когда в благородном городе Флоренции, прекрасном как ни один другой в Италии, появилась смертельная чума, которая по воле высших сил или в результате злых дел была справедливым судом Божиим наслана на смертных для нашего исправления. Она началась несколькими годами ранее в восточных странах и, лишив их невообразимого количества живых существ, прокатилась на запад, непрерывно продвигаясь от королевства к королевству с печальным ростом. Человеческая мудрость и человеческая благоразумие не помогли, ибо город уже был очищен от нечистот специально назначенными должностными лицами; всем зараженным лицам был запрещен вход, и были применены все средства для сохранения общественного здоровья. Не принесли успеха и смиренные мольбы Всевышнему, хотя они звучали не один раз, а неоднократно в религиозных процессиях и различными другими способами благочестивыми людьми; ведь в самом начале весны мрачные признаки стали ужасающе очевидными и проявились удивительным образом; не как на Востоке, где кровотечение из носа было явным симптомом неизбежной смерти, но вначале у мужчин и женщин в паховой области и под мышками появлялись определенные опухоли, некоторые из которых увеличивались до размера обычного яблока, другие — до размера яйца; одни были больше, другие меньше, и их в народе называли *гавоччолли*. И из двух вышеупомянутых частей тела эти смертельные гавоччолли в течение короткого времени начали произрастать и разрастаться без разбора во всех остальных частях тела; и вскоре после этого характер болезни начал меняться на черные или синеватые пятна, которые у многих появлялись на руках, бедрах и других местах; некоторые крупные и немногочисленные, другие мелкие и многочисленные; и так как гавоччоло сначала было и всегда оставалось верным признаком смерти (), то же самое можно было сказать и об этих пятнах, на ком бы они ни появлялись.

Для излечения этой болезни не помогали ни советы врачей, ни целебные свойства каких-либо патентованных лекарств; напротив, то ли из-за природы болезни, то ли из-за

невежества врачей (которых, помимо обычных врачей, было огромное количество обоих полов, не имеющих ни капли знаний), которые не могли угадать причину и поэтому не могли применить никакое лекарство; не только немногие выжили, но почти все на третий день после появления этих симптомов, некоторые раньше, некоторые позже, большинство из них без лихорадки или каких-либо других осложнений, скончались.

Некоторые полагали, что умеренный образ жизни и избегание всяких излишеств будут наиболее эффективными средствами противодействия заражению, и, образовав свое общество, они уединились от всех остальных, заперевшись в тех домах, где еще не было болезни; чтобы жить лучше, они ели самые изысканные блюда и пили лучшие вина, но в больших количествах, не поддерживая никаких связей с внешним миром и не позволяя, чтобы до их ушей доходили рассказы о смерти или болезни; но с музыкой и всеми другими развлечениями, которые позволяли их средства, они продолжали жить в уединении.

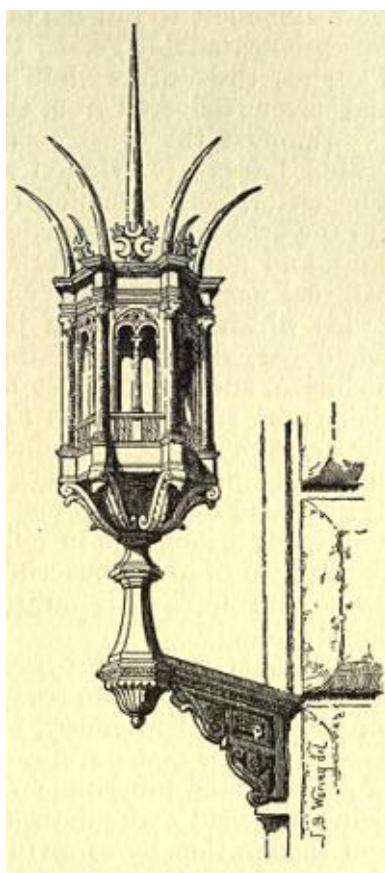
Другие, придерживавшиеся противоположного мнения, утверждали, что пьянство, удовольствия, пение, бродяжничество ради развлечения, удовлетворение всех желаний, насмешки и издевательства над всем — это лучшее противоядие от всех существующих зол; и, говоря так, они поступали соответственно: день и ночь, то в одной таверне, то в другой, они продолжали свой путь; пили без меры и меры, но в основном в домах других людей, все, что им нравилось и доставляло удовольствие; и это было легко сделать, потому что почти все, как будто они отказались от жизни, отказались от заботы о себе и обо всем, что они имели; поэтому большинство жилищ оставались открытыми для всего мира, и незнакомец, который входил в них, пользовался ими, как если бы он был законным владельцем; но при всей этой животной чувственности они все еще держались подальше от больных.

И в таком же страдании и бедствии находилась и почитаемая власть наших законов, как божественных, так и человеческих, которые, покинутые своими служителями, пришли в упадок и распад; ибо те, как и все остальные, были либо больны, либо мертвы; а если и оставались какие-то остатки, то они были бесполезны; поэтому все люди были предоставлены самим себе.

Многие другие люди заняли среднюю позицию между этими двумя, не ограничивая себя в еде, как первые, и не впадая в чрезмерное пьянство и разгул, как вторые, но употребляя вещи умеренно, в соответствии со своими потребностями; и вместо того, чтобы запереться в своих домах, бродили по городу, некоторые с букетами цветов, некоторые с душистыми травами, а другие с ароматными смесями специй, которые они несли в руках и постоянно прикладывали к ноздрям, считая превосходным средством утешить мозг их ароматом, потому что воздух был насыщен и отвратителен запахом смерти, болезней и неприятных лекарств. Некоторые же питали более бесчувственные чувства (как будто они были более защищены), заявляя, что нет лучшего и даже столь же хорошего средства от чумы, как бегство от нее; поэтому, движимые этим аргументом и заботясь только о себе, многие из обоих полов покинули свой родной город, свои дома, дружеские встречи, своих самых дорогих родственников и все свое имущество и отправились в поисках чужих; или же уединились в своих загородных домах, как будто гнев Божий, однажды пробудившийся, чтобы наказать человеческую нечестивость, пощадит их и поразит только тех, кто находится в пределах городских стен; или как будто они советовали всем бежать, потому что наступил последний час Флоренции.

Многие умерли, кто, возможно, мог бы выжить при своевременной помощи; так что из-за отсутствия помощи, которую страдающие не могли получить, и злокачественной природы этой болезни, количество тех, кто ежедневно и ежедневно умирал во Флоренции, было

ужасающим даже без того, чтобы это видеть; поэтому почти по необходимости среди выживших граждан возникли вещи, противоречащие всем прежним привычкам.

Лампа, Палаццо Строцци, Флоренция

Существовал обычай, который сохранился до наших дней, что в случае смерти все родственники и соседки должны были собираться в доме и там оплакивать его утрату; а перед особняком собирались все родственники-мужчины и ближайшие соседи, а также большое количество других граждан, в сопровождении различных священнослужителей в зависимости от положения умершего; оттуда на плечах его сверстников, с похоронной помпой факелов и музыки, тело медленно уносили в церковь, которую он заранее выбрал в качестве места погребения. Но когда чума бушевала с наибольшей силой, эти обычаи почти полностью исчезли, и их заменили новые; ведь тогда люди умирали не только без таких собраний рыдающих женщин, но и уходили из жизни во многих случаях без единого свидетеля; и немногим было пощажено сострадание родственников, выражавшееся в жалобных рыданиях и слезах; вместо этого слышался смех или шутки, или веселые пиры! И этот обычай женщины в целом, отбросив мягкость своего пола, очень быстро освоили для своей собственной выгоды.

Лишь немногие тела сопровождали в церковь более десяти или двенадцати соседей; и даже эти не были почтенными гражданами, а некими могильщиками из низших классов, называемыми *becchini*, которые выполняли эту наемную работу; они грубо взваливали гроб на плечи и спешили, не обращая внимания на дорогу, не к церкви, которую выбрал покойный, а к ближайшему кладбищу, ведомые полудюжиной священников с несколькими свечами, а иногда и без них, которые, с помощью *беккини* и не заботясь о похоронной службе, бросали тело в любую пустую яму, которую случайно находили.

Обращение с низшими и большей частью средних классов было еще хуже, потому что большая часть из них, будучи ограниченными либо надеждой, либо бедностью, оставались в своих домах, тысячи ежедневно заболели и, лишенные помощи, были обречены на смерть; и многие ежедневно и ежедневно заканчивали свою жизнь на улицах, а многие умирали в своих собственных домах, и первым признаком их кончины был зловонный запах их трупов. Все места были полны этих и других жертв, и соседи, не менее тронутые страхом перед гниющими телами, чем милосердием к умершим, с помощью общественных носильщиков, когда они были доступны, вытаскивали трупы на улицу и оставляли их перед своими дверями, где особенно утром их можно было увидеть кучами тем, кто бродил по зараженным улицам.¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ НЭПИРА О ЧУМЕ

Вся Европа была в той или иной степени погружена в эту обширную и разрушительную чуму; она лишилась трех пятых своего населения, и, за исключением Милана и нескольких мест у подножия Альп, вся Италия была потрясена до основания. Генуя потеряла 40 000 человек, Неаполь — 60 000, а Сицилия и Апулия — невероятное число в 530 000 душ! Город Трапани был полностью обезлюден; все умерли, и только его безмолвные стены и пустые жилища остались, чтобы рассказать об этом. Во всей Тоскане урожай смерти был пропорционально велик: Пиза потеряла четыре пятых или, как говорят некоторые, семь десятых; Флоренция — три пятых; но Сиена оплакивала 80 000 своих похороненных граждан и так и не оправилась от этого удара.

Среди прославленных жертв этой всеобщей жертвы были знаменитая Лаура из Авиньона и историк Джованни Виллани из Флоренции. Последний, по словам Сисмонди (и его слова подходят ко всем последующим, поскольку они являются отголоском всех предшествующих авторов), «был самым опытным, верным, элегантным и оживленным историком, которого когда-либо производила Италия: мы привыкли пользоваться его историей на протяжении более полувека с той уверенностью, которая присуща разумному современному автору, который сам принимал участие в общественных делах». Виллани был на самом деле гораздо больше, чем просто историком, и, как почти все флорентийцы, стал и купцом, и политиком; он путешествовал по Франции и Нидерландам, несколько раз бывал в сеньории, руководил строительством нынешних стен, управлял монетным двором и занимал другие высокие должности в республике. Он также сражался против Каструччо, был одним из заложников, переданных Мастино делла Скала, и прожил долгую жизнь, занимаясь общественной и частной деятельностью; но в конце концов, разорившись из-за неудачи Бонаккорси, с которым он был в партнерстве, его последние дни, по-видимому, были несчастными, и он умер среди несчастий своей страны.

Болезни уступили место августовскому солнцу, и все, что осталось от флорентийского народа, было свободно от болезней на инаугурации нового сеньора 1 сентября, но о том, что осталось, нам не сообщается; однако оно было настолько мало, что бедность исчезла, а богатство изобиловало в результате накопленных наследств. Однако вместо того, чтобы, как некоторые ожидали, сердца людей смягчились, укротились и покаялись, обратившись к религии, добродетели и умеренности после столь ужасной катастрофы, Флоренция сразу же стала ареной роскоши, буйства и разврата. Как будто рука Божья устала, а смерть была поглощена победой, люди занимались пиршествами, тавернами и всевозможными развратными весельями; оба пола, высокие и низкие, в новых и причудливых нарядах, но особенно последние, разгуливали по улицам, наряженные как актеры в богатых одеждах знатных семей, которые теперь были все истреблены. И как будто эти сатурналии должны

были длиться вечно, немногие рабочие возвращались к сельскому хозяйству, еще меньше — к торговле, а те немногие настаивали на непомерном вознаграждении. Безграничная гордость и бездушная расточительность торжествовали повсюду; рука смерти сняла бремя бедности; уход смерти снял груз ужаса, и отскок был поразительным. С ошеломленными чувствами и освобожденными страстями, ни одно желание не было слишком порочным, чтобы ему не потакать, ни одна идея не была слишком странной, чтобы в нее не верить.

Из-за нехватки рабочей силы ожидалось изобилие сельскохозяйственной продукции, но произошло обратное: все стало дефицитом, и эта ситуация длилась долго, в некоторых странах даже до самого жестокого голода; ожидалось, что почти все виды промышленной продукции, одежда, все необходимое для человеческого тела, появятся спонтанно и в изобилии (), но произошло обратное: стоимость большинства видов промышленных товаров вскоре удвоилась, а любой труд приносил в два раза больше денег, чем до эпидемии; споры, судебные тяжбы, состязания, беспорядки всех видов разрастались по всей стране, как крапива, и Флоренция долго и тяжело испытывала их пагубные последствия. Огромные сокровища были завещаны умирающими людьми общественным благотворительным организациям или переданы в доверительное управление корпоративным органам для помощи бедным; некоторые напрямую, другие после нескольких наследующих поколений, все они теперь были сметены истребляющей чумой; среди прочего, только корпорации Орто-сан-Микеле было оставлено огромное наследство в размере 350 000 флоринов, сумма, равная годовому доходу республики. Оно было передано в доверительное управление для бедных, но бедных, нищих, нищеты не было; смерть убила бедность. Деньги, дома и другие ценности были в изобилии; директора чувствовали себя свободными, их совесть была чиста, и результатом этого стало безграничное растрачивание средств; выборы проводились в узком кругу, они переизбирали друг друга; власть и прибыль кружились в кругу, не подвергаясь никакому внешнему влиянию в течение трех долгих лет, пока, наконец, гневный голос Флоренции не разрушил эту гнусную и позорную систему. Подобным образом, но с более эффективным управлением, 25 000 флоринов были оставлены больнице Санта-Мария-Нуова, а такая же сумма — новой и полезной компании «Misericordia»; так что город изобиловал благотворительными ресурсами в тот самый момент, когда бедность была на время уничтожена.

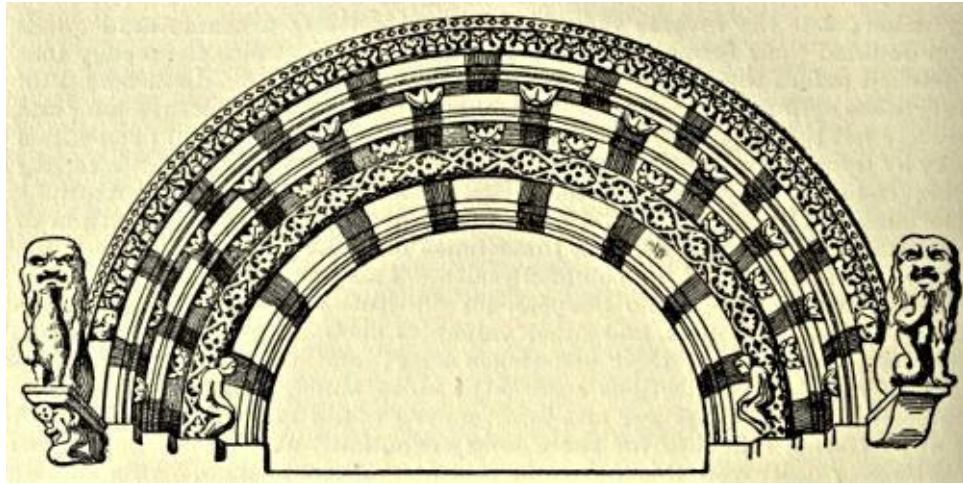
Многие исправительные законы, направленные на устранение различных существующих зол, были обнародованы теми магистратами, которые все еще сохраняли свою свободу действий и теперь возобновили свою власть; один из них освобождал несовершеннолетних и замужних женщин от любой юридической ответственности в денежных и других имущественных делах, за исключением случаев, когда их родственники или опекуны давали согласие перед судьей в суде вышеупомянутой корпорации Орто-сан-Микеле, которая *по должности* осуществляла их опеку. В тот же период, не в меньшей степени для поощрения роста населения за счет проживания студентов, чем для поддержания достоинства Флоренции, был впервые основан государственный колледж, и были назначены способные профессора по всему спектру наук, помимо гражданского и канонического права и догматического богословия.

Можно было бы предположить, что все счета между должниками и кредиторами были аннулированы из-за чумы, но ранее произошло так много мошеннических банкротств и была допущена настолько нездоровая система торговых кредитов, что она стала предметом мошеннических спекуляций, и крупные заказы часто делались на длительный кредит с единственной целью — будущей неплатежеспособности. В качестве меры по исправлению положения был издан указ, запрещающий любому гражданину покупать или продавать в кредит не только в самом государстве, но и в радиусе ста миль от Флоренции, под угрозой потери репутации и штрафа, равного сумме покупки. Не были забыты и законы о роскоши,

поскольку богатство и роскошь требовали контроля, и поэтому был введен контроль над расходами на свадебные церемонии, которые теперь стали частыми вследствие увеличения богатства и малой численности населения; но поскольку это не могло сразу поднять граждан до уровня государства, были введены новые списки для тщательной проверки на три года, которые по необходимости допускали дворян к многим государственным должностям как в городе, так и в сельской местности.^[12]

СНОСКИ

^[12] [Хант говорит: «Данте рассказывает о чувствах, которые вызвало пришествие короля. Он казался наместником Бога, пришедшим изменить судьбы людей и вернуть изгнанников на родину; своим величественным присутствием он принес мир, о котором мечтал изгнанный поэт, и обеспечил всем людям справедливость, правосудие и равенство».]

ГЛАВА VI. АВАНГАРД РЕНЕССАНСА

[около 1250-1400 гг. н. э.]

В предыдущих главах мы много говорили о испытаниях и бедствиях Флоренции. Теперь перед нами стоит более приятная задача — описать ее триумфы. Рассказы о мелких ссорах и более громких войнах, благодаря которым Флоренция привлекла наше внимание, могли заставить нас упустить из виду замечательное развитие культуры, которое происходило одновременно с этими политическими потрясениями. На самом деле, в Италии в поздние века так называемого «темного века» происходило чрезвычайно необычное интеллектуальное развитие, и центром этого развития была Флоренция. Доказательством этому служит тот факт, что за одно столетие этот город подарил миру школу писателей во главе с Данте, Петраркой и Боккаччо, которые фактически впервые закрепили итальянский язык в качестве литературного средства выражения, а их произведения ознаменовали высшее развитие итальянского творческого гения. Современниками этих писателей были художники Чимабуэ и Джотто, которые дали совершенно аналогичный импульс искусству. Все эти люди были флорентийцами, и их влияние настолько превосходило влияние любых других итальянцев той эпохи, что Симондс-[L](#) вполне обоснованно говорит: «Можно без преувеличения утверждать, что до конца XV века то, что мы называли итальянским гением, было на самом деле гением Флоренции».

Этот, казалось бы, внезапный расцвет гениальности имел свое происхождение, как уже было сказано, в постепенном развитии, которое теперь впервые принесло ощутимые результаты. Если, с одной стороны, можно утверждать, что эти великие люди были спонтанно творческими, то не следует забывать, что их гениальность была воспитана на почве классицизма. Данте, Петрарка и Боккаччо были все классическими учеными, причем последний изучал как греческий, так и латинский языки. Все они обращались к великим римским писателям как к образцам стиля и основывали свою культуру на изучении античной литературы. Но каждый из них поочередно спонтанно отрывался от этих древних образцов, когда приступал к своим действительно творческим усилиям, и каждый из них создавал на народном языке произведения, которые были предназначены принести ему вечную славу. В их время, конечно, их латинские произведения считались очень важными. Боккаччо и не мечтал поставить свои итальянские сочинения на один уровень со своими научными трактатами по мифологии, географии и биографии; и мы уверены, что в течение двух столетий его имя было известно во всей Европе благодаря этим научным работам, в то время как «Декамерон» был практически неизвестен к северу от Альп. «Сам Петрарка, — говорит Буркхардт, —[L](#) — верил и надеялся, что его латинские сочинения принесут ему славу среди современников и потомков, и так мало ценил свои итальянские стихи, что, как он часто говорит нам, с радостью уничтожил бы их, если бы мог тем самым стереть их из памяти людей». Однако эти стихотворения, которые должны были быть забыты, стали эталоном вкуса для всего мира и сохранили свое положение в оценках критиков каждого последующего поколения.

Этот внезапный всплеск творческого гения высокого уровня в Италии, в то время как остальной западный мир был связан нетворческими традициями, объяснялся по-разному. Буркхардт находит объяснение в обстоятельствах, которые привели к эмансипации личности в Италии раньше, чем в других странах.

По его словам, в средние века обе стороны человеческого сознания — как обращенная внутрь, так и обращенная вовне — лежали в полудреве или полубодрствовании под общей

завесой. Эта завеса была соткана из веры, иллюзий и детских предубеждений, через которые мир и история () видели окутанными странными оттенками. Человек осознавал себя только как члена расы, народа, партии, семьи или корпорации — только через какую-то общую категорию. В Италии эта завеса впервые растаяла; стало возможным объективное отношение к государству и ко всему в этом мире. В то же время субъективная сторона утвердила себя с соответствующим акцентом; человек стал духовным индивидуумом и признал себя таковым. Точно так же греки когда-то отличались от варваров, а арабы чувствовали себя индивидуумами в то время, когда другие азиаты знали себя только как членов расы. Несложно показать, что этот результат был обусловлен прежде всего политическими обстоятельствами Италии.

В гораздо более древние времена мы можем здесь и там обнаружить развитие свободной личности, которое в Северной Европе либо не происходило вовсе, либо не могло проявиться в той же мере. Группа дерзких преступников XVI века, описанная нам Лютпрандом, некоторые современники Григория VII и несколько противников первого Гогенштауфена демонстрируют нам характеры такого рода. Но в конце XIII века Италия начала кишеть индивидуальностью; очарование, наложенное на человеческую личность, исчезло, и перед нами предстают тысячи фигур, каждая со своей особой формой и одеждой. Великая поэма Данте была бы невозможна в любой другой стране Европы, хотя бы по той причине, что все они все еще находились под чарами расы. Для Италии великий поэт, благодаря богатству индивидуальности, которое он продемонстрировал, был самым национальным провозвестником своего времени. Этот факт проявляется в самой решительной и несомненной форме. Итальянцы XIV века мало знали о ложной скромности или лицемерии в любой форме; ни один из них не боялся необычности, того, что он был и выглядел не так, как его соседи. К 1390 году во Флоренции уже не было преобладающей моды на одежду для мужчин, каждый предпочитал одеваться по-своему.

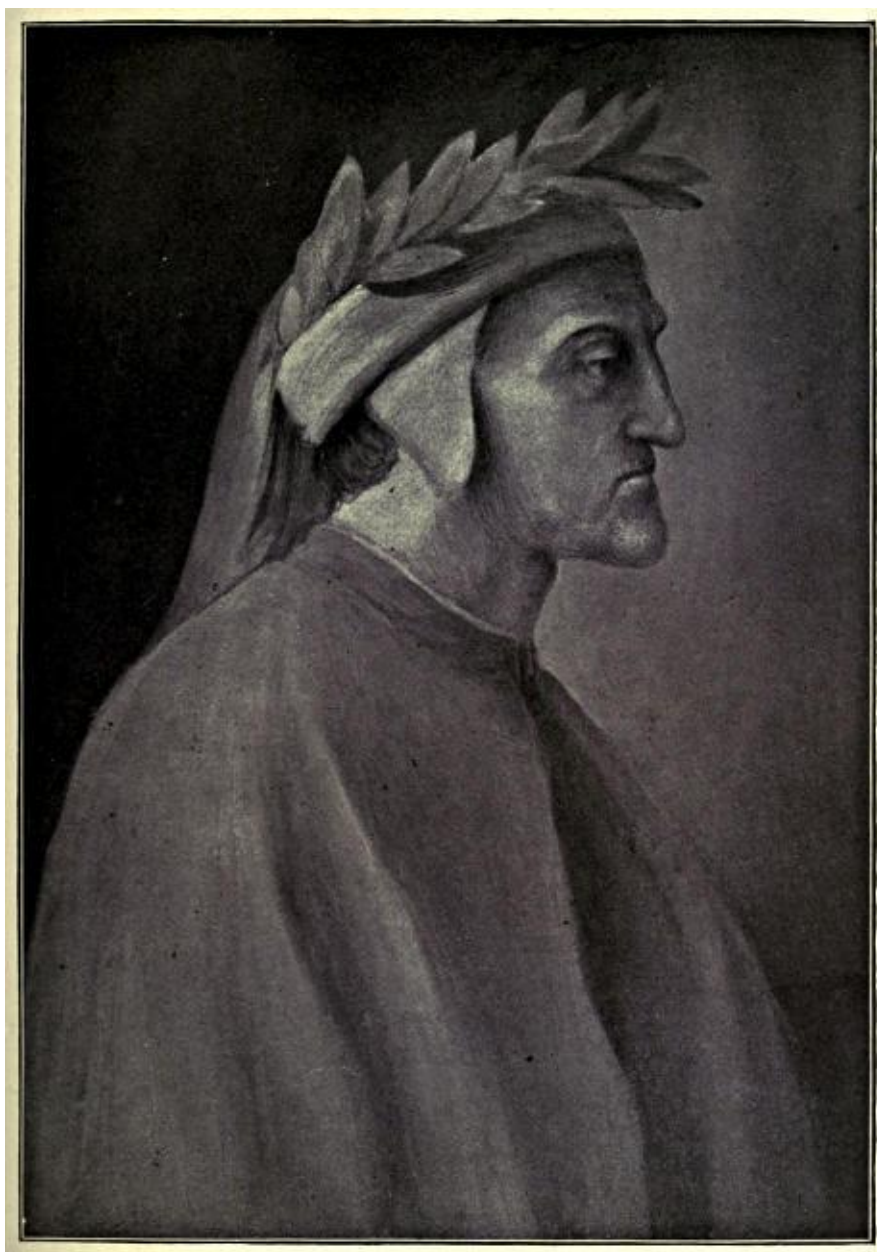
Деспотизм, как мы уже видели, в высшей степени способствовал развитию индивидуальности не только самого тирана или кондотьера, но и людей, которых он защищал или использовал в качестве своих инструментов — секретарей, министров, поэтов и спутников. Эти люди были вынуждены познать все внутренние ресурсы своей природы, временные или постоянные; их наслаждение жизнью усиливалось и концентрировалось желанием получить максимальное удовлетворение от, возможно, очень короткого периода власти и влияния.

Но даже подданные, которыми они правили, не были свободны от того же импульса. Не считая тех, кто тратил свою жизнь на тайную оппозицию и заговоры, мы говорим о большинстве, которое было довольно строго частным положением, как и большая часть городского населения Византийской империи и мусульманских государств. Без сомнения, подданным Висконти часто было трудно сохранить достоинство своей личности и семьи, и многие, вероятно, утратили моральный характер из-за рабства, в котором они жили. Но это не касалось индивидуальности, поскольку политическая беспомощность не мешала различным тенденциям и проявлениям частной жизни процветать в полной мере и разнообразии. Богатство и культура, поскольку им не запрещалось их демонстрировать и соперничать, муниципальная свобода, которая не переставала быть значительной, и церковь, которая, в отличие от византийского или мусульманского мира, не была тождественна государству — все эти условия, несомненно, способствовали росту индивидуального мышления, для которого необходимое свободное время обеспечивалось прекращением партийных конфликтов. Частный человек, равнодушный к политике и занятый частично серьезными делами, частично интересами *дилетанта*, по-видимому,

впервые полностью сформировался в этих деспотиях XIV века. Конечно, документальные доказательства по такому вопросу не могут быть требуемы. Романисты, от которых мы могли бы ожидать информации, описывают нам множество странностей (), но только с одной точки зрения и в той мере, в какой этого требуют нужды сюжета. Их действие также происходит в основном в республиканских городах.

В последних обстоятельства также были благоприятны для развития индивидуального характера, но по-другому. Чем чаще менялась правящая партия, тем больше человек был склонен максимально использовать и наслаждаться властью. Государственные деятели и популярные лидеры, особенно в истории Флоренции,^[13] приобрели настолько яркий индивидуальный характер, что мы едва ли можем найти, даже в исключительных случаях, им аналоги в современной истории, едва ли даже в Якобе ван Артевельде.

Члены проигравших партий, с другой стороны, часто попадали в положение, подобное положению подданных деспотических государств, с той разницей, что свобода или власть, которыми они уже обладали, а в некоторых случаях и надежда на их восстановление, придавали их индивидуальности большую энергию. Среди этих людей, вынужденных проводить свободное время, мы находим, например, Аньоло Пандольфини (умер в 1446 г.), чья работа по домашней экономике является первой полной программой развитой частной жизни. Его оценка обязанностей индивидуума в противовес опасностям и неблагодарности общественной жизни является, в своем роде, настоящим памятником эпохи.

ДАНТЕ

Изгнание также имеет следующий эффект: оно либо изматывает изгнанника, либо развивает в нем все самое лучшее. «Во всех наших более густонаселенных городах, — говорит Джованни Понтано, — мы видим толпы людей, которые покинули свои дома по собственной воле; но человек берет с собой свои добродетели, куда бы он ни пошел». И на самом деле, это были отнюдь не только люди, которые были фактически изгнаны, но тысячи людей, добровольно покинувших свои родные места, потому что находили их политические или экономические условия невыносимыми. Флорентийские эмигранты в Ферраре и луккские в Венеции образовали целые колонии.

Космополитизм, который развился в самых одаренных кругах, сам по себе является высокой стадией индивидуализма. Данте, как мы уже говорили, находит новый дом в языке и культуре Италии, но идет еще дальше, говоря: «Моя родина — весь мир». И когда ему предложили вернуться во Флоренцию на недостойных условиях, он ответил: «Разве я не могу везде созерцать свет солнца и звезд, везде размышлять о благороднейших истинах, не появляясь бесславно и постыдно перед городом и народом? Даже хлеб мне не будет не доставать». Художники не менее вызывающе ликуют от своей свободы от ограничений

постоянного места жительства. «Только тот, кто научился всему, — говорит Гиберти, — нигде не является чужим; лишенный состояния и друзей, он все же является гражданином каждой страны и может без страха презирать превратности судьбы». В том же духе изгнанный гуманист пишет: «Где бы ни поселился ученый человек, там и есть его дом».^c

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕЛОМ

Угнетение, которое давило на остальную Европу, способствовало сохранению варварства не столько тем, что затрудняло и иногда делало опасным приобретение знаний, сколько тем, что лишало всякой привлекательности умственную деятельность. Мышление было мучительным занятием для тех, кто был способен судить о состоянии человеческого рода, изучать прошлое, сравнивать его с настоящим и таким образом предвидеть будущее. Опасность и страдания появлялись со всех сторон. Люди, которые во Франции, Германии, Англии и Испании чувствовали в себе способность обобщать свои идеи, либо подавляли их, чтобы не усугублять боль мышления, либо направляли их исключительно на спекуляции, наиболее далекие от реальной жизни, — на ту схоластическую философию, которая так энергично тренировала ум, не приводя его ни к каким выводам.

В Италии, напротив, свобода обеспечивала полное наслаждение интеллектуальным существованием. Каждый стремился развить силы, которые он чувствовал в себе, потому что каждый осознавал, что чем больше открывается его ум, тем больше он наслаждается; каждый направлял свои силы на полезные и практические цели, потому что каждый чувствовал себя в таком положении в обществе, в котором он мог достичь некоторого влияния, либо для своей собственной выгоды, либо для выгоды своих ближних. Первой потребностью, которую испытывали города, была потребность в обороне. Соответственно, военная архитектура заняла первое место в искусствах. От нее было легко перейти к религиозной архитектуре в то время, когда религия была незаменима для каждого сердца, а затем к гражданской архитектуре, поощряемой правительством, в котором все было для всех. Изучение и стремление к прекрасному в этом первом из изящных искусств проложило путь ко всем остальным. От удовольствий воображения, получаемых через зрение, люди поднялись к удовольствиям, получаемым от души, и отсюда зародилась поэзия.^d

Язык Прованса достиг высшей степени развития; Испания и Португалия уже дали миру более одного поэта; *язык ойл* на севере Франции пользовался значительным вниманием, в то время как итальянский язык еще не входил в число языков Европы, а богатство и гармония его идиом, постепенно и неявно сформировавшиеся среди народа, еще не были оценены по достоинству. Но в XIII веке появился Данте, который увековечил этот до сих пор пренебрегаемый язык, и с помощью своего уникального гения он вскоре продвинулся с такой быстротой, что оставил всех конкурентов далеко позади.

Ломбардское герцогство Беневенто, включавшее большую часть современного королевства Неаполь, сохранило под властью независимых князей и в окружении греков и сарацин такой уровень цивилизации, который в раннем средневековье не имел себе равных во всей остальной Италии. Многие виды изобразительного искусства и некоторые отрасли науки успешно развивались там. Школы Салерно передавали Западу медицинские знания арабов, а торговля Амальфи принесла в эти плодородные провинции не только богатство, но и знания. С VIII по X век различные исторические труды, написанные, правда, на латыни, но отличавшиеся своей точностью, духом и пламенностью, выходили из-под пера нескольких талантливых людей, уроженцев этого района, некоторые из которых облакали свои сочинения в шестистопные стихи, которые по сравнению с другими сочинениями того же периода отличались большей легкостью и фантазией.

Приток иностранцев, последовавший за вторжением норманнских авантюристов, которые основали государство в Апулии, не был достаточно велик, чтобы повлиять на язык; и под их правлением итальянский или сицилийский язык впервые приобрел устойчивую форму. В начале XII века двор Палермо был богат и, следовательно, потакал роскошным привычкам; и именно там впервые прозвучали акценты сицилийской музыки. Там же в тот же период арабы приобрели степень влияния и авторитета, которой они никогда не обладали ни в одном другом христианском дворе. Дворец Вильгельма I, как и дворцы монархов Востока, охранялся мусульманскими евнухами. Из них он выбирал своих фаворитов, друзей, а иногда даже министров. Привязанность к искусствам и различным занятиям, которые способствуют удовольствиям жизни, была особенностью сарацин, которые до сих пор занимают половину острова. Когда Фридрих II в конце XII века вступил на престол норманнских монархов, он переселил многочисленные колонии сарацин в Апулию и княжество, но не изгнал их ни из своей службы, ни из своего двора. Из них состояла его армия, а губернаторы его провинций, которых он называл судьями, выбирались почти исключительно из их числа. Таким образом, судьба арабов как на востоке, так и на западе Европы заключалась в том, чтобы передать латинским народам свои искусства, науку и поэзию.

Из истории Сицилии мы можем с не меньшей уверенностью, с которой мы прослеживаем ее связь в графстве Барселона и королевстве Кастилия с первыми попытками провансальских и испанских поэтов, сделать вывод о влиянии арабов на итальянскую, или, как ее тогда считали, сицилийскую поэзию. Вильгельм I, изнеженный и сладострастный принц, забывал в своем дворце в Палермо, среди своих мавританских евнухов, в песнях и пирах, о тех волнениях, которые сотрясали его королевство. Регентство королевства после его смерти перешло к его вдове, которая довела управление Гайто Петро, главе евнухов, связанному с сарацинами Африки. Вся торговля Палермо была монополизирована неверными. Они были мастерами всех искусств и изобретателями всех видов роскоши. Народ приспособился к их обычаям, и на их публичных праздниках христианские и мавританские женщины обычно пели в сопровождении музыки своих рабов. Можно с уверенностью заключить, что в таких случаях каждая сторона использовала свой родной язык и что итальянские женщины, которые, по словам Уго Фалькандуса, отвечали меланхолическими каденциями на барабаны своих мавританских слуг, по всей вероятности, адаптировали сицилийские слова к африканским мелодиям и ритмам.

УНИВЕРСИТЕТЫ И ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ НАУКА

Уже основанные университеты и школы приобрели большую известность и стали более активными. Столкновения, которые не помешали их процветанию, не помешали и созданию новых. Тот же дух соперничества, который вооружал друг против друга князей и нации, заставлял их соревноваться друг с другом, стремясь всеми средствами к большей известности и большей славе для своих маленьких государств. В одно время профессора спокойно продолжали свои лекции, пока под стенами города, а то и на улицах и площадях, шли бои; в другое время трибуна была опрокинута, профессора изгнаны, ученые распущены, но вскоре они вернулись, либо при том же правительстве, либо при новом, которое заняло его место, и учеба продолжилась.

Университет Болоньи переживал постоянные перипетии. В одно время отлученный от церкви Климентом V, большинство ученых перешло в университет Падуи, соперника Болоньи; в другое время, в результате ссор, разразившихся между профессорами и магистратами или между учеными и гражданами, целые классы покинули университет и поселились в соседних городах. Но все эти несправедливости были исправлены. Иоанн XXII

отменил интердикт Климента, подтвердил и расширил привилегии университета; магистраты и граждане удовлетворили требования профессоров и студентов; и эта школа, которая и без того была известна, стала еще более блестящей и известной. Вскоре Милан, Пиза, Павия, Пьяченца, Сиена, но особенно Флоренция стали соперничать с Падуей, Болоньей и основанным Фридрихом II Неаполитанским университетом Неаполя, который значительно вырос при правлении Роберта Неаполитанского. Бонифаций VIII основал Римский университет, его преемники подтвердили и даже расширили его привилегии; но их буллы не могли исправить ущерб, нанесенный новому университету их отсутствием; он не мог ничего сделать, кроме как приходить в упадок, пока их пребывание в Авиньоне оставляло несчастный город Рим почти пустым и, в конечном итоге, всегда подверженным мятежам и раздираемым внутренними распрями.

Следует помнить, что в этих университетах и школах, как и в предыдущем столетии, не преподавали ничего, кроме того, что обычно называли семью искусствами. Литература, собственно говоря, почти полностью игнорировалась. Древние авторы, которые позднее стали основой литературных исследований, едва начинали открываться. Библиотеки школ и монастырей, даже те, которые создавали несколько князей, в основном содержали некоторые произведения отцов церкви, книги по теологии, праву, медицине, астрологии и схоластической философии; и даже их было немного. Именно в течение начинавшегося века в Италии возникло похвальное стремление к открытию древних рукописей, которое, следуя примеру Италии, распространилось по всей Европе. В самых заброшенных и пыльных уголках частных домов и монастырей искали произведения этих авторов, от которых до того времени не осталось ничего, кроме имени, и тех, кто оставил много произведений, из которых была известна лишь малая часть. Эта революция в области « » была в основном заслугой Петrarки, и это одно из его самых весомых достижений.

Один единственный пример докажет масштабность его работы и то, насколько мало продвинутыми были даже ученые того времени. Профессор Болонского университета, писавший ему на тему древних авторов, особенно поэтов, и желавший включить в число последних Платона^[14] и Цицерона, не знал имени Невия и даже Плавтия и считал, что Энний и Стаций были современниками. К несовершенству знаний и дефициту книг следует добавить невежество переписчиков. Переписывая лучшие книги, они часто искажали их настолько, что сами авторы с трудом могли бы их узнать. Все это необходимо помнить, чтобы сдержанно относиться к описаниям в историях литературы прекрасных библиотек, подаренных некоторым университетам или основанных в некоторых городах, созданных каким-то князем и открытых по его приказу для ученых и для публики. По сравнению с нашими большими библиотеками, они представляют собой незначительные книжные шкафы — абсолютный голод по сравнению с ужасающим переизбытком.

Наука, которая получала от них наибольшую помощь и была наиболее обеспечена книгами, была схоластическая теология; поэтому ей занимались с большим рвением, чем когда-либо. Это уже не было столетием таких людей, как Фома Аквинский и Бонавентура, но их пример был совсем недавним, и их поклонники и ученики питали надежду сравняться с ними и даже превзойти их в славе. Отсюда среди теологов возникло то рвение, тот общий пыл, чтобы толковать те же книги, которые толковали их предшественники, объяснять сами объяснения, комментировать комментарии; углублять тени, пытаясь пролить на них свет, и затуманивать объяснениями то, что сначала было ясно. Это не только идеи, но и сами слова мудрого Тирабоски; он добавил вполне естественное пожелание, чтобы никто не нарушал покой этих неутомимых комментаторов в глубоком забвении и пыли библиотек, где они покоятся. Однако он не включает в их число около дюжины докторов, чья слава, по видимому, была очень велика в том веке. Мы упомянем только одного из них — монаха-августинца по имени Денис, уроженца Сен-Сепулькра, — потому что он был другом и

духовным наставником Петрарки; это все, что можно сказать о нем, все остальное можно отправить в то же убежище, неприкосновенность которого Тирабоски требует для толпы теологов того века. В прахе и забвении не должно быть рангов. Все авторы книг, которые невозможно читать или которые ничего не учат, должны спать там одинаково.

ЛАТИНСКИЙ И РОДНОЙ ЯЗЫК

К этому времени произошло полное разделение между обычным языком страны и латинским языком. Женщины не знали латыни. Общее принятие языка, которому их деликатность придала новую грацию и на котором только они были доступны для галантности своих поклонников, было неизбежным результатом. Теперь он подчинялся правилам и оживлялся той чувственностью выражения, к которой мертвый и педантичный язык перестает быть восприимчивым. На протяжении полутора веков сицилийцы, по-видимому, ограничивались сочинением любовных песен . Эти примитивные образцы итальянской поэзии были тщательно сохранены и проанализированы М. Гингуэне с равным талантом и эрудицией. Те из наших читателей, кто желает получить более подробные сведения об этих реликвиях, с удовлетворением обратятся к его работе; они не найдут лучшего источника информации для получения более полных и глубоких сведений по теме итальянской поэзии, чем тот, который может быть помещен в краткой истории общей литературы юга.

Часть БРОНЗОВОГО АРХИТРАВА южной ДВЕРИ, БАПТИСТЕРИЙ, ФЛОРЕНЦИЯ

Достоинство любовной поэзии заключается почти исключительно в ее выражении. Ее теплота и нежность чувств страдают от любого проявления простой изобретательности и фантазии, в погоне за которыми поэт или влюбленный, кажется, теряют из виду свою истинную цель. От них требуется лишь чутко и правдиво изобразить чувства, которые являются общими для всех влюбленных. Гармония языка — лучшее средство для выражения гармонии сердца. Но этот принцип, кажется, почти полностью ускользнул от внимания первых сицилийских и итальянских писателей. Пример арабов и провансальцев побудил их предпочесть показную простоту и проявить ложный и напыщенный вкус в выборе своих поэтических украшений. В лучших образцах этой школы мы найдем малое, что оправдывало бы труд их перевода, и мы менее склонны вытаскивать из заслуженной неизвестности их худшие произведения. Поэтому мы листаем страницы произведений сицилийца Чиулло д'Алкао, Фридриха II и его канцлера Пьетро делле Винье, Оддо делле Колонне, Маццео ди Рикко и других поэтов того же класса главным образом с целью изучения истории языка и стихосложения.

Язык, который сицилийцы использовали в своих поэтических попытках, не был народным диалектом, как он существовал тогда среди коренных жителей острова и как мы все еще находим его сохранившимся в некоторых сицилийских песнях, едва понятных самим итальянцам. От императорского двора и двора королей Сицилии он уже получил более элегантную форму; и те законы грамматики, которые первоначально были основаны на обычаях, теперь получили над ним превосходство и предписывали свои собственные правила. *Lingua cortigiana*, язык двора, уже отличался как самый чистый из итальянских диалектов. В Тоскане он вошел в общее употребление, и до конца XIII века он приобрел большую стабильность благодаря нескольким писателям этой страны, как в стихах, так и в прозе, которые довели его почти до той степени совершенства, которую он сохраняет с тех пор. По элегантности и чистоте стиля Рикордано Маласпина, написавший «Историю Флоренции» в 1280 году, можно сегодня считать ни в чем не уступающим лучшим современным писателям.

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ И ЕГО ТЕМА

Однако еще не появился поэт, наделенный абсолютной властью над империей души; еще ни один философ не проник в глубины чувств и мыслей, когда появился Данте, величайшее имя Италии и отец ее поэзии, и продемонстрировал могущество своего гения, воспользовавшись грубыми и несовершенными материалами, которые были в его распоряжении, чтобы построить здание, по великолепию напоминающее вселенную, образ которой оно отражает. Вместо любовных излияний, обращенных к воображаемой красавице, вместо мадригалов, полных живой безвкусы, сонетов, вымученных в гармонии, и натянутых или диссонансных аллегорий, единственных образцов в любом современном языке, которые представлялись вниманию Данте, этот великий гений воплотил в своем обширном воображении тайны невидимого творения и раскрыл их глазам изумленного мира.

В предыдущем столетии энергия некоторых смелых и восторженных умов была направлена на религиозные объекты. Новая духовная сила, превосходящая по активности и фанатизму все ранее существовавшие монашеские учреждения, была организована святым Франциском и святым Домиником, чьи яростные речи и кровавые преследования возродили тот рвение, которое на протяжении нескольких столетий казалось уснувшим. Тем не менее, в кельях монахов были замечены первые признаки возрождения литературы.

Их исследования теперь приобрели схоластический характер. В воображении фанатика постоянно присутствовали различные условия будущего состояния, и духовные объекты, которые он видел глазами веры, были наделены всей реальностью материальных форм благодаря силе, с которой они были представлены его взору в подробных описаниях и диссертациях, демонстрирующих научное знание точных пределов каждого мучения и градуированных наград прославления ().

Очень необычный пример того, как эти идеи были навязаны народу, можно найти в родном городе Данте, где празднование фестиваля было украшено публичным представлением адских мучений; и вполне вероятно, что первое распространение произведения этого поэта послужило поводом для этого ужасного представления. Русло реки Арно превратилось в бездну погибели, где сосредоточились все ужасы, придуманные плодотворным воображением монахов. Ничего не было упущено, чтобы иллюзия была полной, и зрители содрогались от криков и стонов реальных людей, которые, по-видимому, подвергались чередующимся крайностям огня и мороза, волнам кипящей смолы и змеям. Эта сцена произошла во Флоренции 1 мая 1304 года.

Похоже, что когда Данте выбрал в качестве темы своей бессмертной поэмы тайны невидимого мира и три царства мертвых, он не мог выбрать более популярную тему. Она имела то преимущество, что сочетала в себе самые глубокие религиозные чувства с яркими воспоминаниями о патриотической славе и партийных спорах, которые неизбежно вызывали появление прославленных мертвых на этом новом театре.

В конце века, в 1300 году, в пасхальную неделю, Данте воображает, что он блуждает по пустыням около Иерусалима и получает возможность попасть в царство теней. Там он встречает Вергилия, объект его неустанного изучения и восхищения, который берет на себя роль проводника и который, благодаря своему замечательному описанию языческого ада, кажется, приобрел своего рода право раскрывать тайны этих запретных областей. Два поэта подходят к воротам, на которых высечены следующие страшные слова: ⁴

«Через меня ты войдешь в город скорби:

Через меня ты войдешь в вечные муки:

Через меня, среди людей, потерянных навеки.

Справедливость, основатель моего сооружения, двинула:

Возвести меня было делом божественной силы,

Высшая мудрость и первозданная любовь.

До меня не было ничего сотворенного, кроме вечного

Вечные, и я вечен.

Оставьте всякую надежду, входящие сюда».⁵

Тема стихотворения слишком хорошо известна, чтобы требовать дополнительного объяснения. Однако может быть интересно отметить, что последовательность регионов, через которые путешествует поэт, наблюдая за наградами рая, основана на идеях космологии, которые были распространены в эпоху Данте. Таким образом, поэма представляет интерес как с научной, так и с художественной точки зрения — интерес, который усиливается размышлением о том, что время, когда новая система космологии заменит предложенную здесь птолемеевскую, было уже близко, и это ознаменовало бы

начало новой научной эры, подобно тому, как сама поэма ознаменовала начало новой эры в литературе.а

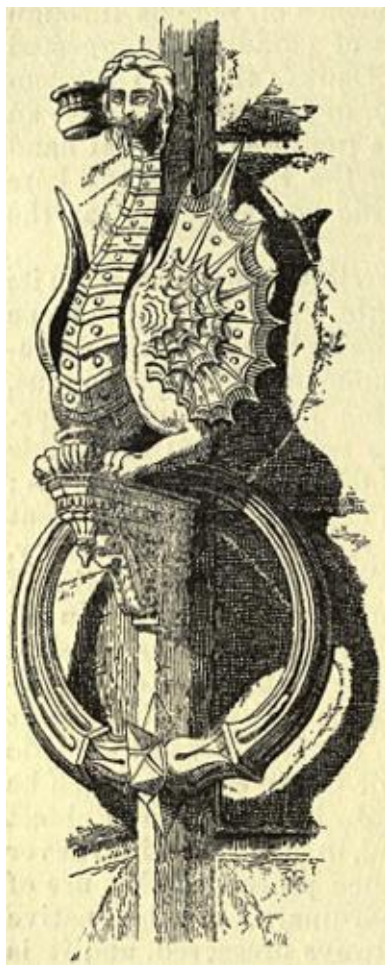
Сила человеческого разума никогда не демонстрировалась так ярко, как в самых изысканных шедеврах, как в поэме Данте. Не имея прототипа ни в одном из существующих языков, одинаково новаторская в своих различных частях и в совокупности целого, она стоит особняком как первый памятник современного гения, первое великое произведение, появившееся в возрождающейся литературе Европы. По своему составу оно строго соответствует основным и неизменным принципам поэтического искусства. Оно обладает единством замысла и исполнения и несет на себе видимый отпечаток могущественного гения, способного охватить сразу и части, и целое своего замысла, с легкостью использовать самые грандиозные материалы и соблюдать все необходимые тонкости пропорций, не испытывая при этом никаких затруднений от ограничений. Во всех других отношениях поэма Данте не подпадает под действие установленных правил. Ее нельзя с достоинством отнести к какому-либо конкретному классу сочинений, и ее автора можно судить только по тем законам, которые он счел целесообразным наложить на себя. Его скромность побудила его дать своему произведению название комедии, чтобы поставить его на ступень ниже эпоса, на который, по его мнению, имел исключительные права Вергилий. Данте не имел ни малейшего представления о драматическом искусстве, с которым он, по всей вероятности, никогда не сталкивался, и из этого незнания проистекает использование слова, которое теперь кажется нам столь необычным. В его родной стране название, которое он дал своему произведению, всегда сохранялось, и оно до сих пор известно как *«Божественная комедия»*. Название, столь отличное от всех других, кажется удачно подобрано для произведения, которое не имеет себе равных.

Данте как человек

Слава, которую Данте приобрел еще при жизни и которая в короткое время возвысила его над величайшими именами Италии, мало способствовала его счастью. Он родился во Флоренции в 1265 году в знатной и уважаемой семье Алигьери, которая в политике примыкала к партии гвельфов.

Еще в юности он испытывал сильную привязанность к Беатриче, дочери Фолько де Портинари, которую он потерял в возрасте двадцати пяти лет. На протяжении всей своей дальнейшей жизни он сохранял верные воспоминания о страсти, которая в течение пятнадцати лет существенно способствовала счастливому развитию его чувств () и которая, таким образом, была связана со всеми его благородными чувствами и самыми возвышенными мыслями. Вероятно, примерно через десять лет после смерти Беатриче Данте приступил к созданию своего великого произведения, которое занимало его до конца жизни и в котором он отводил самое видное место женщине, которую он так нежно любил. В этом объекте своего обожания он нашел общую точку соприкосновения для образов как человеческих, так и божественных; и Беатриче из его рая появляется перед нами то в образе самой любимой из женщин, то в образе абстрактного символа небесной мудрости. Далекий от того, чтобы рассматривать страсть любви в том же свете, что и древние, отец современной поэзии признает ее чистым, возвышенным и священным чувством, призванным облагородить и освятить душу; и никто из его последователей не превзошел его в его полной и трогательной преданности объекту своей привязанности. Однако Данте был вынужден соображениями семейного благополучия вступить в новый брак. В 1291 году, через год после смерти Беатриче, он женился на Джемме де' Донати, чьи упрямый и вспыльчивый характер омрачили его семейную жизнь. Примечательно, что во всей своей работе, в которую он вводит всю вселенную, он не делает никаких личных намеков на свою

жену; и, без сомнения, он руководствовался мотивами деликатности по отношению к ней и ее семье, когда он прошел мимо, в подобном молчании, Корсо Донати, лидера фракции своих врагов и своего самого грозного противника.

Держатель факела, Палаццо Строчи, Флоренция

В битве при Кампальдино в 1289 году Данте сражался за свою страну против аретинцев, а также против пизанцев в кампании 1290 года — в год, последовавший за тем, в котором произошла катастрофа графа Уголино. Впоследствии он принял на себя магистратские функции в период, столь роковой для счастья его страны, когда разразились гражданские войны между Бьянки и Нери. Его обвинили в преступной пристрастности к интересам первой фракции в то время, когда он был членом верховного совета; и когда Карл де Валуа, отец Филиппа VI, прибыл во Флоренцию, чтобы умиротворить разногласия между двумя партиями, Данте был приговорен в 1302 году к уплате непосильного штрафа и изгнанию. Позднее революционный трибунал заочно приговорил его к сожжению заживо вместе со всеми его сторонниками.

С этого момента Данте был вынужден искать убежища при тех итальянских дворах, которые были привержены гибеллинам и не прочь были оказать защиту своим давним врагам. Его вечное изгнание и несчастья в конечном итоге заставили его примкнуть к той партии, которой он противостоял в начале своей карьеры. Он прожил значительное время у маркиза Маласпина в Луниджане, у графа Бузоне да Губбио и у двух братьев Делла Скала, господ Вероны. Но везде его высокомерное упрямство, которое становилось тем более непреклонным, чем больше были трудности, окружавшие его, и его едкий ум, который часто проявлялся в язвительных сарказмах, привлекали к нему новых врагов. Его попытки

вернуться во Флоренцию со своей партией с помощью оружия были последовательно сорваны; его прошения к народу были отклонены; и его последняя надежда, связанная с императором Генрихом VII, исчезла со смертью этого монарха. Он скончался в Равенне 14 сентября 1321 года, находясь под гостеприимной защитой Гвидо Новелло да Полента, господина этого города, который всегда относился к нему скорее как к другу, чем как к подданному, и который незадолго до этого оказал ему честь, доверив ему посольство в Венецианской республике.

После смерти великого поэта вся Италия, казалось, погрузилась в траур. Повсюду размножались копии его произведений, обогащенные многочисленными комментариями. В 1350 году Джованни Висконти, архиепископ и князь Милана, привлек ряд ученых к кропотливой работе по иллюстрированию и объяснению непонятных мест *«Божественной комедии»*. Шесть выдающихся ученых, два теолога, два ученого и два флорентийских антиквара объединили свои таланты в этом предприятии. Для объяснения произведений Данте были учреждены две профессорские должности. Одна из них, основанная во Флоренции в 1373 году, была занята знаменитым Боккаччо. Обязанности другой, в Болонье, не менее достойно выполнял Бенвенуто д'Имола, выдающийся ученый. Сомнительно, чтобы кто-либо другой когда-либо обладал столь бесспорным авторитетом и столь прямым влиянием на эпоху, непосредственно следовавшую за его собственной.

Дополнительное доказательство превосходства этого великого гения можно найти в комментариях к его произведениям. Мы удивляемся, видя, что даже его самые восторженные поклонники не способны оценить его истинное величие. Сам Данте в своем латинском трактате *«De Vulgari Eloquentia»* кажется совершенно не осознающим масштаб своих заслуг перед литературой своей страны. Как и его комментаторы, он ценит себя в основном за чистоту и правильность своего стиля. Однако его стиль не является ни чистым, ни правильным; но, что гораздо важнее, он обладал способностью к творческому изобретению. Ради рифмы он использует большое количество варварских слов, которые больше нигде не встречаются в его стихах. Но когда он сам тронут и хочет поделиться своими эмоциями, итальянский язык XIII века в его мощных руках демонстрирует богатство выражений, чистоту и элегантность, которые он был первым, кто сумел выявить, и которыми этот язык с тех пор и отличается. Персонажи, которых он представляет, — это живые, дышащие существа; его образы — это сама природа; его язык обращается одновременно к воображению и к разуму; и было бы трудно найти в его поэме отрывок, который не мог бы стать предметом для изображения. Восхищение его комментаторов также в изобилии выпадает на долю глубокой учености Данте, который, надо признать, был, по-видимому, мастером всех знаний и достижений эпохи, в которой он жил. Его поэма является верным хранилищем этих разнообразных достижений, из которого мы можем с большой точностью сделать вывод о прогрессе, достигнутом наукой в то время, и о тех достижениях, которые еще были необходимы для полного удовлетворения ума.^е

Важность, которую современники Данте придавали его произведениям, помимо знаменитой поэмы, хорошо иллюстрируется комментарием историка Джованни Виллани, который, комментируя смерть и похороны Данте, говорит: «Это был великий и ученый человек почти во всех науках, хотя и был мирянином; он был совершенным поэтом, философом и ритором; он был столь же совершенен в прозе и стихах, сколь и в публичных выступлениях, будучи самым благородным оратором; он превосходно рифмовал, используя самый изысканный и красивый стиль, который когда-либо появлялся в нашем языке до его времени и после него. В молодости он написал книгу *«Ранние годы любви»*, а позже, находясь в изгнании, создал двадцать превосходных канцонет о морали и любви, а также, среди прочего, три благородных послания: одно он послал флорентийскому правительству, жалуясь на свое незаслуженное изгнание; другое — императору Генриху, когда тот осаждал

Брешию, упрекая его за задержку и почти предсказывая будущее; третье — итальянским кардиналам во время вакансии после смерти папы Климента, призывая их согласиться на избрание итальянского папы — все на латыни, с благородными наставлениями, превосходными предложениями и авторитетами, которые были высоко оценены мудрыми и учеными людьми. И он написал «Божественную комедию» (), где в изящных стихах и с помощью великих и тонких аргументов — моральных, естественных, астрологических, философских и теологических, с новыми и прекрасными образами, сравнениями и поэтическими изысканиями — он сочинил и рассмотрел в ста главах, или песнях, существование ада, чистилища и рая, настолько возвышенно, что можно сказать, что любой, кто обладает тонким интеллектом, может благодаря его трактату воспринять и понять это. В этой поэме он с удовольствием осуждал и возмущался в стиле поэтов, в некоторых местах, возможно, больше, чем следовало бы, но, возможно, его изгнание заставило его поступить так. Он также написал «Монархию», где рассматривает должность пап и императоров. Он начал комментировать четырнадцать вышеупомянутых моральных канцонет на народном языке, но вследствие его смерти они остались незавершенными, за исключением трех, которые, судя по тому, что можно увидеть, оказались бы возвышенным, прекрасным, тонким и важнейшим произведением, поскольку они в равной степени украшены благородными мнениями и прекрасными философскими и астрологическими рассуждениями. Кроме того, он написал небольшую книгу под названием «*De Vulgari Eloquentia*», которую обещал сделать четырехтомной (но сохранились только две книги, возможно, вследствие его ранней смерти), в которой мощным и изящным латинским языком и хорошими рассуждениями он отвергает все народные языки Италии.

«Этот Данте, — продолжает Виллани, — благодаря своим знаниям, был несколько самонадеянным, суровым и презрительным, как нелюбезный философ; он едва ли удаивал себя разговора с мирянами; но за его другие добродетели, науку и заслуги как гражданина, кажется вполне разумным увековечить его память в нашей хронике; тем не менее, его благородные произведения, оставленные нам в письменном виде, являются истинным свидетельством о нем и почетной славой для нашего города».¹

МЕНЬШЕЕ ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОКИ ДАНТЕ

К тому же периоду, что и Данте, относится Франческо Барберини, ученик, как и Данте, Брунетто Латини и автор трактата в стихах по моральной философии, который, в соответствии с духом времени, он назвал «*I Documenti d'Amore*» (Документы любви). Чекко д'Асколи также был современником Данте и его личным врагом. Его поэма в пяти книгах, называемая «*L'Acerba*», или, скорее, согласно М. Гингуэне, «*L'Acerva*», «куча», представляет собой сборник всех наук его эпохи, включая астрономию, философию и религию. Она гораздо менее примечательна своей внутренней ценностью, чем печальной судьбой ее автора, который был сожжен заживо во Флоренции как колдун в 1327 году в возрасте семидесяти лет, после того как долгое время занимал должность профессора судебной астрологии в Болонском университете.

Чино да Пистойя из рода Синибальди был другом Данте и в равной степени отличался блестящими талантами в двух разных областях : как юрист — своими комментариями к первым девяти книгам кодекса, а как поэт — своими стихами, посвященными прекрасной Сельваджи де Верджолези, которую он потерял из-за смерти около 1307 года. Как юрист, он был наставником знаменитого Бартоло, который, хотя и превзошел своего учителя, все же многое обязан его урокам. Как поэт, он был образцом, который Петрарка любил подражать; и в этом смысле он, возможно, нанес своему подражателю столько же вреда своей утонченностью и аффектацией, сколько принес ему пользы своим чистым и гармоничным

стилем. Фацио де Уберти, внук великого Фарината, который вследствие ненависти флорентийцев к его предку жил и умер в изгнании, в этот период достиг такой же известности благодаря своим сонетам и другим стихотворениям. В гораздо более позднем возрасте он написал описательное стихотворение под названием «Деттамондо», в котором он предложил подражать Данте и показать реальный мир, как этот поэт изобразил мир духов. Но, разумеется, разница между оригиналом и подражанием действительно огромна.

В некоторых отношениях все эти поэты, а также многие другие, чьи имена еще более неизвестны, имеют общие черты. Во всех них мы находим ту же тонкость мысли, те же несвязные образы и те же запутанные чувства. Дух времени был извращен напускной утонченностью, и удивительно, что в самом начале становления нации простота и естественные чувства были вытеснены тщеславием и пафосом. Однако следует учитывать, что эта нация не сформировала свой собственный вкус, а переняла вкус другой страны, прежде чем она была готова, благодаря собственному усовершенствованному знанию, сделать правильный выбор. Стихи трубадуров Прованса распространялись по всей Италии. Их внимательно изучали и заучивали наизусть все поэты, стремившиеся к публичному признанию, некоторые из которых сочиняли свои произведения на том же языке; и хотя итальянцы, за исключением сицилийцев, никогда не имели прямых контактов с арабами, они получали от них много информации этим окольным путем. Почти непонятные тонкости, с которыми они обращались с любовью, считались утонченностью чувств, а постоянное соперничество между сердцем и головой, между разумом и страстью, рассматривалось как изобретательное применение философии к литературной теме. Беспричинные печали, томление, предсмертные жалобы влюбленного стали неотъемлемой частью освященного языка, на котором он обращался к своей возлюбленной и от которого он не мог отступить без нарушения приличий. Таким образом, условные чувства в поэзии заняли место тех естественных и простых чувств, которые являются плодом сердца.

ПЕТРАРКА

Но вместо того, чтобы заикливаться на этих недостатках менее известных поэтов, мы постараемся показать общий дух XIV века, отраженный в произведениях величайшего человека, которого породила Италия в ту эпоху, чья репутация была наиболее широко распространена, а влияние наиболее ощутимо не только в Италии, но и во Франции, Испании и Португалии. Читатель легко догадается, что речь идет о Петрарке, возлюбленном Лауры.

Петрарка был сыном флорентийца, который, как и Данте, был изгнан из своего родного города. Он родился в Ареццо в ночь на 19 июля 1304 года и умер в Аркуа, недалеко от Падуи, 18 июля 1374 года. В течение столетия, большую часть которого занимала его жизнь, он был центром итальянской литературы. Страстно увлеченный литературой, особенно историей и поэзией, и будучи восторженным поклонником античности, он своими речами, сочинениями и личным примером привил своим современникам любовь к восстановлению и изучению латинских рукописей, которая так ярко отличала XIV век; это позволило сохранить шедевры классических авторов в тот самый момент, когда они были на грани исчезновения навсегда; и дал новый импульс прогрессу человеческого интеллекта, благодаря подражанию этим замечательным образцам.

ПЕТРАРКА

Петрарка, мучимый страстью, которая в значительной степени способствовала его известности, стремился, путешествуя в течение значительной части своей жизни, убежать от самого себя и изменить ход своих мыслей. Он путешествовал по Франции, Германии и всей Италии, посетил Испанию и с неустанной активностью направлял свое внимание на изучение памятников древности. Он сблизился со всеми учеными, поэтами и философами от одного конца Европы до другого, которых он вдохновлял своим собственным духом. Делясь с ними целью своих собственных трудов, он направлял их исследования, и его переписка стала своего рода магической связью, которая впервые объединила всю литературную республику Европы. В эпоху, в которой он жил, этот континент был разделен на мелкие государства, и правители еще не пытались создать те колоссальные империи, которые так пугали другие нации. Напротив, каждая страна была разделена на более мелкие суверенные государства. Власть многих князей не простиралась дальше тридцати лиг от маленького городка, которым они правили, а на расстоянии ста лиг их имя было неизвестно. Однако по мере того, как политическое значение суверенитетов сокращалось, литературная слава расширялась, и Петрарка, друг Аццо ди Корреджо, князя Пармы, Луккино и Галеаццо Висконти, князей Милана, и Франческо ди Каррара, князя Падуи, был более известен и уважаем во всей Европе, чем любой из этих мелких суверенов. Эту всеобщую репутацию, которую он заслужил своими высокими достижениями и которую он часто использовал для продвижения интересов литературы, он иногда использовал в политических целях. Ни один литератор, ни один поэт, без сомнения, не был так часто поручен с посольствами к великим правителям — к императору, папе, королю Франции, сенату Венеции и всем князьям Италии. Очень примечательно, что Петрарка выполнял эти обязанности не только как подданный государства, которое доверило ему свои интересы, но и действовал на благо всей Европы. Ему доверяли такие миссии благодаря его репутации, и когда он вел переговоры с различными князьями, он выступал, так сказать, в роли арбитра, чьего голоса все стремились получить, чтобы завоевать высокое мнение потомков.

Невероятные труды Петрарки по продвижению изучения античной литературы являются, в конце концов, его самым благородным титулом славы. Так их рассматривали в эпоху, в которой он жил, и так считал он сам. Тем не менее, его известность в наши дни в

гораздо большей степени зависит от его итальянских лирических стихотворений, чем от его объемных латинских сочинений. Эти лирические произведения, которые были написаны по образцу провансальских поэтов, Чино да Пистойи и других поэтов, процветавших в начале того века, в свою очередь послужили образцом для всех выдающихся поэтов юга.

Латинские сочинения, на которых Петрарка основал свою славу и которые в двенадцать-пятнадцать раз объемнее его итальянских произведений, сегодня читают только ученые. Длинное стихотворение под названием «Африка», которое он сочинил о победах старшего Сципиона и которое в его время считалось шедевром, достойным соперничать с «Энеидой», очень утомительно для слуха. Стиль напыщен, а тема настолько лишена интереса и настолько чрезвычайно скучна, что абсолютно мешает прочтению произведения. Его многочисленные стихотворные послания, вместо того чтобы придавать интерес историческим событиям, на которые они ссылаются, приобретают его благодаря этому обстоятельству. Подражание древним и верность копии, которые в глазах Петрарки составляли их главную ценность, лишают эти произведения всякого вида правды. Нападки на варваров, покоривших Италию, настолько холодны, настолько напыщенны и настолько лишены всякой окраски, подходящей к времени и месту, что можно было бы подумать, будто они написаны каким-то ритором, никогда не видевшим Италии, и спутать их с теми, которые поэтический пыл диктовал самому Петрарке против галлов, осаждавших столицу.

Его философские труды, среди которых можно упомянуть трактат о *одинокой жизни* и другой о *удаче и неудаче*, едва ли менее напыщенны. В них нет ни правды, ни глубины мысли. Это всего лишь набор слов на заданную тему. Автор заранее определяет свое мнение по вопросу и никогда не рассматривает аргументы с целью обнаружить истину, а лишь для того, чтобы преодолеть противостоящие ему трудности и привести все в соответствие со своей собственной системой. Его письма, объемная коллекция которых была опубликована (однако она далека от полноты), читаются, пожалуй, чаще, чем любые другие его работы, поскольку они проливают много света на период, который вполне заслуживает того, чтобы о нем знали. Однако мы не обнаруживаем в них ни близости интимной дружбы, ни полной открытости приветливого характера. Они демонстрируют большую осторожность и выверенную корректность, с вниманием к эффекту, который не всегда удается. Итальянец никогда не стал бы писать латинские письма своим друзьям, если бы хотел только раскрыть секреты своего сердца; но письма Цицерона были на латыни, и Петрарка хотел, чтобы его собственные письма сравнивали с ними. Очевидно, он всегда думал больше о публике, чем о своем корреспонденте; и на самом деле публика часто получала письмо раньше его друга. Посланник элегантно написанного послания хорошо знал, что он должен потешить тщеславие автора, передавая его, и поэтому он часто открыто читал его и даже давал его копии, прежде чем оно достигало своего назначения.

Трудно сказать, чья слава — Петрарки или его эпохи — более велика в течение его долгой жизни. Мы уже упоминали о недостатках этого прославленного человека — о тонкости ума, которая часто заставляла его пренебрегать истинными чувствами и предавать себя ложному вкусу, и о тщеславии, которое слишком часто побуждало его называть себя другом жестоких и презренных принцев, потому что они льстили ему. Но прежде чем расстаться с ним, давайте еще раз взглянем на те великие качества, которые сделали его первым человеком своего века — на ту горячую любовь к науке, которой он посвятил свою жизнь, свои силы и способности, и на тот славный энтузиазм ко всему высокому и благородному в поэзии, красноречии, законах и нравах древности. Этот энтузиазм — признак высшего ума. Для такого ума герой становится величественнее, когда его созерцают, в то время как узкий

и бесплодный интеллект сводит величайших людей к своему уровню и оценивает их по своим собственным меркам.

Этот энтузиазм испытывал Петрарка не только к выдающимся людям, но и ко всему великому в природе, к религии, философии, патриотизму и свободе. Он был другом и покровителем несчастного Рьенци, который в XIV веке на мгновение пробудил древний дух и удачу Рима. Он ценил изобразительное искусство так же, как и поэзию, и способствовал тому, чтобы римляне познакомились с богатыми памятниками древности, а также с рукописями, которыми они владели. Его страсти были окрашены чувством религии, которое побуждало его поклоняться всем славным творениям Божества, которыми изобилует земля; и он верил, что в женщине, которую он любил, он видел посланницу того неба, которое таким образом открывало ему свою красоту. Он дал своим современникам возможность оценить всю ценность чистоты такой скромной и религиозной страсти, как его собственная, а своим соотечественникам он дал язык, достойный соперничать с языками Греции и Рима, с которыми они благодаря ему стали знакомы. Смягчая и украшая свой язык путем принятия надлежащих правил, он приспособил его к выражению всех чувств и в некоторой степени изменил его сущность. Он вдохновил свою эпоху той женой любовью к красоте и тем почитанием к изучению древности, которые придали ей новый характер и определили характер последующих эпох. Можно сказать, что от имени благодарной Европы 8 апреля 1341 года Петрарка был коронован сенатором Рима на Капитолии; и этот триумф, самый славный из всех, когда-либо устроенных человеку, был соразмерен авторитету, который этот великий поэт был предназначен сохранить на протяжении будущих веков.^e

РАННЯЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА

Уже на протяжении полувека итальянская поэзия культивировалась с энтузиазмом и успехом, и во времена Данте едва ли был образованный флорентинец, который не мог бы при необходимости сочинить сонет или написать короткую песню на народном языке. Не так легко было писать прозой; ведь если у поэта были язык и правила стиля, то для прозаика еще не наступило время учености; у него не было фиксированных правил, то есть формы, которая позволяет писателю выражать свои мысли в логическом порядке, необходимом для передачи всех оттенков смысла, выделения ярких моментов, художественного подчинения менее важных или чисто заполняющих частей. Поэт, напротив, при своей первой попытке столкнулся с метрическими формами, давно принятыми и практикуемыми в провансальском языке, родственном диалекте, правила которого без труда могли быть применены к итальянскому языку (). Кроме того, он обнаружил, что провансальская поэзия, просодию которой он заимствовал, с небольшими различиями затрагивала те же темы, которые он хотел воспеть на итальянском языке; таким образом, он нашел, если можно так выразиться, поэтический кладезь сравнений, эпитетов, связующих звеньев, фраз и допустимых инверсий.

С прозой дело обстояло иначе. Итальянский язык, который без труда мог принять провансальскую метрическую систему, не нашел развитой прозы, которую можно было бы взять за образец. Латынь была единственным совершенным образцом, который он мог подражать; но полное отсутствие склонений, относительно ограниченное количество союзов, невозможность полностью освободиться от аналитического порядка, который он испытывал, как и все современные языки, не позволяли ему брать за образец Цицерона, как поэзия брала за образец Бертрана де Борна или Сорделло. Чтобы достичь этой степени совершенства, потребовалось еще два или три столетия, в течение которых глубокие мыслители и великие художники лепили этот труднообрабатываемый материал.

Правда, латинские историки, которые были хорошо известны, могли бы служить примером для подражания и даже имитации, поскольку эти писатели обращались к тем же темам, которые снова собирались затронуть. Однако было одно отличие: древняя история, в конце концов, была далекой, и сходство между темами было скорее кажущимся, чем реальным; или, по крайней мере, если это сходство действительно существовало, люди были слишком заинтересованы в событиях, чтобы судить о них и сравнивать их с другими так беспристрастно, как мы привыкли делать. Чтобы воспеть глаза своей дамы, выразить чувства верности или печали, описать рыцарские турниры, достаточно прочитать или послушать провансальских трубадуров, и те же слова, с очень небольшими изменениями, можно почти без изменений перенести с одного языка на другой. Представьте себе, с другой стороны, бедного летописца средневековья, подражающего Саллюстию или Титу Ливию: мог ли народный язык предоставить ему хотя бы одно слово, чтобы передать слова его образца, и мог ли прозаик, привыкший мыслить на латыни, найти в итальянском языке хотя бы одно выражение, эквивалентное его мысли? Откуда он мог почерпнуть тот общий запас идей и формул, который так необходим для написания настоящей истории, какой бы фактической и малофилософской она ни была? Даже для того, чтобы рассказать о фактах, отбросив всякие соображения интереса, нужно иметь идеи.

Но трудность была гораздо больше, когда речь шла об абстрактных предметах. Даже в прекрасной прозе *«Конвито» Данте* и даже в схоластических отступлениях *«Божественной комедии»* есть некоторая путаница, хотя в начале XIV века итальянский язык был уже гораздо более развит, чем сто лет назад; и, не углубляясь в подробности, можно получить некоторое представление о крайней сложности такого предприятия, вспомнив препятствия, которые пришлось преодолеть первым французским и немецким философам, которые имели мужество и самоотверженность излагать на своих родных языках (которые тогда были почти сформированы) идеи, обоснованные на латыни; ведь для понимания французских и немецких сочинений Декарта и Вольфа требуется определенное усилие, в то время как их латинские работы не представляют никакой сложности. Таким образом, помимо общих и постоянных причин приоритета поэзии над прозой, в Италии существовала особая причина, которая способствовала развитию поэзии сначала на народном языке; этой причиной было существование провансальской поэзии, уже процветавшей и культивировавшейся.

Общим фактом для литературной истории Италии и всех других народов является то, что первые попытки в прозе были, как правило, историческими сочинениями. Фактически, среди всех первобытных народов мы видим, что первым использованием свободной речи было разложение эпических поэм, чтобы придать исторической традиции значение народных легенд. Так, мы видим, как ионийские летописцы, вплоть до Геродота, добавляют историю современных событий к подвигам героев мифов, так же как первые флорентийские летописцы, вплоть до Виллани, прослеживают происхождение своего родного города и его раннюю историю до римских имен, традиции которых, несомненно, сохранились в народных стихах, предшествовавших провансальской школе, которая царила в Италии в середине XIV века, и рассказывают, без метра и ритма, то, что пела флорентийская женщина времен Фридриха Барбароссы, сидя за прялкой:

«Favoleggiava con la sua famiglia

De' Trojani, di Fiesole, e di Roma».

—ДАНТЕ.

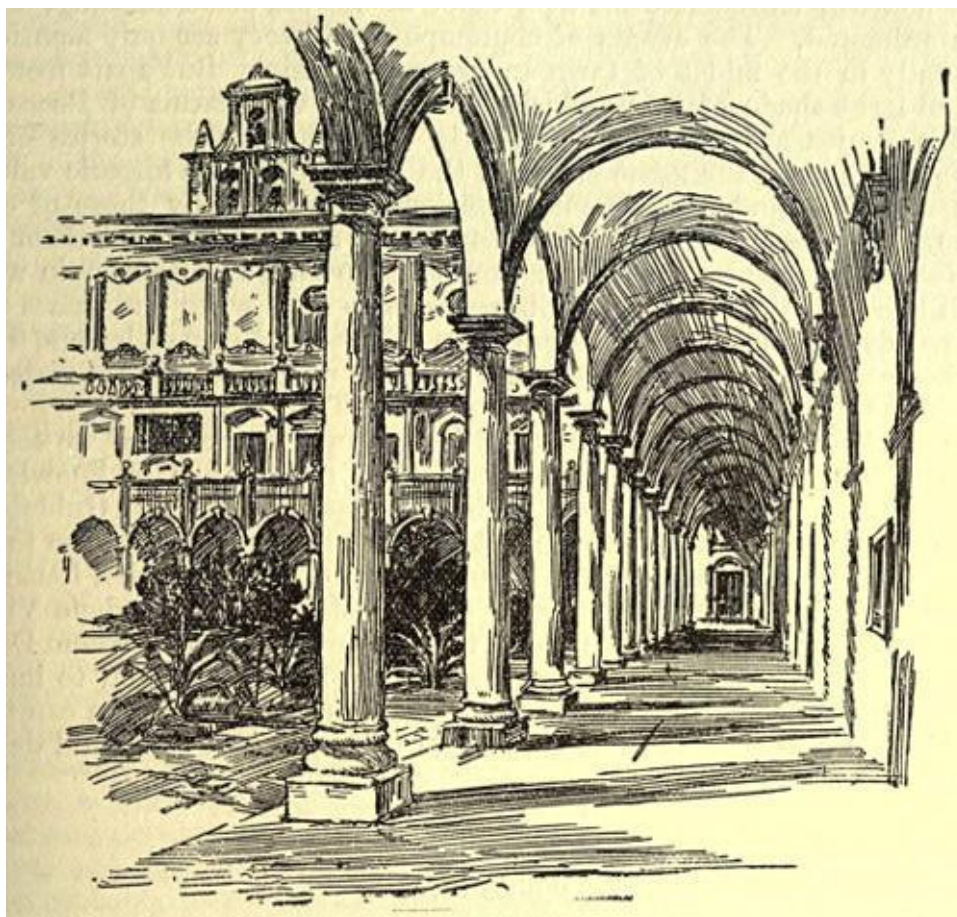
Как бы то ни было, именно в это время постепенно распространилось использование народного языка; публичные договоры и коммерческая переписка стали писаться на этом языке, и публика уже предпочитала читать на итальянском языке рассказы и другие

произведения, написанные первоначально на латыни или иногда на провансальском языке. Но эти сочинения едва ли можно считать литературными произведениями; поэтому их нельзя принимать за отправную точку истории итальянской прозы.

Так же как первые итальянские стихи были написаны на сицилийском диалекте, вскоре замененном тосканским диалектом, так и первое более или менее важное и подлинно литературное произведение итальянской прозы было написано на сицилийском диалекте, в то время как почти все прозаики последующего периода были тосканцами; и этот факт вполне объясняется общей историей Италии XIII века.

В то время как Флоренция и весь центр полуострова находились в состоянии гражданской войны или мучительно боролись за достижение независимой муниципальной жизни, Неаполь, родина Гогенштауфенов и столица королевства Обеих Сицилий, наслаждался глубоким миром, королевской роскошью, большой свободой мысли и всеми изысками жизни, в окружении институтов, которые можно считать совершенными для своего времени. Королева Констанца уже предоставила особую защиту провансальским поэтам, а ее сын Фридрих II ставил выше трубадуров юга Франции только ученых философов Багдада и Кордовы, как будто этот великий человек верил, что его понимают и ценят только те, чей взгляд не был омрачен религиозными, политическими или местными страстями. Влияние этого блестящего двора, который объединял вкус к науке с легкомыслием, где серьезные дискуссии о праве и философии чередовались с веселой провансальской мудростью, а проявления рыцарства и любовные песни развлекали величайших государственных деятелей Средневековья после утомительных или раздражающих политических дел, это преобладающее влияние сделало сицилийскую нацию на время главным действующим лицом в истории Италии, а их язык — доминирующим органом возникающей литературы; и неудивительно, что первое великое произведение итальянской прозы было написано на диалекте, популяризованном прекрасными песнями императора Фридриха II и его знаменитого канцлера Пьетро делле Винье, короля Энцио и его храброго сводного брата Манфреда.

Маттео Спинелли, современник этих поэтов благородного происхождения, оставил хронику под очень характерным названием «журнал», которая позволяет нам сразу судить о том, какой была итальянская проза в тот период. Если мы цитируем сначала это произведение Спинелли, то не потому, что мы не знаем о многочисленных и часто неопределенных попытках, которые предшествовали ему, но потому, что все предыдущие сочинения можно считать неуверенными поисками. Язык этих произведений еще не является полностью итальянским (), и считается, что истинный современный язык с его индивидуальностью зародился в стихах Чиулло д'Алкамо и в «Дневниках» Спинелли. Кроме того, работа сицилийского летописца (хотя, как следует из ее названия, это был дневник, едва ли предназначенный для публикации) по своему объему предлагает более обширный материал для литературного и филологического исследования, чем некоторые надписи, документы, законы, декреты и другие документы подобного рода.

Сан-Мартино, Неаполь

Мы не хотим сказать, что в *дневниках* нет ничего латинского или что они написаны на чистом итальянском или сицилийском языке. Латинские слова, даже фразы, напоминающие о обычаях мертвого языка, часто встречаются в речи, которая во всех других отношениях является чисто итальянской; но эти воспоминания всегда изолированы и не меняют общего характера языка, который по сути своей является сицилийским. Но то, что отличает стиль этого восхитительного рассказчика, — это не только характерная для используемого им диалекта мягкость, но и некоторая небрежность, некоторая свобода в построении предложений. От первого прозаика языка, конечно, не ожидают цicerоновских периодов; вполне естественно, что все его предложения должны быть координированными, а не подчиненными друг другу, и что он должен просто соединять свои предложения соединительными союзами, а не располагать их в побочных фразах; но у Спинелли мы просто находим разговорный язык и ничего больше; то есть его стилю не хватает ясности. Он пишет так, как он говорил бы перед внимательной аудиторией, с помощью жестов, интонации и выразительных взглядов (). Этот разговорный стиль, примененный к длинным письменным произведениям, часто непонятен, если его не интерпретирует умный читатель, который читает его так, как актер читает свою роль в комедии. В конце концов это становится утомительным из-за того, что отсутствует необходимое объяснение, которое дает чтение. Но, с другой стороны, есть оживленность, которую не может создать даже самое прекрасное искусство — каждое слово, каждое выражение создает картину. Можно было бы слушать болтливого парикмахера, выслушивающего сплетни дня и подающего свежие новости города.

Это специальность Спинелли; его не следует рассматривать как историка, даже как политического летописца, а как рассказчика историй, часто забавных, почти всегда

оживленных. События современной истории упоминаются лишь вскользь, среди городских и деревенских сплетен. Но, несмотря на стиль и легкую иронию, которые составляют одно из прелестей Боккаччо, рассказы Спинелли не менее интересны, чем рассказы *«Декамерона»*. В этом заключается большая заслуга *«Дневников»*: их историческая ценность практически ничтожна, а из-за серьезных ошибок (главным образом хронологических) они становятся опасным руководством для читателя, который воспринимает их всерьез и обращается к ним за информацией о периоде и стране, в которой жил Спинелли. Можно увидеть большую разницу, когда переходишь от этих обширных и непритязательных сплетен к профессиональным литераторам, к несколько педантичным ораторам Флоренции, от пренебрегаемого сицилийского диалекта к уже величественному и развитому языку Тосканы.

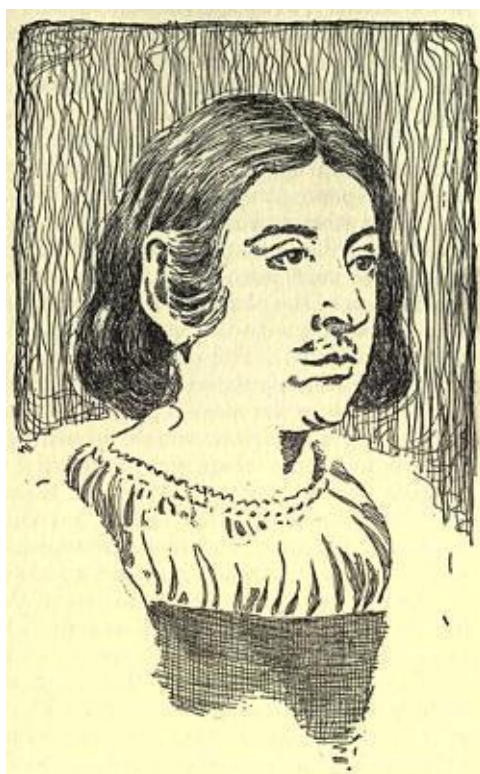
Изучение риторики впервые стало культивироваться во Флоренции, и по образованию Данте мы видим, какое значение придавалось этой области знаний. Однако самые ранние риторики, такие как Буонкомпаньи и Гуидотто из Болоньи, редко использовали народный язык. Честь закрепить, так сказать, тосканский диалект, поднять итальянский диалект до ранга, который до того времени занимал исключительно латынь, принадлежит Брунетто Латини, о котором Виллани говорит, что он был «первым, кто отполировал флорентийцев», и которому Данте, его ученик, воздвиг памятник, более прочный, чем любое другое притязание на бессмертие, которое имел бедный оратор: «Ты научил меня, как человек может сделать себя бессмертным, и правильно, что пока я жив, мой язык должен выражать благодарность, которую я испытываю».

БОККАЧЧО

Но все это, в конце концов, лишь первые шаги. Первым писателем, который использовал новое средство выражения в качестве носителя действительно художественной прозы творческого типа, был флорентинец немного более поздней эпохи, современник Петрарки, Джованни Боккаччо, знаменитый автор *«Декамерона»*. Боккаччо родился в Париже в 1313 году и был внебрачным сыном флорентийского купца, самого родившегося в Чертальдо, замке в Валь д'Эльса, на территории Флоренции. Его отец намеревался посвятить его коммерческой деятельности, но прежде чем посвятить его этому, позволил ему получить литературное образование. С самых ранних лет Боккаччо проявлял явное предпочтение к литературе. Он писал стихи и проявлял крайнюю неприязнь к торговле. Он с одинаковым отвращением относился как к перспективе коммерческой карьеры, так и к изучению канонического права, которым хотел заняться его отец. Однако, чтобы угодить отцу, он совершил несколько деловых поездок, но вместо любви к своей профессии он привез с собой более обширные знания и еще большую страсть к учебе.

В конце концов он получил разрешение полностью посвятить себя литературе и поселился в Неаполе, где в то время литература процветала под мощной защитой правящего монарха Роберта. Он быстро освоил все науки, которые преподавались в то время. Он также приобрел начальные знания греческого языка, который, хотя и был распространен в Калабрии, был сложным предметом для ранних ученых. В 1341 году он присутствовал на знаменитом экзамене Петрарки, который предшествовал его коронации в Риме; с того времени между ним и поэтом завязалась дружба, которая закончилась только с их смертью. В этот период Боккаччо, отличавшийся не только элегантностью своей внешности, но и блеском ума, а также преданный удовольствиям, привязался к внебрачной дочери короля Роберта по имени Мария, которая в течение нескольких лет была женой неаполитанского дворянина. Эту даму он прославил в своих произведениях под именем Фьямметта. В

привязанности Боккаччо не следует искать той чистоты и деликатности, которые отличали Петрарку в его любви к Лауре. Эта принцесса была воспитана в самом развращенном дворе Италии; она сама прониклась его духом, и именно ее развращенному вкусу () следует приписать сомнительные части *«Декамерона»*, произведения, написанного Боккаччо по ее просьбе и для ее развлечения. Со своей стороны, Боккаччо, вероятно, любил ее столько же из тщеславия, сколько из настоящей страсти; ибо, хотя она отличалась красотой, грацией и остроумием не меньше, чем своим рангом, она, по-видимому, не оказала никакого чрезвычайного влияния на его жизнь; и ни поведение, ни сочинения Боккаччо не дают оснований говорить о искренней или глубокой привязанности.

БОККАЧЧО

Боккаччо покинул Неаполь в 1342 году, чтобы вернуться во Флоренцию. Он вернулся снова в 1344 году и в последний раз в 1350 году. С того года он поселился в своей родной стране, где его репутация уже обеспечила ему выдающееся положение. С тех пор его жизнь была занята общественными обязанностями в нескольких посольствах, обязанностями, которые налагала на него его растущая дружба с Петраркой, а также постоянным и неустанным трудом, которому он посвятил себя для продвижения литературы, открытия древних рукописей, разъяснения предметов древности, внедрения греческого языка в Италию и написания своих многочисленных произведений. Приняв монашеский постриг в 1361 году, он умер в Чертальядо, в особняке своих предков, 21 декабря 1375 года.

«Декамерон», произведение, которому Боккаччо обязан своей нынешней высокой известностью, представляет собой сборник ста романов или рассказов. Он искусно объединил их под предлогом вечеринки, устроенной во время страшной чумы 1348 года, в которой участвовали несколько кавалеров и молодых, умных и образованных женщин, уехавших в живописную местность, чтобы избежать заражения. Там было решено, что каждый из них в течение десяти дней будет ежедневно рассказывать новую историю. Компания состояла из десяти человек, и таким образом количество историй составило сто.

Описание очаровательной местности в окрестностях Флоренции, где поселились эти веселые отшельники, рассказы о их прогулках, многочисленных праздниках и трапезах дали Боккаччо возможность продемонстрировать все сокровища своего мощного и легкого пера.

Эти истории, которые варьируются с бесконечным искусством как по теме, так и по стилю, от самых патетических и нежных до самых игривых и, к сожалению, самых развратных, демонстрируют удивительную силу повествования; а его описание чумы во Флоренции, которое служит введением к ним, можно отнести к числу самых знаменитых исторических описаний, дошедших до нас. Совершенная правдивость красок; изысканный выбор обстоятельств, рассчитанный на то, чтобы произвести глубочайшее впечатление и представить перед нашими глазами самые отталкивающие сцены, не вызывая отвращения; и эмоции автора, которые незаметно пронизывают каждую часть, придают этой картине ту истинную красноречивость истории, которая у Фукидида оживляет рассказ о чуме в Афинах. Боккаччо, несомненно, имел перед глазами этот образец, но события, свидетелем которых он был, ярко запечатлелись в его памяти, и именно верное изображение того, что он видел, а не классическое подражание, послужило развитию его таланта.

Хвала Боккаччо заключается в совершенной чистоте его языка, в его элегантности, изяществе и, прежде всего, в той *наивности*, которая является главным достоинством повествования и особым очарованием итальянского языка.

К сожалению, Боккаччо не предписывал себе такой же чистоты в образах, как в фразеологии. Характер его произведения легкий и игривый. Он включил в него большое количество рассказов о галантности; он исчерпал свои силы насмешки над обманутым мужем, над развращенными и развращающими монахами, а также над темами, связанными с моралью и религиозным поклонением, которые он сам считал священными; и поэтому его репутация мало согласуется с реальным содержанием его поведения. «Декамерон» был опубликован в середине XIV века (в 1352 или 1353 году), когда Боккаччо было не менее тридцати девяти лет; с момента появления книгопечатания он свободно распространялся в Италии, пока Тридентский собор не запретил его в середине XVI века. По просьбе великого герцога Тосканы и после двух замечательных переговоров между этим князем и папами Пием V и Сикстом V «Декамерон» был вновь опубликован в 1573 и 1582 годах в очищенном и исправленном виде.

Многие из рассказов Боккаччо, по-видимому, заимствованы из народных преданий или реальных событий. Мы прослеживаем происхождение некоторых из них в древних французских *фаблио*, некоторых — в итальянском сборнике «*Centi Novelli*», а других — в индийском романе, который прошел через все языки Востока и латинский перевод которого появился еще в XII веке под названием «*Dolopathos*» или «*Король и семь мудрецов*». В этом жанре литературы вымысел встречается не реже, чем в любом другом; и те же самые рассказы, которые Боккаччо, вероятно, собрал в веселых дворах князей или на площадях итальянских городов, были повторены нам заново на всех языках Европы (). Они были переложены на стихи ранними поэтами Франции и Англии и принесли славу трем или четырем подражателям Боккаччо. Но если Боккаччо и не может похвастаться тем, что он является изобретателем этих рассказов, он все же может претендовать на создание этого жанра литературы. До него рассказы были лишь предметом общественного веселья. Он был первым, кто перенес их в мир литературы, и благодаря элегантности своего стиля, гармоничности всех частей своего произведения и очарованию своего повествования он добавил к простому удовольствию, которое доставляли старые рассказчики, более изысканное удовольствие от языка и искусства.

Нет необходимости говорить здесь о других итальянских произведениях Боккаччо, кроме как упомянуть его романы «*Фьямметта*» и «*Филоколопо*» и его героические поэмы «*Ла*

Тесейде» и «Филострато». Латинские сочинения Боккаччо объемны и в то время, когда они были написаны, внесли существенный вклад в развитие литературы. Наиболее известными из этих произведений являются « » — два трактата: один о генеалогии богов, а другой о горах, лесах и реках. В первом он изложил древнюю мифологию, а во втором исправил многие ошибки в географии. Эти два произведения были забыты после открытия ранее неизвестных рукописей и в результате того, что искусство печати, открыв новые источники, облегчило изучение древности. Однако в эпоху, когда они были написаны, они были столь же примечательны своим обширным содержанием, сколь и ясностью изложения; но стиль их ни в коем случае не столь чист и элегантен, как у Петрарки. Но хотя известность этих великих людей ограничивается итальянской поэзией Петрарки и романами Боккаччо, наша благодарность им основана на более веских основаниях. Они более чувствительно, чем кто-либо другой, ощущали энтузиазм к красотам древности, без которого мы тщетно стремимся оценить ее сокровища, и каждый из них посвятил долгую и трудоемкую жизнь открытию и изучению древних рукописей. Наиболее ценные произведения древних в то время были погребены в архивах монастырей, разбросанных на большие расстояния, неверных и неполных, без оглавлений и примечаний на полях. Тогда еще не существовало тех ресурсов, которые предоставляет печать для ознакомления с незнакомыми нам произведениями; и в равной степени отсутствовали возможности, которые дают предварительное изучение или сопоставление оригиналов друг с другом. Должно быть, требовался мощный интеллект, чтобы обнаружить, например, в рукописи Цицерона без названия и начала полный смысл автора, период, в который он писал, и другие обстоятельства, связанные с его темой; исправить многочисленные ошибки переписчиков; восполнить пробелы, которые часто встречались в начале и в конце и не оставляли ни названия, ни разделов, ни заключений, ни чего-либо, что могло бы служить подсказкой для изучения; короче говоря, определить, как одна рукопись, обнаруженная в Гейдельберге, должна дополнить другую, обнаруженную в Неаполе. Фактически, ученые тех дней готовились к этой задаче долгими и мучительными путешествиями. Копирование рукописи с необходимой степенью точности было трудоемким и дорогостоящим делом. Коллекция из трех-четырех сотен томов в то время считалась обширной библиотекой, и ученый часто был вынужден искать вдали завершение работы, начатой под своей собственной крышей.

Петрарка и Боккаччо во время своих частых путешествий приобретали копии классических произведений, которые находили на своем пути. Среди прочего, Петрарка поставил перед собой цель собрать все произведения Цицерона, что ему удалось сделать спустя много лет. Боккаччо, искренне любящий литературу, привнес изучение греческого языка в Италию не только с целью обеспечения интересов торговли или науки, но и для обогащения ума итальянцев и расширения их исследований на другую половину древнего литературного мира, которая до тех пор оставалась скрытой от его современников. Он основал во Флоренции кафедру для преподавания греческого языка и сам пригласил туда и назначил профессором Леонтия Пилата, одного из самых ученых греков Константинополя. Он принял его в свой дом, хотя тот был человеком угрюмым и неприятным; посадил его за свой стол, пока этот профессор соглашался оставаться во Флоренции; записался в число его первых учеников и за свой счет приобрел в Греции рукописи, которые были распространены во Флоренции и служили предметом лекций Леонтия Пилата. Ведь в те дни обучение состояло в публичных лекциях с комментариями, и одной книги, которой, возможно, существовал только один экземпляр, хватало на несколько тысяч учеников.

МЕНЬШЕЕ ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОКИ ПЕТРАРКИ И БОККАЧЧО

Между тремя великими людьми, чьи труды мы только что перечислили, и даже самыми уважаемыми из их современников существует бесконечное пространство; и хотя последние

сохранили до наших дней значительную репутацию, мы лишь кратко упомянем об их существовании и эпохе, к которой они принадлежат. Возможно, наиболее примечательными из них являются три флорентийских историка по имени Виллани. Джованни, старший, умерший во время первой чумы в 1348 году; Маттео, его брат, умерший во время второй чумы в 1361 году; и Филиппо, сын Маттео, который продолжил дело своего отца до 1364 года и написал историю литературы Флоренции, первую попытку такого рода в современную эпоху. Два поэта этой эпохи разделили с Петраркой честь поэтической коронации: Заноби ди Страда, которого император Карл IV короновал в Пизе в 1355 году с большой помпой, но чьи стихи не дошли до нас; и Колуччо Салутати, секретарь Флорентийской республики, один из чистейших латинистов и самых красноречивых государственных деятелей, которых произвела Италия в ту эпоху. Последний, однако, не дожил до того момента, когда он мог бы насладиться честью, оказанной ему императором по просьбе флорентийцев. Колуччо умер в 1406 году в возрасте семидесяти шести лет, до назначенного дня коронации, и символ славы был помещен на его могилу; впоследствии гораздо более прославленная корона была помещена на могилу Тассо.

Из прозаиков Тосканы Франко Сачетти, родившийся во Флоренции около 1335 года и умерший до конца века, после того как занимал некоторые из первых должностей в республике, наиболее близок к Боккаччо. Он подражал Боккаччо в своих романах и Петрарке в своих лирических стихотворениях, но последние никогда не печатались, в то время как его рассказы были изданы в нескольких изданиях. Какую бы похвалу ни заслуживала чистота и красноречие его стиля, мы считаем его страницы более ценными как историю нравов той эпохи, чем привлекательными с точки зрения их развлекательной силы, даже когда автор считает себя наиболее успешным. Его 258 рассказов почти полностью состоят из событий его собственного времени и его собственного окружения; домашних анекдотов, которые в целом содержат мало юмора; трюков, демонстрирующих мало мастерства, и шуток, не имеющих особого смысла; и мы часто удивляемся, обнаруживая, что профессиональный шутник побежден умным ответом ребенка или клоуна, который едва ли заслуживает нашего внимания. Прочитав эти рассказы, мы не можем не прийти к выводу, что в XIV веке искусство беседы не достигло такого же прогресса, как другие искусства, и что великие люди, которым мы обязаны столькими прекрасными произведениями, не были столь интересными в общении, как многие люди, значительно уступавшие им по заслугам.

Два поэта того времени, имевшие некоторую известность, выбрали Данте своим образцом и сочинили вслед за ним в *терцинах* длинные аллегории, частично описательные, частично научные. Фацио де Уберти в своем «*Деттамондо*» предпринял описание вселенной, различные части которой, поочередно олицетворяемые, рассказывают свою историю. Федерико Фреcci, епископ Фолиньо, умерший в 1416 году на Констанцском соборе, в своем *Quadriregio* описал четыре империи: Любви, Сатаны, Добродетели и Порока. У обоих этих поэтов мы иногда встречаем строки, достойные Данте, но они давали очень ложную оценку произведениям гения, когда рассматривали «*Божественную комедию*» не как отдельное стихотворение, а как вид поэзии, к которому мог приложить руку любой.

Страстное изучение античности, пример которому дали Петрарка и Боккаччо, необычайным образом приостановило прогресс итальянской литературы и задержало совершенствование этого языка. Италия, произведя на свет трех своих ведущих классиков, на целое столетие погрузилась в бездействие. В этот период, действительно, эрудиция сделала удивительный прогресс, и знания стали гораздо более распространенными, но бесплодными в своих последствиях. Ум сохранил всю свою активность, а литературная слава — все свое великолепие, но непрерывное изучение античных авторов исключало всякую оригинальность у современных авторов. Вместо того чтобы совершенствовать новый язык и обогащать его произведениями, соответствующими современным нравам и

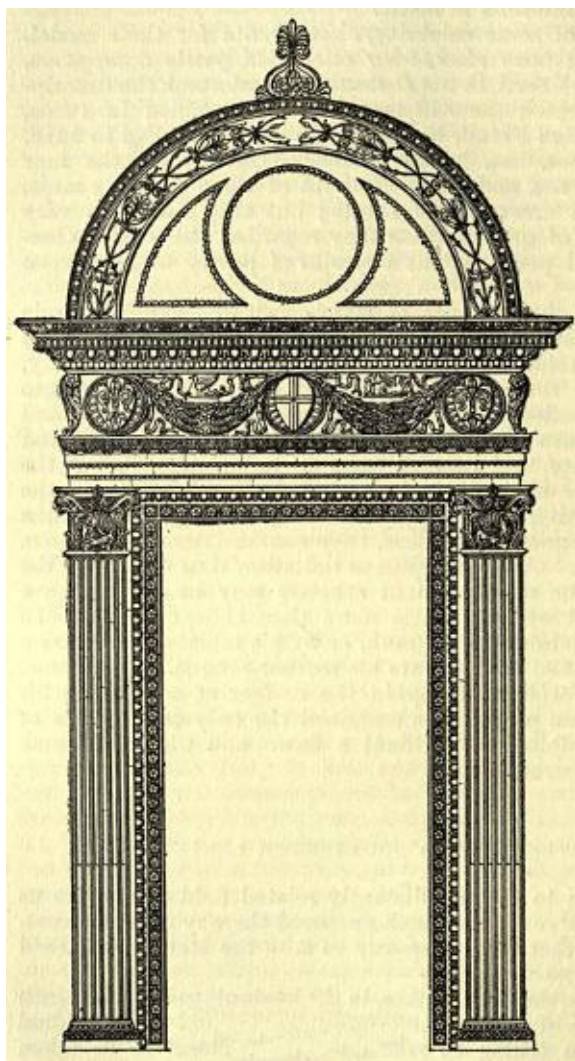
идеям, они ограничивались рабским копированием древних. Слишком скрупулезное подражание таким образом уничтожило дух изобретательности, и можно сказать, что самые выдающиеся ученые в своих красноречивых сочинениях создавали не более чем университетские темы (). Чем больше человек был способен по своему положению или талантам приобрести себе имя в литературе, тем больше он стеснялся культивировать свой родной язык. Он почти заставлял себя забыть его, чтобы не подвергать опасности порчу своего латинского стиля; и таким образом, простой народ оставался единственным хранителем языка, который имел столь блестящее начало, а теперь почти вновь впал в варварство.^e

ИСКУССТВО В XIII И XIV ВЕКАХ

Переходя от литературы к недалеко от нее лежащей области искусства, давайте взглянем на некоторые из первых попыток, которые подготовили почву для последующих флорентийских мастеров, которые вскоре заняли лидирующие позиции в этой области и удерживали их на протяжении нескольких столетий.

Ренессанс, то есть возрождение в начале XV века идей и форм классической античности, предшествовали отдельные попытки, которые, хотя и часто не достигали своей цели, должны быть приняты во внимание в истории этой великой революции. Пластические воспоминания о греко-римском мире сыграли в средневековье более значительную роль, чем обычно считается. Просто сила событий поставила наших предков перед древними *шедеврами*, и они были вынуждены смотреть на них, хотели они того или нет. Некоторые видели в них только идолопоклоннические памятники и критиковали их как таковые. Другие приписывали им магические свойства; некоторые отдавались восхищению, которое испытывали, глядя на безграничные римские руины, богатство древних материалов, совершенство ручной работы. Последних, можно утверждать, было больше всего. Даже в самый мрачный период Средневековья вся Европа испытывала очарование, которое Рим, старейший город *par excellence*, оказывал на протяжении двадцати веков. То, что привлекало тысячи посетителей из ближних и дальних стран на берега Тибра, было не только обещанием индульгенций, желанием помолиться на могилах мучеников, созерцать базилики, сияющие золотом и драгоценными камнями, но и воспоминаниями, оставленными цезарями.

Услышав с неким недоверием о чудесах этого несравненного города, человек еще больше удивляется количеству его храмов, дворцов, бань и амфитеатров. Разве не надежные авторы рассказывали нам, что в последнее время он имел тридцать шесть триумфальных арок, двадцать восемь библиотек, 856 общественных бань, двадцать две конные статуи из позолоченной бронзы, восемьдесят четыре из слоновой кости, обелиски и бесчисленные колоссы?

Дверной проем, Палаццо Веккьо, Флоренция

С XII века эти образы прочно вошли в народное воображение, преобразившись и усилившись. Чудесные рассказы стали популярными и вошли в авторитетные произведения — *Descriptis plenaria Votius Urbis*, *Graphia aurea urbis Romæ* и, наконец, *Mirabilia civitatis Romæ*. В конце XV века доблестный Карл VIII, желая дать своим подданным представление о городе, в который он недавно вступил с копьем в руке, велел перевести для них одну из этих записей другой эпохи. Несколько выдержек покажут, с какой сильной верой эти истории, достойные «Тысячи и одной ночи», были восприняты до эпохи Возрождения:

«Внутри столицы находилась большая часть золотого дворца, украшенного драгоценными камнями и, как говорили, равная по размеру трети мира, в которой было столько же статуй, сколько провинций во всем мире. Каждая статуя имела на шее бубен, размещенный с математической точностью, так что если какой-либо регион восставал против римлян, статуя этой провинции немедленно поворачивалась спиной к статуе города Рима, которая была самой большой и доминировала над другими, и бубен на ее шее издавал звук. Тогда стража Капитолия немедленно сообщала об этом сенату, и сразу же отправлялись люди, чтобы завоевать эту провинцию.

«Лошади и обнаженные мужчины обозначают, что во времена императора Тиберия были два молодых философа, то есть Пракситель и Фитас, которые утверждали, что они настолько мудры, что все, что император говорил в своей комнате, когда их там не было,

они могли повторить слово в слово. И они делали то, что говорили, не требуя за это денег, а лишь желая, чтобы их всегда помнили, поэтому у философов есть две мраморные лошади, стоящие на земле, которые символизируют правителей этого века. А те, кто обнажены на лошадях, символизируют, что их высоко поднятые руки и согнутые спины говорят о грядущих событиях, и, поскольку они обнажены, то и наука этого мира была обнажена и открыта для их понимания».

От восхищения до подражания — всего один шаг. Художники, в свою очередь, приступили к работе и без зазрения совести взяли то, что было общим наследием. Несомненно, многие из этих заимствований являются бессознательными или на самом деле только показывают огромную неполноценность копииста. Но разве влияние античности менее поразительно? В этой связи следует вспомнить великолепные творения архитекторов римского периода — собор, колокольню и баптистерий в Пизе, баптистерий во Флоренции, базилику Сан-Миниато, собор в Лукке и многие другие *шедевры*, возведенные в соответствии с принципами, которые новаторы следующей эпохи, поборники готического стиля, так смело попрали ногами.

Николас Крещентий (сын знаменитого трибуна) в XI веке, движимый желанием возродить древнее великолепие Рима, построил из античных фрагментов элегантный домик на Понте Ротто. Аналогичным образом, император Фридрих Барбаросса (1121-1190) имел в виду эту былую славу, когда запечатлел на своей печати вид Рима с Колизеем. Но именно его прославленному внуку Фридриху II (1184-1250) принадлежит честь первым выступить в защиту Ренессанса, и он по праву должен быть поставлен во главе предшественников. У нас есть многочисленные свидетельства его любви к памятникам древнего искусства.

Теперь мы видим, как он чеканит *августалы*, эти любопытные имитации римских императорских денег, с одной стороны которых изображен увенчанный лавровым венком портрет с надписью *AVG. IMP. ROM.* и одетый по манере цезарей; на обратной стороне — орёл с распростёртыми крыльями с надписью *FREDERICVS*. Он снова покупает за значительную сумму (230 унций золота) ониксовый кубок и другие раритеты. Из Гротта-Феррата он увозит две бронзовые статуи — мужчины и коровы, служившей фонтаном, — и везет их в Лучеру. Церковь Святого Михаила в Равенне предоставляет ему монолитные колонны, необходимые для его построек в Палермо. Недалеко от Аугусты на Сицилии он организовал раскопки в надежде обнаружить древние руины. Правда, однажды, поддавшись настойчивой необходимости, он уничтожил несколько римских памятников в Бриндизи, чтобы использовать материалы для строительства цитадели. Перед отъездом в Палестину он пытался обезопасить город от любых нападений, но политические соображения перевесили его антикварные сомнения.

Работа, о которой мечтал Фридрих II как любитель, была реализована его современником Николаем Пизанским (1207?-1278), который в XIII веке считал подражание античности принципом и использовал его как зеркало, в котором природа могла быть показана более ясно. Сегодня его попытка кажется нам феноменальной; она предполагает силу инициативы, которой едва ли могли сравниться Джотто, Брунеллески, Донателло и Ван Эйк. Имитация у него не ограничивалась аксессуарами — украшениями, костюмами, доспехами — ни типами, ни пропорциями фигур, которые все коренастые, как в римских саркофагах эпохи упадка. Дух его творчества напоминает древние образцы.

«Николас, — говорит М. Гебхардт в [книге](#)», — в проповеднических кафедрах Пизы и Сиены, а также в святыне Сан-Доминико в Болонье напоминает о традициях великого искусства с наивной серьезностью и уверенным вкусом. Он едва ли является неогреком или суеверным антикваром, но проникнут самыми щедрыми принципами античной скульптуры —

гармоничным расположением сцен, умелым использованием пространства, где много людей движутся в узкой рамке, величественным спокойствием поз, тонко упорядоченными драпировками, благородными головами. Но его взгляд и рука все еще выражают моду примитивной скульптуры; движения выражают неловкую застенчивость, лица иногда тяжелые. Он производит впечатление римского произведения конца империи. Николас из Пизы (Никколо Пизано), если он и открыл для себя и изучил греков, не отрекся от природы и в своих лучших произведениях вернулся к изучению жизни. Именно в этом он показывает себя умным учеником древних. Помимо Николая Пизанского, итальянские мастера вкладывали в античность свою индивидуальность; никто из них не был рабским копиистом, и именно Николай, первый и, следовательно, наименее образованный, оставил после себя самые поучительные воспоминания».

Один из самых известных учеников и соратников Николая, брат Гульельмо из Пизы (родился около 1238 года, умер после 1313 года), был вдохновлен теми же принципами, но не так сильно. На амвоне Сан-Джованни Фуорчивитас в Пистойе ему удалось лучше, чем его учителю, примирить языческие воспоминания с христианскими идеями.

Историческое чувство — одна из отличительных черт школы Николая Пизанского. Она обращается не только к античным мраморам как к образцам стиля, но и к документам. В то время как в XIV и XV веках художники и скульпторы наделяли священных персонажей костюмами того периода, их предшественники XIII века пытались с помощью археологии восстановить костюмы Христа и его семьи, апостолов, мучеников так же точно, как это делали два века спустя мастера эпохи Возрождения. Фра Гульельмо довел эти скрупулезные требования до крайности: его апостолы носят тоги, туники и сандалии и держат в руках свернутые свитки.

Кроме того, в *«Сошествии Святого Духа»* он стремится точно воспроизвести образы ранней церкви, прежде всего в фигурах святых Петра, Павла и Иоанна. Как и у скульпторов саркофагов в Риме, Милане и на юге Франции, здесь полностью отсутствуют нимбы, что показывает, насколько Николас из Пизы и ему подобные презирали средневековую традицию, по крайней мере в том, что касается типов, костюмов и атрибутов. В только что упомянутой сцене также обращает на себя внимание группировка апостолов. Они расположены в два ряда, один за другим, как на любопытной мозаике в капелле Святого Агилино (церковь Святого Лаврентия в Милане). Очень похожая композиция встречается в другом барельефе на амвоне — то есть в сцене, где Христос оmyвает ноги учеников. Особого упоминания заслуживают женские платья. В *сценах Благовещения и Посещения* Мария и Елизавета имеют голову наполовину покрытую складкой плаща, так что видны лоб и большая часть волос. Они могли бы быть римскими матронами.

Как член ордена Святого Доминика, Фра Гульельмо не раз вынужден был упрекать своего учителя за слишком языческие наклонности. Положение другого ученика Николая, Арнольфо ди Камбио (умер в 1310 г.), архитектора купола Флоренции, было не менее деликатным, но по другим причинам. Удивительно видеть, как этот мастер, продвигавший стиль, столь необычно отходящий от античной традиции, возвращается к последней, когда меняет циркуль строителя на резчик скульптора. Спешим добавить, что отход от традиции не так велик, как можно было бы подумать. В гробнице кардинала Брая в Орвието Арнольфо сумел придать Богородице безмятежное величие, простоту, не лишенную великолепия, не доходя до такой степени подражания, как его учитель. Еще большую независимость он демонстрирует в табернакле Святого Павла за стенами Рима. Если бы не было известно, что Арнольфо был учеником Николая, то, глядя на этот гибридный памятник, было бы трудно себе это представить.¹

Не пытаясь даже назвать другие менее значительные школы скульптуры и архитектуры, которые начинали оказывать свое влияние, обратимся к кульминационным художественным достижениям эпохи, представленным в творчестве великих флорентийцев Чимабуэ и Джотто.

Тосканская школа живописцев

Неоспоримым фактом является то, что возрождение живописи, как и скульптуры, началось в Тоскане. Столь же несомненно, что примерно в середине XIII века или немного позже, когда впервые проявились первые признаки прогресса, преобладающим стилем был византийский, привнесенный греческими художниками из Константинополя. Однако до сих пор не удалось четко определить, в чем заключались особенности этого стиля; обычно считается, что это был грубый и несовершенный стиль, от которого итальянские художники, сделав первый шаг вперед, должны были отказаться. Существуют материалы, которые позволяют сделать другой вывод и свидетельствуют о том, что внедрение этого иностранного вкуса, каким бы грубым и несовершенным он ни был, действительно стало первым этапом совершенствования.

С IX по середину XIII века живопись византийских художников отличалась от современных итальянских произведений по нескольким важным параметрам. В обеих странах искусство было робко подражательным, но в Восточной империи модели, из которых оно заимствовало, были более разнообразными, чем на Западе, а исполнение обычно было лучше; мода на драпировки и орнаменты имела особый характер полувосточного варварства; и, хотя в обеих странах рисование фигур было в целом плохим, греки, как правило, удлинляли их непропорционально, а итальянцы изображали их короткими и коренастыми. Но самые заметные различия заключались в двух технических приемах. Во-первых, в древнейших итальянских картинах носитель красок прозрачен, и поэтому тон светлый и чистый; в произведениях из Константинополя тон темный и желтоватый, что достигается за счет использования некоторого красящего вещества, которое, если современные химики правильно проанализировали его, было воском. Второе различие заключалось в том, что греки, помимо богатого украшения своих драпировок позолотой, окружали свои фигуры золотым фоном; это была варварская практика, следов которой нет в самых старых итальянских произведениях. В тех ранних произведениях XIII века, где мы можем проследить первые улучшения в искусстве, мы обнаруживаем большинство или все эти особенности, заимствованные из греческого стиля; некоторые из них сохранялись очень долго, а самая неприятная из них, вычурный фон, не была полностью отвергнута даже во времена Рафаэля.

Колокольня Джотто, Флоренция

Самым старым именем, прославленным в итальянской живописи, является имя Чимабуэ, который родился около 1240 года и умер в 1300 году. Опираясь на его заслуги, флорентийцы претендуют на славу возродивших искусство — претензия, которую школа Сиены, в лице Дуччо, кажется, имеет некоторое право оспаривать. Произведения Чимабуэ были византийскими по стилю, цветовой гамме и блеску золота; по преданию, в молодости он учился у греческих художников. Он, конечно, усовершенствовал эту школу, но, хотя все, что его касается, остается неясным, нет достаточных оснований полагать, что его усовершенствования заключались в каком-либо отходе от ее принципов. Ему обычно приписывают несколько плохо сохранившихся фресок в церкви Святого Франциска в Ассизи, которые в любом случае дают представление о мастерах, у которых он учился; но его смелость и возвышенность замысла более явно проявляются в двух грубоватых величественных фигурах Мадонн на дереве, обе из Флоренции, более известная из которых находится в церкви Санта-Мария-Новелла, а другая — в Галерее дождей.

По картине Джотто

На смену этому великому художнику приходит флорентиец Джотто (1276-1336), история и творчество которого несколько более известны. Итальянские романисты сохранили анекдоты о его богатстве, уродстве и кощунственном юморе. История, в которой он описывается как пастушок, обнаруженный Чимабуэ, рисующим грубые фигуры на камне, возможно, слишком живописна, чтобы быть правдивой; а его несомненные произведения демонстрируют заметную разницу в духе с работами его предполагаемого учителя, а также отклоняются от византийского стиля в цветовой гамме, если не в чем-то еще, имея ясный розовый оттенок, который указывает на возвращение к более старому итальянскому методу, хотя и является его усовершенствованием. Однако в теории своего искусства Джотто существенно отклонился от всех своих предшественников. Если мы сопоставим критику старых авторов с теми немногими картинами, которые все еще можно с уверенностью или с большой вероятностью идентифицировать как его работы, то мы можем охарактеризовать его особенности как попытку, предпринятую в условиях многочисленных трудностей, но увенчанную удивительным успехом, установить вместо грубого, неопределенного, благочестивого возвышенности Чимабуэ красоту, полученную в результате более внимательного наблюдения за жизнью, а также оживленную лучшим и менее формальным выражением обычных человеческих чувств. Единственное его сохранившееся произведение, подлинность которого подтверждается подлинной надписью, находится в церкви Санта-Кроче во Флоренции и состоит из пяти частей, из которых центральная изображает Спасителя, венчающего Деву Марию. В галерее флорентийской Академии искусств хранятся несколько его небольших композиций, изображающих в

полурелигиозном, полукомическом стиле события из истории святого Франциска. Фрески в верхней церкви этого святого в Ассизи, приписываемые Джотто некоторыми критиками, были признаны другими менее значимыми и непохожими на его подлинные произведения; но другие фрески на сводчатом потолке подземной части того же здания, несомненно, принадлежат ему и напоминают работы из академии как по исполнению, так и по духу. Другие картины, приписываемые ему, находятся в различных галереях по всей Италии, а также в других странах.^е

Несмотря на весь энтузиазм, с которым были встречены картины Джотто, следует честно признать, что их можно считать замечательными только в контексте искусства того времени, когда они были созданы. Восхвалять их как шедевры по стандартам, разработанным более поздними флорентийцами, означало бы отбросить критику на ветер. Но архитектурные достижения Джотто можно хвалить с меньшей осторожностью. Колокольня Флоренции вызвала восторг большинства критиков, которые ее видели; Раскин ^к заявляет, что «из всех существующих христианских произведений ни одно не является столь совершенным, как башня Джотто».

Тот же автор с таким же энтузиазмом отзывается о творчестве Джотто в другой области: «Из всех произведений человеческого искусства, созданных под небесным руководством, — говорит он, — серия барельефов, украшающих основание башни Джотто, безусловно, является главной в Европе. Прочитайте эти инкрустированные драгоценные камни Джотто один раз с терпеливым вниманием, и час изучения даст вам силу на всю жизнь». Более холодная критика может счесть эту оценку чрезмерно восторженной, но немногие из тех, кто попал под очарование Кампанилы, захотят изменить красноречивые слова, которыми Раскин характеризует это сооружение в целом.^а

Оценка Раскина башни Джотто

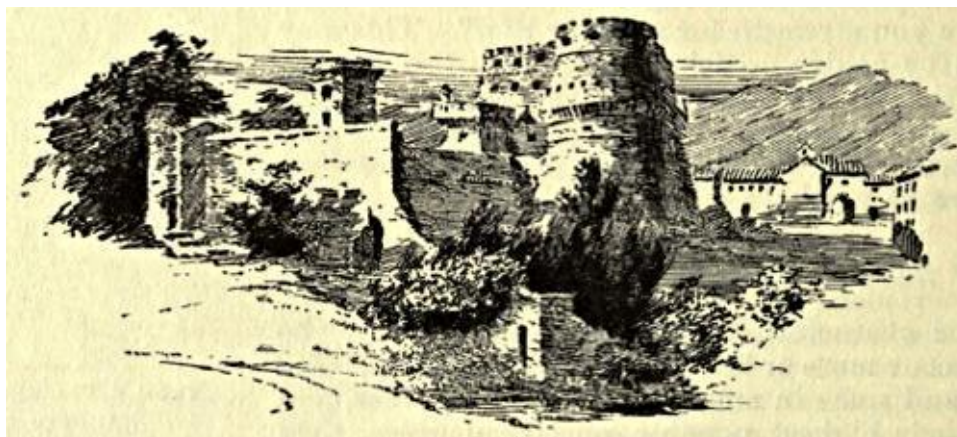
«Характеристики силы и красоты, — говорит он, — в той или иной степени присутствуют в разных зданиях, некоторые в одном, некоторые в другом. Но все вместе, и все в максимально возможной степени, они существуют, насколько я знаю, только в одном здании в мире — Кампаниле Джотто. При первом взгляде на нее в глазах незнакомца появляется нечто неприятное — смещение, как ему кажется, чрезмерной строгости и чрезмерной мелочности. Но пусть он даст ей время, как он должен дать время любому другому совершенному произведению искусства. Я хорошо помню, как в детстве я презирал эту Кампанилу и считал ее мелочно гладкой и законченной. Но с тех пор я прожил рядом с ней много дней () и смотрел на нее из своих окон при свете солнца и луны, и я не скоро забуду, как глубокой и мрачной казалась мне дикость северной готики, когда я впоследствии впервые стоял под фасадом Солсбери. Контраст действительно странный, если его можно быстро почувствовать, между возвышающимися серыми стенами из их тихого, покрытого травой пространства, как темные и бесплодные скалы из зеленого озера, с их грубыми, гниющими, шероховатыми колоннами и тройными окнами, без узоров или других украшений, кроме гнезд ласточек на высоте , и той яркой, гладкой, солнечной поверхностью из светящегося яшмы, теми спиральными колоннами и сказочными узорами, такие белые, такие бледные, такие кристальные, что их тонкие очертания едва различимы в темноте на бледном фоне восточного неба, эта безмятежная высота горного алебаstra, окрашенная как утреннее облако и чеканная как морская раковина. И если это, как я верю, образец и зеркало совершенной архитектуры, разве нельзя чему-то научиться, оглянувшись на раннюю жизнь того, кто ее создал? Я сказал, что сила человеческого разума развивалась в пустыне; тем более любовь и представление о той красоте, каждую линию и оттенок которой мы видели как, в лучшем случае, блеклое отражение ежедневного труда Бога и

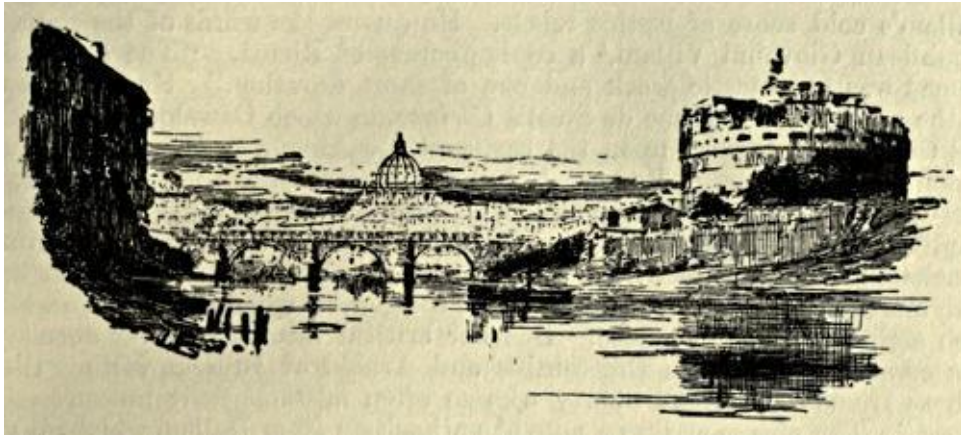
застывший луч какой-то звезды или творения, должны быть даны главным образом в тех местах, которые он обрадовал, посадив там ели и сосны. Не в стенах Флоренции, а среди далеких полей ее лилий воспитывался ребенок, который должен был воздвигнуть этот памятник красоты над ее башнями, служивших для наблюдения и войны. Вспомните все, чем он стал; сосчитайте священные мысли, которыми он наполнил сердце Италии; спросите тех, кто следовал за ним, чему они научились у его ног; и когда вы сосчитаете его труды и получите их свидетельство, если вам покажется, что Бог действительно излил на этого своего слугу не обычную и не сдержанную часть своего духа, и что он действительно был царем среди детей человеческих, помните также, что легенда о его короне была легендой Давида: «Я взял тебя из овчарни и от пастбы овец».^к

СНОСКИ

[13] Франко Саккетти в своем *Capitolo (Rime, publ. dal Poggiali, p. 56)* перечисляет около 1390 года имена более ста выдающихся людей из правящих партий, которые умерли в его памяти. Сколько бы посредственностей ни было среди них, этот список все же примечателен как свидетельство пробуждения индивидуальности.

[14] Был комический поэт по имени Платон.

ГЛАВА VII. РИМ ПОД ВЛАСТЬЮ РИЕНЦИ

Его обвиняют не в предательстве, а в защите свободы; он виновен не в сдаче, а в удержании Капитолия. Высшее преступление, в котором его обвиняют и которое заслуживает искупления на эшафоте, заключается в том, что он осмелился утверждать, что Римская империя все еще находится в Риме и принадлежит римскому народу. О, нечестивое время! О, нелепая ревность, беспрецедентная злоба! Что ты делаешь, о Христос, невыразимый и неподкупный судья всех? Где твои глаза, которыми ты привык рассеивать тучи человеческого несчастья? Почему ты отворачиваешь их? Почему ты не положишь конец этому нечестивому суду своим раздвоенным молнией? — ПЕТРАРКА.¹

[1347-1354 гг. н. э.]

История Кола ди Рьенци представляет собой уникальную главу в истории Италии. Это история патриота и реформатора, чей ранний энтузиазм не был подкреплён истинной моральной величию, и чьи усилия были, таким образом, обречены на провал после мимолетного видимого успеха.

Дата вступления на престол Карла IV совпадает с датой первого и величайшего восхождения Рьенци к власти в Риме. Избавить Ренци от атмосферы романтизма, в которую его поместили для современного читателя неосторожная риторика романа лорда Литтона и его продолжение — либретто оперы Рихарда Вагнера, — задача, выполнение которой мало что даст. В каком бы свете мы ни рассматривали трибуна, мы вынуждены признать, что его история является красноречивым памятником внезапному исчезновению того, что, по крайней мере, казалось самыми блестящими возможностями. Кто может отказаться слушать историю, которая привлекла внимание Петрарки — историю, от фантастического очарования которой поэт так и не смог полностью избавиться, даже когда его вера в силу своего друга была жестоко потрясена? Именно благодаря Петрарке романтическое видение карьеры Рьенци было передано нам, и хотя мы можем улыбаться нереальному представлению поэта о правительстве, мы не можем не восхищаться его великим воображением и сочувствием к мечтам молодого Николая с того момента, когда он впервые услышал их из уст своего друга в Авиньоне (в 1343 году), до того времени, когда ему понадобилась вся его красноречивость, чтобы спасти Рьенци от казни (в 1352 году). Против такой истории, иллюстрированной многочисленными восторженными письмами Петрарки, восстает холодное чувство справедливости Халлама. Он цитирует слова убежденного республиканца Джованни Виллани,² современника Рьенци. «Его замысел был фантастическим и недолговечным». Он напоминает нам отрывок из романа мадам де Сталь «Коринна», в котором Освальд, лорд Нелвил, и героиня случайно попадают в замок Святого Ангела во время своих интеллектуальных прогулок по Риму. Нелвил является прямым потомком другого английского героя французской литературы, Эдварда, лорда Бамптон — печального английского аристократа с прекрасными манерами и сердцем, подобным сердцу Руссо. Коринна подходит к памятникам с добросовестным рвением, достойным Бадекера, и с большей, чем у Бадекера, нежностью к общему духу размышлений, который обычно вызывают такие достопримечательности. Но ее критический ум никогда не дремлет. Она сопоставляет Рьенци с Крешенцием и Арнольдом Брешианским, называя их «друзьями римской свободы, которые так часто путали свои воспоминания с надеждами». Эта фраза вызывает у Халлама энтузиазм, которого не удастся вызвать у историка даже вся риторика самого Рьенци. Мог ли Тацит превзойти это, спрашивает он?

Но даже лишённая обстановки, благодаря которой Петрарка сделал ее навсегда запоминающейся, история отношения Рьенци к институтам своего времени сама по себе живописна. Сисмонди³ говорит о нем: «Он с глубоким возмущением отверг узурпацию двух

варваров, одного немца, называвшего себя римским императором, а другого француза, называвшего себя понтификом Рима». В хаосе, в который погрузился Рим из-за борьбы между дворянскими семьями, Рьенци увидел возможность для создания мощного суверенитета. Переезд пап в Авиньон сделал его планы еще более осуществимыми. Основой его силы должен был стать народ Рима. Он завоевал его необычайной красноречивостью, о чем свидетельствует Петрарка даже в тот период, когда он склонен преуменьшать мудрость своего раннего энтузиазма по поводу Рьенци. Рим был жертвой феодальной анархии: муниципальное правительство было лишено власти. Воспользовавшись благоприятным моментом, Кола ди Риенци (Никола Габрини), сын трактирщика, совершает блестящий *государственный переворот* и в 1347 году становится избранным трибуном народа. Феодальные распри между семьями Колонна, Орсини и Савелли послужили целям амбициозного молодого человека, который в возрасте тридцати четырех лет оказался в положении власти, тем более значительном, что оно было сравнительно неопределенным и абсолютно беспрецедентным в анналах истории. Неудивительно, что успех его начинаний, материальная реализация того, что даже для самого Риенци, должно быть, имело некоторые черты мечты, ввело его в заблуждение и привело к самым экстравагантным злоупотреблениям властью. Еще в тот ранний период он мечтал об объединении Италии, и теперь казалось, что он является божественным посредником, призванным осуществить это объединение. Суверенные князья стали его союзниками. Он окружил себя всеми атрибутами великолепия, которые только могли придумать его плодотворное и жадное воображение. Он омылся в порфировой купели Константина, надел далматику, которую носили древние императоры во время коронации, взял в руки скипетр власти и возложил на голову семь коронок, символизирующих семь даров Святого Духа; он даже сравнивал себя с Христом.

Роман лорда Литтона — это искренняя попытка передать картину достижения, которое стало привлекательной темой для романтического осмысления. В нем нет искреннего звучания серебряной красноречивости Петрарки — его главного источника вдохновения. В нем мало критического дара, проявленного в цитате из мадам де Сталь; это любопытное сочетание тщательных исследований, сочувственного понимания и страсти к высокопарным разговорам. В случае человека, которому современники с заметной частотой придают эпитет «фантастический», трудности точного описания, связанные с «», более чем обычно велики. Но такая глава, как та, в которой описывается кульминация власти Рьенци во время его первого и величайшего трибуната, является ценным вкладом в ту правду повествования, которая лежит посередине между бесплодным перечислением фактов и пылкими рапсодиями тех, кого факты ослепили. Однако для основного повествования о живописной карьере Рьенци мы будем полагаться на более прозаический, но все же благодарный отчет недавнего итальянского историка.^а

ВОЗНЕСЕНИЕ РИЕНЦИ

[1342-1347 гг. н. э.]

Кола ди Рьенци, полный славы древнего Рима, считал возможным реализовать в политике идеи, содержащиеся в его собственных произведениях, а также в произведениях его друга Петрарки и других великих умов его века. Одна идея доминировала в Риенци. Он был великим мечтателем своего времени, но не был сумасшедшим, полагая, что Рим должен подняться над партийным духом гвельфов и гибеллинов, которых он одинаково осуждал, сожалея о непрекращающихся распрях между ними.

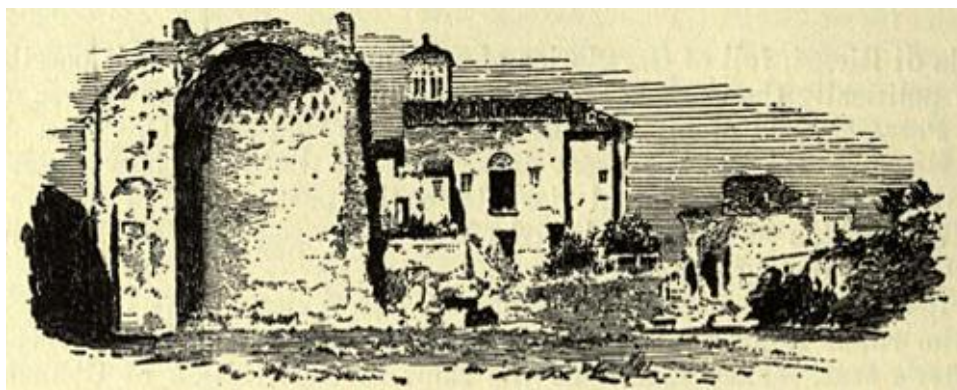
В 1342 году, после избрания Климента VI в Авиньоне, тринадцать добродетельных людей, правивших Римом, послали ораторов к новому папе с просьбой вернуться на престол

Святого Петра. Они поступили так же при избрании Климента V, Иоанна XXII и Бенедикта XII. В посольстве участвовал молодой римлянин, родившийся от таверны и прачки примерно в то время, когда короновался Генрих VII. Он был хорошо осведомлен о Ливии, Сенеке, Цицероне и Валерии; он был в восторге от деяний Юлия Цезаря; он научился читать древние надписи, которые уже никто не понимал, и любил объяснять их дегенеративным гражданам; и, рассказывая им о добрых римлянах и их великой справедливости, он сожалел, что не родился в их время. Он либо не знал, либо забыл о бурных событиях республики, малодушии и несправедливости империи, и игнорировал добродетели и победы того Рима, который теперь был покинут не только своим императором, но даже своим папой.

Будучи представлен Клименту VI, Рьенци описал ему грабежи лордов в Риме, их злодеяния и опустошение города; он говорил такими сильными словами, что Климент был потрясен, а изящество латинского языка, которым пользовался одаренный гражданин, казалось ему необыкновенным. Петрарка, который несколько лет назад настаивал на возвращении Бенедикта XII в Рим, также представил новому папе город, приглашавший его вернуться.

Но Климент, более впечатленный плачевным состоянием Рима и церкви, чем пламенными словами поэта или оратора, не желал покидать Авиньон. Он санкционировал юбилей на 1350 год и назначил молодых Стефано Колонна и Бертольдо Орсини своими наместниками в Риме. Он похвалил Колу и назначил его нотариусом палаты, но тот теперь начал показывать зубы. Убийство брата, за которое он не смог добиться справедливости, возмутило его против плохих судей Рима; поэтому теперь, вернувшись из Авиньона в милости у папы, он набрался смелости и упрекнул их как королей «крови бедных людей»; он предупреждал их загадочными картинами; и он заказал изображение корабля, который тонет в бурном море, под которым было написано: «Это Рим».

В своей растущей уверенности и влиянии на народ Кола однажды созвал его в Латеран, где он говорил на простонародном языке, чтобы его поняли все. Он показал народу *Lex Regia* Веспасиана, которую он впервые обнародовал и которая, по его мнению, была скрыта Бонифацием VIII из ненависти к империи. В этом документе сенат в древнеримских формах передавал императорскую власть Веспасиану. Кола, восприняв это буквально, восхвалял авторитет римского народа: «Посмотрите, каким прекрасным был сенат, какую власть он давал империи»; он сожалел о потере такого величия и, прежде всего, сетовал на нынешнее опустошение города и умолял народ не позорить себя перед паломниками, которые придут в Рим на юбилей 1350 года.

Руины храма Венеры, Рим

Весь народ аплодировал, а знать насмехалась, но он отвечал аллегорическими образами и речами. Рим находился в плачевном состоянии; на дорогах безнаказанно совершались

убийства и грабежи, паломников грабили и ранили, а честность была вне закона. Роберт и Питер Колонна были сенаторами, но они не могли сдерживать анархию. Стефано Колонна, старший, доблестный и грозный глава могущественного рода с таким же именем, был корнетом в римской армии; и Кола считал, что настало время призвать народ к реорганизации города и заменить нынешний беспорядок «добрым государством».

20 мая 1347 года он собрал народ и обратился к нему с речью с Капитолия. Перед ним были выставлены три знамени: на одном был изображен Рим, символизирующий свободу; на другом — святой Павел, олицетворяющий справедливость; на третьем — святой Петр, символизирующий мир и согласие. Его сопровождал Раймонд, епископ Орвието, викарий папы в Риме по церковным делам. Кола говорил о бедствии и рабстве народа Рима и о том, что «из любви к папе и ради спасения народа он подверг себя всякой опасности», он обнародовал свои указы о предотвращении убийств, о справедливом распределении правосудия, об организации вооруженных сил корпорации и о помощи вдовам, сиротам и монастырям — бароны должны были поддерживать безопасность на дорогах и не потакать никаким злоумышленникам. Стефано Колонна вернулся в Рим в гневе, но, услышав шум и увидев вооруженный народ, бежал в Палестрину и заперся в замке своей семьи. Орсини, Колонны и другие бароны, которые своими непрекращающимися распрями привели город в упадок, были изгнаны. Те, кто в ужасе бежал от внезапной революции, откликнулись на призыв Колы и постепенно вернулись, принесли присягу и предложили свою помощь городу.

Кола ди Рьенци поспешил восстановить мир, наказав злодеев и восстановив справедливость и безопасность. Затем он принял титул трибуна, став главой народа. Папский викарий был назначен его коллегой, но это было только номинально, поскольку истинным и единственным главой Рима был Кола.

Отсутствие папы в Риме дало трибуну свободу для установления своей власти. Ни он, ни римский народ не подумали бы о трибунате, если бы папа был там, но его отсутствие и слабая надежда на его возвращение после недавнего отказа произвели глубокое впечатление на римлян.

Теперь идея империи и республики ослепляла глаза нового трибуна. Он писал письма папе в Авиньон, в города Тосканы, Ломбардии и Романьи, Лукино Висконти, лорду Милана, маркизу Феррары и Людвигу Баварскому в Неаполе.

Тот, кто называл себя «*Николаус северус эт клеменс, санкте романе реипублике либератор иллюстрис*», сообщил территориям Италии, что принял титул трибуна, чтобы исправить зло, угнетавшее Рим, и попросил, чтобы 1 августа все отправили двух ораторов для обсуждения благосостояния всей Италии (*della salute di tutta Italia*). Слава о пламенном мечтателе, стремившемся восстановить Римскую империю с Римом во главе и итальянскими территориями, зависимыми от него и объединенными почти в конфедерацию, разнеслась по всей Италии. Курьер, отправленный в Авиньон, сообщил, что тысячи людей толпились вокруг Рьенци, когда он проходил мимо, чтобы поцеловать жезл, который он нес. Папа дал благоприятный ответ.

Кроме того, трибун, желая возродить пышность старого империализма, совершил триумфальный поход по городу и, посетив церковь Святого Петра, был встречен духовенством, воспевавшим «*Veni Creator Spiritus*». Он приказал баронам согласиться на восстановление дворца Кампидольо, резиденции трибуна, и создал обученные отряды кавалерии и пехоты в соответствии с районами города, так что было зачислено 1300 пехотинцев и 360 кавалеристов. Все бароны подчинились, за исключением Джованни да Вико, который по прямой наследственности сохранил титул префекта города, в котором он сменил своего отца. Он происходил из семьи немецкого происхождения и имперской партии,

которая несколько раз давала Риму повод для войны. Он был викарием в Витербо во время понтификата, а во время его отсутствия был тираном; и он не был склонен подчиняться теперь трибуну. Но Кола с помощью Тосканы, Кампании и приморских провинций заставил его подчиниться народу Рима. Затем Кола вновь назначил его префектом и оставил ему Витербо; Чивита-Веккья, Ананьи и другие территории подчинились.

Наступил август, и прибыли послы из Флоренции, Сиены, Терамо, Сполето, Риети, Амелии, Тиволи, Веллетри, Фолиньо, Ассизи; венецианцы проявили благосклонность. Большинство тиранов Ломбардии не придали значения посольствам (такие как Таддео, Пеполи из Болоньи, Франческо Орделаффи из Форли и Малатеста из Римини), хотя многие позже почти раскаялись в том, что так неуважительно отнеслись к приглашению. Похоже, что сам Людвиг Баварский послал тайных послов в Рим, потому что трибун хотел примирить его с церковью. Также Людовик Венгерский, который после убийства Андреа стал преемником Роберта на троне Неаполя, претендовал на это королевство и, обвинив Джоанну в соучастии в смерти ее мужа, послал ораторов с требованием справедливости; он также писал письма трибуну, как и Джоанна. Кроме того, пришли письма от Филиппа Французского, но они пришли слишком поздно — когда Кола уже пал.

Кола, желая соединить блеск пышности с честью трибуна Рима, был одет как *кавалерист*. В присутствии ораторов из различных итальянских городов и среди большого скопления народа он торжественно прошел к Латерану. Кавалерие Вико Скотто вручил ему меч и орден кавалерии, и он с тщеславием искупался в бане Константина, в которой, как говорили, Константин омылся после того, как святой Сильвестр излечил его от проказы. Народ много говорил об этом кажущемся кощунственном поступке, а Кола не осознавал, какую серьезную ошибку он совершил. Его тщеславие начало приводить его к гибели. Став кавалером, он обратился к народу с речью о достоинствах, утраченных гражданами Рима, говорил об империи и папстве и, наконец, вызвал к себе императорских выборщиков, Людвига Баварского и Карла IV Богемского, которые претендовали на имперский трон в соответствии с древним законом о выборе будущего императора римским народом.⁴

Отвлекаясь на мгновение от спокойного повествования историка, давайте послушаем красноречивый рассказ лорда Литтона об этой замечательной сцене.

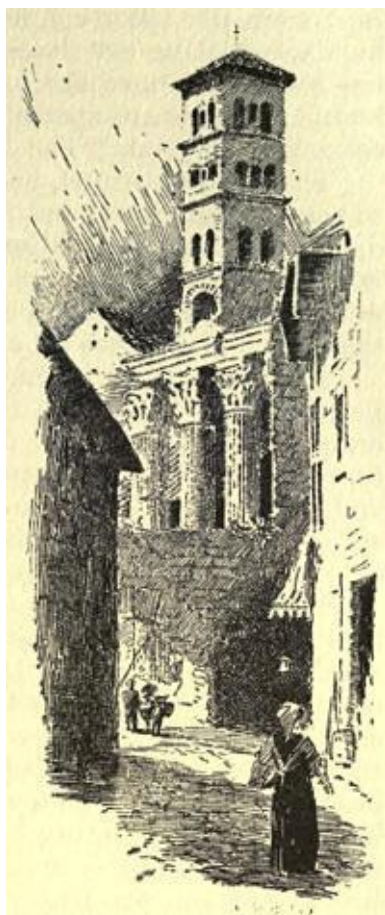
ЛОРД ЛИТТОН О РЕЧИ РИЕНЦИ

Колокол великой Латеранской церкви зазвонил пронзительно и громко, когда могучая толпа, еще более многочисленная, чем накануне вечером, устремилась вперед. Назначенные офицеры с трудом проложили путь для баронов и послов, и едва эти знатные гости были допущены, как толпа сомкнула ряды, устремилась в церковь и направилась к часовне Бонифация VIII. Там, заполнив все укромные уголки и заблокировав вход, более удачливые из толпы увидели трибуна, окруженного великолепным двором, который собрал его гений и покорила его удача. Наконец, когда торжественная и священная музыка начала раздаваться по всему зданию, предвещая начало мессы, трибун вышел вперед, и тишина музыки усилилась всеобщей и мертвой тишиной аудитории. Его рост, его осанка, его лицо всегда привлекали внимание толпы, и в этот момент они получили дополнительное значение благодаря важности момента и тому особому выражению лица, полному решимости, но сдерживающему пылу, которое, пожалуй, является единственным даром красноречия, который может дать только природа.

«Да будет известно, — сказал он медленно и обдуманно, — в силу той власти, силы и юрисдикции, которые римский народ на общем собрании передал нам и которые подтвердил верховный понтифик, что мы, не забывая о даре и милости Святого Духа, солдатами которого мы теперь являемся, и о благосклонности римского народа, объявляем,

что Рим, столица мира и основа христианской церкви, а также что все города, государства и народы Италии отныне свободны. Этим свободой и той же освященной властью мы провозглашаем, что выборы, юрисдикция и монархия Римской империи принадлежат Риму и римскому народу, а также всей Италии. Мы призываем и вызываем лично прославленных князей Людвига, герцога Баварского, и Карла, короля Богемского, которые называют себя императорами Италии, явиться перед нами или другими магистратами Рима, чтобы отстаивать и доказывать свои права в период с сегодняшнего дня до дня Пятидесятницы. Мы также вызываем в тот же срок герцога Саксонского, князя Бранденбургского и всех других правителей, князей или прелатов, утверждающих свое право на императорский трон — право, которое, как мы находим в летописях с древних и незапамятных времен, принадлежит только римскому народу — и это в защиту наших гражданских свобод, без ущерба для духовной власти церкви, понтифика и священного колледжа. ^[15] Геральд, провозгласи эту повестку в более обширной и официальной форме, как она написана и вверена твоим рукам, без Латерана».

Когда Рьенци закончил эту смелую прокламацию о свободах Италии, тосканские послы и послы некоторых других свободных государств тихо прошептали одобрение. Послы тех государств, которые поддерживали императора, смотрели друг на друга в молчаливом изумлении и смятении. Римские бароны оставались с закрытыми ртами и опущенными глазами; только на старом лице Стефано Колонна появилась улыбка, наполовину презрительная, наполовину ликующая. Но большая часть граждан была захвачена словами, открывавшими столь грандиозную перспективу, как освобождение всей Италии; и почтение к власти и удаче трибуна было почти таким, как к сверхъестественному существу, так что они не задумывались о средствах, которые должны были соответствовать этим хвастливым словам.

Пока его взгляд блуждал по толпе, по великолепному собранию рядом с ним, по преданной толпе за его спиной; пока в его ушах гудел ропот тысяч и десятков тысяч людей, собравшихся снаружи, перед дворцом Константина (дворцом, который теперь принадлежал ему!), поклявшихся посвятить свою жизнь и состояние его делу; в приливе процветания, которое еще не знало преград; в зените власти, еще не подозревая о неудачах, сердце трибуна гордо раздувалось; представления о могущественной славе и безграничном господстве; слава и господство, когда-то принадлежавшие его любимому Риму и которые он собирался восстановить, мелькали перед его опьяненным взором; и в бредовых и страстных устремлениях того момента он поочередно направил свой меч на три четверти тогда известного земного шара и сказал отстраненным голосом, как человек во сне: «По праву римского народа это тоже принадлежит мне!»

Несмотря на тихий голос, дикое хвастовство было слышно всем вокруг так же отчетливо, как будто оно доносилось до них громом. И было бы тщетно описывать различные чувства, которые оно вызвало; эта экстравагантность вызвала бы насмешки его врагов и горе его друзей, если бы не манера говорящего, которая, торжественная и властная, на мгновение заставила замолчать даже разум и ненависть в благоговейном трепете; впоследствии, вспомненные и повторенные, лишённые того очарования, которое они заимствовали от говорящего, слова встретили холодное осуждение здравомыслящих; но в тот момент все казалось возможным для героя народа. Он говорил как вдохновленный — они трепетали и верили; и, как бы ошеломленный зрелищем, он стоял мгновение в тишине, руки все еще протянутые, темные расширенные глаза устремленные в пространство, губы приоткрытые, гордая голова возвышающаяся над толпой, его собственный энтузиазм зажигал энтузиазм более скромных и отдаленных зрителей; и раздался глубокий ропот, начатый одним, подхваченный остальными: «Господь с Италией и Рьенци!»

Трибун обернулся и увидел, что викарий папы, изумленный и сбитый с толку, поднимается, чтобы выступить. Его здравый смысл и дар предвидения сразу же вернулись к нему, и, решив заглушить опасное отрицание папской власти за эту смелость, которое было готово вырваться из уст Раймонда, он быстро дал знак музыкантам, и торжественное и звонкое пение священной церемонии не дало епископу Орвието никакой возможности оправдаться или ответить.

Как только церемония закончилась, Рьенци коснулся епископа и прошептал: «Мы объясним это так, как вам угодно. Вы будете пировать с нами в Латеране. Ваша рука». Он не отпускал руку доброго епископа и не доверял его другим сопровождающим, пока под бурный звук рогов и труб, барабанов и цимбал, в окружении такой толпы, которая могла бы приветствовать на том же месте легендарное крещение Константина, трибун и его дворяне не вошли в великие ворота Латерана, тогдашнего дворца мира.

Так закончилась эта замечательная церемония и гордый вызов северных держав от имени итальянских свобод, который, будь он впоследствии успешным, был бы сочтен величественной смелостью, а будучи неудачным, был истолкован простолюдинами как безумная дерзость; но, спокойно рассмотрев все обстоятельства, которые подталкивали трибуна, и всю власть, которая его окружала, он, возможно, не был столь неосмотрительным, как казалось. И даже если принять эту неосторожность в самом крайнем смысле, более пронизательный судья высшего порядка, вероятно, сочтет ее великолепной глупостью смелого характера, возбужденного одновременно положением и процветанием, религиозной легковёрностью, патриотическими устремлениями, схоластическими видениями, слишком внезапно перенесенными из мечтаний в действие, выходящими за

рамки той мудрой и приземленной политики, которая затачивает оружие, прежде чем бросить перчатку.⁴

ПРОТИВНИКИ РИЕНЦИ; ЕГО ДРУЗЬЯ; ЕГО ПРОКЛАМАЦИИ

В это время Германия была разделена, и Людвиг Баварский, который в первые годы своего правления нашел соперника в лице Фридриха Австрийского, а теперь еще одного, гораздо более грозного, в лице Карла, сына Иоанна Богемского, внука Генриха VII, больше не мирился с папой. В 1337 году он обратился к королю Франции, но здесь его дружба с Эдуардом Английским помешала достижению единодушия. Его протесты о подчинении вызвали декларацию немецких курфюрстов о независимости империи от папства (1338). Переговоры были продолжены в 1346 году. Людвиг колебался, и Климент VI снова отлучил его от церкви, предписывая курфюрстам заполнить вакансию путем избрания короля римлян.

Тем временем Карл, кандидат на корону, прибыл в Авиньон, чтобы возобновить обещания Генриха VII. Он был избран в том же году. Людвиг, уставший от столь длительной борьбы, как никогда ранее почувствовал необходимость примирения и мира.

Теперь трибун, не имевший никакой другой власти, кроме имени Рима, вызвал перед свой трибунал двух соперников, уже осужденных папой, не обращая внимания ни на приказы папы, ни на приказы выборщиков. «Но Римская империя остается в Риме», — сказал Рьенци. «На земле нет имени более августейшего, чем имя Римской Республики; весь мир признает ее верховенство. Рим также является основой церкви. Может ли Римская империя находиться где-либо, кроме Рима? Разве мы не находим ее законы среди парфян, персов и мидийцев, и разве в Риме мы не должны найти Римскую империю? А если не в Риме, то где же она должна быть?»

Таковы были идеи Франческо Петрарки, который стал твердым и восторженным другом трибуна, впервые встретив его в Авиньоне. Поэтому, когда смелая попытка начала проваливаться, лауреат поэт неустанно призывал трибуна обеспечить благополучие Рима и Италии. Он был потрясен, услышав, как многие, считавшиеся мудрыми, сомневались в важности дела, заключавшегося в том, чтобы Рим и Италия были в согласии.

Кроткий дух Петрарки, нетерпимый к пребыванию папы в Авиньоне, сожалеющий о его пребывании в Галлии и жалующийся на западную Вавилонию, теперь забыл своих друзей Колонна и подстрекал Колу против баронов. Цезарь Август когда-то запретил римлянам использовать титул *domini*, а теперь все изменилось. «*O miserabilem fortune vertiginem*». Но тем временем возникла серьезная причина для раздора. Раймонд, встревоженный речами трибуна, подал официальный протест, но голос нотариуса, который его записывал, был заглушен музыкальными инструментами.

Кола отозвал все привилегии и уступки, предоставленные исключительно римскому народу, и провозгласил итальянские города свободными; а 3 августа на празднике, который можно назвать праздником итальянских городов, он вручил символические знамена ораторам некоторых городов. Знамена получили ораторы из Перуджи, Сиены и Тоди, но ораторы из Флоренции, которым он хотел вручить знамя с изображением Рима в виде пожилой женщины, сидящей перед двумя молодыми, не были там, чтобы его принять, потому что считали, что это поставит под угрозу независимость их города, так как, по их мнению, одна из молодых женщин олицетворяла Флоренцию.

Отныне флорентийцы, опытные в делах мира, знали, что предприятие Колы «было фантастическим делом, не просуществовавшим долго». Кола выступал как посланник Бога, принял титул «кандидат Святого Духа» и велел выгравировать свои титулы на мраморной доске на двери церкви Санта-Мария-ин-Ара-Чели. Впоследствии он написал папе, сообщая ему о совершенных деяниях, и написал итальянским городам, повторяя и излагая свою программу с большей точностью. Он должен был восстановить законы Рима; он провозгласил, что монархия мира должна принадлежать Риму и всей Италии. Он призвал правящие власти Италии, выборщиков и немецких канцлеров явиться в Рим перед ним, а других чиновников папы и римского народа — оправдать его законы (5-6 августа). Он хотел избрать нового императора в Риме, и пока (в августе) этот вопрос обсуждался в Риме перед ним между Джоанной Неаполитанской и Людовиком Венгерским, его ораторы отправились в разные города (ноябрь, декабрь) с просьбой прислать послов в Рим на предстоящий праздник Святого Иоанна, чтобы обсудить вопрос о выборах нового императора, утверждая, что в древности его избрание всегда ожидалось от рук римлян и итальянцев, и найти средства, чтобы не дать немцам спуститься с той стороны Альп.

Впоследствии, когда сам Кола был вынужден укрыться у Карла IV в Богемии, он был поражен смелостью, с которой, полагаясь на «величие имени Рима» (), он бросил вызов германскому императору.

15 августа он короновал себя в Латеране несколькими символическими коронами из дуба, плюща, мирта, лавра, оливы и серебра. Контролер поместил в его руку золотое яблоко. Затем он запретил использование имен гвельф и гибелин; он провозгласил римскую свободу города всех итальянцев и, считая себя героем античного типа, написал о своей коронации папе и Карлу IV. Он устраивал пиры и одевался в роскошные одежды.

Он также игнорировал значение слов «гельфы» и «гибеллины», законы папы и императора, но все, по словам Петрарки, делалось во имя Рима, среди нынешних бедствий которого, оживленных историей и древней литературой, перед его глазами, опьяненными энтузиазмом, возникали храмы и дворы величественного Рима. Дворянство, не впечатленное его мечтами, работало против него, и теперь он боялся предательства. Он пригласил Стефано Колонна-старшего и других главных баронов Колоннов, Орсини и Савелли на банкет, а затем удерживал их в плену. Он хотел убить их всех и украсил комнату белыми и красными украшениями в знак крови. Им было объявлено о приближающейся смерти, но затем его мужество подвело при исполнении приговора. Уступив мольбам нескольких граждан, он помиловал их, поверил в искренность их обещаний, освободил их и осыпал почестями. Во всех практических вопросах слабость и отсутствие здравого смысла Рьенци проявились явно.

Но, естественно, среди римского народа возникло недовольство, и разгорелся огонь, который было невозможно потушить (15 сентября). Освобожденные бароны поспешили в свои замки, укрепили Марино и открыто готовились к войне, вступая в стычки даже у ворот Рима. Таким образом, Кола был вынужден осадить Марино. Тем временем причины разногласий с папой усугублялись. Климент VI был полон подозрений в отношении Колы, видя, что тот произвольно правит территориями Сабины, которые находились под властью папы. Он послал в Рим кардинала Бертрандо ди Деукс (папского легата в Италии до 1346 года), который впоследствии участвовал в падении трибуна. Он прибыл в Рим в октябре, и Кола высокомерно предстал перед ним, одетый в императорскую далматику, под звуки труб, со скипетром в руке и короной на голове, выглядя ужасающе и фантастически.

БЕДСТВИЕ СЛЕДУЕТ ЗА ПОБЕДОЙ

Климент написал этому легату, что Кола превысил пределы своей власти, нарушив папские и императорские указы и отдав предпочтение Людовику Венгерскому перед Джоанной Неаполитанской, которую папа считал невиновной в обвинении в соучастии в убийстве ее мужа Андреа. Он приказал Коле отменить очень неразумные законы, которые он принял, и велел ему довольствоваться управлением Римом. Но Кола не желал принимать такие предостережения, которые мешали осуществлению его замыслов. Тем временем Колонны прибыли из Палестрины и, пользуясь недовольством, начавшимся в Риме, вступили в опасное предприятие штурма Рима у ворот Сан-Лоренцо. Среди главных баронов были Стефано Колонна-младший и его сын Джованни, который погиб в бою. Кола был уверен в префекте Да Вико, который, однако, тайно поддерживал Колоннов, Орсини и Савелли, и пытался заразить других своим энтузиазмом, говоря, что святой Бонифаций, *то есть* Бонифаций VIII, явился ему и заверил его в победе над Колоннами. Они действительно были побеждены (20 ноября). Многие из самых прославленных баронов погибли в этой жестокой битве, которая стала могилой старой римской знати. Трибун, не будучи воином, не мог похвастаться настоящей победой, но тем не менее он праздновал свой триумф и, как древние, повесил оружие в храмах и положил свой стальной скипетр и венец из оливковых листьев к ногам Девы Марии в церкви Санта-Мария-ин-Ара-Чели, хвастаясь перед народом тем, что сделал своим мечом то, чего не смогли сделать ни папа, ни император.

На следующий день он посвятил своего сына Лоренцо в рыцари на месте победы, окропив его водой из рва, в который упал Стефано Колонна, и омыв его кровью и водой, он сказал ему: «Ты будешь рыцарем победы»; и таким образом, в тщетных и варварских церемониях он потерял драгоценное время, в которое он мог бы легко застать Марино врасплох. Народ роптал, видя, как Рьенци окропил своего сына кровью Колоннов, ибо он казался азиатским тираном, который в своей любви к еде и питью забыл о правосудии.

ГОРА АВЕНТИН, Рим

Кола начал подозревать народ и, опасаясь его ярости, не спешил созывать его на парламент. Ему пришлось прекратить управление Сабиной, хотя от имени церкви он продолжал издавать законы и трактаты. Он обратился к легату, но не смог вернуть расположение народа, который теперь считал его тираном (декабрь 1347 г.).

Вместе с понтификальным викарием он созвал народный парламент, предложив ввести налог на соль, но граждане не согласились с этим, и вскоре после этого был сформирован совет из двадцати девяти мудрецов. Но едва они собрались, как он обвинил двух членов совета в измене; поднялся шум, и Кола, встревоженный, чтобы вновь собрать единственный общественный совет и оправдаться за любые чрезмерные действия, сказал, что он желает проводить суд от имени папы и в соответствии с приказами, которые кардинал принес ему от его имени. Но он отложил их обнародование (10 декабря) и таким образом, от колебания к колебанию, от тщеславия к тщеславию, он сам привел себя к гибели.

Народ больше не был с ним, он больше не был трибуном, каким был несколько месяцев назад, полным уверенности и энтузиазма. Он не знал, как удержать викария на своей стороне, и удалился к легату в Монтефьясконе, который начинал операции против трибуна, поскольку тот встал на сторону Колоннов и Савелли.

От папы пришли письма, в которых Кола обвинялся в том, что он пригласил к себе в суд баварца и чеха и подговорил итальянские города собраться для избрания императора, что, по его утверждению, не имело отношения к церкви и городу Риму; фактически он подговорил народ отвернуться от него. Хотя Кола затем отказался (по крайней мере, внешне) от всех своих притязаний, было уже слишком поздно.

Петрарка покинул Валькьюзу, чтобы приехать в Рим и посетить трибуна и город, который больше не был в руках баронов, не был опустошен массовыми убийствами, а управлялся энергичной рукой древнего римского происхождения. Когда он прибыл в Геную, он услышал по дороге плохие отзывы о правительстве Колы. Затем он написал ему письмо, в котором упрекнул его в упадке и, цитируя Цицерона и Теренция, постарался вдохновить его римской стойкостью. «Нога должна быть хорошо закреплена, — сказал он ему, — чтобы быть твердой и не представлять смешного зрелища для врагов».

Но эти ораторские увещевания были бесплодны — сопротивление стало невозможным; легат, народ, все были против него; и те, кто несколько месяцев назад приветствовали его как восстановителя Римской республики, теперь роптали на него как на «неправедного, желающего тиранить силой».

Джон Пипино из Альтармары, который был заключен в тюрьму Робертом, был освобожден Андреем в 1343 году. Когда Андрей был убит, он покинул королевство и уехал в Венгрию, где подговорил короля Людовика отправиться в Италию, чтобы отомстить за смерть своего брата, а сам отправился в Рим, чтобы дожидаться его. Трибун изгнал его из Рима за грабежи, совершенные им в окрестностях Террацины, но, пользуясь поддержкой врагов Колы, он смог укрепиться в районе Святых Апостолов под покровительством Колоннов.

Кола освободил префекта Да Вико, но ошибся, полагая, что приобрел влиятельного друга, поскольку тот уже проголосовал против трибуна; его приказы не были выполнены. Трибун был теперь совершенно подавлен и удручен, видя, что страна, которая горела энтузиазмом всего народа, теперь лишилась его поддержки, и он начал плакать и вздыхать.

Тем временем народ собрался на Кампидольо, но в плохом настроении и под влиянием его врагов. Кола предстал перед ними и рассказал, как много он сделал за время своего пребывания в должности трибуна; он оправдал свое поведение и сказал, что если его сограждане недовольны им, то это из-за их зависти, и что он откажется от власти через семь месяцев после того, как он ее принял. Но красноречивые речи, которые когда-то тронули Климента VI и опьянили народ энтузиазмом, теперь были встречены холодно, и ни один голос не встал в его защиту.

Плача, Кола выехал верхом на лошади, и под звуки труб и с императорским сопровождением он прошел через город почти триумфально и заперся в замке Святого Ангела. Когда трибун спустился со своего величия, он оплакивал других, которые были связаны с ним, и сетовал над несчастным народом. Бароны не осмеливались ступить в Рим в течение трех дней, но в конце концов вернулись вместе с легатом, который не одобрял большинство поступков трибуна и осудил его как еретика. Граф Пипино был казнен через восемь дней в Абрुццо, и на его голову надели митру с надписью, в которой его насмешливо называли «освободителем народа Рима».

Кола по прибытии короля Венгрии бежал в Неаполитанский район от угрожавшей ему опасности.

РУИНЫ ХРАМА КАСТОРА В РИМЕ

АНАРХИЯ И ЮБИЛЕЙ В РИМЕ

[1347-1350 гг. н.э.]

Рим вернулся к своему прежнему состоянию анархии. Сенаторы Бертольдо Орсини и Лука Савелли не смогли поддерживать более упорядоченное правительство, чем их предшественники. Стефано Колонна-старший умер примерно в это время (1348-1350); Вернер фон Урслинген, свирепый капитан Великой компании, вернулся примерно за год до этого на эту сторону Альп после того, как опустошил Романью, и в ноябре 1347 года он с полутора тысячами вооруженных солдат последовал за Людовиком Венгерским в Италию

для завоевания Неаполя. Смятение, которое он посеял в королевстве, привело к победе венгров; затем Урслинген получил разрешение, и, поскольку нанять наемников было легко, он собрал их под своим командованием и, маршируя на Рим, захватил и разрушил Ананьи, но дальше продвинуться не смог.

Черная чума [описанная в нашей предыдущей главе], привезенная из Леванта на генуэзской галере в 1347 году, в том же году вспыхнула в некоторых местах Тосканы, Романьи и Прованса. Она прекратилась с наступлением зимы, но с приходом весны снова вспыхнула с разрушительной силой и в 1348 году охватила всю Италию, за исключением Милана и Пьемонта. Джон Виллани стал жертвой этой страшной болезни. Три пятых населения умерло во Флоренции и две трети в Болонье. В Риме, напротив, она, по-видимому, была менее распространена; по крайней мере, у нас нет достоверных сведений о бедствии, обрушившемся на этот город, теперь убогий и опустошенный. В конце следующего года началось прибытие паломников на юбилей в Рим. Немецкие и венгерские паломники прибыли в большом количестве. Прибытие паломников прошло без беспорядков. Сначала, когда они достигли окрестностей Рима, на них напали нищие, и некоторые были убиты, но впоследствии римляне обеспечили охрану дорог. Бесчисленные тысячи христиан отправились в Святой город. Дороги, ведущие к церквям Святого Петра, Святого Иоанна Латеранского и Святого Павла, а также шоссе за стенами города были переполнены людьми. Луи Венгерский прибыл в Рим после возвращения в свое королевство. Петрарка также приехал, но не нашел там ни своих старых друзей Колоннов, ни своего нового друга Колу, и ему было больно видеть Латеранский дворец наполовину разрушенным, Ватикан в беспорядке, а церковь Апостолов в руинах.

Какие чувства, должно быть, наполняли сердце поэта, когда он вновь посетил Кампидольо, район Апостолов и дворец Колонна — во всем Риме не было ничего, что напоминало бы ему о счастливых днях его коронации! «Ах! Не только мы стареем, но и все вокруг нас меняется к худшему», — сказал он несколько лет спустя.

[1350-1351 гг. н.э.]

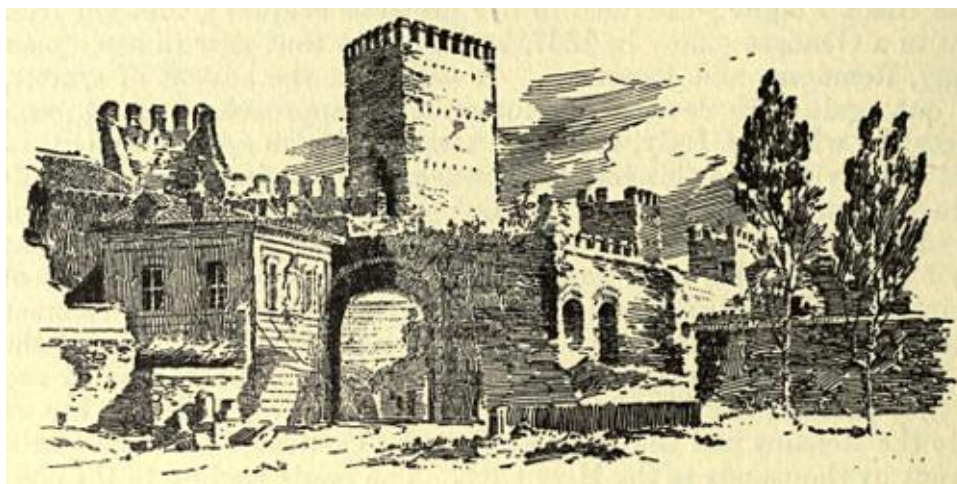
Арибальдо, епископ Тосканы, был легатом в Риме во время юбилея; он умер 17 августа 1350 года. Некоторое время назад папа поручил ему продолжить разбирательство, начатое кардиналом Бертраном против Колы.

После окончания юбилея Рим вновь погрузился в анархию вскоре после избрания тринадцати добродетельных людей; и Климент VI, проявляя благосклонность к новой администрации, назначил четырех кардиналов для расследования дела и доверил им основную часть управления Римом. Петрарка направил им письмо, полное идей, которые он высказал в своем послании Коле, и, возмущенный злобными римскими баронами, он говорил о *плебейх Рима*, которые в древние времена избирали своих магистратов; не затрагивая тему трибунатов, он добавил, что два сенатора его времени, единственное улучшение по сравнению с конскриптами (*conscripti*), представляли двух консулов древних времен.

Он не стал давать особых наставлений по поводу способа управления, а лишь утверждал необходимость восстановления древней свободы и освобождения дома апостолов от тиранов, которые его разорили.

РИЕНЦИ В ИЗГНАНИИ; ЕГО НОВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ; ЕГО СМЕРТЬ

Кардинал Арибальдо всегда боялся Колы; он подозревал, что папа изменится и захочет возвращения трибуна, и, будучи раненым на дороге, он без колебаний приписал это деяние беглецу, который вел бродячий образ жизни, полный опасностей. Кола путешествовал по Абруццо и там встретил монахов, которые сохранили веру в бедность Христа; и здесь брат Анджело предсказал ему великое будущее.

ПОРТА ТИБУРТИНА, Рим

Тем временем Людвиг Баварский умер (11 октября 1347 г.), и остался только Карл IV, от которого Кола начал ждать исполнения своих чаяний. ^аПетрарка написал императору в 1350 г. длинное письмо, приглашая его проявить интерес к Италии. «Пусть ни забота о делах за Альпами, ни любовь к родной земле не удерживают вас; но всякий раз, когда вы смотрите на Германию, думайте об Италии. Там вы родились, здесь вы выросли; там вы обладаете королевством, здесь — и королевством, и империей; и, как я полагаю, с согласия всех наций и народов, могу смело добавить, что, хотя члены империи находятся повсюду, здесь вы найдете саму ее главу». Вскоре после того, как он получил это странное сообщение от Петрарки, император встретился с самим Рьенци в Праге. Он выслушал его предложения, а затем спокойно передал его папе в Авиньоне. Петрарка, писавший о нем Нелли в 1352 году, говорит: «Кола ди Рьенци недавно прибыл, или, вернее, был привезен в качестве пленника в папскую курию. Тот, кто когда-то был трибуном города Рима, вселяя ужас на многие мили вокруг, теперь является самым несчастным из людей». Если бы не влияние Петрарки на папу и сложившаяся в тот момент политическая обстановка, Рьенци, без сомнения, был бы убит. В действительности он содержался в тюрьме, пока был жив Климент.а

Тем временем жители Рима передали всю власть Джованни Черроне (1351), которому папа оказал благосклонность и назначил сенатором и капитаном. Но он очень скоро пал. Префект Джованни да Вико, также подвергнутый отлучению от церкви, не желал подчиняться ему и вновь занял Витербо, Тосканеллу и другие территории папского владения, а затем Корнето и Орвието. Черроне не смог его подчинить и, не добившись успеха, настолько оттолкнул от себя всех, что был вынужден покинуть город, который вновь погрузился в привычную анархию. 6 декабря 1352 года умер Климент VI, оставив папскую резиденцию в Авиньоне, который он приобрел у королевы Неаполя Джованны за 8000 флоринов.

Его преемник, Этьен д'Альбер или Обер, француз, как и его предшественники, принял имя Иннокентий VI. Он был справедливым, строгим и суровым человеком, ученым и практичным. Он начал реформировать курию Авиньона и искал средство для исправления нынешнего упадка папства, реорганизуя церковное государство и разделяя его между мелкими и крупными викариями, тиранами и лордами.

Состояние земель церкви часто упоминалось, но теперь его необходимо рассмотреть более подробно. Семья префекта Да Вико правила Витербо, Орвието, Тосканеллой, Корнето, Чивита-Веккья, Терни, Вертралла и т. д. Лорды Малатеста из Римини простирали свою власть на Фано, Пезаро, Синигалья, Асколи, Осима, Анкора и т. д.; Монтефельтри правили в Урбино и Кагли, Варани — в Камерино, Да Монтемилоне — в Толентино, Габриели — в Губбио, Тринчи — в Фолиньо, Да Мольяни — в Фермо, Алидози — в Имоле, а Манфреды — в Фаэнце. Владения Орделаффи охватывали Форли, Форлимпополи, Чезена и т. д.; владения Да Полента — Равенну, Червию и т. д. Мы опускаем менее значительные владения.

В то время Болонья находилась под властью Висконти. Хотя Да Варани, Ди Камерини, Алидози из Имолы и Эсте время от времени возобновляли свои заявления о верности и зависимости, получая под титулом викариев земли, которыми они владели, их владение имело неопределенный характер. Естественно, что такие владения не всегда были одинаковыми по площади, но увеличивались и уменьшались в зависимости от различных политических условий и причин войн.

Человеком, назначенным Иннокентием VI для выполнения сложной задачи по созданию государства на такой ненадежной и недостаточной почве, был испанец. Дон Хиль Альборнос родился в Куэнке в знатной семье. Альфонсо XI Арагонский обеспечил ему архиепископство Толедо; он сражался с маврами, вторгшимися в Андалусию, и руководил осадой Альхесираса; но когда Петр Жестокий вступил на престол, он бежал из Испании в Авиньон, где Климент VI возвысил его до кардинала (1350). Этот человек, образованный, ревностный, с привычками рыцаря и решительным характером, был другом и советником Иннокентия VI, который, найдя в нем человека, подходящего для наказания тиранов, послал его в качестве легата в Италию. Он хотел, чтобы его сопровождал Кола ди Риенци, которого в соответствии с желанием римлян он освободил из тюрьмы, будучи убежденным, как сказал папа, объявляя о освобождении народу Рима, что если он и совершал зло, то он также делал добро (сентябрь 1353 года). Таким образом, Иннокентий VI объединил самого сильного и смелого кардинала века с человеком фантазий, опытным политиком, единственным человеком, который мог возбудить чувства римлян, и этим двум людям он доверил восстановление папской власти в Италии.

Таким образом, Кола ди Риенци, который в 1347 году был авторитетным римлянином, теперь, будучи убежденным в реальном положении дел, был вынужден унижаться и принять участие в партийной борьбе; и так как он сделал себя гибеллином при дворе Карла IV в

Праге, до такой степени, что хвастался тем, что был бастардом Генриха VII, то теперь он примкнул к идеям гвельфов в тюрьме Авиньона. тюрьма в Авиньоне не была для него слишком суровой, потому что, хотя он был заперт в башне, ему была предоставлена определенная свобода, и он мог следовать своему желанию изучать Библию, знаменитые истории Тита Ливия и несколько других книг.

[1353-1354 гг. н.э.]

В начале 1353 года в Риме сенаторами были Бертольдо Орсини и Стефано Колонна, и в бурном вихре фракционных распрей им удалось занять власть после бегства Черроне. Оба сенатора не пользовались популярностью, и вскоре они стали предметом ненависти народа, который, страдая от нехватки продовольствия, 15 февраля 1353 года поднял восстание. Колонна бежал в свой дворец, но Орсини надел доспехи и спустился по лестнице, чтобы сесть на лошадь на глазах у народа. Затем, бросив вызов толпе, он продвигался вперед, пока силы не покинули его, и он не был погребен под градом камней.

Затем народ избрал второго трибуна, Франческо Барончелли, друга Колы, который правил в соответствии со своими полномочиями, но без энергии. Он не был признан папой, который имел иные взгляды на управление городом. Барончелли происходили из гражданской семьи, и он был оратором, посланным Колой во Флоренцию, чтобы объявить о его возвышении до трибуна в начале его правления.

Затем Альборнос и Кола вместе покинули Авиньон, чтобы подавить тиранов и реорганизовать Рим. Кардинал Эгидио (Гиль), как его называли, летом 1353 года находился в Ломбардии. Орды тосканцев увеличили число французов, испанцев и немцев в его окружении. Он спустился в Монтефьясконе, которое сделал центром своих действий в Романье. Кола, находясь на службе у кардинала, участвовал в войне против префекта Да Вико, который отвоевал Витербо и другие места в патримонии, и, получив подкрепление, обратил анархию в Риме в свою пользу. Соппротивление было упорным и закончилось только после долгой борьбы 5 июня, когда префект сдался. В то время как Витербо сражался, а тираны Бернардо Полента, господин Равенны и Червии, Галеотто Малатеста из Римини и Франческо Орделаффи из Форли были изгнаны из Романьи, римский народ вновь обратился за спасением к Коле, забыв о его плохом правлении и том небольшом мире, который он им обеспечил.

Чувства к Коле возродились с тех пор, как он был заключен в тюрьму в Авиньоне; и теперь, когда он находился рядом с Римом вместе с легатом, они усилились еще больше, хотя и не были столь спонтанными и всеобщими, как в 1347 году. Подозреваемый Барончелли в связях с префектом, он вызывал все большее отвращение у народа, пока в конце 1353 года не вспыхнуло восстание, и бедный трибун был изгнан и едва не убит.

Римляне посвятили себя легату и помогали ему в осаде Витербо. Война и переговоры шли успешно для церкви. Римская Тоскана, Умбрия и Сабина постепенно сдались, и путь для возвращения Колы к управлению Римом был открыт. Но у него не было необходимых денег, чтобы нанять армию наемников, с помощью которой он мог бы удержать свою власть. Деньги, которые он имел в Перудже, принадлежали двум молодым братьям Мориале (Монреаль). Фра Мориале был по происхождению дворянином из Прованса. Этот страшный разбойник с 1345 года принимал участие в большинстве итальянских войн, сражался с Людовиком Венгерским в неаполитанском походе, а в окрестностях Рима — как за, так и против префекта Да Вико. Впоследствии, устав служить, он сформировал (1352) собственную компанию из полутора тысяч вооруженных шлемами всадников и двух тысяч пехотинцев и выступил против Малатеста да Римини, с которым он сражался в войнах в Неаполе. Успешные предприятия увеличили компанию до , в которую он ввел правила,

подобные правилам регулярной постоянной армии, независимой от любого государства. Пиза, Сиена, Ареццо, Флоренция и другие города Тосканы и Романьи дорого заплатили за иммунитет от его ужасных опустошений.

В июле 1354 года он послал свою компанию под командованием законного наместника, графа Ландо, сражаться за лигу против Висконти. Будучи гражданином Перуджи, он накопил там сокровища, вымогаемые террором или добытые путем грабежа населения всей Италии. Его братья Аримбальдо, доктор права, и Бреттоне, кавалерие ди Нарбона, жили там; и они с разрешения своего брата дали Коле 4000 флоринов, чтобы он собрал несколько последователей и сделал другие необходимые приготовления.

Фра Мориале, более мудрый, чем братья, не верил в успех этого предприятия. «Мой разум противоречит этому», — сказал он, но позволил отдать деньги, готовя «великолепные дела» со своими наемниками.

Кола был назначен легатом сенатором Рима, и, набрав шестьдесят рот, а также несколько солдат из Перуджи и Тосканы, 1 августа 1354 года торжественно въехал в Рим через ворота Кастелло под триумфальными арками и украшениями из золота и серебра. Радостный и кричащий народ сопровождал его до Кампидолия, где Кола произнес красноречивую речь, назвав себя сенатором Рима от имени папы. Он сформировал свое правительство, назначил двух братьев Фра Мориале капитанами милиции, объявил о своем продвижении во Флоренцию и принял посольства из соседних мест. Кола уже не был тем человеком, каким он был раньше для римского народа, который был потрясен его неумеренным образом жизни. Он стал тучным и проводил все свое время за едой и питьем. Его прежняя смелость в сдерживании баронов не была забыта, и он пользовался их послушанием.

Итальянский рыцарь, XIV век

Стефано Колонна, который был сенатором в 1351 году, заперся в Палестрине, Орсини заперлись в Марино, и из этих укрепленных мест они опустошали территории около Рима. Кола выступил против Палестрины, так как ему нужны были деньги, чтобы заплатить немецким наемникам, но он хотел найти способ угнетать Стефано, «ядовитого змея, сломанную трость». И он еще раз попытался привести к гибели дом Колонна, «проклятый

дом, чья гордость привела город Рим к нищете, в то время как другие места жили в богатстве».

Так говорил Кола, и с тысячей римских всадников и солдат, с жителями Тиволи и Веллетри, а также с подкреплением из соседних мест, он осадил знаменитую скалу Колоннов. Но осада длилась недолго, и еще не было закончено возведение земляных укреплений, как между веллетранами и тибуртинами возникли споры; но хуже этого было прибытие Фра Мориале () — ведь теперь, когда его братья были с Кола, он мог приехать в Рим, откуда был ранее изгнан. Он прибыл, чтобы защитить права своих братьев, которые не могли заставить нового сенатора вернуть ему одолженные деньги — возможно, кроме того, его двигал ужасный замысел захватить Рим, разграбить его для своих наемников, а затем сделать его центром великой власти. Его свирепые солдаты уже говорили, что «какой-нибудь прекрасный город станет их добычей». Какая добыча могла быть лучше, чем Рим!

Похоже, что Колонны, оказавшиеся в отчаянном положении, договорились с Мориале о свержении трибуна. Подозревая, что Мориале планирует его смерть, последний внезапно вернулся в город и покинул осаду Палестрины, не договорившись о своем возвращении. В Риме он послал за Мориале, и тот явился перед Кола, который схватил его и заключил в тюрьму на Кампидольо вместе с его братьями. Сначала Фра Мориале думал, что сможет купить свою свободу. Приведенный связанным и допрошенный, он признался, что был главой Великой Компании. Затем, когда его отправили обратно в тюрьму, он понял, что для него нет надежды. Утром в сопровождении своих братьев его вывели из тюрьмы и 29 августа 1354 года обезглавили.

Римляне того времени, судя только по количеству и величию его предприятий по отношению к театру, в котором они осуществлялись, сравнивали его с Цезарем; но Иннокентий VI, с большим основанием, сравнивал его с Олоферном и Аттилой. Уничтожение великого ужаса Италии считалось большой заслугой Колы, поскольку он мог бы причинить в будущем столько же вреда, сколько и в прошлом; но следует помнить, что Кола был очень заинтересован в том, чтобы завладеть богатствами разбойника. «Похоже, — говорит Маттео Виллани,⁴ — что он запятнал свою славу неблагодарностью и алчностью»; и сам Фра Мориале в момент своей смерти обратился к народу и сказал: «Я умираю за вашу бедность и мое богатство».

Муратори (⁵) дает следующий неприятный словесный портрет Рьенци в этот период: «Раньше он был трезвым, умеренным, воздерживающимся от спиртного; теперь он стал непомерным пьяницей; он всегда ел сладости и пил. Было ужасно вынужденно смотреть на него. Говорили, что раньше он был довольно худощавым, а теперь стал чрезвычайно толстым, с животом, как бочка, и веселым, как азиатский аббат. Он был весь в блестящих наростах (карбункулах?), как павлин, с длинной бородой; его лицо постоянно менялось, глаза внезапно загорались, как огонь, и его ум тоже вспыхивал, как огонь».

После смерти Мориале Кола с энтузиазмом продолжил войну против Колоннов. Он доверил ее Риккардо дельи Анильбальди, отважному воину. Он отдавал приказы своим офицерам из Кампидольо и, похоже, уделял внимание и заботу своим солдатам. Кола также еще раз продемонстрировал свою стойкость и энтузиазм. Нехватка денег на войну заставила его увеличить или вновь ввести налоги на вино и соль. Римляне молча терпели это, пока не показалось, что он обложил налогом даже обычные продукты питания. Папа убеждал его править справедливо и подтвердил его в должности сенатора. Но теперь появились причины для жалоб, и, казалось, слабый характер Колы сломался под собственным весом. Сначала он плакал, а потом смеялся; он вызывал подозрения у всех, покровительствовал то одному, то другому без всякой причины и освобождал людей за деньги.

4 октября он уведомил легата в Монтефьясконе о своей большой опасности и о том, что он не получил никакой помощи. Удар наступил внезапно утром 8 октября. На передний план вышли Колонны и Савелли. Народ устремился к дворцу, крича: «Да здравствует народ! Смерть предателю Коле ди Рьенци! Смерть предателю, который ввел налог, смерть!»

Трибун, не подозревая об опасности, не оказал сопротивления и не зазвонил в колокол. «Я тоже, — сказал он, — на стороне народа; пришло папское подтверждение; мне остается только обнародовать его перед советом». Он не испугался, пока не увидел, что все его покинули, а шум усилился. Он хотел обратиться к народу с речью из окна, но это было невозможно, потому что они бросали в него камни и палки, крича еще громче: «Смерть предателю!» В дворце царила суматоха; он сомневался в Бреттоне, брате Фра Мориале, который был пленником. Он колебался, надевал шлем, а потом снимал его, не зная, встретить ли смерть с достоинством древних римлян или спастись бегством — в конце концов он решил выбрать последнее.

Римляне уже поджигали двери, когда трибун снял с себя все оружие, отложил в сторону знаки достоинства, сбрил бороду, покрасил лицо в черный цвет, надел плащ привратника и укрыл голову покрывалом. Так переодетый, он спустился по лестнице к наружной двери и, изменив голос, смешался с повстанцами, сам крича: «Смерть предателю!» Он был уже вне дворца, когда его узнали по золотым браслетам и отвели на площадь Льва в Кампидольо, где выносились приговоры. Здесь он простоял целый час, представляя собой жалкое зрелище для народа, который стоял в тишине и, казалось, был напуган тем, что они наделали, и не знал, простить его или принести в жертву. Кола стоял твердо и спокойно, ожидая смерти, а народ, казалось, не спешил омыть свои руки кровью того, кого всего несколько месяцев назад они сопровождали в триумфе на Кампидольо, увенчивая его оливковыми ветвями и выкрикивая крики радости.

Какие воспоминания, должно быть, наполняли ум несчастного трибуна!

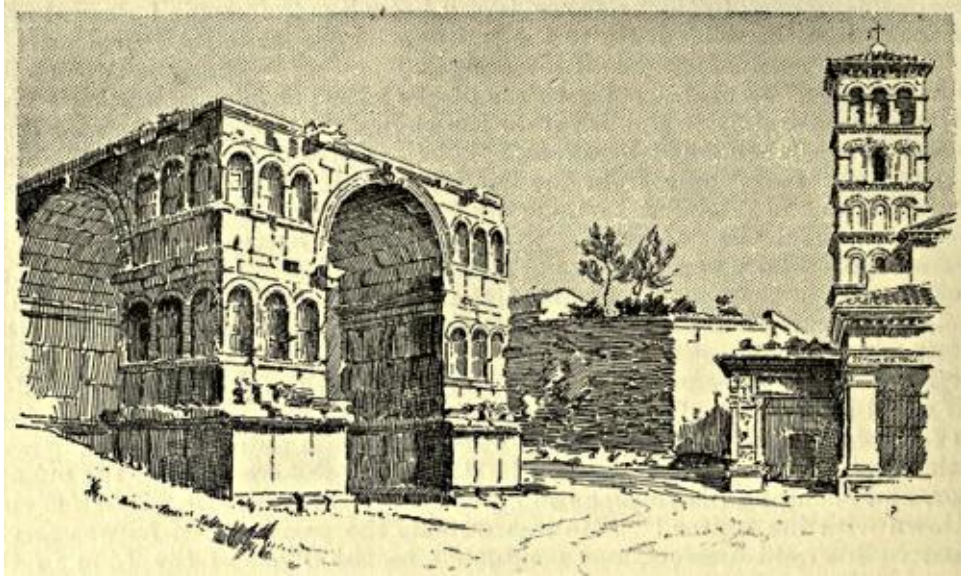
Чекко дель Веккьо ударил его в живот. Вид крови превратил сострадание в ярость. Нотариус ранил его мечом. Вскоре он был весь в ранах. Он не произнес ни слова, не издал ни крика. Его отвели в собор Святого Марка и привязали за ноги к колонне. Его голова была изуродована, клочки волос были разбросаны по дороге; он был изрезан ранами по всему телу. Там он пробыл два дня, пока негодяи бросали в него камни. На третий день Гуигурт и Скарретта Колонна перевезли его на поле Августа, где он был сожжен на костре из сухих чертополохов. Таков был конец Кола ди Рьенци, который провозгласил себя августовским трибуном Рима и стал защитником римлян.^[15] «В смерти, как и в жизни Рьенци», говорит Гиббон,^[16] «герой и трус были странным образом смешаны». Потомки будут сравнивать достоинства и недостатки этого необыкновенного человека, но в долгий период анархии и рабства имя Рьенци часто прославлялось как имя освободителя своей страны и последнего из римских патриотов.

СНОСКИ

^[15] *«Il tutto senza derogare all'autorità della Chiesa, del Papa e del Sacro Collegio»*. Так заканчивается эта необыкновенная цитата, это смелое и замечательное утверждение классической независимости Италии в самый феодальный период XIV века. Анонимный биограф Рьенци заявляет, что трибун также призвал папу и кардиналов проживать в Риме. Де Сад убедительно и неопровержимо опровергает это добавление к смелости или экстравагантности Рьенци. Гиббон, однако, который перевел остальную часть цитаты в более резких и невежливых выражениях, чем того требовала какая-либо авторитетность, повторяет ошибку биографа и насмехается над Де Садом, используя аргументы «скорее пристойности, чем веса». Чтобы не утомлять читателя всеми аргументами ученого аббата, достаточно привести первые два:

(1) Все другие современные историки, которые рассматривали это событие, Г. Виллани, Хоксемиус, ватиканские рукописи и другие летописцы, рассказывающие о цитате императора и выборщиков, ничего не говорят о цитате папы и кардиналов; а папа (Климент VI) в своих последующих обвинениях Риенци, хотя и очень резко высказывается против его цитаты императора, совершенно умалчивает о том, что для понтифика было бы гораздо большим оскорблением — цитата его самого и кардиналов.

(2) Буквальный текст этой вызов, официально опубликованный в Латеране, сохранился у Хоксемиуса (откуда заимствована, хотя и не в полном объеме, речь в тексте нашего нынешнего рассказа), и в этом документе папа и его кардиналы не упоминаются в вызове.

ГЛАВА VIII. ДЕСПОТЫ И ТИРАНЫ XIV И XV ВЕКОВ

[около 1309-1496 гг. н.э.]

В настоящей главе мы рассмотрим историю Италии во второй половине XIV века и продолжим ее до примерно 1500 года, уделяя основное внимание королевствам Неаполя и Сицилии, которые объединились в королевство Обеих Сицилий на юге, и тирании Висконти и Сфорца в Милане на севере. История этих княжеств неизбежно связана с большинством государств Италии, поскольку они постоянно вступали в конфликты друг с другом. Но для таких случайных упоминаний мы оставим более конкретную историю важных морских республик, Венеции и Генуи, а также главной тосканской республики, Флоренции, для отдельного рассмотрения в последующих главах. Во время господства Висконти в Милане во второй половине XIV века и первой половине XV века это княжество доминировало в северной Италии и большую часть времени находилось в состоянии открытой войны с Флоренцией. Поэтому истории Флоренции будет уделено значительное внимание, а наши последующие главы будут в основном посвящены событиям периода великих Медичи, Космо и Лоренцо, чья диктатура во Флоренции, как мы помним, совпадает по времени с более поздними событиями настоящей главы. В рассматриваемый период появляется ряд действительно важных людей, в том числе Альфонсо Великодушный, король Сицилии и Неаполя.

Но королевство Обеих Сицилий и герцогство Миланское, какими бы важными они ни казались своим итальянским современникам, не оказали прямого влияния на мировую историю. Они втянули Италию в конфликт и поддерживали ее контакты с народами севера, что было для нее невыгодно, но их правители не имели мыслей, кроме как о собственном возвеличивании, и ни один из них не достиг достаточного влияния, чтобы подчинить себе весь полуостров. Несмотря на колоритность отдельных персонажей,^[16] поэтому мы вправе рассмотреть этот период несколько кратко, уделив больше внимания более важным событиям, которые произошли под влиянием торговых республик.

КОРОЛЕВСТВО НЕАПОЛЬ

[1309-1326 гг.]

После смерти Карла II Неаполитанского (1309) его младший сын Роберт унаследовал короны Неаполя и Прованса, на которые он не имел ни признанного, ни наследственного права. Они принадлежали Кароберту, молодому королю Венгрии, чей отец был старшим сыном Карла. Но Неаполь был папским феодалом, и Роберт, поспешивший в Авиньон, без особого труда добился от Климента V, который видел в этом энергичном вассале грозного противника гибеллинов, приговора, отвергающего претензии его племянника. В то же время он получил управление Феррарой в качестве наместника папы. Роберт не был военным гением, но обладал мудростью и ловкостью и сразу же взял на себя руководство гвельфами в Италии. Он был видным членом великой лиги, образованной во Флоренции против замыслов Генриха VII, и в 1312 году Тосканская республика пошла так далеко, что предоставила ему временную диктатуру в ожидании его помощи в сопротивлении имперской агрессии.

Но амбиции Роберта были не меньше, чем общее господство над Италией, и с этой целью он противостоял Генриху на каждом шагу. Неаполитанская армия захватила главные крепости Рима, пытаясь помешать коронации императора, но борьба закончилась

неожиданно в следующем году (1313) внезапной смертью Генриха. Теперь казалось, что Роберт сможет осуществить свою мечту, но из рядов гибеллинов выступил ряд действительно выдающихся лидеров, чтобы противостоять кризису. Против таланта и энергии Угуччоне делла Фаджиуола, Каструччо Кастракани, Маттео Висконти и Кане делла Скала, чьи подвиги были подробно описаны в других источниках, дело гвельфов быстро пошло на спад. Роберт видел, как его армии и союзники терпели одно поражение за другим, и когда в 1318 году он перешел в Прованс, он не добился никакого успеха, кроме снятия осады Генуи гибеллинами, за что этот город передал ему свои свободы на десять лет. Положение гвельфов с каждым днем становилось все более безнадежным, но Роберт оставался в Провансе, не обращая внимания на их бедствия, и только его жажда власти побудила его откликнуться на постоянные призывы флорентийцев. Его власть над этой республикой истекла в 1321 году, и теперь он обещал помощь при условии, что его сын Карл станет ее абсолютным правителем на десять лет. Флорентийцы оговорили условие сохранения своих свобод () и согласились на его условия, и в 1326 году молодой герцог Калабрии прибыл в Тоскану с двумя тысячами человек.

[1285-1345 гг. н.э.]

В эти годы королевство Неаполь почти не видела своего правителя и подвергалась амбициям арагонских правителей Сицилии. Судьба этого испанского дома не заслуживает нашего внимания. Когда в 1285 году умер Педро I, Арагон и Сицилия были разделены, и второй сын покойного короля, Хайме I, получил Сицилию. Он пробыл там всего шесть лет, после чего был призван на престол Арагона и оставил регентом своего младшего брата Фридриха. Но Хайме был неверным своим подданным на острове, и когда в 1295 году были урегулированы его давние разногласия с папой, он согласился вернуть Сицилию дому Анжу. Фридрих сразу же встал во главе оппозиции этой передаче и в 1296 году был вознагражден короной. Фридрих II был восстановителем независимости Сицилии, и к 1302 году Хайме отказался от попыток заставить сицилийцев соблюдать его вероломное соглашение. Роберт несколько раз пытался присоединить Сицилию к своим владениям. Первая из них, в 1314 году, закончилась перемием. Фридрих, который несколько раз отразил амбициозного монарха, умер в 1337 году, и великая любовь его подданных возвела на престол его слабого сына Петра II. Роберт вернулся после смерти Фридриха, а также после смерти Петра пять лет спустя, но независимый дух островитян так и не был подавлен; от проектов отказались, и Сицилия осталась мирным владением своей династии. С тех пор она погрузилась в забвение, пока в 1435 году не воссоединилась с Неаполем.

К середине XIV века короли Неаполя сильно утратили свою власть и авторитет. Роберт умер 19 января 1343 года в возрасте восьмидесяти лет. Он выдал свою внучку Джоанну замуж за ее двоюродного брата Андрея, сына короля Венгрии. Андрей был сыном старшего сына Карла II и имел больше прав на корону Неаполя, чем сам Роберт. Последний, которого его племянник считал узурпатором, стремился объединить права двух ветвей своей семьи, выдав Джоанну замуж за Андрея и королев их вместе, но эти молодые люди испытывали друг к другу только ненависть.^b

В этом пагубном чувстве Андрея поддерживали его венгерские слуги, особенно его исповедник. Другие обстоятельства усугубляли неприятность его положения: он был грубым и невоспитанным, а неаполитанцы, напротив, были самыми вежливыми людьми в Европе; кроме того, он не мог скрыть от себя, что был предметом насмешек при дворе. У него были и другие причины для недовольства: его королева подозревалась в интриге с Луи Тарентийским, принцем королевской семьи, к которому она, очевидно, испытывала отвращение. То, что он однажды пригрозил отомстить, не вызывает сомнений; то, что его

угрозы наполнили страхом многих, не исключая даже Джоанну, также не вызывает сомнений; был разработан заговор с целью его уничтожения — был ли он с ее ведома, оспаривается одним или двумя современными авторами; но из ее поведения до и после трагического события можно сделать достаточно косвенные выводы, чтобы обвинить ее в соучастии. Однажды ночью (18 сентября 1345 года), когда двор переехал в уединенное место в окрестностях Аверсы, заговорщики вызвали Андрея из постели королевы под предлогом срочного государственного дела и убили его в коридоре. О том, что она знала о заговоре, можно судить, во-первых, по ее мгновенному нежеланию отпускать его; во-вторых, из ее попыток укрыть убийц от правосудия; в-третьих, из ее брака с Людовиком Тарентским; и в-четвертых, из крайней осторожности, с которой чиновники, которым папа поручил расследовать убийство, предотвращали огласку признаний, полученных под пытками, — другими словами, из причастности королевы к этому преступлению (). Некоторые из заговорщиков были казнены, но, поскольку сама королева и ее любовник сбежали, эта демонстрация справедливости не удовлетворила Людовика, короля Венгрии, который вторгся в Неаполь, изгнал Джоанну, наказал некоторых подозреваемых дворян и принял подчинение королевства. Однако вскоре он был изгнан страшной чумой, которая опустошила всю Европу и, по-видимому, сильнее всего поразила Италию. Власть венгров уже была неприятна непостоянным неаполитанцам; Джоанна была возвращена, и последовала беспорядочная война. Людовик вернулся на сцену; но поскольку его войска, выполнив свою обычную феодальную службу, стали роптать и требовать возвращения, он был вынужден заключить перемирие с Джоанной на условии, что вопрос о ее виновности или невинности будет решать папа в Авиньоне; что если она будет признана виновной, то она отречется от короны, а если будет оправдана, то ей будет позволено сохранить ее, уплатив крупную сумму в качестве компенсации за расходы на войну.

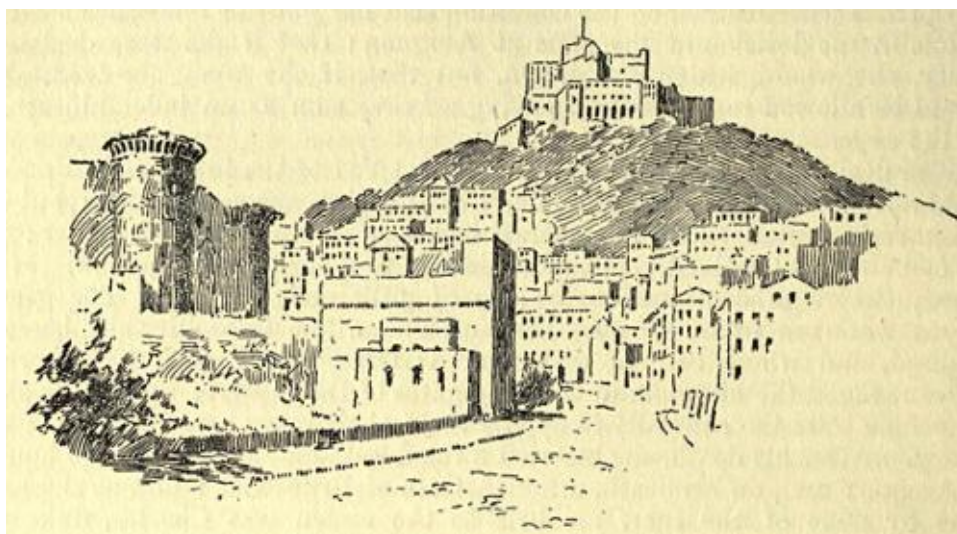
[1345-1386 гг. н. э.]

Решение такого преданного интересам Франции человека, как Климент VII, не могло быть поставлено под сомнение. Ее соучастие в заговоре не отрицалось, но серьезно утверждалось, что для ее соблазнения было использовано колдовство; в конце концов она была оправдана, а компенсация королю Людовику одобрена. Ее последующее правление продолжало быть правлением вины и позора. Великие бароны были слишком горды, чтобы подчиняться ее мужу, чью слабость она сама презирала и чью постель она опозорила; Великая Компания наемников опустошила королевство вплоть до ворот столицы; поскольку и он, и народ были слишком трусливы, чтобы противостоять им, их отступление было куплено за деньги. После его смерти она вышла замуж за третьего мужа, принца из дома Арагона, а после его смерти — за четвертого, Оттона Брауншвейгского; но, поскольку ни от одного из четырех она не имела детей, наследником короны стал Карл, герцог Дураццо, последний мужчина из неаполитанской ветви Анжу, который был также наследником престола Венгрии. При дворе последней страны Карл проникся чувством ненависти к королеве, которую он решил свергнуть с престола — к этому решению его подтолкнул Урбан VI, который никогда не мог простить ей преданность антипапе Клименту. Ее попытка исключить его из наследства путем усыновления графа Анжуйского и шаг папы Урбана, который в 1380 году объявил ее свергнутой с неаполитанского престола и проповедовал крестовый поход против нее, скрепили ее судьбу. Принц продвинулся к Риму, получил корону от папы и двинулся на Неаполь, который, как и остальная часть этого трусливого королевства, подчинился ему, как и всем другим завоевателям со времени падения Западной империи. Отто, конечно, сделал вид, что сопротивляется, но его люди покинули его в тот момент, когда началось сражение (), и он, как и Джоанна, попал в руки победителя. Ее смерть была внезапной и насильственной; вероятно, она была вызвана удушьем перьевой подушкой.

У него было мало поводов радоваться этой жестокости. Вскоре ему пришлось выдержать вторжение в Неаполь Людовика Анжуйского, к которому, как обычно, присоединилось значительное число сторонников; и хотя смерть избавила его от грозного соперника, ему пришлось выдержать ссору с высокомерным папой, который отлучил его и его армию от церкви. Во время этих событий умер Людовик Венгерский, и дворяне, предпочтя права его дочери Марии правам дальнего родственника, провозгласили ее своей правительницей. Но у Карла были сторонники, которые пригласили его вновь занять трон; он поспешил в Буду, заставил королеву отречься от престола и был провозглашен ее преемником; но на пике своего успеха он был убит приспешниками королевы и ее матери. Это трагическое событие оставило Неаполь под регентством его вдовы, Маргариты Анжуйской (Margarita), пока его сын Ладислав (Ladislaus) [или Ланселот (Lancelot)], которому тогда было всего десять лет, не достиг совершеннолетия; и ее правление постоянно подвергалось интригам французской фракции, которая поддерживала интересы столь же молодого сына Людовика Анжуйского, названного в честь своего отца. [Маргарита Анжуйская](#) (

[1386-1416 гг. н.э.]

Правление Ладислава, сына и преемника Карла III, представляет собой непрерывную череду вероломства и грабежей. Успешно защитив свою неаполитанскую корону от попыток герцога Анжуйского, он на мгновение захватил корону Венгрии и воспользовался великим расколом и постоянным отсутствием папы в Риме, чтобы постоянно преследовать и грабить римлян. Никакие договоры о дружбе не могли сдержать его жажду грабежей; он трижды вел свои войска на нападение на преданный город, захватил замок Святого Ангела и оккупировал Остию, Витербо и большую часть владений Святого Петра. Его грабежи были прерваны преждевременной смертью; и в нем провидение, как говорят, предвидела чуму, которая в следующем веке стала бичом европейского разврата. Несмотря на то что Ладислав был женат трижды, он не оставил законных наследников. Не зная границ в своей похоти, он бросал своих жен ради более похотливых любовниц. Констанция, его первая королева, безупречная по своей репутации, была разведена своим непостоянным мужем; Мария Кипрская, вторая, умерла, пытаясь излечить свою бесплодность; а третья, вдова Орсино, принца Тарентского, была взята в жены с целью приобретения ее территорий и сразу после свадебной церемонии была брошена в заброшенность и заключена в тюрьму. Ему наследовала его сестра, Иоанна II, но королевская постель Неаполя мало приобрела в чистоте от этой смены (1414).

Неаполь. — Арка Альфонсо в крайнем левом углу

Жоанна II

[1416-1420 гг. н.э.]

Жоанна уже была вдовой Вильгельма, сына Леопольда II, герцога Австрии, когда смерть Ладислава возвысила ее на престол Неаполя. Лишенная личного очарования и утонченности ума, принцесса презирала утомительные ограничения, налагаемые добродетелью и рангом. Она выбирала любовников по своему капризу, не обращая внимания на их положение, и счастливым обладателем ее любви после вступления на престол стал Пандольфелло Алопо, которого она возвысила из скромного положения резчика до должности великого камергера. Нерегулярность ее жизни и отсутствие законного наследника престола побудили ее дворян рекомендовать ей второй брак, и она остановила свой выбор на принце из дома Бурбонов, Жаке де ла Марше, четвертом по счету наследнике Роберта, младшего сына Святого Людовика.

Но если Жанна льстила себе, что в новом муже она найдет защиту, а не сдерживающий фактор для своих пороков, то она сразу же разочаровалась: едва неизвестный граф был возведен в ранг короля Неаполя, как он схватил Алопо, и в мучениях на дыбе обезумевший любовник выдал свои отношения с любовницей. Великий камергер был публично обезглавлен, а сама королева подвергнута не слишком суровому и не слишком длительному заключению. Народ, возмущенный тем, что его королева была заключена в тюрьму иностранцем, поднял восстание, и король был вынужден укрыться в *Кастелло дель Ово*. Его сдача была вознаграждена признанием его королевского титула и стипендией в 40 000 дукатов в год — суммой, по словам историка, не превышающей доходы неаполитанской знати. Французский монарх не долго наслаждался этим подобием королевской власти. Он оказался игрушкой в руках своей неверной супруги и ее приспешников; его личность вновь была оскорблена заключением, а его соотечественникам было приказано покинуть королевство. Вновь обретя свободу, он решил больше не обманываться мечтами о величии и, отрекшись от своей прелюбодейной королевы и неуправляемых подданных, тайно покинул Неаполь и удалился во Францию, где и закончил свои дни в одежде францисканского монаха (1438).

Среди самых заметных фаворитов Джованны были Джакомуццо Аттендоло, прозванный Сфорца, и Сер Джанни Караччоло, оба отличавшиеся своей внешней красотой. Первый, сын крестьянина из Котиньолы в Романье, в молодости вступил в наемные войска Италии; после того как он прославился, служа под знаменами Феррары, Флоренции и церкви, он поступил на службу в Неаполе и был удостоен особого внимания со стороны королевы после ее вступления на престол. Ревность фаворита Пандольфелло Алопо привела к заключению Сфорцы в тюрьму, но вскоре он примирился со своим соперником и, будучи освобожденным из темницы, был назначен Джоанной великим констеблем королевства. Во время кратковременного правления Жака де ла Марша он вновь томился в тюрьме, но после освобождения был восстановлен в прежнем достоинстве. Тем временем новый фаворит с каждым днем приобретал безграничное влияние на впечатлительное сердце королевы Джованны. Караччоло, человек благородного происхождения, сдержанный, красивый и изящный, был повышен до должности великого сенешаля и добился удаления Сфорцы из двора под благородным предлогом борьбы с грабежами наемника Браччо. Но возвращение победоносного Сфорцы и соперничество двух фаворитов вскоре наполнили город смятением, и Джоанна смогла успокоить ропот своего народа, только согласившись на изгнание любимого Караччоло. Однако место его изгнания было слишком близко к городу, чтобы помешать ему вмешиваться в государственные дела, и с острова Прочида Сер Джанни продолжал оказывать влияние на свою королеву и любовницу. Он снова добился изгнания

Сфорцы с целью изгнать Браччо из владений Святого Петра, но позаботился о том, чтобы его соперник получил столь слабую поддержку войск, что его поражение и гибель казались неизбежными.

Это несчастное столкновение между фаворитами было обречено привести к самым катастрофическим последствиям не только для королевства Неаполь, но и для всей Италии. Возмущенный предпочтением, оказанным Карачоло, Сфорца покинул свою любовницу и побудил Людовика III, молодого герцога Анжуйского, осуществить свои притязания на неаполитанский трон, вторгшись в королевство Джоанны (). В Неаполе существовало сильное движение в поддержку притязаний Людовика. Чрезмерная привязанность королевы к Карачоло (который теперь снова вернулся в ее объятия) отдалила от нее дворянство, и она сочла разумным искать поддержки у какого-нибудь иностранного правителя, достаточно могущественного, чтобы противостоять замыслам ее врагов. Поэтому она обратилась к Альфонсо V, королю Арагона, которому пообещала усыновить его в качестве своего преемника на троне Неаполя. Альфонсо принял это предложение, отплыл к своему новому наследству и получил официальное усыновление от бездетной Джоанны с титулом герцога Калабрии и владением Кастель-Нуово. Этим разумным шагом королева избавила себя от неминуемой опасности; Луи Анжуйский был потрясен в своих надеждах и после слабой осады Неаполя сдался необходимости и отказался от своего предприятия. Сфорца теперь нашел способ закрепить свое помилование и был принят с величайшей сердечностью Иоанной и Альфонсо.

[1420-1435 гг. н.э.]

Появление его давнего соперника при неаполитанском дворе не могло не пробудить ревность и гнев Карачоло, который и без того считал, что его власть находится под угрозой из-за усыновления Альфонсо. Теперь его целью было посеять семена раздора, и безграничное влияние, которое он имел на Джоанну, максимально облегчало осуществление его зловещих замыслов. Ему удалось убедить доверчивую королеву, что испанец решил сразу же узурпировать престол, свергнуть ее и силой увезти в Каталонию. Испуганная этим мрачным предположением, Джоанна стала с подозрением относиться к Альфонсо. Она заперлась в Кастель-Нуово, а арест и заключение в тюрьму ее любимого Сер Джанни довершили ее страх и ужас. Отрекаясь от всяких дальнейших связей с королем Арагона, она призвала Сфорцу на помощь и, отменив свое недавнее усыновление, передала престол Людовику Анжуйскому. Частичное поражение Альфонсо и последующий обмен пленными вновь вернули Карачоло королеве, но несчастное королевство было предано бедствиям войны: войска Джоанны возглавлял Сфорца, а войска Альфонсо — его соперник Браччо. Беспорядки в его испанских владениях заставили короля на время покинуть Италию, и, за исключением Кастель-Нуово, Джоанна осталась в спокойном владении королевством, но не прежде, чем оба генерала погибли в этой отчаянной борьбе. Сфорца, в своей попытке переплыть реку Пескара, необычно разбухшую из-за прилива морской воды, пал жертвой своего благородного стремления спасти тонущего пажа; и, утяжеленный дополнительным весом доспехов, он пошел ко дну, чтобы больше не всплыть. Его сын Франческо Сфорца едва избежал подобной участи и был предназначен достичь славного и триумфального возвышения. Смерть Браччо была более созвучна его бурной жизни: он пал смертельно раненным в отчаянном сражении, в котором его войска были полностью разгромлены.

После отступления Альфонсо из Неаполя Джоанна продолжала наслаждаться беспрепятственным правлением. Возраст погасил огонь страсти; жизнь ее некогда любимого Сер Джанни была принесена в жертву ревности и подозрениям; он был убит с

молчаливого согласия, если не по приказу, своей любовницы. Ее приемный сын Луи умер в 1434 году, к великому горю Джоанны и ее подданных. Сама она прожила еще несколько недель и умерла в 1435 году в возрасте шестидесяти пяти лет и на двадцать первом году своего правления. С ней закончилась династия Дураццо. По завещанию она оставила королевство Неаполь Рене, герцогу Анжуйскому, брату Луи; а приемный наследник томился в тюрьме герцога Бургундского, когда ему сообщили о его назначении на престол самого прекрасного королевства на земле. Его жена Изабелла взяла на себя регентство в его отсутствие и вступила во владение Неаполем.

Альфонсо Великодушный

[1435-1458 гг. н. э.]

Теперь Альфонсо снова стал отстаивать свои права и выступил во главе армии, чтобы осуществить свои притязания. Необычное несчастье, которое постигло короля во время его похода, оказалось весьма благоприятным для его дела. Во время осады Газты флот из Генуи, отправленный по приказу Филиппо Висконти, правящего герцога Милана, атаковал и разгромил испанские войска; король, его брат Хуан, король Наварры, Генрих Арагонский и множество дворян были отправлены в плен в Милан. Проявив замечательную милосердность и умеренность, герцог безвозмездно освободил своих пленников и даже заключил союз с Альфонсо, пообещав помочь ему в завоевании Неаполя.

В то время как новый флот из Испании снова направлялся против Неаполя, Рене выкупил свою свободу и, вернувшись в свои новые владения, в течение четырех лет вел неопределенную борьбу со своим соперником. В середине 1442 года окончательный удар был нанесен вступлением Альфонсо в столицу через тот самый акведук, через который почти девятьсот лет назад прошли солдаты Велизария. Герцог Анжуйский, не в силах больше соперничать со своим соперником, удалился во Францию, и Альфонсо наконец получил от папы Евгения IV инвеституру королевства Неаполь, которую его святейшество ранее передал Рене. После одиннадцатилетнего перерыва Рене был вынужден вернуться в Италию по настоятельной просьбе герцога Миланского, который соблазнил его взять в руки оружие против Венеции, пообещав помочь ему отвоевать Неаполь у испанцев. Но французский принц, уже преклонный возрастом, вскоре устал от тягот военной кампании и с готовностью уступил желанию своих войск вернуться в родные края.

Альфонсо I

(По картине)

Альфонсо прожил после этого события всего пять лет и умер 27 июня 1458 года. Его отцовские владения, Арагон и Сицилия, в отсутствие законных наследников перешли к его брату Хуану, королю Наварры; но королевство Неаполь, завоеванное им, он завещал своему внебрачному сыну Фердинанду.^c Что бы ни думали о правах дома Анжу, нет сомнений в том, что правящая семья Арагона была законно лишена права на престол Неаполя, хотя сила и вероломство в конечном итоге позволили ей его завоевать.

Альфонсо, прозванный «великодушным», был, безусловно, самым выдающимся правителем XV века. В нем сочетались рыцарские добродетели с покровительством литературе, и не только покровительством — с настоящим энтузиазмом к науке, редко встречающимся у королей, особенно у таких активных и амбициозных. Эта преданность литературе была для итальянцев того времени почти таким же верным пропуском к всеобщему восхищению (), как и его рыцарское совершенство. Великолепие архитектуры и пышность роскошного двора придали его правлению новый блеск. Неаполитанцы с благодарной гордостью замечали, что он жил почти исключительно среди них, предпочитая их своему родовому королевству, и прощали ему тяжелые налоги, которые он был вынужден вводить из-за своих недостатков, почти сопоставимых с его достоинствами — расточительности и амбиций. Но они замечали совершенно иной характер у его сына. Фердинанд был мрачен и мстителен, в отличие от своего отца, который был приветлив и щедр. Бароны, у которых было много возможностей убедиться в его характере, сразу после смерти Альфонсо начали интриговать против его преемника, обратив сначала свой взор на законную ветвь семьи, а, увидев, что эта перспектива неблагоприятна, на Иоанна, титульного герцога Калабрии, сына Рене Анжуйского, который выжил, чтобы протестовать против революции, лишившей его престола.^d

Фердинанд

[1458-1479 гг.]

Герцог Калабрии полагал, что ему должны помочь как Франческо Сфорца, который до того, как стать герцогом Милана, долгое время сражался, как и его отец до него, на стороне Анжуйской династии, так и Флорентийская республика, которая всегда была преданна Франции. Но Сфорца считал, что безопасность и независимость Италии могут быть сохранены только до тех пор, пока королевство Неаполь не попадет в руки Франции. Французы уже были хозяевами Генуи и ворот Италии; они бы проникли во все направления и держали бы в страхе или подчинении все государства полуострова, если бы приобрели суверенитет над Неаполем. По этим причинам Сфорца сопротивлялся всем своим друзьям, подданным и даже своей жене, которая горячо призывала его поддержать дом Анжу; он также убедил Космо де Медичи принять его точку зрения и таким образом помешал Флорентийской республике поддержать партию, к которой она испытывала сильную симпатию. Герцог Калабрии, вступивший в Неаполь в 1459 году, начал успешно, но, не получая помощи из-за границы, он вскоре утомлял и изнурял народ, который был единственным источником его снабжения. Он потерял одну за другой все провинции, которые провозгласили его властью, и в конце концов, в 1464 году, был вынужден покинуть королевство.

Фердинанд, чтобы укрепить свою власть, заключил в темницы или казнил всех феодалов, которые проявляли какую-либо симпатию к его сопернику; прежде всего он решил избавиться от величайшего полководца, который еще оставался в Италии, — Якопо Пиччинино, сына Никколо и главы того, что еще называли милицией или школой Браччо. Он послал в Милан, куда Пиччинино, служивший партии Анжу, удалился и где женился на дочери Сфорцы, приглашение войти в его службу, обещая ему высшие саны в своем королевстве. Он дал самые формальные гарантии его безопасности как Сфорце, так и самому Якопо. Он принял его с почестями, которых не оказал бы даже величайшему правителю. После того как он двадцать семь дней развлекал его непрерывными празднествами, он нашел способ отделить его от его самых верных офицеров, арестовал его в его собственном дворце и немедленно задушил. Это произошло 24 июня 1465 года.⁴

Упрочив свою власть на троне Неаполя, Фердинанд продолжал удерживать свою позицию и укреплять ее на протяжении всей своей жизни, которая закончилась в 1494 году. Он не пользовался большим уважением, но вызывал всеобщий страх и считался самым пронзительным политиком своего времени. В союзе с папой Сикстом IV он вел войну против Милана и Флоренции (), и в 1479 году союзные войска довели Лоренцо де Медичи до такого крайнего положения, что великий флорентиец был вынужден посетить Неаполь в надежде примириться со своим врагом. Лоренцо откровенно признал опасность, в которой он оказался, но сделал умный политический ход, указав, что у него еще есть ресурсы, поскольку он может пригласить французов в Италию. Он признал, что приход этих чужаков может принести ему пользу только за счет ущерба для его врагов, но в качестве последнего средства он заявил о своей готовности прибегнуть к этому средству. Однако он решительно заявил, что гораздо больше предпочитает заключить соглашение с Фердинандом, чем открыть свою страну для вторжений тех, кого итальянцы с удовольствием называли варварами. Фердинанд полностью осознавал опасность и был готов выслушать условия.^a

[1479-1494 гг. н. э.]

В конце концов Лоренцо предложил ему компенсацию в виде республики Сиена, на которую уже положил глаз герцог Калабрийский, сын короля. Это государство заключило союз с папой и королем Неаполя против Флоренции; без подозрений приняло

неаполитанские войска в своих крепостях; и неоднократно прибегало к помощи герцога Калабрийского, чтобы с его посредничеством положить конец постоянно возобновляющимся разногласиям между различными сословиями республики. Герцог Калабрийский, вместо того чтобы примирить их, поддерживал их раздор и, поочередно оказывая помощь каждой из сторон, стал верховным арбитром Сиены. Лоренцо де Медичи пообещал не препятствовать передаче суверенитета над этим государством герцогу Калабрийскому. На этом условии он подписал договор с королем Неаполя 6 мая 1480 года. Республика Сиена была бы потеряна, и неаполитанцы, владея столь важным местом в Тоскане, вскоре подчинили бы себе остальную часть, но неожиданное событие спасло Лоренцо де Медичи от последствий его дерзкого предложения. Мухаммед II поручил своему великому визирю Ахмету Гедику попытаться высадиться в Италии, что тот и сделал, став хозяином Отранто 28 июля 1480 года. Фердинанд, охваченный ужасом, немедленно отозвал герцога Калабрийского с его армией для защиты своих государств.

Едва турки были изгнаны из Отранто Альфонсо, старшим сыном короля Неаполя, 10 августа 1481 года, как Сикст развязал новую войну в Италии. Его целью было возвысить своего племянника, Джироламо Риарио, для которого он желал создать великое княжество в Романье. С этой целью он предложил венецианцам разделить с ним владения герцога Феррары, но в 1482 году король Неаполя, герцог Милана и флорентийцы заключили союз для защиты герцогства. В следующем году Сикст IV, опасаясь, что не сможет получить для своего племянника лучшую часть добычи герцога Феррары, перешел на другую сторону и отлучил венецианцев от церкви, намереваясь отобрать у них провинции, которые он предназначил для Джироламо Риарио. Новые союзники, не посоветовавшись с ним, вскоре после этого заключили мир с венецианцами в Баньоло 7 августа 1484 года.^e

Фердинанд имел основания желать мира, а не войны, и его влияние было ценным для поддержания относительного спокойствия в Италии на протяжении большей части последних лет его правления. Но его угнетательное налогообложение привело к знаменательному событию в истории Италии. Неаполитанская знать восстала против своих бремени и вновь пробудила дремлющие притязания Анжуйской династии. Рене II упустил свою возможность, но после того, как Фердинанд в 1492 году укрепил свою власть благодаря союзу с Пьеро де Медичи, ревнивый Лодовико Сфорца обратился к королю Франции. Фердинанд умер в 1494 году, за несколько месяцев до вторжения Карла VIII в Италию.^a

ТИРАНЫ ЛОМБАРДИИ

[1152-1300 гг. н.э.]

В то время как имперская власть в Италии пришла в упадок, свободные города, которые сопротивлялись ей в дни ее могущества, постепенно попадали под власть феодальных тиранов, которые поднялись на руинах их республиканских институтов. Медленное действие незаметных причин незаметно привело к подрыву свобод общин, когда-то столь могущественных и свободных. В одном важном отношении итальянские муниципалитеты существенно отличались от муниципалитетов других стран. В список своих граждан они включали знать того района, в котором они находились. Хотя это, казалось бы, добавляло и действительно добавляло великолепия городам, тем не менее было одной из главных причин их упадка.

Великие территориальные лорды северной Италии были вынуждены искать защиты и дружбы этих могущественных общин и часто подчинялись их власти. Многие из них были

обязаны в течение определенной части года проживать в стенах города, гражданство которого они искали или были вынуждены принять. Отто [Фригисенсис](#) (Отто из Фрайзинга), историк правления Фридриха I, сетует: «Города настолько привязаны к свободе и настолько заботятся о том, чтобы избежать высокомерия власти, что почти все они отбросили всякую другую власть и управляются своими собственными магистратами, так что вся эта страна теперь заполнена свободными городами, большинство из которых заставили епископов проживать в своих стенах, и едва ли найдется какой-либо дворянин, каким бы великим он ни был, который не подчинялся бы законам и правительству какого-либо города». В другом месте тот же автор отмечает, что маркиз Монферратский был почти единственным бароном, который сохранил свою независимость и не подчинился законам ни одного города. Города Италии были свободными до установления феодального господства и не зависели, как в других местах, от привилегий, которые барон мог по своему усмотрению терпеть, а монарх — создавать.

ИТАЛЬЯНСКИЙ БАРОН, XV ВЕК

Принятие территориальной аристократии в ассоциацию горожан, если сначала и придавало силу и возвышало эти общины, то с другой стороны подвергало их опасности попасть под аристократическое влияние. Великие дворяне строили дворцы в этих городах; эти дворцы становились феодальными крепостями в центре городов. В сопровождении вооруженных слуг со своих поместий они укрепляли свои особняки и во многих случаях управляли городом с помощью этих военных крепостей. Граждане не только терпели, но и поощряли это ради силы, которую слуги этих дворян приносили в их военные силы. В войнах, в которых они часто участвовали друг с другом, для одного из этих городов было не мало важно иметь под своим командованием вассалов великого лорда. Присутствие такой аристократии, участвовавшей во всех советах общины, незаметно разрушило сам принцип республиканского равенства. Вельможа, который жил в своем феодальном замке, возвышающемся над улицами города, который был хозяином немалой части их армии и который привносил в их собрание влияние как богатства, так и власти, с большой

вероятностью мог стать, когда возникала какая-либо чрезвычайная ситуация, защитником вместо защищаемого — хозяином вместо подданного государства.

[1300-1531 гг. н.э.]

По мере того как города попадали под власть князей, число этих князей быстро сокращалось. Более могущественные господа подчиняли себе более слабых. Власть, сначала ограниченная одним городом, вскоре охватила районы, включавшие в себя многие города. Герцогство Миланское, учрежденное императором в пользу Висконти, представляло собой суверенитет, распространявшийся на всю Миланскую область. Алессандро Медичи, герцог Флорентийский, вскоре объединил этот титул с более высоким, который давал ему право на великое герцогство Тосканских государств.

Компании приключений

С подчинением городов тиранам стало обычным явлением нанимать наемные войска. Боясь доверять гражданскому ополчению, эти мелкие феодалы нанимали отряды наемников, которые под названием «компании приключений» продавали свои мечи и услуги любому, кто был готов им заплатить. Императоры, посещая города, обычно привозили с собой немецких гвардейцев, которым часто не требовалось возвращаться со своим господином на родину. Эти люди были слишком рады принять любую службу, которая позволяла им остаться в богатой стране с роскошным климатом, куда они приехали. Граждане даже свободных городов были польщены странным аргументом, который находил оправдание найму наемников в философском размышлении о том, что гражданин, таким образом уклонившийся от военной службы, своим вниманием к собственному делу вносил гораздо больший вклад в богатство и, следовательно, в величие общины, чем он мог бы сделать в военной профессии. Аргумент был ложно-убедительным. Он был бы верным, если бы общественный дух и патриотизм не составляли часть достоинства государства. С этой роковой привычкой заменять национальную милицию наемниками ушло величие итальянских городов. Милан сильно деградировал со времен Легнано, когда наемная жестокость наемников заменила энтузиазм его собственной свободной молодежи; и под его некогда гордыми знаменами «компания авантюристов» заняла место «компании смерти».¹

Висконти и Делла Скала пригласили многие из этих компаний в Германию, полагая, что эти люди, не понимавшие языка страны, не связанные с ней никакими узами и не подверженные никаким политическим страстям, будут их лучшими защитниками. Они оказались готовыми выполнять самые варварские приказы и в награду требовали только наслаждений неумеренной чувственности.

Но ломбардские тираны ошибались, полагая, что немецкий солдат никогда не будет жаждать власти для себя и будет продолжать злоупотреблять правом сильнейшего только в интересах других. Эти авантюристы вскоре обнаружили, что лучше вести войну и грабить народ для собственной выгоды, не деля добычу с хозяином. Некоторые высокопоставленные лица, служившие в Италии в качестве *кондотьеров* (наемных капитанов), предложили своим солдатам последовать за ними, вести войну со всем миром и делить добычу между собой (). Первая компания, сформированная итальянским дворянином в тот момент, когда Висконти уволили своих солдат, заключив мир со своими противниками, внезапно напала на Милан в надежде разграбить этот великий город, но была почти полностью уничтожена в сражении, которое произошло в Парабиаго 20 февраля 1339 года. Немецкий герцог, известный только по своему христианскому имени Вернер и надписи на груди «враг Бога, сострадания и милосердия», в 1343 году создал другое

объединение, которое долгое время существовало под названием «Великая компания». Оно поочередно поступало на службу к князьям, а когда те заключали мир, продолжало свои грабежи и разбои для собственной выгоды. Герцог Вернер и его преемники — граф Ландо, немец, и монах Мориале, рыцарь Святого Иоанна — опустошали Италию от Монферрата до самых границ Неаполитанского королевства. Они собирали дань, угрожая сжечь дома и урожай или подвергая пленников самым ужасным пыткам. Провинции Апулии были, прежде всего, преданы их разорению, а король и королева Неаполя не предприняли ни одной попытки защитить свой народ.

[1339-1359 гг. н.э.]

В Ломбардии осталось не более шести независимых князей. Висконти, господа Милана, узурпировали всю центральную часть этой провинции; западная часть принадлежала маркизу Монферрату, а восточная — Делла Скала, господам Вероны, Каррара из Падуи, Эсте из Феррары и Гонзага из Мантуи. Эти более слабые князья чувствовали себя в опасности и создали союз против Висконти, наняв на свою службу Великую компанию; но, обманутые и ограбленные ею, они понесли большее зло, чем причинили своим врагам. Когда, наконец, деньги союза иссякли и он не мог больше платить компании, эта банда разбойников перешла на службу республике Сиена, чтобы разграбить Перуджу, к которой сиенцы питали глубокую зависть. Но флорентийцы не согласились впустить их в Тоскану, где их грабежи уже были ощутимы. Они закрыли все перевалы Апеннин, вооружили горцев и нанесли этим авантюристам первое поражение при переходе Скалелла 24 июля 1358 года, вынудив их отступить в Романью. Легат Альборнос, чтобы избавиться от таких гостей, в следующем году впустил их в Перуджу. Никогда еще эта компания не была столь блестящей и грозной; она взимала дань как с Сиены, так и с Перуджи, но месть и алчность одинаково возбуждали их против флорентийцев. Они решили ограбить богатых купцов, которых считали далеко не воинственными, или заставить их выкупить себя.

Маркиз Монферратский, желая взять компанию на свою службу, через своих послов настаивал на том, чтобы республика Флоренция поступила так, как всегда поступали величайшие правители, — заплатила бандитам, чтобы избавиться от них. Он предложил себя в качестве посредника и гаранта и пообещал быстрое и недорогое избавление от них, но Флорентийская республика заявила, что не подчинится столь низкому требованию, собрала чисто итальянскую армию и поставила ее под командование итальянского капитана, которому было приказано выдвинуться к границе и предложить отряду сражение. Разбойники уступили перед твердостью республики; они обошли флорентийскую границу через Сиену, Пизу и Лукку, постоянно угрожая, но так и не осмелившись ее нарушить. 12 июля 1359 года они послали флорентийскому полководцу вызов на бой, но впоследствии не явились на назначенное место встречи. В конце концов они бежали из Тосканы, не вступив в бой, и разделились, поступившись на службу к разным князьям, униженные, но слишком привыкшие к этой беспорядочной жизни, чтобы не стремиться начать ее заново.

Флоренция под угрозой Висконти

[1328-1352 гг. н.э.]

С момента изгнания герцога Афинского республика Флоренция постоянно была занята защитой от амбиций Висконти, которые угрожали порабощением всей Италии. Аццо Висконти, сын Галеаццо, который был так вероломно использован Людвигом Баварским, в

1328 году купил у императора город Милан и вскоре после этого стал властелином десяти других городов Ломбардии; но он внезапно умер на пике своего процветания 16 августа 1339 года. Поскольку он не оставил детей, его дядя Лукино унаследовал его власть. Лукино был вероломным и жестоким, но умным человеком и обладал наследственным талантом Висконти в военном деле. Его называли любителем справедливости, вероятно потому, что он с чрезмерной жестокостью наказывал преступников и поддерживал в своих государствах идеальный порядок с помощью террора. Он умер, отравленный своей женой, 23 января 1349 года. Его брат Джон, архиепископ Милана, унаследовал его власть. Последний оказался хозяином шестнадцати крупнейших городов Ломбардии — городов, которые в предыдущем столетии были столькими свободными и процветающими республиками. Его амбиции постоянно стремились к более обширным завоеваниям, и 16 октября 1350 года он заключил с братьями Пеполи договор о передаче ему Болоньи.

БЕНИТЬЕ, СОБОР СИЕНЫ

Эти дворяне, узурпировавшие власть в своей стране, в то время были вовлечены в спор с легатом Гилом Альборносом, который утверждал, что Болонья принадлежит Святому Престолу. Архиепископ уже рассматривался папой как враг и предпочел еще больше разжечь его гнев, чем отказаться от столь важного приобретения. Когда Климент VI вызвал его для дачи объяснений в суд Авиньона, он ответил, что явится туда во главе двенадцати тысяч всадников и шести тысяч пехотинцев. Папа, встревоженный, уступил ему феодал Болоньи 5 мая 1352 года на условии получения от него ежегодной дани в размере 12 000 флоринов. Флоренция с ужасом наблюдала, как этот город, который так долго был ее самым могущественным и верным союзником, город литературы, торговли и свободы, переходил под иго тирана, который также имел виды на ее свободу, который расставлял вокруг нее ловушки, который заключал против нее союзы со всеми мелкими тиранами Романьи и всеми гибеллинами Апеннин. Она была с ним в мире, это правда, но она хорошо знала, что Висконти не считали себя связанными каким-либо договором и не держали никаких обещаний.

Число свободных городов постоянно уменьшалось. Пиза все еще была свободна, но из-за привязанности к гибеллинам заключила союз с Висконти. Сиена и Перуджа также были свободны, но слабы и ревнивы; их постоянно беспокоили внутренние распри. Флорентийцы не могли рассчитывать на них. В конце лета 1351 года миланский архиепископ внезапно приказал Джованни Висконти да Оллеггио, своему лейтенанту в Болонье, без объявления войны вторгнуться в Тоскану во главе грозной армии. Республика не имела союзников и могла лишь в незначительной степени полагаться на наемников, находившихся на ее службе; но флорентийцы, которые не отличались храбростью на открытом поле, упорно защищались за стенами; и большая деревня Скарперия в Муджелло, хотя и была так плохо укреплена, что стены многих домов служили вместо окружной стены, и имела гарнизон всего из двухсот кирасиров и трехсот пехотинцев, удерживала миланского генерала шестьдесят один день. В конце концов, 16 октября он был вынужден отступить в Болонью.

Можно было бы подумать, что республики Венеция и Генуя были естественными союзниками, к которым флорентийцы должны были обратиться для общей защиты. Их интересы были одинаковыми, а Висконти решили не допускать существования в Италии ни одного свободного государства, чтобы их подданные не узнали, что существует правительство, лучшее, чем их собственное. К несчастью, эти две республики, раздраженные торговыми спорами на Востоке, в то время вели упорную войну друг с другом.

Генуя пожертвовала своей свободой ради жажды мести; хотя республика и не предоставила синьорию архиепископу Висконти без наложения условий, она вскоре убедилась, что клятвы не имеют силы для прелата и тирана. Свобода Венеции также находилась в крайней опасности из-за последствий той же войны.

Хотя война морских республик лишила Флоренцию помощи Венеции или Генуи, она по крайней мере отвлекла внимание Джованни Висконти, заставила его направить свои усилия в другое русло и обеспечила Тоскане некоторое спокойствие. Он умер 5 октября 1354 года, не успев возобновить свои нападения, и его три племянника, сыновья его брата Стефана, договорились совместно наследовать его. Старший, который проявлял меньше таланта к управлению и больше чувственности и порочности, чем его братья, был отравлен ими в следующем году. Двое выживших, Барнабо и Галеаццо, разделили между собой Ломбардию, сохранив равные права на Милан и в правительстве. Их родственник Висконти да Олеггио, который был их лейтенантом в Болонье, провозгласил себя независимым в этом городе почти в то же время, когда генуэзцы, возмущенные нарушением всех их соглашений, подняли восстание 15 ноября 1356 года, изгнали миланский гарнизон и вновь обрели свободу.

Карл IV в Италии

Вступление Карла IV в Тоскану также послужило благоприятным отвлекающим маневром, приостановив планы Висконти против флорентийцев, но обошлось им в сто тысяч флоринов, которые они согласились выплатить Карлу по договору от 12 марта 1355 года, чтобы выкупить его права на их город и получить его обещание нигде не вступать на флорентийскую территорию. Республики Пиза и Сиена, которые приняли его в своих стенах, заплатили еще дороже за гостеприимство, которое они ему оказали. Император поощрял недовольных в обоих городах; помог им свергнуть существующие правительства; он надеялся таким образом превратить эти республики в маленькие княжества, которые он намеревался передать в качестве апанажа своему брату, патриарху Аквилеи; но после того, как он привел к гибели своих сторонников, после того, как он приказал или разрешил казнь бывших магистратов, которые не были виновны ни в каких преступлениях, народные восстания заставили его покинуть оба города, не сохранив ни малейшего влияния ни в одном из них. После того как он покинул Италию, Висконти были вовлечены в войну, о которой мы уже упоминали, против маркизов Эсте, Монферрато, Делла Скала, Гонзага и Каррара. Осада Павии и разорение Великой компании исчерпали их ресурсы, но не заставили их отказаться от своих планов в Тоскане. Влияние, которое они сохранили в республике Пиза как главы гибеллиновской партии, казалось, способствовало осуществлению их планов.

Пиза, утратившая свою морскую мощь и владения на Сардинии, не утратила своего воинственного характера; она по-прежнему оставалась государством в Италии, где граждане были наиболее опытны в обращении с оружием и проявляли наибольшую храбрость. Она доказала это, завоевав под глазом флорентийцев город Лукку, который по-прежнему удерживала. Тем не менее, после заключения мира герцогом Афинским 14 октября 1342 года коммерческие интересы примирили две республики. Флорентийцы добились полного освобождения от всех пошлин в порту Пизы, открыли там свои конторы и привлекли туда богатую торговлю. С того времени в Пизенской республике преобладала демократическая партия, во главе которой стоял богатый купец по имени Франческо Гамбакорта, примкнувший к флорентийцам и выступавший за поддержание мира. Его партия называлась партией Берголини, а партия великих гибеллиновских семей, примкнувших к графам Ла Герардеска, которые презирали торговлю и разжигали войну, называлась партией Распанти. Висконти стремились к союзу с последними; им казалось, что еще не наступил момент, когда они могли бы взять на себя власть над всей Тосканой. Для их нынешних целей было достаточно истощить Флорентийскую республику войной, которая нарушила бы ее торговлю, ослабить дух свободы и энергию пизанцев, подчинив их власти аристократии, в надежде, что, как только они перестанут быть свободными и подчинятся внутреннему тирану, они скоро предпочтут великого князя малому и бросятся в его объятия. Революция, которая в 1355 году благоприятствовала императору в восстановлении власти Распанти, облегчила реализацию этого проекта.

В соответствии с этой точкой зрения, партия Распанти по предложению Висконти в 1357 году начала мешать флорентийцам пользоваться привилегиями, обеспеченными им в Пизе мирным договором. Флорентийцы, догадавшись о замысле ломбардского тирана, вместо того чтобы защищать свои права оружием, решили преодолеть нездоровый климат и подчиниться неудобствам более длинных и худших дорог, перенеся все свои конторы в Теламоне, порт в Маремме Сиены. До 1361 года они продолжали презирать все оскорбления пизанцев, а также отвергать все их предложения о примирении; в конце концов, вражда с обеих сторон усилилась, и в 1362 году разразилась война. Висконти снабжали пизанцев солдатами. В этот период Франция была разорена войной с англичанами, и поскольку правители редко были в состоянии оплачивать свои войска, то, как и в Италии, образовались отряды наемников — англичан, гасконцев и французов, которые жили за счет страны, грабя ее с крайней жестокостью. Бретиньский мир позволил нескольким из этих компаний перебраться в Италию; они принесли с собой чуму, которая в 1361 году нанесла не меньший ущерб, чем в 1348 году. Английская компания под командованием Джона Хоуквуда, авантюриста, прославившегося в Италии, была отправлена в Пизу Барнабо Висконти. После различных успехов обе республики, наконец измученные чумой, а также алчностью и отсутствием дисциплины наемников, которых они наняли, заключили мир 17 августа 1364 года. Но цель Висконти была достигнута не менее успешно (). Пизанцы, исчерпав свои ресурсы, не могли выплатить последний платеж в тридцать тысяч флоринов своей армии; они были вынуждены принять предложение одного из своих сограждан, Джованни Аньелло, о предоставлении этой суммы на условиях, что он будет назначен дожем Пизы. Деньги для этой цели были тайно предоставлены Барнабо Висконти, которому Аньелло пообещал никогда не считать себя более чем его лейтенантом в Пизе. Таким образом, поле, удобренное свободой, становилось все более ограниченным, и Флоренция, всегда находившаяся под угрозой тиранов Ломбардии, видела вокруг себя только тех, кто отчуждался от своей свободы и больше не имел ничего общего с республикой.

Главные магистраты Флорентийской республики не могли скрывать от себя опасность, которая теперь угрожала свободе Италии. Они оказались в окружении, как бы блокированные тиранами, которые ежедневно делали новые успехи. Два брата Висконти, владыки Ломбардии, располагали огромным богатством и многочисленными армиями, а их амбиции были ненасытны. Они были связаны брачными узами с двумя домами Франции и Англии; их интриги распространялись по всей Италии, и каждый тиран находился под их покровительством. В то же время их собственные подданные трепетали от ужасных жестокостей. Они беззастенчиво издали указ, согласно которому казнь государственных преступников продлевалась до сорока дней. В нем подробно описывались конкретные пытки, которые должны были применяться день за днем, и указывались части тела, подлежащие калечению, прежде чем наступит смерть. С другой стороны, их финансы были в порядке; они щедро вознаграждали своих сторонников и переманивали предателей во всех враждебных им государствах. Они выплачивали пенсию капитану каждой роты наемников при условии, что он обязуется вернуться на их службу, когда его вызовут. Между тем эти капитаны со своими солдатами в перерывах между войнами захватывали, грабили и истощали Италию, доведив страну до такого состояния, что она была неспособна сопротивляться новым нападениям. Все гибеллины, все дворяне, сохранившие свою независимость в Апеннинах, были союзниками Висконти. Продвижение этих узурпаторов было медленным, но, казалось, неизбежным. Было предсказуемо, что наступит момент, когда Тоскана станет их, как и Ломбардия, особенно учитывая, что Флоренция не могла рассчитывать на помощь ни от Генуи, ни от Венеции. Эти две морские республики, казалось, ушли из Италии и поставили все свое существование на карту в далеких регионах, освоенных их торговлей.

ФЛОРЕНТИЕЦ, XIV ВЕК

На мгновение немногие итальянские государства, еще остававшиеся свободными, были склонены верить, что помощь, столь необходимая им для сопротивления Висконти,

прибудет как из Франции, так и из Германии. Папа и император объявили о своем решении освободить страну, над которой они провозгласили свое верховное право, от всякого ига. Урбан V, тронутый жалобами христианского мира (), заявил, что его долг как епископа Рима — вернуться и жить там; а Карл IV пообещал освободить свою Римскую империю от разорения, причиненного авантюристами, и от узурпации ломбардских тиранов. В 1367 году Урбан вернулся в Италию и в том же году заключил союз с императором, королем Венгрии, лордами Падуи, Феррары и Мантуи, а также с королевой Неаполя против Висконти. Но когда Карл вступил в Италию 5 мая 1368 года, он думал только о том, как воспользоваться страхом, который он внушал Висконти, чтобы получить от них большие суммы денег, в обмен на что он даровал им мир. Затем он продолжил свой поход по полуострову, не имея иной цели, кроме сбора денег.

[1367-1370 гг. н.э.]

Однако его присутствие привело к некоторым изменениям, благоприятным для свободы. 7 сентября в Лукке для него был подготовлен праздник, в который он намеревался подтвердить своей инвеститурой суверенитет дожа Джованни Аньелло над Пизой и Луккой. Но сцена, на которую поднялся Аньелло, обрушилась, и он сломал ногу. Пизанцы воспользовались этим несчастным случаем, чтобы вернуть себе свободу, а император оставил Лукку себе. В Сиене он поддержал революцию, которая свергла правящую аристократию, намереваясь по возвращении в этот город после паломничества в Рим воспользоваться беспорядками и добиться своего назначения в синьорию, но 18 января 1369 года против него вспыхнуло восстание. Со всех сторон были возведены баррикады; его охрана была отделена от него и разоружена; его дворец был взломан. Конечно, на его жизнь не было покушения, но он был оставлен один на несколько часов на публичной площади, обращаясь по очереди к вооруженным войскам, которые закрывали входы на все улицы и которые, неподвижные и молчаливые, оставались невосприимчивыми ко всем его мольбам. Только когда он начал страдать от голода, ему вернули его экипаж и разрешили покинуть город. Он вернулся в Лукку, где уже жил во времена своего отца, будучи королевским принцем Богемии. Луккские жители были привязаны к нему и возлагали на него последнюю надежду на освобождение от иностранного ига, которое давило на них с 1314 года. Они заявили о своей готовности пойти на самые большие жертвы ради восстановления своей свободы и в то же время проявили к нему такое доверие и привязанность, что это тронуло его сердце. Указом от 6 апреля 1369 года Карл восстановил их свободу и предоставил им различные привилегии, но, покидая их город, он оставил в нем немецкий гарнизон с приказом не покидать город, пока жители Лукки не заплатят цену за свою свободу. Только в апреле 1370 года, и не без помощи Флоренции и других союзников, они смогли выплатить огромную сумму в триста тысяч флоринов, цену восстановления своей республики. Изгнанные гвельфы были немедленно возвращены; был заключен тесный союз с Флоренцией; и была восстановлена синьория, состоящая из гонфалоньера и десяти *анзиани*, которые менялись каждые два месяца.

Урбан V по прибытии в Италию также попытался противостоять узурпации Висконти, которые только что захватили Сан-Миниато в Тоскане и которые даже в государствах церкви становились более могущественными, чем сам папа. Из двух братьев Барнабо Висконти доставлял ему больше хлопот своими интригами. Урбан прибег к булле об отлучении от церкви и послал двух легатов, чтобы доставить ее Барнабо, но тот заставил их съесть в его присутствии пергамент, на котором была написана булла, вместе со свинцовыми печатями и шелковыми лентами. Папа, испугавшись мысли о борьбе с людьми, которые, казалось, не уважали религию, и, кроме того, устав от своих неудач, был рад

вернуться в покой Авиньона, куда он прибыл в сентябре 1370 года и умер в ноябре того же года.

«Война за освобождение»

[1370-1377 гг. н.э.]

Григорий XI, который сменил его, был амбициозным, алчным и лживым. Он присоединился к флорентийцам в их войне против Висконти, но легаты, которым он доверил управление церковными государствами и которые сделали себя ненавистными своей алчностью и безнравственностью, разработали план захвата Тосканы, которую они обязались защищать. Все войска флорентийцев были поставлены в их распоряжение с целью ведения войны в Ломбардии. Кардинал-легат, командовавший объединенной армией, проживал в Болонье, которую церковь спасла из рук Висконти да Олеггио 31 марта 1360 года. В июне 1375 года он подписал перемирие с Барнабо Висконти и, прежде чем флорентийцы успели отозвать своих солдат, послал Джона Хоуквуда с грозной армией, чтобы заставить Флоренцию врасплох. Флорентийцы, возмущенные таким бесстыдным нарушением добросовестности со стороны церкви, верными союзниками которой они всегда были, поклялись отомстить римской курии. Они решили пробудить дух свободы в каждом принадлежащем ей городе и изгнать французских легатов, более ненавистных и вероломных, чем самые отвратительные итальянские тираны. В июне 1375 года, не доверяя Барнабо Висконти, они заключили с ним союз против священников, которые только что обманули их, дав самые торжественные клятвы. Они приняли в этот союз республики Сиена, Лукка и Пиза; сформировали комиссию из восьми человек для управления военным ведомством, названную «восьмеркой войны»; собрали многочисленную армию и дали ей знамя, на котором золотыми буквами было написано слово «Свобода!». Эта армия вторглась в государства церкви, провозгласив, что флорентийцы ничего не требуют для себя, что они не только не будут совершать завоеваний, но и не будут принимать власть над народами, которые могут им предложить; они желают только всеобщей свободы и будут со всей своей мощью помогать угнетенным, стремясь к восстановлению их свободы.

Армия свободы с невероятной быстротой понесла революцию во все государства церкви; за десять дней восемьдесят городов и поселков сбросили иго легатов. Большинство из них провозгласили себя республиками; некоторые вернули древние княжеские семьи, изгнанные Гильем Альборносом, к которым они были привязаны наследственной привязанностью. Болонья осуществила свою революцию только 20 марта 1376 года. Эта древняя республика, восстановив свою свободу, поклялась в верности флорентийцам, которым она была обязана восстановлением своей свободы. Легаты, вне себя от ярости, пытались удержать народ с помощью террора. 29 марта 1376 года Джон Хоуквуд подверг Фаэнцу ужасающей военной казни: четыре тысячи человек были казнены, имущество разграблено, а женщины изнасилованы. Папа, не удовлетворившись такой жестокостью, послал в Италию другого кардинала-легата, Роберта Женевского, с бретонской компанией авантюристов, считавшихся самыми жестокими из всех, кто был обучен грабежам в ходе войн во Франции. Новый легат 1 февраля 1377 года обращался с Чезеной еще более жестоко. Во время массовых убийств его слышали кричащим: «Я хочу еще крови — убивайте всех — кровь, кровь!» Григорий XI наконец почувствовал необходимость вернуться в Италию (), чтобы успокоить всеобщее восстание. Он въехал в Рим 17 января 1377 года, хотя флорентийцы, которые послали знамя свободы сенаторам и знаменосцам Рима и заключили союз с римлянами, протестовали против опасности, которой они подвергались, если впустят понтифика в свои стены.

Однако обе стороны начали одинаково уставать от войны. Некоторые из городов, освобожденных флорентийцами, уже вышли из лиги. 21 августа 1377 года болонцы заключили отдельный мир с папой, который согласился признать их республику. Барнабо Висконти вел тайные переговоры со Святым Престолом, в ходе которых он предложил пожертвовать церкви своего союзника, республику Флоренцию. Затем эту республику заставили дать согласие на открытие конгресса по восстановлению мира в Италии, который должен был состояться в Сарцане в начале 1378 года; председателем конгресса был назначен Барнабо Висконти. Конференция едва началась, как флорентийцы с большим возмущением, чем удивлением, поняли, что ломбардский тиран, который сражался вместе с ними, намеревался заставить их оплатить ему и папе все расходы войны. Переговоры приняли самый тревожный оборот, когда 27 марта 1378 года пришла неожиданная весть о смерти Григория XI, и конгресс распался, не приняв никакого решения. Начавшийся год был обречен принести с собой важнейшие революции по всей Италии. На фоне этих потрясений мир между Флоренцией и Римским двором, ослабленным великим западным расколом, было нетрудно достичь.

Папский раскол

Папский престол был перенесен во Францию в 1305 году. Его изгнание из Италии длилось семьдесят три года. Христианский мир, за исключением Франции, считал это скандалом, но французские короли надеялись таким образом удержать пап в своей зависимости, а французские кардиналы, составлявшие более трех четвертей Священного колледжа, казались решительно настроенными сохранить папскую власть в своей стране. Однако их намерения были сорваны смертью Григория XI в Риме, поскольку конклав всегда должен собираться там, где умирает последний понтифик. Возмущение римлян и проявление мнения всего христианского мира не остались без влияния на конклав. 8 апреля 1378 года он избрал не римлянина, которого требовал народ, а итальянца Бартоломео Приньани, который, прожив долго во Франции, казался способным примирить предубеждения обеих сторон. Он считался ученым и набожным. Однако кардиналы не учли развития страстей, которые иногда вызывает внезапное возвышение, а также степени нетерпеливости, высокомерия и раздражительности, на которые способен человек, неожиданно ставший господином, хотя в более низком положении он казался мягким и скромным. Новый папа, принявший имя Урбан VI, стал настолько жестоким и деспотичным, настолько уверенным в себе и настолько презрительным по отношению к другим, что вскоре поссорился со всеми кардиналами. Они покинули его, вновь собрались в Фонди и 9 августа объявили Святой престол вакантным, утверждая, что их предыдущее избрание было недействительным, поскольку оно было вызвано страхом перед римлянами.

В результате 20 сентября они избрали другого папу. Их выбор, не лучший, чем предыдущий, пал на Роберта, кардинала Женевы, который руководил массовым убийством в Чезена; он принял имя Климента VII. Его защищала королева Джоанна, с которой Урбан уже поссорился. Климент основал свой двор в Неаполе, но восстание народа заставило его покинуть его в следующем году и вернуться со своими кардиналами в Авиньон. Тем временем Урбан VI отстранил от должности всех кардиналов, избравших Климента, как схизматов, и заменил их новым, более многочисленным коллегиям, но с ними он ладил не лучше, чем с их предшественниками. Он обвинил их в заговоре против него; он приказал подвергнуть многих пыткам в его присутствии, пока он читал свой бревиарий; он приказал бросить других в море в мешках и утопить; он поссорился с римлянами и новым правителем

Неаполя, которого он сам назначил; он демонстрировал свою неспособность и ярость по всей Италии и, наконец, укрылся в Генуе, где и умер 9 ноября 1389 года. Кардиналы, признававшие его, назначили преемника после его смерти, как это сделали французские кардиналы после смерти Климента VII, которая произошла 16 сентября 1394 года. Таким образом, церковь оказалась разделенной между двумя папами и двумя коллегиями кардиналов, которые взаимно анафематствовали друг друга. В то время как католическая вера была таким образом потрясена, светская власть папы, основанная завоеваниями кардинала Альборноса, была свергнута. Некоторые города, освобожденные флорентийцами в войне за свободу, сохранили республиканскую форму правления, но большинство, особенно в Романье, вновь попали под гнет мелких тиранов.

Итальянский солдат, XIV век

[1378-1394 гг. н. э.]

Ужас, в котором дом Висконти держал Флоренцию и другие итальянские республики, начал постепенно стихать. Постаревший Барнабо разделил города своих владений между своими многочисленными детьми. Его брат Галеаццо умер 4 августа 1378 года, и его место занял его сын Джан Галеаццо, называемый графом де Вирту, по названию графства в Шампани, подаренного ему Карлом V, на сестре которого он женился. Барнабо охотно лишил бы своего племянника отцовского наследства, чтобы разделить его между своими детьми. Джан Галеаццо, который уже раскрыл несколько заговоров против себя, не высказывал никаких жалоб, но заперся в своем замке в Павии, где он обосновался. Он удвоил охрану и старался показать, что верит в то, что его окружают убийцы. В то же время он демонстрировал высочайшую преданность: он всегда молился, держа в руках четки и окруженный монахами; он говорил только о паломничествах и искупительных церемониях. Его дядя считал его малодушным и недостойным править. В начале мая 1385 года Джан Галеаццо послал Барнабо сообщение о том, что он дал обет совершить паломничество к Богородице Варезе, недалеко от озера Маджоре, и что он был бы рад видеть его по дороге. Барнабо согласился встретиться с ним недалеко от Милана в сопровождении своих двух сыновей. Джан Галеаццо прибыл, как обычно, в окружении многочисленной охраны. Он

делал вид, что пугается каждого резкого движения рядом с ним. Однако, встретив своего дядю 6 мая, он поспешно спешил и уважительно обнял его; но, держа его в объятиях, он сказал на немецком языке своим охранникам: «Ударьте!». Немцы схватили Барнабо, разоружили его и утащили вместе с двумя сыновьями на некоторое расстояние от его племянника. Джан Галеаццо несколько раз безуспешно пытался отравить своего дядю в тюрьме, куда он его бросил, но Барнабо, подозревая все предлагаемые ему блюда, был начеку и не поддавался этим неоднократным попыткам до 18 декабря того же года.

Джан Галеаццо Висконти

[1385-1386 гг.

Вся Ломбардия без труда подчинилась Джан Галеаццо. Его дядя никогда не вызывал у людей ни уважения, ни любви. Племянник не заслуживал этих чувств не меньше. Лживый и безжалостный, он сочетал в себе безграничную амбицию с гениальной предприимчивостью, а непоколебимую стойкость — с личной робостью, которую он не пытался скрывать. Малейшее неожиданное движение рядом с ним приводило его в приступ нервного ужаса. Ни один принц не нанимал столько солдат для охраны своего дворца и не принимал столь многочисленных мер предосторожности из-за недоверия. Он, казалось, признавал себя врагом всего мира. Но пороки тирании не ослабили его способности. Он использовал свое огромное богатство без расточительности; его финансы всегда процветали; его города были хорошо укреплены и снабжены продовольствием; его армия была хорошо оплачиваема; все капитаны-авантюристы, разбросанные по всей Италии, получали от него пенсии и были готовы вернуться на его службу, когда бы он ни позвал их. Он поощрял воинов новой итальянской школы; он хорошо умел различать, вознаграждать и завоевывать их привязанность. Многие молодые итальянцы, чтобы обучиться военному делу, с середины этого века вступали в немецкие, английские и французские войска, которые наводнили Италию; и они вскоре доказали, что итальянская доблесть, направляемая размышлениями и интеллектом высокоцивилизованной нации, которая довела свое оружие и тактику до совершенства, имела большое преимущество перед грубой храбростью варваров.

Альберик, граф Барбьяно, романолийский дворянин и предок князей Бельджойозо из Милана, сформировал роту под названием Святого Георгия, в которую принимал только итальянцев и которую в 1378 году поставил на службу Урбану VI. Эта рота разгромила в Понте Молле роту бретонцев, приданную Клименту VII и считавшуюся самой грозной из иностранных войск. С тех пор рота Святого Георгия стала настоящей школой военного искусства в Италии. Молодые люди, обладавшие мужеством, талантом или амбициями, стекались в нее со всех концов, и все капитаны, которые двадцать лет спустя достигли такой высокой славы, гордились тем, что служили в этой роте.

Как только Джан Галеаццо прочно утвердился на миланском троне, он возобновил свой проект по покорению остальной Италии; первыми, кто соблазнил его амбиции, стали два княжества: Делла Скала в Вероне и Каррара в Падуе. В начале века дом Ла Скала дал миру нескольких великих полководцев и способных политиков, но их преемники были изнеженными и порочными принцами, которые почти никогда не достигали власти, не избавившись от своих братьев с помощью яда или кинжала. Дом Каррара, напротив, гордившийся своей приверженностью партии гвельфов, дал миру принцев, которых можно было считать добродетельными по сравнению с другими тиранами Италии. Франческо да Каррара, который тогда правил, его сын и внук были мужественными людьми, наделенными большими способностями и умевшими завоевать любовь своих подданных. Венецианская республика () никогда не простила Карраре того, что он заключил союз

против нее с генуэзцами и королем Венгрии. После смерти последнего Венеция наняла Антонио делла Скала для нападения на Падую, предложив ему субсидии для помощи в завоевании этого государства. Каррара сделал все, что было в его силах, чтобы примириться со своим соседом, принцем, которого он в 1386 году неоднократно побеждал, а также с республикой, всегда готовой возместить убытки, понесенные господином Вероны. Не сумев добиться мира, он в конце концов был вынужден принять предложенный союз Джан Галеаццо Висконти, который 18 октября 1387 года захватил Верону. Вместо того чтобы вернуть Карраре город Виченцу, как он обещал, он немедленно предложил свою помощь венецианцам против Падуи; эта республика была достаточно неосторожна, чтобы принять это предложение. Падуя, долгое время находившаяся в осаде, была сдана Висконти 23 ноября 1388 года. Через несколько дней ему сдался Тревизо, так что границы владений миланского правителя простирались даже до края Лагуны. Едва он установил там свое знамя, как начал угрожать Венеции, которая так неразумно способствовала его завоеваниям.

[1386-1390 гг. н.э.]

Вся остальная Ломбардия зависела от миланского правителя. Маркиз Монферратский воспитывался при дворе Галеаццо, который управлял его государствами в качестве опекуна этого молодого принца. Альберт, маркиз д'Эсте, 26 марта 1388 года унаследовал от своего брата власть над Феррарой, в ущерб своему племяннику Обиццо, которого он приказал обезглавить вместе с его матерью. По совету Джан Галеаццо он казнил почти всех своих родственников, прибегая к различным отвратительным способам, чтобы сделать себя ненавистным народу и заставить правителя Феррары почувствовать, что у него нет другой опоры, кроме него. В соответствии с той же дьявольской политикой Джан Галеаццо обвинил жену правителя Мантуи, дочь Барнабо, свою двоюродную сестру и невестку, в преступной связи с секретарем ее мужа. Он подделал письма, в которых она выглядела виновной, спрятал их в ее квартире, а затем указал, где их можно найти, Франческо да Гонзага, который в приступе ярости приказал обезглавить ее, а секретаря подвергнуть пыткам, а затем казнить в 1390 году; только спустя много лет он узнал правду. Таким образом, все князья Ломбардии были либо покорены, либо дискредитированы за преступления, которые Висконти заставил их совершить и с помощью которых он удерживал их в своей зависимости; затем он начал обращать свое внимание на Тоскану. В 1388 и 1389 годах флорентийцы неоднократно были встревожены его попытками захватить Сиену, Пизу, Болонью, Сан-Миниато, Кортону и Перуджу; ни одна из попыток пока не увенчалась успехом, но Флоренция видела растущую опасность и хорошо понимала, что тиран еще не напал на нее только потому, что оставил ее для последнего завоевания.

Прибытие во Флоренцию Франческо II Каррара, который пришел предложить республике свои услуги и свою ненависть к Джан Галеаццо, побудило флорентийцев прибегнуть к оружию. Господин Милана, принимая капитуляцию Падуи, пообещал в качестве компенсации передать дом Каррара какой-нибудь другой суверенитет, но он либо отравил Франческо I, либо позволил ему погибнуть в тюрьме. Было предпринято несколько попыток убить Франческо II в провинции Асти, куда он был сослан. Несмотря на многочисленные опасности, он наконец сбежал и бежал в Тоскану, взяв с собой свою жену, которая в то время была нездорова. Он оставил ее там и отправился в Германию в надежде поднять новых врагов против Джан Галеаццо, в то время как флорентийцы заключили союз с болонцами против господина Милана () и поставили свою армию под командование Джона Хоуквуда, который с тех пор оставался на их службе. Каррара, поддержанный герцогом Баварии, зятем Барнабо, смерть которого герцог желал отомстить, 14 июня 1390 года вновь вошел в Падую

по руслу реки Brenta и был с восторгом встречен жителями, которые считали его скорее согражданином, чем господином. Он вернул себе все наследство своих предков.

[1390-1391 гг. н. э.]

Обширная торговля флорентийцев приучила их включать всю Европу в свои переговоры; и, поскольку они щедро тратили свое богатство на защиту своей свободы, им легко находились союзники за рубежом. Пригласив в 1390 году герцога Баварского из Германии, в следующем году они отправили во Францию графа д'Арманьяка с грозной армией; но и немцы, и французы с удивлением обнаружили, что они больше не могут справиться с новой итальянской милицией, которая заменила рутинные методы трансальпийских солдат военной наукой. 25 июля 1391 года Арманьяк был побежден и взят в плен Якопо дель Верме, а через несколько дней скончался. Джон Хоуквуд, который в надежде присоединиться к нему продвинулся далеко в Ломбардию с флорентийской армией, оказался в крайней опасности. ⁴ Он находился в самом сердце вражеской страны; перед ним были все силы Милана, победоносные и теперь значительно превосходящие его по численности, которые приближались, чтобы победить его, а сзади него были три большие реки, которые он не мог надеяться пересечь безнаказанно в их присутствии. Но уверенность, которую он испытывал в своих собственных способностях, ни в коей мере не покидала его. Оставаясь бездействующим за своими укреплениями, как будто парализованный страхом, до тех пор, пока миланцы, чья смелость и беспечность росли по мере того, как он покорно принимал их оскорбления, не потеряли бдительность, он внезапно напал на них с такой стремительностью, что разгромил их и захватил двенадцать сотен всадников. Добившись таким образом своей цели — внушить врагу уважение и удержать его от слишком близкого преследования, Хоуквуд начал мастерское отступление и переправился через Ольо и Минчо, прежде чем хоть один всадник Джан Галеаццо осмелился появиться на их берегах.

Но ему еще предстояло пересечь быструю реку Адидже, и задача была тем сложнее, что враг уже укрепился на дамбах, которые сдерживают воды этой реки в ее русле. Ломбардские равнины почти везде находятся на более низком уровне, чем пересекающие их реки, и только искусственные дамбы, между которыми стремительные потоки, спускающиеся с тающих альпийских снегов, безопасно направляются в море, защищают их от постоянных наводнений. Но когда эти дамбы прорываются или разрушаются, прилегающие равнины сразу же затопляются. Хоуквуд, достигнув низменности, известной как долина Вероны, обнаружил, что Адидже, По и Полезино находятся перед ним на севере, юге и западе, а Джакопо дель Верме висит у него на хвосте; и в этой ситуации враг внезапно прорвал дамбы Адидже и выпустил реку из ее русла на него. Низменность вокруг флорентийского лагеря была сразу же затоплена. Насколько хватало глаз, страна во всех направлениях, кроме одного, превратилась в огромное озеро, глубина которого с каждым часом увеличивалась; вода угрожала даже возвышенности, на которой располагалась армия; провизия начала заканчиваться; и Джакопо дель Верме, все силы которого охраняли единственный выход, послал трубачу лису, заключенную в клетку, английскому капитану. Хоуквуд принял этот насмешливый подарок с невозмутимым спокойствием и велел посланнику передать своему генералу, что его лиса не выглядит грустной и, без сомнения, знает, через какую дверцу она покинет клетку.

Лидер, менее смелый и изобретательный, чем Хоуквуд, мог бы отчаяться вырваться из сетей, но хитрый ветеран знал, как вдохновить своих солдат безграничным доверием к его руководству и воспользоваться их преданностью. Оставив свои палатки на месте, он тихо и смело повел свою кавалерию до рассвета по затопленной равнине в сторону Адидже; и, когда вода уже доходила до подпруг лошадей, он шел весь тот же день и всю следующую ночь вдоль дамб этой реки, пока не нашел место, где ее русло осталось сухим из-за ухода воды; и, наконец, перейдя его, дал отдых своим уставшим войскам на границе Падуи. Часть его пехоты погибла, и он потерял много людей и лошадей в грязи, каналах и канавах, опасность которых было невозможно различить среди общего наводнения; но армия лиги была спасена, и Джакопо дель Верме не осмелился преследовать ее рискованное отступление.¹

После этой кампании республика, чувствуя потребность в отдыхе, заключила мир с Галеаццо 28 января 1392 года, хорошо зная, что не может доверять ему и что этот договор не является гарантией от его интриг и вероломства.

Эти ожидания не оправдались, поскольку один заговор следовал за другим в быстрой последовательности. Флорентийцы в это время рассчитывали на дружбу пизанцев, которые поставили во главе своей республики Пьетро Гамбакорта, богатого купца, бывшего изгнанника из Флоренции, горячо приверженного миру и свободе; но он был стар и имел в качестве секретаря Якопо Аппиано, друга своего детства, который был почти его ровесником. Тем не менее Галеаццо нашел способ соблазнить секретаря; он подговорил его убить Гамбакорта и его детей 21 октября 1392 года. Аппиано, поддержанный соратниками, предоставленными ему герцогом Милана, стал правителем Пизы; но после его смерти его сын, который с трудом удерживал власть в городе, продал его Джан Галеаццо в феврале 1399 года, оставив за собой только княжество Пьомбино, которое он передал своим потомкам. В Перудже Пандольфо Бальоне, глава аристократической и гибеллинистской партии, в 1390 году поставил себя под покровительство Джан Галеаццо, который помог ему превратить предоставленную ему ограниченную власть в тиранию; но через три года он был убит, и республика Перуджа, раздираемая противоречиями противоборствующих фракций, была вынуждена сдаться Джан Галеаццо 21 января 1400 года.

Немцы с завистью наблюдали за постоянно растущим величием Висконти, которое, как им казалось, уничтожало права империи и иссушало источники дани, на раздел которой они всегда рассчитывали. Они надавили на Вацлава, чтобы он начал войну с Джан Галеаццо. Но этот ленивый и чувственный монарх, после нескольких угроз, дал понять, что за деньги он с удовольствием санкционирует узурпацию Джан Галеаццо; и действительно, 1 мая 1395 года он предоставил ему за сумму в 100 000 флоринов диплом, который утверждал его герцогом Милана и графом Павии, включая в эту инвеституру двадцать шесть городов и их территории вплоть до лагуны Венеции. Это были те же города, которые более трех веков назад подписали славный союз Ломбардии. Согласно императорской булле, герцогство Милан должно было перейти исключительно к законному наследнику Джан Галеаццо. Эта уступка Вацлава вызвала большое недовольство в Германии; она была одной из причин, по которым 20 августа 1400 года рейхстаг сместил императора и назначил вместо него курфюрстом Пфальца Роберта. Роберт заключил договор о субсидии с флорентийцами, или, вернее, поступил на их службу, чтобы противостоять Джан Галеаццо; но когда 21 октября 1401 года он встретил миланские войска под командованием Якопо дель Верме недалеко от Брешии, он с удивлением и огорчением обнаружил, насколько немецкая кавалерия уступала итальянской. От полного поражения его спас только Якопо да Каррара, который привел на

помощь отряд итальянской кавалерии. Роберт был вынужден с позором отступить в Германию, получив от флорентийцев огромную сумму денег.

Джан Галеаццо Висконти продолжил свою узурпацию. В 1397 году он одновременно напал на Франческо да Гонзага в Мантуе и на флорентийцев, не объявив им войны. После разорения Тосканы и территории Мантуи он согласился 11 мая 1398 года подписать под гарантией Венеции перемирие на десять лет, в течение которых он не должен был предпринимать никаких действий против Тосканы. Однако это не помешало ему в 1399 году взять под свою защиту графов Поппи и Убертини в Апеннинах, а также заставить республику Сиена сдаться ему 11 ноября того же года.^е

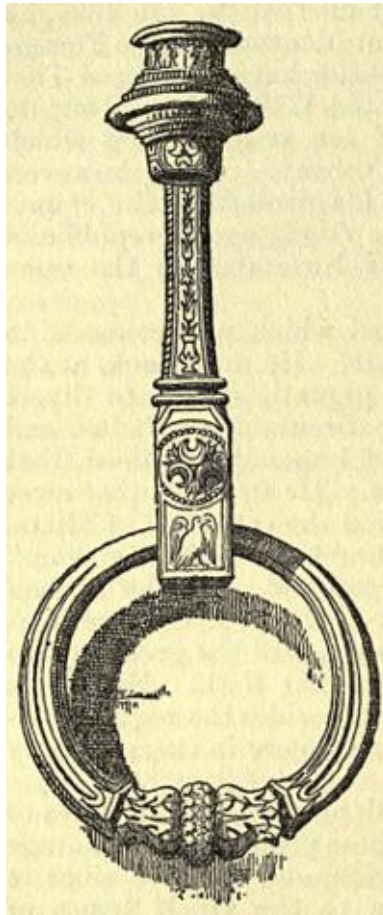
В Джан Галеаццо страсть к колоссальному, которая была присуща большинству деспотов, проявилась в наибольшей степени. Он взялся за строительство гигантских дамб стоимостью 300 000 золотых флоринов, чтобы в случае необходимости отвести реки Минчо от Мантуи и Брента от Падуи и таким образом лишить эти города защиты. Вполне возможно, что он подумывал даже об осушении лагун Венеции. Он основал самый замечательный из всех монастырей, Чертозу в Павии, и Миланский собор, «превосходящий по размерам и великолепию все церкви христианского мира». Дворец в Павии, который начал строить его отец Галеаццо, а он сам достроил, был, вероятно, самым великолепным из всех княжеских резиденций Европы. Туда он перенес свою знаменитую библиотеку и большую коллекцию реликвий святых, в которые он особо верил. Говорят, что все его территории за один год, помимо регулярного взноса в 1 200 000 золотых флоринов, заплатили ему не менее 800 000 дополнительных субсидий.^е

В Тоскане вновь разразилась чума, лишившая свободные государства всей оставшейся силы. Магистраты, на чью мудрость и мужество они полагались, за несколько дней пали жертвой заразы, оставив поле для маневра самым ничтожным интриганам. Так произошло в Лукке с гвельфским родом Гуиниги, который дал много выдающихся граждан, все из которых занимали высокие магистратские должности. Они погибли от этой болезни почти одновременно. , молодой человек из их семьи по имени Паоло Гуиниги, не отличавшийся ни талантом, ни характером, воспользовался этой бедой и 14 октября 1400 года узурпировал власть. Он немедленно отрекся от партии гвельфов, в которой был воспитан, и перешел под покровительство Джан Галеаццо. В Болонье главные магистраты республики также были сметены чумой.

Джованни Бентивольо, потомок внебрачного сына короля Энзио, долгое время находившегося в плену в Болонье, воспользовался упадком республики, чтобы 27 февраля 1401 года провозгласить себя верховным правителем. Сначала он думал поставить себя под покровительство герцога Милана, но Джан Галеаццо, жаждавший завладеть Болоньей, вместо того, чтобы принять его дружелюбно, в следующем году напал на него. Бентивольо был разгромлен при Казалеккьо 26 июня 1402 года. На следующий день его столица была взята миланским генералом, а сам он был взят в плен и через два дня казнен. Другой генерал Галеаццо в мае 1400 года захватил Ассизи; свобода Генуи, Перуджи, Сиены, Пизы, Лукки и Болоньи одна за другой пала жертвой узурпатора. Канчеллиери в горах Пистойи, Убальдини в горах Муджелло сдались герцогу Милана. Флорентийцы, лишившись связи с морем через территории Сиены, Пизы, Лукки и Болоньи, увидели, как иссякают источники их богатства и торговли. Республика никогда не была в такой непосредственной опасности, как тогда, когда на помощь ей пришла чума, которая еще более усугубила ее бедствия. Джан Галеаццо Висконти заболел ею в своем замке в Мариньяно, где он заперся, надеясь, что так он будет в безопасности от всякого общения с людьми. Он скончался от чумы 3 сентября 1402 года.^е

[1402-1412 гг. н.э.]

В своем завещании он разделил большую часть своих владений между двумя законными сыновьями: старшему, Джан Мария, он завещал герцогство Миланское, второму, Филиппо Мария, графство Павия, а Пиза, Сарцана и Крема были переданы его любимому внебрачному сыну Габриэлло Висконти.

ДЕРЖАТЕЛЬ ФАКЕЛА, ПАЛАЦЦО СТРОЦЦИ, ФЛОРЕНЦИЯ

Поскольку наследник герцогства едва достиг четырнадцатилетнего возраста, его отец доверил управление государством своей вдове Катерине, Франческо да Гонзага и главным командирам своих войск. Но поскольку эти наемники были заинтересованы только в собственном продвижении по службе, в Милане царила полная неразбериха, и герцогиня с сыном были вынуждены укрыться в цитадели. Давно забытые имена гвельфов и гибеллинов вновь зазвучали в Ломбардии, и в короткие сроки герцогство лишилось всех своих зависимых городов. Некоторые из них, конечно, сохранили номинальную подчиненность, но правители были слишком заняты своими собственными интересами, чтобы на них можно было полагаться, и папская армия без особого труда добилась возвращения Болоньи и Перуджи папе. Сиена восстала против герцогского наместника; Кремона отдалась Уголино Кавалькабо; Парма и Реджо были захвачены кондотьером Оттобуоно де Терци; Брешия — другим авантюристом, Пандольфо Малатеста. Верчелли, Новара и другие города Пьемонта попали в руки маркизов Монферрата и Салуццо. Верона, после упорного сопротивления, сдалась Франческо да Каррара; а Виченца избежала его власти, будучи уступлена вместе с Фельтре и Беллуно венецианцам. Помимо этих тяжелых потерь, внутренние распри усугубили несчастья Милана; и ожесточенная ссора между

герцогиней и ее сыном закончилась ее заключением в тюрьму и смертью. Тем временем пламя распространилось на Павию, и молодой граф Филиппо был заключен в темницу. Власть бастарда Габриэлло над Пизой и Сарцаной была недолгой, и он был вынужден продать первый город флорентийцам, что вызвало большое возмущение его граждан.

[1412-1432 гг. н.э.]

Среди этих бедствий молодой герцог, быстро достигавший совершеннолетия, проявил жестокость и грубость характера, что оттолкнуло от него последних сторонников. Одним из его любимых развлечений было наблюдать, как его хорошо дрессированные гончие разрывают на куски тех подданных, которые вызывали его недовольство, и его неоднократные жестокости стали невыносимыми. В конце концов был организован заговор с целью его уничтожения, и во время мессы в церкви Святого Готарда он был убит двумя ударами. После его убийства разгорелась борьба между его братом Филиппо Мария и Асторре, внебрачным сыном Барнабо Висконти, чья бесстрашность принесла ему прозвище «солдат без страха». Однако его попытки сместить законного наследника оказались тщетными; во время обороны цитадели Монцы его нога была раздроблена камнем, и его смерть, наступившая сразу же после этого, оставила Филиппо Мария бесспорным владельцем жалких остатков некогда обширного герцогства его отца (1412).

Филиппо Мария Висконти

Новому герцогу посчастливилось сохранить в своих рядах Франческо Буссоне, прозванного Карманьолой, и благодаря умению и доблести этого прославленного полководца многие из утраченных территорий Милана были быстро отвоеваны. Бергамо, Пьяченца, Комо и Лоди вновь были присоединены к герцогству; Кремона, Парма, Брешия, Крема и Асти вновь подчинились, а Генуя сдалась перед оружием Карманьолы. За эти выдающиеся заслуги герцог наградил его богатством и почестями, выдал замуж за одного из своих родных дочерей и даже усыновил его, дав ему имя Франческо Висконти, чтобы тот стал его преемником в герцогстве.

Однако его заслуженные трофеи не долго оставались в руках доблестного Карманьолы. Каждый день доказывал ему, что, достигнув вершины благосклонности своего повелителя, изменчивость или ревность герцога не позволяли ему рассчитывать на продолжение его внимания. Не имея возможности выяснить причину своего опаления, он оказался лишенным командования и даже исключенным из герцогского окружения; и он с негодованием покинул двор Милана, объявив месть неблагодарному Филиппо. Поскольку Венеция теперь была в союзе с Флоренцией и некоторыми менее значительными государствами, чтобы сдержать растущую мощь герцога, Карманьола предложил свои услуги венецианскому правительству и был назначен командующим союзной армией. Захват Брешии и других значительных городов вскоре привел герцога в тревожное положение, и он был счастлив купить передышку от этой губительной войны, уступив Венеции Бергамо и большую часть Кремоны. Но удача Карманьолы покинула его в новой кампании против его бывшего господина; он потерпел полное поражение от миланских войск под командованием Никколо Пиччинино, поражение, которое стало вдвойне катастрофическим, поскольку в основном способствовало разгрому венецианского флота двумя днями позже. В то время как венецианские галеры подверглись нападению миланских галер на реке По, потерпевший поражение генерал, расположившийся лагерем на соседнем берегу, неоднократно призывался на помощь своему коллеге по флоту. Но хотя

Карманьйола все еще стоял во главе значительных вооруженных сил, он не предпринял никаких усилий, чтобы откликнуться на призыв, и на глазах у венецианских войск их флот был полностью уничтожен, а восемь тысяч человек попали в плен (1431 г.).

После короткого перемирия беспокойный и амбициозный дух герцога Милана вновь взбудоражил Италию, и объектами его алчности стали владения папы, а также Флоренции. После разорения Романьи и разгрома флорентийцев при Ангиера миланский генерал Пиччинино был вновь отозван в Ломбардию для нападения на Венецию. Но помимо своего верного генерала Гаттамелата, республика заручилась поддержкой Франческо Сфорцы, сына Джакомоццо, фаворита Джованни II, королевы Неаполя. Франческо, наделенный военными талантами своего отца, после того как возглавил войска герцога Милана, увидел причину покинуть своего покровителя и посвятил себя службе Венеции. Теперь он противостоял Пиччинино, своему бывшему соратнику, и анналы Италии наполнены великолепными подвигами этих великих полководцев. Но гений Сфорцы, если и не превосходил, то по крайней мере был более удачлив, чем гений его соперника; и его слава была увенчана триумфальной кампанией, в которой он разгромил Пиччинино и освободил Верону и Брешию из рук Филиппо. Во время короткого перерыва в войне герцог Милана усердно трудился, чтобы восстановить дружбу со Сфорца, которого удалось привлечь на свою сторону предложением Кремоны и руки Бьянки, внебрачной дочери Филиппо. Но последние годы жизни этого непостоянного принца прошли в смятении и беспорядке, и его новый зять стал объектом его жесточайших преследований. Снова примирившись с герцогом и снова подвергаясь его злобе, Сфорца все же имел веские причины сохранять связи с Миланом, поскольку у Филиппо не было законных наследников, а его брак с Бьянкой вселял надежду на то, что он унаследует герцогство. В конце своей жизни герцог вновь обратился за помощью к Сфорце против венецианцев и сразу же после этого положил конец своему бурному правлению.

С ним закончилась династия Висконти в Милане. Не обладая личным мужеством, которое отличало многих членов его семьи, Филиппо Мария Висконти был наделен недюжинной проницательностью и тонкостью ума, которые часто бывают более эффективными, чем мудрость и доблесть. Его хвалили за милосердие и великодушие, с которыми он обращался со своими пленниками — немалое достоинство в эпоху, полную вероломства и жестокости, когда, как только ворота тюрьмы закрывались за пленником, его судьба оставалась предметом сомнений и тайны. Мы уже видели его необычайную умеренность, когда Альфонсо Арагонский и его благородные спутники были приведены в Милан в качестве пленных; есть и другие примеры великодушного поведения Филиппо. Но на его славе лежит темное пятно из-за его бесчувственного обращения с герцогиней Беатриче, чей союз и огромное состояние оказали ему огромную услугу, когда в начале его правления он был осажден бедностью и угрожал изгнанием из отцовского наследства. Неправдоподобное обвинение в прелюбодеянии с одним из его слуг подвергло преданную жертву пыткам, и, осужденная по бредням своего предполагаемого любовника, герцогиня потерпела позорную смерть. В последние минуты своей жизни Беатриче сохраняла спокойствие, которое редко может быть присуще виновному, и умерла с такими торжественными заявлениями о своей невинности, которые, по-видимому, убедили всех, кроме ее неумолимого мужа (1418).

Дом Сфорца

[1432-1447 гг. н.э.]

Хотя миланцы давно смирились с наследственной преемственностью Висконти, Сфорца видел, что его надежды находятся под угрозой из-за духа свободы, который теперь царил в

Милане. Покойный герцог оставил не менее четырех завещаний, в каждом из которых назначал другого преемника и завещал герцогство в соответствии с сиюминутными прихотями своего капризного характера. В одном из них, « », его наследницей была объявлена Бьянка, жена Сфорцы, но народ отверг эту попытку распорядиться ими и государством и громкими криками « » («Свобода!») выступил против притязаний Франческо. Отчаявшись добиться успеха в данный момент, Сфорца мудро решил выждать, и его планы вскоре были поддержаны действиями Венеции. Стремясь обогатиться за счет добычи из Милана, эта республика немедленно начала агрессию на миланской территории, и граждане призвали Сфорцу возглавить их армию против захватчиков. Но в то время как Сфорца делал вид, что защищает интересы Милана, он тайно вел переговоры с Венецией; и в конце концов, отказавшись от верности миланцам, он напал на их владения и с помощью венецианцев довел свои завоевания до самых ворот города. На пике своего успеха Сфорца обнаружил, что его перспективы поставлены под угрозу вероломной политикой его союзника. Сенат, встревоженный его растущей мощью, теперь считал целесообразным дать понять, что Милан должен остаться свободным под своим новым республиканским правительством, и даже заключил с миланцами договор о сохранении их свободы и территории. Гений Сфорцы восторжествовал в этой чрезвычайной ситуации; он сорвал союзную вражду Венеции и Милана и строгой блокадой города довел горожан до последней стадии голода. Внутри стен значительная часть населения была готова сдаться в его руки, а народ, обезумевший от голода, с тревогой умолял своих правителей капитулировать. Восстание нескольких плебеев изгнало регентов из дворца, и Сфорца был принят в городе с бурным энтузиазмом, который приветствовал его титулом герцога Милана.

[1447-1476 гг. н.э.]

В течение четырех лет Сфорца сталкивался с враждой Венеции, пока мир в Лоди в 1454 году не положил конец их вялой войне. Он правил Миланом в течение шестнадцати лет с осторожностью и умеренностью; и, уже обладая великолепной территорией, он мудро воздерживался от риска своих владений путем безрассудных агрессий на другие государства. Однако он воспользовался внутренними волнениями в Генуе, которая в 1435 году восстала против Филиппо Висконти и теперь вновь подчинилась Милану. Он сохранил уважение как итальянских, так и иностранных держав, сделал себя общепринятым среди своего народа и мирно передал свое герцогство потомкам. В ту эпоху предательства и вероломства средства, с помощью которых он обрел власть, не оставили пятна на его репутации; было достаточно того, что его недобросовестность и лицемерие увенчались успехом.

Дворцовый костюм молодого итальянского дворянина, XV век

После смерти Франческо Сфорцы в 1466 году его преемником стал его старший сын Галеаццо Мария, сочетавший в себе амбиции, похоть и жестокость. Вопреки желанию своего брата Амадея IX, герцога Савойского, он женился на Боне, дочери герцога Луи и сестре Шарлотты, замужем за Людовиком XI, королем Франции. Но брачные узы не ограничивали его беспорядочную жизнь; жилища его подданных постоянно подвергались вторжениям его незаконных страстей, а честь многих дворянских семей была нарушена его любовными похождениями. Его жестокий характер делал его не менее ненавистным; он с удовольствием усугублял наказание смертью безжалостными и изысканными пытками. Наконец, трое молодых людей благородного происхождения объединились с целью уничтожить тирана. Карло Висконти, Джироламо Ольджато и Андреа Лампуньяно учились у одного и того же учителя и впитали в себя, наряду с любовью к свободе, опасный урок о том, что убийство тирана приносит бессмертную славу. Однако их патриотизм был не без примеси личных мотивов, поскольку все они были лично оскорблены объектом своей мести. Кровавое дело было совершено в день праздника Святого Стефана; Галеаццо пал под кинжалами заговорщиков, когда он входил в церковь Мученика между послами Мантуи и Феррары. В общей суматохе Ольджато удалось бежать, но двое других были немедленно казнены толпой. Ольджато тоже не смог долго уклоняться от правосудия. Его отец, ужасаясь его вины, отказался принять его в своем доме, и после короткого укрытия в доме друга он был приведен на казнь и умер, ликуя от своей нечестно заработанной бессмертности.

Заговорщики полагали, что Милан одобрит их убийство и будет радоваться своему освобождению. Но умы народа были охвачены ленивым покорным настроением, и пороки их угнетателя, по-видимому, были забыты в эмоциях, вызванных его жалкой судьбой. Молодой сын убитого герцога был тихо признан его преемником; и поскольку Джан Галеаццо Мария достиг только восьми лет, его мать, Бона Савойская, была признана регентом на время его несовершеннолетия. При поддержке своего министра и фаворита Чекко Симонетты герцогиня вскоре обрела достаточно силы, чтобы противостоять зловещим махинациям братьев своего мужа, которые стремились вырвать из ее рук

управление Миланом (). Сфорцино, герцог Барийский, Лодовико Сфорца, прозванный Иль Моро, Мавр, Оттавиано и кардинал Асканио были вынуждены покинуть Милан — первый был изгнан в свое герцогство, второй — в Пизу, а кардинал — в Перуджу; Оттавиано же, пытаясь бежать, утонул в реке Адда.^c

СНОСКИ

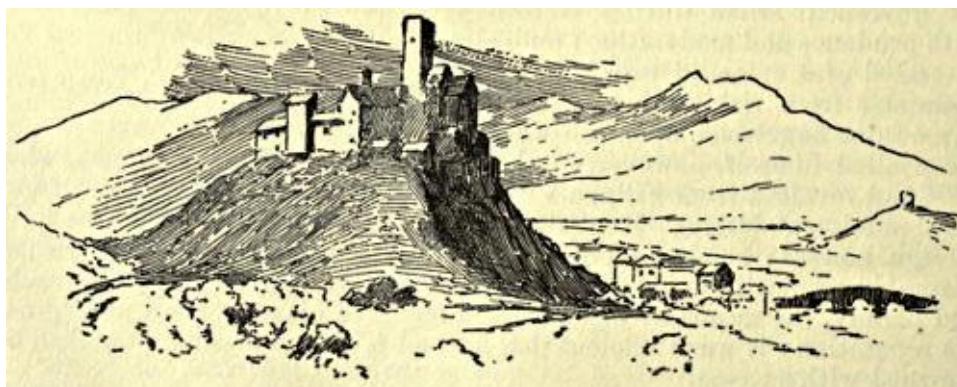
^[16] В качестве руководства по тексту будет полезно иметь список королей Неаполя и Сицилии, а также тиранов Милана, представленный здесь.

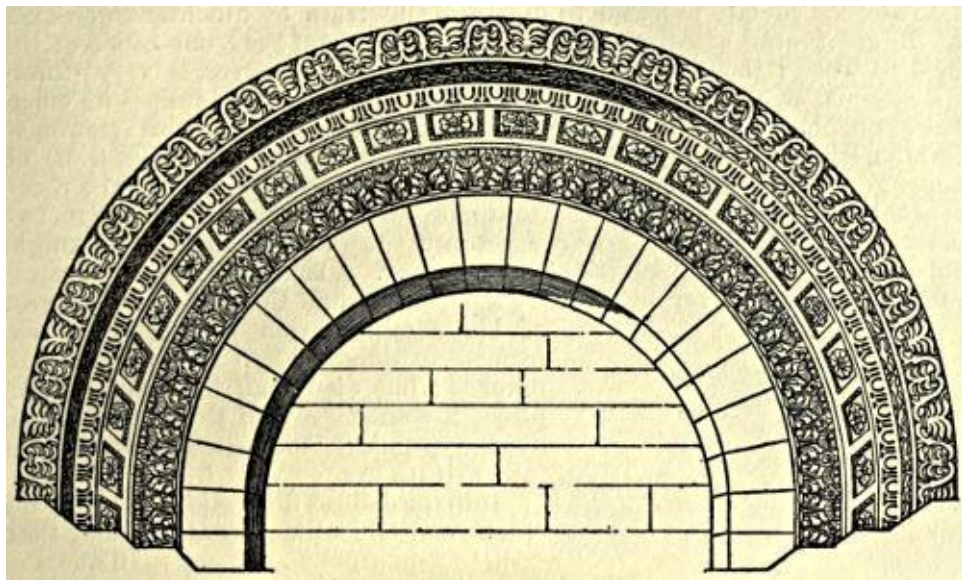
Короли Неаполя и Сицилии (1309-1496 гг. н. э.) — Неаполь (дом Анжу); 1309 г., Роберт (Мудрый); 1343 г., Джоанна I; 1382 г., Карл III; 1386 г., Ладислав; 1414 г., Джоанна II.

Сицилия (дом Арагона); 1337, Педро II, король Сицилии; 1342, Луи; 1355, Фридрих III; 1377, Мария; 1402, Мартин I, король Арагона; 1409, Мартин II, король Арагона; 1412, Фердинанд, король Арагона; 1416, Альфонсо I, король Арагона.

Неаполь и Сицилия (династия Арагонская); 1435, Альфонсо I, король Арагона; 1458, Фердинанд I, король Обеих Сицилий; 1494, Альфонсо II; 1495, Фердинанд II; 1496, Фридрих II.

Тираны и герцоги Милана (1295-1494 гг. н. э.) — 1295 г., Маттео Висконти, господин Милана; 1322 г., Галеаццо Висконти; 1328 г., Аццо Висконти; 1339 г., Луккино Висконти; 1349, Джованни Висконти; 1354, Маттео II, Барнабо, Галеаццо II; 1378, Джан Галеаццо, Барнабо Висконти; 1385, Джан Галеаццо Висконти, герцог Милана в 1395; 1402, Джан Мария Висконти, герцог; 1412, Филиппо Мария Висконти, герцог; 1447, Франческо Сфорца, герцог с 1450; 1466, Галеаццо Мария Сфорца, герцог; 1476, Джан Галеаццо Мария Сфорца, герцог; 1494, Лодовико Мария Сфорца, герцог.

Западная дверь баптистерия, Пиза

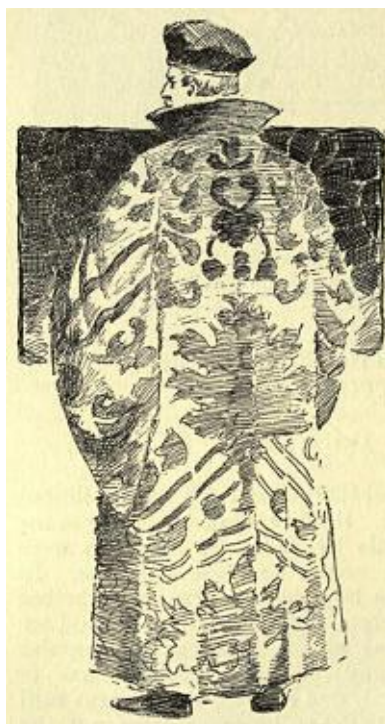
ГЛАВА IX. МОРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ В XIV И XV ВЕКАХ

ДЕЛА ПИЗЫ И ГЕНУИ

В спорах между императорами и папами пизанцы поддерживали гибеллинов, а генуэзцы — гвельфов. В конце XII века обе республики часто заменяли своих консулов подестами, и обе были частым театром борьбы между дворянами и народом. В Генуе с 1190 по 1216 год, по-видимому, велась борьба за то, кто должен управлять государством: консулы или подесты, поскольку в этот период мы видим и тех, и других, а с 1216 по 1252 год — только подестов. Однако, поскольку народные собрания по-прежнему созывались всякий раз, когда необходимо было принять важное решение, и поскольку подеста, как и консул, избирался, граждане по-прежнему сохраняли некоторые из своих древних привилегий. Однако это были не единственные изменения в форме исполнительной власти; подеста иногда заменялся *капитано*, иногда *аббатом*, а иногда *анциано* — титулами, которые мы часто встречаем в XIII веке. Но, по-видимому, ни один из них не пользовался долгосрочной властью; часто уже на следующих выборах, в зависимости от того, какая фракция, предрассудки или любовь к нововведениям преобладали, их имя исчезало вместе с их администрацией; однако они могли надеяться, что в постоянно вращающемся колесе перемен их достоинство снова достигнет вершины — надежда, которая почти наверняка сбывалась. «В настоящее время, — говорит архиепископ Генуи, писавший в конце того же века, — у нас есть аббат и старейшины; скоро ли нам придется их сменить или нет, никто не может сказать; но, по крайней мере, давайте молиться Богу, чтобы мы изменились к лучшему, чтобы мы были хорошо управляемы, независимо от того, подчиняемся ли мы консулам, подестам, капитанам или аббатам».

[1262-1298 гг. н.э.]

Добрый прелат продолжает иллюстрировать эту истину, приводя любопытное сравнение различных форм правления с тремя ключами: одним из золота, одним из серебра и третьим из дерева; хотя, как он замечает, эти ключи очень по-разному оцениваются по материалу, из которого они сделаны, на самом деле один ключ так же хорош, как и другой, если он выполняет свою функцию — открывает. Первый *капитан* по прозвищу Бокканера обязан был своим избранием толпе, которую он завоевал лестью и убедил больше не подчиняться тираническим подестам; его избрание было на десять лет; был избран совет из тридцати двух старейшин, чтобы помогать ему, или, скорее, подчиняться ему; судья, два секретаря и двенадцать ликторов должны были постоянно ждать его приказов; а рыцарь и пятьдесят лучников были назначены его телохранителями. Человек с такими обширными полномочиями не мог не стать тираном, и, соответственно, мы видим, что на второй год его правления был организован заговор с целью сместить его. На этот раз он одержал победу, но когда половина его срока истекла, союз дворян при поддержке народа заставил его уйти в отставку и вести частную жизнь.

ЛОМБАРДСКИЙ ПОСОЛ

Мы не можем вдаваться в бесконечные внутренние распри между гвельфами и гибеллинами в Генуе и Пизе и в последующие союзы — союзы, существовавшие недолго — заключенные в обоих городах с императором, папой или королем Неаполя; а если бы мы и могли, никто бы не поблагодарил нас за утомительные подробности. Как и в Ломбардии, дворяне часто изгонялись и столь же часто возвращались. 1282 год более известен в анналах обеих республик как начало разрушительной войны между ними. Пиза, с ее суверенитетом над Корсикой, Эльбой и большей частью Сардинии, с ее огромной торговлей, ее учреждениями в Испании, Азии и Греции, ее доходами и запасами, имела мало что выиграть и многое потерять, соперничая с бедной и, возможно, более храброй державой. Если Генуя и обладала меньшим богатством, то она имела равную предприимчивость, равную жажду наживы и равные амбиции. Там, где существовало столь сильное соперничество, оно легко перерастало в раздор, и мелкие проступки приводили к общим враждебным действиям. В одной из своих экспедиций флот пизанцев был почти уничтожен штормом; во второй — врагом; в третьей, после кровопролитного сражения у острова Мелория, был практически полностью уничтожен, а потери составили пять тысяч убитых и одиннадцать тысяч пленных. Победители отказались выкупить этих пленных по поистине итальянской причине — чтобы удержание стольких мужей в плену не помешало их женам возобновить рост населения, а Пиза в результате не пришла в упадок. Эта адская политика увенчалась успехом: когда после шестнадцати лет войны был заключен мир, в страну вернулись едва ли тысяча человек.

Но у Пизы были и другие враги: все города Тосканы, во главе с Флоренцией, вступили в союз с Генуей, чтобы сокрушить падающую республику, которая сделала себя столь ненавистной своим гибеллинистским духом. В этой чрезвычайной ситуации (), убедившись в том, насколько слабыми будут разрозненные усилия муниципальных магистратов, Пиза подчинилась власти способного и доблестного дворянина Уголино делла Герадеска, который рассеял грозный союз и, пожертвовав частью территории, добился мира. Не менее беспорядочным было внутреннее положение республики, где то гибеллины, то гвельфы призывались народом к узурпации главной власти. Хотя генуэзцы имели меньше

внутренней свободы, поскольку чаще находились под контролем какого-либо тирана, в целом они были гораздо более спокойны. В 1312 году они подчинились императору Генриху Люксембургскому, но, очевидно, с намерением сбросить иго, как только он пересечет Альпы; в то время как подчинение пизанцев было искренним. Два года спустя капитан или диктатор последних подчинил Лукку и унизил флорентийцев, но его собственная тирания была настолько сильна, что народ изгнал его. Его судьба — судьба всех мелких правителей Италии; однако, хотя после этого изгнания формы республики часто восстанавливались, дух исчез; не было патриотизма, просвещенных представлений о социальных обязанностях; насилие и анархия торжествовали, пока граждане, предпочитая тиранию одного тирану многим, снова не создали или не вернули диктатора. Война пизанцев с Арагоном за возвращение Сардинии была еще более катастрофической, чем война с генуэзцами. Она закончилась потерей этого важного острова, который был значительным источником их ресурсов.

Бедствия, конечно, были частично компенсированы завоеванием Лукки, которая иногда оказывалась проблемным соседом, но ничто не могло вернуть им прежнее богатство и могущество, пока они были под угрозой со стороны стольких соперничающих государств, особенно Тосканы, и пока их отвлекали непрекращающиеся внутренние распри. Фактически, в одно время их существование зависело только от имперской поддержки, а в другое — от разногласий или несчастий их врагов.

[1284-1369 гг. н.э.]

Маленькая республика Генуя, которая, подражая Венеции, отказалась от своих подеста, аббатов, старейшин и капитанов в пользу дожа и сената — но сената, гораздо менее аристократического, чем у королевы морей, — была едва ли более завидной, хотя, несомненно, более безопасной. Эта республика также претендовала на Сардинию и, следовательно, имела вечного врага в лице арагонских королей. Часто терпя поражения, она умоляла о защите короля Неаполя или герцога Милана, в зависимости от того, что диктовала политика или склонности. Однако она имела лучшую защиту в своем естественном положении, в бесплодных скалах, окружавших ее с севера и востока, и в доблести своих моряков; и когда, как это иногда бывало, ее защитники становились ее хозяевами, иностранный гарнизон, лишенный снабжения как по морю, так и по суше, вскоре был вынужден сдаться.

Но Пиза не имела такой защиты, и в 1369 году она с унижением наблюдала, как император Карл IV восстановил независимость республики Лукка. По этому случаю луккчане пересмотрели свою конституцию; они сохранили своих *anziani*, или старейшин, во главе с гонфалонером; однако, опасаясь абсолютной власти, они обновляли их каждые два месяца. Десять *anziani* вместе с гонфалонером составляли сеньорию, или исполнительную власть, и им помогал совет из тридцати шести человек, называемый *boni homines*, который избирался каждые шесть месяцев. Над ними стоял колледж из 180 членов, которые избирались ежегодно.^{[b](#)}

[1339-1458 гг. н.э.]

Из всех республик Генуя в XIV веке считалась самой богатой и могущественной. Но после того, как город сбросил иго короля Неаполя Роберта, он был потрясен непрекращающимися беспорядками, в ходе которых гвельфы и гибеллины поочередно изгонялись из города. Учреждение должности народного аббата (), подобно должности римских трибунов, было призвано ограничить власть дворян; попытка упразднить эту должность встретила

сопротивление со стороны простого народа, который избрал своим аббатом Симоне Бокканера, дворянина из партии гибеллинов и ревностного защитника народных интересов. Но его дворянское происхождение заставило его отказаться от должности, которую до сих пор занимал только один из народа; и толпа преодолела его сомнения, изменив титул аббата народа на титул герцога, или дожа, по примеру венецианцев (1339). Несколько избранных лидеров народа были назначены в его совет, но власть Бокканера, по-видимому, была почти неограниченной. Он правил твердо и рассудительно, и, по словам Джованни Виллани, заговор дворян был незамедлительно и сурово наказан. Однако в 1344 году его правление было приостановлено; члены дворянских семей Дория, Спинола, Фиески и Гримальди вновь собрались в пригородах, и дож избежал насильственного свержения, тайно укрывшись в Пизе. После некоторой неразберихи дворянин Джованни да Мурта был провозглашен дожем, но, поскольку город вновь потрясли беспорядки, враждующие фракции согласились передать свои разногласия на рассмотрение Луккино Висконти, и только смерть помешала алчному арбитру захватить власть в раздираемом беспорядками государстве.

После смерти да Мурта был назначен новый дож, но беспорядки внутри и поражение снаружи заставили Геную подчиниться защите Джованни Висконти. После смерти этого прелата она вновь обрела независимость; ее первоначальный дож был восстановлен в должности и продолжал править до 1363 года. Но со смерти Бокканеры государство более тридцати лет раздирали распри, и две соперничающие семьи из торгового сословия, Адорни, сторонники гвельфов, и Фрегози из противоположной партии, поочередно снабжали Геную эфемерными правителями. В 1396 году правящий дож Антонио Адорни, совершив акт жалкой недальновидности, сдал государство Карлу VI, королю Франции, который передал управление известному капитану Жану ле Менгре, маршалу Франции и лорду Бусико. Суровая строгость этого проверенного солдата проявилась при его входе в город; по его приказу двое самых непокорных граждан, Баттиста Бокканера и Баттиста Лучардо, были выведены на казнь. Голова Бокканеры была отсечена от тела, и его товарищ уже был готов принять ту же казнь, когда новое волнение в собравшейся толпе отвлекло внимание французской стражи. Преступник воспользовался благоприятным моментом, бросился в густую толпу и исчез в ней, но его место немедленно занял офицер, чья халатность позволила ему сбежать и чья голова тут же покатилась по земле по приказу властного Бусико. В течение восьми лет генуэзцы были подавлены его жестким правлением, но его отсутствие способствовало восстанию, французский лейтенант был убит, и государство освободилось от ига Франции.

ГРАНД-КАНАЛ, ВЕНЕЦИЯ

[1458-1478 гг. н.э.]

Но дух независимости в Генуе был подавлен, и она вышла из-под владычества Франции, чтобы признать Филиппо, герцога Милана, своим господином. Восстание в Милане и восстановление дожа в должности сразу же последовали за его смещением, и была введена новая форма правления с созданием совета старейшин и капитанов народа. Через несколько месяцев это правительство было распущено, Раффаэлло Адорно был провозглашен дожем и смог удержать власть в течение почти четырех лет. Новая борьба между соперничающими семьями вновь потрясла город; и в то время как Альфонсо, король Неаполя, угрожал Генуе грозным вторжением, среди ее жителей бушевала страшная чума. В этой сложной ситуации дожь Пьетро Фрегозо с одобрения главных граждан обратился за защитой к королю Франции Карлу VII, и город, по договору сданный этому монарху, был оккупирован от его имени Жаном Анжуйским. Союз семей Адорни и Фрегози позволил генуэзцам изгнать французов; один из Адорни на мгновение был возведен в герцоги, а затем изгнан Фрегози, а Фрегозо едва успел взойти на трон, как был смещен своим родственником, архиепископом Паоло. Ненавистный характер Паоло Фрегозо угрожал быстрой утратой его власти, а проницательный Франческо Сфорца, герцог Милана, уже считал Геную своей собственностью. Он получил от Людовика XI Французского уступку его прав, обеспечил себе сильную поддержку среди недовольных граждан, и в результате всеобщего восстания в апреле 1464 года его друзья провозгласили его господином города.

В течение остатка правления Франческо и его сына Галеаццо Сфорца Генуя продолжала жить в покое, но убийство последнего принца побудило семью Фиески попытаться поднять восстание из Милана. Однако буря улеглась благодаря присутствию Лодовико и Оттавиано Сфорца, дядей молодого герцога; и их протекже Просперо Адорно был принят народом в

качестве дожа под властью герцога Милана. Через несколько месяцев его власть была свергнута, и Баттистино Фрегозо был провозглашен независимым правителем Генуи.¹¹⁷¹

На фоне этих постоянных волнений в Генуе возникло новое и необычное объединение частных лиц. Банк, или компания, Святого Георгия был основан около 1402 года, когда длительные войны опустошили государственную казну. Поэтому были запрошены взносы частных граждан, в качестве обеспечения погашения которых республика заложила таможенную, а каждый кредитор участвовал в доходах пропорционально размеру своих авансов.

Управление их делами требовало частых собраний кредиторов, и поскольку им был выделен дворец над таможней, они организовали особую форму правления. Для обсуждения вопросов общего благосостояния был создан великий совет из ста человек, а высшее управление их делами было поручено директории из восьми человек. Хороший порядок в их маленьком правительстве обеспечивал их процветание; растущие нужды республики требовали новых авансов, и государственные земли были заложены банку, пока этот орган не стал владеть почти всей территорией, принадлежащей государству Генуя. Только компания занималась регулированием и защитой этой расширяющейся территории; и, без какого-либо вмешательства со стороны республики, ежегодные выборы своих должностных лиц обеспечивали достаточное количество губернаторов и магистратов для провинций. Они мудро воздерживались от участия в непрекращающихся переменах в правительстве и, равнодушно относясь к призывам Адорни или Фрегози, были нацелены только на сохранение своей независимости и обеспечение со стороны успешного правителя должного признания своих законов и привилегий (). Управление этим обществом составляло разительный контраст с управлением государственными делами. Вместо тирании, коррупции и разврата банк Святого Георгия представлял собой образец порядка, добросовестности и справедливости; благодаря этому народ получил влияние в государстве, которое более эффективно сохраняло его свободу, чем все его насильственные попытки подавить аристократию.

Морские подвиги

[1337-1354 гг. н. э.]

Несмотря на постоянные распри в Генуе, она долгое время продолжала поддерживать свою морскую славу; и пока плебеи были заняты подавлением аристократии, семья Дориа вела ее флот к разгрому врагов. Как и ее древний соперник Венеция, она давно была знакома с Левантом; а Галата и Пера, пригороды Константинополя, были наградой за услуги, оказанные греческому императору.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ МОРСКОЙ ОФИЦЕР

(по Вичеллио)

После заключения мира в 1299 году венецианцы, хотя и укрепившиеся благодаря союзу с Арагоном, на время воздержались от возобновления борьбы, и первая атака на галеры Генуи была наказана поражением и позором. Нарушение договоренностей со стороны Венеции было встречено с возмущением и захватом всех ее торговых судов в Черном море, но Генуя дорого заплатила за эту агрессию, и сокрушительное поражение от венецианцев у Каристо почти уничтожило ее флот. В 1351 году из Венеции вышло мощное вооружение под командованием Никколо Пизани, одного из самых выдающихся полководцев своего времени; и в результате ожесточенного сражения в Дарданеллах море покрылось обломками вражеских кораблей. Но, несмотря на тяжелые потери, понесенные генуэзцами в этом сражении, они могли справедливо претендовать на победу, поскольку уничтоженные венецианские и арагонские галеры более чем вдвое превышали потери, понесенные ими самими; и Пизани признал поражение, оставив своим врагам место сражения. Даже столица империи оказалась под угрозой завоевателей, и греческий император предотвратил их месть, изгнав своих бывших союзников из столицы. Но вскоре после этого гордость Генуи потерпела серьезное поражение: ее флот под командованием Антонио Гримальди был застигнут врасплох у Кальяри в годовщину поражения при Каристо, и потеря более тридцати кораблей и четырех тысяч пленных повергла народ в отчаяние. Однако эта катастрофа была с лихвой компенсирована великолепной победой в следующем году, одержанной над Пизани Андреа Дориа и его племянником Джованни; и успех этого дня в основном был обусловлен смелым и энергичным маневром последнего. Пока венецианцы стояли в гавани Сапиенца, небольшого острова Мореи, младший Дориа ворвался в порт с двенадцатью галерами и, расположив свои силы между берегом и врагом, начал яростную атаку. Тем временем остатки генуэзского флота атаковали галеры Пизани с фронта, и была одержана полная победа. Венецианцы понесли огромные потери как в кораблях, так и в живой силе; среди шести тысяч пленных, торжественно доставленных в Геную, был и знаменитый полководец Никколо Пизани.

Триумфально победившие генуэзцы прочесали побережье Барбарии, атаковали и разграбили Триполи, а затем продали город богатому сарацину за 50 000 золотых монет. Более важное завоевание было достигнуто восемнадцать лет спустя. Во время коронации Петра де Лузиньяна, короля Кипра, между консулами Генуи и Венеции возник спор о преимуществе, который кипрские власти разрешили в пользу последних. Раздраженные этим решением, генуэзцы попытались отстоять свои права с помощью насилия; киприоты, возмущенные оскорблением, нанесенным в присутствии короля, взяли за оружие и немедленно казнили нарушителей. Не удовлетворившись этой суммарной мстостью, они устроили массовую резню по всему острову, и в живых остался только один генуэзец, который и донес тяжелую весть республике. Из Генуи немедленно был отправлен новый флот под командованием Пьетро Фрегозо, и остров Кипр оказал незначительное сопротивление захватчикам. Их нельзя обвинить в отсутствии умеренности, поскольку только три жизни были принесены в жертву духам убитых соотечественников. Король был восстановлен в свободе и даже получил разрешение сохранить свой титул, но завоеватели потребовали ежегодную дань в размере 40 000 флоринов.

Новое оскорбление вскоре развязало еще одну войну с Венецией. Греческая империя пала настолько низко, что генуэзцы взяли на себя смещение императора Иоанна Палеолога в пользу его сына Андроника, который в ответ пообещал им остров Тенедос. Но свергнутый тиран получил поддержку своего давнего соперника, который воспользовался имперским расколом, чтобы завладеть Тенедосом; и Генуя, укрепленная союзом с Людовиком, королем Венгрии, Франческо да Каррара, лордом Падуи, и патриархом Аквилеи, объявила войну венецианцам. Флотом Генуи командовал Лучано Дориа, а флотом Венеции — Витторе Пизани. С самого начала удача благоволила генуэзцам, и в мае 1379 года в результате великой и кровопролитной битвы у Чиогги они одержали блестящую победу. Смерть их адмирала Дориа, павшего в первом же столкновении, вдохновила их на мстительную ярость, и пятнадцать венецианских галер и более тысячи пленных попали в руки победителей. Многие из них были безжалостно убиты генуэзцами в отместку за гибель Дориа, а побежденный Пизани, вернувшись в столицу, был брошен в темницу неумолимым правительством Венеции.

Подкрепление под командованием Пьетро Дориа позволило генуэзцам продолжить свою победу, и остров и город Кьоджа были захвачены с огромными потерями для венецианцев. По всей Венеции царил крайнее смятение, и обескураженный сенат предложил самые унижительные условия мира. Но высокомерный Дориа отверг все условия урегулирования. «Никогда, клянусь Богом!» — воскликнул он, — «никогда, господа венецианцы, вы не получите мира, пока мы не укротим этих медных коней Святого Марка; когда они будут укрощены, вы сможете смело говорить о мире».

Ничто не может более ярко охарактеризовать смятение венецианского правительства, чем его уступка в этой сложной ситуации требованиям народа. В ответ на их настоятельные призывы Пизани был освобожден из темницы и вновь поставлен во главе флота. Отчаяние побудило к самым энергичным приготовлениям к обороне; всем, чьи усилия будут наиболее заметны, были обещаны большие награды (), а тридцать граждан, которые наиболее отличились в защите государства, должны были получить дворянство. Теперь главной целью Пизани было блокировать генуэзский флот, который занял позицию в порту Кьоджа. Это смелое предприятие было осуществлено с невероятными усилиями и тяжелыми потерями со стороны венецианцев. Потопив суда, груженные камнями, в устьях нескольких каналов, ведущих в лагуну, он сделал невозможным любой выход.^а

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ

Таким образом, обстоятельства двух противников полностью изменились. Но генуэзский флот, хотя и был осажден в Кьоддже, был неприступен, а их контроль над сушей защищал их от голода. Венеция, несмотря на свой неожиданный успех, все еще была далека от безопасности; дожу было трудно удержать свою позицию в течение зимы, и если бы враг появился в открытом море, риски сражения были бы чрезвычайно высоки. Говорят, что сенат обсуждал вопрос о переносе столицы своей свободы в Кандию, и что дож объявил о своем намерении снять осаду Кьоджи, если ожидаемая помощь не прибудет до 1 января 1380 года. В тот же день адмирал Карло Зено, который, не зная об опасности, грозившей его стране, защищал честь ее флага в Леванте и на побережье Лигурии, появился с подкреплением в виде восемнадцати галер и запасом провианта. С этого момента уверенность Венеции возродилась. Флот, теперь превосходивший врага по силе, начал энергично атаковать его. После нескольких месяцев упорного сопротивления генуэзцы, которым их республика безуспешно пыталась помочь новым вооружением, заблокированные в городе Кьоджа и страдающие от голода, были вынуждены сдаться. Только девятнадцать галер из сорока восьми были в хорошем состоянии, а экипажи за десять месяцев оккупации Кьоджи были столь же сокращены. Гордость Генуи была справедливо умалена, и даже ее собственный историк Стелла [—h](#) признает, что Бог не позволил бы такому благородному городу, как Венеция, стать добычей завоевателя.

У каждой из двух республик были достаточные основания сожалеть о взаимных предубеждениях и эгоистичной алчности своих купцов, которая во всех морских странах узурпирует название патриотизма. Хотя захват Кьоджи не положил конец войне, обе стороны были измотаны и готовы в следующем году принять посредничество герцога Савойского. По Туринскому миру () Венеция уступила большую часть своих

территориальных владений королю Венгрии. Этот принц и Франческо да Каррара были единственными выигравшими. Генуя получила остров Тенедос, один из первоначальных предметов спора, что было скудной компенсацией за ее потери. Хотя на первый взгляд результат этой войны кажется более неблагоприятным для Венеции, на самом деле это эпоха упадка Генуи (). С этого времени она больше не властвовала на океане с таким флотом, как в былые дни; ее торговля постепенно пришла в упадок, и XV век, самый великолепный в анналах Венеции, до недавнего времени был самым позорным в анналах Генуи. Но это было отчасти связано с внутренними разногласиями, из-за которых ее свобода, как и слава, на значительный период времени были приостановлены.

ДЕЛА ВЕНЕЦИИ^[18]

[1172-1319 гг. н.э.]

В то время как Генуя утратила даже свою политическую независимость, Венеция стала более заметной и могущественной, чем раньше.

Великий Совет Венеции, учрежденный в 1172 году, должен был состоять из 480 граждан, равномерно распределенных по шести районам города и ежегодно обновляемых. Но выборы не проводились непосредственно народом. Два выборщика, называемые трибунами, из каждого из шести районов назначали членов совета путем отдельного выдвижения кандидатур. Эти трибуны сначала сами избирались народом, так что вмешательство этого избирательного органа, по-видимому, не нарушало демократический характер конституции. Однако великий совет, который в основном состоял из людей высокого происхождения и был наделен законом правом назначать дожа и всех членов магистрата, по-видимому, в начале XIII века присвоил себе право назначать своих собственных избирателей. Помимо назначения трибунов, они взяли на себя еще одну привилегию: утверждать или отклонять своих преемников до того, как те сложат с себя полномочия.

Эти узурпации сделали ежегодные выборы практически бессмысленными; обычно переизбирались одни и те же члены, и хотя достоинство советника еще не было наследственным, в целом оно оставалось в тех же семьях. В этом переходном состоянии венецианское правительство продолжало существовать в течение XIII века: народ был фактически лишен власти, но наследственная аристократия не была полностью или юридически утверждена. Право избирать, или, вернее, переизбирать, великий совет в 1297 году было передано от трибунов, чья должность была упразднена, совету сорока; они голосовали за имена членов, которые уже заседали, и тот, кто получал двенадцать голосов из сорока, сохранял свое место. Вакансии, образовавшиеся в результате отклонения кандидатур или смерти членов, заполнялись из дополнительного списка, составленного тремя избирателями, назначенными в Большом совете. Однако законами 1298 и 1300 годов им было прямо запрещено вносить в список имена тех, чьи предки по отцовской линии не пользовались такой же честью. Таким образом, была окончательно установлена исключительная наследственная аристократия. А личные права благородного происхождения были окончательно закреплены в 1319 году отменой всех выборных форм. Согласно конституции Венеции, принятой в то время, каждый потомок члена великого совета по достижении двадцати пяти лет по праву вступал в этот орган, который, конечно, стал неограниченным по численности.

[1297-1319 гг. н.э.]

Об этих постепенных изменениях между 1297 и 1319 годами впервые сообщил Санди.⁴ Все предыдущие авторы, как древние, так и современные, относят полное и окончательное установление венецианской аристократии к 1297 году.

Но такое многочисленное собрание, как великий совет, даже до того, как оно было открыто для всей знати, никогда не могло бы вести государственные дела с той секретностью и стабильностью, которые были характерны для Венеции; и без посреднической власти между дожем и патрицианским множеством конституция не приобрела бы никакой стабильности, которая компенсировала бы потерю народной свободы. Великий совет очень скоро после своего учреждения приступил к ограничению герцогских прерогатив. Право осуществлять уголовное правосудие, имевшее огромное значение, в 1179 году было передано совету из сорока членов, избираемых ежегодно. Исполнительная власть сама по себе считалась слишком значительной для дожа без некоторых существенных ограничений. Вместо того чтобы назначать своих помощников, или *прегади*, он должен был только председательствовать в совете из шестидесяти членов, которым было поручено ведение государственных дел во всех внутренних и внешних отношениях, а также предварительное обсуждение предложений, представляемых великому совету.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ СЕНАТОР

Этот совет прегади, в более поздние времена обычно называемый сенатом, в XIV веке был расширен на шестьдесят дополнительных членов; и поскольку большая часть магистратов также имела в нем места, общее число членов составляло от двух до трехсот. Хотя законодательная власть, строго говоря, оставалась за великим советом, сенат обычно взимал налоги и имел исключительное право объявлять мир и войну. Как и почти все другие советы в Венеции, он ежегодно обновлялся Великим советом. Но поскольку даже этот орган был слишком многочисленным для предварительного обсуждения дел, шесть советников, составлявших вместе с дожем сенаторию, или видимого представителя

республики, были уполномочены отправлять приказы, вести переписку с послами, вести переговоры с иностранными государствами, созывать и председательствовать на советах, а также выполнять другие обязанности исполнительной власти. В части из них они были обязаны действовать с согласия так называемого колледжа, в который, помимо них самих, входили некоторые избранные советники из различных учрежденных органов власти.

Можно было бы подумать, что такая лишенная блеска должность, как дож, не вызывала бы чрезмерных амбиций. Но венецианцы по-прежнему ревновали к утраченной власти, и пока их конституция еще не была доведена до совершенства, великий совет разработал новые методы ограничения полномочий своего главного магистрата. При избрании дож давал клятву, которая была настолько всеобъемлющей, что включала в себя все возможные меры по ограничению его чрезмерного влияния. Он был обязан не вести переписку с иностранными государствами и не вскрывать их письма, за исключением случаев, когда это происходило в присутствии сеньора; не приобретать имущество за пределами венецианских владений и отказаться от того, чем он уже владел; не вмешиваться, прямо или косвенно, в судебные процессы и не позволять гражданам выражать ему почтение.

В качестве дополнительной меры безопасности они разработали чрезвычайно сложный способ заполнения вакансии его должности. Выборы путем открытого голосования всегда сопряжены с риском беспорядков или коррупции, а метод тайного голосования, хотя и предотвращает одно, на практике не обеспечивает адекватной защиты от другого. Выборы путем жеребьевки сопряжены с риском назначения некомпетентных лиц на ответственные должности. Венецианская схема была призвана объединить эти два метода без их недостатков, оставив абсолютный выбор дожа за избирателями, выбранными по жребию.

[1296-1310 гг. н.э.]

Предполагалось, что среди достаточного числа лиц, хотя и отобранных случайным образом, здравый смысл и правильные принципы возьмут верх, что позволит предотвратить любые явно неправомерные назначения, если удастся исключить неправомерное влияние. Для этой цели голосование было сделано чрезвычайно сложным, чтобы никакая изобретательность или хитрость не могли определить состав избирательного органа до последнего момента. Однократная лотерея, если она проводится честно, безусловно, достаточна для этой цели. В Венеции в урну помещалось столько шаров, сколько было членов великого совета. Тридцать из них были позолоченными. Во время второго голосования число обладателей позолоченных шариков сократилось до девяти. Девять избранных выбрали сорок, число которых было сокращено до двенадцати. Двенадцать выбрали двадцать пять путем отдельного голосования. Двадцать пять были сокращены до девяти, и каждый из девяти выбрал по пять. Эти сорок пять были сокращены до одиннадцати, как и раньше; одиннадцать избрали сорок один, которые были окончательными избирателями дожа.

Наследственный принц никогда не смог бы оставаться спокойным в таких оковах, которые были наложены на дожа Венеции. Но ранние предрассудки приучают людей считать ограничения, даже наложенные на них самих, выгодными; и ограничения герцогской власти казались каждому венецианцу такими же фундаментальными, как великие законы английской конституции для нас. Многие дожи Венеции, особенно в средние века, были значительными людьми, но они были довольны возложенными на них функциями, которые, если бы они могли избежать мучительного сравнения с суверенными князьями, были достаточными для амбиций республиканцев. Будучи пожизненными главными магистратами своей страны, ее вечными благородными гражданами, они могли

благодарить ее от своего имени за то, что она давала, и от имени своих потомков за то, что она удерживала.

В течение нескольких лет после так называемого закрытия великого совета законом 1296 года, который исключал всех, кроме семей, фактически владевших владениями, среди простого народа проявилось значительное недовольство. В начале XIV века произошло несколько волнений с целью восстановления более популярного режима. После подавления последнего, в 1310 году, аристократия пожертвовала своей личной свободой вместе со свободой народа ради сохранения мнимой привилегии. Они учредили знаменитый Совет Десяти, наиболее замечательную часть венецианской конституции. Следует отметить, что этот совет фактически состоял из семнадцати человек, включая сеньора, или дожа, и его шестерых советников, а также десять человек, собственно называемых «десятью». Совет Десяти имел по обычаю, если не по праву, контролирующую и диктаторскую власть над сенатом и другими магистратами; он отменял их решения и вел отдельные переговоры с иностранными князьями. Их огромное влияние укрепляло исполнительную власть, частью которой они были, и придавало энергию ее действиям, которые ревность советов, возможно, затруднила бы. Но они известны главным образом как произвольный и инквизиционный трибунал, постоянная тирания Венеции. Исключив старый совет сорока, регулярный суд уголовного правосудия, не только из расследования обвинений в государственной измене, но и из расследования ряда других серьезных преступлений, они расследовали, судили и наказывали в соответствии с тем, что они называли государственным интересом.

Общественность никогда не проникала в тайну их разбирательств; обвиняемый иногда не заслушивался, никогда не сталкивался со свидетелями; приговор был тайным, как и расследование, наказание не разглашалось, как и то, и другое. Ужасная и отвратительная машина полиции, коварные шпионы, оплачиваемые осведомители, неизвестные небрежным феодальным правительствам, нашли свою естественную почву в республике Венеция. В таком своеобразном городе практически невозможно было устраивать бурные собрания, а частные заговоры неизменно раскрывались бдительным Советом Десяти. По сравнению с тосканскими республиками спокойствие Венеции действительно поражает. Имена гвельфов и гибеллинов едва ли вызывали какие-либо эмоции на ее улицах, хотя в первой половине XIV века правительство считалось скорее склонным к последней партии. Но самые дикие эксцессы фракций менее позорны, чем безмолвие и моральное разложение рабства.¹

[1289-1325 гг. н.э.]

После смерти Джованни Дандоло в 1289 году длительная задержка избирателей с назначением преемника дала повод народу возобновить свои древние привилегии, и они шумно провозгласили Якопо Тьеполо своим дожем. Но Тьеполо, мудро отказавшись от такой неправомерно присвоенной чести, на время удалился из Венеции, и Сорок один в конце концов остановили свой выбор на Пьетро Градениго, дворянине, крайне неприятном для народа. С ним появилась мера, навсегда исключившая простой народ из политической жизни; а Сорок, которым было поручено ежегодное избрание совета, были обязаны переизбирать всех членов старого совета, которые не были признаны непригодными двадцатью девятью голосами. Чтобы не доводить народ до отчаяния, были назначены три комиссара, которые должны были составить дополнительные списки других граждан, которые могли бы занять вакансии, образовавшиеся в результате отклонения кандидатур прежних членов или смерти действующих членов совета; эти списки также подлежали утверждению Сорока. Но поскольку три комиссара назначались самим советом, было легко предвидеть, что этот орган будет осторожно назначать только тех лиц, которые

благоприятствовали их собственному порядку; и чтобы избиратели не ошиблись в пользу народа, вскоре после этого был принят указ, которым им запрещалось включать в свои списки любого человека, который сам или чьи предки ранее не принадлежали к великому совету. Со временем комиссары были полностью упразднены; совет был объявлен постоянным; и все, кто мог доказать, что является потомком одного из членов этого органа, имели право вписать свои имена в Золотую книгу и войти в это благородное собрание в возрасте двадцати пяти лет.

Заговор Тьеполо и Совет Десяти

[1325-1355 гг. н. э.]

Эти изменения не произошли без каких-либо действий со стороны народа; и подавление слабого заговора и наказание его лидеров не удержали других от заговора против власти аристократии. Была сформирована многочисленная группа граждан во главе с Байамонте Тьеполо (сыном Якопо), и были предприняты обширные приготовления к свержению правительства. Но преждевременное раскрытие заговора вынудило заговорщиков открыто поднять восстание, и они были легко разгромлены и уничтожены в узких улочках Венеции; этот новый заговор послужил поводом для создания страшного трибунала — Совета Десяти. Это грозное собрание, хотя изначально и было лишь временной мерой, в 1325 году было объявлено постоянным. Он был наделен произвольными и почти неограниченными полномочиями; под предлогом охраны безопасности республики Десять постепенно взяли на себя управление государством, заключали мир и объявляли войну, распоряжались финансами и даже отменяли решения великого совета. Их шпионы и эмиссары проникли во все кварталы города; они арестовывали, заключали в тюрьмы или тайно казнили, не отчитываясь перед никакой вышестоящей инстанцией, и ни один сословие не было защищено от их интриг. Даже сам дож мог трепетать перед их бдительностью и суровостью; и судьба Марино Фалиери, через тридцать лет после постоянного учреждения этого совета, стала ярким событием в анналах этой необыкновенной олигархии.^{[4](#)}

История Марино Фалиери

Фалиери, которому было уже за пятьдесят, женился на молодой даме, отличавшейся большой красотой и элегантностью, и этот союз, естественно, а может быть, и неизбежно, сопровождался подозрениями со стороны влюбленного мужа. Они в основном падали на президента старого или «криминального сорока» (так называемого для отличия этого трибунала от двух других, менее значимых, которые рассматривали менее серьезные дела), которого он несколько грубо изгнал из своего дома во время приема, устроенного им для знати. Президент почувствовал себя еще более оскорбленным, поскольку его внимание было направлено не на жену дожа, а на одну из ее служанок. Под влиянием момента он написал на троне дожа стихотворение, которое, независимо от того, было ли оно основано на правде или нет, он знал, что сильно ранит его, поскольку затрагивает его честь и верность его супруги. Оно гласило:

«Марин Фалиери от своей красивой жены,

Altri la gode ed egli mantiene»

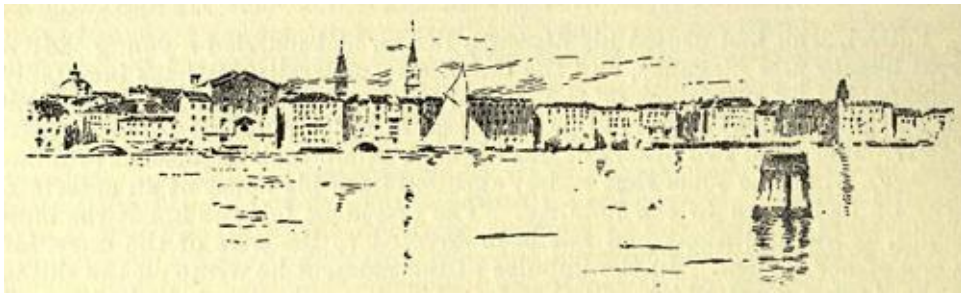
(Марино Фалиери с красивой женой; другие наслаждаются ею, а он ее содержит). Фалиери обнаружил автора надписи и донес на него публичным адвокатам, но, вопреки его ожиданиям, те, посчитав это преступление простительным, передали дело не в грозный

Совет Десяти, а в Уголовный Совет Сорока — тот самый трибунал, председателем которого был обвиняемый. Виновный встретил благосклонность; его приговорили лишь к одному месяцу тюремного заключения.

С этого момента дожь питал безудержную вражду к суду и даже ко всему сословию дворян, которых он считал предателями своей чести. За этим последовала надежда на месть. Он знал о недовольстве, которое испытывали как плебеи, так и менее привилегированные дворяне по отношению к правительству, и искусно пытался его разжечь. Его ответ гражданину, который однажды пожаловался ему на то, что жена или дочь были опозорены или оскорблены членом великого совета, произвел большое впечатление: «Вы никогда не добьетесь справедливости. Разве я сам не был оскорблен, не имея надежды на адекватное возмездие?» В короткие сроки он организовал заговор, целью которого было открыть великий совет для знати и выборы членов всех государственных должностных лиц, включая самого дожа, для всех граждан. Вечером перед днем, назначенным для его осуществления, заговор был раскрыт одним из заговорщиков; другие были арестованы и подвергнуты пыткам; многие были казнены.^b

Но требования справедливости еще не были удовлетворены, и закон требовал более крупной жертвы, более благородной жертвы. Затем последовал процесс над Марино Фалиери. Утром в четверг, 16 апреля 1355 года, старик был выведен из своих апартаментов, одетый в государственную мантию, в зал великого совета, где он предстал перед своими обвинителями и судьями. Судьбский стол состоял из шести тайных советников, девяти децемвиров и двадцати мудрецов, которые были специально созданы для рассмотрения этого чрезвычайно серьезного дела. Последние имели только право голоса, но не право голосовать.

Как только были зачитаны статьи обвинения, Фалиери сделал откровенное и беспрекословное признание. Он признался во всем. Он заклеил себя как худшего из преступников, заслуживающего самого сурового наказания, которое может быть наложено по закону. Без дальнейших предисловий было поставлено на голосование, должен ли обвиняемый понести смертную казнь. Пять членов тайного совета и девять децемвиров проголосовали «за». Большинство составило четырнадцать голосов против одного. Похоже, только один голос просил пощады для того, кто, по мнению аристократии, усугубил преступление измены, сблизившись с ремесленниками и плебеями. После вынесения приговора осужденный был отправлен обратно во дворец. Было приказано, чтобы «Марино Фалиери, признанный виновным в заговоре против конституции, был доставлен к вершине парадной лестницы собора Святого Марка и там, лишенный герцогской шапки и других символов своего достоинства, был обезглавлен». Этот приговор не мог не вызвать ледяной холод в каждом сердце. Но дож принял его со спокойным хладнокровием, достойным героя Лукки.

ВЕНЕЦИЯ С ОСТРОВА САН-ДЖОРДЖО

Казнь состоялась на следующее утро в час третьей. Джованни Мочениго, старший тайный советник, в сопровождении пяти своих коллег, децемвиров, адвокатов коммуны и других высокопоставленных государственных чиновников, вышел навстречу его светлости, которого под стражей доставили из его апартаментов в большой зал совета. Образовав вокруг него круг, они сопровождали его к роковому месту, которое было выбрано для ужасной катастрофы. Огромная толпа людей всех сословий собралась, чтобы посмотреть на это зрелище. На площади царила мрачная и ужасная тишина. Дож, в тишине, в которой был слышен каждый шепот или вздох, умолял своих соотечественников о прощении и восхвалял справедливость приговора, который ему предстояло понести. Затем с него сняли корону и одежду. Биретту заменили черной шапкой, а на плечи накинули плащ того же цвета. По назначенному сигналу он положил голову на плаху, и одним ударом палач отсек ее от тела. Сразу после удаления головы двери собора Святого Марка были распахнуты, и толпа ворвалась внутрь в диком беспорядке, жаждая увидеть изуродованное тело, которое было выставлено на всеобщее обозрение перед погребением (пятница, 17 апреля 1355 года).

[1355-1405 гг. н. э.]

Так, в возрасте семидесяти семи лет, погиб один из величайших военачальников и государственных деятелей, которыми могла гордиться Венеция, тот самый Фалиери, который за сорок два года государственной службы заслужил как граф Вальдемарино блестящую и завидную репутацию. Таково было позорное падение человека, чьи разносторонние таланты позволили ему прославиться во всех сферах официальной жизни, а чьи неуправляемые страсти привели его седые волосы менее чем за семь месяцев с трона на эшафот. Фалиери пережил большинство своих ранних друзей, если не семейное счастье; было решено, что он должен пережить и свою честь.

Останки герцога были похоронены без всякой помпы в Сан-Джованни-э-Паоло, за монастырем, в направлении часовни Санта-Мария-делла-Паче; и из смешанных мотивов деликатности и гордости Десять поручили своему секретарю опустить в книгах своих сделок все прямые упоминания о его приговоре и казни. Слова «Пусть это не будет записано» были единственной подсказкой, данной *Мисти* о великом преступлении и великой трагедии. После погребения портрет Фалиери занял свое место в зале, где висели портреты всех его предшественников. Только через двенадцать лет после описанного события Десять, декретом от 16 марта 1367 года, распорядились удалить его и заменить черной креповой тканью с надписью «*Hic est locus Marini Faletri decapitati pro criminibus*» (Здесь находится место Марини Фалери, обезглавленного за преступления).

Прошло три столетия, когда несколько рабочих, копавшихся неподалеку, случайно обнаружили саркофаг. На тот момент находка не вызвала особого интереса, но в конце концов саркофаг был вскрыт, и в нем обнаружили скелет с черепом, помещенным между коленями. Эта особенность указывала на то, что человек, дух которого когда-то обитал в теперь уже безликой глине, умер от руки палача; и если еще оставались какие-то сомнения, то полуразрушенная надпись на урне подтверждала, что там лежали кости несчастного Фалиери.^k

Венецианские войны и завоевания

[1405-1450 гг. н.э.]

Ранее в этой главе мы уже рассказывали о войнах между Генуей и Венецией, кульминацией которых стало унижение первой в Кьодже. Первый успех Венеции разжег аппетит ее народа к дальнейшим завоеваниям. И королева морских городов не ограничила свои устремления местами своих прежних побед.^a

Ее стремление вновь развеять свои знамена на *суше* побудило Венецию оказать помощь Джан Галеаццо Висконти против Карраров под обещанием возвращения Тревизо, который она потеряла во время войны в Кьоддже. Недобросовестность миланского правителя едва не лишила венецианцев их доли добычи, если бы страх перед их мощью не заставил их союзника с неохотой вести себя честно в своем грабеже. Благодаря дружественным проявлениям по отношению к Катерине, овдовевшей герцогине Милана, венецианцы впоследствии получили Виченцу, Фельтре и Беллуно, а Франческо Новелло да Каррара, который уже считал Виченцу своей добычей, был лишен своих надежд. Его зять, маркиз Феррары, был вынужден выступить против него, а жители Вероны, измученные осадой и голодом, открыли ворота войскам Венеции. За этим важным приобретением последовала череда легких побед; большая часть территории Падуи подчинилась без сопротивления, а сама столица, опустошенная голодом и чумой, обещала скорую капитуляцию. Последняя отчаянная вылазка была отбита с ужасным кровопролитием, а предательство открыло ворота и впустило войска Венеции. Каррара и его сын Франческо Терцо теперь не имели никакой надежды, кроме милосердия завоевателей. Они отправились в Венецию, где были приняты с видимой сердечностью и заточены в подземелье. В этом ужасном подвале они имели несчастное удовольствие обнять своего сына и брата, Якопо да Каррара. Проведя почти два месяца в этом месте отчаяния, отец был тайно задушен в тюрьме, а на следующий день его два сына погибли подобным образом. Два брата из этой знаменитой семьи все еще были живы; из них Убертино умер от болезни вскоре после гибели своего рода, а Марсилио искупил свою опрометчивую попытку вернуть Падую публичной казнью в 1435 году. Таким образом, благодаря уничтожению некогда могущественных семей Скала и Каррара, тиран Адриатики стал господствовать в Ломбардии и обрел великолепную территорию, включая Падую, Верону и Виченцу. Пятнадцать лет спустя Фриули был отнят у патриарха Аквилеи.^g

Известный беглец Франческо Карманьола, прибывший примерно в это время в Венецию, совершил то, что почти не удалось Флоренции, раскрыв венецианцам план герцога Милана по их порабощению. Франческо Карманьола своими победами, завоеванной славой и влиянием, которое он приобрел над солдатами, вызвал ревность, а не благодарность Филиппо Марии, который опозорил его и лишил должности, не указав никакой причины. Карманьола вернулся ко двору, но не смог даже добиться аудиенции у своего господина. Он удалился в свою родную страну, Пьемонт; его жена и дети были арестованы, а имущество конфисковано. Наконец он прибыл через Германию в Венецию; вскоре после этого несколько посланников герцога Миланского были арестованы за попытку отравиться его.

Дож Франческо Фоскари, желая придать блеск своему правлению завоеваниями, убедил сенат Венеции противостоять растущим амбициям герцога Миланского.¹

Франческо Карманьола был одним из первых солдат, если не первым капитаном Италии, и хорошо знал все войска, планы, секреты и ресурсы Висконти, поскольку его таланты помогли вернуть герцогство, и он долгое время был главным фаворитом и советником этого принца. Видя, что Гуидо Торелли и другие предпочитают ему, что его враги пользуются большим вниманием, а он сам лишен генуэзского правительства, он удалился от двора, но, получив тайное известие, правдивое или ложное, что Филиппо намеревается его отравить, бежал в Венецию, и доказал свою искренность, в которой сомневалось правительство, этим объяснением. Он также раскрыл многие секреты Висконти и его планы против Венеции после падения Флоренции, большинство из которых, по-видимому, были подтверждены конфиденциальными письмами Висконти, которые флорентийское правительство несправедливо использовало и отправило Ридольфи для этой цели.

Джентльмен по имени Перино Турло, пользовавшийся благосклонностью и доверием Филиппа, был взят в плен во время нападения на Фаэнцу и доставлен во Флоренцию, где получил свободу, сопровождаемую большим вниманием и лестью, и в конце концов был отпущен (после того, как заявил о своей вере в то, что Филипп желает дружбы с Флоренцией) с искренней просьбой заключить между ними мир. Это был план, направленный на выяснение реальных намерений Висконти в отношении Венеции, с целью облегчить предстоящие переговоры с этим государством; но Перино вскоре вернулся с различными предложениями о мире, которые, по его словам, Филипп искренне желал, и в доказательство своей искренности представил *карт-бланш*, а также несколько писем, которые сенатория немедленно отправила в Венецию, поскольку они содержали информацию, представлявшую огромную опасность для этой республики. Лоренцо Ридольфи немедленно показал их венецианцам, и те, увидев щедрые предложения Флоренции в отношении лиги (), смелую уверенность флорентийского посла в необходимости создания лиги, важные сообщения и обещания Карманьола, а также соблазнительную перспективу завоевания Брешии, которую обещал этот полководец, решили принять союз, и в начале 1426 года был заключен договор.

[1426-1427 гг. н.э.]

Этот союз с Флоренцией просуществовал десять лет на условиях, чрезвычайно выгодных для Венеции, чьи реальные источники силы по-прежнему заключались в торговле, а географическое положение давало ей значительные преимущества в отношениях с Флоренцией, для которой ее сотрудничество как в силе, так и в положении имело первостепенное значение в войне с Ломбардией. Венецианская территория в этой провинции, недавно приобретенная, еще не стала неотъемлемой частью ее национальной мощи; она была лишь удачным дополнением к уже упроченной власти — власти, которая все еще росла, поглощала и до сих пор не ослабевала от экспансии, и поэтому могла быть снова утрачена без особого огорчения, поскольку национальные интересы еще не укоренились и не отождествлялись каким-либо образом с этими провинциями. Но для Флоренции война с Миланом всегда была вопросом жизненной важности, особенно после стольких бедствий; поэтому она с готовностью соглашалась на любые условия, и мир, перемирие и война теперь в равной степени подчинялись воле этой хитрой и неуступчивой аристократии. Венеция также выдвинула некоторые ревнивые условия в отношении александрийской торговли, кроме того, она должна была получить все завоевания, которые могли быть достигнуты в Ломбардии, а Флоренция — все завоевания в Романье и Тоскане, которые еще не принадлежали церкви. Шестнадцать тысяч всадников и восемь тысяч

пехотинцев должны были составлять минимум объединенных сил, а мощные вооруженные галеры на Майн и флотилии на По должны были действовать энергично против Генуи и всех других важных точек территории Висконти. Папа Мартин отказался присоединиться, но Сиена последовала за Флоренцией. Никколо, маркиз Феррары, принял командование флорентийцами и присоединился к лиге в обмен на обещание получить Луго и Парму в случае их завоевания. Амадей, герцог Савойский, преследуя свои собственные цели, лорд Мантуи и другие ломбардские сеньоры подписали договор, а Франческо, граф Карманьола, был назначен генералиссимусом.

Одни венецианцы выставили на поле боя 8830 всадников и 8000 пехотинцев, флорентийцы — 6110 всадников и 6000 пехотинцев, тратя соответственно 4 и 3 флорина в месяц на каждого солдата каждого рода войск. Против них Филиппо имел 8550 всадников и 8000 пехотинцев, а его общий доход составлял 54 000 флоринов в месяц. Другие авторы, в том числе Каньола, указывают гораздо большее число союзных войск, и по свидетельству всех, в Каза-аль-Секко было в общей сложности 70 000 солдат обеих армий; но Камби приводит имена и титулы каждого конкретного военачальника (); Сфорца, Пиччино, Пергола и Толентино были самыми многочисленными из частных кондотьеров и равны по силе любому из суверенных князей.

Затем началась война, и Филиппо вывел свои войска из Романьи; Карманьола, выполняя свое обещание, направился прямо на Брешию; благодаря тайному соглашению с семьей Авогадори и другими гвельфами, все из которых жили в одном конкретном квартале города и все ненавидели Висконти, он легко поднял восстание и 17 марта 1426 года занял там такую позицию, которая сразу же позволила ему осадить остальную часть города. Брешия, один из главных городов и самый известный центр производства оружия в Италии, была тогда разделена на три отдельных укрепленных района, каждый из которых защищала своя цитадель; кроме того, над всем этим возвышался мощный замок, откуда открывался вид на весь город.

Сначала Карманьола был хозяином только той территории, на которой стоял, но вскоре началась битва со всей яростью штурма и всей жестокостью гражданской войны, пока Франческо Сфорца, который ее защищал, не был вынужден сдаться, и союзники не завершили свое осадное положение. Когда эта новость распространилась по Милану и Флоренции, все военные силы сосредоточились вокруг Брешии; Ареццо и Романья были вскоре очищены от войск, и подкрепления хлынули со всех сторон. Непрерывные сцены войны и кровопролития, пожаров, изнасилований и грабежей привлекали внимание всей Италии в течение восьми месяцев подряд, так что, по словам Кавальканти, «ни одна таверна не была так затоплена водой, как этот несчастный город был затоплен кровью». Ров окружал его так плотно, что никакая помощь не могла проникнуть внутрь, чтобы облегчить всеобщее страдание; внутри не слышалось ничего, кроме криков, плача и стенаний, смешанных с криками сражающихся воинов и звоном оружия; с мастерской рукой, почти невероятным упорством и перед лицом всей миланской армии, возглавляемой величайшими полководцами того времени, Карманьола за несколько месяцев подчинил три цитадели подряд и, наконец, с помощью самих гибеллинов, в ноябре 1426 года, почти неприступный замок, последний оплот Висконти, подчинился его оружию. Хорошо направленная артиллерия, которая под названием «бомбарда» теперь становилась обычным явлением при осадах, оказала ему существенную помощь, и замок в момент его сдачи описывается как имеющий вид дикобраза из-за бесчисленных стрел, покрывавших его стены, все закрепленных в швах раствора; факт, который больше свидетельствует о рвении, чем о подготовке итальянских лучников и арбалетчиков. Так пал Брешия, что стало позором для миланских полководцев и славой для Карманьолы, поскольку его захват был воспринят

как один из величайших военных подвигов той эпохи и принес Венецианской республике новую благородную территорию.

Папа Мартин, который в результате своего союза с Филиппо не только вернул папские города в Романье, но и другие, которые никогда не принадлежали церкви по закону, наконец решил примирить воюющие государства; благодаря его усилиям и трудностям Филиппо 30 декабря 1426 года в Венеции был подписан общий мир, 1426 году был подписан общий мир, по которому Савойя сохранила за собой все свои завоевания на территории Миланского государства; Брешия и ее территория остались за Венецией; все места, захваченные у Флоренции, были возвращены, а ее купцы, как господин Генуи, были освобождены Филиппом от обязательства, налагаемого на них до сих пор, перевозить свои английские и французские товары на генуэзских судах. Милан вновь обязался не вмешиваться в дела Болоньи, Романьи, Тосканы и любого государства между этим городом и Римом, а Флоренция подписала те же условия в отношении Болоньи и той части Романьи, которая не подчинялась ее власти.

К большому удовлетворению Флоренции этот договор был провозглашен в начале 1427 года. До 9 ноября она потратила 2 500 000 флоринов, получив при этом мало или вообще никакой выгоды, а ее обычные военные расходы () оценивались примерно в 70 000 в месяц. По этому поводу современный историк Джованни Морелли восклицает: «Вести войну, поощрять войну, питать тех, кто разжигает войну; Флоренция никогда не была свободна от войн и никогда не будет, пока ежегодно на эшафоте не будут отрубать головы четверем ведущим гражданам». Как бы то ни было, если верить современным писателям, хотя и находившимся под влиянием преобладающего духа фракционности, частная выгода была главной причиной внешних и внутренних войн во Флоренции.

Но чернила на договоре едва успели высохнуть, как Филиппо, либо раскаявшись в содеянном, либо преследуя свои тайные намерения, с уверенностью, что он навсегда потеряет Брешию, если выполнит договор, лично пригласил Карманьоло взять под свой контроль Кьяри, укрепленный город, составлявший мощное предградие этого города на дороге в Милан. Никколо Толентино, подозревая измену, отговорил своего генерала от этого шага, несмотря на приказ венецианского сеньора , и его совет вскоре оправдался, когда стало известно, что отряд, отправленный на эту задачу, был окружен и уничтожен в стенах города. Висконти продолжил свои действия, оснастив большую флотилию на По, пополнив свою армию распущенными солдатами союзников и внезапно возобновив военные действия. Удивленный союз почти сразу вышел на поле боя с оставшимися войсками, генерал получил приказ вести ожесточенную войну, пока готовилось сильное вооружение для встречи с врагом на воде и атаки всех уязвимых точек на левом берегу По.

Первое сражение произошло при Готтоленго. Карманьоло собрал свои военные повозки (которые в те дни были незаменимым элементом всех армий для быстрого перемещения пехоты) и, заполнив их арбалетчиками, попытался застать врага врасплох. Однако миланцы были слишком опытны для этого и, собрав все свои силы, неожиданно атаковали его, когда он находился в некотором замешательстве во время марша, и почти разгромили всю армию; однако Карманьоло собрал своих людей и, восстановив порядок, начал упорную борьбу.

Жара была невыносимой, пыль невыносимой, забрала шлемов, глаза и ноздри бойцов были забиты, так что дышать было почти невозможно. Миланцы получали вино и воду от крестьянок, но из-за пыли и темноты друзья и враги были неотличимы, и многие союзники получали прохладительные напитки даже из рук своих врагов. Многие падали с лошадей, одолеваемые жарой и пылью; равнина была усыпана копьями, щитами и ранеными; лошади дико скакали по полю, некоторые с седлами, некоторые без; у других седла были перевернуты под животами, а многие люди сбрасывали всю свою броню, чтобы не

задохнуться. Пиччино выделялся среди остальных рыцарской смелостью, и острие его копья было ощутимо для всей толпы; ибо эта битва, за исключением пехоты, казалась беспорядочной массой одиночных боев, больше похожей на *сражение* на турнире, чем на научный бой дисциплинированных солдат; но пехотинцы, в крепких, хорошо организованных батальонах, с опущенными копьями, атаковали и выдержали атаки вооруженных людей, убивая как их, так и их лошадей. Когда борьба длилась уже несколько часов и союзники были готовы сдаться, маркиз Мантуи, до сих пор обманутый ложными сообщениями трусливого беглеца, внезапно появился со своими последователями и, бросившись вперед, спас всю кавалерию и восстановил положение. Отступление было объявлено одновременно с обеих сторон; каждая армия была трижды разбита, за исключением пехоты, которая, судя по своей дисциплине, сохранила остатки сил.

В течение этих двух кампаний герцогские войска были меньше по численности, чем союзные, но в них служили лучшие солдаты и было больше способных командиров; тем не менее, они потерпели неудачу из-за отсутствия общего главнокомандующего, в то время как Карманьйола пользовался беспрекословным послушанием, и все его преимущества были достигнуты за счет нанесения ударов превосходящими силами по самым слабым местам противника. Чтобы исправить это, Висконти назначил своим генерал-капитаном молодого Карло Малатеста из Пезаро, юношу без опыта, но чье высокое положение и репутация семьи могли сдерживать постоянные ссоры между военачальниками.

Победы Карманьёлы

Тем временем Карманьйола, разгневанный несколько позорным делом в Готтоленго, задумал напасть с неожиданностью на Кремону — город, полностью принадлежавший к гвельфам и враждебно настроенный ко всякой гибеллинской власти; с этой целью он занял сильную позицию в Соммо, недалеко от города, укрепил и усилил свой лагерь тысячей боевых колесниц, как было в его обыкновении, и доверился жителям города в вопросе окончательной победы. Филиппо, по вышеуказанным причинам, забеспокоился; поэтому, собрав большие силы и немедленно высадившись на По, он сразу же занял и спас Кремону. Военный совет был того мнения, что врага следует атаковать, поскольку Кремона обеспечивала их собственную безопасность в случае поражения, а победа почти гарантировала падение Мантуи. Чтобы защитить это место, армия разбила лагерь на открытом пространстве шириной около полумили, расположенном между городскими стенами и окружающим рвом, называемым *Le Cerchie di Cremona*, защита которого означала защиту самого города; но поскольку округ был большой, по призыву своего князя сюда непрерывно стекались вооруженные крестьяне, выстроившиеся под различными флагами и знаменами и увеличивших общую численность обеих армий до семидесяти тысяч бойцов. Союзники превосходили противника по численности регулярных войск, миланцы — по опыту и дисциплине, и считали себя вполне равными своим противникам, не считая крестьян; последние, однако, в нестабильной обстановке того времени и той страны хорошо умели обращаться с оружием, хотя и презирались кондотьерами, которые представляли их Филиппу как полезных для заполнения рвов и удобных мишеней для исчерпания вражеских снарядов и щажения регулярных войск; однако, как говорили, их огромное число вызывало страх, «настоящий предвестник поражения».

Решив вступить в сражение, вперед был отправлен отряд легко вооруженных войск, но они были быстро оттеснены к основным силам Талиано Фурлано, одним из вражеских вождей, который, увидев уже сформированную миланскую кавалерию и всю страну, насколько хватало глаз, покрытую знаменами, мгновенно развернулся, чтобы поднять тревогу. Карманьйола вскоре сел в седло и лично руководил обороной узкого перевала,

защищенного широким и глубоким рвом, который враг должен был преодолеть, прежде чем его основные силы могли быть атакованы. Перевал был быстро укомплектован ветеранами, а дорога внутри него была окружена восемью тысячами пехотинцев, вооруженных копьями и арбалетами, которые расположились в почти непроходимом заросле, граничащем с общественной дорогой. Этот перевал назывался Ла Каса-аль-Секко, и Аньооло делла Пергола впервые появился перед ним со своими последователями, поддерживаемыми толпой крестьян; ров был глубоким, широким и хорошо защищенным, и нарастающий град стрел так сильно изматывал его людей, что он сразу же решил использовать сельские отряды для его заполнения. Гнать крестьянскую толпу вперед, он приказал регулярным войскам казнить каждого несчастного, который отвернулся от врага; так что эти несчастные с копьем за спиной и арбалетом перед собой падали, как трава под косой земледельца. Но мертвыми они были более полезны: по приказу Аньооло все убитые и раненые, все, кто пал, были без разбора сброшены в эту всеобщую могилу, засыпаны землей и похоронены все вместе.

Здесь можно было увидеть обезумевших отцов, которые дрожащими руками набрасывали комья земли на тела своих мертвых и раненых сыновей; сыновей, насыпавших землю на головы своих отцов; братьев, покрывавших окровавленные останки своих братьев; дядей, племянников; племянников, дядей — всех, сбившихся в одну кучу в этом ужасном компосте! Если несчастные поворачивались, копье или дротик друга мгновенно пронзали их тела; если они стояли, стрела или копье врага не менее остро пронзали их; живые, они заполняли яму сыновьями и братьями, мертвыми или ранеными, самими собой! Они работали и умирали тысячами; даже те самые солдаты, которые противостояли им, в конце концов сжалились и направили свое оружие только на вооруженных людей. «И в награду за это, — восклицает Кавальканти, — Бог даровал нам силу и мужество». Тем не менее, так много людей было жестоко принесено в жертву, что ров вскоре заполнился до самого края землей, плотью и человеческой кровью, и тогда рыцари, прищипорив своих коней, гордо промчались по этой адской дамбе! Именно тогда началась битва: со всех сторон хлынули свежие отряды, и все бросились в безумную схватку, ибо на этом кровавом месте должен был решиться исход дня. «Здесь, — говорит Кавальканти, — началась ожесточенная и смертельная борьба; здесь каждый рыцарь вел своих последователей и совершал благородные подвиги; здесь разбитые копья летели в воздухе, кавалеристы лежали безжизненными на земле, а все поле было усыпано мертвыми и умирающими! Здесь же был виден молодой Карло Малатеста, сам и его конь полностью покрытые кольчугой, а с его плеч струился золотой плащ! Кто не видел его, тот не видел гордости армий! Здесь было много крови, и отсутствие радости, страх и сомнения тяжело давили на каждого! Не было слышно ничего, кроме звона оружия, ударов копий, бури кавалерии, стонов, криков и воплей обеих армий! Солнце палило, страдания были ужасными, жажда невыносимой; все казалось горящим, все было против желаний людей, но женщины из Кремоны приносили нашим врагам прохладительные напитки».

Вся битва, по-видимому, сосредоточилась в этом ущелье, так что численность войск не имела большого значения для обеих сторон; тем не менее, миланские рыцари были жестоко наказаны ветеранами в лесу, которые с момента перехода рва непрерывно обстреливали стрелами лошадей и людей или же врывались с копьями и пронзали их. Столько же людей погибло от истощения и удушья, сколько от ударов, поскольку сражение происходило в начале июля и длилось с двух часов после восхода солнца до вечера; другие, как говорят, умерли от зловония, быстро разлагавшегося из-за чрезмерной жары. Карманьола, вынужденный обстоятельствами вступить в самую гущу сражения, был сбит с лошади, и жестокая борьба между теми, кто пытался спасти его, и теми, кто хотел взять его в плен, вскоре сосредоточила все рыцарское мастерство обеих армий вокруг его личности; его

снова посадили на лошадь, и пыль и суматоха не раз спасали его, как и Никколо Пиччинино, а также других военачальников обеих сторон, от того, чтобы их узнали и взяли в плен. Эскадроны атаковали и снова атаковали в пыли и темноте; не было видно никаких знамен; только голос позволял узнать друга; и когда прозвучал сигнал к отступлению, целые отряды кавалерии выстроились под чужими знаменами, совершенно не зная своего положения. Один из сильных отрядов совершил атаку на обоз и на некоторое время подверг союзников большой опасности; но, будучи в конце концов отбитым с потерей пятисот пленных, он отступил; число пленных было равным, но победа в Каза-аль-Секко была справедливо завоевана Карманьолой.

До этой битвы Филиппо пытался компенсировать свои неудачи морской победой; венецианский флот на По был чрезвычайно активен, и чтобы сдержать его, он поставил сильный отряд под командованием Пачино Эустакио из Павии с указанием не терять времени и вступить в бой с врагом. Последний, под командованием Франческо Бембо, не уклонился от сражения, которое произошло недалеко от Брешелло; но, потеряв в начале сражения три галеона, Бембо, сомневаясь в исходе, с той быстротой и смелостью, которые отличают выдающийся ум, внезапно прекратил сражение и, выведя всех арбалетчиков с оставшихся галеонов, укомплектовал их экипажами других галеонов, вооруженных только копьями, мечами, шпагами, боевыми топорами и коротким оружием всех видов. Он поместил их в авангард, а на опустошенные галеоны посадил только арбалетчиков и расположил их близко к тылу своей первой линии, дав строгий приказ под страхом смертной казни () убить либо его самого, либо любого другого человека, который отвернется от врага. Затем он возобновил атаку.

С миланцами впереди, с арбалетами, нацеленными на первое судно, которое отступило, и вооруженными только коротким оружием, венецианские моряки были вынуждены либо сражаться с врагами врукопашную, либо быть пронзенными без сопротивления собственными или вражескими снарядами. Таким образом, лангобарды стали менее грозными из двух, и чем ближе был бой, тем безопаснее, потому что они были свободны от стрел обеих эскадр; таким образом, возбужденные галеоны решительно подплыли к вражеским и пришвартовались там, и сражение стало более ожесточенным и упорным; венецианские моряки, в основном греки и славяне, описываются как проявившие всю храбрость, проницательность и дикую ярость этих народов.

Сцена была ужасающей; не было места для тактики, не было надежды на побег; человек встречал человека с глазами и руками смерти; борьба была личной, неумолимой, решительной; борьба за существование, а не за победу; венецианцы, подвергавшиеся двойной опасности, не имели другой надежды; греки с Крита и Негропонте вместе со славонскими экипажами совершали такие подвиги, которые редко имели себе равных и до сих пор не превзойдены. Набрасываясь с силой тигров на свою добычу, часто случалось, что, когда итальянское копьё пронзало тело славянина, раненый хватался за скользкий древко и тянул себя вперед, пока не схватывал своего врага, и тогда оба катились, борясь, в реку вниз. Или же, пронзив друг друга в один момент и решительно продолжая натиск, они сражались до последнего вздоха или падали, корчась от боли, в кровавую По; ибо эта великая река, полная, широкая и обширная, окрасилась в ярко-красный цвет. В конце концов Пачино сдался и с несколькими еще не захваченными галерами удалось спастись, но четырнадцать кораблей остались в руках Венеции.

Итальянский рыцарь, XV век

После битвы при Каза-аль-Секко Карманьола, который, как утверждает Кавальканти, теперь возглавлял пятьдесят тысяч воинов, осадил Казальмаджоре на По и отбил Бину, которую захватил Сфорца; затем он подчинил себе первый город, и обе армии осторожно маневрировали, внимательно следя за движениями друг друга, до начала октября, когда союзники осадили Помпеяно, город, расположенный примерно в шести милях от Брешии на большой дороге в Крему. Пока Малатеста отсутствовал с Филиппо, миланские капитаны расположили свою армию так, чтобы помешать продвижению врага, не рискуя вступить в общее сражение, но когда Карло вернулся, он расположился между Макало (ныне Маклодио) и союзниками с намерением прийти на помощь осажденным. Два лагеря, расположенные всего в четырех милях друг от друга, были разделены тем, что тогда было обширным болотом, а сейчас — плодородной равниной; то, что тогда было зловонными черными и застоявшимися прудами, полными камыша и колючек, кишачими змеями и всевозможными отвратительными рептилиями, сейчас изобиловало кукурузой, виноградниками и шелковицей. Главная дорога из Орчи-Нови на Ольо в Помпеяно и Брешию пролегла через эту пустошь, как дамба, и проходила по деревянному мосту через глубокий канал, соединявший противоположные болота. Примыкая к болоту и мосту, одна сторона дороги была окружена обширным лесом, настолько густым, диким и полным диких зверей, что и люди, и домашний скот избегали его. Прямо у моста дорога входила в своего рода замкнутое пространство или котловину из твердой земли посреди болот, своего рода ловушку, из которой ни одна армия, однажды вошедшая в нее и отрезанная от моста, не могла надеяться выбраться, кроме как путем уничтожения превосходящего врага.

Никколо Толентино, лидер, имевший большое влияние, осмотрев эту местность, посоветовал Карманьоле занять эту позицию, а сам вместе со своим другом Бернардино и сильным отрядом армии скрылся в лесу на другой стороне моста и стал ждать наступления Карло, который, как предполагалось, бросится в ловушку. Это предложение было принято; в ту ночь в лесу была устроена засада, а остальные войска были приведены в боевую

готовность на рассвете. Карло Малатеста, с другой стороны, будь то по причинам, упомянутым Корио, или по собственному умышленному решению сражаться, выступил в поход на рассвете; он быстро перешел мост и попал в засаду под громкие крики «*Viva il Duca! Da здравствует герцог!*». Карманьола выстроил свою армию в форме полумесяца и медленно отступал перед ним, но все еще углубляя центр, как будто опасаясь столкновения. Услышав, что все вошли, он воскликнул: «Они пойманы!» и с возвышенности вскоре обратился к своему народу перед сражением.

В тот момент, когда тыл врага перешел мост и вступил в бой со своими противниками, Бернардино, как молния, выскочил из леса и захватил его во главе тысячи всадников; за ним быстро последовал Толентино с гораздо более многочисленными силами, но, оставив последнего защищать мост, он схватил тяжелое и хорошо заостренное копье и с двумя сотнями вооруженных людей с громкими криками и в великом смятении устремился вглубь тыла миланцев. Затем два рога полумесяца быстро сомкнулись; Карманьола атаковал с фронта; из каждой заросли непрерывно стреляли арбалеты; по полю раздавались крики «*Сан-Марко*», «*Дука*» и «*Марзокко*». «Крики людей, ржание лошадей, удары копий, буря мечей были настолько сильны, — говорит Кавальканти, — что даже самый громкий раскат грома прошел бы незамеченным. Дикие звери в ужасе бежали по лесам, а в этих адских болотах можно было увидеть множество змей, шуршащих в камышах от необычного шума! О читатель, подумай, насколько жестоким должен был быть этот конфликт, если столько животных, врагов нашей природы, бежали в таком диком испуге! Все было в ужасе и смятении; Никколо твердо держался моста; многие были загнаны в болота или протасканы через них за стремени; порой стрелы летели так густо, что заслоняли солнце, и эта смертоносная стрельба наносила бесконечное зло; сам воздух казался измененным и напуганным, и эта огромная толпа была полна стонов, крови и смерти!» Всякая надежда на победу наконец исчезла, и миланцы сломались, сдались и разбежались во всех направлениях. Карло Малатеста и восемь тысяч пленных сложили оружие, но, как ни странно, почти всем им тогда или впоследствии Карманьола позволил бежать; и это впервые посеяло семена венецианской ревности.

Гвидо Торелли, Пиччино и Франческо Сфорца бежали, и к следующему утру все, кроме четырехсот пленных, обрели свободу; это вызвало сильные протесты со стороны венецианских комиссаров, после чего Карманьола приказал привести оставшихся пленных и сказал им: «Поскольку мои солдаты дали свободу вашим товарищам, я не буду отставать от них в щедрости; уходите, вы тоже свободны». Эта битва стала кульминацией славы Карманьолы: было ли это нежеланием унижать своего старого покровителя, тайным желанием мира и возвращения своей жены и детей, которые находились в руках Висконти, или менее благородными мотивами, остается неясным; но его последующие усилия были незначительными. По словам Поджо, нет сомнений, что в тот день он мог бы уничтожить Филиппо, если бы удержал пленных, которые были цветком армии этого принца; но, согласно обычаю современных солдат, они остались в качестве зрителей, нацеленных только на разделение добычи, и отпустили воинов на свободу.

Венецианцы не упустили этого из виду, но ни одного упрека не прозвучало, ни одного осуждающего слова не было сказано, ни один признак недовольства не дошел до его ушей; он все еще мог быть полезен, постепенно увеличивая их завоевания, и пока находился в слишком грозном положении, чтобы его можно было поразить; напротив, как это было в их обыкновении, когда они обдумывали жертву, ему проявляли больше почтения, больше уважения, но он не был забыт.

Смерть Фрескобальди; война закончилась и возобновилась

Освобожденная армия Милана вскоре была вновь укомплектована, вооружена и вышла на поле боя; ведь в большинстве этих сражений тратилось больше денег, чем проливалось крови, поскольку мертвые не платили выкуп, а Висконти располагал достаточными ресурсами. Тем не менее он был встревожен своим фактическим положением и искал новых сил, поднимая императора Сигизмунда против Венеции, выдавая свою дочь Марию замуж за герцога Савойского и поднимая бедные остатки семей Каррара и Ла Скала на волнения в Падуе и Вероне. Он встретил эти трудности с умелым умом и смелым видом, но на самом деле был странным человеком и, по мнению современных писателей, отличался от всех других людей. Он не отличался стабильностью, уверенностью, убежденностью, твердостью целей; изменчив, как ветер, не соблюдающий обещаний, непостоянен в дружбе и склонен к внезапной антипатии к тем, кто, казалось бы, был его самыми близкими друзьями; хитрый, проницательный, тщеславный в отношении собственного мнения, презирующий мнение других; поочередно причудливо миролюбив и воинственен; любитель одинокой жизни, он редко появлялся на публике, а управлял через своих министров и временных фаворитов, что, без сомнения, привело к многим из его худших несчастий.

Небольшая неудача перед Генуей, более значимая из-за героической смерти Томмазо Фрескобальди, чем из-за какого-либо другого ущерба, в некоторой степени омрачила радость Флоренции от этой недавней победы. Фрескобальди прославился как флорентийский комиссар в районе Аретино благодаря своему умелому и энергичному поведению в очень сложных условиях и полному пренебрежению со стороны правительства; тем не менее, он стойко сопротивлялся миланским войскам, пока осада Брешии не освободила его. Возмущенный таким обращением, он лично и смело упрекнул Десятку войны в их поведении, не сдерживаясь в выражениях. Никколо д'Уццано попытался успокоить его и был уважительно выслушан; но Виери Гуаданьи так нетерпеливо отчитал его, что Томмазо сказал ему, что только его высокое должностное достоинство является единственной защитой от личного наказания (). Никколо, который полностью ценил достоинства Фрескобальди, упрекнул Виери за его несдержанность, и вскоре этот гражданин был отправлен в качестве комиссара для ведения войны против Генуи, где в течение некоторого времени его энергия и способности были не менее заметны, чем раньше. В конце концов Фрегозо и флорентийцы потерпели поражение в попытке вторгнуться в Геную; а Томмазо, который сражался до последнего, после того как все были разгромлены, был ранен и взят в плен. Губернатор, суровый и жестокий человек, пообещал ему жизнь, свободу и награду, если он раскроет секреты своего правительства и скажет, кто в городе Генуе был в сговоре с Кампо Фрегозо, но в случае отказа ему грозила смерть и пытки. На это Фрескобальди твердо ответил: «Обищино, если за мое молчание по поводу государственных секретов ты собираешься казнить меня, то забудь о надежде узнать то, что долг перед моей страной и твердость моего намерения, даже если бы я знал, не позволили бы мне раскрыть; и, поскольку я не надеюсь на твою милость, тебе не стоит ждать от меня каких-либо откровений, потому что даже если бы я знал, я бы тебе не сказал». Его немедленно подвергли пыткам, его раны вновь разорвались от мучений, но он умер, не произнеся ни слова. Благородный пример для его живых потомков!

Флоренция теперь искренне желала мира, потому что она больше не могла рассчитывать на что-либо от войны, а постоянно растущие расходы истощали ее ресурсы; более справедливое действие Катасто способствовало этому желанию, потому что теперь основную нагрузку несли богатые и великие. Они снова утверждали, и вполне справедливо,

что если война продолжится, Филиппо потеряет свое государство, которое, согласно условиям лиги, получит не Флоренция, а Венеция, и с усилением своей власти станет более грозной, чем сам Висконти, поскольку тогда ничто, кроме Флоренции, не сможет ей противостоять. Неаполь, управляемый слабой, развратной женщиной, был в смятении; понтифик не хотел вмешиваться; император был бы отрезан Венецией, которая держала ключи от Италии, а Франция была слишком далека; лучше, как повторяли вновь и вновь, иметь нестойкого врага, чем вечного и могущественного соседа. Венеция теперь приобрела вкус к завоеванию Италии, и мелкие приобретения Карманьёлы по-прежнему увеличивали ее территорию; но ее подозрения пробудились, и она наконец согласилась на переговоры, в то время как Висконти действительно стремился к миру вследствие своего недавнего поражения. Искренность всех сторон вскоре принесла свои плоды, и кардинал Санта-Кроче наконец восстановил спокойствие, подписав договор в Ферраре в середине апреля 1428 года, после почти пяти лет непрерывных военных действий. Стоимость этой долгой и разрушительной войны, по данным Кавальканти, составила 3 500 000 флоринов, а по данным Макиавелли — 3 050 000.

Флорентийцы не получили от этого ничего, кроме огромного долга и учреждения Катасто; венецианцы, помимо Брешии, получили часть Кремонского государства с Бергамо и его территорией вплоть до Адды, которая теперь стала их западной границей. Таким образом, говорит Кавальканти, из-за действий злобных граждан наш народ был обременен бедностью, а венецианцы — богатством и территорией; и причиной всего этого были гордыня и алчность.

Но мир продлился недолго. Флорентийцы напали на Лукку; Пиччинино пришел ей на помощь, и общая война возобновилась. Не менее четырнадцати городов восстали в пользу Пиччино за одну ночь, все они прислали свои ключи и, как правило, заключили флорентийских властей в тюрьму; однако, несмотря на жестокое угнетение и варварство того времени, приятно обнаружить, что некоторые из последних были пощажены вследствие своего справедливого правления и вместе со своими семьями были благополучно переправлены через границу восставшим народом; но такие исключения только доказывают общую суровость флорентийского господства.

[1430-1431 гг. н.э.]

В этой ситуации Микелетто Аттендоло из Котиньоло, племянник Сфорцы, был назначен капитаном флорентийской армии, которая вскоре восстановила свой дух благодаря победе в Колле над графом Альбериго да Барбьяно, преемником Пиччинино, Бернардино дельи Убальдини, а также благодаря доблестному поведению Рамондо Маннелли и Папи Тедадьди, что принесло еще большую славу флорентийскому оружию. Уязвленные недавним поражением на По, где они были полностью разгромлены генуэзским адмиралом, венецианцы отправили эскадру к тосканскому побережью и Ривьере Генуи, чтобы отомстить за это оскорбление; однако они, по-видимому, не решались вступить в общее сражение, пока флорентийцы, уставшие от такой изнурительной бездеятельности, не оснастили две галеры под командованием вышеупомянутых офицеров и не вынудили или не заставили их атаковать генуэзский флот. В основном благодаря своей смелости и отваге последние были полностью разгромлены у Портофино, а их адмирал Франческо Спинола и восемь галер были захвачены. Но задолго до этого Никколо Пиччиноно триумфально прошел по большей части флорентийской территории, захватывая или разрушая город за городом от Понтремоли до ворот Ареццо, который также пал бы, если бы он не остановился без объяснения причин, чтобы осадить маленькую крепость Гаргонца на своем марше. Эта беспрепятственная череда побед укрепила его благосклонность к Филиппо Висконти, но

вызвала ревность Никколо Толентино, которого этот принц кормил одними только обещаниями; поэтому последний с отвращением покинул Милан и вступил в союз с флорентийцами, которые предоставили его в распоряжение папы с двумя тысячами последователей, и следствием этого перехода стало отзыв Пиччинино для защиты Ломбардии, которой теперь угрожал союз. Смерть папы Мартина V в феврале 1431 года принесла радость Флоренции, которую он на протяжении всего своего правления не переставал ненавидеть, и избрание Габриэля Кондельмьери, кардинала Сиены и венецианца, который вступил на папский престол под именем Евгения IV, было едва ли менее удовлетворительным. Его первой мерой была попытка восстановить спокойствие, но она была осуществлена с такой явной склонностью к Флоренции, что вызвала отвращение у сиенцев, Висконти и всех ее многочисленных врагов.

Таким образом, война стала неизбежной, и союз между Флоренцией и Венецией стал еще более крепким; но Сиена, в согласии с Генуей, которые обе давно благоволили к Лукке и были воодушевлены Пиччинино, вскоре вступила в открытую войну; она начала военные действия под командованием генерала Висконти Альбериги и с помощью Генуи склонила сеньора Пьомбино, недавнего опекуна флорентийцев, взять в руки оружие против них.

Набеги этих соседей в Валь-д'Амбра усугубили трудности Флоренции, и была сделана попытка привлечь Франческо Сфорцу; но, верный своим интересам, он был подкуплен обещанием выдать за него замуж маленькую дочь Висконти Бьянку.

Чтобы справиться с ним и Пиччинино, Карманьйола, несмотря на его странное поведение в недавней войне, был вновь поставлен во главе венецианских войск и продвинулся в государство Кремона, но 6 июня 1431 года в Сончино на берегу реки По потерпел поражение с большими потерями в ужасной и кровопролитной битве со Сфорцей.

Великая морская битва на По

МАГИСТРАТ ФЛОРЕНЦИИ

На По была оснащена флотилия, состоящая из ста судов всех типов, и под командованием Никколо Тревиджано направилась прямо на Кремону; Висконти также подготовил свой флот под командованием генуэзского адмирала Гримальди или, как говорят некоторые, Пачино Эустакио из Павии, который ранее потерпел поражение — вероятно, были задействованы оба; но Венеция действовала слишком быстро и превосходила миланский флот по численности, размеру, и оснащению, так что в течение некоторого времени она контролировала реку. Враждующие флотилии в конце концов встретились в Бине, недалеко от Кремоны, и сражались до тех пор, пока ночь не разделила их, с потерей семи миланских галер. Сфорца и Пиччино, которые укомплектовали эскадру из своих войск и опасались нападения Карманьёлы во время сражения на следующий день, обманули венецианского генерала с помощью нескольких притворных дезертиров, которые сообщили, что они готовятся атаковать его в разгаре морского сражения. До сих пор не ясно, был ли Карманьёла действительно обманут или, как полагали венецианцы, он не хотел участвовать в войне, но он вел себя так, как будто был обманут, и не только оставался в боевой готовности весь день, но и отказался оказать помощь адмиралу. Сфорца и Пиччинино, напротив, усилили флот почти всеми своими войсками, и на следующий день, в конце июня, произошло самое упорное морское сражение, которое когда-либо регистрировалось.

Венецианские галеры заняли позицию носом к течению и соединились цепями, чтобы лучше сопротивляться течению; миланцы, менее многочисленные, но переполненные людьми, смело наступали на своих противников; оба флота сверкали сталью и были вооружены пиками и копьями. Противники-адмиралы испытывали друг к другу национальную ненависть, которая тогда была далека от исчезновения; два миланских генерала лично служили на борту, воодушевляя свои войска, как на поле битвы; недостаток более слабой линии кораблей компенсировался более сильной личной силой на стороне Милана, в то время как на стороне Венеции успех последнего дня воодушевил всех на новую и более смелую отвагу.

Так, подготовившись, началась битва, и борьба была долгой и ожесточенной; но Гримальди заметил, что По поднялся ночью, и в это время года вряд ли останется таким; поэтому он наблюдал за его падением и, подбадривая своих людей на еще немного борьбы, поддержанный усилиями обоих генералов, с тревогой ждал, когда большие венецианские галеры — съедут на мель, в то время как его собственные более легкие суда все еще будут на плаву и смогут атаковать их. Все сложилось удачно: течение начало спадать, вода быстро мелела; венецианцы почувствовали, что их галеры сели на мель, и, обратив все свое внимание на эту аварию, подвергли себя всей ярости Гримальди, который возобновил атаку с удвоенной силой. Сфорца и Пиччино сражались как рядовые солдаты; последний был тяжело ранен в шею и остался инвалидом на всю жизнь, но все смело устремились к победе, пока венецианцы боролись за выживание: галера их адмирала наконец сдалась, а сам он спасся бегством; но это было сигналом поражения, и Гримальди остался победителем. Было захвачено около двадцати девяти галеонов и восемь тысяч пленных; число погибших, должно быть, было огромным, но оно не зафиксировано, и Венеция была в ярости; тем не менее, правительство смотрело на Карманьёло с глубоким молчанием и всей тайной своей природы; ни один упрек, ни один внешний знак не вызвал у него опасений; но эскадра немедленно отплыла, чтобы отстоять национальную честь на побережьях Тосканы и Генуи, о чем уже было рассказано.

Из-за ложного подозрения сиенцев граф Альбериги был арестован и отправлен в Милан, где герцог его оправдал; но Бернардино, который покинул флорентийцев, преуспел и вел против них разрушительную войну, в то время как Микелетто оставался бездейственным и равнодушным, особенно намеренно упустив удобный случай для нападения на Лукку, так что Никколо Толентино получил приказ заменить его. Этот генерал добился немедленного

успеха, но, получив неоправданную похвалу, неосторожно решился атаковать Бернардино в местечке под названием Капанне в Валь д'Эльса, где в момент поражения Микелетто великодушно пришел ему на помощь и разгромил врага, нанеся ему большие потери.

Восстание в Пизе; жестокая уловка Балдаччо

Это подняло настроение народа, но тем временем все сельское население Пизы подняло восстание и избрало десять человек из высшего сословия с полномочиями управлять ими и взимать с них налоги для всех целей войны, решив нанести удар по Висконти, пока его войска были заняты регулярными боевыми действиями; кроме того, сильная группа сельской молодежи была полностью вооружена и сражалась под командованием своего соотечественника графа Антонио да Понтедера, самого активного сторонника Висконти. Таким образом, в дополнение к внешней войне, широко организованное восстание охватило весь Пизанский государственный аппарат, и эти неподготовленные клоуны сражались с такой доблестью и яростью, что это свидетельствовало о чрезмерной и всеобщей ненависти к флорентийскому правлению, поскольку ни один справедливо управляемый, хотя и завоеванный народ не сражался бы с такой злобой. «Как у бешеных собак, их укус смертелен», — говорили воины: «мы сражаемся не с деревенскими клоунами, а с демонами ада». Поэтому никто из них не осмеливался встретиться с этими разъяренными крестьянами на равных условиях; «если только, — говорит Кавальканти, — это не были те, кто предпочитал реке смерти удовольствиям этого мира».

Джованни Фиеско, господин Понтремоли, чувствуя неловкое положение своих владений, которые поочередно становились добычей обеих сторон, продал этот город Висконти; война стала всеобщей, злобной, разрушительной и сопровождалась гораздо более страшными ужасами, чем обычно; не было ни милосердия в настоящем, ни надежды на будущее: голод с угрожающими шагами пробирался по всей земле; страх и подозрение таились в каждом взгляде; города и деревни, хутора и поселки, замки и хижины были без разбора поглощены одним огромным потоком невыразимого горя.

Положение Пизы было плачевным: Джулиано ди Гуччо был флорентийским капитаном или губернатором; Джулиано де Риччи — архиепископом; оба они были людьми суровыми, решительными и неумолимыми, а город страдал от нужды. В этой ситуации, вероятно опасаясь осады, Гуччо отдал жестокий приказ, «который для него был крайней жестокостью, а для других — слезами».

Все женщины и их маленькие невинные дети без разбора были жестоко изгнаны из города и своих домов. «Этот несправедливый приказ был выполнен несчастными жертвами, чьи горькие крики вызывали слезы сострадания даже из глубин земли. Увы, какое зрелище было видеть этих бедных беззащитных женщин и их младенцев, изгнанных таким образом: одни с младенцем на каждой руке и на спине, другие маленькие существа, цепляющиеся за юбки своих матерей, голые и босые; и так они спешили, спотыкаясь и плача от боли в своих нежных ножках, и крича с слезами на глазах и поднятыми лицами: «Куда мы идем, мама?», И все, кто их видел, плакали, слыша их рыдания и детские вопросы, а несчастные женщины отвечали: «Мы идем туда, куда нас ведет наша злая судьба и жестокость извращенных людей. О, земля! Почему ты так жестока, что поддерживаешь жизнь, которая по сравнению со смертью является мучением? О глубокая бездна, пошли своих посланников и пусть они утащат нас в твои темные глубины, ибо твои недра слаще меда по сравнению с горечью человеческой! У некоторых из нас они отняли мужей, у некоторых — братьев, у других — отцов; и теперь они изгоняют нас в пустыню среди чужого враждебного народа, и мы не

знаем, куда идти! О Боже, позаботься о своих творениях и накажи нас по нашим грехам, соразмерно преступлению, и даруй нам ту поддержку, которая даст нам терпение перенести это безграничное горе». Восклидая такие сетования, они блуждали в сторону Генуи, но в конце концов рассеялись во всех направлениях и поселились в основном около Порто-Венере и Понтремоли.

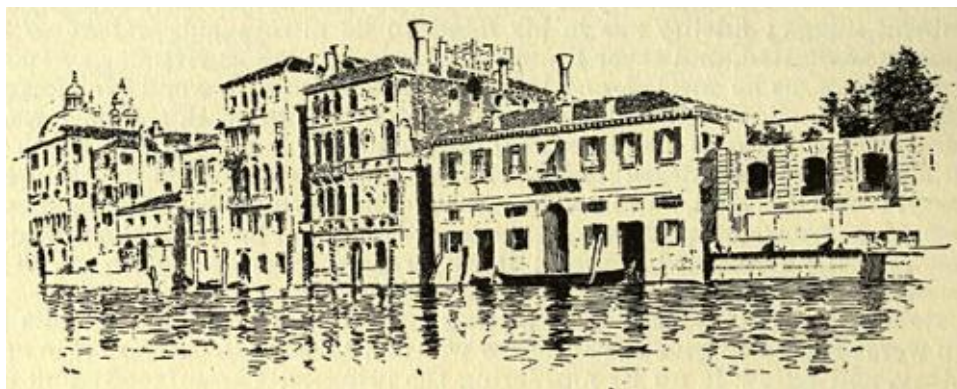
Архиепископ также принимал участие в этой и других жестокостях подобного рода; времена закалили людей, но долг священника — пытаться смягчить их, а не ездить по ночам, как описывается этот прелат в мемуарах своей собственной семьи, на мощном боевом коне, вооруженный с ног до головы, патрулируя улицы, чтобы следить за общественным спокойствием; и если какой-нибудь несчастный попадал под его подозрение во время этих ночных обходов, то сразу же зажигалась восковая свеча, и смерть и конфискация имущества или же изгнание, по его выбору, наступали до того, как она догорала.

Но солдаты превосходили даже священников. Балдаччо д'Ангиари был одним из тех любимых генералов флорентийцев, которые делали войну еще более ужасной своей природной или приобретенной жестокостью. «Он называл убийство смелостью и решимостью; отсутствие смелости он описывал как боязливость перед пугающими и сомнительными вещами; верность, по его мнению, должна была всегда подчиняться делу, которое он отстаивал, а чистая жестокость обозначалась как добродетельная смелость. Этими принципами он руководствовался сам и вел за собой других с удивительным успехом к самым опасным подвигам, и он часто собственноручно казнил врагов Флоренции, оставляя другим доживать жизнь, которую он сделал хуже самой смерти». Этот человек, так описанный современником, захватил Колледжоли и в ходе вылазки из этого места среди множества пленных захватил одного по имени Гуаспарри да Лучиньяно, который внешне был точной копией его самого; это породило странную идею, которую он поспешил воплотить в жизнь.

На следующее утро Гуаспарри был одет в одежды Балдаччо, а его людям было приказано выкрикивать миланский боевой клич «*Дука! Дука!*», как будто они открыто мятежились, а затем убить пленника, чье окровавленное и обезображенное тело было сброшено с башни в ров внизу. Остальные пленники были освобождены, и им показали тело Балдаччо, против которого якобы взбунтовались войска; им приказали немедленно разойтись и распространить по всей стране весть о смерти этого злодея, рассказывая, как мятежники удерживали замок от имени герцога и ждали помощи. Эта история быстро разнеслась, и пизанцы, вооруженные и невооруженные, толпами стекались посмотреть на радостное зрелище, когда внезапно появился настоящий Балдаччо со своими войсками, окружил их и отправил всех в плен во Флоренцию.

Такие зверства, совершенные не только без раскаяния или необходимости, но, как представляется, просто для военного развлечения, придали войнам этой эпохи характер варварской мстительности и ужаса, который был призван лечь тяжелым грузом на совесть их авторов; и если Космо де Медичи действительно был зачинщиком Луккской войны, то все его добрые поступки и хорошие качества были лишь жалким утешением за массу человеческих страданий, которые его амбиции причинили и навлекли на его страну. Нет сомнений, что он мог бы предотвратить ее, если бы только поддержал Никколо да Уццано; столь же несомненно, что он, напротив, решительно выступал за нее и поддерживал ее; и вряд ли можно подвергать сомнению то, что она была несправедливой и лишеной политической необходимости. Поэтому, отбросив все второстепенные обвинения, он должен быть признан виновным в том, что он выступал за несправедливую и ненужную войну, вел ее с необычайным ужасом, жестоким по своему характеру и разрушительным по своим последствиям.

Венецианцы, изначально недовольные поведением Карманьолы после победы при Макало, стали глубоко подозревать его в неверности после морского сражения у Кремоны (1432), и это подозрение еще более усилилось из-за его поведения в самой Кремоне. Его собственные войска взобрались на стены и захватили ворота этого города, где они защищались в течение двух целых дней, тщетно ожидая помощи от Карманьолы, который находился неподалеку; в конце концов, измученные усталостью, они не смогли больше держаться и были все убиты. Впоследствии он позволил Пиччинино захватить два укрепленных города под его самым носом, не предприняв никаких попыток спасти их; так что, независимо от того, был ли он вероломным или нет, у Венеции были веские причины для сомнений и недовольства. Говорят, что военные действия Карманьолы всегда были медленными и хорошо обдуманными; он не был склонен позволять своим склонностям преобладать над разумом, но венецианские комиссары, прикрепленные к его армии, не переставали подталкивать его к действиям со всей уверенностью невежественных людей; он, будучи чрезвычайно гордым и никогда не сдерживающим своего языка, ответил им так же, как Хоуквуд ответил Андреа Веттори: «Идите и готовьте свои широкие одежды, а мне оставьте командование армией». «Глупцы, — сказал Карманьйола, — вы собираетесь учить того, кто родился в сражениях и вырос в крови? Идите, садитесь на своих бессмысленных лошадей и посетите Каспий, а потом расскажите мне о его чудесах, и в таких вещах я буду безоговорочно верить вам; но сейчас довольствуйтесь тем, что доверяете моему опыту, ибо я не менее опытен на суше, чем вы на море. Вы, венецианцы, богаты предприимчивостью и процветанием, и если вы считаете меня неверным, то лишите меня должности, и я буду искать свою удачу». Венецианцы были раздражены и встревожены этим упреком, особенно намеком на поиски собственной удачи, который указывал на намерение вернуться к герцогу или, что было бы не менее плохо, примкнуть к императору, который уже находился в Италии.

Гранд-канал, Венеция

Когда именно они впервые задумывались о его казни, неизвестно, но Кавальканти утверждает, что это постоянно обсуждалось и в течение восьми месяцев тщательно хранилось в секрете собранием из двухсот сенаторов, без каких-либо подозрений со стороны посторонних и без утечки информации по этому поводу. Наконец, его судьба была решена в соответствии с духом времени и страны.^{[—m](#)} События, приведшие к ее осуществлению, слишком показательны, чтобы не привести их в некоторых деталях.

28 марта Фоскари, по согласованию со всеми членами тайного совета, предложил на заседании коллегии «расторгнуть прегади и передать дело в руки Десятки». Три главы Десятки предложили поправку, согласно которой «этот орган не будет распущен до тех пор, пока не будет решено текущее дело». Однако при голосовании первое предложение было принято большинством в два голоса, и роспуск был окончательно утвержден, а десять

членов совета решили решать поставленный вопрос «осторожно, но решительно». Учитывая серьезность вопроса, трибунал запросил помощь джунты из двадцати сенаторов, и эти дополнительные члены вместе с дожем и тайным советом увеличили число членов до тридцати семи. Когда организация конклава была почти завершена, было обнаружено техническое нарушение, и весь процесс был отменен; вопрос был вновь вынесен на рассмотрение со всеми предыдущими формальностями и снова торжественно подтвержден. Сенат был обязан под страхом конфискации имущества и казни воздерживаться от разглашения каких-либо сведений об этих событиях и хранить в глубокой тайне декрет децемвиров от 28 числа.

На следующий день Джованни да Имперо, секретарь Десяти, человек сдержанного характера и, по словам историка Сануто, «с лицом бледным, как у призрака», получил следующие письменные инструкции:

Джованни:

Мы, Марко Барбариго, Лоренцо Капелло и Лоренцо Донато, главы Совета Десяти, а также Томмазо Микели и Франческо Лоредано, *адвокаты* коммуны, вместе с нашим Советом Десяти приказываем тебе немедленно отправиться в Брешию к графу Карманьоле, нашему генерал-капитану, которому, после обычных приветствий, ты скажешь, что теперь настало время сделать что-то для чести и славы нашего государства, и что у нас возникли различные планы для летней кампании. В связи с наличием значительных разногласий и учитывая, что граф обладает особыми знаниями о Ломбардии по обе стороны По, мы рекомендуем и просим его прибыть сюда как можно скорее, чтобы проконсультироваться с нами и лордом Мантуи; и если он согласится прибыть, вы должны выяснить и сообщить нам, в какой день его можно ожидать. Но если он откажется, вы с максимальной секретностью сообщите нашим капитанам в Брешии и нашему генеральному провидентору о нашем решении арестовать упомянутого графа Карманьола; и вы согласуете с ними лучшие способы выполнения нашей воли и обеспечения его безопасности в нашей крепости в Брешии. Мы также желаем, чтобы, когда граф будет благополучно размещен, его жена графиня была задержана аналогичным образом, а все документы, деньги и другое имущество были изъяты и описаны. Прежде всего, мы желаем и поручаем тебе, прежде чем искать встречи с графом, конфиденциально раскрыть властям в Брешии и генеральному провидентору суть настоящего письма (поскольку мы сами с ними не связывались), приказав им под страхом конфискации имущества и казни в случае неповиновения графа выполнить наши приказы.

30-го числа, вследствие последующей мысли о том, что Карманьола может проникнуть в планы сеньории и попытаться сбежать, необходимые приказы были направлены губернаторам и капитанам республики, чтобы они поддерживали Да Имперо, и если генерал сбежит в какое-либо место в пределах их юрисдикции, задержать его до дальнейшего уведомления; а всем офицерам, непосредственно подчинявшимся Карманьоле, было разослано циркулярное письмо с подписью дожа, в котором им предлагалось не удивляться этим действиям, заверить их в искренней доброй воле правительства и просить их безоговорочно подчиняться указаниям, которые они могли получить через власти в Брешии и генерального провидентора Франческо Гарцони, преемника Корнаро.

Прибыв в место назначения, секретарь Да Имперо сначала встретился с подеста Брешии и генеральным провидентором, а затем направился в квартиру графа в Терерке или неподалеку от нее. «После обычных приветствий» он представил свои полномочия, которые были следующими:

ВЕЛИКОЛЕПНОМУ ГРАФУ КАРМАНЬОЛЕ, генерал-капитану:

Наш секретарь Джованни да Имперо, человек благоразумный и осмотрительный, был уполномочен нами (*т. е. Десятью*) обсудить с Вашим Величеством некоторые вопросы, поэтому просим Вас довериться ему так же, как доверяете нам.

Карманьйола, слишком рад поводу покинуть лагерь, слепо попал в ловушку и немедленно отправился с секретарем Десятки в Венецию. В Падуе он был принят с воинскими почестями местными властями и провел там одну ночь, разделив постель с Федеригио Контарини, капитаном Падуи, «его очень хорошим другом». 7 апреля он прибыл в столицу. Его ждала делегация из восьми дворян. У входа в дворец () Да Имперо исчез, а личные слуги графа были отправлены обратно с объявлением, что «их господин будет обедать с дожем и вернется домой после обеда». Но его другие спутники остались и провели его в зал Святого Марка.

Когда он проходил, генерал заметил, что за ним закрылись двери. Он сразу же поинтересовался, где находится дож, заявив о своем желании получить аудиенцию, «поскольку ему есть что сказать его светлости».

Леонардо Мочениго, один из мудрецов совета, подошел к нему и сказал, что Фоскари, упав при спуске по лестнице, был прикован к постели и не сможет принять его до завтрашнего дня.

Карманьйола тогда развернулся, с нетерпеливым жестом, и приготовился вернуться, заметив: «Уже поздно, и мне пора домой».

Однако, когда он подошел к коридору, ведущему к тюрьме Орба, один из присутствующих дворян мягко остановил его, сказав: «Сюда, милорд».

«Но это не тот путь», — поспешно возразил граф.

«Да, да, это совершенно верно», — был дан ответ.

В этот момент появились стражники, окружили Карманьола и затолкали его в коридор. Последними словами, которые он произнес, были: «Я погиб!» — и, говоря это, он глубоко вздохнул. В течение двух дней он отказывался принимать пищу. Судебный процесс начался 9 апреля со всеми формальностями, признанными и требуемыми в уголовном процессе конституцией; допрос проводился специальной комиссией из девяти человек: Лука Мочениго, тайный советник; Антонио Барбаригио, Бартоломео Моризини и Марино Ландо, главы Десятки; Даниэле Веттури, Марко Барбаригио и Луиджи Вениеро, инквизиторы Десятки; а также Фаустино Виаро и Франческо Лоредано, адвокаты коммуны.

11-го числа обвиняемый, отказавшись давать какие-либо ответы, был подвергнут допросу. Оказалось, что одна из его рук была сломана во время службы республике, и вследствие этого комиссия возразила против использования эстрапады. Но с помощью раскаленного угля из него вытянули признание. Во время Великого поста процесс был приостановлен. При его возобновлении для расследования была представлена масса документов и вызвано множество свидетелей. Независимо от признания, которое, возможно, имело незначительную ценность, были приведены убедительные доказательства изменнического сговора с Висконти. По поводу правомерности осуждения было достигнуто полное единодушие, но мнения по поводу характера наказания разделились. Сам дож и трое членов тайного совета предложили пожизненное заключение. Трое глав Десяти и авогадоры коммуны, учитывая все обстоятельства, отягчающие вину, высказались за смертную казнь. Было проведено голосование, и из двадцати семи человек, имеющих право голоса, девятнадцать проголосовали за смертную казнь.

[1432-1441 гг. н.э.]

5 мая 1432 года Франческо ди Карманьола был приведен как государственный изменник на место казни. Он был одет в алую куртку с рукавами « », малиновый плащ, алые чулки и бархатную шапку «*alla Carmagnola*»; ему заткнули рот кляпом, руки связали за спиной, как

того требовал обычай, и там, между «красными колоннами», на глазах у всей Венеции, его голова была отсечена от тела третьим ударом топора.

Так в расцвете сил пал жертвой собственной слепой и извращенной глупости человек, обладавший талантами высшего порядка и имевший еще недавно в своем распоряжении самые блестящие возможности. Правительство Венеции терпело его ошибки [говорит Хэзлитт], пока его преступность не стала очевидной. Когда была вынесена смертная казнь, его коррупция и измена были уже достаточно очевидны. Однако впоследствии были сделаны открытия, которые значительно усугубили его положение и привели к немедленному смягчению наказания Никколо Тревизано и других офицеров, причастных к поражению в битве на По; и некоторая справедливость, пусть и запоздалая и недостаточная, была восстановлена в отношении пострадавших благодаря открытому заявлению члена сеньории в великом совете «что если бы правительство в то время располагало той точной информацией, которая была у него в настоящее время, его отношение к Тревизано и его товарищам было бы совсем иным». Современный писатель сказал, что «Карманьола, по-видимому, действовал настолько двусмысленно, что его можно было бы отдать под трибунал с небольшой вероятностью оправдания».^k

Однако есть и другие авторы, которые считают, что вина Карманьолы отнюдь не доказана так однозначно, и многие склонны согласиться с мнением Пиньотти,^o который говорит: «Вероятно, он был виновен, но общественность всегда имеет право назвать несправедливым любой акт, который решает судьбу и честь известного человека, не увидев доказательств его вины, или, по крайней мере, должна считать их очень сомнительными, поскольку ни один разумный человек не может найти разумного мотива для их сокрытия. Доказательство этого, — продолжает Пиньоти, — можно найти в уголовной системе самых цивилизованных наций, в частности в той, которая сформировала славу и личную безопасность английского народа».

Возможно, это слегка преувеличено; могут быть причины государственного характера, которые делают желательным обнародование всех фактов, связанных с изменой. И, конечно, кажется, что венецианские власти должны были быть очень уверены в своей правоте, прежде чем решили казнить своего генерал-капитана, когда под рукой не было никого, кто мог бы занять его место. Тем не менее, вопрос о справедливости казни Карманьолы остается одной из нерешенных проблем истории.

Лишившись своего великого полководца, венецианцы оказались парализованы, в то время как дело Висконти соответственно укрепилось. Тем не менее, война закончилась вскоре после этого. Сигизмунд, который был коронован королем римлян в Милане, подвергся нападению флорентийцев и был заперт в Сиене. Отчасти благодаря его влиянию герцог Милана был вынужден подписать мир с союзниками в 1433 году. Венецианцы остались владельцами Брешии и Бергамо.^a

Венеция и турки

[1441-1465 гг. н.э.]

Чуть позже, после разорения и изгнания последних представителей знатной семьи Полента, венецианцы захватили государство Равенна (1441 г.). В дополнение к этим владениям в Италии Венеция продолжала владеть обширными территориями на Востоке, помимо Далмации и Дураццо; вместе с другими местами в Арбании она была хозяйкой главных городов в Морее и многих Ионических островов. Но захват Константинополя турками и пленение венецианцев, поселившихся в Пере (), угрожали ее власти на Востоке, и

она не испытывала отвращения к заключению договора с врагами своей религии. После обычных переговоров между Сигизмундом и Венецией были заключены условия, по которым ее владения были обеспечены, а торговля гарантирована на всей территории империи. В силу этого договора она продолжала занимать Модон, Корону, Наполи-ди-Румания (Нафплио), Аргос и другие города на границах полуострова, а также Эвбею (Негропонт) и некоторые из меньших островов. Но это хорошее взаимопонимание было прервано в 1463 году, когда турки придумали повод для нападения на венецианскую территорию. Под предлогом возмущения предоставлением убежища турецкому беженцу паша Мореи осадил и захватил Аргос, и республика почувствовала себя вынужденной немедленно ответить на агрессию.

МАГИСТРАТ ВЕНЕЦИИ

Из Венеции в Неаполь было отправлено подкрепление, и Аргос был быстро отвоеван. Затем был осаждён Коринф, и проект укрепления перешейка был вновь возобновлён. Мыс, соединяющий Пелопоннес с материком, имеет ширину всего шесть миль между заливами Эгина и Лепанто. В древние времена Греции узость этого прохода натолкнула на мысль о возможности и целесообразности укрепления его валом; при императоре Юстиниане древние укрепления были обновлены, а в 1413 году император Мануил возвел прочную стену, названную Гексамиллион из-за ее длины. В данном случае тридцать тысяч рабочих выполнили эту работу за пятнадцать дней: через перешеек была построена каменная стена высотой более двенадцати футов, защищенная рвом и укрепленная 136 башнями; в центре был установлен флаг Святого Марка, и после проведения священной службы новое укрепление было завершено. Но приближение турок, численность которых, вероятно, была преувеличена в сообщениях, повергло в недоверие и смятение венецианцев; не желая

полагаться на прочность своих укреплений, они отказались от осады Коринфа и отступили в Неаполь, откуда неверные были отбиты с потерей пяти тысяч человек.

Пелопоннес теперь был подвержен грабительским мерам возмездия со стороны турок и венецианцев; и христиане, казалось, стремились соперничать с мусульманами или превосходить их в изысканности своих варварских наказаний. Названия Спарта и Афины могут вызвать мимолетный интерес; первая обозначена современным городом Мистра, построенным рядом с ее руинами; вторая — бедными остатками древнего города, но все еще одним из самых богатых и густонаселенных владений Греции. В 1465 году Сигизмондо Малатеста высадился в Морее с подкреплением в тысячу человек и, не сумев захватить цитадель, захватил и сжег Мистру. В следующем году Витторе Капелло с венецианским флотом прибыл в пролив Эврип и, высадившись в Аулисе, вторгся в Аттику. Захватив Пирей, он осадил Афины, разрушил их стены, разграбил жителей, а затем венецианцы отступили с добычей на противоположный берег Эвбеи.

[1465-1478 гг. н. э.]

Победоносная карьера Матиаша Корвина, короля Венгрии, на время отвлекла султана от войны в Морее; но когда Матиаш был вынужден сменить своих противников и вместо войны с турками обратился против своих христианских братьев из Богемии, Мухаммед II торжественно поклялся уничтожить идолопоклонническую религию Христа и пригласил последователей пророка присоединиться к его благочестивому замыслу. В начале 1470 года флот из 108 галер, помимо ряда более мелких судов, укомплектованный 70 000 солдат, вышел из гавани Константинополя и направился к проливу Эврип. Со времен Ксеркса эти моря не видели столь огромного скопления кораблей, и в том же месте, куда когда-то великий царь отправил свой бесчисленный флот, бросили якорь корабли султана. Армия без помех высадилась на острове, который они соединили с материком мостом из лодок, и немедленно приступила к осаде города Негропонта. Мухаммед велел поставить свою палатку на мысе Аттического побережья и оттуда наблюдал за действиями своих солдат.

Надежды осажденных теперь были сосредоточены на венецианском флоте, который под командованием Никколо Канале стоял на якоре в Сороникском заливе. Но этот адмирал, ожидая подкрепления, упустил благоприятную возможность помешать высадке врага или запретить турок на острове, уничтожив их полупустой флот и мост из лодок. Из-за непонятной бездеятельности он допустил нападение на город, который после почти месяца упорного сопротивления был взят штурмом, а все жители, не успевшие спастись в цитадели, были перебиты. В конце концов, эта крепость тоже была взята, и варварский завоеватель, пообещавший пощадить голову бесстрашного правителя, не счел нарушением своего слова распилить свою жертву пополам. После этого решающего удара, который привел к падению всего острова, Мухаммед повел свою победоносную армию обратно в Константинополь. Венецианский адмирал был немедленно заменен новым командующим и отправлен в цепях в Венецию, где его соотечественники, проявив необычную сдержанность, решили пощадить его жизнь и наказали его преступление пожизненной ссылкой.

Этот успех воодушевил турок на нападение на венецианцев на их итальянской территории; паша Боснии вторгся в Истрию и Фриули и пронес огонь и меч почти до ворот Удине. Однако в следующем году турки потерпели неудачу в попытке захватить Скутари в Албании, который был передан доблестным Скандербегом под опеку Венеции. Неудачные переговоры о мире приостановили военные действия до 1477 года, когда войска Мухаммеда осадили Крою в Албании, которую они довели до крайней нищеты (). Но новое вторжение во Фриули вызвало панику среди жителей Венеции, которые с вершин своих церквей и башен наблюдали за бушующими пламенами, пожиравшими соседние деревни. Была

проведена поспешная мобилизация всех имеющихся сил для защиты столицы, но турки, не доверяя своей силе или насытившись грабежами, вновь отступили в Албанию. Осада Кроии вскоре закончилась ее капитуляцией и массовым убийством ее жителей, и султан лично взялся за покорение упрямого города Скутари.

Но даже присутствие султана не помогло захватить этот укрепленный гарнизон. Янычары тщетно пытались взобраться на стены, турецкая артиллерия тщетно обстреливала разрушенные барьеры, а новые нападающие заменяли тех, кто падал под градом копьев и камней, бросаемых на них осажденными. В течение двух дней и одной ночи штурм продолжался без перерыва, пока, устав от бесполезных жертв своих людей, Мухаммед не решил превратить осаду в блокаду. Окружающая местность подвергалась разорению со стороны турок, но новой попытке захватить Фриули удалось успешно противостоять, и неверные были вынуждены ограничить свои набеги границами Германии.

Эти повторяющиеся агрессии на ее территории делали Венецию с каждым днем все более заинтересованной в заключении мира с султаном, и были начаты новые переговоры, в ходе которых республика согласилась на условия, которые она ранее отвергала. Было решено, что острова Негропонт и Митилини, а также города Кроя и Скутари в Албании и Тенаро в Морее должны быть переданы туркам, в то время как другие завоевания должны быть взаимно возвращены их прежним владельцам. Венеции был наложен дань в размере 10 000 дукатов, а жителям Скутари было разрешено покинуть город без преследований. На этой основе был заключен мир, который избавил Венецию от разрушительной пятнадцатилетней войны. Бедные остатки защитников Скутари, число которых теперь сократилось до 500 мужчин и 150 женщин, получили разрешение покинуть свои дома; их сопроводили в Венецию, где они были щедро обеспечены за счет республики (1479).⁴

[1454-1489 гг. н.э.]

В то время как Венеция с трудом боролась с османской мощью за сохранение своих колоний, Генуя, обладая меньшей энергией и удачей, потеряла все свои владения и влияние в Черном море. С захватом Константинополя турки получили ключ к Эвксинскому морю; генуэзцы больше не могли поддерживать морскую связь со своей великой колонией в Каффе, кроме как с разрешения султана, и было легко предвидеть, что Мухаммед II не позволит им долго удерживать столь ценную колонию. По случаю какой-то мелкой ссоры с колонистами Каффы татарский правитель Крыма осадил город и пригласил султана к сотрудничеству. Турецкий флот появился перед портом и легко пробил брешь в стенах; колонисты были вынуждены капитулировать, и последний остаток генуэзской власти в Эвксине был уничтожен (1475). Несчастья генуэзцев не имели противовеса, но поражения Венеции в недавней войне были компенсированы приобретением большого и красивого острова Кипр.

С момента завоевания Кипра Ричардом Львиное Сердце и передачи им короны Ги де Лузиньяну потомки этого вождя сохраняли его наследство вместе с королевским титулом. Но спор о престолонаследии и гражданская война 1459 года привели к гибели династии Лузиньянов. После борьбы между законной дочерью и Джеймсом, внебрачным сыном покойного короля, в которой победил последний, венецианцы предоставили ему свою защиту и руку Екатерины Корнаро, молодой дамы из знатной семьи, которая была торжественно объявлена приемной дочерью республики (). Новый король Кипра, который таким образом вступил в необычные отношения с венецианским государством как его зять, выполнял свои обязанности с верностью и почтением. Но он умер после короткого правления, и республика немедленно выступила в качестве естественного опекуна его вдовы и посмертного ребенка. Однако киприоты не были склонны принимать коварную

защиту иностранного государства, и во время отсутствия венецианского флота они восстали против королевы и лишили ее опеки над своим младенцем. По возвращении венецианский адмирал Мочениго понял важность кризиса. Он собрал сильную сухопутную армию из республиканских колоний, заставил островитян подчиниться и занял их крепости своими войсками; с этого момента Кипр можно считать владением Венеции. Младенец, сын Джеймса Лузиньяна и Катерины Корнаро, умер; республика вероломно перевезла в Венецию нескольких внебрачных детей, на которых Джеймс, не имея законных наследников, завещал престол; и в 1489 году венецианское правительство наконец полностью сбросило маску и завершило свое вероломное узурпаторство, заставив приемную дочь своего государства отречься от престола. Катерина Корнаро пользовалась лишь тенью королевской власти под руководством уполномоченных советников венецианского сената, но этот орган по-прежнему опасался, что она попытается обрести независимость, вступив во второй брак, и, получив от нее торжественное заявление об отречении в пользу республики, вывез ее с острова и предоставил ей на всю жизнь замок и доход в своих ломбардских владениях.⁴

Правительство Венеции.

Правительство Венеции достигло теперь того совершенства олигархического деспотизма, которое с очень небольшими изменениями сохранялось с 1454 года до бесславного распада республики в 1797 году. Верховная власть принадлежала великому совету, правительство — сенату, администрация — сеньории, судебная власть — карантин, а полиция — Совету десяти. В эти августейшие собрания допускались только дворяне, так что каждый член подчиненных советов имел место в великом совете.

Дож, по крайней мере номинально, был главой правительства и как таковой председательствовал на всех советах. Его положению полагались внешние знаки уважения, а великолепие герцогских регалий было хорошо рассчитано, чтобы ослепить толпу. Но из абсолютного правителя герцог Венеции постепенно превратился в бессильного церемониального персонажа, и аристократия, по-видимому, с удовольствием сковывала своего князя утомительными, хотя и в целом мудрыми ограничениями. Никто из избранных не имел права отказаться от этого достоинства, а однажды принятое достоинство не могло быть отречено, если только на то не было согласия великого совета. С другой стороны, дож мог быть смещен с должности, и история несчастного Фоскари свидетельствует о суровом обращении, которому подвергался правитель. Дожу было запрещено покидать пределы Венеции без специального разрешения, владеть имуществом за пределами города, заниматься торговлей или получать какие-либо подарки от иностранных правителей. Его доход был ограничен 12 000 дукатов, а его расходы подвергались строжайшему контролю. В своем публичном качестве он не мог ни вести войну, ни заключать мир; он не мог открывать депеши без присутствия сеньора; он также не мог отвечать иностранному правителю без его одобрения. Его жена и семья также не имели права принимать подарки. Его братья, сыновья и даже слуги не имели права занимать публичные должности, а его детям было запрещено вступать в браки с иностранцами. После его смерти его наследники могли быть привлечены к ответственности за ошибки его правления и вынуждены возместить любые злоупотребления, о которых сообщали цензоры, назначенные для расследования его деятельности.

В состав великого совета входили все дворяне, достигшие двадцатипятилетнего возраста. Мы уже видели, какими уловками этот благородный орган закрывал двери собрания для

всех, чьи имена не были зарегистрированы в Золотой книге. Но во время знаменитой войны с Кьоджьо дверь снова открылась, и, верная своему обещанию, Венеция приняла в свои дворянские ряды тридцать граждан, которые, по мнению суда, проявили наибольшую самоотверженность в защите своей страны. В этом прославленном собрании заключалась реальная суверенность Венеции; из Великого совета выходили сенат и другие советы; он поглощал все другие собрания, поскольку только его члены могли занимать важные посты в правительстве. Его особой функцией было принимать или отменять законы, голосовать за магистратов и утверждать или отменять налоги, предлагаемые сенатом. Остальные суверенные функции он с удовольствием оставлял за сенатом, а поскольку сенаторы сами были членами совета, то риск возникновения серьезных конфликтов был невелик.

Бронзовый колодец в Дворце дожей, Венеция

Основные ограничения, наложенные на дворян, касались их отношений с иностранными державами. Им было запрещено приобретать иностранную собственность, принимать иностранные подарки, поддерживать связь с иностранными послами. Были запрещены все смешанные браки между ними и их детьми с иностранцами, но поскольку слишком строгое соблюдение этого запрета могло лишить государство выгодных союзов, был придуман хитроумный обходной маневр: когда дочь венецианского дворянина женился на иностранном правителе, государство принимало ее как свою и выдавало замуж как дочь Святого Марка. Время от времени предпринимались попытки запретить дворянам заниматься торговлей, но нецелесообразность такого ограничения в торговом государстве была слишком очевидна, чтобы запрет мог быть реализован.

Сенат, который первоначально состоял из шестидесяти членов, ежегодно избираемых великим советом из своего числа, впоследствии был увеличен за счет добавления шестидесяти чрезвычайных членов, а прием различных государственных чиновников в силу их должности в конечном итоге увеличил этот орган до трехсот человек. Сенату были поручены непосредственные функции управления; он обсуждал и принимал решения по многим важным вопросам без какого-либо обращения к великому совету. Он объявлял войну или заключал мир, заключал договоры, назначал послов и командующих, чеканил монету, брал ссуды и регулировал распределение финансов. Но он не имел полномочий принимать законы или вводить налоги, если они не были впоследствии одобрены и утверждены великим советом.

Исполнительная власть принадлежала сеньории, в состав которой входили дож и шесть красных советников, назначаемых великим советом, по одному от каждого квартала города. К ним присоединялись три главы уголовной кварантии и шестнадцать мудрецов; эта ассамблея из двадцати шести человек называлась «коллегией». Они принимали послов иностранных князей, получали меморандумы и манифесты и вскрывали все публичные депеши, которые они были обязаны передавать на рассмотрение сенату. Им также принадлежало право созывать сенат, и именно они должны были приводить в исполнение решения сената.

Высшая судебная власть принадлежала уголовному трибуналу из сорока судей и двум гражданским трибуналам, каждый из которых также состоял из сорока судей. Все эти судьи назначались из числа патрициев великим советом; судьи уголовной кварантии были членами сената *по должности*, а поскольку судьи гражданских судов переходили в уголовные, все они поочередно становились сенаторами. Эти трибуналы составляли апелляционные суды по делам, рассматриваемым судами низшей инстанции, и отправляли правосудие в соответствии с гражданским правом, измененным законами и местными обычаями. Их разбирательства были обременены формальностями и, следовательно, были медленными, но их решения (которые принимались путем голосования) признавались проявлением мудрости и честности. В уголовных делах друзьям обвиняемого действительно разрешалось оказывать частное влияние на судей, но такие предосудительные попытки исказить правосудие были строго запрещены в гражданских разбирательствах.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ДВОРЯНИН

[1454 г. н.э.]

Ужасный Совет Десяти уже более века устрасал Венецию, когда был введен новый, еще более страшный инструмент тирании. Совет Десяти считался слишком многочисленным органом для обеспечения желаемой оперативности и секретности своих действий, поэтому в 1454 году великий совет постановил создать еще один трибунал, состоящий из трех

членов, обладающих неограниченной властью над жизнью и свободой сообщества. Совет Десяти был уполномочен назначить двух своих черных советников и одного члена совета дожа; ему было поручено подготовить свод законов для руководства этой новой «государственной инквизицией». Через три дня после принятия этого указа совет был готов с этими статутами, но тщательная детализация их положений ясно доказывает, что на их разработку было затрачено много времени и усилий. То, что этот ужасный трибунал существовал слишком долго, стало очевидным; однако его происхождение было окутано такой тайной, что никто не осмеливался установить время его создания, пока современный историк Венеции в своих кропотливых исследованиях не обнаружил копию этого дьявольского кодекса. Такая ткань изысканной жестокости и вероломства, безусловно, никогда раньше не была представлена миру; и создатели «Статутов инквизиции», по-видимому, были наделены тонким и безжалостным духом злобы, который мог бы бросить вызов злостности собравшихся вместе демонов.

Только внимательное изучение этого руководства по убийствам может дать адекватное представление о той точности и остроумии, с которыми обладатели этой безграничной власти обязаны заманивать неосторожных в свои сети, или о хладнокровной и бескомпромиссной злодействе, рекомендуемом для сохранения венецианской политики. В соответствии с этими инструкциями, три инквизитора были предоставлены на свое усмотрение в выборе времени и места ареста и расследования, применяемых пыток и способа уничтожения своих жертв. Таким образом, дворяне и граждане могли быть публично выставлены на позорном столбе или безмолвно отправлены в соседний канал. Бесчисленные шпионы проникли во все уголки города; укромные уголки домашней жизни и самые потаенные покои герцогского дворца были одинаково открыты для проникновенного взгляда инквизиции. Тайна, окружавшая инквизиторов, была настолько велика, что никто, кроме совета, не знал, кому из его членов было поручено это страшное дело; и неосторожное шепотом сказанное слово в присутствии инквизитора могло в мгновение ока привести к заключению и смерти.

В Венеции также поощрялась система, пожалуй, еще более чудовищная. В разных частях города находилось множество железных ург, в которые можно было бросить обвинения; анонимного обвинения, поданного тайным врагом, было достаточно, чтобы притащить ничего не подозревающего обвиняемого перед судом. Ни один человек не мог ни на мгновение чувствовать себя в безопасности; кинжалы и яд инквизиции были всегда под рукой; и невиновный мог быть внезапно вырван из круга своих друзей и отправлен в жгучую жару свинцовых крыш или навсегда замурован в колодцах, этих мрачных подземельях, расположенных ниже уровня каналов, где он мог заболеть и, возможно, умереть от гнилого воздуха.

Среди этих институтов, где функции государства были исключительно закреплены за дворянами, а законодательная, исполнительная и судебная власть были объединены в одном органе, мы можем затрудниться обнаружить, какая безопасность существовала для благосостояния подчиненных классов. Три авогадора, один из которых обязательно был членом великого совета и сената, могли, конечно, призвать законодательный орган приостановить работу, когда предлагалась какая-либо мера, наносящая ущерб обществу, но в этой заботе об общем благе не было никакой безопасности для частной жизни или свободы, и у нас нет средств установить, сколько индивидуальных страданий причинило это отвратительное правительство. Но среди развлечений и зрелищ народ мог утешаться хотя бы беспристрастностью своих деспотических правителей, поскольку дворяне и даже сам дож подвергались суровому обращению этой безжалостной олигархии.

Летописи Венеции содержат много ярких примеров того, как ее благороднейшие сыновья гибли от злобы врага или приносились в жертву отвратительной политике государства; и каждая страница ее истории искажена примерами вероломства и несправедливости. Не вдаваясь в подробности, мы кратко повторим здесь характерную историю Фоскари; примечательно, что государственная инквизиция возникла в конце правления этого дожа.

СВ. МАРК, ВЕНЕЦИЯ

Два Фоскари

[1423-1455 гг. н. э.]

После смерти Томмазо Мочениго в 1423 году Франческо Фоскари был возведен на герцогский престол. Энергичный ум, смелый и предприимчивый дух были заметными качествами нового дожа; и во время его долгого и воинственного правления Венеция

достигла такой славы и могущества, каких она никогда раньше не знала. Но в то время как Фоскари таким образом увеличивал процветание своей страны, он боролся с тяжелыми домашними бедами. Трое его сыновей один за другим умерли, а выживший был обречен лишь на то, чтобы усугубить страдания своего опечаленного отца. Якопо, младший из Фоскари, был тайно обвинен перед Советом Десяти в том, что он получил от Филиппо, герцога Милана, подарки в виде денег и драгоценностей, и немедленно вызван для дачи ответов на обвинение. Несчастный Франческо, который председательствовал в качестве дожа, видел, как его единственного сына пытали на дыбе, слышал его признание в вине и согласился с приговором к пожизненному изгнанию в Неаполь-ди-Румания. Однако этот приговор был в некоторой степени смягчен, и местом его изгнания был выбран Триест, куда ему разрешили взять с собой в утешение свою молодую жену. Прожив там более пяти лет, его ждало новое бедствие. 5 ноября 1450 года был убит Альморо Донато, один из главных членов совета, и тот факт, что в тот день в Венеции был замечен слуга Якопо, был сочтен достаточным основанием для подозрений в отношении его хозяина. Поскольку жестокие пытки не выбили из слуги ничего, Джакопо был доставлен в Венецию и в присутствии своего отца вновь подвергнут пыткам. Не признавая своего участия в убийстве, несчастный преступник горячо утверждал свою невиновность, но его протесты не принесли ему никакой пользы, и неумолимый совет вынес приговор о пожизненном изгнании на остров Кандия.

ДОГАНА, ВЕНЕЦИЯ

Дож Франческо уже дважды выражал желание отречься от своего достоинства, но каждый раз великий совет отказывался разрешить ему уйти в отставку. Жестокое преследование его сына удвоило его желание покинуть эту высокую должность, которая еще больше подвергала его злобе врагов. Но совет не только повторил свой отказ, но и заставил его поклясться, что он будет сохранять герцогство до самой смерти.

За пять лет пребывания в Канеа в Кандии Джакопо Фоскари испробовал все средства, которые были в его власти, чтобы добиться отмены несправедливого приговора. Устав от безнадежных попыток смягчить своих неумолимых соотечественников, он наконец обратился с письмом к Сфорце, герцогу Милана, умоляя его использовать свое влияние в венецианском сенате. Обращение за иностранной защитой было преступлением в Венеции, и письмо, по замыслу или случайно, было перехвачено, Джакопо был вывезен из Канеи и в третий раз подвергнут пыткам перед Советом Десяти. Он сразу же признал, что написал оскорбительное письмо, и радовался сделанному шагу, который вновь вернул его в его любимую страну, к его жене, отцу и всему, что было ему дорого на земле. Это трогательное признание мало повлияло на бездушный трибунал, и он был приговорен к году заключения в темнице, а затем снова отправлен в Кандию. По истечении срока заключения он был сослан и вскоре после этого умер. Между тем его невиновность в инкриминируемом ему

убийстве была полностью доказана: настоящий убийца Донато на смертном одре признался, что виновен не Якопо, а он сам.

Несчастный отец теперь погрузился в эту кучу несчастий: он ушел из общественной жизни, перестал посещать советы и в возрасте восьмидесяти четырех лет уединился в отшельничестве, столь подходящем его возрасту и несчастьям. Но злоба его врагов все еще не была удовлетворена; было решено, что он должен быть свергнут с трона, который он уже трижды пытался покинуть. Используя огромную власть, Совет Десяти дал понять дожу от имени великого совета, что государство требует его отставки и освобождает его от присяги. Они снизили до того, что предложили ему пенсию в размере 1500 дукатов, и категорически настояли на том, чтобы он покинул дворец дождей в течение восьми дней под угрозой конфискации его имущества. После кратковременной борьбы со своей гордостью старик подчинился указу и спустился по Лестнице гигантов, по которой тридцать четыре года назад он поднялся как правитель Венеции. Собравшийся народ с состраданием и возмущением наблюдал, как пожилой отец республики медленно проходит мимо его частного жилища, но шепот сочувствия в мгновение ока был заглушен угрожающим провозглашением Совета Десяти. Выборщики приступили к избранию нового дожа, и 30 октября 1457 года, через семь дней после смещения Фоскари, Паскуале Малипьери был объявлен должным образом избранным. Звон колокола башни Святого Марка, объявивший о выборах, пробудил в душе Фоскари слишком бурный конфликт страстей для его измученной природы, и он пережил этот удар лишь на несколько часов. Несмотря на сопротивление его вдовы, совет, который таким образом поспешил отправить его в могилу, решил устроить великолепные похороны, и он был похоронен со всем великолепием, обычным для похорон дожа, а новоизбранный герцог присутствовал на них в одежде сенатора.

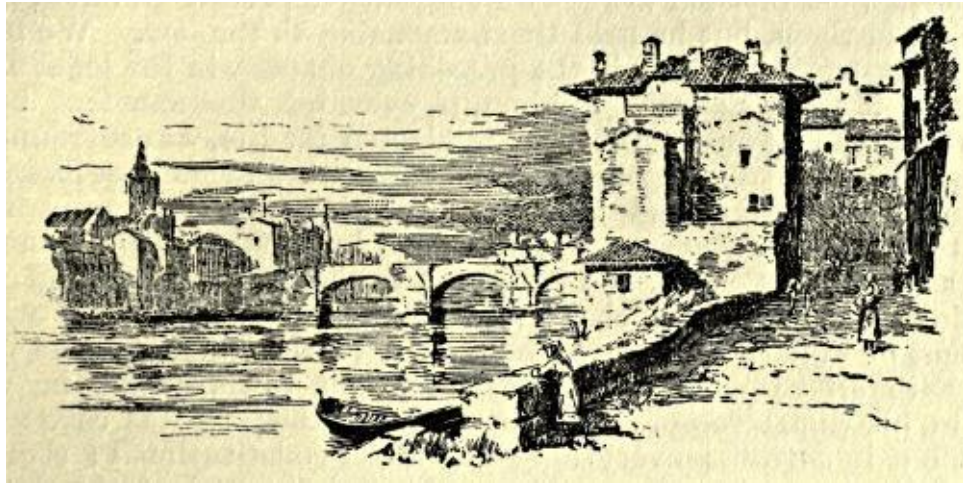
Одним из главных инструментов гибели Фоскари был Джакомо Лоредано, дворянин, чья давняя злоба была официально занесена в его коммерческие счета: «Франческо Фоскари, за смерть моего отца и дяди». Но теперь долг был погашен, и на противоположной странице хладнокровный Лоредано написал разрядку: «он его оплатил».¹⁷

СНОСКИ

^[17] Murat. Annali.—Чтобы не перегружать текст бесплодным перечислением имен, мы приводим здесь список этих дождей, из которого достаточно ясно следует неустойчивость их достоинства. 1339. Симоне Бокканера, отрекшийся от престола в 1344 году; Джованни да Мурта, умерший в 1350 году; Джованни де Валенти. — 1356. Бокканера восстановлен, умер в 1363 году; Габриэлло Адорно, свергнут и заключен в тюрьму в 1370 году; Никколо ди Гуарко, свергнут в 1383 году; Леонардо ди Монтальдо, умер в 1384 году; Антонио Адорно, свергнут в 1390 году; Джакомо Кампо Фрегозо, смещен в 1392 году; Антонио восстановлен и снова смещен в 1392 году; Антониотто ди Монтальдо, смещен в 1394 году; Никколо Зоальо, смещен в 1394 году; Антонио ди Гуарко, смещен в 1394 году; Антонио Адорно снова восстановлен, ушел в отставку в 1396 году. — 1413 год. Джорджо Адорно, деп. 1415; Барнабо Гоано, деп. 1415; Томмазо Фрегозо, деп. 1442; Раффаэлло Адорно, ушел в отставку в 1447; Барнабо Адорно, деп. 1447; Джано Фрегозо, умер в 1448; Лодовико Фрегозо, деп. 1450; Пьеро Фрегозо, смещен в 1458 году. — 1461 год. Просперо Адорно, смещен в 1461 году; Лодовико Фрегозо, смещен в 1463 году; Паоло Фрегозо, смещен в 1464 году. — 1478 год. Баттиста Фрегозо, смещен в 1483 году; Паоло Фрегозо, восстановлен, смещен в 1487 году.

^[18] Дожи Венеции, 1289-1501 гг. — 1289 г., Пьетро Градениго, 49-й дож; 1311 г., Марино Джорджи; 1312 г., Джованни Соранцо; 1328 г., Франческо Дандоло; 1339 г., Бартоломео Градениго; 1343, Андреа Дандоло; 1354, Марино Фалиери; 1355, Джованни Градениго; 1356, Джованни Дельфино; 1361, Лоренцо Чельси; 1365, Марко Корнаро; 1367, Андреа Контарини; 1382, Микеле Морозини; 1382, Антонио Веньер; 1400, Микеле Стено; 1414, Томмазо Мочениго; 1423, Франческо Фоскари; 1457, Паскуаль Малипьер; 1462, Кристофоро Моро; 1471, Никколо Трон; 1473, Никколо Марчелло; 1474, Пьетро Мочениго;

1476, Андреа Вендрамин; 1478, Джованни Мочениго; 1485, Марко Барбариго; 1486, Агостино Барбариго; 1501, Леонардо Лоредано, 75-й дож.

ГЛАВА X. ТОРГОВЛЯ ВЕНЕЦИИ

В предыдущей главе мы проследили политическое развитие Венеции и увидели, как этот город приобрел бесспорное господство на море, а затем начал завоевывать и сушу. Теперь мы прервем довольно удручающую историю политических раздоров, чтобы рассмотреть коммерческое процветание нового мирового торгового центра.

«Венеция, — говорит Буркхардт, — с самого начала осознавала себя странным и загадочным творением, плодом силы, превосходящей человеческий гений. b Ключевой чертой венецианского характера был дух гордой и презрительной изоляции, который в сочетании с ненавистью, испытываемой к городу со стороны других государств Италии, породил сильное чувство солидарности внутри него. Между тем жителей объединяли самые мощные узы интересов в отношениях как с колониями, так и с владениями на материке, заставляя население последних, то есть всех городов вплоть до Бергамо, покупать и продавать только в Венеции. Власть, основанная на столь искусственных средствах, могла поддерживаться только внутренней гармонией и единством. С другой стороны, в рядах самой знати путешествия и коммерческие предприятия, а также непрекращающиеся войны с турками спасали богатых и опасных от плодотворного источника заговоров — праздности. Свободное правительство под открытым небом придавало венецианской аристократии в целом здоровый уклон».

Венецианцы, по сути, действительно отличались от своих итальянских соседей. Мы видели, что город стал известен относительно поздно, в средние века. Географически изолированный, он держался в стороне от соседних государств и никогда не признавал верховенства Западной империи. Номинально он искал защиты у Константинополя, но на самом деле он не нуждался в помощи с этой стороны и не получал ее, а его верность восточному императору, вероятно, была в значительной степени обусловлена безвредностью его предполагаемой власти. Морская жизнь сформировала здесь, как и во многих других местах, выносливую и свободолюбивую нацию. Венецианцы сильно напоминают нам своих предков, древних финикийцев. Но в одном отношении гражданин Венеции оказался еще более самостоятельным, чем его прототип: он всегда настаивал на выборе своих правителей; более того, он не просто избирал их, но и подчинял их закону. Мы видели яркую иллюстрацию этого в предыдущей главе, в законной казни дожа Марино Фалиери. Редко, если вообще когда-либо, этот инцидент повторялся точно так же. Дож Венеции, избираемый пожизненно, был окружен всеми атрибутами королевской власти и по всем признакам был сувереном. Однако когда этот выдающийся занимавший эту должность человек проявил нелояльность к конституции, он был осужден практически так же, как и его сообщники, и подвергнут такому же наказанию.

Ничто не может быть более характерным, чем то, как было исполнено наказание Фалиери. До самого конца дож обращались с ним с полным уважением. Даже когда его вели на казнь, он все еще был одет в герцогские одежды. Приговор закона был исполнен не в гневе, а в печали; все было законно, конституционно; не было никакого нарушения достоинства. Огромная толпа людей ждала у дверей дворца, чтобы увидеть тело, но это была не кричащая толпа: это было тихое и упорядоченное собрание граждан. Падение правителя произошло не в результате террора, подобного тому, который царил в поздней Франции, когда был казнен Людовик XVI, и не в результате революции, подобной той, которая привела Карла I на эшафот. Преемник дожа был избран точно так же, как если бы предыдущий обладатель этой должности умер естественной смертью. Во всей истории, повторим, едва ли найдется точный аналог этому проявлению далеко идущего венецианского правосудия.

Теперь мы должны рассмотреть истинный источник силы этой странной нации; силы, основанной, как неоднократно отмечалось, на старом знакомом фундаменте коммерческого процветания. Именно независимость, рожденная этим процветанием, сделала Венецию страшной и ненавистной для всех других держав Италии — страшной и ненавистной, но также и восхищающей. Мы читаем у Виллани ([—с.](#)), что когда в начале XIV века Венеция снизошла до того, чтобы объединиться с Флоренцией против тирана Милана, флорентийцы считали особой честью для своей страны стать союзником венецианцев, «которые, благодаря своему великому превосходству и могуществу, никогда не вступали в союз с каким-либо государством или князем, за исключением их древнего завоевания Константинополя и Румынии». С другой стороны, от венецианцев мы узнаем, как некоторые мудрецы их города сожалели об этом союзе и сопутствующем ему стремлении к политическим завоеваниям на материке. Сантуто сохранил для нас замечательный отчет [д](#) о предупреждении, которое, как говорят, дал своему народу дож Мочениго, умерший в 1423 году, и чьи предполагаемые слова мы процитируем довольно подробно, поскольку они предоставляют нам статистические данные, которые послужат введением к нашему дальнейшему изучению национальной торговли.

Дож утверждал, что только торговля с Ломбардией приносила Венеции не менее 28 800 000 дукатов в год. «Мои господа, — как сообщается, сказал он, — из-за слабого здоровья, в котором я нахожусь, я считаю, что моя карьера подходит к концу; и обязательства, которые я несу перед страной, которая не только воспитала меня, но и позволила мне достичь такого высокого положения и осыпала меня столькими почестями, побудили меня собрать вас вокруг себя, чтобы я мог поручить вам заботу об этом христианском городе и убедить вас жить в согласии с вашими соседями и сохранять этот город, как я делал это в меру своих сил. За время моего правления было выплачено 4 000 000 дукатов государственного долга, хотя осталось еще 6 000 000, которые были взяты для войны с Падуйей, Виченцей и Вероной. Мы регулярно выплачивали полугодовые проценты по фондам « » и зарплаты государственным служащим. В настоящее время наш город отправляет за границу для целей торговли в различных частях мира 10 000 000 дукатов в год, проценты по которым составляют не менее 2 000 000. В этом городе имеется 3000 судов меньшей грузоподъемности, на которых служат 17 000 моряков; 300 больших кораблей, на которых служат 8000 моряков; 45 галер и дромонов, постоянно находящихся на службе для защиты торговли, на которых служат 11 000 моряков, 3000 плотников и 3000 конопатчиков. Шелковых ткачей насчитывается 3000, производителей фустиана — 16 000. Доход от аренды оценивается в 7 050 000 дукатов. Доход от сдачи в аренду домов составляет 150 000. Мы находим 1000 дворян с доходом от 700 до 4000 дукатов в год. Если вы продолжите процветать таким образом, вы станете хозяевами всего золота христианского мира. Но я умоляю вас, держитесь подальше от своих соседей, как от огня, и не вступайте в несправедливые войны, ибо в таких ошибках Бог не поддержит князей. Всем известно, что турецкая война сделала вас опытными и храбрыми в морских предприятиях. У вас есть шесть способных капитанов, способных командовать большими флотами. У вас есть много людей, хорошо разбирающихся в дипломатии и управлении городами, которые являются послами с большим опытом. У вас есть много докторов различных наук, особенно права, которые пользуются высоким авторитетом среди иностранцев благодаря своим знаниям. Ваш монетный двор ежегодно чеканит 1 000 000 дукатов золота и 200 000 дукатов серебра, а также 800 000 мелких монет. Из этой суммы 500 000 уходят в Сирию, 100 000 — в Терра-Фирма, 100 000 — в различные другие места, 100 000 — в Англию. Остаток используется внутри страны. Вы знаете, что флорентийцы ежегодно посылают сюда 16 000 штук тонкой ткани, которую мы продаем в Барбарии, Египте, Сирии, Кипре, Родосе, Румынии, Морее и Истрии, а также что они ежемесячно привозят в наш город товаров на сумму 60 000 (70 000?) дукатов, что в годовом исчислении

составляет 840 000 или более, и в обмен на это покупают наши товары с большой выгодой для нас.

«Поэтому вам следует опасаться упадка этого города. Вам следует проявлять крайнюю осторожность при выборе моего преемника, в чьих руках будет находиться, в значительной степени, управление республикой к добру или к злу. Многие из вас склоняются к мессеру Франческо Фоскари и, как я полагаю, недостаточно знают его импульсивный характер и гордый, надменный нрав. Если он станет дожем, вы будете постоянно находиться в состоянии войны. Те, кто сейчас владеет 10 000 дукатов, будут иметь только 1000. Те, кто владеет десятью домами, будут владельцами одного, а те, кто сейчас владеет десятью пальто, будут иметь только одно. Вы потеряете свои деньги и репутацию. Вы будете находиться на милости солдат. Я не могу удержаться от того, чтобы высказать вам свое мнение. Да поможет вам Бог сделать самый мудрый выбор! Да управляет Он вашими сердцами, чтобы сохранить мир».

Таковы [говорит Хэзлитт^e] были последние слова великого и пророческого государственного деятеля. Вскоре смерть закрыла эти глаза. Эти губы вскоре замолкли. 4 апреля 1423 года Томмазо Мочениго скончался, оставив свою страну более процветающей и богатой, чем она когда-либо была. Ее казна была полна. Ее долг был значительно сокращен. Статистика налогов и расходов показывала профицит в 1 000 000 в год. Внутренняя и внешняя торговля процветала как никогда ранее. Ни одна европейская держава не пользовалась таким уважением, и ни с кем не стремились так активно заключать и поддерживать союзы.^e

Эти расчеты Мочениго были признаны Халламом^f настолько странными и явно неточными, что заслуживают мало внимания; однако они рассматриваются с большим вниманием Дару^g и Хэзлиттом^e. Несомненно, они не обладают точностью отчетов современных статистиков, но, как общее утверждение о том, что, по крайней мере, является приблизительными фактами, они представляют полный интерес и имеют огромное значение. Они дают представление о могуществе и величии этого замечательного города, который, по данным, в 1422 году имел население всего 190 000 человек, но при этом был самым могущественным государством Италии, а после падения Константинополя в 1453 году стал бесспорной мировой метрополией.

Рассматривая конкретные условия венецианской торговли и производства, целесообразно одновременно дать общий обзор торговли в поздней античности, чтобы понять условия торговли на Востоке, которые унаследовала Венеция.^g

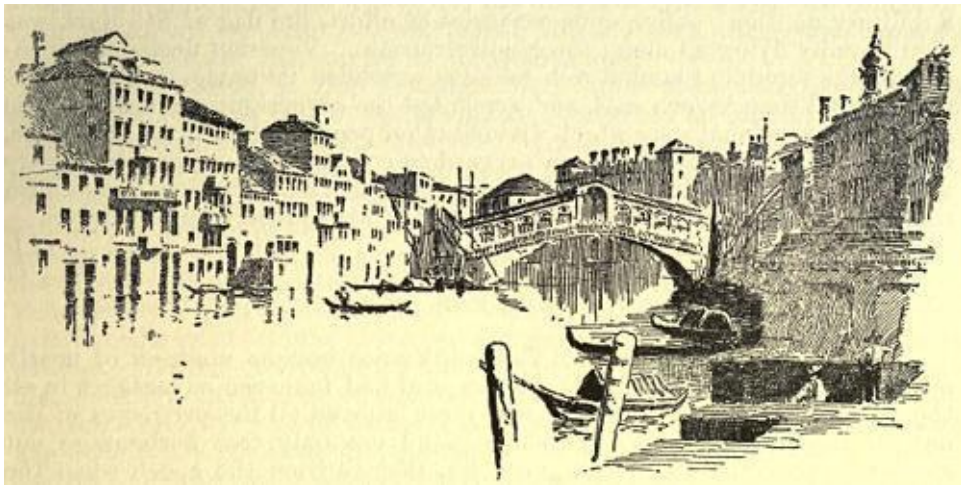
Именно своей политической и территориальной ситуации венецианцы обязаны своим уклоном в сторону коммерческой деятельности — причине своего процветания. Беженцы с итальянского континента, укрывшиеся на маленьких, некультивированных, бесплодных островах, без надежной связи с континентом, они не видели вокруг себя ничего, кроме моря, в руках у них было несколько мимолетных владений, которые они спасли от всеобщего разорения, но которые вскоре были бы утрачены, если бы труд и промышленность не смогли принести им плоды.

Соль была единственным продуктом земли, по которой они ходили. Рыболовство могло обеспечить лишь неполное пропитание. Но это рыболовство, эта соль стали средством обмена, позволяющим добывать необходимые для жизни вещи. Практически всего не хватало. Жители лагун были вынуждены искать на соседнем континенте зерно, дерево, металлы, камень и даже воду. К счастью для них, их соседи не могли ничего им принести. Эти люди, опустошенные непрекращающимися войнами, не занимались мореплаванием. Если бы в то время, когда так много беженцев укрылись в лагунах, рядом с ними был торговый морской город, готовый привезти им все, что они хотели, такой город отнял бы у

них те немногие богатства, которые они привезли на острова, и постепенно эти беженцы, вместо того чтобы создать страну на некультивированных пустошах, стали бы искать безопасности, комфорта или работы у иностранцев. Но суровость их положения, лишение всякой помощи обрекали их на большие усилия, и их героические труды также способствовали их счастью и славе.

Опять же, они вряд ли считали бы благом то, что суровость их судьбы заставляла их прилагать усилия на море. Постоянно вынужденные искать то, чего им не хватало, они неизбежно приобрели привычку бросать вызов океану. Когда того, что им было нужно, не удавалось найти на соседнем побережье, они искали это на противоположном. Постепенно они заметили, в каких точках они могли делать свои покупки или обмены с наибольшей выгодой. Эти частые переходы, совершаемые за свой счет, давали им возможность стать посредниками между двумя берегами Адриатики. Сначала целью этих путешествий было только снабжение островов провизией. Дух торговли расширил их кругозор; их границы расширились, их средства усовершенствовались. Искусство и алчность пробовали более сложные маршруты, и стало видно, что этот новый город, расположенный в таком удобном для обороны месте, почти на границе, отделяющей Европу от Азии, был призван стать благодаря трудолюбию своих жителей главным рынком для западных народов. Другие местные обстоятельства давали ему возможность легко общаться с большим количеством потребителей. Италия, отделенная от Германии Альпами, была недоступна для торговли. Порт, расположенный в конце Адриатического моря и устья По, был естественным рынком для шерсти, шелка, хлопка, шафрана, масла, манны и всех других продуктов, которые Италия поставляла в Венгрию и Германию.

По той же причине все, что север должен был получать из Леванта, Африки и Испании, должно было проходить через Венецию. Путешествия за пролив Гибралтар () к восточному побережью Европы тогда означали длительное плавание. Судостроение было настолько несовершенным, что восточные народы еще не научились искать средиземноморские продукты, и они очень редко совершали экспедиции, которые означали большие расходы, опасность и потерю времени. В результате конец Адриатического моря был единственной точкой связи с судостроительным морем, а Венеция была рынком, предлагавшим равную защиту от всех врагов и бурь. По, Brenta и Адидже, казалось, впадали в бассейн лагун специально для того, чтобы предоставить венецианцам легкий путь, по которому они могли без опасности и больших затрат доставлять все продукты, востребованные восточной Италией. Кроме того, эта растущая республика постоянно заботилась о обеспечении свободного судостроения и всех видов франшиз на этих водах и их многочисленных притоках. Около 713 года первый дож республики заключил мир с Лютпрандом, королем Ломбардии, который сохранил венецианцам торговые привилегии в портах и на землях этого королевства. Они не только были освобождены, наряду со своими соседями, от всех пошлин, но и обладали вечными суверенными правами, осуществление которых давало им возможность создавать проблемы своим соперникам. В XV веке они даже предлагали Филиппо Мария Висконти, герцогу Милана, предоставить ему десять тысяч пехотинцев и десять тысяч всадников, если он позволит им управлять таможнями его столицы.

Мост Риальто, Венеция

Республика уделяла не меньшее внимание сохранению исключительной привилегии снабжать этот континент продуктами своей небольшой территории. Она усовершенствовала искусство добычи соли и, насколько это было возможно, присвоила себе все соляные месторождения своих побережий. Она не позволяла соседям эксплуатировать свои месторождения. Венецианцы продавали два сорта соли: соль, производимую ими самими в своих лагунах, называемую солью Кьоджа, и соль, добываемую из соляных месторождений Червии, Истрии, Далмации, Сицилии, африканского побережья, Черного моря и даже Астрахани. Все эти иностранные соли объединялись под названием морская соль или ультрамариновая соль. Первая была высшего качества и, следовательно, имела более высокую цену. Соляные месторождения Червии принадлежали болонцам. Венецианцы вели с ними переговоры и, чтобы сохранить торговлю всей солью из этого источника, определили количество, которое разрешалось продавать, установив надзор даже на месте производства. Республика даже получила право на транспортировку каменной соли, которую южная Германия и Хорватия добывали из своих шахт. Они заставили короля Венгрии закрыть свои шахты. Жителям побережья Адриатического моря не разрешалось вывозить свою соль, а жители Италии не могли покупать соль, кроме венецианской.

Для любого подданного республики покупка иностранной соли была преступлением. Дом правонарушителя сносился, а сам он изгонялся навсегда. Однако, установив эту монополию, Венеция снабжала всех этих людей, теперь ставших ее данниками, отличной солью по очень низкой цене. Продажи осуществлялись компаниями, которые брали на себя обязательства по снабжению той или иной страны. Почти невероятно, сколько богатств принесла венецианцам эта одна отрасль торговли на протяжении четырнадцати веков. Эти привилегии стоили некоторого кровопролития. Но защита своих притязаний и войны, которые им приходилось вести против корсаров и завистливых соседей, вынудили их создать военно-морской флот. После нескольких веков усилий флаг Святого Марка гордо развевался по всему Средиземноморью. Венецианские флоты совершали завоевания, республика основала богатые колонии, расширила свои морские пути и торговлю на всех известных тогда морях и присвоила себе суверенитет над Адриатическим морем. Непрекращающиеся войны, которые разделяли другие народы, их грубое невежество, их почти полная изоляция в отношении торговли и мореплавания были столькими благоприятными обстоятельствами, которые дали республике время для того, чтобы прочно установить власть своего флота и процветание своей промышленности.

ВЕНЕЦИЯ В ЛЕВАНТЕ

После падения Восточной империи Венеция стала хозяйкой почти всех морских пунктов этой империи и получила огромные преимущества на всех рынках Леванта. Ее купцы пользовались там всеми привилегиями местных жителей, а в каждом порту ее корабли находили не только бесплатную стоянку, но и особую защиту. В течение восьми веков, то есть с эпохи, когда венецианцы хотели стать завоевателями итальянских земель, законодательство и политика имели своей главной целью процветание торговли. Привилегии для иностранцев, гарантированная безопасность, удобства для перемещения людей, товаров и капитала, создание банков, совершенствование денежной системы, поощрение промышленного производства, бдительная, но не назойливая политика, религиозная терпимость, малоизвестная среди других народов, — все это способствовало коммерческому величию Венеции.

Если к этим преимуществам добавить возможность получения гражданских прав и учесть, что с этим титулом была связана доля суверенитета, можно представить, как приток иностранцев увеличил население Венеции и повысил ее процветание, принес капитал и новые отрасли промышленности. Можно также представить, насколько граждане такого государства были привязаны к своей стране и каковы были сила и ресурсы этого правительства. В то же время можно почувствовать, что республика потеряла бы все это, когда она приняла, или, скорее, подчинилась аристократическому правительству. Говорили, что те граждане, которые присвоили себе всю власть, компенсировали остальным, предоставив им все преимущества, связанные с торговлей. Действительно, это считалось проявлением бескорыстности и умеренности со стороны аристократических классов. Но это ошибочное мнение. Очевидно, что, несмотря на запретительный закон, дворяне продолжали заниматься торговлей до той эпохи, когда республика уже была лишена своей власти, а торговля — своего великолепия. Примеры этого можно найти на каждом шагу в истории.

Если подумать о том влиянии, которое привычки к труду, соперничество, богатство, путешествия и общение с иностранцами неизбежно оказывали на нравы народа и развитие его интеллектуальных способностей, можно предположить, что венецианцы уже стали утонченной нацией, когда другие народы, которых природа, казалось, поставила на иной уровень, все еще были варварами. Неудивительно читать в истории Карла Великого, что лорды, составлявшие его двор, были поражены, увидев на ярмарке в Павии ценные ковры, шелковые ткани, золотые ткани, жемчуг и драгоценные камни, выставленные венецианскими купцами. Несомненно, эти высокомерные бароны очень презирали купцов и их дело, но их гордость несколько понизилась, когда Пепин был побежден этими же людьми; когда европейские короли были вынуждены просить венецианские корабли, чтобы попасть в Палестину; и когда Балдуины, Монморанси, графы Шампани и Монфор заключили союз с этими купцами, чтобы завоевать и разделить империю Константинополя.

Это превосходство венецианцев над другими европейскими народами — за исключением тосканцев, чья литературная слава дает им бесконечное превосходство — сохранялось вплоть до XV века. Все французские, немецкие и английские города представляли собой бесформенную массу домов без архитектуры и памятников. Лорды этих стран жили в мрачных крепостях и едва знали, что такое роскошь и искусство. В эту эпоху не было ни литературы, ни элегантности, за исключением Италии и части Испании, занятой маврами. Было бы несправедливо утверждать, что все эти преимущества были обусловлены одной-единственной причиной. Венеция, без сомнения, частично обязана своим процветанием удаче, заключавшейся в том, что она гораздо раньше других народов обрела стабильное правительство. Но это правительство, которое следило за сохранением общественного богатства, не было причиной национального процветания; оно было полностью обусловлено торговлей. С VIII века торговля Венеции с Востоком была достаточно важной,

чтобы заставить ее остаться в союзе с императором Никифором, несмотря на угрозы Карла Великого.

Однако, хотя венецианцы и наслаждались роскошью, которая является справедливым плодом труда, они были ограничены своими законами о роскоши в рамках разумной экономии — экономии, которая единственно сохраняет капитал, питающий торговлю, и является единственным регулятором цен на ручную работу. Торговля имеет отношение к конституции. В деспотическом правительстве она основана на роскоши, и ее единственной целью является обеспечение нации всем, что может удовлетворить ее гордость, ее роскошь, ее прихоти; в правительстве многих она обычно основана на экономии. Находясь между сладострастными народами Востока и некультурными европейскими нациями, венецианцы подражали трудолюбию одних и сохраняли простоту других.

В первые века существования Венецианской республики вся Европа находилась в некультурном состоянии. Искусство покинуло древнюю Италию, чтобы перейти в империю и украсить новую столицу мира. Но когда Фортуна неожиданно пришла с дарами, она не нашла никого, кто был бы готов их принять. Народы, к которым Константин перенес свой трон, имели скорее склонность к сладострастию, чем к активной деятельности. В этом районе народ с древней историей, просвещенный задолго до варваров Запада, благодаря своим традициям, активности и завоеваниям обладал тем разнообразием знаний и произведений, которое отличало цивилизованные нации. Венецианцы постоянно обменивали продукты Востока на товары со всей Европы; создание такой цепи коммуникаций было большим достижением для населения, состоящего из рыбаков. Но они пошли в своем промысле еще дальше. Они видели, что Греческая империя получала много полезных вещей из дальних стран и от почти неизвестных народов, но также и множество излишеств, которые становились необходимыми для более утонченного общества. Они обосновались как можно ближе к источнику этих предметов, и их деятельность и смелость были настолько успешны, что они сначала стали перевозчиками, а затем и торговыми хозяевами любвеобильного Константинополя.

Полуостров Таврический Херсонес, расположенный на конце Черного моря, долгое время был для великих городов Геллеспонта и греческих морей тем, чем Сицилия была для Рима — неиссякаемым хранилищем, обеспечивающим существование населения. Этот полуостров питал Афины и платил Митридату ежегодную дань в 180 000 мер пшеницы. Он имел обильные соляные месторождения и поставлял шерсть и кожи. Эти предметы первой необходимости приобрели новую ценность благодаря близости такого города, как Константинополь. Венецианец Марко Поло рассказывает о путешествии, совершенном его отцом по этому побережью в середине XIII века.

Обилие секвин на всем Востоке доказывает, что венецианцы вели там активную торговлю, что их монеты принимали с доверием и что они были вынуждены оплачивать часть своих покупок наличными деньгами. Есть еще один факт, по которому можно судить о большом количестве венецианцев, рассеянных по всей Греческой империи. Когда Мануил Комнин, подражая Митридату, арестовал в один день всех подданных республики, находившихся в государстве, тюрем едва хватило, чтобы всех их разместить; пришлось заполнять церкви и монастыри. Трудность защиты своих владений в Азии, ревность гегуэзцев и революции в Восточной империи заставляли венецианцев много раз искать новые пути для восстановления своих постоянно прерываемых торговых отношений.

История перипетий, которые так часто меняли ход торговли — той торговли, которая, как река, непрерывно вливается в Запад, — заслуживает внимания. Казалось, что Европа не могла обеспечить себя сама. Деятельность ее жителей исчерпывалась тысячами способов, которые порождали потребности, не связанные с ее благосостоянием. С давних времен они

считали восточные товары предметами первой необходимости, и эта торговля занимала промышленность нескольких народов, более или менее удачно расположенных.⁴

Вернемся к временам Древнего Рима и кратко проследим развитие торговых путей.

КОММЕРЧЕСКИЕ ПРЕДКИ ВЕНЕЦИАНЦЕВ

Толпы варварских народов, наводнившие Римскую империю в конце ее существования, принесли с собой зародыши новой жизни; когда Рим пал, эти зародыши начали развиваться во всех частях Европы — молодые и энергичные, но все еще полуварварские народы внезапно вышли на передний план истории; смешавшись с народами, которых Рим до сих пор держал под гнетом, они основали новые национальности; это была всеобщая трансформация государства, общества, обычаев и традиций. Тем не менее, это падение не повлияло в одинаковой степени на все условия жизни народа. В сфере коммерческой жизни мы не находим на пороге средневековья никакого события, которое по своей важности приближалось бы к открытию морского пути в Ост-Индию и открытию Америки, событиям, которые совпадают с началом современной эпохи и которые неожиданно открыли новые пути для торговли.

Переход от античности к средневековью был менее резким; торговые связи и рынки в целом оставались такими же, как и раньше. Поскольку завоевания Александра привели к контактам цивилизованных народов Запада с далеким Востоком, основные торговые потоки направились в эту сторону, поскольку там находился источник производства тех товаров, которые стали необходимыми для ненасытных повелителей мира. Из Индии поступали специи, которые греки и римляне добавляли в пищу для усиления ее вкуса, большая часть духов, которыми они окуривали себя и свои жилища, а также слоновая кость, из которой они изготавливали свои драгоценные предметы обихода. Китай поставлял шелк, которым любили одеваться женщины, а позднее, с ростом роскоши, даже мужчины имперской эпохи; драгоценные камни поставлялись из гор Персии и Индии, а жемчуг — из Индийского океана.

Постепенно эта торговля увеличилась до такой степени, что во времена Плиния Римская империя ежегодно тратила в Азии на оплату товаров, полученных оттуда, 100 000 000 сестерциев (около 800 000 фунтов стерлингов), из которых только Индия поглощала половину. В средние века Левант по-прежнему оставался главной целью западных купцов. Товары, которые позднее привезли из Америки, такие как сахар и хлопок, в то время добывались в Смирне, Малой Азии или на Кипре; приправы из Индии, специи и особенно перец были одними из самых ценных товаров того периода. Но если мы ищем происхождение тонких тканей или ковров, которые использовались при дворах и среди богатых буржуа средневековья, то почти всегда приходится обращаться к Востоку. Оттуда поступало сырье, очень часто ткань или вышивка, и, наконец, название материала.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ БРОНЗОВЫЙ ДВЕРНОЙ МОЛОТОК

Поскольку торговля следовала тем же маршрутам, что и в древности, великие торговые пути оставались прежними. Чтобы получить продукты Леванта, купцы Запада, не зная пути через мыс Доброй Надежды, ограничивались коротким путешествием по Средиземному морю или водам, которые напрямую с ним сообщаются. Там они были уверены, что найдут вдоль побережья рынки, уже известные в древности: Александрию, Тир, Бериту, Антиохию, Византий, Трапезунд; создание нового рынка было большим исключением. Товары по-прежнему поступали в порты Средиземного моря или Понта из далекого Востока старыми путями через Красное море или Персидский залив; товары, поступавшие из центральной Азии по суше, по-прежнему следовали по маршруту, который мы уже находим в греческих и римских географических описаниях из рассказов купцов.

Единственным элементом, изменившимся в торговле, были посредники: итальянцы, провансальцы и каталонцы заняли место греков и римлян как торговые нации. Но в связи с этим не следует забывать, что переход от античности к средневековью был постепенным. Фактически, когда империя была разделена на две части, византийская половина унаследовала торговлю Востока как естественный результат своего географического положения. Пережив нашествия, она играла роль посредника в торговых отношениях между Западом и Востоком до тех пор, пока жители морских портов Италии, южной Франции и Испании не стали достаточно сильными, чтобы обойтись без нее.

Мы располагаем достаточным количеством документов, датированных временем Юстиниана (527-565 гг. н. э.), чтобы составить полное представление о состоянии Востока в это время с коммерческой точки зрения. Самые отдаленные страны Азии, с которыми греки Византии поддерживали регулярную торговлю, были также теми, которые поставляли самые ценные и избранные продукты. На протяжении веков в Китае процветала шелковая

промышленность, но ее секрет хранился так хорошо, что чужаки никогда не могли узнать процесс ее производства. Наконец настало время, когда другая страна смогла, в свою очередь, развивать эту важную отрасль промышленности. Эта удача выпала на долю небольшого королевства Хотан в центре Азии в результате брака его короля с китайской принцессой, которая, как говорят, предала секрет своих соотечественников и, сумев ускользнуть от надзора таможенников, привезла в свою новую страну шелкопрядов, яйца и семена шелковичного дерева.

Мы не можем с уверенностью сказать, распространилось ли в VII веке производство шелка уже с Востока на Запад и вышло за пределы Хотана, но можно предположить, что большая часть шелка, который получали западные купцы, поступала из Китая. Китайцы сами экспортировали свою продукцию, но в то время, за редким исключением, их корабли доставляли ее только до Цейлона, а караваны не выходили за пределы Туркестана. Там другие народы получали драгоценные товары и перевозили их дальше на запад. Но трудно провести различие, поскольку древние классические писатели, а после них и писатели византийской эпохи, называли «сересами» не только производителей шелка, но и различные народы, занимавшиеся его распространением.

Такой страной, торгующей шелком, были жители Согдианы, расположенной в низинах Бухары, народ, с древнейших времен отличавшийся своим вкусом и склонностью к торговле. Шелковые ткани доставлялись к ним караванами из Китая, а они, в свою очередь, перевозили их либо на рынки на севере Ирана, либо на рынки к югу от Каспийского моря. Наши источники информации, конечно, не утверждают это как факт. В своей хронике Феофан Византийский рассказывает, что рынки и порты, которые часто посещали торговцы шелком, трижды с небольшими промежутками меняли хозяев: первоначально они принадлежали персам, затем были отняты у них так называемыми белыми гуннами (юэчжи или юэчи по-китайски) и, наконец, были заняты турками.

Каким бы путем ни перевозился шелк, персы всегда стремились получить его первыми и ревностно следили за тем, чтобы он не попадал к римлянам Востока никаким другим путем, кроме того, который проходил через их страну, и никакими другими руками, кроме их собственных. Тем не менее, определенная часть шелка отправлялась из Китая на Цейлон по морю; там он перегружался и доставлялся в Персидский залив по западному побережью Индии и южному побережью Кармании. Очевидно, что когда китайские товары следовали морским путем, они могли ускользнуть от персов, поскольку из Цейлона их можно было доставить через юг Аравии и Эфиопию. В этом заключалась опасность для персидской монополии, которую император Юстиниан сумел обратить себе на пользу. Византийцы считали большим неудобством то, что у них не было других посредников для этих, незаменимых для них товаров, кроме персов. Не было другой нации, с которой они так часто воевали, и как они могли с безразличием смотреть на то, что их собственные купцы платили огромные суммы своим врагам за купленный шелк, или терпеливо сносить частые перемены в торговле из-за состояния войны?

С целью устранения этих неудобств император Юстиниан в 532 году попытался открыть путь для торговли шелком через Эфиопию; он полагал, что эфиопы могли бы покупать шелк у индийцев и продавать его византийцам. Их король, союзник Византии, соблазненный перспективой прибыли, поддержал замысел императора. Но когда его подданные прибыли в порты, в которые только что вошли корабли из Индии, они обнаружили, что персы, являющиеся их соседями и давними клиентами, полностью контролируют ситуацию; они были вынуждены вернуться с пустыми руками, а персы на время остались бесспорными обладателями своей монополии.

Когда стало ясно, что эфиопы не были достаточно сильны и предприимчивы, чтобы отнять торговлю шелком у персов, проблема на мгновение показалась неразрешимой. К счастью, Юстиниану удалось раздобыть яйца шелкопрядов, привезенные миссионерскими монахами, которые проникли в самое сердце стран, где их производили, вероятно, в Хотан (около 552 года). Так производство шелка было введено в Греческую империю, и с 568 года Юстин II, преемник Юстиниана, смог продемонстрировать его в полной мере турецкому послу, который случайно оказался при его дворе. Правда, прошло много лет, прежде чем в Греции стало производиться достаточное количество сырого шелка для удовлетворения потребностей отечественной промышленности. Долгое время большую часть сырья и шелка лучшего качества приходилось ввозить из Китая, терпя непомерные требования персидских посредников.

Но персы были не только перевозчиками, они были также производителями. Хвен Цан, который в начале VII века пересек восточную границу Персии, говорит, что персы были искусными ткачами шелковых и шерстяных тканей и ковров, и что продукты их промышленности высоко ценились в соседних королевствах. Им помогали иностранные рабочие, которые приезжали в Персию добровольно или под принуждением из азиатских стран, подчиненных Византии. Приняв неразумную систему монополии, губительную для шелкоткачей своей страны, Юстиниан способствовал их массовой эмиграции в Персию, других же туда привезли силой король Сапор II как часть трофеев, которые он привез с собой после победоносной кампании в Месопотамии и Сирии. Традиция, бытовавшая несколько поколений спустя, связывала происхождение шелкового производства в Тустере, Сузах и других персидских городах с колониями греческих ремесленников.

Чтобы удовлетворить роскошь сасанидского двора, требовались большие количества дорогостоящих тканей. Когда в 627 году победоносная греческая армия под предводительством императора Ираклия взяла королевский замок Дастагерд, она обнаружила там большое количество сырого шелка и груды шелковых одежд, вышитых ковров и других предметов такого рода. Можно предположить, что они были местного производства. Добыча, полученная в этом случае, включала и другие вещи, заслуживающие внимания. В руки победителей попали большие количества специй, очевидно индийского происхождения, перец, имбирь, алоэ и алоэвое дерево (*агаллохум*); они были сожжены вместе с остальным (), так как было невозможно унести все. Добавим, что в 636-637 годах, при штурме Мадайна (Ктесифона), столицы империи Сасанидов, арабами были обнаружены большие запасы мускуса, янтаря, сандалового дерева и камфоры, достаточные для загрузки корабля; последняя производилась только на островах за Индией. Арабы были настолько невежественны в ее использовании, что предложили использовать ее для ароматизации хлеба. Все это доказывает нам, что роскошь сасанидского двора была одной из главных причин, которые повернули поток левантйской торговли в сторону Персии.

После того как персы взымали пошлины с транзитных товаров, оставалось еще огромное количество товаров, которые поступали напрямую в Византийскую империю.^{[h](#)} Эти товары перевозились через Аральское озеро или по реке Оксус в Каспийское море. Оттуда они попадали в впадающую в него Волгу и оттуда доставлялись до места, расположенного в 18 милях от Танаиса. Человек даже пытался прокопать канал, соединяющий две реки. Прибыв в Танаис, азиатские товары оттуда спускались в Палус-Меотис, пересекали Черное море и пополняли склады Константинополя, тогда самого процветающего города в мире. Один армянский царь задумал сократить этот путь, избегая Волги, Танаиса и Палус-Меотиса. Он установил прямое сообщение между Кирусом, впадающим в Каспийское море, и Фазисом, протекающим к концу Понта-Эвксина. Переход по суше составлял всего пятнадцать лиг. Между горами было построено сто двадцать мостов, чтобы сделать этот маршрут

пригодным для торговли, и они до сих пор свидетельствуют о величии, полезности и сложности этого предприятия.

До тех пор, пока торговля следовала по этому маршруту, она обогащала морские города Каффа, Трапезунд, Синопа и Византий на Черном море. Жадность татар умножила опасности на этом маршруте; они отвели в сторону Аральского озера Гихон и Сихун, две реки, впадавшие в Каспийское море, и таким образом разрушили одну из линий связи между Индией и Европой. Сарацинская промышленность возобновила связь с Красным морем, Египтом и Александрией, и все сирийские порты стали рынками для восточных товаров. Это дало возможность венецианским торговцам. Никогда еще люди, которым суждено было подняться до такого великого коммерческого предприятия, не начинали свою деятельность в более стесненных условиях. Венецианцы не имели территории. Они платили дань соседям за все необходимое для жизни и не могли предложить в обмен ничего, кроме рыбы и соли — природных продуктов, ценность которых человек не мог значительно увеличить. Однако, поскольку прибыль от этой торговли была посредственной, было важно расширить ее. Чтобы увеличить потребление рыбы, необходимо было приготовить ее таким образом, чтобы она сохранялась, а чтобы не иметь конкурентов в продаже соли, было необходимо продавать ее по самой низкой цене.

Очень небольшая прибыль, которую островитяне могли получить от этих двух товаров, давала им возможность покупать более крупные продукты у соседних побережий. Из дерева из Далмации они строили лодки, их острова превратились в верфи, которые обеспечивали средствами передвижения по соседним рекам и портам. По мере того как города Аквила, Падуя и Равенна приобретали процветание, ремесла становились все более дорогими, а жители все более пренебрежительно относились к этому виду работы. Таким образом, венецианцы получили не только преимущество продажи предметов, стоимость которых увеличивалась благодаря их труду, но и еще большее преимущество в виде совершенствования своего мастерства в области судостроения, в то время как другие народы не достигали подобного прогресса. Кроме того, они всегда находили много материалов и, следовательно, могли постоянно увеличивать свой флот. По мере того как их торговля становилась все более прибыльной, они перевозили на свои острова другие сырые продукты, которые были дороже и могли приобретать еще большую ценность после обработки: лен и коноплю для изготовления морского снаряжения, железо дляковки якорей и оружия. Именно этими вещами они обменивались на желанные продукты Востока. Становясь все богаче, они проявили свой талант в производстве более ценных товаров — шерсти, хлопка, шелка, серебра, золота, даже изготавливая дорогостоящие изделия из таких обычных материалов, как стекло.^a

Действительно, производство декоративных стеклянных сосудов стало настолько характерной венецианской специальностью и достигло такого непревзойденного совершенства, что более подробное упоминание об этой отрасли производства вполне может привлечь наше внимание.^a

ВЕНЕЦИАНСКОЕ СТЕКЛО

Если верить венецианским авторам, стекольные мануфактуры появились почти одновременно с основанием самого города. Великое событие, ознаменовавшее начало XII века, способствовало росту их процветания и внедрению искусства в производство, которое до того было чисто промышленным. Венецианская республика, в частности, участвовала в захвате Константинополя латинянами (1204 г.) и, проникнувшись духом торговли, стремилась извлечь из этой победы всевозможные выгоды в пользу своих зарождающихся производств. Стекольные мануфактуры Восточной империи были осмотрены агентами

республики, а греческие рабочие были привлечены в Венецию. Несомненно, что с конца XIII века можно проследить непрерывную череду действий венецианского правительства, которые свидетельствуют как о важности стекольных мануфактур с того далекого периода, так и об особом интересе, который государство всегда проявляло к развитию этого искусства, которое, по выражению одного венецианского писателя, оно охраняло как зеницу ока. В этом оно проявило большую прозорливость, поскольку на протяжении многих веков четыре части света были завалены разнообразной продукцией венецианских стекольных мануфактур, а суммы денег, полученные республикой только от этой отрасли промышленности, совершенно невозможно подсчитать.

С конца XIII века стекольные мануфактуры так размножились в пределах Венеции, что город постоянно подвергался опасности пожаров. В 1287 году великий совет издал указ, запрещающий создание стекольных мануфактур в пределах города, за исключением тех, которые принадлежали владельцам домов, в которых они должны были вести свою деятельность. Поскольку это исключение в пользу владельцев усугубляло неудобства, от которых правительство пыталось защитить город, 8 октября 1291 года был издан новый указ, согласно которому все стекольные мануфактуры, все еще существовавшие в Венеции, должны были быть снесены и перенесены за пределы города.

Именно тогда был выбран остров Мурано, отделенный от Венеции лишь небольшим каналом, для создания на нем стекольных мануфактур. За несколько лет весь остров был покрыт стекольными мануфактурами различного назначения. Но новый указ от 11 августа 1592 года смягчил строгость предыдущих правил в пользу мануфактур по производству мелкой стеклянной посуды (*fabbriche di conterie*) для изготовления бус, искусственных камней и стеклянных украшений. Теперь их разрешалось открывать в самом центре Венеции, с единственным условием, что они должны были находиться на расстоянии не менее пяти шагов от любого жилого дома.

Эта льгота, предоставленная стеклянным украшениям, была обусловлена огромным объемом торговли ими, осуществляемой Венецией в тот период, и правительство было осторожно, чтобы никоим образом не сдерживать отрасль промышленности, которая расширяла свои связи в Африке и Азии и, следовательно, способствовала расширению своего флота, от которого зависело усиление могущества республики.

Венецианские стекольщики вскоре занялись почти исключительно этой отраслью производства, что можно объяснить следующим образом: около 1250 года венецианец Маттео Поло и его брат Никколо, отец знаменитого Марко Поло, были привлечены коммерческими перспективами в Константинополь. В 1256 году они оба посетили хана татар, который жил на берегах Волги. Война заставила их покинуть государства Береке, ^[19] в которых они останавливались, и они отправились в Бухару, к югу от Каспийского моря, а затем проследовали ко двору Кублай-хана, великого хана татар, чья власть простиралась на большую часть Азии. По возвращении в свою страну после двадцатилетнего отсутствия они обнаружили Марко Поло, которого оставили в колыбели. Их рассказы возбудили воображение молодого человека, который захотел сопровождать отца и дядю в новом путешествии, в которое они отправились. Марко Поло поехал с ними в 1271 году. В 1274 году он прибыл ко двору Кублай-хана, поступил на службу к этому монарху, стал губернатором одной из его провинций и пользовался его доверием, выполняя самые важные поручения.

Обширные путешествия и обязанности его высокого положения заполнили лучшие годы жизни Марко Поло. Вернувшись в Венецию в 1295 году, после того как он исследовал большую часть Центральной Азии, побережья и острова Индийского океана и Персидского залива, он указал своим согражданам, чья смелость как мореплавателей равнялась их любви

к предпринимательству как купцов, маршруты, по которым они должны следовать, чтобы распространять продукцию европейской промышленности в Татarii, Индии и даже в Китае; он описал нравы народов, населявших эти огромные регионы, и их необычайную любовь к бусинам, цветным камням и драгоценностям всех видов, которыми они любили украшать себя и свою одежду. Больше ничего не требовалось, чтобы пробудить промышленный и торговый дух венецианцев. Стеклодувы с особым рвением посвятили себя производству бус и стеклянных драгоценностей (*arte del margaritaio, arte del perlaio*), которое с тех пор стало совершенно отдельной отраслью от производства стеклянной посуды (*fabbriche di vassellami o recipienti di vetro e cristallo*). Имена Кристофоро Бриани и Доменико Миотто дошли до нас как изобретатели цветных бус (*margarite*) и как первые стекольщики, обратившие свое внимание на имитацию драгоценных камней.

После того как Миотто добился успеха в крупной спекуляции, которую он осуществил в Бассоре, почти все венецианские стекольщики занялись изготовлением этих предметов, которые вскоре распространились по Египту, Эфиопии и Абиссинии, по побережью Северной Африки, по Центральной Азии, Индии и даже до Китая.

Это коммерческое движение неизбежно замедлило в течение XIV века любой прогресс в производстве стеклянных сосудов; фактически, вся имеющаяся информация о стекольном производстве в Венеции в этот период относится в основном только к производству маргарита, который был источником таких коммерческих преимуществ для республики. Карло Марино цитирует документ, из которого следует, что некий Андола де Савиньон (), генуэзский посол при дворе императора Китая, получил от великого совета полные полномочия на экспорт этих стеклянных украшений в очень значительных количествах. Из инвентарных списков XIV века мы также узнаем, что в тот период богато украшенные стеклянные вазы по-прежнему поставлялись с Востока. Тем не менее, производители стеклянных сосудов уже пытались получить документы, наиболее необходимые для улучшения своей продукции. Ученый Морелли привел выдержку из рукописи, хранящейся в библиотеке Наниана и датируемой XIV веком, в которой описываются процессы, применяемые греками для придания стеклу бесцветности и чистоты, для его позолоты и окрашивания, а также для покрытия его росписью.

Вторжение турок в Восточную империю и захват Константинополя в 1453 году, которые привели к иммиграции в Италию большого числа художников, благотворно повлияли на стекольное производство, а также на другие виды промышленного искусства. С XV века производство стеклянной посуды принимает новое направление. Венецианские стекольщики позаимствовали у греков все их методы окрашивания, позолоты и эмалирования стекла; а Ренессанс, восстановив вкус к изящным формам античности, искусство стеклоделия последовало за движением, данным великими художниками того периода, которые прославили Италию; и вазы производились ни в чем не уступающие по форме тем, что оставила нам античность. Коккиус Сабелликус (1), венецианский историк XV века, свидетельствует о восхищении, которое вызывали в его время красивые и разнообразные изделия венецианских стекольных мануфактур.

В конце XV века, а точнее в первые годы XVI века, венецианские стекольщики прославились новым изобретением — вазами, украшенными филигранью из белого или цветного стекла, которая изгибалась в тысячи разнообразных узоров и выглядела как инкрустация посреди бесцветного и прозрачного хрусталя. Это изобретение, которое обогатило вазы нерушимым орнаментом, сохранив при этом их легкие и изящные формы, дало новый импульс стекольным мануфактурам и сделало их прекрасные изделия еще более востребованными во всех странах Европы. Соответственно, венецианское правительство приняло все возможные меры, чтобы не допустить раскрытия секрета этого

нового производства или переноса венецианскими мастерами этой отрасли промышленности в другие страны.

Уже в XIII веке указ великого совета запрещал экспорт без разрешения государства основных материалов, используемых в производстве стекла. 13 февраля 1490 года надзор за мануфактурами Мурано был возложен на главу Совета Десяти, а 27 октября 1547 года совет оставил за собой право контролировать мануфактуры, чтобы предотвратить вывоз искусства изготовления стекла за границу. Однако все эти меры предосторожности оказались недостаточными, и инквизиция государства в двадцать шестой статье своих уставов объявила следующее решение: «Если ремесленник вывозит свое искусство в чужую страну в ущерб республике, ему направляется сообщение с требованием вернуться; если он не подчиняется, его ближайшие родственники подвергаются тюремному заключению. Если, несмотря на заключение его родственников, он будет настаивать на том, чтобы остаться за границей, будет отправлен эмиссар, чтобы казнить его». М. Дару, который в своей *«Истории Венецианской республики»* приводит текст этого указа, скопированного им из архивов республики, добавляет, что в документе, хранящемся в архивах иностранных дел, зафиксированы два случая применения этого наказания в отношении некоторых мастеров, которых император Леопольд заманил в свои владения.

Если правительство Венеции считало необходимым, с одной стороны, проявить всю свою строгость по отношению к стеклоделам, которые таким образом предали интересы своей страны, то, с другой стороны, оно осыпало благосклонностью тех, кто остался верным его службе, и острову Мурано были предоставлены большие привилегии. Начиная с XIII века, жители Мурано, например, получили права граждан Венеции, что давало им право занимать все высокие должности в государстве.¹

ДРУГИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Разумеется, производство стекла было не единственной процветающей отраслью промышленности в Венеции. С давних времен здесь существовали литейные заводы по производству латуни или железа, или и того, и другого, но гораздо более важными видами производства были изготовление золотой ткани и пурпурной краски. Наряду с производством стекла, это были самые древние, самые распространенные и самые известные венецианские отрасли промышленности.²

Дверной молоток из Палаццо Кримани

Торговля золотыми тканями в виде мантий или *палли* для обоих полов была огромной, и прибыль, получаемая венецианцами только от этого источника, была неисчислимо велика; дворы Франции и Германии, и в особенности первый из них, были среди лучших клиентов республики. Сам Карл Великий редко появлялся без одежды венецианского покроя и текстуры; а постоянные контакты, которые патриарх Фортунато поддерживал с сыном Пепина, по крайней мере, имели положительный эффект, распространяя знание и признание продукции его страны до берегов Сены и Луары. С самого начала республика неуклонно следовала политике, направленной на то, чтобы каждое расширение территории, каждый мирный договор были выгодны ее интересам как торговой державы.^е

Активность всей этой промышленности привела к росту населения, что, в свою очередь, привело к увеличению потребления всех видов товаров, что снова привело к новым спекуляциям и доходам. Венецианцы больше не довольствовались покупкой сырья у иностранцев, но стремились заставить страну производить его. Стада овец разводились в Полезине и отправлялись в горы восточной Истрии. Склоны холмов Фриули были покрыты тутовыми деревьями. Была сделана попытка натурализовать сахарный тростник на островах Леванта.^а

РАБОВОДСТВО

Но в конце концов Венеция была велика скорее как торговый, чем как промышленный город, и природа предназначала ее для первого, а не для второго. Ее главный интерес заключался в транспортировке или обмене продуктами других народов. В целом, народ не мог желать более достойного пропуска к славе, чем тот, который дают такие коммерческие предприятия. Однако был один аспект торговли, который оставлял неприятный след на иначе приятной картине. Это работорговля. Осуществляя этот гнусный бизнес, генуэзские и венецианские купцы в свое время нашли важный источник дохода. Главным рынком сбыта был Египет.^а

Похоже, что мамелюкские султаны, правившие Египтом с середины XIII века, обнаружив, что местное население, мало приспособленное к военному делу, не может обеспечить их армии достаточным количеством солдат, обратились к другому источнику: покупке рабов, уроженцев северных стран. С другой стороны, для пополнения своих гаремов и гаремов вельмож при дворе привозили рабынь, которых часто меняли. Поэтому они посылали агентов на поиски рабов обоих полов везде, где их можно было достать, даже в христианские страны, например, в Малую Армению. Религия, которой они принадлежали, не имела большого значения; если они были христианами, их новые хозяева вскоре обращали их в свою веру. Однако египетские агенты предпочитали посещать страны, где доминирующей религией был ислам, и *наоборот*, купцы из мусульманских стран привозили в Египет группы рабов, чтобы продать их. Так, именно из портов Адалии и Канделоре, расположенных в той части Малой Азии, которая была подчинена Селевкидами, в Египет отправляли молодых юношей и девушек. Когда Адрианополь и Галлиполи попали под власть османов, именно из этих двух городов отправлялись греческие или христианские суда, везущие сотни рабов в Дамьетту или Александрию.

Но эта торговля достигла своего наибольшего расцвета в странах, граничащих с Черным морем. Развитие власти мамелюкских султанов в Египте и распространение ислама в великой монгольской империи Кипчак ханом Береке произошли почти одновременно, и эти события стали поводом для активного обмена корреспонденцией и посольствами между правителями двух стран. С этого времени агенты, ответственные за покупку рабов для султанов, направили свои поиски в основном на северные берега Черного моря, и султан Бибарс с помощью посольств и подарков добился от Михаила Палеолога, который, по-видимому, не осознавал важности уступки, о которой его просили, разрешения на проход египетских торговых судов через Босфор. Разрешение было дано только на одно судно, которое должно было раз в год совершать рейс в Черное море и обратно, но вместо одного судна часто было два, и их груз на обратном пути состоял из рабов, предназначенных для усиления войск султана. Следует отметить, что условия, в которых тогда находился этот регион, не могли быть более благоприятными для развития такого рода торговли. Хотя татары прочно обосновались в своей империи Кипчак, все еще оставались некоторые непокоренные племена, и между ними нормальным состоянием была война — мелкие стычки, в которых черкесы, русские, мадьяры и аладжи по очереди уносили татарских детей, которых они продавали в рабство. Кроме того, татары уготовили ту же участь пленникам, которых они привозили из своих набегов на Кавказ. Кроме того, среди этих диких племен, когда продовольствие было слишком дорогим или налоги слишком высокими, ничто не было более обычным, чем видеть родителей, продающих своих собственных детей, особенно дочерей. Естественно, на продажу выставлялись только сильные, здоровые и хорошо сложенные. Но на всем побережье ни татары, ни покоренные ими племена не обладали крупными торговыми портами. Каффа, Тана и т. д. находились в руках итальянцев, и поэтому работорговля сосредоточилась на итальянских рынках, особенно в Каффе. Последний город был обычным местом отдыха агентов, ответственных за покупку рабов для султанов Египта; некоторые из них даже жили там постоянно.

Генуэзцы были вынуждены разрешить погрузку рабов для Египта в своем порту Каффа; если бы они создали препятствия агентам султана, они рисковали бы в значительной степени поставить под угрозу свои собственные торговые отношения с Египтом и даже существование своих колоний. Кроме того, эта торговля строго контролировалась колониальными властями. Каждый проходящий раб подвергался досмотру; его спрашивали, является ли он мусульманином или христианином (). Если он был христианином или выражал желание принять христианство, консул Каффы выкупал его и держал у себя; он

разрешал уезжать только мусульманам. Рабы, желавшие стать христианами, также находили убежище в доме епископа, уважаемого гражданскими властями. Кроме того, правительство с величайшей тщательностью следило за тем, чтобы ни один житель Каффы не был увезен в рабство. Наконец, существовал налог на работорговлю, и республика Генуя энергично взимала его в 1431 году, несмотря на жалобу султана Барсабая, который в отместку ввел налог в размере 16 000 дукатов на генуэзских купцов, поселившихся в Египте.

Таким образом, с юридической точки зрения работорговля допускалась генуэзскими колониальными властями только в отношении мусульман и при условии, что перевозка в Египет осуществлялась купцами их религии и на их собственных кораблях. Капитанам генуэзских кораблей было официально запрещено под угрозой крупных штрафов перевозить мамелюков обоих полов с целью доставки их в Египет, Барбарию или части Испании, оккупированные сарацинами; ни один генуэзец не имел права участвовать в этой торговле каким бы то ни было образом. Точно так же при отправлении из Таны венецианским галерам было запрещено принимать на борт мусульманских или татарских рабов, предназначенных для отправки на турецкую территорию. Однако эти правила не помешали некоторым христианам с северного побережья Черного моря отправлять рабов в Египет. В 1307 году колонисты Каффы сами похищали татарских детей, чтобы продать их мусульманам (то есть отправить в Египет). В 1371 году некий Никколо ди С. Джорджо отправился в Каффу и представился «торговцем рабами». Мы не знаем, торговал ли он с Египтом, но в начале XIV века генуэзец по имени Сегурано Сальваго сам отправился с рабами обоих полов к султану Египта; другой, по имени Джентиле Имперiali, принял должность агента султана в Каффе по покупке рабов. Многие генуэзцы также косвенно помогали в транспортировке рабов в Египет; средства заключались просто в сдаче своих судов в аренду мусульманским работорговцам для этой цели. Таким образом, жалобы папы Иоанна XXII были вполне обоснованными, когда он перед всем миром обвинил генуэзцев в том, что они способствуют усилению власти неверных, поставляя им рабов из Э. Почти столетие спустя в Каффе, Тане и других местах христиане и евреи покупали зихов, русских, аладжан, мингрельцев и абхазов и продавали их сарацинам с прибылью, часто в десять раз превышающей цену покупки. Эти несчастные люди, крещенные по греческому обряду, были вынуждены отречься от своей веры и могли считать себя счастливыми, если не становились жертвами хозяев, которые использовали их для своих позорных утех. Узнав об этом скандале, Мартин V грозно объявил отлучение от церкви всем христианам, которые принимали в нем участие, а что касается евреев, то он постановил, что те, кто был признан виновным, должны были носить специальные знаки на своей одежде (1425).

Таким образом, каждый год на большой рынок Каира через Дамьетту или Александрию прибывало около двух тысяч мамелюков, которых султан поручал оценивать опытным экспертам. Самую высокую цену имели татары: за одного из них платили от 130 до 140 дукатов; за черкеса платили от 110 до 120 дукатов, за грека — около 90, за албанина, славонца или серба — от 70 до 80. Купцы получали двойную выгоду: они получали большие прибыли и знаки благодарности правителя за услуги, оказанные ими исламу.

Не все восточные рабы, отправленные на северное побережье Черного моря, уезжали с большими конвоями в Египет и мусульманские страны в целом; есть много примеров купли-продажи самими членами колоний. Среди прочих можно упомянуть некую Фатиму, чье имя явно свидетельствует о ее мусульманском происхождении. Сначала ее купил генуэзец по имени Николозо да Мурто, а затем он уступил ее приору церкви Святого Лаврентия Генуэзского, который продал ее третьему генуэзцу, Амброзо да Мурто (), за 400 новых армянских *дирхамов*; подобные купчие, составленные в Фамагусте, сохранились до наших дней. Те, кто привык иметь на службе иностранных рабов во время своего пребывания в колониях Леванта, привезли этот обычай с собой и своим примером побудили других

вводить в свои дома рабов, купленных вдали, вместо наемных слуг или рабочих. Никакого запрета на это не существовало, и работорговля сама по себе не считалась постыдной, при условии, что купец воздерживался от торговли с Египтом. Генуэзский закон 1441 года является ярким доказательством этого. Он запрещает всем капитанам больших галер, вооруженных для войны, которые отправлялись за товарами в Румынию или Сирию, принимать на борт рабов, но причина заключалась в том, что все свободное место должно было быть зарезервировано для товаров, и делает исключение в случае, когда купец на борту везет с собой раба для личной службы. Существовали и другие суда, специально предназначенные для перевозки рабов, и в отношении них закон принимал только те меры, которые были необходимы для предотвращения скученности, которая могла бы пагубно сказаться на здоровье груза; например, однопалубное судно не могло принимать на борт более тридцати рабов, двухпалубное — не более сорока пяти, а трехпалубное — не более шестидесяти.

В этот период было само собой разумеющимся, что христианин мог без угрызений совести обращаться как с рабом с любым неверным, попавшим в его руки; и в большинстве случаев именно неверные, то есть язычники или мусульмане, были объектами этой торговли. Большинство иностранных рабов, привезенных на Запад, происходили из империи Кипчак, расположенной на юге современной России, и принадлежали либо к татарской расе, самой многочисленной в стране, либо к одному из подчиненных ей племен, которые обычно назывались тем же именем; черкесы и русские были гораздо менее многочисленны; затем шли турки и сарацины, название, которое, несомненно, применялось к египтянам и сирийцам; и, наконец, в очень небольшом количестве, болгары, славяне и греки. Согласно представлениям того времени, только в отношении последних могли возникнуть сомнения относительно законности их продажи в рабство, поскольку они были христианами; но на практике люди не задавались слишком глубокими вопросами. Что касается тех, кто не был членами христианской религии, то они, как правило, вскоре после прибытия на Запад принимали христианство и меняли свое варварское имя на христианское; но, несмотря на их обращение, их хозяева без зазрения совести держали их в рабстве и даже продавали их снова.

Само происхождение подавляющего большинства этих рабов позволяет предположить, что народы, имевшие колонии на побережье Черного моря, например генуэзцы и венецианцы, были также народами, особенно увлеченными работорговлей. Фактически сотни, даже тысячи из них были отправлены в Геную и Венецию, в то время как в Пизе, Флоренции, Лукке и Барселоне они были гораздо реже. В 1368 году их было так много в Венеции, что их сварливые, недисциплинированные массы представляли реальную угрозу безопасности города. Татар не привозили туда по отдельности, а иногда целыми семьями. Из морских портов рабов иногда отправляли вглубь страны; так, в 1463 году мы слышим о кондитере из Виджевано, у которого была черкесская рабыня, так же как у Марко Поло был татарский раб в Венеции. Купцы из Генуи и Каффы даже привозили рабов обоих полов ко двору Германской империи, и император Фридрих III давал им разрешение выставлять их на продажу.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Одной из интересных сторон вопроса, который мы сейчас изучаем, является соотношение рабов обоих полов в разных странах; в этом отношении между Египтом и Западом существовала заметная разница. В Египте, несмотря на довольно большой спрос на рабынь для гаремов, еще больший спрос был на рабов-мужчин, поскольку они составляли основную часть армии. На Западе, напротив, предпочтение отдавалось молодым девушкам по разным причинам: обладая более кротким нравом, они легче приспосабливались к жизни в целом; кроме того, они были более приспособлены, чем мужчины, к выполнению требуемых от них домашних обязанностей; они легче учились ручному труду; и, наконец, большинство из них были инструментами удовольствия своих хозяев. Какая судьба была более завидной — мужчин-рабов в Египте или женщин-рабынь в Италии? Трудно сказать. Первые подвергались жестокому обращению, пока находились в рядах, но могли подняться до высоких постов в армии и иногда даже сидели на троне султана; вторые обращались с ними более доброжелательно, и их хозяева нередко освобождали их, либо при жизни, либо по завещанию, но они никогда не занимали действительно уважаемого положения среди народа.

Молодость и здоровье были двумя наиболее ценными качествами; если раб был еще и красив, то, естественно, его ценность возрастала. М. Чибрарио составил список продаж рабов, большинство из которых происходило в Генуе или Венеции; он нашел пятьдесят три в XIII веке, двадцать девять в XIV веке и двадцать восемь в XV веке; он отметил, что цены росли от века к веку; например, в XIII веке они колебались от 200 до 300 лир; в следующем веке сделки, заключенные по цене ниже 500 лир, были редкими; самая высокая цена поднялась до примерно 1400 лир; в XV веке текущая цена составляла более 800 лир; в 1492 году в Венеции молодая русская девушка была продана даже за 87 дукатов, то есть 2093 лиры. В Тоскане Бонги обнаружил, что цены колебались от 50 до 75 золотых крон; две самые высокие цены составляли 85 и 132 золотых кроны, и они также были заплачены за русских рабов.

Самый блестящий период работорговли в Генуе и Венеции соответствует самому процветающему времени в Каффе и Тане. Но в 1395 году Тамерлан нанес удар по колонии Тана, от которого она так и не оправилась; затем последовало взятие Константинополя Мухаммедом II; затем этот же султан запретил венецианцам на всей территории своей империи перевозить мусульманских рабов; он разрешал перевозить только христианских рабов. Эти различные удары привели к гибели этой отрасли торговли; в 1459 году в венецианском сенате были высказаны громкие жалобы на растущую редкость рабов. Однако Феликс Фабри оценивал, что в конце XV века в Венеции все еще было около трех тысяч рабов, уроженцев Северной Африки и Татарии; он упоминает только славянских рабов, не указывая их число.⁴

УПАДОК ВЕНЕЦИАНСКОЙ ТОРГОВЛИ

В XV веке венецианская торговля достигла своего расцвета, и Венеция была бесспорным деловым центром мира, но вскоре после этого процветание города начало угасать. Это было не резкое изменение, а постепенная перемена, вызванная изменением внешних условий.⁴ Другие европейские народы стали заниматься торговлей и, естественно, перестали закупать у Венеции то, что могли обеспечить сами. Они стали конкурентами Венеции на всех рынках, где местные жители вели только пассивную торговлю. Азиатские товары изменили свой маршрут и больше не поступали в Адриатику. Наконец, те виды искусства, которые способствовали совершенствованию промышленности, развивались среди других народов настолько быстро, что венецианцы не могли идти в ногу с ними. После XV века многие причины привели к довольно быстрому упадку торговли. Первой из этих причин было завоевание Константинополя турками и политика султана Сулеймана, который в 1530 году обязал все азиатские товары проходить через Константинополь, даже те, которые поступали в Европу через Сирию и Египет. Им удалось убедить диван в том, что нет никакой выгоды в том, чтобы товары делали длинный обходной путь, что приводит только к увеличению цены без прибыли для продавца. Было разрешено прямое сообщение с Египтом и Сирией, но когда турки стали хозяевами почти всей Греции и албанского побережья, они приучили караваны прибывать туда, привозя все разнообразные товары с Востока. Тогда венецианцы, всегда готовые захватить эти товары в месте их выгрузки, сами основали в Сплато, который предлагал надежный и удобный порт, банк, госпиталь и ярмарку. В XVII веке Сплато стало торговым городом, более богато снабженным, чем любой левантский порт, благодаря своему особо удачному расположению для приема товаров из Персии и Черного моря.

Второй причиной упадка было плохое обращение с европейскими купцами со стороны турок, которые прекратили приход больших венецианских флотов. Третьей причиной было открытие Америки и пути в Индию через мыс Доброй Надежды. Четвертой причиной было неверное управление Карлом V, который с начала своего правления в 1517 году удвоил таможенные пошлины, уплачиваемые венецианцами в его государствах, до 20 процентов на все импортируемые или экспортируемые товары. Это был практически запретительный тариф. Кроме того, Карл официально запретил въезд купцам, которые не согласились прекратить прямую торговлю с Африкой и привозить в его город Оран все товары, которые они должны были продавать маврам. Новый король Испании хотел сделать этот город, где уже проводились знаменитые ярмарки, центральным и общим рынком для всей торговли с варварами. Венецианцы не подчинились и были вынуждены выбирать между торговлей с Африкой и Испанией.

При правлении Филиппа II, сына Карла V, испанские министры продолжали проявлять ревность по отношению к венецианской торговле. Многие венецианские купцы

сталкивались с препятствиями в своих начинаниях, многие их корабли задерживались в портах или захватывались в открытом море под различными предлогами (). Стало необходимым брать на борт морских пехотинцев для защиты от этого вида пиратства. Наконец, пятой причиной коммерческого упадка стала потеря островов Кипр и Кандия. Возможно, удивляет количество причин, приведших к падению венецианской торговли, но мы еще не учли соперничество ганзейских городов, объединившихся в конце XII века. Их амбиции ограничивались созданием северной торговли, в то время как Венеция стремилась сохранить южную; успех одной означал частичную неудачу другой. Состояние судоходства было таково, что невозможно было совершить путешествие в Балтику через Средиземное море и вернуться обратно за один год. Именно поэтому город Брюгге был выбран в качестве промежуточного торгового центра, где можно было обменивать товары с севера и юга.

БАНК ВЕНЕЦИИ

Остается сказать несколько слов о банке Венеции. Его древность, которая восходит к XII веку, то есть дальше, чем любой другой известный банк, доказывает приоритет венецианцев во всех коммерческих учреждениях. Этот банк был депозитарий, который открывал кредит инвесторам для облегчения платежей и векселей; то есть вместо оплаты реальными деньгами можно было выписывать чеки на банк. Векселя на этот банк могли быть оплачены по предъявлении, и банк всегда оправдывал доверие общественности. В первые дни существовало множество частных банков, полностью поддерживаемых доверием общественности. Они в основном принадлежали дворянам. Позже правительство извлекло выгоду из их подавления в соответствии с законом, запрещавшим аристократам заниматься торговлей, и учредило единственный национальный банк, поместив его под опеку принца и учитывая все вложенные в него средства. Этот банк был просто депозитарием. Банкир не имел права удержания или комиссии и не платил процентов. Чтобы обеспечить вклады капиталистов, было необходимо, чтобы кредит банка был таким, чтобы векселя банка считались в бизнесе реальными деньгами.

Вот как это было организовано. Сначала был офис, где представленные чеки немедленно обналичивались в монетах. Доказав свою способность делать это, количество подобных запросов уменьшилось. В Венеции существовало несколько видов денег (). Для банка был выбран лучший. Было решено, что он будет принимать или выплачивать только дукаты полной стоимости, качество которых было выше, а сплав менее распространенным. В результате выписывающие векселя частные банкиры рисковали получить оплату деньгами из низкопробного сплава, в то время как держатели кредитов банка были уверены, что получают лучшую стоимость. Эта система обеспечила банковским деньгам преимущество перед текущей монетой и укрепила кредит учреждения.

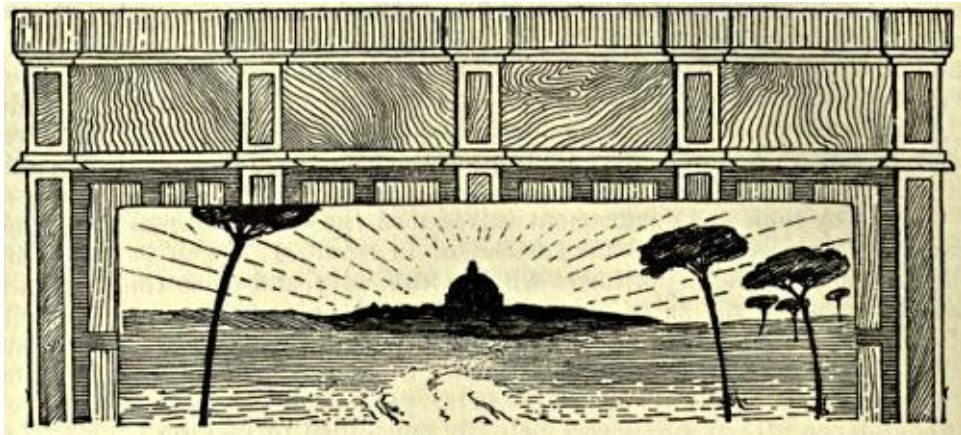
Постепенно правительство ввело обычай производить определенные платежи векселями на банк вместо монет. Сначала эти векселя без затруднений принимались в государственных депозитариях, а когда этот обычай укоренился, был принят закон, согласно которому банк обязывался выплачивать деньги за векселя, как внутренние, так и иностранные, если их сумма превышала 300 дукатов. Запрещалось отказывать в приеме этих векселей, если не было противоположного соглашения. Это почти придавало им принудительную ценность, но при этом не подрывалось доверие общественности. Таким образом, количество наличных денег фактически увеличивалось за счет использования банковских векселей. Поскольку стоимость этих векселей строго поддерживалась, а их погашение лучшей монетой гарантировалось по требованию, эта удобная форма валюты естественно стала популярной. В результате правительство оказалось в распоряжении большого количества средств, которые оно могло использовать для себя, не платя

процентов. Очень трудно определить сумму, депонированную в этом центральном коммерческом банке. Она неизбежно менялась. К середине XVIII века она составляла 5 000 000 дукатов стерлингов, а к концу того же века — 14 000 000 или 15 000 000.^{[a](#)}

СНОСКИ

^{[\[19\]](#)} Брат или сын Бату, внук Чингисхана.

ГЛАВА XI. ГИЛЬДИИ И СЕНИОРАТ В ФЛОРЕНЦИИ

[1350-1400 гг. н.э.]

В одной из предыдущих глав мы остановились на событиях во Флоренции вскоре после великой чумы в середине XIV века. В последующих главах была изложена история Неаполитанского королевства, ломбардских тираний и морских республик, и при этом мы постоянно сталкивались с событиями во Флоренции. Теперь мы уделим более пристальное внимание этому великому тосканскому городу, рассмотрев его внутреннее положение в течение последнего столетия после великой чумы. Центральные события этого периода связаны с борьбой, кульминацией которой стало восстание *чиомпи* и временное захват власти массами.

Растущее недовольство рабочих иллюстрирует старинный конфликт между капиталом и трудом. Попытка производителей шерстяных изделий поставить себя в политическое равенство с якобы более высокими видами искусства была одним из тех социалистических движений, которые время от времени давали о себе знать среди всех цивилизованных народов Европы. Ничего подобного никогда не наблюдалось в древнем Востоке, под деспотическими правительствами, которые подчиняли и порабощали личность; но такие восстания происходили в Риме при республике и только благодаря убогим заботам отцовского правительства не повторялись часто в имперском Риме. Насильственное вспыхновение такого движения во Флоренции свидетельствует о широком распространении там демократического духа и о недовольстве, которое является естественным спутником условий, позволяющих индивиду улучшить свое социальное положение. В Италии того периода люди из народа снова и снова поднимались и достигали высших почестей. Там, где возможно такое пренебрежение наследственными традициями, должно быть состояние социальной нестабильности; но, с другой стороны, именно это состояние нестабильности делает возможным развитие великой прогрессивной цивилизации. Нынешнее социалистическое восстание во Флоренции не достигло большего, чем временный успех, с точки зрения конкретных амбиций его организаторов; но, без сомнения, оно внесло свой вклад в усиление великого потока прогресса, который уносил человечество вперед, к глубоким водам Ренессанса.

Хотя в настоящее время нас интересуют исключительно внутренние дела Флоренции, не следует забывать о внешних политических условиях, в которых происходили эти борьбы гильдий, как это уже было описано в предыдущих главах. Следует помнить, что на протяжении всего этого времени междоусобных распрей Флоренция была также довольно сильно занята внешними войнами. Это было полвека, когда тираны Милана укрепляли свою власть и все более и более стремились к землям, которые могли бы сделать их верховными правителями всей Италии. Галеаццо Висконти был врагом Флоренции в первые десятилетия этого периода, а его сын Джан Галеаццо, который сменил его в 1385 году — сразу после периода восстания *чиомпи* — терроризировал северную Италию в течение всего остального столетия. Именно в войнах этих ломбардских тиранов появился сэр Джон Хоуквуд. Сначала он воевал на стороне Висконти, затем, соблазнившись золотом Флоренции, стал врагом своего прежнего работодателя. Против Хоуквуда в его поздних кампаниях выступал другой великий вождь наемников, Якопо дель Верме, который прославился тем, что перерезал дамбы и затопил равнину вокруг армии Хоуквуда, дав грозному англичанину возможность совершить то знаменитое отступление, которое является одним из самых живописных эпизодов в военной истории.

Почти одновременно с восстанием чиомпи закончилось так называемое вавилонское пленение пап в Авиньоне, за чем вскоре последовал Великий раскол и сопутствующие ему разногласия. В том же десятилетии произошло знаменитое поражение генуэзцев от Венеции в войне за Кьоджу. Все эти события были рассмотрены в других источниках и не будут рассматриваться в настоящей главе; однако, как уже было сказано, читателю будет полезно иметь в виду эти великие политические потрясения, которые создали условия для местных восстаний во Флоренции и которые в сознании современников были неразрывно связаны с ними.а

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В СЕРЕДИНЕ XIV ВЕКА

[1339-1353 гг. н. э.]

Демократия не имела для флорентийцев того недостатка, который ей иногда приписывают, — невозможности осуществления великих предприятий. Она была их правящим духом; и, не будучи ни средством эмпиризма, ни выводом из теории, она не ограничивала рост их внешней мощи, которая поглотила их бывших соперников, Ареццо и Пистойю, и превратила Сиену в вассальное государство. Но внутри самого города они всегда оказывали слабое сопротивление тем роковым распрям, которые так часто приводили их к анархии. Дворяне, лишённые своих прав и нашедшие в преследованиях ту опору в жизни, которая вскоре исчезла бы, если бы они были оставлены в своем узком сословии; горожане, обладавшие привилегиями, которые они отняли у дворян и которые они яростно охраняли, как новый сад Гесперид; наконец, народ, который поднялся на штурм, как перед ним поднялись горожане, — все они поддерживали агитацию с противоположной целью, но непрерывную, ослабляя силу государства. Государство лишилось всякой стабильности; никогда слова Данте не были более верны в отношении того, что было соткано в октябре и уже не существовало в середине ноября. Если однажды, вопреки своей воле, горожане с неохотой согласились на введение жеребьевки, которая означала крах их притязаний на олигархию, то вскоре после этого они одной рукой отобрали то, что дали другой; они заменили в мешках избирательных коллегий имена, которые были вытащены из мешков приоров, и *наоборот*, так что одни и те же имена могли вытаскиваться часто. Но триумф их хитрости был недолгим! Демократический инстинкт сформулировал закон, который сделал это злоупотребление невозможным (декабрь 1339 г.); отныне билеты, вытащенные из мешков, уничтожались, и никто, кто занимал одну должность, не мог получить вторую, пока мешки не были полностью опустошены.

Эти постоянные изменения в институтах не обходились без беспорядков, которые были постоянным поводом для тревоги, даже если они и не приводили к взятию оружия. Макиавелли заявляет, что унижение дворян было причиной процветания Флоренции, потому что магистраты пользовались большим уважением. Как в это можно верить, когда богатые бюргеры повторяют излишества и злоупотребления тех, кого они сменили у власти? В петиции от 27 августа 1352 года их обвиняли в гордыне, высокомерии и несправедливости и добились уступки, что обвиняемые в проступках должны быть наказаны как дворяне. Какая угроза могла быть более эффективной, чтобы удержать их на краю пропасти? Однако они упали на дно. В следующем году их грабежи стали постоянной темой для обсуждения. Каждую ночь совершались дерзкие ограбления. Они взламывали кассы менял, уносили одежду и ткани из ателье — однажды сорок пять предметов, — двести половинок соленых свиней из мясной лавки, а из других — кровати с матрасами, постельным бельем и покрывалами. Несмотря на оживленную торговлю, которая продолжалась даже после комендантского часа, грабителей так и не удалось поймать с поличным. Напрасно подеста Паоло Вайани, строгий римлянин, жаждущий справедливости,

мобилизовал всех имевшихся в его распоряжении людей, а даже сам оставался на страже. После нескольких ночей, проведенных под открытым небом, он наконец обнаружил нескольких мужчин, которые несли тюки к стенам и бросали их через них; их сообщники загружали их на лодку и увозили в Пизу. Но это были люди низкого происхождения, многие из которых считали, что они просто помогают банкроту и спасают его имущество от конфискации — самое меньшее из преступлений, если это вообще было преступлением, согласно представлениям того времени. Эти люди были подвергнуты бастанидо; остальные были повешены.

Главные преступники все еще не были найдены — те, кто благоразумно оставался в тени, не смущаясь своими постыдными деяниями, несмотря на эти примеры *в anima vili*. После долгого расследования и дознания наконец выяснилось, что воры были «почтенными гражданами», которые собрались с трубами, лютнями и другими музыкальными инструментами, как будто для того, чтобы сыграть серенаду. Некоторые молодые люди из хороших семей стояли по обеим сторонам улицы и просили прохожих пойти другой дорогой, потому что музыканты хотели остаться неузнанными. Оглушительный шум делал эту просьбу вполне разумной, и таким образом место оставалось свободным для грабежа домов и магазинов в темноте ночи, не вызывая подозрений и не опасаясь прерывания. Одним из лидеров банды был Бордоне Бордони, представитель старинной и богатой буржуазной семьи, члены которой почти без перерыва сменяли друг друга на государственных должностях. Подвергнутый пыткам, он сознался. Его брат Герардо, один из послов, отправленных в предыдущем году к Карлу IV, заступился за него перед приорами, и те, снисходительные к преступнику своего ранга, выступили против смертной казни, которую требовал народ и которую хотел вынести подеста. Видя, что невозможно склонить этого сурового римлянина к своему желанию, они распустили его телохранителей. Они полагали, что без них он будет вынужден подчиниться. Но он отказался принять эту нелепую ситуацию, с негодованием отказался от жезла, символа власти, и удалился в Сиену (11 марта 1353 г.).

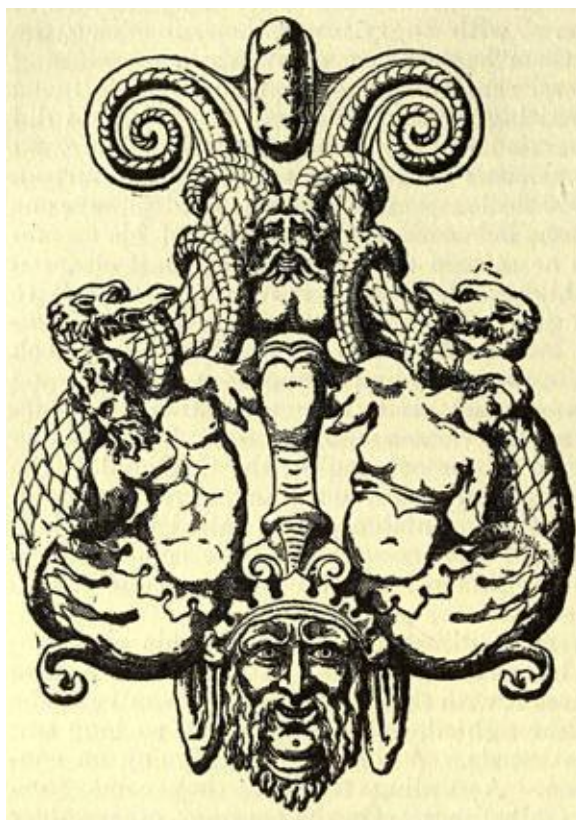
[1353-1355 гг. н. э.]

Город сразу же взбунтовался. Люди заявляли, что справедливость больше не доступна простым людям. Малейшее проступки приводили к их убийству; если же человек, занимавший высокое положение, был изгнан за преступление, он выдавал себя за жертву политической преследования. Если подесты были уволены, когда они стремились восстановить справедливость, кто же захочет приехать во Флоренцию? Стены были исписаны гневными надписями, оскорбляющими приоров. Те, кто пришел им на смену, поспешили отречься от компрометирующего товарищества; поддавшись общему настроению, они послали в Сиену посланника, чтобы умолять подста вернуться, обещая строгое повиновение. Паоло Вайани не сдался сразу; он перечислил свои жалобы: цены на зерно выросли, а его зарплата не покрывала его расходы. Если он вернется, то только с повышением на 2000 флоринов — больше, чем было необходимо, как пишет один из летописцев. Он казнил Бордоне и отправил многих его сообщников в изгнание. Таким образом он успокоил народ и наконец очистил Флоренцию от этих высокопоставленных злодеев. Но их родственники остались, чтобы разжечь почти погасший огонь. Герардо Бордони обвинил Манджони и Беккануги в смерти своего брата. Чтобы отомстить за него, он воспользовался беспорядками в городе, вызванными приближением Великой компании (1354). Со своими *соратниками* и последователями он преследовал своих врагов даже до их домов и убил двух женщин, которые, согласно обычаю того времени, наслаждались прохладой вечера на пороге. Войска сеньории пытались восстановить порядок, но были бессильны. Была вызвана милиция пригородов с их знаменами. На этот раз пятеро из

Бордони и двенадцать их сообщников были приговорены к конфискации имущества и смертной казни, если они не предпочтут уйти в изгнание (июль 1354 года).

Гораздо более серьезным и с более катастрофическими последствиями для этого города, постоянно подвергавшегося спорам между семьями, было соперничество между Риччи и Альбицци. Макиавелли сравнивает его с соперничеством между Буондельмонти и Уберти, в котором история, недальновидная и дезинформированная, так долго видела зародыш флорентийских анналов. Велась дискуссия о происхождении Альбицци. По мнению одних, они были родом из Ареццо и, следовательно, были гибеллинами. Напротив, другие, их друзья, заявляли, что они были изгнаны оттуда, потому что были гвельфами. Правда это или ложь, но обвинение в гибеллинизме было не без опасности в то время, когда объявленное приближение Карла IV пробуждало прежние страхи. Когда умы возбуждены, малейший инцидент кажется важным и дает пищу для ненависти. Альбицци имеют слуг в Казентино для защиты своей собственности? Это ложь! Они там, чтобы напасть на Риччи. Осел задел одного из Риччи в Меркато Веккьо, и возчика избили за его небрежность? Очевидно, Риччи нападают на Альбицци. И так две большие семьи взяли в руки оружие, а вместе с ними и весь город. Не было легко разоружить их, и они всегда были готовы снова взять в руки оружие. Если повод для этого не появлялся в ближайшее время, они прибегали к хитрости вместо силы.

Детали событий отсутствуют, но по мерам, принятым в пользу или против великих, можно увидеть колебания общественного мнения, или, скорее, эфемерное превосходство одной или другой из двух фракций. В одно время народное правительство возвращает дворянам, при условии, что они принадлежат к фракции гвельфов, право занимать второстепенные должности и упраздняет « » — большой барабан, который использовался для объявления об их осуждении (10 апреля 1355 г.). Их врагам дается двенадцать дней вместо пяти, пятнадцать дней вместо десяти, в зависимости от случая, чтобы возбудить против них иск и, следовательно, чтобы они могли спастись. Им разрешается входить в общественный дворец и восстанавливать свои разрушенные дома. Больше нет залога, нет родственников, ответственных за них более чем в третьей степени. В другой раз (21 августа 1355 года), «в целях сохранения и защиты народной свободы и невиновности, особенно слабых и несчастных людей», было постановлено, что дворяне, осужденные за убийство, нанесение телесных повреждений, грабеж, поджог, прелюбодеяние и т. д., «больше не будут иметь права, как и их потомки, жить в доме своей семьи». Было замечено, что горожане проникались духом дворян, в результате чего усложнился переход из одного сословия в другое; для голосования требовалось три четверти голосов, что было трудно реализовать, и, кроме того, это стало препятствием для отмены приговоров и возвращения изгнанников. Когда сеньория проявляла милосердие к дворянам, это было признаком того, что у власти были Альбицци; когда она была строга к ним, это было под влиянием Риччи.

ИТАЛЬЯНСКИЙ БРОНЗОВЫЙ ДВЕРНОЙ МОЛОТОК

Чаще всего у власти были Риччи. Они разделяли идеи средних ремесел и вместе с ними запрещали занимать должности четырнадцати меньших ремесел, что было свершившимся фактом, который, тем не менее, всегда оспаривался; они поддерживали неумолимый закон *дивьето*, который держал на расстоянии многочисленных родственников занимающего должность бургера, не причиняя вреда низшим классам, которые либо имели мало родственников, либо не знали их. Дворяне и горожане забыли, как и Альбицци, что это правительство смогло счастливо завершить несчастное дело Теламоне, не вступая в войну; создать флот, хотя у них не было берега; изгнать свободные компании, не платя им постыдных выкупов; выполнить свои обязательства перед Висконти, не оскорбляя легата; и восстановить порядок, который, каким бы шатким он ни казался нам, тогда казался удовлетворительным. Они видели только преступление этих низших классов в том, что они были так многочисленны на должностях, высокомерны, поскольку получили положение, которого так жаждали, деспотичны, как всегда бывает их класс, думая только о своих интересах, и каждый из них считал себя королем. Эти упреки слышны в каждом веке в сочинениях летописцев, всегда склонных презирать то, что лежит перед их глазами; и, кроме того, сколько можно найти людей, которые не заслуживают таких упреков? Оптическая иллюзия, которую дает расстояние, необходима, чтобы видеть в богатых бюргерах только «старых друзей своей страны, презирающих собственное богатство, чтобы увеличить богатство республики»; и требуется противоположное заблуждение, которое возникает из-за слишком близкого соседства, чтобы видеть только недостатки низшего класса в правительстве, где доминировали мелкие ремесла. «Удивительно, — сказал Маттео Виллани,⁴ — что Флоренция тогда не погибла». Простое изложение фактов показывает нам, что думать по этому поводу. Сколько раз при других правительствах Флоренция не была на грани гибели, но всегда поднималась с мощной силой, которую ничто не могло уничтожить.

Другой историк Флоренции, синьор Джино Каппони,⁵ обвиняет Данте в том, что он сетовал на смешение сословий, на приход в город людей из Чертальдо, Кампи и Синьи,

которые стали купцами и менялами и сформировали основу новой расы, и он одобряет богатых буржуа, которые теперь были объектами тех же жалоб, которые они ранее высказывали в адрес дворян. Но следует помнить, что в каждом сеньорате того времени не более трех из девяти членов принадлежали к низшим ремеслам, и что старые семьи по-прежнему сохраняли свою долю. Если представители среднего класса, которые принимали законы, предпочитали договариваться с представителями низших классов, это, конечно, не было доказательством того, что низшие классы были необоснованно требовательными; и это заставляет думать, что богатые буржуа были чрезвычайно требовательными, особенно в отказе допускать новых членов к участию во власти.^h

ОПИСАНИЕ МАККИАВЕЛИ ВОССТАНИЯ ЧИОМПИ

[1355-1356 гг. н. э.]

После победы Карла правительство было сформировано из гвельфов Анжуйской династии и приобрело большую власть над гибеллинами. Но время, различные обстоятельства и новые расколы настолько способствовали угасанию партийных настроений, что многие из гибеллинского происхождения теперь занимали высшие должности. Заметив это, Угуччоне, глава семьи Риччи, добился того, чтобы закон против гибеллинов был вновь введен в действие, поскольку многие считали Альбицци представителями этой фракции, поскольку они возникли в Ареццо и давно переселились во Флоренцию. Угуччоне надеялся таким образом лишить Альбицци возможности участвовать в правительстве, поскольку все гибеллины, занимавшие должности, подлежали наказанию, предусмотренному этим законом. Замысел Угуччоне был раскрыт Пьеро, сыну Филиппо дельи Альбицци, и он решил поддержать его, поскольку понял, что противодействие этому замыслу сразу же объявило бы его гибеллином; и таким образом закон, который был возобновлен по амбиции Риччи с целью его уничтожения, вместо того, чтобы лишить Пьеро дельи Альбицци репутации, способствовал увеличению его влияния, хотя и заложил основу для многих бедствий. Пьеро, поддерживав этот закон, который был придуман его врагами, чтобы стать для него камнем преткновения, сделал его трамплином к своей величии, поскольку, став лидером этого нового порядка вещей, его авторитет продолжал расти, и он пользовался большей благосклонностью гвельфов, чем любой другой человек.

Поскольку не удалось найти магистрата, готового выяснить, кто из них гибеллины, и поскольку этот новый закон против них был поэтому малоэффективен, было решено предоставить *капитанам* полномочия выяснять, кто принадлежит к этой фракции, и, обнаружив их, уведомлять и предупреждать, чтобы они не принимали на себя никаких правительственных должностей; в случае непослушания этим предупреждениям они становились осужденными к наказанию. Поэтому всех тех, кто во Флоренции был лишен права занимать должности, называли *ammoniti*, или «предупрежденными». Капитаны со временем приобрели большую смелость и предупреждали не только тех, к кому это предупреждение было применимо, но и всех остальных по собственной алчности или амбициям; и с 1356 года, когда был принят этот закон, до 1366 года было предупреждено более двухсот граждан. Капитаны Партов и секта гвельфов таким образом стали могущественными, поскольку все уважали их из страха быть предупрежденными, и в особенности лидеры, которыми были Пьеро дельи Альбицци, Лапо да Кастильоньо и Карло Строщи. Наглый способ действий был оскорбительным для многих, но никто не чувствовал себя так сильно ущемленным, как Риччи, поскольку они знали, что сами стали причиной этого, видели, что это привело к гибели республики, а их враги Альбицци, вопреки их намерениям, стали великими в результате.

По этой причине Угуччоне де Риччи, будучи одним из сеньоров, решил положить конец злу, которое он и его друзья сами породили, и новым законом предусмотрел, что к шести капитанам частей должны быть назначены еще три, из которых два должны быть выбраны из компаний мелких ремесленников, и что, прежде чем какая-либо партия может быть признана гибеллинистской, заявление капитанов должно быть подтверждено двадцатью четырьмя гражданами-гуэльфами, назначенными для этой цели. Это положение на время ограничило власть *капитанов*, так что предупреждения были значительно уменьшены, если не полностью отменены. Тем не менее, партии Альбицци и Риччи постоянно были начеку, чтобы противостоять законам, решениям и предприятиям друг друга, не из-за убеждения в их нецелесообразности, а из-за ненависти к их инициаторам. В таких беспорядках прошло время с 1366 по 1371 год, когда гвельфы вновь обрели превосходство. В семье Буондельмонти был дворянин по имени Бенчи, который в знак признания его заслуг в войне против пизанцев, несмотря на то что был одним из представителей знати, был принят в народ и таким образом получил право занимать должность в сеньории; но когда он собирался занять свое место среди них, был принят закон, согласно которому ни один дворянин, ставший представителем народного сословия, не имел права занимать эту должность. Это сильно обидело Бенчи, который вместе с Пьеро дельи Альбицци решил подавить менее влиятельную часть народной партии с помощью предупреждений и получить власть для себя. Благодаря влиянию, которым Бенчи обладал среди древней аристократии, а Пьеро — среди большинства влиятельных граждан, партия гвельфов восстановила свое господство и, благодаря новым реформам среди «партий», перестроила администрацию таким образом, что могла по своему усмотрению распоряжаться должностями капитанов и двадцати четырех граждан. Затем они вернулись к предостережениям с большей смелостью, чем когда-либо, и дом Альбицци стал могущественным главой этой фракции. С другой стороны, Риччи прилагали самые энергичные усилия против их замыслов, так что повсеместно царила тревога, и обе партии опасались гибели.

Сеньория, вынужденная обстоятельствами, предоставила полномочия пятидесяти шести гражданам обеспечить безопасность республики. Обычно оказывается, что большинство людей лучше приспособлены к продолжению уже начатого дела, чем к поиску нового, применимого к текущим обстоятельствам. Эти граждане думали скорее о том, как уничтожить существующие фракции, чем о том, как предотвратить образование новых, и не достигли ни одной из этих целей. Условия для создания новых партий не были устранены, и из тех, от которых они защищались, возникла другая, более мощная, которая подвергла республику еще большей опасности. Однако они лишили трех членов семьи Альбицци и трех членов семьи Риччи всех должностей в правительстве (), за исключением должностей партии гвельфов, на три года; среди лишенных были Пьеро дельи Альбицци и Угуччоне де Риччи. Они запретили гражданам собираться во дворце, за исключением заседаний сеньории. Они постановили, что если кто-либо был избит или лишен владения своим имуществом, он мог представить свое дело на рассмотрение совета и осудить правонарушителя, даже если тот был членом знати; и что, если это было доказано, обвиняемый подлежал обычным наказаниям. Это положение ослабило смелость Риччи и усилило смелость Альбицци, поскольку, хотя оно применялось одинаково к обоим, Риччи пострадали от него гораздо больше, ибо если Пьеро был исключен из дворца сеньории, то палата гвельфов, в которой он обладал наибольшим авторитетом, оставалась для него открытой, и если он и его последователи и раньше были готовы к предупреждениям, то после этой обиды они стали вдвойне готовы к ним. К этой предрасположенности к злу добавились новые волнения.

[1371-1375 гг.]

Папский престол занимал Григорий XI. Он, как и его предшественники, проживая в Авиньоне, управлял Италией через легатов, которые, будучи гордыми и алчными, угнетали многие города. Один из этих легатов, находившийся тогда в Болонье, воспользовавшись большой нехваткой продовольствия во Флоренции, попытался стать хозяином Тосканы и не только лишил флорентийцев продовольствия, но и, чтобы разрушить их надежды на будущий урожай, с наступлением весны напал на них с большой армией, полагая, что, будучи голодными и безоружными, они будут для него легкой добычей. Возможно, он добился бы успеха, если бы его войска не были наемными и вероломными и, следовательно, не были склонены отказаться от предприятия за сумму в 130 000 флоринов, которую им заплатили флорентийцы. Люди могут вступать в войну, когда захотят, но не всегда могут выйти из нее, когда захотят. Этот конфликт, начатый из-за амбиций легата, был продолжен из-за обиды флорентийцев, которые, вступив в союз с Барнабо из Милана и с городами, враждебными церкви, назначили восемь граждан для управления им, дав им полномочия действовать без апелляции и тратить любые суммы, которые они сочтут целесообразными, без отчета о расходах.

Эта война против понтифика, хотя Угуччоне был уже мертв, возродила тех, кто следовал за партией Риччи, которые, в противовес Альбицци, всегда поддерживали Барнабо и противостояли церкви, и это тем более, что все восемь военных комиссаров были врагами гвельфов. Это побудило Пьеро дельи Альбицци, Лапо да Кастильоньо, Карло Строцци и других более тесно объединиться в противостоянии своим противникам. Восемь комиссаров продолжали войну, а остальные в течение трех лет выносили предупреждения, пока смерть понтифика не положила конец враждебным действиям, которые велись с таким мастерством и с таким полным удовлетворением народа, что в конце каждого года Восемь комиссаров оставались на своих постах и назывались *santi*, или святыми, хотя они пренебрегали церковными запретами, грабили церкви и заставляли священников совершать богослужения. Настолько в то время граждане предпочитали благо своей страны духовным утешениям и таким образом показали церкви, что, если как ее друзья они защищали ее, то как враги они могли ее угнетать; ибо вся Романья, Марке и Перуджа были возбуждены к восстанию.

Однако, хотя эта война велась против папы, они были не в состоянии защитить себя от капитанов Партов и их фракции; ибо наглость гвельфов по отношению к Восьмерке достигла такой степени, что они не могли сдержаться от оскорбительных действий не только по отношению к некоторым из самых выдающихся граждан, но даже по отношению к самой Восьмерке; а капитаны Партов вели себя с такой *aggravancia*, что их боялись больше, чем сеньора. Те, кто имел с ними дела, относились к ним с большим почтением, и их суд пользовался большим уважением; так что ни один посол не приезжал во Флоренцию без поручения капитанов. После смерти папы Григория и освобождения города от внешней войны внутри него по-прежнему царила большая неразбериха, поскольку дерзость гвельфов была невыносимой, а поскольку не было доступных способов их усмирить и считалось, что необходимо прибегнуть к мерам, чтобы подготовиться к этой беде, лидеры партии собрались под знаменами, чтобы определить, какая из партий сильнее. На стороне гвельфов были все старинные аристократы и большая часть самых влиятельных лидеров народа, среди которых, как уже отмечалось, были Лапо, Пьеро и Карло. На другой стороне были все низшие сословия, лидерами которых были восемь военных комиссаров, Джорджо Скали и

Томмазо Строцци, а также Риччи, Альберти и Медичи. Остальная часть народа, как это обычно бывает, присоединилась к недовольной партии.

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ КУПЕЦ

[1375-1378 гг. н. э.]

Руководители фракции гвельфов пришли к выводу, что их враги значительно укрепятся, а сами они окажутся в серьезной опасности, если враждебное сеньория решит подчинить их себе. Поэтому, желая привлечь во внимание положение города и, в частности, своих друзей, они сочли, что *аммониты* настолько многочисленны и представляют такую большую угрозу, что весь город возмутился против них по этой причине. Они не могли придумать другого средства, кроме как изгнать своих противников из города, захватить дворец сеньора и переманить весь штат на свою сторону, поскольку их враги лишили их всех почетных должностей — по примеру гвельфов прежних времен, которые не находили безопасности в городе, пока не изгнали из него всех своих противников. Они были единодушны в основном вопросе, но не пришли к соглашению о времени его осуществления. Это было в апреле 1378 года, когда Лапо, считая отсрочку нецелесообразной, высказал мнение, что промедление крайне опасно для них самих, поскольку в соседнем сеньории Сальвестро де Медичи, скорее всего, будет избран гонфалоньером, а все они знали, что он противостоит их партии. Пьеро дельи Альбицци, с другой стороны, считал, что лучше отложить, поскольку им понадобятся силы, которые невозможно собрать, не привлекая внимания, а если их обнаружат, они подвергнутся большому риску. Поэтому он счел предпочтительным подождать до приближающегося праздника Святого Иоанна, который был самым торжественным праздником города и собирал огромные толпы людей, среди которых они могли бы скрыть любое количество людей. Чтобы развеять их опасения по поводу Сальвестро, его нужно было предупредить, а если это не давало бы желаемого результата, то они предупредили бы одного из «коллег» из его квартала, и при повторной жеребьевке, поскольку урны для голосования были бы почти

пусты, вероятность того, что выпадет либо он, либо кто-то из его соратников, была бы очень высока, и он таким образом лишился бы возможности занимать должность гонфалоньера.

В конце концов они пришли к выводу, предложенному Пьеро, хотя Лапо согласился с неохотой, считая задержку опасной и полагая, что, поскольку ни одна возможность не может быть подходящей во всех отношениях, тот, кто ждет совокупности всех благоприятных обстоятельств, либо никогда не предпринимает попытки, либо, если его побуждают к этому, чаще всего терпит неудачу. Они предупредили коллегу, но не помешали назначению Сальвестро, поскольку заговор был раскрыт Восьмеркой, которая позаботилась о том, чтобы все попытки выбора оказались тщетными.

Таким образом, Сальвестро Аламанно де Медичи был избран гонфалоньером, и, будучи представителем одной из самых знатных и популярных семей, он не мог терпеть, чтобы народ угнетался несколькими влиятельными лицами. Решив положить конец их наглости и видя, что средний класс настроен благосклонно, а многие из высших слоев народа на его стороне, он сообщил о своем замысле Бенедетто Альберти, Томмазо Строцци и Джорджо Скали, которые все пообещали ему свою помощь. Поэтому они тайно разработали закон, целью которого было возобновление ограничений на дворянство, сокращение полномочий *капитанов партий*, а также восстановление достоинства *аммонити*.

Чтобы попытаться достичь своих целей, пришлось одновременно проконсультироваться сначала с коллегами, а затем с советами. Сальвестро, будучи проректором (должность, которая в то время делала ее обладателя почти князем города), созвал коллег и совет в одно и то же утро, и, когда коллеги были в стороне, он предложил закон, подготовленный им и его друзьями, который, будучи новинкой, встретил в их небольшом количестве столько противодействия, что он не смог его принять.

Сальвестро, видя, что его первая попытка, вероятно, закончится неудачей, сделал вид, что покидает комнату по личным делам, и, незаметно для окружающих, сразу же отправился в совет и, заняв высокое положение, с которого его можно было и видеть, и слышать, сказал, что, считая себя наделенным должностью гонфалоньера не столько для того, чтобы председательствовать в частных делах (для которых назначаются соответствующие судьи, которые проводят регулярные заседания), сколько для того, чтобы охранять государство, исправлять дерзость сильных мира сего и улучшать законы, под влиянием которых республика приходила в упадок, он тщательно выполнял обе эти обязанности и делал все, что в его силах, но обнаружил, что коварство некоторых настолько противоречит его справедливым замыслам, что лишает его всякой возможности творить добро, а их — не только возможности помогать ему своими советами, но даже слушать его. Поэтому, обнаружив, что он больше не приносит пользы ни республике, ни народу в целом, он не видел никаких причин для дальнейшего пребывания в должности, которой он либо был недостоин, либо другие считали его недостойным, и поэтому решил уйти в свой дом, чтобы народ мог назначить на его место другого, который обладал бы большей добродетелью или лучшей судьбой, чем он сам. Сказав это, он покинул комнату, как будто собираясь вернуться домой.

Насилие толпы

Те члены совета, которые были посвящены в тайну, и другие, жаждущие новизны, подняли шум, на который собрались сеньор и его коллеги, и, увидев, что гонфалоньер покидает их, умоляюще и авторитетно задержали его и заставили вернуться в зал совета, который теперь был полон смятения. Многие из знатных граждан подверглись угрозам и

оскорблениям; один ремесленник схватил Карло Строцци за горло и, несомненно, убил бы его, если бы окружающие с трудом не помешали ему. Наибольшее беспорядки устроил и поднял город на бунт Бенедетто дельи Альберти, который из окна дворца громко призывал народ к оружию; вскоре дворы заполнились вооруженными людьми, и коллеги под угрозой () согласились на то, что отказывались сделать по просьбе. В то же время *капитаны партии* собрали в своем зале большое количество горожан, чтобы обсудить способы защиты от приказов сеньоров, но когда они услышали поднявшийся шум и узнали о решении, принятом советами, каждый из них укрылся в своем доме.

Никто, поднимая народные волнения, не должен думать, что потом сможет контролировать их по своему усмотрению или удержать от совершения насилия. Сальвестро намеревался ввести свой закон и успокоить город, но произошло иначе: чувства всех были настолько возбуждены, что они закрыли магазины; граждане укрепились в своих домах; многие перенесли свое ценное имущество в церкви и монастыри, и все, казалось, ожидали чего-то ужасного. Профессиональные гильдии собрались и каждая из них назначила дополнительного должностного лица или синдика; после чего приоры созвали своих коллег и этих синдиков и целый день совещались, как успокоить город, удовлетворив различные стороны; но мнения сильно расходились, и к какому-либо решению не пришли. На следующий день ремесленные гильдии вынесли свои знамена, и сеньоры, понимая и опасаясь беды, созвали совет, чтобы обсудить, как поступить. Но едва они собрались, как снова начался шум, и вскоре знамена ремесленных гильдий, окруженные огромным количеством вооруженных людей, заняли дворы. Тогда совет, чтобы дать ремеслам и народу надежду на исправление положения и как можно больше освободить себя от обвинений в причинении вреда, предоставил общие полномочия, которые во Флоренции называются *balia*, сеньорам, коллегам, Восьмерке, *capitani di parte* и синдикам ремесел, чтобы реформировать управление городом на общее благо всех. Пока это согласовывалось, несколько знаменосцев ремесел и часть толпы, желая отомстить за недавние обиды, нанесенные им гвельфами, отделились от остальных и разграбили и сожгли дом Лапо да Кастильоньо, который, узнав о действиях сеньории против гвельфов и увидел вооруженный народ, не имея другого выхода, кроме как скрыться или бежать, сначала укрылся в Санта-Кроче, а затем, переодевшись монахом, бежал в Казентино, где, как часто слышали, он упрекал себя за то, что согласился ждать до дня Святого Иоанна, прежде чем они обеспечили себе власть. Пьеро дельи Альбицци и Карло Строцци скрылись при первых признаках беспорядков, надеясь, что когда они закончатся, благодаря влиянию их многочисленных друзей и родственников, они смогут безопасно остаться во Флоренции.

Дом Лапо был сожжен, и поскольку зло начинается с трудом, но легко нарастает, многие другие дома, либо из-за общественной ненависти, либо из-за частной злобы, разделили ту же судьбу; а бунтовщики, чтобы найти себе соратников, более рьяных, чем они сами, в деле грабежа, взломали общественные тюрьмы, а затем разграбили монастырь Аньоли и монастырь Санто-Спирито, куда многие граждане унесли свои самые ценные вещи для сохранности. Не избежали бы этих разрушителей и государственные камеры, если бы не почтение к одному из сеньоров, который, верхом на лошади и в сопровождении многих вооруженных граждан, противостоял ярости толпы.

Когда народный гнев улегся под давлением власти сеньоров и с наступлением ночи, на следующий день балия освободила предупрежденных от наказания, при условии, что в течение трех лет они не смогут занимать никаких магистратских должностей. Они аннулировали законы, принятые гвельфами в ущерб гражданам; объявили Лапо да Кастильоньо и его товарищей мятежниками, а вместе с ними и многих других, которые были объектами всеобщего презрения. После принятия этих решений были избраны новые сеньоры, и Луиджи Гуиччардини был назначен гонфалоньером, что давало надежду на

скорое успокоение беспорядков, поскольку все считали их мирными людьми и любителями порядка. Тем не менее, магазины « » не открывались, а граждане не складывали оружие, а продолжали патрулировать город в большом количестве.

Итальянский дворянин, XIV век

Вскоре возникли беспорядки, гораздо более опасные для республики, чем все, что происходило до сих пор. Большая часть пожаров и грабежей, имевших место в предыдущие дни, была совершена самыми низшими слоями населения; и те, кто был наиболее дерзок, боялись, что, когда более серьезные разногласия будут урегулированы, они будут наказаны за совершенные преступления и, как обычно, будут брошены теми, кто подтолкнул их к совершению преступлений. К этому можно добавить ненависть низших сословий к богатым гражданам и руководителям ремесел, потому что они считали, что их труд не вознаграждается в соответствии с их заслугами. Ведь во времена Карла I, когда город был разделен на ремесла, для каждого из них назначался глава или правитель, и было предусмотрено, что лица, занимающиеся каждым ремеслом, должны судиться по гражданским делам своими собственными начальниками. Сначала было двенадцать ремесел; со временем их число увеличилось до двадцати одного, и они приобрели такую власть, что за несколько лет захватили все управление городом; а поскольку некоторые из них пользовались большим уважением, чем другие, их разделили на главные и второстепенные; семь из них назывались «главными», а четырнадцать — «второстепенными ремеслами». Из этого разделения и по другим причинам возникла *arroganza dei capitani di parte* (высокомерие капитанов партий); ибо эти граждане, которые ранее были гвельфами и постоянно распоряжались этой магистратурой, благоволили к последователям главных ремесел и преследовали последователей второстепенных ремесел и их покровителей; отсюда и возникли многочисленные беспорядки, о которых уже упоминалось. Когда впервые были организованы гильдии ремесел, многие из тех профессий, которыми занимались самые низшие слои населения и плебеи, не были включены в гильдии, а были отнесены к тем ремеслам (), которые были наиболее близки к ним; и поэтому, когда они не получали должного вознаграждения за свой труд или их хозяева угнетали их, им не к кому было обратиться за помощью, кроме магистрата того

ремесла, которому подчинялось их ремесло; а от него они не всегда ожидали справедливости. Из всех ремесел наибольшее число таких подчиненных всегда было в шерстяном ремесле, которое, будучи самым влиятельным и первым по авторитету, поддерживало большую часть плебеев и низших слоев населения.

Таким образом, низшие классы, подчиненные не только шерстяному, но и другим ремеслам, были недовольны по вышеупомянутым причинам, и их опасения наказания за совершенные ими поджоги и грабежи не способствовали их умиротворению. Ночью в разных частях города проходили собрания, на которых обсуждалось прошлое и сообщалось о опасности, в которой они находились. Когда один из самых смелых и опытных, чтобы воодушевить остальных, сказал: «Если сейчас стоит вопрос о том, следует ли нам взять в руки оружие, грабить и сжигать дома граждан, разорять церкви, то я отношусь к тем, кто считает, что это стоит дополнительного рассмотрения, и, возможно, предпочел бы бедность и безопасность опасному стремлению к неопределенному благу. Но поскольку мы уже вооружились, и было совершено много преступлений, и те, кто первыми взяли в руки оружие, непременно одержат победу, что приведет к гибели их врагов и их собственному возвышению, то таким образом многие из нас обретут честь, а все — безопасность». Эти аргументы сильно раззадорили умы, и без того склонные к злодеяниям, так что они решили взяться за оружие, как только наберут достаточное количество союзников, и поклялись друг другу в взаимной защите на случай, если кого-то из них покорит гражданская власть.

Пока они готовились захватить власть в республике, об их замысле стало известно сеньорам, которые, схватив человека по имени Симоне, узнали от него подробности заговора и то, что восстание должно было произойти на следующий день. Поняв, что опасность так близка, они созвали коллег и тех граждан, которые вместе с синдиками ремесел стремились осуществить объединение города. Был вечер, и они посоветовали сеньорам собрать консулов ремесел, которые предложили собрать все вооруженные силы Флоренции и на следующее утро встретиться с гонфалоньерами народа и их отрядами на площади. Так случилось, что пока Симоне подвергали пыткам, человек по имени Никколо да Сан Фриано настраивал дворцовые часы и, узнав о происходящем, вернулся домой и распространил эту новость по своему району, так что вскоре площадь Санто-Спирито была заполнена более чем тысячей человек. Об этом вскоре стало известно другим заговорщикам, и Сан-Пьетро-Маджоре и Сан-Лоренцо, места их сбора, вскоре были заполнены ими, все вооруженными.

На рассвете 21 июля на площади не было более восьмидесяти вооруженных мужчин, дружественных к сеньории, и ни одного из гонфалонеров; зная, что весь город находится в состоянии восстания, они боялись покидать свои дома. Первым появился отряд плебеев, собравшийся в Сан-Пьетро-Маджоре, но вооруженные силы не рискнули напасть на них. Затем пришли другие толпы и, не встретив сопротивления, громко потребовали от сеньории выдать им пленных; решив силой завладеть ими, если их угрозы не возымеют действия, они сожгли дом Луиджи Гуиччардини; а сеньория, опасаясь большего бедствия, освободила их. Усилившись таким образом, они отобрали у носителя знамя правосудия и, прикрываясь авторитетом, который оно им давало, сожгли дома многих граждан (), выбрав тех, чьи владельцы публично или в частном порядке вызывали их ненависть. Многие граждане, чтобы отомстить за личные обиды, приводили их к домам своих врагов; ведь для того, чтобы обеспечить его уничтожение, было достаточно одного голоса из толпы, воскликнувшего: «К дому такого-то», или того, чтобы носитель гонфалона направился к нему. Все документы, относящиеся к шерстяной торговле, были сожжены, и после совершения многочисленных актов насилия, чтобы придать им благородный характер, Сальвестро де Медичи и шестьдесят три других гражданина были посвящены в рыцари, среди которых были Бенедетто и Антонио дельи Альберти, Томмазо Строцци и другие их

друзья; хотя многие получили эту честь против своей воли. Примечательной особенностью беспорядков было то, что многие, чьи дома были сожжены, в тот же день и той же партией были посвящены в рыцари; так близко соседствовали доброта и обида. Это обстоятельство пришло в голову Луиджи Гуиччардини, гонфалоньеру правосудия.

В этом страшном шуме сеньория, оказавшись брошенной своими вооруженными силами, лидерами ремесел и гонфалоньерами, пришла в смятение; поскольку никто не пришел им на помощь в соответствии с приказами; из шестнадцати гонфалонов появились только знамена Золотого Льва и Вайо под командованием Джовенко делла Стуфа и Джованни Камби, но, не получив подкрепления, они вскоре отступили. С другой стороны, некоторые из горожан, видя ярость этой неразумной толпы и заброшенный дворец, остались в своих домах; другие последовали за вооруженной толпой в надежде, что, находясь среди них, они смогут легче защитить свои дома или дома своих друзей. Таким образом, сила плебеев усилилась, а сила сеньории ослабла. Беспорядки продолжались весь день, а ночью бунтовщики остановились возле дворца Стефано, за церковью Святого Варнавы. Их число превышало шесть тысяч, и до рассвета они угрозами добились выдачи им знамен ремесел, с которыми и с гонфалоном правосудия, когда наступило утро, они направились к дворцу проректора, который отказался сдать его им, и они захватили его силой.

Сеньория, желая достичь компромисса, поскольку не могла сдержать их силой, назначила четырех коллег, чтобы они отправились во дворец проректора и попытались узнать, каковы их намерения. Они обнаружили, что лидеры плебеев, вместе с синдиками ремесел и некоторыми гражданами, решили выразить свои пожелания сеньории. Поэтому они вернулись с четырьмя представителями плебеев, которые потребовали, чтобы шерстяной ремесло не имело иностранного судьи; чтобы были образованы три новые ремесленные гильдии: одна для чесальщиков и красильщиков, одна для парикмахеров, портных, швей и т. п., и третья для низшего сословия. Они требовали, чтобы три новых ремесла предоставили двух сеньоров, четырнадцать мелких ремесел — трех, и чтобы сеньория предоставила им подходящее место для собраний. Они также поставили условие, что ни один член этих гильдий не должен в течение двух лет выплачивать долги на сумму менее 50 дукатов; что банк не должен взимать проценты по уже заключенным ссудам и что должна взиматься только основная сумма; что осужденные и изгнанные должны быть прощены, а предупрежденные должны быть восстановлены в праве участвовать в почестях правительства. Помимо этого, было оговорено много других статей в пользу их друзей, а также выдвинуто требование, чтобы многие из их врагов были изгнаны и предупреждены. Эти требования, хотя и были чрезвычайно тяжелыми и бесчестными для республики (), были удовлетворены из-за страха перед дальнейшим насилием, по совместному решению сеньоров, коллег и совета народа. Но для того, чтобы они вступили в силу, требовалось согласие совета коммуны, а поскольку в один день было невозможно собрать два совета, пришлось отложить решение до следующего дня. Однако ремесленники казались довольными, плебеи удовлетворенными, и обе стороны обещали, что после утверждения этих законов все беспорядки прекратятся.

На следующее утро, пока совет коммуны проводил консультации, нетерпеливая и взрывная толпа вошла на площадь под своими знаменами с громкими и страшными криками, которые наполнили ужасом весь совет и сеньоров; и Герренте Мариньолли, один из последних, под влиянием страха больше, чем чего-либо другого, под предлогом охраны нижних дверей, покинул зал и убежал в свой дом. Он не смог скрыться от толпы, которая, однако, не обратила на него внимания, за исключением того, что, увидев его (), она настояла, чтобы все сеньоры покинули дворец, и объявила, что, если они откажутся подчиниться, их дома будут сожжены, а их семьи казнены.

Закон был принят; сеньоры находились в своих апартаментах; совет спустился из зала и, не покидая дворца, не надеясь спасти город, остался в нижних комнатах и дворах, подавленный горем от того, что видел такую порочность в толпе и такую извращенность или страх в тех, кто мог бы сдержать или подавить ее. Сеньоры тоже были потрясены и опасались за безопасность своей страны, оказавшись брошенными одним из своих союзников и лишенными какой-либо помощи или даже совета; когда в этот момент неопределенности относительно того, что должно было произойти или что было бы лучше всего сделать, Томмазо Строцци и Бенедетто Альберти, либо из амбиций (желая остаться хозяевами дворца), либо потому, что считали это наиболее целесообразным шагом, убедили их уступить народному порыву и тайно удалиться в свои дома. Этот совет, данный теми, кто был лидерами беспорядков, хотя остальные и уступили, наполнил гневом Аламанно Аччаджуоли и Никколо дель Бене, двух сеньоров; и, немного придя в себя, они сказали, что если остальные уйдут, они ничего не могут поделать, но они останутся, пока будут занимать свои должности, если, конечно, не потеряют жизнь. Эти разногласия удвоили страхи сеньоров и ярость народа, так что гонфалоньер, склонный завершить свою магистратуру скорее с позором, чем с опасностью, поручил себя заботе Томмазо Строцци, который вывел его из дворца и проводил до его дома. Другие сеньоры были один за другим перевезены таким же образом, так что Аламанно и Никколо, чтобы не казаться более храбрыми, чем мудрыми, увидев, что остались одни, также удалились, и дворец попал в руки плебеев и восьми военных комиссаров, которые еще не сложили с себя полномочия.

Микеле ди Ландо

Когда плебеи вошли во дворец, знамя гонфалоньера правосудия было в руках Микеле ди Ландо, шерсточеса. Этот человек, босой, почти ничего не имея на себе, с толпой на хвосте, поднялся по лестнице и, войдя в аудиенц-зал сеньории, остановился и, обратившись к толпе, сказал «Вы видите, что этот дворец теперь ваш, и город в вашей власти; что, по-вашему, следует сделать ?» На что они ответили, что хотят, чтобы он был их гонфалоньером и господином, и что он должен управлять ими и городом так, как считает нужным. Микеле принял это поручение и, будучи хладнокровным и мудрым человеком, более одаренным природой, чем удачей, решил успокоить бурю и восстановить мир в городе. Чтобы занять умы людей и дать себе время для принятия некоторых мер, он приказал разыскать некоего Нуто, который был назначен *барджелло*, или шерифом, Лапо да Кастильоньо. Большая часть его сторонников отправилась выполнять это поручение; и, чтобы справедливо начать управление, которое он приобрел благодаря благосклонности, он приказал, чтобы никто ничего не сжигал и не крал; а чтобы вселить страх в всех, он велел поставить виселицу во дворе дворца. Он начал реформу правительства, сместив синдиков ремесел и назначив новых; он лишил сеньора и его коллег магистратуры и сжег урны для голосования, содержавшие имена тех, кто имел право занимать должности при прежнем правительстве. Тем временем Сер Нуто, приведенный толпой во двор, был повешен за одну ногу на виселице; окружающие разорвали его на куски, и через мгновение от него не осталось ничего, кроме ноги, за которую он был привязан.

Восемь военных комиссаров, с другой стороны, считая себя после ухода сеньоров единственными хозяевами города, уже сформировали новое сеньорато; но Микеле, узнав об этом, прислал им приказ немедленно покинуть дворец, поскольку хотел показать, что может управлять Флоренцией без их помощи. Затем он собрал синдиков ремесел и создал сеньорию, в которую вошли четыре представителя низших плебеев, два представителя крупных ремесел и два представителя мелких ремесел. Кроме того, он провел новый отбор имен для избирательных сумок и разделил государство на три части: одну, состоящую из

новых ремесел, другую — из мелких, и третью — из крупных ремесел. Он отдал Сальвестро де Медичи доходы от магазинов на Понте Веккьо; для себя он взял провинцию Эмполи и оказал благодеяния многим другим гражданам, друзьям плебеев, не столько с целью вознаградить их за их труды, сколько для того, чтобы они могли защитить его от зависти.

Плебеям казалось, что Микеле в своей реформе государства слишком благоволил к высшим слоям народа, а они сами не имели достаточной доли в правительстве, чтобы сохранить его; поэтому, подталкиваемые своей обычной дерзостью, они снова взялись за оружие и, шумно ворвавшись во двор дворца, каждая группа под своими знаменами, настаивали, чтобы сеньор немедленно спустился и рассмотрел новые средства для улучшения их благосостояния и безопасности. Микеле, наблюдая за их высокомерием, не хотел провоцировать их, но, не уступая их просьбе, осудил манеру, с которой она была высказана, посоветовал им сложить оружие и пообещал, что тогда им будет предоставлено то, что в противном случае, в интересах достоинства государства, должно быть непременно удержано. Толпа, разгневанная этим ответом, удалилась в Санта-Мария-Новелла, где назначила восемь лидеров своей партии, а также должностных лиц и другие правила, чтобы обеспечить себе влияние и уважение; таким образом, город имел два правительства и находился под управлением двух разных властей. Эти новые лидеры постановили, что восемь человек, избранных из числа представителей своих ремесел, должны постоянно проживать во дворце вместе с сеньорами, и что все, что сеньоры решают, должно быть подтверждено ими, прежде чем станет законом. Они лишили Сальвестро де Медичи и Микеле ди Ландо всего, что им было предоставлено их прежними декретами, и распределили между многими членами своей партии должности и вознаграждения (), чтобы те могли поддерживать свое достоинство. После принятия этих резолюций, чтобы придать им силу, они послали двух своих представителей к сеньории, чтобы настоять на их утверждении советом, с намеком, что в случае отказа они будут отстаивать свои права силой. Эта делегация с удивительной дерзостью и непревзойденной самонадеянностью объяснила синьории свою миссию, упрекнула гонфалоньера в том, что он не ценит предоставленного ему достоинства и оказанной ему чести, и в том, что он проявил к ним неблагодарность и неуважение. Когда в конце своей речи они перешли к угрозам, Микеле не смог вынести их высокомерия и, чувствуя скорее достоинство своей должности, чем низость своего происхождения, решил наказать такую необычайную дерзость необычными средствами, вытащил меч, которым был опоясан, серьезно ранил их и приказал арестовать и заключить в тюрьму.

Итальянский капитан, XIV век

Когда этот факт стал известен, толпа пришла в ярость и, полагая, что с помощью оружия они смогут добиться того, чего не смогли добиться без него, они схватились за оружие и с крайней яростью решили заставить сеньора согласиться на их требования. Микеле, подозревая, что произойдет, решил быть готовым, поскольку знал, что его авторитет требует от него быть первым в атаке, а не ждать приближения врага или, как его предшественники, опозорить и дворец, и себя бегством. Поэтому он собрал значительное число горожан (поскольку многие начали понимать свою ошибку), сел на лошадь и, сопровождаемый толпой вооруженных людей, направился в Санта-Мария-Новелла, чтобы встретить своих противников. Плебеи, которые, как уже отмечалось, были движимы аналогичным желанием, вышли примерно в то же время, что и Микеле, и так случилось, что, поскольку каждый из них выбрал свой путь, они не встретились по дороге, и Микеле, вернувшись, обнаружил, что площадь находится в их владении. Теперь борьба шла за дворец, и, присоединившись к сражению, он вскоре победил их, изгнал часть из города, а остальных заставил сложить оружие и бежать или скрываться, как могли. Таким образом, одержав победу, беспорядки были урегулированы исключительно благодаря талантам гонфалоньера, который по мужеству, благоразумию и великодушию превосходил всех других граждан своего времени и заслуживает того, чтобы быть причисленным к числу тех немногих славных людей, которые принесли огромную пользу своей стране; ибо, будь он злобным или амбициозным, республика была бы полностью разрушена, а город попал бы под еще более жестокую тиранию, чем тирания герцога Афинского. Но его доброта никогда не позволяла ему думать о чем-либо, противоречащем всеобщему благосостоянию: его благоразумие позволяло ему вести дела таким образом, что подавляющее большинство его

собственной фракции испытывало к нему полнейшее доверие, а остальных он держал в страхе благодаря влиянию своей власти.

К тому времени, когда Микеле ди Ландо подчинил себе плебеев, было сформировано новое сеньориат, и среди тех, кто его составлял, были два человека столь низкого и презренного происхождения (), что в умах народа усилилось желание освободиться от позора, в который он впал; и когда 1 сентября новое сеньория вступило в должность, а уходящие члены все еще находились во дворце, а площадь была полна вооруженных людей, из их среды раздался шумный крик, что никто из низших слоев народа не должен занимать должность в сеньории. Соответственно, два неприятных человека были отстранены. Одного звали Иль Тира, другого — Бароккио, и на их место были избраны Джорджо Скали и Франческо ди Микеле. Компания низших ремесленников также была распущена, а ее члены лишены должностей, за исключением Микеле ди Ландо, Лоренцо ди Пуччо и нескольких других, более высокого происхождения. Почетные должности в правительстве были разделены на две части, одна из которых была отведена представителям высших сословий, а другая — низших; за исключением того, что последние должны были предоставить пять сеньоров, а первые — только четырех. Гонфалоньер должен был выбираться поочередно из каждого сословия.

Временный мир; возобновление восстаний

[1378-1381 гг.

Правительство, сформированное таким образом, на время восстановило мир в городе; но хотя республика была спасена от власти низших плебеев, низшие сословия по-прежнему имели большее влияние, чем дворяне, которые, однако, были вынуждены подчиняться, чтобы угодить сословиям, чьей поддержки они хотели лишить плебеев. Новый порядок поддерживали все, кто желал продолжения порабощения тех, кто под именем партии гвельфов совершал чрезмерное насилие над гражданами. Среди прочих, кто придерживался такой позиции, были Джорджо Скали (Giorgio Scali), Бенедетто Альберти (Benedetto Alberti), Джованни Сальвестро де Медичи (Salvestro de' Medici) и Томмазо Строцци (Tommaso Strozzi), и эти четверо почти стали князьями города. Такое настроение общества усилило раскол, который уже начался между знатными людьми и мелкими ремесленниками из-за амбиций Риччи и Альбицци; поскольку в разное время это приводило к очень серьезным последствиям и поскольку в дальнейшем об этом будет часто упоминаться, мы будем называть первых народной партией, а вторых — плебейской. Такое положение дел продолжалось три года, в течение которых многие были изгнаны и казнены, поскольку правительство жило в постоянном страхе, зная, что как внутри, так и за пределами города многие были недовольны им. Те, кто находился внутри, либо пытались, либо подозревались в попытках каждый день осуществлять какие-то новые планы против них, а те, кто находился снаружи, не подвергаясь никаким ограничениям, постоянно с помощью какого-нибудь князя или республики распространяли слухи, направленные на усиление недовольства.

Джанотто да Салерно в это время находился в Болонье. Он служил под командованием Карла Дураццо, потомка королей Неаполя, который, намереваясь завоевать владения королевы Джоанны, оставил своего капитана в этом городе с согласия папы Урбана, враждовавшего с королевой. Многие флорентийские эмигранты также находились в Болонье и поддерживали тесную переписку с ним и Карлом. Это заставляло правителей Флоренции жить в постоянной тревоге и побуждало их с готовностью прислушиваться к любым клеветам в адрес подозреваемых. В этом беспокойном состоянии правительству

стало известно, что Джаноццо да Салерно собирается выступить на Флоренцию с эмигрантами, а большое число жителей города собирается поднять оружие и сдать ему город. На основании этой информации были обвинены многие, главными из которых были Пьеро дельи Альбицци и Карло Строцци, а за ними — Чиприано Манджоне, Якопо Саккетти, Донато Барбадори, Филиппо Строцци и Джованни Ансельми (), все из которых, за исключением Карло Строцци, который бежал, были взяты в плен; а сеньория, чтобы никто не взял в руки оружие в их пользу, назначила Томмазо Строцци и Бенедетто Альберти с сильной вооруженной силой охранять город. Арестованные граждане были допрошены, и хотя против них не было найдено ничего, что могло бы побудить капитана признать их виновными, их враги настолько возбудили народ, что тот проявил к ним такую ярость и гнев, что они были приговорены к смерти, как бы силой. Ни величие его семьи, ни его прежняя репутация не помогли Пьеро дельи Альбицци, который когда-то был самым уважаемым и почитаемым человеком среди всех граждан. Кто-то, будь то друг, желавший дать ему мудрый совет в период его процветания, или враг, желавший напомнить ему о непостоянстве судьбы, по случаю праздника, устроенного им для многих граждан, прислал ему серебряную чашу, полную сладостей, среди которых был найден большой гвоздь, и многие из присутствующих, увидев его, сочли это намеком на то, что ему следует закрепить колесо фортуны, которое, подняв его на вершину, должно, если вращение продолжится, также спустить его на дно. Это толкование подтвердилось сначала его разорением, а затем и смертью.

[1381-1382 гг. н.э.]

После этой казни город был охвачен смятением, поскольку и победители, и побежденные были одинаково напуганы; но худшие последствия возникли из-за опасений тех, кто управлял делами; поскольку каждый случай, даже самый незначительный, заставлял их совершать новые злодеяния, либо путем осуждений, предупреждений, либо изгнания граждан; к этому следует добавить, как не менее пагубное, частые новые законы и постановления, которые принимались для защиты правительства и все из которых приводились в исполнение в ущерб тем, кто противостоял их фракции. Они назначили сорок шесть человек, которые вместе с сеньором должны были очистить республику от всех, кто подозревался правительством. Они предупредили тридцать девять граждан, возвели в дворянское сословие многих из народа и низвели многих дворян до положения простолюдинов. Чтобы укрепить себя против внешних врагов, они наняли на свою службу Джона Хоуквуда, англичанина с большой военной репутацией, который долгое время служил папе и другим в Италии. Их опасения по поводу внешней угрозы усилились после появления сообщения о том, что Карл Дураццо собирает несколько отрядов для завоевания Неаполя, и что к нему присоединились многие флорентийские эмигранты. Для противодействия этим опасностям, в дополнение к сформированным войскам, были выделены большие суммы денег; и Карл, прибыв в Ареццо, получил от флорентийцев 40 000 дукатов и пообещал не беспокоить их. Его предприятие было немедленно осуществлено, и, заняв королевство Неаполь, он отправил королеву Джоанну в плен в Венгрию. Эта победа возобновила опасения тех, кто управлял делами Флоренции, поскольку они не могли убедить себя, что их деньги будут иметь большее влияние на короля, чем дружба, которую его дом долгое время сохранял с гвельфами, которых они так жестоко угнетали.

Это подозрение усиливалось, умножая угнетение, которое, в свою очередь, вместо того, чтобы уменьшить подозрение, усиливало его, так что большинство людей жили в крайнем недовольстве. К этому также присоединилась наглость Джорджо Скали и Томмазо Строцци (которые своим влиянием на народ устрашали магистратов), поскольку правители опасались, что благодаря власти, которой эти люди обладали над плебеями, они могли

бросить им вызов; и поэтому очевидно, что не только для добрых людей, но даже для мятежников это правительство казалось тираническим и жестоким. Чтобы положить конец возмутительному поведению Джорджо, его слуга обвинил Джованни ди Камбио в действиях, направленных против государства, но капитан объявил его невиновным.

После этого судья решил наказать обвинителя теми же наказаниями, которые были бы наложены на обвиняемого, если бы он был виновен; но Джорджо Скали, неспособный спасти его ни своей властью, ни мольбами, заручился помощью Томмазо Строцци и с помощью множества вооруженных людей освободил доносчика и разграбил дворец капитана, который был вынужден спастись бегством. Этот поступок вызвал такую сильную и всеобщую враждебность по отношению к нему, что его враги начали надеяться, что им удастся добиться его гибели, а также спасти город от власти плебеев, которые в течение трех лет держали его под своим высокомерным контролем.

Капитан внес большой вклад в реализацию этого замысла; когда беспорядки утихли, он явился перед сеньорами и сказал, что с радостью принял назначенную ему должность, поскольку считал, что должен служить честным людям, которые возьмут в руки оружие для защиты справедливости, а не будут препятствовать ее продвижению. Но теперь, увидев и испытав на себе, как ведут дела в городе и как решаются вопросы, он с большей готовностью отказался от этой должности, которую добровольно принял в надежде на честь и доход, чтобы избежать потерь и опасности, которым он подвергался. Жалоба капитана была выслушана с величайшим вниманием сеньором, который пообещал возместить ему причиненный ущерб и обеспечить его будущую безопасность, чем тот остался доволен. Некоторые из них затем добились встречи с некоторыми гражданами, которые считались любителями общего блага и наименее подозрительными для государства; и совместно с ними было решено, что наступил благоприятный момент для спасения города от Джорджо и плебеев, поскольку последнее его преступление полностью отвратило от него большую часть народа. Они сочли лучшим воспользоваться случаем, пока волнение не улеглось, поскольку знали, что благосклонность толпы часто зависит от самых незначительных обстоятельств; и для большей уверенности в успехе они решили, если это возможно (), заручиться поддержкой Бенедетто Альберти, поскольку без нее они считали свое предприятие опасным.

Бенедетто был одним из самых богатых граждан, человеком скромных манер, горячим поборником свобод своей страны и тем, кого тиранические меры оскорбляли в высшей степени; поэтому его легко удалось склонить к их точке зрения и согласиться на гибель Джорджо. Его вражда к знати и гвельфам и его дружба с плебеями были вызваны наглостью и тираническими действиями первых; но, обнаружив, что плебеи вскоре стали столь же наглыми, он быстро отделился от них; и обиды, причиненные ими гражданам, были совершены полностью без его согласия. Таким образом, те же мотивы, которые заставили его присоединиться к плебеям, побудили его покинуть их.

Привлекая на свою сторону Бенедетто и лидеров ремесленников, они снабдились оружием и взяли Джорджо в плен. Томмазо бежал. На следующий день Джорджо был обезглавлен, что навело такой ужас на его сторонников, что никто не осмелился выразить ни малейшего неодобрения, а все, казалось, стремились быть первыми в защите этой меры. Когда его вели на казнь, в присутствии того народа, который еще недавно боготворил его, Джорджо жаловался на свою тяжелую судьбу и злобу тех граждан, которые, причинив ему незаслуженную обиду, заставили его почитать и поддерживать толпу, не обладающую ни верой, ни благодарностью. Увидев Бенедетто Альберти среди тех, кто вооружился для сохранения порядка, он сказал: «Ты тоже согласен, Бенедетто, чтобы мне было нанесено это

оскорбление? Будь я на твоём месте, а ты на моём, я позаботился бы о том, чтобы никто не причинил тебе вреда. Однако я говорю тебе, что сегодняшний день — конец моих бед и начало твоих». Затем он упрекнул себя за то, что слишком доверял народу, который может возбудиться и разгорячиться от каждого слова, движения и намека на подозрение. С этими жалобами он умер в окружении вооружённых врагов, радующихся его падению. Некоторые из его ближайших соратников также были казнены, а их тела таскали по улицам толпы.

Смерть Джорджо вызвала огромное возбуждение; многие взяли в руки оружие во время казни в поддержку сеньора и капитана; и многие другие, либо из амбиций, либо для собственной безопасности, поступили так же. Город был полон противоборствующих партий, каждая из которых преследовала свою цель и желала осуществить ее, прежде чем сложить оружие. Древняя знать, называемая «великими», не могла смириться с лишением общественных почестей; для их восстановления они приложили все усилия и искренне желали, чтобы власть была возвращена *капитанам партии*. Дворяне из народа и крупные торговцы были недовольны долей, которую имели в правительстве мелкие торговцы и низшие слои народа, в то время как мелкие торговцы стремились увеличить свое влияние, а низшие слои народа опасались потерять свои ремесленные гильдии и власть, которую они им давали.

Такие противоположные взгляды привели к тому, что в течение года Флоренция была охвачена многочисленными беспорядками. Иногда к оружию прибегали дворяне из народа, иногда — крупные, а иногда — мелкие ремесленники и низшие слои населения; и часто случалось, что, хотя и в разных частях города, все одновременно поднимались на восстание. В результате между различными партиями или с силами дворцов происходило много конфликтов; поскольку сеньория то уступала, то сопротивлялась, она принимала такие меры, какие могла, для устранения этих многочисленных бедствий. Наконец, после двух народных собраний и назначения многих балий для реформирования города, после многих трудов, усилий и неминуемой опасности было назначено правительство, которое восстановило всех, кто был изгнан со времени, когда Сальвестро де Медичи был гонфалоньером. Те, кто получил звания или вознаграждения от балий 1378 года, были лишены их (). Почетные должности в правительстве были возвращены партии гвельфов; две новые гильдии были распущены, и все, кто входил в их состав, были возвращены в прежние гильдии. Мелким ремеслам не разрешалось избирать гонфалоньера правосудия; их доля почетных званий была уменьшена с половины до трети, а звания высшего ранга были полностью отобраны у них. Таким образом, дворяне из народа и гвельфы вновь завладели правительством, которое было утрачено плебеями после того, как находилось в их владении с 1378 по 1381 год, когда произошли эти изменения.

Новый порядок был не менее вредным для граждан и не менее хлопотным в начале, чем порядок плебеев; поскольку многие из знати народа, прославившиеся как защитники плебеев, были изгнаны вместе с большим числом лидеров последних, среди которых был Микеле ди Ландо; и все блага, принесенные городу его властью, когда он был в опасности от незаконной толпы, не смогли спасти его от яростной злобы партии, которая теперь была у власти. Его добрые дела, очевидно, вызывали мало благодарности у его соотечественников.

Поскольку эти изгнания и казни всегда были неприятны Бенедетто Альберти, он продолжал вызывать у него отвращение, и он осуждал их как публично, так и в частном порядке (). Лидеры правительства начали бояться его, поскольку считали его одним из самых искренних друзей плебеев. Казалось, что в любой момент может произойти что-то, что при поддержке его друзей позволит ему восстановить свою власть и изгнать их из города. В то время, когда царили подозрения и ревность, случилось так, что, когда он был гонфалоньером компаний, его зять Филиппо Магалотти был избран гонфалоньером

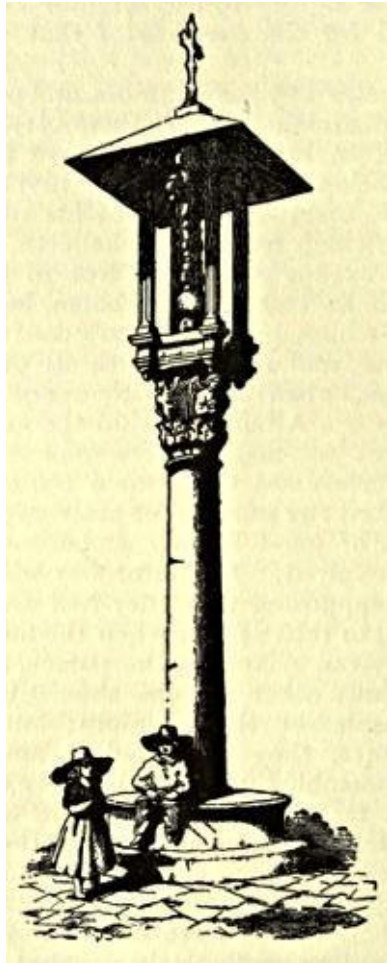
правосудия; и это обстоятельство усилило опасения правительства, поскольку они считали, что это усилит влияние Бенедетто и подвергнет государство еще большей опасности. Стремясь найти решение, не вызывая большого беспорядка, они убедили Безе Магалотти, его родственника и врага, сообщить сеньории, что Филиппо, не достигший возраста, необходимого для исполнения этой должности, не может и не должен ее занимать.

Вопрос был рассмотрен сеньорами, и часть из них из ненависти, а другие, чтобы избежать раздора между собой, объявили Филиппо неправомочным занимать эту должность, и вместо него был избран Бардо Манчини, который был совершенно противоположен интересам плебеев и ярым врагом Бенедетто. Этот человек, вступив в должность, создал *балию* для реформирования государства, которая изгнала Бенедетто Альберти и предупредила всех остальных членов его семьи, кроме Антонио. Чтобы не создать за границей худшего впечатления о своей добродетели, чем он создал дома, он отправился в путешествие к гробнице Христа и по дороге обратно умер на Родосе. Его останки были привезены во Флоренцию и похоронены со всеми возможными почестями теми, кто при его жизни преследовал его, подвергая всякого рода клевете и несправедливости. Семья Альберти была не единственной пострадавшей стороной во время этих беспорядков в городе, поскольку многие другие были изгнаны и подвергнуты наказанию.

[1381-1393 гг. н.э.]

Было принято назначать балию на ограниченный срок, и когда избранные граждане достигали цели своего назначения, они сложили с себя полномочия из соображений доброй воли и приличия, даже если установленный срок еще не истек. В соответствии с этой похвальным обычаем, балья того периода, полагая, что они выполнили все, что от них ожидалось, пожелали уйти в отставку; но когда толпа узнала об их намерении, она ворвалась с оружием во дворец и настояла, чтобы перед тем, как сложить с себя полномочия, они изгнали и наказали многих других людей. Это сильно раздражало сеньоров, но, не показывая своего недовольства, они умудрились развлечь толпу обещаниями, пока не собрали достаточное количество вооруженных людей (), а затем приняли такие меры, что страх заставил людей отложить оружие, которое они взяли в руках в порыве безумия. Тем не менее, чтобы в некоторой степени удовлетворить ярость толпы и уменьшить влияние плебейских сословий, было решено, что, поскольку последние ранее обладали третьей частью почестей, в будущем они должны будут иметь только четвертую. Чтобы всегда было два сеньора, особо посвященных управлению, они дали полномочия гонфалоньеру правосудия и четырем другим лицам сформировать избирательный фонд избранных граждан, из которого в каждом сеньорате должны были быть выбраны два человека.

Это правительство, с момента своего создания в 1381 году до нынешних перемен, просуществовало шесть лет, и внутренний мир в городе оставался ненарушенным до 1393 года. В это время Джованни Галеаццо Висконти, обычно называемый графом Вирту, заключил в тюрьму своего дядю Барнабо и таким образом стал правителем всей Ломбардии. Поскольку он стал герцогом Милана обманным путем, он решил силой стать королем Италии. В 1391 году он начал энергичное наступление на флорентийцев, но в ходе войны произошли такие различные изменения, что он часто оказывался в большей опасности, чем сами флорентийцы, которые, несмотря на свою храбрую и достойную восхитения оборону, были бы обречены на гибель, если бы он выжил. В результате, последствия оказались гораздо менее страшными, чем они опасались, учитывая мощь врага. Герцог захватил Болонью, Пизу, Перуджу и Сиену и подготовил корону, чтобы короноваться королем Италии во Флоренции, но умер, не успев воспользоваться плодами своих побед, а флорентийцы не успели ощутить последствия своих бедствий.^e

ГЛАВА XII. ФЛОРЕНЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МЕДИЧЕСКИХ

[1434-1492 гг. н.э.]

Демократическая партия во Флоренции, возглавляемая Альберти, Риччи и Медичи, была лишена власти в 1381 году в результате злоупотребления их союзниками, чиомпи, своей победой. С того времени их соперники, Альбицци, управляли республикой в течение пятидесяти трех лет, с 1381 по 1434 год, с невиданным до того счастьем и славой. Ни один триумф аристократической фракции не заслуживал более блестящего места в истории. Данная фракция удерживала власть благодаря превосходству своих талантов и добродетелей, никогда не посягая на права других граждан и не злоупотребляя своим превосходством, которое заключалось исключительно в мнении. Это была самая процветающая эпоха республики — эпоха, когда ее богатство достигло наибольшего развития; эпоха, когда искусство, наука и литература приняли Флоренцию за свою родину; эпоха, когда родились и сформировались все те великие люди, славу которых пожгли Медичи, их современники, не имея никакого отношения к их появлению; наконец, в которой республика наиболее последовательно проводила благородную политику: считая себя стражем свободы Италии, она поочередно ограничивала амбиции Джан Галеаццо Висконти, Ладислава, короля Неаполя, и Филиппо Мария, герцога Милана. Томмазо дельи Альбицци, а после него Никколо да Уццано были главами аристократии в этот период славы и мудрости. Их сменил Ринальдо, сын Томмазо дельи Альбицци, который чуть больше, чем его предшественники, забыл, что он был всего лишь простым гражданином. Буйный, высокомерный, ревнивый, нетерпеливый ко всякому противодействию, он утратил превосходство, которое его семья так долго поддерживала.

Ринальдо дельи Альбицци с беспокойством наблюдал за появлением соперника в лице Космо, сына Джованни де Медичи, который возродил партию, ранее победившую его предков. Этот человек пользовался наследственной популярностью во Флоренции, поскольку был потомком одного из демагогов, которые в 1378 году взяли на себя защиту низших сословий от аристократии; в то же время он вызывал зависть последней своим огромным богатством, которое равнялось богатству величайших князей Италии. Хотя Альбицци с недоверием смотрели на то, что семья их соперников достигла высшей магистратуры, они не могли исключить из нее Джованни де Медичи, который был гонфалоньером в 1421 году. Его сын Космо, родившийся в 1389 году, был приором в 1416 году; он возглавлял торговую компанию, которая имела конторы во всех крупных городах Европы и на Востоке; в то же время он с энтузиазмом занимался литературой. Его дворец, один из самых роскошных во Флоренции, был пристанищем художников, поэтов и ученых, в том числе тех, кто в это время привнес в Италию платоническую философию. Богатство Космо де Медичи всегда было в распоряжении его друзей. Во Флоренции было очень мало бедных граждан, которым его кошелек был закрыт.^g

ВОЗНЕСЕНИЕ, НЕВЗГОДЫ И ВЛАСТЬ КОЗМО ДЕ МЕДИЧИ

[1389-1433 гг. н.э.]

Еще при жизни своего отца Космо глубоко вовлечен не только в обширную торговлю, благодаря которой семья приобрела свое богатство, но и в более важные дела правительства. После смерти Джованни де Медичи Космо поддерживал и укреплял достоинство семьи. Его поведение всегда отличалось вежливостью и доброжелательностью

по отношению к высшим слоям общества, а также постоянным вниманием к интересам и нуждам низших классов, которым он помогал с безграничной щедростью. Благодаря этому он приобрел многочисленных и преданных сторонников всех вероисповеданий, но он считал их скорее залогом сохранения своей власти, чем инструментом для ее расширения, ведущим к разрушению и порабощению государства. «Ни одна семья, — говорит Вольтер, — никогда не получала свою власть на столь справедливом основании».

Власть, которую Космо и его потомки осуществляли во Флоренции в XV веке, была весьма своеобразной и заключалась скорее в молчаливом влиянии с их стороны и добровольном согласии со стороны народа, чем в каком-либо предписанном или определенном соглашении между ними. Форма правления была якобы республиканской и осуществлялась советом из десяти граждан и главным исполнительным должностным лицом, называемым *гонфалоньером*, или знаменосцем, который избирался каждые два месяца. При таком устройстве граждане воображали, что они в полной мере пользуются своими свободами, но власть Медичи была настолько велика, что они, как правило, либо сами занимали первые должности в государстве, либо назначали на эти должности лиц, которых считали подходящими. При этом, однако, они с большим уважением относились к мнению народа. Противостояние интересов, столь очевидное между народом и его правителями, в то время едва ли ощущалось во Флоренции, где высокие способности и трудолюбие были самыми надежными рекомендациями для получения государственной власти и благосклонности. Убежденные в постоянных выгодах, которые они получали от этой семьи, и удовлетворенные тем, что в любой момент могли отказаться от связи, которая не требовала никаких обязательств, а лишь временного согласия, флорентийцы считали Медичи отцами, а не правителями республики. С другой стороны, главы этого рода, скорее отказываясь от почестей, чем добиваясь их, и проявляя необычайную сдержанность в их использовании, когда они были получены, старались сохранить за собой статус простых граждан Флоренции и слуг государства. Взаимная помощь была единственной связью, которая объединяла флорентийцев и Медичи, и, возможно, длительность этой связи можно объяснить тем обстоятельством, что любая из сторон в любой момент могла ее разорвать.

[1433 г. н.э.]

Но благоразумие и умеренность Космо, хотя и успокаивали ревнивые опасения флорентийцев, не всегда могли подавлять амбициозные замыслы тех, кто желал обладать его властью или разделить ее с ним. В 1433 году Ринальдо де Альбицци, возглавлявший влиятельную партию, был избран на должность магистрата. В то время Космо удалился в свою резиденцию в Муджелло, где пробыл несколько месяцев, чтобы избежать беспорядков, которые, как он понимал, могли последовать; но по просьбе своих друзей он вернулся во Флоренцию, где его заставили надеяться, что будет достигнут союз различных партий, чтобы сохранить мир в городе. Однако эти надежды не оправдались. Едва он появился во дворце, куда его пригласили под предлогом участия в управлении республикой, как его схватили противники и передали под стражу Федерико Малаволти. Он пробыл в таком положении несколько дней, постоянно опасаясь, что ему будет причинено насилие, но еще больше он боялся, что злобные враги могут покуситься на его жизнь с помощью яда. В течение четырех дней он считал целесообразным питаться лишь небольшим куском хлеба.

Щедрость его хозяина наконец избавила его от этого состояния тревоги. Чтобы побудить его с уверенностью принимать пищу, Малаволти ел вместе с ним. Тем временем его брат Лоренцо и его двоюродный брат Аверардо, собрав значительное количество людей из Романьи и других соседних областей и присоединившись к Никколо да Толентино,

командующему войсками республики, приблизились к Флоренции, чтобы прийти ему на помощь; но опасения, что в случае открытого насилия жизнь Космо может оказаться в опасности, заставили их отказаться от своего предприятия. В конце концов Ринальдо и его сторонники добились от магистрата издания декрета против Медичи и их друзей, в соответствии с которым Космо был изгнан в Падую на десять лет, Лоренцо — в Венецию на пять лет, а несколько их родственников и сторонников подверглись аналогичному наказанию.

Космо с радостью покинул бы город в соответствии с приговором, если бы ему это позволили, но его враги сочли более целесообразным удержать его до тех пор, пока они не упрочат свою власть, и часто давали ему понять, что если его друзья будут сопротивляться их мерам, его жизнь будет поставлена на карту. Он также подозревал, что другой причиной его задержания было желание разрушить его репутацию и положение, поскольку его торговые интересы в то время значительно расширились. Как только об этих беспорядках стало известно, несколько итальянских государств вмешались в его пользу. Из Венеции прибыли три посла, которые предложили взять его под свою защиту и обязались, что он будет строго подчиняться вынесенному ему приговору. Маркиз Феррары также продемонстрировал свою приверженность. Хотя их вмешательство не принесло немедленного успеха, оно имело большое значение для Космо и защитило его от покушений тех, кто стремился лишить его жизни. После почти месячного заключения некоторые из его друзей, обнаружив у его противников склонность к более мягким мерам, воспользовались случаем, чтобы продвинуть его дело, своевременно передав сумму денег Бернардо Гуаданьи, гонфалоньеру, и Мариотто Балдовинетти, двум из приближенных Ринальдо. Эта мера увенчалась успехом. Его тайно вывели из заключения ночью и вывезли из Флоренции. За эту услугу Гуаданьи получил 1000 флоринов, а Балдовинетти — 800. «Они были бедняками, — пишет Космо в своих *«Воспоминаниях»*, — ведь если бы их целью были деньги, они могли бы получить 10 000 или даже больше, чтобы освободить меня от опасностей, связанных с такой ситуацией».

[1434-1464 гг. н.э.]

Из Флоренции Космо сразу направился в Венецию, и в каждом месте, через которое он проезжал, ему оказывали самое лестное внимание и выражали самую теплую признательность. При приближении к городу его встретили брат Лоренцо и многие друзья, а сенат принял его с такими почестями, которые эта величественная республика оказывала только лицам высочайшего ранга и отличия. После короткого пребывания там он отправился в Падую, место, назначенное для его изгнания; но по просьбе венецианского посла Андреа Донато, обращенной к флорентийскому государству, ему было разрешено проживать в любой части венецианских территорий, но не приближаться к Флоренции на расстояние менее 170 миль. Теплый прием, который ему оказали в Венеции, побудил его поселиться там до тех пор, пока изменение обстоятельств не позволит ему вернуться на родину.

Среди нескольких ученых и одаренных людей, которые сопровождали Космо в изгнании или приезжали к нему во время его пребывания в Венеции, был Микеллоццо Микеллоцци, флорентийский скульптор и архитектор, которого Космо (согласно Вазари⁴) нанял для изготовления моделей и чертежей самых замечательных зданий Венеции, а также в создании библиотеки в монастыре Святого Георгия, которую он обогатил многими ценными рукописями и оставил в качестве почетного памятника своей благодарности месту, которое предоставило ему столь любезное убежище в его бедствии. Во время своего

пребывания в Венеции Космо также часто принимал Амброджо Траверсари, ученого монаха из Камальдоли, недалеко от Флоренции, а впоследствии настоятеля монастыря в этом месте. Хотя Траверсари в основном ограничивался пределами монастыря, он, пожалуй, больше всех в том веке имел право называться вежливым ученым. Из писем Траверсари, [сохранившихся](#) до наших дней, мы узнаем, что Космо и его брат не только с достоинством переносили свои несчастья, но и при каждом удобном случае продолжали выражать непоколебимую привязанность к родному краю. Готовность, с которой Космо уступил временному шуму, поднятому против него, и нежелание возобновлять кровавые столкновения, которые так часто оскверняли улицы Флоренции, принесли ему новых друзей. Даже самые упорные усилия его противников не смогли надолго помешать избранию таких магистратов, которые были известны своей приверженностью делу Медичи; и как только они вступили в должность, Космо и его брат были возвращены, а Ринальдо с его сторонниками был вынужден покинуть город. Это событие произошло примерно через двенадцать месяцев после изгнания Космо.

С этого момента жизнь Космо де Медичи была почти непрерывным процветанием. Спокойствие, которым наслаждалась республика, и удовлетворение и душевный покой, которые он испытывал благодаря уважению и доверию сограждан, позволили ему предаться своей естественной склонности к продвижению науки и поощрению ученых. Изучение греческого языка было введено в Италии в основном благодаря усилиям знаменитого Боккаччо в конце предыдущего века, но после смерти этого великого поборника литературы оно вновь пришло в упадок. После короткого перерыва была сделана еще одна попытка возродить его благодаря вмешательству Эммануила Хризолораса, знатного грека, который в перерывах между своими важными посольствами преподавал этот язык во Флоренции и других городах Италии в начале XV века. У него было много уважаемых учеников. Среди них особого внимания заслуживают Амброджо Траверсари, Леонардо Бруни, Карло Марсуппини, два последних из которых были уроженцами Ареццо, откуда они взяли имя Аретино, Пого Бракиолини, Гуарино Веронезе и Франческо Филельфо, которые, после смерти Хризолораса в 1415 году, энергично соперничали друг с другом в поддержке греческой литературы и были достаточно успешны, чтобы поддерживать пламя, пока оно не получило новую помощь от других ученых греков, изгнанных из Константинополя страхом перед турками или полным падением Восточной империи. Этим прославленным иностранцам, а также выдающимся итальянцам, которые вскоре стали их успешными соперниками даже в знании своей национальной истории и языка, Космо предоставил самую щедрую защиту и поддержку. Об этом свидетельствуют многочисленные произведения, посвященные его имени или восхваляющие его. В некоторых из них он хвалится за свою привязанность к своей стране, щедрость к друзьям, доброжелательность ко всем. Его называют защитником нуждающихся, убежищем угнетенных, постоянным покровителем и опорой ученых.

«Вы проявили, — говорит Поджо, — [такую](#) — [человечность](#) и умеренность в распределении даров судьбы, что они кажутся скорее наградой за ваши добродетели и заслуги, чем милостью судьбы. Преданный изучению литературы с ранних лет, вы своим примером придали дополнительный блеск самой науке. Несмотря на то, что вы были вовлечены в более важные дела государства и не могли посвятить большую часть своего времени книгам, вы находили постоянное удовлетворение в обществе тех ученых, которые всегда часто бывали в вашем доме». Перечисляя выдающихся людей, которые прославили город Флоренцию, Флавио Бьондо (Flavius Blondus) [в](#) первую очередь упоминает Космо де Медичи — «гражданина, который, превосходя по богатству всех других граждан Европы, становится еще более прославленным благодаря своей мудрости, гуманности, щедрости и,

что более важно для нашей цели, благодаря своим знаниям в области полезной литературы, и в частности истории».

Космо и возрождение науки

Космо де Медичи

Эта чрезвычайная жажда произведений древних авторов, которая отличала начало XV века, предвещала приближение более просвещенных времен. Какими бы ни были причины, побудившие богатых и образованных людей так усердно заниматься этим делом, несомненно, что их вмешательство имело огромное значение для интересов потомков, и что, если бы оно задержалось еще надолго, ущерб был бы в значительной степени непоправимым; ведь рукописи древнегреческих и древнеримских авторов, которые существовали в то время, ежедневно гибли в темных углах, становясь жертвой забвения и пренебрежения. Поэтому обстоятельство, приведшее к самым счастливым последствиям, заключалось в том, что в это время стремления богатых людей были направлены скорее на восстановление произведений древних, чем на поощрение современных талантов; этот факт в некоторой степени может объяснить нехватку оригинальных литературных произведений в этот период. Стимулированные наградами, которые неизменно сопровождали успешные поиски, люди, обладавшие значительными знаниями, посвятили себя этому занятию, и оно вызывало такой энтузиазм, что обнаружение древней рукописи считалось почти равнозначным завоеванию королевства.

Естественное расположение Космоса побуждало его принимать активное участие в сборе остатков древнегреческих и древнеримских писателей, а его богатство и обширные торговые связи с различными частями Европы и Азии позволяли ему удовлетворять эту страсть больше, чем кто-либо другой. С этой целью он поручал всем своим друзьям и

корреспондентам, а также миссионерам и проповедникам, путешествовавшим в самые отдаленные страны, искать и приобретать древние рукописи на всех языках и на всевозможные темы. Помимо услуг Поджо и Траверсари, Космо пользовался услугами Кристофоро Буондельмонте, Антонио да Масса, Андреа де Римино и многих других. Ситуация в Восточной империи, которая ежедневно приходила в упадок из-за повторяющихся нападений турок, дала ему, как отмечает Бандини^к, возможность получить множество бесценных произведений на иврите, греческом, халдейском, арабском и индийских языках. Из этих начинаний возникла знаменитая библиотека Медичи, которая, будучи постоянным объектом заботы своего основателя, после его смерти была еще более обогащена благодаря вниманию его потомков, и в частности его внука Лоренцо; и после различных превратностей судьбы, а также частых и значительных пополнений, она сохранилась до наших дней под названием *Bibliotheca Mediceo-Laurentiana*.

Среди тех, кто последовал примеру Космо де Медичи, был Никколо Никколи, другой гражданин Флоренции, который посвятил все свое время и состояние приобретению древних рукописей; в этом деле он добился выдающегося успеха, собрав восемьсот томов греческих, римских и восточных авторов, что в те времена справедливо считалось весьма значительным количеством. Некоторые из этих произведений он с большой точностью скопировал и усердно занимался исправлением их недостатков и упорядочиванием текста. В этом отношении Мехус справедливо считает его отцом этого вида критики. Он умер в 1436 году, завещав, чтобы его библиотека была открыта для общественного пользования, и назначив шестнадцать кураторов, среди которых был Космо де Медичи. После его смерти выяснилось, что он был сильно задолжен, и что его благородные намерения, вероятно, не будут реализованы из-за его неплатежеспособности. Поэтому Космо предложил своим партнерам, что если они передадут ему право распоряжаться книгами, он сам погасит все долги Никколо, на что они с готовностью согласились. Получив таким образом исключительное право распоряжаться рукописями, он передал их для общественного пользования в доминиканский монастырь Сан-Марко во Флоренции, который он сам построил за огромные деньги. Эта коллекция стала основой другой знаменитой библиотеки во Флоренции, известной под названием *Bibliotheca Marciana*, которая до сих пор открыта для посещения.

При организации библиотеки Сан-Марко Космо привлек к помощи Томмазо Каландрино (или Парентучелли), который разработал план для этой цели и подготовил научный каталог содержащихся в ней книг. При выборе помощника Космо остановил свой выбор на необыкновенном человеке. Хотя Томмазо был сыном бедного врача из Сарцаны и принадлежал к низшему духовенству, он имел амбиции, стремясь обладать экземплярами этих почитаемых реликвий древнего гения. Его ученость и трудолюбие позволили ему удовлетворить свои желания, а его настойчивость преодолела неблагоприятные условия его положения. В этом стремлении он часто был вынужден авансировать свои скудные доходы, хорошо зная, что уважение, которым он пользовался у своих друзей, убережет его от денежных затруднений. Никто не был так хорошо знаком с греческими и римскими авторами, как он, а благодаря его прекрасному почерку книги, которыми он владел, приобретали дополнительную ценность благодаря пометкам на полях, которые он привык делать, прочитывая их.

Благодаря стремительному и удачному продвижению по службе, Томмазо за короткий промежуток времени в двенадцать месяцев поднялся со своего скромного положения в низших чинах церкви до престола Святого Петра, и за восемь лет, в течение которых он пользовался высшим достоинством под именем Николая V, приобрел репутацию, которая росла вместе с растущей оценкой тех исследований, которые он так щедро поощрял и защищал. Скудная библиотека его предшественников была почти полностью распродана

или уничтожена в результате частых переездов между Авиньоном и Римом, в зависимости от того, какое из этих мест по прихоти правящего понтифика выбиралось в качестве его резиденции; из писем Траверсари следует, что почти ничего ценного не осталось (). Поэтому Николай V считается основателем библиотеки Ватикана. Правда, для завершения этого великого замысла его преемникам предстояло еще многое сделать, но до своей смерти Николай собрал более пяти тысяч томов греческих и римских авторов и не только выразил намерение создать библиотеку для нужд римского двора, но и принял меры для осуществления этого намерения.

В то время как щедрость богатых и трудолюбие ученых были направлены на сохранение наследия древних авторов по всей Италии, несколько неизвестных людей в уголке Германии задумывали и тихо доводили до совершенства изобретение, которое с помощью столь же эффективных, сколь и неожиданных средств обеспечило миру результат их труда. Это было искусство печати с помощью подвижных типов. Совпадение этого открытия с духом времени, в котором оно родилось, было весьма удачным. Если бы оно было сделано известным гораздо раньше, оно было бы проигнорировано или забыто из-за простой нехватки материалов, на которых его можно было бы применить; а если бы оно было отложено еще на более поздний срок, то, вероятно, несмотря на щедрость богатых и усердие ученых, многие произведения, которые сейчас по праву считаются величайшими памятниками человеческого интеллекта, были бы полностью утрачены.

Примерно в то же время, когда мир получил это важное открытие, произошло разрушение Римской империи на Востоке. В 1453 году город Константинополь был захвачен турками под командованием Мухаммеда II после 53 дней упорной обороны. Поддержка, оказанная греческим профессорам во Флоренции, и характер Космо де Медичи как покровителя литературы побудили многих ученых греков искать убежища в этом городе, где они были встречены с радушием и почестями. Среди них были Деметрий Халкондиль, Иоанн Андроник Калист, Константин и Андреас Иоанн Ласкарис, в которых платоническая философия обрела новых сторонников и благодаря поддержке которых она начала открыто противостоять философии Аристотеля. Между греческими и итальянскими профессорами разгорелся дух соперничества, который благотворно повлиял на развитие литературы. Во Флоренции были открыты государственные школы для изучения греческого языка. Возможность распространять свои труды с помощью недавно открытого искусства печати стимулировала ученых к новым усилиям, и через несколько лет города Италии стали соперничать друг с другом по количеству и изяществу произведений, выпущенных из печати.

Последние годы Космо

В последний период своей жизни большую часть времени, которое Космо мог выделить из управления государственными делами, он проводил в своих поместьях в Кареджи и Каффаджоло, где занимался возделыванием своих ферм, приносящих ему немалый доход. Но самые счастливые часы он посвящал изучению литературы и философии или проводил в компании и беседах с учеными людьми. Когда он время от времени уезжал в свою усадьбу в Кареджи, его обычно сопровождал Фичино, который, будучи его покровителем, стал его учеником в изучении платоновской философии. Для его нужд Фичино начал кропотливую работу по переводу произведений Платона и его последователей, которая впоследствии была завершена и опубликована при жизни Лоренцо благодаря его щедрости. Среди писем Фичино есть одно от его поистине почтенного покровителя, которое наиболее ярко свидетельствует о его настроении и искреннем желании приобрести знания даже в преклонном возрасте.

«Вчера, — пишет он, — я прибыл в Кареджи — не столько с целью улучшить свои поля, сколько улучшить себя. Позволь мне увидеть тебя, Марсилио, как можно скорее, и не забудь принести с собой книгу нашего любимого Платона *«О высшем благе»*, которую, как я полагаю, согласно твоему обещанию, ты уже перевел на латынь; ибо нет занятия, которому я посвящаю себя с таким же рвением, как поиску истинного пути к счастью. Приходи же и не забудь принести с собой лиру Орфея». Каким бы ни было мастерство Космо в тайнах его любимого философа, есть основания полагать, что он применял те доктрины и принципы, которые давали спорящим соперникам того времени богатый источник разногласий, для целей реальной жизни и практического совершенствования. Несмотря на свою активную и полезную жизнь, он часто сожалел о потерянных часах. «Мидас не был более бережливым в отношении своих денег, — говорит Фичино, — чем Космо в отношении своего времени».

Богатство и влияние, которые приобрел Космо, давно давали ему право стоять в одном ряду с самыми могущественными князьями Италии, с которыми он мог бы установить связи через браки своих детей; но, опасаясь, что такие меры могут вызвать подозрения в том, что он питает враждебные намерения по отношению к свободе государства, он предпочел укрепить свои интересы среди граждан Флоренции, выдав своих детей замуж и женившись на самых выдающихся семьях этого города. Пьеро, его старший сын, женился на Лукреции Торнабуони, от которой у него было два сына — Лоренцо, родившийся 1 января 1448 года, и Джулиано, родившийся в 1453 году. У Пьеро было также две дочери, Нанна, которая вышла замуж за Бернардо Ручеллаи, и Бьянка, которая стала женой Гульельмо де Пацци. Джованни, младший сын Космо, женился на Корнелии де' Алессандри, от которой у него был сын, умерший в очень молодом возрасте. Сам Джованни прожил недолго. Он умер в 1461 году в возрасте сорока двух лет. Живя в тени отцовской власти, его имя почти не встречается на страницах истории, но литературные источники свидетельствуют о том, что по своему характеру и увлечениям он не отступал от традиции привязанности к ученым, которой неизменно отличалась его семья.

Помимо законных детей, Космо оставил после себя еще одного сына, Карло де Медичи, которому он дал хорошее образование и который компенсировал недостатки своего происхождения () уважительной жизнью. Манеры того времени можно было бы привести в оправдание обстоятельства, явно несовместимого с серьезным характером Космо де Медичи, но сам Космо отверг такое оправдание и, признав свою юношескую неосторожность, загладил перед обществом нарушение благотворного правила, заботясь о нравственности и благополучии своего внебрачного потомка. Под его покровительством Карло стал пропостоном Прато и одним из апостольских нотариусов; а поскольку он обычно проживал в Риме, его отец и братья часто обращались к нему за советом и помощью в приобретении древних рукописей и других ценных памятников древности.

Итальянский капитан, XV век

Смерть Джованни де Медичи, на которого Космо возлагал свои главные надежды, и слабое здоровье Пьеро, которое делало его непригодным для участия в общественной жизни в таком беспокойном месте, как Флоренция, вызвали у Космо большие опасения, что после его смерти величие его семьи закончится. Эти размышления омрачили его последние дни. Незадолго до смерти, проходя по комнатам своего дворца после недавней потери сына, он с вздохом воскликнул: «Это слишком большой дом для такой маленькой семьи». Эти опасения в некоторой степени оправдались из-за болезней, от которых страдал Пьеро в течение нескольких лет, когда он руководил республикой; но таланты Лоренцо вскоре развеяли эту временную мрачность и возвысили его семью до такой степени славы и великолепия, о которой, вероятно, сам Космо едва ли мог себе представить.⁴

В то время как Космо де Медичи привлекал внимание общественности своей частной жизнью, Нери Каппони завоевывал голоса народа своим публичным поведением. Будучи послом, он занимался всеми сложными переговорами — во время войны, всеми рискованными предприятиями — и участвовал во всех блестящих успехах флорентийцев как во время господства Альбицци, так и во время господства Медичи. С 1434 по 1455 год, когда умер Нери Каппони, эти два лидера республики шесть раз созывали парламент для избрания балий, и, пользуясь его властью, которая стояла выше закона, добились изгнания всех своих врагов и заполнили избирательные бюллетени магистратуры именами своих сторонников, исключив всех остальных. Похоже, что все усилия их администрации были направлены на успокоение страстей публики и поддержание мира как внутри, так и снаружи государства. Им действительно удалось предотвратить появление в Флоренции новых фракций и новые войны, но они навлекли на республику все беды, сопутствующие аристократическому правлению. Медичи и Каппони не смогли найти людей, которые были бы готовы пожертвовать свободами своей страны, не позволяя им удовлетворять свои низменные страсти. Поэтому эти два главы республики позволили своим подчиненным разделить между собой все мелкие правительства подчиненных городов и все прибыльные должности; и эти люди, не удовлетворившись этой первой несправедливостью, произвели неравное распределение налогов, увеличив их для бедных, снизив для богатых и освободив

от них самих себя. Наконец они начали продавать свою защиту как в судах, так и в советах; благосклонность заглушила справедливость, и в условиях мира и кажущегося процветания флорентийцы почувствовали, что их республика, подрываемая тайной коррупцией, стремительно катится к гибели.

[1455-1464 гг. н. э.]

Когда умер Нери Каппони, совет отказался созвать новый парламент для замены балии, срок полномочий которой истек 1 июля 1455 года. Именно аристократия, включая всех сторонников Космо де Медичи, из зависти к его господству, пожелала вернуться к верховенству законов. Вся республика ликовала, как будто свобода была восстановлена. Выборы синьории снова проводились справедливо по жребию — *кадастр* был пересмотрен, взносы снова были справедливо распределены, суды перестали прислушиваться к рекомендациям тех, кто до сих пор торговал возмездием. Аристократия, видя, что клиенты больше не стекаются в их дома с полными руками, начала понимать, что их ревность к Космо де Медичи только навредила им самим. Космо с его огромным состоянием пользовался таким же уважением, как и раньше; народ был опьянен радостью от того, что снова обрел свободу; но аристократия чувствовала себя слабой и покинутой. Они пытались созвать парламент без Космо, но он сорвал их попытки, чтобы дольше наслаждаться их унижением. Однако он начал опасаться, что флорентийцы могут вновь проникнуться вкусом к свободе, и когда в июле 1458 года богатый, могущественный и смелый Лука Питти был назначен гонфалоньером, он договорился с ним о повторном наложении ига на флорентийцев. Питти созвал парламент, но только после того, как заполнил все проходы общественной площади солдатами или вооруженными крестьянами. Народ, угрожаемый и дрожащий в этом кругу, согласился назначить новую балию, более жестокую и тираническую, чем любая из предыдущих. Она состояла из 352 человек, которым была делегирована вся власть республики. Они изгнали большое количество граждан, которые проявляли наибольшую приверженность свободе, а некоторых даже казнили.⁴

Космо приближался к концу своей земной жизни, но его умственные способности оставались нетронутыми. Примерно за двадцать дней до смерти, когда его силы заметно ослабевали, он завязал разговор с Фичино и, пока слабые лучи заходящего солнца казались созвучными его положению и чувствам, начал сетовать на несчастья жизни и несовершенства, неотделимые от человеческой природы. По мере того как он продолжал свою речь, его чувства и взгляды становились все более возвышенными, и, перестав сетовать на судьбу человечества, он начал ликовать в предвкушении того счастливого состояния, к которому, как он чувствовал, приближался. Фичино ответил, процитировав соответствующие мысли афинских мудрецов, в частности Ксенократа; и последней задачей, которую Космо поставил перед своим философским спутником, было перевести с греческого языка трактат этого автора о смерти. Подготовив свой ум к тому, чтобы с достоинством ждать страшного события, он занялся следующей заботой — благополучием своей оставшейся в живых семьи, которой он желал торжественно передать результат опыта долгой и активной жизни. Призвав в свою комнату жену Контессину и сына Пьеро, он приступил к рассказу обо всех своих публичных делах; он дал полный отчет о своих обширных торговых связях и упомянул о состоянии своих домашних дел (). Пьеро он рекомендовал уделять пристальное внимание воспитанию своих сыновей. Он попросил, чтобы его похороны прошли как можно более скромно, и завершил свои отцовские наставления, заявив о своей готовности подчиниться воле провидения, когда бы оно ни пришло. Эти наставления не прошли даром для Пьеро, который в письме Лоренцо и Джулиано рассказал о том, какое впечатление они произвели на него. В то же время, осознавая свои собственные немощи, он призывал их считать себя не детьми, а мужчинами,

поскольку обстоятельства заставляли их рано проявить свои способности. «Врач, — писал Пьеро, — должен прибыть из Милана в любой момент, но я лично возлагаю надежду на Бога». Либо врач не прибыл, либо недоверие Пьеро к нему было обоснованным, поскольку примерно через шесть дней, в первый день августа 1464 года, Космо скончался в возрасте семидесяти пяти лет, глубоко оплакиваемый большинством жителей Флоренции, которых он прочно привязал к своим интересам и которые опасались за безопасность города из-за раздора, который мог последовать за его смертью.

Оценка Космо Роско

Характер Космо де Медичи демонстрирует сочетание добродетелей и талантов, которые редко встречаются в одном человеке. Если в своих публичных делах он отличался великолепием, то в частной жизни он не менее отличался благоразумием. Будучи главой Флорентийской республики, он поддерживал постоянные отношения с европейскими монархами, но в Флоренции его поведение было лишено всякой показной роскоши, и ни по своему окружению, ни по друзьям, ни по разговорам он не отличался от любого другого уважаемого гражданина. Он хорошо знал ревнивый характер флорентийцев и предпочитал реальное наслаждение властью открытому ее проявлению, которое могло быть расценено как постоянное оскорбление теми, кому он позволял удовлетворять свою гордость, считая себя равными Космо де Медичи.

Оказывая поддержку архитектуре, живописи и скульптуре, Космо подал великий пример тем, кто благодаря своему положению и богатству мог оказать им эффективную помощь. Его отношение к этим видам искусства не было таким, какое обычно испытывают их представители со стороны великих людей; оно не было проявлением милосердия и не воспринималось как одолжение, а проявлялось в дружбе и равенстве, которые существовали между художником и его покровителем. При возведении многочисленных общественных зданий, на которые Космо потратил невероятные суммы денег, он в основном пользовался помощью Микелоццо Микелоцци и Филиппо Брунеллески — первый из них был человеком талантливым, второй — гением. Вскоре после возвращения из изгнания Космо нанял этих двух художников для разработки плана особняка для своей резиденции. Брунеллески дал волю своему творческому потенциалу и создал проект дворца, который мог бы удовлетворить самого гордого правителя Европы; но Космо, руководствуясь той же осторожностью, которая определяла все его поведение в личных делах, предпочел план Микелоцци, который сочетал в себе просторность с простотой и элегантность с удобством. Обладая самосознанием, Брунеллески также был раздражительным гением и в приступе раздражения уничтожил проект, который он несправедливо считал опозоренным тем, что он не был реализован. Завершив строительство своего жилища, Космо потакал своему вкусу, украшая его самыми ценными остатками древнего искусства, и, покупая вазы, статуи, бюсты, драгоценные камни и медали, потратил немалую сумму.

Он не менее внимательно относился к заслугам художников, которые недавно появились в его родном городе. С Мазаччо появился лучший стиль живописи, а холодный и формальный манер Джотто и его учеников уступил место более естественной и выразительной композиции. В Космо де Медичи этот восходящий художник нашел своего самого щедрого покровителя и защитника. Некоторые работы Мазаччо были выполнены в капелле Бранкаччи, где они пользовались таким уважением, что это место считалось школой обучения для самых выдающихся художников, которые сразу же последовали за ним. Даже знаменитый Микеланджело, наблюдая за этими картинами много лет спустя в

компании своего честного и болтливого друга Вазари, не колеблясь выразил свое решительное одобрение их достоинств. Репутацию Мазаччо повторил его ученик Филиппо Липпи, который выполнил для Космо и его друзей много знаменитых картин, о которых Вазари а дал подробное описание. Однако Космо столкнулся с немалыми трудностями в управлении характером и регулировании эксцентричности этого необычного человека. Если усилия этих ранних мастеров и не достигли истинной цели искусства, они внесли в это дело значительный вклад; и в то время как Мазаччо и Филиппо украшали своими восхитительными произведениями алтари церквей и апартаменты принцев, Донателло придал мрамору пропорциональность форм и живость выражения, которые, по мнению его современников, были идеальными; Брунеллески воздвиг великий купол собора Флоренции, а Гиберти отлил из бронзы величественные двери церкви Святого Иоанна, которые Микеланджело счел достойными быть воротами рая.

ФЛОРЕНТИЕЦ XV ВЕКА

Космо был высоким человеком; в молодости он обладал преимуществом привлекательной внешности; то, что возраст отнял у него красоту, он добавил к своему достоинству; и в последние годы его внешность была настолько по-настоящему почтенной, что часто становилась предметом панегириков. Он был серьезен и самодоволен, но во многих случаях давал достаточные доказательства того, что это не было следствием отсутствия таланта к сарказму; и верность флорентийских историков сохранила многие из его пронизательных наблюдений и замечаний. Когда Ринальдо де Альбицци, который тогда находился в изгнании и замышлял нападение на свою родину, послал Космо сообщение, в котором говорилось, что курица скоро высидит яйца, тот ответил: «Она вылупится из своего гнезда с плохим нравом». В другом случае, когда его противники дали ему понять, что они не спят, Космо сказал: «Я верю в это, я лишил их сна». «Какого цвета мои волосы?» — спросил Космо, сняв головной убор перед послами Венеции, которые прибыли с жалобой на флорентийцев. «Белые», — ответили они. «Не пройдет много времени, — сказал Космо, — и волосы ваших сенаторов тоже станут такими». Незадолго до своей смерти, когда его жена спросила, почему он закрывает глаза, он ответил: «Чтобы приучить их к этому».

Если, рассматривая частный характер Космо, мы обратим внимание на его поведение как модератора и руководителя Флорентийской республики, наше восхищение его способностями будет расти вместе с масштабом театра, на котором ему приходилось действовать. Его торговые интересы были настолько важны, что часто оказывали заметное влияние на политику Италии. Когда Альфонсо, король Неаполя, вступил в союз с венецианцами против Флоренции, Космо потребовал от них выплаты таких огромных долгов, что они лишились средств для продолжения войны. Во время борьбы между домами Йорков и Ланкастеров один из его агентов в Англии получил от Эдуарда IV просьбу о предоставлении денежной суммы, которая была настолько огромна, что ее можно было считать средством для поддержания этого монарха на троне, и была возвращена, когда его успехи позволили ему выполнить свое обязательство. Принцы Италии усердно добивались союза с Космо, и было замечено, что по счастливой случайности тот, кто объединял свои интересы с его интересами, всегда мог либо подавить, либо победить своих противников. С его помощью республика Венеция противостояла совместным нападениям Филиппа, герцога Милана, и французской нации, но, лишившись его поддержки, венецианцы больше не могли противостоять своим врагам. Какие бы трудности ни встречали Космо дома или за границей, они обычно заканчивались приобретением дополнительной чести для его страны и для него самого. Уважение и благодарность его сограждан были в полной мере проявлены незадолго до его смерти, когда публичным указом ему было присвоено звание *Pater Patriæ*, Отец Родины, которое было высечено на его могиле и которое, поскольку было основано на реальных заслугах, с тех пор всегда ассоциируется с именем Космо Медичи.^d

«Несмотря на все свои недостатки», — говорит фон Реумонт,^c «Космо был, безусловно, замечательным человеком. Более чем кто-либо другой он способствовал сохранению не только форм, но и большей части духа гражданского равенства и достоинства после того, как стало невозможно избежать партийного правления, которое рано или поздно привело бы к превосходству одной семьи».

Марсилио Фичино^l описывал Космо как «человека, превосходящего всех других по интеллекту, благочестивого перед Богом, справедливого и благородного по отношению к своим ближним, скромного во всем, что касалось его самого, активного в своих личных делах, но еще более осторожного и благоразумного в публичных. Он жил не только для себя, — добавляет автор панегирика, — но и для служения Богу и своей стране».

ПРЕЕМНИК КОСМО

В последние годы жизни Космо Лукас Питти стал считать себя будущим главой государства. Примерно в это же время он приступил к строительству великолепного дворца, который стал резиденцией великих герцогов. Республиканское равенство было оскорблено не только роскошью этого королевского жилища, но и тем, что его строительство дало Питти повод продемонстрировать свое презрение к свободе и законам. Он сделал это здание убежищем для всех беглецов от правосудия, которых ни один государственный чиновник не осмеливался преследовать, как только он принимал участие в строительстве. В то же время как отдельные лица, так и общины, которые хотели получить какую-либо милость от республики, знали, что единственным способом быть услышанными было предложить Лукасу Питти драгоценное дерево или мрамор для использования в строительстве его дворца.

Когда 1 августа 1464 года умер Космо де Медичи, Лука Питти почувствовал себя освобожденным от контроля, который на него оказывала добродетельность и умеренность этого великого гражданина. Сын Космо, Пьеро де Медичи, которому тогда было сорок восемь лет, полагал, что он должен унаследовать управление республикой, так же как он унаследовал богатство своего отца по праву наследственности; но состояние его здоровья не позволяло ему регулярно заниматься делами или внушать своим соперникам большой страх. Чтобы уменьшить бремя дел, которые его угнетали, он решил вывести часть своего огромного состояния из торговли, отозвав все свои ссуды, предоставленные в партнерстве с другими купцами, и вложив эти деньги в землю. Но эта неожиданная потребность в значительном капитале нанесла смертельный удар по торговле Флоренции, одновременно оттолкнув всех должников дома Медичи и лишив его большей части его популярности. Смерть Сфорцы, произошедшая 8 марта 1466 года, лишила партию Медичи ее самой прочной поддержки за рубежом. Франческо Сфорца, будь то как кондотьер или герцог Милана, всегда был преданным другом Космо. Его сын, Галеаццо Сфорца, который унаследовал его власть, заявил о своем решении сохранить тот же союз, но таланты, характер и, прежде всего, слава его отца были ему не свойственны. Галеаццо, казалось, верил, что унаследованная им верховная власть дает ему право потакать любым удовольствиям и без ограничений предавать себя любым порокам. Своей показной роскошью он растратил финансы герцогства Милана, своим развратом запятнал честь почти всех дворянских семей, а своей жестокостью оттолкнул от себя народ.

Друзья свободы во Флоренции скоро заметили, что Лука Питти и Пьеро де Медичи больше не соглашались друг с другом, и они обрели мужество, когда последний предложил совету созвать парламент, чтобы продлить полномочия балии, срок которых истекал 1 сентября 1465 года: его предложение было отклонено. Магистратура вновь стала избираться жребием из числа членов партии, победившей в 1434 году. Однако это возвращение свободы было недолгим. Питти и Медичи примирились; они договорились созвать парламент и руководить им совместно; чтобы запугать его, они окружили его иностранными войсками.

Но Медичи, при назначении балии 2 сентября 1466 года, нашел способ допустить только своих сторонников и исключить всех сторонников Лукаса Питти. Граждане, проявившие какую-либо активность в борьбе за свободу, были все изгнаны; нескольким были назначены огромные штрафы. Пять комиссаров, называемых *аккоппайтори*, были уполномочены каждые два месяца открывать сумку, из которой должны были быть извлечены синьории, и выбирать оттуда имена гонфалоньера и восьми приори, которые должны были вступить в должность. Эти магистраты были настолько зависимы от Пьеро де Медичи, что гонфалоньер часто ходил в его дворец, чтобы получить приказы, а затем объявлял их как результат обсуждений со своими коллегами, с которыми он даже не советовался. Лука Питти разорился, строя свой дворец. Его таланты были признаны несоразмерными его амбициям; как друзья свободы, так и сторонники Медичи одинаково его ненавидели, и он остался лишенным всякой власти в городе, которому он так сильно способствовал порабощению.

Италия наполнилась флорентийскими эмигрантами; за каждой революцией, даже за каждым созывом парламента, следовало изгнание многих граждан. Партия Альбицци была изгнана в 1434 году, но Альберти, которые победили ее, в свою очередь были изгнаны в 1466 году; среди членов обеих партий были почти все исторические имена Флоренции — те имена, которые Европа научилась уважать либо за огромный авторитет в торговле, либо за блеск, который придавали им литература и искусство.

Италия была потрясена изгнанием стольких прославленных личностей. Во Флоренции граждане, избежавшие изгнания, с трепетом наблюдали за установлением деспотизма в их республике; но низшие сословия в целом были довольны и не пытались поддержать Бартоломео Коллеони, когда он в 1467 году вступил в Тоскану во главе флорентийских эмигрантов, которые взяли его на свою службу. Торговля процветала; производство велось с большой активностью; высокая заработная плата обеспечивала комфортную жизнь всем, кто жил своим трудом; а Медичи развлекали их представлениями и праздниками, удерживая их в состоянии своего рода вечного карнавала, в котором народ вскоре утратил всякую мысль о свободе.

Пьеро де Медичи всегда был в слишком плохом состоянии здоровья, чтобы лично осуществлять власть, которую он узурпировал над своей страной; он оставил ее пяти или шести гражданам, которые правили от его имени. Томмазо Содерини, Андреа де Пацци, Луиджи Гуиччардини, Маттео Пальмьери и Пьетро Минербетти были настоящими главами государства. Они не только вели все дела, но и присваивали себе всю прибыль; они продавали свое влияние и кредит; они удовлетворяли свою алчность или свою месть: но они заботились о том, чтобы не действовать от своего имени и не брать на себя ответственность; они оставляли это дому Медичи. Пьеро в последние месяцы своей жизни заметил беспорядок и коррупцию своих агентов. Он был огорчен тем, что его память была таким образом запятнана, и высказал им самые суровые упреки; он даже вступил в переписку с эмигрантами, которых он собирался отозвать, когда умер 2 декабря 1469 года. Его два сына, Лоренцо и Джулиано, старшему из которых не было еще двадцати одного года, были представлены Томмазо Содерини иностранным послам, магистратам и первым гражданам правящей фракции; последних он предупредил, что единственным средством сохранить свою партию является сохранение уважения всех к ее лидерам. Но два младших Медичи, предавшись всем удовольствиям своего возраста, не имели никаких амбиций. Власть в государстве оставалась в руках пяти граждан, которые осуществляли ее при Пьеро.

СЫНОВЬЯ ПЬЕРО И ЗАГОВОРЫ

Италия достигла того рокового периода, когда свободу уже нельзя было спасти благородным сопротивлением или вернуть открытой силой. Оставался только опасный и, как правило, роковой выход — заговор. В отличие от нас, которые сегодня испытываем отвращение к убийству как средству освобождения нашей страны, люди XV века видели в убийстве честь, в жертве — добродетель, а в заговоре — историческое величие. Их останавливала только опасность, но эта опасность должна была быть ужасной. Тираны, чувствуя себя в состоянии войны со всем миром, всегда были начеку; и поскольку они обязаны были своей безопасностью только террору, наказание, которое они налагали в случае победы, было крайне жестоким. Однако этот террор не отпугивал врагов существующего порядка, будь то роялисты или республиканцы. Никогда еще заговоры не были столь частыми и смелыми, как в этом веке. Неудача одних никогда не удерживала других от того, чтобы немедленно пойти по их стопам.

Первый заговор был направлен против Медичи. Бернардо Нарди, один из флорентийских граждан, изгнанный из своей страны во времена Пьеро де Медичи, в сопровождении около ста своих сторонников 6 апреля 1470 года внезапно напал на ворота Прато. Он захватил государственный дворец и арестовал флорентийского подеста; он овладел цитаделью, а затем, проходя по улицам, призывал народ присоединиться к нему и сражаться за свободу.

Он намеревался сделать этот небольшой город оплотом республиканской партии, откуда начать свое наступление на Медичи. Но хотя ему удалось неожиданно стать хозяином города, жители остались глухи к его голосу, и никто не откликнулся на его призыв — никто не ненавидел тиранию настолько, чтобы бороться с ней, рискуя подвергнуться крайним страданиям. Друзья правительства, видя, что Нарди остался один, наконец взяли в руки оружие, атаковали его со всех сторон и вскоре одолели его численным превосходством. Нарди был взят в плен, отправлен во Флоренцию и там обезглавлен вместе с шестью своими сообщниками; двенадцать других были повешены в Прато.

Уличный костюм итальянского дворянина, XV век

[1476 год н. э.]

В 1476 году в Милане был организован заговор против Галеаццо Сфорца, чье иго стало невыносимым для всех, кто имел высокие душевные устремления. Не было такого преступления, на которое не был бы способен этот лживый и жестокий человек. Среди прочих преступлений его обвиняли в отравлении своей матери. О нем говорили, что, наслаждаясь зрелищем изумления и отчаяния, он всегда предпочитал наносить самые внезапные и жестокие удары тем, кто больше всего полагался на его дружбу.

Не довольствуясь тем, что делал самых выдающихся женщин своих государств жертвами своего соблазна или насилия, он с удовольствием обнародовал их позор, раскрывая его их братьям или мужьям. Нередко он предавал их проституции. Его экстравагантная роскошь истощала его финансы, которые он впоследствии пополнил самым жестоким вымогательством у народа. Он с удовольствием изобретал новые и самые жестокие формы смертной казни; даже закапывание своих жертв заживо не было самой жестокой из них. Наконец, три молодых аристократа из семей, которые мужественно сопротивлялись узурпации Франческо Сфорцы и сами испытали на себе несправедливость и надругательства его сына, решили избавить свою страну от этого чудовища, не сомневаясь,

что после его падения миланцы с радостью объединятся, чтобы заменить тиранию свободным правительством.

Джироламо Ольджати, Карло Висконти и Андреа Лампуньяни решили, по согласованию, доверять только себе, не посвящая никого в свою тайну. Их энтузиазм был возбужден уроками их литературного наставника, Коласа ди Монтано, который постоянно рассказывал им о величии древних республик и славе тех, кто избавил их от тирании. Решив убить герцога, они долго тренировались в обращении с кинжалом, чтобы быть уверенными, что каждый из них поразит тирана точно в назначенную ему часть тела. Воодушевленные религиозным рвением, не уступающим их республиканскому энтузиазму (), они подготовились к предстоящему деянию молитвами, обетами святому Стефану и помощью мессы. Они выбрали 26 декабря 1476 года, день святого Стефана, когда, как они знали, герцог Галеаццо должен был торжественно отправиться в церковь святого. Они ждали его в этой церкви, и когда увидели, как он проходит между послами Феррары и Мантуи, с уважением подошли к нему, сняв шляпы. Притворившись, что отгоняют толпу, они окружили его и одновременно нанесли ему удары, находясь в окружении его охранников и придворных. Галеаццо Сфорца пал замертво под их оружием, а толпа, заполнившая церковь, увидела суматоху и услышала крики, не понимая причины.

[1476-1478 гг. н.э.]

Трое заговорщиков попытались сбежать из церкви, чтобы призвать народ к оружию и свободе, но первые чувства, с которыми они столкнулись, были удивление и ужас. Охранники герцога обнажили мечи, чтобы отомстить за него. Лампуньяни, пытаясь уклониться от них, запутался в шлейфах стоящих на коленях женщин, был сбит с ног и убит оруженосцем Галеаццо; в нескольких шагах от него Висконти также был убит охранниками. Но Ольгиати имел несчастье в этот первый момент ускользнуть от всех, кто его преследовал, и, бегая по улицам, громко призывал к оружию и свободе; ни один человек не откликнулся на его призыв. Затем он попытался скрыться, но был обнаружен, схвачен и подвергнут самым мучительным пыткам. В промежутке между этими пытками и своей смертью он написал или продиктовал требуемое от него повествование, которое дошло до нас. Оно написано в духе благороднейшего энтузиазма, с глубоким религиозным чувством, с горячей любовью к свободе и с твердой убежденностью в том, что он совершил доброе дело. Его снова передали палачу, чтобы тот разорвал его плоть раскаленными щипцами. На момент своего мученичества ему было всего двадцать два года.^e

Заговор Пацци

Общественное возмущение, вызванное убийством герцога Миланского, едва успело утихнуть, как во Флоренции произошло событие гораздо более жестокого характера, поскольку объекты, предназначенные для уничтожения, не давали ни малейшего повода для такого покушения. Соответственно, мы должны теперь перейти к событию, о котором редко упоминают без сильнейшего ужаса и отвращения и которое, как справедливо замечено, является неопровержимым доказательством практического атеизма той эпохи, в которой оно произошло — событию, в котором папа, кардинал, архиепископ и несколько других церковных деятелей объединились с бандой головорезов, чтобы уничтожить двух человек, которые были честью своего века и своей страны; и намеревались совершить свое преступление в период гостеприимства, в святилище христианской церкви, в самый момент

возвышения Святых Даров, когда аудитория склонилась перед ними, а убийцы, как предполагалось, находились в непосредственной близости от своего Бога.

Во главе этого заговора стояли Сикст IV и его племянник Джироламо Риарио. Рафаэль Риарио, племянник этого Джироламо, который, хотя и был тогда молодым человеком, продолжавшим свои учебы, недавно был возведен в кардиналы, был скорее инструментом, чем соучастником этого заговора. Вражда Сикста к Лоренцо была очевидна уже некоторое время, и если она и не была вызвана помощью, которую Лоренцо оказал Никколо Вителли и другим независимым дворянам, чьи владения Сикст либо угрожал, либо атаковал, то, безусловно, она усилилась из-за этого. Поэтому уничтожение Медичи казалось Сиксту устранением препятствия, которое мешало всем его планам, и благодаря которому небольшие окружающие государства вскоре стали бы легкой добычей. Однако есть все основания полагать, что папа не ограничивал свои амбиции этими подчиненными правительствами, но что, если бы заговор увенчался успехом, он намеревался захватить власть над самой Флоренцией. Недавно заключенный союз между флорентийцами, венецианцами и герцогом Милана, который был в основном осуществлен Лоренцо де Медичи и благодаря которому папа не мог нарушить мир в Италии, был дополнительным и мощным мотивом для его недовольства. Одним из первых доказательств недовольства папы было лишение Лоренцо должности казначея папского престола, которую он передал семье Пацци из Флоренции, которая, как и Медичи, имела государственный банк в Риме и впоследствии стала союзником Сикста в осуществлении его вероломного замысла.

Заговор, настоящими зачинщиками которого были Сикст и его племянник, сначала обсуждался в Риме, где общение между графом Джироламо Риарио и Франческо де Пацци, благодаря должности, занимаемой последним, дало им возможность поделиться друг с другом своей общей ревностью к власти Медичи и желанием лишить их влияния во Флоренции; в этом случае весьма вероятно, что Пацци должны были бы осуществлять главную власть в городе под покровительством, если не под открытым господством, папского престола. Главным исполнителем этого замысла был Франческо Сальвиати, архиепископ Пизы, в который он был недавно возведен Сикстом, вопреки желанию Медичи, которые в течение некоторого времени пытались помешать ему исполнять свои епископские обязанности. Если допустить, что неблагоприятная характеристика, данная ему Полицианом, является преувеличенной, то все согласны с тем, что его качества были противоположны тем, которые должны были бы рекомендовать его к столь высокому назначению. Другими заговорщиками были Якопо Сальвиати, брат архиепископа; Якопо Поджио, один из сыновей знаменитого Поджио Браччолини, который, как и все другие сыновья этого выдающегося ученого, приобрел немалую литературную репутацию; Бернардо Бандини, смелый распутник, доведенный до отчаяния последствиями своих эксцессов; Джован Баттиста Монтесикко, который прославился своими военными талантами как один из кондотьеров армий папы; Антонио Маффеи, священник из Вольтерры, и Стефано де Баньоне, один из апостольских писцов, а также несколько других менее известных лиц.

При разработке своего плана, который, по-видимому, был согласован с большой осторожностью и в тайне, заговорщики вскоре обнаружили, что опасности, с которыми им пришлось столкнуться, были связаны не столько со сложностью предприятия, сколько с последующим недовольством флорентийцев, большинство которых было сильно привязано к Медичи. Поэтому возникла необходимость обеспечить военную поддержку, которая могла бы понадобиться как в случае провала, так и в случае успеха предприятия. Благодаря влиянию папы, король Неаполя, который в то время был его союзником и одному из сыновей которого он недавно присвоил кардинальскую шапку, также был склонен поддержать это предприятие.

После того как эти предварительные условия были согласованы, Джироламо написал своему племяннику, кардиналу Риарио, находившемуся в то время в Пизе, приказав ему подчиняться любым указаниям, которые он мог получить от архиепископа. Отряд из двух тысяч человек должен был приблизиться к Флоренции по разным маршрутам, чтобы быть готовым в назначенный час нанести удар.

Вскоре после этого архиепископ попросил кардинала прибыть во Флоренцию, куда тот немедленно отправился и поселился в резиденции Пацци, примерно в миле от города. По-видимому, заговорщики намеревались осуществить свой план в Фьезоле, где Лоренцо имел свою загородную резиденцию, куда, как они полагали, он пригласит кардинала и его свиту. Их предположение не обмануло, поскольку Лоренцо подготовил по этому случаю великолепный прием, но отсутствие Джулиано по причине недомогания вынудило заговорщиков отложить покушение. Поскольку их надежды не оправдались, пришлось принять другой план; после дальнейших обсуждений было решено, что убийство должно произойти в следующее воскресенье в церкви Репараты, с тех пор называемой Санта-Мария-дель-Фьоре, а сигналом к исполнению приговора должно было стать поднятие hostии. В тот же момент архиепископ и другие заговорщики должны были захватить дворец или резиденцию магистратов, а Якопо де Пацци должен был криком «Свобода!» поднять граждан на восстание.

Непосредственное убийство Джулиано было поручено Франческо де Пацци и Бернардо Бандини, а убийство Лоренцо было поручено исключительно Монтесикко. Он охотно взялся за эту задачу, поскольку понимал, что она должна быть выполнена в частном доме, но он не хотел осквернять дом Божий столь гнусным преступлением. Поэтому для совершения деяния, от которого солдат удержался по соображениям совести, были выбраны два священнослужителя. Ими были Стефано да Баньоне, апостольский писец, и Антонио Маффеи.

Молодой кардинал выразил желание посетить богослужение в церкви Репарата в следующее воскресенье, 26 апреля 1478 года, и Лоренцо пригласил его и его свиту в свой дом во Флоренции. Он прибыл с большой свитой, поддерживая объединенные авторитеты кардинала и апостольского легата, и был принят Лоренцо с той пышностью и гостеприимством, с которыми он всегда принимал людей высокого ранга и значимости. Джулиано не появился, что встревожило заговорщиков, чьи планы не допускали дальнейших задержек. Однако вскоре они узнали, что он намеревался присутствовать в церкви. Служба уже началась (), и кардинал занял свое место, когда Франческо де Пацци и Бандини, заметив, что Джулиано еще не прибыл, покинули церковь и отправились к его дому, чтобы убедиться в его присутствии и поторопить его. Джулиано сопровождал их, и, когда он шел между ними, они обняли его с дружеской фамильярностью, но на самом деле, чтобы обнаружить, нет ли у него под одеждой доспехов; возможно, предполагая, что его долгое отсутствие означает, что он догадался об их замысле. В то же время, своей свободой и шутливостью они пытались развеять любые опасения, которые он мог испытывать в связи с таким поступком. Заговорщики, заняв свои места рядом с предполагаемыми жертвами, с нетерпением ждали назначенного сигнала. Прозвенел колокол, священник поднял освященную облатку, люди поклонились ей, и в тот же момент Бандини вонзил короткий кинжал в грудь Джулиано.

Получив рану, он сделал несколько поспешных шагов и упал, когда Франческо де Пацци с невероятной яростью бросился на него и ударил его ножом в разные части тела, продолжая наносить удары даже после того, как тот, по-видимому, был мертв. Его ярость была настолько сильна, что он глубоко поранил себя в бедро. Священники, которые взяли на себя

убийство Лоренцо, не были столь же успешны. Неудачный удар Маффеи (), который был нацелен на горло, но попал в затылок, скорее побудил его к защите, чем вывел из строя. Он немедленно сбросил плащ и, подняв его в левой руке как щит, правой рукой вытащил меч и отразил нападавших. Поняв, что их замысел провалился, два священнослужителя, ранив одного из слуг Лоренцо, который встал на его защиту, попытались спастись бегством. В тот же момент Бандини, с кинжалом, залитым кровью Джулиано, бросился к Лоренцо, но встретив на своем пути Франческо Нори, человека, служившего Медичи, которому они доверяли, он нанес ему смертельное ранение. При приближении Бандини друзья Лоренцо окружили его и поспешили увести в ризницу, где Политий и другие закрыли медные двери. Поскольку существовали опасения, что оружие, которым он был ранен, было отравлено, молодой человек, привязанный к Лоренцо, отсосал яд из раны. В церкви началась всеобщая тревога и смятение; поднялся такой шум, что сначала все подумали, что здание рушится; но как только стало ясно, что Лоренцо в опасности, несколько молодых людей Флоренции собрались в группу, взяли его в окружение и отвели в его дом, обойдя церковь стороной, чтобы он не увидел тело своего брата.

Палаццо Веккьо, Флоренция

В то время как эти события происходили в церкви, в дворце возникла еще одна суматоха: архиепископ, который покинул церковь, как и было согласовано перед нападением на Медичи, и около тридцати его соратников попытались одолеть магистратов и захватить резиденцию правительства. Оставив часть своих сторонников в разных комнатах, архиепископ прошел в внутреннюю комнату, где собрались Чезаре Петруччи, тогдашний гонфалоньер, и другие магистраты. Как только гонфалоньер был проинформирован о его приближении, он, из уважения к его рангу, встал, чтобы встретить его. Неизвестно, был ли архиепископ сбит с толку присутствием Петруччи, который был известен своим решительным характером, о чем он ярко продемонстрировал, сорвав нападение Бернардо Нарди на город Прато, или же его мужество не было на высоте задачи; но вместо того, чтобы

запугать магистратов внезапным нападением, он начал сообщать Петруччи, что папа даровал его сыну должность, и он должен передать ему полномочия. Он делал это с такой нерешительностью и в такой беспорядочной манере, что было почти невозможно понять его смысл. Петруччи также заметил, что он часто менял цвет лица и временами поворачивался к двери, как будто давая кому-то сигнал подойти.

Встревоженный его поведением и, вероятно, зная его характер, Петруччи внезапно выбежал из комнаты и созвал стражу и слуг. Попыткой отступить архиепископ признал свою вину. Преследуя его, Петруччи встретил Якопо Поджо, которого он схватил за волосы, бросил на землю и передал на попечение своих последователей. Остальные магистраты и их слуги схватили все оружие, которое было под рукой, и кухонные принадлежности стали в их руках грозным оружием. Заперев двери дворца, они яростно напали на своих разбросанных и запуганных врагов, которые больше не пытались сопротивляться. Во время этой суматохи они были встревожены шумом снаружи и увидели из окон Джакомо де Пацци, за которым следовало около ста солдат, кричащих «Свобода!» и призывающих народ к восстанию. В то же время они обнаружили, что повстанцы взломали ворота дворца и что некоторые из них входили внутрь, чтобы защитить своих товарищей. Однако магистраты продолжали обороняться, отразили врагов и укрепили ворота, пока на помощь не пришло подкрепление из числа их друзей. Петруччи только теперь узнал об убийстве Джулиано и нападении на Лоренцо. Рассказ об этом предательстве вызвал у него сильнейшее возмущение. С согласия государственных советников он приказал повесить Якопо Поджио на глазах у народа из окон дворца и арестовал архиепископа, его брата и других руководителей заговора. Их последователи были либо убиты во дворце, либо выброшены из окон полуживыми. Только один из всех смог спастись. Несколько дней спустя его нашли спрятанным в обшивке стены, умирающим от голода, и, учитывая его страдания, ему было даровано помилование.

Молодой кардинал Риарио, укрывшийся за алтарем, был спасен от ярости народа благодаря вмешательству Лоренцо, который, по-видимому, поверил его заверениям, что он не знал о намерениях заговорщиков. Аммирато [м](#) утверждает, что его страхи оказали на него столь сильное воздействие, что он так и не смог восстановить свой естественный цвет лица. Его слуги пали жертвой гнева горожан. Улицы были завалены трупами и изуродованными членами убитых. С головой одного из этих несчастных несчастных на копье народ шествовал по городу, который оглашался криками «*Palle! Palle!*» (Смерть предателям!). Франческо де Пацци, найденный в доме своего дяди Якопо, где он из-за ранения был прикован к постели, был вытащен голым и истощенным от потери крови, доставлен во дворец и подвергнут той же казни, что и его сообщник. За его наказанием сразу последовало наказание архиепископа, которого повесили через окна дворца, не позволив ему даже снять свои прелатские одежды. Последние минуты Сальвиати, если верить Политиану, были отмечены необычным проявлением жестокости. Вися рядом с Франческо де Пацци, он вцепился зубами в его обнаженное тело и не отпускал его даже в агонии смерти.

Якопо де Пацци сбежал из города во время беспорядков, но на следующий день был схвачен соседними крестьянами, которые, несмотря на его мольбы казнить его, привели его во Флоренцию и передали магистратам. Поскольку его вина была очевидна, казнь была немедленной и из окон дворца открывалось еще одно зрелище, которое удовлетворяло возмущение разъяренной толпы. Его племянник Ренато, который пострадал в то же время, в некоторой степени вызвал сочувствие зрителей. Преданный своим занятиям и не склонный к народным волнениям, он отказался участвовать в заговоре, и его молчание было его единственным преступлением. Тело Якопо было похоронено в церкви Санта-Кроче, и суеверие народа приписало этому обстоятельству необычный и непрекращающийся дождь,

который последовал за этими беспорядками. Разделяя их предрассудки или желая удовлетворить их месть, магистраты приказали перенести его тело за пределы города. На следующее утро оно было вновь вытащено из могилы большим скоплением детей, которые, несмотря на ограничения приличия и вмешательство некоторых жителей, долго таскали его по улицам, подвергая всевозможным беспричинным оскорблениям, а затем бросили в реку Арно. Такова была судьба человека, который пользовался высшими почестями республики и за свои заслуги перед государством был награжден привилегиями всадника. Остальные члены преданной семьи были приговорены либо к тюремному заключению, либо к изгнанию, за исключением только Гульельмо де Пацци, который, хотя и не был вне подозрений, сначала был укрыт от народного гнева в доме Лоренцо, а затем получил приказ оставаться в своей вилле, расположенной примерно в двадцати пяти милях от Флоренции.

[1478-1480 гг. н.э.]

Несмотря на самые тщательные поиски священников, совершивших убийство Лоренцо, их удалось обнаружить только на третий день после покушения, когда они укрылись в монастыре бенедиктинских монахов. Как только их вывели из укрытия, народ жестоко изуродовал их и казнил, и с трудом удалось удержать его от убийства самих монахов. Монтесикко, который примкнул к заговорщикам, хотя и отказался быть активным исполнителем их плана, был пойман через несколько дней, когда пытался спастись бегством, и обезглавлен, предварительно полностью сознавшись во всех обстоятельствах заговора, из которых выяснилось, что папа был в курсе всего происходящего. Наказание Бернардо Бандини было отложено на более длительный срок. Он благополучно пересек границы Италии и в конце концов нашел убежище в Константинополе, но султан Мухаммед, узнав о его преступлении, приказал схватить его и отправить в цепях во Флоренцию, одновременно указав в качестве мотива своего поведения уважение, которое он испытывал к личности Лоренцо де Медичи. Он прибыл в декабре следующего года и получил заслуженное наказание за свою измену. Из Флоренции было отправлено посольство, чтобы от имени республики поблагодарить султана.^d

ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ У ВЛАСТИ

Неудача заговора Пацци, как это всегда бывает, укрепила правительство, против которого он был направлен. До этого Медичи довольствовались тем, что были первыми гражданами Флоренции: с того времени Лоренцо считал себя князем города, и его друзья, говоря о нем, иногда использовали этот титул. Обращаясь к нему, обычно использовали эпитет «величайший господин». Так обращались к кондотьерам и мелким князьям, не имевшим других титулов. Лоренцо в своих привычках проявлял безграничную щедрость, пышность и великолепие, которые он считал необходимыми, чтобы компенсировать отсутствие настоящего титула. Великий, его почетный титул, не без основания стал его прозвищем для потомков. После провала заговора ему угрожала вся Италия. 1 июня 1478 года папа издал буллу против него () за то, что он повесил архиепископа. Он потребовал, чтобы Лоренцо де Медичи, гонфалоньер, приоры и балья восьмерки были выданы ему для наказания в соответствии с тяжестью их преступления. Одновременно он объявил о создании против них союза с Фердинандом Неаполитанским и республикой Сиена. Он передал командование армией союза Федерико ди Монтефельтро, герцогу Урбино, и приказал ему вторгнуться в Тоскану.^e

Флорентийцы теперь готовились к войне, собирая деньги и набирая как можно больше войск. Будучи в союзе с герцогом Милана и венецианцами, они обратились к обоим за помощью. Поскольку папа проявил себя скорее волком, чем пастухом, чтобы избежать

гибели под ложными обвинениями, они оправдали свою позицию всеми доступными аргументами и наполнили Италию рассказами о предательстве, совершенном против их правительства, разоблачая безбожность и несправедливость понтифика, и заверили мир, что он будет столь же безбожно исполнять свои обязанности, которые он злонамеренно получил.

Две армии под командованием Альфонсо, старшего сына Феррандо и герцога Калабрии, генералом которого был Федерико, граф Урбино, вошли в Кьянти с разрешения сиенцев, которые перешли на сторону врага, заняли Радду и многие другие крепости, разграбили страну и осадили Кастеллину. Флорентийцы были сильно встревожены этими нападениями, поскольку почти не имели сил и видели, что их друзья не спешат им на помощь; хотя герцог и послал им подкрепление, венецианцы отказались поддерживать флорентийцев в их частных спорах, поскольку вражда между отдельными лицами не должна была защищаться за счет общественных средств. Флорентийцы, чтобы побудить венецианцев более правильно оценить ситуацию, отправили Томмазо Содерини в качестве своего посла в сенат, а тем временем собрали войска и назначили Эрколе, маркиза Феррары, командующим своей армией. Пока шли эти приготовления, Кастеллина подвергалась такому сильному давлению со стороны врага, что жители, отчаявшись дожидаться помощи, сдались после сорокадвухдневной осады.

Затем враг направился к Ареццо и разбил лагерь перед Сан-Савино. Флорентийская армия, приведенная в порядок, вышла навстречу врагу и, подойдя на расстояние трех миль, нанесла ему такой ущерб, что Федерико д'Урбино потребовал перемирия на несколько дней, которое было предоставлено, но оказалось настолько невыгодным для флорентийцев, что те, кто его просил, были удивлены, что оно было предоставлено, ибо, если бы оно было отказано, они были бы вынуждены отступить с позором. Получив эти несколько дней для передышки, как только они истекли, они взяли замок в присутствии своих врагов. Наступила зима, и войска папы и короля отступили в удобные для зимнего пребывания места на территории Сиены. Флорентийцы также отступили в более удобное место, а маркиз Феррары, мало что сделав для себя и еще меньше для других, вернулся на свои территории.

В это время во Флоренцию прибыли послы от императора, короля Франции и короля Венгрии, которые были посланы своими князьями к понтифику. Они просили флорентийцев также послать послов к папе и обещали приложить все усилия, чтобы добиться для них выгодного мира. Флорентийцы не отказались попробовать, как для того, чтобы публично оправдать свои действия, так и потому, что они действительно желали мира. Соответственно, послы были отправлены, но вернулись, не придя к какому-либо решению своих разногласий. Флорентийцы, чтобы воспользоваться влиянием короля Франции, поскольку они были атакованы одной частью итальянцев и брошены другой, отправили к нему в качестве своего посла () Донато Аччаджуоли, выдающегося ученого-латиниста и грекознаведа, чьи предки всегда занимали высокое положение в городе; но во время путешествия он умер в Милане. Чтобы облегчить жизнь его оставшейся семье и воздать должное его памяти, он был с почестями похоронен за государственный счет, его сыновья были обеспечены, а дочерям были выделены подходящие приданые, и вместо него послом к королю был отправлен Гуид'Антонио Веспуччи, человек, хорошо знакомый с папскими и имперскими делами.

Неожиданное нападение синьора Роберто на территорию Пизы сильно озадачило флорентийцев, поскольку, вынужденные сопротивляться врагу в направлении Сиены, они не знали, как обеспечить безопасность местностей вокруг Пизы. Чтобы сохранить верность луккчан и не дать им снабжать врага деньгами или провизией, они отправили в качестве

посла Пьеро ди Джино Каппони, которого приняли с такой ревностью из-за ненависти, которую этот город всегда питал к флорентийцам из-за прежних обид и постоянного страха, что он не раз был в опасности быть казненным толпой; и таким образом, его миссия стала скорее новым поводом для вражды, чем для объединения. Флорентийцы отозвали маркиза Феррары и наняли маркиза Мантуи; они также настоятельно просили венецианцев прислать им графа Карло, сына Браччо, и Дейфобо, сына графа Якопо, и после многих задержек те согласились, поскольку, заключив перемирие с турками, они не имели оправдания для отказа и не могли нарушить обязательства союза без крайнего позора. Графы Карло и Дейфобо прибыли с хорошими силами и, получив подкрепление () от всех, кого можно было выделить из армии, которая под командованием маркиза Феррары сдерживала герцога Калабрии, двинулись на Пизу, чтобы встретиться с синьором Роберто, который находился со своими войсками у реки Серкьо и который, хотя и выразил намерение дожидаться их прибытия, отступил в лагерь в Луниджане, который он покинул, войдя на территорию Пизы, в то время как граф Карло отвоевал все места, захваченные врагом в этом районе.

Охотничий костюм итальянского барона

Флорентийцы, таким образом избавленные от нападения в направлении Пизы, собрали все свои силы между Колле и Санто-Джеминьяно. Но по прибытии графа Карло армия, состоявшая из Сфорцески и Браччеша, вскоре разразилась наследственной враждой, и было решено, что если они останутся вместе надолго, то обратят оружие друг против друга. Поэтому было решено, как меньшее из зол, разделить их: одну часть под командованием графа Карло отправить в район Перуджи, а другую разместить в Поджбонзи, где они образовали крепкий лагерь, чтобы не дать врагу проникнуть на флорентийскую территорию. Этим они также надеялись заставить врага разделить свои силы, поскольку граф Карло, как было известно, имел много сторонников в Перудже, и поэтому ожидалось, что либо он займет это место, либо папа будет вынужден отправить туда большое

количество людей для его защиты. Чтобы еще больше усугубить положение понтифика, они приказали Никколо Вителли, изгнанному из Читта-ди-Кастелло, где командовал его враг Лоренцо Вителли, возглавить войска против этого места с целью изгнать своего противника и лишить его подчинения папе. В начале кампании удача, казалось, благоволила флорентийцам: граф Карло быстро продвигался в Перуджино, а Никколо Вителли, хотя и не смог войти в Кастелло, превосходил противника на поле боя и без сопротивления грабил окрестные земли. Войска в Поджбонзи также постоянно наступали на земли вплоть до стен Сиены.

Однако эти надежды не оправдались, поскольку, во-первых, граф Карло умер в самый разгар успеха, хотя последствия этого были бы менее пагубными для флорентийцев, если бы победа, к которой это привело, не была сведена на нет неправомерными действиями других. Узнав о смерти графа, войска церкви, которые уже собрались в Перудже, зародили надежду на победу над флорентийцами и разбили лагерь на озере, в трех милях от врага. С другой стороны, Якопо Гуиччардини, комиссар армии, по совету Роберто да Римино, который после смерти графа Карло был главным командующим, зная причину их оптимистичных ожиданий, решил встретить их; и, вступив в сражение у озера, на месте памятного разгрома римлян карфагенским полководцем Ганнибалом, папские войска были побеждены. Весть о победе, которая принесла большую честь полководцам, вызвала всеобщую радость во Флоренции и обеспечила бы благоприятное завершение кампании, если бы беспорядки, возникшие в армии в Поггибонзи, не повергли все в смятение; ибо преимущество, полученное благодаря доблести одних, было более чем компенсировано позорными действиями других. После того как на территории Сиены была добыта значительная добыча, между маркизом Мантуи и маркизом Феррары возникли споры о ее разделе, и они, взяв в руки оружие, с яростью напали друг на друга; флорентийцы, видя, что больше не могут пользоваться услугами обоих, позволили маркизу Феррары и его людям вернуться домой.

Флорентийцы разгромлены при Поджбонзи

Армия была таким образом ослаблена, лишилась вождя, и в каждом подразделении царил беспорядок, поэтому герцог Калабрийский, который находился со своими войсками недалеко от Сиены, решил немедленно атаковать их. Флорентийцы, обнаружив приближение врага, были охвачены внезапной паникой; ни их оружие, ни численное превосходство над противником, ни их позиция, которая была очень сильной, не могли вселить в них уверенность; но, увидев пыль, поднятую приближающимся врагом, не дожидаясь его появления, они разбежались во всех направлениях, оставив свои боеприпасы, повозки и артиллерию на произвол врага. В армиях того времени царили такая трусость и беспорядок, что поворота головы или хвоста лошади было достаточно, чтобы решить судьбу похода. Это поражение принесло королевским войскам богатую добычу и наполнило флорентийцев ужасом, поскольку город, помимо войны, был поражен чумой, которая распространилась настолько широко, что все, кто имел виллы, бежали в них, чтобы спастись от смерти. Это привело к тому, что поражение сопровождалось еще большим ужасом; те граждане, чьи владения находились в Валь-ди-Пеза и Валь-д'Эльса, укрывшись в них, поспешили в Флоренцию () со всей скоростью, как только слышали о бедствии, взяв с собой не только своих детей и имущество, но даже своих рабочих; так что казалось, будто враг может появиться в городе в любой момент.

Те, кто был назначен управлять войной, заметив всеобщее смятение, приказали победоносным войскам в Перуджино отказаться от своих предприятий в этом районе и выступить навстречу врагу в Валь-д'Эльса, который после своей победы без сопротивления

грабил страну; и хотя флорентийская армия так сильно прижала город Перуджу, что ожидалось, что он в любой момент может попасть в их руки, люди предпочли защищать свои владения, чем пытаться захватить чужие. Войска, таким образом, отступившие от преследования своей удачи, были направлены в Сан-Кашано, замок в восьми милях от Флоренции, поскольку военачальники считали, что они не могут занять никакой другой позиции, пока не соберутся остатки разгромленной армии. С другой стороны, враг, не имея больше никаких ограничений в Перудже и ободренный уходом флорентийцев, совершил крупные грабежи в районах Ареццо и Кортон; в то время как те, кто под командованием Альфонсо, герцога Калабрии, одержали победу под Поджбонзи, захватили сам город, разграбили Вико и Чертальдо, а после этих завоеваний и грабежей разбили лагерь перед крепостью Колле, которая считалась очень сильной; и поскольку гарнизон был храбрым и верным флорентийцам, надеялись, что он удержит врага, пока республика не сможет собрать свои силы. Флорентийцы находились в Сан-Кашано, а враг продолжал прилагать все усилия против Колле, поэтому они решили приблизиться, чтобы жители могли более решительно защищаться, а враг не так смело на них нападал. С этой целью они перенесли свой лагерь из Сан-Кашано в Санто-Джеминиано, примерно в пяти милях от Колле, и с помощью легкой кавалерии и других подходящих сил могли каждый день беспокоить лагерь герцога.

Однако всего этого было недостаточно, чтобы облегчить положение жителей Колле; израсходовав свои запасы продовольствия, они были вынуждены сдаться 13 ноября, к великому огорчению флорентийцев и радости врагов, особенно сиенцев, которые, помимо своей привычной ненависти к флорентийцам, испытывали особую вражду к жителям Колле.

Наступила глубокая зима, и погода была настолько неподходящей для войны, что папа и король, либо желая дать надежду на мир, либо более спокойно насладиться плодами своих побед, предложили флорентийцам перемирие на три месяца и дали им десять дней на обдумывание ответа. Предложение было с радостью принято, но, как известно, раны становятся более болезненными после того, как кровь остынет, чем в момент их получения, и это кратковременное затишье пробудило во флорентийцах осознание всех страданий, которые они перенесли; граждане открыто обвиняли друг друга, указывая на ошибки, допущенные в ведении войны, бесполезные расходы и несправедливо введенные налоги. Эти вопросы смело обсуждались не только в частных кругах, но и на публичных советах; один человек даже осмелился обратиться к Лоренцо де Медичи и сказать: «Город истощен и не может больше выносить войны; поэтому необходимо думать о мире».

Лоренцо сам осознавал эту необходимость и собрал друзей, в мудрости и верности которых он был уверен, и они сразу пришли к выводу, что, поскольку венецианцы были равнодушны и неверны, а герцог находился во власти своих опекунов и был вовлечен во внутренние трудности, было бы желательно заключить новый союз, чтобы улучшить положение дел. Они сомневались, к кому обратиться — к королю или к папе; но, рассмотрев вопрос со всех сторон, они предпочли дружбу короля как более подходящую и надежную; поскольку короткие сроки правления понтификов, изменения, следующие за каждой сменой власти, пренебрежительное отношение церкви к светским князьям и еще большее неуважение к ним, проявляемое в ее решениях, делали невозможным для светского князя доверять понтифику или безопасно делить с ним свою судьбу; ведь сторонник папы имел бы союзника в победе, но в поражении должен был бы остаться один, в то время как понтифик поддерживался своей духовной властью и влиянием.

Посольство Лоренцо в Неаполе

Поэтому, решив, что дружба короля будет для них чрезвычайно полезной, они посчитали, что ее легче всего и с большей вероятностью можно будет получить благодаря присутствию Лоренцо, поскольку, по их мнению, чем больше доверия они проявят к нему, тем больше будет вероятность избавиться от его впечатлений о прошлых враждах. Лоренцо, решив отправиться в Неаполь, поручил город и правительство заботам Томмазо Содерини, который в то время был гонфалоньером правосудия. Он покинул Флоренцию в начале декабря () и, прибыв в Пизу, написал правительству, чтобы сообщить ему о причине своего отъезда. Сеньория, чтобы оказать ему честь и дать ему возможность более эффективно вести переговоры с королем, назначила его послом флорентийского народа и наделила его полной властью принимать такие меры, которые он считал наиболее полезными для республики.

В это время Роберто да Сан-Северино вместе с Лодовико и Асканио (их старший брат Сфорца был мертв) снова напал на Милан, чтобы вернуть себе власть. После захвата Тортоны, когда город и все государство были вооружены, герцогине Боне посоветовали восстановить Сфорцески и положить конец гражданским распрям, допустив их к власти. Этот совет дал Антонио Тассино из Феррары, человек низкого происхождения, который, прибыв в Милан, попал в руки герцога Галеаццо и был отдан им герцогине в качестве камердинера. Благодаря своей личной привлекательности или какому-то тайному влиянию, после смерти герцога он приобрел такое влияние на герцогиню, что управлял государством почти по своему усмотрению. Это очень не понравилось министру Чекко, которого благоразумие и многолетний опыт сделали незаменимым, и который, насколько мог, старался уменьшить авторитет Тассино у герцогини и других членов правительства. Тассино, зная об этом, чтобы отомстить за обиду и обеспечить себе защитников против Чекко, посоветовал герцогине отозвать Сфорцески, что она и сделала, не сообщив о своем намерении министру, который, когда это было сделано, сказал ей: «Вы сделали шаг, который лишит меня жизни, а вас — правительства». Вскоре это и произошло: Чекко был казнен Лодовико, а Тассино изгнан из герцогства. Герцогиня была настолько разгневана, что покинула Милан и передала опеку над своим сыном Лодовико, который, став единоличным правителем герцогства, привел, как будет показано ниже, к гибели Италии.

Лоренцо де Медичи отправился в Неаполь, и между сторонами действовало перемирие, когда совершенно неожиданно Лодовико Фрегосо, поддерживая связь с некоторыми лицами из Сарцаны, тайно проник в город, захватил его с помощью вооруженных сил и заключил во флорентийского правителя. Это сильно обидело сеньорию, поскольку они считали, что все было согласовано с попустительством короля Фердинанда. Они пожаловались герцогу Калабрийскому, который находился с армией в Сиене, на нарушение перемирия « », и тот попытался доказать письмами и посольствами, что это произошло без ведома ни его самого, ни его отца. Однако флорентийцы оказались в очень затруднительном положении, будучи лишенными денег, с главой республики в руках короля, самими вовлеченными в затяжную войну с последним и папой, в новую войну с генуэзцами и полностью лишенными друзей, поскольку они не доверяли венецианцам, а из-за его изменчивого и нестабильного положения с опаской относились к Милану. Таким образом, у них была только одна надежда, и она зависела от успеха Лоренцо в отношениях с королем.

Лоренцо прибыл в Неаполь по морю и был с большими почестями принят не только Фердинандом, но и всем городом, поскольку его приезд вызвал огромные ожидания; поскольку было общепринято, что война была начата с единственной целью — уничтожить его, сила его врагов придавала его имени дополнительный блеск. Будучи допущенным к королю, он так достойно высказался по поводу дел Италии, настроений ее князей и народа, своих надежд на мир и опасений по поводу результатов войны, что Фердинанд был более удивлен величием его ума, быстротой его гения, его серьезностью и мудростью, чем ранее

его силой. В результате он стал относиться к нему с удвоенной честью и начал чувствовать себя вынужденным скорее расстаться с ним как с другом, чем удерживать его как врага. Однако под различными предлогами он удерживал Лоренцо с декабря по март, не только чтобы получить наиболее полное представление о его собственных взглядах, но и о взглядах его города; ведь у него были враги, которые хотели, чтобы король удерживал его и обращался с ним так же, как с Якопо Пиччинино; и, под видом сочувствия к нему, они указывали на все, что могло бы, или, скорее, что они хотели бы, чтобы произошло в результате такого поведения; одновременно выступая в совете против любого предложения, которое могло бы ему помочь. Таким образом, укрепилось мнение, что, если он будет удерживаться в Неаполе еще долго, правительство Флоренции будет сменено. Это заставило короля отложить их расставание дольше, чем он сделал бы в обычной ситуации, чтобы посмотреть, не возникнут ли какие-либо беспорядки. Но, убедившись, что все идет спокойно, Фердинанд разрешил ему уехать 6 марта 1479 года, проявив к нему всяческое внимание и знаки уважения, чтобы завоевать его привязанность, и заключив с ним вечный союз для взаимной защиты. Лоренцо вернулся во Флоренцию и, представившись перед гражданами, впечатления, которые он произвел на народ, окружили его ореолом величия, ярче чем прежде. Его приняли с радостью, которую заслуживали его необыкновенные качества и недавние заслуги, поскольку он подверг свою жизнь крайней опасности, чтобы восстановить мир в своей стране. Через два дня после его возвращения был обнародован договор между республикой Флоренция и королем, по которому каждая сторона обязывалась защищать территории другой. Места, отнятые у флорентийцев во время войны, должны были быть возвращены по усмотрению короля; Пацци, заключенные в башне Вольтерры, должны были быть освобождены, а герцогу Калабрии на ограниченный срок должна была быть выплачена определенная сумма денег.

Мир с честью

Как только об этом мире стало известно, папа и венецианцы пришли в ярость; папа считал, что король пренебрег им; венецианцы питали аналогичные чувства по отношению к флорентийцам и жаловались, что, будучи союзниками в войне, им не разрешили участвовать в мире. Распространение подобных сообщений за границей и их полное доверие во Флоренции вызвали всеобщую опасение, что заключенный мир приведет к еще более крупным войнам; поэтому ведущие члены правительства решили ограничить рассмотрение наиболее важных дел меньшим числом лиц и сформировали совет из семидесяти граждан, которым была передана основная власть. Новое постановление успокоило умы тех, кто жаждал перемен, убедив их в тщетности их усилий. Чтобы утвердить свою власть, они в первую очередь ратифицировали мирный договор с королем и отправили в качестве послов к папе Антонио Ридольфи и Пьеро Наси. Но, несмотря на мир, Альфонсо, герцог Калабрии, по-прежнему оставался в Сиене со своими войсками, притворяясь, что его задерживают разногласия между гражданами, которые, по его словам, достигли такой степени, что, пока он проживал за пределами города, они заставили его войти и взять на себя роль арбитра между ними. Он воспользовался случаем, чтобы вымогать у самых богатых граждан большие суммы денег в виде штрафов, многих заключил в тюрьму, других изгнал, а некоторых казнил; таким образом, он стал подозреваться не только сиенцами, но и флорентийцами в намерении узурпировать власть в Сиене; и тогда не было никакого средства защиты, поскольку республика заключила новый союз с королем и находилась в состоянии вражды с папой и венецианцами. Эти подозрения высказывались не только большинством флорентийцев, которые тонко интерпретируют явления, но и главными членами правительства; все сошлись во мнении, что город никогда не был в такой опасности потерять свою свободу.

Турецкий император Мухаммед II с большой армией отправился на осаду Родоса и продолжал ее в течение нескольких месяцев; но, несмотря на то, что его войска были многочисленны, а его мужество непоколебимо, он обнаружил, что они более чем равны войскам осажденных, которые сопротивлялись его нападению с такой упорной доблестью, что он в конце концов был вынужден отступить в позоре. Покинув Родос, часть его армии под командованием паши Ахмета приблизилась к Велоне и, либо из-за того, что предприятие казалось легким, либо в повиновении приказам своего повелителя, проплыв вдоль итальянского побережья, внезапно высадила четыре тысячи солдат и атаковала город Отранто, который легко взяла, разграбила и всех жителей предала мечу. Затем он укрепил город и порт и, собрав большое количество кавалерии, разграбил окрестные земли. Узнав об этом и зная о грозном характере своего противника, король немедленно послал послов ко всем соседним державам с просьбой о помощи против общего врага и приказал герцогу Калабрии немедленно вернуться с войсками в Сиену.

Это нападение, как бы оно ни раздражало герцога и остальную Италию, вызвало величайшую радость во Флоренции и Сиене; последняя считала, что она восстановила свою свободу, а первая — что она избежала бури, угрожавшей ей уничтожением. Эти впечатления, которые были не неизвестны герцогу, усилили его сожаление о своем отъезде из Сиены, и он обвинил судьбу в том, что она неожиданным и необъяснимым случаем лишила его суверенитета над Тосканой. То же обстоятельство изменило настроение папы; хотя ранее он отказывался принимать послов из Флоренции, теперь он был настолько умиротворен, что с нетерпением ждал любых предложений о мире; флорентийцам было дано понять, что, если они согласятся просить у папы прощения, то обязательно его получат. Считая целесообразным воспользоваться этой возможностью, они отправили двенадцать послов к понтифику, который по их прибытии под разными предлогами задержал их, прежде чем принять их на аудиенции. Однако в конце концов были согласованы условия и то, что каждая сторона должна была вносить в мирное или военное время.

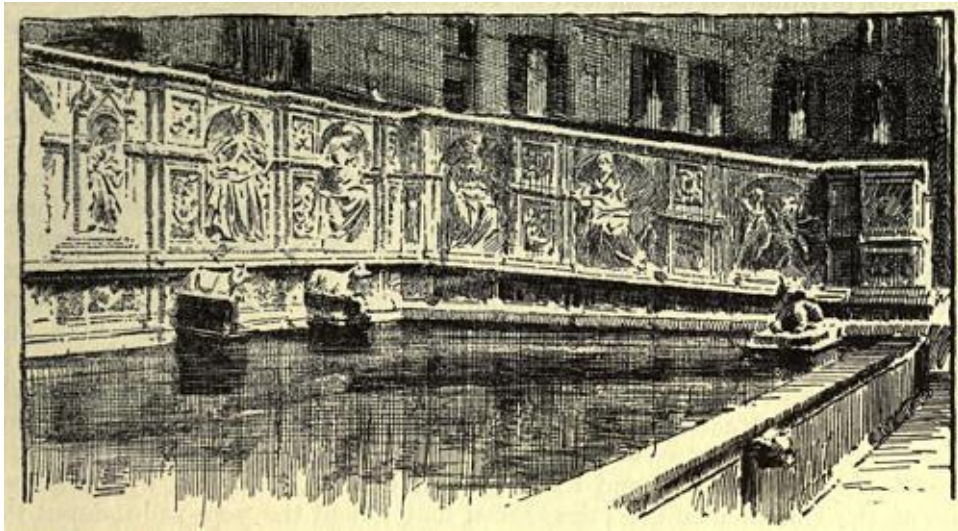
Затем посланцы были допущены к ногам понтифика, который с величайшей помпой принял их в окружении своих кардиналов. Они извинились за прошлые события, сначала показав, что были вынуждены необходимостью, затем обвинив злобу других или ярость народа и их справедливое возмущение, и подробно рассказав о несчастном положении тех, кто вынужден либо сражаться, либо умирать; говоря, что, поскольку любая крайность терпима, чтобы избежать смерти, они перенесли войну, запреты и другие неудобства, вызванные недавними событиями, чтобы их республика могла избежать рабства, которое является смертью свободных городов. Однако, если в своей нужде они совершили какое-либо преступление, они желали искупить его и надеялись на его милосердие, который, следуя примеру благословенного Искупителя, примет их в свои сострадательные объятия.

Ответ папы был возмущенным и высокомерным. Повторив все преступления против церкви, совершенные в ходе недавних событий, он сказал, что, чтобы соблюсти заповеди Божьи, он дарует им прощение, о котором они просят, но даст им понять, что их долг — повиноваться, и что при следующем случае неповиновения они неизбежно лишатся свободы, которую только что едва не потеряли; поскольку свободу заслуживают те, кто занимается добрыми делами и избегает зла; что свобода, используемая ненадлежащим образом, наносит вред себе и другим; что пренебрежительное отношение к Богу и еще большее пренебрежительное отношение к его церкви не является уделом свободного человека, а глупца, склонного к злу, а не к добру, и исправление которого является долгом не только князей, но и каждого христианина. Таким образом, в отношении недавних событий виноваты только они сами, которые своими злыми делами вызвали войну и разжигали ее еще более злыми действиями, а закончилась она скорее благодаря доброте других, чем каким-либо их собственным заслугам. Затем была зачитана формула

соглашения и благословения; и в дополнение к тому, что уже было рассмотрено и согласовано между сторонами, папа сказал, что, если флорентийцы желают воспользоваться плодами его прощения, они должны содержать за свой счет пятнадцать галер, вооруженных и оснащенных, до тех пор, пока турки будут вести войну против королевства Неаполь. Послы сильно жаловались на эту нагрузку в дополнение к уже достигнутой договоренности, но не смогли добиться никакого облегчения. Однако после их возвращения во Флоренцию сеньория направила в качестве посла к папе Гидо Антонио Веспуччи, который недавно вернулся из Франции и который благодаря своей благоразумности привел все к мирному завершению и добился от понтифика многих милостей, которые считались предзнаменованием более тесного примирения.

Уладив свои дела с папой, освободив Сиену и избавившись от страха перед королем благодаря отъезду герцога Калабрийского из Тосканы, а также учитывая продолжающуюся войну с турками, флорентийцы настоятельно требовали от короля вернуть им крепости, которые герцог Калабрийский, покидая страну, оставил в руках сиенцев. Фердинанд, опасаясь, что в случае отказа они выйдут из союза с ним и новыми войнами с сиенцами лишат его помощи, которую он надеялся получить от папы и других итальянских держав, согласился на их возвращение и новыми милостями пытался привязать флорентийцев к своим интересам.

После возвращения замков и заключения нового союза Лоренцо Медичи восстановил репутацию, которую сначала война, а затем мир, когда намерения короля были сомнительными, лишили его; ведь в этот период не было недостатка в тех, кто открыто клеветал на него, обвиняя в том, что он продал свою страну, чтобы спасти себя, и говорил, что в войне они потеряли свои территории, а в мире — свою свободу. Но после того как крепости были возвращены, с королем был заключен почетный договор, а город восстановил свое прежнее влияние, настроения в общественных дискуссиях во Флоренции, городе, очень склонном к сплетням и где действия судят скорее по их успеху, чем по умным решениям, которые привели к ним, полностью изменились. Поэтому граждане чрезмерно хвалили Лоренцо, заявляя, что благодаря его благоразумию он вернул в мирное время то, что неблагоприятные обстоятельства отняли у них в военное время, и что благодаря его рассудительности и мудрости он сделал больше, чем враг со всей мощью своего оружия.

ФОНТА ГАЦЦА, СИЕНА

Дальнейшие папские войны

[1480-1481 гг. н.э.]

Вторжение турок отсрочило войну, которая была на грани развязывания из-за гнева папы и венецианцев по поводу мира между флорентийцами и королем. Но так же неожиданным и благоприятным было начало этого вторжения, так же неожиданным и пагубным было его завершение: Мухаммед внезапно скончался, и между его сыновьями возникли разногласия; войска, находившиеся в Апулии, брошенные своим командиром, сдали Отранто королю. Таким образом, опасения, сдерживавшие папу и венецианцев, исчезли, и все стали бояться новых бедствий. С одной стороны стояли папа и венецианцы, а с ними генуэзцы, сиенцы и другие мелкие державы; с другой — флорентийцы, король и герцог, с которыми были болонцы и многие князья. Венецианцы хотели стать господами Феррары и считали, что обстоятельства оправдывают их попытку и надежду на благоприятный исход. Их разногласия возникли следующим образом: маркиз Феррары утверждал, что не обязан принимать соль от венецианцев или допускать их губернатора, поскольку условия соглашения между ними гласили, что по истечении семидесяти лет город должен быть освобожден от обоих обязательств. Венецианцы ответили, что, пока он владеет Полезине, он обязан принимать их соль и их губернатора (). Маркиз отказался дать свое согласие, и венецианцы сочли себя вправе взяться за оружие, посчитав, что наступил подходящий момент, поскольку папа был возмущен поведением флорентийцев и короля и чтобы еще больше привязать папу, граф Джироламо, который тогда находился в Венеции, был принят со всем возможным уважением, сначала получил привилегии гражданина, а затем был возведен в ранг сенатора — высшее звание, которое может присвоить венецианский сенат. Чтобы подготовиться к войне, они ввели новые налоги и назначили командующим войсками Роберто да Сан Северино, который, обидевшись на Лодовико, губернатора Милана, бежал в Тортону, откуда, вызвав некоторые беспорядки, отправился в Геную, и, находясь там, был вызван венецианцами и поставлен во главе их войск.

[1481-1482 гг. н.э.]

Эти обстоятельства, ставшие известны противоположной лиге, побудили ее также подготовиться к войне. Герцог Милана назначил своим генералом Федерико д'Урбино;

флорентийцы наняли Костанцо, лорда Пезаро; а чтобы выяснить настроения папы и узнать, с его согласия вступают ли венецианцы в войну с Феррарой, король Фердинанд послал Альфонсо, герцога Калабрии, со своей армией через Тронто и попросил у понтифика разрешения пройти в Ломбардию, чтобы помочь маркизу, но получил самым категорическим образом отказ. Флорентийцы и король, больше не сомневаясь в намерениях папы, решили преследовать его и таким образом либо заставить его принять их сторону, либо создать ему такие препятствия, которые помешали бы ему помочь венецианцам, которые уже вышли в поле, напали на маркиза, захватили его территории и разбили лагерь перед Фигаруоло, крепостью первостепенной важности. В соответствии с планом флорентийцев и короля герцог Калабрийский при содействии семьи Колонна (Орсини присоединились к папе) разграбил окрестности Рима и совершил большие разрушения, а флорентийцы под командованием Никколо Вителли осадили и взяли Читта-ди-Кастелло, изгнав Лоренцо Вителли, который удерживал его для папы, и поставив Никколо князем.

Папа оказался в очень затруднительном положении, поскольку город Рим был раздираем междоусобицами, а страна была окружена врагами. Но, проявив мужество и решительность, он назначил Роберто да Римини командующим своими войсками; призвав его в Рим, где были собраны его войска, он сказал ему, какая большая честь будет для него, если он сможет избавить церковь от войск короля и бедствий, в которые она была вовлечена; как сильно будут ему благодарны не только он сам, но и все его преемники, и что не только человечество, но и сам Бог будут ему обязаны. Великолепный Роберто, рассмотрев уже подготовленные войска и приготовления, посоветовал папе собрать как можно больше пехоты, что и было сделано без промедления. Герцог Калабрии был неподалеку и постоянно терроризировал страну вплоть до самых ворот Рима, что так возмутило горожан, что многие предложили свою помощь Роберто, и все были с благодарностью приняты. Герцог, узнав об этих приготовлениях, отступил на небольшое расстояние от города, полагая, что, увидев его уход, великолепный Роберто не станет преследовать его, а также в ожидании своего брата Федериги, которого их отец послал к нему с дополнительными силами. Но Роберто, обнаружив, что он почти равен герцогу по количеству кавалерии и превосходит его по пехоте, смело вышел из Рима и занял позицию в двух милях от врага. Герцог, увидев, что противники приближаются, понял, что ему придется либо сражаться, либо позорно отступить. Чтобы избежать отступления, недостойного сына короля, он решил встретить врага лицом к лицу, и началась битва, которая продолжалась с утра до полудня. В этом сражении обе стороны проявили большее мужество, чем в любом другом за последние пятьдесят лет, и на поле боя осталось более тысячи убитых.

[1482-1483 гг. н.э.]

В конце концов войска церкви одержали победу, поскольку ее многочисленная пехота настолько измотала герцогскую кавалерию, что та была вынуждена отступить, а сам Альфонсо попал бы в руки врага, если бы его не спас отряд турок, которые оставались в Отранто и в то время служили у него. После этой победы лорд Римини триумфально вернулся в Рим, но не долго наслаждался плодами своего мужества, поскольку, выпив в разгар сражения большое количество воды, он заболел поносом, от которого вскоре скончался. Папа устроил ему пышные похороны и через несколько дней послал графа Джироламо в Читта-ди-Кастелло, чтобы вернуть его Лоренцо, а также попытаться завоевать Римини, которое после смерти Роберто осталось на попечении его вдовы и сына, который был еще совсем мальчиком, и Его Святейшество считал, что его можно легко завоевать; и это, безусловно, произошло бы, если бы даму не защищали флорентийцы, которые так эффективно противостояли ему, что помешали ему добиться успеха как в Кастелло, так и в Римини.

В то время как все это происходило в Риме и Романье, венецианцы захватили Фигаруоло и переправились через По со своими войсками. Лагерь герцога Миланского и маркиза был в беспорядке, поскольку граф Урбино, заболевший, был отправлен в Болонью для лечения, но умер. Таким образом, дела маркиза складывались неудачно, в то время как дела венецианцев все больше вселяли в них надежду на захват Феррары. Флорентийцы и король Неаполя приложили все усилия, чтобы склонить папу к своим взглядам; не добившись успеха силой, они угрожали ему собором, который уже был созван императором в Базеле; и с помощью имперских послов и сотрудничества ведущих кардиналов, которые стремились к миру, папа был вынужден обратить свое внимание на умиротворение Италии. С этой целью, под влиянием своих опасений и убежденный в том, что усиление Венеции приведет к гибели церкви и Италии, он попытался заключить мир с лигой и послал своих нунциев в Неаполь, где был заключен пятилетний договор между папой, королем, герцогом Милана и флорентийцами с возможностью присоединения к ним венецианцев, если они сочтут это целесообразным. Когда это было сделано, папа дал понять венецианцам, что они должны отказаться от войны против Феррары. Они отказались подчиниться и приготовились продолжать свои действия с еще большей энергией, чем до сих пор; разгромив войска герцога и маркиза в Ардженте, они подошли к Ферраре настолько близко, что разбили свои палатки в парке маркиза.

Лига поняла, что больше нельзя откладывать оказание ему эффективной помощи, и приказала герцогу Калабрии выступить на Феррару со своими войсками и войсками папы, а флорентийские войска также двинулись в том же направлении. Чтобы более эффективно руководить военными операциями, лига созвала сейм в Кремоне, на котором присутствовали легат папы, граф Джироламо, герцог Калабрийский, сеньор Лодовико Сфорца, Лоренцо де Медичи и многие другие итальянские князья. и когда меры, которые следовало принять, были полностью обсуждены, решив, что лучший способ освободить Феррару — это разделить силы врага, лига пожелала, чтобы Лодовико атаковал венецианцев со стороны Милана, но тот отказался, опасаясь развязать войну на территории герцога, которую было бы трудно подавить. Поэтому было решено продвигаться объединенными силами лиги к Ферраре, и, собрав четыре тысячи всадников и восемь тысяч пехотинцев, они отправились в погоню за венецианцами, чьи силы насчитывали две тысячи двести вооруженных людей и шесть тысяч пехотинцев. Сначала они атаковали венецианскую флотилию, стоявшую на реке По, разгромили ее, потеряв более двухсот кораблей, и взяли в плен Антонио Джастиниано, снабженца флота. Венецианцы, обнаружив, что вся Италия объединилась против них, попытались поддержать свою репутацию, наняв на свою службу герцога Лотарингии, который присоединился к ним с двумястами воинами; и, понеся столь большие потери в своем флоте, они послали его с частью своей армии, чтобы сдерживать врагов, а Роберто да Сан-Северино — переправиться через Адду с остатками войска и продвинуться к Милану, где они должны были поднять лозунг «Герцог и леди Бона!» — его мать; надеясь таким образом придать новый оборот делам в этой области, полагая, что Лодовико и его правительство были в целом непопулярны.

ФЛОРЕНТИЕЦ, XV ВЕК

[1483-1484 гг. н. э.]

Это нападение сначала вызвало большую панику и подняло граждан на оружие, но в конечном итоге привело к последствиям, неблагоприятным для планов венецианцев, поскольку Лодовико теперь желал предпринять то, от чего он отказался по просьбе своих союзников. Оставив маркиза Феррары защищать свои территории, он с четырьмя тысячами всадников и двумя тысячами пехотинцев, к которым присоединился герцог Калабрии с двенадцатью тысячами всадников и пятью тысячами пехотинцев, вторгся на территорию Бергамо, затем Брешии, а затем Вероны и, бросая вызов венецианцам, разграбил всю страну; Роберто и его войска с большим трудом смогли спасти сами города. Тем временем маркиз Феррары отвоевал большую часть своих территорий, поскольку герцог Лотарингии, который напал на него, имея в своем распоряжении только две тысячи всадников и тысячу пехотинцев, не смог противостоять ему. Таким образом, в течение всего 1483 года дела лиги шли благополучно.

Зима прошла спокойно, и армии снова вышли на поле боя. Чтобы произвести на врага большее впечатление, лига объединила все свои силы и легко лишила бы венецианцев всего, что они имели в Ломбардии, если бы война велась так же, как и в предыдущем году; ведь с уходом герцога Лотарингии, срок службы которого истек, их силы сократились до шести тысяч всадников и пяти тысяч пехотинцев, в то время как союзники располагали тринадцатью тысячами всадников и пятью тысячами пехотинцев. Но, как это часто бывает, когда несколько лиц, обладающих равной властью, объединяются в командовании, их отсутствие единства решило победу в пользу их врагов. Федерико, маркиз Мантуи, чье влияние сдерживало герцога Калабрии и Лодовико Сфорцу, умер, и между ними возникли разногласия, которые вскоре переросли в ревность. Джованни Галеаццо, герцог Милана, достиг возраста, когда он мог взять на себя управление государством, и женился на дочери герцога Калабрии, который хотел, чтобы его зять осуществлял управление, а не Лодовико;

последний, зная о замысле герцога, старался помешать ему осуществить его. Венецианцы, зная о позиции Лодовико, решили, что могут использовать ее в своих интересах, и надеялись, как и раньше, мирным путем вернуть все, что потеряли в войне; они тайно заключили договор с Лодовико, условия которого были согласованы в августе 1484 года.

Когда об этом стало известно остальным союзникам, они были очень недовольны, главным образом потому, что обнаружили, что места, отвоеванные у венецианцев, должны быть возвращены; что им разрешалось сохранить Ровиго и Полезине, которые они отняли у маркиза Феррары, и кроме того, сохранить все превосходство и власть над самой Феррарой, которыми они обладали ранее. Таким образом, всем было очевидно, что они участвовали в войне, которая стоила огромных сумм денег, в ходе которой они завоевали честь, а закончилась она позором, поскольку места, отнятые у врага, были возвращены, а они сами не смогли вернуть те, которые потеряли. Однако они были вынуждены ратифицировать договор из-за неудовлетворительного состояния своих финансов и потому, что ошибки и амбиции других заставили их не желать подвергать свою судьбу дальнейшим испытаниям.

Флорентийцы, после умиротворения Ломбардии, не могли оставаться в покое; ведь казалось постыдным, что частный дворянин лишил их крепости Сарцана; и поскольку условия мира позволяли не только требовать возвращения утраченных мест, но и вести войну против любого, кто препятствовал их восстановлению, они немедленно собрали людей и деньги, чтобы приступить к ее возвращению. Тогда Агостино Фрегозо, захвативший Сарцану, не имея возможности ее защищать, передал крепость банку Святого Георгия, который с готовностью принял ее, взял на себя ее защиту, вывел флот в море и направил войска в Пьетрасанта, чтобы предотвратить любые попытки флорентийцев, чей лагерь находился в непосредственной близости. Флорентийцы поняли, что им необходимо захватить Пьетрасанта, поскольку без него захват Сарцаны терял большую часть своей ценности, так как он находился между этим городом и Пизой; но в соответствии с договором они не могли осаждать его, если только жители Пьетрасанта или его гарнизон не помешали бы им захватить Сарцану. Чтобы побудить врага к этому, флорентийцы отправили из Пизы в лагерь большое количество провианта и военных припасов в сопровождении очень слабой охраны, чтобы жители Пьетрасанта не имели повода для опасений и были соблазнены богатством добычи на нападение. План удался в соответствии с их ожиданиями, поскольку жители Пьетрасанта, привлеченные богатой добычей, захватили ее.

Это дало флорентийцам законный повод для начала военных действий против них; поэтому, покинув Сарцану, они разбили лагерь перед Пьетрасанта, который был очень густонаселенным и оказывал доблестное сопротивление. Флорентийцы установили свою артиллерию на равнине и соорудили вал на холме, чтобы иметь возможность атаковать город и с этой стороны. Комиссаром армии был Якопо Гуиччардини; пока шла осада Пьетрасанта, генуэзцы захватили и сожгли крепость Вада, высадили свои войска и разграбили окрестные земли. Бонджанни Джанфилляцци был отправлен против них с отрядом конницы и пехоты и сдержал их дерзость, так что они продолжили свои грабежи менее смело. Флот, продолжая свои усилия, направился в Ливорно и с помощью понтонов и других средств приблизился к новой башне, обстреливая ее из артиллерии в течение нескольких дней, но, не сумев произвести никакого впечатления, отступил.

[1485-1486 гг. н. э.]

Тем временем флорентийцы медленно продвигались на Пьетрасанта, и враг, ободренный успехом, атаковал и захватил их укрепления на холме. Это было сделано с такой славой и вызвало такую панику среди флорентийцев, что они были почти готовы снять осаду и

фактически отступили на расстояние четырех миль; их генералы полагали, что они отступят в зимние квартиры, поскольку был уже октябрь, и не будут предпринимать дальнейших попыток до возвращения весны.

Когда об этом поражении стало известно во Флоренции, правительство было охвачено возмущением; и, чтобы придать новому предприятию свежую энергию и восстановить репутацию своих войск, оно немедленно назначило комиссарами Гуидо Антонио Веспуччи и Бернардо дель Нери, которые с огромными суммами денег отправились к армии и дали понять, что синьория и весь город будут крайне недовольны, если они не вернутся к стенам; и каким позором будет, если такая большая армия и столько генералов, имея дело только с небольшим гарнизоном, не смогут завоевать столь бедное и слабое место. Они объяснили немедленные и будущие преимущества, которые принесет это завоевание, и высказались на эту тему так убедительно, что все стали стремиться возобновить атаку. Они решили, в первую очередь, отвоевать вал на холме; и здесь стало очевидно, насколько сильно человечность, приветливость и снисходительность влияют на умы солдат; ведь Гуид Антонио Веспуччи, ободряя одного и обещая другому, пожимая руку тому и обнимая этого, побудил их к атаке с такой стремительностью, что они в мгновение ока овладели валом. Однако победа не обошлась без несчастия, поскольку граф Антонио да Марчиано был убит пушечным ядром. Этот успех наполнил горожан таким ужасом, что они начали предлагать условия капитуляции; и чтобы придать сдаче торжественность, Лоренцо де Медичи прибыл в лагерь, и через несколько дней крепость была сдана. Поскольку наступила зима, руководители экспедиции сочли нецелесообразным предпринимать какие-либо дальнейшие действия до наступления весны, тем более что осенний воздух был настолько нездоровым, что многие пострадали от него. Гуид Антонио Веспуччи и Бонгианни Джанфильяцци заболели и умерли, к большому сожалению всех, так как поведение Антонио в Пьетрасанте сделало его очень любимым в армии.

После взятия Пьетрасанта луккчане послали послов во Флоренцию, чтобы потребовать ее сдачи их республике, поскольку ранее она принадлежала им и, как они утверждали, согласно условиям, места, взятые любой из сторон, должны были быть возвращены их первоначальным владельцам. Флорентийцы не отрицали эти статьи, но ответили, что не знают, будет ли она сдана или нет в соответствии с договором между ними и генуэзцами, который тогда обсуждался, и поэтому не могут ответить на этот вопрос в настоящее время; но в случае его возвращения луккчанам сначала необходимо будет возместить им понесенные расходы и ущерб, причиненный гибелью стольких граждан; и только когда это будет удовлетворительно урегулировано, они смогут надеяться на получение этого места. Вся зима прошла в переговорах между флорентийцами и генуэзцами, которые по вмешательству папы велись в Риме; но поскольку они не были завершены к весне, флорентийцы напали бы на Сарцану, если бы их не остановили болезнь Лоренцо де Медичи и война между папой и королем Фердинандом; ведь Лоренцо страдал не только от подагры, которая, по-видимому, была наследственной в его семье, но и от сильных болей в желудке, и был вынужден отправиться в бани для облегчения состояния.

Более важной причиной была война, которая стала следствием следующего события. Город Аквила, хотя и подчинялся королевству Неаполь, был в некотором роде свободным, и граф Энрико ди Монторио () обладал большим влиянием над ним. Герцог Калабрии находился на берегу Тронто со своими воинами под предлогом умиротворения некоторых беспорядков среди крестьянства, но на самом деле с целью полностью подчинить Авилу власти короля, и послал за графом ди Монторио, якобы для того, чтобы проконсультироваться с ним по поводу дела, которым он якобы занимался в тот момент.

Граф, не подозревая ничего, подчинился и по прибытии был взят в плен герцогом и отправлен в Неаполь. Когда об этом стало известно в Аквиле, гнев жителей достиг высшей степени; они взяли в руки оружие и убили Антонио Ченчинелло, комиссара короля, а вместе с ним и некоторых жителей, известных сторонников его величества. Аквиланы, чтобы иметь защитника в своем восстании, подняли знамя церкви и послали послов к папе, чтобы подчинить ему свой город и себя, умоляя его защитить их как своих подданных от тирании короля. Понтифик с радостью взялся за их защиту, поскольку у него были как публичные, так и личные причины ненавидеть этого монарха; а синьор Роберто да Сан-Северино, враг герцога Миланского, будучи свободным от обязательств, был назначен командующим его войсками и срочно вызван в Рим. Он убедил друзей и родственников графа ди Монторио отказаться от верности королю и побудил князей Альтимур, Салерно и Бизиньяно взять в руки оружие против него. Король, оказавшись так внезапно вовлеченным в войну, обратился за помощью к флорентийцам и герцогу Милана. Флорентийцы колебались в отношении своего поведения, поскольку понимали все неудобства, связанные с пренебрежением своими делами ради дел других, а вражда с церковью, по всей видимости, была сопряжена с большим риском. Однако, будучи связанными обязательствами союза, они предпочли честь удобству и безопасности, наняли Орсини и отправили все свои войска под командованием графа ди Питильяно в Рим на помощь королю. Последний разделил свои войска на две части: одну, под командованием герцога Калабрийского, он послал в Рим, где она, присоединившись к флорентийцам, противостояла армии церкви; другой, под своим собственным командованием, он атаковал баронов, и война продолжалась с переменным успехом для обеих сторон. Наконец, король одержал всеобщую победу, и в августе 1486 года при посредничестве послов короля Испании был заключен мир, на который согласился папа, поскольку, столкнувшись с неудачей, он не был склонен испытывать судьбу дальше. В этом договоре были объединены все силы Италии, за исключением генуэзцев, которые были исключены как мятежники против Миланской республики и несправедливые оккупанты территорий, принадлежащих флорентийцам. После ратификации мира Роберто да Сан-Северино, который во время войны был вероломным союзником церкви и никоим образом не представлял угрозы для ее врагов, покинул Рим; преследуемый войсками герцога и флорентийцев, он, пройдя Чезена, обнаружил, что они находятся рядом с ним, и, ускорив бегство, достиг Равенны с менее чем сотней всадников. Часть его войск была принята на службу герцогу, а часть была разграблена крестьянами. Король, примирившись со своими баронами, казнил Якопо Копполу и Антонелло д'Аверса и их сыновей за то, что они во время войны предали его секреты папе.

Папа, наблюдая в ходе войны, как быстро и искренне флорентийцы придерживались своих союзов, хотя ранее он был против них из-за своей привязанности к генуэзцам и помощи, которую они оказали королю, теперь проявил более дружественное расположение и принял их послов с большей благосклонностью, чем раньше. Лоренцо де Медичи, узнав об этом изменении настроения, с величайшей заботой поощрял его, поскольку считал, что будет очень выгодно, если к дружбе с королем он сможет добавить дружбу с понтификом.

У папы был сын по имени Франческо, которому он намеревался передать владения и привлечь друзей, которые могли бы быть ему полезны после его смерти. Он не видел в Италии более надежного союза, чем союз с Лоренцо, и поэтому убедил последнего отдать ему в замужество одну из своих дочерей (). Заключив этот союз, папа пожелал, чтобы генуэзцы уступили Сарцану флорентийцам, настаивая на том, что они не имеют права удерживать то, что продал Агостино, и что Агостино не имел права передавать банку Святого Георгия то, что ему не принадлежало. Однако его святейшество не добился от них успеха, поскольку генуэзцы во время этих переговоров в Риме вооружили несколько кораблей и, без ведома флорентийцев, высадили три тысячи пехотинцев, атаковали

Сарцанелло, расположенный над Сарцаной, разграбили и сожгли город рядом с ним, а затем, направив свою артиллерию на крепость, обстреляли ее с максимальной энергией. Это нападение было новым и неожиданным для флорентийцев, которые немедленно собрали свои войска под командованием Вирджинио Орсини в Пизе и пожаловались папе, что, пока он пытался установить мир, генуэзцы возобновили нападения на них. Затем они послали Пьеро Корсини в Лукку, чтобы своим присутствием он мог удержать город в верности, а Паголантонио Содерини — в Венецию, чтобы узнать, как настроена эта республика. Они запросили помощь у короля и синьора Лодовико, но не получили ее ни от одного, ни от другого: король выразил опасения по поводу турецкого флота, а Лодовико придумал оправдания, но не послал помощь. Таким образом, флорентийцы в своих войнах почти всегда были вынуждены действовать в одиночку и не находили друзей, готовых помочь им с той же готовностью, с которой они помогали другим. Однако они не поддались унынию из-за этого отступничества союзников (что для них не было новостью), поскольку, собрав большую армию под командованием Якопо Гуиччардини и Пьеро Веттори, они направили ее против врага, который расположился лагерем на реке Магра, одновременно атакуя Сарцанелло с помощью мин и всех видов нападений. Комиссары были полны решимости освободить город, и произошло сражение, в котором генуэзцы были разгромлены, а Лодовико де Фиески и несколько других важных лиц были взяты в плен. Жители Сарцанелло не были настолько подавлены поражением, чтобы сдаться, и упорно готовились к обороне, в то время как флорентийские комиссары продолжали свои операции, и с обеих сторон были проявлены примеры доблести.

Осада затянулась из-за различных обстоятельств, и Лоренцо де Медичи решил отправиться в лагерь. По его прибытии войска обрели новую храбрость, в то время как враг, казалось, терял мужество. Увидев упорство флорентийцев и задержку генуэзцев с приходом на помощь, они сдались Лоренцо без каких-либо условий, и никто не был подвергнут суровому наказанию, за исключением двух или трех лидеров восстания. Во время осады Лодовико послал войска в Понтremoли, как будто с намерением помочь флорентийцам, но, имея тайную переписку в Генуе, там была создана партия, которая отдала город Милану.¹

ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ЛОРЕНЦО

[1486-1491 гг.]

С этого периода до смерти Лоренцо Италия оставалась в мире, и во Флоренции не происходило ничего значительного. Власть Лоренцо усиливалась с каждым днем и, подобно глубокому и быстрому потоку, казалась чистой, гладкой и красивой, пока не сталкивалась с каким-либо препятствием; тогда ее сила нарастала и с огромной мощью сметала все на своем пути. Его сила и объем ощущались не только во Флоренции; истинной целью и интересом Лоренцо, как и Фердинанда, был мир, и они держали баланс в своих руках; беспокойный характер Альфонсо был сомнительным и опасным, но Лоренцо управлял неугасаемой энергией могущественной республики с решимостью и единством абсолютного монарха и не позволял сеять семена раздора, не пытаясь их немедленно уничтожить; он влиял на все меньшие государства, и огромный вес Флоренции, склонившийся на сторону того или иного из крупных государств, никогда не оставался без последствий. Например, в этом году между Лодовико Сфорца и Альфонсо Калабрийским возникли споры по поводу того, что первый фактически узурпировал всю суверенную власть в Милане () у своего племянника; и эти споры Лоренцо урегулировал, как и большинство других, частично путем убеждения, частично путем угроз встать на сторону потерпевшей стороны, поскольку он был твердо убежден, что ничто не будет более опасным для его собственной власти, чем увеличение власти любого из этих правителей. Таким

разумным управлением он поддерживал мир в Италии, хорошо зная, что никакие связи, будь то родственные, обязательства или личная привязанность, никогда не будут иметь такого благотворного влияния, как страх, который испытывают суверенные князья.

Если Космо купил свободу Флоренции, то Лоренцо получил обратно деньги с процентами, причем не только в виде власти, но и в виде золота и серебра: под командованием Пьеро Аламанни в июле и августе 1490 года его финансы пришли в такое плачевное состояние, что для их восстановления потребовалось новое выделение государственных средств, а в 1491 году были приняты другие мошеннические меры для восполнения дефицита. Его обширные коммерческие предприятия были вынужденно оставлены в руках агентов, которые, возгордившись важностью имени своего хозяина, растратили его состояние, пренебрегая его делами; с самого начала его кредит поддерживался случайными выделениями государственных денег в больших суммах; но теперь зло усугубилось настолько, что для его устранения потребовались решительные меры со стороны республики, а именно не что иное, как государственное банкротство! 13 августа 1490 года была создана балия из семнадцати членов, наделенная полными полномочиями всего флорентийского народа, для изучения состояния монетного дела, различных *габелей* и государственных финансов в связи с частными потребностями Лоренцо; а также для установления суммы, потраченной на назначение его сына кардиналом, которая с последующими пожертвованиями составила 50 000 флоринов. Беспорядок как в государственных доходах, так и в частных ресурсах Медичи был крайним, причем первые были даже заранее потрачены из-за расточительности его самого и его агентов: первыми и самыми большими пострадавшими стали доли молодых женщин, уже упомянутые как составляющие государственный запас, основанный на национальной вере и моральной целостности; эта ветвь государственного долга, которая ранее приносила три процента годовых, была сразу же уменьшена по решению комиссии до половины этой ставки; мгновенное падение государственного кредита привело к падению *luoghi di monte*, или долей в 100 флоринов государственного фонда, с двадцати семи до одиннадцати с половиной! Молодым женщинам, которые выходили замуж, разрешалось использовать достаточную сумму из своих приданных для уплаты договорного сбора, который, конечно, немедленно возвращался в казну; остальная часть резервировалась, и в конце двадцати лет обещалась выплата в размере семи процентов!

Одним из последствий этого стало внезапное сокращение числа браков; и когда приданные были инвестированы в государственные ценные бумаги, приданные в размере 1500, 1800 и даже 2000 флоринов давались сторонами равного ранга, чтобы восполнить разницу между реальными и номинальными приданными, где ранее достаточно было 1100. В результате было заключено лишь несколько браков, за исключением тех, которые были заключены благодаря наличию наличных денег, и даже для них потребовалось разрешение Лоренцо!

«Теперь, — говорит Джованни Камби,¹ со всем возмущением, которое можно было ожидать от сына преследуемого Нери, — теперь пусть все подумают о том, что значит устанавливать тиранов в городе, создавать балиа и собирать парламенты». Девальвация валют Сиены, Лукки и Болоньи повлияла на валюту Флоренции, так что для удержания серебряной монеты в стране она была девальвирована аналогичным образом; эта мера была сочтена справедливой и необходимой в тот момент многими; но для успокоения народа, который первым и наиболее остро ощущал такие беды и который теперь справедливо начал роптать, она была объявлена как мера, позволяющая правительству выплатить те приданные, которые были приостановлены в предыдущем году. Народу, по-видимому, на время это устроило, поскольку он не сразу понял, что таким образом он оплачивает долги Лоренцо де Медичи; но когда эти новые деньги, называемые *quattrino bianco*, были выпущены по цене, на одну пятую превышающую их реальную стоимость (), и казначейство

не принимало их по цене, превышающей их фактическую стоимость, граждане ясно поняли, что их обманывают и что все виды налогов фактически увеличены на эту сумму, после чего в обществе раздался глубокий ропот возмущения. Их гнев был тщетен; частные нужды Лоренцо требовали жертв, и его власть заставила их пойти на это!

[1491-1492 гг. н.э.]

Когда Иннокентий VIII сделал сына Лоренцо, Джованни де Медичи, кардиналом, не достигшим еще четырнадцати лет, он, несколько стыдясь своего поступка, сопровождал эту честь условием, что шляпа не должна носить в течение трех лет. Это время прошло; Иннокентий послал долгожданный знак отличия и тем самым подготовил путь к понтификату, который поощрял итальянский гений и утверждал величие Медичи. Церемония надевания этой шапки была проведена с большой помпой 10 марта 1492 года, а 9 апреля следующего года Лоренцо скончался в Кареджи в возрасте сорока четырех лет.

Говорят, что на смертном одре Лоренцо послал за Джироламо Савонаролой (которого он всегда безуспешно пытался привлечь на свою сторону), чтобы тот исповедал его и дал ему отпущение грехов. Монах сначала спросил, верит ли он полностью в милосердие Божье, и получил утвердительный ответ. Затем он спросил, готов ли Лоренцо отказаться от всего богатства, которое он приобрел нечестным путем. И на этот вопрос, после некоторого колебания, также был дан утвердительный ответ. Третий вопрос был о том, готов ли он восстановить народное правление и вернуть общественную свободу, но на него он не ответил или, по словам других, дал решительный отрицательный ответ, после чего бескомпромиссный церковник покинул его, не давая отпущения грехов. Подлинность этого анекдота ставится под сомнение, но он соответствует характеру обоих мужчин.¹

ОЦЕНКА ЛОРЕНЦО

Лоренцо де Медичи ушел из жизни в возрасте сорока трех лет — короткой жизни, за которую он столько достиг, завоевав широкую и прочную славу. В характере этого замечательного человека, выдающегося представителя выдающейся эпохи, мы находим непреодолимый порыв творческой силы, соединенный с глубоким знанием этапов, сменяющих друг друга в развитии нового; мы находим в нем высочайшую степень восприимчивости в сочетании с серьезностью ученика и способностью к упорному труду; мы видим, как острое и радостное восприятие искусства идет рука об руку с практическим смыслом, необходимым для правильного ведения общественной жизни (); мы находим в нем, одним словом, все качества, которые делают его государственным деятелем, поэтом, гражданином и принцем.

Он не знал усталости, несмотря на многообразие государственных дел, которые ложились на его плечи как главы особого государства; с уверенным и быстрым взглядом он мог охватить всю массу дел, уделяя внимание мельчайшим деталям. В поздние годы он стал осторожным и осмотрительным, никогда не действуя без глубокого размышления, твердо держась цели, которую он поставил перед собой, сознавая, но не чрезмерно, достоинство своего положения и положения государства, которое он представлял. В домашней и семейной жизни он был веселым и общительным. Как муж он, правда, не был безупречен, но он был нежно привязан к жене, которую не выбирал сам, предан отличной матери, с которой у него было много общего, а для своих детей он всегда был щедрым кормильцем, мудрым советником и наставником. Он обладал способностью привлекать к себе людей самых разных характеров и был способен завязывать теплые и прочные дружеские отношения; несмотря на все государственные заботы, он никогда не был слишком занят,

чтобы оказать помощь другу, и был готов приложить все усилия как для низших, так и для высших слоев общества.

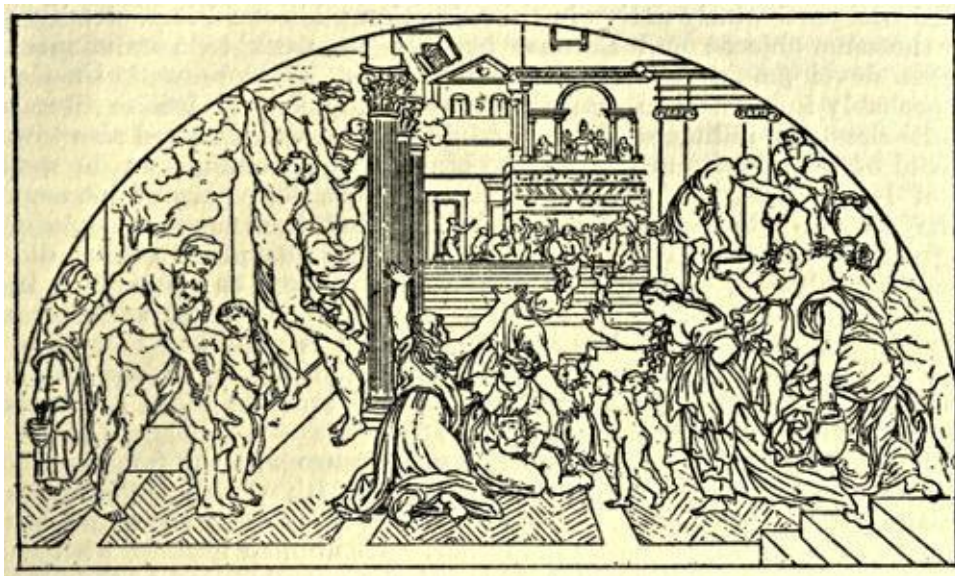
Однако нельзя отрицать, что он обладал некоторыми слабостями и недостатками своего времени, которые проявлялись главным образом в его политической деятельности, превосходившей по последовательности и честности целей деятельность большинства иностранных или итальянских государственных деятелей его эпохи. В частности, его внутренняя политика подвергалась резкой критике как за пересмотр конституции с целью усиления личной власти, так и за коррупционные методы, применявшиеся для получения бесспорного контроля над государственными фондами. Что касается последнего обвинения, то трудно представить, как в последующие годы — если бы Лоренцо прожил дольше — можно было бы избежать катастрофы, если бы только длительный мир не позволил бы сохранить идеальный баланс в государственных расходах. Что касается первого недостатка, то многие современники высказывали мнение, что неизменной и тайной целью Лоренцо было создание для себя княжества, для достижения которой он просто ждал благоприятного случая — например, назначения на должность гонфалоньера, когда он достигнет соответствующего возраста.

Когда все было взвешено и оценено, несомненно, самым большим злом в правлении Лоренцо Великолепного было именно это несоответствие между формой и фактом, это отклонение высшей власти от ее надлежащего центра. Личность стала самым мощным фактором во всех сферах управления — политической, финансовой, судебной. Тем не менее, если Флоренция была свободна от тех эксцессов, которые порочили все другие итальянские государства, если правление Лоренцо было мягким и безупречным по сравнению с правлением Космо, то это было не только благодаря продолжению мира, устойчивому положению страны и привычке народа подчиняться такому правлению, но и благодаря взглядам и способностям человека, стоящего во главе. Лоренцо де Медичи был полон решимости добиваться послушания, но он не был тираном: с одной стороны, он был слишком проникательным знатоком человеческой натуры и слишком хорошо разбирался в традициях своего народа; с другой стороны, он был слишком великодушным и богатым, слишком открытым и слишком нуждающимся в дружбе, чтобы впасть в крайности деспотизма. Прежде всего он был гражданином Флоренции, и если бы ему дали волю, он не позволил бы ничему во внешних обстоятельствах отличать его от остальных сограждан; но после заговора Пацци было сочтено необходимым, чтобы его повсюду сопровождала охрана, сначала состоявшая из четырех доверенных друзей, а позже из двенадцати оплачиваемых членов знати.

Что касается его произвольного управления государственными финансами, то мнения об этом разделились даже в его время. Некоторые утверждали, что если бы он не направил часть государственных средств на свои собственные цели, он бы разорился, а его разорение повлекло бы за собой разорение бесчисленного множества других людей. Все, что он взял с самого начала и до конца, как для сохранения своего кредита, так и для ведения расточительного образа жизни, было ничто по сравнению с потерями, которые некомпетентный правитель нанес бы государству; одно только необдуманное или несвоевременное государственное постановление обошлось бы казне дороже, чем все правление Лоренцо. Конечной целью всех Медичи, согласно общему мнению, была их собственная выгода или продвижение по службе, но они до конца оставались флорентийскими гражданами, и в большинстве случаев их интересы и интересы их города

были идентичны. Тем доброжелательным людям, которые вынесли этот приговор после смерти Лоренцо, был дан ответ, что целью Медичи было все же единоличное правление, потому что оно принимало форму демократии благодаря уничтожению влияния патрициев и возвышению представителей низших классов; что тонкая, хитрая тирания, подобная тирании Космо де Медичи, или смягченная щедростью и доброжелательностью, подобная тирании Лоренцо, была более опасна для народа, поскольку она прокладывала путь к более суровой форме.

В девятой главе своей *«Истории Флоренции»* Гуиччардини [4](#) дает мастерское резюме влияния Лоренцо де Медичи на город, который дал ему жизнь. «Флоренция, — говорит он, — не стала свободной при Лоренцо де Медичи, но он был лучшим правителем, которого только могла иметь город. Неисчислимо благо принесло ей проявление его доброжелательной натуры, в то время как зло, неотделимое от тирании в любой форме, было ограничено в своем действии — фактически, оно стало почти безвредным, когда вступила в силу его воля. Несомненно, многие радовались его смерти, но все, кто принимал участие в управлении, глубоко сожалели об этом, даже те, кто считал, что у них есть основания для жалоб на него, потому что никто не мог предсказать, к каким изменениям приведет смена правителей».[5](#)

ПАПА ЛЕВ IV АРЕСТОВЫВАЕТ ПОЖАР

(Рафаэль)

ГЛАВА XIII. АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО РЕНЕССАНСА

То, что мы называем, за неимением лучшего названия, Ренессансом, было периодом перехода от средневековья к первой фазе современной жизни. Это был шаг, который должны были сделать, в разное время и под разным влиянием, все народы европейского сообщества. В начале этого периода современные нации приобрели стабильность и неизменность своего типа. Взаимоотталкиваемые принципом национальности, который делал каждую из них отдельным организмом, они в то же время были притянуты и скреплены общей связью интеллектуальной деятельности и интересов. Создание этого международного сознания или духа, которое спустя четыре столетия позволяет нам рассматривать прошлую историю Европы как историю одной семьи и побуждает нас ожидать от будущего еще более тесного взаимодействия западных наций, в значительной мере можно отнести на счет эпохи Возрождения.^a

Теперь мы должны прервать рассказ о политическом развитии, чтобы бегло окинуть взором культуру эпохи Медичи и последующего поколения. С момента Петрарки наука развивалась довольно стабильно. «Даже в начале XV века, — пишет Роско,^b — появились ученые, которые были гораздо выше Петрарки и его соратников, как и монашеские компиляторы и схоластические диспутанты, которые непосредственно предшествовали им; а труды Леонардо Аретино, Джаноццо Манетти, Гуарино Веронезе и Поджио Браччолини подготовили почву для еще более правильных и классических произведений Политиано, Санназаро, Понтано и Аугурелли».

Теперь появился новый импульс благодаря прибытию многочисленных греческих ученых с Востока, и их пример привел к более философскому изучению классических языков. Создание публичных библиотек в Италии стало теперь важной чертой развития культуры. Космо де Медичи () был особенно активен в этом направлении; его сын Пьеро неуклонно преследовал ту же цель; а Лоренцо довел эту работу до кульминации, создав Лаурентийскую библиотеку. Интерес к классике, вероятно, повлиял на замедление развития итальянской литературы. Тем не менее, влияние Лоренцо де Медичи простиралось и на область творческой литературы, и он сам сыграл заметную роль в возрождении итальянской поэзии.^a Он пытался вернуть поэзию своей страны к тому состоянию, в котором ее оставил Петрарка, но этот человек, столь превосходный по величию своего характера и универсальности своего гения, не обладал таким же талантом к стихосложению, как Петрарка. В его любовных стихах, сонетах и канцонах мы находим меньше сладости и гармонии. Их поэтическая окраска менее яркая, и заметно, что они отличаются более грубым выражением, более близким к младенческому возрасту языка. С другой стороны, его идеи более естественны и часто сопровождаются большим очарованием воображения.

Самым талантливым литературным протеже Лоренцо был известный ученый Анджело Политиано. Политиано родился 24 июля 1454 года в Монте-Пульчано (Mons Politianus), замке, название которого он взял себе вместо фамилии Амброджини, носившейся его отцом. Он с энтузиазмом посвятил себя тем научным исследованиям, которые занимали умы в XV веке. Некоторые латинские и греческие эпиграммы, которые он написал в возрасте от тринадцати до семнадцати лет, удивили его учителей и товарищей по учебе. Но произведением, которое представило его Лоренцо де Медичи и оказало наибольшее влияние на его эпоху, было стихотворение о турнире, в котором победителем в 1468 году стал Джулиан де Медичи. С того времени Лоренцо принял Политиано в свой дворец, сделал его постоянным спутником в своих трудах и занятиях, обеспечил все его потребности и вскоре доверил ему воспитание своих детей. После этого приглашения Политиано посвятил себя более серьезным исследованиям платонической философии, античности и права, но его поэма в честь турнира Джулиана де Медичи остается памятником выдающегося вкуса XV века. Этот знаменитый фрагмент начинается как большое произведение, но, к сожалению, так и не был закончен.^c

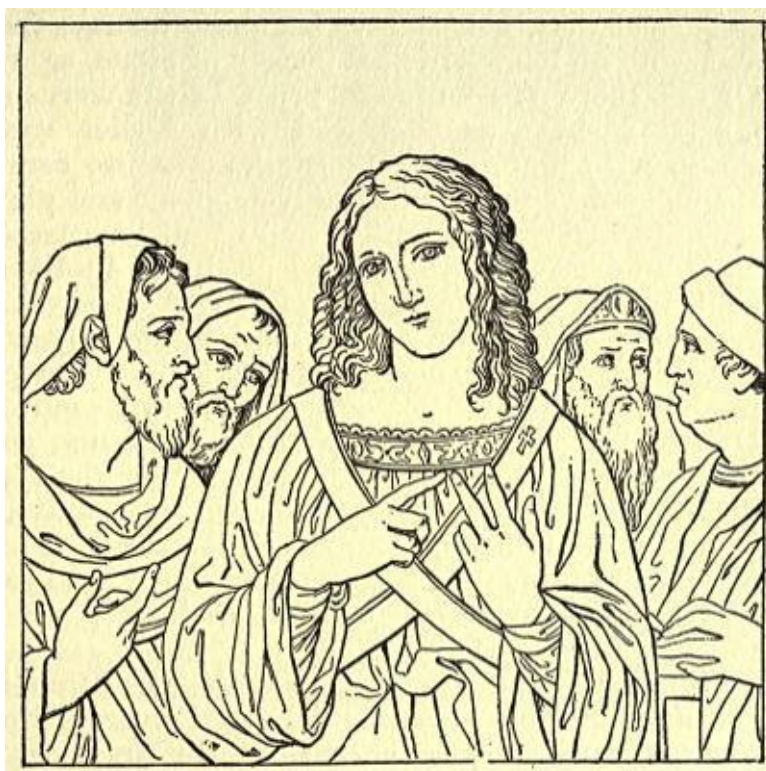
Нет необходимости упоминать других второстепенных поэтов той эпохи. Достаточно сказать, что в целом эпоху Медичи нельзя назвать временем действительно великого литературного расцвета. Она не дала миру ни Данте, ни Петрарку, ни Боккаччо. Но она стала свидетелем огромного прогресса в области общей культуры, отчасти благодаря изучению классиков, и подготовила почву для Ариосто и Тассо.

ИСКУССТВО XV ВЕКА

Настоящей славой того времени были достижения в области графического искусства. В этой области эпоха также была переходной, но переход в конце эпохи привел нас к невиданным ранее высотам. В начале XV века такие работы, как работы Джотто, представляли собой высший уровень достижений; до смерти Лоренцо де Медичи Леонардо да Винчи создал свой величайший шедевр. Другими словами, фундаментальные проблемы изобразительного искусства, которые не удалось решить в XIV веке, были решены благодаря исследованиям более позднего поколения. Законы перспективы были усовершенствованы Брунеллески и Мазаччо; анатомия была изучена как никогда ранее флорентийцами Гиберти и Донателло; и большое число серьезных исследователей, обратившихся, с одной стороны, к природе в качестве модели, а с другой — развивающих живописное чувство путем наблюдения в сочетании с размышлением, подготовили почву для окончательного осознания значения света и тени и правильного распределения частей композиции, которое достигло приблизительного совершенства в руках Леонардо.

Краткая, но всеобъемлющая оценка развития искусства первой половины XV века была оставлена нам Вазари, самим художником, современником Микеланджело. Рассматривая творчество своих предшественников с точки зрения окончательной кульминации XVI века — времени Микеланджело, — Вазари сочетает суждение достаточно проникательного критика с симпатиями соратника по учебе. Таким образом, его оценка имеет двойную ценность.^a

Оценка Вазари искусства XV века

(Леонардо да Винчи)

В этот период, по его словам, искусство во всех отношениях значительно улучшилось; композиции включают больше фигур; аксессуары и украшения стали богаче и обильнее; рисунок стал более точным и ближе к природе; и даже там, где не прослеживается большого мастерства или практики, работы все же свидетельствуют о глубокой мысли и тщательности; манера стала более свободной и изящной; цветовая гамма более яркая и приятная, так что теперь для достижения совершенства в верном подражании природе требуется совсем немного. Благодаря изучению и усердию великого Филиппо Брунеллески архитектура впервые восстановила меры и пропорции античности, как в круглых колоннах, так и в квадратных пилястрах, а также в рустированных и гладких углах. Было принято меры, чтобы все происходило по правилам, чтобы соблюдалась фиксированная компоновка и чтобы различные части работы получали свою должную меру и место. Рисунок приобрел силу и правильность, возводимые здания стали более изящными, и превосходство искусства проявилось во всей полноте: была восстановлена красота и разнообразие дизайна, необходимые для капителей и карнизов; и, хотя мы видим, что в этот период были прекрасно разработаны планы церквей и других зданий, мы также отмечаем, что сами сооружения имеют прекрасные пропорции, великолепно расположены и богато украшены, как можно видеть в том удивительном сооружении, куполе Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции, и в красоте и изяществе его фонаря; в изящной, богатой и разнообразно украшенной церкви Санто-Спирито; и в не менее красивом здании Сан-Лоренцо; или же в причудливом изобретении восьмиугольной церкви Ангиоли; в легкой и изящной церкви и монастыре, принадлежащих аббатству Флоренции; и в великолепном и величественном начале дворца Питти, не говоря уже об обширном и удобном здании, построенном Франческо ди Джорджио, в церкви и дворце Дуомо в Урбино; о крепком и богатом замке Неаполя; или о неприступной крепости Милана и многих других замечательных сооружениях того времени.

То, что здесь сказано об архитектуре, с равной степенью достоверности можно утверждать и о живописи, и о скульптуре, в которых до сих пор можно увидеть много выдающихся произведений, выполненных мастерами того периода, как, например, Мазаччо в церкви Кармине, где художник изобразил обнаженную фигуру, дрожащую от холода, а также много других оживленных и реалистичных образов на других картинах. Между тем искусство скульптуры достигло такого совершенства, что оставалось лишь немного для достижения. Метод, принятый мастерами того периода, был настолько эффективен, их обработка настолько естественна и изящна, их рисунок настолько точен, их пропорции настолько правильны, что их статуи начали приобретать вид живых людей и перестали быть безжизненными каменными изображениями, как в прежние времена. Доказательством этому служат работы сиенца Якопо делла Кверча, которые по сравнению с более ранними работами обладают большей жизненностью и изяществом, более правильным дизайном и более тщательной отделкой; работы Филиппо Брунеллески демонстрируют более тонкое развитие и игру мышц, более точные пропорции и более разумную обработку — замечания, которые в равной степени применимы к работам учеников этих мастеров. Еще большего достиг Лоренцо Гиберти в своей работе над воротами Сан-Джованни: плодотворность изобретения, разумная композиция, правильный дизайн и замечательная обработка — все это одинаково заметно в этих чудесных произведениях, фигуры которых кажутся движущимися и обладающими живой душой. Донато [Донателло] также жил в тот же период. Его произведения не уступают лучшим произведениям античности. Он является типичным представителем всех других мастеров того периода, поскольку в себе объединил

качества, которые были разделены между остальными и которые приходилось искать у многих, придавая своим фигурам жизнь, движение и реальность, что позволяет сравнивать их с фигурами более поздних времен — да, как уже было сказано, даже с самими древними.

Аналогичный прогресс был достигнут в то же время в живописи, которую превосходный и замечательный Мазаччо полностью освободил от манеры Джотто в том, что касается голов, кожи, драпировок, зданий и цветовой гаммы; он также восстановил практику сокращения, наряду с более естественными позами и гораздо более эффективным выражением чувств в жестах и движениях тела, искусство стремилось приблизиться к правде природы с помощью более правильного дизайна и продемонстрировать столь близкое сходство с лицом живого человека, что каждая фигура могла быть сразу распознана как человек, для которого она была предназначена. Таким образом, мастера постоянно стремились воспроизводить то, что они видели в природе, и не более того; в результате их работы стали более тщательно продуманными и лучше понятными. Это дало им смелость ввести правила перспективы и довести сокращение до такой степени, что оно точно имитирует рельеф, видимый в природе, и реальную форму. Внимание к эффектам света и тени, а также к различным сложностям искусства увенчалось успехом, и были предприняты усилия по созданию более совершенной композиции. Также были предприняты попытки изобразить пейзажи. Участки сельской местности, деревья, кустарники, цветы, облака, воздух и другие природные объекты были изображены с некоторым сходством с реальностью, в такой степени, что мы можем смело утверждать, что эти искусства не только возвысились, но и достигли того расцвета молодости, от которого впоследствии можно было разумно ожидать плодов, и появилась надежда, что вскоре они достигнут совершенства своего существования.^d

Мы не должны даже упоминать имена всех выдающихся художников, значительная часть которых были флорентийцами, процветавших во времена Мазаччо и в непосредственно следующем поколении, хотя в этот список входят такие имена, как Гирландайо, Филиппо Липпи, Филиппино Липпи, Перуджино и Боттичелли; последний из них, в частности, до сих пор вызывает восторг всех, кто любит духовность в искусстве; остальные известны и уважаемы всеми студентами-живописцами и бесчисленными толпами путешественников, которые ежегодно стекаются в церкви и галереи Италии, чтобы увидеть их работы. Однако мы должны на мгновение остановиться, чтобы рассмотреть творчество великого мастера, чьи достижения в некотором смысле затмили их усилия, — многогранного гения Леонардо да Винчи.

Леонардо да Винчи

Без сомнения, Леонардо был самым выдающимся интеллектуалом века; ^[20] более того, Хамертон назвал его ^e самым универсальным гением всех времен. Едва ли какой-либо другой интеллектуальный герой когда-либо завоевывал столь полное восхищение своих современников и безоговорочное одобрение потомков. Оценка Леонардо, данная Вазари, отражает современное мнение о нем.^a

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

(1452-1519)

Самые богатые дары, по его словам, иногда, как будто под влиянием небесных сил, изливаются на определенных людей — более того, иногда они сверхъестественным и чудесным образом сосредотачиваются в одном человеке; красота, грация и талант объединяются таким образом, что, чем бы ни занимался такой одаренный человек, каждое его действие настолько божественно, что оставляет всех других далеко позади и явно доказывает, что он был особо одарен рукой самого Бога, а не получил свое превосходство благодаря человеческому обучению или силе человека. Это было видно и признавалось всеми в случае Леонардо да Винчи, в котором, не говоря уже о его красоте, которая, однако, была такова, что ее никогда не хвалили достаточно, была невыразимая грация, которая проявлялась без раздумий и усилий в каждом его действии и поступке; и который, кроме того, обладал таким редким даром таланта и способностей, что, к какому бы предмету он ни обратил свое внимание, каким бы сложным он ни был, он вскоре становился его абсолютным мастером. В его случае необычайная сила сочеталась с замечательной легкостью, умом царственной смелости и великодушной отвагой; его дары были таковы, что слава его имени распространилась повсюду, и он пользовался высочайшим уважением не только в свое время, но и, в еще большей степени, после своей смерти — более того, это продолжается и будет продолжаться во все последующие века.^a

В настоящее время нас интересует главным образом Леонардо как художник, но невозможно не учитывать и другие стороны его многогранного гения. Халлам кратко резюмировал его положение как писателя и научного исследователя.^a

Поскольку Леонардо родился в 1452 году, говорит он, мы можем предположить, что его ум достиг полного расцвета до 1490 года. Его *«Трактат о живописи»* известен как одно из самых ранних исследований правил этого искусства. Но его величайшее литературное отличие проистекает из тех коротких фрагментов его неопубликованных сочинений, которые появились не так давно и которые, по крайней мере, согласно нашему общему

представлению о веке, в котором он жил, больше похожи на откровения физических истин, дарованных одному уму, чем на надстройку его рассуждений на какой-либо установленной основе. Открытия, которые сделали знаменитыми Галилео, Кеплера, Мэстлина, Мауроликуса, Кастелли и других, система Коперника, сами теории современных геологов, были предвосхищены Да Винчи на нескольких страницах, возможно, не самым точным языком и не самым убедительным рассуждением, но так, что поражают нас чем-то вроде благоговейного трепета перед сверхъестественным знанием.

В эпоху такого догматизма он первым сформулировал великий принцип Бэкона, согласно которому эксперимент и наблюдение должны быть руководством к правильной теории в исследовании природы. Если и можно усомниться не в праве Леонардо да Винчи считаться первым именем XV века, что не вызывает никаких сомнений, а в его оригинальности во многих открытиях, которые, вероятно, ни один человек, особенно в таких условиях, никогда не делал, то это должно быть на основе гипотезы, не очень неубедительной, что некоторые части физической науки уже достигли высоты, о которой просто книги не упоминают. Необычайные произведения церковной архитектуры в средние века, особенно в XV веке, а также работы Тосканелли и Фиораванти, о которых мы упоминали, в некоторой степени подтверждают это мнение; и, как говорят, оно подтверждается записями Фра Мауро, мирянина из монастыря недалеко от Венеции, на созданной им и сохранившейся до наших дней планисфере. Сам Леонардо в трактате, который, по-видимому, был написан около 1510 года, говорит о годовом движении Земли как о мнении многих философов его времени.^[1]

Среди почти бесчисленных обрывков рукописей, оставленных нам Леонардо, есть письмо, которое он адресовал Людовико Моро, герцогу Милана, в 1483 году. Оригинал этого письма сохранился в авторском написании и дает его собственную оценку своих достижений в возрасте тридцати одного года. Конечно, следует иметь в виду, что это письмо адресовано принцу, который, вероятно, ценил услуги практического инженера больше, чем услуги простого художника. Это, несомненно, частично объясняет второстепенное место, отведённое способностям Леонардо как скульптора и художника, которые, как будет видно, упоминаются только после десяти других спецификаций. Тем не менее, именно в Милане Леонардо создал своё величайшее произведение, знаменитую *«Тайную вечерю»*. Письмо гласит следующее:^а

Увидев и тщательно рассмотрев работы всех тех, кто считает себя мастерами и изобретателями военных инструментов, и обнаружив, что форма и принцип действия этих работ ничем не отличаются от широко используемых, позволю себе, не желая умалять заслуги других (), открыть Вашему Превосходительству секреты, которые я открыл, и в то же время предложить, при подходящей возможности и по Вашему усмотрению, выполнить все те вещи, которые я в настоящее время кратко опишу ниже.

(1) Я знаю способ сооружения очень легких и переносных мостов, которые можно использовать при преследовании врага или отступлении от него, а также более прочных мостов, устойчивых к огню и силе, которые легко устанавливать и снимать. Я также знаю способы сжигания и уничтожения мостов врага.

(2) Для осады я готов удалить воду из рвов и изготовить бесконечное множество фашин, лестниц и т. д., а также другие виды орудий, необходимых для осады.

(3) Если высота укреплений или прочность позиции таковы, что место не может быть эффективно бомбардировано, у меня есть другие средства, с помощью которых любая крепость может быть разрушена, при условии, что она не построена на камне.

(4) У меня также есть очень удобные и переносные бомбы, пригодные для метания градом мелких снарядов, дым от которых вызывает большой ужас у врага, приводя к его неминуемой потере и замешательству.

(5) С помощью бесшумных раскопок, образующих извилистые и узкие пути, у меня есть средства достичь любой заданной ... (точки?), даже если для этого необходимо пройти под рвами или под рекой.

(6) Я также могу построить крытые повозки, безопасные и неразрушимые, которые, проникая в ряды врага, разбивают самые сильные отряды людей; а за ними пехота может следовать безопасно и без помех.

(7) При необходимости я также могу изготовить бомбы, мортиры и полевые орудия красивой и полезной формы, совершенно отличные от тех, которые обычно используются.

(8) Там, где использование бомб нецелесообразно, я могу изготовить арбалеты, мангонели, баллисты и другие машины необычайной эффективности и совершенно необычного вида. В общем, в зависимости от обстоятельств, я могу подготовить боевые машины для любых целей.

(9) В случае, если конфликт будет продолжаться на море, у меня есть методы изготовления многочисленных инструментов, как наступательных, так и оборонительных, с судами, которые выдержат силу самых мощных бомб. Я также могу изготовить порошки или пары для нападения на врага.

(10) В мирное время я считаю, что могу сравниться с любым другим в области архитектуры. Я могу подготовить проекты зданий, как общественных, так и частных, а также провести воду из одного места в другое.

Кроме того, я могу выполнять работы в области скульптуры, мрамора, бронзы или терракоты. В живописи я также могу делать то, что может делать любой другой, кто бы он ни был.

Я также могу взяться за изготовление бронзовой лошади, которая станет памятником вечной славы и бессмертной чести моему господину, вашему отцу, светлой памяти, и прославленному роду Сфорца.

И если кому-либо из вышеперечисленного покажется невозможным и невыполнимым, я полностью готов испытать их в парке Вашего Превосходительства или в любом другом месте, которое Вы соизволите указать, с полной покорностью рекомендуя себя Вашему вниманию.^a

Леонардо предпочитал теоретизировать, наблюдать и записывать свои выводы и наблюдения в записную книжку, чем утомлять себя рабскими деталями, которые необходимы для создания любого бессмертного произведения. По этим причинам, а также из-за его чрезвычайной притязательности во вкусах и любви к мельчайшей отделке, его произведений было немного, и почти ни одно из них не было завершено. Но именно эта универсальность способностей в сочетании с его жадным к знаниям умом позволяла ему восполнять недостатки, от которых страдало искусство: никто, кроме него, не имеет такого права считаться родоначальником высшей школы в своем искусстве; и ни один художник до или после него не объединял в себе столько выдающихся качеств гения.

Его наиболее характерным достоинством в своей профессии является тон его чувств и воображения, который является мягким, изящным и поэтически преданным; слишком эфирным для эффективного изображения сцен из активной жизни, но замечательно гармонирующим с религиозными темами. К этим достоинствам в поэтических элементах своего искусства он добавил другие, не менее ценные в практическом плане; ведь он не только был первым, кто продемонстрировал глубокие научные знания в области анатомии, но и подал прекрасный пример рельефа и гармонии в цветовой гамме, благодаря чему, особенно в том богатом темном стиле, который ему свойственен, его картины и картины его школы до сих пор радуют глаз.^b

СКРОМНОСТЬ И ТЩЕСЛАВИЕ

(Леонардо да Винчи)

У нас есть достаточно картин этого великого мастера, говорит Гримм,¹ чтобы не считать рассказы о магии его искусства пустыми преувеличениями. Мы всегда склонны к недоверию. Однако картины Леонардо обладают таким очарованием, что даже самое правдивое описание не может их описать. Мы едва ли сочли бы их возможными, если бы не видели их своими глазами. Он владеет секретом, позволяющим нам почти прочесть биение сердца на лицах тех, кого он изображает. Кажется, что он видит природу в постоянном праздничном блеске и никогда иначе. Наши чувства постепенно становятся настолько притупленными, что, замечая ту же утрату среди наших друзей, мы в конце концов верим, что свежий весенний облик природы и жизни, который открывался перед нами, пока мы были детьми, был лишь иллюзией счастья, и что более тусклый свет, в котором они предстают перед нами впоследствии, дает более правдивое представление. Но давайте подойдем к лучшим работам Леонардо и посмотрим, не кажутся ли нам мечты об идеальном существовании естественными и значимыми! Как металлические осколки притягиваются к магниту, когда он движется через железные опилки, и прилипают к нему тысячами мелких точек, в то время как песчинки бессильно падают, так и есть люди, которые, проходя через безжизненную толпу постоянных взаимоотношений, невольно уносят с собой только следы подлинного металла в ней, следуя только своей природе, которая впитывает его со всех сторон. Это редкие привилегированные люди, которым это даровано. Леонардо принадлежал к этим избранникам судьбы.¹

КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В то время, когда Леонардо был в расцвете сил, прошел период, обычно обозначаемый как конец средневековья. Современные исследователи гораздо менее склонны, чем исследователи предыдущего поколения, подчеркивать деление прошлого времени на эпохи; и, конечно, нельзя не подчеркнуть, что 1492 год не стал решающим поворотным моментом в

оценке современных умов. Тем не менее, конец XV века по общему мнению считается кульминацией того интеллектуального развития в Италии, которое долгое время называли Ренессансом. Современные ученые любят указывать на то, что настоящее возрождение культуры началось еще в XI и XII веках, и мы видели, как далеко продвинулось это новое развитие во времена Данте и Петрарки. Тем не менее, несмотря на нелогичность таких делений, классификации времени, подобно мелким классификациям зоологов, полезны как вспомогательные средства для запоминания и яркого представления фактов истории, что делает их практически незаменимыми. И, без сомнения, по крайней мере, в массовом сознании термин «Ренессанс» еще долго будет использоваться и применяться, в частности, к тому великому окончательному развитию графического искусства, которое достигло своего апогея в конце XV и начале XVI веков и имело таких представителей, как Леонардо, Микеланджело, Рафаэль и их менее известные коллеги.

В рамках данного пространства совершенно невозможно предпринять что-либо похожее на подробное обсуждение культуры этого периода. В лучшем случае мы можем бегло взглянуть на творчество великой центральной фигуры эпохи, Микеланджело, и, позволив ему олицетворять этот период, довольствоваться лишь упоминанием имен его великих современников.^{[a](#)}

ЭПОХА МИКЕЛАНДЖЕЛО

МИКЕЛАНДЖЕЛО

(1475-1564)

Но тот, кто превосходит всех [говорит Вазари с энтузиазмом, который разделяют все последующие поколения], будь то живые или мертвые; тот, кто превосходит и затмевает всех остальных, — это божественный Микеланджело Буонаротти, который занимает первое место не только в одном из этих искусств, но и во всех трех. Этот мастер превосходит и превосходит не только всех тех художников, которые почти превзошли саму природу, но

даже всех самых известных мастеров древности, которые, без всякого сомнения, победили ее самым славным образом; только он один торжествовал над более поздними, как и над более ранними, и даже над самой Природой, которую трудно представить себе способной проявить что-либо, как бы необыкновенно и как бы трудно это ни было, что он не превзошел бы и не превзошел бы очень сильно силой своего божественного гения и силой своего искусства, дизайна, суждения, усердия и грации; и это замечание относится не только к живописи и использованию цветов, в которых, тем не менее, скомпрометированы все телесные формы, все тела, прямые или изогнутые, осязаемые или неосязаемые, видимые или невидимые, но и к чрезвычайной округлости и рельефности его статуй. Воспитанное силой его искусства и культивируемое его трудом, это прекрасное и плодоносное растение уже дало многочисленные и благородные ветви, которые не только наполнили мир необыкновенно обильными и восхитительными плодами, но и довели три благородных искусства до такой степени совершенства, что мы можем с уверенностью утверждать, что статуи этого мастера во всех своих частях прекраснее античных. Если сравнить головы, руки, ноги или ступни одной из них () с другой, то в современной можно обнаружить более точную правильность принципа, более полную грацию, гораздо более абсолютное совершенство, короче говоря, в манере, определенную легкость в преодолении трудностей, чем невозможно даже представить себе ничего лучшего; и то, что здесь сказано, в равной степени относится к его картинам, ибо если бы было возможно поставить их лицом к лицу с картинами самых знаменитых греков и римлян, то в таком сравнении они еще более выиграли бы в ценности и были бы оценены как превосходящие картины древних в той же степени, в какой его скульптуры превосходят все античные.⁴

Живопись, скульптура и архитектура, а также фортификация, теология и поэзия поочередно занимали всеобъемлющий гений великого флорентийца. Родившись в знатной семье, которая с неохотой уступила его склонностям, он сначала получил образование в области живописи: для изучения этого искусства, а также скульптуры, античности во Флоренции и Риме и анатомии человеческого тела были активно задействованы античные памятники. Действительно, его глубокие анатомические знания сразу же придали его стилю дизайна наиболее заметную черту и стали самым опасным примером для его неразборчивых подражателей; среди его величайших фигур некоторые являются точными копиями Торса Бельведера. Влияние, которое этот необыкновенный человек оказал на все области искусства, было столь же велико в живописи, как и в любом из его других занятий; но его пристрастие к скульптуре, возможно, подкрепленное другими мотивами, отвлекло его от использования карандаша, и в результате его работ было немного.

Он презирал масляную живопись, и сомнительно, что существует хотя бы одна подлинная картина, выполненная им в этой технике. Во Флоренции хранится сомнительная картина маслом, изображающая *Мойры*, и композиция «*Святое семейство*», выполненная темперной краской, которая, как считается, была создана им для Анджело Дони. Но несколько шедевров, сохранившихся до наших дней, по-видимому, были написаны по его эскизам. В Риме сохранились две из них: «*Снятие с креста*» Даниэле да Вольтерра в церкви Тринита-де-Монти и «*Благовещение*» Марко Венусти в ризнице Латеранского собора. Однако лучшим из всех произведений, в которых прослеживается его участие, является картина «*Воскрешение Лазаря*», написанная в масле венецианцем Фра Себастьяно дель Пьомбо, который, достигнув большого мастерства в своей родной школе, отправился в Рим и учился рисованию у Буонаротти. Его учитель побудил его попробовать свои силы в «*Воскрешении Лазаря*», желая затмить великую картину «*Преображение*», над которой тогда работал Рафаэль, соединением флорентийского рисунка с венецианской цветовой гаммой. Микеланджело, несомненно, создал эскиз главной группы в картине Себастьяно, а сила выражения, величие композиции и стиля, а также знание анатомии позволяют

предположить, что он действительно написал большую часть картины. Фигура Лазаря, сидящего на гробе, помогающего себе избавиться от погребальных одежд и смотрящего на Спасителя в первые мгновения пробуждения сознания, удивленного, благодарного и преклоняющегося, во всех отношениях вдохновлена патриархальным величием и мощной выразительностью, присущими мастеру.

Но гений Буонаротти ярко проявился в его огромной серии фресок, которые до сих пор украшают Сикстинскую капеллу в Ватикане. Их история столь же характерна, как и сами произведения. Перед отъездом из Флоренции он начал, а затем постепенно закончил работу, которая, хотя и утрачена, по описаниям, как никакая другая, демонстрировала его анатомические навыки и силу выражения. Это был знаменитый эскиз « » из Пизы, изображающий флорентийских солдат, купающихся в Арно и призванных под ружье в связи с внезапным нападением пизанцев. В 1504 году Юлий II пригласил его в Рим и нанял в качестве скульптора, но несколько лет спустя тот же понтифик поручил ему расписать фресками потолок Сикстинской капеллы. Недовольный своими помощниками, он выполнил всю огромную работу над потолком своими руками за двадцать месяцев, завершив ее в 1512 или 1513 году. Всеобщее восхищение, вызванное этой потрясающей работой, не побудило художника продолжать заниматься живописью; и его следующее великое начинание, «*Страшный суд*», занимающий конец той же капеллы, было начато только во время понтификата Павла III и завершено после восьми лет работы в 1541 году. Его последние фрески, «*Распятие святого Петра*» и «*Обращение святого Павла*», обе в Паулинской капелле Ватикана, были плодом старости и физического, хотя и не умственного, истощения.

Фрески Сикстинской капеллы представляют собой, по страницам Библии, обзор религиозной истории человечества. Дух, который их одухотворяет, — это суровая грозность еврейских пророков; более мягкие черты нового завета просвечивают слабо и редко; красота и покой классицизма практически полностью изгнаны. Идея божественности у мастера — это сверхчеловеческая сила в действии, и божественность, которую он таким образом воображает, он передает всем своим образам человеческого рода. Это произведение в целом — такое, которое ни один другой ум не должен рисковать подражать; но из тех самых качеств, которые делают его опасным в качестве образца в искусстве, ни одно не может быть удалено без ущерба для его сурового величия.

Потолок разделен на многочисленные секции, каждая из которых содержит сцену, взятую из Ветхого Завета: Творец, создающий стихии, землю, первого человека; сотворение Евы и грехопадение человека, в котором женская грация на мгновение посещает воображение художника; изгнание из Эдема;—потоп и последующая история Ноя; —медный змей, триумфы Давида и Юдифи, а также символическая история Ионы. Поглощенное величие, которое одухотворяет главные фигуры этих групп, повторяется в орнаментальных разделах потолка, где находятся сивиллы и те беспрецедентные фигуры пророков, которые являются высшим доказательством религиозного величия художника.

«*Страшный суд*», колоссальная композиция высотой шестьдесят футов и шириной тридцать, включающая в себя почти бесчисленное количество фигур, является более амбициозным и также более известным произведением, но далеко не столь удачным. Ни один художник, кроме Микеланджело, не смог бы создать его таким, каким оно является; но оно могло бы быть гораздо величественнее, если бы его создал художник « », «*Евы*», «*Дельфийской сивиллы*», «*Лазаря*» и «*Пророков*». У него много недостатков: полное отсутствие красоты и покоя; неопределенность и однообразие характеров, усугубляемые общей наготой фигур; показное демонстрирование академических поз и анатомии; а у некоторых выдающихся персонажей, особенно у Судьи, абсолютная мелочность и грубость замысла. Достоинства этого замечательного памятника гениальности перечислить не так легко. Его рай — это не рай искусства или религии, но его ад более ужасно величественен, чем все, что когда-либо создавало воображение. Несмотря на огромные размеры произведения, его композиция проста и восхитительна, и ничто не может сравниться с его совершенной единством чувства. Каждая мысль и эмоция поглощены одной идеей — присутствием праведного судьи: за исключением одной незаметной группы, состоящей из воссоединившихся жены и мужа, каждый из толпы пробудившихся мертвецов стоит в одиночестве, ожидая своего приговора.

Микеланджело как скульптор

Характер скульптур этого великого человека был столь же обширным, сильным и увлеченным демонстрацией науки и изображением бурных действий, как и его замечательные картины; но пластическое искусство было еще менее подходящим, чем живопись, для того, чтобы руководствоваться этими принципами без ограничений. Хотя он обожал антиквариат за его анатомию, он был слеп к его красоте и покою: его собственный идеал был более грубым, и ни его мастерство, ни мастерство кого-либо другого не было в состоянии полностью выразить его; и все же его энергия и чувство в некоторых случаях преодолевают все материальные препятствия, приводя его к самой грани возвышенности и недалеко от истинного пути искусства.

Его самые чистые работы — это работы его молодости, выполненные в то время, когда его воображение еще было наполнено греческими статуями, которые он, вместе с другими учениками Гирландайо, изучал в садах Медичи. В сражающихся группах на барельефе, который хранится семьей Буонаротти во Флоренции и является самым ранним из его известных образцов, чувствуется античное спокойствие; а его «*Вахх с молодым фавном*» в галерее Уффици, созданный в возрасте двадцати четырех лет, с его безразличными и несколько неточными формами, по своим мягко изгибающимся линиям и нежности выражения ближе к греческому искусству, чем любое другое произведение этого автора.

Пьета в соборе Святого Петра, особенно в фигуре матери, отличается тем же настроением, которое не теряется даже в колоссальном *Давиде* на флорентийской площади Пьяцца дель Грандука.

Его гений получил свободное поле для проявления в трех величайших его произведениях: памятнике папе Юлию II и гробницах Джулиана и Лоренцо Медичи. Первое из них, задуманное старым священником с присущей ему смелостью и великолепием, но сокращенное в своем исполнении из-за скупости его наследников, занимало художника с перерывами на протяжении многих лет. Статуи, которые должны были стать частью памятника, но остались незавершенными, сейчас находятся в садах дворца Питти; две статуи рабов находятся в Лувре; остальная часть памятника, единственная часть, которая была завершена мастером, состоит из знаменитой сидящей фигуры Моисея в римской церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи. Законодатель евреев, массивная фигура в варварском костюме, с спутанными козлиными волосами и бородой, с рогами, как у Аммона или Вакха, опирается одной рукой на скрижали закона, смотря вперед с выражением молчаливой и мрачной угрозы. Сила произведения несомненна; его ценность как самого характерного, наряду с *«Победой»*, произведения автора также очевидна; его возвышенность вызывает больше сомнений. Гробницы двух Медичи, законченные раньше, чем *«Моисей»*, являются произведениями « » гораздо более высокого и чистого стиля; они действительно являются лучшими из всех, что когда-либо создавал Микеланджело. На каждом из двух саркофагов сидит фигура в доспехах, похожая на покойника, покоящегося внутри. По обе стороны от Лоренцо находится лежащая статуя, одна из которых олицетворяет Сумерки, а другая — Рассвет; могила Джулиана аналогичным образом окружена лежащими фигурами Ночи и Дня. Статуя Лоренцо — прекрасный и простой портрет; статуя Джулиана едва ли когда-либо превосходила по своему величественному и задумчивому спокойствию. Рассвет — величественная женская фигура; Сумерки — величественная мужская фигура, смотрящая вниз. День — незавершенная, но прекрасная скульптура с мужественными чертами лица; Ночь — склонившаяся, дремлющая, грустная женщина.

МЕРТВЫЙ ХРИСТОС НА РУКАХ ДЕВЫ

(Андреа дель Сарто, известный флорентийский современник Микеланджело)

РАФАЭЛЛ

Единственным великим соперником Микеланджело и единственным художником, которого потомки склонны ставить даже выше него по гениальности, является Рафаэль. Этот замечательный человек был сыном малоизвестного художника из Урбино. Он учился у Перуджино и, как полагают, многое почерпнул из изучения произведений Леонардо и Микеланджело, но особенно из творчества Никотто. Рафаэль, безусловно, был глубоко обязан Микеланджело за его эскизы и росписи Сикстинской капеллы. В двадцать шесть лет, по приглашению своего родственника Браманте, он переехал в Рим, где с неустанным трудолюбием трудился с того времени до своей смерти, которая наступила, когда ему было тридцать семь лет и он был на грани возведения Леоном X в кардиналы.

Рафаэль обнаружил, что механизм искусства был почти завершен, а его применение больше не было исключительно церковным. Эти два обстоятельства дали полную свободу проявлению того союза сил, которым его ум обладал в не имеющей себе равных степени. Гораздо менее точный, чем Микеланджело, в рисовании и анатомии, менее глубокий в изучении античности и менее способный обращаться с теми возвышенными темами, которые, можно сказать, балансируют на грани невыполнимости, он все же обладал высоким уровнем знаний, возвышенным чувством величия и энергии в своей сфере, обширным и удачным воображением, а также чувством красоты и грации, которое было самым чистым и божественным из всех, чем когда-либо могло похвастаться искусство.

Идеализм его гения сочетался с восприятием характера и выражения, а также с драматической силой изображения человеческих действий, которую он использовал с наилучшим эффектом, когда его тема требовала их применения. Его поклонники, отдавая предпочтение его Мадоннам, святым, ангелам или апостолам, его портретам или его историческим и эпическим композициям, руководствуются скорее своими собственными предубеждениями, чем его особыми достоинствами.

Тициан Вечелли

(1477-1576)

Общий прогресс манеры Рафаэля можно проследить с достаточной точностью. Сначала он предстает перед нами как не более чем самый способный ученик Пьетро, вдохновленный всей теплотой и нежностью перуджинской школы, но скованный всей робостью и мелочностью своего учителя. Когда он познакомился с более смелым духом и лучшим механизмом флорентийцев, мы видим, как его гений постепенно освобождался и как, хотя он все еще руководствовался благочестивым нравом своих юных образцов, он достиг большей свободы как в обращении с материалом, так и в изобретательности. В своих самых ранних работах в Риме он стремится выйти за пределы любой из этих сфер: его идеализм не утрачен, но укреплен более близким знакомством с жизнью и природой; и его фантазия, и его наблюдательность постепенно становятся более эффективными благодаря улучшенному техническому мастерству, большей легкости и силе рисунка, большему владению цветом, а также светом и тенью, и быстрому приближению к той единственности замысла и той широте замысла, которые облагораживают его лучшие работы.

Пока мы не найдем Рафаэля в Риме, нам приходится довольствоваться отслеживанием его прогресса по его алтарным картинам и двум-трем портретам. Среди подлинных картин, относящихся к этому юношескому периоду и все еще находящихся в Италии, несколько обладают очень высокой ценностью; и одна из них — *«Погребение» Боргезе*, написанная в

году, после того как художник почти освободился от умбрийских оков, — равна лучшим его работам как по выражению, так и по композиции.

Его великолепные фрески покрывают стены и часть потолков в четырех парадных залах старого Ватиканского дворца. Первый зал, называемый Сегнатура, был закончен в 1511 году, а при правлении того же папы Юлия II был частично расписан следующий зал, названный в честь его главного героя Гелиодора. После вступления на престол Льва X художник завершил эту комнату и приступил к третьей, комнате Инчендио, которую он закончил в 1517 году. Для четвертой, зала Константина, он оставил эскизы, которые были расписаны его выжившими учениками. При Льве он также создал небольшие фрески в аркаде, называемой Лоджией Рафаэля, и при том же понтификате создал знаменитые карикатуры.^h

С этим кратким резюме и лишь упоминанием о великих венецианских художниках Тициане и Тинторетто, а также о другом великом современном художнике Корреджо, мы должны отойти от искусства того периода, чтобы мельком взглянуть на двух или трех литературных деятелей того времени, прежде чем вернуться к обзору политических событий. Микеланджело сам был поэтом, но мы не будем здесь рассматривать эту сторону многогранного гения этого необыкновенного человека. Вместо этого мы обратимся к центральной литературной фигуре эпохи, Ариосто.^a

Ариосто

Лодовико Ариосто родился 8 сентября 1474 года в Реджо, где его отец был губернатором от имени герцога Феррары. Он был предназначен для изучения юриспруденции и, как и многие другие выдающиеся поэты, пережил долгую борьбу между волей своего отца, который хотел, чтобы он получил профессию, и своими собственными чувствами, которые подталкивали его к тому, чтобы отдаться своему гению. После пяти лет бесплодных занятий отец наконец согласился, чтобы он посвятил себя исключительно литературе.

«Безумный Орlando» Ариосто — всемирно известное стихотворение. Оно было переведено на все современные языки и, благодаря одному только очарованию своих приключений, независимо от своей поэтичности, долгое время было предметом восторга молодежи всех стран. Поэтому можно считать само собой разумеющимся, что весь мир знает, что Ариосто взялся воспеть паладинов и их любовные похождения при дворе Карла Великого во время легендарных войн этого монарха против мавров. Если бы потребовалось отнести события, описанные в этой поэме « », к какой-либо исторической эпохе, то мы должны были бы поместить их до 778 года, когда Орlando был убит в битве при Ронсесвальесе, в походе, который Карл Великий предпринял, еще не будучи императором, для защиты границ Испании. Но можно предположить, что авторы романов смешали войны Карла Мартелла против Абд эль-Рахмана с войнами Карла Великого и таким образом дали начало преданиям о вторжении сарацин во Францию и о тех неслыханных опасностях, от которых западная Европа была спасена доблестью паладинов. Каждый читатель знает, что Орlando, самый известный из всех героев Ариосто за свою доблесть, сошел с ума из-за любви к Анжелике, и что его безумие, которое является лишь эпизодом в этой длинной поэме, дало название всему произведению, хотя только в двадцать третьей песне Орlando лишается рассудка.

Не похоже, что Ариосто намеревался написать строго эпическую поэму. Он отверг совет Бембо, который хотел, чтобы он сочинил « » на латыни, единственном языке, по мнению кардинала, достойном серьезной темы. Ариосто, возможно, считал, что итальянская поэма должна быть обязательно легкой и игривой. Он презирал принятые правила поэзии и

доказал, что обладает достаточной силой, чтобы создать новые. Можно сказать, что его произведение действительно обладает единством темы: великая борьба между христианами и маврами, начавшаяся с вторжения во Францию и закончившаяся ее освобождением. Именно эту тему он предложил себе в своем аргументе. Жизнь и приключения его нескольких героев способствовали этому великому действию и были столькими второстепенными эпизодами, которые могут быть допущены в эпической поэзии и которые в столь длинном произведении не могут считаться разрушающими единство.

Поэма Ариосто, таким образом, является лишь фрагментом истории рыцарей Карла Великого и их любовных приключений; у нее нет ни начала, ни конца, за исключением тех, которые можно отнести к какому-либо отдельному периоду. Это отсутствие единства существенно умаляет интерес и общее впечатление, которые мы должны получить от произведения. Но жадность, с которой все народы и все поколения читали Ариосто, даже когда его история лишалась своего поэтического очарования в переводе, достаточно доказывает, что он обладал искусством придавать отдельным частям произведения интерес, которого оно не обладает в целом.

Макиавелли

От Ариосто мы переходим к его великому современнику, прославленному секретарю Флорентийской республики Никколо Макиавелли, человеку глубокой мысли, самому красноречивому историку и самому искусным политику, которого произвела Италия. Но менее завидное отличие связало его имя с печально известными принципами, которые он разработал, хотя, вероятно, с благими намерениями, в своем трактате под названием «*Il Principe*»; и в настоящее время его имя ассоциируется со всем ложным и вероломным в политике.

Макиавелли родился во Флоренции 3 мая 1469 года в семье, которая занимала первые должности в республике. Мы не знакомы с историей его юности, но в возрасте тридцати лет он вступил в государственную службу в качестве канцлера государства и с тех пор постоянно занимался государственными делами, в частности, посольскими. Он четыре раза отправлялся по поручению республики ко двору Франции, два раза — к императорскому двору и два раза — в Рим. Среди его посольств к мелким князьям Италии самым длительным было посольство к Цезарю Борджиа, которого он внимательно наблюдал в тот очень важный период, когда этот прославленный злодей возвышался благодаря своим преступлениям, и чью дьявольскую политику он таким образом имел возможность изучать в свое удовольствие. Среди этих серьезных занятий его сатирическое веселье не покидало его; и именно в этот период он сочинил свои комедии, роман «*Бельфагор*» и несколько строф и сонетов, которые не лишены поэтической ценности. Он сыграл значительную роль в руководстве советами республики в вопросах вооружения и формирования ее милиции; и он больше гордился этим советом, который освободил государство от ига *кондотьеров*, чем славой своих литературных произведений. Влияние, которому он обязан своим возвышением во Флорентийской республике, принадлежало свободной партии, которая оспаривала власть Медичи и в то время держала их в изгнании. Когда последние были возвращены в 1512 году, Макиавелли был лишен всех своих должностей и изгнан. Затем он вступил в заговор против узурпаторов, который был раскрыт, и его подвергли пыткам, но не смогли вырвать из него, даже с помощью крайних мучений, никаких признаний, которые могли бы уличить его самого или тех, кто доверился его чести. Лев X, вступив на папский престол, вернул ему свободу.

Макиавелли ни в одном из своих сочинений не выразил своего негодования по поводу жестокого обращения, которому он подвергся. По-видимому, он скрывал его в глубине своего сердца, но мы легко понимаем, что пытки не усилили его любовь к князьям и что он с удовольствием изображал их такими, какими он их видел, в произведении, в котором он притворялся, что дает им наставления. Фактически, именно после потери своей должности он писал об истории и политике, опираясь на глубокое знание человеческого сердца, которое он приобрел в общественной жизни, и на привычку распутывать все сложные политические интриги, которые тогда царили в Италии. Он посвятил свой трактат *«О принце»* не Лоренцо Великолепному, а Лоренцо, герцогу Урбино, гордому узурпатору свобод Флоренции и владений своего благодетеля, бывшего герцога Урбино из дома Ровере. Лоренцо считал себя глубоким, когда был хитрым, и энергичным, когда был жестоким; а Макиавелли, показывая в своем трактате *«О принце»*, как способный узурпатор, не сдерживаемый никакими моральными принципами, может укрепить свою власть, дал герцогу инструкции, соответствующие его вкусам. Однако истинной целью Макиавелли не могло быть удержание на троне тирана, которого он ненавидел и против которого он замыслил заговор. Маловероятно также, что он ставил перед собой цель раскрыть народу принципы тирании, чтобы сделать их отвратительными, поскольку к тому времени всеобщий опыт сделал их известными по всей Италии, а дьявольская политика, которую Макиавелли сформулировал в виде системы, была в XVI веке политикой всех государств.

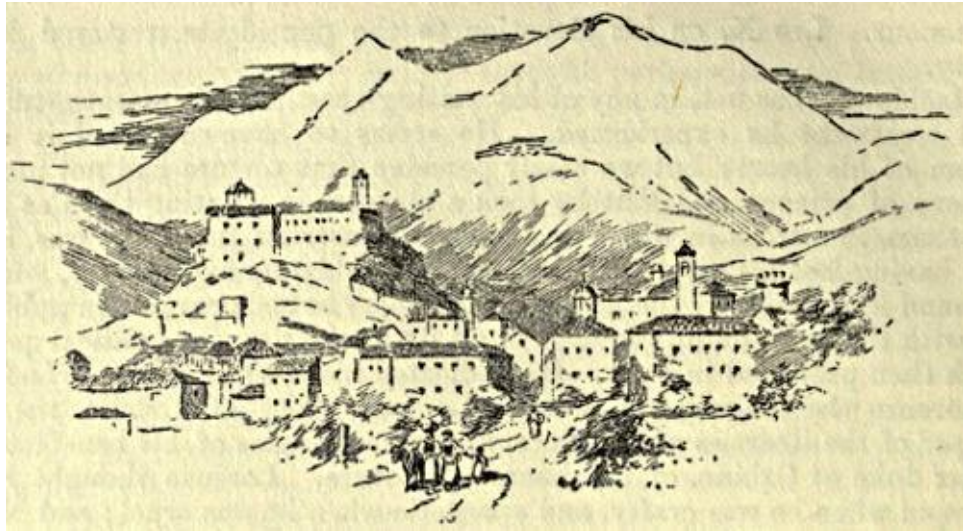
Именно в этот период своей жизни Макиавелли написал *«Историю Флоренции»*, посвященную папе Клименту VII, в которой он научил итальянцев искусству соединять красноречие истории с глубиной размышлений. Он гораздо меньше, чем его предшественники в том же жанре, привязывался к повествованию о военных событиях. Но его работа, как история народных страстей и волнений, является шедевром. Он снова был нанят папой для работы в государственных делах и был назначен руководителем фортификационных работ, когда смерть лишила его страну его дальнейших услуг 22 июня 1527 года, за три года до прекращения существования Флорентийской республики.^с

СНОСКИ

[\[20\]](#) [Леонардо да Винчи родился в 1452 году; он прожил до 1519 года, когда умер во Франции при дворе Франциска I.]

ФРЕСКИ КОРРЕДЖО

ГЛАВА XIV. «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ИТАЛИИ»

[1494-1530 гг. н.э.]

Наконец наступил период, когда Италия, которая вернула интеллектуальный свет Европе, примирила гражданский порядок со свободой, вернула молодежь к изучению законов и философии, создала вкус к поэзии и изобразительному искусству, возродила науку и литературу древности, принесла процветание торговле, производству и сельскому хозяйству, была обречена стать добычей тех самых варваров, которых она вела к цивилизации. Ее независимость должна была обязательно погибнуть вместе с ее свободой, которая до сих пор была источником ее величия и могущества. В стране, покрытой республиками три века назад, к моменту смерти Лоренцо де Медичи осталось только четыре; и в них, хотя слово «свобода» все еще было написано на их знаменах, этот жизненный принцип исчез из их институтов. Флоренция, уже три поколения управляемая семьей Медичи, развращенная их распущенностью и продажной из-за их богатства, была научена ими бояться и подчиняться. Венеция с ее ревнивой аристократией, Сиена и Лукка, каждая из которых управлялась одной кастой граждан, хотя и оставались республиками, уже не имели народных правительств или республиканской энергии. Ни в этих четырех городах, ни в Генуе, которая сдала свою свободу Сфорцам, ни в Болонье, которая уступила Бентивольо, ни в каком-либо из монархических государств Италии не было той силы народа, каждая индивидуальная воля которого стремится к общественному благу, чьи усилия объединены для общественной пользы и общей безопасности. Князья этой страны могли апеллировать только к порядку и послушанию подданных, а не к энтузиазму граждан, для защиты независимости Италии и своей собственной.

Огромное богатство, которое было предметом зависти остальной Европы, действительно, всегда накапливалось как в абсолютных монархиях, так и в республиках; но если, с одной стороны, оно обеспечивало оплату мощных армий, то, с другой, оно увеличивало опасность для Италии, возбуждая алчность ее соседей. Число национальных солдат было очень значительным; их профессия была той, которая наиболее быстро вела к отличию и богатству. Нанятые только на время военных действий и имеющие право уходить в отставку каждый месяц, вместо того чтобы проводить свою жизнь в лени гарнизонов или отказываться от свободы воли, они быстро переходили от одной службы к другой, ища только войны и никогда не ослабевая от праздности. Лошади и доспехи итальянских воинов считались превосходящими по качеству лошадей и доспехов трансальпийских народов, с которыми они сражались во Франции во время «войны за общее благо». Итальянские капитаны сделали войну наукой, каждую ветвь которой они знали досконально. Никто и на мгновение не подозревал, что солдату может не хватать мужества, но общая мягкость нравов и прогресс цивилизации приучили итальянцев вести войну с чувством чести и гуманности по отношению к побежденным. Всегда готовые дать пощаду, они не наносили ударов павшему врагу. Часто, забрав у него лошадь и доспехи, они отпускали его на свободу; по крайней мере, они никогда не требовали выкупа, который мог бы его разорить. Всадники, которые шли в бой в стальной броне, редко гибли или получали ранения, пока оставались в седле. Свалившись с лошади, они сдавались. Поэтому сражения никогда не становились кровавыми. Мужество итальянских солдат, приспособленное к этой более мягкой форме ведения войны, внезапно исчезло перед лицом новых опасностей и жестокости варварских врагов. Они были охвачены ужасом, когда поняли, что французы приказывали своим слугам убивать спешенных всадников или брали их в плен только для того, чтобы вымогать у них под видом выкупа все, что они имели. Итальянская кавалерия,

равная французам по мужеству и превосходящая их в военном искусстве, в течение некоторого времени была неспособна противостоять врагу, жестокость которого потрясала ее воображение ().

В то время как Италия утратила часть преимуществ, которые в предыдущем столетии обеспечивали ей безопасность, трансальпийские народы внезапно обрели силу, разрушившую древнее равновесие. До конца XV века войны между народами были гораздо реже, чем между французами, немцами или испанцами между собой. Даже война между англичанами и французами, которая опустошала Францию более века, возникла не из вражды между двумя соперничающими народами, а из-за того, что короли Англии были французскими принцами, наследственными правителями Нормандии, Пуату и Гиени. Карл VII наконец заставил англичан отступить за море и воссоединил с монархией провинции, которые были от нее отделены на протяжении веков. Людовик XI победил герцогов и пэров Франции, которые оспаривали его власть; он унизил дом Бургундии, который начал проявлять интересы, чуждые Франции. Его молодой преемник и сын, Карл VIII, достигнув совершеннолетия, оказался властелином огромного королевства, находящегося в состоянии полного повиновения, с блестящей армией и большими доходами; но он был настолько слаб, что считал, что славу можно обрести только в дальних рыцарских походах. Различные монархии Испании, которые долгое время были соперниками, были объединены браком Фердинанда Арагонского с Изабеллой Кастильской и совместным завоеванием мавританского королевства Гранада. Испания, впервые образовавшая одну великую державу, начала оказывать влияние, на которое она до того никогда не претендовала. Император Максимилиан, объединив Нидерланды и графство Бургундию, унаследованные его женой, с землями Австрии, унаследованными им от отца, заявил о своем праве осуществлять над всей Германией имперскую власть, ускользнувшую из рук его предшественников. Наконец, швейцарцы, прославившиеся своими победами над Карлом Смелым, только после его смерти начали торговать своими жизнями и поступать на службу к иностранным государствам (). В то же время империя турок простиралась вдоль всего побережья Адриатики и угрожала одновременно Венеции и королевству Неаполь. Италия была окружена со всех сторон державами, которые внезапно стали гигантскими и ни одна из которых еще полвека назад не вызывала у нее беспокойства.

[1492-1494 гг. н. э.]

Франция первой перенесла за границу свою безработную деятельность и заставила Италию почувствовать изменения, произошедшие в европейской политике. Ее король Карл VIII претендовал на все права второго дома Анжу на королевство Неаполь. Эти права, основанные на усыновлении Людовика I Анжуйского Иоанной I, никогда не признавались народом и не подтверждались владением. В течение ста десяти лет Людовик I, II и III, а также Рене, брат последнего, предпринимали частые, но безуспешные попытки взойти на престол Неаполя. Брат и дочь Рене, Карл Мэнский и Маргарита Анжуйская, в конце концов уступили или продали эти права Людовику XI. Его сын, Карл VIII, как только достиг совершеннолетия, решил их отстоять. Жаждающий славы, в той мере, в какой его слабое телосложение и еще более слабый ум не позволяли ему ее обрести, он в возрасте двадцати четырех лет решил пойти по стопам Карла Великого и его паладинов и предпринял завоевание Неаполя как первый подвиг, который должен был привести к завоеванию Константинополя и освобождению Гроба Господня.

ИТАЛЬЯНСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

Карл VIII вступил в Италию в августе 1494 года с тридцатью шестью тысячами вооруженных людей или тяжелой кавалерии; двадцатью тысячами пехотинцев, гасконцев, бретонцев и французов; восемью тысячами швейцарцев и грозным артиллерийским обозом. Последний вид войск достиг во Франции во время войн Карла VII степени совершенства, еще неизвестной остальной Европе. Государства верхней Италии благосклонно отнеслись к экспедиции французов. Герцогиня Савойская и маркиза Монферратская, регенты своих несовершеннолетних сыновей, открыли Карлу VIII проход через Альпы. Лодовико Моро, регент герцогства Милана, недавно встревоженный требованием короля Неаполя передать регентство своему племяннику Джованни Галеаццо, который к тому времени достиг совершеннолетия и был женат на неаполитанской принцессе, сам пригласил французов в Италию и, чтобы облегчить им завоевание королевства Неаполь, открыл им все крепости Генуи, которые находились в его подчинении. Венецианская республика намеревалась сохранить нейтралитет, полагаясь на свою силу, и заставила герцога Феррары и маркиза Мантуи, своих соседей, принять ту же политику; но южная Италия сформировала для своей защиты лигу, включавшую тосканские республики, государства церкви и королевство Неаполь.

Во Флоренции Лоренцо де Медичи оставил трех сыновей, из которых Пьеро II в возрасте двадцати одного года был назначен главой республики. Его дед, Пьеро I, сын Космо, страдавший от недугов и преждевременной старости, не проявил особых талантов и не обладал способностями к управлению государством. Пьеро II, напротив, отличался физической силой и ловкостью, но думал только о том, как блеснуть на праздниках, рыцарских турнирах и состязаниях. Говорили, что он проявил талант в литературных занятиях, что он говорил с изяществом и достоинством, но в своей публичной карьере он проявил себя высокомерным, самонадеянным и страстным. Он решил править

флорентийцами как господин, не скрывая ярма, которое он наложил на них; не удостоив себя заниматься делами, он передавал свои приказы магистратам через своего секретаря или кого-нибудь из своей семьи.

Пьеро де Медичи остался верным договору, который его отец заключил с Фердинандом, королем Неаполя, и обязался отказать французам в свободном проходе, если они попытаются войти в южную Италию через Тоскану. Республики Сиена и Лукка, слишком слабые, чтобы проводить независимую политику, обещали следовать инициативе Медичи. В государстве Церкви Родриго Борджиа сменил Иннокентия VIII 11 августа 1492 года под именем Александра VI. Он был самым богатым из кардиналов и в то же время самым развращенным в нравственном отношении и самым вероломным в политическом. Брак одного из его сыновей (а у него было несколько) с внебрачной дочерью Альфонсо, сына Фердинанда, закрепил его союз с правящим домом Неаполя. Этот дом тогда находился на вершине процветания. Фердинанд, несмотря на свои семьдесят лет, был все еще полон сил: он был богат, он победил всех своих врагов; он считался самым способным политиком в Италии. Его два сына, Альфонсо и Фредерик, и его внук Фердинанд славились как искусные воины; они имели под своим командованием армию и многочисленный флот. Однако Фердинанд опасался войны с Францией и только что начал переговоры, чтобы ее избежать, когда внезапно скончался 25 января 1494 года. Его преемником стал его сын Альфонсо II, а Фридрих принял командование флотом, а молодой Фердинанд — армией, предназначенной для защиты Романьи от французов.

Именно через Понтремоли и Луниджану Карл VIII, следуя совету Лодовико Мавра, решил провести свою армию в южную Италию. Этот путь, пересекающий Апеннины от Пармы до Понтремоли, проходящий через бедные пастбища и спускающийся через оливковые рощи к морю, по берегу которого он следует у подножия гор, был не без опасности. В этой стране выращивается мало зерна любого вида. Кукуруза ввозилась из-за границы по высокой цене в обмен на масло. Узкое пространство между морем и горами Аппеннины () защищалось цепью крепостей, которые могли надолго задержать армию на побережье, где она подверглась бы одновременно голоду и эпидемии чумы в Пьетрасанте. Пьеро де Медичи, узнав о прибытии французов в Сарцану и заметив волнение, которое вызвала эта новость во Флоренции, решил повторить самый хваленый поступок своего отца — его визит к Фердинанду в Неаполь. Он отправился на встречу с Карлом VIII. По дороге он пересек поле битвы, где триста флорентийских солдат были изрублены французами, которые не пощадили ни одного из них. Охваченный ужасом, когда его представили Карлу, он по первому требованию приказал немедленно сдать крепости Сарцана и Сарцанелло. Затем он сдал крепости Либрафратта, Пиза и Ливорно (Легхорн), согласившись, чтобы Карл разместил в них гарнизон и удерживал их до своего возвращения из Италии или до подписания мира, тем самым установив власть короля Франции в самом сердце Тосканы. Флорентийцы были против того, чтобы Медичи вступал в войну с французами, к которым они испытывали наследственную привязанность (), но поведение главы государства, который, втянув их в войну, без разрешения сдал их крепости в руки врага, которого он сам спровоцировал, казалось столь же позорным, сколь и преступным.

Пьеро де Медичи, после этого акта слабости, покинул Карла, чтобы поспешно вернуться во Флоренцию, куда он прибыл 8 ноября 1494 года. На следующий день, когда он готовился посетить синьорию, он обнаружил у дверей дворца стражников, которые отказали ему во входе. Удивленный таким сопротивлением, он вернулся домой, чтобы поставить себя под защиту своего зятя, Паоло Орсини, римского дворянина, которого он взял на службу в республику вместе с отрядом кавалерии. При поддержке Орсини три брата Медичи быстро прошли по улицам, повторяя боевой клич своей семьи «*Palle! Palle!*» («Яйца! Яйца!»), но не вызвав ни малейшего движения со стороны народа, на которого они рассчитывали. С другой

стороны, друзья свободы, пианьони, возбужденные призывами Савонаролы, собрались и взяли в руки оружие. Их число постоянно увеличивалось. Медичи, испугавшись, покинули город через ворота Сан-Галло, пересекли Апеннины, сначала укрылись в Болонье, а затем в Венеции, и таким образом без борьбы утратили власть, которой их семья обладала уже шестьдесят лет. В тот же день, 19 ноября 1494 года, когда Медичи были изгнаны из Флоренции, флорентийцы были изгнаны из Пизы.^d

КАРЛ VIII; ЕГО АРМИЯ (1494 г. н. э.)

Французская армия была теперь готова к походу на Флоренцию. Она состояла из 3600 вооруженных людей; 6000 пеших лучников из Бретани; 6000 арбалетчиков из центральных провинций; 8000 гасконских пехотинцев, в то время самых уважаемых во Франции; все они были вооружены аркебузами и двуручными мечами; а также 8000 швейцарских или немецких пикинёров и алебардистов. Огромное количество слуг сопровождало и увеличивало эту великолепную армию, которую возглавляли король, герцог Орлеанский, впоследствии Людовик XII, герцог Вандомский; граф Монпенсье; Луи де Линь, лорд Люксембургский; Луи де ла Тремуиль и другие великие сеньоры; кроме того, сенешаль Бокайра, Брикonne, епископ Сен-Мало, оба — доверенные советники Карла; и, наконец, старый и верный советник его отца Филипп де Комин, лорд Аржантонский, оставивший потомкам столь интересную и поучительную историю своего времени. Французский воин или ланц (название, которое, по-видимому, постепенно вышло из употребления в Италии после исчезновения трансальпийских кондотьеров, которые его ввели) состоял из шести всадников, два из которых были лучниками; почти все они были французскими подданными и все были дворянами, которые не зачислялись и не увольнялись по усмотрению генерала и не получали от него жалованье, как в Италии, а получали свою зарплату напрямую от короны. Их эскадры всегда были укомплектованы в полном составе (), и каждый человек был хорошо вооружен и имел лошадь, поскольку их обстоятельства позволяли это, и среди них царил хороший дух и почетное соперничество, чтобы отличиться не только ради славы, но и ради продвижения по службе; тот же дух царил среди командиров и генералов, которые все были лордами и баронами или принадлежали к знатным семьям и почти все были уроженцами Франции. Ни один из подчиненных вождей не командовал более чем сотней копьев, и когда они были полными, они стремились только к славе и продвижению по службе, которые преследовались с необычайной преданностью королю, которого они считали источником и того, и другого. Результатом этого духа и этого равенства была стабильность в их службе, отсутствие какого-либо желания, будь то из-за алчности или амбиций, сменить своих господ, и аналогичное отсутствие какого-либо соперничества с другими капитанами за более крупное командование.

Итальянец СРЕДНЕГО КЛАССА, XV ВЕК

Все это отличалось от итальянской армии, в которой вооруженные люди в то время в основном состояли из низших слоев общества, из чужеземцев из других государств, подданных других князей; все они зависели от кондотьеров, с которыми они договаривались о своей зарплате и которые были единственными, кто ее выплачивал, но без какого-либо щедрого стимула к чести, славе или хорошей службе — напротив, с уверенностью в бесчувственном увольнении, когда они больше не были нужны. Сами генералы редко были подданными тех, кому служили, и часто имели другие цели и интересы, которые иногда были даже прямо противоположны. Среди них царила ненависть и соперничество, что приводило к отсутствию дисциплины; кроме того, у них не всегда был заранее установленный срок службы; поэтому, будучи полными хозяевами своих войск, они оставляли их неполными, хотя и оплачивали; обманывали своих нанимателей; требовали от них позорные взносы в чрезвычайных ситуациях, а затем, устав от службы или под влиянием амбиций, алчности или каких-то других искушений, они были не только непостоянны, но и неверны. Не меньшие различия были и в пехоте Франции и Италии; последняя сражалась в компактных и хорошо организованных батальонах, но разбросанных по всей стране и использующих в своих интересах берега, каналы и все местные особенности. Напротив, швейцарцы на французской службе сражались большими массами с неизменным числом рядовых и, никогда не нарушая этот порядок, представляли собой сильную, прочную, и почти непобедимую стену, когда было достаточно места для развертывания их батальонов; с подобной дисциплиной и порядком сражались французская и гасконская пехота, но не с такой же храбростью. Однако в своем вооружении французы значительно превосходили итальянцев и отправили в Геную для этой войны такое большое количество как штурмовой, так и полевой артиллерии, и настолько превосходного качества, что итальянские офицеры были потрясены. До сих пор в Италии это военное оружие, независимо от того, использовалось ли оно в полевых условиях или в крепостях, было очень громоздким; самые большие из них назывались *бомбардами* и изготавливались как из латуни, так и из железа, но были больших размеров — их было трудно транспортировать, трудно размещать и трудно разряжать; на зарядание уходило много времени; после каждого выстрела проходило много времени; и в целом эффект был сравнительно

незначительным по сравнению с затраченным временем и трудом, так как после каждого выстрела всегда было достаточно времени, чтобы гарнизон мог спокойно устранить повреждения. Французы уже отлили гораздо более легкие латунные орудия, которым, по-видимому, они первыми дали название «пушки» (), и использовали железные ядра вместо каменных: эти орудия устанавливались на более легкие лафеты и, в отличие от Италии, где их тянули волы, их тянули лошади, и они шли в ногу с армией. Они размещались в батареях с быстротой, которая удивляла итальянцев, а их огонь был настолько быстрым и хорошо направленным, что то, что раньше занимало у последних много дней, французы выполняли за несколько часов; так что одно только это делало их армию грозной для всей Италии, независимо от их природной жестокости и доблести.^e

Карл VIII, получив от Пьеро де Медичи крепости Либрафратта, Пиза и Ливорно в пизанских государствах, обязался сохранить за флорентийцами земли, находившиеся в пределах досягаемости этих крепостей, и вернуть их по окончании войны. Но Карл имел очень смутное представление о правах страны, в которую он вторгся с войной, и несколько не стеснялся в соблюдении своего слова. Когда делегация пизанцев рассказала ему о тирании, под которой они страдали, и попросила его освободить их страну, он без колебаний удовлетворил их просьбу, даже не подозревая, что распоряжается тем, что ему не принадлежит, и что нарушает свое слово, данное флорентийцам; он также забыл обо всех других обязательствах перед ними. Войдя в Флоренцию 17 ноября во главе своей армии, он считал себя завоевателем и поэтому освобожденным от всех обещаний, которые он дал Пьеро де Медичи — он колебался только между тем, чтобы вернуть Пьеро его завоевание или оставить его себе. Магистраты тщетно объясняли ему, что он является гостем нации, а не ее хозяином; что ворота были открыты для него в знак уважения, а не из страха; что флорентийцы далеко не считают себя завоеванными, в то время как дворцы Флоренции заняты не только гражданами, но и солдатами республики. Карл по-прежнему настаивал на позорных условиях, которые его секретарь зачитал как ультиматум. Пьеро Каппони внезапно вырвал бумагу из рук секретаря, разорвал ее и воскликнул: «Что ж, если так, то трубите в трубы, а мы будем звонить в колокола!» Это энергичное действие устрасило французов; Карл заявил, что он доволен субсидией, предложенной республикой, и со своей стороны обязался вернуть все крепости, переданные ему Медичи, как только он завершит завоевание Неаполя, подпишет мир или даже согласится на длительное перемирие. После этого соглашения Карл 28 ноября покинул Флоренцию, направившись по дороге в Сиену. Неаполитанская армия по мере его продвижения последовательно эвакуировала Романью, владения Святого Петра и Рим. Он вошел в Рим 31 декабря, не дав ни одного выстрела.^d

Некоторые очень интересные подробности о входе короля в Рим и его приеме там папой сохранились для нас в дневнике, который вел некий Джон Бурхард, «мастер церемоний капеллы папы Александра VI». Ниже приводятся несколько выдержек из этого дневника:

Карл VIII в Риме: современное описание

Из дневника Джона Бурхарда, церемониймейстера капеллы папы Александра VI (1494-1495). «Книга заметок, собранных мною, Джоном Бурхардом из Страсбурга, протонотарием апостольского престола и т. д.».

19, 21, 22 и 23 декабря войска короля Франции совершили вылазки до Сан-Лазаро и через луга, окружающие замок Святого Ангела. Они даже разработали план захвата Рима с помощью ночного предательства в одном направлении, в то время как Колонна должен был войти с другого, с помощью тысячи французов, которые должны были прибыть по реке Остии из окрестностей Остии (); но сильный ветер так помешал их планам, что они не смогли их осуществить. На самом деле они хотели войти в город через Порто-Сан-Паоло,

поджечь его, разграбить и совершить тысячу других злодеяний, и автором этого плана, как говорят, был кардинал Гурк, который сам бы пришел к воротам города, если бы сильный шторм не заставил его вернуться.

Этот же кардинал был одним из главных пособников похода короля Франции на Рим. Он убедил жителей Аквапенденте и других земель церкви предоставить проход королю Франции, хваля щедрость и приветливость этого принца и французов в целом; он заверил их, что французы не возьмут ничего без оплаты, даже птицу, яйцо или самую незначительную вещь, утверждая также, что наш святой отец пообещал королю, что позволит ему пересечь владения церкви. Такими и подобными речами он убедил народ впустить короля Франции и его войска, вопреки явному желанию папы. А чтобы доказать немецким чиновникам, находившимся в городе, что он заботится об их интересах, он написал открытое письмо, которое распорядился распространить среди самых видных из них в городе:

Нашим братьям и друзьям, прелатам и другим высокопоставленным лицам немецкой нации и поместьям достопочтенного эрцгерцога Филиппа, жителям этого города:

Мы призываем Бога, который слышит все сердца и помыслы, свидетелем того, что мы приложили все усилия вместе с христианским королем, как от имени нашего понтифика, так и от своего собственного, чтобы наладить дружбу и добрые отношения между папой и королем; тем не менее, нам пока не удалось добиться успеха; мы не знаем, кому приписать вину, но это, безусловно, не король Франции, который не имеет иного желания, как вести себя как покорный сын по отношению к Папе Римскому и Святому Престолу, следуя примеру своих предшественников. Несомненно, главным препятствием для этого соглашения является тяжесть наших грехов перед Богом, и если Он не умилостивится молитвами благочестивых душ, этот союз и последующий мир между христианскими князьями не смогут состояться. В любом случае, следует опасаться, что войска самого христианского короля и его союзников через несколько дней вторгнутся в город, если враги короля в Риме будут противостоять ратификации вышеупомянутого соглашения. Я использовал свое влияние на принца, чтобы его войска не причиняли вреда иностранцам, к какой бы нации они ни принадлежали, проживающим в настоящее время в Риме, по крайней мере, если они не будут обнаружены с оружием в руках против Его Величества. Вследствие этого король желает и распоряжается, чтобы все подданные Его Величества короля римского и Его Высочества принца, эрцгерцога Австрийского, не подвергались со стороны его войск менее уважительному обращению, чем его собственные подданные и все римские граждане. С этой целью он послал меня к моему господину графу Монпенсье, его родственнику и генерал-лейтенанту, чтобы сообщить ему от имени короля, что он должен принять меры для предотвращения совершения войсками каких-либо надругательств или беспокойств в отношении вышеупомянутых жителей Рима, и в особенности в отношении достопочтенных кардиналов, иностранцев всех национальностей, римских граждан и, наконец, подданных императора и эрцгерцога.

Я хотел сообщить вам об этом решении, чтобы в случае (от которого да убережет нас Бог) входа войск короля в Рим с оружием в руках вы были проинформированы о благих намерениях Его Христианского Величества; чтобы вам было легче защитить себя и свою собственность, я советую вам в случае беспорядков, с разрешения лорда-секретаря, кардинала Лиона, укрыться в моем дворце; Я пишу в данный момент упомянутому секретарю, чтобы попросить его предоставить вам это убежище; ведь я не забыл, что Бог сотворил меня из ничего, что Он возвысил меня до достоинства и обязанностей кардинала по молитвам короля римлян и выборщиков империи. Поэтому, пока я жив, я буду из благодарности заставлять себя служить императору, эрцгерцогу Филиппу и всем их подданным с той же преданностью, как если бы я родился в их государствах. Прощайте, дорогие братья. Молите Бога, чтобы Он услышал наши желания, которые заключаются в всеобщем мире между всеми христианами и всеобщей войне против турок.

Ваш друг и брат,

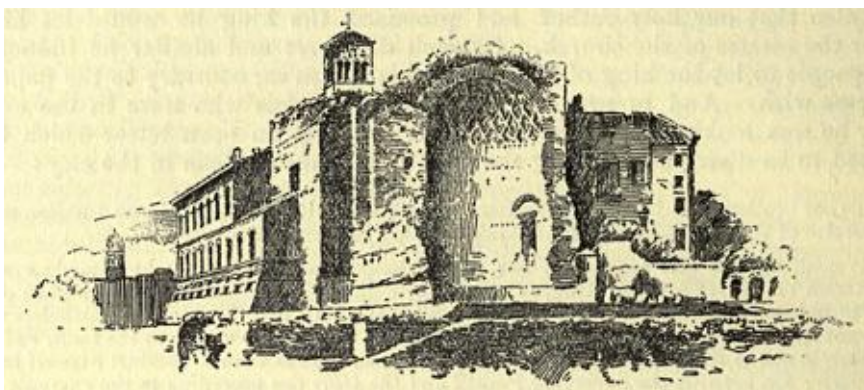
Кардинал Гурк.

Формелло, 23 декабря.

25 декабря, в праздник Рождества Господа нашего Иисуса Христа, достопочтенный кардинал Монреаль, который должен был отслужить торжественную мессу, был назначен

святым отцом () после получения информации о намерениях короля Франции относительно его въезда в Рим, чтобы отправиться к этому принцу и просить его послать одного из своих людей, который бы посоветовался с папой о том, как ему следует въехать в город. Утром того же дня наш святой отец папа, прежде чем отправиться в свою капеллу, созвал всех кардиналов, за исключением кардинала Алессандрии, который должен был отслужить мессу, в зал, известный как Папагалло, и объявил о прибытии короля Франции в присутствии герцога Калабрии.

В пятницу, 26-го числа того же месяца, наш святой отец отправился в большую часовню дворца, где принял послов короля, которых было трое и которые были посланы накануне вечером. Ими были: великий маршал королевства Мессир Жан де Ганне, первый президент парламента Парижа, и еще один человек — все они были мирянами. Я распорядился, чтобы их посадили — великого маршала на ступени папского трона, перед сенатором и выше него; двоих других — на скамью светских послов, где сидели два посла от короля Неаполя, которые, отказываясь признать новоприбывших под предлогом того, что они ничего не знают об их полномочиях как послов, встали и покинули свои места; но когда я сообщил им по специальному распоряжению папы, что они являются послами короля Франции, они вернулись на свои места и уступили. Послы короля сопровождались большим количеством французов, некоторые из которых, забыв о приличиях, пытались сесть рядом с прелатами и даже на их места. Я был вынужден выпросить их и назначить им более подходящие места. Тогда папа подозвал меня к себе и с большим раздражением сказал, что я подвергаю риску его интересы, что французам нужно позволить сесть там, где они хотят; я ответил его святейшеству, который таким образом немного увлекся, что, зная о его желании, я позволю им сесть там, где они хотят, не делая никаких замечаний.

Руины храма Венеры, Рим

В среду, 31 декабря, ранним утром я отправился верхом по приказу нашего святого отца папы на встречу с королем Франции, чтобы сообщить ему о порядке его приема в соответствии с церемониалом, узнать его пожелания и выполнить все, что его величество предпишет мне: Меня сопровождали преподобный отец во Иисусе Христе, лорд Бартоломео, епископ Непи, секретарь папы; лорд Джером Поркарио, аудитор Роты, декан Коронато де Планка; а также Мариус Милориус, Кристофер Бузолус, канцлер Рима, и Якоб де Синибалдис — римские граждане. В Галере, в двух милях от города, мы встретили самых distinguished кардиналов Сан-Пьетро-ин-Винколи, Гурка и Савелли, которым я выразил почтение, не спускаясь с лошади. Вскоре после этого мы встретили короля, которому мы выразили свое уважительное приветствие, но все еще оставались верхом из-за грязи и плохой погоды.

Епископ Непи объяснил королю, что святой отец поручил ему сказать по поводу приема принца, а я со своей стороны сообщил его величеству о цели нашего поручения. Король ответил, что желает въехать в Рим без помпы; затем он выслушал лорда Джерома Поркарио, который говорил от имени своих римских коллег, предоставляя королю в распоряжение граждан и все, чем они владели. Король дал краткий ответ, не объяснив, что он собирается делать с предложением, которое только что сделал ему Поркарио. Римляне удалились. По приглашению короля я сопровождал его на протяжении примерно четырех миль; он расспрашивал меня о церемонии, папе и кардиналах, о ранге и положении Валентино (Чезаре Борджиа), задавая вопросы так, что я едва мог ответить на один из них удовлетворительно. На окраине Бургетто перед королем явились два венецианских посла; вскоре за ними последовал достопочтенный кардинал Асканьи, который, не спускаясь с мула, снял головной убор перед королем; принц поступил так же по отношению к кардиналу; затем оба снова надели головные уборы, и достопочтенный кардинал Асканьи поехал слева от короля и сопровождал его через Мильвийский мост до дворца Святого Марка, обычной резиденции достопочтенного кардинала Беневенто. Мы прибыли туда около двух часов ночи, по дорогам, покрытым глубокой грязью. От дворца достопочтенного кардинала Лиссабона, расположенного рядом с церковью Сан-Лоренцио, до дворца Святого Марка весь путь был освещен кострами, факелами и свечами, и почти из всех домов доносились крики *«Франция! Франция! Колонна! Колонна! Винкула! Винкула!»*.

В тот же день, перед входом короля в Рим, ключи от всех городских ворот были переданы в руки великого маршала короля Франции, в соответствии с приказом этого принца и с согласия папы. Французы сказали, что в прошлый раз ключи были переданы герцогу Калабрии во время его визита в Рим, и что король Франции должен иметь те же права. В последующие дни все наиболее почтенные кардиналы, проживавшие в Риме, по обычаю поочередно посещали короля Франции, за исключением кардиналов Неаполя и Орсини, которые, проживая в апостольском дворце в апартаментах, выделенных им святым отцом, не покидали дворец и не совершали этого визита. Перед его входом я сообщил королю по дороге, что, принимая кардиналов, он должен сам выйти им навстречу, проводить их до двери при уходе, пожать им руку, и я проинструктировал его о других подобных обычаях. Но он поступил совершенно иначе. Он не вышел им навстречу и не проводил их до двери; члены его свиты не выказали им должного уважения. Ближайший к королевским апартаментам двор дворца Сан-Марко был усыпан соломой и даже не убран; к дверям и каминам были прикреплены свечи — в общем, можно было подумать, что ты находишься в свинарнике.

В субботу, 3 января, сторонники Колонна и французы разгромили резиденции племянника достопочтенного кардинала Неаполя, сына Якоба де Комититибуса, Эммануила де Бальди () и лорда Бартоломео де Лукка (Bartolommeo de Lucca), *камергера* нашего святого отца папы. Французы, чтобы разместить Эммануила де Комититуса по-своему, ворвались в дома со всех сторон, выбросили даже животных и движимое имущество, сожгли деревянные конструкции и ели и пили вволю, не платя ни за что, что вызвало большой резонанс среди населения. В результате король Франции издал приказ, запрещающий входить в дома силой под страхом смертной казни, который был опубликован по всему городу. В понедельник, 5 января, в большой часовне дворца в присутствии папы были отслужены папские вечерни. Перед тем как его святейшество покинул комнату Папагалло, нескольким французам было позволено поцеловать его ногу.

В воскресенье, 11 января, между нашим святым отцом папой и Филиппом де Брессом, дядей короля Франции, было достигнуто соглашение, что его святейшество в течение шести месяцев будет содержать султана Джема, брата Великого Турок, королю Франции, который сразу же выплатит папе двадцать тысяч дукатов и обязуется, под гарантию флорентийских

и венецианских купцов, вернуть того же султана Джема папе сразу же по истечении шести месяцев; король Франции мог получить корону Неаполя без ущерба для прав других; и что кардиналы Сан-Пьетро-ин-Винколи, Гурк, Савелли и Колонна будут защищены от всяких обвинений.

В воскресенье, 18 января, святой отец послал за мной одного из пажей и сообщил мне, что на следующий день состоится публичное консистория для приема короля Франции. В соответствии с пожеланиями его святейшества я договорился, чтобы президент парламента Парижа произнес несколько слов от имени короля, в которых его величество признал бы его святейшество папу истинным наместником и преемником святого Петра. Святой отец также сообщил мне о своем намерении отслужить папскую мессу в базилике Святого Петра в следующий вторник, в день святого Себастьяна, в честь короля, и спросил меня, какое место должен занять принц и какую мессу следует отслужить. Он рассчитывал отслужить мессу Святого Духа, которую он знал лучше всего. Я ответил Его Святейшеству, что следует отслужить мессу Святого Себастьяна, а король должен занять особое место, расположенное перед скамьей кардиналов, между этой скамьей и креслом кардинала Неаполя, который будет помогать. На самом деле, в этот день кардинал не был обязан выполнять эту функцию, но против этого не было никаких возражений, так как было принято помогать его святейшеству во все дни, когда он не был знаком с обрядом. Пока мы беседовали, король Франции прибыл в папский дворец; папа, узнав о его приезде, вышел ему навстречу у входа во дворец. Папа был одет в белый камаль, богатую епитрахиль и белую шапку, что было вряд ли уместно в данных обстоятельствах. Его величество прибыл, чтобы окончательно согласовать с папой уже заключенные и подписанные статьи соглашения, по поводу которых между ними возникли разногласия относительно гарантий, которые король должен был дать в случае возвращения турок через шесть месяцев.

Соглашение гласило, что король предоставит в качестве гарантии нескольких дворян и прелатов из своего королевства по выбору папы; президент утверждал, что это условие должно быть ограничено только десятью лицами, в то время как папа требовал тридцать или сорок. Обсуждение этого вопроса затянулось на три или четыре часа; наконец, папа вошел в комнату, в которой были поставлены два папских кресла, за ним последовал король, которого он усадил в одно из этих кресел, после чего сам сел в другое, справа от короля. На стороне папы были кардиналы Святой Анастасии и Святой Александрии. На стороне короля — почтенные кардиналы Святого Дени и Святого Мало, два папских секретаря, датариус и несколько других лиц.

Статьи соглашения были зачитаны и одобрены. Были вызваны два нотариуса — благородный Стефан де Харния от имени папы и благородный Оливер Иван, клерк из Манса, от имени короля. Они написали договор на французском языке для его величества и на латинском языке для его святейшества.

В понедельник, 19 января, большой зал апостольского дворца был подготовлен в обычном порядке для публичного консистория, на котором должны были состояться прием короля Франции и церемония присяги на верность.

Король встал слева от понтифика, и я дал ему знак произнести формулу покорности. Он сказал, что собирается сделать это немедленно, но в этот момент президент парижского парламента подошел к ногам папы и, преклонив колени, объяснил, что король прибыл лично, чтобы принести клятву повиновения, но прежде чем сделать это, он хотел бы получить три милости от его святейшества, в соответствии с обычной привилегией вассалов перед клятвой или данью уважения. Он просил подтвердить права, предоставленные ему, королю-христианину, его супруге королеве, его сыну дофину и всем остальным,

включенным в книгу, название которой он упомянул; далее, инвеституру королевства Неаполь для себя; и, наконец, аннулирование положения, касающегося гарантии возвращения брата Великого Турок папе — статьи, согласованной накануне с другими. Папа ответил, что он с готовностью подтверждает привилегии, которые были предметом первого требования, поскольку они были установлены обычаем; но что касается инвеституры королевства Неаполь, то, поскольку это дело, в котором заинтересован другой, оно не может быть решено до тех пор, пока не будет проведено тщательное обсуждение и консультации с кардиналами, среди которых он приложит все усилия, чтобы его величество получил желаемое удовлетворение; а что касается Джема — брата великого турок — он желает прийти к единодушному соглашению с королем и священным колледжем, надеясь, что между ними не будет разногласий по поводу этой статьи. Получив этот ответ, король, стоявший слева от папы, произнес следующие слова:

«Святой отец, я пришел, чтобы выразить послушание и почтение Вашему Святейшеству, как делали это мои предшественники, короли Франции».

После чего президент, о котором мы говорили и который оставался на коленях, встал и, стоя перед его святейством, разъяснил следующими словами то, что только что сказал король:

«Святейший отец, среди христианских князей, особенно среди христианских королей, существует древний обычай через своих послов выражать свое почтение Святому Престолу и папам, которых Всемогуший поставил во главе Церкви; но король, присутствующий здесь, решив посетить могилы святых апостолов, прибыл лично, чтобы выполнить этот долг. Таким образом, он признает вас, святой отец, главой всех верующих, истинным наместником Иисуса Христа и законным преемником святых апостолов Петра и Павла, охотно оказывая вам то сыновнее повиновение, которое короли Франции, его предшественники, привыкли проявлять по отношению к папам. Вот почему король предлагает себя и всех, кто зависит от него, на службу Вашему Святейшеству и Святому Престолу».

Во вторник, 27 января, султан Джем, брат Великого Турок, был доставлен из замка Святого Ангела во дворец Святого Марка и передан в руки короля Франции.

В среду, 28 января, король Франции и его народ, все в оружии, посетили папу, с которым король Франции остался наедине на некоторое время. Затем он удалился, и папа сопровождал его до галереи, ведущей к главным апартаментам, где король преклонил колени и снял головной убор. Папа также обнажил голову, чтобы обнять его; король сделал вид, что хочет поцеловать ноги папы, но тот не позволил ему этого сделать. Король удалился и сел на лошадь, которая ждала его у входа в частный сад, где он некоторое время ждал кардинала Валентино, который должен был сопровождать его в Неаполь; наконец, последний, попрощавшись с папой, пришел к месту, где ждал король, сел на мула в кардинальской одежде и подарил королю шесть великолепных лошадей. Затем король отправился в путь с кардиналом Валентино по левую руку; другие кардиналы, сопровождение которых король не желал, удалились. Король направился прямо в Марино, куда прибыл в течение дня. Кардиналы Сан-Пьетро-ин-Винколи, Савелли и Колонна, а также аудитор палаты также покинули Рим вместе с королем. Вечером кардинал Гурк последовал за королем. Брат великого турок уже отправился в Марино.^f

Карл отправляется в Неаполь

Первое сопротивление, с которым столкнулся Карл, было на границах королевства Неаполь; и, захватив там штурмом два небольших города, он устроил массовую резню

жителей. Этот случай жестокости настолько потряс Альфонсо II, что он отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда II и удалился со своим сокровищем на Сицилию. Фердинанд занял Капую со всей своей армией, намереваясь защищать переправу через Вольтурно. Он покинул этот город, чтобы успокоить восстание, вспыхнувшее в Неаполе; Капуа во время его отсутствия из страха была сдана французам, а сам он 21 февраля был вынужден отплыть на Искью. Все бароны, его вассалы, все провинциальные города послали делегации к Карлу, и все королевство Неаполь было завоевано без единой битвы в его защиту. Силы северной Италии с ревностью смотрели на эти важные завоевания; кроме того, они уже были возмущены наглостью французов, которые начали вести себя как хозяева на всей полуострове. Герцог Орлеанский, оставленный Карлом в Асти, уже заявил о своих притязаниях на герцогство Миланское как наследник своей бабушки Валентины Висконти. В связи с этим Лодовико Сфорца заключил союзы с венецианцами, папой, королем Испании и императором Максимилианом для сохранения независимости Италии; герцог Милана и венецианцы собрали под Пармой мощную армию под командованием маркиза Мантуи.

[1495-1496 гг. н. э.]

Карл VIII провел три месяца в Неаполе, участвуя в пирах и турнирах, в то время как его лейтенанты подчиняли и дезорганизовывали провинции. Новости о том, что происходило в северной Италии, побудили его вернуться во Францию с половиной своей армии. Он покинул Неаполь 20 мая 1495 года и мирно прошел через Рим, в то время как папа заперся в замке Святого Ангела. Из Сиены он отправился в Пизу, а оттуда в Понтремоли, где вошел в Апеннины. Гонзага, маркиз Мантуи, ждал его в Форново, на другой стороне этой горной цепи. Карл перешел Таро в надежде избежать встречи с ним, но 6 июля был атакован итальянцами на его границе. В тот момент он находился в полном марше; подразделения его армии были разбросаны и находились на некотором расстоянии друг от друга. Некоторое время он находился в смертельной опасности, но стремительность французов и упорная доблесть швейцарцев исправили ошибку своего генерала. Большое количество итальянских воинов было сбито с ног французской кавалерией, многие другие были сражены швейцарскими алебардами, и все они были мгновенно казнены слугами армии. Гонзага оставил на поле боя три тысячи пятьсот трупов, а Карл продолжил свое отступление. По прибытии в Асти он заключил договор с Лодовико Сфорца о освобождении герцога Орлеанского, которого Сфорца осаждал в Новаре. Он распустил двадцать тысяч швейцарцев, которых привели к нему из гор, но которым он не осмеливался доверять себя. 22 октября 1495 года он вновь пересек Альпы, после того как опустошил всю Италию с силой и быстротой урагана. Он оставил своего родственника Жильбера де Монпенсье, вице-короля Неаполя, с половиной своей армии, но народ, уже утомленный его игом, вернул Фердинанда II. Французы, после многих сражений, последовательно теряли свои завоевания и в конце концов были вынуждены капитулировать в Аверсе (Ателла) 23 июля 1496 года.

Вторжение французов не только посеяло ужас от одного края Италии до другого, но и изменило всю политику этой страны, сделав ее зависимой от политики трансальпийских народов. В то время как Карл VIII претендовал на звание законного наследника королевства Неаполь, герцог Орлеанский, который сменил его под именем Людовика XII, называл себя наследником герцогства Миланского. Максимилиан, столь же амбициозный, сколь и непоследовательный, претендовал на прерогативы в итальянских государствах, на которые не претендовал ни один император со времени смерти Фридриха II в 1250 году. Швейцарцы в то же время узнали, что у подножия их гор лежат богатые и слабые города, которые они могут грабить, и что там царит прекрасный климат, предлагающий все удовольствия жизни; они видели, что соседние монархи готовы платить им за то, что они будут там заниматься

разбоем. Наконец, Фердинанд и Изабелла, монархи Арагона и Кастилии, объявили о своем намерении защищать незаконную ветвь дома Арагона, которая правила в Неаполе. Но, уже являясь хозяевами Сицилии, они намеревались перейти пролив и тайно вели переговоры с Карлом VIII, чтобы разделить с ним добычу родственника, которого они якобы защищали. Среди этих различных притязаний и интриг, в которых итальянские интересы уже не имели никакого участия, дух свободы вновь возродился в Тоскане, но только для того, чтобы иссякнуть в новой борьбе между флорентийцами и пизанцами. Французские гарнизоны, которые Карл оставил в Пизе и Либрафратте, вместо того чтобы сдать их флорентийцам, согласно его приказу, 1 января 1496 года сдали их самим пизанцам. Союзники, сражавшиеся с Карлом при Форново, упрекнули флорентийцев в их привязанности к этому монарху и выступили против них на стороне пизанцев. Лодовико Сфорца и венецианцы послали последним подкрепление, а сам император Максимилиан пришел им на помощь. Таким образом, единственные итальянцы, которые искренне заботились о чести и независимости Италии, израсходовали свои силы в неравных сражениях и бесплодных попытках.^d

ФЛОРЕНТИЙСКИЕ ДЕЛА; САВОНАРОЛА

Флорентийская республика была единственной дружественной державой, которая осталась у Карла в Италии; эта дружба, хотя и ложная, была во всех отношениях важной и почти незаменимой для Франции в осуществлении ее итальянских завоеваний, но в равной степени и для Флоренции, поскольку она была ее самым обширным и богатым полем для торговли. Однако, вместо того чтобы попытаться примирить последнюю, монарх не только нарушил свою клятву и удержал ее самые ценные владения, но и оставил своих самых жестоких солдат для защиты ее восставших подданных; его гасконская пехота, не сдерживаемая королевским присутствием и проникнутая всей пизанской ненавистью к Флоренции, продолжала свои военные операции с жестокостью, до сих пор неизвестной итальянцам. Среди прочих излишеств они вообразили, что флорентийцы перед каждым сражением проглатывают свое золото и драгоценности, чтобы сохранить что-нибудь, если их возьмут в плен; поэтому всех подозреваемых пленников убивали и вскрывали, чтобы тщательно обыскать их в поисках этих сокрытых сокровищ: однако за такую жестокость они дорого заплатили, когда были взяты в плен в Понте-ди-Сакко, несмотря на все усилия флорентийских комиссаров.^e

В тот момент, когда Флоренция изгнала Медичи, республика была раздроблена на три разных партии. Первая — это партия энтузиастов, возглавляемая Джироламо Савонаролой, который обещал чудесную защиту Божества для реформирования церкви и установления свободы. Они требовали демократической конституции — их называли «плаксами». Вторая состояла из людей, которые делили власть с Медичи, но отделились от них; они хотели обладать властью и прибылью правительства в одиночку и пытались развлекать народ разгулом и удовольствиями, чтобы без труда установить аристократию — их называли арабиати. Третья партия состояла из людей, которые остались верны Медичи, но, не осмеливаясь заявить о себе, жили в уединении — их называли биги. Эти три партии были настолько равномерно распределены в балии, назначенной парламентом 2 декабря 1494 года, что вскоре стало невозможно продолжать управление. Джироламо Савонарола воспользовался этим положением дел, чтобы напомнить, что народ никогда не передавал свою власть балии, которая не злоупотребляла бы доверием. «Народ, — сказал он, — поступил бы гораздо лучше, если бы оставил эту власть за собой и осуществлял ее через совет, в который должны быть приняты все граждане». Его предложение было принято: более 1800 флорентийцев предоставили доказательства того, что они, их отцы или деды занимали должности в магистратуре; в результате они были признаны гражданами и допущены к участию в общем совете. Этот совет был провозглашен суверенным 1 июля 1495 года; он был наделен правом избирать магистратов, которые до этого выбирались по жребию, и была объявлена всеобщая амнистия, чтобы похоронить в забвении все древние разногласия Флорентийской республики.

САВОНАРОЛА

(Из старинной гравюры)

Такое важное изменение в конституции, казалось, сулило республике более счастливое будущее. Монах Савонарола, который оказал такое влияние на совет, одновременно проявлял горячую любовь к человечеству, глубокое уважение к правам всех, большую чувствительность и возвышенный ум. Хотя он был ревностным реформатором церкви и в этом отношении предшественником Лютера, которому суждено было начать свою миссию двадцатью годами позже, он не выходил за рамки ортодоксии; он не присваивал себе права проверять доктрину; он ограничил свои усилия восстановлением дисциплины, реформированием нравов духовенства и возвращением священников, а также других граждан к практике евангельских заповедей: но его рвение смешивалось с энтузиазмом; он считал себя под непосредственным вдохновением провидения; он принимал свои собственные порывы за пророческие откровения, которыми он направлял политику своих учеников, пианьони. Он предсказал флорентийцам приход французов в Италию; он представил им Карла VIII как инструмент, с помощью которого Божество намеревалось наказать преступления нации; он советовал им оставаться верными своему союзу с этим королем, инструментом провидения, даже несмотря на то, что его поведение, особенно в отношении дел Пизы, было весьма предосудительным.

Однако этот союз поставил флорентийцев в ряд врагов папы Александра VI, одного из основателей лиги, изгнавшей французов из Италии; он обвинил их в предательстве церкви и своей страны за их привязанность к иностранному принцу. Александр, одинаково оскорбленный проектами реформ и политикой Савонаролы, объявил его еретиком и запретил ему проповедовать. Монах сначала подчинился и добился назначения своего друга и ученика, доминиканского монаха Буонвичино из Пешии, своим преемником в церкви Святого Марка; но в Рождество 1497 года он объявил с амвона, что Бог открыл ему, что он не должен подчиняться коррумпированному суду; затем он открыто принял причастие вместе с монахами Святого Марка, и после этого продолжал проповедовать. В своих проповедях он

не раз подвергал осуждению скандальное поведение папы, которого общественность обвиняла во всех пороках и преступлениях, которые можно было ожидать от такого развратного человека — человека столь амбициозного, вероломного и жестокого — монарха и священника, опьяненного абсолютной властью.

Между тем, соперничество между религиозными орденами, поощряемое римским двором, вскоре привело к появлению у папы сторонников, жаждущих бороться с Савонаролой: это был доминиканец — генерал августинцев, ордена, из которого вскоре вышел Мартин Лютер. Монах Мариано ди Гинаццано прославился своим рвением в противостоянии Савонароле. Он представил папе монаха Франциска из Апулии, из ордена меньших обсервантов, который был отправлен во Флоренцию, чтобы проповедовать против флорентийского монаха в церкви Санта-Кроче. Этот проповедник заявил своей аудитории, что он знает, что Савонарола притворяется, что поддерживает свою доктрину чудом. «Что касается меня, — сказал он, — я грешник; я не имею смелости творить чудеса; тем не менее, зажгите костер, и я готов войти в него вместе с ним. Я уверен, что погибну, но христианская любовь учит меня не щадить свою жизнь, если, пожертвовав ею, я смогу низвергнуть в ад ересиарха, который уже увлек в него столько душ».

Это странное предложение было отвергнуто Савонаролой, но его друг и ученик, монах Доменико Буонвичино, с энтузиазмом его принял. Франциск из Апулии заявил, что рискнет своей жизнью только против Савонаролы. Тем временем толпа монахов доминиканского и францисканского орденов соперничала друг с другом в предложениях доказать испытанием огнем, с одной стороны, истинность, а с другой — ложность новой доктрины. Энтузиазм распространился за пределы двух монастырей; многие священники и миряне, и даже женщины и дети, особенно на стороне Савонаролы, горячо просили допустить их к испытанию. Папа горячо выразил свою благодарность францисканцам за их преданность. Синьория Флоренции согласилась, чтобы только два монаха посвятили себя своим орденам, и распорядилась подготовить костер. Все население города и страны, которому было обещано знаменательное чудо, приняло это объявление с восторгом.

7 апреля 1498 года на общественной площади Флоренции была возведена ужасающая на вид эшафот: две стопки больших кусков дерева, смешанных с хворостом и вениками, которые должны были быстро загореться, длиной по восемьдесят футов, толщиной четыре фута и высотой пять футов; они были разделены узким проходом шириной два фута, по которому два священника должны были пройти по всей длине костров во время пожара. Все окна были заставлены людьми, все крыши были покрыты зрителями, почти все население республики собралось вокруг этого места. Портик под названием Loggia de' Lanzi, разделенный перегородкой на две части, был отдан двум монашеским орденам. Доминиканцы прибыли на свое место, воспевая гимны и неся святые дары. Францисканцы немедленно заявили, что не позволят нести хостию среди пламени. Они настаивали, чтобы монах Буонвичино вошел в огонь, как был готов сделать их собственный чемпион, без этой божественной защиты. Доминиканцы ответили, что не отлучатся от своего Бога в тот момент, когда они молят Его о помощи. Спор по этому поводу разгорелся. Прошло несколько часов. Толпа, которая долго ждала и начала испытывать голод и жажду, потеряла терпение; на город внезапно обрушился проливной дождь, который стекал потоками с крыш домов — все присутствующие были промочены до нитки. Поле, промокшее до такой степени, что его было невозможно поджечь, и толпа, разочарованная в так нетерпеливо ожидаемом чуде, разошлась, считая, что с ней поступили недостойно. Савонарола потерял весь свой авторитет; отныне его считали скорее самозванцем. На следующий день его монастырь был осажден арабиатами, жаждущими воспользоваться непостоянством толпы; он был арестован вместе со своими двумя друзьями, Доменико Буонвичино и Сильвестро Марруффи, и отправлен в тюрьму. Пианьони, его сторонники, подверглись всем

возмущениям со стороны народа — двое из них были убиты; их соперники и старые враги разжигали всеобщее возмущение, чтобы уничтожить их. Даже в синьории большинство было против них и уступило настойчивым требованиям папы. Трое заключенных монахов подверглись уголовному преследованию. Александр VI направил из Рима судей с приказом приговорить обвиняемых к смерти. В соответствии с законами церкви, суд начался с пыток. Савонарола был слишком слаб и нервен, чтобы выдержать их: в агонии он признался во всем, в чем его обвиняли, и вместе со своими двумя учениками был приговорен к смерти. Трое монахов были сожжены заживо 23 мая 1498 года на той же площади, где шесть недель назад был воздвигнут костер, чтобы устроить им триумф.

ФРАНЦУЗЫ В МИЛАНЕ

[1498-1499 гг. н. э.]

Поход Карла VIII на Неаполь привлек внимание всех западных держав к Италии. Трансальпийские народы поняли, что они достаточно сильны, чтобы действовать как хозяева, а если им заблагорассудится, то и как грабители в этой самой богатой и цивилизованной стране на земле. Все державы на границах отныне стремились подчинить часть Италии своему господству. Они жаждали получить свою долю дани от земли, столь плодородной для сборов, от тех городов, в которых промышленность давала работу такому количеству людей и накопила столько капитала. Жадность вооружила их и задушила всякие благородные чувства. Командиры были алчными, солдаты думали только о грабеже. Они считали итальянцев народом, обреченным на их грабежи, и соперничали друг с другом в изобретении варварских методов вымогательства денег у побежденных, пока, наконец, не уничтожили полностью то процветание, которое вызывало их зависть.

Карл VIII умер в Амбуге 7 апреля 1498 года, в день, назначенный во Флоренции для испытания огнем учения Савонаролы. Людовик XII, который сменил этого монарха, как внук Валентины Висконти, претендовал на то, чтобы быть законным наследником герцогства Милана, хотя, согласно закону, признанному всей Италией и подтвержденному императорской инвеститурой, предоставленной отцу Валентины, женщины были исключены из любого участия в наследовании. Этот монарх при своей коронации принял вместе с титулом короля Франции титулы герцога Милана и короля Неаполя и Иерусалима. Он казался особенно привязанным к герцогству Милану, по-видимому, потому что оно было объектом его амбиций еще до вступления на престол. На протяжении всего своего правления он сохранял, как будто был просто герцогом Милана, феодальное уважение к императору как верховному господину, что было столь же губительно для Франции, как и для Италии.

Объявив таким образом миру о своих притязаниях на герцогство Миланское, Людовик поспешил обеспечить его владение с помощью оружия. Ему легко удалось отделить своего противника, Лодовико Сфорцу, от всех его союзников. Император Максимилиан женился на племяннице Лодовико, которому он предоставил инвеституру своего герцогства, но Максимилиан с крайней легкомысленностью забыл о своих обещаниях и союзах. Новая амбиция, мнимое оскорбление, даже прихоть были достаточными причинами, чтобы заставить его отказаться от своих зрелых планов. Швейцарцы как раз в тот момент вызвали его недовольство, и чтобы атаковать их более эффективно, он подписал с Людовиком XII перемирие, в которое не был включен Лодовико Сфорца и который, таким образом, был брошен на произвол врага. Венецианцы были еще более заинтересованы в защите Лодовико, чем император, но были возмущены им; они обвиняли его в том, что он обманул их как в войне против Карла VIII, так и в войне за защиту Пизы. Они подозревали его в том,

что он подсказал Максимилиану требования, которые тот только что выдвинул в отношении всех их завоеваний в Ломбардии (), как ранее принадлежавших империи. Кроме того, они были вынуждены сохранять все свои ресурсы, чтобы противостоять самому грозному из своих врагов. Баязит II только что объявил им войну. Банды разбойников постоянно спускались с гор турецкой Албании, чтобы опустошать венецианскую Далмацию. Турецкие паши предлагали свою поддержку каждому предателю, который пытался отнять у венецианцев какие-либо из их постов в Леванте. Корфу едва не попала в руки турок; в конце концов, начались открытые военные действия. Турки атаковали Зару; все венецианские купцы, проживавшие в Константинополе, были заключены в кандалы, а Скандер-паша, санджак Боснии, 29 сентября 1499 года перешел Изонцо с семьей тысячами турецкой кавалерии. Он опустошил всю богатую страну, простирающуюся от этой реки до Таглиаменто, на краю Адриатики, и посеял ужас вплоть до лагун, окружающих Венецию. Подвергшись вторжению столь грозного врага, против которого им предстояло вести безжалостную войну в течение семи лет, венецианцы не хотели подвергать себя опасности ведения еще одной войны против французов. 15 апреля 1499 года они подписали в Блуа с Людовиком договор, по которому они заключили союз против Лодовико Сфорца и отказались от завоевания Милана () в пользу короля Франции, оставив за собой Кремону и Гиара-д'Адда.

[1499-1500 гг. н.э.]

Лодовико Сфорца не нашел союзников ни в одной другой части Италии. После казни Савонаролы во Флоренции фракция Арабиати сменила фракцию Пьяньони в управлении, не изменив своей политики. Республика продолжала остерегаться интриг Медичи, которые вступали в союз со всеми врагами своей страны, чтобы вернуть ее под свое господство. Флоренция продолжала свои попытки подчинить Пизу, но, опасаясь вызвать ревность королей Франции и Испании, не собирала для этой цели ни многочисленную армию, ни большую артиллерию. Она довольствовалась ежегодным разграблением пизанской территории, чтобы подчинить этот город голодом. Даже эти экспедиции были приостановлены, когда эти могущественные монархи сочли целесообразным продемонстрировать мир. Города Сиена, Лукка и Генуя, движимые ревностью к Флоренции, послали помощь Пизе. Папа Александр VI, который всегда был врагом Карла VIII, теперь заключил союз с Людовиком XII, но на условии, что Чезаре Борджиа, сын Александра, будет назначен герцогом Валентинуа во Франции и Романьи в Италии, а французский король будет помогать ему против мелких князей, вассалов Святого Престола, которые были хозяевами этой провинции. Король Неаполя Фридрих, который 7 сентября 1496 года сменил своего племянника Фердинанда, 1496 году, хорошо понимал, что теперь на него нападет Франция; но, хотя он заслуживал доверием своих подданных благодаря своим талантам и добродетелям, ему было очень трудно восстановить порядок в своём королевстве, разрушенном войной, и у него не было ни армии, ни казны, чтобы помочь своему естественному союзнику, герцогу Миланскому.

Мощная французская армия под командованием сэров Де Линьи и Д'Обиньи пересекла Альпы в августе 1499 года. 13 числа того же месяца она атаковала и взяла штурмом две небольшие крепости Араццо и Анноне на границе с Танаро, перебив гарнизоны и почти всех жителей. Эти жестокие действия посеяли ужас среди войск Лодовико Сфорца. Его армия, командование которой он передал Галеаццо Сан-Северино, распалась, и герцог, не рискуя оставаться в Милане, искал убежища для себя, своих детей и сокровищ в Германии у императора Максимилиана. Людовик XII, прибывший в Италию позже, 2 октября вошел в покинутую столицу Лодовико. Дрожащий народ, желая примирить своего нового господина, приветствовал его титулом герцога Милана и выразил свою радость () от того, что принял

его в качестве своего правителя. Остальная часть Ломбардии также подчинилась без сопротивления, а Генуя, которая поставила себя под защиту герцога Милана, перешла под покровительство короля Франции.

Луи вернулся в Лион до конца года; беглые надежды, которые он возбудил, уже сменились ненавистью. Наглость французов, их нарушение всех национальных институтов, их презрение к итальянским нравам, накопление налогов и нарушения в управлении сделали их иго невыносимым. Лодовико Сфорца был проинформирован об общем волнении и о желании его подданных видеть его возвращение. Он находился на швейцарской границе со значительным сокровищем; к нему присоединилась отважная, но беспорядочная толпа молодых людей, готовых служить любому за плату. За несколько дней под его знаменем собралось пятьсот всадников и восемь тысяч пехотинцев, и в феврале 1500 года он во главе их вступил в Ломбардию. Комо, Милан, Парма и Павия немедленно открыли ему свои ворота; затем он осадил Новару, которая капитулировала. Тем временем Людовик проявил большую активность в подавлении восстания: его генерал Луи де ла Тремуйль прибыл к Новаре в начале апреля с армией, в которой насчитывалось десять тысяч швейцарцев. Соотечественники, находившиеся в двух враждующих лагерях и сражавшиеся друг против друга за наемную плату, колебались, вели переговоры и в конце концов приняли решение, более губительное для их чести, чем могла бы быть битва между соотечественниками. Те, кто находился в Новаре, не только согласились уйти, но и выдать французам итальянских воинов, с которыми они были объединены и которые были немедленно преданы мечу или утоплены в реке. Они позволили Ла Тремуйю арестовать в своих рядах Лодовико Сфорцу и двух братьев Сан Северино, которые пытались сбежать в переодетом виде. Они получили от французов жалованье, заработанное таким подлым образом, а затем, одурманенные чувством своей позора, в отступлении захватили Беллинцону, которую впоследствии удержали. Таким образом, даже самые слабые соседи Италии получили свою долю в ее завоевании. Лодовико Сфорца был отправлен во Францию и там приговорен к суровому заключению, которое через десять лет закончилось его смертью. Миланцы оставались подданными короля Франции с этого момента до июня 1512 года.

Дворец Капо ди Монте, Неаполь

Легкость, с которой Людовик завоевал герцогство Миланское, наверняка заставила его ожидать, что он не встретит большого сопротивления со стороны королевства Неапольского. Фридрих, понимая это, также потребовал мира и, чтобы его получить, предложил удерживать свое королевство в качестве феода, платя дань Франции. Однако он рассчитывал на поддержку Фердинанда Католического, своего родственника и соседа, который обещал ему мощную помощь и дал залог будущего, отправив в Сицилию своего

лучшего генерала Гонсальво де Кордову с шестьюдесятью кораблями и восемью тысячами отборных пехотинцев. Но Фердинанд ранее предложил Людовику тайное соглашение о разделе между ними добычи несчастного Фридриха. Пока французы входили на север, чтобы завоевать королевство Неаполь, он предложил испанцам войти на юг, чтобы защитить его; и чтобы при встрече они, вместо того чтобы сражаться, пожали друг другу руки о разделе королевства — каждый оставаясь хозяином одной половины. Это было основой Гранадского договора, подписанного 11 ноября 1500 года. Летом 1501 года этот вероломный договор был выполнен двумя величайшими монархами Европы.

ФРАНЦУЗЫ И ИСПАНЦЫ В НЕАПОЛЕ

[1500-1504 гг. н. э.]

Французская армия прибыла в Рим 25 июня, в то же время, когда армия Гонсальво де Кордова высадилась в Калабрии. Первые, с момента пересечения границы, относились к неаполитанцам как к мятежникам и вешали солдат, которые сдавались им. Прибыв к Капуе, они вошли в город, пока магистраты подписывали капитуляцию, и убили семь тысяч жителей. Вероломство Фердинанда вызвало у несчастного Фридриха еще большее отвращение, чем жестокость французов. Уйдя на остров Искья, он сдался Людовику и был отправлен во Францию, где через три года умер в не слишком суровом плену. Испанцы и французы продвигались друг к другу, не встречая никакого сопротивления. Они встретились на границах, которые были им соответственно назначены договором в Гранаде, но как только завоевание было завершено, появилась ревность. Герцог де Немур и Гонсалво де Кордова спорили о разделе королевства; каждый из них требовал для своего господина какую-нибудь провинцию, не упомянутую в договоре.

Наконец, 19 июня 1502 года в Атрипальде между ними начались военные действия. Луи, пока шли переговоры, задерживал отправку подкрепления своему генералу. После не без славы борьбы, в которой впервые отличились Ла Палисс и Байард, д'Обиньи был разгромлен в Семинаре 21 апреля, а Немур — в Чериньоле 28 апреля 1503 года. Французская армия была полностью уничтожена, и королевство Неаполь было утрачено Людовиком XII. Во время той же кампании Людовик отправил более мощную армию, чем первая, чтобы вернуть его, но, прибыв в окрестности Рима, получил известие о смерти Александра VI, которая произошла 18 августа 1503 года. Кардинал Д'Амбуаз, премьер-министр Людовика, задержал армию там, чтобы поддержать свои интриги в конклаве: когда она возобновила свой поход в октябре, начался сезон дождей. Гонсалво де Кордова занял позицию на Гарильяно, переход через который он защищал среди затопленных равнин с постоянством и терпением, характерными для испанской пехоты. Более двух месяцев французы страдали или гибли в болотах: эпидемия унесла лучших солдат армии и подорвала мужество и уверенность остальных. Гонсалво, наконец переправившись через реку 27 декабря, атаковал и полностью уничтожил французскую армию. 1 января 1504 года Гаэта сдалась ему, и все Неаполитанское королевство, как и Сицилия, стало владением Испании.

Таким образом, большая часть Италии уже попала под иго народов, которых итальянцы называли варварами. Французы были хозяевами Милана и всей Лигурии; испанцы — двух Сицилий; даже швейцарцы совершили несколько небольших завоеваний вдоль озера Маджоре; и именно в этот момент Людовик XII призвал в Италию также германцев из Саксонской союза (). 22 сентября того же года, когда он потерял Гаэту, свою последнюю крепость в королевстве Неаполь, он подписал Блуаский договор, по которому он разделил с Максимилианом Венецианскую республику, как ранее разделил с Фердинандом королевство

Неаполь. Опыт должен был научить его, что Максимилиан, как и Фердинанд, оставит за собой общие завоевания. Будущее должно было насторожить его, ведь уже родился Карл, внук и наследник Максимилиана Австрийского, Фердинанда Арагонского, Марии Бургундской и Изабеллы Кастильской. Было предсказано, что он объединит под своим скипетром величайшие монархии Европы, а Людовик, вместо того чтобы остерегаться его будущего величия, пообещал выдать за него свою дочь замуж (). Именно безрассудство Максимилиана, а не благоразумие Людовика задержало на четыре года выполнение Блуаского договора.

СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ

[1500-1509 гг. н. э.]

В течение этого промежутка времени Генуя, которая никогда не переставала считать себя республикой, хотя синьория была сначала передана Людовико Сфорце, а затем Людовику XII как герцогу Милана, на собственном опыте убедилась, что иностранный монарх не способен понять ни ее законы, ни ее свободу. Согласно капитуляции, половина магистратов Генуи должна была быть дворянами, а другая половина — плебеями. Они должны были избираться голосованием своих сограждан; они должны были сохранить управление всей Лигурией и управление своими собственными финансами, с оговоркой о фиксированной сумме, выплачиваемой ежегодно королю Франции. Но французы никогда не могли понять, что дворяне были равны крепостным, что король был связан условиями, навязанными его подданными, или что можно было отказать в деньгах тому, кто обладал силой. Все капитуляции Генуи были последовательно нарушены, в то время как генуэзские дворяне встали на сторону короля против своей страны: они были известны тем, что носили с собой кинжал с надписью «Наказывай крепостных», настолько они были нетерпеливы отделиться от народа, даже с помощью подлости и убийств. Народ не мог выносить двойное иго иностранного господина и дворян, предавших свою страну. 7 февраля 1507 года он поднял восстание, изгнал французов, провозгласил республику и назначил нового дожа, но времени на организацию обороны не хватило. 3 апреля Людовик выступил из Гренобля с мощной армией. Вскоре он прибыл к Генуе: недавно сформированная милиция, неспособная противостоять опытным войскам, была разгромлена. Людовик вошел в Геную 29 апреля и немедленно отправил на эшафот дожа и большинство благородных граждан, прославившихся защитой своей страны.

Независимая Италия теперь включала в себя только государства церкви, Тоскану и республику Венецию; и даже эти провинции подвергались давлению со всех сторон со стороны трансальпийских народов. Испанцы и французы поочередно сеяли террор в Тоскане и государствах церкви; немцы и турки держали в страхе территории Венеции. Государства церкви в то же время были жертвой интриг отвратительного Александра и его сына Чезаре Борджиа. За короткий промежуток времени было совершено больше убийств, больше покушений, больше вопиющих актов вероломства, чем за всю историю самых развращенных монархий. Чезаре Борджиа, которого его отец в 1501 году сделал герцогом Романьи, ранее ограбил и казнил мелких князей, правивших в Пезаро, Римини, Форли и Фаэнце. Точно так же он захватил Пьомбино в Тоскане, герцогство Урбино и маленькие княжества Камерино и Синигалья. В последнем городе он приказал 31 декабря 1502 года задушить четырех тиранов церковных государств, которые занимались ремеслом кондотьеров. Эти князья служили на его жалованье и, встревоженные его интригами, взяли в руки оружие против него; но, соблазненные его уловками, они добровольно подчинились его власти. Чезаре Борджиа стал хозяином Читта-ди-Кастелло и Перуджи и угрожал Болонье, Сиене и Флоренции, когда 18 августа 1503 года он и его отец по ошибке выпили яд,

который они приготовили для одного из своих гостей. Его отец умер от него, а сам Борджиа оказался в крайней опасности. За тринадцать месяцев он потерял все свои владения, плоды стольких преступлений. Подвергшись нападению со стороны папы Юлия II, сменившего его отца, и Гонсальво де Кордова, он был в конце концов отправлен в Испанию, где погиб в бою, более достойно, чем он того заслуживал.

В Тоскане республика Флоренция оказалась в окружении врагов. Медичи, продолжая находиться в изгнании, вступили в союз со всеми тиранами в папских государствах: они участвовали во всех заговорах против своей страны; в то же время они стремились к дружбе с королем Франции, который был более склонен благоволить к принцу, чем к республике. Пьеро де Медичи сопровождал армию, отправленную в 1508 году против королевства Неаполь, и погиб при поражении под Гарильяно. Его смерть не избавила Флоренцию от опасений, которые он вызывал. Его братья Джованни и Джулиано продолжали свои интриги против своей страны. Война с Пизой, которая все еще продолжалась, истощила финансы Флоренции. Пизанцы лишились торговли и производства; они видели, как их урожай каждый год уничтожался флорентийцами, но противостояли всем этим бедствиям с непоколебимой стойкостью и мужеством. Французы, немцы и испанцы поочередно посылали им помощь, но не из интереса к их делу, а с целью извлечь выгоду из затянувшейся борьбы. Лукка и Сиена, ревнуя флорентийцев, также тайно помогали пизанцам, но только в той мере, в какой они могли это делать, не подвергая себя опасности со стороны соседей, которых они боялись. Лукка постепенно попала в руки узкой олигархии. Сиена подчинилась Пандольфо Петруччи, гражданину, которого она назначила капитаном гвардии и который требовал послушания, не отступая от нравов и обычаев республиканского равенства.

В новой ситуации в Италии, постоянно угрожаемой абсолютными правителями, чьи решения были тайными и которые соединяли вероломство с силой, флорентийцы поняли, что их правительство не может действовать с необходимой осторожностью и секретностью, пока оно продолжает меняться каждые два месяца. Их союзники даже жаловались, что им нельзя доверять никаких секретов, которые не станут известны всей республике. В связи с этим они сочли необходимым поставить во главе государства единого магистрата, который должен был присутствовать на каждом совете и быть хранителем всех сообщений, требующих секретности. Этот глава, который должен был сохранить название гонфалоньера, избирался, как дож Венеции, пожизненно; он должен был проживать во дворце и получать жалованье в размере 100 флоринов в месяц. Закон, который создал должность пожизненного гонфалоньера, был принят 16 августа 1502 года, но только 22 сентября того же года великий совет избрал Пьетро Содерини на эту должность. Он был человеком, пользующимся всеобщим уважением, зрелого возраста, без амбиций, без детей, и республика никогда не имела повода сожалеть о своем выборе. В то же время республика ввела власть одного человека в администрации и отменила ее в судах. Закон от 15 апреля 1502 года упразднил должности подеста и капитана правосудия и заменил их *руотой* — судом, состоящим из пяти судей, четыре из которых должны были прийти к единодушному решению при вынесении приговора; каждый из них по очереди был председателем суда в течение шести месяцев. Эта ротация привела к тому, что название *руота* было дано высшим судам в Риме и Флоренции.

Самая важная услуга, которую ожидали от Содерини, заключалась в том, чтобы вновь подчинить Пизу Флорентийской республике: он выполнил эту задачу только в 1509 году (). Этот город уже давно был доведен до крайней степени истощения: его жители, истощенные войной и голодом, уже не имели никакой надежды () на то, что смогут удержаться; но Людовик XII и Фердинанд Арагонский объявили флорентийцам, что им должны заплатить за завоевание, которое Флоренция собиралась совершить. Пиза защищалась ими с 1507 года,

но только для того, чтобы не сдаться до согласования требуемой суммы: в конце концов она была установлена в размере 100 000 флоринов, которые должны были быть выплачены королю Франции, и 50 000 — королю Арагона. Этот договор был подписан 13 марта, а 8 июня 1509 года Пиза, жестоко пострадавшая от голода, открыла свои ворота флорентийской армии: оккупационную армию предваряли конвои с продовольствием, которое солдаты сами раздавали горожанам. Синьория Флоренции отменила все конфискации, объявленные в отношении пизанцев с 1494 года, и вернула им все их имущество и привилегии. Они пытались всеми способами примирить и привязать к себе этот гордый народ, но ничто не могло преодолеть их глубокую обиду и сожаление о потере независимости. Почти все семьи, сохранившие какое-либо состояние, эмигрировали, и население, и без того столь сократившееся в результате войны, после заключения мира еще более уменьшилось.

Венецианская республика была вынуждена вести войну против Османской империи с 1499 по 1503 год и не могла предпринимать никаких усилий для сохранения независимости Италии от Франции и Арагона. Она обратилась за помощью ко всему христианскому миру, как к святой войне, против Баязета II и, фактически, поочередно получала помощь от королей Франции, Арагона и Португалии, а также от папы, но эта помощь, ограниченная кратковременными услугами в важных случаях, была малоэффективной. Они усугубляли страдания греков, среди которых велась война, наносили небольшой ущерб туркам и были мало полезны венецианцам. Мусульмане добились прогресса в военно-морской дисциплине; венецианский флот больше не мог противостоять их флоту; и Антонио Гримани, его командующий, до тех пор считавшийся самым удачливым из граждан Венеции, уже отец кардинала и предназначенный, спустя долгое время, стать дожем республики, по возвращении на родину был обременен кандалами. Лепанто, Пилос, Модон и Корона были поочередно завоеваны турками у венецианцев; первые были рады наконец принять мир, заключенный Андреа Гритти, одним из их сограждан, пленником в Константинополе. Этим миром они отказались от всех прав на земли, которые они потеряли на Пелопоннесе, и вернули Баязету остров Санта-Маура, который они, со своей стороны, отвоевали у турок. Этот мир был подписан в ноябре 1503 года.

[1441-1509 гг. н.э.]

Период, когда Венецианская республика избавилась от террора турок, совпал со смертью Александра VI и гибелью его сына Чезаре Борджиа. Синьория сочла, что настал благоприятный момент для расширения своих владений в Романье. Эта провинция давно была объектом ее амбиций. 24 февраля 1441 года Венеция предательским образом приобрела княжество Равенна, которое в течение 166 лет управлялось домом Полента. В 1463 году она купила Червию с ее солончаками у Малатеста IV, одного из князей Римини; после смерти Чезаре Борджиа она захватила Фазэнцу, княжество Манфреды; Римини, княжество Малатеста; и несколько крепостей. Имола и Форли, управляемые Алидози и Орделаффи, оставались единственными, которые необходимо было подчинить, чтобы Венеция стала хозяйкой всей Романьи. Венецианцы предложили папе ту же самую подчиненность, ту же самую ежегодную дань, за что эти мелкие князья были признаны папскими наместниками. Но Юлий II, сменивший Борджиа, хотя и был жестоким и вспыльчивым, имел сильное чувство долга как понтифик и как итальянец. Он был полон решимости сохранить государства церкви нетронутыми для своих преемников. Он отвергал всякий nepotизм, всякое возвеличивание своей семьи и считал бы себя виновным в непростительной слабости, если бы позволил другим узурпировать то, что он отказался дать своей семье. Он высокомерно требовал возвращения всего, что венецианцы владели в государствах церкви, и, поскольку не мог добиться этого от них, согласился получить это из рук Людовика и Максимилиана, которые объединились, чтобы ограбить республику. Однако

он сообщил венецианцам о планах, разработанных против них, и только когда они показали, что не намерены ничего ему возвращать, он заключил договор с их врагами.

ЛИГА КАМБРЕ

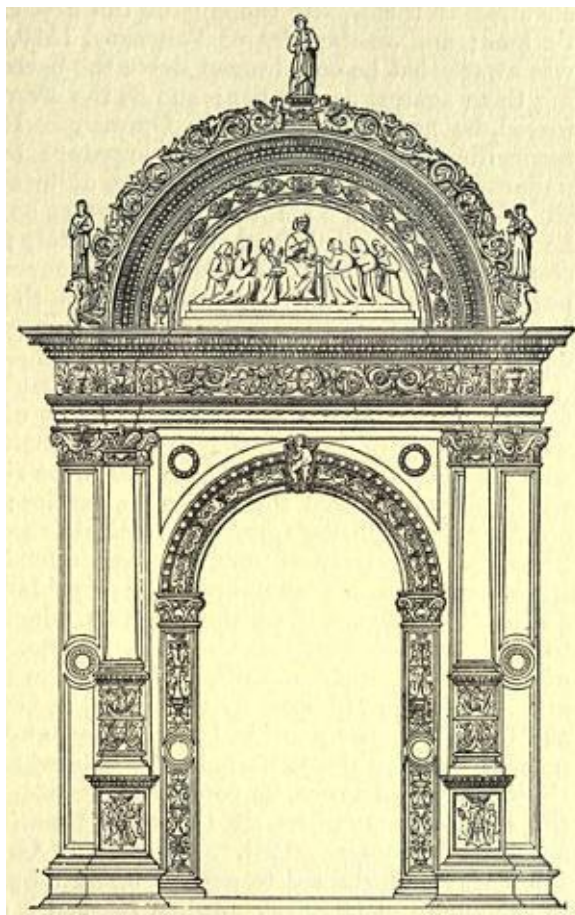
[1504-1509 гг. н. э.]

Лига против Венеции, подписанная в Камбре 10 декабря 1508 года Маргаритой Австрийской, дочерью Максимилиана, и кардиналом д'Амбуазом, премьер-министром Людовика, была лишь завершением секретного договора Блуа от 22 сентября 1504 года. Никаких оскорблений, которые оправдывали бы этот вероломный договор, не было. Максимилиан, который ненавидел Людовика, в том же году пытался напасть на него в Милане, но венецианцы отказали ему в проходе, и после трех месяцев военных действий 7 июня 1508 года договор между императором и республикой был возобновлен. Людовик XII, которого защищали венецианцы, и Максимилиан, с которым они примирились, не имели к ним никаких претензий, кроме того, что у них не было короля и что их подданные вызывали зависть у тех, у кого он был. Оба монарха согласились разделить между собой всю Terra Firma венецианцев, оставить Фердинанду все их крепости в Апулии, папе — владения в Романье, домам Эсте и Гонзага — небольшие районы около По; и таким образом дать всем заинтересованность в уничтожении единственного государства, достаточно сильного, чтобы сохранить независимость Италии.

Франция первой объявила войну Венецианской республике в январе 1509 года. Военные действия начались 15 апреля; 27 апреля того же месяца папа отлучил дожа и республику от церкви. Венецианцы собрали армию в сорок две тысячи человек под командованием импульсивного Бартоломео д'Альвиано и осторожного Питильяно. Разногласия между этими двумя военачальниками, оба из которых были способными генералами, привели к поражению в битве при Агнаделло, состоявшейся 14 мая 1509 года, с французами, число которых не превышало тридцати тысяч. В сражении участвовала только половина или даже меньше венецианской армии, но эта часть сражалась героически и погибла, не отступив ни на шаг. После этого поражения Бергамо, Брешия, Крема и Кремона поспешно сдались завоевателям, которые водрузили свои знамена на границе Гиара-д'Адда, установленной договором о разделе. Людовик отметил это быстрое завоевание жестокими зверствами; он приказал повесить венецианских губернаторов Караваджо и Пескьеры, а гарнизон и жителей — перебить мечом; он разорил огромными выкупами всех венецианских дворян, попавших в его руки, стремясь оправдать свое несправедливое нападение ненавистью, которую он старался разжечь.

Французы приостановили свои операции с 31 мая, но император, папа, герцог Феррары, маркиз Мантуи и Фердинанд Арагонский воспользовались бедствиями республики, чтобы одновременно вторгнуться в ее провинции со всех сторон. Сенат, не имея возможности противостоять столь многочисленным врагам (), принял великодушное решение освободить всех своих подданных от клятвы верности и разрешить им вести переговоры с врагом, поскольку он больше не мог их защитить. Позволяя им почувствовать тяжесть иностранного ига, сенат знал, что это только усилит авторитет республики в их глазах; и действительно, те граждане, которые с энтузиазмом открыли свои ворота французам, немцам и испанцам, вскоре в отчаянии сравнили их тиранию со справедливой и равноправной властью республики, которую они не имели мужества защитить. Германцы, прежде всего, как только вошли в венецианские города, погрузились в самое жестокое развращение, оскорбляя общественную нравственность и проявляя свою жестокость и алчность по отношению ко всем, кто попадал в их руки. Несмотря на это, местные дворяне

присоединились к ним. Они стремились заменить республиканское равенство и свободу монархией, но их наглость только усугубила ненависть, которую вызывали германцы. Армия республики укрылась в Местре, на границе Лагуны, когда внезапно граждане проявили мужество, которого уже не хватало солдатам. Тревизо в июне и Падуя 17 июля изгнали империалистов, и знамена Святого Марка, которые до сих пор постоянно отступали, снова начали наступать.

Вход в школу Святого Марка, Венеция

Война Камбрейской лиги впервые показала итальянцам, какую грозную силу могут применить против них трансальпийские народы. Максимилиан прибыл осаждать Падую в сентябре 1509 года. В его армии были немцы, швейцарцы, французы, испанцы, савойцы; войска папы, маркиза Мантуи и герцога Модены; всего более ста тысяч человек и сто пушек. Тем не менее, после многих сражений, в которых обе стороны проявили одинаковую доблесть, 3 октября он был вынужден снять осаду. Но этим варварам, которые пришли оспаривать у итальянцев суверенитет над их страной, не нужен был успех, чтобы доказать свою жестокость. Отняв у бедного крестьянина или пленника все, что он имел, они подвергали его пыткам, чтобы обнаружить спрятанные сокровища или вымогать выкуп из сострадания друзей. В этом злоупотреблении грубой силой немцы показали себя самыми жестокими, а испанцы — самыми холоднокровными. Оба были более отвратительны, чем французы; хотя у последних были отряды, называемые «кожевниками» (*écorcheurs*), сформированные во время войн с Англией и давно обученные давить народ.

Папа Юлий II вскоре начал ненавидеть своих союзников по лиге Камбре. Будучи вспыльчивым и гневливым, он часто демонстрировал в приступах ярости, что может быть столь же жестоким, как и худшие из них. Но у него была душа итальянца. Он не мог смириться с унижением своей страны и ее порабощением теми, кого он называл варварами. Вернув города Романьи, которые были предметом его спора с венецианцами, он начал делать им уступки. В конце первой кампании он вступил в переговоры и 21 февраля 1510 года даровал им отпущение грехов. Он понимал, что никогда не сможет изгнать варваров из Италии, если не вооружит их друг против друга; и поскольку французы были теми, кого он боялся больше всего, он прибег к помощи немцев. Необходимо было начать с примирения венецианцев с императором; но Максимилиан, всегда готовый взяться за все и неспособный довести что-либо до конца, не хотел уступать ни в одном пункте того, что он называл своими правами. Как император, он считал себя монархом всей Италии; и хотя его всегда останавливали на ее границе, он отказывался отказаться от малейшей части того, что намеревался завоевать. Он утверждал, что вся венецианская территория была узурпирована у империи, и прежде чем дать мир республике, требовал почти ее уничтожения.

С помощью швейцарцев папа планировал освободить Италию. Он восхищался доблестью и набожностью этого воинственного народа; с удовольствием он наблюдал, как алчность стала их главной страстью. Итальянцы, нуждавшиеся в защите швейцарцев, были достаточно богаты, чтобы им заплатить; и мудрая политика на этот раз сошлась с алчностью, поскольку швейцарские республики не могли быть в безопасности, если в Италии не была восстановлена свобода. Людовик XII, из-за своего предубеждения в пользу знати, обидел этих гордых горцев, которых даже в своей собственной армии он считал лишь восставшими крестьянами. Юлий II использовал епископа Сиона, которого впоследствии сделал кардиналом, чтобы еще больше раздражать их против Франции. В течение лета 1510 года французы, согласно плану, разработанному Юлием, подверглись нападению в Милане со стороны швейцарцев, в Генуе со стороны генуэзских эмигрантов, в Модене со стороны папских войск и в Вероне со стороны венецианцев; но, несмотря на глубокую секретность, в которую папа окутал свои переговоры и интриги, ему не удалось, как он надеялся, одновременно застать французов врасплох повсюду. Четыре атаки были проведены последовательно и отбиты. Сир де Шомтон, лейтенант Людовика в Ломбардии, решил отомстить, осадив папу в Болонье в октябре месяце. Юлий притворился, что желает купить мир любой ценой, но, ведя переговоры, он приказал войскам продвигаться вперед, и, обнаружив, что он сильнее, внезапно изменил тон, прибег к угрозам и заставил Шомтона отступить. Когда Шомон разместил свои войска в зимних кварталах, папа, в самый суровый период зимы, напал на маленькое государство Мирандола, которое поставило себя под защиту Франции, и 20 января 1511 года ворвался в его столицу.

[1511-1512 гг. н.э.]

Войска папы, под командованием герцога Урбино, потерпели в следующей кампании сокрушительное поражение при Казалеккьо 21 мая 1511 года. Этот день был назван «днем осликов», потому что французские рыцари вернулись, гнав перед собой ослов, груженных добычей. За этим последовала потеря Болоньи, но Юлий II не унывал. Его легаты трудились по всей Европе, чтобы поднять врагов против Франции. Наконец они создали союз, который был подписан 5 октября и который был назван «священным» (), потому что его возглавлял папа. В него входили короли Испании и Англии, швейцарцы и венецианцы. Людовик XII, чтобы противопоставить церковную власть власти понтификов, созвал, по согласованию с

Максимилианом, которого он по-прежнему считал своим союзником, вселенский собор. Несколько кардиналов, отделившихся от папы, придали ему свой авторитет, и Флоренция не осмелилась отказать двум величайшим монархам Европы в предоставлении города Пизы в качестве места его проведения, хотя все население с тревогой наблюдало за началом нового раскола.^d

Объединенные силы должны были быть поставлены под командование Раймонда де Кардона, вице-короля Неаполя, человека с изысканными манерами и обаятельным нравом, но не обладающего решимостью и опытом, необходимыми для военного успеха. Грубый старый папа саркастически прозвал его «леди Кардона». Это назначение, безусловно, никогда не было бы сделано королевой Изабеллой. Действительно, благосклонность, проявленная к этому дворянину в этом и других случаях, настолько превосходила его заслуги, что у многих возникло подозрение, что он был более близким родственником Фердинанда, чем обычно предполагалось.

БИТВА ПРИ РАВЕННЕ

В начале 1512 года Франция, приложив огромные усилия и не имея ни одного союзника за пределами Италии, кроме вероломного и непостоянного императора, выставила на поле боя армию, превосходившую армию союзников по численности и еще больше по характеру своего командующего. Им был Гастон де Фуа, герцог Немурский и брат королевы Арагонской. Несмотря на свой юный возраст — ему было всего двадцать два года — он был зрелым в понимании и обладал совершенными военными талантами. Он ввел в своей армии более строгую дисциплину и совершенно новую систему тактики. Он с суровым безразличием относился к средствам, с помощью которых должны были быть достигнуты результаты. Он не обращал внимания на трудности дорог и суровые погодные условия, которые до сих пор сдерживали военные операции. Сквозь страшные болота или в глубине зимних снегов он совершал свои походы с быстротой, неизвестной в военном деле того времени. Менее чем через две недели после выхода из Милана он освободил Болонью (5 февраля), которая в то время была осаждена союзниками, совершил контрмарш на Брешию, по пути разгромил отряд и всю венецианскую армию под ее стенами и в тот же день, когда произошло последнее событие, сумел взять город штурмом. После нескольких недель карнавальных развлечений он снова двинулся в поход, спустился на Равенну и сумел вынудить союзную армию к решающему сражению под ее стенами. Фердинанд, хорошо понимая особенности характера французских и испанских солдат, предупредил своего генерала, чтобы тот применил фабианскую политику Гонсальво и по возможности избегал близкого столкновения.

Эта битва, в которой участвовало огромное количество солдат, была также самой кровопролитной, омрачившей прекрасную землю Италии за целое столетие (11 апреля 1512 года). По достоверным данным, в ней погибло не менее 18–20 тысяч человек, в том числе лучшие сыны Франции и Италии. Вице-король Кардона погиб несколько рано для своей репутации. Но испанская пехота под командованием графа Педро Наварро вела себя достойно школы Гонсальво. В первой половине дня они лежали на земле в положении, которое защищало их от смертоносной артиллерии Эсте, тогда лучшей в Европе по оснащению и обслуживанию. Когда наконец, по мере того как ход сражения складывался не в их пользу, их вывели на поле битвы (), Наварро сразу же повел их против глубокой колонны *ландскнехтов*, которые, вооруженные длинными немецкими пиками, сметали все на своем пути. Испанцы приняли удар этого грозного оружия на свои доспехи, покрывавшие их тела, и, ловко проскользнув в ряды противника, сумели своими короткими мечами нанести такой урон врагу, незащищенному, кроме как кольчугами спереди, и неспособному воспользоваться своим длинным оружием, что тот был повержен в смятение и полностью разгромлен. Это был не первый подобный эксперимент, проводившийся во время этих войн, но никогда в таких больших масштабах, и он полностью подтвердил превосходство испанского оружия.

Итальянская пехота, отступившая перед ландскнехтами, теперь собралась под прикрытием испанской атаки, пока, наконец, подавляющее множество французской *жандармерии* во главе с Ивом д'Алере, который погиб в схватке, не заставило союзников отступить. Отступление испанцев, однако, было проведено с замечательным порядком, и они сохранили свои ряды неразорванными, неоднократно поворачиваясь, чтобы отразить волну преследования. В этот критический момент Гастон де Фуа, опьяненный успехом, был настолько раздражен видом этого доблестного корпуса, который так спокойно и упорядоченно уходил с поля боя, что он совершил отчаянную атаку во главе своих рыцарей в надежде разбить его. К сожалению, его раненая лошадь упала под ним. Напрасно его последователи кричали: «Это наш наместник, брат вашей королевы!». Эти слова не имели

никакого значения для испанского уха, и он был убит множеством ран. Он получил четырнадцать или пятнадцать ран в лицо; « » — «хорошее доказательство», как говорит секретарь и биограф Байарда, называемый *верным слугой*, [«j_Memoires_de_Bayard" \h « » — «что благородный принц никогда не поворачивался спиной».](#)

В истории есть лишь несколько примеров, если они вообще есть, столь короткой и в то же время столь блестящей военной карьеры, как у Гастона де Фуа, и это вполне оправдывает прозвище, которое ему дали соотечественники — «гроза Италии». Он не только давал необычайные надежды, но и за несколько месяцев достиг таких результатов, которые могли заставить величайшие державы полуострова трепетать за свои владения. Его раннее проявление военных талантов, ранний возраст, в котором он принял командование армиями, а также многие особенности его дисциплины и тактики напоминают начало карьеры Наполеона.

К сожалению, его блестящая слава омрачена пренебрежительным отношением к человеческой жизни, что тем более отвратительно в человеке, слишком молодом, чтобы быть закаленным знакомством с жестоким ремеслом, которому он посвятил себя. Однако, возможно, справедливо будет возложить ответственность за это скорее на эпоху, чем на личность, ведь, безусловно, никогда еще не было эпохи, которая отличалась бы большей жестокостью и безжалостностью в своих войнах. Так мало прогресс цивилизации сделал для человечества. Только в последнее время стал преобладать более великодушный дух; стало пониматься, что соотечественник не теряет своих прав как человек только потому, что он враг; были установлены общепринятые законы, в значительной степени смягчающие злословия, которые, несмотря на все облегчения, остаются невыразимым страданием; и чтобы те, кто держит в своих руках судьбы народов, почувствовали, что от войны можно получить меньше истинной славы и гораздо меньше прибыли, чем от ее мудрого предотвращения.

Поражение при Равенне вызвало панику среди союзников. Мужественное сердце Юлия II задрожало, и потребовались все заверения испанских и венецианских министров, чтобы он остался верным своему решению. Король Фердинанд отдал приказ великому полководцу быть готовым принять командование войсками, которые должны были быть немедленно собраны для Неаполя. Лучшего доказательства королевского смятения и быть не могло.

Однако победа в Равенне оказалась более фатальной для французов, чем для их врагов. Непрерывные успехи полководца настолько неудачны, что они склоняют его последователей, благодаря блестящей иллюзии, которую они создают вокруг его имени, полагаться не столько на свои собственные ресурсы, сколько на того, кого они до сих пор считали непобедимым; и таким образом подвергают свою судьбу всем случайностям, которые связаны с удачей одного человека. Смерть Гастона де Фуа, казалось, разрушила единственную связь, которая держала французов вместе. Офицеры разделились, солдаты утратили боевой дух и, потеряв своего молодого героя, потеряли всякий интерес к службе.⁴

Министры Людовика полагали, что после битвы при Равенне они могут без опаски распустить часть своей армии, но Максимилиан, нарушив все свои обязательства, бросил французов на произвол судьбы. Не согласившись на мир с Венецией, он пропустил через свою территорию двадцать тысяч швейцарцев, которые должны были присоединиться к венецианской армии, чтобы напасть на французов. Одновременно он отозвал всех немцев, которые вступили в ряды французской армии. Фердинанд Арагонский и Генрих VIII Английский почти одновременно напали на Людовика, который, чтобы защитить себя, был вынужден отозвать свои войска из Италии. В начале июня они эвакуировали Милан,

который был захвачен швейцарцами от имени Максимилиана Сфорца, сына Лодовико Моро (Мавра). 29-го числа того же месяца революция изгнала французов из Генуи, и республика и новый дож были вновь провозглашены. Владения Франции вскоре сократились до нескольких небольших крепостей в той Италии, которую французы считали покоренной. Но итальянцы не восстановили свою свободу благодаря поражению только одного из своих угнетателей. Из-под ига Франции они перешли под иго швейцарцев, испанцев и немцев; и последнее из них всегда казалось им самым тяжким. В довершение к их унижению победа Священной лиги поработила последнюю и единственную по-настоящему свободную республику в Италии.

Флоренция была связана с Францией договором, заключенным совместно с Фердинандом Католическим. Республика продолжала скрупулезно соблюдать его даже после того, как Фердинанд отказался от него. Флоренция выполняла по отношению ко всем воюющим державам обязанности добрососедства и нейтралитета и никому не причиняла обиды; но лига, которая только что изгнала французов из Италии, уже была разделена по интересам и не могла определиться с планом дальнейших действий. Единственное, в чем все были согласны, — это в необходимости получить деньги. Швейцарцы жили в Ломбардии по своему усмотрению и взымали там самые разрушительные пошлины; испанцы Раймонда де Кардона также настаивали на том, чтобы им была предоставлена провинция, которую они могли бы подвергнуть своей неумолимой алчности; Тоскана была богата и не воинственна. Победоносные державы, собравшиеся на конгресс в Мантуе, предложили флорентийцам выкупить себя с помощью дани, но Медичи, которые представились на этом конгрессе, попросили вернуть им их страну, утверждая, что они могут силой извлечь гораздо больше денег для нужд Священной лиги, чем республиканское правительство может получить от народа более мягкими средствами. Раймонд де Кардона с готовностью поверил им и в августе 1512 года сопровождал их через Апеннины с пятью тысячами испанской пехоты, столь же недоступной для сострадания, сколь и для страха. Раймонд послал вперед, чтобы сообщить флорентийцам, что, если они хотят сохранить свою свободу, они должны вернуть Медичи, сместить гонфалоньера Содерини и заплатить испанской армии 40 000 флоринов. В то же время он прибыл к небольшому городку Прато, который закрыл перед ним свои ворота; город был хорошо укреплен, но защищался только *ординанцией*, или сельской милицией. 30 августа испанцы пробили брешь в стене, которую эти крестьяне подло покинули. Город был взят штурмом; ополчение, которое подверглось бы меньшей опасности, если бы сражалось отважно, было перебито; пять тысяч горожан были впоследствии убиты, а остальные, разделенные между победителями, подвергались мучительным пыткам, чтобы заставить их раскрыть, где они спрятали свои сокровища, или заставить их родственников выкупить их из жалости; испанцы уже разграбили все, что могли найти в святых и светских местах.

Ужас, вызванный во Флоренции известием о резне в Прато, на следующий день привел к революции. Группа молодых дворян из самых знатных семей, которые под названием «Общество сада Ручеллаи» были известны своей любовью к искусству, роскоши и удовольствиям, 31 августа захватила государственный дворец; они помогли Содерини бежать и послали сказать Раймонду де Кардоне, что готовы принять предложенные им условия. Но все договоры с тиранами — обман. Джулиано де Медичи, третий сын Лоренцо, который отличался мягким и примирительным характером, 2 сентября вступил во Флоренцию и согласился оставить нетронутыми многие свободы республики. Его брат, кардинал Джованни, впоследствии Лео X, который вошел в город только 14 числа того же месяца, заставил синьорию созвать парламент 16 числа. В это мнимое собрание суверенного народа были допущены лишь немногие, за исключением иностранцев и солдат: все законы, принятые после изгнания Медичи в 1494 году, были отменены. Балия, состоявшая

исключительно из представителей этой семьи, была наделена суверенитетом республики. Эта балия проявила себя как униженная и покорная кардиналу Джованни де Медичи, его брату Джулиано и их племяннику Лоренцо, которые теперь вернулись во Флоренцию после восемнадцати лет изгнания, в течение которых они утратили все республиканские привычки и всякую симпатию к своим согражданам. Ни у кого из них не было законных детей, но они привезли с собой трех бастардов — Джулио, впоследствии Климента VII, Ипполито и Алессандро, — которые оказали роковое влияние на судьбу своей страны. Их состояние, ранее колоссальное, было растрчено за время долгого изгнания, и первым делом по возвращении во Флоренцию они занялись сбором денег для себя, а также для испанцев, которые восстановили свою тиранию.

[1512-1513 гг. н.э.]

Три разрушительные войны — между французами и швейцарцами в Милане, между французами и испанцами в королевстве Неаполь, между французами, испанцами, немцами и швейцарцами в государствах Венеции — лишили Италию независимости. Страна, которой Европа была обязана своим прогрессом во всех областях искусства и науки, которая передала другим народам медицинскую науку Салерно, юриспруденцию Болоньи, теологию Рима, философию, поэзию и изобразительное искусство Флоренции, тактику и стратегию школ Браччески и Сфорцески, торговлю и банки ломбардов, процесс ирригации, научные методы возделывания холмов и равнин — эта страна теперь больше не принадлежала своим жителям! Борьба между трансальпийскими народами продолжалась, не имея иной цели, кроме как определить, кому из них должна принадлежать Италия, и не оставив этому народу ничего, кроме долгих и безнадежных мучений. Юлий II тщетно поздравлял себя с изгнанием французов, которые первыми наложили на Италию иностранное иго; он тщетно клялся, что не успокоится, пока не изгонит всех варваров; но он обманывал себя в своих расчетах: он не изгнал варваров, а лишь заставил их уступить место другим варварам; и новоприбывшие были еще более деспотичными и жестокими. Однако этот проект национального освобождения, который только папа мог еще поддерживать в Италии с какой-либо надеждой на успех (), был вскоре заброшен. Через восемь месяцев после изгнания французов из Милана и через пять месяцев после восстановления Медичи во Флоренции Юлий II 21 февраля 1513 года скончался от воспалительного заболевания. 11 марта его преемником стал Джованни де Медичи под именем Льва X — через одиннадцать месяцев после того, как последний был взят в плен французами в битве при Равенне, и через шесть месяцев после того, как испанские войска вернули ему власть над его страной, Флоренцией.

ЭПОХА ЛЕО X

Лео X посчастливилось, что его имя ассоциируется с самой блестящей эпохой литературы и искусства со времени их возрождения. Таким образом, он разделил славу всех поэтов, философов, художников, ученых и мыслителей, своих современников. Он был представлен потомкам как человек, который сформировал и возвысил людей, которые на самом деле были его старшими и достигли славы еще до эпохи его власти. Его заслуга заключалась в том, что он щедро одаривал тех, чьи произведения и слава уже заслуживали этого. С другой стороны, его девятилетнее правление было отмечено страшными бедствиями, которые ускорили разрушение тех искусств и наук, которым эпоха Льва обязана своим великолепием. Несчастья, которые он навлек на своего преемника, были еще более ужасными. Сам папа был человеком, увлекавшимся удовольствиями, легкомысленным, беспечным, расточительным, который тратил на роскошные пиры огромные сокровища,

накопленные его предшественниками. Он имел вкус украшать свой дворец лучшими произведениями античности и умение наслаждаться обществом философов и поэтов, но у него никогда не было возвышенности души, чтобы понять свои обязанности или прислушаться к своей совести. Его непристойные разговоры и развратный образ жизни возмущали церковь; его расточительность привела его к поощрению постыдной торговли индульгенциями, что вызвало раскол Лютера; его бездумность и безразличие к человеческим страданиям заставили его разжечь самые разрушительные войны, которые он был совершенно не в состоянии вести; он никогда не думал о том, чтобы обеспечить независимость Италии или изгнать варваров: он заключал или разрывал союзы с трансальпийскими народами исключительно для укрепления власти своей семьи; ему действительно удалось добиться того, что его брат Джулиано был назначен герцогом Немура, а его племянник стал герцогом Урбино; но он также стремился создать для первого новое государство, состоящее из провинций Парма, Пьяченца, Реджо и Модена, а для второго — другое, состоящее из нескольких мелких княжеств, которые все еще сохраняли свою независимость в государствах церкви. Его коварная политика для достижения первой цели, его вероломство и жестокость для достижения второй заслуживали гораздо более сурового осуждения со стороны историков.

Папа римский и Венецианская республика были единственными державами в Италии, которые еще сохраняли некоторую независимость. Юлий II сумел присоединить к Святому Престолу Романью, Марке, патримониум и кампанию Рима. Из всех вассалов церкви он пощадил только своего племянника Джан Мариа делла Ровере, герцога Урбино. После поражения французов он захватил Парму и Пьяченцу, которые он отделил от Милана, не имея ни малейшего права на их владение, а также Модену, которую он отнял у герцога Феррары, которого он ненавидел. Лев X обнаружил, что Святой Престол владеет всеми этими государствами, и в то же время сам был всемогущим во Флоренции. Даже момент его возведения на папский престол был отмечен событием, которое показало, что из этой республики исчезли все следы свободы. Сторонники Медичи притворились, что обнаружили во Флоренции заговор, доказательствами которого они представили лишь несколько неосторожных высказываний и некоторые высказанные желания свободы. Тем не менее, самые выдающиеся граждане были арестованы, а Макиавелли вместе с несколькими другими подвергся пыткам. Пьетро Босколи и Агостино Каппони были обезглавлены, а те, кого называли их сообщниками, были сосланы. Две республики, Сиена и Лукка, находились в состоянии трепетного подчинения папе, так что вся центральная Италия с населением около четырех миллионов человек зависела от него; но римский двор, перестав уважать древние муниципальные свободы, никогда не распространял свою власть на новую провинцию, не разорив ее население и ресурсы. Закон и порядок казались несовместимыми с правительством священников: законы уступали место интригам и фаворитизму, торговля уступала место монополии. Справедливость покинула суды, дальновидность — советы, а доблесть — армии. Было пословицей, что оружие церкви не имеет острия. Великое имя папы по-прежнему двигало Европой на расстоянии, но не приносило реальной силы союзникам, которых он принимал.

[1513-1515 гг. н.э.]

Венецианская республика, с меньшей территорией и гораздо менее многочисленным населением, была в действительности гораздо более могущественной, чем церковь. Венецианские подданные, если и не пользовались свободой, то по крайней мере имели правительство, которое поддерживало справедливость, порядок и закон; их материальное благосостояние было разумно защищено. Взамен они были довольны и проявляли преданность своему правительству; но войны, развязанные лигой Камбре, обрушили на

республику бедствие. Город Венеция, защищенный водой, единственный избежал вторжения варваров, хотя даже там самые богатые кварталы были разрушены случайным пожаром. Сельская местность и провинциальные города поочередно испытали на себе жестокость французов, швейцарцев, немцев и испанцев. Прошло три с половиной века с тех пор, как этот же веронский поход, колыбель Ломбардской лиги, отразил вторжение Фридриха Барбароссы. Но в то время как мир хвастался непрерывным прогрессом цивилизации с тех пор, — в то время как философия и правосудие лучше определили права человека, — в то время как искусство, литература и поэзия обогатили чувства и сделали человека более восприимчивым к болезненным впечатлениям, — война велась с жестокостью, от которой покраснели бы люди в эпоху самого мрачного варварства. , массовые убийства всех жителей взятого штурмом города, казнь целых гарнизонов, сдавшихся на милость, передача пленных победившим солдатам для пыток с целью получения признания о скрытых сокровищах стали обычной практикой войны в армиях Людовика XII, Фердинанда и Максимилиана. Короли были высокомерны в меру своей власти; они считали себя настолько выше человеческой природы, тем более обижались на любое сопротивление, тем менее были способны к состраданию к страданиям, которых не видели или не понимали. Страдания, которые они причиняли, представлялись им скорее абстракцией; они рассматривали массы, а не отдельных людей; они оправдывали свои жестокости именем оскорбленного величия; они успокаивали угрызения совести, считая себя не людьми, а бичами в руке Бога. Прошли века, и цивилизация не перестала продвигаться вперед; голос человечности продолжал становиться все более и более мощным; теперь никто не осмеливается считать себя достаточно великим, чтобы быть освобожденным от человечности; тем не менее, те, кто с ужасом отшатывается от созерцания казни отдельного человека, не колеблются приговорить к смерти целые народы. Преступления, о которых нам остается рассказать (), не заслуживают большего осуждения, чем те, свидетелями которых мы являемся сегодня. Короли, в своей ненависти к свободе, обрушили на несчастную Италию в XVI веке голод, войну и чуму; по той же причине в более позднее время они обрушили на героическую Польшу голод, войну и холеру.

Людовик XII, потеряв Милан из-за своей безумной амбиции отвоевать небольшую провинцию Кремона, которую он сам уступил Венецианской республике, вновь почувствовал желание примириться с этой республикой, своим первым союзником в Италии. Венецианцы, зная, что без их денег, артиллерии и кавалерии швейцарцы никогда не смогли бы противостоять французам, а тем более изгнать их из Италии, видели, что их союзники не ценят их усилия и жертвы. Максимилиан, который, присоединившись к ним, никогда не давал им мира, а только перемирие, вновь заявил о своих правах на Верону и Виченцу и не соглашался предоставить венецианцам какие-либо государства на материке, кроме тех, которые они покупали у него по огромной цене. Папа, чтобы заставить венецианцев выполнить требования Максимилиана, пригрозил им отлучением от церкви, и после победы их опасность казалась столь же велика, как и после поражения. Андреа Гритти, один из их сенаторов, взятый в плен после битвы при Агнаделло и тот же, который во время своего плена в Константинополе подписал мирный договор своей страны с турками, снова воспользовался своим пленением во Франции, чтобы вести переговоры с Людовиком. Он примирил республику с монархом, который первым напал на нее, и 24 марта 1513 года в Блуа был подписан договор о союзе. Однако это стало источником новых бедствий для Венеции. Французская армия под командованием Ла Тремуя вторглась в Милан, и при ее приближении немцы и испанцы отступили. Швейцарцы, которые гордились тем, что восстановили Максимилиана Сфорцу на троне его предков, были, однако, решительно настроены не бросать его. 6 июня 1513 года они спустились с гор многочисленными отрядами, атаковали Ла Тремуя в Риотте, недалеко от Новары, разгромили его и оттеснили все французские войска за Альпы. Затем испанцы и солдаты Льва X без всякой провокации

напали на венецианцев: они были в мире с республикой, но вторглись на ее территорию от имени своего союзника Максимилиана. С 13 июня до конца осени они оккупировали Падуанское государство, Верону и Виченцу. Именно во время этого вторжения испанцы проявили ту безжалостную жестокость, которая сделала их ужасом Италии; ту алчность, которая умножила пытки и придумала все более и более жестокие страдания, чтобы вымогать золото у своих пленников. В следующей кампании немцы захватили венецианские провинции; и, несмотря на дикие жестокости и многочисленные преступления, которые только что были совершены в этой стране, немецкий полководец нашел способ прославиться своей жестокостью.

Битва при Мариньяно; последние годы Лео

Франциск I сменил Людовика XII 1 января 1515 года; 27 июня он возобновил договор о союзе с Венецией, заключенный его предшественником, а 15 августа вторгся в равнины Ломбардии через маркизат Салуццо с мощной армией. Он встретил лишь небольшое сопротивление в провинциях к югу от По, но тем временем швейцарцы прибыли с большой силой, чтобы защитить Максимилиана Сфорцу, которого, поскольку они вернули на трон, считали своим вассалом. Франциск тщетно пытался вести с ними переговоры: они не слушали голоса своих командиров; демократия перешла из их *ландсгемийнде* в их армии, народные ораторы возбуждали их страсти; и 13 сентября они стремительно покинули Милан, чтобы атаковать Франциска I в Мариньяно (Мелегнано). Глубокие рвы, уставленные солдатами, окаймляли дорогу, по которой они продвигались; их командиры хотели каким-то маневром избавиться от них или заставить врага изменить свою позицию; но швейцарцы, презирая все военные искусства, рассчитывали добиться успеха одной лишь смелостью и физической силой.^d

Как только Франциск I узнал, что швейцарцы идут на него, он начал энергичные приготовления к их встрече. Герцогство Милан, которое он надеялся получить благодаря осторожным переговорам, можно было завоевать только полной победой.

Его армия была выстроена в три линии на дороге, ведущей из Мариньяно в Милан; авангард, которым командовал высокий констебль Бурбонский, расположился лагерем в деревне Сан-Джулиано, недалеко от Сан-Донатто; основные силы армии, командование которыми король оставил за собой, находились в Санта-Бригитта, в пределах досягаемости лука высокого констебля; арьергард, находившийся под командованием герцога Аленсонского, располагался примерно на таком же расстоянии от основной части королевской армии. Армия, расположившаяся таким образом эшелонами, удерживала шоссе Милана слева и, защищая правый фланг рекой Ламбро, занимала территорию, покрытую траншеями и пересеченную небольшими ирригационными каналами, которые защищали ее от внезапных атак швейцарской пехоты, но иногда мешали развертыванию и атакам собственной кавалерии, в которой заключалась основная часть ее силы.

Франциск I поспешно принял меры, чтобы противостоять опасности и выдержать удар швейцарской армии. Как он сам сказал в оживленном описании сражения, которое он послал своей матери, регентше, он «выстроил своих немецких пехотинцев в боевой порядок». Он сформировал из них два корпуса по девять тысяч человек каждый и разместил их по бокам аллеи, по которой наступали швейцарцы, помимо отборного корпуса из шести тысяч ландскнехтов Черных рот. Гасконские лучники и французские наемники под командованием Педро Наварро заняли недалеко оттуда очень сильную позицию рядом с тяжелой артиллерией, которой умело командовал сенешаль Арманьяка.

Затем подошли швейцарцы. Они преодолели расстояние между Миланом и французским лагерем без остановки. «Невозможно, — сказал король, — продвигаться с большей яростью и смелостью». Выстрелы артиллерии заставили их на мгновение укрыться в ложбине. Затем, с выровненными пиками, они набросились на французскую армию. Верховный констебль Бурбона и маршал де ла Палис во главе воинов авангарда атаковали, но не смогли прорвать их оборону. Отброшенные назад к своей пехоте, они были преследованы швейцарцами, которые яростно атаковали ландскнехтов и разгромили их. День клонился к закату, и сражение, начавшееся поздно (между четырьмя и пятью часами), принимало тот же оборот, что и в Наварре. Самая большая рота швейцарцев, отбросившая всадников и разгромившая ландскнехтов, шла на пушки, чтобы захватить их, обратить против французской армии и таким образом завершить ее поражение.

Но среди командующих в Мариньяно было больше смелых сердец и решительных душ, чем в Наварре. Франциск I, вооруженный *с ног до головы*, сидя на великолепном боевом коне, чья сбруя была покрыта лилиями и его инициалом F в короне, в этот победный момент бросился на швейцарцев во главе двухсот вооруженных людей и восьмисот всадников. После того как он отважно атаковал одну из их рот () и заставил их бросить копья, он напал на большую роту, которую не смог победить, но заставил отступить. Затем, продвигаясь в направлении своей угрожаемой артиллерии, он собрал там пять или шесть тысяч ландскнехтов и более трех тысяч вооруженных людей, с которыми он твердо противостоял самому большому отряду швейцарцев, которые не смогли захватить и унести пушки, как они намеревались. Чтобы еще больше помешать швейцарцам, Франциск I обрушил на них артиллерийский обстрел, который вытеснил их и заставил вернуться в траншею, которую они пересекли, и укрыться там.

Высокий констебль, со своей стороны, собрав большую роту вооруженных людей и большую часть пехоты, с большой энергией атаковал пять или шесть тысяч швейцарцев и отбросил их обратно на свои позиции. Ночь наступила, пока обе стороны сражались таким образом — швейцарцы не смогли захватить французские лагеря, а французы не смогли полностью отразить атаки швейцарцев. Они продолжали сражаться с упорством и немалым замешательством в течение нескольких часов при тусклом свете луны, все еще завешенной облаками пыли. Вражеские войска с трудом узнавали друг друга в этой обширной и запутанной битве. Ближе к одиннадцати часам ночи лунный свет исчез, и темнота помешала им продолжать этот отчаянный конфликт. Швейцарцы имели преимущество в начале сражения, поскольку прорвали французские линии, но в конце дела для них сложились менее благоприятно, поскольку они были частично оттеснены на свои позиции. Несмотря на свои усилия, атаковав в тот день без победы, они ждали завтрашнего дня, чтобы возобновить сражение.

Итальянские доспехи, первая половина XVI века

Обе стороны провели ночь под оружием в позициях, занятых на момент прекращения боевых действий из-за наступления темноты, и недалеко друг от друга. Франциск I, после многих атак, вернулся к артиллерии, которая, своевременно обстреливая швейцарские батальоны, несколько раз прорывала их и вскоре должна была оказать еще более мощную помощь. Проявив дальновидность полководца после того, как продемонстрировал бесстрашие солдата, он поручил канцлеру Дюпра, который сопровождал его в этом походе, написать три важнейших письма, которые были переданы надежным гонцам. Первое было адресовано венецианскому генералу Бартоломео д'Альвиано, которому он приказал немедленно выступить из Лоди с обычной для него быстротой, чтобы на следующий день присоединиться к войскам Франциска. Во втором он призывал Луи д'Арса, занимавшего Павию, тщательно охранять свою крепость, которая в случае бедствия могла бы служить местом отступления. В третьем он предупреждал Лаутрека о нападении швейцарцев и советовал ему не отпускать и не позволять забрать деньги, которые он вез с собой, в соответствии с нарушенным договором Галларате. Приняв эти меры предосторожности, он «провел остаток ночи», как он написал после битвы, «в седле, с копьем в руке и шлемом на голове» и отдохнул лишь на несколько мгновений, прислонившись к лафету.

За час до рассвета он подготовил все к предстоящей битве. Он занял позицию немного сзади, более выгодную, чем та, которую он занимал накануне. Вместо того, чтобы оставить свою армию выстроенной в три линии, он выстроил своих людей в одну линию. Оставаясь в центре боевого порядка, он призвал высокого коннетабля Бурбона сформировать правое крыло с авангардом, а своего зятя, герцога Аленсонского, сформировать левое крыло с арьергардом. Пушки, хорошо размещенные и защищенные, должны были хорошо направленным огнем мешать врагу в его марше, и приблизиться к ним было очень трудно. Именно в таком порядке Франциск I ждал атаки швейцарцев.

Лидеры союзников провели ночью военный совет, чтобы обсудить ход сражения на следующий день и способы сделать его более решающим. На рассвете они собрали свои огромные батальоны и выдвинулись, несколько тяжеломерно. Сначала казалось, что они движутся единым фронтом к центру французской армии, но несколько залпов артиллерии,

пробивших их ряды, заставили их отступить в направлении позиций, которые они занимали ночью. Там они сформировали три отряда, которые двинулись на основные силы и два фланга французов. Первый отряд, поддерживаемый шестью небольшими пушками швейцарцев, продвигался к Франциску I, чья непоколебимая позиция и мощная артиллерия удерживали его на определенном расстоянии. В то время как этот отряд из восьмисот человек сражался с королем, два других отряда примерно равной силы бросились на два фланга, которыми командовали верховный констебль и герцог Аленсонский, в надежде рассеять их, чтобы затем окружить и легко победить основные силы армии. Не то чтобы швейцарцы были менее уверены в себе, чем накануне, но, встретив еще большее мужество и стойкость, они увидели, что их враги стоят перед их пиками, как никогда раньше. Верховный констебль со своими ландскнехтами и воинами, а также Педро Наварро с гасконскими лучниками и наемниками, оказали сопротивление отряду, атаковавшему правое крыло, и после ожесточенной борьбы отбросили его назад. На левом фланге герцог Аленсонский сначала был менее удачлив. В то время как король остановил продвижение центральной колонны швейцарцев, а верховный констебль победоносно отбросил левую, правая колонна развернулась и атаковала войска герцога Аленсонского, которые были рассеяны и отступили в смятении. Несмотря на панику беглецов, которые поспешно покинули поле сражения и распространяли по дороге в Павию весть о победе швейцарцев, конфликт на этом этапе остался в том же состоянии.

Д'Обиньи и Аймар де При, собрав войска, сделали все возможное, чтобы исправить катастрофу герцога Аленсонского, и смело атаковали врага. Они сражались с ними, когда Бартоломео д'Альвиано, который рано вышел из Лоди, прибыл около десяти часов с той стороны поля битвы. Во главе своих вооруженных людей и легкой кавалерии он сразу же напал на швейцарцев с криком «Святой Марк!». Это неожиданное нападение сбило их с толку. Они боялись, что на них набросится вся венецианская армия, и отступили. Преследуемые, они отступили к центру, где батальоны союзников, расположенные напротив Франциска I, не смогли добиться никакого прогресса. Они стреляли и принимали артиллерийские выстрелы в течение нескольких часов, возможно, ожидая победного исхода двух атак правого и левого флангов, чтобы попытаться более уверенно прорвать основные силы армии. Они предприняли последнюю энергичную попытку. Рота из пяти тысяч человек была выстроена и с отчаянной решимостью прошла до французских линий. Но, попав под обстрел артиллерии, атакованная Франциском I и его воинами, атакованная топорами и пиками доблестными ландскнехтами Черной роты, расположившейся в центре с королем, пронзенная стрелами гасконских лучников, которые поспешили с правого фланга, где они одержали верх, швейцарская рота была разбита в пух и прах, и никто не спасся.

[1515-1516 гг. н. э.]

Затем король решительным движением набросился со своей кавалерией на других союзников, которые покинули свои позиции и орудия. Швейцарцы, отесненные или побежденные со всех сторон, дали сигнал к отступлению и покинули поле битвы, оставив от семи до восьми тысяч убитых. Унося своих раненых, они в довольно хорошем порядке и без преследования вернулись на дорогу в Милан и вошли в этот город с высокомерным видом, а не как побежденная армия. Тем не менее, они были разгромлены, поскольку в Мариньяно они утратили тот престиж, который с тех пор, как Семпах, Грансон и Морат, и вплоть до Новары, делал их непобедимыми.^{[h](#)}

Однако эта ужасная бойня ускорила завершение войн, возникших в результате Камбрейского союза. Швейцарцы не были достаточно сильны, чтобы сохранить свое господство в Ломбардии; 7 ноября восемь их кантонов подписали в Женеве мирный договор

с Франциском I, который компенсировал значительными суммами денег все претензии, от которых они согласились отказаться. 29 ноября другие кантоны присоединились к этому мирному соглашению, которое получило название «*Paix perpétuelle*», и Франция восстановила право набирать среди швейцарцев столько пехотинцев, сколько ей было необходимо. Раймонд де Кардона, встревоженный отступлением швейцарцев, эвакуировал Ломбардию с испанскими войсками. Французы восстановили владение всем герцогством Миланом. Максимилиан Сфорца отрекся от престола в обмен на доход в 30 000 крон, гарантированный ему во Франции. Лев X, вставая на сторону победителей, подписал 13 октября в Витербо договор, по которому он возвратил французам Парму и Пьяченцу.

На конференции с Франциском в Болонье, состоявшейся между 10 и 15 декабря того же года, Лев убедил монарха пожертвовать свободами Галльской церкви в соответствии с конкордатом, отказаться от защиты, которую он до сих пор оказывал флорентийцам и герцогу Урбино, хотя первые всегда оставались верными Франции. Папа захватил владения герцога Урбино и передал их своему племяннику Лоренцо II Медичи. На фоне этих событий 15 января 1516 года умер Фердинанд Католик, и его внук Карл унаследовал испанские королевства. 13 августа того же года Карл подписал в Нуайоне договор, по которому Франциск уступил ему все свои права на королевство Неаполь в качестве приданого за новорожденную дочь, которую он обещал выдать замуж за Карла. С этого момента Максимилиан остался в одиночестве на войне с Венецианской республикой и Францией. Во время кампании 1516 года его немецкая армия продолжала совершать самые ужасные преступления в Веронской марке, но Максимилиан никогда не имел достаточно денег, чтобы вести войну без субсидий своих союзников; оставаясь в одиночестве, он не мог больше надеяться на успех. 14 декабря он согласился присоединиться к договору Нойона; он эвакуировал Верону, которую до того занимал, и французы вновь передали венецианцам все государства, которые были предложены для раздела в лиге Камбре: но их богатство было уничтожено, население сократилось вдвое, сама конституция была пошатнута, и они больше никогда не были в состоянии предпринимать те усилия по защите независимости Италии, которые можно было ожидать от них до этой разрушительной войны.

[1516-1519 гг. н.э.]

Если бы Италии было позволено отдохнуть после стольких бедствий, она, возможно, все еще смогла бы восстановить свою силу и население; и когда борьба с трансальпийскими народами возобновилась бы, она была бы готова к сражению; но бездушная легкомысленность и амбиции Льва не дали ей времени. В то время как семья Медичи вымирала вокруг него, он мечтал только о том, чтобы наделять ее новыми титулами; он отказал флорентийцам в разрешении восстановить свою республику и предложил свой союз любому иностранному монарху, который помог бы ему основать на ее руинах княжество для бастарда Медичи. Его третий брат Джулиано, герцог Немурский, которому он сначала поручил управление Флоренцией, умер 17 марта 1516 года. Лоренцо II, сын его старшего брата Пьеро, которого он сделал герцогом Урбино и послал управлять Флоренцией после Джулиано, сделал себя там ненавистным своей гордостью и презренной неспособностью — он тоже умер всего через три года, 28 апреля 1519 года. Лео заменил его кардиналом Джулио де Медичи, впоследствии Климентом VII. Этот прелат был внебрачным сыном первого Джулиано, убитого в результате заговора Пацци в 1478 году. Он считался самым способным из министров папы и самым умеренным из его наместников. Джулиано II также оставил внебрачного сына Ипполито, впоследствии кардинала; а Лоренцо II имел законную дочь Екатерину, впоследствии королеву Франции, и внебрачного сына Александра, которому суждено было стать будущим тираном Флоренции. Лео, будь то из желания

укрепить положение этих потомков или под влиянием своего беспокойного и легкомысленного характера, мечтал только о войне.

СЛУГА ИТАЛЬЯНСКОГО ПРИНЦА, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI ВЕКА

[1519-1522 гг. н. э.]

Император Максимилиан умер 19 января 1519 года, оставив свои наследственные владения в Австрии своему внуку Карлу, уже правившему всей Испанией, Обеими Сицилиями, Нидерландами и графством Бургундия. Карл и Франциск оба выдвинули свои кандидатуры на императорскую корону; 28 июня 1519 года выборщики отдали ее первому; с этого момента он стал называться Карлом V. Италия, да и вся Европа, оказались в опасности из-за безграничного роста власти этого молодого монарха. Государства церкви, над которыми он господствовал посредством своего королевства Обеих Сицилий, не могли надеяться сохранить свою независимость иначе, как через союз с Францией. Лео сначала так и думал и подписал предварительные статьи союза с Франциском; но, внезапно перейдя на другую сторону, он пригласил Карла V присоединиться к нему, чтобы изгнать французов из Италии. 8 мая 1521 года между ним и императором был подписан секретный договор (). Согласно этому договору, герцогство Милан должно было быть возвращено Франческо Сфорца, второму сыну Луи Мора. Парма, Пьяченца и Феррара должны были быть присоединены к Святому Престолу, а герцогство в королевстве Неаполь должно было быть предоставлено бастарду Алессандро де Медичи. Папа объединил свою армию с армией императора в королевстве Неаполь; командование ею было передано совместно Просперо Колонна и маркизу Пескара: 1 августа была объявлена война, и 19 ноября имперские и папские войска вошли в Милан, но в разгар радости от этого первого успеха 1 декабря 1521 года неожиданно скончался Лев X.

ПРЕЕМНИКИ ЛЕО; ФРАНЦИСК I И КАРЛ V

Смерть своевременно избавила Льва от опасностей и тревог, в которые он необдуманно вверг себя. Его финансы были исчерпаны; расточительность лишила его всех ресурсов, и у

него не было средств для продолжения войны, которую он только что начал. Он оставил своих преемников в бедственном положении, которое несправедливо приписывалось им и делало их ненавистными для народа, поскольку война, в которую он вверг их без каких-либо разумных оснований, была самой катастрофической из всех, которые до того поражали несчастную Италию. Не осталось ни одной по-настоящему итальянской державы, которая могла бы принять в ней участие для ее защиты. Венеция была настолько истощена войной Камбрейского союза, что была вынуждена ограничить свои усилия поддержанием нейтралитета и едва ли была достаточно сильна, чтобы заставить уважать даже ее нейтральную позицию. Флоренция оставалась подчиненной кардиналу Джулио де Медичи. Республики Сиена и Лукка с трепетом готовились подчиниться сильнейшему: все остальное зависело от трансальпийской державы, поскольку неожиданные выборы 9 января 1522 года привели к тому, что преемником Льва X стал фламандский Адриан VI. Этот человек был наставником Карла V и никогда не видел Италии, где его считали варваром. Королевство Неаполь управлялось и грабилось испанцами. После того как французы потеряли герцогство Милан, Франческо Сфорца, возвращенный империалистами, обладал лишь титулом суверена. Он ни на мгновение не был независимым; он никогда не мог защитить своих подданных от тирании испанских и немецких солдат, которые были его охранниками. В конце концов, маркиз Монферратский и герцог Савойский позволили французам стать хозяевами в своих государствах и не имели власти отказать им в проходе, чтобы вновь опустошить угнетенную Италию.

[1522-1525 гг. н. э.]

Маршал Лотрек, которому Франциск I поручил защиту миланцев и который все еще занимал большую часть территории, был вынужден швейцарцами, составлявшими основу его армии, атаковать империалистов 29 апреля 1522 года в Бикокке. Просперо Колонна занял сильную позицию примерно в трех-четыре милих от Милана, на дороге в Монцу: он гордился тем, что вел оборонительную войну — добивался успеха, не вступая в сражение. Швейцарцы атаковали его с фронта, не послушавшись голоса своего командира, бросившись в углубление, которое прикрывало его, и где они погибли, не имея возможности сопротивляться. Проявив невероятную доблесть, оставшиеся в живых были отбиты с ужасными потерями. Несмотря на протесты Лаутрека, они немедленно отправились в свои горы, а он — в свой двор, чтобы оправдаться. Лескун, его преемник в командовании, позволил имперским войскам захватить и разграбить Лоди и в конце концов был вынужден капитулировать в Кремоне 6 мая () и эвакуировать остальную часть Ломбардии. Генуя не была включена в капитуляцию и оставалась во владении французов, но 20 мая этот город также был захвачен испанцами и разграблен со всей жестокостью, характерной для этой нации. Это был один из крупнейших торговых центров Запада, и гибель такого богатого города пошатнула состояние всех купцов Европы. Генерал Карла, посчитав Ломбардию слишком истощенной, чтобы поддерживать его армии, повел их жить по своему усмотрению в провинциях своего союзника, папы. Они собрали среди государств, все еще называвших себя независимыми, огромные субсидии для оплаты солдат, для чего Карл никогда не посылал денег. Чума, разразившаяся в то же время в Риме и Флоренции, еще больше усугубила бедствия Италии, тем более что Адриан VI отменил все санитарные меры полиции, которые были придуманы для предотвращения распространения заразы, как языческие суеверия или акты восстания против провидения. Папа умер 14 сентября 1523 года, и римляне, которые испытывали к нему ужас, увенчали его врача лавровым венком как спасителя своей страны.

Однако смерть Адриана никого не спасла. 18 ноября его преемником был избран кардинал Джулио де Медичи под именем Климента VII. Этот человек считался способным

министром при своем двоюродном брате Льве X, потому что процветание продолжалось, а папская казна не была истощена; но когда ему пришлось бороться с бедствием, которое, однако, он не вызвал, его невежество в финансах и управлении, его гнусная скупость, его малодушие, его неосторожность, его внезапные и необдуманные решения, его долгие колебания сделали его одинаково ненавистным и презренным. Он не был достаточно силен, чтобы противостоять волне бедствий. Он оказался без денег и без солдат, вовлеченный в войну без цели; он был неспособен командовать и нигде не находил послушания.

Французы не были готовы отказаться от своих прав на Ломбардию, владение которой они только что утратили. До окончания кампании Франциск направил туда еще одну армию под командованием своего фаворита, адмирала Бонниве. Этот адмирал вторгся в Италию через Пьемонт, 14 сентября 1523 года перешел Тичино и двинулся на Милан. Но Просперо Колонна, который выбрал своим образцом для подражания среди великих людей древности Фабия Кунктатора, был великолепен в искусстве останавливать армию, изматывать ее небольшими задержками и, наконец, заставлять отступить, не вступая в сражение. Боннивет, который удерживал свои позиции на границах Ломбардии, в мае следующего года был вынужден пробиться во Францию через Иврею и гору Сен-Бернар. Шевалье Байар был убит, защищая отступление Бонниве в арьергарде. В предыдущем году к имперцам присоединился дезертир высокого ранга, констебль Бурбон, один из первых принцев крови во Франции, которого сопровождали многие дворяне. Карл V поставил его вместе с Пескарой во главе своей армии и в июле отправил в Прованс, но после осады Марселя он вскоре был вынужден отступить. Франциск I, собравший мощную армию, снова вторгся в Ломбардию и овладел Миланом, а 28 октября осадил Павию. Имперцам потребовалось некоторое время, чтобы вновь собрать свою армию, которая была дезорганизована в результате кампании в Провансе. Наконец она приблизилась к Павии, которая сопротивлялась всю зиму. Все его полководцы настаивали на том, чтобы король Франции снял осаду и выступил против врага, но он отказался, заявив, что это будет ущербом для королевского достоинства, и поступил глупо, оставаясь в своих укреплениях. 24 февраля 1525 года он был атакован Пескарой и после кровопролитного сражения взят в плен.

В течение нескольких месяцев, пока Франциск I осаждал Павию, он казался самой сильной державой в Италии; и папа и венецианцы, встревоженные его приближением, вновь вступили с ним в переговоры и обязались сохранять нейтралитет. Имперские генералы после своей победы заявили, что эти договоры с французами являются оскорблением их господина, за которое они должны потребовать удовлетворения. Всегда нуждаясь в деньгах и под давлением алчности своих солдат, они стремились только найти нарушителей, чтобы под предлогом собрать пожертвования и позволить своим войскам жить на бесплатном проживании. Папа и венецианцы сначала были готовы присоединиться к союзу для сопротивления этим поборам и предложили Луизе Савойской, регентше Франции, свою помощь в освобождении ее сына Франциска. Но Климент VII не имел достаточной смелости, чтобы присоединиться к этому союзу; он предпочел вернуться к союзу с императором и герцогом Миланским, за что заплатил значительную сумму. Как только имперские генералы получили деньги, они отказались выполнять договор, который заключили с ним, и папа был вынужден вернуться к венецианцам и Луизе Савойской.

Тем временем Джироламо Мороне, канцлер герцога Миланского, старик, считавшийся самым способным политиком своего времени, сделал предложения, которые возродили надежду на вооружение всей Италии для ее независимости. Франческо Сфорца подвергся крайнему унижению со стороны немцев и испанцев в своем собственном дворце: его подданные подвергались всевозможным оскорблениям со стороны необузданных солдат, а

когда он пытался их защитить, офицеры с удовольствием заставляли его наблюдать за усугублением несправедливости и надругательств. Однако человеком, который наиболее жестоко давил на него немецким игом, был маркиз Пескара, итальянец, но происходивший из каталонского рода Авалос, обосновавшегося в королевстве Неаполь более века назад. Он проявлял своего рода тщеславие, связывая себя с испанцами: он командовал их пехотой, перенял манеры и гордость этой нации. Тем не менее, Мороне не терял надежды пробудить в нем патриотизм, возбудив его амбиции. Королевство Неаполь, которое процветало под властью бастарда из дома Арагона, когда семья Авалос впервые вошла в него, после объединения с Испанией погрузилось в состояние жесточайшего угнетения. Мороне решил предложить Пескаре корону Неаполя, если тот присоединится к усилиям всех других итальянцев по освобождению своей страны. Успех зависел от него: он мог распределить имперские войска, которыми командовал, таким образом, что они не смогли бы оказать сопротивления. Герцог Милана был предупрежден, что Карл V намеревается отобрать у него герцогство и передать его своему брату Фердинанду Австрийскому. Королевство Неаполь и герцогство Милан были готовы перейти из лагеря императора в лагерь Франции, при условии, что французский король откажется от всех своих притязаний на оба герцогства, признает Пескару королем Неаполя, Франческо Сфорцу герцогом Милана и восстановит независимость Италии, освободив ее от врагов.

Сначала переговоры были успешными; каждое из правительств, которым было адресовано предложение о согласии на независимость Италии, казалось, согласилось с ним. Франция отказалась от всех притязаний на Ломбардию и Обе Сицилии; Швейцария пообещала со своей стороны защищать землю древней свободы и снабжать ее солдатами; Генрих VIII Английский пообещал деньги; Пескара жаждал короны, а Сфорца не терпелось сбросить ярмо, которое стало для него невыносимым; но, к несчастью, переговоры были поручены слишком многим кабинетам, все из которых были ревнивыми, вероломными и стремились получить преимущества для себя, жертвуя своими союзниками. Климент желал получить от императора более выгодный договор, угрожая ему Францией; королева-регентша Франции пыталась убедить Карла смягчить свою строгость по отношению к ее сыну, угрожая ему Италией; Пескара, оставляя за собой право выбрать, кого предать — своего господина или союзников, — в зависимости от того, что окажется для него более выгодным, предупредил Карла, что он участвует в заговоре, о котором он сообщит, как только получит все необходимые сведения. Герцогиня Аленсонская, сестра Франциска, посланная своей матерью для ведения переговоров в Мадриде, высказалась еще более ясно. Она предложила Карлу отказаться от Италии, раскрыв ему свои планы, при условии, что император, вернув свободу ее брату, откажется от своего намерения заставить его заплатить за это одной из провинций Франции. Пескара, обнаружив, что его двор знает больше, чем он рассказал, решил выступить в роли провокатора, а не мятежника; ему оставалось только выбрать между ними. 14 октября 1525 года он пригласил Мороне на последнюю конференцию в замок Новара. Заставив его вновь объяснить все свои планы, в то время как испанские офицеры, спрятавшись за занавесками, слушали их, он приказал арестовать его, захватил все крепости в государстве Милана и осадил замок, в котором заперся герцог. Он обвинил императора в измене, а также всех других итальянцев, его сообщников; но пока он играл эту отвратительную роль, его поразила медленно развивающаяся болезнь, от которой он умер 30 ноября 1525 года в возрасте тридцати шести лет, презираемый всей Италией.

Карл, злоупотребляя полученными преимуществами, навязал Франциску Мадридский договор, подписанный 14 января 1526 года, по которому последний отказывался от Италии и герцогства Бургундского. Он был освобожден 18 марта того же года и почти сразу же заявил итальянцам, что не считает себя связанным договором, вынужденным силой. 22 мая он присоединился к лиге за свободу Италии вместе с Климентом VII, венецианцами и Франческо Сфорца, но по-прежнему не отказывался от политики своей матери: вместо того, чтобы серьезно думать о восстановлении независимости Италии и тем самым обеспечить равновесие в Европе, он преследовал только одну цель — напугать Карла итальянцами и был готов пожертвовать ими, как только император откажется от Бургундии. В то же время его бездеятельность, любовь к удовольствиям, недоверие к своей удаче и нежелание нарушать Мадридский договор мешали ему выполнить какие-либо обязательства, которые он взял на себя перед итальянцами; он не послал им ни денег, ни французской кавалерии, ни швейцарских войск. Карл, с другой стороны, не посылал провианта для оплаты своих армий Антонио де Лейве, констеблю Бурбону и Уго де Монсаде, их командирам. Поэтому эти войска были вынуждены жить за счет местного населения (), и угнетение всей страны стало еще более ужасным, чем когда-либо прежде.

[1526-1527 гг. н. э.]

В частности, переход на сторону врага герцога Милана дал Антонио де Лейве повод обращаться с несчастными миланцами с удвоенной жестокостью, как будто они были виновны в том, что Лейва называл предательством своего господина. Испанская армия разместилась в домах жителей Милана, и не было ни одного солдата, который не сделал бы своего хозяина пленником, держа его связанным у подножия кровати или в погребе, чтобы иметь его под рукой каждый день и заставлять его ударами или новыми пытками удовлетворять свои новые прихоти. Как только какой-нибудь несчастный умирал от мучений или разрывал свои узы и заканчивал свои страдания добровольной смертью, бросаясь из окна или в колодец, испанец переходил в другой дом, чтобы повторить те же пытки над его хозяином.

Венецианцы и папа объединили свои силы под командованием герцога Урбино, который, преувеличивая тактику Просперо Колонна, не стремился к никакому другому успеху в войне, кроме как к избежанию сражения. Он объявил сенату Венеции, что не будет приближаться к Милану, пока к нему не присоединятся французы и швейцарцы, чья поддержка ему была обещана. Его бездействие, на фоне стольких ужасов, довело итальянцев до отчаяния. Сфорца, который девять месяцев был блокирован в замке Милана и всегда надеялся на помощь герцога Урбино, чьи знамена были видны, выдержал последнюю крайнюю степень голода, прежде чем сдался испанцам 24 июля 1526 года. Папа, тем временем, был далек от подозрений о какой-либо опасности, но его личный враг, Помпео Колонна, воспользовался именем имперской партии, чтобы собрать в папском государстве восемь тысяч вооруженных крестьян, с которыми 20 сентября он напал на Ватикан, разграбил дворец, а также храм Святого Петра и заставил папу отречься от союза с Францией и Венецией. Примерно в то же время Георг фон Фрундсберг, немецкий кондотьер, вторгся в Ломбардию с тринадцатью тысячами наемников, которых он нанял, чтобы они следовали за ним и служили императору без жалованья, довольствуясь грабежом этой несчастной страны.

Констебль Бурбон, которому Карл поручил главнокомандование своими войсками в Италии, решил воспользоваться этой новой армией и объединить ее с той, которая теперь в Милане была ему больше не нужна; но ему с большим трудом удалось убедить испанцев

покинуть город, где они с диким удовольствием мучили своих хозяев . В конце концов, однако, ему удалось привести их в Павию. 30 января 1527 года он присоединился к Фрундсбергу, который вскоре умер от апоплексического удара. Бурбон теперь остался один во главе этой грозной армии, численность которой уже превышала двадцать пять тысяч человек и к которой по пути постоянно присоединялись распущенные солдаты и разбойники, нацеленные на грабеж. Констебль не имел ни денег, ни снаряжения, ни артиллерии, и очень мало кавалерии; каждый город закрывал перед ним ворота, и он часто оказывался на грани голода. Он взял курс на юг Италии и вошел в Тоскану, все еще не зная, грабить ли ему Флоренцию или Рим. Маркиз Салуццо с небольшой армией отступил перед ним; герцог Урбино следовал за ним, но всегда держался вне досягаемости боя. Наконец Бурбон взял курс на Рим через долину Тибра. 5 мая 1527 года он прибыл к столице христианского мира. 15 марта Климент подписал перемирие с наместником Неаполя и распустил свои войска. При приближении Бурбона стены Рима вновь были укреплены военными машинами.⁴

ЗАХВАТ И РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА

[1527 г. н.э.]

5 мая Бурбон разбил лагерь в полях недалеко от Рима и с военной дерзостью послал трубача к папе с просьбой пропустить его через город, чтобы он мог привести свою армию в королевство Неаполь. На следующий день на рассвете он атаковал Борго со стороны горы и церковь Санто-Спирито, решив победить или умереть (ведь другой надежды у него не оставалось), и началась ожесточенная битва. Удача благоволила ему при приближении, так как перед рассветом поднялся густой туман, что позволило ему более надежно разместить свою армию в месте, где началась битва. С самого начала Бурбон отчаянно сражался во главе своих войск, не только потому, что у него не было убежища, если бы он потерпел поражение, но и потому, что ему казалось, что немецкая пехота холоднокровно шла в атаку. Атака только началась, когда он был ранен аркебузой и пал замертво.⁵ Падение Бурбона произошло по вине Бенвенуто Челлини, если верить утверждениям этого несколько эгоистичного автобиографа. Челлини участвовал в обороне Рима и оставил нам яркое описание многих событий. Он рассказывает, что вместе с неким Александром дель Бене он отправился к стенам Кампо Санто и, увидев, что противник непобедим, решил вернуться с максимальной скоростью, но перед этим он был полон решимости совершить какой-нибудь мужественный поступок. «Прицелившись из своего оружия, — говорит он, — я увидел самую густую толпу врагов и зафиксировал взгляд на человеке, который, казалось, возвышался над остальными, но из-за тумана я не мог разглядеть, был ли он верхом на лошади или пешком. Затем я внезапно повернулся к Александру и Чеккино, приказал им выстрелить из своих ружей и показал им, как уклоняться от каждого выстрела осаждающих. Выстрелив два раза на каждый выстрел врага, я тихо подошел к стенам и заметил, что среди нападающих царил необычайная суматоха, вызванная тем, что мы застрелили герцога Бурбона: как я понял позже, он был тем главным лицом, которого я видел поднятым над остальными». Падение Бурбона не только не охладило пыл его солдат, но даже усилило его, и после двух часов яростных боев они наконец вошли в Борго, чему способствовала слабость обороны и слабое сопротивление врага.

Поскольку всегда трудно проводить штурм без пушек, осаждающие потеряли около тысячи человек. Как только имперская армия прорвала оборону, все бросились бежать, и многие направились к замку, оставив пригороды на милость завоевателей. Папа, который

ждал событий в Ватикане, услышав, что враг вошел в город, немедленно бежал в замок вместе со многими кардиналами. Здесь он раздумывал, оставаться ли ему на месте или же бежать через Рим с легкой кавалерией своей охраны и добраться до безопасного места.

Берард де Падоне из императорской армии принес ему известие о смерти Бурбона и о том, что войска, потрясенные своей потерей, были готовы пойти на уступки. Папа послал послов к их вождям и, к сожалению, отказался от идеи бегства, хотя он и его капитаны никогда не были так нерешительны в принятии мер для своей защиты, как в этом случае. Испанцы, не обнаружив попыток защитить Трастевере, в полдень вошли в него без сопротивления. В пять часов вечера того же дня они без труда вошли в Рим через мост Понте Систо. Здесь, как обычно в таких случаях, царила полная неразбериха, и весь двор и граждане бежали, за исключением тех, кто доверял имени своей партии, и некоторых кардиналов, которые были известны своей приверженностью Чезаре и поэтому считали себя в большей безопасности, чем остальные (). Затем солдаты разграбили город со всех сторон, не делая различия между друзьями и врагами.

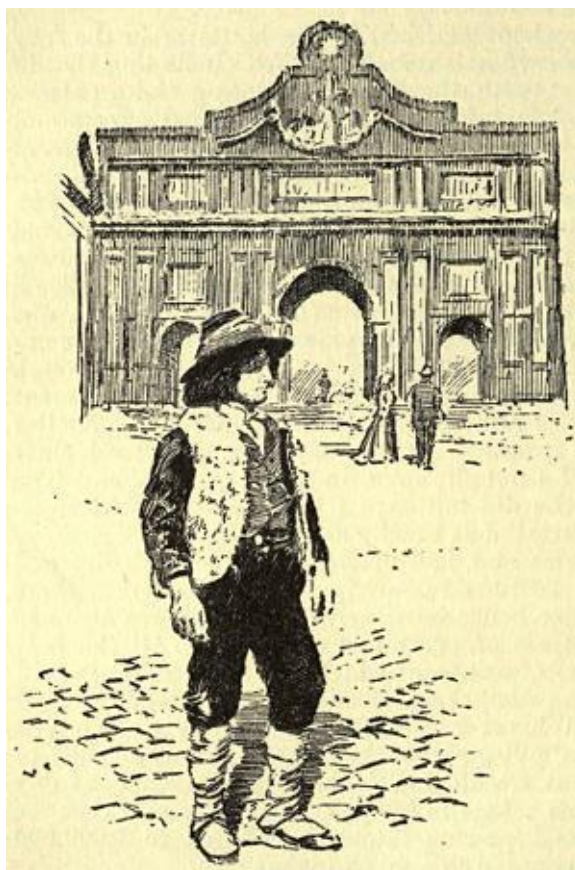
Невозможно оценить масштабы грабежа из-за накопления богатств, редких и драгоценных вещей, принадлежащих придворным и купцам, а также качества и количества пленников, за которых были заплачены огромные выкупы. Но хуже всего то, что солдаты, особенно немцы, которые стали жестокими и надменными из-за своей ненависти к римской церкви, схватили нескольких прелатов, одели их в папские одежды и знаки их должности, посадили на ослов и с презрением и насмешками провели по улицам Рима.

Около четырех тысяч человек погибли в сражении или в ярости грабежей. Все дворцы кардиналов были разграблены (включая дворец кардинала Колонна, который не был с армией), за исключением тех дворцов, в которых купцы укрылись со своими личными вещами и вещами многих других, и которые были избавлены от грабежа после уплаты больших сумм денег. Многие, кто таким образом договорился с испанцами, были разграблены немцами или вынуждены договориться и с ними. Маркиза Мантуи заплатила 50 000 дукатов, чтобы спасти свой дворец, эта сумма была предоставлена купцами, которые укрылись там; ходили слухи, что 10 000 досталось ее сыну дону Ферранду. Кардинал Сиены, унаследовавший от своих предков верность императору, был взят в плен немцами, которые разграбили его дворец, хотя он заключил сделку с испанцами. Они провели его без головного убора через Борго, нанося ему много ударов, и он смог спастись из их рук только за 5000 дукатов. Кардиналы Минервы и Понцетто постигла аналогичная участь; они были взяты в плен немцами и заплатили выкуп, но сначала их провели по Риму в позорной процессии. Испанские и немецкие прелаты, не ожидавшие оскорблений от своих соотечественников, были взяты в плен и подвергнуты такому же жестокому обращению, как и остальные.

Со всех сторон раздавались крики и стенания римских дам и монахинь, утащенных отрядами солдат, чтобы удовлетворить свою похоть. Повсюду раздавались вопли тех, кого ужасно пытали, чтобы заставить заплатить выкуп и раскрыть, где спрятано их имущество. Все святыни, причастие и мощи святых, которыми были полны церкви, лежали разбросанные на земле, лишенные украшений и еще более оскверненные варварскими немцами. Все, что ускользнуло от солдат (а это было все, что не представляло большой ценности), было разграблено крестьянами из земель Колонна, которые прибыли позже; но кардинал Колонна, прибывший на следующий день, спас многих дам, которые укрылись в его дворце. Говорили, что добыча в виде денег, золота, серебра и драгоценных камней составила 1 000 000 дукатов, а выкупы — гораздо большую сумму.

В то время как императорская армия захватывала Рим, граф Гвидо во главе легкой кавалерии и восьмисот аркебузирова появился на Понте де Салара, рассчитывая войти в

город в тот же вечер; ведь, несмотря на письмо епископа Вероны, он продолжил свой путь, не желая упустить славу спасителя столицы. Но, узнав о том, что произошло, он решил отступить в Ортиколи, где присоединился к остальным своим войскам. Поскольку человеку свойственно судить о своих поступках мягко и благосклонно, а о поступках других — с крайней строгостью, некоторые сильно упрекали графа за то, что он упустил столь хорошую возможность; ведь имперские войска, занятые грабежом, разграблением домов, поиском спрятанных сокровищ, захватом пленных и перевозкой добычи в безопасное место, были разбросаны по городу в беспорядке, не обращая внимания на свои знамена и приказы своих капитанов. Поэтому многие полагали, что если бы граф Гвидо незамедлительно ввел своих людей в Рим и пошел на замок, который не был осажден и не охранялся ни кем извне, он мог бы не только освободить папу, но и добиться более славного успеха. Враг был настолько увлечен грабежом, что в случае внезапной тревоги было бы трудно собрать большое количество людей. Это было наглядно доказано несколькими днями позже, когда по приказу капитанов или по какой-то тревоге прозвучал призыв к оружию, но ни один солдат не собрался под своим знаменем. Однако люди часто убеждают себя, что если бы было совершено или не совершено определенное действие, то последовали бы определенные результаты; тогда как если бы дело было поставлено на проверку, опыт часто показывал бы им их ошибку.^b

ПОРТА ДЕЛЬ ПОПОЛО, Рим

[1527-1528 гг. н.э.]

Столица христианского мира была таким образом предана грабежу, не имевшему себе равных даже в самый бедственный период — период первого триумфа варварства над цивилизацией: ни Аларик Гот, ни Гензерик Вандал не обращались с ней с такой же жестокостью. Это ужасное состояние преступности и агонии длилось не просто несколько

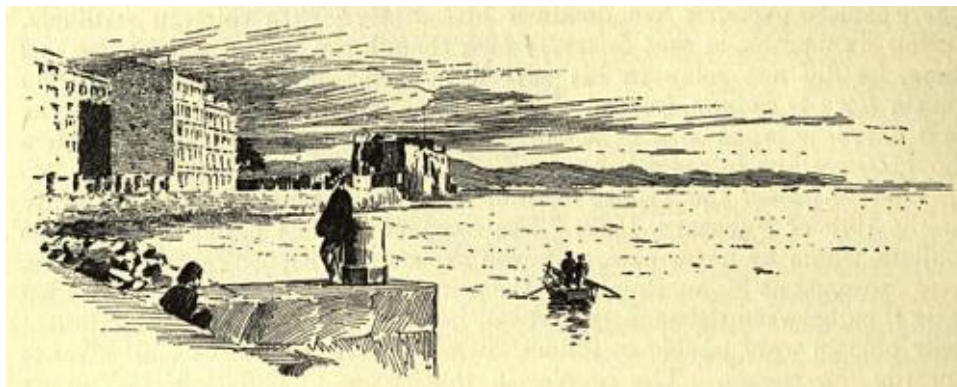
дней, а более девяти месяцев: только 17 февраля 1528 года принц Оранский, один из французских лордов, сопровождавших Бурбона в его восстании, наконец вывел из Рима всю свою армию, которую пощадили пороки и болезни. Немцы, правда, после первых нескольких дней убрали свои мечи, чтобы погрузиться в пьянство и самые жестокие развратные утехы; но испанцы, до последнего часа своего пребывания в Риме, неутомимые в своей хладнокровной жестокости, продолжали изобретать новые пытки, чтобы вымогать новые выкупы у всех, кто попадал в их руки; даже чума, следствие стольких страданий, моральных и физических, которая разразилась среди всех этих ужасов, не заставила алчных испанцев отпустить свою добычу.

Борьба между итальянцами, слабо поддерживаемыми французами, и генералами Карла V продолжалась еще более двух лет после разграбления Рима; но она только усугубила опустошение Италии и уничтожила во всех итальянских провинциях последние остатки процветания. 18 августа 1527 года Генрих VIII Английский и Франциск I заключили Амьенский договор, как объявили два монарха, для освобождения папы. Мощная французская армия под командованием Лотрека в том же месяце вторглась в Италию через провинцию Алессандрия. 1 октября она неожиданно напала на Павию и в течение восьми дней варварски грабила этот великий город под предлогом мести за поражение своего короля под его стенами. После этого успеха Лаутрек, вместо того чтобы завершить завоевание Ломбардии, направил свой поход на юг; он возобновил союз Франции с герцогом Феррары, за которого вышла замуж дочь Людовика XII, сестра королевы Франции. Он обеспечил дружбу Флорентийской республики, которая 17 мая предыдущего года воспользовалась бедствием и пленением папы, чтобы восстановить свою свободу и вернуть прежнюю форму правления, существовавшую в 1512 году. Папа, узнав о прибытии Лотрека в Орвието, 9 декабря бежал из замка Святого Ангела и укрылся во французском лагере. Испанец Аларкон удерживал его в плену вместе с тринадцатью кардиналами в течение шести месяцев в этой крепости и, несмотря на то, что там разразилась чума, не ослаблял своей суровости. Получив 400 000 дукатов в качестве выкупа, вместо того, чтобы освободить его, как он обещал на следующий день, он, вероятно, позволил ему сбежать, чтобы его собственные солдаты не арестовали его с целью вымогательства второго выкупа.

10 февраля 1528 года Лаутрек перешел Тронто и вошел в Абруццо со своей мощной армией. Бандиты, которых Карл V называл своими солдатами, которым он никогда не платил и которые не проявляли никакого желания подчиняться, были расквартированы в Милане, Риме и других крупных городах Италии: они делили свое время между разгульной жизнью и пытками своих хозяев; их офицеры не могли заставить их покинуть города и выдвинуться навстречу врагу. Народ, перенесший чрезмерные страдания, с энтузиазмом встречал каждое изменение и принял Лаутрека как освободителя. Вероятно, он добился бы полного успеха, если бы Франциск не задержал в этот момент обещанную ему ежемесячную авансовую выплату. Этот монарх, отождествляя свою королевскую гордость с расточительством, исчерпал свои финансы на удовольствия и развлечения; его неэкономность привела к всем его бедствиям.

Лаутрек, со своей стороны, хотя и обладал многими качествами хорошего полководца, был суров, горд и упрям: он гордился тем, что всегда поступал противоположно тому, что ему советовали. Игнорируя национальные особенности французов, он пытался в войне дисциплинировать их медленными и регулярными движениями. Он потерял драгоценное время в Апулии, где 23 марта взял и разграбил Мельфи с жестокостью, достойной его противников, испанцев: он прибыл к Неаполю только 1 мая. Принц Оранский только что вошел в этот город с армией, которая разграбила Рим, но большая часть которой была уничтожена страшной смертностью, следствием и наказанием за ее пороки и преступления. Вместо того чтобы энергично атаковать их, Лаутрек, несмотря на горячие протесты своих

офицеров, настаивал на том, чтобы захватить Неаполь блокадой, подвергая таким образом свою армию воздействию разрушительного климата. Императорский флот был уничтожен 28 мая в заливе Салерно Филиппино Дориа, который был на службе у Франции. Жители Неаполя испытали самые жестокие лишения, и болезнь вскоре нанесла им большой ущерб, но в то же время в французском лагере разразилась не менее смертоносная болезнь. Солдаты, под палящим солнцем, окруженные гнилой водой, обреченные на всевозможные лишения, преследуемые легкой кавалерией врага, бесконечно превосходившей их по численности, один за другим падали жертвами смертельной лихорадки. В середине июня французы насчитывали в своем лагере двадцать пять тысяч человек; к 2 августа () осталось не более четырех тысяч, пригодных к службе. В это время все источники высохли, и войска начали страдать от голода и жажды. Лаутрек, несмотря на свою болезнь, до сих пор поддерживал армию своим мужеством и непоколебимым упорством, но, наконец, изнемогая, скончался в ночь на 15 августа: почти все остальные офицеры умерли таким же образом. Маркиз Салуццо, на которого перешло командование армией, почувствовал необходимость отступления, но не знал, как обеспечить его в присутствии столь превосходящих сил. Он попытался уйти от имперских войск, воспользовавшись сильной бурей в ночь на 29 августа, но вскоре был преследован и догнан в Аверсе, где 30 августа был вынужден капитулировать. В то же время испанцам были сданы склады и госпитали в Капуе. Пленных и больных сгрудили в конюшнях Магдалены, где зараза приобрела новую силу. Испанцы предвидели это и с безразличием наблюдали за агонией и смертью всех; почти вся эта блестящая армия погибла — только несколько инвалидов вернулись во Францию.

Кастель дель Ово, Неаполь

[1528-1529 гг. н. э.]

Во время той же кампании другая французская армия под командованием Франсуа де Бурбона, графа Сен-Поля, вторглась в Ломбардию в тот момент, когда Генрих, герцог Брауншвейгский, привел туда немецкую армию. Генрих, не найдя больше ничего для грабежа, объявил, что его миссия состоит в том, чтобы наказать мятежный народ, и подверг мечу всех жителей деревень, через которые он проходил. Милан сразу же стал жертвой голода и чумы, усугубленных алчностью и хладнокровной жестокостью Лейвы, который по-прежнему командовал испанским гарнизоном. Лейва захватил все продовольствие, привезенное из сельской местности, и, чтобы извлечь выгоду из всеобщего бедствия, перепродал его по огромной цене. Генуя оставалась под властью французов и подвергалась не меньшему угнетению; ни одна из ее республиканских институций больше не уважалась, но великий адмирал все еще приносил ей славу. Андреа Дориа собрал флот, на борт которого он призвал всех предприимчивых людей Лигурии: его племянник Филиппино, который только что одержал победу над империалистами (), был его лейтенантом. Дориа требовали восстановления свободы своей страны в качестве платы за свои услуги: не сумев

добиться этого от французов, они перешли на сторону империалистов. Уверенные обещаниями Карла, 12 сентября они явились перед Генуей, подняли своих соотечественников на восстание и заставили французов эвакуировать город: 21 октября они овладели Савоной, а через несколько дней — Кастеллетто. Затем Дориа провозгласил республику и вновь установил свободу Генуи в тот момент, когда всякая свобода в Италии была близка к своему концу. Зима прошла в страданиях и бездействии. В следующем году Антонио де Лейва застал врасплох графа Сен-Поля в Ландриано 21 июня 1529 года и взял его в плен вместе со всеми главными офицерами французской армии. Остальные рассеялись или вернулись во Францию. Это был последний военный инцидент в этой ужасной войне.

Все стороны горячо желали мира; велись активные переговоры, но каждый правитель стремился обмануть своего союзника, чтобы получить более выгодные условия от своего противника. Маргарита Австрийская, сестра отца императора, и Луиза Савойская, мать короля Франции, встретились в Камбре и на конференции, на которую не допускались посторонние, заключили так называемый «*le traité des dames*» (договор дам). Климент VII в то же время имел в Барселоне нунция, который вел переговоры с императором. Последний не терпелся уладить дела в Италии, чтобы перейти в Германию. Не только Сулейман вторгся в Австрию и 13 сентября подошел к стенам Вены, но и реформация Лютера вызвала на всей территории северной Германии постоянно усиливающееся брожение. 20 июня 1529 года Карл подписал в Барселоне договор о вечном союзе с папой: по нему он обязывался предать республику Флоренцию на милость папы и для достижения этой цели поставить на службу Клименту всех разбойников, которые ранее опустошали Италию. Флоренция должна была быть передана в суверенитет бастарду Алессандро де Медичи, который должен был жениться на внебрачной дочери Карла V. 5 августа того же года Луиза и Маргарита подписали Кембрейский договор, по которому Франция без оговорок предавала всех своих итальянских союзников на произвол Карла, который, со своей стороны, отказывался от Бургундии и возвращал Франциску двух его сыновей, удерживаемых в заложниках.

12 августа Карл прибыл в Геную на борту флота Андреа Дориа. Папа ждал его в Болонье, куда он въехал 5 ноября. Он созвал туда всех князей Италии или их представителей и обращался с ними с большей умеренностью, чем можно было ожидать после постыдного отказа Франции от них. Зная, что здоровье Франческо Сфорцы, герцога Милана, ухудшается и ему осталось жить всего несколько лет, он согласился вернуть ему герцогство за 900 000 дукатов, которые Сфорца должен был выплатить в несколько этапов: они не были полностью выплачены к моменту смерти этого князя 24 октября 1535 года бездетным, и его владения перешли к императору. 23 декабря 1529 года Карл заключил мир с венецианцами, которые вернули ему только некоторые места в Апулии и уступили Равенну и Червию папе. 20 марта Альфонсо д'Эсте также подписал договор, по которому он передал свои разногласия с папой на рассмотрение императора. Карл не вынес по ним решения до следующего года. Он передал Альфонсо владение Моденой, Реджо и Рубьерой в качестве феодалов империи и заставил папу передать ему инвеституру Феррары. 25 марта 1530 года императорским указом маркизат Мантуя был возведен в герцогство в пользу Федерико де Гонзага. Герцог Савойский и маркиз Монферратский, до тех пор находившиеся под покровительством Франции, прибыли в Болонью, чтобы поставить себя под покровительство императора. Герцог Урбинский был рекомендован ему венецианцами и получил некоторые обещания о благосклонности. Республики Генуя, Сиена и Лукка получили разрешение существовать под имперской защитой; и Карл, получив от папы в Болонье 22 февраля и 24 марта две короны Ломбардии и империи, в начале апреля

отправился в Германию, чтобы не быть свидетелем отвратительной службы, на которую он согласился, чтобы его войска были использованы против Флоренции.

ПАДЕНИЕ ФЛОРЕНЦИИ

[1527-1530 гг. н.э.]

Флорентийцы, которые с 1512 года были жертвами всех ошибок Льва X и Климента VII, которые были втянуты во все колебания их политики и вынуждены были приносить огромные денежные жертвы на проекты, с которыми они даже не были ознакомлены, под руководством этих пап научились ненавидеть иго Медичи. Когда 26 апреля 1527 года констебль Бурбонский приблизился к их стенам в своем походе на Рим, они были на грани восстановления своей свободы; кардинал Де Кортоне, который командовал от имени папы во Флоренции, раздал оружие гражданам для их защиты, и они решили использовать его для своего освобождения; но ужас, который внушала эта армия разбойников, помог кардиналу подавить восстание. Однако, когда вскоре после этого они узнали о захвате Рима и пленении папы, все наиболее заметные граждане явились в своих гражданских одеждах к кардиналу Де Кортоне, твердо, но спокойно заявили, что отныне они свободны, и заставили его вместе с двумя бастардами Медичи, которых он воспитал, покинуть город. 17 мая 1527 года лейтенант Климента подчинился, и конституция, существовавшая в 1512 году, с ее великим советом, была восстановлена без изменений, за исключением того, что должность гонфалоньера была объявлена ежегодной. Первым, кто был назначен на эту должность, был Никколо Каппони, человек, увлеченный религией и умеренный в политике; он был сыном Пьетро Каппони, который противостоял Карлу VIII. В 1529 году его сменил Бальдассаре Кардуччи, который был более энергичным и демократичным. Кардуччи сменил в 1530 году Раффаэле Джиролами, который стал свидетелем конца республики.

Флоренция на протяжении всего периода своего расцвета и могущества пренебрегала военным искусством; она полагалась в своей обороне на наемников, которых ее богатство могло привлечь со всех концов на ее службу, и придавала мало значения мужеству, которое люди, не обладая никакими другими достоинствами, были так готовы продать тому, кто больше заплатит. С тех пор как трансальпийские народы начали подчинять Италию своей тирании, этих наемных воинов стало недостаточно для обеспечения общественной безопасности. Государственные деятели начали понимать необходимость обеспечить республике защиту внутри самой себя. Макиавелли, умерший 22 июня 1527 года, через шесть недель после восстановления народного правления, долгое время убеждал своих сограждан в необходимости пробудить в народе военный дух; именно он инициировал преобразование народного ополчения, называемого *l'ordinanza*, в полки. Отряд наемников, организованный Джованни де Медичи, дальним родственником пап, служил в то время военной школой для тосканцев, среди которых и был сформирован этот корпус; он приобрел высокую репутацию под названием *bande nere*. Ни одна пехота не могла сравниться с ним по мужеству и интеллекту. Пять тысяч этих воинов служили под командованием Лотрека в королевстве Неаполь, где почти все они погибли. Когда около 1528 года флорентийцы поняли, что их положение становится все более критическим, они сформировали из тех, кто пользовался наибольшими привилегиями в своей стране, два отряда ополчения, которые проявили величайшую доблесть в ее защите. Первый, состоявший из трехсот молодых людей из знатных семей, взял на себя охрану дворца и поддержку конституции (); второй, состоявший из четырех тысяч солдат, набранных только из семей, имеющих право заседать в генеральном совете, назывался гражданским ополчением (*civic militia*); оба вскоре нашли возможность доказать, что щедрость и патриотизм достаточны для того, чтобы за очень короткий период создать лучших солдат.

Прославленный Микеланджело был назначен надзирателем за укреплениями Флоренции; они были завершены в апреле 1529 года. Наконец, десять военных комиссаров выбрали для командования городом Малатеста Баглиони из Перуджи, который был рекомендован им как за свою ненависть к Медичи, несправедливо казнившим его отца, так и за свою репутацию храброго и талантливого полководца.

Климент VII послал против Флоренции, своего родного государства, того самого принца Оранского, преемника Бурбона, который взял его в плен в Риме, и вместе с ним ту самую армию разбойников, которая обрушилась на Святой Престол и его подданных бедствия и всевозможные надругательства. Эта армия вторглась в Тоскану в сентябре 1529 года и захватила Кортону, Ареццо и всю верхнюю часть долины Арно. 14 октября принц Оранский разбил лагерь на равнине Риполи, у подножия стен Флоренции, а в конце декабря Фердинандо ди Гонзага привел на правый берег Арно еще одну имперскую армию, состоящую из двадцати тысяч испанцев и немцев, которая без сопротивления заняла Пистойю и Прато. Несмотря на огромное превосходство своих сил, имперцы не пытались проломить стены Флоренции; они решили овладеть городом с помощью блокады. Флорентийцы, напротив, воодушевленные проповедниками, унаследовавшими рвение Савонаролы и объединившими свободу с религией как объект своего поклонения, были готовы к сражению; они совершали частые нападения на всю линию своих врагов, возглавляемые поочередно Малатестой Баглиони и Стефано Колонна. Они совершали ночные вылазки, покрытые белыми рубашками, чтобы различать друг друга в темноте, и последовательно удивляли посты империалистов; но небольшие преимущества, полученные таким образом, не могли скрыть растущую опасность для республики. Франция бросила их на произвол врагов; ни в Италии, ни в остальной Европе не осталось ни одного союзника; в то время как армия папы и императора включала в себя всех выживших солдат, которые так долго были ужасом Италии благодаря своему мужеству и жестокости и чья воинственная ярость теперь удвоилась надеждой на приближающееся разграбление самого богатого города Запада.

У флорентийцев был единственный шанс на спасение. Франческо Ферруччи, один из их граждан, который изучил военное искусство в *банде нере* и соединил в себе изобретательность, непобедимую отвагу и горячий патриотизм, не был заперт в стенах Флоренции; он был назначен генеральным комиссаром с неограниченной властью над всем, что оставалось за пределами столицы. Сначала Ферруччи занимался доставкой провианта из Эмполи во Флоренцию; затем он отбил у имперских войск Вольтерру и, сформировав небольшую армию, предложил синьории переманить всех авантюристов и разбойников из имперской армии, пообещав им новое разграбление папского двора, а после этого, возглавив их, пойти на Рим, напугать Климента и заставить его заключить мир с их страной. Синьория отвергла этот план как слишком смелый. Тогда Ферруччи разработал второй план, который был чуть менее смелым. Он вышел из Вольтерры, обошел Тоскану, которую имперские войска пересекали во всех направлениях, собрал в Ливорно, Пизе, Валь-ди-Неволе и в горах Пистойи всех солдат, всех мужественных людей, все еще преданных республике; и, увеличив таким образом свою армию, он намеревался напасть на имперский лагерь перед Флоренцией () и заставить принца Оранского, который начал испытывать нехватку денег, снять осаду. Ферруччи, с бесстрашием, равным его мастерству, с 14 июля по 2 августа 1530 года вел свой небольшой отряд через многочисленные отряды имперских войск, которые шли впереди, следовали за ним и окружали его со всех сторон, до Гавинаны, в четырех милях от Сан-Марчелло, в горах Пистойи. Он вошел в эту деревню около полудня 2 августа с тремя тысячами пехотинцев и пятьюстами всадниками. Принц Оранский в то же время вошел через другие ворота с частью армии, осаждавшей Флоренцию. Различные отряды, которые со всех сторон преследовали Ферруччи во время его марша, обрушились на него со

всех сторон; сражение началось мгновенно и велось с неумолимой яростью в пределах стен Гавинаны. Филибер де Шалон, принц Оранский, в котором этот род прервался, был убит двойным выстрелом, и его отряд был разгромлен, но другие отряды имперских войск прибывали один за другим и постоянно возобновляли атаку на небольшие силы, измученные усталостью; две тысячи флорентийцев уже лежали на поле битвы, когда Ферруччи, пронзенный несколькими смертельными ранами, был принесен истекающим кровью к своему личному врагу, Фабрицио Марамальди, калабрийцу, командовавшему легкой кавалерией императора. Калабрийский в ярости несколько раз ударил его ножом, а Ферруччи спокойно сказал: «Ты убиваешь мертвого человека!» Республика погибла вместе с ним.

[1530-1531 гг. н.э.]

Когда весть о катастрофе в Гавинане дошла до Флоренции, там царил крайнее смятение. Баглиони, который в течение нескольких дней вел переговоры с принцем Оранским и которого обвиняли в том, что он сообщил ему о плане Ферруччи, заявил, что дальнейшее сопротивление невозможно и что он полон решимости спасти неосторожный город, который, казалось, стремился к собственной гибели. 8 августа он открыл бастион, в котором находился, имперскому капитану и установил свою артиллерию так, чтобы контролировать город. Потрясенные граждане отказались от обороны стен, чтобы заняться сокрытием своих ценных вещей в церквях, а синьория сообщила Фердинандо ди Гонзага, сменившему принца Оранского на посту командующего армией, что они готовы капитулировать. Условия, предоставленные 12 августа 1530 года, были менее строгими, чем флорентийцы могли предполагать. Они должны были выплатить 80 000 крон армии, осаждавшей их, и вернуть Медичи. Взамен всем, кто действовал против этой семьи, папы или императора, должна была быть предоставлена полная амнистия. Но Климент не имел намерения соблюдать какие-либо обязательства, заключенные от его имени. 20 августа он заставил парламент от имени суверенного народа создать балию, которая должна была осуществить месть, за которую он сам не хотел брать на себя ответственность; с помощью этой балии он подверг пыткам, а затем наказал изгнанием или смертью всех патриотов, прославившихся своим рвением к свободе. В первый месяц было изгнано 150 выдающихся граждан; до конца года число пострадавших превысило тысячу; в каждой флорентийской семье, даже среди тех, кто был наиболее предан Медичи, был кто-то из проскриптов.

Алессандро, бастард Медичи, которого Климент назначил главой Флорентийской республики, предпочтя его своему двоюродному брату Ипполито, вернулся в свою страну только 5 июля 1531 года; он был носителем рескрипта от императора, который давал Флоренции почти монархическую конституцию; но, вместо того чтобы ограничиться установленными рамками, Алессандро угнетал народ самой жестокой тиранией. Жестокость, разврат и вымогательство сделали его объектом общественной ненависти. 10 августа 1535 года он отравил своего двоюродного брата, кардинала Ипполито, который взял на себя защиту своих соотечественников от него. Наконец, 6 января 1537 года он сам был убит своим родственником и соратником по разврату, Лоренцино де Медичи.

[1531-1737 гг. н.э.]

Но смерть Алессандро не вернула свободу его стране. Агенты его тирании, самым способным, но и самым ненавистным из которых был историк Гуиччардини, нуждались в князе, который бы их защищал. Они выбрали Космо де Медичи, молодого человека девятнадцати лет, потомка в четвертом поколении Лоренцо, брата бывшего Космо. 9 января 1537 года они провозгласили его герцогом Флоренции, надеясь впредь руководить им по

своему усмотрению, но они были обмануты. Этот человек, лживый, хладнокровный и жестокий, обладавший всеми пороками Филиппа II и не гнушавшийся никаких преступлений, вскоре избавился от своих советников, а также от своих противников. В 1569 году Космо I получил от папы Пия V титул великого герцога Тосканы, который император тогда не признал, хотя позже, в 1575 году, он присвоил его сыну Космо. Семь великих герцогов из этой семьи последовательно правили во Флоренции. Последний из них, Джан Гастоне, умер 9 июля 1737 года.^d

Право исчезло, восклицает Кине, оставив огромную пустоту — фактически пропасть, которая открылась под ногами нации и в которую она устремилась вперед головой, почти увлекая за собой своих завоевателей. Чтобы понять эти времена, мы должны помнить, что не было настоящего завоевания, потому что не было национального сопротивления. Никто в XV веке по-настоящему не защищал суверенитет Италии. Когда Европа представила себя, она вошла как в пустое наследство, лишенное человечности. Италия не защищала себя, потому что практически не существовала. Она не смогла собраться с силами. Никогда еще на земле не видели такого: великий народ был завоеван, и это завоевание не встретило никаких препятствий. Иностранцы, которые вошли через всегда открытую брешь папства, пришли с осторожностью. Они прощупали землю, думая найти народ, и нашли только иллюзию. Успокоившись, они пришли сдержанно. Европа заполнила пустые места.

В последние минуты Италия провозгласила, что поклоняется только силе, восклицая вместе с Макиавелли: «Горе побежденным!» Она не сохранила для своего поражения ни одной из тех жизненных доктрин, которые питают даже трупы и не дают им превратиться в прах. Ее теории были предназначены только для победителей. Теперь, когда она была побеждена, она попала в свою же ловушку и не могла возродиться, потому что сама вынесла себе смертный приговор.

Зло достигло такой степени, что необходимо было сделать две вещи: реформа Лютера, чтобы сломить католицизм, и наказание Италии, чтобы восстановить то, что грозило исчезнуть — человеческую совесть. Каждый город был поражен оружием, подходящим именно ему. Венеция падала медленно, но бесшумно, как тело, утопленное дожами в лагунах. Там были другие города, которые умирали, как будто их отравили. Что же касается Флоренции, которая приобрела столько подданных, то она погибла, выставленная на аукцион и проданная, как отравители, которых покупают и продают для удовольствия задушить.

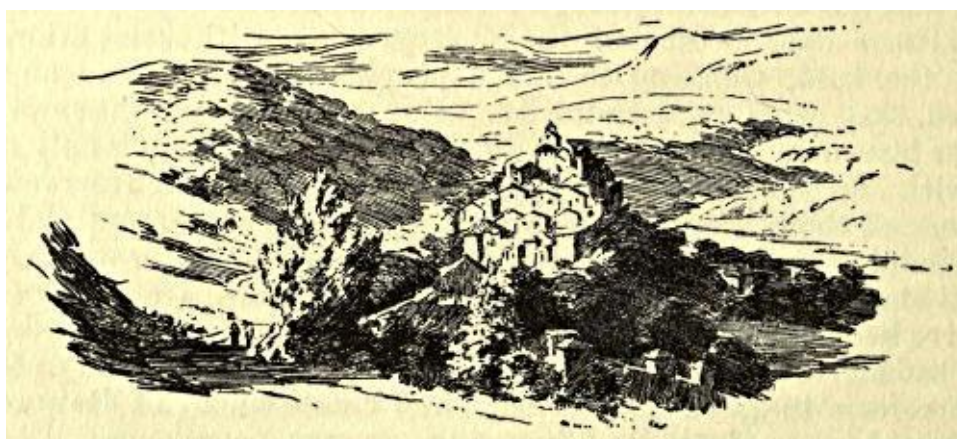
На самом деле, папство имело честь нанести два решающих удара. Юлий II в союзе с Камбре разгромил Венецию. Климент VII в союзе с Карлом V разгромил Флоренцию. После уничтожения этих двух жизненно важных центров все было потеряно.ⁱ

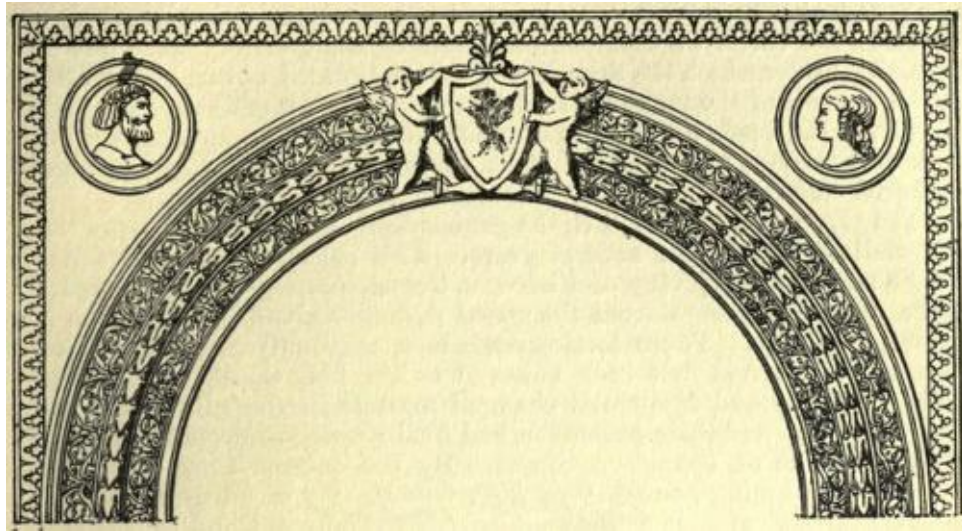
[1494-1530 гг. н. э.]

Злая судьба Италии свершилась. Карл VIII, когда он впервые вторгся в эту страну, открыл ее ворота для всех трансальпийских народов: с того времени Италия в течение тридцати шести лет подвергалась опустошениям со стороны немцев, французов, испанцев, швейцарцев и даже турок. Они нанесли ей бедствия, не имеющие прецедентов в истории; бедствия, которые были тем более болезненными, что страдающие были более цивилизованными, а виновники — более варварскими. Французское вторжение привело к тому, что власть над этой страной, столь богатой, столь трудолюбивой и столь желанной для всех, перешла к величайшим врагам Франции. Дом Австрии никогда бы не завоевал Италию, если бы Карл VIII, Людовик XII и Франциск I не уничтожили ранее богатство и военную организацию этой нации; если бы они сами не ввели испанцев в королевство Неаполь и немцев в государства Венеции, забыв, что вскоре оба они должны были

подчиниться Карлу V. Независимость Италии была бы выгодна Франции; жадная и недальновидная политика, которая заставила Францию искать подданных там, где она должна была искать только союзников, стала причиной длинной череды бедствий для французов.

В 1530 году в Италии начался период трех веков слабости, унижения и страданий; с тех пор она всегда была угнетена иностранцами, ослаблена и развращена своими хозяевами. Последние упрекали ее в пороках, авторами которых были они сами. Сведя ее к невозможности сопротивляться, они обвиняли ее в трусости, когда она подчинялась, и в мятеже, когда она пыталась оправдаться. Итальянцы в течение этого долгого периода рабства были охвачены желанием вновь стать нацией: однако, поскольку они утратили контроль над своими делами, они перестали иметь историю, которую можно было бы назвать своей; их несчастья стали лишь эпизодами в истории других народов.^{[d](#)}

ГЛАВА XV. НАЧАЛО ЭПОХИ РАБСТВА

С 1530 по 1796 год, то есть в течение почти трех столетий, итальянцы не имели собственной истории. Их анналы заполнены записями о смене династий и перераспределении территорий в результате договоров, подписанных иностранными державами для урегулирования споров, которые никоим образом не касались народа. Италия слишком часто становилась ареной опустошительных и отвлекающих войн. Но эти войны в основном велись чужими армиями; спорные вопросы решались за пределами Альп; выгоды доставались королевским семьям, чьи имена были непонятны для южных языков. То, что итальянцы создали современную цивилизацию для Европы, не принесло им никакой пользы. Италия, занимавшая первое место среди народов в интеллектуальном отношении, теперь оказалась последней в политическом и практическом плане; и ничто не причиняет ее историку большего горя, чем наблюдать за постепенным угасанием ее духа в эту эпоху рабства. — Дж. А. Симондс.⁴

[1530-1600 гг. н. э.]

Первым обстоятельством, которое после падения Флоренции прервало позорное затишье в Италии, было возобновление военных действий между Франциском I и императором. Во время похода Карла V на Тунис французский монарх воспользовался отвлечением имперских сил, чтобы начать свои наступательные операции. Его войска вторглись на территории герцога Савойского, к которому он имел некоторые претензии, и легко отняли у этого слабого князя всю Савойю и большую часть Пьемонта, в то время как имперские войска заняли остальные его владения под предлогом их защиты. Между тем смерть Франческо Сфорцы, не оставившего потомства, возобновила долгие войны за владение Миланским государством. С одной стороны, Франциск I, утверждая, что он лишь уступил это герцогство Сфорце и его потомкам, настаивал на том, что его права в полной мере вернулись к нему после смерти этого князя, не оставившего потомства; с другой стороны, Карл V опередил его планы, захватив герцогство как утраченное феодальное владение империи. Франциск I, после нескольких бесплодных переговоров со своим коварным соперником, вновь поставил решение своих притязаний на испытание оружием. Ломбардия вновь стала ареной яростных сражений между французами и имперцами, но обычная удача Франциска по-прежнему преследовала его, и хотя его войска нанесли кровавое поражение своим противникам в битве при Черизоле, плоды их победы были утрачены из-за необходимости французского монарха направить свои силы на оборону северных границ своего королевства. Мир в Креспи в 1544 году оставил Карлу власть над Ломбардией, и хотя Франциск все еще удерживал часть владений герцога Савойского, деспотическая власть его соперника над Италией оставалась непоколебимой.

[1535-1554 гг. н. э.]

Спокойствие, восстановленное на полуострове Креспийским миром, в течение нескольких лет не нарушалось. Этот период был отмечен неудавшейся заговором Фиеско в Генуе, а ранее — отделением Пармы и Пьяченцы от папских владений и их преобразованием в суверенное герцогство. Эти территории, которые первоначально входили в состав Миланского государства, были впервые присоединены к Святому Престолу в результате завоеваний Юлия II; впоследствии они часто меняли хозяев в ходе последующих потрясений в Италии, и их владение было окончательно подтверждено папством с согласия Франческо Сфорца. Благодаря покорности священного колледжа, правящий понтифик Павел III из семьи Фарнезе смог отделить эти ценные владения от Святого Престола и передать их своему сыну вместе с герцогским титулом. Но ни незначительные изменения, произошедшие в разделении Ломбардии в результате создания герцогства Парма и

Пьяченца (), ни опасный заговор Фиеско не повлияли на общий облик и спокойствие Италии.

Однако вскоре после смерти папы Павла III решимость императора лишить его семьи владений заставила Оттавио Фарнезе, правящего герцога Пармы, броситься в объятия Генриха II, нового монарха Франции; и таким образом в Ломбардии и Пьемонте разгорелась новая война, в которой французы выступили в качестве защитников Оттавио против сил Карла V и нового папы Юлия III (1551). Война в Парме не принесла никаких памятных событий, пока она не распространилась на Тоскану в результате восстания Сиены против жестокого угнетения испанского гарнизона, который народ сам пригласил, чтобы обуздать тиранию аристократической фракции своей республики. Изгнав испанских господ, сиенцы обратились за помощью к французам, чтобы защитить свои свободы от императора (1552).^c

ОСАДА И ПАДЕНИЕ СИЕНЫ

[1554 г. н.э.]

Космо I, герцог Флоренции, пообещал сохранять нейтралитет в новой войне между французами и империалистами; тем не менее, 27 января 1554 года он без объявления войны напал на сиенцев, надеясь захватить их город врасплох. Потерпев неудачу в этом нападении, он передал командование жестокому Медичино, маркизу Мариньяно, который решил подчинить город голодом. Первым делом Мариньяно без пощады убил всех женщин, детей, стариков и больных, которых сиенцы, начав испытывать нехватку продовольствия, выслали из города; каждый крестьянин, обнаруженный с продовольствием, направлявшимся в Сиену, был немедленно повешен у ворот города. Деревни и крепости сиенцев в большинстве своем пытались остаться верными республике, но во всех тех, которые держались до тех пор, пока к их стенам не подступили пушки, жители были безжалостно убиты.^d

Чтобы противостоять Мариньяно и его грозной армии, король Франции выбрал Пьетро Строцци, флорентийского дворянина, который долгое время прожил во Франции в изгнании и благодаря своим заслугам завоевал высокую репутацию, а также командование в армии. Он был сыном Филиппо Строцци, который в 1537 году с таким рвением участвовал в попытке изгнать семью Медичи из Флоренции, чтобы восстановить древнюю республиканскую форму правления, и погиб в этой затее. Сын унаследовал непримиримую ненависть к Медичи, а также тот же энтузиазм в борьбе за свободу Флоренции, который воодушевлял его отца, чью смерть он нетерпеливо хотел отомстить. Генрих льстил себе, что его армия будет быстро продвигаться под командованием генерала, чье рвение в продвижении его интересов было пробуждено и подкреплено такими сильными страстями; тем более что он выделил ему в качестве театра военных действий его родную страну, в которой у него было много влиятельных сторонников, готовых содействовать всем его операциям.

Но какими бы убедительными ни казались мотивы, побудившие Генриха сделать этот выбор, он оказался роковым для интересов Франции в Италии. Как только Космо узнал, что смертельный враг его семьи был назначен командующим в Тоскане, он пришел к выводу, что король Франции стремится к чему-то большему, чем защита сиенцев, и понял необходимость приложить чрезвычайные усилия не только для покорения Сиены, но и для спасения себя от гибели. В то же время кардинал Феррары, который полностью руководил французскими делами в Италии, считал Строцци грозным соперником по власти и, чтобы не дать ему укрепить свою власть благодаря успехам, крайне неохотно снабжал его деньгами для оплаты войск или провизией для их содержания. Сам Строцци, ослепленный своей

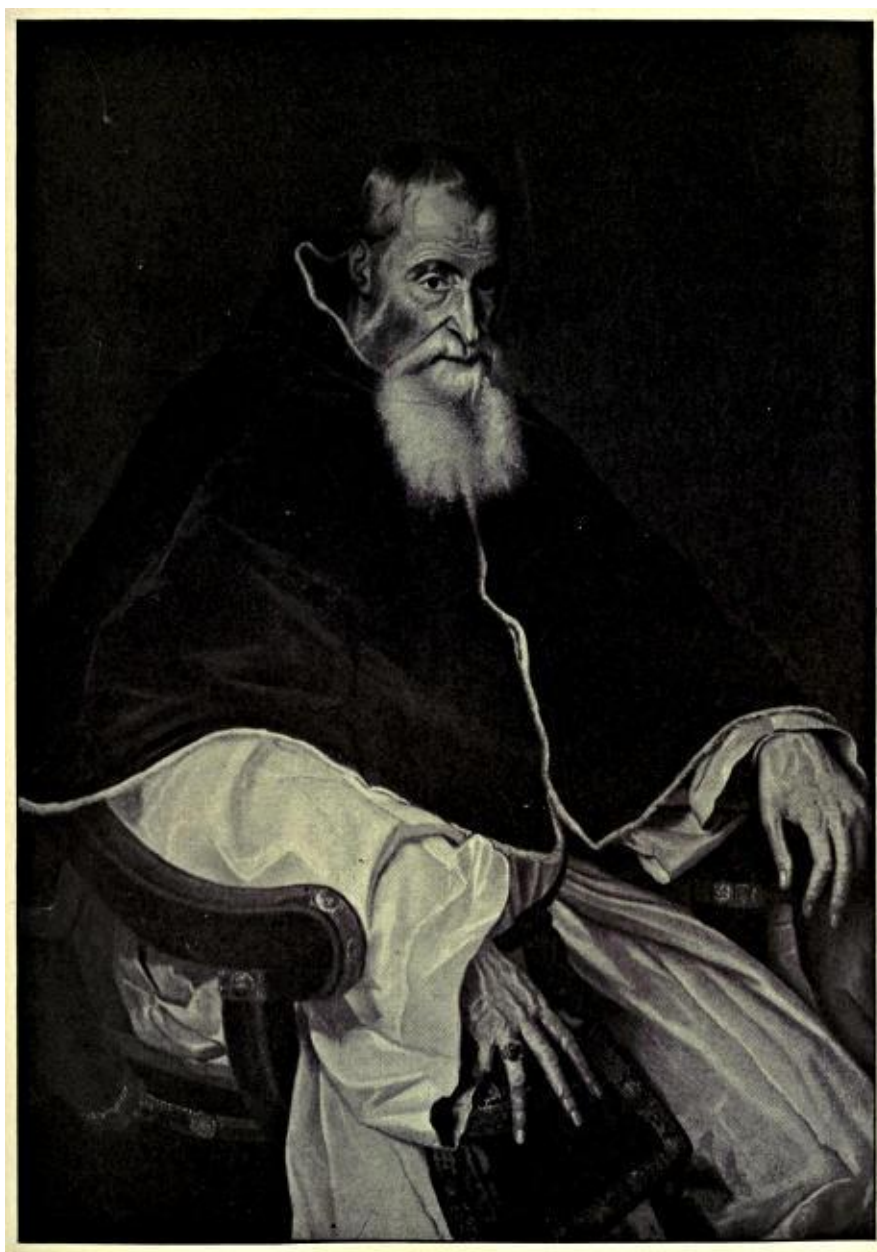
обидой на Медичи, продолжал свои операции с яростью мести, а не с осторожностью и благоразумием, присущими великому полководцу.

Однако сначала он атаковал несколько городов на территории Флоренции с такой энергией, что Медичино, чтобы остановить его продвижение, был вынужден вывести большую часть своей армии из Сиены, которую он осаждал до прибытия Строцци в Италию. Поскольку Космо несла всю тяжесть военных операций, расходы на которые вскоре должны были исчерпать его доходы; поскольку ни вице-король Неаполя, ни губернатор Милана не были в состоянии оказать ему какую-либо эффективную помощь; и поскольку войска, которые Медичино оставил в лагере перед Сиеной, не могли предпринять ничего против нее во время его отсутствия, Строцци было выгодно затянуть войну и перенести ее театр на территории Флоренции; но надежда разгромить врага одним решающим ударом подтолкнула его к общему сражению недалеко от Марчано. Армии были почти равны по численности, но итальянская кавалерия, на которую Строцци возлагал большие надежды, бежала, не оказав сопротивления, либо из-за вероломства, либо из-за трусости своих командиров, и его пехота осталась без защиты перед атаками всех войск Медичино. Однако, воодушевленные присутствием и примером Строцци, который, получив опасное ранение при попытке собрать кавалерию, встал во главе пехоты и проявил замечательную присутствие духа, а также необычайную доблесть, они стойко держались на своих позициях и отбивали атаки тех врагов, которые осмеливались приблизиться к ним. Но эти доблестные войска в конце концов были окружены со всех сторон и разбиты на части батареей пушек, которую Медичино направил на них, флорентийская кавалерия прорвала их фланги, и началось всеобщее бегство. Строцци, обессиленный потерей крови и глубоко потрясенный фатальными последствиями своей собственной опрометчивости, с величайшим трудом сумел спастись с горсткой людей.

Медичино немедленно вернулся с победоносными войсками к осаде Сиены, и поскольку Строцци, несмотря на все свои усилия, не смог собрать достаточно людей, чтобы сформировать регулярную армию, он имел возможность без помех продолжать свои подходы к городу. Но сиенцы, вместо того чтобы впасть в отчаяние из-за этого жестокого разочарования в своей единственной надежде на помощь, приготовились защищаться до последнего, с той неустрашимой стойкостью, которую может вдохновить только любовь к свободе. Это великодушное решение было горячо поддержано Монлюком, командовавшим французским гарнизоном в городе. Активная и предприимчивая храбрость, которую он проявил во многих случаях, принесла ему это командование; и поскольку он имел амбиции, стремившиеся к высшим военным званиям, не претендуя на их получение иначе, как по заслугам, он решил отличиться в обороне Сиены необычайными усилиями мужества и настойчивости. С этой целью он с неутомимым усердием отремонтировал и укрепил укрепления; обучил горожан обращению с оружием и приучил их к трудностям и опасностям военной службы наравне с солдатами; а поскольку враг чрезвычайно строго охранял все подступы к городу, он бережно расходовал запасы продовольствия в складах и убедил солдат, а также горожан, ограничиться очень умеренным суточным пайком. Медичино, хотя его армия и не была достаточно многочисленной, чтобы штурмовать город открытой силой, дважды рискнул атаковать его внезапно; но каждый раз он встречал такой упорный сопротивление и терпел такие потери, что это отбило у него желание повторять попытки и не оставило ему никакой надежды на захват города, кроме как с помощью голода.

С этой целью он тщательно укрепил свой лагерь, занял все стратегические позиции вокруг города и, отрезав осажденных от любой связи с соседними землями, терпеливо ждал, пока необходимость не заставит их открыть ворота. Но их восторженное стремление к свободе заставляло горожан презирать лишения, вызванные нехваткой продовольствия, и долгое время терпеть все мучения голода. Монлюк своим примером и наставлениями учил своих солдат соперничать с ними в терпении и воздержании; и только после того, как они выдержали десятимесячную осаду, съели всех лошадей, собак и других животных в городе и остались почти без хлеба, они предложили капитуляцию (1555 г.). Даже тогда они требовали почетных условий; и поскольку Космо, хотя и не был чужд их крайнему положению, боялся, что отчаяние может подтолкнуть их к какому-нибудь безумному предприятию, он немедленно предоставил им условия, более благоприятные, чем они могли ожидать.

Капитуляция была заключена от имени императора, который обязался взять республику Сиена под покровительство империи; пообещал сохранить древние свободы города, позволить магистратам в полной мере осуществлять свою прежнюю власть, обеспечить гражданам беспрепятственное обладание своими привилегиями и собственностью; он даровал широкое и неограниченное помилование всем, кто сражался против него; он оставил за собой право разместить в городе гарнизон, но обязался не восстанавливать цитадель без согласия граждан. Монлюку и его французскому гарнизону было позволено выйти из города со всеми военными почестями.

ПАПА ПАВЕЛ III

Медезино с большой точностью соблюдал условия капитуляции, насколько это зависело от него. Жителям не было причинено никакого насилия или оскорблений, а французский гарнизон был встречен со всем уважением, подобающим его духу и храбрости. Однако многие граждане, подозревая, что император, как и Космо, при первой же возможности нарушит столь благоприятные условия, которые были достигнуты с необычайной легкостью (), и презирая ненадежную свободу, зависящую от воли другого, покинули место своего рождения и последовали за французами в Монтальчино, Порто-Эрколе и другие небольшие города на территории республики. В Монтальчино они установили ту же модель правления, к которой были привычны в Сиене, и, назначив магистратов с теми же титулами и юрисдикцией, утешали себя этим образом своей прежней свободы.^e

[1556-1557 гг. н. э.]

Испанцы удерживали Сиену в течение двух лет и сдали ее герцогу Флоренции только 19 июля 1557 года. После покорения Сиены в Италии осталось только три республики: Лукка,

Генуя и Венеция, если не считать Сан-Марино, свободную деревню, расположенную на вершине горы в Романье, которая до наших дней избежала как узурпации, так и истории.⁴

В том же году, когда произошло падение Сиены (1565), Карл V начал осуществлять свое намерение отречься от различных коронок своих обширных владений.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОЦЕНКА ОТРЕЧЕНИЯ КАРЛА V

Никто не сомневался в том, что Карл V был великим и ненасытным амбициозным человеком и что это было его главной страстью. Поэтому тем более удивительным было то, что он добровольно лишил себя всей власти и достоинства. Но при внимательном рассмотрении этого вопроса становится ясно, что его поступки были продиктованы именно этой амбицией. После тридцати лет непрерывных войн, путешествий, переговоров и опасностей он понял, что не стал счастливее, чем раньше, и, возможно, более высокие мотивы побудили его задуматься о тщетности и хрупкости человеческого величия; или же пресыщение и усталость отвратили его от королевской власти и могущества, и он решил завоевать похвалу людей другими средствами и искать спокойствия и умиротворения в частной жизни.

Но наиболее вероятно, что после своих неудач в Германии Карл осознал невозможность достичь той абсолютной монархии, к которой он стремился, и испытал в себе ту перемену чувств, к которой естественно склонно человеческое сердце; и что чрезмерное стремление к господству над всем миром сменилось полной апатией и жаждой покоя и бездействия, тем более что он страдал от плохого здоровья и начинал ощущать тяжесть лет. Тщательность, с которой он приучал своего единственного сына, принца Филиппа, к заботам управления, отправив его в Италию и надев на него герцогство Миланское в 1540 году, может заставить поверить, что он давно замыслил и созрел в своем намерении отказаться от власти перед смертью; и что он сделал бы это гораздо раньше, если бы обстоятельства складывались так, что он мог бы уйти с достоинством и не подвергаться обвинениям в слабости.

Между тем Генрих II, не более решительный в своем намерении сохранить мир с Карлом V, чем твердо убежденный в том, что это искреннее желание последнего, вступил в союз с немецкими князьями, врагами императора, и враждебные действия начались с обеих сторон без какого-либо официального объявления войны. Так, в то время как французы атаковали Туль, Верден и Мец в Нижней Германии, немецкие союзники, главными лидерами которых были Морис, герцог и курфюрст Саксонии, герцог Альберт Мекленбургский и Альберт Бранденбургский, маркиграф Кульмбаха и Байроита, проявили такой дух в сражении с императорской армией в направлении Тироля, что сам император, застигнутый врасплох в Инсбруке, поспешно отступил в Далмацию, на земли своего брата Фердинанда, оставив весь свой багаж в качестве добычи врагу. Этот новый удар еще больше укрепил его в решении уйти из мира. После бегства из Инсбрука было замечено, что он страдал от меланхолического настроения, и в Виллахе в Каринтии он заперся в своей комнате на несколько дней, не принимая аудиенций и не занимаясь делами. Набрав армию, он двинулся в сторону Фландрии, где тщетно пытался осадить Мец, который был занят королем Франции. Еще более опечаленный этим доказательством изменения своей судьбы, он почти полностью отказался от управления своими владениями, передав их частично принцу Филиппу, частично своему фавориту, епископу Арраса, и своей сестре, овдовевшей королеве Венгрии.

Чтобы уйти от забот управления, которые теперь стали ему неприятны, он поселился в частном доме в Брюсселе, где, по словам Сегина, ⁹ «он проявил большой интерес к часовому делу, увлекаясь такими механизмами, беседуя с мастерами и наблюдая за их работой». Он начал формальную отречение от короны, передав королевство Неаполь своему сыну (1554). Юлий III одобрил это отречение и принял от имени короля Филиппа дань уважения, которую ему выразили короли Неаполя как феодалы Святого Престола. Таким образом, государства Милан и Неаполь сменили своего правителя несколько раньше, чем Испания. Но это отделение королевства Неаполь и герцогства Милан от Испании, с которой они были справедливо объединены, первое — в силу древнего права короля Арагона, а второе — в силу воли Карла, который передал его наследнику испанского престола, было лишь временным, поскольку в следующем году (1555) Карл даровал Нидерланды своему сыну, а чуть позже (1556) — королевство Испания и владения в Новом Свете.¹

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ; ДОГОВОР В КАТО-КАМБРЕЗИС

Во время отречения Карла V пламя войны, которое бушевало в Европе с такой силой на протяжении большей части его долгого правления, казалось, уже угасало. Но оно вновь разгорелось в Италии, почти сразу после вступления на престол Филиппа II, под влиянием яростных страстей Павла IV, опрометчивого и жестокого понтифика. В своем возмущении по поводу оппозиции, которую Карл V вызвал против его избрания, а также для удовлетворения амбиций своей семьи, Павел IV уже подтолкнул Генриха II Французского присоединиться к нему в союзе с целью разрушить имперскую власть в Италии; и теперь, в согласии с французским монархом, он направил против Филиппа II враждебные меры, которые он подготовил против его отца.

Филипп II, этот самый отвратительный из тиранов, чья жестокость и глупое суеверие могут вызвать как проклятие, так и презрение, с ужасом отшатнулся от безбожного поступка — борьбы с понтификом, которого он считал наместником Бога на земле. Поэтому он тщетно исчерпал все возможности переговоров, прежде чем был примирен мнением испанских церковников, с которыми он тревожно советовался, о законности участия в такой борьбе. В конце концов он был убежден позволить герцогу Альве вести ветеранов испанских войск из королевства Неаполь на папские территории. Однако продвижение Альвы к воротам Рима вызвало панику в священном колледже, и высокомерный и упрямый понтифик был вынужден под давлением своих кардиналов заключить перемирие с испанским генералом Альва (), которое он немедленно нарушил, узнав о приближении превосходящей французской армии под командованием герцога де Гиз (1556).

[1556-1557 гг. н. э.]

Этот прославленный французский полководец, которому было поручено завоевать у испанцев королевство Неаполь, не смог, однако, достичь в Италии ничего, что соответствовало бы его прошлой и последующей славе. Перейдя Альпы во главе двадцати тысяч человек, он без какого-либо сопротивления проник через Ломбардию и Тоскану в церковную столицу. Если бы ему удалось завоевать Неаполитанское королевство, то, как предполагалось, испанские провинции в северной Италии должны были бы пасть сами собой; поэтому, оставив миланское герцогство без пристального внимания, он прошел от Рима к берегам Гариальяно, где встретил Альву, выставившего против него меньшие силы. Хитрый осторожность испанского генерала и терпеливая доблесть его войск сбили с толку стремительность французов и военное мастерство их доблестного вождя: к тому же болезни уже начали сеять страшные опустошения в рядах захватчиков, когда Гиз был отозван, после победы испанцев при Сен-Кентене, для защиты границ Франции.²

Колоннада, СОБОР СВЯТОГО ПЕТРА, Рим

В Риме царил большая суматоха. Но папа, хотя и был весьма опечален, не давал никаких внешних признаков беспокойства или тревоги. «Посол Франции только что заверил меня, — писал епископ Англоне 25 августа 1557 года, — что папа глубоко переживает поражение констебля и встревожен; но, несмотря на свою горе, он не говорит о прекращении войны, а его мужество сильнее, чем когда-либо, и, судя по тому, что он видит и во что верит, его святейшество более чем когда-либо настроен на продолжение дружеских отношений, поскольку он хорошо знает, что не может нести расходы в одиночку и нуждается в помощи короля». Тем не менее, Павел IV не мог не осознавать, что он остался один на один с победоносным врагом, который стал еще смелее в своих притязаниях, поскольку знал о своем превосходстве над противником.

Поэтому папа принял решение остановить победоносное шествие герцога Альвы и спасти Рим, заключив мир. Кардинал Караффа попытался через Алессандро Плачиди вести переговоры с испанским вице-королем, но выдвинутые условия были слишком обременительными, чтобы их мог принять папский двор. Космо, стремясь к миру, вмешался в пользу последнего, и был подписан мир на самых выгодных для папы условиях, который благодаря проницательности Сильвестро Альдобрандини вернул все, что потерял, и смог подтвердить приговоры против мятежных вассалов, а король Филипп пообещал послать к нему торжественную делегацию с просьбой о милости и прощении.

[1557-1558 гг. н. э.]

Но в секретной статье договора (статье, о которой папа не знал) герцогство Палиано, явная причина войны, осталось в руках испанцев. Герцог Альва был вынужден отправиться в Рим и, хотя и против своей воли, поклониться перед понтификом и просить прощения за то, что вступил в войну с церковью. Папа, который с трудом мог поверить, что он освободился от войны, в которую был втянут, не предвидя всех последствий, принял его с большой доброжелательностью и послал *rosa benedetta* его жене, вице-королеве. Герцог Феррары не был включен в мирный договор, но Космо () убедил Филиппа принять его в свою милость, что было очень выгодно герцогу, который теперь был в дружеских отношениях с венецианцами, приняв участие в борьбе между папой и Испанией без согласия

республики, и который видел угрозу со стороны герцога Оттавио Фарнезе, стремившегося расширить свои владения за счет дома Эсте; в то время как его народ, измученный катастрофической войной, горячо жаждал мира.

Де Гиз покинул Рим в тот же день, когда герцог Альва вошел в город; он поспешил во Францию, где его прибытие с нетерпением ждали, и был назначен генерал-лейтенантом с полными полномочиями. Во главе французской армии он вышел на поле боя, хотя сезон был уже далеко не в начале. Притворившись, что наступает на границу Фландрии, он внезапно развернулся и напал на Кале, последнее место, удерживаемое англичанами во Франции, — важное владение, поскольку оно обеспечивало им легкий и безопасный проход в сердце страны. За восемь дней Де Гиз овладел этим местом; успех был обусловлен не столько доблестью, сколько его обычной дальновидностью, поскольку он воспользовался моментом, когда форт был лишен гарнизона. Эта победа отомстила за Сен-Кентен и частично сгладила путь к всеобщему миру.

Сначала речь шла о перемирии, затем об общем разоружении, затем о расформировании иностранных войск, но в конце концов обе державы назначили своих полномочных представителей, которые 12 октября 1558 года собрались в Серкампе, чтобы сформулировать свои предложения. Переговоры были долгими и трудными, особенно в отношении вопроса о владении Кале, и были приостановлены 17 ноября 1558 года в связи со смертью Марии Тюдор, королевы Англии; они возобновились в Като-Камбрезисе в следующем году, и в конце концов мир был подписан сначала между Англией и Францией, а затем между Францией и Испанией. Условия были следующими: Франция возвращала Мариенбург, Тионвиль, Дамвиллер, Монмеди в обмен на Сен-Кентен, Хам, Каталет и Тироан; она сохраняла Кале и без компенсации возвращала Бовиньи и Буйон епископу Льежа, а Филипп сохранял Эсден. В Италии французы эвакуировали Монферрат, Милан, Корсику, Монтальчино, Сиену, Пьемонт, за исключением фортов Турина, Кьери, Пинероло, Чивассо, Вилланова-д'Асти, которые она удерживала в залоге и которые по договору Фоссано, подписанному кардиналом Лотарингии от имени короля Франции, были возвращены Эммануилу Филиберту в обмен на форты Савильяно и Пероза.

[1558-1565 гг. н. э.]

Договор Като-Камбрезис оставил Савойю, Бресс и Буже свободными, но не герцогство Салуццо, которое удерживалось Францией, было оккупировано Генрихом IV и окончательно передано Пьемонту в 1601 году в обмен на Бресс и Буже. Возвращение крепостей Пьемонта со стороны Франции закрепило отделение этой державы от северной Италии. Для закрепления мира были заключены два брака: один между Филиппом II, недавно овдовевшим, и Элизабет Валуа, старшей дочерью Генриха, а другой между Маргаритой, сестрой последней, и герцогом Савойским.

Договор Като-Камбрези, дополненный пятьдесят лет спустя договором Вервена, был основным договором Европы до заключения Вестфальского договора. Немногие дипломатические акты имели столь долгосрочные результаты. Конвенция от 2 апреля 1559 года отвечала на текущие потребности Европы; определила границы владений каждой нации; сломала власть дома Габсбургов, стремившегося к всемирной монархии; ослабила власть Филиппа II в Италии и Нидерландах и заставила упомянутого монарха оставаться в пределах Иберийского полуострова; она обеспечила свободу остальной части Европы, которая еще недавно была под угрозой всемогущества Карла V.^{[h](#)}

Но в своих последствиях для Италии этот знаменитый договор был особенно важен. Чтобы отделить герцога Пармы от французских интересов во время недавней войны, Филипп уже вернул ему часть его государств, которые ранее были захвачены Карлом V: чтобы подтвердить верность Космо I, впоследствии великого герцога Тосканы, он передал Сиену под власть Медичи и оставил в Тоскане только небольшой приморский район, который был предназначен для образования испанской провинции под названием *lo stato degli presidi* — государство гарнизонов. Общее умиротворение подтвердило эти уступки Филиппа; оно также вернуло дому Савойи большую часть его владений, которые французские и испанские короли обязались эвакуировать; и оно оставило королевство Неаполь и герцогство Милан под признанным суверенитетом Испании.

Таким образом, можно считать, что Като-Камбрезийский договор окончательно урегулировал границы и существование этих итальянских княжеств и провинций, которые под деспотическим правлением, будь то местным или иностранным, охватывали почти всю территорию полуострова; и он оставил лишь тень республиканской свободы Венеции, Генуе, Лукке и — если это стоит упоминать — небольшому сообществу Сан-Марино в церковных государствах. Но это умиротворение еще более примечательно, поскольку с этого момента Италия перестала быть ареной борьбы между монархами Испании, Германии и Франции за господство в континентальной Европе. Теперь их амбиции обрушились на другие регионы, и другие страны унаследовали войну и все ее бедствия, от которых Италия пожинала и еще пожнет только самые горькие плоды.⁴

Для Италии начался новый этап: она больше не сопротивлялась рабству, а смирилась с ним, даже поспешила к нему. Тот же блестящий гений, который заблудился на скользких путях Возрождения, искупил свой языческий скептицизм суровым покаянием, а иногда и слабостью суеверий.

Пий IV подал пример смирения. Полностью занятый украшением Рима, он построил Порта-Пию, открыл улицу Монтекавалло, защитил побережье от варварских пиратов укреплениями Борго, Анкона и Чивитавеккья и не имел иной цели, кроме мира в отношениях с иностранными державами. Когда посол Савойи обратился к нему с просьбой помочь своему господину вернуть Женеву, которая теперь стала протестантской, он сказал ему: «К чему мы пришли, что мне делают такие предложения? Я желаю прежде всего мира». Он был убежден, что Святой Престол не сможет долго удержаться без помощи князей, и прежде всего ценил тех, кто правил Италией. Однажды он подумывал о том, чтобы присвоить Космо титул короля или, по крайней мере, сделать его эрцгерцогом. Он не отказывал ни в чем своему вассалу Филиппу II в отношении Неаполитанского королевства и позволял ему противопоставлять формальность *экзекватуры* своим собственным декретам. Еще меньше он боролся с мерами, которые король принимал в Милане для ограничения привилегий, оставленных Карлом V сенату, и последних коммунальных свобод.

[1563-1572 гг. н. э.]

Святой престол, правда, приобрел духовно то, что потерял материально. На последних сессиях Тридентского собора, который он имел честь возобновить в 1563 году, папа Пий IV, благодаря политическим уступкам, сделанным князю, укрепил религиозные реформы, которые, как казалось, могли быть у него отняты. Прекратив призывать свое право над коронованными головами, он добился одного — больше не было разговоров о реформировании церкви путем реформирования ее главы. Собор, вместо того чтобы поставить себя выше него, поклонился его власти. Не только была сохранена традиция и догма во всей ее строгости, но и власть Святого Престола во всей его католичности была повышена и расширена. Папа оставался единственным судьей в вопросах дисциплины, был непогрешим в вопросах веры, верховным толкователем канонов, бесспорным главой епископов, и Рим мог утешиться окончательной потерей части Европы, увидев, что его власть удвоилась в католических странах юга, которые религиозно сплотились вокруг него.

Светские правители Италии не имели такой компенсации. Космо де Медичи мог свободно сдерживать террором своих подданных во Флоренции и Сиене, которые все еще боялись его. Он мог укреплять Гроссето, Ливорно; основать орден кавалеров Святого Стефана для борьбы с пиратами; строить галеры, прокладывать каналы, орошать и пытаться заселить и оздоровить Маремму; но, захватив маленький городок Фолильяно у Никколо Орсини, он вызвал недовольство правителей и умиротворил их только тем, что принял руку эрцгерцогини Иоанны, австрийской принцессы, для своего сына. Герцог Савойский Эммануил Филиберт, принесший победу Филиппу II над королем Франции при Сен-Кентене, благодаря беспорядкам во Франции вернул себе все свои пьемонтские города. Но ни от короля Испании, ни от папы он не получил помощи, необходимой для покорения Женевы.

При папе Пие V (1566) работа по восстановлению католицизма и ослаблению полуострова была завершена. Этот святой, но неуступчивый старик, которым восхищался народ за его всегда обнаженную голову, длинную белую бороду и лицо, сияющее благочестием, добился того, что римская инквизиция была допущена во все итальянские государства, и строго следил за верой и обычаями. Епископы были обязаны оставаться в своих резиденциях, монахи и монахини были вынуждены вести строгое уединение. Коллегиум Германский, основанный иезуитами, стал рассадником священников для Италии и Германии. Злоупотребления частично исчезли; скандалы в Риме уменьшились. Кардиналы, известные своей набожностью, задавали тон в римском дворе — среди них были политик Галлио ди Комо, администратор Энрико Сальвиати (), Сан-Северино, человек Инквизиции, и Мадруцци, прозванный Катоном священного колледжа. Венецианский посол Тьеполо немного позже дал Святому городу следующую характеристику: «Рим стремится избавиться от дурной славы, которая на него обрушилась; теперь он стал более христианским в своих обычаях и образе жизни». В Ломбардии архиепископ Милана Карло Борromeо, достойный последователь Пия V, не довольствовался реформированием церквей и духовенства, монахов и монахинь. Он ограничил публичные развлечения, следил за законностью браков и общим поведением мирян: его рвение даже вышло за пределы его полномочий. Он стремился подкрепить свои религиозные указы военной силой, и губернатор Милана склонился перед превосходством рвения, свободного от всяких политических амбиций.

Эта реформа, носившая чисто церковный и дисциплинарный характер, к сожалению, не имела ничего практического или сильного. Богослужение было восстановлено без реформирования характера людей. Вера была укреплена без исправления нравов. Умы были подчинены, но души не были возвышены. Одно великое событие выделяется в этой эпохе.

Пий V создал лигу против турок, в которую вошли итальянские и испанские государства. Под руководством дона Хуана Кастильского () вассалы Венеции, Генуи, Тосканы, Неаполя и церковных государств одержали славную победу при Лепанто (1571).¹ Эта победа была настолько великой и славной, что мы не можем не уделить ей особого внимания. Как одна из величайших решающих битв между Востоком и Западом, она действительно имела мировое историческое значение. Мы воспользуемся восторженным описанием испанского историка Лафуэнте.^а

ИСПАНСКИЙ ОПИСАНИЕ БИТВЫ ПРИ ЛЕПАНТО

[1571 г. н.э.]

Турецкий флот в Лепанто был усилен кораблями, провизией, артиллерией и солдатами, привлеченными из Мореи и Модона, так что он насчитывал не менее 240 галер и множество галеот, фостов и других судов с 120 000 человек, солдат и гребцов. Пертев-паша и Али Улуч, а также наместник Александрии и другие турецкие генералы советовали Али-паше не вступать в бой и не рисковать в одной битве потерять завоевания, сделанные на Кипре. Но Али, как главнокомандующий флотом, отверг их совет как трусливый. Причина этого заключалась в том, что известный корсар, переодетый рыбаком, смог приблизиться и разведать христианские галеры и, чтобы воодушевить мусульман или потому, что он не видел весь флот, сильно недооценил их численность и заверил пашу в верной, почти безошибочной победе.

Генералы дона Хуана, среди которых были Джованни Андреа Дориа, Асканио де ла Корна и Себастьян Вениеро, также опасались вступать в сражение; некоторые, заявляя, что это будет опрометчивостью, выступили с советом отступить. «Господа, — ответил сын Карла V, — сейчас не время для советов, а для сражения», — и он продолжил расставлять боевой порядок.

Помимо его природной храбрости, его уверенность усилилась после того, как он получил сообщение, что Али Улух, алжирец, отделился от турецкого флота. Оба полководца были обмануты и уверены в себе, оба рассчитывали на победу, оба были одинаково жаждущими сражения; казалось, что ими движет какая-то таинственная сила. Дон Джон ходил от корабля к кораблю, ободряя христиан. «Братья», — воскликнул он звучным голосом, обращаясь к испанцам, — «мы здесь, чтобы победить или умереть, если такова воля Божья. Не давайте вашему высокомерному врагу повода воскликнуть с гордым кощунством: «Где ваш Бог?» Сражайтесь с верой в Его святое имя; убитые или победившие, вы обретете бессмертие». А венецианцам он говорил: «Настал день отомстить за оскорбления; в ваших руках средство от ваших страданий, вооружитесь мечами с мужеством и гневом». И огонь его слов зажёл сердца воинов воинственным рвением.

Али-паша, уверенный в победе, думая, что весь христианский флот находится в поле зренья, когда большая его часть была скрыта от него островами Курзолари, онемел от удивления и проклял корсара, который обманул его, когда, выйдя в открытое море, он обнаружил его величину, увидел множество парусов и замечательный порядок, в котором он был расположен.

Дон Джон также понял, что ошибся в количестве кораблей противника и что не было уверенности в том, что Али Улуч перешел на сторону врага. Он полностью осознал опасность, в которую попал, но вспомнил, кто он такой, устремил взгляд на распятие, которое всегда носил с собой, затем поднял глаза к небу и, положив надежду на Бога, решил сражаться с предчувствием победы. Ветер, который сначала был неблагоприятен для христиан, вскоре повернулся против неверных, затрудняя маневры их кораблей и

благоприятствуя христианскому флоту, что подняло боевой дух последнего. Среди прочего, дон-Джон приказал отрезать носовые части всех галер, начиная со своего флагманского корабля, что, как впоследствии оказалось, было очень выгодной мерой.

Шесть венецианских галеасов шли в авангарде, левое крыло, состоящее из шестидесяти галер, командовал *провидециоре* Барбариго; Джованни Андреа Дориа командовал правым крылом, состоявшим из почти равного числа кораблей; в центре, состоящем из шестидесяти трех галер, находился генералиссимус Дон Джон Австрийский на своем флагманском корабле, по обе стороны от которого находились два генерала Рима и Венеции, Колонна и Веньеро, а сзади — его лейтенант, Рекесенс, главный рыцарь-командор Кастилии. Замыкающим отрядом или эскадрой подкрепления из тридцати пяти галер командовал Дон Альваро де Базан, маркиз Санта-Крус.

Турецкий флот, более многочисленный, чем христианский, образовал полумесяц и также был разделен на три части. Правым флангом из пятидесяти пяти галер командовал вице-король Александрии Мухаммед Сироко; левым флангом из девятиста трех галер — Али Улуч из Алжира, а два паши, Пертев и Али, находились в центре с девятистами шестью парусниками и соответствующими подкреплениями или арьергардом. Таким образом, каждая часть стояла лицом к соответствующей части врага, и знамя Великого Турок развевалось перед священным знаменем лиги.

Ветер утих, воды залива были спокойны, и солнце светило с голубого и чистого неба, как будто Бог желал, чтобы ничто не мешало борьбе людей, чтобы природа не создавала препятствий для сражения, которое должно было решить, кто победит — крест или полумесяц. Если отражение отполированного оружия, блестящих щитов и отполированных шлемов христиан ослепляло мусульман, то глаза союзников были поражены позолоченными фонарями на корме, серебряными и золотыми надписями на турецких знаменах, звездами, луной, обоюдоострыми ятаганами, которые сияли с кораблей османских адмиралов. На горизонте не было видно ничего, кроме разноцветных знамен и подвесок. В течение короткого времени два флота с удивлением разглядывали друг друга; эту впечатляющую тишину прервал залп с галеры Али, на который ответил залп с флагмана Дона Хуана.

За первым раскатом артиллерии, который был сигналом к началу сражения, сразу же последовал обычный шум и крики, с которыми мавры начинают бой. Турецкое правое крыло под командованием вице-короля Александрии сначала вступило в бой с христианским левым крылом под командованием *провидентииоре* Барбариго. Венецианцы сражались без щитов, с яростной отвагой и страстью людей, сражающихся с убийцами своих соотечественников. Дориа из Генуи вступил в бой с Али Улухом из Алжира, который захватил флагманский корабль Мальты и перебил всех его защитников, за исключением приора и двух других рыцарей, которые, покрытые ранами, были спасены тем, что их приняли за мертвых.

Али-паша и Дон Джон Австрийский искали друг друга с одинаковой ненавистью, пока их две галеры не столкнулись с ужасающим ударом, и огонь артиллерии и аркебуз с испанского корабля не нанес смертельный удар по людям на турецкой галере. Сражение стало всеобщим, и сражающиеся галеры поменялись местами; море было белым от пены бурных волн, дым артиллерии и аркебуз затемнил небо, превратив полдень в ночь, искры, летящие от мечей и щитов, когда они сталкивались, казались молниями, сверкающими из черных облаков. Корабли поглощались волнами, турки и христиане падали в беспорядочной куче, сцепленные друг с другом, как братья, с ненавистью врагов, рядом с тонущим кораблем; жадные пламени пожирали других; можно было увидеть турецкий корабль под

христианским флагом и испанскую галеру, управляемую турецким командиром. Сломал мечи, они сражались врукопашную; все было разрушением и смертью, пока море не покраснело от крови. «Никогда, — пишет автор *«Воспоминаний о Лепанто»*, — Средиземное море не было свидетелем на своей груди, и мир больше не увидит столь упорного конфликта, столь ужасной бойни, столь доблестных и разъяренных людей».

Своей молодой и неутомимой рукой Дон Джон Австрийский без усталости размахивал мечом, постоянно подвергая себя опасности; молодым в сражении показался и ветеран Себастьян Вениеро; Колонна оправдал свое прославленное имя; Рекесенс проявил себя достойным лейтенантом доблестного принца Дона Хуана; принц Пармы доказал, что в его жилах течет кровь Карла V; полученные раны не остановили Урбино; Фигероа, Сапата, Каррильо, все капитаны флагманского корабля действовали как люди, привыкшие к сражениям, не целя жизни, когда флагманский корабль был в тяжелом положении, потому что Али и Пертев-паша также сражались как герои со своими янычарами.

Дон Альваро де Базан пришел на помощь, как будто его галера двигалась под действием молнии, и косил мусульман, очищая все перед собой, хотя пули отскакивали от его щита. Он двигался как вихрь, и его огонь не ослабевал, хотя корабли поглощались огнем по бокам, а капитаны падали безжизненными перед ним. Али Улуч сражался с Дорией в отчаянной схватке; маркиз Санта-Крус, оставив флагманский корабль в безопасности, поспешил ему на помощь, отвоевал флагманский корабль Мальты, освободил генуэзцев и заставил алжирцев бежать с позором.

Невозможно рассказать об особых подвигах каждого капитана и каждого солдата в этой грандиозной битве, в которой янычары, считавшие себя самыми храбрыми воинами в мире, узнали, что есть христианские солдаты, более храбрые, более смелые и более отважные, чем они. Тем не менее, мы не можем не упомянуть об испанском солдате, который, лежа с лихорадкой на борту галеры Джованни Андреа Дориа, но чувствуя в своей груди более сильную лихорадку, то есть огонь мужества и жажду сражения, встал с постели и попросил капитана « » поставить его на самый опасный пост. Напрасно его товарищи, напрасно сам капитан пытались убедить его, что ему лучше лечить свое тело, чем подвергать его опасности. Солдат настаивал, солдат сражался отважно, солдат был ранен в грудь и левую руку, но все же не отступал, ибо девиз этого солдата был: раны, полученные в бою, — это звезды, ведущие в рай славы. Упрямый солдат стоял твердо и не поддавался уговорам отступить, чтобы его могли оказать помощь, пока его галера не прекратила сражение, а капитан Франциско де Сан-Педро не был убит в бою. Читатель поймет, почему среди множества других подвигов мы выделили именно этот, ведь он догадался, что этот солдат был не кто иной, как Мигель де Сервантес, который тогда был неизвестен миру как солдат, а впоследствии прославился как писатель.

Но теперь пора подвести итог этой яростной битве, исход которой некоторое время был неопределенным. Турки уже понесли большие потери, когда Пертев-паша, под давлением дона Хуана де Кордовы, упал в море, а его галера была захвачена Пауло Джорданом Урбино, и сераскер был вынужден плыть к небольшой лодке, чтобы спастись. Но христиане не подняли крик победы, пока не увидели, как Али-паша, после энергичных и упорных усилий себя и трехсот янычар своего флагманского корабля, упал на трап, раненный в лоб пулей одного из аркебузирова Дон Жуана.

Другой отрезал ему голову и преподнес ее христианскому генералиссимусу, который с благородной великодушием с ужасом осудил этот поступок и приказал бросить такие трофеи в море; тем не менее он не смог помешать тому, чтобы голову турецкого адмирала подняли и выставили на острие копья. Крик победы христиан разнесся по воздуху и был унесен ветром к берегу.

Последнее сражение произошло между галерами Али Улуча и Джованни Андреа Дориа, но при приближении дона Хуана вице-король Алжира поспешил бежать, спасая сорок кораблей от общего уничтожения; и его поспешность была настолько велика, что ни Джованни Андреа, ни Альваро де Базан не смогли преследовать его. Тем не менее, почти все его люди погибли, либо утонув в волнах, когда в панике прыгали на берег, либо убитые вратами венецианцами.

В этой памятной битве турки потеряли 220 кораблей; из них 130 попали в руки христиан, более 90 были поглощены морем или превращены в руины огнем, только 40 уцелели; 25 000 турок пали в бою, 50 000 были взяты в плен; союзники отобрали у них 17 тяжелых пушек и 250 меньшего калибра, более 12 000 христиан, пленников мусульман, использовавшихся в качестве гребцов, увидели, как их цепи разорвались и они обрели драгоценную свободу. Потери христиан также были велики: около 8000 доблестных солдат и моряков были убиты, 2000 из них были испанцами, 800 — солдатами папской армии, а остальные — венецианцами. Потеряно было только 15 кораблей. С другой стороны, позолоченные фонари на корме, пурпурные знамена, вышитые золотом и серебром, звезды и луна, вымпелы паши были драгоценными трофеями, которые союзники завоевали в сражении.

Таким, вкратце, заключает Лафуэнте, было знаменитое морское сражение при Лепанто, самое известное из когда-либо зафиксированных в анналах народов, по количеству кораблей, усилиям и доблести участников, по полному уничтожению такого грозного флота, как османский. Янычары больше не были непобедимы; Высокая Порта должна была утратить свое господство в Средиземноморье.¹

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ИТАЛИИ

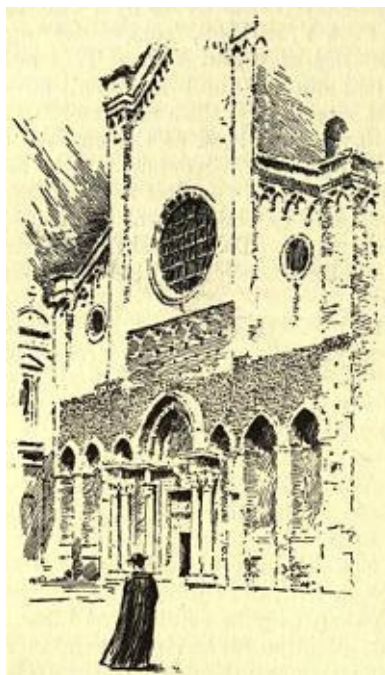
«Был человек, посланный Богом, по имени Иоанн», — мог воскликнуть Пий V в своем восторге по поводу победы при Лепанто. Но, кроме этой победы, в Италии было мало поводов для восторга; повсюду царили скандалы и подлость. Медичи были худшим примером этого. Ужасные слухи ходили о внезапной и близкой смерти двух сыновей Космо. С уверенностью говорили, что один из них, Джованни, в приступе ревности во время охоты убил своего брата Гарсиаса, а Космо через несколько дней убил братоубийцу на руках у его матери. Третий, Франческо, хотя и был женат на эрцгерцогине Иоанне, публично вступил в связь, которая, казалось, каждый день давала повод для новых скандалов, а Космо в глубине своего дворца предавался бурным страстям, усугубляемым мрачной меланхолией. Все это не помешало папе Пию V в 1569 году присвоить Космо, по какому праву — неизвестно, титул великого герцога. Этот акт показал, до каких глубин опустились итальянские князья. Другие мелкие правители, чья жизнь также не была самой образцовой, проявили большую ревность. Герцоги Феррары и Савойи протестовали при дворах Мадрида и Вены и стремились защитить право старшинства, которое папа также только что изменил. По крайней мере, они были бы первыми среди рабов. Право превосходства, каким бы оно ни было в общем рабстве, оставалось предметом лихорадочной конкуренции между князьями. Чтобы сохранить его, их мудрецы широко использовали геральдическую и феодальную науку. Их послы сражались при дворах Мадрида и Вены.

Потеря свободы не компенсировалась материальным процветанием. Это ясно проявилось во время правления Григория XIII в Риме и Франческо I во Флоренции.

Григорий XIII, хотя и был менее набожен, чем его предшественник, в своем духовном правлении следовал энергичному импульсу, данному Пием V. Он основал международный колледж в Риме и совершил поистине европейское дело, реформировав календарь в 1582 году. Его попытки регулировать экономические условия не были столь успешны. Франческо де Медичи, еще более покорный испанскому игу, чем его отец, добился в 1576 году от императора и испанского короля признания своего великогерцогского титула, от которого отказался Космо, с правом преимущества перед другими герцогами. С еще меньшим почтением, чем когда-либо, он поселил Бьянку Капелло в своем дворце, и она не потеряла его любви, несмотря на то, что родила ему ребенка от другого отца; она даже стала его женой после смерти эрцгерцогини. Как настоящий испанский принц, он полностью отдалился от народа. По примеру Филиппа II он жил только в окружении куртизанок и фавориток, которые начали формировать дворянство в государстве, которое ранее было в основном демократическим. Но из-за его халатности все элементы порядка и процветания в Тоскане были утрачены. Только город Ливорно немного развился благодаря торговым привилегиям, которые он ему предоставил, но остальная часть страны опустела по сравнению с тем, что было при Космо I. Население Пизы сократилось с двадцати двух тысяч до восьми тысяч, и в 1575 году потребовался заговор, чтобы свергнуть этого сладострастного тирана, который не думал о завтрашнем дне.

В Милане, где правители уважали остатки древних свобод, все еще наблюдалась некоторая активность. Миланские оружие и вышивки были востребованы, ткачи были очень заняты в Комо и столице. Продолжались работы по канализации. Милан считался самым густонаселенным городом Италии и насчитывал 150 000 жителей. Но в Неаполе требования и продажность администрации « » исчерпали все источники процветания. В то время как богатые семьи Ломбардии, Мариньяни, Сфорца, Сербони, Борромеи и Тривульци, демонстрировали княжескую роскошь, неаполитанская знать, быстро разорившаяся из-за придворной жизни, уединилась в своих замках и жила, угнетая крестьян. Даже горожане, раздавленные налогами и, прежде всего, капризами наместников, были разорены. Бедные

налогоплательщики, после того, как вся их мебель была продана, были вынуждены даже снимать крыши со своих домов и продавать материал. Города пришли в упадок. Некогда процветавшие населенные пункты, такие как Джовинаццо в Апулии, полностью исчезли. Целая провинция была опустошена; Калабрия теперь была пересекаема только караванами.

Св. Джованни и Паоло, Венеция

На всей полуострове, как и в великие эпохи нищеты, организовалось разбойничество. Недовольные, изгнанные, разоренные люди и плохие подданные объединились в банды под руководством смелых и предприимчивых вождей и совершали кровавую месть. Ущелья Апеннин, небольшие замки, расположенные там, стали убежищем для этих преступников или бандитов, которые заменили кондотьеров и были последним и яростным протестом национальной независимости. Народ, далеко не презирая их, называл их *брави*. Великие вельможи, принцы и даже кардиналы часто обращались к этим людям за помощью, необходимой для осуществления мести или даже для удовлетворения своей алчности. Марко Бернарди из Козенцы в Калабрии, Пьетро Леонелло из Сполето в Марке, Альфонсо Пикколомини, лорд Монтемарчано, и его благородная семья в Апеннинах стали ужасом полуострова. Чтобы уничтожить Марко Бернарди и его банду, потребовалась настоящая испанская военная экспедиция. Альфонсо Пикколомини захватил замки и даже небольшие города в папских государствах. Папа Григорий XIII увеличил свои вооруженные силы и дал кардиналу Сфорца полную власть, чтобы избавить наследие Святого Петра от этого разбоя. Однако Григорий XIII не смог разоружить Пикколомини, кроме как помиловав его и вернув ему его имущество. Таково было состояние, до которого имперская и папская реставрация привели полуостров к концу XVI века. Но на пороге XVII века два энергичных человека попытались поднять Италию и даже поставить ее на путь извлечения выгоды из реставрации Франции, ее естественного защитника, поскольку она попала под испанское иго: это были Сикст V, верховный понтифик, и Фердинанд I, великий герцог Тосканы.

ПАПА СИКСТ V; ФЕРДИНАНД, ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ ТОСКАНЫ

[1585-1590 гг. н. э.]

Феличе Перетти [Сикст V], происходивший из бедной семьи рабов, укрывшейся в Монтальто, вырос в суровой школе бедности. В юности он часто охранял фрукты или ухаживал за свиньями. Принятый в францисканский монастырь, он поднялся по служебной лестнице, проявив сочетание теологической эрудиции и способностей к управлению, что свидетельствовало о его решительном уме и твердом характере. Когда он был избран папой (1585 г.), ему было шестьдесят четыре года, и он был несколько немощен. Эта честь, казалось, придала ему молодость, что дало повод для слухов, что на следующий день после своего возвышения он выбросил костыли. Он был первым за долгое время, кто понял, что папа, как светский правитель, не может заниматься исключительно религиозными обязанностями, не подвергая опасности ту же духовную власть, и он первым взялся за уничтожение разбойничества и улучшение финансового положения Святого Престола. С самого первого дня были приняты самые энергичные меры против разбойников. За головы их лидеров была назначена награда; их родственники были привлечены к ответственности за все их преступления. Святой отец одобрил все меры, принятые против них. От него не следовало ждать пощады. «Пока я жив, — сказал он в день своей коронации, — каждый преступник будет подвергаться смертной казни». Через два года послы поздравили папу с безопасностью дорог в папской области.

Григорий XIII, как сказал Сикст V, съел доходы трех понтификов: свои собственные, своего предшественника и своего преемника. Сикст V значительно сократил расходы папской камеры. Он ввел ряд пошлин и установил *налоги* на потребление вина, древесины и даже на мелкие промыслы. За короткое время он погасил свои долги и смог откладывать ежегодно миллион золотых крон: резерв, предназначенный для оплаты крупных событий, таких как крестовый поход, голод или вторжение на территории Святого Петра. Обычный излишек доходов он использовал для украшения Рима. С тех пор как Сикст IV соединил два берега Тибра мостом, носящим его имя, нижняя часть города была полностью перестроена; за рекой возвышались чудеса Ватикана, Бельведер, Лоджия и дворец Чиги; за ними — Канцелярия Юлия II, дворцы Фарнезе и Орсини. Но высоты города всегда оставались заброшенными; церковь Санта-Мария-дельи-Анджели и дворец Консерватории на Капитолии больше не привлекали жителей. Сикст V, чтобы заселить эти красивые и знаменитые высоты, провел туда столь необходимую воду с помощью сооружений, которые не уступали римским. Он направил, иногда под землей, иногда по акведукам, на Капитолий и Квириналь ту *aqua felice*, которая давала за четыре часа 20 537 кубических метров воды и питала двадцать семь фонтанов. Он спланировал большое количество улиц, облегчил связь между верхней и нижней частями города и, так сказать, удвоил город Рим.

Бывший францисканский монах также вызвал реакцию против язычества в искусстве и с радостью прославлял в своих произведениях триумф христианской веры. Он увенчал крестом прекрасный обелиск, который архитектор Фонтана с таким трудом и восторгом воздвиг на площади Сан-Пьетро. Он сбил статуи Траяна и Антонина с триумфальных колонн этих императоров, чтобы поставить святых Петра и Павла, а для строительства своих церквей и реализации своих планов уничтожил памятники древности, даже прекрасный храм Севера. Он даже принес в жертву этому христианскому вандализму прекрасную гробницу Цецилии Метеллы. Но прежде всего этот позитивный ум всегда преследовал одну цель — общественную пользу; и Рим действительно возродился под его понтификатом.

Смерть великого герцога Флоренции Франческо была столь же благоприятна для Тосканы, как смерть Григория XIII для церковных государств. Герцог Франческо и кардинал Фердинанд Медичи, редко бывавшие в согласии, по-прежнему были в ссоре после вступления на престол папы Сикста V. Осенью 1587 года Франческо заболел, и Фердинанд прибыл во Флоренцию, где примирился с ним. Но через несколько дней после того, как лихорадка Франческо усилилась, сама Бьянка Капелло заболела той же болезнью. Супруги,

чья страсть друг к другу беспокоила двор Тосканы и даже Италии, умерли с разницей в два дня, и кардинал Фердинанд стал герцогом Флоренции. Появилось тысячи слухов, чтобы навредить ему, но новый герцог быстро заглушил их своими благодеяниями. Просвещенный человек, обладавший практическим здравым смыслом и решимостью, Фердинанд I исправил бедствия, вызванные халатностью Франческо. Было взято под контроль процветание Ливорно; городу Пизе помогло открытие канала, который соединил его с Ливорно в том месте, где генуэзцы вскоре стали участвовать в ежегодной ярмарке. Русло Арно получило более выгодное направление; было много сделано для осушения затопленных земель, и перспектива заселения Мареммы была возобновлена за счет увеличения водоснабжения и перекрытия перелива озера Фучеккьо. Фердинанд содержал достаточно значительный флот, чтобы оттеснить берберийских пиратов обратно в Бона, и пытался возродить искусство и литературу, которые были славой его страны и его предков.

Папа Сикст V и Фердинанд были настроены так, что хорошо понимали друг друга. Их внешняя политика стала проявлять большую независимость. Сикст V преследовал до самой испанской территории разбойников, которых иногда защищали испанцы. Фердинанд изгнал всех испанцев, которых Франческо взял на службу, и доверил свои крепости итальянцам, которым он мог доверять. Оба мужчины пришли к хорошему взаимопониманию с Венецианской республикой. Папа особенно любил этот город, который помог ему уничтожить разбойников. Он часто уверял его, что с радостью прольет за него свою кровь. Они также привлекли на свою сторону Гонзага из Мантуи и Генуи, которым угрожал Карл Эммануил I Савойский, надеявшийся получить от Испании все, доказав, что он ее самый ревностный сторонник. Это уже было место сопротивления. Но помощь нужно было искать снаружи. Франция, двадцать пять лет страдавшая от ужасов религиозной войны, которая парализовала всю внешнюю политику, едва ли могла противостоять усилиям и интригам Филиппа II. Фердинанд и Венеция по мере своих сил способствовали восстановлению сильной национальной державы. Республика первая догадалась, каким будет будущее, и имела мужество признать Генриха IV раньше всех других государств. Вслед за ней Фердинанд вступил в дружеские отношения с новым королем; и пока герцог Савойский отнимал у него Барселонетту и Антиб, он бросился в замок Иф и разместил там эффективный гарнизон.

Сикст V колебался. Он угрожал порвать с республикой, за которую он обещал пролить свою кровь. Однако он позволил себя уговорить смягчить свою позицию и даже принял М. де Люксембург, посланника Генриха IV, на частной аудиенции. Испанский посол умолял, угрожал. Сикст сдался перед такой смелостью. Филипп II снова начал посылать бандитов на папскую территорию и перехватывать конвои с зерном, которые Фердинанд прислал для снабжения Тосканы.

Сикст V зашел так далеко, что заговорил об отлучении от церкви католического короля Испании. Однако этот энергичный человек сломался под тяжестью столь великой задачи и умер 7 августа 1590 года, преследуемый трусливыми проклятиями народа, который разбил его статуи и решил, что такая честь больше не должна быть оказана живым папам.

ПАПА КЛЕМЕНТ VIII (1590-1605 гг. н. э.)

[1590-1600 гг.]

Смерть Сикста V вновь всколыхнула конклав. Партия Медичи наконец нашла папу, если не враждебного, то по крайней мере менее преданного Испании — Урбана VII. Но он умер через семь дней, и борьба возобновилась. Вице-король Неаполя, чтобы положить ей конец, послал разбойников. Оливарес угрожал кардиналам осадой. Был избран Григорий XIV, папа, преданный Испании, но он пробыл на престоле всего семь месяцев. Началась третья борьба, более ожесточенная, чем предыдущие. Кардинал Сан-Северино, поддерживаемый испанцами, не дотянул до папства всего один день, уступив один голос. «Тревога, — сказал он сам, — заставила меня потеть кровью». Кардинал Альдобрандини, протеже Сикста V, гораздо менее преданный испанцам, был наконец избран 30 января 1592 года и принял имя Климента VIII.

Это была победа Италии. Отречение Генриха IV и его вступление в Париж в 1594 году стали еще одной победой. Это событие отмечалось на полуострове как национальный праздник. Папа, который до этого управлял испанцами и только тайно принимал послов Генриха IV, больше не сопротивлялся настойчивым просьбам великого герцога Флоренции. Напрасно испанская партия покинула Рим вместе с кардиналами, которые их возглавляли; напрасно герцог Сесса, посол Филиппа II, бросил своих абруццких бандитов на церковные земли. При поддержке венецианцев, герцога Тосканы, самого императора, которому итальянцы оказывали помощь в борьбе с турками, папа одержал полную победу. Он торжественно объявил (8 сентября 1595 г.) о примирении Генриха с католической церковью, восстановив таким образом между православными державами благоприятное равновесие для своей независимости и освобождения Италии. Полуостров, по сути, вскоре обнаружил, что обрел мощную поддержку против Испании. Альфонсо II, герцог Феррары, Модены и Реджо, умерший в 1597 году, оставил свое наследство своему двоюродному брату дону Чезаре, поскольку у него не было прямых наследников. Климент VIII, как феодал Святого Престола, претендовал на город Феррару, наложил отлучение от церкви на дону Чезаре, который претендовал на все наследство, и взял ссуду для поддержки армии духовных молний.

Сначала события, казалось, не складывались в пользу Святого Престола. Испанский двор, который считал, что у него есть некоторые претензии к Клименту VIII, был настроен враждебно. Великий герцог Тосканы, шурин дона Чезаре, на этот раз отказался поддерживать папу. Даже Венецианская республика помешала ему набирать солдат в Далмации. Генрих IV забыл о том, чем он был обязан Венеции и великому герцогу, и предложил отправить армию за горы, чтобы вернуть папе власть над Феррарой. Дон Чезаре, вынужденный уступить, сдал город, забрав с собой архивы, библиотеку и артиллерию своих предшественников. После этого он довольствовался титулом герцога Модены и Реджо. Город Феррара лишился всех своих преимуществ, всего своего блеска как столицы провинции (), и вскоре на месте герцогского дворца и прекрасного бельведера, воспетого ее поэтами, выросла цитадель, которая легко держала в страхе быстро обезлюдевший город.

Филипп II, который в течение тридцати лет не позволял ничего делать в Италии без его разрешения, на этот раз был вынужден уступить. Таким образом, перед смертью он подписал мирный договор в Вервене, который провозгласил восстановление французской власти и упадок Испании. Его преемник, Филипп III, отказался даже от самого верного слуги своего дома в Италии — Карла Эммануила I, герцога Савойского, от которого Генрих IV по Лионскому договору 1600 года получил Буже, Вальроме и Жекс в обмен на маркизат Салуццо.

Италия теперь с полной надеждой обратилась к Франции. Святой престол относился к ней с большой добротой. Ученый кардинал Барониус повторял всем, кто хотел слушать (), что папство никогда не получало от какой-либо нации столько услуг. «Можно ли допустить, —

восклидал племянник кардинала, Альдобрандини, через руки которого проходили все дела, — можно ли допустить, чтобы испанцы командовали в доме чужака вопреки его воле?» И, возможно, не без размышлений он отложил миллионы в резерв и содержал армию из двенадцати тысяч человек. Не имея повода вмешиваться в дела Франции со времени Лионского мира, Карл Эммануил I Савойский начал понимать, что именно в Италии, за счет Испании, он должен искать расширения своих владений. Поэтому он вступил в тесные отношения с Генрихом IV, долгое время бывшим его врагом. В ожидании лучших времен он в конце концов организовал сенат, учрежденный его отцом в Кариньяне по образцу французских парламентов. Он возродил сельское хозяйство и торговлю и укрепил Турин, итальянский город. Он сам написал параллель между великими людьми древности и современности и начал создавать военную мощь своего маленького государства.

Фердинанд Тосканский, который был очень рад видеть Марию Медичи на французском троне, не долго сопротивлялся Генриху IV. Он был достаточно смел, чтобы послать своего адмирала Ингирами во главе своего флота сражаться с турками на Адриатике, даже пытаясь отнять у них остров Кипр. На севере и юге Италии миланцы и неаполитанцы начали проявлять беспокойство под железным игом Испании. Возможно, настало время предпринять что-то. Кардинал Альдобрандини однажды предложил Венеции создать союз против Испании. Но кардинал Альдобрандини и Фердинанд были заклятыми врагами. Кроме того, Генрих IV еще не был достаточно прочно установлен во Франции, чтобы действовать за ее пределами.

Тогда у Неаполитанского королевства оставалась только одна альтернатива — одно из тех изолированных восстаний, столь необычайно глупых, столь частых на полуострове, которые можно объяснить только нищетой народа. Доминиканец Томмазо Кампанелла, глубокий мыслитель, если бы он не был еще большим мечтателем, оторвался от своих философских размышлений и грез, чтобы, как новый Савонарола, призвать своих соотечественников к свободе. Он верил в пророчество Апокалипсиса, что семнадцатый век станет для Италии сигналом к катаклизму, который поглотит испанское господство, и разработал проект создания своего рода всеобщей теократической республики. Он начал сначала со своей родины, Калабрии. Монахи, не только доминиканцы, но и францисканцы и августинцы, увлеченные его красноречием, начали проповедовать учение этого нового посланника Бога и раздули едва угасший огонь неаполитанского безумия. Даже многие епископы и несколько баронов последовали за монахами. Армия, частично набранная из бандитов, вышла из Калабрии. Граф Лемос, наместник Неаполя, вскоре взял верх. Несчастные, которые были схвачены, погибли в ужасных мучениях. Томмазо Кампанелла, считавшийся сумасшедшим, был брошен в темницу, где пробыл двадцать семь лет и перешел от мечты о всеобщей республике к мечте о всеобщей святой империи.

Этой попытки было достаточно, чтобы испанское правительство, и без того полное недоверия, стало еще более настороженным. Филипп III, находясь в Риме, поднял кардинала Фарнезе, главу своей фракции, против Альдобрандини. Гарнизоны Тосканы были усилены; Фуэнтес, губернатор Милана, собрал достаточно войск, чтобы напугать весь полуостров. Он бы сделал еще больше, если бы король Испании Филипп III и его министр герцог Лерма, довольные сохранением своего господства, не приняли бы все меры предосторожности, чтобы не вызвать вмешательство Генриха IV из-за Альп.¹

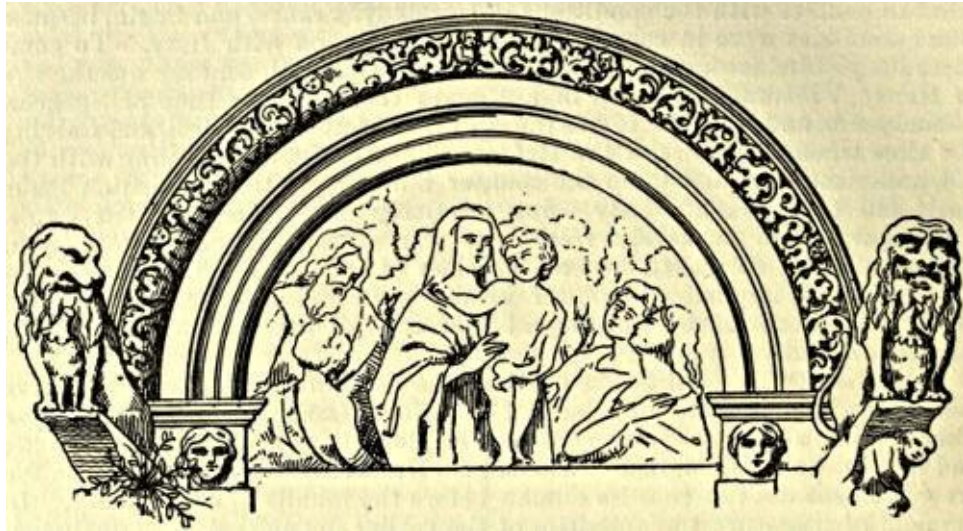
Чтобы в полной мере оценить характер только что рассмотренного периода, необходимо вспомнить о состоянии современной ему цивилизации. Мы уже в некоторой степени ознакомились с условиями жизни в Германии, Франции и Испании, поскольку эти страны находились в постоянных политических связях с Италией. Чтобы завершить картину, следует напомнить, что XVI век был веком Генриха VIII и Елизаветы в Англии, а значит,

временем Спенсера, Шекспира и Бэкона. Это был также век Лютера, Цвингли и Кальвина, время, когда дух Реформации активно боролся со старым церковным учением, а противодействующее влияние Инквизиции ощущалось повсюду. Италия, которая была относительно не затронута Реформацией, была также относительно свободна от чрезмерных мер Инквизиции. Тем не менее, в конце века она предоставила ярчайшую иллюстрацию власти Инквизиции в преследовании, заключении в тюрьму и, наконец, казни на костре знаменитого философа Джордано Бруно.

Но итальянская цивилизация того времени имеет и более привлекательные черты. Художественные импульсы Ренессанса, о которых мы упоминали в одной из предыдущих глав, не могли быть стерты за одно поколение; и следует помнить, что Микеланджело прожил до 1564 года, так что художественное движение не достигло своего апогея до середины века. В области литературы деятельность предыдущего поколения не ослабевала. «Среди множества людей, посвятивших себя литературе, — говорит Сисмонди, — Италия в эту славную эпоху дала миру по крайней мере тридцать поэтов, которых их современники ставили в один ряд с величайшими именами античности и чья слава, как считалось, будет сопоставима с существованием мира. Но даже имена этих прославленных людей начинают забываться, а их произведения, похороненные в библиотеках ученых, теперь редко читаются.

«Обстоятельства их равенства в заслугах, несомненно, стали препятствием для продолжительности их репутации. Слава не обладает сильной памятью. Для долгого полета она избавляется от всех ненужных обременений. Она отвергает при своем отправлении и на своем пути многих, кто считал себя принятым ею, и спускается в поздние века с самым легким возможным грузом. Не в силах выбрать между Бембо, Садолеи, Санаццаро, Бернардо Аккольти и многими другими, она отказывается от них всех».

Однако среди этой компании есть одно имя, которое выделяется и занимает прочное положение. Это имя Торквато Тассо, знаменитого автора поэмы «Освобожденный Иерусалим» («Gerusalemme Liberata»), посвященной Первому крестовому походу, которая по общему мнению занимает высокое место среди великих эпосов и которая поставила своего автора в современной оценке, как и в оценке потомков, примерно на один уровень с Данте, Петраркой и Ариосто. Появление Тассо в эту эпоху является еще одним примером того плодотворного влияния литературного гения в периоды политического упадка, о котором уже упоминалось ранее.^а

ГЛАВА XVI. СТОЛЕТИЕ МРАКА

С момента падения Сиены и до XIX века Италия едва ли могла считаться существующей, за исключением географического понятия. Итальянцы по-прежнему правили некоторыми частями страны, но они унаследовали пороки своей нации, лишившись ее достоинств, и правили скорее как вассалы иностранных монархов, чем как независимые князья. В XVII, XVIII и начале XIX веков Италия стала ареной войн, которые не имели никакого отношения к ее народу, и была разделена договорами, которые не принесли ей ничего хорошего.¹ —ХАНТ.

[1601-1700 гг. н.э.]

В течение всего XVII века общий облик Италии оставался неизменным, не подвергаясь каким-либо значительным революционным изменениям. Период, прошедший между исчезновением национальной и гражданской независимости и началом рассматриваемого нами периода, был достаточным для установления постоянства нескольких деспотических правительств на полуострове и для определения границ их различных государств и провинций. Если не считать некоторых народных волнений в Неаполе и Сицилии, борьба между угнетенными и угнетателями полностью прекратилась. Рабство стало наследством народа, и он без сопротивления и по привычке склонял голову под тяжелым игом, которое несли перед ним их отцы. Их тираны, внутренние и внешние, развлекались или дремали на своих тронах.

Итальянские князья XVII века были более сладострастными и изнеженными, но, возможно, менее жестокими и кровожадными, чем древние Висконти, Скала, Каррара, Гонзага. Но положение их подданных от этого не становилось менее унижительным. Их скипетры сломали все остатки свободы, и их династии, не подвергаясь преследованиям, были обречены (за исключением династии Савойи) на тихое и постепенное вымирание, которое было обеспечено прогрессирующим умственным и физическим вырождением — наследственными последствиями лени и раздутого невоздержания. Однако XVII век до своего конца прошел без потрясений для нескольких герцогских династий, которые должны были вымереть в следующем столетии.

[1600-1627 гг. н.э.]

По сравнению с предыдущим веком, история Италии в этот период может показаться менее окрашенной национальными преступлениями, унижениями и страданиями, поскольку за агонией политической жизнеспособности последовала тишина смерти. Однако, как правильно заметил один выдающийся писатель, мы бы сильно ошиблись, если бы, наблюдая, что история — это не более чем запись человеческих бедствий, пришли к выводу, что времена, о которых она умалчивает, обязательно менее отмечены несчастьями. История редко может проникнуть в глубины общества, редко может наблюдать за крушением домашнего мира и разрушением частной добродетели. Счастье и несчастье семей в равной степени ускользают от ее внимания. Но мы знаем, что в стране и в эпохе, которые сейчас привлекают наше внимание, ужасающая коррупция нравов и морали подорвала самые священные отношения в жизни. Влияние испанской власти над большей частью полуострова привело к появлению многих кастильских предрассудков, которые фатально привились к порокам народа, и без того склонного к разгульному галантному поведению. Купеческая знать итальянских республик была научена не видеть ничего унижительного в

торговле (), и некоторые из многочисленных членов ее семьи всегда занимались делами, которые увеличивали богатство и влияние их семьи.

Но высокомерные испанские кавалеры смотрели на занятие такой плебейской деятельностью с горьким презрением. Испанские военные наводнили полуостров, и рост испанских настроений поощрялся итальянскими князьями. Они побуждали своих придворных выводить свой капитал из торговли, чтобы инвестировать его в поместья, которые переходили по наследству к их старшим сыновьям, представителям их семей, а младшие ветви каждого дворянского рода были обречены на патрицианскую праздность, бедность и безбрачие. Чтобы вознаградить этих младших сыновей, принесенных в жертву семейной гордости и навсегда лишенных возможности вступать в брачные союзы, была учреждена странная и развращающая должность *цицибео*, или *кавалери сервенте*: должность, которая под видом романтической вежливости и поощряемая развратным примером итальянских принцев и их дворов, едва скрывала всеобщее право на прелюбодеяние.

Эта пагубная и отвратительная мода отравляла сладкий источник семейного счастья и доверия у его истоков. Жена больше не была близкой сердцу мужа, верной спутницей его радостей и забот. Вечное присутствие разрешенной любовницы разрушало его покой, а чувства отцовской любви превращались в отвлекающие сомнения или злоещее безразличие. Униженный родитель, муж, сын бежал от загрязнения, царившего в его собственном доме, чтобы погрузиться в подобный водоворот разврата. Все социальные узы ослабли: нужно ли спрашивать историю, могло ли общественное счастье обитать в той стране, где погибла частная мораль?

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ

[1600-1700 гг. н.э.]

При попытке обобщить незначительные события в Италии в XVII веке мы сталкиваемся со значительными и ненужными трудностями. В начале века ссора между папством и Венецией, казалось, могла разжечь общую войну на полуострове, но разногласия были урегулированы путем переговоров (1627 г.).

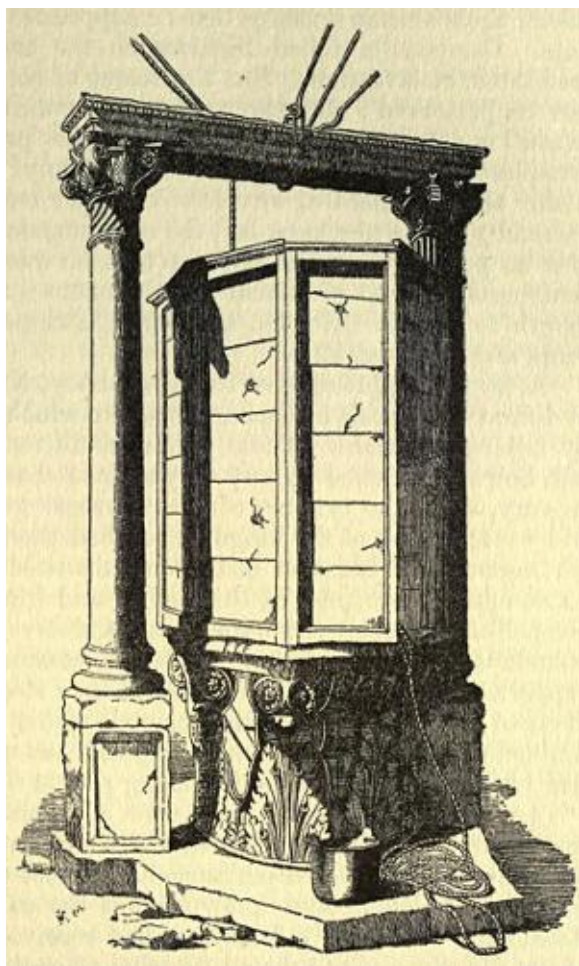
Двадцать лет спустя спор о преемственности герцогства Мантуя вызвал более длительные беспорядки и втянул всю Ломбардию в военные действия, в которых имперцы, испанцы, французы и войска Савойи вновь смешались на древнем театре стольких кровопролитных войн и катастрофических опустошений. Но эта неинтересная борьба, если и не отличалась меньшей жестокостью и грабежами в отношении жителей страны, то, по крайней мере, велась с меньшей разрушительной силой и активностью, чем в предыдущем столетии; французские войска также не сопровождалась теми резкими переменами успехов и неудач, которые ранее приносили столько бедствий полуострову. С момента, когда Генрих IV исключил себя из Италии Савойским договором, до тех пор, пока амбициозные планы кардинала Ришелье не вовлекли Францию в поддержку притязаний Граубюндена на Вальтеллинскую область против Испании, французские знамена не появлялись за Альпами. Но с того момента, как знаменитый министр Людовика XIII взялся за это предприятие, и до заключения Пиренейского мира непрерывающаяся борьба между французской и испанской монархиями, в которую по-разному вступали герцоги Савойские и другие итальянские державы, постоянно распространялась на границы Пьемонта и Ломбардии.

Однако оружие воюющих сторон редко проникало за северные границы Италии, и их соперничество, которое оказало столь пагубное влияние на мир в других частях европейского континента, вряд ли можно считать существенно повлиявшим на внутренние

дела полуострова . Между тем, несколько кратковременных и незначительных внутренних вооруженных конфликтов, которые возникали и заканчивались между итальянскими князьями, имели еще меньшее общее значение и интерес. Последующие гигантские войны, в которые Людовик XIV, движимый своей ненасытной жадой завоеваний, втянул великие державы Европы, до конца века практически не ощущались в Италии, за исключением территорий герцогов Савойских. Таким образом, вместо того, чтобы пытаться проследить историю Италии в XVII веке как единое и неделимое целое, будет более удобно рассматривать несколько важных событий в современных анналах ее различных провинций как действительно относящиеся, без особой связи, к отдельным и независимым государствам.

Непосредственное господство испанской монархии над большей частью Италии продолжалось на протяжении всего XVII века. Неаполь, Сицилия, Милан и Сардиния были одинаково подвержены угнетению испанского двора и присущим его администрации порокам. Ее тяжелые поборы становились еще более разрушительными из-за неразумного и абсурдного способа их взимания, из-за частной алчности наместников и хищений их чиновников. Ее деспотизм усугублялся всевозможными проявлениями произвола власти и презрительной надменностью гордости. Но из этих четырех подчиненных государств последние два, Милан и Сардиния, страдали молча; и за исключением того, что герцогство Ломбардия почти непрерывно подвергалось войнам и разорениям, от которых было избавлено островное королевство, общий мрак и полное отсутствие какого-либо интереса одинаково пронизывают анналы обоих государств. Но судьбы двух королевств Неаполя и Сицилии были более примечательны благодаря яростным усилиям народа, пусть и неудачным и плохо организованным, потрясти невыносимое иго Испании.

Упадок испанской монархии, начавшийся еще при правлении Филиппа II, продолжался быстрыми темпами при его преемниках, третьем и четвертом Филиппах и слабом Карле II, так что нужды испанского правительства становились все более насущными, а его требования — все более алчными и непомерными. Из дохода в размере около 6 000 000 золотых дукатов, которые наместники вымогали у королевства, менее 1 500 000 покрывали все государственные расходы, гражданские и военные, страны; и после всех своих собственных хищений и хищений своих подчиненных они ежегодно отправляли в Испанию более 4 000 000, ни одна часть которых никогда не возвращалась. Таким образом, королевство постоянно истощалось (), и только щедрое изобилие природы в этом самом плодородном из регионов могло в какой-то степени восполнить эти потери. Но даже роскошное богатство Неаполя не могло ни удовлетворить алчность мадридского двора, ни защитить народ от нищеты и нужды при правительстве, которое увеличивало налоги по мере истощения населения и с одинаковой увлеченностью и злобой умножало их на обычные предметы первой необходимости. Таким образом, были введены пошлины на мясо, рыбу, масло и даже на муку и хлеб, и народ оказался раздавлен налогообложением, чтобы платить долги и кормить армии Испании. Их богатство и их молодежь были вывезены из страны в ссорах, совершенно чуждых национальным интересам, в несчастных и неудачных войнах испанского двора в Ломбардии и Каталонии, в Нидерландах и Германии. Между тем, как и в прошлом веке, внутренние районы королевства почти всегда были заражены бандитами, которые, благодаря своей численности и беззащитности общества, стали смелыми и безжалостными преступниками; а морские побережья были настолько плохо охраняемы, что турецкие пираты на протяжении всего века регулярно совершали набеги, разоряли страну, нападали на деревни и даже города и увозили людей в рабство.

Недалеко от площади Пьяцца деи Синьори, Верона

Неудивительно, что злодеяния испанской администрации вызывали у неаполитанцев недовольство и возмущение; удивительно только то, что нашлись люди, настолько униженные, что подчинились одновременно и угнетающему, и слабому правительству. Первая решительная попытка сбросить иноземное иго возникла в среде, от которой меньше всего можно было ожидать такого духа. В последнем году XVI века доминиканский монах Томмазо Кампанелла, по словам Джанноне, из-за своего порочного образа жизни и подозрений в неверности подвергся суровому наказанию со стороны римской инквизиции. После освобождения он, в отместку за то, как с ним обошлись в Риме, пытался склонить братьев своего ордена, августинцев и францисканцев, к религиозной и политической революции в Калабрии. Он приобрел среди них ту же репутацию святости и пророческого озарения, которую сто лет назад завоевал Савонарола во Флоренции. Он тайно выступал против испанской тирании; он провозгласил, что Всевышний назначил его свергнуть ее и установить на ее месте республику; и ему удалось привлечь к этой cause монашеские ордена и нескольких епископов Калабрии. Под их влиянием множество людей и бандитов из провинции поднялись на его сторону, и его замысел поддерживали многие провинциальные бароны, чьи имена историк, по его словам, не называет из уважения к их потомкам. Кампанелла также рассчитывал на помощь турок в задуманном восстании. Но секрет столь обширного заговора не мог быть сохранен; правительство узнало о нем до того, как он был готов к осуществлению, и Кампанелла, его главные соратники-священники и другие заговорщики были ловко арестованы. Многие из них были казнены в условиях жестокой жестокости; но сам Кампанелла, находясь в крайней степени своих мучений, проявил такое мастерство, что его признание было настолько запутанным и непоследовательным, что его

сочли сумасшедшим и приговорили только к пожизненному заключению, из которого он в конце концов сумел сбежать. Он бежал во Францию и много лет спустя мирно закончил свою жизнь в Париже.

[1600-1647 гг. н.э.]

После подавления этого заговора Неаполь часто подвергался беспорядкам, в которые низшие слои населения вгоняли нищета и нужда. Однако эти частичные вспышки народного недовольства не носили особо серьезного характера до середины века, когда тирания вице-королевского правительства и беспорядки и нищета в королевстве достигли своего апогея. Испанские налоговые ресурсы были исчерпаны на обычные предметы потребления; бедняки столицы и королевства были вынуждены постепенно отказаться от мяса и хлеба из-за высоких пошлин, и обильные плоды их благодатного климата оставались почти единственным средством их существования. Герцог Аркос, который в то время был вице-королем, не мог найти другого средства удовлетворить все еще растущие потребности своего двора в стране, уже истощенной до предела, кроме как ввести налог на этот последний источник пропитания; и его мера довела голодающий народ до отчаяния.

Случайная драка на рынке Неаполя переросла в всеобщее восстание населения столицы, и неизвестный и смелый человек из низших слоев народа сразу же возглавил повстанцев. Томмазо Аниелло, более известный под именем Мазаньелло, уроженец Амальфи и слуга рыбака, был оскорблен таможенниками и искал повода для удовлетворения своей скрытой мести. Воспользовавшись моментом, когда народное возмущение достигло своего апогея, он повел бунтовщиков на штурм и разрушение таможни. Пламя восстания сразу же распространилось с неудержимой силой; дворец наместника был разграблен, а сам Аркос был вынужден укрыться в одном из замков Неаполя. Разъяренная толпа убила многих дворян, сожгла дома всех, кто был ей неприятен, и наполнила всю столицу пламенем и кровью. Их юный кумир Мазаньелло, оборванный и полуголый, с эшафотом вместо трона и мечом вместо скипетра, повсюду командовал с абсолютной властью.

Вице-король, испуганный этими эксцессами, которые были вызваны длительным угнетением его двора и его собственной тиранией, и видя, что восстание распространяется по провинциям, согласился на все требования Масаниелло и его последователей. В договоре, который он заключил с повстанцами, он торжественно обещал отменить все налоги, введенные со времен Карла V, и обязался, что отныне не будут взиматься никакие новые пошлины; он гарантировал древние и давно нарушенные привилегии парламента и поклялся соблюдать закон о забвении. Таким образом, удалось добиться короткого перерыва в беспорядках, но вероломный наместник использовал его только для того, чтобы потакать тщеславию Масаниелло ласками и развлечениями, пока, подмешав ему в вино на банкете зелье, не сумел лишить его рассудка. Демагог тогда своими экстравагантностями и жестокостью утратил любовь народа, и Аркос легко добился его убийства некоторыми из его же сторонников.

[1647-1648 гг. н.э.]

Как только наместник лишил народ его молодого лидера, чьи природные таланты делали его поистине грозным, он сразу же проявил решимость нарушить все статьи своего договора. Но народ, проникнув в его вероломство, снова взялся за оружие, и восстание разразилось в столице и провинциях с еще большей кровожадностью, чем прежде. Аркос снова притворился, и снова обманутый народ сложил оружие; но когда перед Неаполем появился испанский флот, цитадели и корабли внезапно открыли по городу ужасную

канонаду, и в тот же момент около тысячи испанских пехотинцев высадились на берег и начали массовую резню на улицах. Неаполитанцы были сбиты с толку и охвачены паникой от усугубившегося вероломства, но их было в сто раз больше, чем горстка солдат, напавших на них. Когда они оправились от первоначального смятения, они атаковали своих врагов на каждой улице, и после ужасной бойни с обеих сторон испанцы были вытеснены либо в крепости, либо в море.

После этого конфликта народ, который со времени смерти Масаниелло попал под влияние Дженнаро Аннезе, солдата низкого происхождения, решил яростно и бесстрашно сбросить испанское иго. Так случилось, что Генрих, герцог Гизский, который по материнской линии от второго рода Анжу имел некоторые наследственные права на неаполитанскую корону, в этот момент находился в Риме по личным делам; и к нему обратились повстанцы с предложением сделать его своим генерал-капитаном. Одновременно они решили провозгласить Неаполь республикой под его президентством, и герцог, энергичный принц, поспешил принять на себя командование, которое открывало столько славных перспектив для его амбиций. Борьба с испанским вице-королем, его крепостями и флотом возобновилась с новым кровопролитием и неопределенными результатами. Но хотя неаполитанцы с восторгом приветствовали название республики, они, как никакой другой народ, были наименее пригодны для такой формы правления из-за своей непостоянности и нерешительности. Во время этого восстания они некоторое время заявляли о своей верности королю Испании, одновременно сопротивляясь его войскам, и даже теперь они колебались и были разделены между собой. С одной стороны, герцог де Гиз, возмущенный их эксцессами и, возможно, стремясь установить деспотическую власть в свое лице, начал осуществлять ненавистную власть и проявил нетерпимость к влиянию Аннезе; с другой стороны, этот лидер народа был раздражен тем, что лишился всякой власти. В своей ревности к Гизу он подло решил предать своих соотечественников испанцам и, воспользовавшись временным отсутствием герцога, который покинул город с небольшим отрядом для защиты доставки продовольствия, открыл ворота врагу (1648 г. н. э.). Когда испанские войска вновь вошли в столицу, униженная толпа встретила их громкими возгласами; а сам герцог Гиза, пытаясь бежать, был взят в плен и отправлен в Испанию. В одной из мрачных испанских темниц он пробыл в плену несколько лет, оплакивая тщетность своих амбиций.

[1648-1674 гг. н. э.]

Таким образом, за несколько часов испанское иго вновь обрушилось на покорных неаполитанцев, и оно было закреплено еще крепче и тяжелее, чем когда-либо. Как только их подчинение было обеспечено, почти все мужчины, которые принимали активное участие в восстании и которым было обещано помилование, были арестованы и под различными предлогами о том, что они устраивали новые беспорядки, были казнены публично или тайно. Сам предатель Дженнаро Аннезе разделит ту же участь — достойный пример того, что ни верность клятвам, ни память о выдающихся заслугах не являются гарантией от ревности и мести деспотизма. Этот деспотизм больше не имел ничего, чего можно было бы бояться от униженного народа, вернувшегося под его железный скипетр. Бедствия Неаполя не могли усугубиться, но они не уменьшились до смерти Карла II и исчезновения австрийской династии в Испании в последнем году века.

Сестринское королевство Сицилия долгое время разделяло судьбу Неаполя во всех бедствиях, которые тираническое и недалекое правительством Испании могло нанести народу. Сицилийцы были более удачливы, чем их соседи на материке, лишь потому, что

меньшее богатство и ресурсы их острова делали их менее привлекательной добычей для ненасытных потребностей Испании, для ее войн и алчности ее министров. Но даже на Сицилии, которая благодаря превосходной почве для выращивания зерна, казалось бы, предназначалась для того, чтобы быть житницей Италии, испанскому правительству удалось создать искусственный дефицит и нищету; и в этом естественном месте изобилия люди часто оставались без хлеба. Их страдания в конце концов подтолкнули их к совершению тех же эксцессов, что и те, которые только что были описаны в Неаполе. За несколько месяцев до восстания под предводительством Мазаньелло низшие сословия поднялись в Палермо, избрали своим лидером некоего Джузеппе д'Алесси, человека столь же низкого происхождения, как и неаполитанский демагог, и по его приказу изгнали вице-короля, маркиза де лос Велос. Но это восстание в Палермо было менее серьезным, чем в Неаполе, и, пройдя через аналогичные этапы, было подавлено с большей легкостью. Сицилийский наместник, как и Аркос, не гнушался преднамеренным нарушением торжественности клятв. Как и он, он поклялся удовлетворить все требования народа и объявить полную амнистию; и все же, вероломно добившись убийства народного лидера, он приказал убивать жителей на улицах, вешать их вождей и вновь наложить на них бремя, которое он был вынужден снять.

Эта отвратительная смесь вероломства и кровожадного насилия сломила дух палермитанцев, и Сицилия вновь погрузилась в покорность страданиям на более чем двадцать семь лет, пока это спокойствие не было нарушено во время общей войны в Европе, предшествовавшей Нимвегенскому договору, новым и более опасным восстанием. До этого момента город Мессина в некоторой степени пользовался республиканской конституцией и управлялся собственным сенатом под председательством испанского лейтенанта, имевшего весьма ограниченные полномочия. Эта свобода города обеспечила его процветание: его население насчитывало шестьдесят тысяч душ, торговля процветала, а богатство соперничало с мечтами алчности. Неаполитанский историк утверждает, что привилегии народа сделали его дерзким, но есть больше оснований полагать, что испанское правительство с ревностью и неприязнью смотрело на счастливую независимость, которая могла наполнить других сицилийских подданных горьким недовольством в связи с мрачным контрастом их собственного жалкого рабства. Несколько разногласий с последовательными вице-королями по поводу их привилегий вызвали недовольство граждан Мессины, и в конце концов они подняли открытое восстание против своего испанского губернатора, дона Диего де Сориа, и изгнали его из города (1674 г. н. э.). Отчаявшись защитить свои права без посторонней помощи против всей мощи испанской монархии, они обратились к Людовику XIV и соблазнили его предложением о суверенитете над их городом и возможном присоединении всего острова к французским владениям. Людовик с энтузиазмом принял это предложение, которое открывало ему, по крайней мере, выгодное отвлечение в его войне против Испании. Он был провозглашен королем Сицилии в Мессине и немедленно отправил небольшой флот, чтобы захватить город от его имени.

[1674-1679 гг. н. э.]

В начале следующего года за его войсками последовал прибытие грозного французского флота под командованием герцога де Вивонна; мессинцы, ободренные этой помощью, отвергли все испанские предложения о компенсации и урегулировании. С другой стороны, двор в Мадриде, поднятый на борьбу опасностью потери всего острова, оснастил сильное вооружение, чтобы обеспечить его сохранение и возвращение Мессины; а голландский флот под командованием знаменитого Де Рюйтера прибыл в Средиземное море, чтобы сотрудничать с испанскими силами. Война на Сицилии велась с яростью с обеих сторон в течение почти четырех лет; у побережья было сражено несколько кровопролитных

сражений между объединенными флотами и флотом Франции. Во всех этих сражениях преимущество было на стороне французов: в одном из них пал доблестный Де Рюйтер, а в другом французы под командованием Вивонна и Дюкена, имея меньшие силы, атаковали голландские и испанские эскадры из двадцати семи линейных кораблей, девятнадцати галер и нескольких брандеров, стоящих на якоре под пушками Палермо, и одержали полную победу. Этот успех обеспечил безопасность Мессины и мог бы позволить как Неаполю, так и Сицилии сбросить тяжелое иго Испании. Но безвольный и порабощенный народ не проявил никакого желания восстать против своих угнетателей, и все усилия французов в конечном итоге не привели к расширению власти их монарха за пределы стен Мессины.

Французский король потерял надежду завладеть всей Сицилией и уже устал поддерживать мессинцев, когда в Нимвегене начались переговоры о всеобщем мире. Там, диктуя условия как завоеватель, он мог бы по крайней мере оговорить древние права мессинцев и настоять на амнистии для храбрых граждан, которые, полагаясь на священную обязанность защиты, полностью спровоцировали месть своих испанских правителей, поставив себя под его скипетр. Но, чтобы его гордость не пострадала от формальной эвакуации города как условия приближающегося мира, он подло предпочел удовлетворение этого абсурдного пунктуальности реальному сохранению чести и общим велениям человечности. Его войскам было тайно приказано покинуть Мессину до подписания мира; и погрузка на корабли была настолько поспешной, что несчастные жители, охваченные внезапным ужасом перед надвигающейся судьбой, отчаявшись получить прощение от своих бывших правителей и не надеясь на успешное сопротивление им, имели всего несколько часов, чтобы выбрать между изгнанием и предвкушаемой смертью. Семь тысяч из них поспешили на борт французского флота, не имея времени даже забрать свои деньги и личные вещи, а французский командующий, опасаясь перегрузки своих кораблей, отплыл из гавани; в то время как еще две тысячи беженцев остались на берегу с протянутыми руками, в последних муках отчаяния, тщетно умоляя его пронзительными криками не бросать их на произвол безжалостных врагов.

Положение мессинцев, бежавших в Францию в поисках убежища, и тех, кто остался в городе, в конечном итоге мало чем отличалось. Людовик XIV, предоставив первым убежище на срок чуть более одного года, бесчеловечно изгнал их из своих владений в последней стадии нищеты. Около пятисот из них, опрометчиво решившихся вернуться на родину, полагаясь на испанские паспорта, были арестованы по прибытии в Мессину и либо казнены, либо приговорены к галерам. Многие другие, даже из высших слоев общества, были вынуждены просить милостыню по всей Европе или собираться в банды и грабить на дорогах; а жалкие остатки, погрузившись в бездну отчаяния, перебрались в Турцию и страшно завершили свое несчастье отречением от своей веры. Их братья, которые не покинули Мессину, поначалу были обмануты надеждой на помилование испанским вице-королем Сицилии. Но амнистия, которую он объявил, была отменена по специальному приказу из Мадрида, и все, кто каким-либо образом участвовал в восстании, были либо казнены, либо изгнаны. Мессина была лишена всех своих привилегий; ратуша была снесена до основания, а на ее месте воздвигли унижительный памятник унижению города — пирамиду, увенчанную статуей короля Испании, отлитую из металла большого колокола, который раньше созывал народ на свободные парламенты. Цели испанской тирании были достигнуты: население Мессины () сократилось с шестидесяти до одиннадцати тысяч человек, а послушание города было обеспечено опустошением, от которого он так и не смог восстановить свое былое процветание.

Таким образом, в XVII веке история Неаполя и Сицилии отличалась только приступами народных страданий. Положение в центральной Италии было более неопределенным и спокойным, поскольку неэффективное управление ее правителей не вызывало такого же сопротивления. Однако, хотя папское правительство было менее тираническим и алчным, чем испанское, зло, которое стало неотъемлемой частью его деятельности в предыдущие века, оставалось неизменным и неизлечимым, а сельское хозяйство и торговля были навсегда изгнаны из римских государств. Между тем смена понтификов не отличалась какими-либо обстоятельствами, заслуживающими нашего внимания. Климента VIII, правившего в начале века, в 1604 году сменил Лев XI из семьи Медичи, который прожил после своего избрания всего несколько недель; после его смерти кардинал Камилло Боргезе был возведен на престол под именем Павла V. Исполненный экстравагантных и устаревших представлений о власти Святого Престола, Павел V ознаменовал начало своего понтификата бессильной попыткой возродить те притязания папской юрисдикции и верховенства над земными властями, которые в темные века залили кровью Италию и империю. Таким образом, он втянул папство в споры с несколькими католическими правительствами Европы и, в частности, в серьезный конфликт с Венецией. После заслуженного поражения в этом случае он осторожно избегал подвергать свою власть риску, повторяя подобные попытки, и в течение оставшихся шестнадцати лет своего понтификата его единственной заботой было украсить церковную столицу и обогатить своих племянников обширными владениями в римском патримониуме, которые таким образом стали наследственной собственностью семьи Боргезе.

ОТРЕЧЕНИЕ ГАЛИЛЕЯ

После смерти Павла V в 1621 году его преемником стал Григорий XV, чей незначительный понтификат длился всего два года; а в 1623 году конклав поставил кардинала Маффео Барберини на престол Святого Петра под именем Урбана VIII. Этот папа в течение двадцати

одного года своего правления находился под полным влиянием своих двух племянников, кардинала Антонио и Таддео Барберини, префекта Рима. Эти амбициозные родственники не были удовлетворены богатствами, которыми он их обдарил, и их план по приобретению для своей семьи римских герцогств Кастро и Рончильоне, феодов, принадлежавших церкви и принадлежавших дому Фарнезе, втянул папство в войну с Пармой. Одоардо Фарнезе, правящий герцог Пармы, задолжал огромные суммы благотворительным фондам в Риме, и даже проценты по этим долгам он не платил. Таким образом, он дал Таддео Барберини, префекту столицы, повод вызвать его в апостольскую палату; а когда он с презрением проигнорировал повестку, Барберини получил приказ о конфискации его римских феодов. Герцог Пармы прибег к оружию для своей защиты; папа отлучил его от церкви, и между ним и Таддео, который действовал в качестве генерала церкви, начались военные действия. Но эта война Барберини, как ее называли, единственная строго итальянская война того века, не принесла решающего результата. Она приобрела нелепый характер из-за трусости Таддео и папских войск, которые в количестве восемнадцати тысяч человек бежали перед горсткой кавалерии под командованием герцога Одоардо. После этого позорного поражения Барберини были только рады заключить перемирие, и война вскоре закончилась договором, который оставил участников конфликта в их первоначальном положении (1644).

Урбан VIII, или, вернее, его племянники, таким образом, не смогли завладеть феодами Кастро и Рончильоне, но несколько лет назад папа сумел обеспечить Святому Престолу гораздо более важное приобретение, которое он не осмелился присвоить своей семье. Это было герцогство Урбино, которое оставалось под властью семьи Ровере с начала XVI века, когда Юлий II убедил последнего принца из рода Монтефельтро усыновить своего племянника в качестве преемника. Дом Ровере на протяжении 120 лет поддерживал интеллектуальное величие маленького двора Урбино, самого изысканного в Италии, но Урбан VIII убедил пожилого герцога Франческо Марию, у которого не было наследников мужского пола, отречься от престола в пользу церкви. Герцогство Урбино было присоединено к Римской республике, и промышленность и процветание, которыми оно славилось при своих князьях, сразу же пришли в упадок.^c

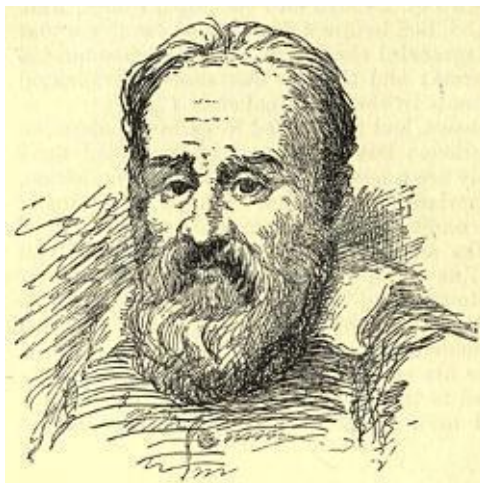
ГАЛИЛЕО И ЦЕРКОВЬ

[1610-1632 гг. н. э.]

Во время понтификата Урбана VIII интересная полемика между наукой и теологией достигла кульминации в преследовании самого известного итальянского ученого века, Галилео. Этот великий философ-экспериментатор разработал телескоп и в 1610 году открыл спутники Юпитера. Это открытие, наряду с другими, почти столь же интересными, было объявлено в книге Галилео «*Nuncius Sidereus*», опубликованной в Венеции в 1610 году.^a

Название этой работы лучше всего передает идею, которую она выдвигала на общественное обсуждение: «*Звездный вестник*, объявляющий о великих и удивительных зрелищах и предлагающий их к рассмотрению всем, но особенно философам и астрономам; которые были наблюдаемы Галилео Галилеем и др. с помощью изобретенного им недавно зрительного стекла; а именно на поверхности Луны, в бесчисленных неподвижных звездах Млечного Пути, в туманных звездах, но особенно в четырех планетах, которые вращаются вокруг Юпитера с разной скоростью и периодичностью с удивительной быстротой; которые до сих пор никому не были известны, но автор недавно первым обнаружил и решил назвать «звездами Медичи».

Это открытие вызвало огромный интерес; и в то время люди были настолько не привычны приспособлять свои убеждения в вопросах науки к вновь наблюдаемым фактам, что несколько «бумажных философов», как их называл Галилей, по-видимому, думали, что могут избавиться от этих новых объектов, написав книги против них. Влияние, которое открытие оказало на восприятие коперниканской системы, было сразу же весьма значительным. Оно показало, что реальная вселенная сильно отличалась от той, которую представляли себе древние философы, и сразу же натолкнуло на мысль, что она содержит в себе более разнообразный и обширный механизм, чем предполагалось ранее. И когда система планеты Юпитер таким образом представила физическому взору модель или образ солнечной системы в соответствии с взглядами Коперника, она поддержала веру в такое расположение планет, используя аналогию, которой было невозможно противостоять.

ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ

Позже в том же году Галилей наблюдал и описал фазы планеты Венера, тем самым еще больше подтвердив доктрину Коперника. Когда эта доктрина была впервые обнародована Коперником, она, по-видимому, не вызвала особого беспокойства среди теологов того времени. Но ее утверждение и подтверждение Галилеем теперь вызвало бурю споров и было подвергнуто суровому осуждению. Поведение самого Галилея, по-видимому, спровоцировало вмешательство церковных властей, но, должно быть, произошло большое изменение в настроениях того времени, чтобы его противники смогли вынести приговор Инквизиции за мнения, которые так долго были распространены, не вызывая никаких серьезных обид.

Гелиоцентрическая доктрина на протяжении столетия проникала в умы мыслящих людей, в основном благодаря своей простоте и симметричности. Галилей, по-видимому, считал, что теперь, когда эти первоначальные достоинства системы были подкреплены его собственными открытиями и рассуждениями, она должна быть всеми признана как истина и реальность. И когда из Священного Писания были приведены аргументы против неподвижности Солнца и движения Земли, он не мог успокоиться, не доказав, что его любимое мнение соответствует как Священному Писанию, так и философии; и он очень стремился получить от властей заявление об этом. Церковные власти, естественно, не хотели высказываться в пользу нового мнения, шокирующего обычное сознание и противоречащего самому очевидному смыслу слов Библии; и когда они были вынуждены высказаться, они приняли решение против Галилея и его учений. В 1615 году он был обвинен перед Инквизицией, но в тот период результатом стало лишь рекомендация ограничиться математическими рассуждениями о системе и воздерживаться от вмешательства в Священное Писание. Рвение Галилея в отстаивании своих взглядов вскоре

привело его к тому, что он вновь поднял этот вопрос перед папой, и результатом стало заявление Инквизиции о том, что учение о движении Земли противоречит Священному Писанию. Галилео было запрещено защищать и преподавать эту доктрину в любой форме, и он пообещал подчиниться этому предписанию. Но в 1632 году он опубликовал свой «*Диалог о двух величайших системах мира, толемаической и коперниканской*» (*Dialogo delli due Massimi Sistemi del Mondo, [Tolemaico](#) e Copernicanog*), в котором защищал гелиоцентрическую систему всеми самыми сильными аргументами, которые использовали ее поклонники. Мало того, он ввел в этот *диалог* персонажа по имени Симплиций, в уста которого вложил защиту всех древних догм и который был представлен как потерпевший поражение во всех пунктах дискуссии; и он поместил в *начале диалога* предисловие «*К благоразумному читателю*», в котором в духе прозрачной иронии изложил свои мотивы публикации. «Несколько лет назад, — говорит он, — в Риме был обнародован полезный указ, который, чтобы пресечь опасные скандалы современности, наложил запрет на пифагорейское мнение о движении Земли. Не обошлось без тех, кто поспешно утверждал, что этот указ был результатом не разумного исследования, а страсти, основанной на недостаточной осведомленности; раздавались жалобы, что советники, совершенно не знакомые с астрономическими наблюдениями, не должны иметь права своими необоснованными запретами подрезать крылья спекулятивному интеллекту. Услышав такие поспешные сетования, я не мог молчать». Затем он продолжает, говоря, что хочет, путем публикации своего «*Диалога*», показать, что этот вопрос был полностью рассмотрен в Риме. В результате Галилей был осужден за нарушение предписания, наложенного на него в 1616 году; его «*Диалог*» был запрещен; ему самому было велено на коленях отречься от учения, которое он проповедовал; и он выполнил это отречение.

Церковные власти, однажды объявив учение о движении Земли противоречащим Писанию и еретическим, долгое время формально придерживались этого заявления и не позволяли преподавать коперниканскую систему иначе, как «гипотезу».^f

ПРЕЕМНИКИ УРБАНА VIII

[1632-1660 гг.

В 1644 году Урбана VIII сменил Иннокентий X, который с большим успехом возродил притязания Святого Престола на феоды Кастро и Рончильоне. Непогашенные долги дома Фарнезе по-прежнему служили предлогом для захвата этих владений, но папские чиновники были изгнаны из Кастро, а епископ, которого Иннокентий назначил на эту кафедру, был убит по приказу министра Рануччо II, герцога Пармского. Папа был настолько возмущен этими действиями, что направил все свои силы против Кастро; пармские войска были отбиты при попытке прийти на помощь городу; и когда голод заставил его сдаться, папа, смешав невинных жителей с виновниками убийства, приказал сровнять город с землей и воздвигнуть на его руинах пирамиду в память о своей мести. Возвращение этих феонов дому Пармы было сделано условием мира в Пиренеях; но Александр VII, сменивший Иннокентия X в 1656 году, после долгих переговоров добился разрешения удерживать их в залоге до тех пор, пока Рануччо II не погасит долги своей короны. Поскольку герцог не выполнил это обязательство, спорные государства остались окончательно присоединенными к папству.

Однако понтификат Александра VII оказался эпохой тяжелого унижения для гордости Святого Престола. В 1660 году в Риме произошла драка из-за привилегий, на которые высокомерно претендовали французские послы, защищая весь квартал города, расположенный рядом с их резиденцией, от обычных действий правосудия; и Людовик XIV,

в своей надменности, решил поддержать притязания, которые были бы невыносимы даже для самого скромного двора в Европе. Он послал герцога Креки в качестве своего посла в Рим с многочисленной и хорошо вооруженной свитой, чтобы бросить вызов папе в его собственной столице. Креки официально взял под военный контроль ряд улиц вблизи дворца своего посольства в соответствии с пределами, в которых право убежища было разрешено по обычаю его предшественникам. Он разместил стражу по всему периметру, как если бы это была одна из крепостей его господина, и папское правительство, стремясь избежать разрыва с высокомерным монархом Франции, закрыло глаза на эту узурпацию. Но все попытки сохранить мир были тщетны перед лицом решения, принятого противоположной стороной, спровоцировать открытый конфликт. Люди герцога Креки занялись оскорблением римской полиции и корсиканской стражи папы. Тем не менее, даже эти эксцессы французов терпел Александр, пока они не достигли такой степени, что мирные граждане не смели больше ходить по улицам ночью. Наконец, корсиканские стражники были спровоцированы на драку со сторонниками посольства, что привело к кризису, которого желал Людовик. В то время как корсиканцы были сильно раздражены смертью одного из своих товарищей в драке, они случайно встретили карету герцогини Креки; они открыли огонь и убили двух ее слуг, и герцог немедленно покинул Рим, как будто его господин получил личное неспровоцированное и смертельное оскорбление.

Костюм, который носили члены БРАТСТВА, сопровождавшие осужденных на эшафот, Венеция

[1660-1664 гг. н. э.]

Александр VII вскоре понял, что Людовик XIV решил воспользоваться самым серьезным окрасом, который можно было придать этому делу. Король изгнал из Франции нунция папы, захватил Авиньон и его папские владения и собрал в Провансе армию, которая пересекла Альпы, чтобы отомстить в самом Риме. Папа сначала проявил склонность отстаивать общие права каждой короны с подобающим духом и попытался привлечь нескольких католических принцев к защите достоинства Святого Престола. Но ни одна из великих держав в тот момент не была в состоянии взять на себя его защиту. Его собственная мирская сила была совершенно неравна силе Франции; духовные орудия Ватикана теперь были в презрении; и он испытал горькое унижение, будучи вынужден подчиниться условиям урегулирования,

которые императивно диктовал Людовик XIV. Основными из них были изгнание всех лиц, причастных к оскорблению свиты французского посла; упразднение корсиканской гвардии; возведение колонны даже в Риме с надписью, провозглашающей обиду и ее возмещение; и, наконец, отправка одного из членов семьи папы в Париж с извинениями. Все эти унижительные условия были подписаны и строго выполнены. Кардинал Чиги, племянник Александра VII, был первым церковным деятелем, отправленным к монарху с просьбой о прощении Святого Престола.

Александр VII не пережил эту памятную эпоху упадка папства, прожив всего три года. В 1667 году его сменил Климент IX, который носил тройную корону более двух лет, а в 1670 году его сменил Климент X. Незначительное правление этого папы длилось семь лет и закончилось в 1676 году. Понтификат его преемника, Иннокентия XI, был более примечателен возобновлением спора о привилегиях французского посольства. Чтобы положить конец вопиющим злоупотреблениям, которые порождали эти привилегии, Иннокентий издал указ, согласно которому ни один иностранный министр не мог быть аккредитован при папском дворе, пока он не откажется от всех подобных притязаний. Это разумное положение было принято без возражений всеми католическими монархами, за исключением Людовика XIV: только он один отказался признать его справедливость; и после смерти герцога д'Эстре, своего посла в Риме, он послал маркиза де Лавардина, чтобы тот сменил его и обеспечил сохранение старых привилегий. Для этой цели Лавардина сопровождала группа из восьмисот вооруженных людей, и суверенитет папы вновь был нагло вызван на бой в его собственной столице. Охранники Лавардина насильно не пускали папскую полицию в квартал города, который они занимали, и Иннокентий в конце концов отлучил посла от церкви. В Париже такое поведение вызвало бы лишь насмешки, но в Риме оскорбленная гордость двора и предрассудки, которые все еще окружали древний трон папского верховенства и суеверия, исключили Лавардина из общества, и он нашел одиночество, в котором его оставили, настолько тягостным, что в конце концов подал прошение об отзыве.

Понтификат Иннокентия XI закончился в 1689 году, и только через три года после его смерти Людовик XIV был наконец убежден отказаться от утверждения мнимого права, которое не могло иметь иной цели, кроме как удовлетворения его гордости за счет умножения преступности и анархии в избранном месте религии, которую он исповедовал. Это было последнее событие в папских анналах XVII века, которое заслуживает упоминания. Мы уже обнаружили, что правление нескольких пап было совершенно бесплодным с точки зрения событий; и после правления Иннокентия XI мы совершенно не знаем, как прокомментировать малоизвестные понтификаты его трех следующих преемников: Александра VIII, умершего в 1691 году; Иннокентия XII; и Климента XI, который занял престол Святого Петра в последнем году века.

Две борьбы с папством, которые вел дом Фарнезе за владение феодами Кастро и Рончильоне, были почти единственными примечательными событиями в анналах герцогства Парма в этом столетии. Рануччо I, сын героя Алессандро Фарнезе, который носил герцогскую корону в начале этого столетия, походил на своего отца только в одном качестве — в мужестве. Его долгое правление отличалось лишь привычной тиранией и скупостью, а также безрассудной жестокостью, с которой он в 1612 году приказал казнить большое число своих дворян и других подданных, чтобы конфисковать их имущество под предлогом заговора, который, по-видимому, не имел под собой никаких реальных оснований. В 1622 году его преемником стал его сын Одоард, чья неуместная уверенность в своих военных талантах погрузила его подданных во многие бедствия. Тщетно полагая, что воинские добродетели его деда Алессандро были унаследованы им, он с нетерпением искал повода начать карьеру, полную деятельности и отличия на поле боя, для чего его эгоистичная самонадеянность и чрезмерная тучность в равной степени делали его непригодным. Вступив в 1635 году в войну между Францией и Испанией в северной Италии на стороне первой, он подверг свои владения жестоким разрушениям; и хотя в последующей войне Барберини он был обязан сохранением своих феодов неправомерным поведением папской

армии, этот конфликт не закончился, пока он не израсходовал ресурсы своего герцогства из-за своей расточительности и невежества.

Смерть Одоарда в 1646 году избавила его подданных от опасений продолжения подобных бедствий из-за его беспокойного характера; а мягкий и ленивый характер его сына Рануччо II, казалось, обещал эпоху большего спокойствия. Но Рануччо всегда управляли недостойные фавориты, которые угнетали его народ; и именно один из этих министров, как мы видели, своим насилием спровоцировал разрушение Кастро и привел к потере его владений герцогством Парма. Долгое и слабое правление Рануччо II, отмеченное только позором, было подходящей прелюдией к исчезновению суверенитета и существования дома Фарнезе. Погруженные в ленивую распущенность и летаргию, члены герцогской семьи страдали от наследственного ожирения, которое сокращало их жизнь. Сам Рануччо II дожил до 1694 года, но он уже мог предвидеть приближающийся конец мужской линии своей династии. Одоард, старший из его сыновей, умер раньше него от удушья, вызванного тучностью; двое других, Дон Франческо и Дон Винченце, которые должны были последовательно взойти на престол после него, походили на своего брата своим болезненным телосложением; и вероятность того, что эти принцы умрут без потомства, сделала их племянницу, Елизавету (Элизабетту) Фарнезе, дочь Одоарда, единственной предполагаемой наследницей государств своей семьи.

МЕНЬШИЕ КНЯЖЕСТВА

Из герцогов Пармы, чье правление охватило XVII век, ни один не заслуживал ни любви своего народа, ни уважения потомков. Современные анналы князей Эсте были украшены большей способностью и добродетелью. Но сокращение владений этих правителей до узких пределов герцогств Модена и Реджо уменьшило влияние, которым их предки пользовались в Италии в предыдущем веке, до захвата Феррары римской курией. Дон Чезаре д'Эсте, чья слабость подчинилась этому ограблению, правил до 1628 года. Его подданные из Модены простили ему малодушие, которое сделало их город элегантной резиденцией его благотворного правления. Его сын Альфонсо III, который унаследовал престол, был настолько потрясен смертью своей жены, произошедшей всего через несколько месяцев после его вступления на герцогский престол, что отрекся от трона и удалился в монастырь капуцинов в Тироле. После этого события его сын Франческо I принял скипетр в 1629 году и правил почти тридцать лет. Участвуя в войнах того времени в верхней Италии между Францией и Испанией и поочередно поддерживая их противоположные стороны, Франческо I приобрел репутацию одного из самых способных полководцев своего времени, а также одного из лучших правителей. Его умелое поведение и политика в этих незначительных конфликтах были вознаграждены расширением его территорий, и в 1636 году маленькое княжество Корреджо (более известное в анналах искусства, чем войны) было присоединено к его имперским владениям. Ни короткое правление его сына и преемника Альфонсо IV, которое началось в 1658 году и закончилось в 1662 году, ни правление его внука Франческо II, которое началось с слабого несовершеннолетия и закончилось после длительного правления того же характера, не требуют нашего особого внимания; и в 1694 году кардинал Ринальдо, сын первого Франческо, сменил своего племянника и вступил на престол, правление которого было отмечено значительными бедствиями в первые годы нового века.

В делах Пармы и Модены в течение рассматриваемого века едва ли есть что-либо, что привлекает наше внимание; но судьба Мантуи, столь неясная в предыдущем веке, стала в этом веке несколько примечательной из-за войн, вызванных спором о преемственности ее суверенитета. Правление Винсенте I, который унаследовал герцогские короны Мантуи и Монферрата в 1587 году и по-прежнему носил их в начале XVII века, а также правление его

преемника Франческо IV были одинаково малозаметными и незначительными. Но после смерти Франческо в 1612 году возникли некоторые беспорядки из-за новых притязаний герцога Савойского на государство Монферрат. Только через несколько лет переговоры положили конец нерешительным военным действиям, в которых Испания непосредственно вмешивалась против герцога Савойского, а Франция оказывала ему более косвенную помощь. По договорам Асти 1615 года и Мадрида 1617 года герцог Савойский обязался оставить Монферрат в руках дома Гонзага до тех пор, пока император не примет решение по его претензиям. Последний герцог Мантуи, Франческо IV, оставил только дочь, но поскольку Монферрат был женским феодалом, это государство перешло к ней, а два брата ее отца, Фердинандо и Винченцо II, последовательно правили Мантуей, не оставив потомства. После смерти последнего из этих двух принцев, оба из которых сократили свои дни своими позорными развратами, прямая мужская линия герцогского дома Гонзага прервалась, и право наследования герцогства Мантуя перешло к боковой ветви, происходившей от младшего сына герцога Федерико II, умершего в 1540 году. Эта часть семьи Гонзага обосновалась во Франции, обладая первыми знаками дворянского достоинства, и теперь была представлена Карлом, герцогом Неверским. Послав своего сына, герцога Ретельского, в Мантую во время последней болезни Винсенте II, Карл не только обеспечил преемственность этого герцогства, на которое он мог законно претендовать, но и вновь присоединил Монферрат к своей короне. Ведь в ту же ночь, когда скончался Винсенте II, герцог Ретель получил руку Марии, дочери Франческо IV и наследницы Монферрата; и таким образом право наследования всех государств герцогской линии сосредоточилось в ветви Невер.

[1630-1680 гг. н.э.]

Новый герцогский дом Гонзага не начал свое правление над Мантуей и Монферратом без жестокого сопротивления. Герцог Савойский возобновил свои притязания на последнюю провинцию, а Чезаре Гонзага, герцог Гуасталла, представитель отдаленной ветви этой семьи, выдвинул претензии на герцогство Мантуя. В то же время испанское правительство решило воспользоваться спорной преемственностью, чтобы присоединить Мантую к Миланскому государству, а император Фердинанд II объявил герцога Неверского изгнанником из империи за то, что тот вступил во владение зависимыми от нее феодалами, не дождавшись официального инвестирования. Целью Фердинанда явно было возродить имперскую юрисдикцию в Италии и обогатить испанскую династию своей семьей за счет приобретения этих государств. Для содействия этим совместным планам дома Австрии имперская армия пересекла Альпы и внезапно напала на город Мантую, который был разграблен с безжалостной жестокостью (1630). В то же время герцог Савойский заключил с Испанией договор о разделе Монферрата, и новый герцог Мантуи, по всей видимости, должен был лишиться всех своих владений. Но, к счастью для него, именно в этот момент кардинал Ришелье приступил к осуществлению своего знаменитого плана по умерщвлению власти и амбиций как испанской, так и немецкой династий дома Австрии (); и французская армия под личным командованием Людовика XIII, прорвав проход в Сузе, пересекла Альпы, чтобы поддержать Гонзага из Невера против всех его врагов. Мы опустим неинтересные подробности общей войны, которая таким образом разгорелась в северной Италии из-за мантуанского наследства. Когда сам Ришелье появился на театре военных действий во главе грозной французской армии, всякое сопротивление стало безнадежным; и его успех вскоре привел к примирению между воюющими сторонами на полуострове, в результате чего император был вынужден в рамках урегулирования вопроса передать спорную инвеституру Мантуи и Монферрата Карлу Неверскому (1631).

Старый маяк, Генуя

Этот принц, который с тех пор правил в Мантуе под титулом Карло I, сохранил это герцогство без дальнейшего сопротивления. Но в 1635 году он, помня о выдающихся услугах, оказанных ему Францией, вступил в союз с этой державой против Испании в новой войне, разразившейся между соперничающими династиями Бурбонов и Австрии. Однако такой союз мог только разрушить покой и поставить под угрозу безопасность его герцогств. Ни Карло I, ни его сын Карло II, который сменил его в 1637 году, не смогли предотвратить постоянные вторжения и разорение Монферрата соперничающими армиями Франции, Испании, империи и Савойи; и герцоги Мантуанские почти отказались от попыток удержать власть над этой провинцией, пока, после более чем двадцати лет войн и опустошений, она наконец не была возвращена Карлу II в результате общего Пиренейского мира.

Карло II умер в 1665 году, и его сын Фердинандо Карло начал долгое и позорное правление, с которым суверенитет и род Гонзага должны были закончиться в начале следующего века. Этот принц, более развратный, более бесчувственный к позору, более погрязший в низменных пороках, чем почти все его предшественники, был достоин стать последним представителем рода, который с момента своего возвышения до тирании Мантуи на протяжении четырех веков правления скрашивал свою карьеру, полную крови и разврата, лишь немногими примерами истинного величия и добродетели. Чтобы удовлетворить свою расточительность и потакать своим низким и порочным излишествами, Фердинандо Карло подавлял свой народ тяжелыми налогами. Чтобы собрать новые средства, которые его истощенное государство больше не могло себе позволить, он в 1680 году беззастенчиво продал Казале, столицу Монферрата, Людовику XIV, который немедленно занял это место с двенадцатью тысячами человек под командованием своего генерала Катина. Суммы, которые герцог таким образом собрал, либо путем вымогательства у своих угнетенных подданных, либо в результате этой позорной сделки, были растратчены на разгульные удовольствия () на карнавалах в Венеции, среди народа, который открыто

проявлял к нему презрение и чья олигархия приняла указ, запрещающий любому из их знати общаться с ним.

ТОСКАНА

[1600-1670 гг. н.э.]

От дел Мантуи мы можем перейти к делам Тосканы, но этот переход не вызывает особого интереса. Общая нехватка привлекательности характеризует анналы большинства деспотических режимов Италии; и когда Тоскана опустилась до ранга герцогства, ее превосходство в великолепии сохранилось только в прошлом, а ее современная история погрузилась в ту же позорную неизвестность, что и история Пармы, Модены и Мантуи. Нам остается только вспомнить о существовании одинокой республики, которая выжила в этой части Италии, и удивляться, как Лукка избежала порабощения силой, чьи владения окружали и сжимали ее узкую территорию; и мы можем рассматривать ее древних республиканских соперников, Флоренцию, Сиену и Пизу, только как столицу и провинциальные города герцогских правителей Тосканы. В XVII веке четыре принца из рода Медичи последовательно правили этой республикой. В начале века герцогскую корону носил Фердинанд I, чьи личные пороки и политические таланты уже были отмечены. После провала его проекта по сбросу испанского ига, его усилия были исключительно направлены на поощрение торговли и морской промышленности среди его подданных; и просвещенные меры, к которым его подтолкнуло глубокое знание науки управления и острое восприятие своих собственных интересов, были вознаграждены выдающимся успехом. Чтобы привлечь средиземноморскую торговлю к берегам Тосканы, он выбрал замок Ливорно (Легорн) в качестве места для свободного порта. Он улучшил природные преимущества его гавани, которая уже привлекала внимание некоторых из его предшественников, с помощью нескольких грандиозных и полезных работ; он наделил город, который вырос на этом месте, щедрыми привилегиями; и с этой эпохи Ливорно продолжал процветать, пока не достиг торгового процветания и богатства, которые сделали его одним из первых морских городов полуострова. Умелая политика, которую Фердинанд I проводил в этом и других отношениях, привела к быстрому притоку богатства в его государство, и к моменту своей смерти в 1609 году он накопил огромные сокровища.

Некоторые из первых принцев герцогского дома Медичи, по-видимому, унаследовали часть той коммерческой способности, благодаря которой их предки-купцы основали величие своего дома, и они извлекли выгоду из презрения или невежества, которые не позволяли другим итальянским принцам соперничать с ними в развитии тех же занятий. Космо II, сын и преемник Фердинанда, подражал его примеру с еще большим рвением и с более блестящим успехом. Но после его смерти в 1621 году несовершеннолетие его сына Фердинанда II разрушило временное процветание герцогского правительства. Богатая казна двух предыдущих герцогов была истощена на снабжение войск и субсидии Испании и Австрии; а Фердинанд, оставленный под опекой своей бабушки и матери, был освобожден от женского попечения только по достижении совершеннолетия, чтобы во время своего долгого правления продемонстрировать все ослабляющие последствия такого воспитания. Его характер был мягким, миролюбивым и доброжелательным, и его управление соответствовало его личным качествам. С этой эпохи политическое значение Тосканы полностью исчезло; государство было поражено моральным параличом, а летаргия и праздность стали единственными характеристиками правительства и народа.

Однако Фердинанд II не был лишен талантов, и энтузиазм, с которым великий герцог и его брат поощряли развитие науки, по крайней мере, защищал его бездеятельное правление

от упреков в полной незначительности. Но его сын Космо III, вступивший на престол в 1670 году, правил со слабостью, которую не компенсировали никакие интеллектуальные интересы. Несчастный и подозрительный по своему характеру, его жизнь была омрачена семейными разногласиями с герцогиней; фанатичный и нетерпимый, он постоянно был окружен монахами и находился под их управлением; и в конце XVII века Флоренция, некогда трон литературы, прекрасная и великолепная столица всех искусств, которые могут украсить и осветить жизнь, превратилась в храм мрачного суеверия и лицемерия.

ПЬЕДМОНТ И САВОЯ

[1027-1700 гг. н.э.]

В то время как другие герцогские троны Италии были в основном заняты ленивыми сластолюбивыми людьми, трон Савойи, казалось, был зарезервирован для целой династии правителей, чья бесстрашная деятельность и политические таланты постоянно ставили их в яркий контраст с леностью и немощностью их презренных современников. История этого дома ярко показывает, как судьба нации может зависеть от судьбы княжеской семьи. В течение восьми веков князья Савойи, по словам Карла Эммануила III, «обращались с Италией как с артишоком, который нужно есть лист за листом». Их работа теперь увенчалась успехом в виде свободы государства.

Происхождение Гумберта Белорукого, основателя семьи, точно неизвестно, но, вероятно, он был сыном Амадея, правнука Бозона Прованского. В награду за услуги, оказанные Рудольфу III Арльскому, Гумберт получил от него в 1027 году графства Савойя и Мориенна, а от императора Конрада — Салик, Шабле и нижнюю часть Вале. После его смерти в 1048 году его преемником, вероятно, стал его старший сын Амадей I, но в конечном итоге — его четвертый сын Отто, который благодаря браку с Аделаидой из Сузы получил графства Турин и Валь-д'Аоста и таким образом закрепился в долине По. В 1060 году Отто сменил его сын Амадей II, который сохранял разумный нейтралитет между своим зятем, императором Генрихом IV, и папой. В награду за свое посредничество он получил от первого, после Каноссы, провинцию Буже. Вступление на престол его сына Гумберта II в 1080 году принесло новое увеличение территории в долине Тарантез, а в 1091 году этот принц унаследовал титулы своей бабушки Аделаиды. Амадей III вступил на престол в 1103 году, а в 1111 году его владения были объявлены графствами империи Генрихом V. По дороге домой из крестового похода в 1149 году Амадей умер в Никосии, и его преемником стал его сын Гумберт III. Князь встал на сторону папы против Барбароссы, который опустошал его территории до самой смерти Гумберта в 1188 году. Опекуны его сына Томаса примирили своего подопечного с императором. Он получил от Генриха VI присоединение территорий в Во, Буже и Вале, а также титул имперского викария в Пьемонте и Ломбардии. В 1233 году его сменил Амадей IV. Поход против жителей Вале закончился аннексией их района, а его поддержка Фридриха II против папы привела к превращению Шабле и Аосты в герцогство.

[1253-1482 гг. н.э.]

В 1253 году его сын Бонифаций унаследовал его владения в возрасте девяти лет, но после того, как он продемонстрировал свою доблесть, разгромив войска Карла Анжуйского под Туринном, он был взят в плен и умер от горя (1263).

Впервые вступил в силу салический закон, и на престол был призван Петр, дядя Бонифация. Этот принц, после бракосочетания своих племянниц Элеоноры и Санчи Прованской с Генрихом III Английским и Ричардом, графом Корнуолльским, посетил Англию, где был возведен в графы Ричмонда и построил дворец в Лондоне, впоследствии названный Савойским домом. Взамен он признал права Ричарда на императорский трон и получил от него Кибург в епархии Лозанны. После его смерти в 1268 году его преемником стал его брат Филипп I, который умер в 1285 году, когда на престол вступил их племянник Амадей V. Этот принц, прозванный Великим, присоединил Бауге и Бресс к своим владениям по праву своей жены Сибиллы, а позднее — нижнюю часть Фосиньи и часть Женевы. Вторым браком он женился на Марии Брабанской, сестре императора Генриха VII, от которой получил сеньорию Аоста. Его жизнь прошла в непрерывных и победоносных войнах, и одним из его последних подвигов было заставить турок снять осаду Родоса. Он умер в 1323 году. Его сын Эдуард унаследовал его владения, а после его смерти в 1329 году престол занял его брат Аймон. Этот принц умер в 1343 году, и на престол вступил его сын Амадей VI. Его правление, как и правление его деда, было серией мелких войн, из которых он выходил победителем и с расширенной территорией, пока не умер от чумы (1383). Многообещающее правление его сына Амадея VII было прервано падением с лошади в 1391 году. Однако перед смертью он получил верность Барселонетты, Вентимильи, Виллафранки и Ниццы, тем самым получив доступ к Средиземному морю.

Его сын Амадей VIII вступил на престол под опекой своей бабушки Бона (Бонне) де Бурбон. По достижении совершеннолетия он сначала направил свои усилия на укрепление своей власти в отдаленных провинциях. Государства Савойи теперь простирались от Женевского озера до Средиземного моря и от Сона до Сесии. Амадей бросил весь вес своей власти на сторону императора, и в 1416 году Сигизмунд возвысил графства Савойя и Пьемонт до герцогств. В это же время герцог вернул себе феодал Пьемонт, который был передан Филиппу, принцу Ахайи, Амадеем V. Графство Верчелли впоследствии вознаградило его за присоединение к лиге против герцога Милана, но в 1434 году заговор против его жизни заставил его осуществить давно вынашиваемый план ухода в монастырь. Соответственно, он назначил своего сына Людовика генерал-лейтенантом герцогства и принял обет рыцарей Святого Мориса. Но ему не суждено было обрести желанный покой. Прелаты, собравшиеся на соборе в Базеле, проголосовали за отстранение папы Евгения IV и избрали на его место Амадея под именем Феликса V. Он окончательно отрекся от герцогства, но без особой выгоды в мирских почестях, поскольку раскол продолжался до смерти Евгения в 1447 году, вскоре после чего он был устраним благодаря почтенному подчинению Феликса Николаю V. Первые годы правления Людовика проходили под руководством его отца, и его народ жил в мире и процветании; но впоследствии он заключил союз с дофином, что привело его к конфликту с Карлом VII Французским, хотя вскоре было достигнуто прочное примирение. Его сын Амадей IX вступил на престол в 1465 году, но, хотя его добродетели привели к его беатификации, физические страдания заставили его передать регентство своей жене Иоланде, дочери Карла VII. Он умер в 1472 году, когда его сын Филиберт I вступил на престол и продолжил участие в борьбе Иоланды с ее братом и зятьями. Его правление длилось всего десять лет, после чего его сменил брат Карл I. Этот принц на время поднял своим мужеством падающую удачу своего дома, но умер в 1489 году в возрасте тридцати одного года, унаследовав от своей тети Шарлотты Лузиньян претензии на титульные королевства Кипр, Иерусалим и Армения. Его преемником стал его сын Карл II, младенец, который умер в 1496 году, и после него на престол вступил Филипп II, брат Амадея XI. Он умер в 1497 году, оставив после себя Филибера II, который унаследовал его титул, и Карла III, который вззошел на престол после смерти своего брата в 1504 году. Несмотря на себя, Карл был втянут в войны того периода, но решающая победа Франциска I () при Мариньяно дала герцогу возможность провести

переговоры на конференции в Болонье, которые привели к заключению мира в 1516 году. Карл был менее удачлив в войнах между Франциском I и Карлом V, зятем его жены. Он пытался сохранять строгий нейтралитет, но его присутствие на коронации императора в Болонье в 1530 году было обязательным в силу его двойного статуса родственника и вассала. Этот визит оказался для него роковым, поскольку он был награжден графством Асти, что так не понравилось французскому королю, что после восстания Женева в пользу протестантизма в 1532 году Франциск послал помощь горожанам. Берн и Фрибург поступили так же и изгнали герцога из Лозанны и Во. Карл теперь окончательно перешел на сторону императора, и Франциск сразу же выдвинул несколько мнимых претензий на его государства. После их отклонения французская армия вторглась в Савойю, спустилась в Пьемонт и захватила Турин (1536). Карл V пришел на помощь своему союзнику и осадил город, но был вынужден заключить мир. Франция сохранила Савойю, а император занял Пьемонт, так что герцогу осталась только Ницца. При возобновлении военных действий в 1541 году Пьемонт снова пострадал. В 1544 году Креспийский договор вернул Карлу его владения, но условия договора не были выполнены, и он умер от горя в 1553 году. Его единственный выживший сын, Эммануил Филиберт, унаследовал права, но не владения своих предков. После отречения Карла V герцог был назначен губернатором Нидерландов, а в 1557 году победа при Сен-Кентене сделала его одним из лучших полководцев своего времени. Такие заслуги не могли остаться без награды, и Като-Камбрезийский мир вернул ему его владения, за некоторыми исключениями, которые по-прежнему оставались во владении Франции и Испании. Одно из условий договора также предусматривало брак герцога с Маргаритой Французской, сестрой Генриха II. Эвакуация удерживаемых ими территорий была добросовестно выполнена договаривающимися сторонами, и Эммануил Филиберт занялся укреплением своих военных и военно-морских сил, пока его смерть в 1580 году не помешала осуществлению его амбициозных планов. Его сын Карл Эммануил I, прозванный Великим, связал свою судьбу с Испанией и в 1590 году вторгся в Прованс, где был принят жителями Экса. Несомненно, он намеревался возродить древнее королевство Арль, но его планы были сорваны вступлением на французский трон Генриха IV.^е

[1482-1601 гг. н.э.]

По договору с Генрихом, заключенному в 1601 году, Карл Эммануил обменял свое савойское графство Бресс на итальянское маркизат Салуццо. Этим соглашением герцог Савойский пожертвовал плодородной провинцией, чтобы приобрести бесплодную и каменистую территорию, но он лишил французов легкого доступа в Пьемонт и укрепил свою итальянскую границу. Укрепив свои государства, он добился значительного прогресса на пути к будущей независимости своей семьи; а превосходство его политики над политикой Генриха IV в этой сделке вызвало замечание одного из современников, что французский король торговался как разносчик, а савойский герцог — как король.

С этой эпохи дом Савойи стал почти исключительно итальянской державой, и его князья, говоря языком одного из их историков, отныне рассматривали остатки своих владений за горами только так, как аристократ, живущий в роскоши двора, смотрит на старинное и заброшенное феодальное владение, от которого он получил свой титул. Карл Эммануил обнаружил, что улучшение географического положения его государств немедленно повысило его значимость, и его союзом заинтересовались как Франция, так и Испания. Но в течение остальной части своего долгого правления его собственная неумная и чрезмерная амбиция, а также естественные трудности его положения, поскольку он находился в менее выгодном положении между двумя могущественными соперниками, принесли много бедствий его владениям. В 1602 году он предпринял неудачную попытку ночного штурма Женева, и после позорного поражения заключил мир, который признавал независимость

этой республики. Десять лет спустя, как мы уже видели, он пытался отнять Монферрат у дома Гонзага, но, встретив яростное сопротивление со стороны Испании и слабую поддержку со стороны Франции, после нескольких лет военных действий был вынужден подчинить свои претензии решению императора — или, другими словами, полностью отказаться от них. Однако такие препятствия его амбициям были незначительными по сравнению с неудачами, последовавшими за его участием в войне за мантуанское наследство (1628).

[1601-1634 гг. н. э.]

В этой борьбе он, надеясь разделить Монферрат с испанцами, был склонен объединиться с ними против нового герцога Мантуи и поддерживавших его французов, но понес тяжелые потери в этом союзе. Когда Людовик XIII во главе отважной армии взял сильный перевал Суза, защищавший герцога и его войска, и захватил весь Пьемонт, Карл Эммануил был вынужден выкупить свободу своих государств, подписав отдельный мир и оставив крепость Суза в качестве залога в руках завоевателей. Они настаивали на том, чтобы он действовал наступательно против своих бывших союзников, но как только Людовик XIII и его великий министр Ришелье были отозваны во Францию из-за войны с протестантами, изменчивый герцог, возмущенный их тиранией, немедленно возобновил союз с Испанией.

Владение Сузой сделало французов хозяевами ворот савойских владений, и как только Ришелье торжественно завершил войну против гугенотов, он вернулся в Альпы. Его господин наделил его верховным военным командованием, что порочило его священнические функции, и он вновь ввел французские войска в Пьемонт. Вся Савойя была завоевана лично французским королем, а более половины Пьемонта было захвачено его войсками под командованием воинственного кардинала. Среди стольких жестоких поражений, угнетенный подавляющей силой своих врагов и брошенный испанскими союзниками, которые не предприняли никаких энергичных усилий, чтобы остановить продвижение французов, Карл Эммануил внезапно скончался после пятидесяти лет правления (1630).

Виктор Амадей I, его старший сын и преемник, был мужем Кристины, дочери Генриха IV Французского, и поэтому склонен был к союзу с ее страной. Почти сразу после вступления на герцогский престол он вступил в переговоры с Ришелье, которые завершились перемирием. В следующем году в Чераско был подписан общий мир, положивший конец войне за мантуанское наследство (1631). По этому договору новый герцог Савойский восстановил все свои владения, за исключением Пинероло (Pignerol), которое он был вынужден уступить французам; те, хотя Ришелье и вернул Виктору Амадею Сузу, тем не менее сохранили за собой владение альпийскими перевалами через Бриансон и долиной Эзиль. Виктор Амадей не уступал своему отцу ни в мужестве, ни в способностях, но он не был столь же неугомонным и интриганским. Подчиняясь обстоятельствам, не зависящим от него, он с терпением и благоразумием переносил господство, которое Франция приобрела над его государствами, и еще более обидную гордость Ришелье. До конца своего короткого правления он добросовестно поддерживал тесный союз с Людовиком XIII, от которого ему, по сути, было практически невозможно отказаться и который в 1634 году втянул его в качестве союзника в новую войну, начатую Ришелье против дома Австрии.

[1634-1657 гг. н. э.]

Смерть Виктора Амадея в 1637 году, когда эта борьба еще продолжалась, стала прелюдией к еще более тяжелым бедствиям для его дома и его подданных, чем те, которые они

переживали на протяжении почти столетия. Он оставил двух маленьких сыновей, старший из которых умер почти сразу после него, и престол перешел к другому, Карлу Эммануилу II, четырехлетнему мальчику. В своем завещании Виктор Амадей поручил регентство над своими государствами и заботу о своих детях герцогине Кристине. Правительство этой принцессы с самого начала подверглось тайным интригам Ришелье и открытой враждебности братьев ее покойного мужа. Ришелье намеревался заключить в тюрьму сестру и лишить племянника его собственного господина; он хотел присоединить их государства к французской монархии под предлогом того, что забота о молодом принце и регентство его герцогства по праву принадлежали Людовику XIII как его дяде по материнской линии. Когда бдительность Кристины сорвала замысел кардинала заставить ее врасплох в Верчелли, сестра Людовика XIII все еще должна была терпеть все деспотическое влияние министра своего брата. Однако поведение родственников ее мужа не оставило ей иного выбора, кроме как купить помощь французов против них.

Оба брата Виктора Амадея, кардинал Морис и принц Томас (основатель ветви Савойя-Кариньяно), поссорились с покойным герцогом и покинули его двор, чтобы примкнуть к партии его врагов; один поступил на службу к императору, другой — к королю Испании в Нидерландах. После смерти Виктора Амадея они вернулись в Пьемонт только для того, чтобы создать проблемы администрации Кристины, сами претендуя на регентство; и в конце концов, когда она сопротивлялась их притязаниям, они открыто заявили о них с оружием в руках. Два принца поддерживались домом Австрии; герцогиня-регентша была под защитой Франции; и вся страна Савойя и Пьемонт сразу погрузилась в усугубленные ужасы иностранной и гражданской войны. В первый год этой несчастной борьбы столица была сдана приверженцами принца Томаса в руки принца, а регентша, с трудом спасаясь от этого неожиданного нападения в цитадель Турина, была вынуждена передать оборону этой крепости французам, которые вероломно удерживали ее в течение восемнадцати лет. Точно так же они завладели несколькими важными местами; испанцы, со своей стороны, стали хозяевами других; и пока регентша и ее зятья боролись за власть в Пьемонте, они были преданы вероломством и амбициями своих соответствующих покровителей.

Примирение в герцогской семье было наконец достигнуто благодаря запоздалому открытию, что взаимные обиды могут привести только к общей гибели. Оба принца покинули сторону Испании и сумели вернуть своему дому большинство крепостей, которые они помогли испанцам захватить. Герцогиня-мать сохранила регентство, а принцы были вознаграждены теми же апанажами, которыми она изначально предлагала купить их дружбу. Тем не менее французы по-прежнему оставались всемогущими в Пьемонте, и если бы смерть не прервала планы Ришелье, то, вероятно, герцогский дом Савойи был бы полностью принесен в жертву его искусному и беспринципному политическому курсу, а его владения были бы навсегда присоединены к монархии Франции. Даже при правлении его более миролюбивого преемника Мазарини () французский гарнизон был выведен из цитадели Турина только в 1657 году, и этот акт справедливости был вынужден министр совершить лишь в обмен на брак своей племянницы с членом герцогской семьи Савойи. Истощение Испании и внутренние беспорядки во Франции полностью помешали активному продолжению долгой войны между этими державами в северной Италии. Но тлеющие угли вражды в Пьемонте не были полностью погашены до заключения Пиренейского мира, по которому Карл Эммануил II вернул себе все свое герцогство, за исключением Пинероло и его альпийских перевалов, которые остались во владении французов (1659).

Окончание несовершеннолетия Карла Эммануила II в 1648 году положило конец интригам его дядей. Но герцог продолжал подчиняться амбициозному и умелому контролю своей матери до самой ее смерти, и его последующее правление ни в чем не было блестящим. Однако после Пиренейского договора его государства наслаждались длительным периодом покоя, и хотя его ранняя смерть в 1675 году подвергла их очередному несовершеннолетию, оно оказалось ни бурным, ни бедственным, как его собственное. Его сын, знаменитый Виктор Амадей II, был всего девять лет, когда он номинально начал свое правление под регентством своей матери. Принцесса, дочь французского дома Немур, обладала всей амбицией, но не талантами, которые отличали герцогиню Кристину. Окруженная французскими фаворитами и сторонниками этой нации, она была полностью подчинена воле Людовика XIV; а Виктор Амадей, достигнув зрелого возраста, продемонстрировал первые признаки того совершенного политического таланта, которым он впоследствии прославился, благодаря своему тактичному поведению, лишившему его неохотную родительницу и ее фракцию всякого влияния на государственные дела, не прибегая к фактическому насилию.

Политика герцога вскоре вызвала подозрения Людовика XIV, и после нескольких лет истощения всех ресурсов переговоров и интриг, чтобы склонить его к своей цели отнять Милан у испанцев, французский монарх решил разоружить его. Но Виктор Амадей проник в его замыслы и опередил их осуществление. Он был слишком хорошим политиком и слишком хорошо осознавал свою слабость, чтобы не понять, что, если он согласится открыть Людовику XIV свободный проход через свои владения и помочь ему в завоевании Ломбардии, то в свою очередь будет быстро лишен власти и низведен до ранга вассала французской короны. Поэтому он присоединился к Аугсбургской лиге между империей, Англией, Испанией и Голландией; и его подданные с энтузиазмом поддерживали его решение скорее столкнуться с опасностями борьбы с гигантской мощью Франции, чем без борьбы подчиниться властным и унижительным требованиям Людовика.

Начало войны в Пьемонте было отмечено потоком несчастий, которые могли бы погрузить в внезапное отчаяние принца, менее стойкого, чем Виктор Амадей. Хотя в начале военных действий к нему присоединилась испанская армия, французы, которые контролировали ворота Италии, владея Пинероло, уже собрали свои силы в Пьемонте. Ими командовал Катинат, который заслуживает упоминания среди самых опытных и научных полководцев своего или любого другого века; и превосходные способности этого великого полководца восторжествовали над военным талантом молодого герцога. В сражении при Стаффарде (1690) в ходе первой кампании союзники потерпели полное поражение, и вскоре после этого завоеватели почти сразу же подчинили себе большую часть Савойи и Пьемонта. Однако Виктор Амадей не унывал; он продолжал войну с энергией и умением, и поддержка союзников и его собственная активность уравнивали удачу в этом противостоянии. Вторгшись во Францию в 1692 году, он даже смог отомстить своим врагам за разорение своих владений; и хотя Катинат в четвертой кампании нанес в Марсалья пьемонтской, австрийской и испанской армиям под командованием герцога и знаменитого принца Евгения еще более сокрушительное и памятное поражение, чем в Стаффарде, союзники быстро оправались от этой катастрофы.

Но не входит в наши задачи повторять часто рассказываемую историю военных операций, которые относятся к общей истории Европы. После шести лет непрерывных войн Виктор Амадей по-прежнему был настроен сделать свой нейтралитет важной целью для Франции, которую он сам имел все основания желать. Чтобы достичь этой цели с выгодой для себя, он без особых угрызений совести отказался от своих союзников, и условия, которые он выторговал у Людовика XIV, принесли все результаты победы. В соответствии с отдельным миром, заключенным между Францией и Савойей в Турине, Людовик XIV отказался от

владения Пинероло и вернул все свои завоевания в Савойе и Пьемонте; но самым существенным условием договора был нейтралитет всей Италии, к которому договаривающиеся стороны обязались привлечь все другие державы. Чтобы обеспечить выполнение этого пункта, Виктор Амадей не колебался объединить свои войска с французскими против своих бывших союзников; и вторжение его войск в союзе с армией Катина в миланские территории немедленно вынудило императора и короля Испании согласиться на прекращение военных действий на полуострове.

МУШКЕТЕР НАЧАЛА XVII ВЕКА

Союзники Виктора Амадея могли справедливо упрекнуть его в предательстве их дела и, возможно, даже в усугублении вероломства, но он заслуживал благодарности Италии, если не за свою эгоистичную политику, то, по крайней мере, за ее плоды. Закрыв ворота своих границ, он умело обеспечил также покой на полуострове и его эвакуацию французами. Вся Италия считала его освободителем; безопасность его собственных владений была обеспечена, а его власть и влияние значительно возросли. Таким образом, установив независимость своих государств, он подготовил право своего дома на принятие королевского титула среди европейских держав, до которого он возвысил его в начале нового века.

Усиление власти правителей Пьемонта было предвестником беды для единственной республики средневековья, которая частично избежала бурь деспотизма в этой части Италии; а Генуя уже в XVII веке приобрела достаточный опыт опасностей, связанных с ее соседством с князьями дома Савойи. В войне в Гризоне между Францией и домом Австрии республика была вовлечена в конфликт из-за своей зависимости от Испании (), и ее участие в борьбе позволило герцогу Савойскому, который в то время был в союзе с Францией, обрушить на нее всю мощь французской армии. Помимо обычной алчности своей амбиции и надежды присоединить генуэзскую территорию к своим владениям, у Карла Эммануила I было несколько причин для обиды на республику. Ее правители ранее оказывали помощь испанцам против него; они пытались контролировать его при покупке феода Зукарел у семьи Карретто; а население Генуи оскорбило его, испортив его портрет в своем городе во

время беспорядков. Поэтому он указал своим союзникам на Геную как на легкую и важную добычу; и пока он захватывал Лигурийскую страну, французская армия из тридцати тысяч человек под командованием констебля де Лесдигьера продвигалась к осаде столицы республики. Хотя генуэзцы были не готовы к этому внезапному нападению, они были воодушевлены храбрым духом и красноречием одного из своих сограждан, члена знаменитого рода Дория, чтобы оказать решительное сопротивление осаждающим; и их доблестная защита города превратилась в триумф в тот момент, когда они были доведены до крайней степени. Мощная испанская армия, вооруженная с необычайной энергией, прибыла им на помощь из Неаполя и Милана; французы были вынуждены снять осаду, и мир, который вскоре последовал за этими военными действиями, послужил лишь тому, чтобы покрыть герцога Савойского позором заслуженного провала в его замыслах против существования республики.

[1624-1628 гг. н. э.]

Тайная вражда, которую Карл Эммануил питал к Генуе, через несколько лет угрожала ей еще более неминуемыми опасностями, поскольку мстительный дух герцога был связан с недовольством значительной части республики. Мы уже упоминали о конституции суверенной олигархии Генуи и ее тенденции к сужению круга политических прав путем уничтожения некоторых дворянских родов и сокращения численности других. Между тем выжившие члены олигархии скупно пользовались законом, который разрешал им ежегодно принимать десять новых семей в число привилегированных. Сенат либо начал полностью игнорировать этот закон, либо применял его только к бездетным или пожилым людям. Таким образом, к середине XVII века число лиц, чьи имена фигурировали в *libro d'oro* — золотом томе привилегированной знати — сократилось примерно до семисот. Затем был принят закон, согласно которому все эти исключительные владельцы прав гражданства отныне занимали места в великом совете по достижении совершеннолетия, а не вступали в него поочередно, как это было ранее, когда республику представляла более широкая аристократия.

В то время как высокомерие и индивидуальная значимость членов олигархии увеличивались пропорционально уменьшению их числа, в государстве умножился другой класс — непривилегированная аристократия по рождению и богатству. Многие древние роды, владевшие сельскими феодами в Лигурии и наделенные дворянскими титулами, изначально были исключены из списка граждан; многие другие семьи более позднего происхождения приобрели богатство и почет благодаря торговле, промышленности и случайностям судьбы; и союз всех этих семей образовал сословие, которое соперничало с олигархией в обычных источниках гордости и значительно превосходило ее по численности. Надменность и презрение с одной стороны и унижение и зависть с другой вызывали взаимную ненависть между этими ветвями генуэзской аристократии, а их разногласия вселяли в герцога Савойского надежду погрузить государство в анархию, от которой он мог бы извлечь выгоду.

Следуя взглядам своего господина, посол Карла Эммануила в Генуе выбрал богатого купца из непривилегированной аристократии, Джулио Чезаре Вачеро, в качестве агитатора и лидера заговора с целью свержения олигархической конституции. Вачеро, хотя и занимался торговлей, стремился двигаться в сфере дворянства. Его огромное богатство, многочисленная свита, роскошный дом соперничали с великолепием Фрегози, Адорни, *пополани гранди* других дней. Он всегда появлялся вооруженным и в военной форме — характерных чертах джентльмена того времени; его окружали бравады, и он без зазрения совести использовал этих отчаявшихся людей для жестокого удовлетворения своей гордости и мести. Он находил достаточное применение их кинжалам в многочисленных мелких оскорблениях, которыми привилегированные дворяне с удовольствием осыпали человека его положения. Вачеро до глубины души задевали все презрение и пренебрежение, которые высокородные проявляли к выскочкам и необоснованным притязаниям — презрительное отказ от вежливого приветствия, высокомерный взгляд, провокационная насмешливая улыбка, издевательские намеки, шутки, усмешки. Каждое из этих пренебрежений или оскорблений, нанесенных ему или его жене, было смыто кровью благородных преступников (1628).

Но все эти тайные убийства не могли утолить местительный дух и не излечить гнойное раздражение Вачеро; и он легко поддался на уговоры савойского посла организовать заговор и встать во главе его с целью уничтожения олигархии. Он знал, что его недовольство разделяют все граждане, подобные ему, чьи имена не были внесены в *libro d'oro*; и он рассчитывал на сотрудничество очень многих феодальных сеньоров Лигурии, чьи древние дома никогда не вносились в этот реестр и которые видели, как их влияние в городе затмевается их ненавистными и более удачливыми соперниками из олигархии. Он легко убедил многочисленную партию принять его замысел; он тайно увеличил силы своих слуг и браво; и он расточал огромные суммы среди низших слоев населения, чтобы обеспечить их верность, не доверяя им свои планы. Уже был назначен день нападения на дворец правительства: было решено одолеть иностранную стражу, выбросить сенаторов из окон, убить всех членов привилегированного сословия, изменить конституцию республики и, наконец, наделить Вачеро высшей властью в государстве под титулом дожа и под покровительством герцога Савойского. Но в тот момент, когда заговор был готов к осуществлению, он был предан правительству слугой Вачеро, которому было поручено выполнять подчиненную роль в нем. Сам Вачеро и несколько других ведущих фигур заговора были арестованы до того, как остальные были предупреждены, и те немедленно бежали. Вина Вачеро и его сообщников была ясно доказана; доказательства против них были подкреплены даже поведением герцога Савойского, который открыто признал себя покровителем их предприятия; и, несмотря на его высокомерные угрозы отомстить республике за их наказание, сенат без колебаний приказал немедленно казнить их.

Наглые угрозы Карла Эммануила оказались тщетными, а твердость генуэзского правительства не привела к каким-либо существенным последствиям. Во время беспорядков, которые завершили его собственное правление и, заполнив правление его сына, продолжились в течение несовершеннолетия его внуков, республика оставалась незатронутой агрессией дома Савойи. В этот долгий период, длившейся более сорока лет, покой Генуи не нарушался ни какими-либо другими внешними враждебными действиями, ни внутренними волнениями. Вторая война, которая в конце концов разразилась между республикой и герцогством Савойским во время правления Карла Эммануила II (), едва заслуживает нашего внимания, поскольку ее обстоятельства и исход были одинаково незначительными (), и в течение остальной части XVII века генуэзская олигархия была

вырвана из своего сна гордости и безопасности лишь одним событием — самым унижительным, по крайней мере до наших дней, в долгой истории их республики.

Когда Людовик XIV стал владельцем Казале, купив его у герцога Мантуанского, он потребовал от республики Генуя разрешения на создание склада в порту Савона для бесплатного снабжения солью жителей своего нового города и транзита военных запасов и новобранцев для своей гарнизона. Правительство Генуи достаточно хорошо знало характер французского монарха, чтобы предвидеть, что удовлетворение этого требования приведет к тому, что он полностью присвоит себе порт Савона, и, осторожно воспользовавшись правом на отказ, которым оно несомненно обладало, оно уклонилось от выполнения этой просьбы. С равным правом и большей смелостью они оснастили несколько галер для охраны своих побережий от любого нападения и для защиты своих доходов от продажи соли. Людовик властно потребовал от них разоружить этот флот, и тогда, доведенный до предела терпения и справедливо возмущенный таким оскорблением независимости республики, сенат с презрением отнесся к этому требованию.

Но олигархия Генуи не в полной мере оценила слабость своего государства и неумолимую и безграничную гордость могущественного тирана. Французский флот из четырнадцати линейных кораблей с длинной колонной фрегатов, галер и бомбардирских кечек внезапно появился перед Генуей, и в результате трехдневной яростной бомбардировки, в ходе которой, по некоторым данным, на город было сброшено пятьдесят тысяч снарядов и каркасов, половина многочисленных и великолепных дворцов, благодаря которым Генуя получила прозвище «Гордая», превратилась в груды руин. Сенат был вынужден спасти остатки своей столицы от полного разрушения путем безоговорочной капитуляции, а условия, продиктованные высокомерием французского монарха, заставили дожа и четырех главных сенаторов отправиться в Париж в своих государственных одеждах, чтобы просить прощения и умолять о милосердии. Эпитеты славы часто придавались характеру Людовика XIV теми, кто легко ослеплялся блеском ложного великолепия; но из всех массовых злодеяний против человечества, которые опозорили отвратительную амбицию этого бездушного разрушителя своего рода, это неспровоцированное нападение на беззащитный народ, совершенное лишь для того, чтобы удовлетворить его ненасытную тщеславность, было — если не считать ужасного опустошения Пфальца — самым варварским и бессмысленным.

ВЕНЕЦИЯ

[1600-1685 гг. н. э.]

В то время как Генуя либо полностью подчинялась влиянию Испании, с трудом отбиваясь от интриг савойских принцев, либо терпела все оскорбительные высокомерие Франции, ее древний соперник продолжал следовать своему политическому курсу, демонстрируя большую независимость и достоинство. На протяжении всего рассматриваемого периода Венеция, казалось, пробудилась к проявлению последних остатков своего древнего духа и силы. Начав с новой энергией после упадка и забвения предыдущего века, республика продемонстрировала гордую решимость сохранить свои преемственные права и даже в некоторой степени стремилась восстановить утраченную независимость Италии. Ее усилия в этом последнем отношении, действительно, заслуживают упоминания скорее за мужество, которое их диктовало, чем за их результаты. Относительная сила европейских государств слишком сильно изменилась; коммерческие основы ее собственного процветания были слишком безвозвратно разрушены, чтобы она могла снова поднять голову над другими державами второго порядка или стать защитницей и успешной поборницей полуострова. Но

в XVII веке анналы Венеции по крайней мере не были запятнаны позором. Даже ее потери в затяжной и неравной борьбе с турками были искуплены многими блестящими актами героизма в ее тщетной обороне; и неудачный исход одной войны был уравновешен более счастливыми результатами второй. Но твердость республики была очевидна, а ее успех — безупречен.

[1600-1606 гг. н. э.]

Первая из борьб, в которую Венеция была вынуждена вступить в этом столетии, была вызвана вскоре после его начала насильственной попыткой папы Павла V, о которой мы уже упоминали, возродить чудовищную и опровергнутую доктрину папской юрисдикции и верховенства над мирскими делами (1605). Венецианцы даже в темные века отличались своей свободой от оков суеверий и последовательно отбивали посягательства церковной власти. Сенат ни при каких обстоятельствах не разрешал публикацию или исполнение какого-либо папского декрета на своей территории, пока он не получал предварительного одобрения, и не допускал апелляции в суд Рима от кого-либо из своих подданных, за исключением случаев, когда это происходило по его собственной инициативе и через посла республики. Юрисдикция Совета Десяти была столь же деспотичной и окончательной в отношении венецианского духовенства, как и в отношении всех других классов в государстве; и в то время как духовенство было строго исключено из любого вмешательства в политические дела и от исполнения любых гражданских функций, право светских судов судить их в каждом случае, не являющемся чисто духовным, было принципом, от которого правительство никогда не отступало ни в теории, ни на практике. Из всех чрезмерных привилегий, которых требовала римская церковь для своей милиции, освобождение церковного корпуса от налогообложения (за исключением непосредственных действий пап) было единственной, признанной венецианским правительством; и отмена этой привилегии была проектом, который не раз рассматривался.

Венецианский нищий

(Многие из них были людьми, находящимися в стесненных обстоятельствах, которые носили маски, чтобы скрыть свои черты лица).

С духом, подобным тому, который удерживал духовенство в должной подчиненности, всеобщая религиозная терпимость была неизменной максимой венецианского сената. Публичное и мирное отправление культа мусульманами, евреями, греками, армянами всегда было одинаково разрешено на территории республики, а в более позднее время даже протестантские секты встречались в столице и провинциях с такой же терпимостью. Несправедливые принципы олигархического правления не позволяют нам приписывать его поведению в этом отношении какие-либо более высокие или просвещенные мотивы, кроме заинтересованной и необходимой политики торгового государства. Но ярким доказательством способности и строгой бдительности этого правительства является то, что, несмотря на его всеобщую терпимость и отказ от церковного контроля, папам не оставалось никаких поводов для того, чтобы подвергать сомнению его ревностную верность римской церкви; и что в то время, когда вся Европа была потрясена борьбой религиозных мнений, только Венеция могла принять в свое развращенное лоно элементы раздора, не поколебля основания своей устоявшейся веры и не подвергнув ни малейшему потрясению свое привычное спокойствие.

Яростный нрав, с которым Павел V вступил на папский престол, и систематическая решимость венецианского сената не подчиняться никаким церковным узурпациям не могли не привести республику к столкновению с таким опрометчивым и жестоким понтификом. Соответственно, Павел V едва начал свое правление, как уже обиделся на отказ сената

провоцировать войну с турками, помогая венграм по его приказу субсидиями против неверных. Его недовольство республикой усилилось () из-за ее упорства в взимании пошлин со всех товаров, ввозимых в папские порты на Адриатическом море — вопрос, который, безусловно, не имел никакого отношения к религии; и оно достигло своего апогея, когда сенат принял закон, или, вернее, возобновил старый закон, запрещающий дальнейшую отчуждение недвижимого имущества в пользу религиозных фондов, которые, по сути, даже в своих государствах уже обладали чрезмерным богатством.

В этот момент Совет Десяти, действуя в соответствии со своим установленным принципом подчинения священников светской юрисдикции, распорядился арестовать и бросить в тюрьму двух священнослужителей, каноника из Виченцы по имени Саррачено и аббата из Нервезы, чтобы они ждали суда за преступления, в которых их обвиняли. Их предполагаемые преступления были крайне тяжкими: в одном случае речь шла об изнасиловании, в другом — об убийстве, отравлении и отцеубийстве. Папа, как будто права церкви были грубо попраны этими арестами, призвал дожа и сенат передать двух священников духовной власти под угрозой отлучения от церкви; и он воспользовался случаем, чтобы потребовать, под угрозой того же наказания, отмены существующих правил, запрещающих увеличение церковных зданий и имущества. Но дож и сенат, категорически отказавшись отменить свои меры, с презрением отнеслись к угрозам папы; тогда Павел V наложил на них, их столицу и всю республику отлучение от церкви и интердикт (1606).

Венецианское правительство с непоколебимой твердостью перенесло анафему, столь ужасающую для приверженцев суеверий. В ответ на папские проклятия божественного гнева против республики они успешно публиковали неоднократные и убедительные призывы к справедливости своего дела и к здравому смыслу всего мира. Общее настроение католической Европы соответствовало их аргументам, а их собственные подданные, полные негодования по поводу неспровоцированного приговора против государства, ревностно поддерживали их дух. В частном порядке дож не колебался высказать папскому нунцию тревожную угрозу, что упорство Его Святейшества в применении насильственных мер вынудит республику полностью разорвать свои связи с Римской курией; а открытые действия сената были едва ли менее смелыми. Под страхом смертной казни всем приходским священникам и монахам в венецианских государствах было приказано не обращать внимания на интердикт и продолжать выполнять свои религиозные обязанности как обычно. Светское духовенство беспрекословно подчинилось указу; а когда иезуиты, капуцины и другие монашеские ордена попытались ограничить свою верность папе и республике, сделав оговорку о невыполнении мессы, они были немедленно лишены своих владений и изгнаны с венецианских территорий.

Папа, обнаружив, что его духовные орудия бессильны против стойкости венецианцев, проявил склонность прибегнуть к мирским орудиям. Он собрал войска и попытался привлечь Филиппа III Испанского и других князей на поддержку своей власти. В то же время и испанский монарх, и Генрих IV Французский, союзник республики, начали интересоваться спором, который затрагивал почти все католические державы и угрожал Европе беспорядками. На самом деле оба монарха стремились к чести быть арбитром в этом споре. Но притворство вооружения для поддержки папы, с помощью которого Филипп III надеялся запугать республику, чтобы она подчинилась его посредничеству, имело лишь тот эффект, что сенат предпочел вмешательство его соперника, и Генрих IV стал ревностным посредником между папой и республикой.

Павел IV наконец понял, что Испания не намерена серьезно поддерживать его оружием и что без применения силы, которой он не располагал, было тщетно ожидать подчинения от такого негибкого органа, как венецианская олигархия. Поэтому он был вынужден пойти на самый униженный компромисс, который только мог нанести ущерб его хваленному достоинству. Не получив ни одной уступки по спорному вопросу, он был вынужден отменить свои духовные приговоры. Дож и сенат не могли даже получить отпущение грехов; они отказались изменить свой указ о запрете отчуждения имущества в пользу церкви; и хотя они передали двух заключенных священнослужителей в распоряжение Генриха IV, они сопроводили этот акт официальным заявлением, которое было предназначено только как добровольный знак их уважения к этому монарху, их союзнику, и ни в коей мере не должно было толковаться как отказ от их права и практики подчинять свое духовенство светской юрисдикции. Даже их почтение к Генриху IV не смогло превозмочь их негодование и подозрения по отношению к изгнанным иезуитам: они категорически отказались восстановить этот орден в его владениях; и только после середины века иезуиты снова получили допуск в государства республики. Таким образом, с явным триумфом Венеции закончилась борьба, к счастью, бескровная, которая была не менее примечательна твердостью республики, чем важна своими общими последствиями в подавлении притязаний папской тирании. Ибо ее исход, без сомнения, можно считать освободившим все римско-католические государства от будущего страха отлучения от церкви и интердикта — и, следовательно, от опасности духовных рычагов, бессильных сами по себе и грозных только тогда, когда им не оказывают сопротивления.

С тем же неуступчивым духом, который характеризовал их сопротивление папской и церковной узурпации, венецианский сенат решил не терпеть никаких посягательств на тиранические притязания своей собственной республики на деспотическое господство над Адриатикой. Еще до конфликта с Павлом V их государство уже испытывало серьезные неудобства из-за пиратства ускоков. Эта община, первоначально состоявшая из христианских жителей Далмации и Хорватии, в XVI веке была изгнана из своих провинций постоянными турецкими вторжениями в крепость Клисса, откуда они успешно мстили своим неверным врагам, совершая набеги на османские территории. В конце концов, побежденные турками и изгнанные из своей крепости, эти ускочи, или беженцы, как означает их название на далматинском языке, были собраны Фердинандом, эрцгерцогом Австрии (впоследствии императором), и поселены в приморском городе Сегна для защиты этого поста от турок. На своем новом месте, которое с суши было защищено горами и лесами, а с моря — многочисленными заливами и сложными отмелями, ускочи занялись пиратством и в течение более семидесяти лет их легкие и быстрые барки смело и безнаказанно разоряли Адриатику. Их первые нападения были направлены против неверных, но, раздраженные вмешательством венецианцев (), которые, как повелители Адриатики, были вынуждены жалобами и угрозами Порты наказывать их пиратские предприятия, они начали распространять свои грабежи на торговлю республики.

[1615-1617 гг. н.э.]

Сенат безрезультатно призывал австрийское правительство обуздать своих незаконных подданных; их заявления либо игнорировались, либо не приносили никакого эффекта. Ускочи, бесстрашная и отчаянная банда, набранная из преступников и людей, ведущих развратный образ жизни, становились все более дерзкими благодаря попустительству Австрии, и республика была вынуждена постоянно держать в море небольшой флот для защиты своей торговли от них. Наконец, после более чем полувековых безуспешных переговоров с Австрией и недостаточных попыток наказать пиратов, республика серьезно решила положить конец их досадным враждебным действиям и растущей наглости. Захват

венецианской галеры и массовое убийство ее экипажа в 1615 году, а также вторжение ускоков в Истрию привели к кризису. Австрийское правительство, возглавляемое тогда эрцгерцогом Фердинандом Штирийским, вместо того, чтобы удовлетворить венецианцев за эти бесчинства, потребовало свободного судоходства по Адриатике для своих кораблей, и сенат счел, что единственным способом сохранить свой эффективный суверенитет над заливом является обращение к оружию. Венецианские войска предприняли репрессалии на австрийской территории, и между эрцгерцогом и республикой началась открытая война.

Вскоре, в результате вмешательства Испании, этот конфликт был связан с военными действиями, которые в то время велись между этой монархией и герцогом Савойским в северной Италии за Монферрат. Для защиты от вражды двух ветвей австрийского дома Венеция объединилась с Савойей и предоставила этому государству значительную финансовую помощь. Она даже искала более отдаленных союзников, и между ней и семью объединенными провинциями был подписан договор о союзе, как наступательном, так и оборонительных целях. Несмотря на различия в религиозных верованиях, которые в ту эпоху сами по себе составляли принцип политической вражды, две республики нашли связь, более сильную, чем это отталкивание, в своих общих причинах для противостояния испанской власти. Они обязались оказывать друг другу взаимную помощь деньгами, кораблями или людьми, когда им угрожала атака; и во исполнение этого договора в Адриатику прибыл сильный отряд голландских войск. До высадки этих войск венецианцы уже добились некоторых успехов в австрийских провинциях на побережье этого моря, и появление голландцев, а также его планы в Германии побудили эрцгерцога начать переговоры о всеобщем мире в Северной Италии.

Лев, поддерживающий колонну амвона, собор Святого Марка

Тот же договор положил конец войнам австрийского дома за Монферрат и Ускочи. Фердинанд Австрийский дал гарантии рассеяния пиратов, которых он защищал, и таким образом Венецианская республика была наконец избавлена от досадных и незаконных грабежей этих разбойников, которые так долго мешали ее торговле и преследовали ее подданных (1617). Не похоже, что сила этой необычной расы пиратов, которая таким образом вошла в историю, когда-либо превышала тысячу человек, но их необычайная смелость и жестокость, их неустанная предприимчивость и активность, их недоступное положение и попустительство Австрии сделали их грозными врагами. Их грабежи и постоянные расходы на небольшие вооружения для борьбы с ними, по оценкам, обошлись венецианцам за тридцать лет в более чем 20 000 000 золотых дукатов; и война против них решала не менее важный вопрос, чем безопасность господства республики над Адриатикой.

Хотя Испания и Венеция не находились в состоянии открытой войны, тираническое господство испанского двора над делами Италии заставляло венецианцев относиться к этой державе с особым опасением и враждебностью, а дух, проявленный сенатом в недавней борьбе, наполнил испанское правительство непримиримой ненавистью к республике. Своими союзами и всей своей политикой Венеция выступила против дома Австрии и продемонстрировала свое намерение ограничить тревожную и всепроникающую власть обеих его ветвей на полуострове. Высокомерные министры Филиппа III тайно лелеяли планы мести государству, которое осмелилось проявить систематическую враждебность по отношению к испанскому господству; и их обвиняют в том, что даже в условиях кажущегося мира они рассматривали республику как врага, которого им надлежало уничтожить. В эпоху завершения войны, связанной с Монферратом и Ускочи, герцог Осуна был вице-королем Неаполя, Дон Педро де Толедо — губернатором Милана, а маркиз Бедмар — послом Мадрида в Венеции. Враждебность этих трех министров по отношению к республике, два из которых управляли итальянскими владениями Испании с почти королевской независимостью, обычно приписывают формированию, с молчаливого согласия двора Мадрида, одного из самых жестоких и тщательно подготовленных заговоров в истории. Истинный характер этой загадочной сделки навсегда останется одной из нерешенных загадок истории, поскольку даже те обстоятельства, которые Совет Десяти частично допустил к огласке, были объяснены настолько неполно и вызывали столько подозрений из-за привычной нечестности их политики, что породили тысячи различных и противоречивых версий одних и тех же событий. Из них мы постараемся собрать только те, которые практически не вызывают сомнений.

У венецианцев не было оснований надеяться, что раздражение испанского правительства по поводу их участия в недавней войне в Италии угаснет с окончанием военных действий; и миру казалось, что враждебность мадридского двора по отношению к республике привела к тому, что герцог Осуна, вице-король Неаполя, продолжал свои военные приготовления в этом королевстве с неослабевающей активностью, несмотря на подписание мира. Вице-король, конечно, утверждал, что его военно-морские приготовления были направлены против неверных; и когда мадридский двор отозвал королевский испанский флот с побережья Италии, герцог Осуна отправил неаполитанскую эскадру в море под флагом с гербом своей семьи. Но было трудно предположить, что вице-король осмелился поднять свой личный флаг без санкции своего суверена и что ему будет позволено вести частную войну против Османской империи, или что для этой цели ему понадобятся карты венецианских лагун и плоскодонные суда, приспособленные для плавания по ним, которые он усердно собирал. Соответственно, республика проявила серьезную тревогу и усердно готовилась к обороне.

Дела были в таком состоянии, когда однажды утром на площади Святого Марка были найдены несколько незнакомцев, повешенных на виселицах. Общественное смятение усилилось, когда на следующий рассвет на том же роковом месте были обнаружены еще тела — тоже незнакомцев. В то же время ходили слухи, что многочисленные аресты заполнили подземелья Совета Десяти несколькими сотнями преступников; кроме того, были веские доказательства того, что многие люди были тайно утоплены в каналах Венеции. К этим страшным признакам того, что государство было встревожено какой-то чрезвычайной опасностью, ужас которой усугублялся ее неясностью, вскоре добавились слухи о том, что несколько иностранцев, служивших во флоте, были заколоты, повешены или брошены в море. Город наполнился самыми тревожными слухами: что был раскрыт заговор, готовившийся в течение долгого времени; что его целью было истребить знать,

уничтожить республику, предать всю столицу пламени и грабежу; что инициатором этого ужасного заговора был испанский посол. Венеция была охвачена возмущением и ужасом; однако непроницаемый Совет Десяти () хранил глубочайшее молчание, не подтверждая и не опровергая общее мнение. Жизнь маркиза Бедмара была подвергнута жестоким угрозам со стороны народа: он удалился из Венеции; сенат принял нового посла из Испании без каких-либо признаков недовольства; и, наконец, только через пять месяцев после казней правительство приказало торжественно возблагодарить Всевышнего за спасение государства от опасностей, угрожавших его существованию.

[1618-1619 гг. н.э.]

О масштабах этих опасностей ничего точно не было известно, но среди казненных наиболее заметной фигурой был французский морской капитан Жак Пьер, пользовавшийся высокой репутацией благодаря своим способностям и мужеству в своей профессии, который, прожив жизнь, полную сомнительных или пиратских предприятий, по-видимому, дезертировал из службы вице-короля Неаполя, чтобы перейти на службу республики. Этот человек и его товарищ по приключениям, некий Ланглад, который работал в арсенале над созданием петард и других фейерверков, отсутствовали в Венеции вместе с флотом, когда произошли другие казни, и были внезапно казнены во время этой службы. Два других французских капитана по имени Рено и Буслар, а также многочисленные иностранцы, в основном той же национальности, которые недавно были приняты на службу в республику, были тайно подвергнуты пыткам и казнены различными способами в столице; и в общей сложности 260 офицеров и других военных авантюристов, как утверждает, погибли от рук палача за их предполагаемое участие в заговоре. Месть или шокирующая политика Совета Десяти пошла еще дальше; и этот орган был настолько осторожен, чтобы похоронить все следы этого необъяснимого дела в глубочайшем забвении, что Антуан Жафье, также французский капитан, и другие осведомители, которые раскрыли существование заговора, хотя сначала и были вознаграждены, впоследствии все либо погибли насильственной смертью, либо таинственно исчезли. Из трех испанских министров, которым обычно приписывают зарождение заговора, двух главных постигла противоположная судьба. Маркиз де Бедмар после окончания своего посольства добился значительного политического продвижения и в конце концов получил кардинальскую шапку благодаря интересам своего двора при Святом Престоле. Но герцог Осуна, после отстранения от поста вице-короля, был опозорен по подозрению в намерении отказаться от верности и возложить корону Неаполя на свою голову; он умер в тюрьме.

Независимо от того, была ли безопасность Венеции действительно поставлена под угрозу интригами Испании, сенат внимательно и с подозрением следил за действиями этой державы, и на протяжении многих лет политика республики постоянно направлялась на противодействие планам дома Австрии. В 1619 году венецианцы с ной тревогой заметили, что двор в Мадриде под предлогом защиты католиков Вальтеллины от их правителей, протестантов конфедерации Гризон, стремился завладеть этой долиной, которая, соединяя миланские государства с Тиродем, укрепила бы владения испанской и немецкой династий австрийского рода. Создание этой удобной коммуникации было особенно опасно для венецианцев, поскольку она окружила бы их государства от Лизонцо до По непрерывной цепью враждебных постов и перекрыла бы все прямые связи с Савойей и территориями Франции. Поэтому сенат с энтузиазмом вел переговоры о союзе между этими двумя последними державами и их республикой, за чем в 1623 году последовала война Гризонов против дома Австрии. Это противостояние принесло венецианцам мало удовлетворительных результатов и не закончилось до тех пор, пока Гризоны, хотя и восстановили свою суверенитет над Вальтеллиной, не примкнули к стороне Испании.

[1619-1645 гг. н. э.]

Гризонская война еще не закончилась, когда Венеция, благодаря своему систематическому противостоянию испанской власти, была втянута в более важный конфликт — войну за мантуанское наследство, в которой она, естественно, поддержала дело Гонзага-Неверского. В этой борьбе республика, которая отправила армию из двадцати тысяч человек на поле боя на своих ломбардских границах, испытала только позор; и сенат был более чем счастлив, когда в результате мира в Чераско в 1631 году их государства оказались в точно таком же положении, как и до войны, а принц, которого они поддерживали, остался на троне Мантуи. Это умиротворение примирило республику с домом Австрии и положило конец ее участию в итальянских войнах XVII века. Ее усилия по освобождению полуострова от испанской власти едва ли можно назвать успешными; и ее враждебность, пожалуй, не ускорила быстрый упадок этой монархии, который уже начался. Но она проявила замечательную энергию в своей политике и, по крайней мере, триумфально добилась восстановления своей собственной независимости. Ее притязания на суверенитет над Адриатикой были настолько полными, что когда в 1630 году, незадолго до окончания Мантуанской войны, принцесса испанской династии пожелала переправиться по морю из Неаполя в Триест, чтобы выйти замуж за сына императора, сенатор отказался разрешить испанской эскадре сопровождать ее, считая это нарушением своего права исключать из этих вод любое иностранное вооружение; но они галантно предложили ей услуги своего собственного флота. Испанское правительство сначала отклонило это предложение, но венецианцы, по словам Джанноне, смело заявили, что, если испанцы решили предпочесть испытание силы их дружескому предложению, инфанта должна будет пробиться к своей свадьбе через огонь и дым. Высокомерный двор Мадрида был вынужден уступить, и венецианский адмирал Антонио Пизани предоставил принцессе конвой в великолепном сопровождении до Триеста с эскадрой легких галер.

Венецианские войны с турками

[1645-1657 гг.]

На протяжении остальной части XVII века дела Венеции имели мало общего с делами старых итальянских государств, и, проследивая анналы республики, наше внимание полностью отвлекается на восточный театр ее борьбы с Османской империей. Это была внезапная и сокрушительная агрессия, которая впервые нарушила длительный период мира между турецким и венецианским правительствами. Под предлогом мести () рыцарям Мальты за захват нескольких турецких судов Порты организовала огромную экспедицию; 348 галер и других военных кораблей с огромным количеством транспортных судов, на борту которых находилось пятьдесят тысяч солдат, вышли из Дарданелл с явным намерением атаковать крепость ордена Святого Иоанна (1645). Но вместо того, чтобы взять курс на Мальту, флот султана направился к берегам Кандии; и неожиданно, без каких-либо провокаций, турецкая армия высадилась на этом острове. Венецианцы, хотя сенат и испытывал некоторое беспокойство по поводу реального назначения османской экспедиции, были мало подготовлены к сопротивлению; но они защищались от этого вероломного сюрприза с замечательной храбростью и даже отчаянием. В течение долгой двадцатипятилетней войны, самой разрушительной из всех, которые они когда-либо вели против неверных, венецианский сенат и все классы их подданных проявили ревностную энергию и мужество, достойные лучших дней их республики. Но ресурсы Венеции уже не были такими, какими они были в ранние века ее процветания; и хотя империя султанов утратила прежнюю мощь, борьба между фанатичными и воинственными мириадами

Турции и ограниченными силами морского государства по-прежнему была слишком неравной. Венецианцы, возможно, не могли с честью выйти из этого неравного конфликта, но благоразумный сенат мог легко предвидеть его катастрофический исход.

Первой важной операцией турецкой армии в Кандии была осада Канеи, одного из главных городов острова. До конца первой кампании нападавшие вошли в этот город по капитуляции, но оборона была настолько доблестной, что, хотя гарнизон состоял всего из двух-трех тысяч местных ополченцев, двадцать тысяч турок, как говорят, пали у стен города. Тем временем в Венеции все ордена соперничали друг с другом в преданности и денежных жертвах, чтобы сохранить самую ценную колонию государства; и несмотря на апатию Испании, беспорядки во Франции и империи, а также другие причины, которые лишили республику эффективной поддержки христианского мира против общего врага, сенат смог усилить гарнизоны Кандии и противопоставить неверным мощный флот. Военно-морские силы республики по-прежнему значительно уступали по численности силам мусульман, но это неравенство компенсировалось преимуществами в виде мастерства и дисциплинированного мужества; на протяжении всей войны наступательные операции венецианцев на волнах ярко демонстрировали их превосходство в морском деле и ведении боевых действий. В течение многих лет венецианские эскадры занимали и триумфально удерживали свои позиции в период активных операций в устье Дарданелл и блокировали пролив и порт Константинополя. Мусульмане постоянно с яростным упорством пытались избавиться от позора своего заключения силами, уступающими по численности, но почти всегда терпели поражение. Морские трофеи Венеции пополнились многими блестящими победами, но особенно пятью: в 1649 году у Смирны, в 1651 году у Пароса, в 1655 году в проливе Дарданеллы и в следующие два года в том же месте. В этих сражениях подвиги патрицианских семей Морозини, Гримани, Мочениго повторили славные деяния их прославленных предков; и их успехи принесли республике временное владение некоторыми портами в Далмации и несколькими островами в архипелаге.

Но, несмотря на преданность и мужество венецианцев на своей стихии и их отчаянное сопротивление в крепостях Кандии, война на этом острове истощала жизненные силы республики, не давая ни одной разумной надежды на окончательный успех. Бдительность венецианских эскадр « » не могла помешать туркам снабжать свою армию в Кандии беспорядочными и постоянными подкреплениями из янычар и других войск с соседнего побережья Мореи; и всякий раз, когда штормы, изнеможение или подавляющая сила османских вооруженных сил заставляли республиканский флот уходить в порт, численность армии захватчиков увеличивалась на тысячи новых солдат. Неиссякаемый поток османского населения непрерывно направлялся к месту сражения: Порты была довольна приобретением Кандии ценой жертвоприношения сотен тысяч человеческих жизней. Чтобы собрать новые ресурсы, венецианский сенат был вынужден прибегнуть к унижительной мере — выставить на публичную продажу право вступления в их орган и высшие государственные должности: чтобы получить средства для продолжения помощи Кандии, они умоляли о помощи все европейские державы. По мере того как борьба становилась все более отчаянной, их просьбы встречали всеобщее внимание, и почти каждое христианское государство предоставило им небольшое подкрепление. Но эти подкрепления никогда не были одновременными или многочисленными, и хотя они остановили продвижение неверных, они лишь затянули катастрофическую борьбу.

[1648-1669 гг. н. э.]

В 1648 году турецкая армия проникла к стенам Кандии, столицы острова, и в течение двадцати лет держала этот город в постоянной осаде. Но только в 1666 году натиск

неверных достиг своего апогея, когда высадились подкрепления, увеличив численность армии до семидесяти тысяч человек, и прибыл Ахмет Кюпергли, знаменитый османский визирь, чтобы лично возглавить эту непобедимую силу. Этому способному полководцу противостоял лидер, ни в чем не уступавший ему, Франческо Морозини, генерал-капитан венецианцев; и с тех пор оборона Кандии была отмечена чудесами отчаянной доблести, превосходящими всякое воображение. Но в наши дни мы удивляемся, обнаруживая, что турки, в плане своих подходов и использования огромных осадных орудий, продемонстрировали гораздо более высокое мастерство, чем христиане. Подробности осады Кандии относятся к истории военного искусства, но обычный читатель может лучше всего представить себе упорство обороны из того факта, что за шесть месяцев воюющие стороны совершили тридцать два генеральных штурма и семнадцать яростных вылазок, что было взорвано более шестисот мин и что четыре тысячи христиан и двадцать тысяч мусульман погибли в рвах и окопах этого места.

Самым многочисленным и последним подкреплением, полученным венецианцами, было шесть тысяч французских солдат, отправленных Людовиком XIV под командованием герцогов Бофор и Навай. Характерная для их нации опрометчивость побудила этих полководцев, вопреки совету Морозини, рискнуть неосторожным выходом из крепости, в результате чего они потерпели полное поражение, а первый из этих дворян был убит. После этой катастрофы никакие мольбы Морозини не смогли удержать герцога Навайя от отказа от обороны города, который он принял с такой же поспешностью, с какой и спровоцировал бедствие. Французы вновь сели на корабли; другие союзники последовали их примеру; и Морозини остался с горсткой венецианцев среди массы почерневших и непригодных для обороны руин. Оставленный в таком положении после славного, но безнадёжного сопротивления, увековечившего его имя, Франческо Морозини взял на себя ответственность заключить мирный договор с визирем, который венецианский сенат, несмотря на свою ревность к таким несанкционированным действиям своих офицеров, с радостью подтвердил. Весь остров Кандия, за исключением двух или трех портов, был сдан туркам; республика сохранила свои другие владения в Леванте; и война таким образом закончилась событием осады, в ходе которой, по официальным данным, погибло невероятное количество людей: 120 000 турок и 30 000 христиан (1669 г.).

[1669-1687 гг. н.э.]

Несмотря на неудачный исход этой войны, Венецианская республика не вышла без чести из неравной борьбы, которая ознаменовалась десятью морскими победами и одной из самых упорных и блестящих оборон, зафиксированных в истории. Поэтому, хотя огромные затраты крови и сокровищ полностью истощили ресурсы республики, ее мужество не было сломлено, а ее гордость даже усилилась в результате событий этой борьбы. Успехи неверных вызывали не столько ужас, сколько возмущенное нетерпение и жажду мести, и сенат в тайне выжидал первого благоприятного случая для возмездия мусульманам. После того как венецианская мощь была восстановлена пятнадцатью годами непрерывного покоя и процветающего труда, такой случай для мести нашёлся в войне, которую Порта объявила империи в 1682 году. Между императором, королем Польши, царем Московии и венецианцами был подписан договор о наступательном союзе. Главным условием этого союза было то, что каждой стороне гарантировалось владение будущими завоеваниями у неверных; и республика немедленно оснастила флот из двадцати четырех линейных кораблей и около пятидесяти галер.

В Венеции нашёлся только один человек, достойный главного командования, — Франческо Морозини, который так доблестно защищал Кандию и которого сенат и народ

вознаградили самой вопиющей неблагодарностью. Странное и необоснованное обвинение в трусости было слишком явно опровергнуто всеми событиями его общественной жизни, чтобы на нем настаивать даже из зависти, вызванной его выдающейся репутацией, и из злобы, которая обычно сопутствует общественной деятельности, когда она не увенчалась успехом. Но второе и неспровоцированное обвинение в злоупотреблении должностным положением привело к тюремному заключению. Тем не менее, по-прежнему посвящая себя делу своей страны и забывая о личных обидах, Морозини посрамил своих врагов благородной местью и, вновь возглавив венецианские войска, привел их к блестящей серии побед. Основные силы Османской империи были отвлечены на войну с Австрией, и энергичные усилия республиканских армий встретили слабое или безуспешное сопротивление разрозненных сил мусульман. В ходе первой морской кампании устье Адриатического моря было обеспечено захватом острова Санта-Маура, одного из ключевых пунктов этого моря, а соседний континент Греции был захвачен. Еще через три года Морозини осуществил свой смелый план по отвоеванию всей Мореи у неверных. В ходе операций на этом полуострове граф Кёнигсмарк, шведский офицер, которому было поручено командование венецианскими сухопутными войсками под началом генерал-капитана, нанес турецким войскам два значительных поражения в полевых сражениях. Модон, Аргос и Наполи-ди-Румания, столица Мореи, были успешно взяты после регулярных осад.^c

1687 год был не столь благоприятным для венецианцев, тем не менее Морозини стал хозяином Лепанто и Коринфа. Завоевание Мореи было почти завершено. В это время сенат проголосовал за установку великому полководцу бронзового бюста с надписью: «*Francisco Maurocenico Peloponnesiaco adhuc viventi Senatus*». Эта честь удвоила рвение Морозини. После завоевания Спарты он обратил внимание на Аттику и, осадив Афины, легко взял их. Именно во время этого штурма Афин снаряд попал в Парфенон, который турки превратили в пороховой погреб, и превратил это знаменитое здание в руины. Морозини, который к военному мастерству и любви к родине добавлял восхищение великим и прекрасным, сделал все возможное, чтобы спасти то, что можно было спасти из этой почитаемой реликвии, и воскликнул: «О Афины, защитница искусства, до чего ты дошла!» Так древняя Греция отомстила древнему варварству. Но разные правители оставили слишком глубокие следы на этой священной земле, чтобы уже ослабленная Венецианская республика могла вернуть ее к жизни; там царила тишина прошлого, которое никогда не могло быть возобновлено.

[1687-1695 гг. н.э.]

В 1688 году венецианский флот, покинув залив Эгина, начал операцию против острова Негропонт (Эвбея), но не смог его захватить не только из-за сопротивления турок, но и потому, что болезни начали decimate ряды, и группа немцев, сражавшихся за республику, была отозвана. Однако венецианцы продолжали одерживать победы в Далмации, в то время как турки часто терпели поражения в Венгрии, в результате чего последние начали выдвигать предложения о мире. Однако требования союзников были настолько непомерными, что переговоры провалились, и турки решили продолжать войну, используя все свои силы, на что повлияла нестабильная обстановка в Европе. Морозини не был обескуражен этой новой смелостью со стороны турок; он был теперь возведен в высшую должность дожа и хотел каким-то новым великим поступком доказать, что республика поступила мудро, полностью доверившись ему. Он имел в виду план еще раз попытаться завоевать Негропонт, но поскольку войска там уже находились под командованием других военачальников, он решил взять Монеувасию, что сделало бы завоевание Мореи полностью завершенным. Но осада едва началась, как Морозини заболел и был вынужден передать

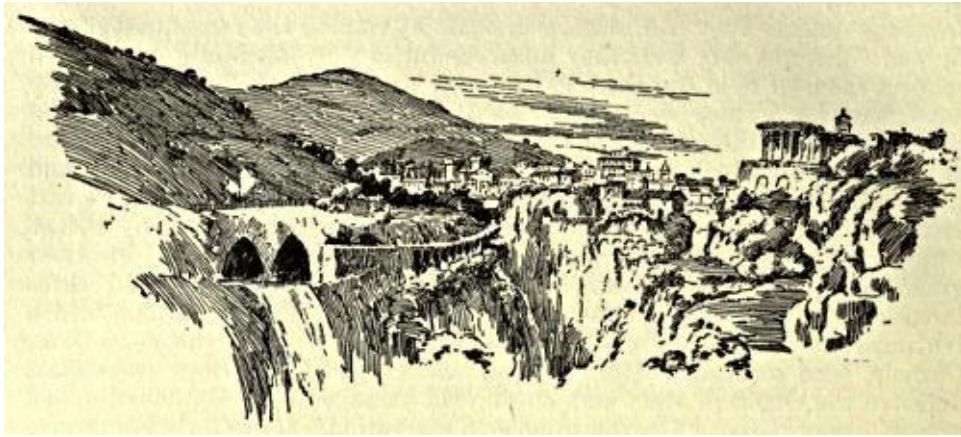
командование Джироламо Корнаро и вернуться в Венецию. Порта выдвинула новые предложения о мире, но они были отклонены.

Император хотел использовать все свои силы против французов; он не был против предложений о заключении соглашения. Зная об этом, венецианцы понимали, насколько в их интересах тщательно проводить начатое предприятие, чтобы в случае заключения мира оно было для них выгодным. Поэтому Корнаро с большим рвением атаковал Монебвасию, пока наконец не овладел ею, после чего он атаковал османский флот и разгромил его у Митилини. После взятия Валлоны, которая была разобрана, болезнь положила конец почетной жизни Корнаро. Доменико Мочениго, сменивший его на посту командующего, сильно отличался от своего предшественника. Его попытка завоевать Кандию провалилась из-за его трусости; он был наказан сенатом, который лишил его командования и попросил Морозини вновь встать во главе армии. Морозини, несмотря на свой преклонный возраст, 24 мая 1693 года сразу же выступил из Монеббасии. Однако на этот раз он не совершил ничего примечательного, кроме захвата нескольких островов, в том числе Саламина, отчасти потому, что сезон был неблагоприятным, а турки были хорошо укреплены на греческой территории, которая еще оставалась в их владении. Он умер вскоре после этого (9 января 1694 года), и его сменил на посту Антонио Зено.

Новый командующий, пока войска одерживали новые победы в Далмации, захватил Сцио, но впоследствии упустил благоприятную возможность разгромить турецкий флот и даже не потрудился удержать завоеванный им Сцио. Его вызвали для дачи объяснений по поводу его поведения и бросили в тюрьму, где он умер до вынесения приговора. Его преемник, Алессандро Молин, был более удачлив. Казалось, что звезда Венеции вновь заходит, и силы врага снова становятся угрожающими. Турки, оправившись от поражений, которые они потерпели (), вновь попытались отвоевать Морею. Но не только им это не удалось, но Молин решил встретить их у Сцио и одержал там над ними знаменательную победу. Не менее благоприятными для Венеции были 1696, 1697 и 1698 годы, в последнем из которых, 20 сентября, чрезвычайный поставщик Джиролан Дольфин одержал еще одну морскую победу, которая обеспечила республике господство на море и гарантировала власть над архипелагом. Но уже 11 сентября принц Евгений Савойский одержал еще одну великую победу в Зенте, в пределах военных границ; и поскольку турки потеряли своего великого визиря, семнадцать паш, тридцать тысяч солдат и три тысячи пленных, султан был убежден, что единственное, что ему оставалось сделать, — это снова просить о мире, тем более что Корнале, сменивший Молина на посту командующего, в различных сражениях нанес поражение османской армии и, перекрыв проход через Дарданеллы, несколько раз подвергал Константинополь голоду. На этот раз христианские державы не остались глухи к просьбе султана. Они осознали необходимость заключить мир с Востоком, поскольку надежды и опасения, вызванные войной за испанское наследство, привели к разногласиям всех видов между тремя кабинетами.

Благодаря посредничеству Англии и Голландии — после преодоления многих трудностей, выдвинутых в основном венецианцами, которые опасались, что в мире они могут потерять то, что завоевали в войне, или что империя, являющаяся их соперником, не будет должным образом учитывать их интересы — 13 ноября 1693 года имперские полномочные представители вместе с представителями Польши, России, Венеции и Турции собрались на конгресс в Карловице, городе на Дунае к югу от Петервардеина.^{[d](#)}

По Карловскому договору, который республика совместно с империей заключила с Османской Портой, Венеция сохранила все свои завоевания в Морее (включая Коринф и его перешеек), острова Альгина и Санта-Маура, а также некоторые далматинские крепости, которые она захватила; и она вернула Афины и остальные свои приобретения на греческом континенте (1699).^{[c](#)}

ГЛАВА XVII. ИТАЛИЯ В XVIII ВЕКЕ

[1701-1800 гг. н.э.]

Состояние Италии, когда она вышла из смертельных рук династии Карла V, произвело живое впечатление на ее новых правителей. Оно показало, что может принести несчастье стране иностранное правление — правление, которое думало только о том, как собрать плоды завоевания, не пытаясь даже обеспечить себе завтрашний день.

На протяжении полутора веков правители Милана и Неаполя, а вслед за ними и независимые правители, эгоисты или угнетатели, за редким исключением, позволяли древним злам существовать или заменяли их новыми. Они стремились только использовать в своих интересах привилегии, старые средневековые институты, вместо того чтобы реформировать или улучшить их. В частности, дворяне и духовенство сохранили свои старые права на охоту, рыболовство, мельницы, печи, даже на правосудие, и были реальными инструментами господства. Отсюда возникла самая странная ситуация.

Законодательство, древние и противоречивые обычаи, которые на юге восходили к норманам, Гогенштауфенам и Анжуйцам, а на севере — к Болонье, Флоренции, Пизе, Сиене, сохранились в институтах утраченных республик и образовали неразрешимый хаос, в котором арбитр пожинал богатые плоды. Привилегии и юрисдикции, как феодальные, так и церковные, запутывали и извращали системы судебного и политического управления; налогообложение варьировалось в каждой стране и для каждого человека; власть давала о себе знать угнетающе, но повсеместно. Общие сборщики налогов, которым были переданы финансы, и продажные чиновники, представлявшие власть, еще больше усугубляли беспорядок. Наконец, власть Святого Престола, принимавшая более активное участие в политических институтах Италии, чем где-либо еще, стала последней обузой.

В сельской местности права первородства, залога, попечительства и свободного выпаса скота обрекали землю на бесплодие. В городах старые корпорации, уставы и недавние монополии убивали всю торговлю и промышленность. В этой самой плодородной стране Европы почти не было природных продуктов, а тем более промышленных товаров в городах, которые раньше заполняли рынки Европы своими экспортными товарами (), а плохое состояние дорог, перегруженных пошлинами, не позволяло осуществлять транзит через полуостров, который был так прекрасно расположен и в средние века служил связующим звеном между Европой и Левантом. Кроме того, заброшенное состояние Апулии напоминало времена упадка Римской империи. В Неаполитанском королевстве королевские пастбища простирались на пятьдесят миль в длину и пятнадцать миль в ширину. В Тоскане и папских государствах Маремма доходила до побережья Средиземного моря. Большая часть городов в центральной и южной Италии была обезлюдена, их дворцы заброшены, дома превратились в руины и никогда не ремонтировались. Даже литература и искусство, которые до этого времени сохранялись, теперь разделили общую судьбу.⁴

[1701-1725 гг. н.э.]

В политическом отношении XVIII век, как и XVI, начался в Италии с пятидесяти лет войн, но страдания страны, хотя и были часто тяжелыми, всегда были гораздо легче тех, которые преобладали во время великой борьбы между Францией и домом Карла V.

Последовательно разразились четыре европейские войны, в которые итальянцы были втянуты своими иностранными господами.— Первой из них была война за испанское наследство, второй — война Четырехстороннего союза, третьей — война за польское наследство, четвертой — война за австрийское наследство. Краткий обзор влияния этих войн на Италию будет основной темой настоящей главы. Но прежде чем перейти к обзору этих политических событий, было бы интересно взглянуть на внутреннее положение дел в самом интересном из итальянских государств, Тоскане, и стать свидетелем ухода из жизни знаменитой семьи Медичи, которая теперь, после трех веков господства, вымирает. Космо III, занявший герцогский трон в конце века, продолжал править до 1723 года.

Хотя ни общественные, ни частные условия не были очень удовлетворительными при его правлении, блеск двора не давал повода думать, что времена были плохие. Никогда еще не было такого роскошного времени, и никогда еще столько богатых подарков не отправлялось в другие страны. Космо испытывал ненормальную тягу к известности. Он хотел прославиться как самый великолепный из правителей, в то время как его все возрастающая склонность к благочестию приводила к самым необычным контрастам между его частной жизнью и жизнью при дворе — контрастам, которые усугублялись привычками и окружением его сыновей, а в течение некоторого времени и его собственного брата. Последний, Франческо Мария, будучи кардиналом, не знал меры в своих расходах, и ученые французские бенедиктинцы, которые видели его в Риме в 1687 году, сообщают, что великий герцог был вынужден из-за его расточительности отозвать его в Сиену, а затем описывают, как одни только угощения обходились ему ежедневно в двадцать пять *луидоров*. Помимо монахов всех орденов, которые всегда находились во дворце (принц основал недалеко от Амброджианы монастырь [Алькантарских](#) монахов [\[21\]](#), который содержался за его счет), при дворе появлялись представители всех наций. Послы прилагали все усилия, чтобы удовлетворить желания Космо: царь Петр послал ему четырех калмыков, а от датского короля Фредерика IV он получил гренландцев. Резиденции были наполнены сокровищами и всевозможными раритетами, а княжеские виноградники и сады были самыми изысканными. В конце зимы 1719 года король Дании Фредерик IV провел почти шесть недель во Флоренции, которую он уже посещал в 1692 году в качестве наследного принца под инкогнито графа Шаумбурга. О больших трудностях, которые доставила церемония, несмотря на инкогнито в этом случае, рассказывает сопровождавший принца Ханс Генрих фон Алефельд в своем отчете о путешествии. Надпись на арке Порты Сан-Галло увековечивает визит скандинавского монарха, чей предшественник, Кристиан I, прошел через эту же арку 235 лет назад. Космо отпраздновал визит своего высокого гостя, несмотря на Великий пост, балами и музыкой. Большой гравюра, изображающая вечернее шествие принцессы Виоланте Беатриче во время осады Сиены 12 апреля 1717 года, дает некоторое представление о блеске и торжественности церемонии, а также о костюмах и униформах, которые обычно использовались при официальных случаях: принцесса проехала по ярко украшенному городу в своей парадной карете, почти полностью сделанной из хрусталя и запряженной шестью лошадьми, в окружении пажей и алебардистов с факелами, а за ней следовали великолепные кареты знати до площади Пьяцца дель Кампо, каждая башня и крыша которой были ярко освещены и которая была переполнена бурлящей толпой. Однако лишения и потери последующих лет настолько угнетали Космо, что он не мог думать ни о чем, кроме своих религиозных обрядов, а выдающаяся молодежь Флоренции уезжала в чужие страны, чтобы найти компенсацию за ограничения, наложенные на них дома. Когда в 1720 году курфюрстина Пфальца, которая отнюдь не была любительницей удовольствий, посчитала своим долгом сломать этот суровый режим, поощряя карнавалы и празднества, весь народ недвусмысленно показал, насколько ненавистной была для него эта угрюмая жизнь.^b

Космо III скончался в преклонном возрасте 31 октября 1723 года, оставив своим преемником сына Джован Гастоне. В это время страна была погрязла в долгах, промышленность пришла в упадок, процветание было разрушено. Новый эрцгерцог изгнал монахов и льстивых священников, окружавших его отца, отменил несколько назначенных пенсий, обратился к католичеству еретиков, турок и евреев — одним словом, облегчил многие бремена, угнетавшие страну, но не проявил энергии, необходимой для устранения самых страшных бедствий, от которых она страдала. Он держал на расстоянии свою немецкую жену, которая недавно с энтузиазмом приступила к исполнению своих обязанностей правящей эрцгерцогини во Флоренции. В вопросах внешней политики он следовал по стопам своего отца. Не питая особой надежды отменить решения Четверного союза, он позаботился закрепить за домом Медичи аллодиальные владения и указать, какие части можно считать территориальными, а какие должны быть уступлены курфюрстине Пфальца в качестве компенсации за будущую передачу феодального владения другой семье из женской линии Медичи.

В 1725 году в делах Тосканы произошел новый поворот, хотя все еще преобладало мнение, что инфант Карл вскоре прибудет из Испании с вооруженными силами с намерением утвердиться в Тоскане так, чтобы ни переговоры в Камбре, ни притязания императора не могли поколебать его положение и положение его преемников. Вместо этого решения мадридский двор тайно отправил в Вену барона де Рипперду, способного бельгийца, недавно перешедшего в католическую церковь. Этот посол сумел заключить отдельный договор между императором и Филиппом V, согласно которому Тоскана и Парма должны были оставаться владениями инфанта Карла и его преемников без размещения там иностранных гарнизонов, в точном соответствии с положениями Четверного союза. Хотя это соглашение (которое положило конец Конгрессу в Камбре) развеяло опасения эрцгерцога по поводу вторжения испанцев в его владения до его смерти и сделало возможным беспрепятственное продолжение его разгульного образа жизни, между дворами венского и мадридского дворов возникло новое недоверие, которое привело к возобновлению напряженности в делах итальянских государств.⁴

[1725-1743 гг. н. э.]

Джован Гастоне любил веселье и в первые годы своего правления принимал участие в светских мероприятиях, устраиваемых самыми уважаемыми семьями столицы. Флоренция, казалось, внезапно преобразилась. Новый правитель положил конец любопытной цензуре нравов, которой его предшественник мучил своих подданных всех сословий. После того как он ввел правила, которые считал крайне необходимыми, он отказался слушать что-либо о делах администрации и запретил любые доклады о жизни и поступках своих подданных. Двери его дворца были закрыты для всех монахов и священнослужителей, а также для новообращенных и неофитов, которых Космо любил собирать вокруг себя. Однако дворец ничего не выиграл от смены компании, которой предался Джован Гастоне, особенно в последние печальные годы своего правления. Когда его отец прекратил выплачивать пенсии своим протеже из духовенства, незаслуженные вознаграждения, выплачиваемые развращенным клиентам Джулиано Дами, *руспанти* (как их называли из-за еженедельных пособий в виде золотых монет, известных как *руспо*), стали еще хуже. Развращенность нравов, от которой страдала вся Италия, никогда не была хуже. А равнодушие Джован Гастоне усиливалось с ухудшением его здоровья. «Нынешний двор, — пишет Иоганн Георг Кейслер в январе 1730 года, — очень тихий и унылый. Сестра великого герцога стала *набожной* и чаще бывает в монастырях и церквях, чем при дворе. Великая герцогиня, вдова старшего брата, имеет, правда, живой характер и особенно любезна с иностранцами, но, возможно, она боится, что в глазах своей невестки будет выглядеть любительницей суеты.

Сам великий герцог не выходил из своей комнаты с июля прошлого года. Ни один путешественник или иностранный министр не допускается к аудиенции с ним, и он проводит большую часть времени в постели, отчасти из-за неудобств, связанных с астмой и водянкой, от которых он страдает (), а отчасти из-за крепких напитков и спиртных напитков, которые он употребляет».

Присутствие инфанта дона Карла в последний раз оживило этот мрачный двор. Принц охотился на зайцев и дичь в садах Боболи и ездил по коридору между дворцом и Уффици в маленькой карете, запряженной оленем. Как только он уехал, все вернулось к прежней мрачности. Джован Гастоне больше не вставал с дивана. Только однажды, незадолго до последнего кризиса, когда он почувствовал себя немного лучше, его отнесли в кресле к окну на первом этаже, а на площади толпилась бурлящая толпа. Он раздавал деньги горстями и покупал множество вещей, которые ему предлагали, таких как книги, картины, ткани и тысячу и одну странную вещь, выставленную на продажу на этой любопытной ярмарке. Так последний из Медичи простился с флорентийским народом.^b

Гастоне не знал границ в расточительстве и расходовании богатств; и когда он умер (1737), его правление нанесло много глубоких ран процветанию Тосканы. Смерть его сестры несколько лет спустя завершила исчезновение династии Медичи. Дальняя боковая ветвь того же рода, происходящая от одного из предков великого Космо, сохранилась до наших дней, но ни один из ее членов никогда не претендовал на наследство герцогского дома. Франциск Лотаринский, супруг Марии Терезии Австрийской, которому это наследство было передано по Венскому миру, естественно, редко бывал в Тоскане, и его возвышение на императорский престол, казалось, обрекало великое герцогство на долгое управление иностранными наместниками. Однако выбранные Франциском правители были способными и добродетельными людьми, которые стремились улучшить положение народа; и после смерти императора Франциска (1765) его завещание, в соответствии с духом Ахенского мира, дало Тоскане собственного правителя. Им стал его второй сын, Петр Леопольд, которому он завещал великое герцогство, а его старший сын, Иосиф II, унаследовал императорскую корону. Леопольду было всего восемнадцать лет, когда он начал свое правление, которое вызвало восхищение редким зрелищем патриота и философа на троне.^c Позже у нас будет возможность более подробно остановиться на жизни этого замечательного принца. Теперь мы должны обратиться к развитию итальянской истории в целом с начала века. В первую очередь нас интересуют войны, которые разразились после исчезновения династии Габсбургов в Испании.^a

ИТАЛИЯ В ВОЙНЕ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

[1700-1765 гг.]

Карл II Испанский умер безсынным в 1700 году, и несколько монархов, среди которых был Виктор Амадей II, заявили свои права на трон и заключили союзы, чтобы получить его или, по крайней мере, разделить между собой огромное наследство. Перед смертью Карл назначил своим преемником Филиппа, герцога Анжуйского, внука Людовика XIV, и, хотя страна была истощена и предвиделась ужасная война, король Франции принял наследство для своего внука со знаменитой фразой: «Пиренеев больше нет». Филипп V был фактически признан в Мадриде, но последовала тринадцатилетняя европейская война.

Герцог Савойский не мог решить, на чью сторону встать, но, волей-неволей, был вынужден примкнуть к Франции и выдать замуж за Филиппа V свою дочь Марию Луизу, которая, несмотря на свою молодость, проявила большую мудрость и, пока ее муж был в походе в Италии, управляла королевством мудро и разумно. Климент XI, возведенный в том

же году на папский престол, не стал на сторону Франции, но вмешался, чтобы предотвратить войну; и, видя, что его попытки не увенчались успехом, попытался — но тщетно () — создать союз итальянских князей, чтобы спасти Италию от того, чтобы она вновь стала ареной европейских войн. Этот папа, искренне и мужественно поддерживавший Италию, заслуживает похвалы. Евгений Савойский, победитель турок, был отправлен из Венгрии в Италию против франко-пьемонтских войск, и ему, должно быть, было больно обратить свое оружие против своего родственника.

В течение двух лет война продолжалась без каких-либо определенных результатов, хотя французы потерпели поражение при Кьяри, а их посредственный генерал Виллеруа был взят в плен в Кремоне; позже при Луццаре в Модене победа была неопределенной. Между тем Евгений, более чем когда-либо возмущенный высокомерием французов, пытался отделить герцога от лиги и без труда убедил его покинуть ее. Людовик XIV отомстил, взяв в плен всех пьемонтцев на своей территории. Герцог арестовал французского посла и обратился к своему народу со словами: «Я предпочитаю честь умереть с оружием в руках позору подвергнуться угнетению». Обновив свои войска, он почти в одиночку противостоял вражескому оружию (Эжен вернулся, чтобы сражаться в Германии); его мужество, казалось, укреплялось в опасности.

Удача не всегда благоволит добрым и храбрым, и Виктор потерял много городов и был вынужден защищать свою столицу. На последнюю было совершено отчаянное нападение, но горожане сохранили свою давнюю репутацию.

[1706-1714 гг. н.э.]

Прежде чем отдать приказ о бомбардировке, Ла Фейлад, командовавший осаждающими, послал герцогу весть с просьбой сообщить, где он расположился, чтобы он мог пощадить его. «На стенах цитадели», — ответил герцог. Оборонительные сооружения были хорошо организованы, и герцог совершил вылазку с несколькими отважными и испытанными последователями. Таким образом, находясь под угрозой в непосредственной близости, слыша отдаленные слухи о бедах, страданиях и всяческих нуждах, бесстрашные жители Турина держались. Ярость артиллерии, установка мин, атаки длились три месяца, но днем и ночью жители города над землей и под землей наблюдали и сражались. Даже из приюта сироты выходили работать в шахтах. Ожидалась помощь, но она не приходила, хотя всегда активный Евгений был уполномочен привести подкрепление. В конце концов два принца встретились и вместе с холма Суперга составили план сражения, а герцог пообещал построить там церковь в знак благодарности, если победа будет за ним.

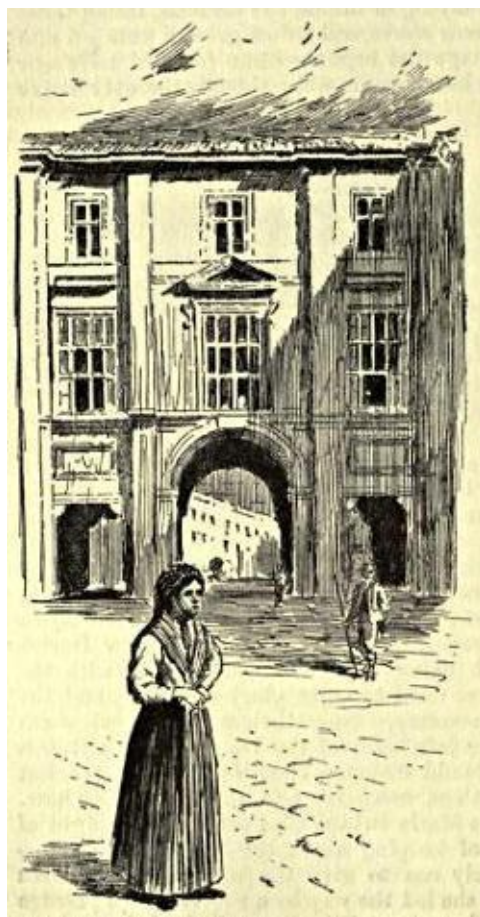
Турин

Турин был в опасности. 29 августа большое количество врагов незаметно достигло потайной двери цитадели; на этом месте была заложена мина, но ее нельзя было взорвать без опасности; в этой угрожающей опасности Пьетро Никко д'Адорно из Бьеллы приказал ротам отступить и, как новый Деций, предложил себя на смерть; после зажигания фитиля он был погребен вместе с французами под руинами. Этот великий подвиг принес славу Турину, и его слава будет жить вечно в стране. Тем не менее французы заняли замок Пьянецца на левом берегу Доры Рипарии; пьемонтцам было необходимо вытеснить их оттуда, но для этого нужно было застать их врасплох, а они не знали, как это сделать. Но старая крестьянка по имени Мария Брикка в ночь на 5 сентября обнаружила, что французы вместо того, чтобы нести караул, развлекались, и сразу же побежала сообщить об этом в итальянский лагерь. Во главе солдат она провела их по подземному ходу в замок и, с топором в руках, крича «*Viva Savoia*», сообщила врагу, что они взяты в плен.

Два дня спустя Виктор и Евгений, объединив свои таланты и силы, нанесли французам сокрушительное поражение, в результате чего на поле боя осталось двадцать тысяч убитых, а выжившие бежали за Альпы. Франко-испанцы эвакуировали Неаполь, а австрийцы, только потому, что они были новыми господами, были встречены как друзья и освободители. Война продолжалась за пределами Италии, и позже истощенные державы были вынуждены подписать Утрехтский договор 1713 года, подтвержденный в следующем году в Раштатте. По этому договору Австрия получила Милан, Неаполь и Сардинию; Виктор Амадей получил далекую Сицилию, Монферрат, Ломеллину и Валь-ди-Суза, а также титул короля (); были распределены несколько небольших государств — Мантуя, Мирандола, а позже — Гуасталла.

На этом расширении владений дома Савойи, а также Пруссии особенно настаивала Англия, которая в то время была миротворцем на континенте и арбитром в этом мире, по этой причине она вмешалась между Францией и Австрией и сохранила европейское равновесие. Таким образом, были поддержаны законные амбиции двух небольших государств, Пьемонта и Пруссии, которые стремились к высоким целям, и, благодаря сходству их судьб, они стали оплотом двух наций, надеждой и гордостью двух стран.^d

ВОЙНА ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА

Дворцовый двор, построенный Карлом VII Неаполитанским в Портичи в 1738 году

[1714-1718 гг.

Именно благодаря амбициозным интригам итальянской принцессы и итальянского священника покой на полуострове был вновь нарушен всего через четыре года после этого умиротворения. Джулио Альберони, сын крестьянина и первоначально бедный викарий недалеко от Пармы, благодаря своему таланту и хитрости поднялся до должности первого министра Испании. Филипп V после смерти своей королевы Марии Луизы Савойской женился на принцессе Элизабет Фарнезе, и Альберони, благодаря этому браку, автором которого он считался, пользовался благосклонностью новой королевы и приобрел абсолютное влияние на слабого умом ее мужа.

Его первоначальной целью было получить кардинальскую шапку, и, получив эту честь от папы, следующим и более обширным планом его амбиций было прославиться в сфере государственного управления. Его энергичным и смелым замыслам не казалось слишком грандиозным или трудным предприятием вернуть испанской монархии все ее древние владения и власть в Италии, которые были полностью утрачены в результате Утрехтского мира. Он обманул хитрого Виктора Амадея и привлек его к своим планам, пообещав ему миланские провинции в обмен на Сицилию; а отвращение, которое суровая и высокомерная надменность имперского правительства уже вызвала на полуострове, сделало папу, великого герцога Тосканы и других итальянских князей не противными замыслам испанского министра.

Но великие державы Европы смотрели на его неумную амбицию совсем другими глазами. Личные интересы и чувства герцога Орлеанского, который в то время управлял Францией во время несовершеннолетия Людовика XV, поставили его в оппозицию к Филиппу V; и герцог раскрыл заговор, устроенный Альберони через испанского посла в Париже, чтобы лишить его регентства Франции, на которое кардинал убедил своего господина заявить свои права как ближайшего родственника Людовика XV. Интриги Альберони со шотландскими якобитами, который разработал химерический план посадить претендента на престол Великобритании и таким образом обеспечить Испании нового и благодарного союзника, сделали Георга I столь же ревнивым, как и герцога Орлеанского, к замыслам мадридского двора. Для взаимной защиты от махинаций Альберони британский монарх и французский регент договорились о создании оборонительного союза между Великобританией, Францией и Голландией, который, после присоединения к нему императора, вскоре превратился в знаменитый Четверной союз (1718).

Помимо обеспечения взаимной обороны договаривающихся сторон, Четверной союз сразу же приступил к работе по обеспечению продолжения мира в Италии и удовлетворению амбиций как австрийской династии, так и испанского дома Бурбонов. Хотя Парма и Пьяченца не были женскими феодами, приближающееся вымирание мужской линии Фарнезе давало Елизавете наилучшее право на престолонаследие государств ее дяди. Она также имела права на великое герцогство Тоскана по материнской линии после исчезновения мужской линии герцогов Медичи, которая, как и линия Фарнезе, казалось, быстро приближалась к своему концу. Поскольку дети молодой королевы были лишены надежды на вступление на испанский трон, который, естественно, должны были унаследовать сыновья Филиппа от первого брака, возникла идея создать в Италии владения для ее первенца, дон Карла. и Четверной союз предусматривал, что молодому принцу будет гарантирована преемственность как в Парме и Пьяченце, так и в Тоскане после смерти последних принцев династий Фарнезе и Медичи. Чтобы примирить императора с этим допуском испанского принца в Италию, ему была передана Сицилия в обмен на Сардинию. Жертвами стали только слабые державы и народ. В то время как князья Пармы и Тосканы были вынуждены терпеть жестокое унижение, видя, как иностранные государственные деятели заранее распоряжаются их наследством, причем при их жизни и без их согласия; и в то время как, с гораздо более вопиющим узурпацией естественных прав, воля их подданных была так же мало учтена, было решено заставить Виктора Амадея принять в качестве эквивалента за его новое королевство Сицилия королевство Сардиния, которое не могло похвастаться ни третьей частью его населения, ни общей стоимостью.

Положения Четверного союза были высокомерно отвергнуты Альберони, который уже приступил к активной реализации своих планов в отношении итальянских провинций. До сих пор, в течение своего короткого правления, он стремился восстановить истощенную мощь Испании, а теперь он с головой погрузил монарха в новую борьбу, используя силы, восстановленные за четыре года мира; и его энергичное, но чрезмерное управление ресурсами государства поначалу, казалось, оправдывало его самонадеянность. Восьмитысячный отряд испанцев высадился на острове Сардиния и сразу же отнял это королевство у слабых гарнизонов империалистов (1717). В следующем году в Средиземном море появился большой испанский флот из шестидесяти военных кораблей, сопровождавший тридцать пять тысяч сухопутных войск, и, несмотря на предыдущие переговоры Альберони с Виктором Амадеем, Сицилия стала первой целью нападения. Против этого вероломного нападения () савойский принц не был в состоянии защитить свое новое королевство; и хотя его наместник сначала пытался сопротивляться продвижению испанских войск, Виктор Амадей, осознавая свою слабость и неспособность оказать необходимую помощь для сохранения столь отдаленного владения, сделал из

необходимости достоинство и согласился с положениями Четверного союза (1718). Выведя свои войска из борьбы, он принял титул короля Сардинии, хотя еще не владел ни пяди земли на этом острове.

[1718-1731 гг. н.э.]

Тем временем державы Четверного союза, считая все переговоры безнадежными, начали энергичные действия против испанских войск. Еще до открытого объявления войны, к которому Англия и Франция прибегли, чтобы заставить испанский двор отказаться от своих замыслов, сэр Джордж Бинг, британский адмирал в Средиземном море, не колеблясь, атаковал испанский флот, который он полностью уничтожил у побережья Сицилии. Эта катастрофа разрушила все грандиозные планы Альберони. Британский адмирал перебросил имперские войска с итальянского континента на Сицилию, и испанцы быстро потеряли позиции и сделали предложение об эвакуации острова. Предприятия мадридского двора были столь же неудачными и в других районах, и Филипп V, наконец осознав невыполнимость планов Альберони, пожертвовал своим министром из-за ревности европейских держав и согласился на условия Четверного союза (1719). Виктор Амадей получил в свое владение королевство Сардиния, которое его род сохранял с тех пор с королевским титулом. Жадность императора была удовлетворена воссоединением коронки Обеих Сицилий в его пользу, а амбициозное материнское беспокойство испанской королевы было успокоено обещанием передачи государств Медичи и ее собственной семьи инфанту дону Карлу (1720).

В течение тринадцати лет после окончания войны Четверной коалиции Италия пребывала в глубоком и непрерывном покое. Первая половина XVIII века была полностью веком политических интриг, а запутанные переговоры, которые привлекали всеобщее внимание и служили лишь для того, чтобы выставить напоказ усердную неискренность европейских государственных деятелей, казалось, постоянно угрожали новыми бедами. Но договоры, которые в течение многих лет следовали за договором Четверного союза, не имели в Италии иного эффекта, кроме как обеспечения престолонаследия в Парме инфанту дону Карлу Испанскому. Франческо и Антонио (), два выживших сына герцога Рануччо II Пармского и Пьяченцкого, умершего в 1694 году, унаследовали от своей семьи болезненную и огромную тучность. Ни у одного из них не было потомства; герцог Франческо закончил свое правление и жизнь в 1727 году, а Антонио, его преемник, пережил его всего на четыре года. Смерть младшего из ее дядей осуществила амбициозные надежды Элизабет Фарнезе, которая мечтала передать владения своего рода своему сыну (1731). Поскольку мужская линия Фарнезе таким образом прервалась, молодой дон Карлос с отрядом испанских войск был тихо введен во владение герцогствами Парма и Пьяченца и с неохотой признан последним принцем Медичи своим наследником в великом герцогстве Тоскана.

ВОЙНА ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДИЕ

[1731-1738 гг.]

Окончательное урегулирование вопроса о престолонаследии в Парме и Тоскане, казалось, искоренило семена вражды в Италии; но несчастной судьбой этой страны стало следовать в плену за иностранными переговорами, и страдать и проливать кровь из-за самых отдаленных раздоров своих иностранных господ. Прошло всего два года после возведения испанского принца на герцогский трон Пармы, когда Италия внезапно была выбрана полем для решения спора, возникшего в связи с оспариваемыми выборами короля Польши. По этому поводу две ветви династии Бурбонов объединились в один союз против дома Австрии

и решили напасть на его владения в Италии. Карл Эммануил III, новый король Сардинии, присоединился к их грозному союзу, и имперская мощь на полуострове была сокрушена под его тяжестью.

В то время как Карл Эммануил, возглавляя французские и пьемонтские войска, за короткое время легко завоевал все миланские государства, испанцы в Парме, избавившись от всех опасений по поводу исхода войны в Ломбардии, получили возможность переключить свое внимание на юг. Испанская армия в тридцать тысяч человек высадилась на полуострове под командованием герцога Монтемара и присоединилась к дону Карлу; и этот молодой принц, в возрасте семнадцати лет, приняв номинальное главнокомандование испанскими войсками в Италии, повел их на завоевание Сицилии. Герцог Монтемар, который руководил его военными операциями, одержал для него полную и решающую победу при Битонто в Апулии над слабой имперской армией, которой было поручено защищать юг Италии. Различия в языке, нравах и характере между немцами и итальянцами сделали холодную и угрюмую тиранию Австрии особенно ненавистной для изменчивых неаполитанцев, и они с готовностью сбросили иго, к которому время еще не успело их привыкнуть. Столица уже открыла свои ворота до битвы при Битонто, а провинции поспешили предложить завоевателям свою готовность подчиниться. Сицилийцы последовали примеру своих соседей с материка, и в Неаполе и Палермо дон Карлос получил короны Обеих Сицилий (1735).

Легкость, с которой испанцы осуществили эти завоевания, была в основном обусловлена мощными операциями французов в Ломбардии и энергией, с которой армии Людовика XV давили на армии императора в Германии и не давали ему отправить достаточную помощь своим итальянским владениям. Двор в Мадриде вновь начал лелеять надежду на возвращение всех итальянских провинций, которые испанская монархия потеряла по Утрехтскому миру, и герцог Монтемар ввел свою армию в Ломбардию, чтобы объединиться с французами и пьемонтцами и завершить изгнание австрийцев с полуострова. Но император, обескураженный столькими неудачами, сделал предложение о мире, а французский кабинет не был склонен потакать амбициям Испании в отношении дальнейших завоеваний.

Были начаты переговоры о всеобщем мире, к которым Филипп V был вынужден присоединиться; и в конце концов подтверждение предварительных условий Венским миром вновь изменило облик Италии. Короны Неаполя и Сицилии были закреплены за доном Карлом. Провинции Милан и Мантуя остались за императором; герцогства Парма и Пьяченца были присоединены к его ломбардским владениям, чтобы в некоторой степени компенсировать ему потерю Сицилии; а исчезновение дома Медичи со смертью великого герцога Джованни Гастоне, пока переговоры еще продолжались, завершило новое соглашение о преемственности Тосканы. Франциск, герцог Лотарингии, который недавно получил руку Марии Терезии, старшей дочери и наследницы императора, вступил во владение великим герцогством в обмен на свои наследственные земли; а Карл VI был доволен этим благоприятным решением в пользу своего зятя и предназначенного преемника императорского достоинства. Наконец, король Сардинии, вместо амбициозных надежд, которыми он развлекался, овладеть всем Миланским герцогством, был вынужден довольствоваться приобретением ценных районов Тортон и Новара.

ВОЙНА ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ

[1738-1742 гг. н. э.]

Это общее соглашение между арбитрами Италии принесло угнетенному народу полуострова лишь краткий перерыв в покое, прежде чем он подвергся гораздо большим бедствиям, чем те, которые он перенес за короткий период недавней войны. Император Карл VI умер всего через два года после утверждения Венского мира, и те же самые державы, которые этим договором гарантировали знаменитую Прагматическую санкцию — акт, по которому император, не имея сына, мог передать свои наследственные земли своей дочери Марии Терезии, — сговорились лишить ее этих владений. Последовавшая за этим яростная война за австрийское наследство наполнила Италию на семь лет грабежами и разрушениями.

В год после смерти Карла VI испанская армия под командованием герцога Монтемара высадилась на побережье Тосканы, чтобы продолжить завоевания в Италии; и хотя эти войска прибыли для нападения на территории его супруги, новый великий герцог был вынужден сохранять нейтралитет и разрешить им свободный проход через свои владения. С другой стороны, король Сицилии, желавший помочь войскам своего отца в их операциях, был вынужден также принять нейтралитет из-за появления британской эскадры в Неаполитанском заливе и угрозы бомбардировки этого города. Это унижение, к которому его привело уязвимое положение его столицы, не помешало, однако, неаполитанскому монарху впоследствии принять участие в войне. Но его участие в конфликте привело лишь к тому, что австрийские войска вторглись в южную Италию и подвергли разграблению нейтральные государства церкви и границы Неаполя (1742).

Однако северная Италия была постоянным театром гораздо более разрушительных военных действий, и итальянским правителем, сыгравшим наиболее заметную роль в общеевропейской войне, был Карл Эммануил III, король Сардинии. Этот активный и политичный принц, следуя умелой, но эгоистичной и беспринципной системе расширения власти, которая стала привычной для династии Савойи, продавал свой союз тому, кто больше заплатит. Сначала он предложил присоединиться к конфедерации Бурбонов, но испанский двор не смог склонить его к сотрудничеству, пообещав ему адекватную долю миланских государств, которые испанцы были уверены в том, что смогут вернуть. Поэтому Карл Эммануил покинул бурбонский союз « » и перешел на сторону Марии Терезии. Но только после того, как он вынудил эту принцессу уступить ему новые территории в Ломбардии и добился от Англии, которая ее защищала, крупных субсидий, он серьезно и энергично вступил в войну в качестве союзника Австрии и Англии. Как только Карл Эммануил начал выступать против бурбонского дела, его государства сразу же стали жертвой вторжения. Хотя испанская династия претендовала на всю наследственную преемственность дома Австрии, реальным мотивом, движущим мадридским двором в этих войнах, была амбиция королевы Испании Элизабет Фарнезе, стремившейся обеспечить место в Италии для другого своего сына, инфанта дона Филиппа; и этот принц, возглавив испанскую армию, прошел из Пиренеев через юг Франции () и захватил всю Савойю, которая была безжалостно разграблена его войсками. Но дон Филипп не смог проникнуть в Пьемонт; тем временем герцог Монтемар, с испанской армией, уже находившейся в Италии, был успешно подавлен австрийцами и пьемонтцами на этих противоположных границах Ломбардии.

[1742-1748 гг. н. э.]

Но Карл Эммануил, даже после того как он официально обязался перед Англией и Австрией, постоянно вел тайные и отдельные переговоры с Бурбонами; и только потому, что он не мог добиться всех условий, которые он от них требовал, и потому, что он также подозревал их в недобросовестности, как и сам сознавал свою, он сохранил свои союзы без

изменений до конца войны (1743 г.). Его государства почти постоянно были театром военных действий, одинаково разрушительных для его подданных, независимо от того, сопровождалась ли его карьера успехами или неудачами. Тем не менее, он проявил активность, умение и мужество, едва уступающие блестящим качествам, которые отличали его отца, Виктора Амадея. Однако, когда к инфанту дону Филиппу присоединился принц Конти с двадцатью тысячами человек, все усилия сардинского монарха, хотя он и возглавлял свои войска лично, не смогли противостоять отчаянной доблести французских и испанских союзников, которые, преодолев огромные альпийские перевалы, торжественно ворвались в Пьемонт и в течение некоторого времени пронесли по его равнинам как завоеватели (1744). Но, получив подкрепление от австрийцев, Карл Эммануил еще до окончания той же кампании переломил ход событий и заставил союзников уйти на зиму во Францию. Они по-прежнему удерживали герцогство Савойское и угнетали его жителей всеми видами притеснений.

В следующем году Генуя объявила о присоединении к бурбонской конфедерации, и испанские и французские войска под командованием дона Филиппа, получив таким образом возможность соединиться на территории этой республики со второй испанской армией из Неаполя, король Сардинии и австрийцы оказались совершенно неспособны противостоять их огромному численному превосходству (1745). В ходе этой кампании Парма и Пьяченца были захвачены герцогом Моденским, союзником Франции и Испании; Турин подвергся угрозе бомбардировки; Тортон пала под натиском бурбонских войск; Павия была взята штурмом; и Дон Филипп, проникнув в самое сердце Ломбардии, завершил военные действия этого года своим триумфальным входом в Милан.

Но такие были внезапные превратности этой кровопролитной войны, что блестящие успехи испанского принца вскоре были сведены на нет растущим недоразумением между дворами Парижа и Мадрида и прибытием крупных подкреплений для австрийской армии на полуостров (1746). Дон Филипп менее чем за год потерял все, что он завоевал в предыдущей кампании. Он был изгнан из Милана, вынужден эвакуировать всю Ломбардию, а французские и испанские войска в конце концов были вынуждены под натиском усиливающихся австрийцев пересечь Альпы и отступить во Францию. Король Сардинии и его союзники перенесли войну в Прованс, не встретив особого успеха, а французы, в свою очередь, снова попытались проникнуть в Пьемонт. Но в то время как эта часть Италии была под угрозой новых разрушений, полуостров был спасен от дальнейших бедствий благодаря подписанию Ахенского мира (1748).

Одной из заявленных целей европейских держав на их совместном конгрессе было предоставление независимости Италии; и если бы эта цель могла быть достигнута без восстановления древней свободы и возрождения национальной добродетели среди итальянцев, положения Ахенского договора были бы мудрыми и справедливыми. Австрийцам было позволено сохранить только Милан и Мантую, а все другие иностранные державы согласились уйти с полуострова. Великий герцог Франциск Лотаринский, ставший теперь императором, обязался уступить Тоскану младшей ветви своего императорского дома. Трон Обеих Сицилий был подтвержден за доном Карлом и его наследниками, чтобы сформировать отдельную и независимую ветвь испанского дома Бурбонов; герцогства Парма и Пьяченца были вновь возведены в ранг суверенного государства в пользу дона Филиппа, который таким образом стал основателем третьей династии той же семьи. Король Сардинии получил некоторые дополнительные территории, которые были отделены от герцогства Милана, а все остальные итальянские державы остались в прежнем состоянии или были восстановлены.

СОРОК ЛЕТ «ВЯЛОГО МИРА» ДЛЯ РАЗДЕЛЕННОЙ ИТАЛИИ

Таким образом, Италия, после двух веков угнетения под игом других народов, была освобождена от долгого иностранного гнета. Лишь небольшая часть ее территории осталась под властью империи, а вся остальная часть полуострова была разделена между несколькими независимыми правительствами.

Но после Ахенского мира Италия по-прежнему не была готова вызывать уважение или страх у других стран. Ее народ в большинстве своем не испытывал привязанности к правителям, которым он не был обязан ни благодеяниями, ни счастьем, в успехе которых он не мог найти общих интересов и чье возвеличивание не могло принести ему славы.

Состояние Италии после номинального восстановления ее независимости, как правильно заметил один философский писатель, дает поразительный урок политического опыта. Европейские державы, в некоторой степени уничтожив великую нацию, наконец осознали, какой ущерб они нанесли человечеству и общей политической системе мира. Они искренне старались исправить последствия разрушений; они восстановили для Италии все, что могли, за исключением того, что восстановить было невозможно — угасшую энергию и достоинство народа. За их попыткой последовало сорок лет глубокого мира; и это были только сорок лет изнеженности, слабости и коррупции — памятный пример для государственных деятелей того, что один лишь акт их воли не может ни возродить деградировавшую нацию, ни восстановить ее вес в политическом балансе; и что национальная независимость — тщетное благо, если народ не заинтересован в ее сохранении и если нет институтов, возрождающих дух чести и честное волнение свободы.

За эти сорок лет вялого мира (с момента подписания Ахенского договора до эпохи Французской революции) в общей истории Италии не произошло ни одного события, заслуживающего нашего внимания, и нам остается только быстро пройти по нескольким внутренним событиям, имевшим какое-то значение в различных итальянских государствах XVIII века. Дела Сицилии, папства, государств дома Савойи, герцогств Тосканы и Модены, республик Генуи и Венеции, а также провинций Милана и Мантуи заслуживают краткого упоминания. Но малоизвестные или спокойные судьбы Лукки и герцогств Пармы и Пьяченцы вряд ли заслуживают отдельного места в этом перечне.

Герцогства Парма и Пьяченца, которые вновь были отделены от Милана, чтобы сформировать независимую вотчину испанского принца, вновь погрузились в глубокое забвение, из которого их вывела только борьба за их владение. Дон Филипп правил до 1765 года, а его сын, Дон Фердинанд, унаследовал его трон. Управление обоих этих принцев в политическом смысле не было отмечено никакими важными событиями, но литературные и научные вкусы Дона Филиппа дают ему право быть упомянутым с уважением и оказать благотворное влияние на его герцогские государства.

КОРОЛЕВСТВО НЕАПОЛА И СИЦИЛИИ

[1738-1765 гг.]

Уже упоминалось о переходе короны Неаполя и Сицилии от вымершей испанской ветви дома Австрии к боковой линии Германии, а от этой династии снова к младшему члену испанских Бурбонов; и мы берем анналы Сицилии только с той эпохи, когда инфант Дон Карлос был утвержден в владении их троном Венским договором. Этот монарх, который правил в Неаполе под именем Карла VII, но более известен под своим поздним титулом Карла III Испанского, управлял южной Италией более двадцати одного года.

Общая репутация его характера, возможно, была сильно переоценена, но, как монарх Сицилий, он, несомненно, трудился для благополучия своего королевства. Война за испанское наследство парализовала все его усилия в первой половине его правления, но после восстановления спокойствия в 1748 году он с энтузиазмом и исключительно посвятил себя мирной работе по улучшению положения. Ему хорошо помогали добродетельные намерения, если не ограниченные таланты, его министра Тануччи. Главная ошибка обоих проистекала из их незнания первых принципов финансов; а образованный ум и теоретические знания Тануччи делали его менее подходящим для активного ведения дел, чем для должности профессора права, с которой король возвысил его до своей дружбы и доверия.

В качестве второй ошибки Карла или его министра выдвигалось возражение, что принятая ими система правления предусматривала только продолжение мира и не содержала никаких положений на случай войны. Не было предпринято никаких попыток разжечь в народе воинственный дух или побудить его к защите от иностранной агрессии и оскорблений. Армия, укрепления и все военные учреждения были доведены до полного упадка, а военная сила королевства, которая номинально составляла тридцать тысяч человек, была настолько неполной, что редко превышала половину этого числа. Единственная гарантия сохранения почтенного мира внутри страны была забыта в системе, которая пренебрегала средствами обеспечения уважения за рубежом; но Карл занимался этим, как будто он питал обманчивую надежду сохранить своим подданным вечное спокойствие. Он старательно украшал свою столицу, и полезные общественные сооружения, гавани, акведуки, каналы и национальные зернохранилища, которые сохраняют память о его правлении, великолепны и многочисленны.

Похвальные усилия Карла только начали приносить плоды, когда он был вызван смертью своего старшего брата, Фердинанда VI Испанского, который не оставил детей, чтобы принять корону этого королевства (1759). Согласно духу Ахенского мира, его следующий брат, дон Филипп, герцог Пармский, должен был унаследовать вакантный трон Сицилии, но Карлу III было позволено поместить одного из своих младших сыновей на место, которое он только что покинул. Его старший сын проявлял такие признаки безнадёжной идиотичности, что его пришлось полностью отстранить от престолонаследия в любой части его владений (); наследство испанского трона было зарезервировано для второго сына, который впоследствии правил под именем Карла IV; а третьему сыну был передан скипетр Сицилии.

[1759-1825 гг. н. э.]

Этот принц, который под именем Фердинанд IV Неаполитанский и Сицилийский правил до 1825 года, был тогда девятилетним мальчиком. Карл назначил неаполитанский регентский совет для управления от имени своего сына, но маркиз Тануччи оставался фактическим диктатором государственной администрации, а новый монарх Испании продолжал оказывать решающее влияние на советы Обоих Сицилий в течение всего периода несовершеннолетия своего сына и даже в течение некоторого времени после его

окончания. Именно благодаря действиям Тануччи и в сочетании с политикой Карла в то же время иезуиты были изгнаны из Обеих Сицилий и Испании, древние узурпации Святого Престола были смело подавлены, а прогресс других полезных реформ был ревностно продвинут.

Самой роковой ошибкой Карла III и постоянным несчастьем его сына было то, что воспитание Фердинанда IV было поручено принцу Сан-Никандро, человеку, совершенно лишенному способностей и знаний. Молодой монарх, который не был лишен природных способностей, таким образом оставался в самом грубом невежестве. Занятия спортом на открытом воздухе были единственным занятием и развлечением его юности, и на характер его последующего правления оказали плачевное влияние праздность и отвращение к государственным делам, в которых ему позволили вырасти. Брак Фердинанда с принцессой Каролиной Австрийской положил конец господству Карла III над неаполитанскими советами. Его верный слуга Тануччи утратил свой авторитет в администрации; несколько лет спустя он был окончательно опазан, а амбициозная супруга Фердинанда, завоевав абсолютное влияние на слабого мужа, полностью захватила управление государством. За ее приходом к власти последовал подъем фаворита, который приобрел столь же решающее влияние на ее дух, как она уже обладала над духом короля. Это был знаменитый Актон, низкородный ирландский авантюрист, который, заняв некоторую должность во французском флоте, перебрался в Тоскану и был принят на службу к великому герцогу. Ему посчастливилось прославиться в экспедиции против пиратов Барбарии, и с тех пор его возвышение было поразительно быстрым. Он стал известен королеве и был удостоен управления неаполитанским флотом. Еще молодой и обладая исключительным талантом, он завоевал личную благосклонность Каролины; он управлял, хотя и казался беспрекословно подчиняющимся ей; и, не имея никаких высших квалификаций или знаний за пределами узкой сферы своей профессии, он был последовательно повышен до должности министра войны и иностранных дел. Вся власть правительства сосредоточилась в его руках, и Актон был настоящим правителем Сицилии, когда коррумпированный двор и плохо управляемое государство столкнулись с всеобщим потрясением Французской революции.^e

ГОСУДАРСТВА ЦЕРКВИ

[1700-1800 гг. н.э.]

Что касается общих черт правительства и политики в церковном государстве, как они проявились в XVII веке, то для того, чтобы картина соответствовала следующему веку, нужно очень мало что изменить или добавить. В самом начале необходимо выразить уважение, которого заслуживают личности большинства правителей, правивших на Семи холмах в XVIII веке. Никогда еще епископы Рима не были столь благопристойны и столь безупречны в нравственном отношении; редко когда среди них было столько искренних и усердных верующих; никогда еще в их списке не было столь многих выдающихся талантов и ученых. Два папы, в частности, Просперо Ламбертини и талантливый Антонио Ганганелли, принесли бы честь любому трону в христианском мире.

Но те почтенные священники, которые за несколько лет до того, как опуститься в могилу, оставили алтарь и молельню, бревиарий и перо, чтобы носить тройную корону и владеть ключами святого Петра, печальным опытом обнаружили то, что каждый, кто занимал эту должность, должен был обнаружить, прежде чем проспать месяц под крышей Ватикана. Гениальность становится общественной бедой, сама добродетель парализуется от отчаяния, когда после всей жизни, проведенной в библиотеке или монастыре (), они в преклонном

возрасте призываются к выполнению обязанностей, более сложных, более трудных, требующих большей универсальности и большей энергии в действиях, чем те, которые принадлежат любой другой власти в мире. Там, где для эффективного ремонта любой из частей необходимо перевернуть все здание правительства, различия в характере сменяющих друг друга правителей ограничиваются в своих результатах индивидуальными и временными интересами. Что касается постоянного улучшения или ухудшения положения государства, Родриго Борджиа был так же невинен, как и безупречный Барнаба Кьярамонти; Климент VII был так же мудр, как и Сикст V; а отшельник-папа Пьетро ди Мурхоне с его кротким и благочестивым невежеством был не более беспомощен, чем Джулиан делла Ровере, который носил доспехи под своей священнической одеждой.

Самой неприятной задачей, которую приходилось выполнять папам XVIII века, было приведение своих прерогатив в католических государствах в соответствие с теми взглядами на независимость, которые теперь укоренились в каждом кабинете Европы. Священнослужители с бесконечной неохотой склонились перед этой жестокой необходимостью; некоторые из них опозорили себя, преследуя иностранных исследователей, таких как Джанноне и Дженовези; и если бы не активность и талант Климента XIV, который с достоинством уступил то, что не имел власти удержать, папский двор мог бы понести убытки, бесконечно более пагубные, чем жертва, которую он был вынужден принести, лишившись своих способных слуг-иезуитов. Пий VI, на голову которого обрушились громы Французской революции, был более светским человеком, чем любой из его недавних предшественников. Долгое время работая на государственных должностях и особенно хорошо знакомый с делами римской казны, он отличался ревностными и неустанными, но совершенно безуспешными попытками внедрить внутренние реформы. Лучшим доказательством вялой несостоятельности папского правления может служить тот факт, что до середины XVIII века, в то время как внутренние налоги и ограничения давили на народ, не существовало пошлин (хотя в некоторые периоды времени действовали абсолютные запреты) на ввоз иностранных товаров; и что одной из самых хваленых мер этого правления была организация сил для защиты границ от контрабанды; мера, о которой, судя по всем их недавним тарифам, папы, по-видимому, и не мечтали.

В деталях своей новой системы внешних пошлин на товары, а также во многих своих постановлениях, касающихся сельского хозяйства и внутренней торговли, Пий и его советники явно продемонстрировали, насколько они все еще были в неведении в отношении принципов политической экономии. Его частичная отмена бесчисленных баронских пошлин не принесла даже половины тех выгод, которые могли бы компенсировать вред, причиненный его произвольными ограничениями на торговлю зерном; его дорогостоящие работы по осушению Понтийских болот () оказались бесполезными из-за того, что он подарил осушенные земли своему племяннику; а его обесценивание валюты путем чрезмерной эмиссии бумажных денег было предвосхищением одной из самых серьезных ошибок, допущенных лидерами Французской революции.

САРДИНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Во второй половине XVIII века графы Савойские были лишены возможности продолжать политику, которая принесла им обширные владения и королевское имя. Но даже в условиях войн, предшествовавших этому периоду, и еще более энергично после их окончания, способный и амбициозный Виктор Амадей продолжал проводить в жизнь систему внутренних реформ, результаты которых, как он надеялся, сделают его правителем богатых и воинственных людей, соперников своих южных соседей в области литературы и искусства, как они уже превзошли их в энергии и общественном духе.

В своих усилиях по интеллектуальному совершенствованию высших слоев общества (для которых исключительно и были предназначены его учреждения) он преуспел так же плохо, как и можно было ожидать от деспотичного короля, стремящегося исправить коррумпированную, воинственную и невежественную аристократию. В области торговли он смог добиться гораздо большего благодаря тем правилам, которые были введены в отношении производства шелка и которые, какими бы чуждыми ни были их узкие взгляды подлинным принципам торговли, оказались неплохо рассчитанными для сдерживания столь же узких взглядов за рубежом и были соответственно подражены в Милане и восточных провинциях. Несколько прекрасных законов помогли сельскому населению. Один закон прямо признавал, вопреки всей прежней практике, сельскохозяйственные аренды на фиксированный срок, обычно от девяти до восемнадцати лет; и не только это, но законодатели старательно оставили лазейки для обхода правила, которое они были обязаны ввести, сделав действие таких аренды зависимым от выживания землевладельца, который их предоставил. Эта характерная уловка показывает влияние высших классов, против которых, однако, Виктор Амадей провёл свою великую и благотворную меру по выравниванию общественных бремен с помощью произвольного вмешательства. Ведь до того, как он отрекся от престола, все поместья в Пьемонте, без различия в праве владения, подлежали беспристрастному земельному налогу, начисляемому в соответствии с общей оценкой, которая также служила основой для взимания всех местных налогов с коммун, таких как налоги на дороги, школы и административные расходы.

Если мы добавим такие улучшения к изменениям, которые, как мы заметили, происходили в XVII веке, то, не узнав ничего больше, мы будем удивляться, как могло случиться, что подданные этого королевства не только первыми бросились в объятия революционных французов, но и с тех пор жалуются на свое правительство гораздо более горько, чем любые другие итальянцы. Несложно найти причины. Все реформы пьемонтских князей были проведены в их собственных интересах, а не в интересах народа, который был жестко подчинен королю и полностью зависел от его характера в вопросах личного благополучия; подобно простолюдинам, дворяне были разоружены, и корона освободилась от единственного сдерживающего фактора в своем поведении; горькое недовольство вызвало как унижительное подчинение духовенству, так и детский страх перемен, который в течение последних нескольких поколений отличал князей. Но в то же время, среди нововведений, введенных после середины XVII века, было сочтено целесообразным умиротворить встревоженную аристократию, оставив ее членам многие личные и пустые, но вызывающие недовольство привилегии; в результате высшие слои общества проявили высокомерие, которое встретило угрюмое неповиновение со стороны народа, а все сословия испытывали взаимное недоверие, готовое перерасти в смертельную ненависть.

[1700-1740 гг. н. э.]

Карл Эммануил III, известный в первые годы своего правления неблагодарностью по отношению к отцу, который уступил ему трон, в более поздние годы прославился своими усилиями по примирению противоречивых желаний различных сословий общества и полному очищению системы правосудия. Его дворяне жаловались на количество простолюдинов, которых он продвигал на государственные должности; истцы в судах удивлялись поведению короля, который настолько не доверял собственному суждению и настолько уважал судебных служащих своей короны, что отказывался выдавать какие-либо разрешения на отмену судебных приговоров, если только это не было согласовано с судьями, вынесшими данное решение. Он был менее осторожен в управлении вооруженными силами, которые он значительно ослабил, продвигая по службе неэффективных офицеров, всегда отдавая предпочтение дворянам, в то время как

простолюдину было практически невозможно подняться до высокого звания. Это злоупотребление стало еще более вопиющим во время правления его преемника, который дал последний импульс растущему недовольству своих подданных своей суеверной покорностью исповедникам и фанатикам, а также увеличением своей армии до неразумных размеров и введением жестких налогов на население для ее содержания и пропитания.

Сардиния, грубая, бедная и незаконная, как и другие провинции Испании, мало изменилась к лучшему при новом правителе, Викторе Амадее II. Однако в лице его сына она обрела лучшего правителя, которого видела за многие века. Он многое сделал для ослабления феодализма, поощрения сельского хозяйства и искоренения банд разбойников; были основаны два университета, несколько улучшены низшие школы; и 1738 год стал знаменательной эпохой для острова, поскольку в этом году были проведены реформы во всех областях.

ЧЕТЫРЕ РЕСПУБЛИКИ

[1736-1768 гг. н. э.]

История Лукки не предлагает никаких фактов, достойных упоминания. Ее олигархия становилась все более закрытой, а крестьяне-землевладельцы в сельских районах обеднялись из-за чрезмерного разделения собственности по наследству.

Миниатюрная республика Сан-Марино вернулась к своей привычной неизвестности с 1739 года, когда падший интриган кардинал Альберони, тогдашний папский легат в Романье, повторил за ее счет то предательство, которым он ранее потряс всю Европу. Утверждая, что правительство Сан-Марино превратилось в узкую олигархию, что было правдой, но не оправдывало его вмешательство, он завоевал ее территорию с помощью одной роты солдат и нескольких полицейских. Народ обратился к Клименту XII, который приказал им определить свою судьбу на общем собрании: они единодушно проголосовали против подчинения церкви, и папские войска были выведены.

В 1746 году генуэзское простонародье, не поддерживаемое дворянами, проявило при изгнании австрийцев дух, достойный их отцов. Этим смелым восстанием на полвека закрывается история республики Генуя. В 1718 году она увеличила свою территорию, купив имперское феодальное владение Финале, но через несколько лет потеряла Корсику.

Восставшие корсиканцы позволили превратить свою страну в фиктивное королевство в 1736 году из-за глупой амбиции Теодора фон Нойхофа, немецкого барона; и после того, как он их бросил, они продолжали сопротивляться объединенным силам, направленным против них генуэзцами и Людовиком XV Французским. Островитяне провозгласили республику, которую с 1755 года возглавил знаменитый Паскуале Паоли, и мужественно продолжали борьбу за свободу, пока Генуя, уставшая от дорогостоящей войны и глубоко задолжавшая Франции, не уступила Корсику этой державе в обмен на списание долга. Людовик возобновил нападение с еще большей энергией, и осажденные республиканцы мужественно сопротивлялись, пока борьба не стала совершенно безнадежной. Паоли эмигрировал в Англию, и остров стал французской провинцией в 1768 году, за год до того, как на нем родился Наполеон Бонапарт.

Торговля Венеции была почти уничтожена; ее производство было незначительным; ее флаг подвергался оскорблениям на ее же Адриатическом море со стороны всех европейских держав. Однако она все еще владела итальянской территорией, населенной двумя с половиной миллионами подданных; в ее далматинских и албанских провинциях и на Ионических островах проживало еще полмиллиона человек. Ее налоги почти удвоились в

XVIII веке и в 1789 году составили около 11 600 000 дукатов (1 919 800 фунтов стерлингов или 9 599 000 долларов); государственный кредит был плохим, а долг составлял 44 000 000 дукатов (7 283 300 фунтов стерлингов или 36 416 500 долларов). Мрачное правительство оставалось неизменным. Совет Десяти сопротивлялся частым попыткам его свержения: нападение в 1761 году было пресечено арестами и заключением в монастырях; и Десять и Трое по-прежнему исполняли, хотя и более осторожно, чем раньше, свои особые функции. Их шпионы обходились в XVIII веке примерно в 200 000 дукатов в год; и им было предъявлено обвинение в более чем одной тайной казни. Но распущенность преобладала над жестокостью; государство выплачивало пенсии женщинам с дурной репутацией в качестве осведомителей; а в публичных игорных домах среди замаскированных игроков официально назначенные сенаторы председательствовали без масок.

В 1768 году дворяне, недовольные церковью, назначили комиссию для расследования состояния ее доходов. Отчет, который сохранился до наших дней, весьма любопытен. Члены комиссии оценили валовой доход в 4 274 460 дукатов (719 100 фунтов стерлингов, 3 595 500 долларов). Из этой суммы 2 734 807 дукатов были постоянными доходами, полученными от земель, инвестированных денег или бессрочной ренты. Остальная часть была случайной и состояла из милостыни, подаренной нищенствующим орденам, и цен, уплаченных за временные мессы. Общее количество месс, за которые духовенство получало оплату, было огромным и составляло не менее 8 938 459. Из них приходские и другие светские священники отслужили 4 250 060, а монашеские ордена — остальные 4 688 399, из которых 3 107 682 были мессами на вечных основаниях. По поводу последней категории венецианские комиссары саркастически замечают, что общее число монахов и монашествующих составляло 7 638 человек, из которых только 3 272 были рукоположены в священники и имели право отправлять мессы; и что, следовательно, если бы монахи отправляли все мессы, за которые они получали оплату, каждый из их священников должен был бы служить четырнадцать или пятнадцать сотен раз в год.

МИЛАН И ТОСКАНА

[1755-1790 гг. н.э.]

В течение семнадцати лет после Ахенского мира герцогства Милана и Мантуи, составлявшие одну провинцию, и великое герцогство Тоскана, составлявшее другую, управлялись наместниками, назначаемыми Марией Терезией и ее мужем Франциском. После смерти императора в 1765 году два ломбардских герцогства продолжали составлять провинцию империи под властью его сына Иосифа II, но Тоскана была преобразована в независимое государство для Петра Леопольда, младшего брата нового императора. Все эти правители были выдающимися личностями: сыновья были достойны своей героической матери, а Леопольд, свободный от той амбиции, которая запятнала имена Марии Терезии и Иосифа печально известным разделом Польши, был одним из величайших людей, когда-либо занимавших трон.

Статистические результаты этого периода были весьма обнадеживающими. Австрийская Ломбардия, наконец получившая возможность в некоторой степени извлечь выгоду из своих уникальных физических преимуществ, в 1790 году была, безусловно, самой процветающей провинцией Италии; Тоскана также процветала, и в некоторых отношениях даже более явно, чем герцогства Иосифа. Учреждения обоих государств были замечательно усовершенствованы, и история этих изменений является одной из самых интересных страниц в анналах современной Италии.

То, что долгое рабство итальянцев разрушило их характер, а также их национальные ресурсы, не могло быть более ясно доказано, чем горьким сопротивлением, с которым они встретили все реформы, введенные их новыми хозяевами. Едва ли было какое-либо важное улучшение, особенно в Ломбардии, которое не было бы абсолютно навязано местным жителям; и самые радикальные изменения были умело обойдены, некоторые из них в течение более чем одного поколения. Во многом эта задержка была связана с привычной медлительностью австрийского двора, но во многом она была вызвана пассивным сопротивлением народа. Великая система управления, первый проект которой был представлен императрице в 1739 году, вступила в силу только в 1755 году, и ее введение сделало этот год важной эпохой для северной Италии.

Здесь можно описать лишь некоторые из особенностей, отличавших план налогообложения. Одним из самых серьезных зол, которые необходимо было устранить, было деление государства на семь округов, каждый из которых, как отдельное королевство, имел свои пошлины на импорт, экспорт и транзит товаров. Это зло было устранено одним росчерком пера; аналогичные ограничения на сельскохозяйственную продукцию постигла та же участь. Акцизный налог был подвергнут разумному регулированию, а таможенные пошлины были основаны на принципах, столь же справедливых, как и те, которые тогда преобладали в Европе. Наконец, новое обследование и оценка стали основой для справедливого начисления земельного налога. Беспристрастный и хорошо квалифицированный судья смог найти в этой системе только четыре серьезных недостатка: недостаточный контроль за оценщиками земельных участков; сохранение неразумного торгового налога; введение подушной подати на крестьян и других лиц, не плативших земельный налог; а также разрешение церкви, которая владела третью земель в государстве и до сих пор не платила за них налогов, сохранить слишком много своих испанских привилегий.

Но часть плана, которая нас больше всего интересует, касается административного управления. В общем правительстве был сохранен ненавистный сенат, который создавал очень вредную преграду между подданными и троном, порождая мелкие интриги и способствуя сохранению той тенденции к секретности и заговорам, которая торжествовала при испанцах. В провинциальном правительстве ведущим принципом было подчинение всего в конечном итоге контролю административных советов в Милане, в то время как непосредственное управление каждой провинцией было возложено на делегата, назначаемого сувереном; хотя в то же время значительная часть фактического управления была передана провинциальному совету, учрежденному в каждом главном городе. Местные уставы старых республик или мелких княжеств, которые не во всех случаях считались безопасным трогать, создавали много разнообразия в осуществлении этого плана; но общим правилом было вводить в провинциальные советы членов трех сословий: представителей городов, которые были дворянами и избирались своим классом в каждом городе; представители, избираемые землевладельцами провинции; и купцы, которые представляли и избирались корпорацией купцов. Созданный таким образом совет передавал свои обычные полномочия комитету из числа своих членов, называемому префектами правительства. Также были учреждены коммунальные советы в соответствии с положениями, изложенными в многосложном кодексе. Каждый из них управлял имуществом коммуны под председательством канцлера, назначаемого сувереном. В состав каждого совета входило по пять членов от каждой коммуны: три представителя землевладельцев, один представитель купеческого сословия и один представитель тех, кто подлежал уплате подушной подати. Они избирались ежегодно на собрании всех землевладельцев, зарегистрированных в книгах по земельному налогу; однако солдаты и священнослужители не имели права голоса. Тот же избирательный округ избирал также

консула, который был судьей по уголовным делам низшей инстанции, и синдика, который обладал достоинством, но не имел никаких реальных обязанностей.

Итальянский крестьянин, конец XVIII века

Иосиф, при поддержке своего превосходного наместника графа Фирмиана, под руководством которого работали Верри, Карли, Нери и другие просвещенные итальянцы, реализовал план реформ, который был для него разработан. Он усовершенствовал суды и судебную процедуру, особенно в уголовных делах, отменив по предложению Беккариа пытки и тайные судебные разбирательства. Он отменил или уменьшил наиболее обременительные феодальные привилегии и ввел ограничения на бессрочное назначение поместий. Он покровительствовал сельскому хозяйству и расширил торговлю и производство путем строительства дорог, а также отмены некоторых оставшихся пошлин и ограничений. Когда смерть его матери в 1780 году освободила его от ее возражений по церковным вопросам, он с присущей ему стремительностью начал серию изменений в этой области, которые Пий VI счел настолько опасными, что совершил безрезультатное путешествие в Вену в надежде добиться их отмены. Наиболее существенными из этих мер были следующие: все инакомыслящие должны были пользоваться терпимостью; епископам было запрещено, как это уже было запрещено другими князьями, действовать в соответствии с любой папской буллой, кроме тех, которые должны были быть переданы им правительством; монашеское духовенство было объявлено зависимым не от генерала своего ордена, проживавшего в Риме, а непосредственно от епископа епархии, в которой находился их монастырь; наконец, все женские монастыри были упразднены, за исключением тех, которые обязались заниматься образованием молодежи. Смерть императора прервала укрепление его знаменитой системы, направленной на обеспечение единообразия его системы правления на всех австрийских владениях. Декрет 1786 года, который провозгласил эту новую конституцию, разделил итальянские провинции на восемь округов, в каждом из которых местная администрация должна была быть возложена на палату, тесно зависимую от правительства. Это отступление от прежнего порядка вызвало всеобщее недовольство в Ломбардии.

Иногда несправедливый и жестокий, часто ошибочный и неосторожный, всегда упрямый, страстный и деспотичный, делая добро своим подданным силой и наказывая как неблагодарных всех, кто отказывался принимать эту помощь, Иосиф был неосознанным инструментом в руках провидения для продвижения в южной Европе великой революции своего времени. Одно закоренелое зло было искоренено, чтобы на его место пришло другое, которое, будучи менее глубоко укоренившимся, было в свою очередь обречено на увядание и исчезновение. «Наконец, — сказал благородный итальянец в последний период правления императора, — препятствия, мешавшие счастью народов, в основном исчезли. На большей части Европы деспотизм изгнал феодальную анархию, а нравы и дух времени уже ослабили деспотизм».

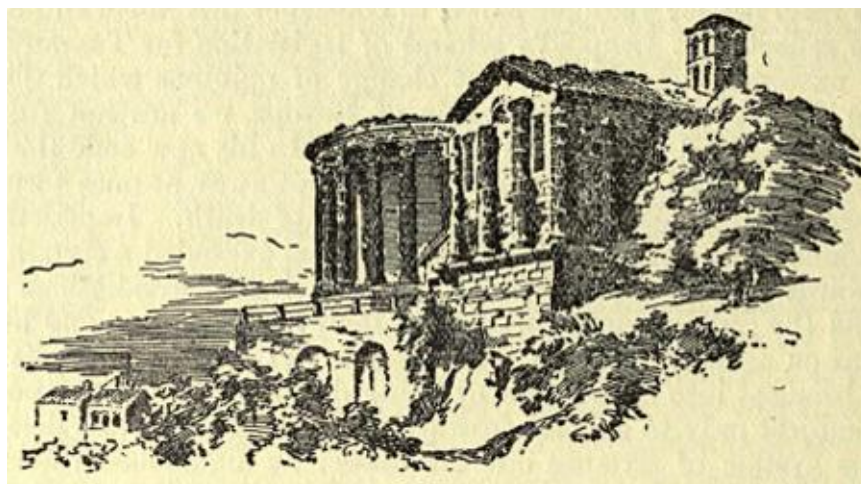
Реформы в великом герцогстве Тоскана пошли гораздо дальше, чем реформы Иосифа и его матери в провинциях По. Они были начаты еще при жизни Франциска принцем Краоном, его наместником во Флоренции, и уже тогда был разработан план объединения в один общий свод всех тех противоречивых законов, которые существовали в старых тосканских общинах и сохранялись с момента подчинения всех герцогству. Но построить это благородное здание было суждено более молодым рукам.

Пока мы не осознаем, что план Леопольда по законодательству для Тосканы был разработан и реализован задолго до того изменения мнений, которое Французская революция распространила по всей Европе, мы не можем в полной мере понять, насколько он опередил свое время. В его новом кодексе уголовная часть была особенно смелой, поскольку она сразу же отменила пытки, конфискацию, тайные суды и даже смертную казнь. Тюремное заключение за долги, запрещенное одним из его законов, если сумма долга не превышала определенного размера, впоследствии было полностью отменено. Все привилегированные юрисдикции были уничтожены, а независимость и авторитет государственных судов укреплены. Ограничения на сельское хозяйство были полностью сняты, и большие участки общинных земель были отнесены под возделывание, разделив их между бедными крестьянами в собственность, с условием уплаты небольшой ренты короне. Великий герцог отменил губительную систему сбора налогов, уменьшил их размер и отказался от большинства государственных монополий. Несмотря на это, перед тем как покинуть Италию, он смог погасить большую часть огромного государственного долга, поскольку при его новой системе, и особенно благодаря абсолютной свободе, которую он предоставил торговле, промышленность процветала настолько, что его доходы практически не уменьшились.

Церковные реформы Леопольда были столь же смелыми и глубоко оскорбили папское правительство. Они были в основном направлены на улучшение положения приходского духовенства и ограничение монашеских орденов. Он упразднил инквизицию; ввел строгие ограничения на профессию монахов и монахинь; сделал регулярное духовенство зависимым не только (как сделал его брат) от епископа, но и непосредственно от приходского священника; обложил церковные земли такими же налогами, как и земли, принадлежащие мирянам; он даже произвольно конфисковал несколько крупных поместий, которые были предназначены для бесполезных церковных целей, и направил их доходы на увеличение недостаточных доходов священников в сельских приходах. Этот шаг, как и ряд других, был частью его великого плана по борьбе с десятиной, которую он постепенно заменил общей заменой.

В системе, которую ввел этот великий человек, несомненно, было много недостатков. В ней было что-то (хотя и не много) от поспешного пренебрежения его брата препятствиями, возникавшими со стороны иностранных держав; этот недостаток сделал его план свободной торговли в некоторых отношениях вредным для его подданных и заставил его в последние

годы возобновить некоторые ограничения. Была склонность к чрезмерному увлечению принципами реформы, проявившаяся, когда он полностью упразднил торговые корпорации или когда в последний год этого периода он одним махом аннулировал все права первородства и все замены в порядке наследования земли по праву первородства (). Он проявлял ревнивую бдительность в мелочах, что было чрезвычайно полезным, но очень раздражающим качеством, которое проявилось с одинаковой силой в строгой системе полиции и в любопытном циркулярном письме, которое он направил дворянам с просьбой, чтобы их дамы одевались более экономно. Была некоторая непостоянность в целях, хотя и гораздо меньшая, чем полагают те, кто забывает о существовании того хаоса местных законов и привилегий, через который он годами должен был прокладывать свой путь, сбиваясь с пути, вводясь в заблуждение и сталкиваясь с препятствиями на каждом шагу. Наконец, было две абсолютные потребности. Леопольд не смог, потому что за одно поколение он не мог, обновить сердца и умы своего народа; и поэтому дегенеративные флорентийцы роптали на его строгость правления и высмеивали его личные особенности. Он не дал своим подданным представительной конституции; и поэтому его система благотворного законодательства развалилась на куски в тот момент, когда его рука перестала поддерживать ее вес.

Храм Сивиллы, Тиволи

Говорят, что он набросал проект конституции, прежде чем покинуть Тоскану, но в любом случае его реформы в местном управлении в значительной степени приблизили его к этой великой цели. Его цель, в достижении которой, как и во многих других случаях, ему мешали многочисленные специальные законы и обычаи, заключалась в том, чтобы ввести в герцогстве единую систему муниципального управления, охватывающую все районы, как сельские, так и городские. На протяжении всего своего правления он шаг за шагом двигался к этой цели, организуя новые коммунальные советы в различных провинциях, которые в конечном итоге охватили почти всю страну. В то же время новые советы получили привилегию, впервые предоставленную советам на территории Флоренции, управлять своим местным достоянием, как и раньше, без зависимости от высшей власти. Политика Алессандро де Медичи, которая все еще преобладала во Флоренции, была отменена в 1781 году, и выборный совет, который с тех пор управлял делами города, состоял из гонфалоньера в качестве президента, одиннадцати приоров и двадцати советников.^f

Тосканская оценка Леопольда

Реформы Леопольда I (императора Леопольда II) не смогли вытащить Тоскану из бездны, в которую ее ввергла *бюрократия* Медичи. Падший народ снова поднялся бы на волне энтузиазма великих идей, но какую великую идею Леопольд I поставил во главе движения возрождения? Он исправил злоупотребления духовенства, но не возродил религиозную веру народа по примеру пламенных проповедников крестовых походов средневековья и реформаторов XVI века. Он признал равенство в гражданских законах, но не сделал из него социальное *кредо*, как французские республиканцы.

Идея Леопольда заключалась в отцовском правлении, своего рода семейном совете, где между принцем и собранием, избранным общинами, царила бы самая трогательная согласованность. Он хотел создать еще одну Аркадию в Тоскане, Аркадию, просто занятую своим благосостоянием и материальным прогрессом, чуждую применению оружия и нейтральной во всех аспектах войны. Но это был не тот путь, который мог сформировать характер и сделать граждан свободными. Шок, нанесенный Европе Французской революцией, и его результаты имели совсем другие последствия. Когда Италия обязалась Франции 89-го года тем моральным потрясением, которое всколыхнуло умы людей и заставило их вступить в общение с всеобщим сознанием, ей не нужно было больше ничего, чтобы убедить в ошибочности тех, кто упрекал Французскую революцию в том, что она без какой-либо компенсации нарушила реформы итальянских принцев. Воздержаться от участия в этой гигантской борьбе было невозможно. Необходимо было сражаться либо за силы прошлого, либо за силы будущего; так поклонение принципам стало великой страстью душ, а характер вновь обрел всю свою прежнюю силу. Реставрация пришла, чтобы остановить это благотворное движение.

Спящая *бюрократия*, учрежденная Фоссомброни, вернулась к традициям Медичи, и моральное и политическое величие французской эпохи вновь сменилось подлостью старого режима. Но отныне было невозможно подавить зародыши новой жизни. Мы увидим, как эти зародыши, несмотря на крайне неблагоприятные условия, приносят плоды в Тоскане, как и в других частях Италии; мы увидим, как страна Микеланджело выходит из своего унижения и воздаст итальянской революции дань своего гения, своей любви и своей крови.⁴

ИТАЛИЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ

[1790-1794 гг. н. э.]

Как для правителей Италии, так и для народа первые три года революционной эпохи стали временем неудавшихся планов и серьезных приготовлений.

События, представлявшие непосредственный интерес, прервали два дальновидных замысла, которые, хотя и не увенчались успехом, тем не менее, благодаря самой попытке, могли бы придать иной оттенок истории Европы. Несколько амбициозных кардиналов, оглядываясь на Григория VII и Сикста V, задумали создать Итальянскую лигу, во главе которой должен был стоять папа; а при дворе Турина, который брал пример со своих недавних летников, планировалась кампания против австрийских соседей. Но Риму суждено было стать пассивной жертвой иностранной агрессии, а амбициозный король Сардинии стал козлом отпущения для принца, чью ломбардскую корону он хотел перенести на свой собственный лоб.

Император Иосиф умер в начале 1790 года, и Леопольд, оставив Тоскану своему второму сыну Фердинанду, получил как наследственные владения Австрии, так и императорский титул. Он умело выпутался из иностранных войн, в которые втянул его брат, но ни внутреннее недовольство в Нидерландах, ни опасности, угрожавшие Людовику XVI, не были столь легко устранимыми бедами. Он применил свою дипломатию, пытаясь с помощью

европейского конгресса наложить конституционные ограничения на все противоборствующие стороны во Франции, но разочарование в этом плане и новые восстания в его собственных провинциях омрачали каждый момент его жизни. Он был соблазнен стать ведущей стороной в роковом Пильницком договоре, который, по праву можно сказать, уничтожил французскую монархию; и весной 1792 года его смерть в возрасте сорока четырех лет избавила его от необходимости наблюдать за бедствиями, которые быстро последовали за этим. Его наследственные владения перешли к его старшему сыну Франциску, который также сменил его на посту императора; а политика нового правления, воинственная и антиреволюционная с самого начала, ускорила борьбу, которая вскоре опустошила Европу.

Два других итальянских двора, помимо Ломбардии и Тосканы, были глубоко заинтересованы в судьбе королевской семьи в Париже. Королева Неаполя, как и Мария-Антуанетта, была дочерью Марии Терезии, а два брата Людовика XVI были зятьями короля Сардинии. Советники Фердинанда готовились к борьбе, укрепляя артиллерию и флот, примиряясь с Римской курией, вводя чрезвычайные налоги и конфискуя деньги, хранящиеся в национальных банках; но к этим мерам добавились и другие, направленные на подавление страшной силы общественного мнения. Были организованы произвольные комиссии для рассмотрения политических преступлений; шпионы следили за Чирилло, Пагано, Конфорти, Дельфино и другими людьми либеральных взглядов; иностранные книги и газеты были запрещены; а произведение Филанджери было сожжено руками обычного палача. На другом конце полуострова граф д'Артуа в Турине в меньших масштабах подражал двору эмигрантов-аристократов, окружавших месье в Кобленце. Одновременно с союзом между императором и королем Пруссии, который привел к неудавшемуся вторжению во Францию в 1792 году, был заключен итальянский союз, открыто возглавляемый Неаполем и Римом и тайно присоединившийся к нему Виктор Амадей, в то время как великий герцог Тосканы, а также венецианцы и генуэзцы оставались решительно нейтральными.

Время Французской Республики под властью Национального конвента

Небольшое облако, поднявшееся над теннисным кортом в Версале, уже омрачило все троны Европы, и трон Сардинии был первым, на который обрушилась его буря. Когда обе стороны были готовы к войне, легко нашёлся повод. Семонвиль, посланный вести переговоры о проходе французских войск через Пьемонт, по сообщениям, распространял по пути революционные доктрины: ему было приказано покинуть владения короля, а второму послу было отказано в разрешении пересечь границу.

18 сентября 1792 года Национальное собрание объявило войну королю Сардинии, и сразу же последовало вторжение в его государства. Недовольные и демократически настроенные савойцы не имели желания сражаться; пьемонтцы, плохо обученные и мятежные, не имели ни желания, ни способности; и в течение двух недель Савойя и графство Ницца оказались во владении французских войск. Однако зверства, имевшие место в Париже осенью того же года, и казнь короля в начале следующего года не только придали новый импульс действиям союзных монархов, но и пополнили их союз новыми членами. В 1793 году британский флот занял Корсику, а австрийцы и пьемонтцы тщетно пытались пробиться через Савойю к Лиону, сражаясь с Келлерманом. В течение следующего лета республиканцы, вторгшиеся в Италию одной армией через Альпы, а другой — через нейтральную территорию Генуи, провели более энергичную кампанию, в результате которой они стали хозяевами всех перевалов, ведущих в Пьемонт. В то же время Паскуале Паоли, поддерживаемый Англией, разработал конституцию Корсики, которая признавала Георгия III ее королем.

В течение 1795 года тревога, вызванная недавними успехами французов, не только обезоружила некоторых из их самых активных врагов, но и принесла им союзников в самой Италии, оплоте законной монархии. Фердинанд Тосканский, осторожный и робкий человек, стремившийся сохранить торговлю Ливорно и не видящий причин, по которым он должен был бы пожертвовать своим народом ради амбиций или мести великих европейских дворов, был первым коронованным лицом, признавшим новое демократическое государство. В феврале этого года он заключил договор с Францией, отказавшись от вынужденной связи с союзниками и обязавшись соблюдать строгий нейтралитет. Вскоре после этого коалиция потеряла трех своих членов: Голландию, Пруссию и Испанию. В Альпах война затухала, и австрийцы и пьемонтцы до конца осени смогли удержать вторгшиеся армии в северо-западном углу полуострова. Между тем, брожение в умах людей, центром которого был Париж, распространялось на большинство итальянских провинций, среди тех классов, которые были предрасположены к такому импульсу.

Тоскана была регионом, где новые идеи встречали наименьшую поддержку. Хотя великий герцог был склонен отойти от некоторых торговых и сельскохозяйственных законов своего отца, его политический план оставался настолько неизменным, что конституционалисты практически не имели поводов для недовольства. Однако в церковных делах духовенство с успехом возобновило те подстрекательства, с помощью которых многие из них задолго до этого парализовали усилия своего смелого реформатора; и Леопольд не пробыл и двенадцати месяцев в Вене, как крестьяне громко потребовали восстановления некоторых религиозных братств и форм поклонения, которые он упразднил как суеверные и вредные. В восточных провинциях папского государства среди всех классов царил молчаливое недовольство, но в самом Риме, хотя несколько человек и придерживались демократических взглядов, единственным выступлением было событие января 1793 года, когда Бассвиль, французский секретарь посольства, активный республиканский агент, был забит камнями до смерти толпой. В Парме герцог Фердинанд недавно встревожил мыслящую часть своих подданных, введя папскую инквизицию и проявив себя, в резком контрасте со своими прежними привычками, как религиозный формалист и преданный верующий. Герцог Модены был, пожалуй, более непопулярен, чем заслуживал. В республиках мнения были сильно разделены, хотя и по разным причинам. Сан-Марино было ничтожеством; Лукка была пассивна не только из-за своей незначительности, но и из-за общего безразличия к переменам; венецианцы были раздвоены двумя противоположными чувствами: страхом перед австрийским вторжением и ненавистью к парижской демократии; генуэзцы, хотя революционная партия была сильна среди них, не только боялись разрушения своей торговли, но и были лично заинтересованы в французских фондах.

В остальных частях полуострова, на крайнем юге и крайнем севере, находились самые ревностные последователи Революции. В королевстве Неаполь, как на материке, так и на Сицилии, неоднократно раскрывались заговоры, а заговорщики казнились, причем некоторых из них предварительно подвергали пыткам, чтобы выбить из них имена соучастников. Даже министры государства обвиняли друг друга в измене, и Актон добился заключения в тюрьму шеваляе Де Медичи и нескольких других высокопоставленных чиновников. Народ, хотя и был силен в своих предрассудках, в это время был недоволен увеличением налогов и возобновлением произвольного вмешательства со стороны правительства; многие дворяне были столь же заинтересованы, как и средний класс, в

общем улучшении положения; и сама церковь, чье имущество правители ежедневно конфисковывали для удовлетворения нужд казны, поначалу не могла определить, что для нее является более опасным врагом: республиканизм или законная монархия. Во всей австрийской Ломбардии стремление к переменам стало почти всеобщим. Народ в целом был возмущен значительным увеличением государственных налогов и грубой наглостью немецких сателлитов, которые их взыскивали; те классы, которые пользовались видимостью политической власти при конституции Марии Терезии, были возмущены смесью военного командования и абсолютного иностранного правления, которое сменило ее после смерти Леопольда; а мыслящие люди не видели в позиции, которую теперь решительно занял кабинет в Вене, никаких перспектив улучшения или облегчения, если союзные монархи одержат победу. Пьемонт был еще более благоприятной почвой для республиканизма, и там его принципы вскоре укоренились очень глубоко. На материке было раскрыто и наказано более одного заговора; в то время как сардинцы, обнаружив, что к ним относятся как к мятежникам, когда они послали депутатов требовать тех реформ, которые, по их мнению, они заслужили своим храбрым сопротивлением французскому флоту, подняли открытое восстание, убили нескольких членов правительства и с трудом были отговорены вице-королем от сдачи острова Франции.

Кампания 1796 года и ее последствия

Итальянцы вскоре узнали, что их желания и интересы были абсолютно безразличны для тех, кто теперь сражался на их земле, как и на протяжении всей предшествующей современной истории. Их будущий повелитель, французский генерал Бонапарт, получивший от Директории командование армией Италии, покидая Париж, заявил о своем намерении закончить войну в течение месяца полным успехом или полным поражением. То, что другим казалось пустой бравадой, вызванной внезапным возвышением молодого и самоуверенного человека, в сознании самого говорящего было обещанием, которое должно было быть буквально выполнено. Он начал свое наступление 12 апреля 1796 года, а 15 мая торжественно вошел в Милан как завоеватель всей Ломбардии и Пьемонта.

Эта замечательная кампания включала в себя несколько самых знаменитых побед Наполеона. Сражения при Монтенотте, Миллезимо и Дего, которые велись три дня подряд в апреле в горах к северо-западу от Генуи, отбросили на равнину австрийскую армию Болиу и ее пьемонтских союзников под командованием Колли. Виктор Амадей, столь же непостоянный, сколь и неосторожный, в преждевременном отчаянии отказался от борьбы, и в мае его послы в Париже подписали позорный мир, по которому он уступил Савойю и Ниццу Французской Республике, допустил гарнизоны в некоторые из своих крепостей, разобрал остальные и выплатил захватчикам огромные контрибуции. Бонапарт, преследуя австрийцев в Ломбардии, запугал герцога Пармского, заставив его подписать перемирие, которое было куплено за большую сумму денег и сдачу двадцати произведений искусства, которые должны были быть выбраны французскими комиссарами и помещены в музей в Париже. Кровавый переход через мост Лоди, где сам Наполеон с генералами своего штаба лично атаковал устья вражеских орудий, оставил равнину По полностью открытой для его армий и зажег в солдатах молодого завоевателя ту преданную уверенность, которая несла их вперед через годы побед. Милан получил временное правительство и национальную гвардию, но был вынужден вносить значительный вклад в содержание республиканских войск; герцог Моденский также не смог добиться перемирия без предоставления щедрых поставок, к которым, согласно правилу, которое с тех пор неизменно следовали захватчики, добавилась сдача лучших картин из его галереи.

Уже вызывая страх и уважение за рубежом, генерал Бонапарт приступил к запугиванию правительства у себя дома. На приказ Карно о выступлении на Рим и Неаполь с одной дивизией армии, в то время как Келлерман с другой должен был удерживать Ломбардию, он ответил подачей прошения об отставке и осуждением этого проекта как губительного. На юге, сказал он, нет врагов, достойных завоевания; за владение Италией нужно бороться с австрийцами, и ареной борьбы должны быть равнины По. Пока он ждал ответа на свое смелое заявление, крестьяне, возбужденные священниками и некоторыми дворянами, поднялись против него в нескольких местах. В Милане беспорядки были легко успокоены, но в Павии их удалось подавить только после того, как город был взят штурмом и отдан на разграбление солдатам. Этот ужасный пример произвел свое действие: итальянцы затрепетали и подчинились, а французы и немцы остались сражаться без помех. Тем временем Директория, осознавая, как хорошо знал их генерал, что не может обойтись без его услуг, одобрила все его планы и подтвердила его единоличное командование армией, оговорив лишь, что он должен удовлетворить честь Франции, унизив по-своему папу и короля Неаполя. Он получил эти инструкции, занимая линию Адидже, и, распределив войска по разным точкам на севере, сам приготовился к походу на юг, насколько это было необходимо, чтобы напугать своих противников в этом районе. Еще до того, как он успел пересечь Апеннины, король Неаполя потерял мужество и сделал унижительные предложения о капитуляции (), заключив перемирие, которое впоследствии было

преобразовано в мирный договор. Папа, оставшийся совершенно беззащитным и видя, что завоеватель лично удерживает Болонью, заключил перемирие на более жестких условиях, чем все предыдущие. Цитадель Анкона должна была быть сдана со всеми запасами; французы также должны были сохранить владение провинциями Болонья и Феррара, где оба главных города организовали для себя свободные правительства; папская казна должна была выплатить крупные взносы деньгами и провизией; а Париж должен был быть украшен сотней произведений искусства и пятьюстами рукописями из Ватикана. Расправившись таким образом с врагами республики, Бонапарт приступил к расправе над великим герцогом Тосканы, ее самым давним другом. Под предлогом нарушения нейтралитета он захватил порт Ливорно, конфисковал находившиеся там товары английских торговцев и предпринял неудачную попытку захватить их торговые суда.

Войны 1796 года еще не закончились. В сентябре вторая австрийская армия численностью шестьдесят тысяч человек под командованием ветерана-маршала Вурмзера прошла через Тироль, но его активный противник уже вернулся на север, и шестидневная кампания в окрестностях озера Гарда и вдоль долины Брента заставила разбитые остатки имперских войск укрыться в крепкой крепости Мантуя, которую французы уже атаковали и теперь вновь осадили. В ноябре третья австрийская армия под командованием Альвинци поставила своего врага в крайне опасное положение, но отчаянная битва при Арколе, длившаяся три дня под Вероной, также заставила это войско отступить в горы. Военные события этого года завершились восстанием корсиканцев против англичан, после чего французский посол Салисети установил на острове временное демократическое правительство.

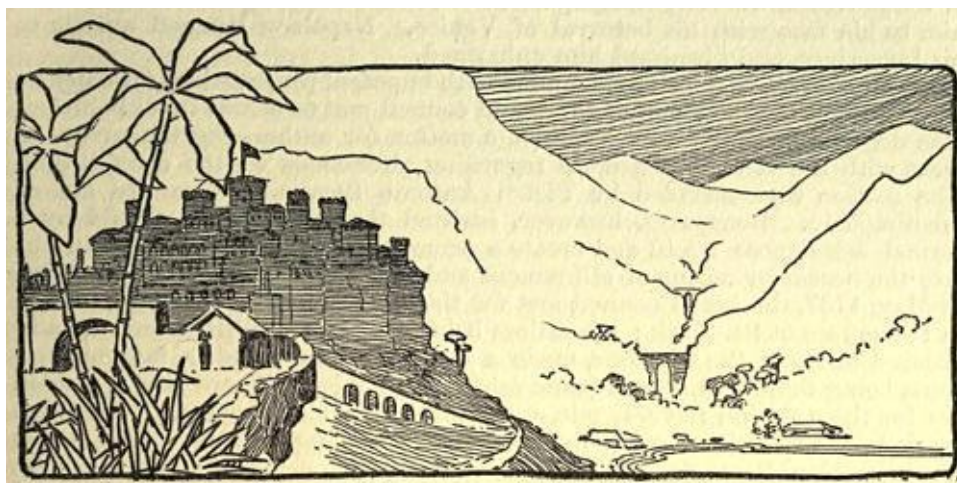
[1796-1797 гг. н. э.]

Но предстояло еще многое сделать. Французы пробудили в умах всех итальянцев желания, которые было очень трудно удовлетворить. Ломбарды требовали независимой республиканской организации, но Директория, предвидя возможность войны, которая могла бы заставить ее пойти на мир с Австрией, пока не осмеливалась сделать ничего, кроме как давать им смутные обещания. Папа, чьи восточные провинции питали аналогичные желания, не представлял такой опасности; и Бонапарт, не советуясь со своими хозяевами, освободил их от любого затруднения, в которое они могли бы попасть из-за недавнего договора с герцогом Моденским. Столица этого князя была недовольна, а Реджо уже открыто восстало. Наполеон, заявив, что герцог нарушил нейтралитет, сместил его администрацию и провозгласил провинции свободными. По его инициативе в конце 1796 года собрались депутаты из Болоньи, Феррары, Реджо, Мирандолы и Модены, избранные соответственно юристами, землевладельцами и купцами, и объединили две папские легации с герцогством Модена в одно государство. Это государство, расположенное полностью между По и Римом, было названо Циспаданской республикой.

Борьба иностранцев за итальянскую землю закончилась весной 1797 года. В январе того же года армия Альвинци, пополненная до пятидесяти тысяч человек, атаковала армию Бонапарта, насчитывавшую около сорока пяти тысяч человек, в Риволи, между рекой Адидже и озером Гарда. Эта отважно сраженная битва закончилась полным разгромом австрийцев, и в начале следующего месяца Вурмсер, вынужденный болезнью и голодом, сдал Мантую. Последняя попытка императора, который послал эрцгерцога Карла через северо-восточную границу Италии, оказалась столь же неудачной, как и предыдущие; наследственные земли Австрии были захвачены лично победоносным полководцем, и их правитель сдался в апреле, когда французская армия находилась в двадцати пяти лигах от Вены.

Но перед тем, как пересечь Альпы, молодой завоеватель унизил еще одного врага. Пий VI, не без оснований, нарушил Болонскую конвенцию и собрал войска для помощи императору; после чего Бонапарт, после победы над Альвинци, быстро продвинулся на юг, разгромил папские войска под Колли и в феврале в Толентино диктовал условия унижительного мира. Папа официально уступил Циспаданской республике не только уже переданные ей провинции Болонья и Феррара, но и провинцию Романья; он уступил Французской республике свои территории Авиньон и соседний Венессин; оставил Анкону в руках ее войск до заключения общего мира; обязался выплатить крупные контрибуции в качестве выкупа за другие провинции, которые только что захватил враг; и вновь подтвердил обязательство передать рукописи и произведения искусства, которые вскоре были вывезены.

Мир с императором не был заключен так легко. Его основные положения были закреплены в предварительном договоре, подписанном 18 апреля 1797 года в Леобене, а основные трудности были устранены за счет Венеции, правительство которой, вызывавшее неприязнь обеих сторон, поступило так, что утратило всякие права на снисхождение одной из них, не сумев при этом заслужить особой благодарности другой. Помимо уступки Австрийских Нидерландов и пограничных территорий на Рейне, Франциск полностью отказался от своих провинций в Ломбардии и согласился признать новые итальянские республики. В качестве компенсации за эти жертвы он должен был получить почти все материковые провинции Венеции, включая Иллирию, Истрию и верхнюю Италию на западе до реки Ольо; районы Бергамо и Брешия, а также Полезине, расположенные за этой рекой, должны были войти в состав Циспаданской республики. Эти венецианские территории уже подняли восстание и провозгласили себя свободными республиками, требуя защиты от французов, которые подняли их на восстание, а теперь хладнокровно бросили большинство из них на произвол нового хозяина. Несправедливость по отношению к этим несчастным ломбардам не могла быть оправдана, и никто даже не пытался ее оправдать, но для угрозы Венецианской республике быстро нашлись предлоги.

МОНАКО

До подписания предварительного договора полковник Жуно был отправлен в Венецию, чтобы потребовать удовлетворения за убийство нескольких солдат в городах, граничащих с озером Гарда. Примерно в то же время в Вероне население города и округа, возглавляемое несколькими дворянами и священниками, напало, ограбило и убило французов и их сторонников, а 17 апреля началась массовая резня. Веронская толпа и венецианские войска загнали иностранцев в цитадель и удерживали город в течение трех дней, совершая ужасные жестокости по отношению ко всем, кто подозревался в симпатиях к врагу; но 20-го числа того же месяца отряд французов штурмом взял это место и отомстил за своих друзей

многочисленными казнями, в ходе которых погибли несколько дворян и один монах-капуцин, чья красноречивость была опорой восстания. Ближе к вечеру того же дня французский капер, спасаясь от австрийского корабля, вошел в гавань Венеции в нарушение обычного права, в результате чего произошла драка со славонскими моряками, в ходе которой были убиты французский капитан и несколько членов его экипажа. Бонапарт сразу же получил радостную весть об обоих событиях — взятии Вероны и нападении на корабль. Он немедленно приказал французскому послу в Венеции покинуть город, но не прежде, чем он потребовал, чтобы комендант порта и три государственных инквизитора были заключены в тюрьму для суда. Трусливый сенат, не задумываясь ни на минуту, арестовал этих людей, приказал государственным обвинителям составить против них обвинительные заключения и поручил депутатам, присутствовавшим в штабе генерала, выразить самое смиренное подчинение.

Бонапарт резко заявил им, что их аристократическая конституция устарела и он намерен ее отменить. Не дожидаясь ответа, он объявил войну Венеции, лидеры которой уже предвидели его приговор и пытались смягчить его последствия. Несколько главных аристократов провели тайное собрание в апартаментах слабоумного Лодовико Манина, сто двадцатого и последнего дожа, где они решили созвать великий совет и предложить изменения в конституции. Примерно в то же время, когда господа Адриатики так униженно пресмыкались, последнее проявление венецианского духа продемонстрировал в Тревизо Анжело Джустиниани, губернатор провинции, который, сдавая свой меч французскому генералу, в лицо упрекнул его в предательстве Венеции. Наполеон спокойно выслушал его упреки и отпустил его невредимым.

На следующий день, пока город гудел от бесполезных приготовлений к обороне, около половины членов великого совета собрались, чтобы постановить о его роспуске. Дож вступил с длинной речью, предложив уполномочить послов вести переговоры с победоносным генералом об изменениях в конституции. Предложение было поддержано Пьетро Антонио Бембо и принято почти единогласно. Однако Бонапарт настаивал на том, чтобы совет официально самоупразднил себя и создал демократию. Его агенты использовали в городе необходимые средства соблазнения и запугивания, и 12 мая 1797 года великий совет собрался в последний раз. Народ собрался на площади Святого Марка; моряки с военных кораблей, которым уже было приказано покинуть гавань, подняли шум; после нескольких выстрелов из мушкетов аристократы охватила всеобщая паника. Внезапно раздался крик о проведении голосования; вопрос был поставлен на голосование, и отмена конституции была принята 512 голосами против 20, при этом пять членов отказались голосовать. Народ был удивлен, увидев, как их вожди покидают дворец в подавленном настроении, но причина этого скоро стала ясна. Возникла суматоха; толпа напала на дома нескольких сторонников Франции и, найдя у одного человека в кармане трехцветную кокарду, прибила ее ему к лбу. После восстановления порядка была создана временная администрация, и 16 мая в Милане был подписан окончательный договор между Францией и новой Венецианской республикой. Была признана представительная форма правления; молодое государство по своей просьбе получило гарнизон французских войск, а также были тайно оговорены штраф и передача картин и рукописей. Когда вскоре после этого венецианские послы, подписавшие эту конвенцию, потребовали от Бонапарта ее ратификации, он хладнокровно напомнил им о факте, о котором, вероятно, сам вспомнил несколькими днями ранее, — что на момент заключения договора их полномочия истекли в связи с роспуском их избирательного органа, великого совета. Поэтому он объявил, что соглашение недействительно и что Директория должна сама принимать решения в отношении революционного государства.

В это время, однако, завоеватель желал, путем действия, столь же несправедливого по отношению к другой части итальянцев, в некоторой степени компенсировать венецианцам потери, которые они понесли. Он намеревался присоединить к Венеции свою недавно образованную Циспаданскую республику, а Транспаданская республика должна была включать венецианские районы Бергамо и Брешия, в дополнение к освобожденным провинциям в центральной Ломбардии, на которые Австрия больше не могла претендовать. Но Венеции суждено было стать жертвой еще более непростительного предательства. Уступка Мантуи австрийцам, которая была предусмотрена в плане, набросанном в Леобене, была встречена с неодобрением в Париже (), в то время как венецианцы считались одновременно слишком аристократичными, чтобы быть надежными соседями, и слишком слабыми, чтобы быть полезными союзниками. Франциск, с другой стороны, чрезвычайно желал контролировать Адриатическое море, и его полномочные представители и французский генерал тайно вели переговоры об обмене островов и герцогства Венеции на крепость и провинцию Мантуя.

Между тем новое положение дел изменило взгляды Бонапарта на организацию верхней Италии. Жители Циспаданской республики, конституция которой, хотя и была разработана, но так и не была официально утверждена, легко согласились принять представленный им план объединения всех свободных провинций севера в одно мощное государство; и 30 июня 1797 года было объявлено о создании нового содружества, которое получило название Цизальпинская республика. В прокламации, подписанной Бонапартом, объявлялось, что Французская Республика путем завоевания получила в свое владение итальянскую территорию, ранее принадлежавшую Австрии и другим державам, но что, отказавшись от своих притязаний, она провозгласила новое государство независимым и, будучи в равной степени убежденной в благах свободы и ужасах революции, наделила его своей собственной конституцией, «плодом опыта самой просвещенной нации в мире». Соответственно, установленный порядок вещей предоставлял право гражданства всем мужчинам, родившимся и проживающим в государстве (за исключением нищих и бродяг), достигшим двадцати одного года и потребовавшим внесения в список избирателей. Активное избирательное право было закреплено за выборными и первичными собраниями, исполнительная власть — за директорием из пяти членов, а законодательство и другие совещательные функции — за законодательным органом и советом старейшин — все в точном следовании французской конституции 1795 года. Наполеон, как обычно, оставил за собой право впервые назначить членов Директории и обоих советов. То, что выбор этих органов, а также должностных лиц, которые должны были быть назначены ими, пал на людей, ревностно относящихся к республиканской идее, было неизбежным и вполне уместным; но все признавали, что выбор, за очень редким исключением, был чрезвычайно разумным. Президентом и первым директором был бывший герцог Сербеллони, который не долго оставался в активной жизни; тремя другими директорами, способными и честными людьми, были Алессандри, дворянин из Бергамо, Москати, врач, и Парадизи, выдающийся математик. Граф Порро из Милана был министром полиции; Луози, адвокат из Мирандолы, был министром юстиции; а секретарем Директории был Соммарива, отставной адвокат из Лоди, который впоследствии прославился в Париже как покровитель изобразительных искусств. В комитете, который разработал конституцию, мы находим имена Маскерони, поэта и ученого, и Мельци д'Эриля, чьи таланты, честность и независимость впоследствии были хорошо доказаны в более высоких сферах. Мельци был миланским дворянином испанского происхождения и дядей Палафокса, защитника Сарагосы.

Республика сначала охватывала австрийское герцогство Милан, венецианские провинции Бергамо, Брешия и Полезине, моденские княжества Модена, Реджо, Мирандола и Масс-Каррара, а также три папских легации Феррара, Болонья и Романья. Следующей осенью к

ней присоединилась провинция Мантуя. Примерно в то же время альпийский район Вальтеллина, включая Кьявенну и Бормио, был объявлен зависимым от Граубюндена, но подчинение было отвергнуто. Бонапарт, избранный арбитром, постановил, что все спорные территории являются независимыми, после чего их жители предложили себя и были приняты в качестве членов Цизальпинской республики.

[1797-1798 гг. н. э.]

Аристократия Генуи просуществовала не дольше, чем аристократия Венеции. Внутренние распри были урегулированы конвенцией в июне 1797 года, в которой был признан принцип демократии и назначено временное правительство французским главнокомандующим. Потерпевшие поражение дворяне, вступив в союз с несколькими беспринципными министрами церкви, смогли убедить население, что их иностранные друзья желают уничтожить древнюю веру; и говорят, что для более образованного класса была напечатана поддельная копия предлагаемой конституции, содержащая статью, которая провозглашала отмену католической религии в государстве. В сентябре несколько тысяч вооруженных крестьян напали на город, но были разгромлены генералом Дюфо, возглавлявшим национальную гвардию и французские войска; а 2 декабря народу была публично представлена и одобрена конституция, аналогичная цизальпинской, в соответствии с которой генуэзское государство было переименовано в Лигурийскую республику.

Судьба Венеции была уже предreshена. Ее интересы не входили в число тех сложностей, которые сделали осенние переговоры столь бурными, и 17 октября 1797 года Кампо-Формийский договор окончательно установил мир между Францией и Австрией, которой островной город был передан без оговорок и условий. Флоты Директории захватили Ионические острова, австрийцы заняли материк, и 18 января 1798 года французские войска, находившиеся в Венеции с предыдущей весны, эвакуировались из нее и впустили солдат императора.

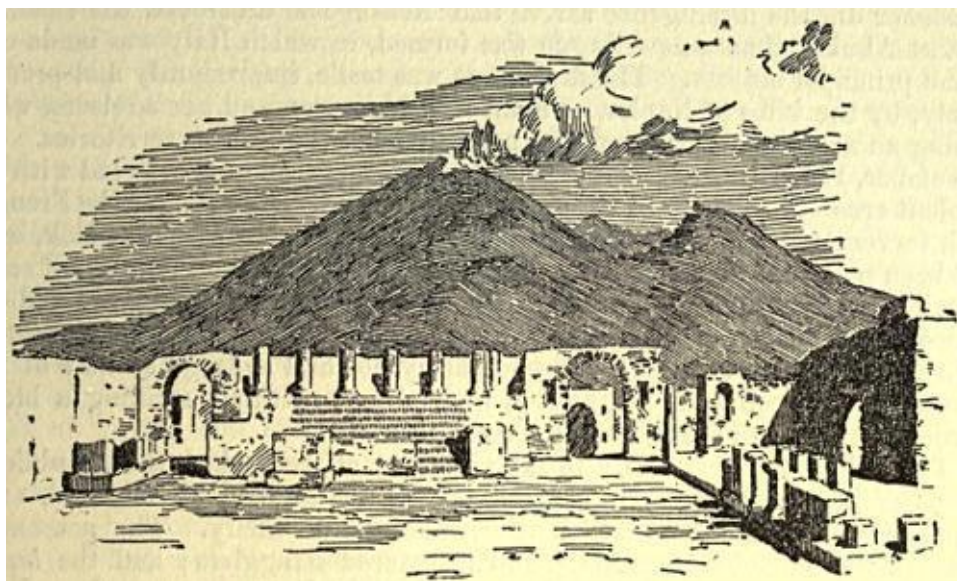
Хотя Пий VI все еще удерживал свои западные и юго-восточные провинции, он был близок к тому, чтобы потерять и их. Его подданные были теперь всецело заражены преобладающей любовью к переменам; Урбино, Мачерата и другие места неоднократно провозглашали себя республиканскими и независимыми, а Директория ждала лишь удобного повода, чтобы нанести последний удар. В декабре 1797 года ссора между некоторыми французскими партизанами в Риме и папскими солдатами привела к беспорядкам, в ходе которых демократическая партия бежала в дворец Корсини, занятый Жозефом Бонапартом, послом Франции. Военные преследовали их, и в суматохе генерал Дюфо был застрелен на лестнице. Парижское правительство возмутилось этим нарушением публичного права, перечислило все преступления, уже совершенные папским двором, отказалось принять его извинения, и в феврале 1798 года армия под командованием Бертье заняла столицу. Их генерал потребовал, чтобы папа отказался от своей светской власти, сохранив за собой универсальное епископство и получая большую пенсию. Пий, упорно отказываясь, был увезен в Тоскану, а оттуда во Францию, где и умер. Аристократы и кардиналы были ограблены; и хотя к простому народу относились лучше, тем не менее, с характерной для своей расы непостоянностью, они попытались поднять восстание в Трастевере, которое было подавлено не без большого кровопролития. Французские солдаты и унтер-офицеры, не только лишенные жалованья, но и возмущенные грабежами со стороны старших офицеров и комиссаров, подняли мятеж как в Риме, так и в Мантуе; генерал Массена, самый злостный преступник, счел разумным сложить с себя командование.

20 марта 1798 года была официально провозглашена конституция Римской или Тибрийской республики. Как и остальные, она была рабской копией французской, которую, однако, в данном случае сочли необходимым замаскировать под классическими именами. Первоначально государство состояло из Агро Романо с Патримониумом (*Patrimonium Petri*), Сабины, Умбрии, территорий Орвието, Перуджи, Мачераты, Камерино и Фермо, но вскоре к нему присоединилась Анкона (), которая была временно образована как отдельное государство.

Изгнание французов из Италии (1798-1799 гг. н. э.)

[1798-1799 гг. н. э.]

1798 и 1799 годы резко контрастировали с предшествующими им. Франция терпела неудачи как внутри страны, так и за ее пределами, в финансах, дипломатии и на войне. В начале этого периода ее полководец Бонапарт отплыл в Египет со своей итальянской армией; и поля, на которых эти храбрые люди завоевали свои лавры, теперь стали ареной повторяющихся и катастрофических поражений, нанесенных тем, кто пытался удержать свои завоевания.

ФОРУМ, ПОМПЕИ, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Французы в некоторой степени были виноваты в этом результате сами, поскольку, хотя итальянцы и не могли оказать постоянного влияния на судьбу своей родины, недовольство, которое вызвало поведение иностранцев по всей стране, в значительной степени способствовало второй смене власти. Политика, систематически проводимая Французской Республикой в отношении этих новых республик, которые она провозгласила своими независимыми союзниками, была бы невыносимо раздражающей, даже если бы ею занимались осторожные и честные агенты. Каждое государство было обязано не только принять большое количество французских солдат, но и оплачивать расходы на их содержание. Цизальпинская республика, в соответствии с договором, который ее законодательные советы долгое время отказывались ратифицировать, была вынуждена принять армию из двадцати пяти тысяч человек и ежегодно выплачивать за ее содержание восемнадцать миллионов франков; даже ее собственные войска были поставлены под

командование французских генералов; члены ее администрации были насильно смещены, если, как Москати и Парадизи, они отказывались подчиняться приказам, поступавшим из Парижа; а некоторые из самых патриотичных ломбардов, такие как барон Кустоди и поэт Фантони, были заключены в тюрьму за то, что иностранные правители называли антигражданским поведением. Сама конституция вскоре уступила место, поскольку в последний день августа 1798 года нерегулярное заседание советов заменило ее новой, продиктованной Труве, французским послом в Милане; и его план снова открыл дорогу для других изменений, введенных его преемником, печально известным Фуше, и преемником Фуше, Риво. Оппозиционная партия в Париже протестовала тщетно, и ломбарды начали одинаково ненавидеть французскую нацию и тех из своих соотечественников, которые имели несчастье занимать руководящие посты. Несколько честных патриотов во главе с генералом Лахосом из Мантуи и бираго из Кремоны, который был министром войны, организовали тайное общество для установления независимости Италии; в Лигурийском и Римском государствах быстро распространялся подобный дух, хотя и действовал он менее сильно. Там, действительно, недовольство не было столь вопиющим и заключалось главным образом в беспрестанных грабежах и притеснениях со стороны генералов и агентов Директории, которых ни одно правительство на земле не имело столь позорно нечестных слуг.

Но Французская Республика, прежде чем потерять свою власть над Италией, имела счастье на короткое время овладеть всем полуостровом. Правители континентальной Европы, утратив из виду Наполеона, начали обретать мужество; и как только пришла весть о том, что Нельсон уничтожил вражеский флот при Абукире, была образована новая лига, в которой Италия стала одной из главных целей. Первый шаг был сделан неосторожно и преждевременно королем Неаполя, или, вернее, его королевой и ее советниками, которые, собрав армию в восемьдесят тысяч человек, вторглись на римские территории. В ноябре 1798 года они захватили столицу, где их солдаты вели себя с наглой жестокостью, которая заставила горожан, хотя они и были искренне сыты по горло французами, горячо желать их возвращения. Австрийский генерал Макк, поставленный во главе неаполитанских войск, продемонстрировал в небольшом масштабе ту неспособность, которая впоследствии еще более опозорила его; его солдаты были недисциплинированными, ленивыми и равнодушными; а Шампенне, отвоевав папские провинции с французской армией, численность которой была меньше половины армии его противника, преследовал его на юг и, почти не нанеся ни одного удара, стал хозяином королевства Неаполь.

Единственное действительно серьезное сопротивление было оказано, когда республиканские войска приблизились к столице. Слабый король уже бежал и, сев на борт английского флота, переправился в Сицилию. Крестьяне преследовали армию захватчиков и убивали отставших; а *лаццарони*, дикая раса, составлявшая в те дни значительную часть населения, поднялась в ярости, услышав о заключении соглашения губернатором принцем Пигнателли. Яростная толпа заполнила улицы, воя приветствия королю, святой католической вере и своему покровителю святому Януарию; они изгнали регентство, убили подозреваемых демократов и, вооружившись, но без дисциплины и офицеров, вышли навстречу врагу на равнины. Французские пушки косили их, как траву, но в течение трех дней они снова и снова возвращались, чтобы встретить атаку, и несколько тысяч из них пали, прежде чем сдались. Остатки этой иррационально храброй толпы затем защищали город, который нападавшие должны были завоевывать улица за улицей. Шампенне, в сопровождении Фейпульты, комиссара Директории, официально вступил во владение Неаполем, разделил все провинции материка на департаменты и объединил их в одно государство, названное Партенопейской республикой. Была назначена комиссия из граждан для подготовки конституции, в которой главную часть работы выполнил Марио Пагано.

План, который был в конечном итоге одобрен, по сути был таким же, как и другие итальянские хартии, но его автор добавил к обычным чертам две оригинальные — трибунал из пяти цензоров, чьи функции по исправлению пороков вряд ли могли принести большую пользу, и эфорт, или суд высшей инстанции по пересмотру законов и магистратур, который обещал лучшие результаты.

Аристократы в провинциях были сильно разделены в своих мнениях, но многие из них все еще с теплотой вспоминали уроки, которые они извлекли из Филангери и его учеников; а средние классы, еще не испытавшие никаких бедствий, кроме тех, которые приносила абсолютная и феодальная монархия, с нетерпением слушали обещания республиканцев. В огромной столице сторонники короля были бессильны; многие из обычных побуждений были готовы поклоняться восходящему солнцу; несколько образованных энтузиастов искренне надеялись наконец увидеть то возрождение, в котором так нуждалась их страна; и даже лаццарони стали покорными и благожелательными, как только святые через своих уполномоченных слуг высказались в пользу свободы и демократии.

Ботта говорит: [↵](#) «Шампенне прекрасно понимал, какое значение эти горячие умы придавали своим религиозным убеждениям. Поэтому он выставил почетный караул у церкви Святого Януария и направил тем, кто за нее отвечал, вежливое сообщение, в котором дал понять, что будет особенно благодарен, если святой совершит свое обычное чудо — разжижение своей крови. Святой действительно сотворил чудо, и лаццарони приветствовали его громкими аплодисментами, восклицая, что, в конце концов, неправда, что французы — безбожная раса, как хотел, чтобы они думали двор, и что теперь ничто не заставит их поверить, кроме как воля небес, что французы должны владеть Неаполем, поскольку в их присутствии кровь святого застыла».

Пьемонт уже пал. Жинген, который впоследствии написал историю итальянской литературы, не сумел, будучи послом в Турине, с должной хитростью осуществить планы Талейрана; но его преемник вскоре сумел раздражать нового принца Карла Эммануила, слабого, фанатичного и сознательного человека, до открытого сопротивления. Генерал Жубер захватил провинцию и цитадель Турина, а король, 9 декабря 1798 года официально отрекшись от своей власти над материком, получил разрешение удалиться в Сардинию. Временное правительство Пьемонта, в состав которого входил историк Ботта, не смогло управлять обедневшей и раздробленной страной; всеобщее желание было успокоиться, и союз с всемогущим соседом казался единственным вероятным средством достичь этого. В начале следующей весны Пьемонт был организован по образцу Французской Республики, как предпоследний шаг к окончательному присоединению.

Осталось уничтожить не более двух старых итальянских правительств. В январе 1799 года Лукка, тогда оккупированная французскими войсками под командованием генерала Миоллиса, упразднила олигархию и приняла директивную и демократическую конституцию по модному образцу. В марте Директория, теперь уверенная в новой войне с Австрией, захватила все крупные города Тосканы, поставила герцогство под защиту французского комиссара и позволила великому герцогу Фердинанду удалиться в Вену с частью своего личного имущества.

Но теперь над головами французов во всех частях Италии надвигалась буря, и 1799 год стал для сурового Суворова тем, чем 1796 год был для Бонапарта. В конце марта австрийский генерал Беллегард пересек Альпы, отбросил республиканские войска на севере и присоединился к русским, увеличив численность союзной армии до шестидесяти тысяч человек, в то время как ее противники на полуострове не составляли и трети этого числа. Храброму Моро, главнокомандующему французскими войсками, предстояла тяжелая задача сражаться за честь своей нации без шансов на победу; а Макдональду, новому

командующему Неаполем, было приказано пробиться к своему начальнику через всю Италию — задача, которую он выполнил с большими потерями, но с выдающейся храбростью. Союзники захватили Милан и Пьемонт; и Директория отправили две новые армии под командованием Шампионне и Жубера, обе из которых были разгромлены. Большинство итальянцев, которые играли ведущую роль в республиканских правительствах, бежали во Францию, а те, кто остался, были заключены в тюрьмы и подвергнуты другим наказаниям. Крестьяне почти во всех провинциях поднялись на восстание и помогали союзникам. В июне был потерян Неаполь, а вслед за ним и Рим. Анкона, отчаянно защищаемая генералом Моннье, капитулировала в октябре; а в конце года Массена командовал в стенах Генуи, осажденной, голодающей и готовой сдаться, единственными французскими войсками, оставшимися в Италии.

Хотя военные события этого года не имеют такого значения, чтобы заслуживать подробного описания, одна глава его истории, посвященная ужасной судьбе, постигшей Неаполь, сама по себе болезненно интересна и ярко иллюстрирует дезорганизованное состояние общества в этом регионе. Зрелище, которое развернулось в разросшейся столице этого королевства, было настолько непохожим на все, что мы могли бы ожидать увидеть в наше время, что мы пытаемся найти частичное решение этой проблемы в моральном и статистическом положении города. Мы не можем найти ничего подобного, не возвращаясь к периоду Римской империи.

Муниципальная конституция Неаполя, основные черты которой уже были случайно описаны, была образцом для всех городов королевства, за исключением Аквилы, политический строй которой был скопирован с римского. Кражи и грабежи были редки, количество убийств оценивалось примерно в сорок в год, а некоторые пороки правительство предпочитало не замечать. Муниципальная администрация, юрисдикция которой распространялась только на рынки и университет, принадлежала *элетти*, или представителям *пьяцц*, *сегги*, или *седили*, которых было шесть и которые состояли исключительно из дворян. Эти патриции, собираясь в открытых портиках, некоторые из которых до сих пор можно увидеть в руинах, ежегодно выбирали депутатов в каждой *пьяцце*, а депутаты выбирали *элетто*. Седьмая площадь была образована для *popolo*, или плебейских горожан, но были приняты меры, чтобы этот класс не имел реальной власти. Они были разделены на двадцать девять районов, для каждого из которых король ежегодно назначал *capitano*, и двадцать девять капитанов, которые составляли площадь народа, назначали *eletto del popolo*, гражданина, не принадлежащего к дворянству, предложенного короной. Семь *избранных*, вместе с *сундиком*, выбранным шестью дворянскими *избранными*, составляли муниципальный совет и собирались два раза в неделю в монастыре, откуда совет получил свое обычное название — трибунал Сан-Лоренцо. Многие функции муниципалитета были возложены на девять делегаций граждан, периодически избираемых патрицианскими *площадями*.

Но из *popolo*, очень многочисленного, которое, как говорят, в конце XVIII века насчитывало тридцать тысяч или более, в обычном языке были известны под названием *lazzari* или *lazzaroni*. Это были самые низшие жители, включая, конечно, многих, кто не имел честных средств к существованию, но состоявшие в основном из тех, кто, хотя и зарабатывал на хлеб своим трудом, не занимался никаким видом квалифицированного труда. Их отличительная черта, по сравнению с населением других крупных городов, заключалась в двух моментах. Во-первых, обычная дешевизна фруктов и других овощей позволяла им прожить на самые скромные заработки, а мягкий климат делал их почти независимыми от одежды и жилья в течение большей части года. Соответственно, многие из них были буквально бездомными, проводили день на улицах в качестве носильщиков, продавцов фруктов, поденных рабочих или просто бездельников, а ночью спали на ступенях

церквей или под арками; при этом все они большую часть времени были безработными. Эти обстоятельства породили их вторую особенность — сильный дух единства, который в одно время перерос в регулярную организацию. Они были единственным классом в Италии, которого боялись испанцы; вице-короли с почтением упоминали их в своих указах и принимали делегации от них, чтобы выслушать жалобы; а в XVII веке им даже разрешалось раз в год собираться на площади Пьяцца дель Меркато и путем аккламации назначать своего временного главу или *capo-lazzaro*. С приходом к власти Бурбонов они, правда, стали менее сплоченными, и их обычай ежегодно избирать главу, по-видимому, вышел из употребления; но мы уже видели и вскоре обнаружим еще более ужасающие доказательства того, что древний нрав еще не исчез.

Мы не можем не быть поражены сходством этой неповоротливой и опасной общины с народом имперского Рима; и система, которая применялась для снабжения города продовольствием, была еще одним моментом близкого сходства. В течение четырехсот лет были безрезультатно опробованы все возможные планы предотвращения дефицита с помощью ограничительных законов. За установлением цен на хлеб и муку в 1401 году последовало в 1496 году строительство общественных складов, в которых *зетти* хранили большие запасы зерна; одновременно была установлена строгая монополия в пользу определенного числа мукоторговцев и пекарей. Муниципалитет нести огромные убытки из-за этой системы, поскольку нехватка продовольствия стала частым явлением, и корпорация, точно так же, как римский сенат и императоры, продавала свое зерно с большими убытками и снижала цену на хлеб. С 1764 года город снабжали восемнадцать привилегированных пекарей, производители макаронных изделий и одна или две подчиненные ремесленные гильдии; эти торговцы платили правительству арендную плату за свои магазины; они не только были обязаны покупать большую часть муки из государственных зернохранилищ, но и должны были сдавать на хранение большие количества собственного зерна в качестве гарантии своих обязательств, при этом они были обязаны закупать это зерно в отдаленных провинциях. В 1782 году по официальным данным было установлено, что за предыдущие девятнадцать лет корпорация потеряла 2 632 645 дукатов, или около 436 000 фунтов стерлингов. Они потратили эти деньги, не заслужив даже благодарности, поскольку к их учреждениям существовало общее предубеждение, и как в Неаполе, так и в Палермо, где действовала аналогичная система, более двух третей населения пекли хлеб дома, за исключением случаев, когда цены на зерно росли, и тогда все устремлялись в государственные пекарни.

Такова была обстановка и таковы были главные действующие лица в той страшной трагедии, свидетелями которой мы сейчас станем.

Едва была провозглашена Партенопейская республика, как жестокий кардинал Руффо высадился в Реджо, привезя с собой из Сицилии патент королевского наместника. В Калабрии и других южных провинциях он вскоре организовал многочисленные буйные орды, несколько капитанов которых были самыми опытными разбойниками, а некоторые отряды находились под командованием военных подчиненных, а некоторые — приходских священников. Прони, один из лидеров, был осужденным убийцей; Де Чезари был известным разбойником, как и Микеле Пеццо, более известный под именем Фра Дьяволо, или монах Вельзевул; а Маммоне Гаэтано, мельник из Сора, был самым страшным из всех. Разбойники стекались служить под началом своих любимых капитанов; многие старые солдаты вступали в их ряды, а крестьяне, поднятые своими священниками, присоединялись к ним тысячами и быстро учились ремеслу убийства. Французы направили против них генерала Дюэсма, которого сопровождал молодой неаполитанец Этторе Караффа, граф Руво, человек, во всех отношениях достойный противостоять кардиналу и его соратникам. Обе стороны пронесли по королевству, как чума, от Реджо до гор Абраццо; и война, если она

заслуживает этого названия, вскоре превратилась для обеих сторон в борьбу за месть и истребление. Пленных подвергали пыткам, деревни и города сжигали, а их жителей убивали; Караффа испытывал варварское удовлетворение от истребления своих мятежных вассалов, а сторонники Руффо, увлеченные кровопролитием и грабежами, быстро перестали интересоваться, были ли их жертвы республиканцами или роялистами.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КРЕСТЬЯНКА

Кардинал, быстро подчинив южные районы, продвинулся на Неаполь; французы, не в силах противостоять ему, эвакуировали город, оставив лишь слабые гарнизоны в трех замках. Республиканское правительство сразу же утратило авторитет, а законодательные советы подверглись оскорблениям в своих залах со стороны групп вооруженных головорезов. Похоже, что никакого плана обороны не было разработано, хотя лидеры делали все, что могли, чтобы воодушевить народ. В театрах, которые продолжали работать, трагедии Альфиери принимались с криками и прерывались яростными выкриками из толпы; монахи проповедовали свободу и сопротивление в церквях и на улицах; а суеверные *лаццарони* на время были сдержаны, увидев, как святые вновь проявили свою поддержку революции.^[22] Немногочисленные местные войска, которые все еще были под ружьем, были отправлены на равнину и разгромлены; и когда роялисты приблизились, отвратительный ужас сменился отчаянной решимостью. Большинство членов советов и администрации укрылись в нижних фортах, Кастель-дель-Ово и Кастельнуово.

В Неаполе находилось около двух тысяч калабрийцев, людей всех сословий, дворян, священников и крестьян, изгнанных из своих домов ордами Руффо. Только они оставались стойкими. Часть из них заняла свои посты в городе, остальные, не имея артиллерии, вышли из города и заняли гарнизон в замке Вивиена, за мостом Маддалена. Роялисты окружили их, их тяжелые пушки разрушили стены форта, и нападавшие ворвались внутрь. Республиканцы сражались как голодные тигры, ни один человек не сдался и не бежал; и

когда все, кроме горстки, пали, Антонио Тоскани, священник из Козенцы, командовавший этим небольшим отрядом, бросил фитиль в пороховой погреб рядом с собой и погиб вместе со своими друзьями и врагами. Улицы некоторое время защищали оставшиеся калабрийцы, а принц Караччоли, адмирал короля, примкнувший к народной партии, вел огонь по роялистам с нескольких небольших судов в гавани; но отряд *лаццарони* внезапно атаковал республиканцев с тыла, их ряды были прорваны (), и город был потерян. Руффо занял его 14 июня 1799 года.

Как бы мрачны ни были преступления, которые омрачают историю нашего народа, человечество редко позорилось такими ужасными сценами, как те, что последовали за этим. Всеобщая резня была лишь одной из черт этой жестокости; подробности отвратительны, многие из них совершенно непригодны для рассказа. Некоторых республиканцев задушили, специально затягивая агонию; других сожгли на медленном огне; разъяренные убийцы танцевали и кричали вокруг костров, на которых корчились их жертвы; и даже говорят, что видели, как люди вырывали плоть из пепла и жадно пожирали ее. *Лаццарони*, вновь ставшие верными подданными, с энтузиазмом помогали в поимке мятежников; в течение двух дней массовые убийства продолжались без перерыва, и смерть без пыток считалась милосердием.

Два нижних замка сдались кардиналу, который постановил, что республиканцы должны, по своему выбору, остаться в Неаполе без преследования или быть перевезены в Тулон; а два прелата и два дворянина, которые были пленниками в фортах, были переданы полковнику Межану, французскому коменданту замка Сант-Эльмо, в качестве заложников для выполнения соглашения. Последние эпизоды этой кровавой истории не могут быть рассказаны без крайнего нежелания любым уроженцем Британской империи, поскольку они глубоко запятнали одно из самых ярких имен в национальной истории. В то время как лица, защищенные договором, готовились к отправке, прибыл английский флот под командованием Нельсона, привезший короля, министра Актона и посла сэра Уильяма Гамильтона с его женой, которая была одновременно доверенным лицом королевы и злым гением храброго адмирала. Французский комендант, вероломный и трусливый, сдал замок и отдал заложников без каких-либо условий. Капитуляция была объявлена недействительной, хотя кардинал возмущенно протестовал и, не сумев добиться ее выполнения, ушел с королевской службы. Республиканцев разыскивали и сажали в тюрьмы, а для их суда создавались специальные комиссии. По приговорам, вынесенным такими судами в столице и провинциях, четыре тысячи человек погибли от руки палача.

Среди них были некоторые, чьи имена с отличием фигурировали в литературе: Доменико Чирилло, натуралист, который отказался просить о пощаде; красноречивый и философский Марио Пагано; Лоренцо Баффи, переводчик некоторых геркуланумских рукописей, который отверг яд, предложенный ему друзьями в тюрьме; Конфорти, ученый канонист и писатель по этике и истории; Элеонора Фонсека Пиментел, женщина большого таланта, которая редактировала демократическую газету. Мантоне, артиллерийский офицер, бывший республиканский министр войны, на суде не выдвинул никакой защиты, кроме следующей: «Я капитулировал». На борту одного из кораблей был казнен пожилой адмирал Караччоли, имя которого нам слишком хорошо известно. Другая жертва, граф Руво, не вызывает столь большого сочувствия, если только мы не поверим, как заставляет подозревать его поведение, что он был абсолютно невменяем. Приговоренный к смертной казни через обезглавливание, он настаивал на том, чтобы умереть с незавязанными глазами, лег на плаху лицом вверх и спокойно наблюдал за опускающимся топором. Суеверная глупость завершила сцены, начавшиеся с предательства и мести. Святой Януарий, совершивший республиканские чудеса, был торжественно смещен *лаццарони* с одобрения правительства, и на его место в качестве покровителя города был поставлен святой Антоний Падуанский, который через церковь раскрыл заговор, якобы задуманный сторонниками демократии, с

целью повесить всех лояльных горожан. Однако новый покровитель оказался неэффективным, и старый вскоре был восстановлен в должности.

Бонапарт вновь завоевывает Италию

Судьба Франции, опустившаяся до самого дна, была готова вновь подняться с приливом, более полным, чем когда-либо. В то время как восстановленные монархи Италии были заняты реорганизацией своих государств и наказанием своих восставших подданных, Париж видел, как «наследник Революции» вступает во владение своим наследством. Бонапарт, вернувшись с Востока, стал хозяином Франции и решил стать хозяином Европы. Он был назначен первым консулом в соответствии с конституцией, названной «Конституцией восьмого года», которая была провозглашена 26 декабря 1799 года.

В мае 1800 года основные силы французской армии под личным командованием Наполеона совершили знаменитый переход через перевал Великий Сен-Бернар. Вторгшиеся войска, хлынувшие с высокогорья, захватили Ломбардию и атаковали Пьемонт. Австрийский генерал Мелас с сорока тысячами солдат расположился у Алессандрии, когда первый консул, имевший несколько меньшие силы, выступил против него; и 14 июня две армии столкнулись на кровавом поле Маренго. Вечером, когда французы уже почти проиграли сражение, прибыл Десай и одержал победу ценой своей жизни; австрийцы были нанесены сокрушительное поражение, и завоевание Италии, насколько это было целесообразно, было уже обеспечено. Мелас заключил перемирие, которое давало врагу владение Генуей, Савоной и Урбино, со всеми крепостями в Пьемонте и Ломбардии на востоке до Ольо. Наполеон реорганизовал Цизальпинскую и Лигурийскую республики, создал временное правительство в Пьемонте и вернулся в Париж.

Между тем, после смерти старого папы в предыдущем году, конклав, который открылся в Венеции в марте 1800 года, возвел на папский престол кардинала Кьярамонти, уроженца Чезена и епископа Имола, который с момента присоединения своей епархии к Цизальпинскому союзу поддерживал либеральные взгляды в политике. Все партии разрешили ему вернуться в Рим и взять на себя управление провинциями, которые составляли Тибрскую республику. Король Неаполя остался в покое, но Тоскана, сначала отданная австрийцам, вскоре была захвачена французами.

Переговоры о прочном мире оказались безрезультатными, и вскоре началась новая война, которая велась в основном на северной стороне Альп и закончилась в декабре 1800 года победой Моро над австрийцами при Хоэнлиндене. В начале следующего года Лунёвский мир восстановил в северной Италии положение, почти такое же, как и по Кампо-Формиоскому договору, но Тоскана была преобразована в королевство Этрурия и передана Луи, сыну герцога Пармского, хотя французы должны были сохранить за собой Эльбу, Пьомбино и пограничные гарнизоны. Отец нового короля (чьё герцогство было передано Франции) и великий герцог Тосканы должны были получить компенсацию в Германии за потерю своих итальянских государств. Король Неаполя, вторгшись в римские провинции и заставив Мурата с трудом провести армию до Фолиньо, чтобы встретиться с ним, отказался от своих обязательств перед Англией и заключил союз с Французской Республикой.

Наполеон, восстановив католическую религию во Франции и стремясь поддерживать хорошие отношения с римским двором, приступил к реорганизации республиканских государств Италии. Однако, следуя своей обычной политике, он пытался сделать так, чтобы все его изменения выглядели как результат желания самого народа, и благодаря искреннему убеждению во многих случаях и эгоистичной покорности в еще большем числе случаев ему легко удавалось привлечь на свою сторону сторонников своих взглядов.^f

Если в конце XVIII века Италия, несомненно, стремилась стать нацией, и это стремление было тем более горячим, что было совсем недавним, поскольку возникло всего сорок лет назад, была ли она готова приступить к действиям и взять на себя управление страной? Это сомнительно. Не потому, что итальянская буржуазия, воспитанная в школе французских философов и убежденная в принципах 89-го года, не была отныне способна взять на себя власть и даже добиться приверженности сельских масс новым идеям, несмотря на их невежество и покорность духовенству, а потому, что нация не может существовать без лидера, а лидера не было. Под последовательным господством стольких иностранных тираний все эти благородные города, каждый из которых ранее был небольшим государством и поражал мир своим великолепием, один за другим опустились до ранга префектур, лишенных морального авторитета и авторитета. Неся бремя своего космополитизма на протяжении трех веков, Италия теперь была готова искупить в течение более короткого, но все же тяжелого периода эту ненависть ко всякой концентрации, которая с момента падения Римской империи была самой сильной и постоянной из ее страстей. Муниципальный дух древности, который вдохновлял все города полуострова на протяжении всего средневековья, был даже в большей степени, чем католический и универсальный дух папства, скалой, о которую разбился современный принцип национального единства. Гибеллины воплощали этот принцип в доме Гогенштауфенов, а гвельфы на протяжении многих лет — в доме Анжу, но он был свергнут в Италии в тот самый момент, когда торжествовал во всей остальной Европе. И, несомненно, именно отсюда возник несравненный блеск итальянской цивилизации на заре Ренессанса, всеобщее расцветание литературы и искусства даже в самых скромных городках, где тогда было больше интеллектуальной культуры, чем в крупнейших городах Германии, Англии или даже Франции. Но из той же причины возникла и та удивительная и плодотворная интенсивность индивидуальной и муниципальной жизни, то явление, почти уникальное в истории, когда нация отвергала идею единства, подобно туманности, отказывающейся принимать форму. Закон развития, осуществленный различными государствами латинской Европы, заключался в последовательном объединении всех элементов одного и того же или схожего происхождения вокруг центрального ядра, их кристаллизации вокруг конкретной суверенитетной и, если можно так выразиться, одной общей души. Но Италия систематически уклонялась от этого закона централизации, закона не только исторического, но и физического, который в политике, как и в природе, является необходимым условием любого прогресса. Поэтому в конце XV века она была гидрой со ста головами. Затем сто голов пали одна за другой под ударами великих французских, немецких и испанских вторжений; сама нация почти погибла. И теперь, когда нация постепенно сформировалась заново, она тщетно искала голову. Если она хотела жить, а она хотела этого с непобедимой страстью, она, в свою очередь, должна была осознать то, что все другие нации Европы достигли много веков назад, и, отказавшись от своего прошлого, она должна была приступить к работе по созданию центральной суверенитетной. Национальность — это единство, а единство может быть сформировано только вокруг общего центра.¹

СНОСКИ

^[21] Алькантарцы, орден францисканских монахов.

^[22] «Среди этой суматохи состоялась традиционная ежегодная процессия Святого Януария. Перед ее началом лидеры демократов послали к хранителям церкви просьбу искренне молиться, чтобы святой сотворил чудо. Хранители искренне молились, и кровь забурилась менее чем через две минуты. Лаццарони кричали, что Святой Януарий стал республиканцем».

— Ботта.¹

ГЛАВА XVIII. НАПОЛЕОНОВСКИЙ РЕЖИМ

[1801-1815 гг. н. э.]

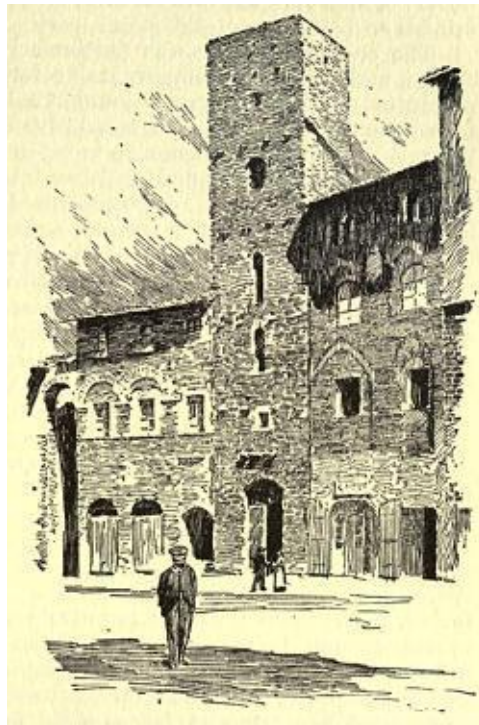
Ум Бонапарта был способен проявлять самые противоречивые качества в осуществлении своих замыслов. Примирившись с папой, победив Австрию и обманув Александра, а также будучи уверенным в мире с Англией, он приступил к осуществлению того, что так долго вынашивал в своем уме и так упорно преследовал. Он хотел, чтобы первый импульс исходил из Италии, опасаясь, что определенные остатки республиканских настроений во Франции могут иметь плохие последствия, если путь к его замыслу не будет упрощен каким-либо волнующим прецедентом. Таким образом, завоевав Италию с помощью французской армии, он стремился покорить Францию с помощью раболепных уступок Италии.

Его итальянские махинации начались с впечатляющим эффектом; в Ломбардии его самые преданные сторонники были искусно задействованы в распространении идеи о небезопасности, возникающей для Цизальпинской республики из-за временного характера ее правительства.

[1801-1802 гг. н. э.]

В то время как эти идеи распространялись среди народа, Петье вел переговоры с руководителями республики, чтобы императивные приказы консула выглядели как желания и спонтанные просьбы нации. Когда консультации по разработке плана были завершены в Париже, а по его осуществлению — в Милане, законодательный совет Цизальпийской республики издал указ, предписывающий чрезвычайному консулу отправиться в Лион, чтобы там разработать основные законы государства и предоставить информацию консулу.^{[b](#)}

В декабре 1801 года в Лионе делегация из четырехсот пятидесяти граждан из Цизальпинской республики предложила Наполеону, тогдашнему первому консулу, пост президента их правительства на срок в несколько лет. Он принял это предложение и в январе 1802 года, с согласия депутатов, провозгласил конституцию их государства, которое теперь называлось Итальянской республикой. В июне того же года Лигурийская республика также приняла измененную хартию, которая была модифицирована в декабре. Пьемонтцы, уставшие от анархии и своего деспота, генерала Мену, во второй раз согласились, чтобы их страна стала провинцией Франции, и официальная аннексия состоялась в сентябре того же года.

Площадь Коллегиата

Постепенные изменения взглядов Бонапарта и его соотечественников любопытно иллюстрируются последовательными конституциями, которые их влияние установило в Италии. В 1802 году, как внутри страны, так и за рубежом, они были неизмеримо далеки от всеобщего гражданства и первичных собраний 1793 года; южная политическая система отличалась в нескольких важных пунктах от той, которая была навязана их собственной стране. Лучшим примером этого является конституция Итальянской Республики, которая была почти полностью скопирована в Лигурийской; и эти хартии в то время рассматривались, не без оснований, как эксперименты, с помощью которых, как мы уже сказали, первый консул проверял настроения своих будущих подданных на своей стороне Альп. Во-первых, эта система смело отбросила демократию, поскольку граждане в целом были лишены избирательных прав, не на словах, а на деле: шаг, который не был полностью сделан во Франции даже консульской конституцией Бонапарта. Затем итальянские законы распределяли между коллегиями, или органами среднего и высшего классов (советами, избираемыми с некоторой свободой выбора), большинство тех функций, которые в Париже были возложены на излюбленный инструмент консула, самопровозглашенный сенат. Наконец, после того как народные массы были таким образом обезоружены, а образованные лидеры усыплены согласием, президент государства получил власть, намного превосходящую даже ту, которую он осуществлял над своими французскими согражданами.

КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ

Детали конституции, данной Итальянской Республике, интересны с исторической точки зрения как в отношении того, что было до нее, так и того, что последовало за ней.

Она сразу же сузила избирательное право, объявив, что гражданство зависит от имущественного ценза, который должен был быть установлен законодательным органом; но само по себе это право не давало ни капли политической власти. Избирательные функции были возложены исключительно на три коллегии и совет цензоров, которые должны были созываться не реже одного раза в два года для проведения коротких сессий.

Коллегия *possidenti*, или землевладельцев, состояла из трехсот граждан, облагаемых земельным налогом на имущество стоимостью не менее 6000 миланских ливров, или около 170 фунтов стерлингов. Она избиралась самостоятельно и собиралась в Милане. Коллегия *dotti* или ученых состояла из двухсот граждан, выдающихся в области искусства, теологии, этики, юриспруденции, физики или политических наук. Она заседала в Болонье. Коллегия *коммерканти* или купцов состояла из двухсот граждан, избираемых самим советом из числа наиболее выдающихся купцов или промышленников. Ее резиденция находилась в Брешии. Члены всех коллегий занимали свои должности пожизненно. Цензоры представляли собой комитет из двадцати одного члена, назначаемого коллегиями на каждом заседании. Эта комиссия, собиравшаяся в Кремоне, назначала государственный совет, законодательный орган, апелляционные и кассационные суды, а также комиссаров по финансам, всех из списков, представленных коллегиями. Она также была уполномочена подвергать государственных служащих импичменту за злоупотребления при исполнении служебных обязанностей.

[1802-1804 гг. н. э.]

Административная власть принадлежала президенту (который мог назначать вице-президента), государственному совету, кабинету министров и законодательному совету. Президент избирался первым из этих органов и занимал свою должность в течение десяти лет. Он обладал инициативой во всех законах и во всех дипломатических делах, а также всей исполнительной властью, которую осуществлял через министерство.

Государственный совет был специально создан для консультирования по вопросам внешней политики и для санкционирования своими декретами всех чрезвычайных мер президента. Министры несли широкую личную ответственность как за свои действия, так и за бездействие. Законодательный совет, избираемый, как и министерство, президентом, имел право голоса при обсуждении всех законопроектов; подготовка и принятие законопроектов в основном возлагались на него.

Законодательный орган, который обладал функциями, указанными в его названии, состоял из семидесяти пяти членов, треть из которых должна была уходить каждые два года. Он созывался и продлевался правительством, но его заседания должны были длиться не менее двух месяцев в году.

Католическое духовенство было признано служителями национальной церкви и имеющим право на церковные доходы. Администрация назначала епископов, которые, в свою очередь, назначали приходских священников с одобрения правительства. Всем другим вероисповеданиям была обещана безусловная терпимость.

Суть этой хартии и положение, которое Наполеон занимал в силу нее, делали более естественным, чем обычно, то, что он, как и его соотечественники неизменно делали в подобных случаях, впервые назначил всех членов правительства. Выбор в целом был мудрым и популярным. Мельци д'Эрил был вице-президентом.

При этом новом порядке вещей, в то время как неаполитанское правительство правил с ревностью и малой мудростью, а римский двор — с добротой, но слабо, остальная часть полуострова подчинялась, либо фактически, либо и фактически, и номинально, Французской Республике. Поддерживаемые иностранным влиянием, северные и центральные регионы Италии начали наслаждаться процветанием и спокойствием, которые были им незнакомы в течение многих лет. Новые республики были как никогда далеки от национальной независимости; некоторые части страны были открыто провинциями Франции; и повсюду политические привилегии отдельных лиц, как мы видели, сократились

далеко за пределы, до которых они простирались сразу после революции. Но отсутствие национальной независимости, хотя и было большим злом, компенсировалось многими преимуществами; а урезание общественных прав, как показал горький опыт, было благом как для государства, так и для его граждан.

НАПОЛЕОН СОЗДАЕТ ИТАЛИЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

[1804-1805 гг. н. э.]

18 мая 1804 года сенат провозгласил Наполеона императором Франции «по милости Божьей и принципам республики». Папа, после долгих колебаний, согласился даровать новой империи санкцию церкви; и, соответственно, отправившись в Париж в разгар зимы, он провел церемонию коронации в Нотр-Даме.

Итальянцы не могли разумно ожидать, что им будет позволено остаться единственными исключениями из новой системы своего господина, и ведущие граждане Ломбардии были быстро подготовлены, с помощью аргументов и побуждений, подходящих для данного случая, к принятию таких мер, которые должны были поставить их, под видом добровольного подчинения, под власть монархического строя. Вице-президент Мельци был отправлен в Париж во главе делегации Итальянской Республики. В марте 1805 года эти послы явились к императору и представили ему документ, якобы содержащий единодушное решение конституционных органов государства, в котором они предлагали ему и его законным, естественным или усыновленным потомкам мужского пола корону своей республики, которую они согласились преобразовать в «королевство Италия». Резолюции были немедленно воплощены в конституционном законе, по которому Наполеон принял суверенитет, но обязался отказаться от него в пользу своего родного или усыновленного сына, как только Неаполь, Ионические острова и Мальта будут освобождены от всех иностранных войск. В апреле император-король торжественно прошел через Пьемонт, а 26 мая в Миланском соборе состоялась его коронация. Архиепископ епархии, кардинал Капрара, который был его главным помощником в переговорах с папой, присутствовал на церемонии и получил разрешение освятить регалии; но «железная корона» Ломбардии, отличительный символ королевской власти, была, как и диадема Франции, возложена на голову Наполеона его собственной рукой.

«Эта часть церемонии, — говорит Денина, — отличалась от древнего обычая. Она не оставляла места для предположения, что коронованный монарх признавал себя происходящим от кого-либо, кроме Бога, или от власти, которую по божественной воле он держал в своих руках, — того гордого знамени суверенитета, которым он таким образом публично завладел» (с).

Он не покинул полуостров, пока не организовал не только правительство и конституцию своего собственного королевства Италия, но и не завершил материальные изменения в соседних государствах. Перед коронацией дож и сенат Генуи, предупрежденные о том, что независимость Лигурийской республики не может быть гарантирована, и, как говорят, ревниво настроенные против союза с новым королевством, подали прошение о присоединении к Франции. Их господин снисходительно удовлетворил просьбу, которую он сам и продиктовал, и формальное присоединение было завершено в октябре 1805 года. В марте того же года княжество Пьемонт было передано его сестре Элизе Бонапарт в качестве феода Французской империи, а в июле территории, принадлежавшие республике Лукка, были преобразованы в другое княжество для ее мужа, Паскуале Баччокки. Единственными частями верхней Италии, которые остались невостребованными, были

провинции бывшего герцога Пармы, которые, хотя и были оккупированы французами, не были официально включены ни в империю, ни в королевство Италия. Вице-королевство последнего было передано Эжену Богарне, сыну императрицы Жозефины. Ни одна из великих держав Европы не признала новое королевство, и, по сути, ни одна из них не была об этом прошена.

[1805-1808 гг. н. э.]

Законные правители не оставили своего плебейского брата в покое даже в первый год его правления. Вторжение в Италию под командованием эрцгерцога Карла закончилось поражением австрийцев от Массена на Адидже; а в декабре 1805 года великая битва при Аустерлице заставила императора Франциска заключить невыгодный Пресбургский договор. В отношении Итальянского полуострова он признал королевский титул Наполеона и согласился со всеми его другими договоренностями; но, кроме того, он был вынужден сдать Венецию с ее провинциями, как он их получил по Кампо-Формийскому миру (), согласившись, чтобы они были присоединены к королевству Италия. В январе 1806 года островной город был оккупирован французскими войсками под командованием генерала Миоллиса.

Наполеон воспользовался возможностью нового приобретения, чтобы основать наследственную аристократию с итальянскими титулами, ряды которой быстро пополнились его наиболее полезными слугами, как гражданскими, так и военными. Были определены определенные районы, которые император оставлял за собой право превратить в герцогства, присвоив их титульным владельцам пятнадцатую часть доходов, получаемых от провинций, в которых они находились, и отложив для той же цели цену больших участков национальных земель. В Парме и Пьяченце должно было быть три таких феодальных владения, в недавно завоеванном Неаполе — шесть, а в венецианских провинциях — двенадцать, среди которых были Далмация, Тревизо, Бассано, Виченца, Ровиньо и другие владения, титулы которых приобрели новый интерес благодаря известности людей, которые их носили. Два других герцогства, присвоенные соответственно маршалу Бернадоту и министру Талейрану, были образованы из папских округов Понтекорво и Беневенто. Император Франции, теперь верховный правитель королевства, включающего эти территории, захватил их, не утруждая себя изобретением какого-либо предлога, хладнокровно заверив папу, что потеря будет компенсирована впоследствии, но что характер компенсации будет в значительной степени зависеть от хорошего поведения святого отца.

КОРОЛЕВСТВО НЕАПОЛЯ И ПАПСТВО

Король Неаполя, недавно бывший униженным вассалом французов, позволил без сопротивления высадиться отряду русских и англичан. Кардинал Руффо, который возмущался трагедией 1799 года и презирал интриги Актона, был отправлен, чтобы умиловить гнев завоевателя, но вернулся домой убежденным бонапартистом; а Наполеон, который хотел трона для одного из своих братьев, провозгласил своим солдатам, что династия Бурбонов в нижней Италии перестала править. Его армия пересекла границу в январе 1806 года, после чего король бежал на Сицилию; его высокомерная жена задержалась до последнего момента, а затем с неохотой последовала за ним. Жозеф Бонапарт, не встретив сопротивления, кроме иностранцев, составлявших гарнизон Гаэты, в начале февраля вошел в столицу и, спокойно выслушав мессу, отслуженную Руффо в церкви Святого Януария, был провозглашен королем Неаполя и Сицилии. После нескольких сражений, главным образом в Калабрии, вся страна в пределах Фаро Мессины подчинилась

своему новому правителю, хотя в нескольких районах верность была лишь номинальной. Следующим летом сэр Сидней Смит взял Капри и убедил сэра Джона Стюарта высадиться в Калабрийском заливе Св. Евфимии, но единственным результатом стала блестящая победа британских полков над французами при Майде. Роялистские партизаны опозорили свое дело жестокостями, которые не смогли остановить даже усилия английских офицеров, и после того, как силы противника значительно усилились, экспедиция была вынуждена вернуться на Сицилию.

В течение того года Наполеон был занят войной против Пруссии, которая закончилась битвой при Йене; а в 1807 году он начал свою систему интриг в Испании, первым плодом которой стало очередное захват территории в Италии. Овдовевшая королева Этрурии, которая действовала в качестве регента за своего сына Карла Людовика, была без церемоний изгнана из его государств, которые в мае 1808 года были преобразованы в три департамента Франции, в то время как принцесса Пьембино из династии Бурбонов-Сан-Сальвадор была установлена во Флоренции с титулом великой герцогини Тосканы. Примерно в то же время — по предложению или под предлогом, что Бурбоны из Пармы должны стать правителями Португалии — их герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла были окончательно присоединены к Франции.

[1808-1811 гг. н. э.]

Главным событием того года стало начало кампании французов в Испании и Португалии. Замыслы военного автократа в этом регионе, которые стали первым шагом на пути к его гибели, заставили его отозвать своего брата Жозефа с трона Неаполя, который после его отъезда из Италии в Мадрид был передан Иоахиму Мурату, великому герцогу Бергскому и Клевскому, одному из самых храбрых генералов императора и мужу его сестры Каролины. Единственным титулом нового короля был указ, изданный Наполеоном в Байонне 15 июля 1808 года, в котором он объявлял, что передал Иоахиму трон Неаполя и Сицилии, освободившийся в результате вступления Иосифа на трон Испании и Индии. Эффектный и галантный солдат начал свое правление с изгнания сэра Хадсона Лоу с острова Капри; ^[23] а когда карбонарии, недавно организованная секта республиканцев, вступила в коалицию с роялистами, чтобы поднять беспорядки по всей Калабрии, он послал в провинцию своего соотечественника, генерала Манхеса, рекомендованного для такой службы тем, что он ранее умиротворил, или, скорее, обезлюдил, Аbruццы. Посланник, выполняя свой приказ с безжалостной суровостью, привел этот уединенный регион в порядок и мир, возможно, впервые в его современной истории.

Следующий год опрокинул папский престол. Беспорядки, которые революция вызвала в галликанской церкви, были успокоены конкордатом 1801 года; но кодекс правил, изданный первым консулом для реализации принципов этого соглашения во Франции, и декрет, изданный вице-президентом Мельци для той же цели в Ломбардии, были отвергнуты Пием как несанкционированные им и противоречащие не только духу конкордата, но и принципам римской церкви. Последовавшее примирение было лишь видимым; Наполеон решил, что его власть над Италией, простиравшейся теперь от одного конца полуострова до другого, не должна подвергаться сомнению, и папская держава была открыто провозглашена феодем Наполеона, преемника Карла Великого. Протесты Пия по церковным вопросам, действительно, высказывались в тоне, который не мог не раздражать такого человека, как император.

В январе 1808 года, как более подробно описано в истории Франции, семь тысяч солдат под командованием Миоллиса, якобы направлявшихся в Неаполь, свернули с пути и захватили Рим; а в апреле императорским указом, обосновываемым отказом папы от

союза, опасностью оставить недружественную державу, способную перекрыть коммуникации в центре Италии, и верховной властью Карла Великого, четыре папские провинции — Анкона, Урбино, Мачерата и Камерино — были безвозвратно присоединены к королевству Италия.

В мае 1809 года Наполеон издал из дворца Шёнбрунн в Вене указ, который присоединял к Французской империи те провинции папского государства, которые еще не были захвачены. Папа должен был получать ежегодную ренту в размере двух миллионов франков и ограничивать свое внимание надлежащими обязанностями своего епископского сана. Пий издал очень решительный манифест, прошел через формальность отлучения от церкви Наполеона и всех церковников, которые должны были ему подчиняться. В ночь с 5 на 6 июля французские солдаты и полиция ворвались в его апартаменты и арестовали его. Его перевезли во Францию, а оттуда обратно в Савону, где он содержался в строгом заключении до 1811 года. В июне 1810 года королевство Италия получило последнее присоединение территории, когда к нему был присоединен южный или итальянский Тироль.

[1810-1814 гг. н. э.]

Из краткого изложения событий следует, что с середины 1810 года до падения Наполеона в 1814 году политическое деление Италии было следующим:

Материковая часть была разделена на четыре части, или, точнее, на три, поскольку Лукка фактически относится к первой. (1) Большая часть территории была присоединена к Франции, чьи владения на западном побережье теперь простирались на юг до границы с Неаполем. Эти итальянские провинции Французской империи располагались в основном на западной стороне Апеннин, где они включали следующие районы: Ниццу с Савойей с 1792 года, Пьемонт с 1802 года, Геную с 1805 года, Тоскану с 1808 года и западные провинции Римской империи с 1809 года. На северо-востоке горной цепи Франция владела только Пармой, Пьяченцей и Гуасталлой, которые были присоединены к ней в 1808 году. В пределах неаполитанской границы она владела герцогствами Беневенто и Понтекорво. (2) На западной стороне гор имперская территория прерывалась небольшим независимым княжеством, включавшим Лукку и Массу-Каррару. Однако это мелкое государство принадлежало членам императорской семьи и фактически было одной из его французских провинций. (3) Центральная и восточная Ломбардия с некоторыми районами Альп и частью собственно полуострова составляли королевство Италия, корону которого носил Наполеон. Его территории включали, во-первых, всю австрийскую Ломбардию; во-вторых, Вальтеллину с Кьявенной и Бормио; в-третьих, Венецию и ее материковые провинции от Ольо на западе до Изонцо, который в последнее время был установлен в качестве восточной границы; в-четвертых, ту часть Тироля, которая образует долину Адидже; в-пятых, территории герцогов Модены и Реджо, за исключением Массы-Каррары; в-шестых, папские провинции Феррара, Болонья и Романья, Урбино, Мачерата, Камерино и Анкона. (4) Королевство Неаполь состояло из тех же провинций на материке, которые ранее управлялись Бурбонами, а с 1806 года им правили монархи, принадлежавшие к императорской семье Франции. Законные монархи по-прежнему владели двумя большими островами: бывший король Неаполя владел Сицилией, а король Сардинии — островом, который дал ему его титул.

[1806-1814 гг. н. э.]

Для неаполитанского « » [24] , а также для папских государств смена правителей или политического устройства во время революции не могла быть злом; венецианские провинции также были плохо управляемы и угнетаемы; на Ломбардию вновь обрушилась тяжелая рука Австрии; и в самой Тоскане было многое, что требовало исправления, как в характере новых правителей, так и в характере народа. Дух местной ревности, а также полное отсутствие военного духа и национальной гордости были вещами, которые революция помогла решительно искоренить, хотя итальянцы дорого заплатили за эту выгоду. Ресурсы страны, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, развивались с успехом, которому не было равных в ее современной истории , и процветание было сдержано и направлено в новые русла только той неразумной и мстительной политикой, с помощью которой Наполеон в течение многих лет, начиная с Берлинского декрета 1806 года, пытался поставить Британскую империю и ее колонии в состояние блокады.

Даже тот произвольный характер, который в последние годы его правления превратил его правление в чистый деспотизм, никогда не проявлялся на юге Альп с той же яростью, с какой он проявлялся в других провинциях его королевства. В глубине души Наполеон Бонапарт гордился своим южным происхождением, которое он всеми силами, вплоть до мелкой уловки с неправильным написанием своей фамилии, старался заставить своих трансальпийских подданных забыть; сам по душе скорее итальянец, чем француз, он понимал и сочувствовал характеру своих соотечественников, как в его слабостях, так и в его сильных сторонах, в его способностях к совершенствованию, так и в признаках упадка; он льстил народу, он вдохнул свой пламенный дух в армию, он почитал ученых и научных деятелей, он нанимал и доверял тем умным людям, которые жаждали поля для политической деятельности. Он научил народ чувствовать себя могущественной нацией, и те, кого он так облагородил, до сих пор не забыли своего сурового благодетеля. Если Наполеон наказывал Италию кнутом, то Францию он наказывал скорпионами; и одна область не меньше другой извлекла пользу из этой полезной дисциплины.

После падения папства была сделана попытка придать единство и видимость независимости итальянским провинциям империи, объединив их в одно общее правительство, управление которым сначала было возложено на Луи Бонапарта, а затем передано принцу Боргезе, главе знатной римской семьи первого ранга, который женился на Полине, одной из сестер императора. Была введена французская система налогообложения с очень незначительными изменениями, и в 1812 году итальянские провинции (за исключением Ниццы) принесли казне в два раза больше доходов, чем все другие территории, недавно присоединенные к империи, включая некоторые из самых богатых торговых городов Европы. Общая сумма, собранная за счет всех видов налогов в течение того года, составила 95 712 349 франков, или почти четыре миллиона фунтов стерлингов, что дало 62 644 560 франков в качестве чистой прибыли казны; также следует отметить, что расходы на сбор налогов здесь были значительно меньше, пропорционально, чем в других недавних приобретениях. Доходы были щедро потрачены на организацию эффективных судов (чьим учебником, конечно же, был Кодекс Наполеона), на выполнение полезных, а также представительных работ, таких как строительство дорог, мостов и общественных зданий, на исследование древностей Рима и других мест, а также на развитие искусств и производства посредством премий и других подобных поощрений.

Несмотря на произвольность его метода введения нового свода законов, ничто из того, что Наполеон сделал для Италии, не было столь же выдающимся благом. Еще одним заимствованием из Франции была военная повинность, которая, хотя и имела некоторые

преимущества, в большинстве случаев была серьезным злом. Ежегодные наборы, проводившиеся в течение шести лет, закончившихся в 1814 году, составили в общей сложности девяносто восемь тысяч человек, увеличившись с шести тысяч в 1806 году до пятнадцати тысяч, что соответствовало потребности в течение каждого из последних четырех лет; но только часть этих войск была призвана на действительную службу. Тем не менее, иностранные войны императора, особенно в Испании и России, стоили его цизальпийским провинциям жизни тысяч людей. Восстановление наследственной аристократии, которое произошло во Франции, произошло и в Италии в результате декрета 1808 года, наделяющего суверена правом присваивать титулы и позволяющего созданным таким образом дворянам учреждать майораты, или завещания земель в пользу своих старших сыновей или других лиц, которых они могли выбрать для передачи своих почестей.

Нам еще предстоит рассмотреть финансы королевства, ту ветвь его политической системы, которая в обоих своих аспектах, доходах и расходах, подвергалась более резкой критике, чем любая другая. Часть этой критики вполне заслужена, но большая ее часть является чрезмерной, а немалая часть — совершенно необоснованной. Две серьезные ошибки пронизывали всю систему: во-первых, умножение налогов, как по количеству, так и по сумме, которое Наполеон, постоянно погруженный в иностранные войны, ввел с более прямой целью наполнения своей казны, чем для комфорта или процветания своих подданных; во-вторых, зависимое положение Ломбардии, которое привело к тому, что ее интересы в нескольких случаях были принесены в жертву интересам Франции.

ОСТРОВА СИЦИЛИЯ И САРДИНИЯ

[1801-1814 гг. н.э.]

В то время как весь полуостров подчинялся французскому императору или его вассальным князьям, англичане сохранили Сицилию для короля Фердинанда.

Когда двор впервые переехал на этот остров, недовольство низших сословий было всеобщим; и когда оно вылилось в насилие в Мессине и других местах, маркиз Артали подавил дух народа жестокостью, которую не могли остановить никакие протесты британцев. Британцы, действительно, не пользовались популярностью и вскоре потеряли благосклонность властной королевы, которая вступила в тайные переговоры с Наполеоном. Безрассудная расточительность двора, вынуждавшая вводить чрезмерные налоги, довершила отвращение народа; и бароны на парламентском заседании 1810 года, помимо защиты себя и других путем отказа от предоставления средств, за исключением условий, которые делали их сбор практически невозможным, добровольно поддержали дело народа, отменив многие из своих феодальных привилегий.

Дела дошли до кровавого кризиса, когда лорд Уильям Бентинк, новый посол в Палермо, выполнил решения английского правительства. Королева была вынуждена согласиться, чтобы ее муж передал власть своему сыну в качестве наместника или регента, а Бентинк был назначен генерал-капитаном Сицилии. В 1812 году был созван парламент, который разработал хартию, которая после яростного сопротивления со стороны Каролины была ратифицирована принцем-наместником.

История Сардинии во время французского правления на материке не представляет ни интереса, ни важности, чтобы задержать нас надолго. Ее король, Карл Эммануил, уставший от мира, отрекся от престола в 1802 году и удалился в Рим, где прожил много лет в молитвах, получая пенсию от Наполеона после захвата им города и став иезуитом, когда

этот орден был восстановлен. Его брат и преемник Виктор Эммануил удерживал свою корону острова на тех же условиях, что и его сицилийский сосед, или, другими словами, под защитой английского флота.⁴

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА

Когда 6 августа 1806 года Франц II Австрийский отказался от императорской немецкой короны, Австрия, по-видимому, отказалась от своей власти над Италией, хотя до этого эта страна находила свою главную опору в австрийском правлении. Все посягательства Австрии на Италию за пределами своей провинции итальянцы впоследствии расценили как прецедент, что в 1806 году Австрия сама отказалась от древних прав Священной Римской империи.

Политические убеждения давно притупились, политические страсти, связанные с вкладами и мошенничеством французских проконсулов и их инструментов из числа « », угасли, как огонь в сгоревшем доме. Более опасные итальянцы были возведены в бароны и графы, а Мельци, известный своим характером и интеллектом, был возведен в герцоги. Ярость, которая все еще тлела в отдельных людях из-за деградации Италии, отражена в произведениях графа Альфиери, родившегося в Пьемонте в 1743 году и умершего во Флоренции в 1804 году, а также Никколо Уго Фосколо, родившегося от греческой матери в Венеции в 1772 году и умершего в Лондоне в 1827 году. Хотя сами эти люди были далеки от безупречности, они были панегиристами патриотического целомудрия и самоубийства, и обладали своего рода вулканическим гением, который подталкивал их к написанию чего-то великого. Их религией была классическая античность, бродящая в феноменально высоких котурнах. Альфиери заявлял, что папство несовместимо со свободой Италии; оба писателя пришли к определенному отчаянному спокойствию из чистого восхищения Англией. Их миссией было научить итальянский народ чувствовать свое политическое несчастье, и в ее выполнении они оставались великими мастерами отчаявшейся партии. Некоторые итальянские молодые люди разжигали свой негативный патриотизм, свою ненависть к тирану и презрение к низшим классам под влиянием этих доктрин; но, несмотря на все их усилия добиться эффекта, оба поэта обладали более подлинной патриотической страстью, чем когда-либо проявляли их подражатели, и были героями патриотической добродетели по сравнению со многими, кто холодно спекулировал на страстях других.

Долговременным последствием республики стало полное упразднение феодальных прав, что дало ломбардской и венецианской знати положение исключительной свободы.

[1805-1806 гг. н. э.]

В 1805 году, как мы уже видели, Наполеон назначил вице-королем Эжена Богарне, сына Жозефины; позже он сделал его своим преемником в королевстве Италия, поручив ему управлять им по простой системе: «Император так хочет!» Новый правитель сам написал Наполеону, что королевство Италия будет ежегодно выплачивать Франции 30 000 000 франков. Эжен женился на дочери короля Макса Баварского, с которым он разделил Тироль в соответствии с их национальностью.

Через два дня после свадьбы, 16 января 1806 года, Наполеон усыновил Эжена. Теперь, когда к нему были присоединены Анкона и вся Венеция, «королевство Италия» насчитывало 6 500 000 душ на 1530 квадратных миль. Даже суды, или, вернее, их советники, достойные требований времени, заметили, что из союза всех этих фрагментов постепенно возникала идея национальности.

[1806-1813 гг. н. э.]

Бальбо^e говорит об этом времени: «Это было, без сомнения, вассальное подчинение, но вассальное подчинение, которое разделяло гордость, радости и триумфы правителя. Это было время всеобщего самоуважения, и именно с этого времени народ впервые произнес название Италия с особой любовью и почтением; по всей Италии мелкие муниципальные и провинциальные ревности, укоренившиеся веками ранее и процветавшие даже в утопической республике того времени, начали угасать».

Не следует забывать, что Бальбо принадлежал к пьемонтцам, а значит, к высшей военной аристократии. Семьи, чьи сыновья должны были пройти через огонь и быть принесены в жертву Молоху амбиций Наполеона, не могли тогда разделять его чувства. Из 30 000 итальянцев из Испании вернулось едва ли 9000. Еще более болезненное впечатление произвело заявление Наполеона о том, что из 27 000 солдат королевства Италии, отправившихся в Россию, осталось едва ли тысяча, тем более что он сделал это заявление сухо, без единого слова признания, и лишь приказал сформировать новую армию. Остальная часть Италии, частично присоединенная к Франции, а частично принадлежащая Неаполю, понесла аналогичные потери.^f

ПАДЕНИЕ НАПОЛЕОНА

Зимой 1812 года великая армия императора погибла в снегах России. Германия поднялась против него как один человек; битва при Лейпциге завершила его гибель; и до конца 1813 года он не сохранил ни одной из своих зарубежных территорий, кроме Италии. Так как он использовал влияние религии для укрепления своей растущей власти, то теперь он снова обратился к ее поддержке, чтобы остановить свое падение. Призвав заключенного в тюрьму папу в Фонтенбло после своего возвращения из роковой кампании на севере, он убедил его подписать конкордат, который уступал в некоторых спорных вопросах и вновь давал Французской империи покровительство римской курии. Но советниками Пия в этом шаге были кардинал Руффо и люди, которые, как и он, смотрели на события со светской точки зрения: и другие друзья, кардиналы Пака, Габриелли, Литта и Де Пьетро, которые были следующими, допущенными в его кабинет, внушили понтифику иные чувства. Он отозвал

свое согласие, и Наполеон потерял ту власть, которую он надеялся таким образом получить как над Францией, так и над Италией.

Тем временем нация была призвана принять активное участие в заключительной борьбе, которую вел их завоеватель; королевство Италия, за исключением угрюмой аристократии Венеции, с радостью и энтузиазмом выступило с чрезвычайными вкладами в виде людей и денег. Пьемонт был столь же ревностен и активен. Мало что было сделано для помощи Наполеону и совершенно ничего для обеспечения независимости Италии после его свержения. Местные и личные ревности, хотя и были усыплены, но не уничтожены; мнения и желания различались по бесчисленным нюансам; и, прежде всего, не было лидера, человека, который мог бы повести нацию в бой, бросив вызов страшным препятствиям, которые встали бы на ее пути. Среди тех, кто руководил судьбами страны, не было ни тех, кто мог бы создать независимую монархию на полуострове, ни тех, кто мог бы создать федерацию или единую республику; Мюрат и Эжен Богарне были одинаково неподходящими для роли Роберта Брюса; и среди всех их итальянских генералов не было Костюшко.

[1813-1815 гг. н. э.]

Летом 1813 года австрийские войска прошли через южные перевалы Альп и после нескольких нерешительных сражений с войсками Эжена к концу кампании захватили большую часть северной Италии. Тем временем король Иоахим, ведя свои войска на север, захватил папские провинции и поразил Европу, провозгласив себя союзником Австрии. Он заключил сделку, по которой Франциск, при условии получения его помощи, гарантировал неаполитанский трон себе и своим наследникам. Следующей весной отряд англичан и сицилийцев захватил Ливорно и оттуда под командованием лорда Уильяма Бентинка двинулся на Геную, которая сдалась без сопротивления.

Но борьба уже была закончена, поскольку 11 апреля 1814 года Наполеон подписал в Фонтенбло акт об отречении. Получив эту информацию, Эжен попытался закрепить за собой Ломбардию. Сенаторы отказались выполнить его желание. В результате начались беспорядки, в ходе которых непопулярный министр финансов Прина был разорван на куски толпой, а Межан с трудом спасся. Вице-король искал убежища у короля Баварии, одна из дочерей которого была его женой. Немецкие войска немедленно заняли все главные города и крепости полуострова.

В течение того же года законные принцы Италии один за другим возвращались на свои троны, поскольку Венский конгресс урегулировал их претензии. Но история империи Наполеона не будет завершена, пока мы не перенесемся на несколько месяцев вперед, чтобы увидеть падение последнего из тех государств, которые он создал к югу от Альп.

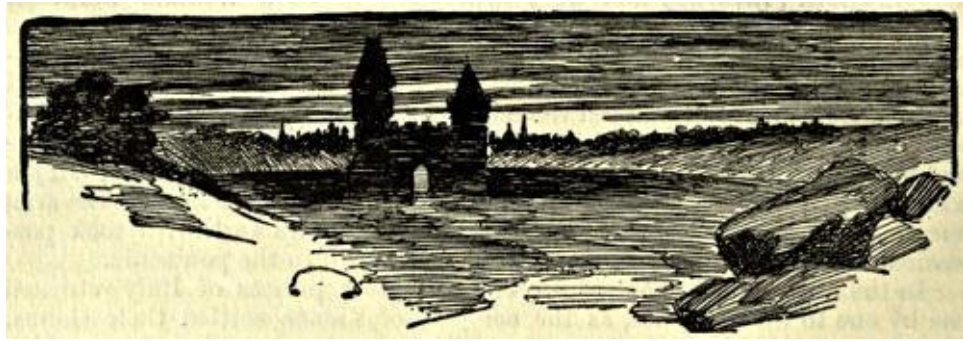
Это был Неаполь, который некоторое время оставался в аномальном положении. Император Франциск, как бы он ни желал этого, не смел нарушать свои обязательства, но Франция, Испания и Сицилия протестовали против всех решений конгресса, пока Иоахиму позволялось сохранять свое королевство. Его собственная неосторожность вскоре устранила эту трудность. В марте 1815 года, узнав, что Наполеон покинул Эльбу и высадился на берег, он предложил Австрии присоединиться к войне против него при условии общего признания его титула. Ответ был уклончивым, и он поспешил получить для себя все, что мог. С армией из пятидесяти или шестидесяти тысяч человек, плохо обученных и не очень лояльных, он дошел до Равенны, откуда немецкие войска численностью в десять тысяч человек оттеснили его обратно за пределы его собственной границы. Он бежал по морю, в то время как его столица сдалась английскому флоту, и в июне 1815 года Фердинанд высадился в Бахе и вступил во владение всеми своими старыми провинциями на материке.

После битвы при Ватерлоо свергнутый Иоахим скитался по Франции и перебрался на Корсику, откуда с двумя сотнями последователей отплыл в Италию в тщетной надежде завоевать свое утраченное королевство. Он высадился в Калабрии, где земля еще пахла кровью, пролитой Манхесом; крестьяне схватили его и передали военным. Военный трибунал, получивший полномочия из Неаполя, признал его виновным в государственной измене, и 13 октября 1815 года он был расстрелян в Пиццо, встретив бесславную смерть с той же храбростью, которую он всегда проявлял на поле битвы.^{[d](#)}

СНОСКИ

^{[\[23\]](#)} [«Этот генерал, впоследствии тюремщик Наполеона, сдался и был освобожден под честное слово». — Де Кастро.^{[a](#)}]

^{[\[24\]](#)} [О правлении Иоахима Мюрата в Неаполе Де Кастро говорит: «Правительство Иоахима, которому помогали хорошие и энергичные министры, среди которых был Риккарди, граф ди Камальдоли, предложило усилить и расширить хорошие законы Иосифа и внушить неаполитанцам обязанность совершенствоваться. В то же время, поскольку необходимость в наказаниях уменьшилась, они хотели смягчить строгость законов и, по возможности, стереть все следы прошлых бурь. Многие сторонники Бурбонов или обвиняемые властями в этом были освобождены из тюрем и вернулись из изгнания. Образование молодежи было обеспечено созданием подходящего колледжа в Неаполе, а в каждой коммуне была открыта школа для девочек. Должно было быть четыре университета: в Неаполе, Аттамуре, Кити и Катандзаро, каждый с пятью факультетами. Были учреждены новые профессорские должности, основанные лицеи и школы в соответствии с обещаниями предыдущего короля. Начальное образование стало широко распространенным, заменив запутанное и поверхностное энциклопедическое обучение. Инспекции и экзамены проводились с большой осторожностью».^{[a](#)}]

ГЛАВА XIX. БЕСПОЛЕЗНЫЕ БОРЬБЫ

[1815-1848 гг. н. э.]

В полноте своей деспотической власти Наполеон уничтожил весь прежний порядок вещей. Он попрадал древние республики и стер даже названия самых уважаемых княжеств. Королевское великолепие Венеции не спасло самую славную из республик от его железной хватки. Лукка не нашла безопасности в тех республиканских институтах, происхождение которых теряется в мраке далекой древности. Сам имперский Рим не вызывал никакого уважения к трону наместника небес на земле. Папа, из рук которого Наполеон получил мир, придававшее ему священный характер помазанного царя, был увезен в плен под конвоем французских драгун.

Не осталось ни одного национального правительства. В самые тяжелые дни иностранного вторжения понтифик с горькой правдой сказал дожу Венеции: «В Италии не осталось ничего итальянского, кроме моей тиары и вашей герцогской шапки». Под властью Наполеона исчезли и тиара, и герцогская шапка. Папа был пленником во Франции, а Венеция стала провинцией итальянского королевства императора. Единственным остатком итальянской национальности — и, будучи надета на голову чужеземца, ее едва ли можно было назвать принадлежащей Италии — была железная корона лангобардов. Таково было положение Италии, с которым пришлось иметь дело правителям в Париже и на Венском конгрессе.^{[b](#)}

[1815-1818 гг. н. э.]

Восстановление законных династий, частично осуществленное в 1814 году, было завершено в следующем году; и все наиболее важные отношения между итальянскими государствами были закреплены в течение этого периода последовательными актами Венского конгресса.

Дом Австрии получил свои древние территории Милана и Мантуи, но к ним были добавлены Венеция и все ее материковые провинции, а также те районы, которые Наполеон отнял у Граубюндена. Таким образом, воспользовавшись грабежами, за которые он якобы взялся мстить, император Франц стал властелином всей Ломбардии, простирающейся на запад до Тичино и на юг до По, и 7 апреля 1815 года () он провозгласил создание на этих территориях, простирающихся на восток до гор, образующих правый берег Изонцо, монархического государства под названием Ломбардо-Венецианское королевство.

Король Сардинии [Виктор Эммануил I], который по-прежнему сохранял свое островное господство, получил обратно Пьемонт и Савойю; в дополнение к этому, в соответствии с резолюцией, вызвавшей глубокое возмущение в Италии и обвиненной английским правительством в нарушении явных обещаний, ему были переданы все провинции Генуэзской республики, которые их новый правитель превратил в герцогство. Женская линия дома Эсте, представленная Франциском, внуком последнего герцога Эрколе и сыном эрцгерцога Фердинанда Австрийского, получила в качестве независимого герцогского государства княжества Модена, Реджо и Мирандола, к которым вскоре добавилась Масса-Каррара.

Лукка, провозглашенная герцогством, перешла к инфанте Марии Луизе, бывшей королеве Этрурии, но, поскольку двор Мадрида протестовал против решения, отклоняющего претензии этой принцессы на княжество Парма, в 1817 году было заключено новое соглашение. Согласно первоначальному плану, Парма вместе с Пьяченцей и Гуасталлой

была передана в качестве независимого герцогства () бывшей императрице Франции Марии Луизе [жене Наполеона], а остальная часть — ее сыну, молодому герцогу Рейхштадту: последующий договор предусматривал, что после смерти первой бывшая королева Этрурии или ее наследники должны были получить Парму и присоединенные к ней провинции, отказавшись от Лукки, которая должна была быть включена в состав Тосканы.

Эрцгерцог Фердинанд вернулся в то тосканское герцогство, которое он унаследовал от своего отца Леопольда; и, помимо острова Эльба и некоторых незначительных присоединений к границе, он теперь получил неограниченное владение гарнизоном государством.

Папа был подтвержден в своем суверенитете над государствами церкви на севере до реки По, включая неаполитанские районы Беневенто и Понтекорво, но его французские провинции не были восстановлены.

Старому королю Неаполя были возвращены его владения в прежнем размере: Калабрия [\[25\]](#), Калабрия (), и 8 декабря 1816 года он провозгласил себя под именем Фердинанд I основателем новой династии, чье королевство, охватывающее как материковые провинции, так и остров, было названо Объединенным королевством Обеих Сицилий. Небольшая Сан-Марино была официально признана последним выжившим представителем итальянских республик; а французский пэр, владевший Монако, имперским феодалом на побережье недалеко от Ниццы, имел достаточное влияние, чтобы сохранить для своих земель номинальный статус независимого государства.

Назвав себя просто королем Ломбардии и Венеции, император Франциск принял титул, который гораздо менее точно отражал реальный объем его власти, чем более амбициозное название, которое Наполеон дал монархии, охватывающей лишь несколько итальянских провинций. Без каких-либо дополнительных условий Австрия стала хозяйкой половины Италии. Только Неаполь остался в споре с папой о его правах на феодальную дань, которые в конечном итоге были урегулированы в 1818 году путем ежегодной выплаты Риму 12 000 крон. Однако опасности, которые окружали восстановленных монархов, стали предлогом для предоставления австрийцам временного права вмешательства, гораздо более активного, чем любые древние привилегии « ». Им было разрешено разместить гарнизон в Пьяченце во время правления Марии Луизы, а также в Ферраре и Комаккио на постоянной основе; в то время как король Неаполя принял как милость и согласился в значительной степени субсидировать немецкую армию, которая должна была защищать его от его собственных подданных в течение определенного срока.^d

МАРРИОТТ О РЕСТАВРАЦИИ

Не обращаясь больше к прошлому, а смотря в будущее, следует отметить наиболее интересную особенность Реставрации. В начале XVI века герцоги Савойские приобрели Пьемонт и таким образом сумели обосноваться по обе стороны Альп. Их географическое положение, как цинично заметил принц де Линь, не позволяло им вести себя как честные люди. В результате довольно извилистой, но в целом успешной дипломатии им удалось в XVIII веке добавить королевскую корону Сардинии к герцогским коронам Пьемонта и Савойи; и ни одна европейская война, какой бы отдаленной ни была главная сторона конфликта, не заканчивалась без того, чтобы дом Савойи не приобрел несколько городов Ломбардии, лишая ее, как говорится, листьев, как артишок. Их положение еще более укрепилось в 1815 году с приобретением уничтоженной республики Генуя.

Такой была Италия 1815 года, мало чем отличавшаяся от «географического выражения» Меттерниха.^[26] Но, несмотря на все это, Италия 1815 года не была Италией донаполеоновских времен. Как бы ни старались дипломаты Вены, они не могли повернуть время вспять, ни стереть из сознания итальянского народа вновь пробудившуюся память о его древней славе; они не могли подавить, как бы ни старались, его вновь зародившееся, но от этого не менее страстное стремление к реализации своей национальной идентичности. Более точное и красноречивое выражение этого чувства трудно найти, чем в письме, адресованном тридцать лет спустя Маццини номинально сэру Джеймсу Грэму, а на самом деле английскому народу:

«Там (в Ломбардии) проживает от четырех до пяти миллионов человеческих существ, наделенных бессмертной душой, мощными способностями, горячими и щедрыми страстями; стремящихся к свободе воли, к идеалу, который видели их отцы, который указывают им природа и традиции; к национальному союзу с другими миллионами братских душ, чтобы достичь его; от четырех до пяти миллионов человек, желающих только продвигаться под взором Бога, своего единственного господина, к выполнению социальной задачи, которую они разделяют с шестнадцатью или семнадцатью миллионами других людей, говорящих на том же языке, ступающих по той же земле, убаюканных в младенчестве теми же материнскими песнями, укрепленных в юности тем же солнцем, вдохновленных теми же воспоминаниями, теми же источниками литературного гения. Родина, свобода, братство — все это отнято у них; их способности искалечены, ограничены, скованы в узком кругу, очерченном для них людьми, чуждыми их склонностям, их потребностям, их желаниям; их традиции разрушены под дубинкой австрийского капрала; их бессмертная душа зависит от глупых прихотей человека, сидящего на троне в Вене, от прихотей тирольских агентов; а вы продолжаете оставаться равнодушными, хладнокровно спрашивая, подлежат ли эти люди тому или иному тарифу, стоит ли хлеб, который они едят, на полпенни больше или меньше! Эта тарифная ставка, какой бы она ни была, слишком высока; не они ее устанавливали; этот хлеб, дорогой он или нет, пропитан слезами, потому что это хлеб рабов».⁴

ОШИБКИ МОНАРХИИ

[1815-1816 гг. н. э.]

В 1815 году Италия находилась в состоянии, когда старое боролось с новым. Ее солдаты, прослужив с честью под командованием Наполеона, были либо поспешно распущены, либо призваны перейти на сторону монархических сил (), против которых они часто сражались. Переход от войны к миру тяжело сказывается на людях, услуги которых больше не требуются и чья карьера подошла к концу. Когда существуют чувства доброй воли и взаимного доверия, такие трудности ощущаются, но не вызывают обиды. Ветераны армий Наполеона не получили особого сочувствия от восстановленных правительств Италии. Их положение не было рассмотрено великодушно или мудро, и их чувства, а также требования были проигнорированы. Различия, будь то военные или гражданские, полученные при Французской империи, рассматривались с узколобой неприязнью. В кризисный момент, когда требовалась максимальная деликатность, не хватило великодушного доверия и благородного терпения, которые завоевывают преданность сердца, и преобладали предрассудки ретроградных советников. В Милане отвращение вызывало присутствие немецкой армии и использование иностранных чиновников. В Турине, и еще больше в Неаполе, роялистские фракции получили возможность монополизировать и злоупотреблять государственной властью.

Таким образом, мир, который был встречен с такой радостью, лишился своей сладости; притеснения со стороны французов были забыты, и начали сожалеть о беспристрастности их администрации. Именно тогда карбонарии стали опасными не только благодаря своему союзу с возрожденными остатками якобинства, которые были подавлены, но не

уничтожены Бонапартом, но и благодаря силе, которую они черпали из общего чувства разочарования.¹

Гражданские и политические реформы, проведенные в конце прошлого века, были отменены. Иезуиты были восстановлены; многие упраздненные монастыри были воссозданы; законы о мертвой руке были отменены. Начальное образование было ограничено в своих рамках и передано в руки духовенства. Профессора, подозреваемые в либеральных взглядах, были изгнаны из университетов, а пресса была поставлена под самый строгий надзор. Все лица, принимавшие участие в наполеоновских правительствах или известные своими патриотическими взглядами, подвергались преследованиям, слежке, шпионажу и доносам. Города кишели полицейскими агентами и осведомителями. Система паспортов была ужесточена, и мужчинам часто отказывали даже в нескольких днях отпуска из дома. Кодекс Наполеона был отменен в тех провинциях, которые входили в состав Итальянского королевства, а в папских государствах управление вновь было передано в руки духовенства.

Это политическое и духовное царство террора, целью которого было уничтожение итальянского либерализма, было санкционировано и поддержано Австрией. Каждый мелкий правитель обязывался выполнять приказы из Вены, и в обмен на это повиновение император гарантировал ему владение тронem. Ломбардо-Венецианское королевство, мощно защищенное и связанное с Австрией по суше и морю, превратилось в одну огромную крепость, укомплектованную вооруженными людьми, постоянно угрожавшими стране. В этих условиях итальянцы были полубезумны, и тысячи обычно спокойных граждан, либо в надежде найти справедливость и защиту, либо просто из чувства мести, вступали в тайные революционные общества; ведь нельзя думать, что революция оставила итальянцев такими же пассивными, какими она их застала.

Возник новый дух, который вряд ли мог быть сдержан договоренностями европейского конгресса — дух национальной независимости. Во время потрясений, вызванных завоеванием Италии Наполеоном, союзные державы сами поощряли этот дух, чтобы противостоять французскому правлению. Австрийцы, англичане и Мурат поочередно публично призывали итальянцев бороться за свою национальную независимость. И теперь народ, который полагался на прокламации и ожидал выполнения стольких обещаний, оказался по согласию Европы сданным, связанным и заткнутым иностранному угнетателю. Возьмем только один пример: Фердинанд, покидая Неаполь в мае 1815 года, обратился к своим подданным с прокламацией, торжественно обязуясь уважать законы, которые должны были быть приняты в его отсутствие в соответствии с конституцией. В июне он обязался в Вене не вводить в своем королевстве никаких институтов, несовместимых с теми, которые Австрия могла бы установить в своих собственных колониях. Соответственно, в 1816 году он положил конец сицилийской конституции 1812 года.²

Среди средств, которые были эффективны в первоначальном пробуждении Италии от ее летаргии и в воспитании воли к обретению независимости любой ценой, тайное общество карбонариев ^[27], несомненно, занимает первое место. Карбонарии действовали двумя способами: своими действиями и тем, что они заставляли делать других, которые не входили в их общество и, возможно, были настроены против него, но тем не менее ощущали давление, которое оно оказывало. Происхождение карбонаризма искали тщетно; в качестве примера детских басен, которые когда-то считались его историей, можно привести легенду о том, что Франциск I Французский однажды наткнулся на хижину угольщика, когда охотился «на границе своего королевства рядом со Шотландией», и был посвящен в обряды, подобные тем, которые использовались среди сектантов XIX века. Эти обряды касались мести, которую нужно было совершить над волком, убившим ягненка; волк олицетворял

тиранов и угнетателей, а ягненок — Иисуса Христа, безгрешную жертву, которой были представлены все угнетенные.

Сами карбонарии в целом считали себя наследниками организации, основанной в Германии до XI века под названием «Вера угольщиков» (Faith of the Kohlen-Brenners), членом которой был Теобальд де Бри, впоследствии канонизированный. Теобальд был принят в качестве покровителя современного общества, и его вымышленный портрет висел во всех ложах. Религиозная символика карбонариев, их клятвы и церемонии, а также топоры, блоки и другая обстановка инициационной палаты были хорошо рассчитаны, чтобы произвести впечатление на более бедных, невежественных и возбудимых братьев. Ватикан делал вид, что верит в то, что карбонаризм был ответвлением масонства, но, несмотря на различные сходства, такие как обязательства взаимной помощи, принятые на себя членами, между ними, по-видимому, не было никакой реальной связи. Практические цели карбонарии можно резюмировать двумя словами: свобода и независимость.

Генуэзец по имени Мальгелла, который был министром полиции Мурата, был первым, кто дал мощный импульс карбонаризму, изобретателем которого его даже называли, но это заключение слишком далекодуще. Мальгелла закончил свою жизнь печально: после падения Мурата он был арестован австрийцами, которые передали его как нового подданного сардинскому правительству, которое немедленно посадило его в тюрьму. Все, что было по-настоящему итальянским в политике Мурата, следует в основном приписывать ему. Еще в 1813 году он убеждал короля открыто заявить о независимости и дать конституцию своим неаполитанским подданным. Но Мальгелла не нашел в Мурате предназначенного спасителя Италии; его единственным долговременным достижением было создание карбонаризма на столь прочной основе, что к моменту возвращения Бурбонов во всех частях королевства насчитывались тысячи, если не сотни тысяч карбонарии (). Это открытие не понравилось восстановленным правителям, и принц Каноза, новый министр полиции, решил противодействовать злу, причиненному его предшественником, создав отвратительное тайное общество под названием *Calderai del Contrapeso* (Котелки противовеса), в основном набранное из отбросов общества, лаццарони, бандитов и освобожденных заключенных, которым правительство предоставило 20 000 мушкетов и которые поклялись истребить всех врагов римской церкви, будь то янсенисты, масоны или карбонарии. Это объединение совершило несколько ужасных злодеяний, но в остальном не принесло никаких результатов. Карбонарии закрыли свои ряды и научились более строго соблюдать свои правила секретности.

[1816-1821 гг. н.э.]

Из Неаполитанского королевства карбонаризм распространился на римские государства и нашел благодатную почву в Романье, которая стала центром, откуда он распространился на остальную часть Италии. Естественно, что он приобрел более или менее характерные черты тех мест, где развивался. В Романье, где политические убийства были в крови народа, в инициационных обрядах символический топор дровосека был заменен кинжалом. Вероятно, только в Романье часто выполнялась условная угроза в отношении доносчиков. Романьцы придали карбонаризму дикую интенсивность своего собственного темперамента, решительного даже до преступности, но способного к высшему безличному энтузиазму. Брожение ожидания, царившее в Романье, отражено в *письмах и дневниках лорда Байрона*, которого молодой граф Пьетро Гамба сделал карбонарием и который с нетерпением ждал, когда итальянцы отправят варваров всех наций обратно в свои логова, как самое интересное зрелище и момент в жизни. Он пишет, что его нижние апартаменты были полны штыков, ружей и патронов его друзей-карбонариев: «Я полагаю, что они считают меня депо,

которым можно пожертвовать в случае непредвиденных обстоятельств. Не имеет большого значения, кто или что будет принесено в жертву, если Италия сможет быть освобождена. Это великая цель — сама поэзия политики. Только представьте — свободная Италия! Да ведь ничего подобного не было со времен Августа!» Движение, на которое возлагались такие большие надежды, должно было начаться в королевстве Неаполь весной 1820 года.^h

ВОСТАНИЯ 1820-1821 ГОДОВ

В 1820 и 1821 годах недовольство народа и разочарование многих представителей образованных слоев общества вылились в восстания, сначала в Неаполе, а затем в Пьемонте. Не было никаких признаков согласованности действий даже между неаполитанцами и пьемонтцами; а заговоры « », возникшие в других местах, по-видимому, были вызваны исключительно местными причинами. Но непосредственным стимулом для итальянского восстания послужила революция в Испании,^[28] и принцип невмешательства, который союзные монархи приняли в отношении этой страны. Итальянцы тщетно надеялись, что в их случае будет соблюдаться то же правило.

2 июля 1820 года среди войск вспыхнул мятеж. Восставших возглавили два или три младших офицера, которые были карбонариями, и вся армия, отвернувшись от короля, перешла под командование своих генералов. К восстанию присоединились жители всех провинций, и правительству было направлено протестное письмо с требованием представительной конституции. Старый король передал власть в руки наследного принца Франциска в качестве наместника, однако сначала пообещав удовлетворить просьбу народа и обнародовать хартию через восемь дней. К сожалению, ультраправая партия, которая на этом этапе обладала всей властью, немедленно выступила с требованием, чтобы конституция была такой же, как испанская, впервые опубликованная в 1812 году и недавно восстановленная. Принц-наместник согласился с этим предложением.

Вскоре возникла новая трудность. Сицилийцы подняли восстание и потребовали отдельной конституции и парламента, что правительство отказалось предоставить. В Палермо произошли кровавые беспорядки, которые неаполитанцы подавили, направив туда вооруженные силы.

Неаполитанский парламент был открыт 1 октября 1820 года самим королем в большой церкви Спирито Санто. В том же месяце три коронованные головы, составлявшие Святой союз, в сопровождении министров большинства других европейских держав, собрались в Троппау. Правители России, Австрии и Пруссии решили нарушить свои собственные недавние прецеденты невмешательства и силой оружия подавить неаполитанскую конституцию. Слабого монарха легко убедили, что его обещания были вынужденными и поэтому не являются обязательными, и неаполитанцы не осознали опасности, пока 43 000 немецких солдат не оказались в нескольких днях марша от границы. 7 марта 1821 года произошла стычка у Риети, и на следующее утро армия Пепе сократилась до нескольких сотен человек. Война закончилась.

15 мая король вернулся в Неаполь, а австрийцы оставили ему сильные гарнизоны как на материке, так и на Сицилии. Обещание полной амнистии, которое было частью его послания парламенту, было мгновенно забыто. Повсюду были созданы военные трибуналы и уголовные хунты; было казнено не менее ста человек, среди которых были Морелли и Сильвати, два офицера, возглавившие первый мятеж. Карраскоса и Пепе бежали, а Колетта и два других генерала получили разрешение жить под надзором в отдаленных провинциях Австрии.

Неаполитанские конституционалисты едва успели разойтись, как в Пьемонте вспыхнуло еще одно военное восстание. Его возглавили несколько дворян и высокопоставленных офицеров, а тайно поддерживал Карл Альберт, принц Кариньяно, родственник королевской семьи, который позже стал королем Сардинии.

[1821-1824 гг. н. э.]

10 марта 1821 года несколько полков одновременно подняли мятеж. 12 марта повстанцы захватили цитадель Турина, а 13 марта король отрекся от престола в пользу своего отсутствующего брата Карла Феликса, назначив регентом принца Кариньяно, который на следующий день принес присягу испанской конституции. 16 марта новый король Карл Феликс отверг действия регента, а в ночь на 21 марта Карл Альберт бежал в лагерь австрийцев. 8 апреля немецкая армия присоединилась к королевским войскам в Новаре и разгромила повстанцев (); 9 апреля хунта распустилась, а 10 апреля король овладел Туринном и всей страной.

В то время как эти бурные события разворачивались на двух концах полуострова, ни один район Италии не остался в полном покое.

Аресты имели место в нескольких кварталах папского государства, но больше всего в восточных провинциях. В Ломбардо-Венецианском королевстве правительство заявило, что раскрыло опасные заговоры, о которых мы ничего не знаем наверняка, кроме существования в Милане общества хорошо образованных и высоконравственных людей, которые трудились на благо образования, открывая школы, и пытались способствовать просвещению населения с помощью периодического издания под названием *«Conciliatore»*, которое австрийцы быстро запретили. Наиболее известными членами этого общества были графы Порро и Конфалоньери, а также поэт Сильвио Пеллико. Они вместе с многими другими были арестованы, а несколько человек были приговорены к смерти. Ни один из них не был казнен, но какими бы ни были политические преступления этих несчастных миланцев, которые, как он и Пеллико, томились или умерли в подземельях Шпильберга, по крайней мере, можно с уверенностью сказать, что в большинстве обвинений, которые австрийцы в то время разрешали своим газетам распространять против них, не было ни капли правды.

РЕВОЛЮЦИИ 1831 ГОДА

Папа Лев XII в папских одеждах

[1821-1832 гг. н.э.]

Эти неудачные революции имели катастрофические последствия для Италии. Они привели к введению по всей стране ненавистой системы шпионажа, вызванной подозрительностью правителей и неприязнью подданных, которая не была отменена в ближайшее время и до сих пор оставляет болезненные следы. Однако меры такого рода, которые были приняты, а также некоторые меры, которые время от времени устраняли причины недовольства, позволили удержать народ в относительном спокойствии в течение примерно десяти лет. В 1822 году на Сицилии вспыхнул заговор, а в 1828 году было подавлено слабое восстание в Салерно. Тоскана и Ломбардия оставались спокойными под мягким деспотизмом и тридцатью тысячами австрийских штыков, но Французская революция 1830 года [\[29\]](#) дала пример, которому в следующем году последовали государства церкви, Модена и Парма.

Нам может помочь в поиске причин восстания в папских государствах изучение одного или двух основных актов правительства после смерти Пия VII, которая произошла в 1823 году. 5 октября 1824 года новый папа Лев XII издал *motu-proprio*, которое одним махом уничтожило хартию 1816 года. Администрация как Льва, так и его преемника Пия VIII действовала в соответствии с указанным духом. Произвольные действия полиции стали всеобщей напастью; уголовное правосудие вновь стало тайным, безответственным и нечеловечески утомительным; и как в этой сфере, так и в гражданских делах судьи открыто обвинялись в всеобщей продажности. Помимо всех старых бремени, были введены некоторые новые или устаревшие, в частности *фокалико*, налог на каждый очаг, который очень тяжело ложился на крестьянство; таможенные пошлины были непомерно увеличены, а государственные монополии расширены.

В Модене, казалось, было решено смести все следы, оставленные французами. Старые законы Эсте были восстановлены, но ежедневно нарушались указами принца и специальными судебными комиссиями. Налоги были повышены почти в пять раз по сравнению с тем, что было при Наполеоне, а на выборных должностных лиц коммун правитель заменил молодых дворян, выбранных им самим.

Восстание началось в Модене, где в ночь на 3 февраля 1831 года группа заговорщиков была арестована в доме Чиро Менотти. Народ поднялся на восстание, и герцог бежал в Мантую. 4 февраля, всего через два дня после избрания папы Григория XVI, в Болонье началось открытое восстание. Мятеж распространился на большую часть Римского государства. В то же время бывшая императрица Мария Луиза бежала из Пармы, где также царили беспорядки. Подданные папских провинций открыто выступили против светской власти папы, и 26 февраля депутаты всех восставших государств объединились, чтобы провозгласить новую республику. Союзные монархи не теряли ни дня, чтобы подавить восстание. 9 марта герцог Моденский с австрийской армией отвоевал свою столицу, и после некоторого сопротивления немцы до конца того же месяца вернули Святому Престолу все его владения. В Модене лидеры восстания Менотти и Борелли были повешены, а более ста других были заключены в тюрьму на пожизненный срок. В Парме Мария Луиза проявила милосердие и добровольно устранила некоторые из жалоб, на которые, возможно, менее обоснованно, чем их соседи, жаловались ее подданные. В папских государствах казней не было, но многие люди были приговорены к тюремному заключению на более или менее длительные сроки.

Ведущие державы Европы вмешались, чтобы рекомендовать папе пойти на уступки своим подданным, и 5 июля 1831 года святой отец издал *моту-проприо*, которое в третий раз с 1814 года изменило систему управления. Он во многом восстанавливал устав 1816 года, сохраняя деление на делегации и их подразделение на округа, но значительно сужал функции конгрегаций, которые теперь имели лишь консультативный голос. Новый закон не давал народу даже той доли в выборах, которую декрет Консальви предоставил ему в отношении коммунальных советов.

Подданные папского государства не скрывали своего разочарования в связи с мнимыми реформами. В январе 1832 года восточные округа вновь подняли восстание, а убийство сорока жителей Форли, мужчин, женщин и детей, довело население страны почти до безумия. До конца месяца восстание было вновь подавлено австрийскими гренадерами. Однако это новое вмешательство в конце концов пробудило французского короля Луи-Филиппа, вероятно, немного стыдящегося той роли, которую он уже сыграл. 22 февраля 1832 года французская эскадра, бросившая якорь у Анконы, высадила войска, которые захватили город и цитадель. Австрия и ее сателлиты выразили глубокое возмущение этим вмешательством, но с дипломатической точки зрения этот шаг кажется вполне оправданным, учитывая положение Франции как гаранта папского королевства. В королевстве Неаполь Франциск, принц-викарий 1820 года, сменил своего отца и несколько лет правил слабо, но не без доброты, после чего его трон перешел к его сыну Фердинанду, тогда двадцатиоднолетнему юноше.⁴

Таким образом, предприятие 1831 года, хотя и пользовавшееся широкой поддержкой, было предпринято без какого-либо четкого плана и, как мы видели, закончилось полным поражением. Разобщенные и преследуемые общества, вновь собравшись и объединившись, продолжили свою деятельность под новым названием; а злополучная фракция, которой суждено было ввести в заблуждение и испортить национальный порыв 1848 года, приняла название «Молодая Италия». «Австрия, — говорит Гуальтерио, — обрела в этом обществе нового союзника».

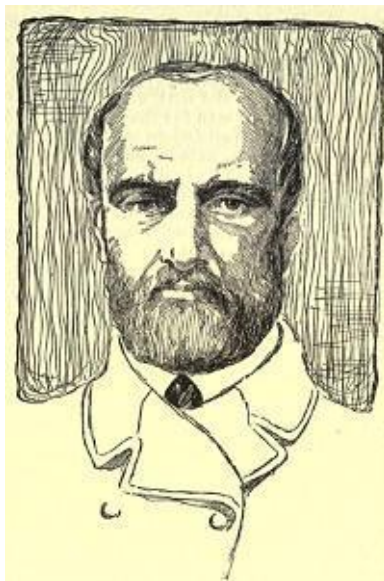
[1831 год н. э.]

В 1831 году молодой генуэзец Джузеппе Мадзини [родился в 1808 году] прославился благодаря публикации письма, в котором он призывал Карла Альберта, только что вступившего на престол, взяться за освобождение Италии. Смелость и уверенность в себе,

проявленные в этом произведении, вызывали восхищение у «горячих голов» того времени; а изгнанники и беженцы, чье разочарование было свежим и которые страдали от преследований, были предрасположены к тому, кто давал советы с оракульной авторитетностью и воодушевлял их новыми и неопределенными надеждами.

Маццини вскоре стал признанным лидером новой секты, созданной одновременно с «Молодой Францией» и «Молодой Германией» и призванной преобразовать и ассимилировать уже существующие секты, а также придать им единство целей и командования.^[30]

САССОНЕ О МАЦЦИНИ И «МОЛОДОЙ ИТАЛИИ»

Джузеппе Маццини

(1808-1872)

Для восстановления нации, раздираемой и угнетаемой самым изнурительным клерикальным и монархическим деспотизмом, необходимо прежде всего создать гражданское общество и организовать большую и сильную ассоциацию, основанную на национальном праве. Объединение, зависящее от всего народа и одновременно открывающее ему более широкие горизонты, чем те, которые он имел на полуострове, — такова была великодушная идея, которая зрела в голове Маццини, великого изгнанника итальянской независимости, когда он в Марселе взялся за реализацию своей идеи, уже выработанной во время заключения в Савоне, и основал общество и газету «Молодая Италия». Под влиянием тех же принципов и движимый своей непоколебимой верой в будущее Италии, он вместе с несколькими друзьями, преданными, как и он сам, народному делу, взялся за развитие интеллекта бедных итальянских рабочих в Лондоне.

Устав нового общества, призванного заменить карбонариев и созданного Маццини и группой изгнанников, был основан на национальном праве и доступном для всех итальянцев принципе « » (один народ, один закон). Благодаря своей сильной народной организации оно было призвано удерживать австрийские войска в постоянном контроле над всей полуостровом до дня помощи. И таким образом, благодаря простоте своих ресурсов, оно могло противостоять надзору самой бдительной полиции. Религиозные идеи и патриотические мысли смешались и слились в мыслях этого апостола итальянской свободы. Их можно было бы выразить двумя словами — *Dio e popolo*.

Цель «Молодой Италии» была закреплена на ее национальном знамени красного, зеленого и белого цветов: на одной стороне были слова «Свобода, равенство, человечность», на другой — «Единство, независимость».

Все члены «Молодой Италии» были обязаны вносить в фонд общества ежемесячный взнос в размере пяти пенсов или более, если они могли себе это позволить.

При вступлении каждый новый член должен был произнести следующую клятву в присутствии инициатора:

«Во имя Бога и Италии; во имя всех мучеников святого итальянского дела, павших под ударами иностранной или отечественной тирании; во имя долга, который связывает меня с моей страной, с Богом, создавшим меня, и с братьями, данных мне Богом; во имя врожденной любви всех людей к месту, где родилась их мать и жили ее дети; почтением, которое я испытываю перед гражданами других стран, не имея ни имени, ни прав гражданина, ни национального флага, ни родины; памятью о древней мощи; осознанием нынешнего унижения; слезами итальянских матерей над сыновьями, погибшими на эшафоте, в темницах или в изгнании; нищетой миллионов итальянцев: веря в посланную Богом миссию Италии и в долг каждого итальянца по рождению способствовать ее выполнению; убежденный, что везде, где Бог пожелал создать нацию, существуют необходимые силы для ее создания, что народ является хранителем этой силы, и в руководстве этой силой народом и вместе с народом заключается секрет победы, я присоединяюсь к «Молодой Италии», объединению людей, исповедующих ту же веру, и клянусь:

«Посвятить себя полностью и навсегда созданию национальной Италии, единой, независимой, свободной и республиканской; помогать всеми способами своим братьям по ассоциации; сейчас и навсегда (*Ora e sempre*); я также клянусь, призывая на свою голову гнев Бога, ужас людей и позор клятвопреступления, если когда-либо осмелюсь предать всю или часть своей клятвы».

Система степеней была максимально упрощена. Отказавшись от бесконечной иерархии карбонаризма, общество имело только две степени: инициатор и посвященный. Центральный комитет находился за границей, чтобы максимально объединиться с демократическими зарубежными элементами и в целом руководить предприятием. Знаки узнавания между членами были запрещены как чрезвычайно опасные. Пароль, вырезанная карточка, особый рукопожатие были достаточными для аккредитации тех, кто путешествовал от центрального комитета к провинциальным комитетам и наоборот. Эти знаки узнавания обновлялись каждые три месяца. Ветвь кипариса (в память о мучениках) была символом общества. Общая пароль «*Ora e sempre*» (Сейчас и всегда) намекала на постоянство, необходимое для отстаивания прав Италии.¹

ОЦЕНКА МАЦЦИНИ ФАЙФОМ

В эпоху, не богатую интеллектуальной и моральной силой, самой яркой фигурой среди тех, кого по праву считают основателями итальянской независимости, является, пожалуй, Мадзини. Проведя почти всю свою зрелую жизнь в изгнании, считаясь заговорщиком в глазах всех правительств и мечтателем в глазах всего мира, Мадзини был пророком или евангелистом среди тех, кого его влияние побудило посвятить себя единственной цели — возрождению своей страны. Никакая более твердая вера, никакая более благородная бескорыстность никогда не вдохновляли святых или патриотов; и если в Мадзини было также что-то от мечтателя и фанатика, то сила, с которой он уловил два жизненно важных условия возрождения Италии — изгнание иностранцев и создание единого национального правительства — доказывает, что он был мыслителем с подлинным политическим прозрением. Заложив основу своего вероучения глубоко в нравственной природе человека и построив на этом фундаменте не систему прав, а систему обязанностей, он наделил политический союз непосредственностью, святостью и красотой семейной жизни. Для него жить, думать, надеяться означало жить, думать, надеяться на Италию; а Италия его идеала

была республикой, охватывающей всех членов расы, очищенной от священнического господства и суеверий, которые унижали человека до раба, обязанной своей независимостью только себе самой и укрепленной правлением равного закона. Жесткость, с которой Маццини придерживался своего великого проекта во всей его полноте, и его нетерпение по поводу любых уступок в отношении национальных прав исключили его из работы тех практичных политиков и людей, которые в 1859 году с помощью иностранной помощи сделали первый шаг к объединению Италии; но влияние его учения и его организации в подготовке соотечественников к независимости было огромным; и династия, которая оказала объединенной Италии услуги, которые Маццини считал невозможными, обязана этому великому республиканцу не меньше, чем своим самым способным друзьям.^k

СИМОНДС О ПРОБЛЕМАХ И ЛИДЕРАХ

Хотя дух, вселенный итальянцам великолепной красноречивостью Маццини, пробудил в народе осознание своего высокого предназначения и долга, хотя он был первым, кто твердо верил, что Италия может и будет единой свободной нацией, тем не менее средства, которые он одобрял для достижения этого результата, и политика, неотделимая от его взглядов, оказались препятствием для государственных деятелей с более практичными и трезвыми взглядами. Несчастьем Италии в эту эпоху было то, что ей приходилось не только бороться за независимость, но и решать, какую форму правления выбрать для страны после ее образования. Все здравомыслящие и патриотически настроенные люди были едины в своем желании освободить страну от иностранного господства и установить национальное самоуправление. Но должны ли они стремиться к республике или к конституционной монархии? Должны ли они удовлетвориться гегемонией Пьемонта? Должны ли они пытаться создать конфедерацию, и если да, то какое место в ней должно занимать папство, и следует ли считать мелких суверенов достаточно итальянскими, чтобы удержать свои троны?

Эти и многие другие гипотетические проблемы отвлекали итальянских патриотов. В тех условиях им было невозможно сначала сформировать нацию, а потом решать вопрос о ее правительстве, поскольку методы, которые следовало использовать в борьбе за независимость, уже подразумевали определенные политические принципы. Например, манипуляции Маццини с заговорами были революционными и республиканскими, в то время как те, кто придерживались конституционного порядка и полагались на оружие Пьемонта, фактически проголосовали за гегемонию Сардинии. Единодушное стремление к независимости существовало в неопределенном и туманном состоянии. Оно должно было быть сконцентрировано в работоспособной гипотезе, но этот процесс не мог быть продолжен из-за роста сект, опасных для совместных действий.

Партия «Молодая Италия», возглавляемая Маццини, была первой, кто отделился и взял под контроль слепо действующие силы движения карбонариев с помощью четкого плана действий. Программа «Молодой Италии» заключалась в создании республики с помощью добровольцев, набранных со всех концов полуострова. Когда Карл Альберт вступил на престол, Маццини, как мы уже видели, обратился к нему с письмом, как равный к равному, призывая короля бросить вызов Австрии и положиться на Бога и народ. Поскольку Карл Альберт (который, несмотря на свой горячий патриотизм и искреннюю либеральность души, был человеком противоречивых взглядов, скрупулезным в своем чувстве конституционных обязательств, меланхоличным по темпераменту и суеверно религиозным) не захотел или не смог сделать этот шаг, маццинисты объявили его предателем 1821 года и ретроградным автократом.

Находясь в изгнании в Женеве, Маццини организовал вооруженное восстание против Савойи. Он собрал несколько сотен беженцев из разных стран и в 1833 году пересек границу. Но эта слабая атака не принесла никаких результатов, кроме того, что убедила Карла Альберта в том, что он не может доверять республиканцам. Последующие покушения на жизнь короля пробудили в Пьемонте новое чувство лояльности и сформировали противоположное Мадзини мнение. Патриоты более практичного типа, которых можно назвать умеренными либералами, начали в той или иной форме стремиться к достижению независимости Италии конституционным путем с помощью Сардинского королевства. Какое место займет Сардиния в новой Италии, оставалось открытым вопросом.

ГРАФ ДИ КАВУР

(1810-1861)

Публикация трактата Винченцо Джоберти *«Il Primato morale e civile degli Italiani»* в 1843 году значительно способствовала формированию определенного мнения. Его утопией была конфедерация итальянских держав под духовным руководством папства и с армией Пьемонта в качестве меча и щита. Эта книга имела огромный успех. Она заставила робких мыслителей почувствовать, что они могут присоединиться к либералам, не жертвуя своими религиозными или конституционными взглядами. В то же время книга Чезаре Бальбо *«Speranze d'Italia»* оказала несколько сходное влияние благодаря своим здравым и не подрывным принципам. На ее страницах Бальбо сделал одно проницательное предположение, что восточный вопрос решит судьбу итальянской независимости.

Массимо д'Азельо, который также был пьемонтцем; поэт Джусти, барон Рикасоли и маркиз Джино Каппони в Тоскане; вместе с Алессандро Манцони в Милане и многими другими писателями, разбросанными по провинциям Италии, оказали свое влияние на формирование этой умеренной либеральной партии. Эти люди были едины в осуждении крайней демократии маццинистов и не верили, что Италия может быть возрождена путем простого манипулирования повстанческой силой революции. В политических и религиозных вопросах они были сильно разделены в деталях, страдая в этом отношении от слабости, присущей либерализму. Тем не менее, мы уже можем считать эту партию достаточным противовесом республиканцам; и человек, которому было суждено придать ей

сплоченность и завоевать великую награду итальянской независимости, укрепив и реализовав ее принципы на практике, уже был там.

Граф Камилло Бенсо ди Кавур родился в 1810 году, на два года позже Маццини. Он еще не начал свою министерскую карьеру, но писал статьи для *Risorgimento*, который в Турине противостоял маццинистскому журналу *Concordia*, и посвящал себя политическим и экономическим исследованиям. Невозможно говорить о Маццини и Кавуре, не вспомнив третьего великого возродителя Италии, Джузеппе Гарибальди. В то время он находился в изгнании, но через несколько лет вернулся и начал свою карьеру освободителя народа в Ломбардии.

Маццини-пророк, Гарибальди-странствующий рыцарь и Кавур-государственный деятель, борцы за независимость Италии, были все уроженцами королевства Сардиния. Но их позиции в королевстве были настолько разными, что в немалой степени объясняли ту самую разницу в ролях, которые они сыграли в грядущей драме. Маццини был уроженцем Генуи, которая плохо переносила навязанное Туринском правление. Гарибальди был родом из Ниццы и был ребенком народа. Кавур родился в среде того жесткого аристократического общества старого Пьемонта, которое так ярко описал Д'Азельо в своей книге «Воспоминания». Пьемонтские аристократы обладали достоинствами и недостатками английских помещиков прошлого века. Лояльные, честные, храбрые, практичные, стойкие в сопротивлении, упрямо предвзятые, они были отличными солдатами и преданными слугами короны. Более того, под своей невозмутимой внешностью они скрывали большие политические способности, чем более приветливые и блестящие жители южной и центральной Италии.

Кавур происходил из этой касты и понимал ее. Но он был человеком исключительных качеств. Он обладал гением государственного деятеля — практически чутьем того, что можно было сделать, в сочетании с редкой ловкостью в действиях, тонким дипломатическим и парламентским тактом и благородным мужеством в час нужды. Без энтузиазма, граничащего с страстью к новой религии, который вдохновлял Маццини, без блестящих достижений Гарибальди и без поклонения, которое этот чистый душой герой вызывал в сердцах всех, кто сражался вместе с ним и чувствовал его священный огонь, нет сомнения, что Кавур не смог бы создать объединенную Италию. Но если бы Кавур не был там, чтобы завоевать доверие, поддержку и симпатию Европы, если бы он не был признан народом как человек, чья работа была надежной, а суждения справедливыми во всех чрезвычайных ситуациях, усилия Маццини были бы напрасными в сомнительных восстаниях, а военные подвиги Гарибальди добавили бы лишь еще одну главу в историю бесплодного патриотизма.

Поэтому, признавая вклад каждого из этих великих людей в освобождение своей страны и охотно игнорируя их разногласия и споры, мы должны почтить Кавура титулом создателя объединенной Италии.

ПАПА ПИЙ IX И ЕГО ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

После этого отступления, необходимого для того, чтобы прояснить следующие действия в драме, мы возвращаемся к 1846 году. Беспорядок в Риме достиг своего апогея, и народ был почти в ярости, когда умер Григорий XVI и на его место был избран Пий IX.^[31] Казалось, что наступила золотая эра, потому что произошло величайшее из всех чудес. Новый папа провозгласил себя либералом, объявил общую амнистию политическим преступникам, вскоре создал национальную гвардию и приступил к разработке конституции. Школа неогуэльфиков Джоберти верила, что утопия их учителя вот-вот станет реальностью.

Италия взорвалась от радости и демонстраций. Пример папы оказался заразительным. Конституции были приняты в Тоскане [11 февраля 1848 г.], Пьемонте [4 марта] и Риме [14 марта]. Герцог Лукки бежал, и его владения были присоединены к Тоскане. Только Австрия и Неаполь заявили, что их государства не нуждаются в реформах. 2 января 1848 года либеральная демонстрация в Милане послужила австрийцам предлогом для массового убийства беззащитных людей на улицах. Эти миланские жертвы были провозглашены мучениками по всей Италии, и похоронные церемонии, имевшие тот же патриотический характер, что и празднования предыдущего года, поддерживали народное возбуждение. 12 января Палермо поднялось против короля Фердинанда II, а 27 января его примеру последовал Неаполь. В феврале король был вынужден утвердить конституцию 1812 года, к которой его подданные были так горячо привязаны.^a

СНОСКИ

^[25] [В отношении Неаполя велись бесконечные и сложные дебаты о документах, найденных в Париже, которые ясно доказывали вероломные намерения Джоаккино [Жоакима Мюрата] по отношению к союзникам. В конечном итоге даже Австрия, которая поддерживала его, возненавидела Мюрата и 10 апреля объявила ему войну, как мы уже видели. После этих событий ничто не мешало Венскому конгрессу захватить и Неаполь. Он был вновь присужден королю Фердинанду IV. Он уже владел королевством, когда конгресс вернул его ему.^c]

^[26] [Стилман называет это еще меньшим — всего лишь «дипломатическим выражением».]

^[27] [Буквально «угольщики», поскольку производство древесного угля было важной отраслью промышленности в диких районах Абруццо и Калабрии, где нашло убежище карбонаризм. Ритуал организации был основан на терминологии угольщиков, поэтому собрания назывались *vendite*, или «продажи». Эта идея распространилась во Францию, где Лафайет был одним из видных членов организации. См. том XIII, глава I.]

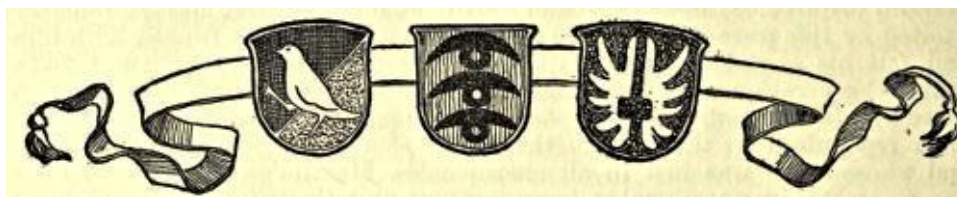
^[28] [Испанская революция, начавшаяся в Кадисе в 1819 году, привела к принятию конституции, одобренной королем и утвержденной самим королем Неаполя как инфантом Испании. Это событие вызвало большой интерес у неаполитанцев, которые чувствовали собственную потребность в аналогичной гарантии. — Райтсон.^f]

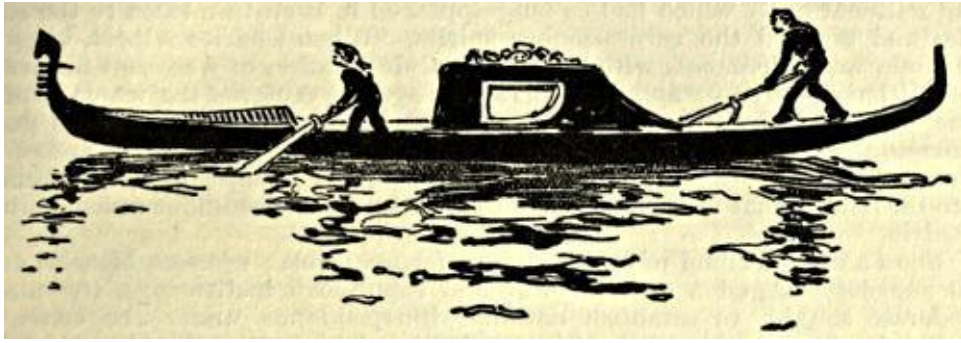
^[29] [Влияние французской политики на Италию было замечательным. Мы видели последствия духа 1793 года и идеи Наполеона. Французские революции 1830 и 1848 годов оказали подобное влияние.]

^[30] [Вскоре после июльской революции 1830 года Мадзини, подставленный правительственным шпионом, был арестован за выполнение незначительного поручения для карбонариев и заключен в крепость Савона на западной Ривьере. «Правительство не любило, — как сообщили его отцу, — талантливых молодых людей, чьи мысли были ему неизвестны». После шести месяцев заключения Мадзини был оправдан по обвинению в заговоре, но тем не менее был изгнан из Италии. — МАРРИОТТ.^g]

^[31] [«Пий IX обладал достаточным мужеством и умом, чтобы понять, как ему следует поступать в этих обстоятельствах. Он надеялся постепенно реализовать на своей территории и поддержать в других местах все, чего требовала нынешняя, но не дать себя втянуть в дальнейшие действия. «Потребуется десять лет, — говорил он, — чтобы национальный и политический дух проник в массы». Он работал над этим с самого первого дня вместе со своим министром

Джицци. Он призвал муниципальные и церковные органы найти лучшие способы стимулирования народного образования; он создал комиссии для изучения состояния всех ветвей администрации, но старался не вмешиваться в то, что непосредственно касалось политики. Уважение и симпатия общественного мнения воодушевляли работу Пия IX. Следуя его примеру, другие правители также приступили к реформам. Но Пию IX не хватало быстроты решения и помощи людей, достаточно практичных, чтобы воплотить в жизнь его стремления». — ЗЕЛЛЕР.^[1]

ГЛАВА XX. ОСВОБОЖДЕНИЕ ИТАЛИИ

Итальянское королевство является плодом союза между сильными монархическими принципами Пьемонта и разрушительными силами революции. Всякий раз, когда одна из сторон, поддаваясь влиянию своих личных симпатий или предрассудков, не признавала, что только таким образом, в соответствии с логикой событий, можно достичь единства страны, все здание оказывалось под угрозой разрушения еще до его завершения. Когда Гарибальди стоял на мысе Фаро, завоеватель и освободитель, овеянный славой не Веллингтона или Мольтке, а Артура, Роланда или Сида Кампеадора; предмет сплетен арабов в их палатках, диких всадников пампас, рыбаков в замерзших морях; солнечный миф, тем не менее подтвержденный как живой в девятнадцатом веке, Кавур понял, что если он останется единственным хозяином поля боя, то либо он поспешит к катастрофе, которая будет фатальной для Италии, либо он станет настолько могущественным, что в случае, если он будет вовлечен, добровольно или недобровольно, более горячими апостолами революции в оппозицию королю Сардинии, исход борьбы будет отнюдь не предрешен. Чтобы предотвратить обе эти возможности, Кавур решил действовать. — Графиня ЧЕЗАРЕСКО.^b

[1848-1866 гг. н. э.]

Только две силы, духовная и мирская, иезуиты и австрийцы, казалось, стояли на пути к достижению итальянского единства. В результате яростная ненависть итальянцев обрушилась на обе эти силы. «Эввива» для Джоберти, врага иезуитов, и «Смерть немцам» (*Tedeschi*) против Австрии смешивались с криками одобрения «Пио ноно». Раздражение в торговых отношениях между итальянцами и австрийцами в Падуе, Милане и всей верхней Италии, насмешки, шутки, презрительные песни и угрозы в адрес «немцев», объединения по борьбе с табаком и лотереей, чтобы уменьшить доходы Австрии, враждебные демонстрации и оскорбительные соглашения усилили горечь и гнев обеих наций до такой степени, что австрийские солдаты жили в городах Ломбардско-Венецианского королевства как на вражеской территории. Беспорядки и оскорбительные демонстрации привели к кровавым сценам, в результате чего австрийское правительство в конце концов объявило военное положение в Ломбардии, чтобы силой подавить волнения и восстания.

[1848 г. н. э.]

Февральская революция 1848 года в Париже подтолкнула те государства, в которых уже шли военные и революционные восстания, к новым усилиям и привела к вспышке волнений в других государствах, где волнения еще не переросли в действия. В Италии идеи независимости и национального единства, которые так долго появлялись в литературе, вышли на поверхность и пробудили революционные настроения. Когда Карл Альберт, король Сардинии и Пьемонта, без фактического объявления войны, направил свою армию на территорию Милана и обнажил меч против Австрии, весь полуостров охватило воинственное движение. Не только итальянские правительства под давлением общественного мнения отправили войска и сохранили конституционную позицию; вооруженные отряды добровольцев также вышли на поле боя, так что вся земля Апеннин была под ружьем против Австрии.

Вскоре стало заметно двойственное направление общественного мнения: в то время как Маццини и его соратники призывали к народной войне и республиканскому устройству, более умеренные силы стремились установить национальную независимость под знаменем Савойи в союзе с конституционным королем Карлом Альбертом. После некоторого колебания преобладала вторая тенденция: в Милане и Венеции было решено присоединиться к Пьемонту. Князя Пармы и Модены, вступившие в союз с Австрией, были вынуждены покинуть свои государства; даже великий герцог Тосканы, хотя и уступив

национальным и независимостным настроениям (), был вынужден на короткое время уступить свои земли демократам и республиканцам. Папа также согласился на принятие конституции и назначил светское министерство с прогрессивными взглядами; тем не менее, правительство и орган народных представителей должны были заниматься только мирскими и политическими делами папского государства.

ВОЙНА МЕЖДУ НЕАПОЛЕМ И СИЦИЛИЕЙ

[1848-1850 гг. н. э.]

Состояние войны, сопровождавшееся невыносимой враждой и раздражением, царило во всей субальпийской двойной монархии, когда февральская революция 1848 года в Париже бросила горящий факел в эту воспламеняющуюся среду. Говорят, что в 1847 году Меттерних написал фельдмаршалу Радецкому: «Нелегко бороться с личинками и фантастическими образами, но это наша бесконечная война с тех пор, как на сцену вышел либеральный папа». Эти личинки и фантастические образы теперь должны были обрести форму и содержание.

На Сицилии, где провинциальное правительство под руководством нескольких представителей знати, таких как Руджеро Сетtimo, Пьетро Ланца, принц Бутера и др., уже взяло на себя управление государственными делами в Палермо и других местах, переговоры с королем Фердинандом при посредничестве лорда Минто не привели к какому-либо соглашению. Союз двух королевств, который, согласно «ультиматуму» сицилийцев, мог иметь единственную связь в лице монарха, противоречил желанию Фердинанда править. Соответственно, Сицилия придерживалась своей открытой независимости от Неаполя и отвергала любые попытки достичь соглашения с королем Фердинандом II.

Сицилийские национальные представители, разделенные на две палаты, избрали популярного и уважаемого дворянина Руджеро Сетtimo президентом временного правительства и 13 апреля приняли резолюцию: «Трон Сицилии объявляется вакантным. Фердинанд Бурбон и его династия навсегда лишаются сицилийского трона. Сицилия будет управляться в соответствии с конституцией, и как только ее конституция будет пересмотрена, на трон будет приглашен итальянский принц». Когда Фердинанд, под давлением событий в Вероне и Риме, поддался реакционному влиянию и распустил палату депутатов в день ее открытия «за то, что она присвоила себе незаконную власть и превысила свои полномочия», когда он подавил восстание милиции и радикалов с помощью своей швейцарской гвардии и разбушевавшегося народа в баррикадной битве и, как королева Каролина сделала пятьдесят лет назад, предал зажиточное население своей столицы на произвол убийственной и грабительской жадности толпы лаццарони, тогда ткань, покрывавшая два королевства, была полностью разорвана. Легкомысленный, необразованный и бессильный народ Неаполя терпел тяжелое иго военного деспотизма и реакционной камарильи, но Сицилия еще более твердо придерживалась исключения Бурбонов и приступила к избранию нового короля после того, как новая конституция была быстро пересмотрена в пользу демократических взглядов. После многих предложений, в которых свое влияние оказали и иностранные силы, высшие государственные власти, правительство, сенат и коммуна, объединились в решении призвать второго сына Карла Альберта, принца Альберта Амадея Савойского, герцога Генуэзского, стать конституционным королем Сицилии. Но судьба прекрасного, несчастного острова еще не была исполнена, кровавая драма еще не разыгралась. Весть о выборах достигла королевского лагеря, когда звезда итальянской армии уже была на закате.

В результате Карл Альберт отказался от короны для своего сына, чтобы не вызвать недовольство Франции или Англии. Однако Фердинанд поклялся сохранить целостность своего королевства и принял меры по подчинению острова из цитадели Мессины [7-9 сентября], где находился сильный и хорошо вооруженный неаполитанский гарнизон. Теперь разразилась гражданская война, полная ужасов, сцен дикого варварства, патриотического героизма и фанатичной страсти. Генерал Филангиери, энергичный воин времен Мурата, бомбардировал Мессину, в результате чего на улицах лежали тысячи трупов, многие дома были сожжены, а большая часть выживших жителей искала безопасности и защиты на иностранных кораблях в гавани. С того времени Фердинанд II был прозван «королем Бомбой».

Спустя некоторое время благодаря вмешательству Франции и Англии было заключено перемирие. Однако в апреле 1849 года война разгорелась с новой силой. Многочисленная группа иностранцев под командованием поляка Мьерославского пришла на помощь сицилийцам, но военная подготовка и лучшее вооружение неаполитанских наемников, особенно швейцарцев, решили исход битвы при Катании (6 апреля 1849 года).

14 мая неаполитанская армия вошла в Палермо, столицу Сицилии, и несчастный остров, над которым более года развевался трехцветный флаг, вновь оказался в оковах военного господства Бурбонов. Главы временного правительства, все из которых были людьми культурными, благородного происхождения и характера, искали убежища среди иностранцев. Филангиери, возведенный в ранг герцога Таормины, стал губернатором Сицилии.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ПАПЫ; РИМ — РЕСПУБЛИКА

В папских государствах энтузиазм по поводу папы пошел на убыль, когда он не удовлетворил чрезмерные требования достаточно быстро и полностью и когда он решительно отверг желаемое объявление войны Австрии как несовместимое с его положением и религиозным достоинством. Даже изгнание иезуитов, которые подвергались угнетению и угрозам во всех итальянских государствах, и сохранение конституции как «основополагающего принципа светского правления папского государства» не помогли ему вернуть прежнюю популярность. Знаменитая речь в консистории кардиналов с решительным заявлением о том, что он не будет вести войну с Австрией, была в целом истолкована как начало реакционного изменения. Какова же была позиция римских войск и добровольцев под командованием способного генерала Эдуарда Дюрана (), которых либеральное правительство направило для присоединения к армии борцов за независимость через По? Их считали мятежниками, пока сам Пий не поместил их под защиту Карла Альберта.

Один из входов в собор Святого Петра, Рим

Эта речь стала первым шагом назад от флага национального восстания. Поэтому Пий IX вскоре стал для патриотов таким же объектом ненависти и вражды, каким ранее был их кумиром. Напрасно он назначил либерального борца Мамиани президентом министерства, должность, которую до сих пор занимали только священнослужители, а историка Фарини — заместителем государственного секретаря; чувство, что глава церкви был неверным национальному делу, все больше отчуждало сердца римского народа. Ему также пришлось пережить унижение, когда его мирные предложения были отвергнуты Австрией, гордящейся своими новыми военными успехами. Реакционный *государственный переворот* в Неаполе был расценен как прямой результат этой речи и все больше разжигал народные страсти против духовного правления.

Умный итальянец Росси из Каррары, который когда-то преподавал право в Женеве, а затем занимал влиятельную должность в Париже при Луи-Филиппе и Гизо и выполнял важные дипломатические миссии, был приглашен Пием IX для формирования конституционного министерства, чтобы более жестко удерживать бразды правления, которые угрожали выскользнуть из слабых рук церковных князей. Но своими энергичными мерами против растущей анархии Росси нажил на себя такую ненависть римских демократов, что при открытии палат он был убит на ступенях сената, на том самом месте, где когда-то пал Цезарь.

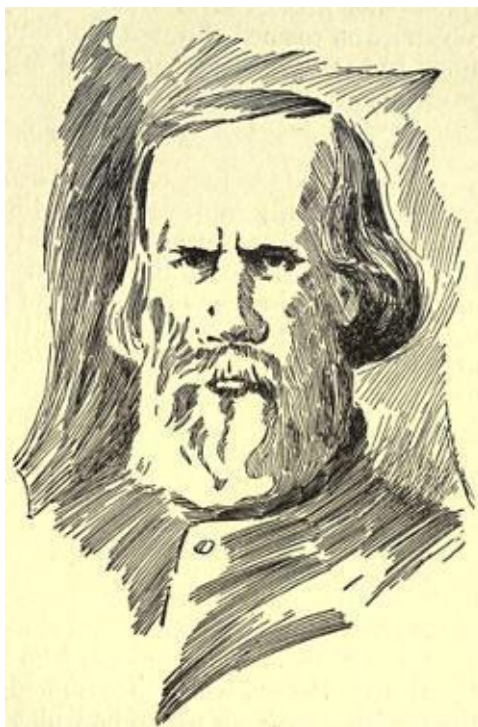
После этого безудержная толпа, возглавляемая демократически настроенным Карлом Люсьеном Бонапартом, окружила Квириналь и угрозами заставила папу назначить радикальное министерство, в котором наибольшее влияние имели адвокат Галлетти и старый демократ Стербини, а также Мамиани, который был вновь призван на должность. С этого момента закон и порядок исчезли из святого города. Палата депутатов была лишена власти и настолько ослаблена уходом многих членов, что едва ли была способна принимать

ные правовые решения; демократический народный клуб вместе с грубой толпой Трастевере контролировал ситуацию. Многие кардиналы уехали; Пий IX охранялся как заключенный.

Разгневанный этими действиями и опасаясь за свою безопасность, папа в конце концов бежал в Гаэту, переодевшись, с помощью баварского посла графа Спаура. Здесь он сформировал новое министерство и выступил с протестом против всех действий в Риме. Этот шаг сначала принес полную победу республиканской партии в Тибрийском городе. Была созвана новая конституционная ассамблея, которая на своем первом заседании лишила папство его мирской власти, провозгласила Римскую республику и постановила работать над объединением Италии под демократическо-республиканской формой правления. Угроза отлучения от церкви со стороны папы была встречена с презрением со стороны народного союза. Временное правительство под руководством трех человек взяло на себя управление свободным государством, в то время как конституционное собрание конфисковало церковные земли, чтобы создать на них небольшие фермы для бедных, а Гарибальди организовал значительную милицию из повстанческих добровольцев и демократов.

Гарибальди из Ниццы (родился 4 июля 1807 г.) был смелым лидером повстанцев, который долгое время скитался по Америке и другим странам в качестве политического беженца и который, вернувшись на родину, принял активное участие в борьбе пьемонтцев и ломбардов против Австрии. Неудачный исход возобновившейся войны в верхней Италии, в результате которой в Рим прибыло большое количество беженцев, а также прибытие Маццини, который долгое время был активным лидером партии «Молодая Италия» и душой демократической пропаганды, усилили революционное возбуждение в Риме. Объединение революционных сил побудило державы, защищавшие папские государства, помощь которых призвал папа, к совместным действиям и вооруженному вмешательству.

ФРАНЦУЗЫ ВОЗОБНОВЛЯЮТ ПАПСТВО

Джузеппе Гарибальди

(1807-1882)

В то время как австрийцы после ожесточенных сражений захватили Болонью и Анкону, неаполитанцы с юга вторглись на римскую территорию, а французская армия под командованием генерала Удино, сына маршала, высадилась в Чивита-Веккья и окружила Рим, который находился в состоянии сильного возбуждения. Французы тщетно заявляли, что они пришли как друзья, чтобы защитить порядок и законную свободу, не дать австрийцам и неаполитанцам оккупировать папское государство и его столицу и предотвратить контрреволюцию в пользу реакционного и клерикального движения; демократы отвергли протянутую руку мира и примирения и подготовили упорное сопротивление наступающему врагу. Первая атака французов провалилась 2 мая 1849 года. После отважной борьбы с повстанцами, которые были хорошо размещены и хорошо вооружены, Удино с тяжелыми потерями был вынужден отступить к морю и ждать подкрепления. Чтобы разделить своих противников, триумвиры вступили в переговоры с французским генералом и договорились о восьмидневном перемирии, которое Гарибальди использовал для нападения на неаполитанские войска около Веллетри и оттеснения их за границу (19 мая). Удино начал новую атаку. Но и на этот раз они встретили такое решительное сопротивление у ворот Панкратио и в других местах, что окончательно захватили город по договору только после нескольких недель кровопролитных боев (3 июля). Баррикады были немедленно убраны, временное правительство распущено, и установлено иностранное военное правление.

Гарибальди со своими верными последователями перебрался через Апеннины и, преодолев тысячу опасностей и приключений, на маленькой лодке бежал в Геную, а оттуда — в Америку. Большая часть его товарищей попала в руки австрийцев; некоторые из них были расстреляны, другие заключены в тюрьму в Мантуе. Мадзини бежал в Швейцарию, а когда его изгнали оттуда, уехал в Англию, где продолжил свою агитационную деятельность. Папа Пий долгое время оставался в добровольном изгнании и продолжал гневаться на неблагодарный город. Только в апреле 1850 года он вернулся. Тишина в Риме поддерживалась французским гарнизоном; только банды разбойников, бродившие по стране под руководством отчаявшихся предводителей, свидетельствовали о глубоком упадке социальной организации и бессилии правительства.

РЕВОЛЮЦИИ В ТОСКАНЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ

Великий герцог Леопольд Тосканский долгое время удавалось сохранять благосклонность своих подданных благодаря либеральным реформам, изгнанию иезуитов и участию, хотя и вынужденному, в войне против Австрии. Но и здесь радикальная агитация в конце концов подорвала почву и привела к созыву учредительного собрания. Благодаря деятельности демагогов государственные дела вскоре погрузились в анархию, так что великий герцог был вынужден покинуть Тоскану вместе со своей семьей. Бывшие министры возглавили временное правительство. В Ливорно соратники Маццини раздували революционный огонь. Однако, когда пламя стало слишком высоким, консервативная партия проявила свою силу и добилась изменения настроений. Умеренное либеральное правительство во главе с Джино Каппони, братьями Рикасоли и другими взяло на себя управление делами и пригласило великого герцога, который проживал в Гаэте, вернуться. Он некоторое время колебался, пока австрийцы под командованием генерала д'Аспре не заняли Ливорно и республиканская партия не потерпела поражение. Только тогда Леопольд вернулся в свою столицу, Флоренцию, и восстановил старый порядок (27 июля 1849 года).

Герцог Франциск V Моденский, имевший абсолютистские наклонности, и герцог Карл Пармский, который лишь недавно взял на себя бразды правления, оба подчинившиеся

военному господству Австрии, не смогли противостоять мартовским бурям. Они покинули свои государства и присоединились к Австрии. Вступление Радецкого в Милан стало для них днем возвращения.

ВОЙНА КАРЛА АЛЬБЕРТА С АВСТРИЕЙ

[1848 г. н.э.]

Наиболее заметные изменения происходили в верхней Италии. Карл Альберт, король Пьемонта и Сардинии, человек без твердого характера, заплатил за либеральные грехи своей молодости абсолютизмом, но затем, в соответствии с духом времени, поднял флаг итальянской национальности и независимости, предоставил либеральную конституцию и созвал патриотическое министерство. Теперь он считал, что настал подходящий момент, чтобы завоевать расположение итальянского народа и получить в свое владение объединенное королевство Ломбардии и Венеции, а также господство над Италией путем военного вторжения на австрийскую территорию. Объединившись с лангобардами, которые после некоторого колебания поднялись против австрийцев, Энрико Кампиола () учредил временное правительство и после упорной битвы на улицах 18 марта 1848 года и на баррикадах Милана, длившейся несколько дней, заставил седовласого фельдмаршала Радецкого отступить со своими войсками; в союзе с венецианцами, которые после освобождения своей столицы в результате капитуляции австрийского графа Зичи присоединились к общенациональному восстанию и при поддержке бесчисленных добровольцев (*Crociati*) из средней Италии, Карл Альберт выступил против Минчо, продвинулся к северным границам Италии и после победоносной битвы при Гоито (8 апреля 1848 года) угрожал Пескьере, которая вместе с Вероной, Мантуей и Легнаго, составляла знаменитый «четыреугольник» укреплений. Везде развевались трехцветные флаги; большинство городов, за исключением крепостей Мантуи и Вероны, присоединились к повстанцам. Война приобрела характер крестового похода. Духовенство, от новоназначенного епископа Милана до самого низшего монаха, работало на благо национального дела, за независимость Италии, и дало революции благословение церкви.

Но вскоре ситуация изменилась. 6 мая в Санта-Лючии произошло кровопролитное сражение, в котором австрийская армия удержала позиции против врага. Сражение при Санта-Лючии стало поворотным моментом в войне. Карл Альберт начал сомневаться в том, что он достигнет своей цели с помощью оружия, и надеялся получить более выгодные условия от угнетаемого двора в Вене благодаря вмешательству Англии. Источник войны между Адидже и Минчо укрепил короля в его стремлении к миру. 11 июня фельдмаршал заставил город Виченцу сдаться после кровопролитной битвы, а король Пьемонта занял Риволи, место, известное в истории войны, и приступил к осаде Мантуи. Папским войскам и добровольцам был предоставлен свободный выход. В это время Гарибальди прибыл в лагерь Карла Альберта, чтобы принять участие в войне за независимость. Итальянцы сражались за свободу и национальность, австрийцы — за господство и военную славу.

25 июля, в жаркий летний день, граф Радецкий одержал победу при Кустоцце, которая самым блестящим образом утвердила военную славу Австрии. Пожилой фельдмаршал затем быстро продвинулся в Ломбардию, прогоняя перед собой врага, который был вновь побежден при Гоито и Вольта, и в начале августа он стоял у ворот Милана. Под угрозой толпы, осыпаемый оскорблениями и преследованиями как предатель, Карл Альберт покинул город под покровом ночи и принял перемирие в Виджевино (9 августа 1848 г.), которое он обязан скорее великодушию победителя, чем дипломатическим усилиям иностранных держав. Радецкий, столь же мягкий и гуманный, сколь храбрый и

могущественный, не запятнал свою победу жестокостью. Массовая эмиграция превратила Милан в пустынный город. Продолжающиеся враждебные демонстрации в ломбардском городе заставили австрийского губернатора ужесточить меры. Войска были размещены в домах патриотов; дворцы видных эмигрантов были превращены в казармы, взимались налоги, конфисковалось имущество дворян. На следующий день после заключения перемирия Пескьера сдалась генералу Хайнау.

Однако этим война между Сардинией и Австрией не закончилась. События в Вене наполнили итальянцев новыми надеждами; попытки за рубежом достичь мирного урегулирования между Пьемонтом и Австрией не увенчались успехом; предложенный конгресс в Брюсселе не состоялся; только окончательное решение с помощью оружия могло успокоить разгоряченные умы. Карл Альберт, осыпаемый ругательствами народа, подталкиваемый радикалами, угрожаемый республиканцами в своем правлении, сбитый с толку раненой княжеской гордостью, в отчаянии принял решение снова испытать удачу в войне (). В марте (1849 г.) большая сардинская армия, в которой было несколько польских лидеров, пересекла границу Ломбардии, чтобы сделать вторую попытку изгнать австрийцев из Италии. Но кровавые победы австрийской армии при Монтаре и Новаре 23 марта 1849 г. быстро положили конец этим предприятиям и разбили надежды итальянских патриотов.

ЧАРЛЬЗ АЛЬБЕРТ ОТРЕКАЕТСЯ ОТ ТРОНА: ВИКТОР ЭММАНУИЛ II СЛЕДУЕТ ЗА НИМ

[1849 г. н. э.]

Карл Альберт, отчаявшись добиться успеха, но глубоко в душе сохраняя чувство военной и княжеской чести, отрекся от престола в пользу своего сына Виктора Эммануила II, бежал из земли своих отцов и в далекой Португалии нашел место, где мог провести остаток своих дней. Он умер, твердо веря, что власть и будущее Италии зависят от пьемонтской династии. [a](#)

Карл Альберт, великий только в несчастье, был достоин великодушного отношения и теперь был очень готов его принять. Он рискнул всем, чтобы выполнить обещание, данное родине, и его планы по амбициям и укреплению власти были сорваны и разрушены, его меч и мужество были полностью сломлены. Италия, как республиканская, так и реакционная, оставила его одного на месте избрания со своим народом; он боялся и не доверял Французской Республике; он, должно быть, устал от всех прекрасных советов и пустых обещаний Англии. Он спокойно ждал смерти и благочестиво выполнил последние обязанности католического христианина; во второй половине дня 26 июля 1849 года он скончался от третьего удара апоплексического.

Виктор Эммануил II

(1820-1878)

Его смерть произвела впечатление искупления, жертвы на благо отечества; его останки были доставлены в Геную на пьемонтском военном корабле «Монзамбано». Его тело почитали как тело мученика и святого, и тысячи людей сопровождали его до могилы на прекрасной вершине Суперга, к востоку от Турина.

Помимо редкого терпения и мужества, Карл Альберт не обладал какими-либо выдающимися интеллектуальными качествами; если в одном смысле он был храбрым солдатом, то в другом он проявил себя весьма посредственным полководцем. Как принц он имел благие намерения, но ему не хватало прилежания, стремления к знаниям и решимости до такой степени, что хитрость и лицемерие были для него незаменимы. Тем не менее он был человеком, и великие опасности, глубокие страдания, которые ему пришлось перенести за дело, которое поддерживали также самые благородные из народа, примирили и прославили его память; таким образом, он оставил своему преемнику и своему государству очень многообещающее, но тяжелое наследие. [h](#)

Молодой король Виктор Эммануил заключил 26 марта 1849 года перемирие с победоносным фельдмаршалом, но это вызвало такое недовольство по всей стране, что палата депутатов отказалась его ратифицировать, и в Генуе вспыхнуло восстание. Только после того, как договор был аннулирован, а восстание подавлено силой, народ смирился с неизбежным. Новые палаты позже подтвердили мир с Австрией, что наложило на страну огромное бремя долгов для оплаты расходов на войну. С того времени Сардинское королевство продвигалось по пути либеральных реформ и здорового внутреннего развития.

ВЕНЕЦИЯ НЕ УДАЕТСЯ ПОЛУЧИТЬ СВОБОДУ

Только Венеция, благодаря непревзойденной безопасности своего положения, смогла сопротивляться осаждающей австрийской армии еще несколько месяцев и противостоять всем нападениям и попыткам завоевания. Только когда исчезла всякая надежда на благоприятный исход войны, после поражения повстанцев во всех местах, и только когда город был доведен до состояния крайней нищеты из-за беспорядков внутри и врага снаружи, Венеция сдалась австрийцам по договору. 30 августа 1849 года фельдмаршал

торжественно въехал в город лагун. Манин, сыгравший главную роль в героической обороне Венеции, бежал во Францию, где, отвергнув всю предложенную ему помощь, зарабатывал на жизнь преподаванием языков. Бывший диктатор Венеции и бывший узник Шпильберга Паллавичино Тривульцио были основателями и создателями итальянского национального союза, в котором республиканцы и конституционалисты в 50-е годы объединились вокруг креста Савойи для освобождения и объединения отечества. Манин не дожил до дня обретения Италией независимости. Он умер 22 сентября 1857 года. Десять лет спустя его прах был перевезен в Венецию и похоронен в его освобожденном родном городе.

После падения Милана и Венеции двуглавый орел вновь расправил крылья над королевством Ломбардия и Венеция; в средней и верхней Италии вновь были подняты знамена законных правителей, и итальянские триколоры остались только в Сардинии. Пий IX провозгласил свое глубокое раскаяние за грехи либерализма. Какую бы безрассудную и слепую страсть ни вызвала итальянская революция, одно нельзя отрицать — честь нации была спасена. На протяжении веков итальянцы, бывшие объектом презрения и неуважения со стороны других народов, показали, что они тоже умеют владеть оружием; и хотя на этот раз их капитуляция была вызвана не столько военным превосходством противника, сколько их собственной неорганизованностью, тем не менее это восстание пробудило и укрепило надежду на то, что и для них наступит день, когда национальное единство и законная свобода положат начало более счастливой и достойной жизни народа.

После поражения своей попытки обрести свободу патриоты признали необходимость более тесного союза с сардинско-пьемонтским королевским домом, под флагом которого можно было надеяться на организацию объединенной Италии. Никто не подхватил эту идею с большим энтузиазмом, чем бывший диктатор Венеции Даниэле Манин во время своего изгнания в Париже.

С помощью брошюр и газетных статей, в союзе с Паллавичино, он стремился подготовить своих соотечественников к новому национальному восстанию под знаменем Савойи. Пропаганда, «главой которой был Манин, а рукой — Паллавичино», работала на реализацию принципа: «Независимость и единство под властью Виктора Эммануила, короля Италии». Плодом этого национального движения « » стало объединение итальянских земель. Манин не дожил до его результата, но его идеи продолжали находить новых последователей. В лице Ла Фарина патриотический клуб обрел более активного и пламенного соратника. Представленный Кавуру Паллавичино, активный сицилиец взял на себя роль посредника между министром и национальным союзом.

Предложения Кавура, хотя и не получившие одобрения конгресса, стали программой всех реформаторских партий на Апеннинском полуострове. Пьемонт, население которого, включая Савойю и остров, от которого королевство получило свое название, едва достигало пяти миллионов человек, мог надеяться стать одним из членов великой итальянской федерации только после того, как ему удастся сломить власть и влияние Австрии. Все попытки освободить Италию силой оружия до сих пор заканчивались неудачей, и было ясно, что прежде чем снова прибегнуть к мечу, необходимо сначала подорвать и ослабить Австрию в духовном плане. Когда Австрия, полагаясь, как обычно, на силу штыков и влияние духовенства, пыталась удержать народ в подчинении с помощью духовного давления и тщательно организованной полиции, Сардиния пошла по прямо противоположному пути и ослабила власть духовенства, ввела большую политическую свободу и всячески старалась завоевать доверие итальянского народа. Были проведены реформы в системе налогообложения, поощрялись внешняя торговля и коммерция, сокращено число монастырей и разрешена свобода печати. Во всех этих мерах движущей силой был Кавур, министр торговли. Армия была укреплена в важных точках, начато

укрепление Александрии, а наземные укрепления по всему королевству были приведены в состояние готовности.

[1854-1857 гг. н. э.]

В марте 1854 года деспотичный и развратный герцог Карл III Пармский, который ненавидел демократов и патриотов и не доверял всем культурным людям, был убит на улице, а два года спустя тюремный директор Череели и военный аудитор Борди, оба объекты народной ненависти, были убиты таким же образом. Наиболее ужасной была ситуация в Неаполе и Сицилии, той части мира, которую природа создала как рай, но человек превратил в место проклятия. Фердинанд II воспользовался годами европейской реакции, чтобы искоренить всякое стремление к свободе и равным правам среди своего народа, наполнить тюрьмы своими политическими противниками и установить во всем своем королевстве деспотическое правление, при котором система шпионажа, судебная и официальная тирания достигли полного расцвета. Король наблюдал со своего балкона, как специальная комиссия по порке сковывала цепями политических заключенных, число которых, по некоторым данным, достигало 22 000 человек.

В ноябре бывший член парламента барон Бентивогно возглавил восстание, чтобы заставить короля вновь принять конституцию 1812 года, но он был разгромлен королевскими войсками и впоследствии расстрелян вместе со многими своими товарищами. В декабре на жизнь короля было совершено покушение маццинистским солдатом. Вооруженные банды, объединенные в тайное общество под названием «Каморра», совершали грабежи и убийства по всей стране. Не смея дольше оставаться в столице, король переехал со своей семьей в замок Казерта, который он держал под строгой охраной, не пуская внутрь никого, кроме своих самых близких друзей. Присутствие Маццини в Генуе летом 1857 года привело к накалу страстей на всей полуострове и вызвало несколько серьезных попыток восстания в Ливорно, Неаполе и Капри. Эти восстания были подавлены, но причины недовольства остались, и мятежный дух был только более готов проявить себя снова при первой же благоприятной возможности.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЛУИ НАПОЛЕОНА

[1857-1859 гг. н. э.]

К концу 50-х годов всем стало ясно, что война между Сардинией и Австрией была лишь вопросом времени. К счастью для Сардинии, Австрия находилась в изолированном положении из-за вражды, которую ей принесло ее поведение во время Крымской войны со стороны России, а также из-за ее врожденной ревности и недоверия к Пруссии. Многоголовая Германская конфедерация не была в состоянии вмешиваться в политические вопросы мирового значения, и Наполеон прилагал все усилия, чтобы примирить Россию с Францией и Сардинией, с тем чтобы восстановление союза, получившего смертельный удар в Крымской войне, стало невозможным в будущем. Вскоре в Средиземном море появились российские военные корабли, и усилия Наполеона от имени Франции были не менее успешными. Осторожный император Наполеон, возможно, не был бы так готов защищать более слабую сторону, если бы не покушение на его жизнь, совершенное Орсини, как описано в томе XIII.

Император когда-то поддерживал тесные отношения с итальянскими патриотами, даже был членом итальянского тайного общества, а теперь, считаясь своими бывшими

соратниками предателем их дела, был ими приговорен к смерти. В феврале было обнародовано письмо Орсини, в котором он умолял императора восстановить независимость Италии, утраченную в 1849 году по вине Франции, и навсегда освободить ее от австрийского ига. «Без независимости Италии, — заканчивалось письмо, — мир в Европе и даже безопасность Вашего Величества — не более чем пустая мечта. Освободите мою несчастную родину, и благословения двадцати пяти миллионов человек последуют за Вами в следующий мир».

13 марта Орсини и Пьери погибли на эшафоте, а двое оставшихся сообщников были депортированы в Америку. Мужество, с которым Орсини встретил смерть, и любовь к родине, которую он проявлял до последнего вздоха, вызвали всеобщее сочувствие. То, чего Орсини не смог достичь при жизни, он осуществил после смерти. В то время как убийственное покушение послужило предлогом для лишения Франции всякой свободы с помощью закона о безопасности от 28 января, Наполеон совместно с Кавуром, который с искусной ловкостью успокоил гнев своего императорского союзника по отношению к Италии, рассаднику заговоров, приступил к осуществлению желаний Орсини.

Через несколько недель Кавур провел секретную встречу с Наполеоном, на которой были доработаны планы в отношении Италии. «Италия должна быть свободной до Адриатики; вся верхняя Италия должна быть объединена в одно королевство, Франция должна быть расширена за счет аннексии Савойи» — таковы были условия, согласованные на встрече. Кроме того, было предложено еще более укрепить связь между двумя правящими домами посредством помолвки принца Наполеона Бонапарта с Клотильдой, дочерью Виктора Эммануила.^[32]

АВСТРИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ: МАДЖЕНТА И СОЛФЕРИНО

В 1859 году война стала неизбежной после того, как Виктор Эммануил объявил на открытии палаты депутатов в Турине, что Сардиния больше не может оставаться равнодушной к призывам о помощи, раздающимся со всех сторон. Австрия немедленно приступила к укреплению своей армии, ввела военное положение на всей территории Ломбардии и всеми возможными средствами стремилась укрепить свою власть и владения в Италии. Австрия была подвергнута резкой критике со стороны нейтральных держав за начало военных действий (), и казалось, что со смертью фельдмаршала Радецкого военная слава Австрии угасла навсегда. Командование перешло к Францу Гюлаю, члену венгерской знати, который занимал много должностей, но ни на одной из них не проявил особых способностей.

[1859 год н. э.]

Своей постыдной бездеятельностью австрийцы дали сардинцам время сосредоточить 80 000 человек вокруг крепости Алессандрия, куда в мае прибыли несколько дивизий французских войск. Тем временем Гарибальди со своими «альпийскими охотниками» охранял подножие горы, откуда он мог беспокоить правое крыло австрийцев и поддерживать действия главной армии. Популярность его имени привлекала к его знамени множество добровольцев, а его появление в северном озерном регионе вызвало бурный энтузиазм среди населения. Примерно в середине мая в Италию прибыл сам Наполеон; хотя он оставил фактическое руководство способным и опытным генералам, он занял свое место во главе войск.

Граф Стадион, отправленный на разведку с 12 000 человек, 20 мая 1859 года наткнулся на французов возле Монтебелло и был вынужден отступить. Затем последовала битва при

Мадженте 4 июня, в которой победа досталась французам.^[33] Храбрость австрийцев в этом сражении, несмотря на то, что они страдали от крайней нехватки необходимого снаряжения, вызвала восхищение даже у врага. Никогда недостатки австрийской администрации не были столь очевидны, как во время кампании в Италии. Ломбардия была ставкой в этой битве при Мадженте. Гюлай, неспособный собрать свои разрозненные силы для новой попытки, немедленно отдал приказ о всеобщем отступлении. Милан был эвакуирован в течение следующих двух дней настолько поспешно, что это движение носило характер бегства, укрепления вокруг Павии и Пьяченцы были взорваны, а оккупационная армия была отозвана из всех своих гарнизонов.

8 июня Наполеон вместе с Виктором Эммануилом торжественно въехал в Милан, где обратился к народу с громкими речами, а австрийцы тем временем продолжали отступать до реки Минчо, где заняли новую позицию в центре четырехугольника укреплений, образованного Пескьера, Вероной, Мантуей и Легнаго.

Несчастья, обрушившиеся на Австрию, укрепили Сардинию в ее идеале итальянского единства и способствовали падению меньших итальянских государств. В апреле эрцгерцог Леопольд Тосканский был вынужден покинуть Флоренцию и перейти под покровительство Австрии. Под протекторатом короля Пьемонта было установлено временное правительство. Но это соглашение не соответствовало взглядам Наполеона. Его тайным замыслом было отдать тосканский трон своему двоюродному брату Луи Наполеону, зятю Виктора Эммануила, чтобы в Италии постепенно сформировался круг государств, подчиненных Франции, которые помешали бы осуществлению мечты об итальянском единстве.

Однако энтузиазм сторонников объединения уже был слишком велик, чтобы политические или дипломатические интриги могли ему помешать. По всей стране поднимались флаги объединенной Италии, и требовалось объединение с Сардинией. Болонья провозгласила себя свободной от папы и призвала к диктатуре короля Сардинии. Многие другие города папского государства последовали этому примеру, и большая часть папских владений откололась бы от Рима, если бы ужасная атака Перуджи швейцарской гвардией папы не вызвала такого смятения, что Анкона, Феррара и Равенна на время остались верными.

Паломник в соборе Святого Петра, Рим

Когда Австрия убедилась, что ни от Пруссии, ни от Германии помощи ждать не приходится, она решила вновь самостоятельно испытать удачу на войне. По примеру Наполеона император Франц Иосиф лично возглавил свои войска, а неспособный Гюлай был отправлен в отставку. Но даже под руководством новых лидеров операции Австрии не увенчались успехом; вторая встреча с союзными войсками, которая произошла за Минчо, закончилась поражением австрийцев — вновь из-за серьезных стратегических ошибок.

Наполеон, зная о слабых местах этой позиции, направил свою главную колонну против уязвимого центра, занимавшего холм возле Сольферино. После кровопролитного сражения 24 июня 1859 года французы захватили высоту, несмотря на героическое сопротивление австрийцев, и императорская армия была разделена на две части. Вторым ударом, нанесенным Наполеоном под Кавриани, имел такой же успех, поскольку австрийские командиры отдали противоречивые приказы, что привело войска в сильное замешательство. Бенедек, дважды отразивший сардинцев под Сан-Мартино, продолжал сражение еще несколько часов после того, как оно было практически проиграно австрийцами; затем разразилась сильная буря, которая позволила им отступить в хорошем порядке. В этом сражении маршал Ниль отличился больше всех других командиров французской стороны. Это был кровавый день, в результате которого австрийцы потеряли 13 000 человек. Со стороны союзников потери были еще более тяжелыми из-за большей опасности, которой они подвергались при атаке высоты. Победа при Сольферино стала новой страницей в истории Франции и в немалой степени способствовала укреплению Наполеона на троне.

По разным причинам Наполеон, человек осторожный и сдержанный, решил как можно больше смягчить удар поражения для своего униженного врага и направил Францу Иосифу предложения о перемирии, которые были приняты и подтверждены в Виллафранке. Через три дня состоялась личная встреча императоров, на которой были согласованы

предварительные условия мира. Наполеон искренне объяснил молодому Францу Иосифу, насколько изолированной была Австрия среди других государств. Было решено, что Ломбардия будет уступлена Франции, за исключением Пескьеры и Мантуи, что Италия должна образовать конфедерацию государств под общим руководством папы, и что восстановление монархов Тосканы и Модены, о котором договорилась Австрия, должно произойти без помех. Для окончательного урегулирования этих вопросов полномочные представители обоих королевств должны были встретиться в Цюрихе.

Условия мира, согласованные в Виллафранке и ратифицированные во всех существенных аспектах в Цюрихе, нанесли смертельный удар по влиянию Австрии на Апеннинском полуострове и заложили основу, в степени, далеко превосходящей ожидания Наполеона, для национального единства Италии. Остальное можно было оставить на усмотрение самих итальянцев. Далекие от восстановления своих бывших господ на троне, подданные изгнанных или беглых князей поспешили на общем собрании подтвердить распоряжение старых династий и присоединились к Сардинии.

ПАПСТВО ПРОТИВ ЕДИНСТВА

Мы видели, как перед битвой при Сольферино Модена и Парма, а также Тоскана высказались в пользу союза с Пьемонтом. После мира в Виллафранке государства к югу от По объединились под руководством Гарибальди в военный союз, целью которого было отражение всех нападений извне и пресечение всех попыток восстановления со стороны партикуляристов и реакционеров внутри страны. Даже Болонья и большая часть Романьи вышли из состава папского государства и обратились к Виктору Эммануилу с просьбой взять их под свою защиту. Эта просьба не была отклонена, каким бы горячим ни был гнев святого отца. Под руководством Д'Азельо по всей Романье были предприняты необходимые шаги для объединения с Сардинией, и к Новому году 1860 года специально созданное министерство обсуждало дела нового государства в центральной Италии, которому было дано название Эмилия, от старой римской дороги Via Æmilia.

Руины храма Минервы

Ни проклятия Ватикана, ни гнев ультрамонтанов по всей Европе не смогли ни в малейшей степени задержать ход событий. Хотя конфедерация, о которой было решено в Виллафранке и Цюрихе, так и не была создана из-за нежелания Австрии и папы провести необходимые реформы, нейтральная позиция Англии и Франции все же существенно помогла Италии реализовать свою мечту о национальном единстве. В конце 1859 года в Париже была опубликована брошюра под названием *«Папа и Конгресс»*, которая впервые потрясла мир мыслью о том, что пришло время положить конец светской власти папы и что впредь его власть должна ограничиваться пределами самого Рима. Это, естественно, вызвало бурю возмущения во всем католическом мире и вызвало неоднократные яростные осуждения со стороны папы, но со временем эта идея стала свершившимся фактом. Наполеон никогда не забывал, что святой отец отказался освятить его во время коронации.

[1860-1861 гг. н. э.]

Союз средних итальянских государств с Сардинией был предвестником всех тех «аннексий», которые вскоре полностью изменили характер полуострова. Наполеон был готов разрешить расширение верхнего итальянского королевства при условии, что Савойя и графство Ницца будут уступлены Франции. С момента возвращения Кавура на свой пост в министерстве в январе Наполеон и хитрый министр применили все известные дипломатии уловки, чтобы достичь своей цели. Наконец, в марте 1860 года было проведено народное голосование, в результате которого Савойя и Ницца были переданы Франции, а Тоскана, Парма, Модена и римские легации стали частью королевства Сардиния. Папа отлучил от церкви всех, кто принимал участие или даже потворствовал этому ограблению Рима; но папская булла, когда-то столь грозное оружие, со временем утратила большую часть своего прежнего ужаса. 2 апреля состоялось открытие первого итальянского парламента, в котором были представлены не только Сардиния и Ломбардия, но и Тоскана, Модена, Парма и римские легации. «Наша родина больше не является Италией Рима, — провозглашала

коронационная речь, — и не Италией Средневековья; она также не будет ареной, на которой сражаются амбиции всех наций. Сейчас и навсегда это Италия итальянцев».

ГАРИБАЛЬДИ ИЗГНАЕТ БУРБОНОВ ИЗ СИЦИЛИИ

Зюрихский мирный договор и последовавшая за ним «аннексия» закрыли первый акт в драме за свободу Италии. Путь к этому был проложен убеждением, которое с 1848 года укоренилось среди образованных слоев населения, что только объединение всей страны под конституционной монархией Сардинии может обеспечить стабильное и прочное национальное положение. Для достижения этой цели все революционные и националистические силы объединились и выбрали местом своей деятельности королевство Неаполь и Сицилия, которое недавно перешло в руки Франциска II, неопытного сына Фердинанда II. После заключения Виллафранкского мира французский и русский послы тщетно пытались заключить союз между Неаполем и Пьемонтом, полагая, что таким образом они сорвут все усилия революционеров, но политика традиций, которая по-прежнему полагалась на Австрию, возобладала даже при новом короле. Своим отказом поддержать дело итальянского единства Франциск II ускорил падение династии Бурбонов и распад Неаполитанско-Сицилийского королевства.

Проект нападения на королевство, располагавшее хорошо организованными вооруженными силами численностью 150 000 человек, был действительно смелым; но тирания подготовила почву для деятельности тайных обществ, а равнодушие, с которым были встречены предупреждения французского и русского послов, а также увольнение швейцарских наемников лишили трон его сильнейшей и наиболее надежной опоры именно в тот момент, когда Гарибальди и его соратники планировали нанести решающий удар.

6 мая Гарибальди отплыл из Генуи с 1062 добровольцами, не встретив никаких препятствий со стороны сардинских властей, и 11 мая высадился в Марсале, на западном побережье Сицилии. На протест короля Неаполя и немецких дворов против безнаказанности, предоставленной банде «морских разбойников», Турин ответил, что, поскольку экспедиция была частной инициативой Гарибальди и его соратников, пьемонтские власти не имели права вмешиваться. Однако перед отправлением Гарибальди Кавур написал Персано: «Мы должны поддержать революцию, но в глазах Европы она должна выглядеть как добровольное предприятие».^[34]

МОНАХ-КАПУЦИН

После того как Гарибальди со своими ближайшими соратниками высадился на берег, он ушел в горы и собрал вокруг себя, недалеко от Салеми, разрозненные отряды своих добровольцев. 14 мая, когда число его людей увеличилось до 4000, он издал прокламацию, в которой от имени Виктора Эммануила, короля Италии, провозгласил себя диктатором королевства Сицилия.

После нескольких успешных столкновений с королевскими войсками Гарибальди продвинулся к столице через Калатафими и Мизильмери, информируя своих союзников о своих передвижениях с помощью ночных сигнальных костров. 27 мая он стоял перед Палермо и сразу же дал сигнал к атаке. Через несколько часов город, население которого единодушно поднялось на поддержку захватчиков, почти перешел в руки Гарибальди, когда генерал Ланца, который был отправлен на остров молодым королем с значительными силами, подверг город такой сильной бомбардировке со стороны цитадели и военных кораблей в гавани, что на следующий день более половины города лежало в руинах. Посредством английского адмирала было заключено перемирие, которое закончилось выводом неаполитанских войск и кораблей и передачей города революционерам.

Последствия этих событий в Палермо были практически неисчислимы. Они пошатнули монархию до основания и прославили имя Гарибальди во всех уголках мира. При дворе Неаполя доверие было полностью разрушено. Король тщетно пытался укрепить свой шаткий трон, восстановив конституцию 1848 года.

Через шесть недель после победы в Палермо «диктатор» Гарибальди отплыл в Мессину, не оправдав ожиданий Турина, который надеялся, что он объявит об аннексии Сицилии Сардинией. За три дня он взял крепость Милаццо, и вскоре после этого командующий Мессиной заключил перемирие (), по условиям которого неаполитанские войска должны были эвакуировать город, за исключением цитадели. Европа с удивлением узнала о первых быстрых успехах великого агитатора, но его подвиги на материке вызвали еще большее изумление. Его дальнейшее продвижение по южной части полуострова было одним долгим

триумфом; нигде ему не оказывали решительного сопротивления. 5 сентября он прибыл в Эболи, недалеко от Салерно. Само имя Гарибальди оказывало сильное влияние на народ; для него он был инструментом Бога на земле, исполнителем провиденциальной миссии.

6 сентября Франциск II покинул Неаполь и отступил с 40 000 человек, которые еще оставались у него, в крепости Гаэта и Капуа. На следующий день Гарибальди торжественно въехал в Неаполь под восторженные приветствия народа. Он учредил временное правительство, но все еще откладывал отправку известия о присоединении к Пьемонту. Лидеры радикальных партий наполнили народного полубога недоверием к политике Кавура, и только после того, как к нему присоединился Паллавичино, мученик Шпильберга, он снова объединился с унионистами. Иностранные державы на протяжении всего времени сохраняли строго нейтральную позицию, а попытки Наполеона добиться совместного вмешательства Франции и Англии провалились перед решительным сопротивлением Палмерстона и Рассела.

В то время как происходили эти события, волнение итальянского народа достигло апогея. Падение династии Бурбонов в Неаполе, которое теперь казалось неизбежным, сделало бы объединение Апеннинского полуострова под скипетром Виктора Эммануила почти свершившимся фактом. Хвастовство Гарибальди о том, что с самого Квиринала, столицы страны, он объявит о рождении Объединенного итальянского королевства, нашло отклик в сердцах народа, который всячески давал понять, что не согласится ни на что меньшее. Но папское правительство в Риме противостояло угрозам отлучения от церкви каждому попытке французского императора провести реформы, и по всей Европе раздался крик ужаса от опасности, которой подвергнется религия, если будут дальнейшие посягательства на светскую власть папы.

Таким образом, у Наполеона оставалось только два пути: либо позволить итальянской революции действовать свободно, и в этом случае Гарибальди, без сомнения, положил бы конец светской власти папы и выбрал бы Рим столицей итальянского королевства, либо разрешить союз между Гарибальди и Виктором Эммануилом, что поставило бы естественный предел революции и устранило бы опасность того, что Маццини и партия «Действия» могут взять верх. Наполеон выбрал второй вариант. Нет сомнений, что он сообщил королю, что тот может присоединить Умбрию и Марке к своему королевству и направить свои войска для оккупации Неаполя, при условии что он оставит Рим под оккупацией французов. Как бы то ни было, в начале сентября две дивизии сардинской армии под командованием министра войны Фанти и генерала Чалдини приблизились к границе папских государств.

Вступление пьемонтских войск стало сигналом к всеобщему восстанию народа. В Пезаро, Монтефельтре, Синигалья и Урбино были созданы временные правительства, и в Турин были отправлены делегации. Сардинский фельдмаршал предъявил генералу Ламорисьеру и папскому двору требование, чтобы народу было позволено следовать своей воле во всех папских государствах; это требование было с негодованием отвергнуто, и генерал Фанти продвинулся в Умбрию, а Чальдини приступил к оккупации Марки. Обе стороны проявили большую храбрость, но папские войска были в конце концов разгромлены и распущены. Ламорисьер бежал с горсткой последователей в Анкону, которая была вынуждена сдаться после осады Чальдини с суши и сардинским адмиралом Персано с моря. Через несколько дней Виктор Эммануил прибыл в Анкону и лично принял командование всеми своими войсками.

Намерением короля при принятии командования армией было совместно с Гарибальди осуществить завоевание Неаполитанского королевства. Попытка добровольцев продвинуться до Капуи была сорвана их поражением при Каджаццо. Хотя открытый и

прямой революционный лидер не испытывал особой симпатии к Кавуру, человеку коварному и неидеалистичному, он чувствовал себя притянутым многими общими качествами к королю, в котором он видел «освободителя» Италии. Поэтому его другу Паллавичино не составило труда убедить его принять в качестве своего лозунга «Единая Италия под скипетром дома Савойи». Когда Виктор Эммануил занял свое место во главе объединенных войск в Сессии, Гарибальди сложил перед ним диктаторскую власть в Неаполе и передал ему миссию освобождения Италии и предоставления ей места среди народов земли. «Я готов подчиняться вам, сир», — сказал он; затем, въехав в Неаполь рядом с королем и поручив своих последователей покровительству и защите монарха, он удалился в небольшое поместье, которое владел на уединенном острове Капри, отказавшись от всех почестей и наград. Это был величайший момент в бурной жизни итальянского патриота, момент, в который он достиг победы над самим собой.

С этого момента военные действия приобрели более определенный характер. После захвата Капуи пьемонтцами и гарибальдианцами король Франциск с остатками своих лучших войск был изгнан в форт Гаэта, а Виктор Эммануил, после визита в Палермо, овладел двойным королевством Сицилии и распустил гарибальдианские войска, отпустив часть из них домой, а другую часть приняв в сардинскую армию.

Гаэта теперь стала последним оплотом королевства Неаполь и династии Бурбонов. Отважная оборона морского порта, во время которой несчастная молодая королева Мария Баварская проявила замечательный героизм, впоследствии стала единственным достойным похвалы периодом в коротком регентстве Франциска II.

Призывы о помощи осажденного короля Бурбонов к различным державам Европы не привели к вооруженному вмешательству, а его манифесты, обращенные к сицилийскому народу, не вызвали восстаний в его пользу. Нехватка продовольствия и боеприпасов в конце концов вынудила короля капитулировать. 13 февраля 1861 года он сел на французский корабль и отправился в Рим, где прожил следующие десять лет, постоянно питая надежду, что его сторонники в Неаполе поднимут контрреволюцию, которая вернет его на трон. В следующем месяце цитадель Мессины также сдалась генералу Чалдини.

С этим событием королевство Обеих Сицилий прекратило свое существование, а господство Бурбонов на прекрасном полуострове было навсегда уничтожено. 18 февраля король Виктор Эммануил собрал в Турине представителей всех государств, признавших его власть, и с их радостным согласием принял для себя и своих законных потомков титул «короля Италии». (Закон от 17 марта 1861 года.) Протесты свергнутых принцев, а также папы и императора Австрии были восприняты как пустые слова.

Таким образом, невозможное было достигнуто: различные государства Италии, за исключением австрийской Венеции на северо-западе и папского города- а Рима с его окрестностями, были объединены в одно королевство. Государственное искусство Кавура, твердость и решительность Виктора Эммануила, патриотическая преданность Гарибальди, политический такт, проявленный образованными слоями населения, — все это способствовало достижению замечательного результата; и теперь, когда он был достигнут, потребовались не менее мощные факторы, чтобы сделать новообретенные свободу и единство постоянными.

Безопасное и удовлетворительное решение «римского вопроса» могло быть достигнуто только путем постепенного приучения католического мира к идее отделения духовной власти от светской. Согласно идее Кавура, папство должно было быть освобождено от всех обязательств мирского правления, чтобы оно могло лучше достичь полной славы своей особой миссии — духовного руководства католическим христианством. «Свободная церковь — свободное государство» — таков был лозунг этого вопроса в понимании Кавура; но

предложение, которое он сделал папе, воплощающее эти условия, было с негодованием отвергнуто; действительно, потребовалось много времени, чтобы примирить католический мир с идеей церкви без территориальных владений.

СМЕРТЬ КАВУРА И ВОССТАНИЕ ГАРИБАЛЬДИ

В таких условиях мятежные высказывания группы агитаторов, называвших себя «итальянцами итальянцев», доставляли Кавуру немало хлопот и раздражения. Сам Гарибальди, который большую часть своей жизни провел в борьбе с монархической властью и который в своем идеализме и самоотверженной любви к свободе и родине был неспособен видеть существующие условия такими, какие они были на самом деле, не был чужд некоторым из этих новых революционных движений. 20 апреля 1861 года он появился в туринском парламенте, чтобы осудить действия по расформированию его армии добровольцев и протестовать против обращения с некоторыми из его бывших соратников. В конце концов он был умиротворен и убежден вернуться к своей одинокой жизни на острове благодаря убедительным доводам Кавура.

Вскоре после этого, 6 июня 1861 года, скончался граф Кавур, величайший государственный деятель, которого видел мир со времен кардинала Ришелье. Ему было всего пятьдесят один год, и его преждевременная смерть, несомненно, была вызвана переутомлением и лихорадочным беспокойством, в котором он провел свои последние годы. «В течение двенадцати лет, — заявлял он, — я был заговорщиком во имя свободы моей страны — самым уникальным заговорщиком; я открыто заявлял о своей цели в парламенте и во всех судах Европы, и теперь, наконец, у меня есть двадцать пять миллионов итальянцев, которые являются моими соратниками по заговору». Дело его жизни не было до конца завершено, его последняя идея была не более чем видением, сном; но он наконец получил удовлетворение, увидев, как его собственное творение, молодое королевство Италия, продвигается по пути к зрелости.^a

Главная мысль, которая преследовала его в бреду, была о юге. «О! Там царит огромная коррупция, но это не их вина, бедняги. Страна деморализована, но причиняя ей вред, ее не исправишь». И, прежде всего, государство не должно навязываться ему и навязывать ему средства абсолютных правителей. Это была главная мысль его короткой болезни, и это было также его политическим завещанием. Сегодня, спустя много лет, безграничная вера великого министра в благотворное влияние свободы торжественно подтверждена фактами. Юг отказался от разбоя и завершил работу по присоединению, ни разу не завесив статую свободы.

Самая высокая похвала, которую можно было высказать графу Кавуру, прозвучала из уст великого государственного деятеля, имя которого было не менее известно, чем имя великого министра « », лорда Палмерстона. «Имя Кавура, — сказал он перед британским парламентом, — будет жить вечно и останется в памяти, благодарности и восхищении всего человечества. История, украшением которой он является, поистине удивительна и самая романтическая в анналах мира. Мы видели, как народ под его руководством и властью пробудился от двухвекового сна».^c

Педлер, «Современный Рим»

[1862-1863 гг. н. э.]

Преемник Кавура, Рикасоли, должен был следовать по стопам своего прославленного предшественника и сосредоточить свое внимание на внутреннем строительстве государства. Он повторил попытку Кавура вести переговоры с Римом о создании свободной церкви в свободном государстве, но флорентийский государственный деятель рассматривался папскими советниками почти как иностранец, и Франция безоговорочно отвергла предложенное им вмешательство. В марте 1862 года он подал в отставку, после чего главой министерства был назначен Раттацци.

Первыми официальными действиями нового министра были возвращение в армию бывших добровольцев Гарибальди и провозглашение того, что парламентский декрет от 27 марта 1861 года, который определял Рим будущей столицей королевства, должен быть выполнен. Гарибальди был вызван со своего острова, чтобы возглавить все эти начинания, и партия «Действие» вновь была охвачена революционным энтузиазмом. Не только Рим и Венеция должны были быть завоеваны, но и все итальяноязычное население Тироля и другой стороны Адриатики должно было быть объединено под знаменем нового королевства. Вскоре волна волнений настолько усилилась, что администрация была вынуждена принять решительные меры для защиты страны от общей войны. Среди наиболее буйных лидеров, которые были взяты в плен, было много друзей и последователей Гарибальди.

Для Италии было несчастьем, что этому преданному патриоту не было предложено никакой регулярной сферы деятельности во внутренней администрации его страны, где его высокие и благородные качества могли бы быть использованы без предоставления больших полномочий его несовершеннополитическому чутью. Он решил повторить в отношении Рима тот курс действий, который два года назад принес успех в Неаполе. Он отплыл из Генуи и высадился в Палермо, где под его знамя собралась большая группа вооруженных добровольцев, жаждущих нанести решающий удар, который бы избавил

Италию от последних остатков иностранного господства и вернул королевству его естественную столицу. Поскольку за границей распространялись слухи, которые могли найти подтверждение в других странах, что администрация тайно поддерживает это предприятие, а сам Наполеон угрожал оккупировать Неаполь, если туринский кабинет не примет немедленных мер по подавлению революционного движения, король издал прокламацию, объявляя всех, кто превысил пределы закона и участвовал в каких-либо неоправданных актах насилия или агрессии, предателями итальянского флага.

Тем не менее, Гарибальди продолжал следовать своему плану, который заключался в том, чтобы «войти в Рим как завоеватель или умереть в его стенах». 24 августа он высадился в Мелито и, минуя Реджо, чьи крепкие укрепления он не осмелился атаковать, сразу же продвинулся в калабрийские горы. Тем временем генерал Чалдини направил дивизию главной армии под командованием полковника Паллавичини в погоню за добровольцами, и в Аспромонте произошло серьезное столкновение. Гарибальди, раненный и взятый в плен вместе со многими из своих последователей, был доставлен на правительственном пароходе в Бариньяно, в заливе Специи, где он перенес долгую и мучительную болезнь. [\[35\]](#)

ВЕНЕЦИЯ СЕГОДНЯ

ФЛОРЕНЦИЯ СТАЛА СТОЛИЦЕЙ

[1863-1866 гг. н. э.]

После нескольких безуспешных попыток французских дипломатов достичь какого-либо соглашения между папой и Виктором Эммануилом, Франция и Италия заключили соглашение, согласно которому королевская резиденция должна была быть перенесена из Турина во Флоренцию, а французские оккупационные войска должны были быть

постепенно выведены из Рима. С папой было согласовано, что папские власти не будут препятствовать созданию армии, достаточно большой, чтобы поддерживать авторитет святого отца и сохранять мир внутри страны и на границах, но не настолько большой, чтобы оказывать сопротивление армии короля.

Положения этой «сентябрьской конвенции» вызвали большое недовольство в Турине. Пусть Рим будет выбран столицей страны, и никто не будет протестовать, но почему пьемонтцы должны приносить жертвы в пользу Флоренции? Мрачное недовольство вскоре сменилось открытыми протестами и уличными беспорядками. Вместо того чтобы попытаться подавить беспорядки мягкими мерами, министерство совершило ошибку, прибегнув к жестким мерам. Большое количество бунтовщиков было убито или ранено. Страдания города, который так долго был лоялен ему и его дому, глубоко задела короля; он распустил действующее министерство и поручил формирование нового генералу Ламарморе, пьемонтцу по происхождению.

После этой перемены мир быстро воцарился, но город все равно был вынужден принять свою судьбу. В течение следующего месяца парламент постановил перенести королевскую резиденцию, и сразу же начались приготовления к переезду двора и всего правительственного аппарата в древний город на Арно. Утром 3 февраля, без предупреждения и прощания, Виктор Эммануил оставил свою прежнюю столицу и отправился во Флоренцию, где отныне и обрел свое жилище.

В Риме царило возмущение тем, что Франция и Италия заключили соглашение, не заручившись поддержкой папы. Последний, чтобы показать, насколько он не готов идти на уступки современным идеям, вскоре поразил мир, опубликовав *энциклику* и *силлабус*, в которых в « » — наборе максим и наставлений — он осудил и отверг как бесполезные все достижения современности в различных областях философии, науки и религии. Эти замечательные выражения убеждений, раскрывающие степень просвещенности, не намного превышающую средневековую, ясно показали миру, насколько безнадежной будет любая попытка прийти к взаимопониманию с человеком, который мог их сформулировать, и насколько он не желает и морально неспособен признать права и потребности современного человечества.

Итальянская палата депутатов на своем следующем заседании приступила к дальнейшим изменениям и реформам. Был введен гражданский брак, принято решение о ликвидации монастырей, а также о секуляризации церковных владений, и предложено отменить смертную казнь. Несмотря на трудное финансовое положение, в котором оказалось королевство в результате войны за свободу, в которую оно было вовлечено, и расходы, связанные с его реорганизацией, Виктор Эммануил заявил о своей готовности взять на себя большую часть римского долга при условии, что папство признает новое государство. Эта попытка увенчалась тем же успехом, что и все другие: на каждое предложение папа отвечал своим обычным «*Non possumus*» (*Мы не можем*).⁴

ВОЙНА 1866 ГОДА И АННЕКСИЯ ВЕНЕЦИИ

Италия по-прежнему с жадностью смотрела на богатые венецианские территории, которые все еще оставались в составе Австрии. В 1866 году между Пруссией и Австрией возникли споры, которые привели к войне, как описано в историях Австрии и Пруссии. В марте Пруссия с радостью заключила союз с Италией, пообещав продолжать войну до тех пор, пока Австрия не уступит Италии всю материковую часть Венеции, за исключением самого города и четырехугольника крепостей. 20 июня Италия объявила войну Австрии, которая направила на полуостров армию численностью 180 000 человек и 27 кораблей. Против них Италия собрала 300 000 человек, а также флот из 36 кораблей. Однако

четырехугольник, как говорит Бертолини^[32], давал австрийцам отличную базу, а также грозный оплот. Итальянцам не хватало стратегов, и хотя их возглавляли король и принц Умберто [Umberto], они не добились успеха. 24 марта они были застигнуты врасплох и потерпели поражение, а в Кустоцце, где, по словам Бертолини^[33], у них было только 52 000 человек против 75 000 австрийцев, они сражались вничью, но отступили, потеряв 3000 человек и 4000 пленных. Добровольцы Гарибальди, после небольшого успеха в Монте Суэлло 3 июля, были застигнуты врасплох и полностью разгромлены в Вецце 5 июля. Однако он восстановил свою репутацию в Амполе (16-19 июля), Беццеа и Лардаро (21 июля), когда пришло известие о перемирии. ВМС также потерпели тяжелое поражение у Лиссы 17 июля. 18 июля адмирал Персано подверг бомбардировке австрийские береговые батареи, но, хотя ему удалось временно заставить замолчать большинство орудий, он не смог осуществить высадку. Два дня спустя австрийский флот появился в гавани и сразу же вступил в бой с итальянским флотом. В этой битве итальянский адмирал, по-видимому, полностью потерял голову и отдавал либо противоречивые приказы, либо не отдавал никаких приказов вообще. Результатом стала полная победа австрийцев.

Пруссаки, однако, шли от победы к победе, в конце концов достигнув триумфа в Садовой, или Кёниггреце, 5 июля. Австрия, находясь в отчаянии и нуждаясь в войсках, подарила Наполеону III Венецию. Итальянцы считали «позором» принимать Венецию в подарок от французов, но в конце концов были согласованы условия непосредственно с Австрией, по которым Италия получила все провинции Венеции () и Железную корону лангобардов, а также свободу службы всех лангобардов в австрийской армии. Италия взяла на себя долг Ломбардо-Венеции в размере 64 000 000 франков и согласилась выплатить Австрии 35 000 000 франков. 19 октября 1866 года на соборе Святого Марка был поднят итальянский флаг. Был проведен плебисцит, и 647 384 гражданина проголосовали за союз под конституционной монархией Виктора Эммануила, а только 69 проголосовали против. 7 ноября Виктор Эммануил торжественно въехал в Венецию среди большого воодушевления.

СНОСКИ

^[32] [Согласно Булле^[34] Кавур имел более высокие планы в отношении брака Клотильды, но уступил в интересах дипломатии.

^[33] [Потери были значительными с обеих сторон: с французской стороны 246 офицеров и 3463 солдата были убиты или ранены, а 735 пропали без вести. Австрийцы потеряли 281 офицера, 3432 солдата были убиты или ранены, а 4000 пропали без вести. Но результатом сражения стало открытие Милана для французов. — Делорд^[35]]

^[34] [«Ла Фарина и его Национальное общество открыли путь — помощником было правительство, но помощь поступила от частного лица, поэтому правительство не было вовлечено. Доказательство этому можно найти в письме Ла Фарина графу Кавуру, написанном из Бристо-Арсичио и датированном 24 апреля 1860 года, в котором Фарина сообщил министру, что ящики (с оружием), которые должны были прибыть из Модены, не достигли Генуи или станции в Пьяченце, и выразил сожаление по поводу этой задержки, причину которой он не знал. Ящики прибыли в тот же день в Геную, и об этом было отправлено телеграмма. Письмо № 595 Ла Фарина от вице-губернатора». — Бертолини^[36]]

^[35] [Герой Италии, подобно героине Франции, выросший из народа, чтобы поставить короля во главе освобожденной нации, после того как ему удалось, вопреки всякой вероятности, осуществить первую часть своего замысла, потерпел неудачу во второй, будучи ранен и взят в плен, как Жанна д'Арк. Отправленный в форт Вариньяно в заливе Специи, Гарибальди был объектом всеобщего сочувствия. Люди не одобряли его опасную экспедицию, но то, что он пытался сделать, в сущности, было тем, чего желал весь мир. Король объявил амнистию. — Эннеги^[37]]

ГЛАВА XXI. ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ

В 1814 году Италия едва пробудилась к национальному самосознанию; в 1849 году это самосознание стало доминирующим фактором. Из заговоров карбонариев, направленных на смягчение тирании местных деспотов, из неудач 1820, 1821 и 1831 годов, из движения Мадзини «Молодая Италия» и проповедей Джоберти сформировалось сильное и стойкое стремление не только к свободе, не только к независимости, но и к единству, без которого первые два не могли бы существовать. Идея национальности зародилась в сердцах итальянцев. Народ, давший христианскому миру религию, выразивший себя в литературе, искусстве и науке, некогда лидировавший в мире в области торговли и промышленности, этот народ наконец решил завоевать то, чего ему до сих пор не хватало, — политическую свободу. Италия должна была стать не просто географическим понятием, а нацией. — Тейер.⁴

[1867-1878 гг. н. э.]

Министр Рикасоли, которому посчастливилось связать свое имя с присоединением Венеции к королевству Италия, прожил всего несколько месяцев после заключения мира с Австрией. Он решил возобновить переговоры с римским двором, чтобы определить, по крайней мере, те вопросы, которые имели чисто церковный характер. С этой целью он послал Тонелло в Рим для обсуждения вопроса о вакантных епископских кафедрах. С точки зрения итальянского правительства дело увенчалось успехом, но с точки зрения интересов страны это было не так.

[1867 г. н. э.]

Воодушевленный этим успехом, министр составил план законов, в которых отношения церкви с государством регулировались по принципу полной независимости двух властей. Этот гибридный закон, разработанный Рикасоли совместно с министрами финансов и юстиции, был представлен палате 17 января 1867 года. До его оглашения страна выразила свое недовольство через прессу. Венецианские провинции протестовали на публичных собраниях, но правительство запретило эти собрания. Однако на выборах воздержание духовенства от голосования привело к тому, что в новой палате большинство получила партия, противостоящая церковному закону, и министр, видя парламентскую партию, подал в отставку, которая была принята.

Тогда Раттацци вновь появился на сцене «как доктор в *крайней* ситуации», если использовать выражение принцессы Раттацци,⁵ автора его мемуаров. Вместе с ним вернулись те мятежные и двусмысленные уловки, которые вновь огорчали Италию как дело рук этого рокового человека. Поддержанный партией действия, которая считала его своим умом, так же как она считала Гарибальди своим оружием, он внезапно приготовился к работе. А тем временем, пока Сицилия страдала от холеры, а парламент был занят важным делом ликвидации церковного закона, партия действия агитировала за ускорение решения римского вопроса. Этот вопрос, как уже упоминалось, вступил в новую фазу после ухода французов из Рима и вскоре после решения венецианского вопроса.

ВОСТАНИЕ ГАРИБАЛЬДИ

Первым объявлением о новых предложениях партии действия была прокламация Гарибальди, опубликованная в июле 1867 года, в которой он призывал римлян к восстанию, а итальянцев — к готовности помочь ему. Как только агитация началась, ее усилива ,

разжигая всеми средствами; и по мере того, как волны нарастали, слова великого патриота становились все более горячими и яростными. В Женеве на совете мира и в Бальгирате перед обезумевшей толпой герой подстрекал их против «стаи змей», которая устроила свое гнездо в Риме; а 16 сентября он опубликовал обращение к римлянам, в котором обещал им помощь 100 000 молодых людей, «которые боялись, что их слишком много, чтобы разделить жалкую славу изгнания из Италии наемников и фокусников». За словами последовали дела. Во Флоренции и других местах велись тайные приготовления к вооруженной экспедиции в римские государства, и многие молодые люди были отправлены к границе.

А что делало в это время правительство?

Слова правительства были ясны, но его действия были неясны, и на самом деле приказы, отданные Раттацци политическим властям, были настолько вялыми и расплывчатыми, что можно было подумать, что они были лишь показухой и что министр тайно одобрял замыслы Гарибальди. Какая разница между Кавуром и Раттацци! С Кавуром в качестве союзника Гарибальди совершил эпопею, с Раттацци — двойную трагедию. Перед Раттацци было два пути: либо действовать в соответствии с заявлением, опубликованным в официальном дневнике 21 сентября, либо поступать противоположным образом; лучше война с Францией, чем Ментана. Он не пошел ни по одному, ни по другому пути, а лавировал между ними и навлек на свою несчастную страну новую катастрофу.

Когда Гарибальди покинул Флоренцию и отправился в Ареццо, чтобы принять командование добровольцами, дислоцированными на границе, правительство, которое до сих пор позволяло ему действовать, лишило его командования и отправило в крепость Алессандрия. Но это не помогло рассеять добровольцев, которые получили от самого Гарибальди приказ продолжать дело; и вскоре, испугавшись его рвения, правительство отправило пленника на Капреру, даже не потребовав от него обещания оставаться там спокойно, полагая, что достаточно будет, если остров будет охранять несколько военных кораблей. Тем временем отряд гарибальдистов численностью около 200 человек вошел в Витербо и учредил там временное правительство под названием «комитет восстания». В то же время две другие роты пересекли границу.

Но в это время из Франции пришли серьезные новости. Французские газеты объявили, что в порту Тулона идут приготовления к новой римской экспедиции, и вслед за этим объявлением последовала нота (19 октября) от правительства, в которой говорилось, что Франция вмешается со своими войсками, если итальянское правительство не положит конец движению Гарибальди. И пока правительство обсуждало, как поступить в такой ситуации, пришла весть, что Гарибальди бежал из Капреры. Это был *смертельный удар* для министра Раттацци. В тот же вечер, когда Гарибальди прибыл во Флоренцию, он подал в отставку, и король поручил Чалдини сформировать новое министерство (20 октября). Затем последовали странные события, которые показали неловкость правительства. С одной стороны, оно пыталось с помощью маркиза Пеполи убедить императора Наполеона, что оно достаточно сильное, чтобы подавить движение Гарибальди, а с другой — позволяло Гарибальди выступать публично, возбуждать народ и ехать в Терни, чтобы возглавить поднятое им движение. Центральный комитет Флоренции стал настоящим военным комитетом, хотя и продолжал называть себя комитетом помощи, и в своей прокламации от 22 октября объявил всей Италии, что в Риме вспыхнуло восстание.

Но эта новость не соответствовала действительности. Сообщаемое восстание в Риме состояло в попытке мятежа сотни молодых людей во главе с Кайроли, которая, не получив поддержки народа, была легко подавлена. Неудача первой попытки не охладила пыл патриотов и не умерила смелость лидеров предприятия. Победа, одержанная 25 октября

Гарибальди в Монтеротондо над папскими войсками, разжегла энтузиазм восставших молодых людей, так что они не боялись никакой опасности и не останавливались ни перед какими препятствиями.

ФРАНЦУЗЫ СНОВА ВМЕШИВАЮТСЯ: МЕНТАНА, 31 ОКТЯБРЯ

Опасности и препятствия увеличились в разы. После долгих колебаний император, видя бессилие итальянского правительства положить конец вторжению Гарибальди, решил о французском вмешательстве в дела Римского государства. Попытка Чалдини провалилась, и король поручил генералу Менабреа сформировать новое правительство. Новое министерство объявило о своих намерениях в королевской прокламации от 27 октября, в которой оно отвергло флаг, поднятый в папских государствах, и призвало добровольцев немедленно вступить в королевскую армию. Эта прокламация преследовала двойную цель: сокрушить вторжение Гарибальди и предотвратить вмешательство Франции. Но ни одна из этих целей не была достигнута.

Когда итальянское правительство узнало, что французы высадились в Чивитавеккье, оно решило вмешаться, и королевские войска заняли несколько мест в папских государствах. Несмотря на решение о вмешательстве, правительство сочло целесообразным предложить Гарибальди возможность с честью выйти из предприятия, которое в сложившейся ситуации не могло быть продолжено без бесполезного кровопролития и подвергая страну серьезной опасности. Но Гарибальди, вместо того чтобы принять эту спасительную помощь, как только узнал о высадке французов в Чивитавеккье, издал прокламацию своим сторонникам, призывая их оставаться бесстрашными в борьбе и предлагая им объединиться с ним в Тиволи, чтобы каким-то образом добиться объединения страны (31 октября). Добровольческая колонна едва прошла Ментану, как Гарибальди получил известие о сильном нападении на его авангард со стороны папских зуавов. Узнав об этом, генерал вернулся в Ментану, чтобы избежать опасности обхода своего левого фланга () и попытался удержать в тылу остальные войска, находившиеся в этом районе (3 ноября). Он не успел далеко уйти, как появился враг. Отбитые при первой атаке, они вскоре вернулись с мощным подкреплением, в числе которого было 1500 французов. Добровольцы не могли противостоять врагу, превосходившему их по численности и вооруженному хорошим оружием. Шассепоты нанесли ужасающий урон. Гарибальди приказал отступать, попрощался со своими последователями и, приняв меры по расформированию добровольческого корпуса, вновь пересек границу. Итальянское правительство, не зная о его намерениях, арестовало его и держало под стражей, пока волнения не улеглись.

Шассепоты победили; сентябрьский договор был разрушен; Рим вновь оказался в руках французов, а Турин оплакивал напрасную жертву. Королевские войска под командованием Кадорны остались на папских территориях, но французский министр, протестуя против этой оккупации, правительство, не желая еще больше усугублять и без того напряженную ситуацию, приказало их отозвать, и король воспользовался этим актом самоотречения, чтобы послать письмо императору Наполеону, в котором он умолял его, в интересах династии Наполеонов, окончательно порвать с клерикальной партией и приказать немедленно отозвать войска из Рима.

Но Наполеон III остался глух к этому совету, который, тем не менее, был мудрым; он не разорвал гибридный союз с клерикальной партией и в награду получил объединение в одной могиле папской монархии и наполеоновской империи. Ответ на письмо Пеполи был дан французским министром иностранных дел Руэром, верным исполнителем и толкователем политики своих хозяев. В ходе дискуссии, которая состоялась в

законодательном собрании Пьемонта () по поводу новой экспедиции в Рим, этот министр сказал, что итальянцы «никогда не имели Рима».

«Мы покажем ему его «никогда (*jamaïs*)», — воскликнул Виктор Эммануил на хорошем пьемонтском диалекте и не успокоился, пока раздражительный министр не извинился за неудачное слово, сказав, что оно сорвалось с его губ в пылу импровизированной речи.

[1868-1869 гг. н. э.]

Король попросил того же Менабреа сформировать новое министерство под его руководством. Из старых министров осталось семеро. Перемирие, которое теперь было достигнуто по молчаливому согласию, дало новому министерству возможность серьезно заняться финансовыми вопросами, которые после войны 1866 года вновь стали очень серьезными. Эта война фактически стоила Италии шестьсот миллионов, помимо долга, взятого на приобретение Венеции; принудительный тариф поднял цену на золото на пятнадцать процентов, нанеся серьезный ущерб частным контрактам и государству, которое было вынуждено ежегодно приобретать золото для выплаты процентов по государственным ценным бумагам за рубежом; а с повышением налога на золото наступила депрессия итальянских консолей, которые упали до 36 процентов, в результате чего в стране и за рубежом стали циркулировать зловещие слухи о том, что Италия скоро обанкротится. Несмотря на мрачные прогнозы в ее отношении, она продемонстрировала новую активность и энергию; и тем самым, что позволило ей поддержать новые субсидии, введенные в связи с сокращением государственных финансов, она положила начало новой эре экономического процветания, которая вскоре принесла великолепные и неожиданные плоды.

Флорентинец Камбрей Диньи тогда возглавлял финансовый департамент. Он стал защитником угрожаемой чести своей страны и потребовал, чтобы для борьбы с большим злом были применены крайние меры.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РИМСКОГО ВОПРОСА

В то время как парламент был занят финансовым вопросом, министр Менабреа работал над тем, чтобы побудить французское правительство вновь ввести в силу сентябрьскую конвенцию и отозвать свои войска из Рима. Итальянский министр предложил гарантировать папе полную свободу в осуществлении его духовной власти и взять на себя значительную часть папского долга. В качестве гарантии серьезности своего предложения он указал на элементы власти, которые отныне будут признаваться в королевстве, что приведет к исчезновению всех следов волнений и навсегда положит конец эпохе фракционных революций, заговоров и индивидуальной инициативы. Но французское правительство не разделяло этих розовых видений итальянского министра и представило информацию, доказывающую существование маццинианской деятельности на полуострове. Менабреа, видя, что больше ничего не поделать, в конце марта 1869 года подал в отставку со своего дипломатического поста в палате депутатов.

Не лучшего результата не принесла и другая, гораздо более важная попытка, предпринятая на этот раз королем Виктором Эммануилом. Движимый желанием восстановить с Наполеоном III дружеские отношения, прерванные событиями 1867 года, и обеспечить сохранение мира в Европе, который угрожали нарушить напряженные отношения между Францией и Пруссией, он выступил с инициативой предложить тройной союз между Италией, Францией и Австрией, основным условием которого было выведение

французских войск из Рима и официальное признание принципа невмешательства в итальянские дела. Три договаривающиеся державы должны были бы действовать сообща во всех важных вопросах европейской политики, взаимно гарантируя целостность своих территорий и не принимая никаких решений общего значения без согласия всех сторон. Но ни уговоры императора Австрии, ни его двоюродного брата, принца Иеронима, не смогли повлиять на решение Наполеона. Он твердо стоял на своем отказе в отношении эвакуации Рима, и, поскольку это было основным условием, весь план провалился, и это произошло накануне франко-прусской войны.

1868 год был отмечен бракосочетанием наследного принца с его кузиной Маргаритой Савойской. После смерти невесты принца Умберто, эрцгерцогини Австрии, министр Менабреа предложил королю в качестве жены для его сына внучку герцога Генуэзского. Предложение понравилось королю и принцу, и 22 апреля была отпразднована свадьба. Новый год начался с болезненных событий: введение налога на муку вызвало беспорядки и мятежные движения, которые вынудили правительство принять жесткие меры. В Эмилии и Румынии произошли сцены кровопролития и разрушений. Генерал Кадорна, отправленный в эту провинцию для восстановления порядка, выполнил свою неблагодарную задачу так, что заслужил похвалу парламента.

Агитация, которая в 1869 году вызвала беспорядки в стране, была делом рук маццинистов. Маццини провозгласил из Лондона: «Италия должна освободиться от монархии, поскольку она показала, что не даст и не может дать Италии ни единства, ни независимости, ни свободы». И ученики пророка быстро претворили республиканские слова в жизнь, подняв беспорядки и дискуссии во всех крупных городах Италии. Как мы уже видели, французское правительство предупредило о маццинистской секте, что послужило поводом для отказа от эвакуации Рима французскими войсками. Маццинисты, чтобы обеспечить успех, пытались подкупить армию, особенно, делая свои коварные предложения младшим офицерам. Некоторые из них попались в ловушку и заплатились за свое вероломство жизнью. Дело капрала Барсанти вызвало всеобщий интерес. Это был двадцатилетний юноша, опора и надежда своих престарелых родителей, но министр войны Говоне заявил, что для поддержания морального духа армии необходимо показательно наказать виновного, и 27 августа 1870 года Барсанти был расстрелян в окрестностях Милана. За несколько дней до этой казни Маццини по приказу Говоне был арестован в Милане и под усиленной охраной доставлен в крепость Гаэта. С устранением лидера республиканская агитация угасла, уступив место другой, совершенно иной, а именно агитации за возвращение Рима Италии и окончательное падение светской власти папы.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕПОГРЕШИМОСТИ ПАПЫ (1869 г. н. э.)

С самого начала своего существования министерство Ланца и Селла оказалось в чрезвычайных обстоятельствах, требующих от итальянского правительства максимальной секретности, чтобы предотвратить опасности и бедствия для государства. Созыв Ватиканского собора был назначен на 8 декабря 1869 года. В своей речи с короны Виктор Эммануил выразил надежду, что эта ассамблея примет какое-то решение, примиряющее веру и науку, религию и гражданскую жизнь. Вместо этого ассамблея провозгласила догмат о непогрешимости папы, тем самым закрепив противостояние между церковью и государством. Как и в случае с предыдущим министерством, так и в новом их главной заботой был финансовый вопрос. Франко-прусская война разразилась примерно в середине июля 1870 года.

РИМ ОТНЯТ У ПАПЫ (1870 г. н. э.)

Падение наполеоновского княжества в 1870 году устранило половину препятствий, которые до сих пор мешали Италии решить римский вопрос в соответствии с национальными интересами. После первых поражений французов имперское правительство отозвало гарнизон из Рима, заявив, что оно доверяет его лояльности в вопросе о верном соблюдении конвенции от 15 сентября. Это был странный призыв к лояльности итальянского правительства в отношении того, что было так нелояльно отвергнуто имперским правительством. Однако министр Ланца верно соблюдал конвенцию, движимый чувством благородной честности, чтобы не создалось впечатление, что Италия воспользовалась бессилием, вызванным поражениями своего давнего союзника, чтобы захватить Рим. Но когда империя пала и на смену ей пришла республика, все причины для сомнений исчезли, и правительство больше не могло откладывать решение римского вопроса на благо нации.

Напрасно Виктор Эммануил послал в Рим своего посланника с автографом письма, в котором он обращался к сердцу папы «с любовью сына, верностью короля и душой итальянца», чтобы тот разрешил королевским войскам, уже размещенным на окраинах Рима, войти и занять такие позиции на римской территории, которые были необходимы для поддержания порядка и охраны понтифика. Пий IX твердо стоял на своем отказе, заявляя, что он уступит силе, но не несправедливости.

Тогда пришлось прибегнуть к силе. Правительство отдало приказ генералу Раффаэле Кадорне пересечь границу со своими войсками, одновременно проинформировав европейские правительства посредством циркулярного письма о принятом решении и оправдав свои действия, указав на невозможность примирения Италии с папским Римом и необходимость обеспечения мира и безопасности для Италии. Затем в ноте успокаивались державы относительно мер, которые Италия предпримет для защиты духовной власти папы, с тем чтобы его свобода и независимость были полными. 11 сентября Кадорна вступил на папские территории. 17-го итальянские солдаты были в Чивитавеккье, а 19-го — под стенами Рима.

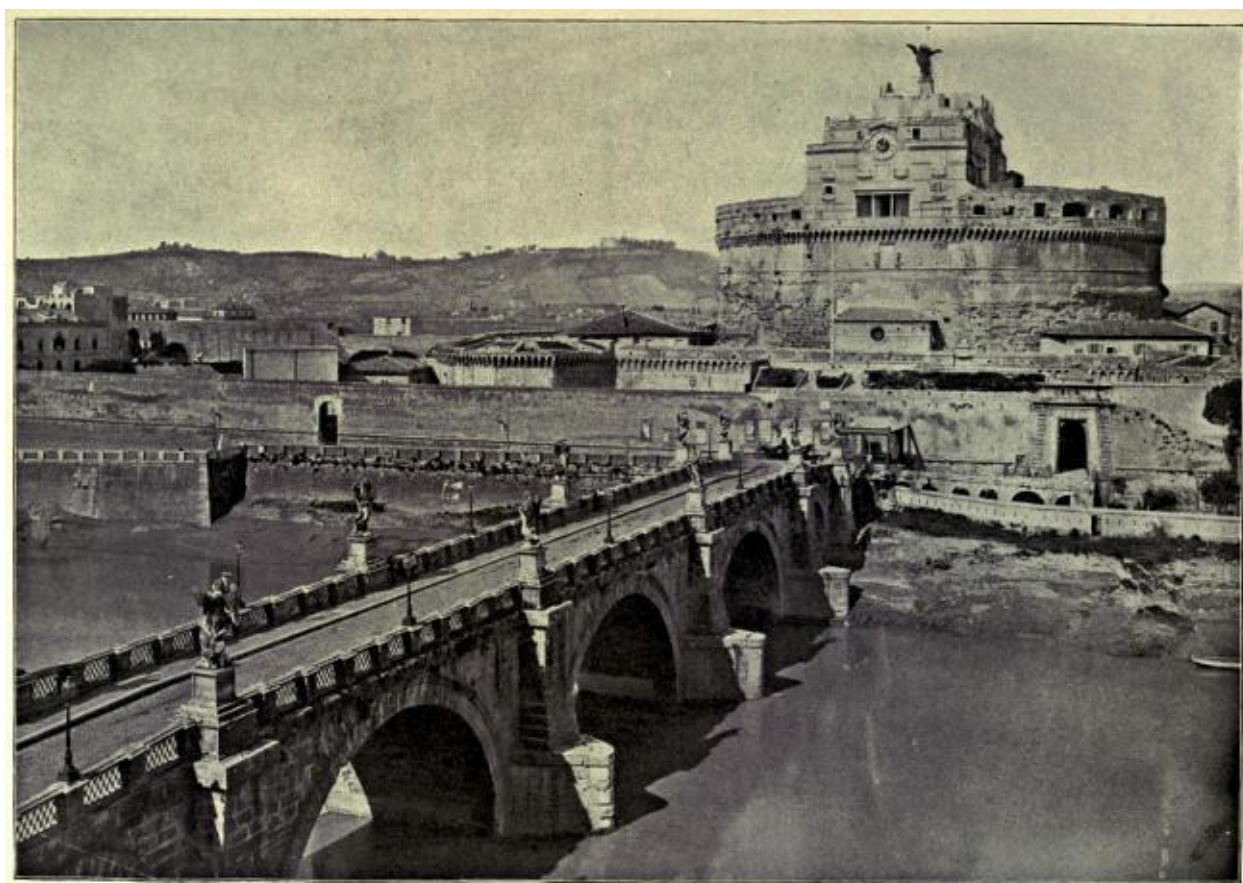
Но Пий IX определился со своим курсом поведения и был готов следовать ему любой ценой. Свои взгляды он изложил в письме, написанном 19 сентября генералу Канцлеру, главнокомандующему папскими войсками. В нем Пий IX приказал Канцлеру при малейшем прорыве стен Рима вести переговоры с врагом, «поскольку оборона должна была служить лишь доказательством акта насилия и ничем более». И так и произошло: в половине шестого утра 21 сентября итальянские солдаты открыли огонь между воротами Пиа и Сорлара и у ворот Святого Иоанна и Святого Панкраса, и едва был пробит пролом, как папские войска прекратили огонь и подняли белый флаг на всех батареях. К Кадорне был отправлен гонец, и вскоре было решено, что Рим сдаст все, кроме Леонинового города,^[36] который на данный момент должен оставаться под юрисдикцией папы. Затем папские войска были удостоены военных почестей, но были вынуждены сложить оружие и флаги. Крестьянские солдаты были отправлены домой, а все иностранцы — в свои страны за счет итальянского правительства.^[37]

ПЛЕБИСЦИТ

Первым делом генерал Кадорна назначил временное правительство, которое должно было руководить делами государства до тех пор, пока народ не решит, какую форму правления он желает иметь. 2 октября было назначено проведение плебисцита. Жители римских провинций были призваны ответить, желают ли они объединиться под

конституционным правительством Виктора Эммануила и его королевских потомков. Из 167 548 зарегистрированных избирателей 135 291 откликнулись на призыв; в результате голосования 133 681 проголосовали «за» и 1507 «против». Таким образом, римский народ своими руками положил конец царству пап.^[38]

Виктор Эммануил, принимая результаты плебисцита, заявил, что он твердо намерен защищать свободу церкви и независимость верховного понтифика. Так был совершен последний акт искупления Италии. Поколение, которое в молодости видела угнетенную Италию, теперь, в зрелом возрасте, имело радость видеть ее возрождение как свободную и единую нацию. И тот, кто напишет историю этого великого события, сможет добавить к древней славе свободы этот новый и более великолепный триумф, когда под ее эгидой возникла нация и принцип объединил ее.

ЗАМОК СВ. АНГЕЛО

Этот богатый событиями год завершился еще одним необычным фактом — предложением испанской короны принцу Амадео, второму сыну итальянского короля. Получив согласие своего августейшего отца, молодой принц принял корону, которая, предложенная ему при самых благоприятных обстоятельствах, вскоре должна была превратиться в терновый венец. Прошло всего два года после его вступления на престол, когда, как описано в истории Испании, молодой король, окруженный вероломными министрами и генералами, отрекся от престола (11 февраля 1873 г.), чудом избежав покушения на свою жизнь (18 февраля 1872 г.).

В конце 1870 года Рим пострадал от страшного наводнения Тибра, которое затопило большую часть города. Священнослужители объявили это проявлением воли Божьей.

Виктор Эммануил поспешил на место бедствия, утешая несчастных римлян своим присутствием, своими делами и своей помощью. Именно таким образом короли завоевывают любовь своего народа, а королевства укрепляются.

В то время как Гадда готовил в Риме помещения для перевода министерства, парламент занимался законом о гарантиях, благодаря которому стало возможным сосуществование в Риме двух властей и двух правительств, каждое из которых имело полную свободу и независимость от другого. Это было чем-то совершенно новым в истории, и многие, не только священнослужители, считали это невозможным; но это стало необходимым, когда Пий IX, отвергнув совет иезуитов покинуть Рим, добровольно решил остаться.⁴

Захват Рима королем Виктором Эммануилом и добровольное уединение Пия IX в Ватикане завершают революционную эпоху, которой эти две личности дали свои имена. Она привела, с одной стороны, к конституционному объединению Италии, а с другой — к упразднению государств Церкви, последнего остатка средневековых церковных привилегий, к исключительно духовной конституции верховного понтифика вселенского католицизма — двум важнейшим изменениям в истории политики и европейской цивилизации.

Последние годы жизни короля и папы, проведенные за стенами одного и того же города, не представляют никакого интереса, кроме того, который представляет собой применение принципов успешной революции и эксперимент по сосуществованию двух держав, долгое время бывших соперниками, в новых условиях близости и угасания бури.⁵

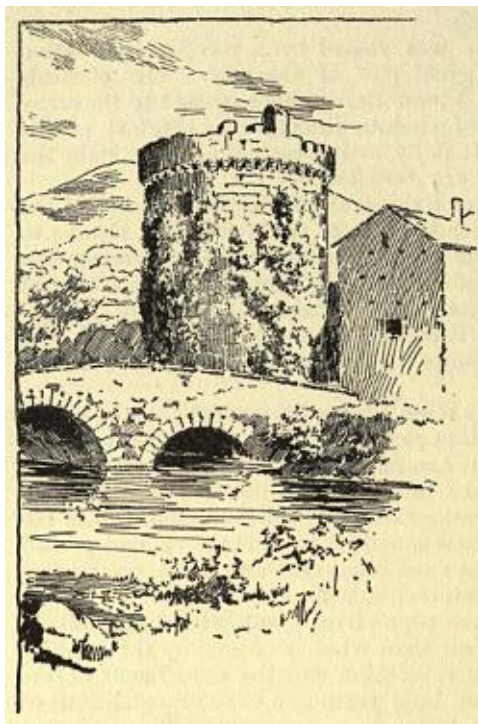
Закон о гарантиях, принятый палатой 5 апреля 1871 года, провозглашал, что личность понтифика является священной и неприкосновенной, и что на территории его королевства ему должны быть оказаны королевские почести; что Святой Престол должен получать ежегодную дотацию в размере 3 225 000 лир; что апостольские дворцы Ватикана и Латеранского района и Кастель Гондульфо со всеми принадлежностями и зависимыми помещениями должны находиться в его распоряжении; что понтифик должен иметь полную свободу для выполнения функций своего духовного служения; что послы иностранных государств при Святом Престоле должны пользоваться всеми обычными привилегиями и иммунитетами, в соответствии с международными обычаями, касающимися дипломатических агентов; что семинарии, академии, колледжи и католические учреждения, основанные в Риме и пригородах для образования духовенства, должны по-прежнему подчиняться только Святому Престолу без какого-либо контроля со стороны школьных властей королевства.

Этим же законом регулировались и отношения государства с церковью. Были отменены все ограничения на право собраний членов католического духовенства. Правительство королевства отказалось от права назначать и продвигать по службе на более высокие должности. Епископы были освобождены от принесения присяги на верность королю, были отменены *exequatur* и *royal placet*, а также все другие формы правительственного согласия на публикацию и исполнение актов церковной власти. До сих пор не существовало отдельных положений для таких актов, и эти акты власти, касающиеся распоряжения церковными фондами и повышения в должности к большим или малым бенефициям, за исключением тех, что принадлежали Риму и пригородным епархиям, подлежали *эксекватуре* и королевскому *placet*. Это были основные положения закона о папских гарантиях.

Как и следовало ожидать, папа не принял их, но правительства европейских стран, напротив, признали закон, понимая, что невозможно было придумать ничего лучшего для обеспечения независимости понтифика.

РИМ СНОВА СТАЛ СТОЛИЦЕЙ ИТАЛИИ (1871 г. н. э.)

В июне 1871 года, в соответствии с обязательствами, взятыми на себя правительством, был осуществлен перенос столицы. В воскресенье, 2 июля, король торжественно въехал в Рим. Какие воспоминания должны были вызвать въезд короля Италии в вечный город, ведь от триумфов римских правителей, республиканцев или цезарей, до походов франкских и германских королей средневековья Рим был полон великолепных воспоминаний. Но первые приезжали, чтобы праздновать триумф своего насилия над какой-нибудь несчастной нацией, а вторые — чтобы возродить цезарейские институты под лозунгом своего господства над другими христианскими нациями Европы, своего империи над Италией.

Могила Плавтия

При входе Виктора Эммануила в Рим сила была заменена правом нации жить свободно под руководством великой матери Италии, от которой она до сих пор была отделена. Папа не пришел встретить и благословить короля, но тот, кто имеет благословение своей страны, находится в безопасности, и, достигнув Квиринала, он воскликнул: «Наконец-то мы здесь, и здесь мы останемся».^[39]

За этим торжественным въездом короля Италии в Рим быстро последовали другие памятные события. Открытие туннеля Мон-Сени сломало барьер Альп между Италией и Францией. Нации разрушают барьеры, которые природа поставила между ними, чтобы облегчить обмен своими продуктами для взаимной выгоды. Это канун братства между нациями, начало которому было положено на руинах вековых распрей.

27 ноября итальянский парламент впервые собрался в Риме в Монтечиторио. Тронная речь была, как того требовали обстоятельства, величественной и торжественной. «Здесь, где наш народ, — говорилось в ней, — после многовекового рассеяния впервые собрался в величии своих представителей; здесь, где мы признаем родину наших мечтаний, все говорит нам о величии. В то же время все напоминает нам о нашем долге». Далее было объявлено, что национальное единство было достигнуто без нарушения дружеских отношений с другими странами.

[1872-1874 гг. н.э.]

Министерство Ланца уже вступило в четвертый год своего существования, и это был первый случай с момента основания Королевства Италия, когда министерство просуществовало так долго. Но едва переход власти был завершён, как перемирие между партиями было нарушено, и министерство пало. В последние дни своего существования Италия пережила смерть трех великих патриотов — Маццини в 1872 году, Манцони и Раттацци в следующем году. Еще не настало время, когда мы сможем судить об этих людях с хладнокровием и без страсти. Мадзини умер в Пизе 10 марта 1872 года; он прожил достаточно долго, чтобы увидеть Италию свободной и объединенной; и хотя это не соответствовало его идеалу Италии, он мог радоваться мысли о том, что так много помог ее возрождению и внедрению концепции национального единства, которая на протяжении веков была идеалом философов, так что она стала национальной идеей и историческим фактом. Раттацци умер в неудачный момент, накануне прихода к власти левых. Он мог бы привить дисциплину этой неоднородной партии и сделать ее полезным инструментом правительства после шестнадцати лет пребывания в оппозиции. Он ушел из жизни как раз тогда, когда мог оказать огромную услугу стране, которую он так любил, хотя несчастье сделало его, казалось бы, ее злым гением.

МИНИСТЕРСТВО МИНГЕТТИ (1873-1876 гг.)

Задача сформировать новое министерство была поручена королем Марко Мингетти, лидеру оппозиции, которая составляла большинство против павшего министерства. Первым достижением нового министерства стал триумф внешней политики. Визит Виктора Эммануила к императорам Австрии и Германии в их столицы в сентябре 1873 года закрепил дружбу между двумя трансальпийскими державами.

[1874-1877 гг.]

Несмотря на успех внешней политики правительства, он был нивелирован его неудачной внутренней политикой. Навсегда останется пятном на его чести тот факт, что 2 августа 1874 года министр Кантелли приказал арестовать и заключить в тюрьму двадцать девять республиканцев, которые собрались под председательством Аурелио Саффи в Вилла Руффи, чтобы обсудить курс, который должна была принять их партия в отношении вопросов, представляющих интерес для страны, и линию поведения, которой следовало придерживаться в случае всеобщих выборов. Однако судебные власти были совершенно справедливы по отношению к двадцати девяти, и их оправдание показало, что, хотя в Италии все еще было возможно существование полицейского и безнравственного министерства, эпоха пристрастной и подкупной магистратуры закончилась. В 1874 году визиты императора Австрии в Венецию и императора Германии () в Милан помогли отвлечь внимание страны от беспорядков, царивших в парламентских партиях, и от революции, которую они готовили. Преемник Барбароссы прибыл в октябре 1874 года, чтобы приветствовать короля Италии в ломбардской столице и своим присутствием освятить возвышение Италии, которую его предшественники на протяжении стольких веков угнетали и мучили. Этот великолепный эпилог эпопеи, которая привела Италию от Новары до Рима, был плодом новой цивилизации, которая по воле нации повторяет судебную причину своего политического существования; и это было в первую очередь благодаря чуду короля, в котором олицетворялась славная эпопея.

Но хотя министерство и сыграло свою роль в этом чудесном событии, ему не удалось укрепить свое существование, и уже члены правительства, после того как они ублажали

себя розовыми надеждами накануне возобновления работы парламента осенью 1875 года, почувствовали, как земля дрожит под их ногами. Оппозиция стала более смелой и агрессивной. Именно правые создали королевство, освободив его силой оружия и сделав его уважаемым за рубежом и упорядоченным и спокойным внутри страны, как сказал Мингети накануне передачи власти левым. Мингети подал в отставку, которая была принята. Король поручил Депретису, лидеру оппозиции, сформировать новый кабинет. Левые, пробыв в оппозиции шестнадцать лет, стали правящей партией.

СМЕРТЬ ВИКТОРА ЭММАНУИЛА И ПИЯ IX

КРЕСТЬЯНСКИЙ КОСТЮМ

Прошло менее двух лет с момента прихода к власти левых, когда Италию потрясло столь же неожиданное, сколь и страшное бедствие. В конце 1877 года король отправился в Турин, чтобы провести там Рождество. Отправившись на охоту у подножия Альп, он пробыл там два дня, несмотря на холодную погоду. По возвращении в Рим он почувствовал себя очень плохо, у него начались озноб и тошнота, но он не обратил на это внимания, думая, что это проходное недомогание. 6 января он лег в постель. Три дня спустя Виктор Эммануил скончался.

В это время на смертном одре находился и папа Пий IX. Узнав, что Виктор Эммануил находится при смерти, он дал согласие на то, чтобы ему принесли причастие, хотя Квириналь был запретным местом. А когда он услышал, что тот умер, воскликнул, что он умер как христианин, правитель и честный человек. Через несколько дней он последовал за ним в могилу.

Какое множество мыслей возникает в уме, когда мы видим эти две могилы, открытые почти одновременно, одну для принятия останков последнего папы-короля, а другую — первого короля Италии. В этих двух людях олицетворяется одна из величайших эпох истории, эпоха, плодотворная в самых славных событиях, которые могут произойти в нации. Это эпоха свободного государства и возрожденной нации. И эти два человека были творцами этого чудесного события — Пий IX благодаря религиозному импульсу, данному итальянской революции на ее первых этапах; Виктор Эммануил, став защитником независимости, единства и свободы Италии. С этого момента пути этих двух людей разошлись. Пий IX вернулся к жизни, предначертанной для него папской традицией. Виктор Эммануил остался верен своей миссии и выполнял свой долг до последнего дня своей жизни. Благодарная нация через своих представителей провозгласила его «Отцом отечества».^e

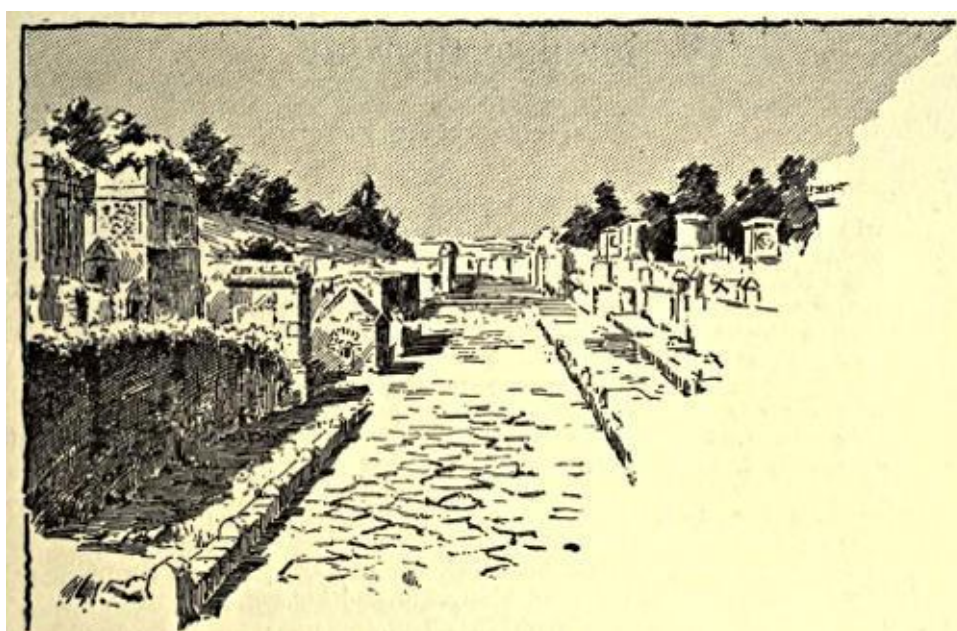
СНОСКИ

[36] [Бомбардировка длилась с 5:30 до 10:30 утра, белый флаг был поднят в 10:10. Сообщения о потерях сильно разнятся: Кадорна признает 32 убитых и 143 раненых со своей стороны, хотя оценки достигают 2000; но Бофорт^a считает это явным преувеличением. По данным О'Клери^b, папские войска потеряли 16 убитых и 53 раненых.

[37] [Немногие даты в современной европейской истории равны по значимости 20 сентября 1870 года, когда итальянские войска под командованием генерала Кадорны заняли Рим от имени итальянской нации и одним махом завершили как дело Рисорджименто, так и уничтожение светской власти римского понтифика.^d]

[38] [О'Клери,^b однако, называет плебисцит «позорной фарсой», сравнивая его с тем, с помощью которого Наполеон III обеспечил себе голоса. Он указывает, что в Риме, где несколько тысяч человек взяли в руки оружие за папу, только 46 проголосовали за него. Бофор^a говорит, что один иностранный скульптор проголосовал 22 раза, не встретив сопротивления, и что целые группы людей ходили от урны к урне.]

[39] [«Мечта его жизни осуществилась, и самым лестным для гордости монарха образом. Однако эта роза не была лишена шипов. Чтобы быть полностью счастливым, ему нужно было получить благословение Пио Ноно и быть коронованным, как Карл Великий, руками почтенного понтифика в том городе славных воспоминаний, где он отныне должен был править. Но он схватил розу, вместе с шипами, с памятным восклицанием: «A Roma ci siamo e ci resteremo!» — Годкин.ⁱ]

Улица в Помпеях, настоящее время

Вилла Национале, Неаполь

ГЛАВА XXII. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Ни один монарх не вступал на престол при более явных проявлениях доброй воли со стороны нации, чем король Умберто I после смерти своего отца, преемником которого он стал так же спокойно, как если бы итальянское королевство существовало на протяжении многих поколений под властью принцев из дома Савойи. Это было ярким доказательством того, насколько полностью этот королевский дом отождествлял себя с национальным делом, которое не имело более твердого сторонника, чем Виктор Эммануил. Его сын был не менее предан ему. Он начал свое правление 9 января 1878 года и проявил себя одним из лучших монархов, когда-либо правивших свободным народом. Он верно придерживался тех принципов конституционной свободы, которые избавили Италию от деспотизма, революции и иностранной оккупации. Он поставил себя выше партийных распрей и занял место главы нации, оставив ей право осуществлять права, гарантированные ее свободными институтами. Он беззаветно посвятил себя своим королевским обязанностям и сочувствовал словом и делом радостям и печалям нации. Все его поведение, как и поведение его королевы и сына, по праву завоевало сердца его народа. — Пробин.^b

[1878-1903 гг. н. э.]

Вступление Франческо Криспи в кабинет Депретиса (декабрь 1877 г.) придало министерству внутренних дел сильную руку и уверенный взгляд в момент, когда это было крайне необходимо. Криспи был единственным человеком с подлинным государственным талантом в рядах левых. Бывший друг и ученик Маццини, с которым он поссорился из-за вопроса о монархической форме правления, которую Криспи считал необходимой для объединения Италии, он впоследствии стал одним из самых эффективных соратников Гарибальди и активным членом «партии действия». Страстный, не всегда скрупулезный в выборе и использовании политических орудий, глубоко патриотичный, лояльный скорее по разуму, чем по чувству, сообразительный, быстрый в действиях, решительный и упорный, он в высокой степени обладал многими качествами, которых не хватало другим либеральным лидерам.^c

О Криспи менее умеренное мнение дается в работе Болтона Кинга и Томаса Оки^d:

«Криспи был гораздо более способным человеком, чем Депретис. В любом случае, он обладал грандиозными политическими взглядами, значительной способностью руководить людьми, силой и настойчивостью, которые очаровывали Италию и на время сделали его более почитаемым и более ненавистным, чем любой другой итальянский государственный деятель этого поколения. Он был столь же беспринципен, как и Депретис, в своих методах, и обладал стойкой непоследовательностью, которая проистекала не столько из сознательной нечестности, сколько из импульсивности, делавшей его рабом сиюминутных страстей и заставлявшей его забывать о вчерашних обещаниях и политике.

«В один момент он демонстрировал свою дружественность к Франции, а через месяц или два раздражал ее горячими и глупыми речами. То он позиционировал себя как антиклерикал и вольнодумец, то говорил как человек, жаждущий примирения с Ватиканом. В 1886 году он говорил, что «рабочий должен быть освобожден от рабства капитала», а в 1894 году обвинял социализм в «возведении права на грабеж в ранг науки». Самые дикие фантазии, безумные приключения, все, что было эффектным и ослепительным, считалось проявлением государственного искусства.

«В 1894 году он, основываясь на самых неопределенных сфальсифицированных доказательствах, считал, что сицилийские социалисты замышляют сдать остров Франции. Когда после убийства Александра II в Италию хлынули русские эмигранты, Криспи, тогда уже бывший министр и шестидесятилетний старик, проповедовал крестовый поход

цивилизованных наций против России. Он был жестоким, страстным борцом, не гнушавшимся никаких мер, какими бы несправедливыми и неконституционными они ни были, по отношению к политическим противникам, и чья нетерпимость росла до тех пор, пока бывший демократ не превратился по сути в деспота».⁴

Едва Криспи вступил в должность, как неожиданная смерть Виктора Эммануила II, о которой говорилось выше, вызвала беспрецедентный всплеск национальных чувств и поставила под угрозу существование монархических институтов в Италии перед лицом Европы. На протяжении тридцати лет Виктор Эммануил был центром национальных надежд, символом и воплощением борьбы за национальное освобождение. Он вывел страну из уныния, последовавшего за поражением при Новаре и отречением Карла Альберта, через все перипетии национального объединения к окончательной победе в Риме. Его исчезновение разорвало главную связь с героическим периодом и устранило от руля государства правителя с большим сердцем, большим опытом и гражданским мужеством в момент, когда были необходимы элементы преемственности и еще предстояло решить жизненно важные проблемы внутренней реорганизации.

Криспи принял необходимые меры для обеспечения спокойного вступления на престол короля Умберто, проявив быструю энергию, которая не дала возможности радикальным или республиканским демонстрациям. Его влияние определило выбор римского Пантеона в качестве места захоронения покойного монарха, несмотря на сильное давление со стороны пьемонтцев, которые хотели, чтобы Виктор Эммануил II покоился вместе с сардинскими королями в Суперге. Он также убедил нового правителя начать, как король Умберто I, новую династическую эпоху королей Италии, вместо того, чтобы продолжать как Умберто IV преемственность королей Сардинии.

Еще не улеглась суматоха, вызванная смертью Виктора Эммануила, как смерть Пия IX 7 февраля 1878 года, как мы уже видели, поставила перед Криспи новые задачи, требующие его мудрости и оперативности. Как и Виктор Эммануил, Пий IX был связан с историей Рисорджименто, но, в отличие от него, представлял и воплощал антинациональный, реакционный дух. Упустив в 1846-1848 годах возможность поставить папство во главе движения за объединение, он был изгнан из Рима, постепенно лишился папских территорий, был вынужден вести постоянную борьбу и, наконец, добровольно, но все же добровольно, оказался за стенами Ватикана. В церковном отношении он стал инструментом триумфа влияния иезуитов и, в свою очередь, утвердил догмат о непорочном зачатии, « » и папскую непогрешимость. Однако, несмотря на все это, его веселый нрав и добродушный цинизм спасли его от непопулярности и сделали его смерть поводом для траура. Несмотря на то, что понтифик даровал Виктору Эммануилу апостольское благословение *in articulo mortis*, отношение Ватикана оставалось настолько враждебным, что было сомнительно, состоится ли конклав в Риме.

Криспи, чьи сильные антиклерикальные убеждения не мешали ему считать папство преимущественно итальянским институтом, был полон решимости как доказать католическому миру практическую независимость правительства церкви, так и сохранить для Рима такой мощный центр всеобщего притяжения, как присутствие будущего папы. Когда священное коллегium кардиналов решило провести конклав за границей, Криспи заверил их в абсолютной свободе, если они останутся в Риме, или в защите на границе, если они мигрируют; но предупредил их, что после эвакуации Ватикан будет оккупирован от имени итальянского правительства и утрачен для церкви как штаб-квартира папства.

Кардиналы отменили свое прежнее решение, и конклав был проведен в Риме, а новый папа, кардинал Печчи, был избран 20 февраля 1878 года без каких-либо препятствий. Итальянское правительство не только отложило работу палаты на время конклава, чтобы

предотвратить неуместные расспросы или демонстрации со стороны депутатов, но и через министра юстиции Манчини и кардинала ди Пьетро гарантировало новому папе защиту во время урегулирования его нерешенных личных дел, чем Лео XIII в полной мере воспользовался вечером после своего избрания. В то же время герцог Аоста, командующий римским армейским корпусом, приказал войскам оказывать понтифику королевские почести в случае его официального появления в столице.

Король Умберто направил папе письмо с поздравлениями по поводу его избрания и получил вежливый ответ. Улучшение отношений между Квириналом и Ватиканом, о котором свидетельствовали эти события, нашло дальнейшее подтверждение 18 октября 1878 года, когда итальянское правительство приняло папскую формулу в отношении предоставления королевского *эзекватура* епископам, согласно которой они, по назначению Святого Престола, признавали контроль государства над своими мирскими владениями и обращались с просьбой о выплате доходов от них.⁴

ИРРЕДЕНТИЗМ, ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ И «ТРАСФОРМИЗМ»

Партнерство Депретиса и Криспи в кабинете министров продлилось недолго. Криспи подвергся нападкам как двоеженец, и хотя суд признал его предыдущий брак в 1853 году недействительным и ратифицировал его поздний брак, народное возмущение вынудило его уйти в отставку. Избрание лидера левых, Кайроли, который был врагом Депретиса и победил его в вопросе о налогах, привело к отставке Депретиса. Кайроли сформировал новый кабинет с графом Корти во главе министерства иностранных дел. Он представлял Италию на Берлинском конгрессе в 1878 году, где стал свидетелем триумфа Австрии над итальянской политикой. Это привело к падению его популярности, а деятельность революционных организаций, называемых ирредентистами, стремившихся к «освобождению» Тренто и Триеста от Австрии, вызвала волнения, которые привели к отставке Корти в октябре. В ноябре некий Пассананте попытался убить короля в Неаполе. Король защищался саблей, но это вызвало взрыв общественного возмущения против министерства, несмотря на то, что Кайроли смело бросился перед своим повелителем и получил серьезное ранение кинжалом.

Кайроли ушел в отставку, и Депретис вернулся к власти, но в июле 1879 года снова уступил место Кайроли. Внешняя политика Кайроли снова была настолько слабой, что заслужила эпиграмму Бонги «« », что она «отличалась огромной умственной импотенцией, уравновешенной равной моральной слабостью». В ноябре Кайроли был вынужден призвать на помощь Депретиса в связи с финансовым кризисом, который стал еще более опасным из-за плана Депретиса потратить более сорока миллионов фунтов на строительство железных дорог.

Именно железная дорога привела к недоразумению с Францией и нанесла Италии еще одно унижение в ее международных делах. Итальянское влияние в Тунисе было под угрозой французской агрессии, и железная дорога, построенная там английской компанией, стала предметом соперничества между двумя странами. Английские суды не позволили французам купить ее, после чего итальянцы приобрели ее по цене, превышающей ее стоимость в восемь раз. В следующем, 1881 году, французы, после некоторых трудностей с тунисским племенем, захватили Табарку и Бизерту, вынудив бея Туниса, который тщетно протестовал перед державами, принять французскую протекцию. Это вызвало большое возмущение в Италии, и Кайроли был вынужден уйти в отставку в результате голосования о недоверии.

Из-за разногласий в левой партии король обратился к лидеру правых, Селле, но левые объединились против этой потери власти, и Депретис стал министром, пережив новое унижение в результате массового убийства итальянских рабочих в Марселе по возвращении французских солдат из Туниса. Беспорядки в Риме во время процессии, в ходе которой останки Пия IX перевозились из собора Святого Петра в Сан-Лоренцо, продемонстрировали дальнейшую слабость правительства.

Новая проблема всколыхнула политическую жизнь Италии. Появилась возможность укрепить позиции Италии в глазах Европы, вступив в тройной союз с Германией и Австрией. Правые решительно поддерживали эту идею, но центристы хотели сохранить хорошие отношения, особенно с Францией, в то время как Криспи и другие левые склонялись к Австрии. Агитация ирредентистов и опасения, что Австрия может использовать свое влияние в пользу папства, решили вопрос в пользу тройного союза. Визит короля Умберто и королевы Маргариты в Австрию способствовал продвижению этого вопроса. Противодействие Депретиса было окончательно преодолено, и 20 мая 1882 года был подписан договор о наступательном и оборонительных союзе. Однако договор держался в секрете до марта 1883 года. Но положение Италии в союзе не было особо почетным, и хотя оно сводило к минимуму шансы на восстановление папской власти, оно подвергало Италию некоторой опасности со стороны Франции. 17 марта 1887 года союз был возобновлен на более выгодных для Италии условиях.

Между тем, в 1881 году избирательное право было расширено с 600 000 до 2 000 000 человек за счет снижения налоговых требований; в то же время оно было распространено практически на всех мужчин, умеющих читать и писать. Государственная собственность и строительство железных дорог, доходы от которых были гораздо меньше, чем предполагалось, наряду с принудительной валютой и расходами на общественные работы и различные финансовые эксперименты, а также тенденцией голосовать за общественные работы в обмен на местную поддержку, держали итальянские финансы в критическом состоянии, хотя в целом промышленность Италии демонстрировала устойчивое улучшение, а санитарное законодательство привлекало внимание. Заметно увеличились также армия и флот, и новый закон о армии 1882 года вызвал большое удовлетворение у Гарибальди незадолго до его смерти в Капрере 2 июня 1882 года.

Длительное пребывание левых у власти одновременно вызвало разногласия в их рядах и частые компромиссы с фракциями правых, что привело к постепенной «трансформации» партий, называемой *trasformismo*, — на самом деле это было просто другим названием хаоса. В этом положении дел обычно винят Депретиса, который в ходе четырех перестановок в своем кабинете между 1881 годом и своей смертью 29 июля 1887 года заключил множество союзов с правыми. Обычно на его память возлагают вину за большую часть финансовых и политических бедствий страны. Он также оказал большое влияние на не слишком удачную колониальную политику Италии.

В 1884 году в обмен на поддержку британской политики в отношении Египта итальянцам было предложено захватить Бейлул и Массауа. Англия также пригласила Италию присоединиться к ней в умиротворении Судана, и это приглашение было с большим энтузиазмом принято после массового убийства в Ассабе исследовательской группы под руководством итальянского королевского комиссара. В январе 1885 года итальянская экспедиция заняла Бейлул и Массауа и начала расширять зону оккупации. Это возмутило *негуса* Абиссинии и Алулу, *раса* Тигре, который напал на итальянские исследовательские группы. 26 января 1887 года абиссинцы убили пятьсот офицеров и солдат и изуродовали тела убитых в Догали. Вся Италия была потрясена этим злодеянием, и Криспи, приглашенный в кабинет Депретиса, использовал свое влияние для защиты достоинства

страны. *Негус* Абиссинии, несмотря на то что у него было 100 000 человек против 20 000 итальянцев, начал мирные переговоры и обратился против махдистов, которые 10 марта 1889 года нанесли ему поражение и убили его. Началась война за престолонаследие, в ходе которой давний враг *негуса*, Менелек, король Шоа, подписал договор Уччали, который итальянцы истолковали как протекторат.

Но король Менелек, получив подчинение своего соперника Мангаши, стал более независимым в своих высказываниях по отношению к итальянцам. После того как итальянская экспедиция под командованием генерала Баратьери добилась большого успеха в Эритрее над махдистами, Менелек в 1893 году отказался от договора Уччали. Его коалиция с Мангашей, в которой он был легко разгромлен в январе 1895 года, побудила Баратьери продвинуться к Адоуа и даже к Аксуму, святому городу Абиссинии. Однако в декабре абиссинцы подняли восстание, и итальянские войска потерпели несколько поражений, завершившихся великой катастрофой в Адоуа 1 марта 1896 года, где итальянцы потеряли 6000 человек и почти 4000 пленных. Баратьери поспешно бежал, оставив свои войска следовать за ним, но генерал Балдиссера, который был ранее отправлен на замену Баратьери, сумел договориться с Менелеком и обеспечить освобождение пленных.

ВЛАСТЬ КРИСПИ

Вскоре после смерти Депретиса к власти пришел Криспи, которому было уже шестьдесят восемь лет, и занял то доминирующее положение, которое он удерживал в течение многих лет. Попытки примирения с Ватиканом, где папа называл себя пленником, не увенчались успехом. Криспи решительно поддерживал Тройной союз и мало что делал для примирения с французами. Он пользовался большой поддержкой правых, пока в 1891 году не вышел из себя во время речи и не упрекнул их за перебивание. Это вызвало такое недовольство, что он подал в отставку, и его сменил маркиз де Рудини, лидер правых. Криспи обвиняли в «мании величия», но, поддерживая дружбу с Бисмарком и нанеся ему визит, он настолько укрепил позиции Италии, что кабинет Рудини по сравнению с ним выглядел слабым и пал в 1892 году, уступив место Джиолитти, чье правление ознаменовало «самый несчастный период в истории Италии со времени завершения национального единства». Банковские скандалы и другие разоблачения коррупции привели к падению кабинета, ослабленного своим отношением к восстанию, вызванному народным недовольством на Сицилии.

Дверь церкви Святого Марка, Венеция

Сильная рука Криспи положила конец беспорядкам после его возвращения в декабре 1893 года в министерство, и героические усилия были предприняты его министром финансов Соннино, чьи меры, однако, были настолько суровыми, что Криспи стал жертвой необычайно жестокой клеветнической кампании, в ходе которой его политическая и частная жизнь подверглись всем возможным обвинениям, справедливым или нет. На его жизнь было совершено покушение анархистом, а через несколько месяцев Джолитти представил в палате массово похищенные документы и попытался привлечь Криспи к ответственности, но был вынужден бежать в Берлин из-за встречного иска. Радикальный лидер Кавалотти предпринял еще одну попытку доказать вину Криспи в хищении. Попытка провалилась, хотя уважение общественности к состоянию политики сильно пошатнулось. Криспи получил подавляющее большинство голосов на выборах 1895 года, но потерпел поражение перед катастрофой в Адоуа в 1896 году.

Его преемник Рудини поддержал попытку Кавалотти опозорить Криспи, но, как уже было сказано, без успеха, и после двух лет преследований парламентская комиссия оправдала Криспи по обвинению в нечестности, хотя и признала его виновным в нарушениях. Общественное недовольство привело в мае 1898 года к беспорядкам на юге Италии. Они были подавлены с непростительной жестокостью, особенно в Милане, где репрессии достигли почти уровня массового убийства. За месяц до этого Криспи, который сложил с себя полномочия депутата парламента, был избран с огромным большинством голосов в Палермо. В июне министерство Рудини пало, и его сменил генерал Савойи Луиджи Пеллу, но он ушел в отставку после поражения на выборах в июне 1900 года, и его сменил умеренно-либеральный кабинет под руководством Саракко.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ ГУМБЕРТА, КРИСПИ И ЛЕО XIII

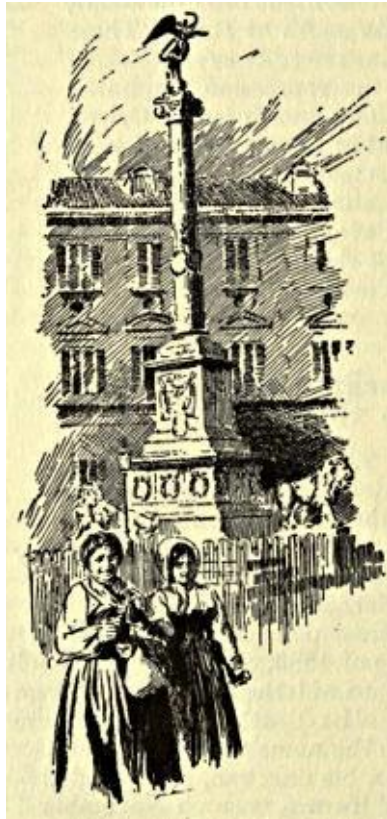
Вскоре после этого, 29 июля 1900 года, анархист по имени Бреши убил короля Умберто, когда тот возвращался с церемонии награждения на спортивном карнавале в Монце. Король Умберто был монархом, чья личная харизма, мужество и нежность по отношению к своему народу компенсировали его недостаток больших политических заслуг. Во время наводнения 1882 года, после землетрясения 1883 года и во время эпидемии холеры 1884 года он рисковал собственной жизнью, чтобы помочь пострадавшим. Он правил в строгом соответствии с конституцией. Его смерть вызвала искреннюю скорбь у народа, поскольку его щедрость принесла ему прозвище «Гумберт Добрый».

Его единственный сын, принц Неаполя, унаследовал корону и принял титул Виктора Эммануила III. Он родился 11 ноября 1869 года и в октябре 1896 года женился на принцессе Елене Черногорской. 1 июня 1901 года у них родилась дочь, принцесса Иоланда-Маргерита Савойская.

12 августа 1901 года Криспи скончался, оставив после себя репутацию человека с сильным характером и глубоким национальным чувством, хотя есть много поступков, о которых его самые горячие поклонники глубоко сожалеют.

Кабинет Саракко пал в феврале 1901 года, и его сменило министерство Занарделли, которое вернуло Джиолитти, дав ему портфель министра внутренних дел. Это министерство отличалось несколько социалистическим духом, который молчаливо поощрял большие рабочие волнения; за первые шесть месяцев 1901 года произошло 600 забастовок. Общим результатом стало некоторое улучшение положения рабочего класса и усиление социалистических сил. Итальянские финансы также несколько улучшились.

Папа Лев XIII скончался после продолжительной болезни 20 июля 1903 года. Придерживаясь политики своего предшественника в отношении итальянского правительства, он поднял католическую церковь на гораздо более высокую позицию в глазах всех наций, даже преимущественно протестантских. Его преемник, кардинал Сарто, патриарх Венеции, принял имя Пий X и, по-видимому, склонен к политике дружбы с итальянским правительством, которую король, похоже, стремится поддерживать. В последние годы итальянская литература и наука добились больших успехов в космополитическом плане, и Италия, похоже, обречена на возрождение своего былого великолепия.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «а» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ТЁМНЫЕ ВЕКА

J. C. L. S. DE SISMONDI, *The History of the Italian Republics*.

^c ФРАНЧЕСКО БЕРТОЛИНИ, «История господства в Италии» (в «Политической истории Италии» Виллари).

PIERRE ANTOINE DARU, *Histoire de la République de Venise*.

^e ГЕНРИ ЭДВАРД НЭПИР, «История Флоренции».

^f ДЖОВАННИ БАТИСТА ТЕСТА, «История войны Фридриха I против коммун Ломбардии».

АНДРЕА ДАНДОЛО, «Хроника Венеции».

ДЖОВАННИ ДИАКОНО, «Хроника».

ⁱ ГЕНРИХ ЛЕО, *Entwicklung der Verfassung der Lombardischen Städte*.

W. C. HAZLITT, «История Венецианской республики».

^l ПАСКУАЛЕ ВИЛЛАНИ, статья «Пиза» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*.

^m КАРЛ ХИЛЛЕБРАНД, *Дино Кампаньи: Историческое и литературное исследование эпохи Данте*.

ⁿ МАЛАСПИНА РИКОРДАНО, «*Istoria fiorentina*», в «*Rerum Italicarum Scriptores*» Муратори, т. VIII.

Е. ПРОКТОР, «История Италии».

ГЛАВА II. ИМПЕРСКИЕ АГРЕССИИ XII ВЕКА

^b Н. Е. NAPIER, *op. cit.*

^c J. C. L. SISMONDI, *op. cit.*

G. B. TESTA, *op. cit.*

ГЛАВА III. НОРМАННЫ В СИЦИЛИИ

ГОФРЕД МАЛАТЕРРА, *Rerum Roberti Guiscardi et Rogerii fratris ejus*.

^c Е. А. FREEMAN, статьи «Норманны» и «Сицилия» в *Encyclopædia Britannica*.

ГЕНРИ ХАЛЛАМ, «Состояние Европы в средние века».

^e ФЛОДОАРД, «Анналы».

^f АДЕМАР ДЕ ШАБАН, «Хроника».

^g Г. Б. ДЕППИНГ, «История морских экспедиций норманнов».

^h СВ. МАРК, «История Италии».

ⁱ S. ASTLEY DUNHAM, *Europe in the Middle Ages*.

^j ГУГЛИЭЛЬМУС АПУЛИЕНСИС, «*Rerum in Apulia, Campania, Calabria et Sicilia libri*».

^k АННА КОМНИНА, «Алексиас».

^l Е. ГИББОН, «*Упадок и падение Римской империи*».

^m УГО ФАЛЬКАНДУС, «*История Сицилии*», в «*Rerum Italicarum Scriptores*» Муратори, т. VII.

ГЛАВА IV. XIII ВЕК

^b J. C. L. S. DE SISMONDI, *op. cit.*

^c Х. Э. НЭПИР, *указ. соч.*

ЛОРЕНЦО ПИНЬОТИ, «*История Тосканы*».

MALASPINA, *op. cit.*

N. MACCHIAVELLI, *History of Florence*.

G. B. ТЕСТА, *указ. соч.*

B. DUFFY, *Tuscan Republics*.

ГЛАВА V. СВОБОДНЫЕ ГОРОДА И ИМПЕРИЯ (первая половина XIV века)

^b P. A. DARU, *op. cit.*

^c J. C. L. S. DE SISMONDI, *op. cit.*

ДЖОВАННИ ВИЛЛАНИ, «*История Флоренции*».

^e L. PIGNOTTI, *op. cit.*

^f H. E. NAPIER, *op. cit.*

N. ТЕГРИМУС, «*Жизнь Каструччо*».

МАЛАСПИНА, *указ. соч.*

ⁱ N. МАКИАВЕЛЛИ, *указ. соч.*

БОККАЧЧО, «*Декамерон*».

ГЛАВА VI. АВАНГАРД РЕНЕССАНСА

^b J. A. SYMONDS, *The Renaissance in Italy*.

^c J. BURCKHARDT, *The Civilisation of the Period of the Renaissance in Italy*.

J. C. L. S. DE SISMONDI, *op. cit.*

, J. C. L. S. DE SISMONDI, «*Литература Южной Европы*».

ДЖОВАННИ ВИЛЛАНИ, *указ. соч.*

КАРЛ ХИЛЛЕБРАНД, *указ. соч.*

^h С. АСТЛИ ДАНХЭМ, *указ. соч.*

Е. МЮНЦ, *Les Précurseurs de la Renaissance*.

^j Wm. SPALDING, *Italy and the Italian Islands*.

^k ДЖОН РАСКИН, «*Семь ламп архитектуры*».

^l ДЖОВАННИ ПОНТАНО, *De Fortitudine*.

HUGO FALCANDUS, *op. cit.*

^a GEBHARDT, *Origines de la Renaissance en Italie.*

ДАНТЕ, «Божественная комедия».

^p П. Л. ГИНГУЭН, «Литературная история Италии».

ГЛАВА VII. РИМ ПРИ РЕНЦИ

^b ДЖОВАННИ ВИЛЛАНИ, *указ. соч.*

^c J. C. L. S. DE SISMONDI, *History of the Italian Republics.*

^d КАРЛО ЧИПОЛЛА, *Storia delle Signorie Italiani.*

. E. G. BULWER-LYTTON, *Rienzi, Last of the Tribunes.*

МАТТЕО ВИЛЛАНИ, «История Флоренции».

ЭДВАРД ГИББОН, *указ. соч.*

ПЕТРАРКА, *Письмо к римскому народу* (из книги Робинсона и Рольфа «Петрарка, первый современный ученый и литератор»).

МУРАТОРИ, «Итальянские древности».

ГЛАВА VIII. ДЕСПОТЫ И ТИРАНЫ XIV и XV ВЕКОВ

^b W. SPALDING, *op. cit.*

^c РОБЕРТ КОМИН, «История Западной империи».

Н. HALLAM, *op. cit.*

^e J. C. L. S. DE SISMONDI, *op. cit.*

^f ИСААС БУТТ, *История Италии со времени отречения Наполеона.*

ДЖ. БУРКХАРДТ, *указ. соч.*

С. А. ДАНАМ, *указ. соч.*

Е. PROCTOR, *op. cit.*

ГЛАВА IX. МОРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ XIV и XV ВЕКОВ

^b S. A. DUNHAM, *op. cit.*

^c КАФФАРО, *Annales Genuenses.*

^d ЯКОБ ДЕ ВАРАГИНЕ, *Chronicon Genuense.*

^e ОБЕРТУС КАНЦЕЛЛАРИУС, *Annales Genuenses.*

^f ДЖОВАННИ ВИЛЛАНИ, *указ. соч.*

^g ROBERT COMYN, *op. cit.*

^h G. STELLA, *Annales Genuenses*, в семнадцатом томе сборника Муратори.

ⁱ VETTOR SANDI, *Storia civile Veneta.*

- ⁱ Н. HALLAM, *op. cit.*
- ^k W. C. HAZLITT, *op. cit.*
- ^l J. C. L. S. DE SISMONDI, *op. cit.*
- ^m Н. Е. NAPIER, *op. cit.*
- ^o L. PIGNOTTI, *op. cit.*
- ^p Е. PROCTOR, *op. cit.*
- ^q ОТТОБОНУС СКРИБА, *Annales Genuenses*.
- ^r МАРЧИРИУС И БАРТОЛОМЕУС СКРИБА, *Annales Genuenses*.
- ^s УБЕРТУС ФОЛИЕТА, *Annales Genuenses*.
- ^t ГАТАРО, *Istoria Padavana*, в сборнике Муратори.

ГЛАВА X. ТОРГОВЛЯ ВЕНЕЦИИ

- ^b J. BURCKHARDT, *op. cit.*
- ^c G. VILLANI, *op. cit.*
- ^d SANUTO, *Vile di Duchi di Venezia*, в «Rerum Italicarum Scriptores».
- ^e W. C. HAZLITT, *op. cit.*
- ^f Н. HALLAM, *op. cit.*
- ^g P. A. DARU, *op. cit.*
- ^h W. HEYD, *Histoire du commerce du Levant*.
- ⁱ J. LABARTE, *Arts of the Middle Ages*.
- ^k САБЕЛЛИКУС (МАРК АНТОНИЙ КОКЦИЙ), *History of the Republic of Venice*.

ГЛАВА XI. ГИЛЬДИИ И СЕНЬОРИЯ ВО ФЛОРЕНЦИИ

- ^b Ф. Т. ПЕРРЕНС, *Histoire de Florence*.
- ^c МАТТЕО ВИЛЛАНИ, указ. соч.
- ^d ДЖИНО КАППОНИ, *История республики Флоренция*.
- ^e N. MACCHIAVELLI, *op. cit.*

ГЛАВА XII. ФЛОРЕНЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МЕДИЧИ

- ^b ГЕНРИХ ЛЕО, «История итальянских государств».
- ^c АЛЬФРЕД ФОН РОЙМОНТ, *Лоренцо де Медичи Великий*.
- ^d УИЛЬЯМ РОСКО, «Жизнь Лоренцо де Медичи».
- ^e J. C. L. S. DE SISMONDI, *op. cit.*
- ^f Ф. М. А. ВОЛЬТЕР, «Очерк нравов и духа народов».
- ^g ДЖОРДЖО ВАЗАРИ, *Le Vite dei pittore, scultori e architetti*.
- ^h TRAVERSARI, *Lat. Ep.*

- ⁱ Поджо Браччолини, *Opera*.
- ⁱ ФЛАВИЙ БЛОНД, *Italia Illustrata*.
- ^k АНДЖЕЛО МАРИЯ БАНДИНИ, *Letters sopra i principi e progressi della Biblioteca Laurenziani*.
- ^l FICINO, *Marsilio Ficino Epist*.
- ^m АММИРАТО, *Istorie Florentine*.
- ⁿ ДЖОВАННИ КАМБИ, *Del. Erud. Tos*.
- ^o ТРИБАЛЬДО ДЕ РОССИ, *Ricordanze di Tribaldo de Rossi, Del. degli Erud. Toscan*.
- ^p Н. Е. NAPIER, *op. cit*.
- ^q GUICCIARDINI, F., *History of Italy from the Year 1490 to 1532*.
- ^r N. MACCHIARELLI, *op. cit*.

ГЛАВА XIII. АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

- ^b Дж. А. Симондс, *указ. соч*.
- ^c Ж. К. Л. С. де СИСМОНДИ, *Литература Южной Европы*.
- ^d Дж. ВАЗАРИ, *указ. соч*.
- ^e ФИЛИП ГИЛБЕРТ ХЭМЕРТОН, «*Интеллектуальная жизнь*».
- ^f Х. ХАЛЛАМ, *указ. соч*.
- ^g «Труды ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ».
- ^h У. СПОЛДИНГ, *указ. соч*.
- ⁱ ГЕРМАН ГРИММ, «*Жизнь Микеланджело*».
- ^j Wm. ROSCOE, *op. cit*.

ГЛАВА XIV. «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ИТАЛИИ»

- ^b Ф. ГУИЧЧАРДИНИ, *указ. соч*.
- ^c БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ, «*Жизнь Бенвенуто Челлини*».
- ^d J. C. L. S. DE SISMONDI, *op. cit*.
- ^e Н. Е. NAPIER, *op. cit*.
- ^f ДЖОН БУРХАРД (или БУКАРДУС), *Дневник Джона Бурхарда* (в «Archives Curieuses de l'Histoire de France» Цимбера).
- ^g W. H. PRESCOTT, *History of the Reign of Ferdinand and Isabella*.
- ^h Ф. А. МИНЬЕ, *Rivalité de François I et de Charles V*.
- ⁱ Э. КИНЕ, «*Революции в Италии*».
- ^j MÉMOIRES DE BAYARD.

ГЛАВА XV. НАЧАЛО ЭПОХИ РАБСТВА

- ^b Дж. А. Симондс, статья «Италия» в девятом издании *Британской энциклопедии*.

^c E. PROCTOR, *op. cit.*

^d J. C. L. S. DE SISMONDI, *op. cit.*

^e W. ROBERTSON, *The History of the Reign of Charles V.*

^f КАРЛО ДЕНИНА, «О революциях в Италии».

^h CALLEGARE, «Preponderanze straniere» в *Storia politica d'Italia scritta da una Società di Professori*.

ⁱ ЖЮЛЬ ЗЕЛЛЕР, «История Италии».

^j M. LAFUENTE, *Historia General de España*.

^k J. C. L. S. DE SISMONDI, *Literature of Southern Europe*.

ГЛАВА XVI. СТОЛЕТИЕ ЗАБВЕНИЯ

^b WM. HUNT, *History of Italy*.

^c E. PROCTOR, *op. cit.*

^d АНТОНИО КОШИ, *L'Italia durant le Preponderanza Straniere* (в работе Виллари).

^e Х. Б. БРИГГС, статья «Савойя» в девятом издании *Энциклопедии Британника*.

^f УИЛЬЯМ УИЛЛ, «История индуктивных наук от древнейших времен до наших дней».

^g ГАЛИЛЕО, «Диалог о двух величайших системах мира, толетаической и коперниканской».

ГЛАВА XVII. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

^b АЛЬФРЕД ФОН РОЙМОНТ, *Geschichte Toscanas seit dem Ende des Florentinischen Freistaats*.

^c ГЕНРИХ ЛЕО, указ. соч.

^d ДЖОВАННИ ДЕ КАСТРО, *Patria*.

^e E. PROCTOR, *op. cit.*

^f W. SPALDING, *op. cit.*

^g ДЖУЗЕППЕ МОНТАНЕЛЛИ, *Mémoires sur l'Italie*.

^h JULES ZELLER, *op. cit.*

ⁱ КАРЛО БОТТА, *История Италии во время консульства и империи Наполеона Бонапарта*.

^j Ж. РЕЙНАХ, *Франция и Италия перед лицом истории*.

ГЛАВА XVIII. НАПОЛЕОНОВСКИЙ РЕЖИМ (1800-1815 гг. н. э.)

^b КАРЛО БОТТА, указ. соч.

^c КАРЛО ДЕНИНА, *Storia dell'Italia Occidentale*.

^d УИЛЬЯМ СПОЛДИНГ, указ. соч.

^e ЧЕЗАРЕ БАЛЬБО, «Краткая история Италии».

^f ГЕРМАН РОЙХЛИН, *Geschichte Italiens*.

^g ДЖОВАННИ ДЕ КАСТРО, *Storia d'Italia, 1799-1814*.

ГЛАВА XIX. БЕСПЛОДНЫЕ БОРЬБЫ (1815-1847 гг. н. э.)

- ^b АЙЗЕК БАТТ, указ. соч.
- ^c ГЕНРИХ ЛЕО, *Geschichte der italienischen Staaten*.
- ^d W. SPALDING, *op. cit.*
- ^e ДЖ. А. Р. МАРРИОТ, *Создатели современной Италии*.
- ^f Р. Х. РАЙТСОН, «История современной Италии».
- ^g ДЖ. А. СИМОНДС, указ. соч.
- ^h ГРАФИНЯ МАРТИНЕНГО ЧЕЗАРЕСКО, *Освобождение Италии*.
- ⁱ ГУАЛЬТЕРИО, «Итальянские перевороты».
- ^j Ф. САССОНЕ, «Франция и Италия».
- ^k С. А. FYFFE, *A History of Modern Europe*.
- ^l Jules ZELLER, *op. cit.*

ГЛАВА XX. ОСВОБОЖДЕНИЕ ИТАЛИИ (1848-1866 гг. н. э.)

- ^b ГРАФИНЯ МАРТИНЕНГО ЧЕЗАРЕСКО, указ. соч.
- ^c ФРАНЧЕСКО БЕРТОЛИНИ, *Etona d'Italia*.
- ^d C. BULLE, *Geschichte des Königreiches Italiens*.
- ^e TAXILE DELORD, *Histoire du Second Empire*.
- ^f ФЕЛИКС ХЕННЕГИ, *Histoire de l'Italie*.
- ^g ГЕОРГ ВЕБЕР, «Общая всемирная история».
- ^h H. REUCHLIN, *op. cit.*

ГЛАВА XXI. ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ (1867-1878 гг. н. э.)

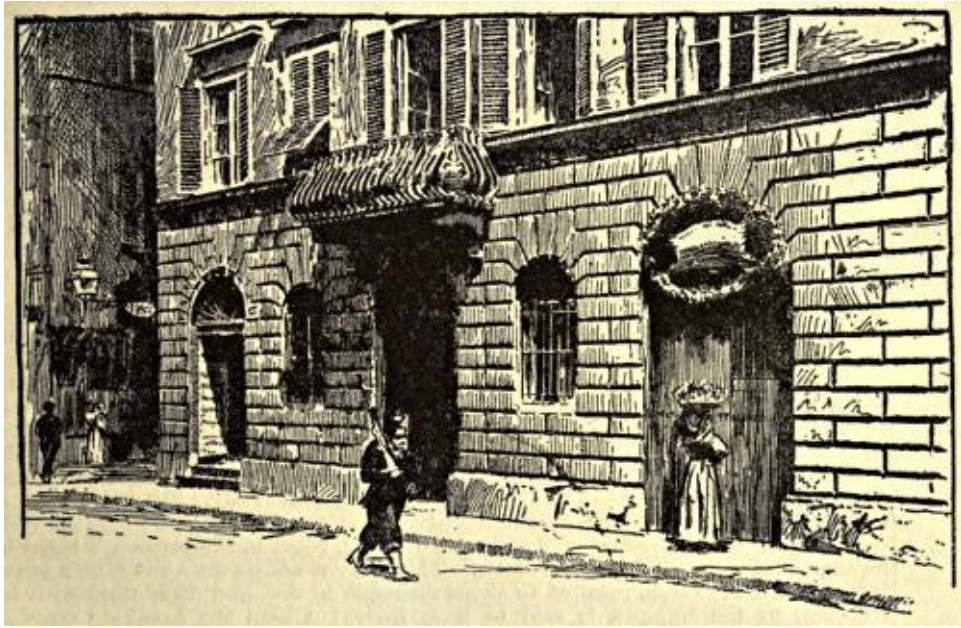
- ^b W. R. THAYER, *op. cit.*
- ^c МАРИ РАТТАЦИ, «Бонапарт Раттацци и его время», неопубликованные документы.
- ^d Х. УИКХЭМ СТИД, «История Италии», в новых томах *Энциклопедии Британника*.
- ^e Ф. БЕРТОЛИНИ, указ. соч.
- ^f ЖЮЛЬ ЗЕЛЛЕР, «Пьетр IX и Виктор Эммануил, 1846-1878».
- ^g COMTE DE BEAUFORT, *Histoire de l'invasion des états pontificaux*.
- ^h THE O'CLERY, *The Making of Italy*.
- ⁱ Г. С. ГОДКИН, *Жизнь Виктора Эммануила II, первого короля Италии*.

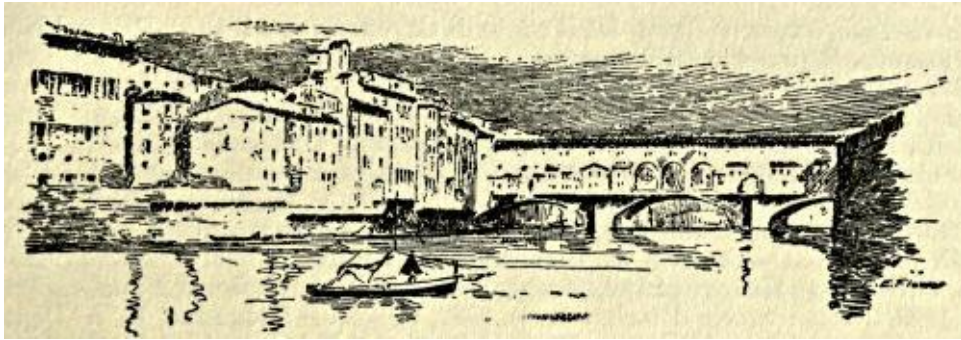
ГЛАВА XXII. 1878-1903

- ^b ДЖ. В. ПРОБИН, «Италия с падения Наполеона I в 1815 году до 1890 года».
- ^c Х. УИКХЭМ СТИД, указ. соч.

^d Болтон Кинг и Томас Оки, *«Италия сегодня»*.

^e Руджеро Бонги, *«Леоне XIII и итальянское правительство»*.

ПОНТЕ ВЕККО, ФЛОРЕНЦИЯ

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ; С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ

О, Эдмунд, «Римский вопрос», Нью-Йорк, 1859, 1 том. — **Адемар**, «Chronicon Aquitanicum», история франкской монархии от ее начала до 1029 года. — **Адомоли**, Г., «Da San Martino a Mentana», Милан, 1892, 8 томов. — **Анна Комнина**, «Алексиас».

Анна Комнина (1083-1148), дочь восточного императора Алексея I, была известна своей красотой и талантом. Она получила тщательное образование от своего отца и, как говорят, уже в раннем возрасте превзошла всех своих современников в философии и красноречии. После смерти отца в 1118 году она предприняла неудачную попытку посадить на трон своего мужа Никифора Бриенния. Ее «*Алексиас*», биография отца, является одним из важнейших произведений византийской историографии. Некоторые критики даже ставят его почти на один уровень с древними классиками.

Annales Genuenses, под редакцией Перца, Monumenta Germaniae historica, т. 18, и Муратори, т. 6.

«*Анналы Генуи*», написанные в основном по заказу республики, составляют наиболее полную серию хроник своего времени. Они охватывают непрерывный период почти двух веков (1100-1294). Каффаро, который начал эту серию, был выдающимся гражданином, служившим республике в качестве генерала, консула и посла. Он тщательно записывал то, что видел сам и что ему рассказывали консулы и другие влиятельные лица. Когда в 1152 году он представил свою книгу консулам, они приказали скопировать ее и сохранить в архивах города. Довольный такой быстрой оценкой, он продолжил свои анналы до 1163 года. Его преемником стал канцлер Чертус, чья связь с описываемыми событиями также придает ценность и интерес его произведению. Другие имена, связанные с летописями, — Оттобонус, Марчириус, Бартоломеус и Джеймс Д'Ория. Летописи отличаются от начала до конца беспристрастностью и точностью, а также большим количеством фактов, имен и дат.

Archivio Storico Italiano, Firenze, 1842 ff., 119 томов до 1903 года.

Наиболее ценная коллекция документов и хроник, дополняющих Муратори.

Аривабене, граф К., Италия при Викторе Эммануиле; личное повествование, Лондон, 1862, 2 тома. — **Азельо**, Массимо Маркиз д', Воспоминания (перевод графа Маффеи), Лондон, 1868, 2 тома.

Баччи, В., *Ricordi del Risorgimento Italiano*, Милан, 1890. — **Бальзани**, Уго, *Early Chroniclers of Italy*, Лондон, 1883.

Этот том, один из серии «*Ранние летописцы Европы*», содержит отчеты и критические замечания всех основных летописцев средневековья от Кассиодора до Виллани. Включая, как и во многих других случаях, краткие выдержки из оригиналов, он дает очень четкое представление об источниках средневековой истории Италии.

Барт, Х., Криспи, Лейпциг, 1893. — **Бартоломеус Скриба**, см. *Annales Genuenses*. — **Бартоли**, А., *I primi due Secoli della Letteratura Italiana*, Милан, 1880, 1 т. — **Бомонт-Васси**, Э. Ф., виконт де, *Histoire des États Européens depuis le Congrès de Vienne*, Париж, 1843-1853, 6 тт. (т. V имеет подзаголовок *États Italiens*). — **Берганте**, граф А., «Наше время», Милан, 1884. — **Берсецио**, В., «Царство Витторио Эмануэле II, тридцать лет итальянской жизни», « », Турин, 1878-1893, 7 тт. — **Берти**, Д., «Граф Кавур до 1848 года», Рим, 1886. — **Берточчи**, Джузеппе, *Repertorio Bibliografico delle Opere stampate in Italia nel Secolo XIX*, 1876-1887, т. 1-3. — **Бертолини**, Ф., *Memorio del Risorgimento Italiano*, Милан, 1899; «*Storia delle dominazioni Germaniche in Italia*», в *Storia politica d'Italia*, Милан, 1900. — **Бьянки**, Н., Политика Массимо д'Азельо 1848-1859, Турин, 1883; Дом Савойи и итальянская монархия, Турин, 1884. — **Блан**, Ж., Итальянско-французская библиография, Милан, 1886. — **Блази**, Р., *La Nuova Italia*, Турин, 1891. — **Бонетти**, А. М., *I Martiri Italiani*, Модена, 1891. — **Бораски**, Г., *Garibaldi nella Storia*, Пинероло, 1884. — **Бордоне**, Дж. П. Т., *Garibaldi 1807-1882*, Париж, 1891. — **Боско**, Г., Краткая история Италии, Лондон, 1881, 1 т. — **Ботта**, Карло Г. Г., История Италии во время консульства и империи Наполеона Бонапарта, Лондон, 1828, 2 т.; *Storia d'Italia*, Париж, 1837, 14 т. — **Бреганце**, Л., А. Депретис и его время, Верона, 1894. — **Бреслау**, Х., Справочник по документации Италии, Лейпциг, 1889. — **Браунинг**, О., Гуэльфы и гибеллины 1256-1409, Лондон, 1893. — **Булле**, К., *Geschichte des Königreiches Italien*, Берлин, 1890. — **Булвер Литтон**, Э., *Rienzi*. — **Бурхард**, Иоганнес, *Diarium* (неполный) в *Labarthe et Cimper's Archives curieuses de l'histoire de France*.

Дневник *Йоханнеса Бурхарда* (умер в 1506 г.), церемониймейстера папского двора, а позднее епископа Орта, имеет большое значение благодаря своей достоверности. Он охватывает период 1483-1506 гг. и посвящен главным образом отношениям между Францией и Англией.

Буркхардт, И., *Cultur der Renaissance in Italien*, 3-е издание, Лейпциг, 1877.

Поскольку *Якоб Буркхардт* (1818-1897) сочетает в себе редкие литературные способности с большой эрудицией и острым критическим подходом к источникам, его работа является одной из самых полезных немецких работ о Ренессансе.

Бутт, Исаак, «История Италии со времени отречения Наполеона I», Лондон, 1860, 2 тома.

Каффаро, см. *Annales Genuenses*. — **Каллегаре**, Э., «*Preponderanze straniere*», в *Storia politica d'Italia*. — **Канту**, Чезаре, *Histoire des Italiens*, Париж, 1859, 12 тт.

Чезаре Канту (1805-1895) был одновременно ярым республиканцем и преданным церковником, и его история, в значительной степени благодаря своему популярному характеру и партийному духу, принесла автору широкую известность в его собственной стране.

Каппелетти, Л., *Storia di Carlo Alberto*, Рим, 1891; *Storia di Vittorio Emanuele II e del suo regno*, Рим, 1892-1893, 3 т. — **Каппони**, Джино, *Geschichte der florentinischen Republik* (пер. Х. Дютшке), Лейпциг, 1876, 2 т. — **Кардуччи**, Г., *Studi Litterari*, Ливорно, 1874; *La vita italiana nel cinquecento*, Милан, 1894, 3 тома. — **Кассиодор**, Магнус Аврелий, *Letters* (перевод с введением Т. Ходкина), Оксфорд, 1889.

Магнус Аврелий Кассиодор занимал высшие должности в королевстве остготов от Теодориха до Витигеса. Его письма, содержащие указы Теодориха и его преемников, являются лучшим источником наших знаний о королевстве остготов в Италии.

Кастро, Г., *Piccola Storia d'Italia*, Милан, 1888; *Patria*, Милан, 1882.—**Челлини**, Бенвенуто, Мемуары (перевод Т. Роско), Лондон, 1850; (перевод Дж. А. Симондса), Лондон, 1887.

Бенвенуто Челлини (1500-1571), безусловно, самый знаменитый, если не величайший из ювелиров, был также автором одной из самых известных и замечательных автобиографий, когда-либо написанных. Хотя он родился и умер во Флоренции, большую часть своей жизни он провел в беспокойных странствиях, поскольку постоянно был вовлечен в междоусобицы и причастен к убийствам, в результате чего ему часто приходилось внезапно бежать. Его основные работы были выполнены для папы Климента VII, Франциска I Французского и Космо де Медичи Великого. Помимо работы с золотом и серебром, Челлини также прославился в области штамповки и эмалирования и создал несколько скульптурных произведений более крупного масштаба. Самым известным из них является бронзовая статуя Персея с головой Медузы, которая стоит перед старым герцогским дворцом во Флоренции. Это один из самых типичных памятников итальянского Возрождения, произведение, полное гениального огня и величия ужасающей красоты. В своей автобиографии он с предельной прямоотой и оживлением излагает историю этих работ, а также свои любовные похождения, ненависти и разнообразные приключения. Он рассказывает о своих убийствах с благочестивым самодовольством и часто впадает в экстравагантность, которую невозможно поверить, но в то же время трудно списать на сознательную ложь. Челлини также писал трактаты по ювелирному искусству, скульптуре и дизайну.

Cesaresco, Countess E. Martinengo, *The Liberation of Italy*, London, 1895; Cavour, London, 1898.—**Cesaroni**, E., *La Tradizione unitaria in Italia*, Torino, 1887.—**Chaillot**, L., *L'unita Italiana*, Рим, 1882. — **Кьеричи**, Л., *Carlo Alberto e il suo ideale*, Рим, 1892. — **Чиполла**, К., *Pubblicazioni sulla storia mediævale italiana*, Венеция, 1892; «*Storia delle signorie italiane*», в *Storia politica d'Italia*, Милан, 1900.—**Коллетта**, ген. П., *History of the Kingdom of Naples 1734-1825* (пер. С. Хорнер), Эдинбург, 1858, 2 тт.—**Компаньи**, Дино, *Istoria Fiorentina dal 1280 al 1312*, Флоренция, 1728 (Муратори, т. 9).

Дино Компаньи, современник Данте, был человеком строгой честности и прямолинейного характера, который много лет занимал высокие должности во Флоренции, а после ухода на пенсию написал хронику событий, произошедших во время и сразу после его политической карьеры. Его личное участие в событиях, о которых он рассказывает, делает его хронику достоверной, а простой, прямой стиль и дух страстного патриотизма, пронизывающий ее, придают ей необычайный интерес.

Комин, сэръ Р., «История Западной империи», Лондон, 1851, 2 тома. — **Корпи**, Ф., «Итальянское возрождение», *Biografie Storico-politiche*, Милан, 1884. — **Коррадино**, К., «История Италии 474-1494», Турин, 1886.— **Корти**, С., *Breve del risorgimento italiano*, Рим, 1885. — **Коши**, А., «*L'Italia durante le Preponderanze straniere*», в *Storia politica d'Italia*. — **Коста де Борегад**, А., *Les dernières années du roi Charles Albert*, Париж, 1890.—**Кроу**, Дж. А., и **Каваль-Казелле**, Г. Б., *Новая история живописи в Италии со II по XVI век и т. д.*, Лондон,

1884-1866, 3 тома; История живописи в Северной Италии и т. д. с XIV по XVI век, Лондон, 1871, 2 тома.

Дандоло, Андреа, «Хроника Венеции от понтификата Святого Марка до 1339 года; продолжение Рафаэля Карезини до 1388 года, впервые опубликованное». В Муратори, т. XII.

Работа *Андреа Дандоло*, написанная им во время пребывания на посту дожа, является самой важной из венецианских хроник. Автор с большим усердием и эрудицией собирал материалы, но при этом не уделял особого внимания логическому изложению и художественному оформлению. Хотя он легковерно относился к басням о далеких событиях, он необычайно достоверен, когда речь идет о его собственной эпохе и непосредственно предшествующей ей.

Дару, П. А., *Histoire de la République de Venise*, Париж, 1877-1884, 6 тт. — **Дель Лунго**, И., *Dino Compagni e la sua cronica*, Флоренция, 1879-1880, 3 тт. — **Денина**, К. Г. М., *Delle Rivoluzioni d'Italia*, Флоренция, 1820, 3 т. — **Деннистоун**, Дж., *Memoirs of the Dukes of Urbino*, Лондон, 1851-1853, 3 т. — **Деппинг**, Г. Б., *Histoire des Expéditions maritimes des Normands*, Париж, 1826. — **Дюнан-Генри**, А., *Les doctrines et la politique économiques du Comte Cavour*, Париж, 1902. — **Данхэм**, С. А., *Europe in the Middle Ages*, Лондон, 1833-1836, 4 тома.

Элиот, Джордж, «Ромола», Лондон, 1863. — **Эмилиани**, Джиндичи, «История итальянской литературы», Флоренция, 1855, 2 т. — **Эпуано**, Х. де л', «Документы процесса над Галилеем», Париж, 1877. — **Эварт**, К. Д., «Козимо де Медичи», Лондон, 1899.

Фалькандус, Уго, История дел, совершенных в королевстве Сицилии, и т. д.

Гиббон сказал о *Хьюго Фалькандусе*: «Его называли Тацитом Сицилии; и после справедливого, но огромного снижения с первого до двенадцатого века, от сенатора до монаха, я не лишил бы его этого титула; его повествование быстрое и ясное, его стиль смелый и элегантный, его наблюдения острые. Он изучал человечество и чувствует себя как человек». Хотя Фалькандус был предан интересам норманнской знати в Сицилии и получал информацию в основном из пристрастных источников, его история в значительной степени объективна и беспристрастна. Он не скрывает и не искажает факты, неблагоприятные для его партии, а довольствуется их объяснением со своей точки зрения. Кроме того, он имел более широкий взгляд на историю, чем простое изложение фактов, и именно ему мы обязаны нашим единственным знанием ряда деталей, касающихся политического устройства монархии, а также положения дворянства и народа.

Фантуцци, М., *Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo*, Венеция, 1801-1804, 6 тт. Документы IX и последующих веков. — **Фарини**, Л. К., Римское государство с 1815 по 1830 год (перевод под руководством У. Э. Гладстона), Лондон, 1851-1854, 4 тт. — **Феррари**, Джузеппе, *Histoire des révolutions d'Italie; ou Guelfes et Gibelins*, Париж, 1858, 4 тома. — **Филиази**, Г., *Memorie storiche de Veneti primi e secondi*, Венеция, 1796-1798, 8 томов. — **Флодоард**, *Annales*.

Хроника *Флодоарда* или *Фродоарда*, франкского епископа, охватывает период с 919 по 966 год.

Фриман, Э. А., Исторические очерки, первая серия, Лондон, 1871; статьи «Норманны» и «Сицилия» в *Encyclopædia Britannica*.

Гаффарель, П., Бонапарт и итальянские республики 1796-1799, Париж, 1895. — **Галилео**, Обвинение, осуждение и отречение, 1819. — **Галленга**, А. (Л. Мариотти), Италия, прошлое и настоящее, Лондон, 1846, 2 т.; Папа и король, Лондон, 1879, 2 тома. — **Галлуцци**, Р., История Великого герцогства Тосканы, Флоренция, 1822, 11 томов. — **Гарибальди**, Г., Письма Г. Гарибальди, Милан, 1885, 2 тома; Автобиография (перевод А. Вернера), Лондон, 1889, 3 тома;

Гауденци, А., Отношения между Италией и Восточной империей, Болонья, 1888; **Гибхардт**, Э., Истоки Возрождения в Италии, Париж, 1879; **Гио**, Х., *La guerra del anno 1866 in Italia*, Флоренция, 1887. — **Гирон**, Дж., *Annali d'Italia*, в продолжение Муратори, Милан, 1888. — **Гислери**, А., *Atlantico storico d'Italia*, Бергамо, 1891.—**Джакометти**, Г., *La Question Italienne 1814-1816*, Париж, 1893.—**Гиббон**, Э., Упадок и падение Римской империи.—**Гилберт**, Уильям, Лукреция Борджиа, герцогиня Феррары, Лондон, 1869, 2 тома.—**Гингуэн**, Ф. Л., *Histoire Littéraire d'Italie*, Париж, 1824-1835, 9 тт.—**Годкин**, Г. С., Жизнь Виктора Эммануила II, первого короля Италии, Лондон, 1879, 2 тт.—**Готте**, А., Корона дома Савойи, Флоренция, 1887. — **Грегорович**, Ф., Лукреция Борджиа, Штутгарт, 1874, 2 тома; История города Рима в средние века (перевод Энни Гамильтон), Лондон, 1894-1902, 8 томов.

Фердинанд Грегорович (1821-1891) посвятил большую часть своей жизни самым обширным и тщательным исследованиям в библиотеках и архивах Рима, Италии и Германии. Результатом этих исследований стала его великая работа «История города Рима», которая примечательна не только своей научной ценностью, но и блестящим и увлекательным стилем. Она была переведена на итальянский язык по решению городского совета Рима и за счет государственных средств.

Гримм, Герман, «Жизнь Микеланджело» (перевод Фанни Э. Бернетт), Лондон, 1896, 2 тома. — **Гуиччардини**, Ф., «История Италии с 1490 по 1532 год» (перевод Остина П. Годдарда), Лондон, 1753, 10 томов.

С момента публикации в 1857 году его *Opere inedite Франческо Гуиччардини* (1483-1540) занимает первое место среди политических философов, даже оспаривая верховенство своего друга Макиавелли. Он имел долгую карьеру дипломата, государственного деятеля и генерала, в которой, помимо пороков своего времени, он проявил такую холодную расчетливость, флегматичный эгоизм и явное несоответствие между мнениями и практикой, что, пожалуй, сделало его самым ненавистным из своих современников. Однако именно эта бесчувственность придает его истории превосходство. Его стиль скучен и многословен, у него нет чувства перспективы, но как аналитик он не имеет себе равных. Его история не представляет интереса для широкого читателя, но имеет большое значение для исследования периода, которым она занимается, 1494-1532 гг.

Халлам, Х., «Взгляд на состояние Европы в средние века». — **Хартманн**, Л. М., «*Geschichte Italiens im Mittelalter*», Гота, 1897-1900, 2 тома. — **Хартвиг**, О., «*Quellen und Forschungen zur ältesten Geschichte der Stadt Florenz*», Галле, 1875-1880, 2 тома.—**Хоторн**, Натаниэль, Мраморный фавн, 1860. —**Хэзлитт**, У. К., История Венецианской республики, Лондон, 1860, 4 т. —**Гегель**, Карл, *Geschichte der Städteverfassung von Italien*, Лейпциг, 1847, 2 т. —**Хеннегай**, Ф., История Италии с 1815 года, Париж, 1885. — **Хейд**, В. фон История торговли на Востоке в средние века, Лейпциг, 1885-1886, 2 тома. — **Хиллебранд**, К., Дино Компаньи: Историческое и литературное исследование эпохи Данте, Париж, 1862. — **Ходкин**, Томас, Италия и ее завоеватели, Оксфорд, 1880-1885, 4 тома.

Томас Ходкин первым представил на английском языке результаты современных исследований, касающихся варварских вторжений в Италию. Он дает полное описание социальной организации и подробно прослеживает перемещения различных германских и азиатских племен.

Хант, Л., Итальянские поэты, Лондон, 1846, 2 т. — **Хант**, Уильям, История Италии, Лондон и Нью-Йорк, 1874.

Йона, Г., Политическое представительство, Модена, 1892.

Кингтон, Ф. Л., «История Фридриха II, императора римлян», Лондон, 1862, 2 тома. — **Куглер**, Ф. Т., «Справочник по живописи. Итальянские школы». Переработан и дополнен на основе последних исследований леди Истлейк, Лондон, 1880, 2 тома.

Лабарт, Ж., История искусств средневековья, Лондон, 1855 — **Лео**, Х., Geschichte der italienischen Staaten, Гамбург, 1829-1832, 5 т.; Entwicklung der Verfassung der lombardischen Städte, Гамбург, 1824 — **Локашио**, Ф., Fa fallita Italica, Ribellione del 1848, Палермо, 1887. — **Лоцци**, К. Biblioteca storica della antica e nuova Italia, Палермо, 1886. — **Луизе**, Г. ди, Storia critica delle Rivoluzioni italiane, Неаполь, 1887.

Маколей, Т. Б., Макиавелли, Очерк о, Лондон и Нью-Йорк.—**Макиавелли**, Н., История Флоренции и дел Италии, Лондон, 1847; Труды в переводе Детмольда, Бостон, 1882, 4 тома.—**Маласпини**, Рикордано и Джакотто, L'Istoria antica dell'origine di Fiorenza sino all'anno 1281, con l'aggiunta dal detto anno per insino al 1286, Флоренция, 1566. (Также в Муратори, т. VIII.)

О *Рикордано* и *Джакотто Маласпини* мы располагаем лишь очень скудной и неопределенной информацией. Хроника, носящая их имена, долгое время считалась самым ранним произведением по истории Италии, написанным на народном языке, но в последнее время ее подлинность была поставлена под сомнение. Виллани содержит многое из того же материала, изложенного почти теми же словами. Предполагается, что так называемые Маласпини были более поздними, чем Виллани, и что они либо копировали его, либо оба копировали из общего источника, который не дошел до нас. Все это, однако, не умаляет живописности и интереса их хроники, а также ее достоверности в отношении изложенных в ней фактов.

Малатерра, Г., Historia Sicula, Cæsaraugusta, 1578.

Годфред Малатерра, бенедиктинский монах, оставил нам очень ценную историю норманнов в Сицилии, написанную по приказу графа Роджера. Она заканчивается 1099 годом.

Мансо, Ф., Geschichte des ostgothischen Reiches in Italien, Бреслау, 1824. — **Манукарди**, Ф., Reminiscenze storiche, Турин, 1890. — **Манцони**, А., La rivoluzione francese e la rivoluzione italiana del 1859, Милан, 1889. — **Маркириус Скриба**, см. Annales Genuenses.—**Marriott**, J. A. R., The Makers of Modern Italy, Лондон, 1889.—**Masi**, E. Fra libri di storia della rivoluzione italiana, Болонья, 1887; Il segreto del Re Carlo Alberto, Болонья, 1890.—**Maulde la Clavière**, M. A. R. de, La Diplomatie au temps de Machiavel, Париж, 1892-1893, 3 тома.—**Mazade**, Charles de, Le Comte de Cavour, Париж и Лондон, 1877.—**Mazzini**, J., Life and Writings of, Лондон, 1864-1870, 6 томов.; Очерки (перевод Т. Оки), Лондон, 1894.—**Минье**, Ф. Х., Histoire de la Rivalité de François I et de Charles V, Париж, 1876, 2 тома.—**Монтанелли**, Г., Mémoires sur l'Italie, Париж, 1859, 2 тома.—**Монтарола**, Б., Библиография итальянского возрождения, Рим, 1884. — **Monumenta Germaniæ historica**, под ред. Г. Х. Перца, Г. Вайца и Э. Дюмлера, Ганновер и Берлин, 1826 и др., 35 тт. — **Мюнц**, Э., Les Précurseurs de la Renaissance, Париж, 1881. — **Муратори**, Л. А., Italicarum rerum scriptores, Медиолани, 1723-1751, 25 тт.; Annali d'Italia, Милан, 1744-1749, 12 тт.

Лудовико Антонио Муратори (1672-1750), много лет бывший библиотекарем герцога Моденского, посвятил свою долгую жизнь увлеченной и энергичной работе в различных областях науки. Его главный труд, *Scriptores*, представляет собой огромное хранилище современных документов, охватывающих весь период Средневековья с 500 по 1500 год, и является наиболее важным собранием такого рода.

Муссатус, Альбертинус, De Gestis Heinrici VII Cæsaris, Historia Augusta. De Gestis Italicorum post Mortem Heinrici VII. В Муратори, т. X.

Альбертинус Муссатус (1261-1330?) при жизни пользовался широкой известностью как автор латинской поэзии, а также был видным политическим и военным лидером в своем родном городе Падуе. Будучи другом и поклонником императора Генриха VII, Муссатус, тем не менее, является весьма беспристрастным и надежным историком. Его стиль гораздо более тщательный и отточенный, чем у большинства летописцев, а часть его работ даже написана в стихах. Его произведения имеют первостепенное значение среди источников того периода.

Нейпир, Х. Э., «История Флоренции», Лондон, 1846-1847, 6 тт. — **Наржу**, Ф., «Криспи», Париж, 1890. — **Норлауги**, А., Каталог произведений, относящихся к итальянским делам периода 1815-70, Турин, 1884. — **North American Review**, Итальянская литература, 1864-1866; Происхождение итальянского языка, 1867.

Обертус Канцеллариус, см. *Annales Genuenses*. — **О'Клери**, П. К., Становление Италии, Лондон, 1892. — **Олифант**, миссис М., Создатели Флоренции, Лондон, 1876; Создатели Венеции, Лондон, 1887. — **Орси**, П., *La Storia d'Italia narrata da scrittori contemporanei*, Турин, 1887; *Come fu fatta l'Italia*, Турин, 1891. — **Оттобонус Скриба**, см. *Annales Genuenses*.

Перренс, Ф. Т., *Histoire de Florence*, Париж, 1877-1884, 6 тт. — **Перрес**, Д., *Gli ultimi reali di Savoia ed il principe Carlo Alberto di Carignano*, Турин, 1889. — **Pertz**, G. H., см. *Monumenta Germaniæ historica*. — **Pflugk-Harttung**, J. v., *Iter Italicum*, Штутгарт, 1883. — **Pignotti**, L., *History of Tuscany* (перевод Джона Боуринга), Лондон, 1823, 4 тома. — **Пио**, О., *Dramma della storia italiana*, Милан, 1889. — **Пёльманн**, Роберт, *Die Wirthschafts-Politik der Florentiner Renaissance*, Лейпциг, 1878, 1 том. — **Прокопий Кесарийский**, *De bello Gothorum*. — **Пробин**, Дж. В., Италия: от падения Наполеона I до 1890 года, Лондон, 1891. — **Проктор**, Ч., История Италии с падения Западной империи, Лондон, 1844. — **Пуччаути**, Дж., Витторио Эмануэле и возрождение Италии, Париж, 1893.

Квине, Эдгар, *Les Révolutions d'Italie*, Париж, 1868, 2 т.

Ранке Л., «История романских и германских народов с 1494 по 1535 год», Берлин, 1824, 2 т.; «К венецианской истории», Лейпциг, 1878; «Всемирная история», Лейпциг, 1896, 4 т. — **Рейнах** Ж., *La France et l'Italie devant l'histoire*, Париж, 1893. — **Ройхлин**, Г., *Geschichte Italiens von der Gründung der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart*, Лейпциг, 1859-1873, 4 т. — **Реумонт**, Альфред фон, *Bibliografia dei Lavori Pubblicati in Germania sulla Storia d'Italia*, Берлин, 1863; *Geschichte Toscana's seit dem Ende des florentinischen Freistaates 1530-1859*, Гота, 1876, 2 тома; Лоренцо де Медичи, Великолепный (перевод Роберта Харрисона), Лондон, 1876, 2 тома; *Characterbilder aus der neueren Geschichte Italiens*, Лейпциг, 1885. — **Ревел**, Г. ди, *Da Ancona a Napoli*, Милан, 1892. — **Робертсон**, У., *History of the Reign of Charles V*, Лондон, 1856. — **Родоканачи**, Э. П., Граф Кавур, Париж, 1891. — **Рорай**, С. ди, Гений революции. Период I, 1789-1848, Венеция, 1890. — **Роза**, Г., Генезис итальянской культуры, Милан, 1889. — **Роско**, Уильям, Жизнь Лоренцо де Медичи, 8-е издание, Лондон, 1845. — **Раскин**, Дж., Семь ламп архитектуры, Лондон, 1849.

Сен-Маро, К. Х. Л. де, *Histoire d'Italie depuis la chute de l'empire d'Occident*, Париж, 1761-1770, 6 томов. — **Салимбене**, *Chronicon Fra Salimbene Parmensis*, Парма, 1857.

Сборник рассказов без определенного порядка или замысла, который, однако, дает очень подробную картину положения Италии в XIII веке.

Санктис, Ф. де, *Storia della Letteratura Italiana*, Неаполь, 1870. — **Санси**, А., *Storia del Comune di Spoleto dal secolo XII al XVII*, Фолиньо, 1879-1884, 2 тома. — **Сарти**, Т., *Il Parlamento subalpino e nazionale*, Терни, 1890. — **Сассоне**, Ф., *France et Italie 1820-1886*, Женева, 1886. —

Scheffer-Boichorst, P., Florentiner Studien, Лейпциг, 1874.—**Schmidt**, D. L., Zur Geschichte der Langobarden, Лейпциг, 1889.—**Sewell**, E. M., Outline History of Italy, Лондон, 1895.—**Шенпард**, Уильям, Жизнь Поджо Браччолини, Ливерпуль, 1837.—**Сичиролло**, Г. Л. С., Краткая история Италии в средние века, 1890.—**Сильвани**, Д., Рим, его князья, священники и народ, Лондон, 1886-1887, 3 тома.—**Симонсфельд**, Х., Андреас Дандоло и его исторические труды, Мюнхен, 1876; Венецианские исследования, Мюнхен, 1878.—**Сизмонди**, Ж. К. Л. Симонде де, История итальянских республик, Лондон, 1832; Литература Южной Европы (перевод Роско), Лондон, 1846, 2 т.

Жан Шарль Леонар Симон де Сизмонди (1773-1842) добился большого признания благодаря своим работам по истории и литературе, в частности «Итальянским республикам» и «Истории Франции». Он был чрезвычайно трудолюбивым и в основном лишенным предрассудков, но ему несколько не хватало проницательности и исторического понимания. О книге «Итальянские республики» Минье говорит: «Сизмонди проследил эту историю с огромной эрудицией, благородным духом, энергичным талантом, достаточным искусством и большой красноречивостью».

Сполдинг, Уильям, «Италия и итальянские острова», Нью-Йорк, 1842, 3 тома. — **Спано**, М., «Воспоминания о борьбе итальянцев за свою независимость», Рим, 1886. — **Стелла**, Г. и Й., «Анналы Генуи с 1298 по 1435 год»; в Муратори, т. XXVI.

Георгий и Иоанн Стелла продолжают историю Генуи с того места, где заканчивается работа Каффаро и его последователей, и доводят ее до своего времени (1435 г.).

Суммонте, Г., Storia della città e regno di Napoli, Неаполь, 1601-1634, 4 т. — **Свитсер**, М. Ф., Titian, Бостон, 1878. — **Симондс**, Дж. А., Renaissance in Italy, Лондон и Нью-Йорк, 1875-1886, 7 т.; Краткая история Ренессанса в Италии, Лондон, 1893; статья «Италия» в Encyclopædia Britannica.

Джон Аддингтон Симондс (1840-1893) был человеком с сильным энтузиазмом и сочувствием, который, будучи увлечен Италией, посвятил большую часть своей жизни изучению эпохи Возрождения в этой стране. Его произведения всегда блестящи и лаконичны, хотя его взгляды иногда не являются четко определенными и беспристрастными.

Тейн, Х., Искусство в Италии; Италия — Флоренция и Венеция, Нью-Йорк, 1869. — **Тегримми**, Н., Vita di Castruccio, в Muratori, т. XI. — **Теста**, Г. Б., История войны Фридриха I против коммун Ломбардии, Лондон, 1877.—**Тейер**, У. Р., Рассвет итальянской независимости — Италия с 1814 по 1849 год, Бостон, 1893, 2 тома. —**Тирабоски**, Г., Литературная история Италии, Эдинбург, 1835.—**Тиварони**, К., История Рисорджименто, Турин, 1869. —**Тролар**, Э., Паломничество по французским полям сражений в Италии, Париж, 1893. —**Троллоп**, Т. А., История Флорентийского содружества, Лондон, 1865, 4 т.

Валери, Н., Исторические, литературные и художественные путешествия по Италии (перевод К. Э. Клифтона), Париж, 1842. — **Ваумиччи**, А., Мученики итальянской свободы, Милан, 1885, 2 тома. — **Веноста**, Ф., Умберто I, король Италии, Милан, 1885.—**Вентури**, миссис Э. А., Дж. Маццини, мемуары, Лондон, 1875.—**Виардо**, Л., Чудеса итальянского искусства, Лондон, 1870. —**Виллани**, Г., История Флоренции до 1348 года, продолжение Ф. Виллани, Милан и Флоренция, 1802-46, 12 т.; также в Муратори, Script. Res. Ital., т. XIII-XIV.

Джованни Виллани (1280-1348) был величайшим из всех итальянских летописцев. Его предшественники создавали очень неполные и легендарные записи, обычно ограниченные конкретными местами и периодами, но Виллани включает в свою хронику всю Европу. Он говорит, что идея его истории пришла ему в голову во время паломничества в Рим в 1300 году по случаю великого юбилея, установленного папой Бонифацием VIII. Созерцание

«великих и древних руин Рима и чтение историй и великих деяний римлян, описанных Вергилием, Саллюстием, Луканом, Ливием, Валерием, Павлом Орозием и другими мастерами истории», вдохновили его «взять от них форму и стиль», и по возвращении из Рима он «начал составлять эту книгу в честь Бога и благословенного Иоанна и в славу нашего города Флоренции». Несмотря на свою заметную роль в интеллектуальной жизни и общественных делах города, он смотрит на факты его истории так же спокойно и беспристрастно, как посторонний наблюдатель. Его работа является не только краеугольным камнем ранней средневековой истории Флоренции, но и имеет огромную ценность для истории всей Италии XIV века. Хроника Виллани была продолжена его братом Маттео и сыном последнего Филиппо, которые довели ее до 1364 года.

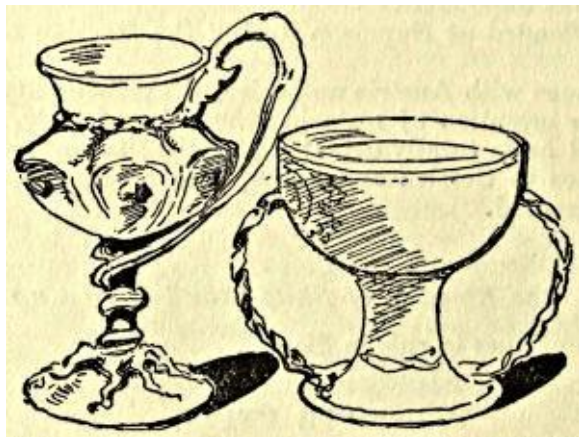
Виллари, П., История Джироламо Савонаролы и его времени, Лондон, 1863, 2 тома; Никколо Макиавелли и его время, Лондон, 1878-1881, 4 тома; Вторжения варваров в Италию (перевод Л. Виллари), Лондон, 1902, 2 тома; *Storia politica d'Italia scritta da una società di professori*, под редакцией П. Виллари, Милан, 1900.

Паскуале Виллари (1827) не является историком с очень глубоким пониманием, но он обладает большой широтой культуры и сочувствием, и его работы воплощают лучшие результаты недавних исследований по рассматриваемым периодам. Хотя его сочувствие к целям Савонаролы, возможно, привело его к чрезмерно восторженному взгляду на великого реформатора, его работа о Макиавелли имеет огромное значение для изучающих итальянскую историю. Как министр народного образования в кабинете Рудини Виллари внес большой вклад в реформу образования в Италии.

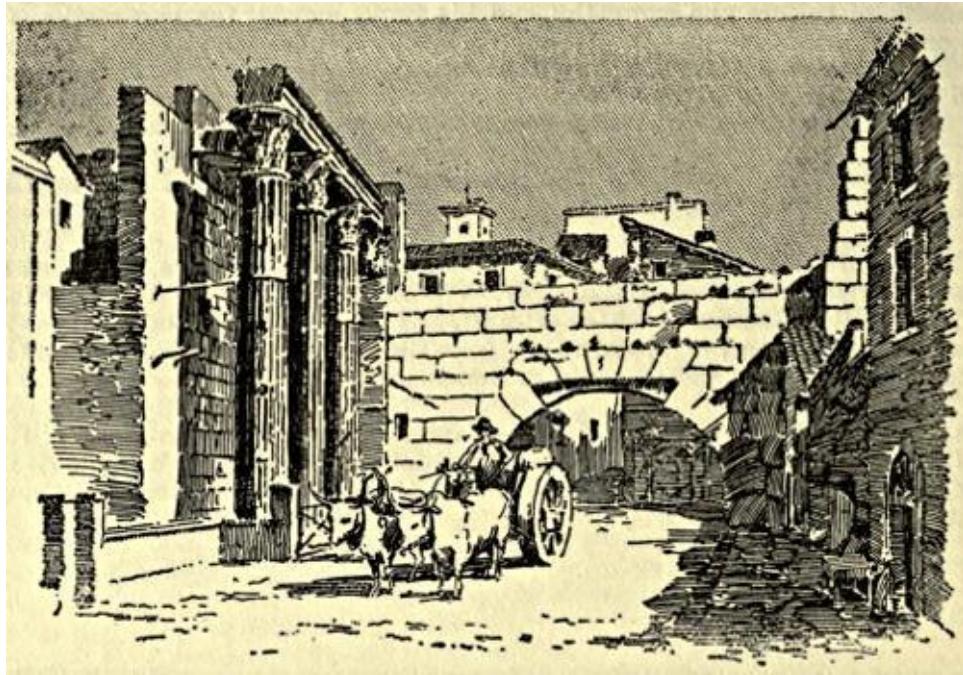
Войт, Г., *Die Wiederbelebung des classischen Alterthums*, 3-е издание, под редакцией Ленердта, Берлин, 1893, 2 тома.

Уоллес, Х. Б., *Очерки итальянского искусства*, Филадельфия, 1858. — **Вайзе**, Дж., *Италия и лангобардские правители 568-623*, Галле, 1887. — **Уайтсайд**, Дж., *Италия в XIX веке*, 2-е издание, Лондон, 1860. — **Вимпффен**, Э. Ф. де, *Крим-Италия*, Париж, 1892. — **Райтсон**, Р. Х., *История современной Италии от Первой французской революции до 1850 года*, Лондон, 1855; *The Sancta Republica Romana*, Лондон, 1891.

Залла, А., «Историческая студия», Флоренция, 1890. — **Занони**, Э., «Надежды и разочарования Италии с 1815 по 1846 год», 1886. — **Зеллер**, Ж. С., *Краткая история Италии со времени падения Римской империи*, 2-е издание, Париж, 1864; *Трибуны и революции в Италии*, Париж, 1874. — **Пётр IX и Виктор Эммануил**, Париж, 1879.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ, ФЛОРЕНЦИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ИТАЛИИ

СЕВЕРНЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА И РЕСПУБЛИКИ

ОТ ПАДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ ДО XI ВЕКА (476-1000 гг. н. э.)

Смещение Ромула Августула (476 г.) открывает новую эру для итальянского народа. Весь полуостров попадает под номинальное господство восточного императора, Одоакра, вождя герулов, правившего как король своего народа и как регент над остальными жителями. Это смешанное германско-римское правление продолжается династией остготов, начиная с Теодориха, который в 493 году по поручению императора свергает и заменяет Одоакра. Главная сила остготов сосредоточена в северной Италии; они имеют мало влияния на потомков греческих колонистов на юге. Связи между Италией и Константинополем стали очень слабыми, и Юстиниан I планирует повторное завоевание Италии. Благодаря усилиям Велизария и Нарсеса это достигается в 553 году; остготское королевство падает. Италия вновь становится полноправным членом Римской империи, управляемым от имени императора экзархом, столица которого находится в Равенне. Такое положение дел длится всего пятнадцать лет. Нарсес, первый экзарх, отозванный в Константинополь в 565 году и недовольный отношением к себе императрицы, по некоторым данным, пригласил Альбоина, вождя лангобардов, вторгнуться на Апеннинский полуостров. В 568 году он пересекает Альпы и за три года становится хозяином почти всей северной Италии. Политическое единство полуострова нарушено и не будет восстановлено до второй половины XIX века. Ломбарды проникают в центр полуострова. Венеция, основанная около 452 года семьями из Аквилеи и Павии, бежавшими от Аттилы, остается нетронутой. Так же как и Генуя и ее Ривьера. Рим не признает правление лангобардов в Павии, как и страна к востоку от Апеннин от По до Анконы, где правит экзарх в Равенне, а также герцогство Неаполь, острова Сицилия, Сардиния и Корсика и самая южная провинция Калабрия. Герцогства Сполето и Беневенто имеют лангобардских правителей, но они практически независимы от Павии. Таково состояние Италии в конце VI века.

До конца следующих ста лет Константин II (662) предпринимает тщетную попытку восстановить империю в Италии. Защитная сила Константинополя становится все слабее и слабее, и в 713 году венецианские острова объединяются с целью самоуправления. Был избран первый дож Паолуччо Анафесто, а также совет трибунов и судьи. Это правительство просуществовало до 737 года, когда в результате народного восстания дож Орсо был убит, его должность упразднена и заменена ежегодно избираемым *маэстро делла милиция* (главой вооруженных сил); но через пять лет (742) пожизненная должность дожа была восстановлена. Тем временем растущая мощь лангобардов посягает на владения экзарха; иконоборческая полемика практически отвратила итальянский народ от восточного императора, и в 752 году византийские владения в северной Италии завоевывает лангобардский король Айстульф, а экзарх бежит из Равенны. Пепин прибывает из Франции по призыву папы, захватывает завоевания Айстульфа, которые он передает Стефану (755 г.), и из этого дара возникает светская власть папы, которая просуществует до 1870 года. В 774 году Карл Великий положил конец господству лангобардов в северной Италии, и его итальянское королевство простиралось от Альп до Терачины. Оно вошло в состав Западной империи, когда она была восстановлена в 800 году.

Таким образом, политическая карта Италии в начале IX века показывает Рим как столицу империи, управляющей большей частью полуострова; Гаэта, Неаполь, Калабрия, Апулия, Сицилия и Сардиния по-прежнему остаются верными Константинополю. Венеция, хотя и является полностью независимой, признает восточного императора, а герцог Беневенто платит дань западному императору.

В 810 году жители Венеции переносят столицу с материка в нынешний город и начинают строительство собора Святого Марка.

В 827 году сарацины начинают свои нападения на Италию и Сицилию. Их судьба меняется, но к 890 году падение династии Карловингов позволяет грекам отбить у сарацин многие города и создать новую державу, которая охватывает южную Италию на севере до Салерно. Эта территория, управляемая патрицием или катапаном, остается частью Восточной империи до 1043 года. Карл Великий не свергает политическую систему на севере, и великие лорды сохраняют свои территории, которыми они владели со времен Теодориха. С упадком династии Карла Великого эти местные правители соответственно усиливают свою власть, а епископы, назначенные в города, становятся почти независимыми суверенами. Эта местная власть никогда не подавляется императором, и именно ей обязаны своим возникновением средневековые итальянские республики.

В начале X века мы видим, что эти великие территориальные лорды и епископы являются главными силами в северной Италии — среди них архиепископ Милана, герцог Фриули и граф Тосканы, который утверждает свое господство со времен Бонифация I в 823 году. Покорность, которую они оказывают королю Италии, является лишь номинальной, и на самом деле король постоянно находится в состоянии войны со своими великими вассалами. С момента свержения Карла Толстого (888 г.) до вмешательства Оттона I в дела Италии (961 г.) корона этой страны была яблоком раздора между великими лордами Фриули и Беневенто. Магьяры и сарацины также неоднократно вторгались в эту землю, и защищенные города росли в силе и значении.

С приходом Оттона I их муниципальная свобода не была значительно урезана. Управление городом обычно осуществлялось двумя или более консулами, избираемыми всенародным голосованием. В 997 году венецианцы завоевали побережье Адриатического моря и острова вплоть до Рагузы, что позволило им занять более независимую позицию по отношению к восточному императору.

ХИЛЯДНЫЙ ВЕК

Преждевременная смерть Оттона III (1002) является важным событием в развитии итальянских городов. В результате спора за корону Павия поддерживает выбор ломбардской знати в пользу Ардуина. Милан коронует немецкого короля Генриха II.

1003 Война между Пизой и Луккой, первая война между средневековыми итальянскими городами.

1004 Генрих сжигает Павию. Милан и Павия пробуждаются к независимой жизни и действиям в этой борьбе. Сарацины захватывают часть Пизы.

1011 Второе нападение сарацин на Пизу, которая теперь переходит в наступление.

1017 Пизанцы изгоняют сарацин из Сардинии и захватывают остров.

1018 Герберт становится архиепископом Милана и самым могущественным лордом в северной Италии.

- 1024 После смерти Генриха II Гериберт приглашает Конрада II из Германии в Италию и дарит ему железную корону Ломбардии (1026).
- 1026 Венецианцы изгоняют своего дожа Оттоне Орсеоло, но в 1031 году вновь приглашают его обратно. Жители Лоди возмущаются тем, что Гериберт назначает их епископа, и начинается война, в которой Гериберт одерживает победу.
- 1036 Битва при Кампо Мало между Герибертом и противостоящими ему фракциями. Гериберт призывает императора на помощь, но тот, оскорбленный независимостью миланцев, отступает в Павию.
- 1037 г. На сейме в Ронкалья Конрад издает указ, согласно которому все феодалы должны быть наследственными. Это делается для сдерживания власти церковных лордов. Осада Милана Конрадом, который вынужден отступить из-за эпидемии чумы.
- 1039 Осада Милана снята после смерти Конрада. Гериберт изобретает *каррокьо*.
- 1041 Жители Милана во главе с Ланцо изгоняют дворян из Милана.
- 1044 Мир в Милане восстановлен.
- 1045 Смерть Гериберта.
- 1048-1055 Во время понтификата Льва IX в Милане встречается активное сопротивление попытка ввести обязательное celibat для духовенства.
- 1055 Графиня Матильда начинает свое правление в Тоскане.
- 1063 Заложены фундаменты собора в Пизе.
- 1075 Григорий VII утверждает Пизанский свод законов — возрождение Пандект Юстиниана.
- 1077 Норманнские завоевания южных итальянских городов передают контроль над торговлей в Средиземноморье в руки Венеции, Пизы и Генуи. На протяжении полутора веков Пиза является крупнейшим торговым центром.
- 1080 Армия графини Матильды терпит поражение под Мантуей.
- 1084 Великое поражение венецианского флота от Роберта Гвискара.
- 1091 Захват Мантуи и Равенны Генрихом IV.

ХII ВЕК

- В начале XII века Милан и другие города Ломбардии стали независимыми муниципалитетами, что было достигнуто в основном благодаря войне за инвеституру.
- 1101 Феррара подчиняется графине Матильде, которая получила практически королевскую власть.
- 1110 Мир между Пизой и Луккой, которые воевали в течение шести лет.
- 1111 Миланцы атакуют и разрушают Лоди и Комо. Лидерство Милана в Ломбардии теперь подтверждено.
- 1114 Восстание в Мантуе, которое подавляется графиней Матильдой. Пизанцы нападают на сарацин на Балеарских островах и возвращаются с богатой добычей и множеством пленников.

- 1115 Смерть графини Матильды. Начало борьбы между папой и императором за ее обширные владения. В 1102 году она передала их папе. Со смертью Матильды начинается подъем Флоренции и других тосканских городов к независимости.
- 1118 Между Генуей и Пизой разгорается война за господство над Сардинией и Корсикой, поскольку папский указ передал контроль над Корсикой пизанской церкви. Освящение пизанского собора.
- 1123 Победа венецианского флота над египтянами у берегов Иоппы.
- 1124 Венецианцы получают треть города Тира после его завоевания крестоносцами.
- 1125 Венецианцы захватывают Самос, Андрос и Спалато.
- 1132 Мир между Генуей и Пизой. Иннокентий II предоставляет генуэзской церкви частичное господство на Корсике и дарует пизанцам Сардинию и другие территории.
- 1135 Пизанцы выступают против норманнов в южной Италии. Нападение на Неаполь и Амальфи. Амальфи отвоеван Роджером I.
- 1137 Второе нападение пизанцев на юге Италии. Роджер возвращает свои утраченные владения.
- 1140 г. Генуэзцы захватывают Вентимилью.
- 1144 Между итальянскими городами разгорается война. Венеция против Равенны; Верона и Виченца против Падуи и Тревизо; Флоренция и Пиза против Лукки и Сиены.
- 1150 Венецианцы отвоевывают Далмацию, захваченную пиратами.
- 1151 Поражение миланцев от кремонцев при Кастельнуово. Захвачен *кароккьо*.
- 1152 Избрание Фридриха Барбароссы королем Германии и Италии. Начало строительства баптистерия в Пизе.
- 1153 Фридрих решает восстановить имперскую власть в итальянских городах. Лоди и Комо просят его защиты от Милана.
- 1154 Фридрих вступает в Италию. Диет в Ронкалья, где Фридрих выслушивает жалобы на Милан и Тортона. Он принимает корону Ломбардии в Павии.
- 1155 Фридрих захватывает и разрушает Тортона. Милан готовится к войне.
- 1156 г. Милан восстанавливает Тортона и наносит поражение Павии.
- 1157 г. Основание Венецианского банка.
- 1158 Милан вновь разрушает Лоди. Второе появление Фридриха в Италии. Осада Милана, который сдается из-за голода. Диет в Ронкалья. Болонские юристы излагают Фридриху кодекс Юстиниана, который смещает консулов и заменяет их *подэстами* в качестве правящих должностных лиц в итальянских городах.
- 1159 Миланцы отказываются подчиняться подосте.
- 1160 Сдача Кремы Фридриху. Город предается на милость Кремоны. Лукка получает независимость от Вельфа Тосканского.
- 1162 Сдача Милана после девятимесячной осады. Он полностью разрушен. Ломбардия подчиняется Фридриху.
- 1163 Города Веронской марки при поддержке Венеции образуют лигу против Фридриха.

- 1167 Осада Анконы Фридрихом, который вернулся в Италию в предыдущем году. Брешия, Бергамо, Мантуя, Верона, Кремона, Тревизо и другие города северной Италии образуют Ломбардский союз, чтобы вернуть свои свободы от Фридриха. Начинается восстановление Милана.
- 1168 Фридрих, чья армия почти полностью уничтожена чумой, возвращается в Германию.
- 1169 Лига строит Алессандрию. Папа и восточный император присоединяются к лиге против Фридриха. Другие города вступают в лигу. Только Павия и Монферрат остаются верными империи.
- 1171 Восточный император Мануил I захватывает венецианские владения в своих владениях. Стефан, король Венгрии, отнимает у Венеции многие далматинские города. Венеция отвоевывает Зару, захватывает Рагузу и нападает на Негропонт.
- 1172 Венецианцы захватывают Сцио.
- 1173 Венецианский флот возвращается с Востока и заражает город чумой. В городе вспыхивают беспорядки, и дож убит.
- 1174 Пятая экспедиция Фридриха в Италию. Начинается строительство Кампанилы в Пизе.
- 1175 Благодаря посредничеству Фридриха между Генуей и Пизой частично восстанавливается мир.
- 1176 Фридрих угрожает Милану. Он терпит сокрушительное поражение в Легнано от миланцев и нескольких союзников. Он начинает переговоры с папой о мире.
- 1177 Примирение между Фридрихом и папой в Венеции. Заключено шестилетнее перемирие с городами Ломбардии. Они не просят ничего, кроме муниципальной автономии, и итальянцы упускают свою величайшую возможность стать могущественной нацией.
- 1181 Бела, король Венгрии, отвоевывает Зару и другие города у Венеции.
- 1183 Перемирие с Фридрихом становится постоянным благодаря Констанцскому миру. Венеция не включена в него. Коммуны получают право на самоуправление через консулов и на ведение войны. Эти привилегии распространяются на тосканские города, среди которых Флоренция становится самым могущественным.
- 1194 Сражение между генуэзским и пизанским флотами в гавани Мессины.
- 1198 Основание Флорентийской республики.
- 1199 Общая война между городами Ломбардии из-за спора между Пармой и Пьяченцей.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК

Обретение городами независимости приводит к постоянным распрям между народом и дворянами. Последние становятся более или менее финансово зависимыми от горожан и вынуждены часть года проживать в городах. Здесь, в своих дворцах, они продолжают свои распри, не обращая внимания на гражданскую власть. Консулы бессильны их обуздать, и из этого положения дел возникает должность подэста (название взято от должности Фридриха Барбароссы, но не имеющее никакого отношения к империи). Подэста всегда является гражданином другого города и занимает свою должность в течение одного года. Его функция заключается в том, чтобы выступать арбитром и поддерживать мир между горожанами и дворянами, а делегированные ему полномочия прокладывают путь для деспотов более поздних времен.

- 1202 г. Крестоносцы захватывают Зару для Венеции в соответствии с договоренностью, заключенной с дожем Дандоло, который игнорирует угрозы отлучения от церкви со стороны папы Иннокентия III. Венецианцы сопровождают крестоносцев в Константинополь.
- 1204 г. При разделе Восточной империи после захвата Константинополя венецианцы получают около трех восьмых империи Румынии. Большую часть этой территории они не пытаются занять. В Умбрии и Тоскане образуются гвельфские лиги, обращающиеся к папе за защитой. Пиза, ярко выраженная гибеллинистская, держится в стороне.
- 1205 Венецианцы обменивают часть Фессалии на Крит у Бонифация Монферратского. Венеция принимает решение разрешить своим дворянам забирать свои приобретения, удерживая их в качестве феодалов республики.
- 1208 г. Генуэзцы терпят поражение в попытке захватить Крит.
- 1209 Гибеллины изгоняют гвельфов из Феррары.
- 1215 Во Флоренции начинается вражда между Буондельмонте (гуэльфами) и Амидеи (гибеллинами). Она длится тридцать три года.
- 1218 г. Милан образует лигу, чтобы изгнать гибеллинов из Ломбардии. Она терпит поражение при Гибелло, что вызывает большие беспорядки между ломбардской знатью и горожанами.
- 1221 Миланцы изгоняют дворян из города.
- 1222 Первая война между Пизой и Флоренцией. Основание Падуанского университета.
- 1226 Возобновление Ломбардского союза на двадцать пять лет.
- 1227 Фридрих II назначает Эззелино да Романо вести войну против гвельфов в Веронской марке. Они терпят поражение в Вероне и Виченце.
- 1228 Победа Пизы над объединенными силами Флоренции и Лукки под Баргой.
- 1233 Города Веронской марки заключают мир в Пакуаре благодаря усилиям монаха Джованни да Виченца. Он длится всего несколько дней.
- 1234 Монферрат, Милан, Брешия и другие города присоединяются к восстанию сына Фридриха Генриха. Пизанцы возобновляют войну с генуэзцами.
- 1236 Фридрих выходит на поле боя против лангобардов. Эззелино контролирует Верону, Виченцу и Падую.
- 1237 Фридрих наносит поражение миланцам и их союзникам при Кортенуове. *Карроччо* захватывается и отправляется в Рим в качестве трофея. Тиеполо, подеста Милана, сын дожа Венеции, казнен.
- 1238 Папа заключает союз с Венецией и Генуей против Фридриха, который устанавливает господство гибеллинов в Турине, Асти, Новаре и Алессанрии. Фридрих безуспешно осаждает Брешию.
- 1239 Удача гвельфов начинает возрождаться благодаря отлучению Фридриха от церкви папой. Равенна захвачена венецианцами и болонцами.
- 1240 Венецианцы и Аццо д'Эсте захватывают Феррару. Фридрих отвоевывает Равенну.

- 1241 Пизанский и сицилийский флоты захватывают несколько генуэзских галер, на которых французские кардиналы и епископы направляются на собор папы в Риме. Фридрих осаждает Геную.
- 1243 Сын Фридриха Энзио изгнан из Милана.
- 1247 Восстание Пармы против Фридриха, который осаждает город.
- 1248 Фридрих снимает осаду Пармы. Революция во Флоренции передает город в руки гибеллинов.
- 1249 Болонцы наносят поражение Энзио при Фоссальта. Он попадает в тюрьму, где проводит остаток своей жизни. Эззелино да Романо захватывает Беллуно и маркизат Эсте.
- 1250 Флорентийцы освобождаются от власти гибеллинов. Они устанавливают *синьорию*. Со смертью Фридриха заканчивается период великой власти императоров в Италии.
- 1251 Флорентийцы возвращают изгнанных гвельфов и ведут войну с соседними городами, чтобы заставить их служить под знаменем гвельфов.
- 1252 В Флоренции чеканят первый флорин.
- 1254 год — «Год побед» Флоренции. Многочисленные триумфы над тосканскими городами.
- 1256 Маркиз Аццо отвоевывает Эсте и захватывает Падую.
- 1258 Лидеры гибеллинов изгнаны из Флоренции.
- 1259 Поражение и пленение Эззелино да Романо на мосту Кассано. Он умирает от ран.
- 1260 Гибеллины во главе с Манфредом одерживают великую победу при Монтаперти. Они возвращают Флоренцию. Народное правительство упраздняется. Его заменяет правительство, состоящее из дворян, присягнувших на верность Манфреду.
- 1264 К этому времени глава семьи Делла Торре занимает должность лорда народа в Милане, и другие города Ломбардии присвоили ему тот же титул. Должность становится наследственной, и мы видим зарождение будущего герцогства Милана. Папа, завидуя растущей власти Делла Торре, назначает Отто Висконти, представителя влиятельной местной семьи, архиепископом Милана. Народ отказывается принять его и подвергается отлучению от церкви. Начало вражды между Делла Торре и Висконти. Пелавичини теперь доминируют в долине По, а Делла Скала — в Веронской марке.
- 1266 После побед Карла Анжуйского на юге флорентийцы уничтожают свое гибеллинистское правительство.
- 1267 Флорентийцы передают синьорию Карлу Анжуйскому на десять лет. Их конституция восстановлена. Гибеллинические города на севере приходят на помощь Конрадину.
- 1269 Карл созывает сейм всех ломбардских городов в Кремоне. Некоторые передают ему синьорию, другие предлагают ему союз. Он называет себя имперским викарием. Папа ревнует Карла к его власти.
- 1270 Семьи Дориа и Спинола получают контроль над Генуей и поддерживают гибеллинов. Война между Болоньей и Венецией.
- 1277 Папа заставляет Карла отказаться от титула имперского викария. Висконти получают власть в Милане и отныне правят городом.
- 1280 Граф Савойский поселяется в Турине. Фаэнца становится подчиненной Болоньи.
- 1282 Между Пизой и Генуей разгорается война.

- 1284 Катастрофическое морское поражение пизанцев от генуэзцев у острова Мелория. Власть Пизы сломлена. Уголино делла Герардеска становится генерал-капитаном Пизы. Он заключает позорный мир с гвельфами.
- 1288 Смещение Уголино, который умирает от голода. Маркиз Эсте избран лордом Модены.
- 1292 Гуидо ди Монтефельтро из Пизы одерживает победу над флорентийцами.
- 1293 Мир между Пизой и Флоренцией. Между Венецией и Генуей разгорается длительная война.
- 1296 Гибеллины изгоняют гвельфов из Генуи. Венецианцы захватывают генуэзские владения в Крыму.
- 1297 Венецианцы закрывают членство в Великом совете для всех, кроме членов знатных семей.
- 1298 г. Генуэзцы уничтожают венецианский флот у побережья Далмации.
- 1299 Мир между Венецией и Генуей при посредничестве Маттео Висконти. Он благоприятен для Генуи.
- 1300 Флоренция разделена между фракциями Нери (жестокие гвельфы) и Бьянки (умеренные гвельфы). Папа Бонифаций VIII приглашает Карла Валуа в Италию, чтобы сдержать Бьянки.

XIV ВЕК

- Гражданские войны начинают затихать. Деспоты, выросшие из капитанов народа, начинают захватывать свободные города.
- 1301 Флорентийцы принимают Карла Валуа в город. Нери побеждают Бьянки и изгоняют их. Данте находится среди изгнанников.
- 1302 Висконти изгнаны из Милана, и Делла Торре возвращаются.
- 1304 Флоренция частично сгорает в результате гражданских беспорядков.
- 1306 Семья Эсте теряет свое господство в Модене. Дория изгнаны из Генуи.
- 1308 Внутренние распри в семье Эсте. Венецианцы помогают одному из них захватить Феррару.
- 1309 Папский легат изгоняет Эсте из Феррары. Ею от имени папы управляет король Неаполя Роберт, лидер гвельфов.
- 1310 Генрих VII Люксембургский вступает в Италию. Он присваивает титул имперского наместника правящим лордам ломбардских городов. Венецианцы учреждают Совет Десяти.
- 1311 Генрих получает железную корону Ломбардии. Гуэльфы изгнаны из Милана, Висконти восстановлены. Всеобщее восстание гуэльфов против Генриха. Неудачная осада Брешии. Генуэзцы передают Генриху абсолютную власть над городом на двадцать лет.
- 1312 Генрих отказывается от нападения на Флоренцию.
- 1313 Смерть Генриха, когда он готовился к нападению на Роберта. Визит Генриха дал деспотам возможность укрепить свою власть. Висконти правят в Милане, Скалигери —

в Вероне, Каррарези — в Падуе. Угуччоне да Фаджиуола — в Лукке. Гибеллины продолжают борьбу в Пизе, Лукке и других местах.

- 1315 Угуччоне одерживает много побед над гвельфами в Ломбардии и Тоскане.
- 1317 Семья Эсте восстанавливает свою власть в Ферраре. Гражданская война в Генуе.
- 1318 Роберт спасает Геную от гибеллинов и становится правителем города на десять лет.
- 1319 Гибеллины возобновляют нападение на Геную после отъезда Роберта. Брешия принимает губернатора от Роберта.
- 1320 Неудачная попытка Филиппа Валуа разгромить Висконти.
- 1321 Гибеллины в Генуе наносят поражение армии, посланной против них Робертом. Осада Кремоны Галеаццо Висконти.
- 1322 Кремона сдается Галеаццо. Его брат Марко наносит поражение папской и неаполитанской армии. Отлучение семьи Висконти от церкви. Фридрих Австрийский отказывается принимать участие в конфликте.
- 1323 Папская армия захватывает Алессандрию и Тортону. Она изгоняется из Милана Висконти с помощью Людвига Баварского, который отлучается от церкви за оказанную помощь. Резня пизанцев на Сардинии арагонцами.
- 1324 Галеаццо наносит поражение папской и неаполитанской армии при Монце. Роберт отказывается заключать мир.
- 1325 Каструччо Кастракани из Лукки провозглашает себя господином Пистойи и вместе с Висконти нападает на Флоренцию.
- 1326 Пизанцы покидают Сардинию, которая переходит к арагонцам. Флорентийцы назначают Карла, сына Роберта, губернатором города в обмен на обещание Роберта помочь им в борьбе с Кастракани.
- 1327 Людвиг IV Германия получает корону Ломбардии в Милане. Он заключает Галеаццо Висконти в тюрьму.
- 1328 Смерть Кастракани. Людвиг захватывает Пизу и продает Лукку. Смерть лидера гвельфов. Карло Луиджи ди Гонзага провозглашает себя господином Мантуи и принимает титул имперского викария. Падуя подчиняется Кан Гранде делла Скала. Людвиг освобождает Галеаццо Висконти, который умирает.
- 1329 Тревизо подчиняется Кан Гранде делла Скала, который вскоре умирает. Людвиг возвращается в Германию. Его попытки установить власть гибеллинов в Германии закончились неудачей в Италии.
- 1330 Иоанн, король Богемии, прибывает в Италию, чтобы возглавить гибеллинов. Он получает суверенитет над Брешией, Бергамо, Кремоной и другими республиками. Аццо Висконти номинально уступает ему власть над Миланом. Иоанн примиряет гвельфов и гибеллинов в этих городах.
- 1332 г. Завидуя власти Иоанна, Делла Скала и Висконти объединяются с гвельфами Флоренции против него, в результате чего
- 1333 Джон покидает Италию. Эстес отражают нападение папской армии на Феррару.
- 1334 Папский легат теряет Болонью.

- 1335 После многочисленных споров ломбардские гибеллины захватывают города, покинутые Джованни. Лукка, которая была отведена Флоренции, захватывается Мастино делла Скала, что приводит к войне, в которой Флоренция терпит поражение. Флоренция и Венеция заключают союз против Мастино. Висконти возвращают Комо и Крему. Семьи Дория и Спинола вновь торжествуют в Генуе.
- 1337 Флоренция и Венеция отбирают Падую у Мастино и передают ее семье Каррара, принадлежащей к гвельфам. Венецианцы захватывают Тревизо и другие города, свои первые владения в Италии за пределами лагуны. Таддео де Пеполи становится хозяином Болоньи.
- 1338 Флоренция и Венеция заключают мир с Мастино делла Скала, который вступает в союз с гибеллинами.
- 1339 г. Генуэзцы, недовольные правлением своей синьории, заменяют ее единоличным правителем Бокканерой, который принимает титул дожа. Первое появление Свободных компаний в Италии.
- 1341 Мастино пытается продать Лукку флорентийцам. Это вызывает тревогу у пизанцев, которые собирают армию и захватывают Лукку.
- 1342 Флорентийцы, внезапно проникнувшись симпатией к Вальтеру де Бриенну, герцогу Афинскому, который находится во Флоренции по пути во Францию, провозглашают его своим пожизненным правителем.
- 1343 Разочарованные его эгоистичным правлением, флорентийцы изгоняют герцога Афинского и восстанавливают свою свободу. Вернер формирует «Великую компанию».
- 1344 г. Генуэзцы изгоняют своего дожа и избирают нового из числа знати.
- 1345 Посредничество Луккино Висконти в гражданских беспорядках в Генуе.
- 1346 Венецианцы подавляют восстание в Заре. Парма и Пьяченца подчиняются Луккино Висконти.
- 1347 Риенци становится трибуном в Риме.
- 1348 Великая чума в Италии.
- 1350 Между Венецией и Генуей разгорается война из-за захвата генуэзцами нескольких венецианских кораблей. Пеполи уступают Болонью Джованни Висконти, брату и преемнику Луккино.
- 1351 Джованни Висконти совершает необоснованное нападение на тосканские города. Флорентийцы отбивают его армию. Генуэзский флот под командованием Паганино Дория одерживает множество побед на Адриатике и в Негропонте.
- 1352 г. Поражение венецианцев и арагонцев от генуэзцев в Босфоре. Восточный император передает генуэзцам полное командование Черным морем.
- 1353 Фра Мориале организует свою свободную компанию. Генуя вступает в союз с Венгрией. После катастрофического поражения от Венеции и Арагона у побережья Сардинии она сдается Джованни Висконти, который переоборудует флот, который
- 1354 уничтожает флот Венеции в Море. Смерть Джованни Висконти; его преемниками становятся три его племянника. Карл IV, император Германии, прибывает в Италию и

отказывается присоединиться к Висконти. Рьенци возвращается в Рим из изгнания. Он становится сенатором, злоупотребляет своей властью и убит.

1355 Заговор Марино Фалиери, дожа Венеции. Он казнен. Карл IV принимается Пизой и Сиеной, которые дорого платят за свое гостеприимство. Венеция заключает мир с Генуей. Распанти восстанавливают власть в Пизе. Генуэзцы с помощью Венеции захватывают Триполи.

1356 г. Генуэзцы сбрасывают иго Висконти. Лига северных итальянских феодалов вступает в войну с Висконти. Маркиз Монферратский отнимает у них Асти. Людовик Венгерский возобновляет борьбу с Венецией. Якопо де Буссолари освобождает Павию от Висконти.

1357 Венеция теряет Зару, Спалато и другие города, которые переходят к Людовику. Лига при поддержке Свободной роты графа Ландо наносит поражение Висконти на реке Ольо. Партия Распанти в Пизе по подстрекательству Висконти начинает досажать флорентийцам.

1358 Мир между Висконти и лигой. Венецианцы уступают Истрию и Далмацию Людовику. Висконти вновь осаждают Павию. Флорентийцы наносят поражение Великой компании.

1359 Павия капитулирует перед Галеаццо Висконти. Осада Болоньи Барнабо Висконти.

1360 Кардинал Альборнос захватывает Болонью, и Барнабо Висконти окончательно изгнан. Во Флоренции учреждается кафедра греческой литературы.

1361 Барнабо Висконти возобновляет осаду Болоньи. Сэр Джон Хоуквуд приглашен в Италию. Галеаццо Висконти основывает Павийский университет.

1363 Висконти терпят поражение в нескольких местах. Сэр Джон Хоуквуд и его отряд поступают на службу в Пизу. Пиза наносит поражение Флоренции.

1364 Висконти заключают мир с лигой. Мир между Пизой и Флоренцией. Джованни Аньелло становится дожем Пизы.

1367 г. Создание нового союза против Висконти. В него входят император, король Венгрии, Падуа, Феррара, Мантуя и Неаполь. Барнабо угрожает Венеции.

1368 Карл IV вступает в Италию. Висконти платят ему большую сумму за мир. Барнабо Висконти вторгается в Мантую.

1369 Карл возвращается в Германию. Пиза получает свободу. Барнабо ведет войну против Флоренции, которой помогает папа.

1370 г. Лукка покупает свою независимость у императора. Галеаццо Висконти захватывает Казале. Флорентийцы захватывают Сан-Миниато. Восточный император Иоанн V удерживается в Венеции за долги.

1371 Барнабо Висконти захватывает Реджо.

1372 Между Венецией и Генуей разгорается война.

1373 Венеция ведет войну с Падуей, которая вынуждена принять униженный мир. Генуя нападает на Кипр, возвращая его дому Лузиньян.

1375 Перемирие между Висконти и их врагами. Папский легат посылает сэра Джона Хоуквуда против флорентийцев, которые клянутся отомстить Святому Престолу и французским легатам. Они объединяются с Барнабо Висконти против церкви и принимают Сиену, Пизу и Лукку в лигу, образуя «восьмерку войны». Восемьдесят городов и поселков сбрасывают иго легата.

- 1377 Папские войска жестоко наказывают Фаэнцу и Чезена. Лига нанимает сэра Джона Хоуквуда. Она начинает распадаться. Болонья заключает мир с папой.
- 1378 Барнабо ведет тайные переговоры о предательстве Флоренции папе. Флоренция заключает мир с Римом. Венецианцы осаждают генуэзцев на Кипре. Разгром генуэзского флота у Антиума. Восстание во Флоренции. Мятеж чиомпи. Сильвестро де Медичи избран гонфалоньером. Смерть Галеаццо Висконти, его преемником становится сын Джан Галеаццо.
- 1379 Венецианский флот почти полностью уничтожен генуэзцами у Полы. Пьетро Дориа захватывает Кьоджу и нападает на Венецию. Осада Тревизо Франческо да Каррара. Город освобождает Барнабо Висконти.
- 1380 г. Генуэзцы сдаются венецианцам и заключают мирный договор.
- 1381 Венеция уступает Тревизо герцогу Леопольду Австрийскому, чтобы спасти его от Франческо да Каррара, который вновь осаждает город. Договор в Турине. Альбицци принимают на себя управление Флоренцией.
- 1384 Леопольд Австрийский продает Тревизо Франческо да Каррара.
- 1385 «Реформаторы» изгнаны из Сиены. Джан Галеаццо казнит своего дядю Барнабо и захватывает его владения, проводя множество реформ. Таким образом, он становится самым могущественным правителем Италии. Начинается строительство Миланского собора.
- 1387 Джан Галеаццо, заключив союз с Франческо да Каррара из Падуи, которого Антонио делла Скала из Вероны атакует от имени венецианцев, захватывает Верону и Виченцу, последнюю из которых он отказывается отдать Карраре, как обещал. Теперь он предлагает свои услуги венецианцам против Падуи.
- 1388 Галеаццо захватывает Падую, удерживает ее, захватывает Тревизо и угрожает Венеции. Он предпринимает множество неудачных попыток захватить тосканские города. Ницца присоединяется к Савойе.
- 1389 Флоренция заключает союз с Болоньей против Джан Галеаццо, нанимая сэра Джона Хоуквуда.
- 1390 Джан Галеаццо нападает на Болонью. Ему противостоит Хоуквуд. Франческо Новелло да Каррара при поддержке герцога Баварского отнимает Падую у Джан Галеаццо. Флорентийцы нанимают графа Арманьяка для вторжения в Ломбардию.
- 1391 Арманьяк потерпел поражение при Алессандрии.
- 1392 Флоренция заключает мир с Джан Галеаццо. По подстрекательству Джан Галеаццо Якопо Аппиано убивает Пьеро Гамбакорти, правителя Пизы, и становится хозяином города.
- 1393 Гражданская война в Генуе.
- 1394 Смерть сэра Джона Хоуквуда.
- 1395 Джан Галеаццо покупает у императора Венцеслава титул герцога Милана и графа Павии с инвеститурой двадцати шести городов, когда-то входивших в Ломбардскую лигу. Титул является наследственным.
- 1396 г. Генуэзцы просят защиты у Франции.
- 1397 Джан Галеаццо возобновляет войну против Флоренции и Мантуи.

- 1398 Французский губернатор Генуи вынужден уйти в отставку из-за гражданских беспорядков в городе. Десятилетний мир между Джан Галеаццо и Флоренцией и Мантуей.
- 1399 Сын Якопо Аппиано продает Пизу Джан Галеаццо, оставив за собой Пьомбино. Джан Галеаццо получает обещание о капитуляции от Сиены.
- 1400 Перуджа подчиняется Джан Галеаццо. Паоло Гуиниги узурпирует власть в Лукке и ставит себя под покровительство Джан Галеаццо.

XV век

- 1401 Руперт Германия входит в Италию, чтобы подавить Джан Галеаццо, но терпит поражение. Джан Галеаццо провозглашается суверенным правителем Болоньи.
- 1402 Джан Галеаццо умирает от чумы. Он делит свои владения между двумя молодыми сыновьями, Джованни Мария (герцог Милана) и Филиппо Мария (граф Павии), под опекой их матери Катерины и кондотьеров, служивших ему. Последние ставят себя во главе различных городов. Гвельфы и гибеллины восстанавливают власть во многих местах.
- 1403 г. Владения Джан Галеаццо начинают распадаться. Болонья и Перуджа возвращаются в состав Папской области. Сиена переходит под покровительство Флоренции. Венецианцы наносят поражение французскому и генуэзскому флоту.
- 1404 Франческо Новелло да Каррара отнимает Верону у Висконти. Венеция захватывает Виченцу и вступает в союз с Франческо ди Гонзага из Мантуи, чтобы отнять Верону у господина Падуи. Катерина Висконти заключена в тюрьму и отравлена.
- 1405 Венецианцы вместе с господином Мантуи захватывают Верону и Падую. Жан Бусико, французский губернатор Генуи, которому пизанцы предоставили защиту своих городов, предлагает продать их Флоренции. Пизанцы сопротивляются, и начинается война с Флоренцией.
- 1406 Франческо да Каррара и его сыновья казнены в Венеции. Пиза сдается Флоренции.
- 1408 Ладислав Неаполитанский нападает на Тоскану, разоряет Ареццо и Сиену и захватывает Кортону.
- 1409 Флоренция, встревоженная амбициями Ладислава, призывает Людовика Анжуйского отстаивать свои права на Неаполь. Бусико пытается захватить Милан. Во время его отсутствия генуэзцы изгоняют французов из своего города. Людовик возвращается в Прованс.
- 1410 Флорентийская армия под командованием Браччо да Монтоне занимает Рим. Ладислав принимает предложения о мире.
- 1411 Между Венгрией и Венецией разгорается война.
- 1412 Миланцы убивают жестокого Джованни Мария Висконти. Филиппо Мария захватывает город и женится на вдове Фачино Кане. Венецианцы изгоняют венгров из Тревизо и возвращают часть Фриули.
- 1416 Амадей VIII присоединяет Пьемонт к Савойе.
- 1417 Муцио Аттендоло Сфорца, на службе у Неаполя, изгоняет Браччо да Монтоне и флорентийскую армию из Рима.
- 1418 Филиппо Мария казнит свою жену.

- 1419 Миланский полководец Франческо Карманьола отвоевывает Бергамо для Филиппо Марии.
- 1420 Карманьола возвращает Милану Парму, Кремону и Брешию. Венецианцы отвоевывают у венгров Далмацию и Фриули.
- 1421 г. Генуя подчиняется Карманьоле, но сохраняет свои свободы.
- 1424 Филиппо Мария наносит поражение флорентийцам. Позор Карманьоле.
- 1425 Продолжение поражений флорентийцев. Венеция объединяется с Флоренцией и нанимает Карманьола.
- 1426 Флоренция, Венеция, Феррара, Мантуя, Сиена, Савойя и Неаполь объединяются против Филиппо Марии. Франческо Сфорца, сын Муцио Атендоло, поступает на его службу. Карманьола отбирает Брешию у Милана.
- 1427 Венецианцы уничтожают флот, собранный Филиппо Мария для завоевания Мантуи и Феррары. Карманьола наносит сокрушительное поражение армии герцога Милана под Макало. Савойя выходит из союза и получает территории от Филиппо Мария.
- 1428 Мир между Миланом и союзниками. Флорентийцы атакуют и захватывают Лукку.
- 1430 Никколо Пиччино, миланский генерал, изгоняет флорентийцев из Лукки. Венеция и Флоренция вновь объединяются против Милана, и война возобновляется.
- 1431 Франческо Сфорца наносит поражение Карманьоле при Сончино. Миланцы уничтожают венецианский флот. Маркиз Монферратский терпит поражение от Сфорцы. Союзные флоты наносят поражение генуэзцам.
- 1432 Синьория Венеции подозревает Карманьола в нелояльности. Его приглашают в Венецию и казнят. Сигизмунд продает титул маркиза Мантуи Джованни ди Гонзага.
- 1433 Франческо Сфорца занимает Анкону, которую папа уступает ему в следующем году. Мир в Ферраре между Миланом и союзниками. Договор между Сигизмундом, Сиеной и Флоренцией. Ринальдо делла Альбицци, глава олигархии Флоренции, заключает в тюрьму и изгоняет Космо де Медичи, лидера оппозиции.
- 1434 Флорентийцы возвращают Космо де Медичи и ставят его во главе правительства. Изгнанные Альбицци бегут в Милан и убеждают герцога начать войну с Флоренцией.
- 1435 Филиппо Мария вступает в союз с Альфонсо Неаполитанским против папы. Генуэзцы отказываются от покровительства Милана и восстанавливают свое независимое правительство.
- 1436 Возобновление союза между Флоренцией и Венецией против Милана. К нему присоединяется Генуя. Франческо Сфорца поступает на службу к союзникам.
- 1438 Сфорца возвращается к герцогу Милана, который обещал ему руку своей дочери.
- 1439 Герцог Милана не выполняет свое обещание, и Сфорца возвращается к союзникам. Он одерживает победу над Миланом.
- 1441 Мир между Миланом и союзниками. Сфорца женится на дочери Филиппо Марии. Венеция приобретает княжество Равенна.
- 1443 Папа Евгений IV замышляет отнять у Сфорцы марку Анкону. Ему помогают Альфонсо Неаполитанский и герцог Милана. Сфорца наносит поражение Пиччинино при Монтелоро.

- 1444 Сфорца сопротивляется союзу, который оказывает на него сильное давление.
- 1446 Флоренция и Венеция приходят на помощь Сфорца.
- 1447 Сфорца теряет марку Анкону. Смерть Филиппо Марии. На герцогство претендуют Альфонсо Неаполитанский, герцог Орлеанский и Сфорца. Милан и другие города Ломбардии восстанавливают свою независимость, но Сфорца становится хозяином Милана и захватывает Пьяченцу. Другие города подчиняются ему.
- 1448 Сфорца вступает в войну с Венецией. Он захватывает большую часть ее территории, сжигает ее флот и одерживает великую победу при Караваджо; затем заключает союз с Венецией против Милана, который, опасаясь его вероломства, изгоняет его из города.
- 1449 Венецианцы, осознав замыслы Сфорцы по порабощению Италии, покидают его и присоединяются к миланцам. Сфорца осаждает Милан.
- 1450 Миланцы наконец решают принять Сфорцу и признают его своим герцогом.
- 1452 Сфорца, заключив союз с Флоренцией, Генуей и Мантуей, вступает в войну с Венецией. Фридрих III продает Борсо д'Эсте, Реджо и герцогство Модена.
- 1454 Папа Николай V заключает мир в Лоди, подписанный Миланом и Венецией.
- 1455 Альфонсо Неаполитанский подписывает мирный договор в Лоди и присоединяется к папе и северным итальянским государствам в союзе против турок.
- 1457 г. Генуя и Неаполь вступают в войну. Совет десяти в Неаполе смещает великого дожа Франческо Фоскари, который умирает от горя.
- 1458 Неаполитанцы осаждают Геную. Космо де Медичи и Лука Питти планируют установить деспотическое правление во Флоренции.
- 1461 г. Генуэзцы освобождаются от Неаполя.
- 1462 Венецианцы вступают в союз с Матиашем Корвином против турок.
- 1463 Венеция покупает Червию у Малатесты IV.
- 1464 Сфорца получает контроль над Генуей. Смерть Космо де Медичи. Его сын Пьеро наследует президентство Флоренции.
- 1466 Семья Питти терпит поражение в попытке подчинить Флоренцию. Партия Альберти изгнана. Смерть Франческо Сфорца. Его сын Галеаццо Мария становится преемником. Он плохо управляет герцогством и отчуждает от себя народ.
- 1469 Смерть Пьеро де Медичи. Его сыновья Лоренцо и Джулиано наследуют власть, но реальная власть остается в руках пяти граждан, которые осуществляли ее при Пьеро.
- 1470 Турки отбирают у венецианцев Негропонт на Эвбее. Флоренция, Модена, Милан, Неаполь и папа формируют Священную лигу против турок. Венеция и рыцари Родоса заключают союз с султаном Персии с той же целью. Заговор Нарди против Медичи.
- 1471 Папа передает герцогство Феррара Борсо д'Эсте.
- 1472 Флот Священной лиги изгоняет турок из Греческого архипелага и разоряет Смирну.
- 1473 Турки достигают границ Фриули.
- 1475 Венецианцы занимают остров Кипр. Турки захватывают генуэзские порты в Крыму.
- 1476 Заговор в Ферраре в пользу Никколо д'Эсте. Он проваливается. Убийство Галеаццо Мария Сфорца в Милане, результат заговора в Ольджате. Его сын Джованни Галеаццо Мария наследует престол под регентством своей матери.

1477 Восстание Маттео де Фиески в Генуе.

1478 Заговор Пацци во Флоренции при поддержке Сикста IV. Джулиано убит. Лоренцо, раненный, спасается бегством. Народ убивает большинство заговорщиков, в том числе архиепископа Пизы, за что Сикст отлучает Флоренцию от церкви. Папа, Неаполь и другие итальянские государства начинают войну против Флоренции. Генуэзцы восстанавливают свое правительство.

1479 Венеция заключает мир с турками, уступая Скутари и крепости в Иллирии и Морее. Сикст IV побуждает швейцарцев объявить войну Милану. Они одерживают победу при Джорнико. Флорентийцы терпят поражение от неаполитанцев при Поджио Импераале. Положение Лоренцо становится критическим. Папа требует его изгнания из Флоренции. Он уезжает в Неаполь. Лодовико Сфорца (Иль Моро), дядя молодого Джованни Галеаццо Мария, берет на себя управление Миланом.

1480 Лоренцо заключает договор с Фердинандом Неаполитанским. По возвращении во Флоренцию он усиливает гнет. Папа, опасаясь турок, высадившихся в Италии, примиряется с Лоренцо и заключает с ним договор.

1481 Все государства Италии (за исключением Венеции) объединяются против турок и отвоевывают Отранто, утраченный в предыдущем году. Сикст и венецианцы пытаются захватить Феррару и разделить ее между собой.

1482 Милан, Флоренция и Неаполь образуют союз, чтобы помешать Венеции и папе осуществить свои планы.

1483 Сикст теперь переходит на сторону союза и отлучает Венецию от церкви за настойчивые попытки захватить Феррару.

1484 Мир в Баньоло между Феррарой и Венецией; первая отказывается от части своих владений.

1485 Иннокентий VIII начинает войну с Флоренцией, но в следующем году заключает мир.

1487 Лоренцо де Медичи отбирает Сарцану у генуэзцев, которые вновь ставят себя под защиту Милана.

1489 Галеотто Манфреди, лорд Фаэнцы, убит своей женой, когда он собирается продать свое княжество венецианцам. Савонарола прибывает во Флоренцию и начинает проповедовать реформу церкви.

1492 Смерть Лоренцо де Медичи. Его преемником становится сын Пьеро.

1493 г. Лодовико Моро, желая сохранить свою власть в Милане, замысливает избавиться от своего врага, короля Неаполя, и приглашает Карла VIII Французского возродить анжуйские притязания на Неаполь.

1494 Император Максимилиан назначает Лодовико герцогом Милана. Джованни Галеаццо Мария изгнан в Павию. Альфонсо II Неаполитанский нападает на Геную, но терпит поражение от швейцарцев. Карл VIII вступает в Италию. Внезапная и загадочная смерть Джованни Галеаццо Мария. Карл входит в Тоскану. Пьеро сдает Сарцану и предлагает отказаться от Пизы и других городов. Народ восстает и изгоняет Пьеро из Флоренции. Карл дарует пизанцам свободу и продвигается к Риму.

1495 Лодовико, встревоженный успехами Карла, формирует в Венеции лигу против него с участием папы, императора Максимилиана и Фердинанда Испанского. Карл покидает

Неаполь и с трудом возвращается во Францию. По совету Савонаролы формируется Великий совет для управления Флоренцией.

1496 Максимилиан приходит в Италию с армией, но после ссоры с Венецией возвращается в Германию. Флоренция пытается вернуть Пизу.

1498 Венецианцы и флорентийцы борются за владение Пизой. Милан помогает флорентийцам. Казнь Савонаролы. Смерть Карла VIII во Франции. Его преемник, Людовик XII, принимает титул герцога Милана и претендует на герцогство.

1499 Людовик заключает договор с венецианцами о завоевании Милана. Французская армия входит в Италию. Бегство Лодовико Моро в Германию. Людовик XII входит в Милан. Остальная часть Ломбардии подчиняется. Генуя переходит под защиту Франции. Флорентийцы устают от войны с Пизой и заключают мир.

1500 Миланцы устают от угнетения французами. Лодовико возвращается с армией. Комо, Милан, Парма и Павия открывают свои ворота. Новара взята после осады. Лодовико предан в Новаре французскому генералу Луи де ла Тремуйю и отправлен в плен во Францию. Милан снова подчиняется французам. Французская армия марширует на Неаполь.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК

- 1501 Чезаре Борджиа начинает завоевание мелких государств Романьи. Он захватывает Пезаро, Римини, Форли и Фаэнцу.
- 1502 Чезаре захватывает герцогство Урбино с помощью Луи. Он воюет с Орсини и планирует захватить Пизу, а также выдает свою сестру Лукрецию замуж за сына герцога Феррары. Флорентийцы создают должность пожизненного гонфалоньера.
- 1503 После смерти папы Александра VI владения Чезаре отнимает у него Юлий II. Венеция захватывает Фаэнцу и Римини, что приводит папу в ярость. Венецианцы заключают мир с турками, отказавшись от своих владений на Пелопоннесе. Смерть Пьеро де Медичи в составе французской армии в Неаполе. Пьетро Содерини избран гонфалонером Флоренции.
- 1504 год. Людовик подписывает с Максимилианом договор в Блуа, в котором они предлагают разделить между собой Венецианскую республику. Флоренция предпринимает еще одну попытку захватить Пизу.
- 1506 Юлий II нападает на Перуджу и Болонью.
- 1507 Не выдержав ига французов и собственной знати, генуэзцы изгоняют французов и восстанавливают республику. Людовик сразу же захватывает Геную и казнит дожа и других видных граждан.
- 1508 Максимилиан безуспешно вторгается в Италию. Венецианцы наносят ему поражение, и он вынужден заключить перемирие, уступив им Триест. Папа, император, Испания и Франция образуют против Венеции печально известную Камбрейскую лигу. К ней присоединяются Савойя, Мантуя и Феррара.
- 1509 Франция объявляет войну Венеции. Венецианцы, потерпевшие тяжелое поражение при Агнаделло, сдают свои владения в северной Италии. Венецианцы возвращают Падую. Флорентийцы захватывают Пизу.
- 1510 Юлий начинает опасаться своих иностранных союзников и решает изгнать варваров из Италии с помощью швейцарцев. Он освобождает венецианцев от обязательств и натравливает испанцев на французов. Французы подвергаются нападениям в Генуе, Модене и Вероне.
- 1511 Юлий захватывает Мирандолу; французы отбирают у него Болонью. Юлий образует Священную лигу с испанцами, англичанами, швейцарцами и венецианцами против Франции.
- 1512 Гастон де Фуа освобождает французов, осажденных испанцами в Болонье; отвоевывает Брешию и сражается в великой битве при Равенне с папой и его союзниками, в которой погибает. Максимилиан бросает французов. Швейцарцы занимают Милан и восстанавливают Массимилиано Сфорца, сына Лодовико. Папа возвращает Болонью и Феррару и отнимает Парму и Пьяченцу у миланцев. Медичи возвращаются во Флоренцию и восстанавливают свое прежнее положение. Генуя изгоняет французов. Италия переходит из-под ига Франции под иго швейцарцев, испанцев и немцев.
- 1513 Джованни де Медичи становится папой Львом X. Союз между венецианцами и французами. Последние входят в герцогство Милан, но терпят поражение от швейцарских наемников при Новаре. Испанцы атакуют Венецию от имени Максимилиана и занимают Верону, Падую и Виченцу, действуя с большой жестокостью.
- 1514 Французы изгнаны из своих последних крепостей в Италии.

- 1515 Франциск I, новый король Франции, заявляет свои права на Милан, отвоевывает Геную и наносит тяжелое поражение швейцарцам при Мариньяно. Он входит в Милан, и швейцарцы, заключив мир с Франциском, навсегда покидают Италию. Максимилиан Сфорца отрекается от престола. Венеция захватывает Бергамо и Пескьеру. Мир между Франциском и Львом. Последний отказывается от Пармы и Пьяченцы.
- 1516 Венецианцы захватывают Брешию и осаждают Верону. Договор в Нуайоне между Франциском и Карлом I Испанским. Максимилиан соглашается с ним. По его условиям Венеция возвращает все территории, отнятые у нее Лигой Камбре.
- 1517 Верона возвращается Венеции. Франция и Венеция возобновляют союз. Лев изгоняет герцога Урбино из его герцогства и передает его Лоренцо де Медичи.
- 1518 Подписание мирного договора между Максимилианом и Венецией.
- 1519 Смерть Лоренцо. Папа присоединяет Урбино к своим владениям и пытается захватить Феррару. Карл V наследует императорский титул.
- 1521 год. Лео заключает договор с Карлом о выдворении французов из Италии. Союзники входят в Милан; Сфорца восстанавливают свою власть. Смерть Лео прекращает попытки захватить Феррару.
- 1522 г. Потерпевшие поражение французы эвакуируются из Ломбардии, но сохраняют Геную, которая подвергается грабежу со стороны испанцев.
- 1524 Французы пытаются вернуть Ломбардию. Франциск осаждает Павию.
- 1525 Битва при Павии. Поражение и пленение Франциска. Открывается путь для испанского господства в Италии. Маркиз Пескара предает Сфорца в руки императора.
- 1526 Освобожденный Франциск договаривается с папой, венецианцами и Франческо Сфорца о освобождении Италии от испанцев. Сдача Сфорца и Милана испанцам. Констебль Де Бурбон ведет имперские войска на Рим.
- 1527 Испанцы захватывают и разграбляют Рим. Папа, находящийся в плену, бежит в Орвието. Флорентийцы восстанавливают республиканскую форму правления и изгоняют Алессандро де Медичи из города. Французская армия под командованием Лотрека входит в Ломбардию, завоевывает Павию, Геную и многие другие города. Герцог Феррары захватывает Модену, а венецианцы — Равенну.
- 1528 Андреа Дориа изгоняет французов из Генуи и восстанавливает республику.
- 1529 Карл и папа заключают Барселонский договор, восстанавливающий власть Медичи во Флоренции. Мирный договор в Камбре между Франциском и Карлом, по которому Франция отказывается от всех претензий на Италию в пользу Испании. Франческо Сфорца и герцог Феррары подчиняются Карлу. Венеция уступает Равенну и Червию папе. Республики Лукка, Генуя и Сиена становятся зависимыми от Карла. Маркиз Монферратский и герцог Савойский присоединяются к испанской партии, и первый из них становится герцогом.
- 1530 Карл коронован королем Италии и императором в Болонье. Падение Флоренции перед имперской армией после отважной обороны Франческо Ферруччи. Конец республики. Карл принимает решение по поводу претензий папы на Феррару в пользу Альфонсо д'Эсте.

- 1531 г. Возвращение Алессандро де Медичи во Флоренцию с титулом герцога Чивита-ди-Пенне, полученным от императора. Папа уступает Модену Альфонсо и делает его герцогом Феррары.
- 1535 После смерти Франческо Сфорца Карл захватывает герцогство Миланское и назначает своего сына Филиппа губернатором. В ответ на этот шаг Франция вновь пытается закрепиться в Италии и посылает армию в Савойю.
- 1536 Захват Турина французами. Разграбление и сожжение Ниццы. Монферрат передается герцогу Мантуи.
- 1537 Убийство Алессандро де Медичи. Герцогом становится Космо из младшей ветви рода.
- 1538 г. Союз Генуи и Венеции против турок. Андреа Дориа нарушает союз и терпит поражение от алжирского корсара Барбароссы.
- 1540 Мир между Венецией и турками; все владения Венеции в Море переданы туркам. Павел III создает Общество Иисуса.
- 1545 Папа Павел III превращает Парму и Пьяченцу в герцогство для своего сына Пьера Луиджи Фарнезе.
- 1546 Космо срывает заговор Франческо Бурламакки из Лукки, направленный на восстановление свободы тосканских республик. Бурламакки казнен в Милане.
- 1547 Джан Луиджи де Фиески с помощью французов организует заговор с целью сбросить иго испанцев и Андреа Дориа. Генуя захвачена, но Фиески утонул, и Дориа остались у власти. Герцог Пармы убит. Имперские войска захватывают Пьяченцу, папа захватывает Парму.
- 1552 Папа Юлий III возвращает Парму сыну Пьера Луиджи, Оттавио. Сиенцы изгоняют испанский гарнизон и принимают французский.
- 1553 Французы при помощи турок отбирают у генуэзцев часть Корсики, большую часть которой Андреа Дориа возвращает в следующем году.
- 1554 Космо де Медичи наносит внезапный удар по Сиене. Маркиз Мариньяно берется за захват города.
- 1555 Сдача Сиены после пятнадцатимесячной осады. Испанцы вступают во владение городом. Папа Павел IV побуждает Генриха II Французского разорвать мирный договор с Испанией. Герцог Альва вторгается в папские государства. Герцог Гиз и папа выступают против него.
- 1557 Герцог Альва заставляет французов отступить. Папа заключает мир с испанцами. Филипп дарует Космо полную власть над Сиеной.
- 1559 Франко-испанская война заканчивается Като-Камбрезийским миром. Он оставляет короля Испании бесспорным владыкой Италии. Савойя и Пьемонт (за исключением нескольких городов) возвращаются Эммануилу Филиберту. Единственными оставшимися республиками являются Венеция, Генуя, Лукка и Сан-Марино. Из них значимость имеет только Венеция.
- 1562 Французы возвращают Турин и четыре других города Эммануилу Филиберту. Он переносит столицу в Турин, и его дом становится полностью итальянским.
- 1569 Папа Пий V назначает Космо де Медичи великим герцогом Тосканы. Император протестует.
- 1570 Турки отбирают Кипр у венецианцев.

- 1571 Объединенные флоты Венеции, Испании, папы и рыцарей Мальты наносят поражение туркам в Лепантском заливе. Эта победа избавляет Италию от неверных, но союзники не развивают успех.
- 1573 Венеция вынуждена заключить мир с турками. Она отказывается от Кипра и платит большую дань.
- 1575 Император признает титул великого герцога Тосканы.
- 1576 г. Чума наносит огромный ущерб Италии.
- 1578 Неудача заговора во Флоренции против великого герцога Тосканы.
- 1580 Карл Эммануил наследует отцу титул герцога Савойского.
- 1582 Карл Эммануил терпит неудачу в попытке захватить Геную.
- 1586 Смерть Оттавио Фарнезе, герцога Пармы. Его преемником становится его сын Алессандро.
- 1588 Герцог Савойский, воспользовавшись рассеянностью Франциска, завоевывает Салуццо.
- 1589 Герцог Савойский вторгается в Прованс.
- 1590 Французы изгоняют Карла Эммануила из Прованса.
- 1597 Смерть Альфонсо д'Эсте, герцога Феррары. Папа Климент VIII заявляет свои права на владения (Феррара, Модена и Реджо) своего родственника и наследника Чезаре д'Эсте. Франция поддерживает папу, а Испания — герцога.
- 1598 Чезаре уступает Феррару папе и уходит в Модену и Реджо, где правит как герцог.
- 1600 Генрих IV Французский выступает против герцога Савойского.

СЕДЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

- 1601 Мир в Лионе между Генрихом IV и Карлом Эммануилом. Последнему разрешается сохранить Салуццо, но он отказывается от Бресса, Буже и Пэ-де-Же, своих владений в Бургундии.
- 1606 Папа Павел V пытается заставить Венецию признать его церковную верховную власть. До сих пор венецианцы не признавали никакой главы выше своего собственного патриарха. Они готовятся к войне с папой. Генрих IV выступает посредником. Венецианцы в завуалированной форме признают верховную власть папы, но отказываются вновь принять иезуитов, и папа снимает интердикт.
- 1613 г. После смерти Франческо, герцога Мантуи и Монферрата, его брат Фердинанд становится преемником. Карл Эммануил вторгается в Монферрат от имени своей дочери, вдовы покойного герцога. Филипп III Испанский приказывает ему эвакуировать герцогство, и герцог Савойский вступает в войну с Испанией.
- 1615 Испанский губернатор Милана нападает на Карла Эммануила. Венеция и имперская партия вступают в военные действия из-за пиратства ускоков, подданных империи.
- 1617 Венеция заключает союз с Голландией.
- 1618 Заговор Дона Педро де Толедо, губернатора Милана, герцога Осуна и маркиза Бедмара с целью уничтожения Венеции. Он был предан Совету Десяти и сорван.

- 1620 Католики в Граубюндене восстают против протестантского правительства. Филипп III посылает губернатора Милана на помощь католикам. Он занимает Вальтеллину.
- 1624 Франция, Савойя и Венеция объединяются против Испании в войне в Граубюндене.
- 1625 Герцог Савойский и французская армия предпринимают попытку захватить Геную. Немцы и испанцы вторгаются в Савойю, и герцог вынужден отказаться от осады.
- 1626 После смерти последнего представителя рода Делла Ровере герцогство Урбино присоединяется к Папской области.
- 1627 После смерти герцога Мантуанского Карл Эммануил вновь захватывает Монферрат.
- 1628 Франция и Венеция выступают против герцога Савойского. Испания и Австрия оказывают ему помощь. Испанцы захватывают Казале. Заговор Вачеро и других в Генуе с целью поставить город под защиту Карла Эммануила. Заговор раскрыт, его лидер казнен.
- 1629 Договор в Сузе между Францией и Савойей. Испания и император отказываются его ратифицировать.
- 1630 Смерть Карла Эммануила, его преемником становится сын Виктор Амадей I. Императорская армия захватывает Мантую.
- 1631 Вопрос о Монферрате урегулирован договором в Чераско. Мантуя и Монферрат переданы Карлу, герцогу Неверскому. Савойя получает небольшую часть Монферрата, а Пинероло уступается Франции.
- 1637 г. После смерти Виктора Амадея начинается борьба за регентство над его молодым сыном Карлом Эммануилом II.
- 1639 Захват Турина принцем Томасом Савойским в борьбе за регентство.
- 1642 Мать герцога Кристина получает регентство Савойи под покровительством Франции. Это приводит к вовлечению Италии в войны Людовика XIII с Германией и Испанией. В Италии вспыхивает гражданская война. Герцогские семьи принимают сторону Испании.
- 1645 Начинается война между Венецией и турками. Последние захватывают часть Кандии.
- 1651 Венецианцы одерживают большую морскую победу над турками у Сцио.
- 1655 Испанцы безрезультатно осаждают Реджо. Принц Томас Савойский и герцог Моденский с французской армией терпят неудачу в попытке захватить Павию. Морская победа венецианцев над турками в Дарданеллах.
- 1656 Продолжение морских побед венецианцев; они нанимают наемников у папы и допускают иезуитов в свой город.
- 1659 Войны Людовика XIV и Испании заканчиваются Пиренейским договором. Франция сохраняет владение Пинероло.
- 1669 После длительной осады турки отбирают у венецианцев Кандию. Крит потерян.
- 1670 После долгого правления умирает Фердинанд II, великий герцог Тосканы, и его преемником становится его сын Космо III.
- 1675 Смерть Карла Эммануила II Савойского. Его преемником становится Виктор Амадей II.

- 1684 Французский флот бомбардирует Геную, жители которой отказались разрешить Людовику XIV создать склад в Савоне. Венеция, воодушевленная победами Собеского над турками, вступает в союз с императором и поляками против них.
- 1685 Дож Генуи и четыре сенатора отправляются в Париж, чтобы извиниться и договориться с Людовиком XIV. Венецианцы под командованием Франческо Морозини отбирают у турок многие города в Морее.
- 1686 Герцог Савойский запрещает существование в Савойе всех религий, кроме католической.
- 1687 Венецианцы завершают завоевание Морей. Они захватывают Лепанто, Коринф и Афины.
- 1690 В Савойе, которая присоединяется к лиге против Франции, восстанавливается терпимость к протестантам. Французы захватывают у Савойи Салуццо и другие территории.
- 1691 г. Продвижение французов в Савойе останавливается немецкой армией. Венецианцы продолжают добиваться успехов в Греции.
- 1694 Осада Казале герцогом Савойским.
- 1695 Война с турками начинает складываться не в пользу венецианцев.
- 1696 Герцог Савойский заключает мир с Францией, которая уступает ему Пинероло.
- 1699 Карловицкий договор между Венецией и турками. Первая подтверждает свои завоевания в Греции.

XVIII век

- 1701 В Италии начинается война за испанское наследство. Тоскана и Мантуя встают на сторону французов. Принц Евгений Савойский наносит поражение французской армии.
- 1702 Принц Евгений захватывает Кремону и осаждает Мантую. Герцог Вандомский изгоняет его. Победа французов и испанцев при Санта-Виттория.
- 1704 Герцог Савойский переходит на сторону Австрии. Французы устанавливают свое господство в Савойе и Модене.
- 1706 Битва при Турине и крупное поражение французов, которые теряют все свои завоевания в Италии. Герцог Савойский возвращает свои владения и получает Монферрат. Карл III провозглашается королем Испании.
- 1708 Император Иосиф I претендует на герцогство Мантуя после смерти последнего герцога. Папа пытается сопротивляться, но терпит поражение и подчиняется требованиям Иосифа.
- 1713 Утрехтский мир. За свои заслуги в войне за испанское наследство **Виктор Амадей II** получает Сицилию с титулом короля и коронуется в Палермо. Император Карл получает Милан, Мантую, Сардинию и Неаполь. Италия переходит от власти Испании к власти Австрии.
- 1714 Папа предъявляет права на Сицилию и издает буллу против Виктора Амадея, который игнорирует ее. Филипп V женится на Елизавете Фарнезе, что делает его наследником Пармы и Пьяченцы и претендентом на Тоскану.
- 1715 Турки вступают в войну с венецианцами и вновь завоевывают Морею.

- 1716 Император оказывает помощь венецианцам. Принц Евгений захватывает Темешвар. Объединенный флот захватывает Санта-Мауру.
- 1717 В споре с Австрией о престолонаследии в великом герцогстве Тоскана Филипп V Испанский неожиданно завоевывает Сардинию. Союзные армии добиваются успехов в борьбе с турками.
- 1718 Против Филиппа создается Четверной союз — Великобритания, Франция, Австрия и Нидерланды — с целью отнять у него Ломбардию. Война с турками заканчивается Пассаровицким миром. Венеция после пятисот лет борьбы с неверными сдается. Теперь она находится в полном упадке и не принимает участия в войнах XVIII века. Испанцы вторгаются в Сицилию.
- 1719 Испанцы потерпели поражение и были изгнаны из Мессины. Они покидают остров.
- 1720 Филипп соглашается на условия Четверного союза. За свою верность Филиппу Виктор Амадей вынужден обменять Сицилию на Сардинию, и его королевство отныне называется Королевством Сардиния. Сицилия вновь присоединяется к Неаполю.
- 1723 Джан Гастоне наследует великое герцогство Тоскана.
- 1730 Виктор Амадей отрекается от престола в пользу своего сына **Карла Эммануила III**. Корсиканцы восстают против генуэзцев, чтобы избавиться от тирании.
- 1731 Смерть последнего герцога Пармы. Преемником становится Дон Карлос Испанский. Виктор Амадей пытается вернуть свою корону, но терпит поражение от Карла Эммануила и заключается в замок Римини, где умирает в 1732 году. Карл Эммануил уничтожает всю светскую власть папы в своем королевстве.
- 1733 Начинается война за польское наследство. Франция заключает союз с Испанией и Сардинией. Они планируют изгнать австрийцев из Италии, посадить Дона Карлоса на трон Обеих Сицилий и герцогств, а Милан отдать Карлу Эммануилу. Последний захватывает Милан.
- 1734 Победа Карла Эммануила при Гуасталле.
- 1735 Дон Карлос отправляется на Сицилию и коронуется королем.
- 1737 Смерть Джан Гастоне, великого герцога Тосканы, последнего из Медичи.
- 1738 Венский договор урегулирует споры по поводу войны за польское наследство. Герцог Франциск Лотаринский получает Тоскану. Парма и Пьяченца передаются Австрии, которая сохраняет Милан и Мантую. Дон Карлос признается королем Обеих Сицилий. Карл Эммануил приобретает Новару, а Тортону отделяется от Милана.
- 1740 Начинается война за австрийское наследство. Бурбонские династии Испании, Франции и Сицилии противостоят партии Габсбургов-Лотарингов в вопросе о престолонаследии Марии Терезии.
- 1741 Карл Эммануил присоединяется к делу Габсбургов.
- 1742 Король Сардинии нападает на Реджо и Модену. Испанская армия вторгается в Савойю, но отбита.
- 1743 Сардинцы потерпели поражение от французов и испанцев, которые захватили Парму и Милан. Франциск Лотаринский, избранный императором, посылает против них австрийскую армию.

- 1745 г. Король Сардинии и австрийцы наносят поражение французам и испанцам при Пьяченце. Генуэзцы вынуждены впустить австрийцев в город, но впоследствии изгоняют их.
- 1748 Договор в Аахене заканчивает войну и вновь делит Италию. Парма, Пьяченца и Гуасталла превращаются в герцогство для дона Филиппа, брата Карла III Обеих Сицилий. Австрийцы сохраняют Милан и Тоскану. Венеция, Лукка и Сан-Марино остаются свободными, как и Генуя, но вместе с герцогством Модена она попадает под покровительство Франции. До Французской революции Италия перестает быть предметом спора между европейскими странами.
- 1755 Паскуале Паоли берет на себя командование корсиканцами в их продолжающейся борьбе за освобождение от Генуи. Он планирует создать на острове республику.
- 1765 Смерть императора Франца. Тоскана, которая с момента его вступления на престол была практически австрийской провинцией, передается его сыну Леопольду и вновь становится отдельным государством.
- 1768 г. Генуя, уставшая от борьбы с Корсикой, уступает ее Франции.
- 1773 Смерть Карла Эммануила III Сардинского, преемником которого становится его сын **Виктор Амадей III**.
- 1790 Леопольд, унаследовавший империю, назначает своего сына Фердинанда III великим герцогом Тосканы.
- 1792 Французская армия захватывает Савойю и Ниццу и включает их в состав республики.
- 1793 Виктор Амадей присоединяется к альянсу против Франции.
- 1796 Французская армия под командованием Наполеона Бонапарта пересекает Альпы. Виктор Амадей отказывается от своих притязаний на Савойю и Ниццу и сдается после многочисленных побед Бонапарта, уступая Алессандрию и Тортону. Французы вторгаются на австрийские владения и входят в Милан. Бонапарт входит в Болонью и основывает Циспаданскую республику со столицей в Болонье. Смерть Виктора Амадея, преемником которого становится его сын **Карл Эммануил IV**. Поражение австрийцев при Арколе.
- 1797 Поражение австрийцев при Риволи завершает завоевание Ломбардии. Мантуя сдается Бонапарту. Он объявляет войну Венеции и входит в город. Восстание против республиканской партии в Генуе; Бонапарт вмешивается и устанавливает Лигурийскую республику. Он объединяет Ломбардию, Парму, Модену, папское государство Болонью, Феррару, Романью и часть Венеции в Цизальпинскую республику со столицей в Милане. Кампо-Формийский договор признает новые республики и передает остальную часть Венеции Австрии.
- 1798 Французская армия входит в Рим и образует Тибрскую республику. Папа Пий VI отправляется в плен во Францию. Французы захватывают Пьемонт, а Карл Эммануил уходит в отставку на Сардинию.
- 1799 Французский гарнизон сдает Рим англичанам. Французский директорат объявляет войну Австрии и Тоскане. Союзники под командованием Кая и Суворова наносят французам многочисленные поражения в северной Италии. Взят Милан. Австрийцы захватывают Анкону и Кони.
- 1800 Бонапарт возвращает свои утраченные владения в Италии. Битва при Маренго. Генуя и Тоскана сдаются Бонапарту.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

- 1801 Бонапарт свергает Фердинанда III, превращает Тоскану в королевство Этрурия и передает его **Луи**, сыну герцога Пармского.
- 1802 год. Цизальпийская республика становится Итальянской республикой, а Бонапарт — ее президентом. Пьемонт присоединяется к Франции. Карл Эммануил отрекается от престола в пользу своего брата **Виктора Эммануила I**.
- 1803 Смерть Людовика Этрурийского. Его жена Мария Луиза правит в качестве регента от имени своего малолетнего сына **Карла Людовика**.
- 1805 Император **Наполеон** превращает Итальянскую республику в королевство и коронуется королем; вице-королем становится Эжен Богарне. Лигурийская республика присоединяется к Франции. Лукка становится княжеством и вместе с королевством Этрурия передается Элизе Бонапарт.
- 1806 По условиям Пресбургского мира венские владения Австрии присоединяются к королевству Италия. Полина Бонапарт уступает королевству Гуасталлу.
- 1807 Элиза Бонапарт уступает Этрурию королевству Италия.
- 1809 Наполеон захватывает папские государства и оккупирует Рим. Он отлучен от церкви папой.
- 1810 Папские государства присоединяются к Французской империи.
- 1814 Англичане захватывают Геную. Папа возвращается в Рим с разрешения Наполеона. Падение Наполеона. Генуя, подстрекаемая Англией, предпринимает тщетную попытку восстановить Лигурийскую республику.
- 1815 По Парижскому договору и Венскому конгрессу Виктор Эммануил I получает обратно королевство Сардиния с присоединением Генуи. Венеция и Милан образуют Ломбардо-Венецианскую провинцию Австрии. Лукка передается Пармским Бурбонам, которые должны вернуть Парму и Пьяченцу после смерти Марии Луизы, жены Наполеона, которой они были выделены в качестве герцогства. Фердинанд III восстанавливается в Тоскане и должен получить Лукку, когда дом Пармы вступит во владение своей территорией. Франциск IV становится герцогом Модены и должен получить Луниджану от великого герцога Тосканы, когда тот вступит во владение Луккой. Папские государства возвращаются папе Пию VII. Сан-Марино остается нетронутым, единственной итальянской республикой. Мурат изгоняет папу из Рима, но терпит поражение и бежит на Корсику. Все итальянские правители находятся в тесном союзе с Австрией, благодаря влиянию которой они удерживают свои троны.
- 1821 Жители Турина и Алессандрии требуют конституционного правительства и войны с Австрией. Вместо того, чтобы пойти на уступки, Виктор Эммануил отрекается от престола в пользу своего брата **Карла Феликса**. Движение подавляется Австрией.
- 1824 Леопольд II становится великим герцогом Тосканы.
- 1825 По приказу Карла Феликса бедным в его королевстве запрещено обучаться чтению и письму.
- 1830 Герцог Франциск Моденский вступает в сговор с либеральной партией, пытаясь получить право на престолонаследие в Сардинии.

- 1831 Восстание Чиро Менотти в Модене. Франциск покидает либералов. Герцог Моденский и герцогиня Пармская вынуждены бежать. Республиканское восстание в Романье против папы. Он обращается за помощью к Австрии, которая ему оказывается. Герцог Моденский и герцогиня Пармская восстанавливаются в своих правах; восстание в Романье подавлено. Казнь Менотти и его соратников. Разочарование либералов из-за того, что они не получили помощи от Франции. Маццини основывает партию «Молодая Италия». Смерть Карла Феликса и конец старшей ветви династии. Престол наследует **Карл Альберт** из линии Савойя-Кариньяно. Маццини призывает его бросить вызов Австрии.
- 1832 Французы, ревнуя к австрийским гарнизонам в папских государствах, захватывают Анкону.
- 1833 Мадзини совершает набег на Савойю. Он терпит неудачу и бежит в Англию.
- 1837 Карл Альберт издает новый кодекс для своего королевства.
- 1838 Французы и австрийцы выводят свои гарнизоны из папских государств.
- 1844 Восстание Бандьера в Козенце.
- 1846 Кардинал Мастай Ферретти избран папой (Пий IX). Он провозглашает себя либералом и начинает новую политику реформ. Австрийцы выражают протест.
- 1847 Пий формирует национальную гвардию в своих государствах. Австрийцы захватывают Феррару. Карл Альберт отворачивается от австрийской партии и объявляет о реформах и освобождении Италии. Смерть герцогини Пармской. Бурбоны возвращаются из Лукки, которая присоединяется к Тоскане.
- 1848 Меттерних отказывается удовлетворить какие-либо из требуемых реформ в Ломбардо-Венеции. Следуя примеру Фердинанда II Обеих Сицилий, король Сардинии, великий герцог Тосканы и папа предоставляют своим народам либеральные конституции. Революционные беспорядки в Вене и Венгрии подталкивают Ломбардо-Венецию к восстанию. Миланцы изгоняют маршала Радецкого и австрийские войска из города. Другие города присоединяются к миланцам. Герцог Модены бежит. Венеция восстает против австрийцев. Они покидают город, и под руководством Даниэле Манина устанавливается провинциальная форма правления. Карл Альберт объявляет войну Австрии. Пескьера сдается ему, и он наносит поражение Радецкому при Гоито. Ломбардо-Венеция голосует за присоединение к Сардинии. Карл Альберт терпит тяжелое поражение от Радецкого при Кустоце и заключает перемирие. Австрийцы вновь входят в Милан. Все провинции, кроме Венеции (), возвращаются под власть Австрии. Восстание в Риме. Убийство министра папы, графа Росси. Пий бежит в Гаэту.
- 1849 Восстание в Тоскане; великий герцог бежит в Гаэту, а во Флоренции создается провинциальное правительство. В Риме провозглашается республика во главе с Маццини. Дзоберти уходит в отставку, а Раттацци принимает на себя руководство демократической партией в Пьемонте. Возобновляется война с Австрией, и Карл Альберт терпит полное поражение от Радецкого при Новаре. Он отрекается от престола в пользу своего сына **Виктора Эммануила II**. Генуя пытается восстановить республику, но восстание подавляется. Французы, завидуя могуществу Австрии, посылают армию для восстановления папы. Рим защищает Гарибальди, но вынужден капитулировать. Французы занимают город и объявляют о поддержке папского правительства. Флорентийцы возвращают Леопольда, а герцог Моденский возвращается. Венеция сдается австрийцам. Подписывается мирный договор между Сардинией и Австрией. Борьба Италии за свободу подавлена.

- 1850 Папа возвращается в Рим. Его политика теперь полностью направлена против реформ. В Пьемонте принят закон Сиккарди, отменяющий церковные суды и привилегии. Под руководством Виктора Эммануила реформы продвигаются быстрыми темпами.
- 1853 Граф д'Азельо уходит с поста главы правительства Пьемонта; его сменяет граф Кавур, который вступает в союз с Раттацци и демократической партией. Он начинает свою работу по объединению Италии.
- 1855 Сардиния заключает союз с Англией и Францией против России. Сардинская армия отправляется в Крым.
- 1856 На Парижском конгрессе Кавур излагает европейским державам претензии Италии и получает заверения в помощи от Наполеона III.
- 1858 Кавур встречается с Наполеоном в Пломбьере и договаривается о франко-итальянской войне против Австрии.
- 1859 Австрия требует разоружения Сардинии. Франция и Сардиния объявляют войну. Наполеон заявляет, что освободит Италию. Романья освобождается от власти папы. Восстание в Тоскане вынуждает великого герцога бежать. Битва при Мадженте вынуждает австрийцев покинуть Ломбардию. Великая победа союзников при Сольферино. Мир в Виллафранке. Австрия уступает западную Ломбардию Сардинии. Изгнанные герцоги должны быть восстановлены в своих правах. Страх перед Пруссией удерживает Наполеона от осуществления его высоких целей, и он просто соглашается на создание итальянской конфедерации, членом которой будет Австрия как правитель Венеции. Тоскана, Модена, Парма и Романья возражают против конфедерации и просят о присоединении к Сардинии, что заставляет Виктора Эммануила не соглашаться с планом Наполеона.
- 1860 Тоскана, Модена, Парма и Романья голосуют за присоединение к Сардинии. Наполеон соглашается на это в обмен на уступку Франции Савойи и Ниццы. Гарибальди освобождает южную Италию. Население Обеих Сицилий голосует за присоединение к Сардинии. Присоединяются также Умбрия и Марке. Остаются освободить только Рим и Венецию.
- 1861 Первый итальянский парламент в Турине. Виктор Эммануил провозглашен королем Италии. Смерть Кавура.
- 1862 Гарибальди вторгается в Сицилию с армией добровольцев. Из-за возражений со стороны Франции итальянское министерство вынуждено выступить против него. Он терпит поражение и получает ранение в Аспромонте.
- 1864 Сентябрьская конвенция. Наполеон соглашается на постепенный вывод французских войск из Рима. Виктор Эммануил обещает не нападать на территории папы. Флоренция становится столицей Италии.
- 1866 Начинается 普鲁士-奥地利战争. Италия и Пруссия заключают союз. Итальянская армия несколько раз терпит поражение, но после победы пруссаков при Кёниггреце (Садовой) Австрия уступает Венецию Франции. Венский договор. Венеция с четырехугольником крепостей (Верона, Легнаго, Пескьера и Мантуя) передается Италии. Австрия сохраняет провинции Истрия и Далмация. Завершается вывод французских войск из Рима.
- 1867 Мадзини призывает итальянский народ захватить Рим. Гарибальди предпринимает попытку. Он наносит поражение папским войскам при Монте-Ротондо. Виктор Эммануил просит соблюдать его соглашение по сентябрьской конвенции. Французы

вновь занимают Рим. Гарибальди сдается французским и папским войскам при Ментане и арестован итальянским правительством.

1870 Французы покидают Рим в связи с началом франко-прусской войны. Мадзини призывает республиканцев захватить Рим. Он арестован и заключен в тюрьму в Газете. Падение Наполеона III освобождает Виктора Эммануила от соглашения сентябрьской конвенции, и он входит в Рим. Папа тщетно обращается к королю Пруссии и уходит в Ватикан. Папские территории аннексированы, и единство Италии завершено.

1871 Столица Италии перенесена в Рим.

1874 Иезуитам приказано покинуть Италию. Гарибальди входит в палату депутатов и приносит присягу на верность.

1878 Смерть Виктора Эммануила, преемником становится его сын **Умберто**.

1882 Смерть Гарибальди.

1885 Италия принимает управление Массовой.

1887 г. — Создание «Тройного союза» между Италией, Германией и Австрией. Начало войны в Массове.

1888 Италия аннексирует Массаву. Начинается война с абиссинцами.

1891 Договор с Великобританией о границах территорий в Восточной Африке. Продление Тройственного союза. Торговый договор с Австрией и Германией. Спор с США по поводу массового убийства одиннадцати итальянских заключенных в Новом Орлеане.

1892 год. Выплата компенсации Соединенными Штатами. Возобновление дипломатических отношений.

1893 Беспорядки в Эг-Морте. Банковские скандалы.

1895 Договор с Францией о Тунисе. Катастрофическое поражение итальянцев при Адоуа в Абиссинии. Мирный договор с Абиссинией, признающий независимость Эфиопии.

1898 г. Беспорядки из-за роста цен на хлеб во многих местах. Итальянский флот пытается добиться выплаты компенсации синьору Черрути за грабеж и заключение в тюрьму Колумбией. Вопрос урегулирован мирным путем.

1900 Убийство Гумберта. Его преемником становится сын **Виктор Эммануил III**.

1903 Италия вступает в союз с Англией и Германией, чтобы добиться выплаты долга Венесуэлой. Вопрос решается в арбитражном порядке. Смерть папы Льва XIII; кардинал Сарто становится его преемником под именем Пия X.

КОРОЛЕВСТВО ДВУХ СИЦИЛИЙ

Гогенштауфены (1198-1266 гг. н. э.)

1198 **Фридрих II**, сын императора Генриха VI, завоевавшего Сицилию у норманнов, коронован королем Сицилии (Фридрих I Сицилийский), а его мать Констанца становится регентом. Смерть Констанцы. Папа Иннокентий III принимает опеку над четырехлетним Фридрихом.

1200 Иннокентий посылает армию на Сицилию, которая наносит поражение Марквальду, претендовавшему на опеку над Фридрихом.

- 1201 Марквальд, регент Сицилии. Он умирает, и его преемником становится Каппароне. Сицилия продолжает быть добычей мятежных дворян и авантюристов.
- 1208 Фридрих берет на себя бразды правления.
- 1210 Император Оттон IV угрожает вторжением в Сицилию, которую он считает частью империи.
- 1211 Иннокентий отлучает Оттона от церкви и предлагает корону Германии Фридриху.
- 1212 Фридрих покидает Сицилию, чтобы побороться с Оттоном за немецкую корону. Он коронуется королем Германии в Майнце. В Сицилии возобновляются гражданские беспорядки.
- 1215 год. Иннокентий коронует Фридриха королем Германии в Аахене.
- 1220 Фридрих коронован императором в Риме. Он возвращается в Сицилию и переселяет большую колонию сарацин из гор в Ночеру.
- 1231 Фридрих составляет сборник норманнских законов и постановлений.
- 1233 Фридрих вновь посещает Сицилию, чтобы подавить республиканские притязания восточных городов.
- 1243 г. Восстание сарацин в горных районах.
- 1250 После смерти Фридриха корона переходит к его сыну, **Конраду**, королю римлян. В отсутствие Конрада регентом становится его родной брат Манфред.
- 1251 г. Иннокентий IV, стремясь поддержать дело Вильгельма Голландского, отлучает Конрада от церкви и подстрекает к восстаниям в Сицилии и южной Италии. Манфред подавляет их.
- 1252 г. Иннокентий отвергает предложения о мире от Конрада, который затем нападает на папу. Капуя захвачена, Неаполь осажден.
- 1253 год. Капитуляция Неаполя перед Конрадом. Иннокентий предлагает Ричарду, графу Корнуолльскому, корону Сицилии, но тот отказывается.
- 1254 Смерть Конрада; его преемником становится его двухлетний сын **Конрадин**. Манфред сохраняет регентство. Он противостоит папским войскам, которые продвинулись в Апулию, и наносит им поражение при Фодже. Манфред захватывает Ночеру.
- 1255 Жители Мессины изгоняют папского губернатора. Легат, потеряв большой конвой, соглашается на мир с Манфредом. Папа Александр IV, предложивший корону Сицилии принцу Эдмунду Английскому, отказывается ратифицировать мир. Английский парламент не голосует за выделение средств, которые позволили бы Эдмунду занять сицилийский трон.
- 1256 Манфред изгоняет папские власти из Сицилии и провозглашает себя верховным правителем острова.
- 1258 г. По ложному слуху о смерти Конрадина **Манфред** коронуется в Палермо. Он принимает на себя руководство гибеллинами в Италии.
- 1259 Александр IV отлучает Манфреда от церкви.
- 1260 Манфред посылает помощь изгнанным гибеллинам из Флоренции, что позволяет им одержать победу в битве при Монтаперти.

1263 Папа Урбан IV предлагает Сицилию и Апулию Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX Французского.

1264 Папа объявляет крестовый поход против Манфреда.

1265 Карл Анжуйский коронован папой в Риме королем Сицилии. С армией крестоносцев он выдвигается против Манфреда.

Дом Анжу (1266-1282 гг. н. э.)

1266 Поражение и смерть Манфреда в битве при Беневенто. **Карл I** признан королем. Он торжественно входит в Неаполь. Резиденция правительства переносится из Палермо в Неаполь. Карл сразу же становится непопулярным из-за своего угнетения.

1267 Папа назначает Карла правителем Тосканы, а жители Флоренции предлагают ему *синьорию* на десять лет. Гибеллины убеждают Конрадина вступить в Италию и выступить против Карла.

1268 Поражение и пленение Конрадина в битве при Тальякоццо. Конрадин казнен в Неаполе. Эта катастрофа разрушает надежды гибеллинов в Италии. Людовик IX и папа Климент IV протестуют против жестокости Карла.

1269 Карл захватывает Ночеру и рассеивает сарацинское население.

1270 Карл присоединяется к Людовику IX в Тунисе в последнем крестовом походе. После смерти Людовика Карл заключает договор с правителем Туниса и требует дань. Французский и генуэзский флоты, возвращаясь, терпят крушение у побережья Сицилии. Карл захватывает корабли и грабит их в своих интересах.

1274 г. Генуэзцы, объединившиеся с жителями других итальянских городов, чтобы противостоять жестокостям Карла, наносят поражение его флоту.

1275 Педро Арагонский, муж дочери Манфреда Констанцы, начинает попытку завоевать сицилийский трон.

1277 Карл принимает на себя управление княжеством Ахайя. Он планирует напасть на Восточную империю, но папа запрещает ему это делать.

1281 Возмущение в Сицилии против Карла, разжигаемое Педро Арагонским и его посланником Джованни ди Прочида, достигает высокой степени. К этому также присоединяется византийский император Михаил.

1282 Сицилийская вечерня. Резня французов в Сицилии. Карл осаждает Мессину. Прибывает Педро и заставляет его отступить в Калабрию. Педро провозглашается королем Сицилии. Папа отлучает его от церкви. Королевство разделяется.

ПЕРВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА

Неаполь (дом Анжу и претенденты на престол второго дома Анжу) (1282-1435 гг. н. э.)

Термин «королевство Неаполь» используется здесь исключительно для удобства. Он никогда не применялся официально, за исключением Филиппа, сына Карла V, а позднее — Жозефа Бонапарта и Мурата. Континентальная часть Обеих Сицилий всегда была известна как «Сицилия по эту сторону Фароса», имея в виду маяк в Мессине; островная

часть называлась «Сицилия за Фаросом». Таким образом, часто существовало два сицилийских королевства и два короля Сицилии.

1283 г. Захват Реджо Педро.

1284 Захват сына Карла, принца Салерно, арагонским адмиралом Роджером де Лауриа в морском сражении у Неаполя. Он отправлен в Арагон в качестве пленника.

1285 Смерть Карла I. Его сын, **Карл II**, все еще находящийся в плену, признан королем в Неаполе.

1287 Роджер д'Артуа, регент Неаполя, пытается вернуть Сицилию, но Роджер де Лаурия уничтожает его флот.

1288 Карл освобождается по условиям договора между Арагоном и Францией. Он вступает на престол Неаполя, но отрекается от престола Сицилии.

1289 Папа освобождает Карла от отречения от сицилийской короны. Между Неаполем и Сицилией заключается двухлетнее перемирие.

1292 Роджер де Лаурия наносит поражение неаполитанцам в Калабрии.

1296 Сицилийцы вторгаются в Калабрию и захватывают Сквилаче и другие места.

1297 Папа наделяет герцога Калабрии Роберта Сардинией и Корсикой.

1300 Роберт осаждает Мессину. Болезнь вынуждает его отказаться от осады.

1309 Смерть Карла, преемником которого становится его сын **Роберт Мудрый**. Он принимает на себя управление Феррарой в качестве наместника папы.

1312 Роберт, пытаясь предотвратить коронацию Генриха VII, захватывает главные крепости Рима.

1314 Папа назначает Роберта сенатором Рима и наместником Неаполя. Роберт терпит неудачу в попытке захватить Сицилию. Он заключает трехлетнее перемирие.

1317 Гарнизон Роберта изгнан из Феррары.

1318 Роберт снимает осаду Генуи гибеллинами и назначается губернатором на десять лет.

1322 Дураццо возвращается в состав Неаполитанского королевства.

1325 Роберт терпит неудачу в попытке захватить Палермо.

1338 Еще одна попытка Роберта захватить Сицилию заканчивается неудачей.

1343 Смерть Роберта, его преемницей становится внучка **Джоанна I**. Ее муж, Андрей Венгерский, не коронован вместе с ней. Он позволяет своим венгерским сторонникам узурпировать всю политическую власть.

1345 Убийство Андрея Венгерского, возможно, по приказу Джоанны. Его двоюродный брат, герцог Дураццо, подстрекает неаполитанцев против королевы.

1347 Король Людовик Венгерский вторгается в Неаполь, чтобы отомстить за смерть своего брата. Джоанна бежит в Авиньон со своим любовником Луи Тарентским и выходит за него замуж. Она отказывается от своих притязаний на Сицилию и заключает договор с сицилийским королем Людовиком.

1348 г. Людовик Венгерский удерживает Неаполь. Он казнит герцога Дураццо. Чума вынуждает Людовика вернуться в Венгрию, и он берет с собой сына Андрея. Иоанна продает Авиньон папе, который дарует **Людовику Тарентскому** титул короля. Иоанна

и Людовик возвращаются в Неаполь. Людовик нанимает на службу Свободную компанию, возглавляемую Вернером.

1349 Вернер покидает Людовика и переходит на сторону венгров.

1350 год. Людовик Венгерский вновь вторгается в Неаполь.

1351 Мир между Джоанной и Людовиком Венгерским, который покидает Неаполь.

1353 Никколо Аччаджуоли успешно вторгается в Сицилию и захватывает Палермо и другие города для королевства Неаполь.

1357 Восстание герцога Дураццо. Аччаджуоли возвращается в Неаполь.

1358 Восстание герцога Дураццо заканчивается его примирением с короной.

1362 Смерть Людовика Неаполитанского. Джоанна выходит замуж за Хайме Майоркского, но он не принимает титул короля.

1365 Смерть Никколо Аччаджуоли. Король Сицилии возвращает Палермо и Мессину.

1372 Мир между Неаполем и Сицилией.

1375 Смерть Хайме Майоркского.

1376 Иоанна выходит замуж за Отто, герцога Брауншвейгского, который не принимает королевский титул.

1378 Иоанна поддерживает Климента VII против Урбана VI.

1379 Урбан провозглашает крестовый поход против Климента и Джоанны. Он побуждает Карла Дураццо, наследника Джоанны, попытаться завоевать Неаполь. Чтобы помешать ему, Джоанна усыновляет Людовика Анжуйского и делает его своим наследником.

1380 Иоанна отлучена от церкви.

1381 **Карл (III) Дурацкий** завоевывает Неаполь, занимает трон и заключает в тюрьму Джоанну и ее мужа. Климент передает провансальские владения Джоанны герцогу Людовику Анжуйскому.

1382 г. Луи Анжуйский как наследник Джоанны нападает на Карла, который казнит Джоанну и берет на службу сэра Джона Хоуквуда.

1384 Смерть претендента на престол *Людовика I* и расформирование его армии. Он оставляет свои права на престол своему сыну *Людовику II*. Отлучение от церкви Карла, который осаждает папу в Ночере.

1386 Карл, приглашенный занять венгерский трон, оставляет Неаполь своему молодому сыну **Ладиславу** под регентством его матери Маргариты. Карл убит в Венгрии. Папа передает корону Неаполя Людовику Анжуйскому.

1387 В Неаполе происходят столкновения между сторонниками Ладислава и Людовика. Эта борьба продолжается много лет, разрушает королевство и уничтожает его влияние в Италии.

1388 Урбан с армией выдвигается на Неаполь, чтобы подавить враждующие фракции. Он получает ранение, и его армия распадается.

1389 Людовик II коронован королем Неаполя антипапой Климентом в Авиньоне.

1397 Ладислав отвоевывает часть территорий, занятых Людовиком.

1399 Ладислав отвоевывает город Неаполь, а Людовик возвращается в Прованс.

- 1408 Ладислав захватывает Рим.
- 1409 Сторонники папы Александра V изгоняют Ладислава из Рима и приглашают Людовика Анжуйского отстаивать свои права на Неаполь.
- 1410 Флот Людовика, направлявшийся в Неаполь, полностью разгромлен генуэзскими союзниками Ладислава.
- 1411 Папа Иоанн XXIII отлучает Ладислава от церкви. Людовик наносит поражение Ладиславу при Роккасекке, но из-за нехватки провианта вынужден вернуться в Прованс.
- 1412 Ладислав заключает мирный договор с Иоанном XXIII.
- 1413 Ладислав вновь захватывает Рим и большую часть папских государств.
- 1414 Смерть Ладислава. Его преемницей становится сестра Иоанна II. Неаполитанская армия покидает Рим, сохранив за собой только замок Святого Ангела.
- 1415 Иоанна выходит замуж за Жака де Бурбона, который отнимает у нее всю власть.
- 1416 Иоанна возвращает себе власть. Муцио Аттендоло Сфорца, ее констебль, заключенный Жаком в тюрьму, освобождается и восстанавливается в своей должности.
- 1417 Сфорца изгоняет Браччо из Рима. Смерть Людовика II. Его сын *Людовик III* наследует престол.
- 1419 Сфорца отвоевывает Сполето у Браччо. Жак де Бурбон возвращается во Францию.
- 1420 Джоанна назначает Альфонсо Арагонским своим наследником. Она просит его защиты от Людовика III, которого папа Мартин призывает захватить трон Неаполя.
- 1422 Альфонсо угрожает признать антипапу, и папа прекращает враждебные действия. Сфорца и Браччо объединяются для защиты Неаполя.
- 1423 Джоанна ссорится с Альфонсо. Она аннулирует усыновление и заменяет его Людовиком Анжуйским. Начинается война с Арагоном. Генуэзцы приходят на помощь Неаполю.
- 1424 г. Генуэзцы захватывают Неаполь для королевы Джоанны. Смерть Муцио Аттендоло Сфорца. Его сын Франческо наследует руководство неаполитанскими войсками. Смерть Браччо.
- 1425 Франческо Сфорца покидает неаполитанцев и поступает на службу к герцогу Милана.
- 1434 Смерть Людовика III. Джоанна усыновляет его брата Рене в качестве своего наследника.
- 1435 Смерть Джоанны. **Рене Анжуйский** становится преемником, но Альфонсо Арагонский и Сицилийский претендует на королевство. Висконти и генуэзцы поддерживают Рене, который находится в плену у герцога Бургундского.

Сицилия (Дом Арагона) (1282-1435 гг. н. э.)

- 1282 После того как Педро III Арагонский (**Педро I** Сицилийский) изгнал Карла Неаполитанского из Сицилии, парламент в Палермо избрал его королем. Папа отлучил его и его народ от церкви.
- 1283 Педро вынужден вернуться в Арагон, который папа передал Карлу Валуа. Он оставляет остров своей жене Констанции и своему великому адмиралу Роджеру де Лаурии, который продолжает войну против Карла и одерживает победу у берегов Мальты.
- 1284 Роджер де Лаурия захватывает сына Карла и отправляет его в Арагон.
- 1285 Смерть Педро. Арагон и Сицилия разделены. Вторым сыном Педро, **Хайме I**, получает Сицилию. Роджер де Лаурия захватывает Галлиполи и Тарент.
- 1287 Роджер де Лаурия уничтожает флот, подготовленный Робертом д'Артуа, регентом Неаполя, для завоевания Сицилии.
- 1289 Осада Гаэты Роджером де Лаурия. Двухлетнее перемирие между Неаполем и Сицилией.
- 1291 Иаков возвращается в Арагон, чтобы наследовать своего брата Альфонсо в качестве короля, оставив своего младшего брата Фредерика регентом в Сицилии. Сицилийцы захватывают часть территории в Калабрии.
- 1292 Роджер де Лаурия наносит поражение неаполитанцам, а затем вторгается в Восточную империю и захватывает Сицилию.
- 1295 г. Хайме Арагонский примиряется с папой; французские притязания на Арагон аннулируются, и Хайме обязуется по договору Аньяни вернуть Сицилию Анжуйцам. Фредерик и Констанца готовятся помешать этому.
- 1296 **Фридрих II** коронован королем Сицилии. Сицилийцы отлучены от церкви и вторгаются в Калабрию.
- 1297 Роджер де Лаурия захватывает Отранто. Затем он покидает сицилийцев и переходит на сторону Хайме Арагонского, который обещает папе вести войну против Фридриха.
- 1298 Роджер де Лаурия поступает на службу к Фридриху.
- 1299 г. Хайме Арагонский осаждает Сиракузы, а герцог Калабрии с некоторым успехом вторгается в Сицилию. Великая победа сицилийцев при Фальконаре.
- 1300 Герцог Калабрии осаждает Мессину. Болезни опустошают его армию, и он вынужден отступить.
- 1302 Заключен мирный договор между Карлом II Неаполитанским и Фридрихом. Последний получает пожизненный титул короля Тринакрии, а Карл — бесспорное право на титул короля Сицилии. Фридрих должен жениться на дочери Карла. Условия договора не выполняются, и Фридрих вновь принимает титул короля Сицилии.
- 1303 Роджер де Лаурия формирует Каталонскую великую компанию из своих сицилийских наемников.
- 1313 Фридрих заключает союз с императором Генрихом VII против папы и Роберта Неаполитанского.

- 1314 Сицилия подвергается нападению Роберта, который соглашается на трехлетнее перемирие.
- 1317 год. Роберт снова нападает на Сицилию и заключает очередное перемирие.
- 1325 год. Роберт в третий раз нападает на Сицилию, но после попытки захватить Палермо вынужден вернуться в Неаполь.
- 1337 Смерть Фридриха. Его преемником становится сын **Педро II**. Королевство погружается в забвение.
- 1338 год. Роберт терпит поражение в четвертом нападении на Сицилию.
- 1339 год. Роберт отнимает у Сицилии Липарские острова.
- 1342 Смерть Педро. Его сын **Луис** наследует престол под регентством брата Педро, Хуана.
- 1354 Никколо Аччаджуоли, великий сенешаль Неаполя, успешно вторгается в Сицилию от имени королевы Джоанны. Он захватывает Палермо и другие территории.
- 1355 Смерть Луиса. Его младший брат **Фридрих III** становится преемником, а также герцогом Афин.
- 1357 Аччаджуоли возвращается в Неаполь.
- 1365 Фридрих возвращает территории, захваченные Аччаджуоли после его смерти.
- 1372 Мирный договор между Неаполем и Сицилией.
- 1376 Смерть Фридриха, преемниками становятся его дочь **Мария** и ее муж **Мартин I**, сын Мартина Арагонского.
- 1386 Нерио Аччаджуоли, губернатор Коринфа, захватывает герцогство Афинское.
- 1402 Смерть Марии; Мартин становится единоличным правителем.
- 1409 Мартин отправляется на Сардинию, чтобы помочь своему отцу подавить восстание. Он умирает. Его отец **Мартин II** становится преемником. Сицилия объединяется с Арагоном, регентом становится вторая жена Мартина I Бланка Наваррская.
- 1410 Смерть Мартина, последнего из своего рода. Престолы Арагона и Сицилии остаются вакантными до
- 1412 года, когда престол наследует **Фердинанд (I) Справедливый**, регент Кастилии.
- 1416 Смерть Фердинанда, преемником которого становится его сын **Альфонсо (I) Великодушный**. Он был человеком с утонченными вкусами и большой щедростью.
- 1432 Альфонсо прибывает в Сицилию с флотом, чтобы отстоять свои права на престол Неаполя. В 1420 году королева Джоанна сделала его своим наследником, но в 1423 году аннулировала усыновление.
- 1435 г. После смерти Джоанны Альфонсо осаждает Гаэту. Морское сражение при Понце. Альфонсо и его брат пленены генуэзскими союзниками Рене. Их отправляют в Милан, где Альфонсо так успешно отстаивает свою позицию, что Филиппо Мария Висконти, опасаящийся французского влияния, отказывается поддерживать Рене, освобождает Альфонсо и признает его преемником Джоанны. Гаэта сдается брату Альфонсо, дону Педро.

ВТОРОЙ СОЮЗ (1435-1458 гг. н. э.)

- 1436 Альфонсо провозглашен королем в Гаэте и других местах.

- 1438 Рене освобождается герцогом Бургундским и прибывает в Неаполь, чтобы отстаивать свои права.
- 1440 Альфонсо, захватив Аверсу, осаждает Неаполь.
- 1442 год. Капитуляция Неаполя перед Альфонсо. Теперь он признан всем королевством. Рене возвращается в Прованс.
- 1443 Альфонсо признан папой Феликсом V. Он пытается отнять у Франческо Сфорцы марку Анкону для папы и вступает в войну с итальянскими государствами. Флоренция и Венеция встают на сторону Сфорцы.
- 1447 Альфонсо претендует на герцогство Милан после смерти Филиппо Мария Висконти.
- 1450 Альфонсо заключает мир с Флоренцией и Венецией.
- 1455 Альфонсо присоединяется к Священной лиге против турок.
- 1457 Альфонсо вступает в войну с Генуей.
- 1458 Смерть Альфонсо. Его внебрачный сын **Фердинанд I** получает Неаполь. Сицилия, Арагон и Сардиния переходят к брату Альфонсо, королю Наварры Хуану.

ВТОРОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

Неаполь — бастардная линия Арагона (1458-1503 гг. н. э.)

- 1459 Жестокость Фердинанда заставляет дворян обратиться за помощью к Джованни, губернатору Генуи и сыну Рене Анжуйского, против короля. Условия Лодского мира не позволяют Франческо Сфорце оказать помощь.
- 1460 г. Поражение Фердинанда на реке Сарно. Папа и Сфорца теперь посылают помощь.
- 1461 Скандербег с армией албанцев приходит на помощь Фердинанду.
- 1462 Фердинанд наносит поражение Джону при Троя и заставляет его отказаться от попытки захватить Неаполь.
- 1470 Фердинанд присоединяется к Священной лиге папы против турок.
- 1478 Фердинанд присоединяется к Сиксту IV в его войне против флорентийцев.
- 1479 Фердинанд заключает мир с Лоренцо де Медичи, что вызывает недовольство папы.
- 1480 Турки захватывают Отранто. Сикст и Фердинанд примиряются.
- 1481 год. Отранто отвоевано у турок общей лигой христианских князей.
- 1485 г. Угнетаемые налогами, неаполитанские дворяне восстают против Фердинанда.
- 1486 Иннокентий VIII встает на сторону неаполитанской знати. Они приглашают Рене II, герцога Лотарингии, внука Рене Анжуйского, с предложением вступить на престол. Рене затягивает с принятием предложения, и возможность упускается. Арагон, Милан и Флоренция поддерживают Фердинанда. Лоренцо де Медичи наконец примиряет знать с Фердинандом, который нарушает свои обещания и жестоко наказывает их.
- 1492 Пьеро де Медичи заключает союз с Фердинандом.

- 1493 Встревоженный этим союзом, Лодовико (Иль Моро) Сфорца приглашает Карла VIII Французского вторгнуться в Неаполь в интересах Анжуйской династии.
- 1494 Смерть Фердинанда, когда он готовится сопротивляться французскому вторжению. Его преемником становится сын **Альфонсо II**. Карл вступает в Италию. Неаполитанский флот терпит поражение у Генуи.
- 1495 Альфонсо отрекается от престола в пользу своего сына **Фердинанда II** и уходит в монастырь. Карл входит в Неаполь; Фердинанд бежит. Лодовико теперь встревожен продвижением Карла и образует против него союз. Карл оставляет Неаполь под управлением наместника и спешно возвращается во Францию. Фердинанд возвращается в Неаполь. Большая часть его королевства возвращается к его верности.
- 1496 Вице-король умирает, и французский гарнизон покидает Неаполь. Венеция захватывает Бриндизи и Отранто за долги. Смерть Фердинанда, его преемником становится его дядя **Фридрих II**.
- 1501 Людовик XII Французский и Фердинанд Испанский и Сицилийский заключают Гранадский договор о завоевании Неаполя и его разделе между собой. Завоевание легко осуществляется герцогом Немурским и Гонсалво де Кордова. Фридрих сдаёт свои права французскому королю и получает герцогство Анжуйское.
- 1502 Франция и Испания начинают спорить о разделе Неаполя.
- 1503 Фердинанд присоединяет Неаполь к королевству Сицилия.

Сицилия — королевская династия Арагона (1458-1503 гг. н.э.)

- 1458 **Хуан Арагонский**, до этого известный как король Наварры, получает Сицилию «за Фаросом» в качестве части своих владений после смерти своего брата Альфонсо. Отныне ею правят наместники.
- 1479 Смерть Хуана, преемником которого становится его сын **Фердинанд Католик**.
- 1501 Договор в Гранаде и завоевание Неаполя Фердинандом и Людовиком XII.
- 1502 Спор между Францией и Испанией по поводу раздела Неаполя. Папа и Чезаре Борджиа встают на сторону Франции.
- 1503 Гонсалво де Кордова одерживает несколько побед над французами и, наконец, наносит им полное поражение при Моле. Королевства Сицилия «по эту сторону Фароса» (Неаполь) и Сицилия «за Фаросом» объединяются под властью Фердинанда, и король становится известен как **Фердинанд III**.

ТРЕТЬЯ УНИЯ

Королевская династия Испании (1503-1516 гг. н.э.)

- 1504 Мир между Францией и Испанией. Людовик отказывается от всех притязаний на Неаполь.

Австро-испанская династия (1516-1700 гг. н.э.)

- 1516 Смерть Фердинанда. Его преемником становится его внук **Карл IV** (V Германии). В следующем году подавляется восстание в Сицилии. Сицилия используется как отправная точка для африканских войн.
- 1554 Карл дарует своему сыну Филиппу титул короля Неаполя после его брака с Марией Английской.
- 1556 г. Отречение Карла V. **Филипп I** (II Испанский) получает Две Сицилии в состав своих владений. Королевство становится просто испанской провинцией. Папа Павел IV желает изгнать испанцев из Неаполя и для этой цели заключает союз с Генрихом II Французским (). Франциск, герцог Гизский, внук Рене II Лотаринского, планирует получить корону Неаполя.
- 1557 Герцог Гизский наступает на Неаполь и осаждает Чивителлу. Герцог Альвский, наместник Филиппа, наносит ему поражение, и он отступает на север. Генрих II отзывает его во Францию.
- 1565 г. Инквизиция действует во всей полной силе на всех владениях Филиппа. В Неаполе быстро распространяются реформаторские взгляды.
- 1598 Смерть Филиппа, преемником которого становится его сын **Филипп II** (III Испанский). Национальные ассамблеи упраздняются.
- 1618 Оссун, наместник Неаполя, вступает в сговор с губернатором Милана и испанским послом в Венеции, чтобы захватить трон Обеих Сицилий и уничтожить Венецию. Венецианский Совет Десяти срывает заговор.
- 1621 Смерть Филиппа, преемником которого становится его сын **Филипп III** (IV Испанский). Население обременяется тяжелыми налогами.
- 1647 Восстание Масаниелло в Неаполе из-за налога на фрукты. Герцог Аркос, вице-король, изгнан в замок Св. Эльмо. Восстание в Палермо. Герцог Аркос заключает соглашение с народом. Убийство Масаниелло. Восстание утихает, но вскоре вспыхивает снова. Дон Джон Австрийский отправляется для поддержания порядка, но вынужден отступить. Народный лидер Дженнаро Аннезе приглашает герцога Гизского, который с готовностью откликается. Но он игнорирует Аннезе, и тот предаёт Неаполь дону Джону. Гизский отправляется в Испанию в качестве пленника. Аннезе казнен.
- 1665 Смерть Филиппа, преемником становится его молодой сын **Карл V** (II Испанский) под регентством своей матери Марии Анны Австрийской.
- 1672 Восстание в Мессине против угнетения испанского губернатора. Он изгнан из города.
- 1674 Жители Мессины обращаются к Людовику XIV (против которого Испания выступила в войне с Голландией) и провозглашают его королем Сицилии. Людовик отправляет флот в Сицилию. Его войска занимают Мессину.
- 1676 Французские военно-морские победы над голландскими союзниками Испании у Стромболи, Катании и Палермо.
- 1678 Голландская война завершилась Нимвегенским миром. Людовик выводит свои войска из Сицилии. Сицилийцы теперь подвергаются еще большему угнетению, чем когда-либо.
- 1693 г. Великое землетрясение на Сицилии. Мессина, Катания и Сиракузы почти полностью разрушены в результате сильного извержения вулкана Этна.
- 1694 г. Сильное землетрясение в Неаполе.

1700 Смерть Карла. Конец австро-испанской династии. Обе Сицилии признают **Филиппа IV** (V Испанский), внука Людовика XIV.

От конца австро-испанской династии до Утрехтского мира (1700-1713 гг. н. э.)

1701 Император Леопольд заявляет права на Обе Сицилии для эрцгерцога Карла. Начинается война за испанское наследство.

1702 Филипп прибывает в Неаполь и движется на север.

1706 После битвы при Турине французы изгнаны из Италии, и **Карл VI** провозглашен королем Обеих Сицилий.

1708 Папа Климент XI инвестирует Карла королевством Обеих Сицилий.

ТРЕТЬЕ РАЗДЕЛЕНИЕ (1713-1720 гг. н. э.)

1713 Утрехтский мир. Карл VI (ныне император Карл VI) получает владения Сицилии по эту сторону Фароса (Неаполь) вместе с Миланом и Сардинией. Остров Сицилия передается **Виктору Амадею** Савойскому с титулом короля.

1717 Филипп V отнимает Сардинию у австрийцев.

1718 год. Филипп вторгается в Сицилию. Виктор Амадей присоединяется к нему, надеясь получить Ломбардию. Образование Четверного союза против Филиппа.

1719 год. Филипп изгнан из Сицилии союзниками и ведет переговоры о мире.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОЮЗ (1720-1806 гг. н. э.)

1720 Филипп принимает условия союза. Виктор Амадей вынужден обменять Сицилию на Сардинию. Карл VI вновь становится королем Обеих Сицилий, которые входят в состав Германской империи.

1733 Начинается война за польское наследство. Филипп V вступает в союз с Францией и Сардинией, чтобы изгнать австрийцев из Италии. Сын Филиппа, дон Карлос, герцог Пармский и наследник Тосканы, должен получить Обе Сицилии.

Бурбоны (1734-1806 гг. н. э.)

1734 Дон Карлос входит в Неаполь и провозглашается королем. На помощь ему прибывает армия из Испании. Поражение австрийцев при Битонто и захват Гаэты доном Карлосом.

1735 Дон Карлос переправляется в Италию. Остров сдается ему, и он коронуется как **Карл VII**.

1738 Война заканчивается подписанием Венского договора. Карл VII признается королем Обеих Сицилий и отказывается от своих притязаний на Тоскану и Парму.

1740 Карл присоединяется к альянсу против Марии Терезии в борьбе за австрийское наследство.

- 1743-1748 Две Сицилии вынуждены сохранять нейтралитет в войне за австрийское наследство из-за присутствия британского флота.
- 1759 Карл наследует испанский трон и передает Обеи Сицилии своему малолетнему сыну **Фердинанду IV**.
- 1767 Иезуиты изгнаны из королевства.
- 1782 г. Инквизиция упраздняется.
- 1796 Фердинанд заключает мирный договор с Французской Республикой.
- 1798 Французская армия вторгается на территорию Неаполя.
- 1799 Капитуляция Неаполя. Фердинанд бежит на Сицилию. Французы образуют в Неаполе Партенопейскую республику. Появляется английский флот под командованием Нельсона и помогает калабрийской армии под командованием кардинала Руффо отвоевать Неаполь и восстановить власть Фердинанда. Руффо жестоко мстит республиканцам.
- 1805 Император Наполеон заключает договор о нейтралитете с Фердинандом. Ужасное землетрясение в Неаполе.

ЧЕТВЕРТОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Королевство Неаполь (1806-1815 гг. н.э.)

- 1806 Наполеон заставляет Фердинанда бежать и делает своего брата **Жозефа Бонапарта** королем Неаполя. Он проводит много реформ и начинает подавлять бандитов, которые при Бурбонах захватили королевство. Фердинанд остается правителем Сицилии. Французы терпят поражение от англичан при Майде. Королева Сицилии Каролина организует восстание в Калабрии.
- 1808 год. Жозеф Бонапарт переходит на испанский трон, а **Иоахим Мюрат** становится королем Неаполя. Он называет себя королем **Иоахимом Наполеоном**. Он отбирает Капри у англичан.
- 1810 Мурат пытается вторгнуться в Сицилию, но ему мешают англичане.
- 1811 Партизанская война против бандитов заканчивается их почти полным истреблением. Это делает Мюрата непопулярным.
- 1813 год. Мюрат обижается на Наполеона во время русской кампании и возвращается в Неаполь.
- 1814 Мюрат заключает союз с Австрией и захватывает княжество Беневенто.
- 1815 год. Мурат заявляет о своем намерении восстановить единство Италии. Австрийцы выступают против него, и он терпит полное поражение при Толентино и бежит во Францию. После Ватерлоо он отправляется на Корсику и пытается вернуть Неаполь, но попадает в плен в Калабрии и казнен.

Королевство Сицилия (1806-1815 гг. н.э.)

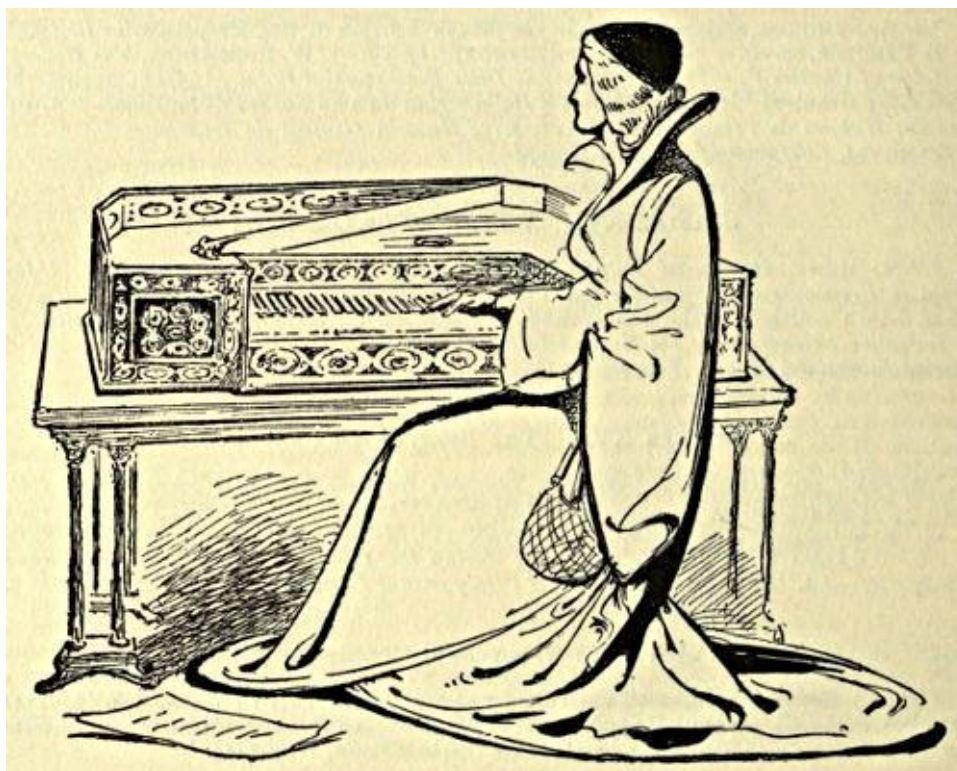
- 1806-1815 Фердинанд продолжает править в Сицилии.

ПЯТОЙ СОЮЗ

Династия Бурбонов (1815-1860 гг. н. э.)

- 1815 Фердинанд восстанавливается на троне Обеих Сицилий Венским конгрессом. Теперь он называет себя **Фердинандом I Обеих Сицилий** и возвращается к своему тираническому правлению.
- 1819 Общество карбонариев становится влиятельным. К нему присоединяется генерал Пепе.
- 1820 Внезапное восстание карбонариев под предводительством Пепе. Фердинанд вынужден предоставить новую конституцию.
- 1821 На конференции в Лайбахе великие державы принимают решение подавить революционное движение в Неаполе. Австрийская армия вторглась в королевство; Пепе потерпел поражение, а конституционное правительство было свергнуто.
- 1825 Смерть Фердинанда, преемником становится его сын **Франциск I**.
- 1828 Подавлено восстание карбонариев.
- 1830 Смерть Франциска. Его преемником становится сын **Фердинанд II, «король Бомба»**.
- 1840 Урегулирование спора с Англией по поводу торговли серой.
- 1844 Казнь Бандьера в Калабрии.
- 1848 Начинаются революционные выступления в Палермо. Фердинанд предоставляет своим подданным конституционное правительство. Насильственные выступления в Неаполе. Национальная гвардия почти полностью уничтожена королевскими войсками и *лаццарони*. Конституция отменена. Неаполитанская армия под командованием генерала Пепе выдвигается на помощь Карлу Альберту. Фердинанд бомбардирует Мессину, чтобы заставить народ подчиниться, и получает прозвище «король Бомба».
- 1849 Французский и английский послы пытаются выступить посредниками между Фердинандом и народом Сицилии; последний отвергает предложенные условия. Палермо сдается. Фердинанд посылает армию на помощь Пию IX, но она терпит тяжелое поражение от Гарибальди при Палестрине и Веллетри. Либеральные лидеры арестованы в Неаполе.
- 1850 Либеральные лидеры приговорены к пожизненному заключению.
- 1855 Союзные державы — Англия, Франция и Сардиния — тщетно протестуют против Фердинанда из-за его неэффективного управления.
- 1856 Англия и Франция отзывают своих послов из Обеих Сицилий. Милан пытается убить короля.
- 1858 г. Политическим преступникам дарована амнистия.
- 1859 Смерть Фердинанда II, преемником становится его сын **Франциск II**. Возобновление дипломатических отношений.
- 1860 Иностранные послы обращаются к Франции с просьбой о реформах. В Палермо, Мессине и Катании начинается революционное движение. Гарибальди прибывает в Марсалу с пятью тысячами добровольцев из Генуи и принимает титул «диктатора».

Сицилии». Он захватывает Палермо и наносит поражение королевским войскам в Милаццо. Вся Сицилия, за исключением Мессины, сдается ему. Франциск обещает провести реформы. В Неаполе объявлено военное положение. Гарибальди отказывается подчиниться приказу Виктора Эммануила прекратить наступление. Он входит в Мессину, и неаполитанцы соглашаются на эвакуацию. Франциск восстанавливает конституцию 1848 года. Граф Трани провозглашается королем армией. Гарибальди переправляется в Италию и наносит поражение королевской армии в Реджо и Сан-Джованни. Франциск бежит в Гаэту, а Гарибальди входит в Неаполь, берет на себя диктатуру и проводит реформы. Он наносит поражение роялистам на Волтурно. Виктор Эммануил входит в Абруцци. Королевство голосует за присоединение к Пьемонту. Обе Сицилии присоединяются к Королевству Италия.

ИТАЛИЯ ДО 1797 ГОДА.

BORMAY & CO.

назад